

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:

теория и практика

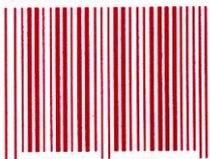
2024

№ 8(236)

- *Шитова Т.В.* Система государственного публичного управления: вопросы теории и практики
- *Червонюк В.И., Досакаев А.Б.* Идея парламентского контроля и ее легитимация современной конституционной практикой
- *Шастина А.Р., Приходько Т.В.* О недостатках избрания главы муниципального образования прямым голосованием в современных реалиях
- *Брыкин К.И.* Налогово-правовые особенности осуществления деятельности на территориях с преференциальными правовыми режимами
- *Конохов М.В.* Обязательная доля в наследстве: проблемы правового регулирования
- *Летягина Е.А.* Электронная форма сделки: теоретические и практические аспекты
- *Иванов П.И.* Оперативно-розыскная наука в условиях цифровой трансформации
- *Ткаченко А.В.* Россия: правовое или социальное государство. Вопросы соотношения
- Другие материалы

ISSN 1815-1337

9 771815 133771

ПРАВО И ГОСУДАРСТВО:
теория и практика. (18+) 2024. № 8(236)
Федеральный научный юридический
ежемесячный журнал

LAW AND STATE:
the theory and practice. (18+) 2024. № 8(236)
Federal scientific juridical
monthly journal

Учредитель: А.И. Бобылев

Издатель: Издательство «Право и государство пресс»

Главный редактор: С.В. Алексеев –
доктор юридических наук, профессор (Москва)

Ответственный редактор: С.В. Зубкова

Редакционный совет:

С.В. Алексеев – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.М. Ашмарина – д.ю.н., профессор (Москва)
Б.Б. Бидова – д.ю.н., доцент (Грозный),
С.А. Боголюбов – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.Ю. Грачёва – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Духно – д.ю.н., профессор (Москва),
В.Н. Жуков – д.ю.н., д.ф.н., профессор (Москва),
А.И. Землин – д.ю.н., профессор (Москва),
С.А. Комаров – д.ю.н., профессор (Санкт-Петербург),
В.М. Корякин – д.ю.н., профессор (Москва),
П.В. Крашенинников – д.ю.н., профессор (Екатеринбург),
Н.В. Кроткова – к.ю.н. (Москва),
А.В. Малько – д.ю.н., профессор (Саратов),
И.М. Мацкевич – д.ю.н., профессор (Москва),
Т.А. Полякова – д.ю.н., профессор (Москва),
Е.А. Фролова – д.ю.н. (Москва)
В.В. Чубаров – д.ю.н. (Москва)

Редакционная коллегия:

И.В. Ершова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.Г. Жаворонкова – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.М. Золотухина – д.ю.н., профессор (Москва),
П.А. Калинин – д.ю.н., профессор (Москва),
В.В. Комарова – д.ю.н., профессор (Москва),
М.А. Лапина – д.ю.н., профессор (Москва),
М.М. Милованова – к.ю.н., доцент (Москва),
В.М. Редкоус – д.ю.н., профессор (Москва),
Н.А. Соколова – д.ю.н., доцент (Москва),
Р.Ф. Степаненко – д.ю.н., профессор (Казань),
О.А. Шевченко – д.ю.н., доцент (Москва)

Constitutor: A.I. Bobylev

Publisher: Publishing house «Law and state press»

Chief editor: S.V. Alekseev –
Doctor of Law, Professor (Moscow)

The editor-in-chief: S.V. Zubkova

Editorial council:

S.V. Alekseev – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.M. Ashmarina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
B.B. Bidova – Doctor of Law, Associate Professor (Grozny),
S.A. Bogolyubov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.Yu. Gracheva – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Dukhno – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.N. Zhukov – Doctor of Law, Professor (Moscow),
A.I. Zemlin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
S.A. Komarov – Doctor of Law, Professor (Saint Petersburg),
V.M. Koryakin – Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.V. Krasheninnikov – Doctor of Law, Professor (Yekaterinburg),
N.V. Krotkova – Associate Professor (Moscow),
A.V. Malko – Doctor of Law, Professor (Saratov),
I.M. Matskevich – Doctor of Law, Professor (Moscow),
T.A. Polyakova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
E.A. Frolova – Doctor of Law (Moscow)
V.V. Chubarov – Doctor of Law (Moscow)

Editorial board:

I.V. Ershova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.G. Zhavoronkova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.M. Zolotuhina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
P.A. Kalinichenko – Doctor of Law, Professor (Moscow),
V.V. Komarova – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.A. Lapina – Doctor of Law, Professor (Moscow),
M.M. Milovanova – Candidate of Law, Associate Professor (Moscow),
V.M. Redkous – Doctor of Law, Professor (Moscow),
N.A. Sokolova – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow),
R.F. Stepanenko – Doctor of Law, Professor (Kazan),
O.A. Shevchenko – Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)

Зарегистрирован в Министерстве Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций. Регистрационный номер ПИ № 77-17836.

Почтовый адрес редакции:

140050, Московская область, Люберецкий район, п. Красково, ул. К. Маркса, 81-119.

E-mail: prigos@mail.ru; www.prigospress.ucoz.ru.

Тел./факс: 8-498-602-92-34; 8-926-653-70-20

**Журнал включён Высшей аттестационной комиссией (ВАК) при Минобрнауки РФ
в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций
на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
(5.1.1; 5.1.2; 5.1.3; 5.1.4)**

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), CrossRef (DOI).

При подписке данные о журнале можно найти в Каталоге «Периодических изданий. Газеты и журналы».
Подписка 2024. Второе полугодие. Наш индекс 11193.

За достоверность и точность данных, приведённых в статье,
ответственность несут авторы статей и других материалов.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с мнением авторов статей.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Издательство «Право и государство пресс», 2024

СОДЕРЖАНИЕ 2024 № 8(236)

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Фастович Г.Г.</i> Меры противодействию коррупции в Российской Федерации как один из критериев эффективности государственного механизма.....	6
<i>Семеновых А.Е.</i> Правовая охрана и правовая защита: функциональный аспект.....	8
<i>Слинченко О.А.</i> Философско-методологические взгляды ранних славянофилов в трудах М.Ф. Таубе, как общетеоретическая основа к самобытному правопониманию.....	11
<i>Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д.</i> Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г.: историко-правовой анализ.....	15
<i>Звягин Д.Г.</i> Становление и развитие государственно-правового регулирования цифровой трансформации института экспертизы проектной документации.....	18
<i>Пузиков Р.В., Клемешев Ю.Г.</i> Проблемы формирования и осуществления частноправовой политики в сфере цифровизации современной России: стереотипы и правовая догматика.....	23
<i>Галузо В.Н.</i> О несовершенстве законодательства о нотариате в Российской Федерации.....	28
<i>Дашин А.В., Проненкова А.А.</i> БРИКС в многополярной системе международных отношений.....	32
<i>Фастович Г.Г.</i> Агротехнологии в агропромышленном комплексе Российской Федерации.....	35
<i>Исаева Л.А., Минигалеев И.Х.</i> История формирования механизма уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности.....	38
<i>Мазитов Ш.А.</i> Правосознание и правовая реальность: общетеоретические аспекты.....	42
<i>Шитова Т.В.</i> Эффективность правосудия в системе разделения ветвей власти современной России.....	45
<i>Асеев И.И.</i> О влиянии терроризма на национальную безопасность России.....	48
<i>Чимаров С.Ю., Маркова О.С.</i> Теоретико-правовая парадигма интернета вещей (IoT) в условиях информационного общества XXI века.....	52
<i>Меликовский А.А.</i> Право как средство социального контроля в учении Роско Паунда.....	55
<i>Чеснокова Ю.В., Фомин Н.А.</i> Становление и развитие законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность в России IX – начало XXI вв.....	58
<i>Машля А.В.</i> Национальная безопасность: анализ проблем.....	62
<i>Дашин А.В., Чернышов И.И.</i> Особенности правового регулирования предпринимательских отношений в России в условиях санкционного режима.....	66
<i>Сорокин Ю.Ю., Скобелева К.А.</i> Формально-содержательные аспекты юридической силы документа.....	69
<i>Байкеева Е.Б., Симорот С.Ю.</i> Правовой статус детства в средневековой России.....	74
<i>Марзакулов Т.Э.</i> Механизм обеспечения национальной безопасности.....	78
<i>Перевышин Н.В.</i> Сетевая природа мягкого права.....	82
<i>Селезнева А.Х., Иксанов Р.А.</i> Злоупотребление правом на обращение.....	86
<i>Бредихин А.Л., Фомичев С.М.</i> Взгляды ученого В.С. Петрова о типах и формах государства.....	90
<i>Байкеева С.Е., Удальцов А.А.</i> Формирование системы профессиональной подготовки сотрудников милиции в первые годы Советской власти.....	92
<i>Химич Т.М.</i> Проект «Государственной уставной грамоты Российской империи» в контексте развития конституционализма первой четверти XIX века.....	95
<i>Шитова Т.В.</i> Система государственного публичного управления: вопросы теории и практики.....	98
<i>Сабирова Л.Л., Амирова Р.Р., Гарифуллин А.Р.</i> Социальные права и свободы личности: история формирования и современное состояние.....	101

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Бакаев И.А.</i> Неравноценность сделки как признак её недействительности.....	105
<i>Зайцев И.А.</i> Принципы административной ответственности: философские, исторические и теоретико-правовые аспекты.....	107
<i>Назарова И.С., Назаров Д.И., Кайнов В.И.</i> Принципы организационно-правовой работы в органах внутренних дел в чрезвычайных ситуациях.....	111
<i>Брыкин К.И.</i> Налогово-правовые особенности осуществления деятельности на территориях с преференциальными правовыми режимами.....	116
<i>Червонок В.И., Досакаев А.Б.</i> Идея парламентского контроля и ее легитимация современной конституционной практикой.....	119
<i>Аверутин Р.Ю., Ваганов А.Э., Стульнова Т.В.</i> Об использовании в процессе обучения специализированных учебных аудиторий и полигонов при проведении интерактивных практических занятий как условие выполнения задач профессионального обучения и профессионального образования в ведомственных образовательных организациях.....	123
<i>Варгасов В.К.</i> Административная юрисдикция в противодействии экстремизму.....	127
<i>Шастина А.Р., Приходько Т.В.</i> О недостатках избрания главы муниципального образования прямым голосованием в современных реалиях.....	131
<i>Мухлынина М.М.</i> Обеспечение экологического правопорядка в рамках реализации государственной политики на особо охраняемых природных территориях.....	134
<i>Раттур М.В.</i> Эволюция социальных доминант в области общественного признания несовершеннолетних в контексте общероссийской идентичности.....	138
<i>Ивлева Ю.И.</i> Общественный контроль в сфере экологии для защиты суверенитета Российской Федерации.....	143
<i>Данилевская-Урбанова И.Л.</i> Конституционное оформление и теоретико-правовые аспекты республиканского суверенитета в 20-е годы (на примере РСФСР).....	146
<i>Сидоров С.А., Марков А.М.</i> Деятельность иностранных или международных неправительственных организаций как угроза суверенитету и территориальной целостности государства.....	149
<i>Самойлов Т.В.</i> Конституционные гарантии защиты детей в конституционных поправках 2020 г.....	154
<i>Дирксен Т.В.</i> Рассмотрение правовых мер предупреждения уклонения от уплаты налогов через призму принципа добросовестности налогового администрирования.....	158
<i>Данилевская-Урбанова И.Л., Раттур М.В.</i> Историко-правовые аспекты российских традиций народного суверенитета.....	161
<i>Дженакова Е.В.</i> Принцип добросовестности распространения информации.....	165
<i>Винокуров В.А., Кузнецов М.С.</i> Спасатель в современном российском законодательстве: правовое положение.....	169
<i>Демидо Е.В.</i> Реализация прокурором полномочий по согласованию внеплановых контрольно-надзорных мероприятий.....	174
<i>Звонарева А.Ю.</i> Проблемные вопросы оптимизации документационной нагрузки в органах внутренних дел Российской Федерации.....	178
<i>Зокоев В.А., Иванов К.М., Нестеренко А.Г., Шевцова В.М.</i> Правовое регулирование мероприятий по защите населения на водных объектах в Республике Коми.....	182
<i>Коротовских А.А.</i> История развития научных представлений о социальных правах и свободах человека и гражданина.....	186
<i>Редкоус В.М.</i> Основные направления административной реформы в Республике Узбекистан.....	190
<i>Назарова И.С., Кайнов В.И.</i> Зарубежный опыт профессиональной подготовки специальных подразделений полиции к действиям в чрезвычайных ситуациях.....	194
<i>Казанин И.Н.</i> Налоговая система и налоговая ответственность как фактор повышения инвестиционной привлекательности страны.....	198
<i>Ковалев А.А.</i> Правовая сущность деятельности прокуратуры по предупреждению правонарушений.....	202
<i>Короткина А.С.</i> О нормативном правовом регулировании прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за счет средств бюджетов всех уровней.....	205

<i>Миташова А.А., Иваненко И.Н., Вильгаук В.Ю.</i> О примирении сторон в административном судопроизводстве.....	208
<i>Морозов С.А.</i> Система гарантий обеспечения прав и свобод контролируемых лиц при реализации административных контрольно-надзорных процедур.....	213
<i>Елфимова Е.В., Свалова Н.А.</i> Об опыте профориентационной деятельности и перспективах обучения лиц профессии юриста.....	217
<i>Сотникова Е.И.</i> Составы административных правонарушений за неисполнение обязанностей по содержанию (опеке), воспитанию, обучению и защите прав и законных интересов несовершеннолетних.....	220
<i>Редкоус В.М., Полякова Т.А.</i> К вопросу о правовом регулировании услуг информационного общества (опыт Республики Молдова).....	224

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Попова В.В.</i> Особенности реализации имущества, находящегося в оперативном управлении учреждений и органов УИС.....	228
<i>Паничкин В.Б.</i> Судьба прижизненных обеспечительных мер при наследовании.....	230
<i>Мартынов А.А.</i> Подходы к определению права государственной собственности в России.....	237
<i>Бобров П.С.</i> Процессуальная специфика действий судов, а также лиц, участвующих в деле при рассмотрении гражданских и корпоративных споров арбитражными судами.....	240
<i>Болотаева О.С.</i> Биометрические персональные данные как средства индивидуализации физического лица.....	245
<i>Боровченкова В.О.</i> Реализация работодателем власти: количественная гибкость.....	248
<i>Летягина Е.А.</i> Электронная форма сделки: теоретические и практические аспекты.....	251
<i>Буранчик С.Н.</i> Обеспечение доказательств посредством судебного поручения.....	254
<i>Иванциш П.З., Киселев Н.С.</i> О компенсационной природе отношений по принудительному выкупу миноритарных акций.....	257
<i>Санина Л.В., Белоусов В.Н.</i> Программа для ЭВМ как объект интеллектуальной собственности.....	261
<i>Конопляникова Т.В.</i> Особенности наследования земельных участков.....	264
<i>Конохов М.В.</i> Обязательная доля в наследстве: проблемы правового регулирования.....	267
<i>Баттахов П.П.</i> Особенности правового регулирования некоторых видов экономической деятельности в Арктике.....	271
<i>Овчинникова Ю.С.</i> Функции субъектов правоотношений в сфере государственного оборонного заказа.....	275
<i>Конохов М.В.</i> Крайне неблагоприятное положение как основание для признания брачного договора недействительным.....	279
<i>Гартина Ю.А., Букур М.С.</i> Правовое регулирование криптовалюты, как объекта гражданских правоотношений.....	283
<i>Ухинова А.А.</i> Реализация принципа состязательности при рассмотрении судами трудовых споров с участием прокурора.....	286
<i>Заварзин А.К.</i> Основания признания незаконным процессуального правопреемства в деле о банкротстве.....	291
<i>Мартынов А.А.</i> Защита права государственной собственности в СНГ.....	294
<i>Параскевова С.А., Мустафин Р.Ф.</i> Опционный контракт как механизм государственно-частного партнерства.....	297
<i>Снытников Н.В.</i> Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение.....	300
<i>Фуштей Э.Р.</i> Имущественные интересы в частном праве Республики Беларусь.....	305
<i>Паничкин В.Б.</i> Обеспечительные меры, неразрывно связанные с наследованием.....	308

<i>Паикова Д.А.</i> Механизм статей 248.1 и 248.2 АПК РФ как способ защиты российской стороны при рассмотрении арбитражных споров в условиях санкционных ограничений.....	314
<i>Сафронов В.В., Чурбакова И.Д.</i> Общая характеристика института ипотеки (залога недвижимости).....	317

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Иванов П.И.</i> Оперативно-розыскная наука в условиях цифровой трансформации.....	322
<i>Ланца В.Л.</i> Субъект обоснованного риска как проблема науки уголовного права.....	326
<i>Аверин И.Ю., Введенский А.Ю.</i> Некоторые вопросы доказательственного значения результатов ОРД.....	329
<i>Гусев А.С., Охотина А.О.</i> О целесообразности введения системы профилактики правонарушений среди лиц, содержащихся в исправительных центрах ФСИН России.....	333
<i>Осинов Д.Д.</i> К вопросу об организационных основах раскрытия преступлений на современном этапе.....	336
<i>Васяев А.А.</i> Об оценке судами вышестоящих инстанций процессуального порядка и результатов эксперимента, проведенного в ходе судебного следствия.....	339
<i>Асеев В.Е.</i> Судебно-экономические экспертизы: некоторые проблемы назначения в контексте уголовно-процессуальных отношений.....	345
<i>Нагорный В.А.</i> К вопросу о взаимосвязи постановления прокурора, предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 37 УПК РФ, с актами уголовного преследования.....	347
<i>Звягин В.А.</i> Наказания, связанные с привлечением осужденных к труду, по уголовному законодательству Федеративной Республики Бразилия.....	351
<i>Санина Л.В., Коломинов В.В.</i> Особенности расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта.....	355
<i>Бессонов В.А., Аверин И.Ю.</i> Противодействие незаконной миграции.....	360
<i>Ефимова М.П.</i> Криминологические особенности насильственных посягательств, совершаемых в семье.....	363
<i>Марченко А.В., Марченко В.В.</i> Особенности правового положения осужденных женщин, отбывающих лишение свободы.....	366
<i>Зиньков Е.Н., Голубцова К.И.</i> Особенности обеспечения законности при конвоировании осужденных.....	369
<i>Иванов П.И.</i> О доходах, приобретенных от совершения преступлений коррупционной направленности.....	372
<i>Гусев А.С., Коржова Е.А.</i> Отдельные проблемные аспекты в формулировке обязанностей подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО.....	376
<i>Исакова К.А.</i> Некоторые аспекты об оперативно-розыском сопровождении уголовных дел в отношении лидеров и активных участников экстремистской организации, основанной на криминальной идеологии.....	379
<i>Сысоева Т.В., Сысоев А.В.</i> Общие вопросы уголовной ответственности за убийство по действующему уголовному законодательству.....	382
<i>Кабанов П.А., Харламов В.С.</i> Криминальные катализаторы антиправительственных кампаний за рубежом.....	384
<i>Харченко О.В.</i> О проблемах реализации мер нормативно-правового регулирования в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, в условиях цифровизации.....	388
<i>Яковлев М.М., Сидоров Т.А.</i> Расследование вымогательства, связанного с профессиональной деятельностью.....	392
<i>Ткаченко А.В.</i> Россия: правовое или социальное государство: вопросы соотношения.....	396
<i>Иванов П.И.</i> Основные предпосылки построения современной системы противодействия киберпреступности.....	399
<i>Курмаева Н.А., Малышкин П.В., Шабаетов В.В.</i> Пределы процессуальных прав и специфика процессуальных полномочий адвоката-защитника на стадии предварительного расследования.....	406
<i>Сафронов А.Д.</i> Геноцид – форма массового объективного вменения виictimности.....	411

ЮБИЛЕИ

Юбилей Василия Олеговича Миронова.....	423
--	-----

CONTENTS 2024 № 8(236)

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Fastovich G.G.</i> Anti-corruption measures in the Russian Federation as one of the criteria for the effectiveness of the state mechanism.....6
<i>Semenov A.E.</i> Legal protection and legal protection: a functional aspect.....8
<i>Slinchenko O.A.</i> Philosophical and methodological views of the early Slavophiles in the works of M.F. Taube, as a general theoretical basis for an original legal understanding..11
<i>Bredikhin A.L., Baykeeva S.E., Protzenko E.D.</i> Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the destruction of estates and civil ranks" dated November 11 (24), 1917: historical and legal analysis.....15
<i>Zvyagin D.G.</i> Formation and development of state legal regulation of digital transformation o f the Institute of expertise of project documentation.....18
<i>Puzikov R.V., Klemeshev Yu.G.</i> Problems of formation and implementation of private law policy in the field of digitalization of modern Russia: stereotypes and legal dogmatics.....23
<i>Galuzo V.N.</i> On the imperfection of legislation on notaries in the Russian Federation 28
<i>Dashin A.V., Pronenkova A.A.</i> BRICS in the multipolar system of international relations.....32
<i>Fastovich G.G.</i> Agrotechnologies in the agro-industrial complex of the Russian Federation 35
<i>Isaeva L.A., Minigaleev I.H.</i> The history of the formation of the mechanism of criminal law counteraction to extremist activity.....38
<i>Mazitov S.A.</i> Legal awareness and legal reality: general theoretical aspects.....42
<i>Shitova T.V.</i> The effectiveness of justice in the system of separation of branches of government in modern Russia.....45
<i>Aseev I.I.</i> On the impact of terrorism on Russia's national security.....48
<i>Chimarov S.Yu., Markova O.S.</i> The theoretical and legal paradigm of the Internet of Things (IoT) in the information society of the XXI century.....52
<i>Melikov A.A.</i> Law as a means of social control in the teachings of Roscoe Pound.....55
<i>Chesnokova Yu.V., Fomin N.A.</i> Formation and development of legislation regulating entrepreneurial activity in Russia IX – early XXI centuries.....58
<i>Mailyan A.V.</i> National security: problem analysis.....62
<i>Dashin A.V., Chernyshov I.I.</i> Features of legal regulation of business relations in Russia under the conditions of the sanctions regime.....66
<i>Sorokin Yu.Yu., Skobeleva K.A.</i> Formal and substantive aspects of the legal force of the document.....69
<i>Baksheeva E.B., Simorot S.Yu.</i> The legal status of childhood in medieval Russia.....74
<i>Marzakulov T.E.</i> The mechanism of ensuring national security.....78
<i>Perevyshin N.V.</i> The network nature of soft law.....82
<i>Selezneva A.H., Iksanov R.A.</i> Abuse of the right to appeal.....86
<i>Bredikhin A.L., Fomichev S.M.</i> The views of the scientist V.S. Petrov on the types and forms of the state.....90
<i>Baykeeva S.E., Udaltsov A.A.</i> Formation of a system of professional training of police officers in the early years of Soviet power.....92
<i>Himich T.M.</i> The draft "State Charter of the Russian Empire" in the context of the development of constitutionalism in the first quarter of the XIX century.....95

<i>Shitova T.V.</i> The system of state public administration: issues of theory and practice.....98
<i>Sabirova L.L., Amirova R.R., Garifullin A.R.</i> Social rights and freedoms of the individual: the history of formation and the current state.....101
PUBLIC LAW (PUBLIC LAW) SCIENCES
<i>Bakaev I.A.</i> Unequal value of a transaction as a sign of its invalidity.....105
<i>Zaitsev I.A.</i> Principles of administrative responsibility: philosophical, historical and theoretical-legal aspects.....107
<i>Nazarova I.S., Nazarov D.I., Kainov V.I.</i> Principles of organizational and legal work in law enforcement agencies in emergency situations.....111
<i>Brykin K.I.</i> Tax and legal peculiarities of carrying out activities in territories with preferential legal regimes.....116
<i>Chervonyuk V.I., Dosakaev A.B.</i> The idea of parliamentary control and its legitimization by modern constitutional practice.....119
<i>Avrutin R.Yu., Vaganov A.E., Stulnova T.V.</i> On the use of specialized classrooms and polygons in the learning process during interactive practical classes as a condition for fulfilling the tasks of vocational training and vocational education in departmental educational organizations.....123
<i>Vargasov V.K.</i> Administrative jurisdiction in countering extremism.....127
<i>Shastina A.R., Prikhodko T.V.</i> On the disadvantages of electing the head of the municipality direct voting in modern realities.....131
<i>Mukhlynina M.M.</i> Ensuring environmental law and order in the framework of the implementation of state policy in specially protected natural areas.....134
<i>Rattur M.V.</i> Evolution of social dominants in the field of public care of minors in the context of national identity.....138
<i>Ivleva Yu.I.</i> Public control in the field of ecology to protect the sovereignty of the Russian Federation.....143
<i>Danilevskaya-Urbanova I.L.</i> Constitutional design and theoretical and legal aspects of Republican sovereignty in the 20s (on the example of the RSFSR).....146
<i>Sidorov S.A., Markov A.M.</i> The activities of foreign or international non-governmental organizations as a threat to the sovereignty and territorial integrity of the State.....149
<i>Samoilov T.V.</i> Constitutional guarantees of child protection in the constitutional amendments of 2020.....154
<i>Dirksen T.V.</i> Consideration of legal measures to prevent tax evasion through the prism of the principle of good faith in tax administration.....158
<i>Danilevskaya-Urbanova I.L., Rattur M.V.</i> Historical and legal aspects of the Russian traditions of national sovereignty.....161
<i>Jenakova E.V.</i> The principle of good faith in the dissemination of information.....165
<i>Vinokurov V.A., Kuznetsov M.S.</i> The rescuer in modern Russian legislation: the legal situation.....169
<i>Demido E.V.</i> The prosecutor's exercise of authority to coordinate unscheduled control and supervisory activities.....174
<i>Zvonareva A.Yu.</i> Problematic issues of optimizing the documentation load in the internal affairs bodies of the Russian Federation.....178
<i>Zooev V.A., Ivanov K.M., Nesterenko A.G., Shevtsova V.M.</i> Legal regulation of measures to protect the population on water bodies in the Komi Republic.....182
<i>Korotovskikh A.A.</i> The history of the development of scientific ideas about the social rights and freedoms of man and citizen.....186
<i>Redkous V.M.</i> The main directions of administrative reform in the Republic of Uzbekistan 190
<i>Nazarova I.S., Kainov V.I.</i> Foreign experience in the professional training of special police units to act in emergency situations.....194

<i>Kazanin I.N.</i> Tax system and tax liability as a factor of increasing the investment attractiveness of the country.....	198
<i>Kovalev A.A.</i> The legal essence of the Prosecutor's office on the prevention of offenses.....	202
<i>Korotkina A.S.</i> On the normative legal regulation of rights to the results of intellectual activity created at the expense of budgets of all levels.....	205
<i>Mitashova A.A., Ivanenko I.N., Vilgauk V.Yu.</i> On reconciliation of the parties in administrative proceedings.....	208
<i>Morozov S.A.</i> The system of guarantees for ensuring the rights and freedoms of controlled persons in the implementation of administrative control and supervisory procedures.....	213
<i>Elfimova E.V., Svalova N.A.</i> About the experience of career guidance and the prospects of training lyceum students in the legal profession.....	217
<i>Sotnikova E.I.</i> The composition of administrative offenses for non-fulfillment of duties on maintenance (custody), upbringing, education and protection of the rights and legitimate interests of minors.....	220
<i>Redkous V.M., Polyakova T.A.</i> On the issue of legal regulation of information society services (experience of the Republic of Moldova).....	224
PRIVATE LAW (CIVIL LAW) SCIENCES	
<i>Popova V.V.</i> Features of the sale of property under the operational management of institutions and bodies of the criminal justice system.....	228
<i>Panichkin V.B.</i> The fate of lifetime security measures in inheritance.....	230
<i>Martynov A.A.</i> Approaches to the definition of state property rights in Russia	237
<i>Bobrov P.S.</i> Procedural specifics of the actions of courts, as well as persons involved in the case when considering civil and corporate disputes by arbitration courts	240
<i>Bolotaeva O.S.</i> Biometric personal data as a means of individualization of an individual.....	245
<i>Borovchenkova V.O.</i> Implementation of employer power: quantitative flexibility.....	248
<i>Letyagina E.A.</i> Electronic form of the transaction: theoretical and practical aspects.....	251
<i>Buranichik S.N.</i> Providing evidence through a court order.....	254
<i>Ivanishin P.Z., Kiselyov N.S.</i> On the compensatory nature of the relationship for the compulsory purchase of minority shares.....	257
<i>Sanina L.V., Belousov V.N.</i> Computer software as an object of intellectual property.....	261
<i>Konoplyannikova T.V.</i> Features of inheritance of land plots.....	264
<i>Konokhov M.V.</i> Compulsory share in inheritance: problems of legal regulation.....	267
<i>Battakhov P.P.</i> Peculiarities of legal regulation of some types of economic activity in the Arctic.....	271
<i>Ovchinnikova Yu.S.</i> Functions of subjects of legal relations in the field of state defense order.....	275
<i>Konokhov M.V.</i> Extremely unfavorable situation as a basis for invalidation of a marriage contract.....	279
<i>Gartina Yu.A., Bukur M.S.</i> Legal regulation of cryptocurrency as an object of civil relations.....	283
<i>Ukhinova A.A.</i> Implementation of the principle of competitiveness in the consideration of labor disputes by courts with the participation of the prosecutor.....	286
<i>Zavarzin A.K.</i> Grounds for recognizing the procedural succession in the bankruptcy case as illegal.....	291
<i>Martynov A.A.</i> Protection of state property rights in the CIS.....	294
<i>Paraskevova S.A., Mustafin R.F.</i> Option contract as a mechanism of public-private partnership	297
<i>Snymikova N.V.</i> Conscientious behavior and abuse of law in business and corporate legal relations: nature and law enforcement.....	300

<i>Fushtey E.R.</i> Property interests in the private law of the Republic of Belarus.....	305
<i>Panichkin V.B.</i> Interim measures inextricably linked to inheritance.....	308
<i>Pashkova D.A.</i> The mechanism of Articles 248.1 and 248.2 of the APC of the Russian Federation as a way to protect the Russian side when considering arbitration disputes under sanctions restrictions.....	314
<i>Safronov V.V., Churbakova I.D.</i> General characteristics of the institute of mortgage (real estate collateral).....	317
CRIMINAL LAW SCIENCES	
<i>Ivanov P.I.</i> Operational investigative science in the context of digital transformation.....	322
<i>Lapsha V.L.</i> The subject of reasonable risk as a problem of the science of criminal law.....	326
<i>Averin I.Yu., Vvedensky A.Yu.</i> Some questions of the evidentiary value of the results of the ORD.....	329
<i>Gusev A.S., Okhotina A.O.</i> On the expediency of introducing a crime prevention system among persons held in correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia.....	333
<i>Osipov D.D.</i> On the issue of organizational foundations solving crimes at the present stage.....	336
<i>Vasyaev A.A.</i> On the assessment by the courts of higher instances of the procedural order and the results of the experiment conducted during the judicial investigation....	339
<i>Aseev V.E.</i> Forensic economic expertise: some assignment issues in the context of criminal procedural relations.....	345
<i>Nagorny V.A.</i> On the issue of the relationship of the prosecutor's decision Provided for in paragraph 2 of part 2 of Article 37 of the Code of Criminal Procedure with acts of criminal prosecution	347
<i>Zvyagin V.A.</i> Punishments related to the involvement of convicts in labor, under the criminal law of the Federal Republic of Brazil.....	351
<i>Sanina L.V., Kolominov V.V.</i> Features of fraud investigation committed with the help of artificial intelligence...355	
<i>Bessonov V.A., Averin I.Yu.</i> Countering illegal migration.....	360
<i>Efimova M.P.</i> Criminological features of violent assaults committed in the family.....	363
<i>Marchenko A.V., Marchenko V.V.</i> Features of the legal status of convicted women serving imprisonment.....	366
<i>Zinkov E.N., Golubtsova K.I.</i> Features of ensuring the rule of law during the escort of convicts.....	369
<i>Ivanov P.I.</i> About the income acquired from the commission of corruption-related crimes...372	
<i>Gusev A.S., Korzhova E.A.</i> Some problematic aspects in the formulation of the duties of suspects and accused held in pre-trial detention.....	376
<i>Isakova K.A.</i> Some aspects of the operational investigative support of criminal cases against leaders and active participants of an extremist organization based on criminal ideology.....	379
<i>Sysoeva T.V., Sysoev A.V.</i> General issues of criminal liability for murder under current criminal law.....	382
<i>Kabanov P.A., Kharlamov V.S.</i> Criminogenic catalysts of anti-government campaigns abroad.....	384
<i>Kharchenko O.V.</i> On the problems of implementing regulatory measures in the field of countering the legalization of proceeds from crime in the context of digitalization.....	388
<i>Yakovlev M.M., Sidorov T.A.</i> Investigation of extortion related to professional activities.....	392
<i>Tkachenko A.V.</i> Russia: the legal or social state: issues of correlation.....	396
<i>Ivanov P.I.</i> The main prerequisites for building a modern cybercrime counteraction system...399	
<i>Kurmaveva N.A., Malyshkin P.V., Shabaev V.V.</i> Limits of procedural rights and specifics of procedural powers of a defense lawyer at the stage of preliminary investigation.....	406
<i>Safronov A.D.</i> Genocide is a form of mass objective imputation of victimhood.....	411
ANNIVERSARIES	
Anniversary of Vasily Olegovich Mironov.....	423

МЕРЫ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ КОРРУПЦИИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ОДИН ИЗ КРИТЕРИЕВ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО МЕХАНИЗМА ANTI-CORRUPTION MEASURES IN THE RUSSIAN FEDERATION AS ONE OF THE CRITERIA FOR THE EFFECTIVENESS OF THE STATE MECHANISM

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,

старший преподаватель, Юридический институт
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru;

FASTOVICH Galina G.,

Senior Lecturer, Law Institute Krasnoyarsk State Agrarian University.
Mira ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: Fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, посвященные проведению антикоррупционной экспертизе нормативно-правовых актов. Авторы исследования приходят к выводу, что одним из ключевых направлений в повышении эффективности государственного управления России является проведение экспертиз, которые будут противодействовать коррупционным проявлениям.

Abstract: The article discusses issues related to the anti-corruption expertise of regulatory legal acts. The authors of the study conclude that one of the key directions in improving the efficiency of public administration in Russia is to conduct examinations that will counteract corruption manifestations.

Ключевые слова: государственное управление, коррупция, государственный механизм, антикоррупционная экспертиза, эффективность, органы государственной власти, эффективность.

Keywords: public administration, corruption, state mechanism, anti-corruption expertise, efficiency, public authorities, efficiency.

Для цитирования: Фастович Г.Г. Меры по противодействию коррупции в Российской Федерации как один из критериев эффективности государственного механизма // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 6-7. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_6.

For citation: Fastovich G.G. Anti-corruption measures in the Russian Federation as one of the criteria for the effectiveness of the state mechanism // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 6-7. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_6.

Статья поступила в редакцию: 02.08.2024

Деятельность по выявлению и раскрытию фактов проявлений коррупции в нормативных правовых актах путем осуществления эффективной антикоррупционной экспертизы – является одним из эффективных способов борьбы с коррупционными проявлениями в современной России, включающий в себя комплекс методов и правил. Предотвращение коррупции как системного явления осуществляется именно данным видом деятельности, которая приводит к устранению коррупционных ситуаций и коррупциогенных факторов. Кроме этого, антикоррупционная экспертиза имеет огромное значение для развития теории правотворчества, что способствует выявлению коллизий в праве.

Одним из направлений противодействия коррупции, предусмотренное действующим законодательством, является осуществление антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и их проектов органов государственной власти.

Антикоррупционной экспертизой признается деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий. Данная правовая деятельность устанавливает следующие цели: предупреждение коррупции, в том числе выявление и последующее устранение причин коррупции (профилактика коррупции); выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); минимизация и ликвидация последствий коррупционных правонарушений.

В специальной литературе отмечается, что существующие различия между видами экспертиз заменяются рядом общих позиций, вытекающих из систематизации задач и целей, нормативном регулировании, источниках возникновения и их функционирования. Экспертизы, выявляющие коррупциогенность, представляют собой уже существующий класс судебных экспертиз, которые путем осуществления методов и правил исследует обоснованности издания нормативных актов. Вне зависимости от уровня расположения органов государственной власти будь то федеральный, региональный или муниципальный уровни, методика проведения антикоррупционной экспертизы остается неизменной.

Положения актов органов государственной власти, устанавливающие для правоприменителя возможность необоснованного применения исключений из общих правил, являются коррупциогенными факторами. Данные нормативные акты содержат в себе трудновыполнимые, неопределенные требования к организациям и гражданам, тем самым создающие условия для процветания и проявления коррупции.

Как представляется, главными принципами организации антикоррупционной экспертизы правовых актов, а также проектов выступают:

1. Обязательность проведения антикоррупционной экспертизы проектов нормативных правовых актов. Рассматривая данный принцип подробнее, стоит отметить, что неотъемлемой частью правотворческой деятельности каждого органа государственной власти является мониторинг применения правовых актов, которые уже вступили в законную силу. Проводить мониторинг правоприменительной практики не реже одного раза в квартал обязаны такие структуры, как органы местного самоуправления, различного рода организации, наделенные отдельными публичными полномочиями.

2. Оценка нормативного правового акта во взаимосвязи с другими нормативными правовыми актами. Раскрывая второй указанный принцип необходимо отметить, что нормативный правовой акт является частью данной системы и его антикоррупционная оценка будет возможна только при осуществлении многостороннего анализа всех существующих правовых норм. Очень важно при обнаружении коррупциогенных факторов в соответствующих нормативных правовых актах предложить эксперту принять эффективные меры по их ликвидации с учетом

отраслевых (смежных) нормативных положений.

3. Обоснованность, объективность и проверяемость результатов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Следует понимать, что обоснованность выводов, проводимой экспертизы заключается в мотивированности тех выводов, которые содержатся в экспертном заключении. Понятность логики рассуждений эксперта выступает одним из главных критериев объективности и обоснованности. Необходимость в возможности проведения сравнительных анализов выводов вот, что является основным направлением проверяемости результатов.

4. Компетентность лиц, проводящих антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов) [4]. Данный принцип раскрывает следующее: тот, кто способен понять возможность использования определенных особенностей нормативных формул является специалистом в данном виде деятельности. Эксперт должен обладать профессиональными знаниями и навыками, способствующими выявлению положений в нормативных правовых актах об условиях коррупции, так как важнейшим составляющим элементом антикоррупционной экспертизы служит уровень знаний эксперта.

5. Сотрудничество федеральных органов исполнительной власти, иных государственных органов и организаций, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также их должностных лиц с институтами гражданского общества при проведении антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов (проектов нормативных правовых актов). Именно профилактика является составляющей противодействия коррупции, вследствие внутриведомственной антикоррупционной экспертизы нормативных актов, проводимая органами государственной власти и местного самоуправления.

6. Диалог государства и гражданского общества. Как отмечает И.В. Тепляшин [2], публичность и открытость деятельности государственных органов и органов местного самоуправления «тесно связан с реализацией мер, направленных на информационную открытость деятельности органов власти, и предполагает участие в их деятельности гражданского общества посредством осуществления механизмов общественной экспертизы». Антикоррупционная экспертиза, исходя из смысла действующего законодательства, может носить комплексный характер в том случае, если указанные органы и лица при ее осуществлении не будут взаимодействовать друг с другом. Олицетворение механизма обеспечения законности будет обеспечено и отмечено на страницах юридической печати вследствие сочетания институтов публичной власти и гражданского общества [3,5]. Реальным механизмом противодействия коррупции является участие в независимой антикоррупционной экспертизе граждан и института гражданского общества [6,9].

7. Размещение проектов правовых актов органами государственной власти и органами местного самоуправления в сети Интернет осуществляется для обеспечения возможности проведения независимой антикоррупционной экспертизы. Составление заключения аккредитованными экспертами является одним из критериев выявления коррупциогенных факторов в нормативных правовых актах [7].

Социально-правовые роли, юридические статусы всех субъектов права определяются с помощью нормативных правовых актов, издаваемых органами государственной власти. Питательной почвой для коррупции служит отступление от данных правовых предписаний. Возникающие недостатки современного законодательства, способствующие совершению коррупционных действий или принятию коррупционных решений в процессе реализации нормативных правовых актов, приводят к осуществлению коррупционных мероприятий. Ведь как справедливо отмечает П.В. Тепляшин «трансформация именно «традиционных» форм и методов воздействия демонстрирует общие сдвиги и тренды в антикоррупционной политике» [8].

Библиография:

1. Трашкова С.М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С.М. Трашкова // Казанская наука. 2015. № 5. С. 125-127.
2. Тепляшин И.В. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации // Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: мат-лы круглого стола междунар. науч.-практ. конф. «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 21-22 сентября 2017 г.) / Под ред. А.А. Кондрашева, О.В. Ронжиной, А.Б. Зенкиной; Краснояр. гос. аграр. ун-т. Красноярск, 2017. С. 46-48.
3. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. К вопросу об эффективности единой системы публичной власти // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 4 (18). С. 76-88.
4. Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // Логистика – евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. – С. 269-272.
5. Рябченко О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-1. С. 143-145.
6. Фастович Г.Г., Жикулина А.С., Рахвалова Н.А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 199-202.
7. Фастович Г.Г. К вопросу о применении современных технологий в логистических системах // Аграрное и земельное право. 2019. № 5 (173). С. 13-16.
8. Тепляшин П.В. Наказания и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к осужденным за коррупционные преступления: отечественный и зарубежные тренды // Актуальные вопросы противодействия коррупции в сфере образования: сборник научных статей по материалам IV Сибирского антикоррупционного форума / отв. ред. И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2019. С. 215.
9. Землякова Е.В., Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // В сборнике: Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 121-123.

References:

1. Trashkova S.M. International legal regulation as a guarantee of the realization of the legal status of juvenile suspects accused in criminal proceedings / S.M. Trashkova // Kazanskaya nauka. 2015. No. 5. pp. 125-127.
2. Teplyashin I.V. Participation of civil society institutions in the implementation of state policy in the Arctic zone of the Russian Federation // Problems of constitutional and legal regulation of the status of the Arctic territories of the Russian Federation: materials of the international round table. scientific and practical conference "Yenisei Political and Legal readings" (Krasnoyarsk, September 21-22, 2017) / edited by A.A. Kondrashev, O.V. Ronzhina, A.B. Zenkina; Krasnoyarsk State Agrarian University. un-t. – Krasnoyarsk, 2017. – pp. 46-48.
3. Fastovich G.G., Shitova T.V. On the issue of the effectiveness of the unified system of public authority // Socio-economic and Humanitarian journal. 2020. No. 4(18). p. 76-88
4. Fastovich G.G. On the issue of the application of information technologies in logistics systems // Logistics – Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. – pp. 269-272.
5. Ryabchenko O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. pp. 143-145.
6. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal regulation of relations in the field of personal data processing // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. Pp. 199-202.
7. Fastovich G.G. On the issue of the application of modern technologies in logistics systems // Agrarian and land law. 2019. No. 5 (173). pp. 13-16.
8. Teplyashin P.V. Punishments and other measures of a criminal legal nature applied to those convicted of corruption crimes: domestic and foreign trends // Topical issues of combating corruption in the field of education: a collection of scientific articles based on the materials of the IV Siberian Anti-Corruption Forum / ed. by I.A. Damm, E.A. Akunchenko. Krasnoyarsk: Siberian Federal University, 2019. p. 215.
9. Zemlyakova E.V., Fastovich G.G. On the issue of the application of information technologies in logistics systems // In the collection: Logistics - the Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 121-123.

ПРАВОВАЯ ОХРАНА И ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ Legal protection and legal defense: functional aspect

СЕМЕНОВЫХ Анастасия Евгеньевна,

преподаватель кафедры теории государства и права имени С.С. Алексеева
ФГБОУ ВО «Уральский государственный юридический университет имени В.Ф. Яковлева».
Комсомольская ул., 21, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620137, Россия.
E-mail: semenovyuh.a.e.04.11@gmail.com;

SEMENOVYKH Anastasia Evgenievna,

Lecturer, Department of Theory of State and Law named after S.S. Alekseev,
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Ural State Law University named after V.F. Yakovlev".
Komsomolskaya str., 21, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620137, Russia.
E-mail: semenovyuh.a.e.04.11@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматривается соотношение понятий и правовых явлений «правовая охрана» и «правовая защита» с точки зрения функционального подхода. Описывается структура охранительной функции права в контексте правовой охраны и правовой защиты. Произведена дифференциация функций правовой охраны и правовой защиты на подфункции (функции второго порядка): профилактическую, превентивную, контрольно-надзорную, конфликтную, восстановительную и карательную.

Abstract: The article considers the relationship between the concepts and legal phenomena of "legal protection" and "legal defense" from the point of view of the functional approach. The structure of the protective function of law in the context of legal protection and legal defense is described. The functions of legal protection and legal defense are differentiated into subfunctions (second-order functions): prophylactic, preventive, control and supervisory, conflict, restorative and punitive.

Ключевые слова: правовая охрана, правовая защита, охранительная функция права, правовое воздействие, охранительное воздействие, профилактическая функция, превентивная функция, контрольно-надзорная функция, конфликтная функция, восстановительная функция, карательная функция.

Keywords: legal protection, legal protection, protective function of law, legal impact, protective impact, preventive function, preventive function, control and supervisory function, conflict function, restorative function, punitive function.

Для цитирования: Семеновых А.Е. Правовая охрана и правовая защита: функциональный аспект // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 8-10. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_8.

For citation: Semenovykh A.E. Legal protection and legal defense: functional aspect // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 8-10. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_8.

Статья поступила в редакцию: 19.08.2024

Объектом настоящего исследования являются правовая охрана и правовая защита как понятия и социально-правовые явления. В настоящее время вопрос соотношения правовой охраны и правовой защиты остается дискуссионным, отсутствует единая позиция по поводу того, являются ли эти понятия тождественными или их стоит разграничить по каким-либо основаниям. В данной статье проведен функциональный анализ правовой охраны и правовой защиты, из которого следует, что данные понятия не являются тождественными, так как реализуют разные направления правового воздействия в рамках охранительной функции права. Полученные результаты применимы для дальнейших теоретических разработок относительно правовой охраны и правовой защиты, а в дальнейшем и для унификации применения понятий «охрана» и «защита» в законодательной и правоприменительной практике.

Одной из существенных характеристик права является обеспеченность государством, реализуемая посредством государственного принуждения. Составными частями государственного принуждения являются правовая охрана и правовая защита. Охрана и защита обеспечивают действие права. Действие права — это его информационное, ценностно-мотивационное и непосредственно регулирующее воздействие на общественные отношения в пределах определенного пространства, времени и круга лиц [10, с. 413]. Посредством действия права функционируют отдельные конкретные нормы и вся система в целом. Действие права подчеркивает как динамическую, так и статическую сторону права. Именно действие права обеспечивает переход абстрактных моделей поведения и абстрактных ценностей в конкретную юридическую практику. Действие права реализуется как через регулятивные, так и через охранительные модели. Таким образом, действие права происходит в рамках его основных специально-юридических функций, регулятивной и охранительной. Функция целого есть взаимодействие его частей. Таким образом, охранительная функция права реализуется посредством воздействия и взаимодействия правовой охраны и правовой защиты между собой и с другими правовыми элементами. Части реализуют свои функции, связанные со средой, целое в своем функционировании направлено на само целое, на целостность частей, их согласованность, системность. Поэтому право в целом направлено на само себя, и только в своих элементах оно выполняет социальные задачи. Право приходит в действие элементарно [9, с. 177], с помощью его составных частей, их функций и правовых средств. То есть, право действует через его регулятивную и охранительную функции, в свою очередь охрана и защита являются направлениями воздействия охранительной функции права, а конкретные правовые средства охраны и защиты являются инструментами реализации права. Соответственно, охрана и защита обеспечивают действие права.

Перейдем непосредственно к анализу охранительной функции права. Совершенно очевидно, что праву присущи, не только регулятивные, но и иные, самостоятельные охранительные задачи, где оно выступает в качестве инструмента охраны общественных отношений. Исходя из функционального назначения, и правовую охрану и правовую защиту следует отнести к охранительной функции права. Часто в охранительной

функции выделяют подфункции или, как их еще называют «функции второго порядка» [18, с. 77-83]. Исходя из нашей гипотезы, данные функции необходимо разграничить между правовой охраной и правовой защитой соответственно. Критерием такого разграничения будет являться момент совершения правонарушения, объективно-противоправного деяния или злоупотребления правом.

Существуют следующие исследовательские позиции относительно данного вопроса. И. Ф. Казьмин, например, различает пять охранительных подфункций (профилактическую, контрольную, конфликтную, восстановительную, карательную) [4]. В. Д. Филимонов, рассматривая охранительную функцию уголовного права выделяет два вида данной функции предупредительную и восстановительную [16. С. 154]. Таким образом, разграничены два основных направления охранительного правового воздействия, соответствующие правовой охране и правовой защите. Интересен факт того, что некоторые авторы (А. И. Коробеев)[13] определяя дефиницию понятия «Уголовное право» дают ее в двух следующих интерпретациях: «1) как системы норм, определяющих принципы и основания уголовной ответственности; 2) как системы норм, регулирующих отношения, возникающие в результате совершения общественно опасных деяний, в целях охраны личности, общества и государства от преступности» [6, с. 230]. Исходя из данных дефиниций, мы видим, что в первом случае речь идет о охранительной функции уголовного права, предупреждающей нарушение закона самим фактом установления уголовно-правового запрета, а во втором случае о защитной функции, которая действует в результате совершения общественно-опасного деяния, в целях восстановления нарушенного права. А.А. Редько, рассматривая понятия «правоохранительная политика» и «правозащитная политика» [12, с. 7], признает, что такие правовые явления как охрана и защита права, неразрывно связаны, но не тождественны, так как охрана статична и осуществляется постоянно, а основная функция защиты в восстановлении нарушенного права.

По мнению автора, с точки зрения функционального назначения в правовой охране и правовой защите следует выделить следующие функции: профилактическая функция, контрольно-надзорная функция, превентивная функция, конфликтная функция, восстановительная функция, карательная функция. Таким образом, данные направления охранительного правового воздействия являются подфункциями или функциями второго порядка, которые соотносятся с направлением воздействия правовой охраны и правовой защиты. К правовой охране следует отнести профилактическую (проведение уполномоченными субъектами мероприятий по правовому просвещению, повышению уровня правовой культуры и иных профилактических мер), контрольно-надзорную (реализация уполномоченными субъектами мероприятий по проверке соблюдения правовых норм поднадзорными и подконтрольными объектами, и субъектами) и превентивную (реализация уполномоченными субъектами мер по предупреждению и пресечению правонарушений) функции.

Проанализируем каждую подфункцию. Относительно профилактической подфункции, еще Чезаре Беккариа писал, что «лучше предупреждать преступления, чем карать за них» [2, с. 230], и с данным положением бесспорно следует согласиться. По утверждению К.М. Хутова в настоящее время происходит «формирование профилактического права, как самостоятельной отрасли права» [17, с.876]. Возможно, в текущей ситуации стоит рассуждать только о формировании комплексной отрасли законодательства, учитывая принятием Федерального закона от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»¹. Что касается системы права, то данная ситуация представляется как раз развитием и дифференциацией охранительной функции права на подфункции. Таким образом, профилактическая функция правовой охраны – это направление охранительного правового воздействия, в рамках которого уполномоченными субъектами реализуется комплекс мер по повышению правосознания и правовой культуры общества. Здесь следует разграничить профилактическую и превентивную функции правовой охраны. Основанием для разграничения здесь являются средства реализации данной функции. В превентивной функции они исключительно правовые, в профилактике могут использоваться средства неправового свойства, направленные на предотвращение правонарушений в глобальном общесоциальном смысле. Контрольно-надзорная функция правовой охраны – направление охранительного правового воздействия, реализуемое уполномоченными субъектами с помощью правовых средств по проверке соблюдения правовых норм поднадзорными и подконтрольными объектами, и субъектами. Ярким примером реализации контрольно-надзорной функции в правовой системе России является деятельность органов Прокуратуры Российской Федерации. Надзор – это единственная функция прокуратуры, все остальные выступают лишь ее формами осуществления [3, с. 45]. Существенное место в прокурорской деятельности занимает надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, так как органы прокуратуры являются гарантом реального соблюдения прав, свобод и законных интересов различных субъектов, поскольку выступают наиболее эффективным правозащитным органом в силу своей централизованности, наличия особых правовых средств воздействия [5, с. 154].

К правовой защите следует отнести конфликтную (разрешение юридических споров), восстановительную (реализация мер защиты, например, взыскание алиментов, задолженности по заработной плате, возмещение вреда) и карательную (применение юридической ответственности и иных мер принудительного характера) функции. Конфликт – это такое объективное явление социальной жизни, возникающий в силу складывающейся противоположности интересов участников социального пространства, их несовпадения, по причине стремления к обладанию одними и теми же социальными (материальными) благами [14, с. 60]. Цель данной функции правовой защиты – справедливое решение правового спора, которое проходит в особом процедурно-процессуальном порядке. С конфликтной функцией правовой защиты неразрывно связана восстановительная функция, целью которой является восстановление социальной справедливости, приведение правоотношений в нормальное состояние, компенсация причиненного дефектом реализации права вреда. Задачами восстановительной функции правовой защиты являются поиски таких способов и средств, с помощью которых возможно восстановить нарушенные права и социальную справедливость. Вредоносные

---

¹ Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации от 23.06.2016 N 182-ФЗ» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (часть I) ст. 3851

последствия правонарушения могут носить самый разнообразный характер: имущественный, правовой, психологический, моральный, организационный, также страдают законность и правопорядок [7, с. 131]. Восстановительная функция правовой защиты направлена на устранение вредных последствий правонарушения, которые могут носить не только юридический характер. Карательная функция правовой защиты проявляется прежде всего в осуждении и порицании [15, с. 12] субъекта, совершившего правонарушение, применении к нему специальных мер ответственности. Но, карательное воздействие права нужно рассматривать через призму других охранительных подфункций — предупредительной и правовосстановительной. То есть, с одной стороны, кара — это всегда часть процесса восстановления нарушенного права, порядка, существовавшего до совершения соответствующего правонарушения, а с другой — необходимый элемент предупредительного воздействия [8, с. 197].

Исходя из вышесказанного, правовая охрана и правовая защита являются направлениями воздействия охранительной функции права. Дифференциация функций права на основные (регулятивную и охранительную) [1, с. 12; 11, с. 27] и выделение внутри основных более узконаправленных подфункций (функций второго порядка) демонстрирует разнообразие права и его возможное применение при решении конкретных задач. Соответственно, данные разнообразные задачи решаются внутри правовой охраны с помощью профилактической, превентивной и контрольно-надзорной функций, внутри правовой защиты с помощью конфликтной, восстановительной и карательной функций. Основным же является охранительное направление правового воздействия.

Библиография:

1. Байтин М.И. О принципах и функциях права: новые моменты // Правоведение.2000. № 3. С. 12;
2. Беккария, Ч.О. преступлениях и наказаниях. Перевод с итальянского / Сост.: Юмашев М.Ю.; 5-е изд., испр. и увелич. — М.: Стелс, 1995. — 304 с. С. 230.
3. Даев В. Г., Маршунов М. Н. Основы теории прокурорского надзора. Л.: Издво ЛГУ,1990. С. 45-46.
4. Казьмин И.Ф. Общие проблемы права в условиях научно-технического прогресса. М., 1986. С. 192.
5. Каинов, А. С. функции прокуратуры / А. С. Каинов // Власть Закона. — 2016. — № 3(27). — С. 150-159. — EDN XIRBVT. С. 154.
6. Козаченко, И. Я. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов / И. Я. Козаченко, Г. П. Новоселов. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва : Издательство Юрайт, 2021. — 430 с. — (Высшее образование). — ISBN 978-5-534-14537-3. — Текст : электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://www.urait.ru/bcode/477879> (дата обращения: 23.08.2021).
7. Липинский, Д. А. Карательная и восстановительная функции гражданско-правовой ответственности: взгляд представителей науки теории государства и права / Д. А. Липинский, С. А. Комаров // Государство и право. — 2018. — № 9. — С. 129-132. — DOI 10.31857/S013207690001523-7. — EDN YLSQUX. С. 131.
8. Макарова, Н. А. К вопросу о подфункциях охранительной функции права / Н. А. Макарова // Вестник Самарского государственного университета. — 2013. — № 2(103). — С. 194-199. — EDN PZYITX. С. 197.
9. Малахов, В. П. Системность как свойство права / В. П. Малахов // Вестник Московского университета МВД России. — 2023. — № 6. — С. 176-180. — DOI 10.24412/2073-0454-2023-6-176-180. — EDN PRYJZN. С. 177
10. Проблемы общей теории права и государства : учебник / Институт государства и права РАН ; под общ. ред. В. С. Нерсесянца. — 2-е изд., пересмотр. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2023. — 816 с. - ISBN 978-5-91768-116-0. - Текст : электронный. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1991039> (дата обращения: 19.08.2024). — Режим доступа: по подписке. С/ 413
11. Радько Т.Н. Основные функции социалистического права. Волгоград, 1970. С. 27.
12. Редько А. А. Правозащитная политика и ее место в правовой политике России: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2011.
13. Российское уголовное право: курс лекций / под ред. А. И. Коробеева. Т. 1: Преступление. Владивосток, 1999.
14. Трофимов, В. В. Ограничения в праве как отражение конфликтной стороны социальных отношений: к началу теории проблемы / В. В. Трофимов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. — 2019. — № 3(47). — С. 57-65. — DOI 10.36511/2078-5356-2019-3-57-65. — EDN RYFNED. С. 60
15. Трофимова М.П. Функции юридической ответственности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2000. С. 12.
16. Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. М.: Юридический центр, 2003. 250 с.
17. Хутов, К. М. функции профилактического права / К. М. Хутов // Государство и право в XXI веке : Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, 26–27 ноября 2020 года / Редакция: Т.Н. Михалева (гл. ред.) [и др.]. — Минск: Белорусский государственный университет, 2021. — С. 874-877. — EDN CIGGDV.
18. Юшков, А. В. Охранительные правоотношения: аксиологический аспект / А. В. Юшков // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. — 2013. — № 2(29). — С. 79-83. — EDN RLNXCD.

References:

1. Bajtin M.I. O principah i funkcijah prava: novye momenty // Pravovedenie.2000. № 3. S. 12;
2. Bekkariya, Ch.O. prestupleniyah i nakazaniyah. Perevod s ital'yanskogo / Sost.: Yumashev M.YU.; 5-e izd., ispr. i uvelich. — M.: Stels, 1995. — 304 c. S. 230.
3. Daev V. G., Marshunov M. N. Osnovy teorii prokurorskogo nadzora. L.: Izdvo LGU,1990. S. 45-46.
4. Kaz'min I.F. Obshchie problemy prava v usloviyah nauchno-tehnicheskogo progressa. M., 1986. S.192.
5. Kainov, A. S. funkcii prokuratury / A. S. Kainov // Vlast' Zakona. — 2016. — № 3(27). — S. 150-159. — EDN XIRBVT. S. 154.
6. Kozachenko, I. YA. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' : uchebnik dlya vuzov / I. YA. Kozachenko, G. P. Novoselov. — 6-e izd., pererab. i dop. — Moskva : Izdatel'stvo YUrajt, 2021. — 430 s. — (Vysshee obrazovanie). — ISBN 978-5-534-14537-3. — Tekst : elektronnyj // Obrazovatel'naya platforma YUrajt [sajt]. — URL: <https://www.urait.ru/bcode/477879> (data obrashcheniya: 23.08.2021).
7. Lipinskij, D. A. Karatel'naya i vosstanovitel'naya funkcii grazhdansko-pravovoj otvetstvennosti: vzglyad predstavitelej nauki teorii gosudarstva i prava / D. A. Lipinskij, S. A. Komarov // Gosudarstvo i pravo. — 2018. — № 9. — S. 129-132. — DOI 10.31857/S013207690001523-7. — EDN YLSQUX. S. 131.
8. Makarova, N. A. K voprosu o podfunkcijah ohranitel'noj funkcii prava / N. A. Makarova // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2013. — № 2(103). — S. 194-199. — EDN PZYITX. S. 197.
9. Malahov, V. P. Sistemnost' kak svojstvo prava / V. P. Malahov // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. — 2023. — № 6. — S. 176-180. — DOI 10.24412/2073-0454-2023-6-176-180. — EDN PRYJZN. S. 177
10. Problemy obshchej teorii prava i gosudarstva : uchebnik / Institut gosudarstva i prava RAN ; pod obshch. red. V. S. Nersesyanca. — 2-e izd., peresmotr. — Moskva : Norma : INFRA-M, 2023. — 816 s. - ISBN 978-5-91768-116-0. - Tekst : elektronnyj. - URL: <https://znanium.ru/catalog/product/1991039> (data obrashcheniya: 19.08.2024). — Rezhim dostupa: po podpiske. С/ 413
11. Rad'ko T.N. Osnovnye funkcii socialisticheskogo prava. Volgograd, 1970. S. 27.
12. Red'ko A. A. Pravozashchitnaya politika i ee mesto v pravovoj politike Rossii: teoretiko-pravovoj analiz: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. SPb., 2011.
13. Rossijskoe ugolovnoe pravo: kurs lekcij / pod red. A. I. Korobeeva. T. 1: Prestuplenie. Vladivostok, 1999.
14. Trofimov, V. V. Ogranicheniya v prave kak otrazhenie konfliktnoj storony social'nyh otnošenij: k nachalam teorii problemy / V. V. Trofimov // Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. — 2019. — № 3(47). — S. 57-65. — DOI 10.36511/2078-5356-2019-3-57-65. — EDN RYFNED. S. 60
15. Trofimova M.P. Funkcii juridicheskoi otvetstvennosti: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. Samara, 2000. S. 12.
16. Filimonov V.D. Ohranitel'naya funkciya ugolovnogo prava. M.: Yuridicheskij centr, 2003. 250 s.
17. Hutov, K. M. funkcii profilakticheskogo prava / K. M. Hutov // Gosudarstvo i pravo v XXI veke : Materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoi konferencii, posvyashchennoj 95-letiyu juridicheskogo fakul'teta Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta, Minsk, 26–27 noyabrya 2020 goda / Redkollegiya: T.N. Mihal'yova (gl. red.) [i dr.]. — Minsk: Belorusskij gosudarstvennyj universitet, 2021. — S. 874-877. — EDN CIGGDV.
18. Yushkov, A. V. Ohranitel'nye pravootnosheniya: aksiologicheskij aspekt / A. V. Yushkov // Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata. — 2013. — № 2(29). — S. 79-83. — EDN RLNXCD.

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ РАННИХ СЛАВЯНОФИЛОВ В ТРУДАХ М.Ф. ТАУБЕ, КАК ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА К САМОБЫТНОМУ ПРАВООПОНИМАНИЮ

Philosophical and methodological views of the early Slavophiles in the works of M.F. Taube, as a general theoretical basis for an original legal understanding

СЛИНЧЕНКО Олеся Александровна,

младший научный сотрудник сектора философии права, теории и истории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: Gesse2021@yandex.ru;

SLINCHENKO Olesya Alexandrovna,

Junior Researcher in the Sector of Philosophy of Law, Theory and History of State and Law
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences (IGP RAS).

10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation.

E-mail: Gesse2021@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье анализируются некоторые философско-методологические идеи ранних славянофилов. Исследователями признается за ранними славянофилами разработка самобытной теории познания, в том числе правового познания[3]. Вместе с тем отсутствуют комплексные исследования по данному предмету. В этом контексте значимыми становятся труды М.Ф. Таубе по реконструкции и систематическому изложению взглядов ранних славянофилов. Раскрывается вклад ученого в развитие философско-методологических взглядов ранних славянофилов и их влияние на правовопонимание.

Abstract. This article analyzes some philosophical and methodological ideas of the early Slavophiles. Researchers recognize the development of an original theory of cognition, including legal cognition, for the early Slavophiles. However, there are no comprehensive studies on this subject. In this context, M.F. Taube's works on the reconstruction and systematic presentation of the views of the early Slavophiles become significant. The contribution of the scientist to the development of philosophical and methodological views of the early Slavophiles and their influence on the understanding of law is revealed.

Ключевые слова: М.Ф. Таубе, А.С. Хомяков, ранние славянофилы, философия, право, этика, онтология, гносеология, правовопонимание.

Keywords: M.F. Taube, A.S. Khomyakov, early Slavophiles, philosophy, law, ethics, ontology, epistemology, legal understanding.

Для цитирования: Слинченко О.А. Философско-методологические взгляды ранних славянофилов в трудах М.Ф. Таубе, как общетеоретическая основа к самобытному правовопониманию // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 11-14. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_11.

For citation: Slinchenko O.A. Philosophical and methodological views of the early Slavophiles in the works of M.F. Taube, as a general theoretical basis for an original legal understanding // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 11-14. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_11.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2024

В настоящее время наличествует проблема в развитии методологии права, требующая своей разработки в контексте интеграции наук на основе философии - "души" методологии, которая "детерминирует ее органическую и глубокую связь со всеми иными науками". Д.А. Керимов, писал, что будущее отечественного правоведения состоит "в исследовании двух основополагающих, фундаментальных и краеугольных проблем: методологии права и сотрудничества с другими естественными, техническими и общественными науками"¹.

По убеждению российского философа В.И. Курашова, разрабатывающего проблему "междисциплинарной трансляции и трансформации научных знаний", "онтология науки – это картина до сих пор эскизная и со многими пробелами. Бытие науки, особенно в пограничных областях, исследовано фрагментарно"².

Как следствие, в целях определения самобытного типа правовопонимания необходимо вновь обратиться к русской философии и ее философско-методологическим концепциям познания, что позволит выйти из травмированных формул формально-юридических рамок правовопонимания. В этом целеполагании нужно кропотливо изучать и вновь открывать опыт прошлых столетий, как в юриспруденции, так и в других науках.

М.Ф. Таубе в XIX веке задавался вопросом «почему нет всеобщего признания того факта, что Россия действительно обладает цельным, самобытным, историческим укладом русской мысли?»³. Как сказал в недавнем интервью В. Путин: «Русский человек, российский человек думает больше о вечном, думает больше о ценностях моральных, нравственных... всё-таки западная культура более прагматичная <...>. Мы вроде как выглядим одинаково, но сознание немножко по-разному выстроено»⁴.

Так, при исследовании культуры народа одновременно раскрывается искомый образ права, интерпретируются его отличительные черты и именно при исследовании XIX века можно ответить на вопрос, что является онтологическим и гносеологическим началом отечественного правосознания.

¹ Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права) / 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. С. 21-22, 527, 538-539.

² Курашов В.И. Сущность и структура научной дисциплины "Гносеодинамика"/Философия в системе "НТПО": наука, технология, производство, образование. 2022. С.11.

³ Таубе М. Ф. Самостоятельный уклад православно-русской мысли и восточного славянского просвещения. Разбор статьи Л. Лобова «Энциклопедия русской мысли» (Славянские известия. № 12) // В. Ф. Эрн: pro et contra / Сост., вступ.статья, коммент. А. А. Ермичева. СПб.: РХГА, 2006. С. 385.

⁴ Путин В.В. Интервью Такеру Карлсону [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 04.08.2024).

Философские построения ранних славянофилов напрямую сопряжены с их гносеологическими идеями, а так как эпоха олицетворяла самопознание и определяла народную идею, то закономерны ей были намеченные пути познания. Постигнув привнесенную с Запада философию и дав ей объективную критику, не нивелируя ее достоинства, а преломляя через обращение к своим культурно-историческим корням, ранние славянофилы проектировали собственную мировоззренческую картину, проводя исследования на пересечении таких наук, как психология, социология, философия (историософский компонент знания), нравственное богословие, как часть психологии.

По определению М.Ф. Таубе, ранние славянофилы открыли третью эпоху в истории развития философской мысли, а именно: «эпоху цельного идеализма, полноты духовных познавательных сил»¹.

Ранние славянофилы, в лице А.С. Хомякова, И.В. Киреевского, К.С. Аксакова, Ю.Ф. Самарина, проводившие междисциплинарные философско-богословские, социально-этические и морально-правовые исследования, защищали традиционные духовно-нравственные ценности российского государства и участвовали в формировании оригинальной (самобытной) русской философии и теории познания. Так, уже с середины XIX века, несмотря на господство методологии позитивизма и влияние учений О. Конта, И. Канта, Г.В.Ф. Гегеля, и в преодолении одностороннего рационализма ранние славянофилы представляли философские начала цельного («соборного») познания, которыми частью был вдохновлен В.С. Соловьев.

Однако, основные положения ранних славянофилов были в большей степени восприняты формально, из-за чего допускались многочисленные искажения и суживание их научных положений. В первые два десятилетия XX века азбучно в научно-систематическом изложении были совершены ценные труды В.З. Завитневича, Л.Е. Владимирова, М.Ф. Таубе, раскрывающих общую картину мировоззрений славянофилов и их этико-социальные взгляды, в частности в области права.

М.Ф. Таубе был одним из первых, кто произвел систематическое изложение философско-методологических взглядов ранних славянофилов.

С научной точки зрения исследования М.Ф. Таубе в области теории познания уникальны по своему масштабу значимости и единичны в своем выражении. В своих работах он явил практическое применение намеченного ранними славянофилами плана построения самобытного философского уклада². Не претендуя на исчерпывающий анализ, рассмотрим отдельные аспекты исследований М.Ф. Таубе в рамках предмета настоящей статьи.

Михаил Фердинандович Таубе (1855–1924) происходил из древнего рода, берущего свое начало предположительно еще с XIII века и уходящего корнями в земли Вестфалии княжества Падерборнского. В Российской родословной книге отмечено, что еще в 1558 году один из потомков рода Таубе, Иоанн Таубе в качестве ливонского посланника был в Москве и, вступив на русскую службу, оказал преданность России³.

М.Ф. Таубе известен как дореволюционный публицист, философ, инженер, поэт, теоретик неославянофильства. Кроме того, он был профессором математики в Институте путей сообщения Санкт-Петербурга, поддерживающим Московскую философско-математическую школу и как черносотенец правомонархических взглядов состоял в православно-консервативных, политических организациях – «Русское Собрание» (1900–1917), «Союз русского народа» (1905–1917). Целью создания подобных союзов было изучение исконных русских начал жизни, их поддержание и укрепление в русском сознании⁴. В политических статьях иногда подписывался под псевдонимом М. Вашутин (девичья фамилия матери Елизаветы Ивановны Таубе (Вашутиной)).

Научно-исследовательская, политико-публицистическая деятельность М.Ф. Таубе начала развиваться в первом десятилетии XX века, тому были объективные причины в происходящих исторических событиях, явившихся следствием нерешенного конфликта между «западниками» и «славянофилами».

Неоднократно исследователи, отмечая оригинальность личности М.Ф. Таубе, вновь открывали его политические, философские исследования, в которых сокрыты глубокие прогностические идеи, предвосхищающие их появление в будущем. Однако, в большинстве своем труды М.Ф. Таубе исследуются с точки зрения его геополитических взглядов, в части определения принципов континентальной геополитики и критического осмысления концепции культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского⁵, упоминаются в контексте рассмотрения исторических тем по развитию черносотенного движения в Российской Империи⁶, в раскрытии философской категории соборности⁷, а также с целью фактологической, то есть простого констатирования существования в истории общественной мысли начала XX века одного из исследователей «славянофильства», допуская краткие выдержки даваемых им характерологических определений ранним славянофилам.

В отношении трудов М.Ф. Таубе, посвященных славянофилам нет комплексных научных исследований, что является причиной допущения необъективных оценок М.Ф. Таубе, как реакционного истолкователя славянофильства, который фактически лишил их русских основ⁸.

¹ Таубе М. Ф. Отзывы о просветительной деятельности А.С. Хомякова: Ко дню столетия его рождения / Бар. М.Ф. Таубе. Харьков: тип. журн. "Мирный труд", 1906. С. 3.

² Некрасов П.А. Теоретико-познавательные построения в славянофильском духе, Харьков: Типография «Мирный Труд», 1913. С. 5.

³ Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: [В 4-х ч.]. СПб.: тип. К. Вингебера, 1854-1857. Ч. 3: [Гл. 4-я: Фамилии, имеющие иностранные почетные титулы]. 1856. С. 413.

⁴ Русское собрание. Петербург. Устав Русского собрания: [утвержден 26 января 1901 года]. СПб.: типо-лит. В. В. Комарова, 1901. С. 1.

⁵ Абдуразаков Р.А. Фундаментальный дуализм и континентальная геополитика в научном наследии М. Ф. Фон Таубе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnyy-dualizm-i-kontinentalnaya-geopolitika-v-nauchnom-nasledii-m-f-fon-taube> (дата обращения: 18.07.2024); Рябцев В. Н. М. Ф. Фон Таубе и его геополитические прозрения // Научная мысль Кавказа. 2014. №1 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-f-fon-taube-i-ego-geopoliticheskie-prozreniya> (дата обращения: 18.06.2024).

⁶ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901-1914 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Воронеж. гос. ун-т. - Воронеж, 2006. 46 с.

⁷ Осипов И. Д. Категория соборность в русской философии // Россия в глобальном мире. 2015. №7 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-sobornost-v-russkoj-filosofii> (дата обращения: 18.07.2024).

⁸ Широкова М. А. Теоретические источники политической философии славянофильства // Известия АлтГУ. 2002. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-istochniki-politicheskoj-filosofii-slavyanofilstva> (дата обращения: 20.07.2024).

Вместе с тем, большую часть своей жизни М.Ф. Таубе посвятил кропотливому изучению трудов ранних славянофилов.

Среди работ М.Ф. Таубе можно выделить следующие исследования: "Московская философско-математическая школа, основанная проф. Бугаевым, и славянофильство Хомякова" (1908), "Свод основных законов мышления. Логика. Психология. Металогика" (1909), "Дуализм Запада и триединство Востока" (1910), "Триединство, как основа соборности и духовности" (1910), "Познаниеведение соборного восточного просвещения по любомудрию славянофильства" (1912), "К возрождению славяно-русского самосознания" (1911), "Три столпа русского самобытного просвещения прошлого столетия: Хомяков, Достоевский и еп. Феофан, затворник Вышенский" (1912).

В своих исследованиях М.Ф. Таубе основывался, в том числе, на трудах славянофилов А. С. Хомякова, И. В. Киреевского, Ю. Ф. Самарина, Н. К. Гилярова-Платонова. Также обращался к трудам, направленным на реконструкцию философских, исторических и политико-правовых взглядов ранних славянофилов, а именно к трудам: В. З. Завитневича, Л. Е. Владимировича, Д. А. Хомякова, А. В. Васильева.

По субъективной оценке М.Ф. Таубе идеи ранних славянофилов содержали в себе основы "новой" философской системы охранительного-либерального свойства, выражающей народный менталитет. Символично для эпохи XIX века являются ключевые слова, как народное сознание, русское самосознание, самобытность, соборность. Все едино основывались на традиционных духовно-нравственных ценностях русской культуры, исходящей из православного вероучения. В целом культурно-исторические виды религиозного вероисповедания предстают одними из основополагающих методологических факторов у ранних славянофилов, определяющих тип народного мышления и самобытный характер правопонимания. Это объясняет почему, исходя из произведенного анализа и синтеза взгляды ранних славянофилов также именовали социальной теорией, основанной на Православии¹.

Ведущим предметом исследовательской деятельности М. Ф. Таубе была мысль идейно выраженная А.С. Хомяковым, в попытках ее философского обоснования И. В. Киреевским, что вся теория познания должна строиться на основе «того понятия, которое мы имеем о Пресв. Троице»². Основной целью М.Ф. Таубе было доказать, что А. С. Хомяков является основателем новой философской системы, именуемой им «славянофильским любомудрием». Его исследование основывалось, прежде всего, на трех основополагающих компонентах, а именно на «культурно-исторических типах народности» И. В. Киреевского, в которых раскрывались категории свободы и необходимости в интерпретации А. С. Хомякова, путем обращения к тринитарным категориям св. Феофана Затворника (Вышенского). Подобное исследование раскрывало отличительные признаки культурно-исторических типов мышления, высвечивало значимость веры и различных видов религиозного вероисповедания, как нравственного, психологического правообразующего фактора.

М.Ф. Таубе делает особый акцент внимания на то, что ранними славянофилами ставилась задача по введению в философствование и включению в общую теорию познания тринитарного догмата. Действительно, в гносеологическом онтологизме Пресвятой Троицы содержится фундамент философских, социальных, этических, правовых взглядов ранних славянофилов. Символ Пресвятой Троицы являет собой целостность и гармонию всеединства ("монотриада" - по определению М.Ф. Таубе³).

М.Ф. Таубе акцентировал внимание на термине "эйект" или "социологический эйект"⁴, который был введен А.С. Хомяковым в качестве теоретико-познавательной компоненты, преобразующей формулу Шеллинга и Фихте. В последующем им же была выявлена преемственность этой идеи А.С. Хомякова с положениями, в том числе эволюционной монадологии Н.В. Бугаева и других представителей Московской философско-математической школы. Так, отличительной чертой философии ранних славянофилов являлось вводимая социально-этическая компонента в теорию познания, что означало включение мысли в бытие самой жизни и преодоление тем самым рационалистических конструкций познания немецкой философии. Введение корреляции между бытием и мыслью было в равной степени схоже и отличительно от греческой философии, но это составляет отдельный предмет исследования.

Идейные положения ранних славянофилов предвосхищали появление социологической и психологической теории права, делая акцент внимания на взаимовлияние и синтез общества и личности, внешне правомерного поведения и внутреннего мотива поведения, внутренней высоты умственного и нравственного сознания, прав и обязанностей. Ранние славянофилы писали тогда о формировании гражданина этического склада, об этизации культурно-исторического развития, о введении этики в теоретические конструкции правопонимания, выраженные также в попытках применения междисциплинарного взаимодействия богословия и права.

Применительно к науке права, философская система ранних славянофилов позволяет выводить природу права из внутренней жизни общества. Это и есть олицетворение народного опыта, обычного права, процесса формирования общественного мнения и психологический аспект раскрытия мотива поведения в циркуляции самосознания через веру, знание и опыт. В целом, через эту морально-правовую теорию раскрываются характерологические черты народного менталитета и делается акцент на важность социологического опыта коммуникации этического свойства, оказывающего влияние в реализации правового воспитания. "Гносеологический онтологизм"⁵ ранних славянофилов включает в себя духовный проективный орган народной интуиции, его эмпирический (психологический и культурно-исторический) опыт и понимание необходимости своевременного законодательного реформирования.

Заключение.

Благодаря трудам М.Ф. Таубе открывается возможность современным исследователям яснее и глубже осознать "гносеологический

---

¹ Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. С. 77, 85, 89.

² Таубе М.Ф. Познаниеведение (гносеология) по Славянофильству. М.: Книга по Требованию, 2014. С. 167.

³ Таубе М.Ф. Познаниеведение (гносеология) по Славянофильству. М.: Книга по Требованию, 2014. С. 167.

⁴ Таубе М. Ф. Дуализм Запада и триединство Востока. Харьков: Типография «Мирный Труд», 1910. С. 15.

⁵ Семаева И.И. Идея единства онтологии и гносеологии в русской философской мысли // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-edinstva-ontologii-i-gnoseologii-v-russkoy-filosofskoy-mysli> (дата обращения: 19.08.2024).

онтологизм” теоретических взглядов ранних славянофилов и их влияние на политико-правовую мысль XIX- нач. XX в. В этом контексте труды М.Ф. Таубе представляют собой ценность по реконструкции теоретических, философско-методологических взглядов ранних славянофилов и тем самым предоставление возможности раскрыть глубокие аксиологические основы самобытной русской мысли, русской философии права и самобытного типа правопонимания.

Библиография:

1. Абдуразаков Р.А. Фундаментальный дуализм и континентальная геополитика в научном наследии М. Ф. Фон Таубе // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2017. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnyy-dualizm-i-kontinentalnaya-geopolitika-v-nauchnom-nasledii-m-f-fon-taube> (дата обращения: 18.07.2024).
2. Воробьева С. А. Религиозные основания права в русской философии первой половины XIX века // Вестник РХГА. 2013. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-osnovaniya-prava-v-russkoy-filosofii-pervoy-pолоviny-xix-veka> (дата обращения: 04.08.2024).
3. Днепровская И. В., Рожкова Н. А. Интегративный образ права в славянофильской концепции живознания // Гуманитарный вектор. Серия: Философия, культурология. 2012. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnyy-obraz-prava-v-slavyanofilskoy-kontseptsii-zhivoznaniya> (дата обращения: 04.08.2024).
4. Долгоруков П. В. Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: [В 4-х ч.]. СПб.: тип. К. Вингебера, 1854-1857. Ч. 3: [Гл. 4-я: Фамилии, имеющие иностранные почетные титулы]. 1856. 523с.
5. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 367с.
6. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права)/ 2-е изд. М.: Аванта+, 2001. 560с.
7. Кошелев А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева: (1812—1883 годы): С 7 прилож. / Изд. подгот. Т.Ф. Пирожкова; Отв. ред. И.Г. Птушкина; Зав. редакцией А.И. Кучинская; Ред. [изд-ва] А.Н. Торопцева; Худож. В.Ю. Яковлев. М.: Наука, 2002. 475с.
8. Курашов В.И. Сущность и структура научной дисциплины “Гносеодинамика”/Философия в системе “НТПО”: наука, технология, производство, образование. 2022, С. 5-11.
9. Некрасов П.А. Теоретико-познавательные построения в славянофильском духе, Харьков: Типография «Мирный Труд», 1913. 15с.
10. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи: 1901-1914 гг.: автореферат дис. ... доктора исторических наук: 07.00.02 / Воронеж. гос. ун-т. - Воронеж, 2006. 46с.
11. Осипов И. Д. Категория соборность в русской философии // Россия в глобальном мире. 2015. №7 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-sobornost-v-russkoy-filosofii> (дата обращения: 18.07.2024).
12. Путин В.В. Интервью Такеру Карлсону [Электронный ресурс] // Официальный сайт Администрации Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (дата обращения: 04.08.2024).
13. Рябцев В. Н. М. Ф. Фон Таубе и его геополитические прозрения // Научная мысль Кавказа. 2014. №1 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-f-fon-taube-i-ego-geopoliticheskie-prozreniya> (дата обращения: 18.06.2024).
14. Русское собрание. Петербург. Устав Русского собрания: [утвержден 26 января 1901 года]. СПб.: типо-лит. В. В. Комарова, 1901. 15, [1] с.
15. Семаева И.И. Идея единства онтологии и гносеологии в русской философской мысли // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2016. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-edinstva-ontologii-i-gnoseologii-v-russkoy-filosofskoy-mysli> (дата обращения: 19.08.2024).
16. Таубе М. Ф. Дуализм Запада и триединство Востока. Харьков: Типография «Мирный Труд», 1910. 24с.
17. Таубе М.Ф. Познаваниеведение (гносеология) по Славянофильству. М.: Книга по Требованию, 2014. 230с.
18. Таубе М. Ф. Отзывы о просветительной деятельности А.С. Хомякова: Ко дню столетия его рождения / Бар. М.Ф. Таубе. Харьков: тип. журн. "Мирный труд", 1906. 20с.
19. Широкова М. А. Теоретические источники политической философии славянофильства // Известия АлтГУ. 2002. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-istochniki-politicheskoy-filosofii-slavyanofilstva> (дата обращения: 20.07.2024).

References:

1. Abdurazakov R.A. Fundamental dualism and continental geopolitics in the scientific heritage of M. F. Von Taube // Locus: people, society, cultures, meanings. 2017. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fundamentalnyy-dualizm-i-kontinentalnaya-geopolitika-v-nauchnom-nasledii-m-f-fon-taube> (date of reference: 07/18/2024).
2. Vorobyova S. A. Religious foundations of law in Russian philosophy of the first half of the XIX century // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. 2013. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznye-osnovaniya-prava-v-russkoy-filosofii-pervoy-pолоviny-xix-veka> (date of application: 08/04/2024).
3. Dneprovskaya I. V., Rozhkova N. A. The integrative image of law in the Slavophile concept of living knowledge // Humanitarian vector. Series: Philosophy, cultural studies. 2012. No.3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/integrativnyy-obraz-prava-v-slavyanofilskoy-kontseptsii-zhivoznaniya> (date of reference: 08/04/2024).
4. Dolgorukov P. V. Russian genealogical book published by Prince Peter Dolgorukov: [In 4 hours]. St. Petersburg: type. K. Wingeber, 1854-1857. Part 3: [Chapter 4: Surnames having foreign honorary titles]. 1856. 523с.
5. Zerkovsky V.V. Russian thinkers and Europe. M.: Republic, 1997. 367с.
6. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, functions, problems of philosophy of law)/ 2nd ed. M.: Avanta+, 2001. 560с.
7. Koshelev A.I. Notes of Alexander Ivanovich Koshelev: (1812-1883): From 7 appendices. / Ed. prepared by T.F. Pirozhkov; Ed. by I.G. Ptushkin; Edited by A.I. Kuchinskaya; Ed. [ed.] A.N. Toroptseva; Artist V.Y. Yakovlev. M.: Nauka, 2002. 475с.
8. Kurashov V.I. The essence and structure of the scientific discipline “Gnoseodynamics”/Philosophy in the “NTPO” system: science, technology, production, education. 2022, pp. 5-11.
9. Nekrasov P.A. Theoretical and cognitive constructions in the Slavophile spirit, Kharkov: Printing house "Mirny Trud", 1913. 15с.
10. Omelianchuk I. V. The Black Hundred movement in the Russian Empire: 1901-1914: abstract of the dissertation... Doctor of Historical Sciences: 07.00.02 / Voronezh State University Voronezh, 2006. 46с.
11. Osipov I. D. Category of conciliarity in Russian philosophy // Russia in the global world. 2015. No.7 (30). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-sobornost-v-russkoy-filosofii> (date of application: 07/18/2024).
12. Putin V.V. Interview with Tucker Carlson [Electronic resource] // Official website of the Presidential Administration of Russia. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73411> (date of reference: 08/04/2024).
13. Ryabtsev V. N. M. F. Von Taube and his geopolitical insights // Scientific thought of the Caucasus. 2014. No.1 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/m-f-fon-taube-i-ego-geopoliticheskie-prozreniya> (date of address: 06/18/2024).
14. Russian collection. Petersburg. The Charter of the Russian Assembly: [approved on January 26, 1901]. St. Petersburg: V. V. Komarova Printing House, 1901.15, [1] p.
15. Semaeva I.I. The idea of unity of ontology and epistemology in Russian philosophical thought // Bulletin of the Polesky State University. A series of social sciences and humanities. 2016. No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideya-edinstva-ontologii-i-gnoseologii-v-russkoy-filosofskoy-mysli> (date of reference: 08/19/2024).
16. Taube M. F. Dualism of the West and the trinity of the East. Kharkov: Printing house "Mirny Trud", 1910. 24с.
17. Taube M.F. Cognition (epistemology) on Slavophilism. M.: Book on Demand, 2014. 230с.
18. Taube M. F. Reviews of the educational activities of A.S. Khomyakov: On the day of the centenary of his birth / Bar. M.F. Taube. Kharkiv: type. journal. "Peaceful labor", 1906. 20с.
19. Shirokova M. A. Theoretical sources of the political philosophy of Slavophilism // News of AltSU. 2002. No.4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-istochniki-politicheskoy-filosofii-slavyanofilstva> (date of application: 07/20/2024).

**ДЕКРЕТ ВЦИК И СНК «ОБ УНИЧТОЖЕНИИ СОСЛОВИЙ И ГРАЖДАНСКИХ ЧИНОВ»
ОТ 11 (24) НОЯБРЯ 1917 Г.: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
Decree of the All-Russian Central Executive Committee
and the Council of People's Commissars "On the abolition of estates
and civil ranks" of November 11 (24), 1917: historical and legal analysis**

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: axel_b@mail.ru;

БАЙКЕЕВА Светлана Евгеньевна,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru;

ПРОЦЕНКО Евгений Дмитриевич,

профессор кафедры государственного права РГПУ им. А.И. Герцена,
доктор юридических наук, профессор.
набережная реки Мойки, 48, г. Санкт-Петербург, 191186, Россия.
E-mail: arrow54@yandex.ru;

Bredikhin Aleksey Leonidovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: axel_b@mail.ru;

Baykeeva Svetlana Evgenyevna,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Law, Associate Professor.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru;

Protsenko Evgeny Dmitrievich,

Professor of the Department of State Law at the Herzen State Pedagogical University of Russia, Doctor of Law, Professor.
Moika River embankment, 48, St. Petersburg, 191186, Russia.
E-mail: arrow54@yandex.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье авторы исследуют вопрос трансформации общественной структуры нового советского государства, место и роль Декрета ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. в этом процессе. Авторы отмечают, что названный Декрет имел основополагающее, конституционное значение для построения советского общества, стал не только основой для стратификации советского общества, но и базой для формирования законодательства о государственной гражданской службе.

Abstract: In this article, the authors examine the issue of the transformation of the social structure of the new Soviet state, the place and role of the Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the Abolition of Estates and Civil Ranks" of November 11 (24), 1917 in this process. The authors note that the said Decree had a fundamental, constitutional significance for the construction of Soviet society, and became not only the basis for the stratification of Soviet society, but also the basis for the formation of legislation on state civil service.

Ключевые слова: Декрет, сословия, гражданские чины, советское государство, революция, социальная структура.

Keywords: Decree, estates, civil ranks, Soviet state, revolution, social structure.

Для цитирования: Бредихин А.Л., Байкеева С.Е., Проценко Е.Д. Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г.: историко-правовой анализ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 15-17. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_15.

For citation: Bredikhin A.L., Baykeeva S.E., Protsenko E.D. Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the abolition of estates and civil ranks" of November 11 (24), 1917: historical and legal analysis // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 15-17. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_15.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Октябрьская Революция 1917 г. принесла совершенно новую модель организации общественных и государственных институтов России. На место монархии пришла республиканская форма правления, а империя формализовалась в федеративной структуре территориального деления страны. Глубокой переработке подверглась идеологическая, культурная, экономическая, правовая и др. сферы жизни общества. Новое общество и государство предстояло построить на новой идеологической платформе – марксизме, переработанным и адаптированным В.И. Лениным под российскую реальность.

После прихода большевиков к власти государственное управление в свои руки взяли вновь созданные властные структуры и стали реализовывать программные революционные положения, что формализовывалось в конкретных документах – правовых актах. Первые акты начального

существования советской власти, как правило, именовались декретами, хотя термин «закон» также применялся, но в этот период не получил широкого распространения. Впрочем, Декретами именовались не только документы, имевшие характер общеобязательных правовых норм, т.е. законов, но и такие акты, как например распоряжения о назначении на какую-либо должность. В то же время, общеобязательные нормы иногда издавались в форме постановления. «Отсутствие устойчивой терминологии приводило к тому, что в то время, как разнородные по содержанию документы имели иной раз одинаковые обозначения, однородные по своему содержанию акты именовались различно» [5, С. 115].

Как отмечает И.Л. Данилевская, «первые законодательные акты конституционного значения отличал ярко выраженный бескомпромиссный классовый характер, который присутствовал у создаваемых в дальнейшем норм советского права, отражая специфику советского конституционализма» [3, С. 288].

Одним из первых документов, имеющих основополагающее значение для становления советской государственности, являлся Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г.

Нужно сказать, что содержание данного Декрета гораздо шире по содержанию и социальным последствиям, чем вытекает из его названия. Из текста Декрета понятно, что положения имеют характер экстренного законодательства, так как положения носят в большей степени общерегулятивный характер и предполагают немедленное исполнение.

Декрет ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. [Декрет об уничтожении...] включает в себя семь статей:

Статья 1 провозглашает упразднение сословий и сословное деление граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные учреждения и организации, а также гражданских чинов.

По факту, эта статья устанавливает равноправие граждан, которое прямо зависело от сословного и должностного положения человека. Упраздняя социальные и государственные институты, производится «обнуление» правовых преимуществ отдельных лиц или социальных групп.

Статья 2 следует логике предыдущей статьи и отменяет уже звания (дворянина, купца, крестьянина и т.д.), титулы (князя, графа и пр.) наименования гражданских чинов и вводит общее для всего населения России наименование «граждан Российской Республики».

Статья 3 констатирует передачу имущества дворянских сословных учреждений земским самоуправлениям; статья 4 такой же порядок передачи определяет для имущества купеческих и мещанских обществ, которое передается в распоряжение городских самоуправлений, а статья 5 – определяет немедленную передачу в ведение соответствующих городских и земских самоуправлений всех сословных дел, учреждений, производств и архивов.

Нужно отметить, что имущество самих дворян (движимое и недвижимое) изымалось на основании Декрета «О земле» от 26 ноября 1917 г. и передавалось в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. «В процессе национализации усадеб параллельно осуществлялось и физическое истребление дворян, поддерживаемое новой властью» [10, С. 109].

Статья 6 отменяет все соответствующие законы, регулирующие рассматриваемые вопросы. Статья 7 предписывает местным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов немедленно исполнить данный Декрет.

Наиболее значимыми преобразованиями, основа которых положена в названном декрете - изменение социальной структуры общества и системы государственной службы.

Социальной структурой нужно признать «сеть упорядоченных и взаимообусловленных связей между элементами социальной системы, в которых отражается способ разделения труда, взаимоотношения социальных групп, характер функционирования социальных институтов, формы социальной организации и социальных действий» [11, С. 254].

Для дореволюционной России социальная структура была представлена, прежде всего, сословиями. Сословие – это «социальная группа, обладающая закрепленным обычаем или юридическим законом, передаваемыми по наследству правами и обязанностями» [2, С. 49].

Важнейшим документом, послужившим началом упразднения сословий в России, стал Манифест 1861 года об отмене крепостного права [8]. В этом документе еще прямо указывается на существующее сословное деление общества.

Общая тенденция к устранению различий между сословиями привела к минимизации юридических различий сословий. Так, в Манифесте об усовершенствовании государственного порядка от 17 октября 1905 года уже нет упоминания о сословиях, а указывается на необходимость «привлечь теперь же к участию в Думе, в мере возможности, соответствующей краткости остающегося до созыва Думы срока, те классы населения, которые ныне совсем лишены избирательных прав, предоставив за сим дальнейшее развитие начала общего избирательного права вновь установленному законодательному порядку» [9]. То есть, классовая структура общества уже получила свою формализацию еще в имперском законодательстве, и значение сословного деления общества постепенно сходило на нет. Другое дело, что высшие сословия, как правило, владели землей и другой недвижимостью, которая сопутствовала сословному статусу и сословия, в то же время, относились к имущественному классу. Поэтому национализация земли, национализация имущества и отмена сословий шли параллельно.

В целом, нужно сказать, что за небольшой период деятельности советской власти, сословная структура полностью утратила свое значение, и было официально провозглашено классовое деление. При этом, фактически большинство населения относилось к классу трудящихся, а прежние «эксплуататорские классы» лишались части своих прав и всех привилегий, что было закреплено даже в Конституции РСФСР 1918 г.: «руководствуясь

интересами рабочего класса в целом, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика лишает отдельных лиц и отдельные группы прав, которые используются ими в ущерб интересам социалистической революции» [6]. То есть, «Октябрьская революция и установление советской власти так и не стали предпосылкой установления равенства в правах для всех социальных групп. Ликвидировав сословия, новая власть установила классовое деление общества и перешла на принцип классового неравенства в политике определения правового статуса населения» [7, С. 43].

Второе последствие, обусловленное принятием Декрета об уничтожении сословий и гражданских чинов, связано с реформированием системы гражданской службы. Прежние гражданские чины Российской Империи согласно названному Декрету ликвидировались вместе со званиями и титулами (которые существенно влияли на занятие тем или иным лицом соответствующего чина).

Формирование специального законодательства о государственной службе в советском государстве шло довольно медленно и несистемно. Возможно, сама система государственной гражданской службы не вписывалась в концепцию отмирания государства с его аппаратом и построения коммунизма в будущем. Тем не менее, новая власть не могла обойтись без государственных гражданских чинов, и определенное правовое регулирование все же сформировалось. При этом, нельзя забывать, что государственное управление было проекцией партийного, где действовали свои механизмы и правила занятия тех или иных должностей. При этом, сам порядок прохождения государственной гражданской службы регулировался преимущественно трудовым законодательством. Таким образом, отдельного института государственной гражданской службы в этот период не сложилось.

В дальнейшем для регулирования отношений государственной службы были изданы Временные правила о службе в государственных учреждениях и на предприятиях, утвержденные 21 декабря 1922 г. [Временные правила.], которые фактически действовали в течение всего периода существования СССР. Главные вопросы, которые решали Временные правила были связаны с ограничениями и запретами, а порядок прохождения государственной гражданской службы, правовой статус госслужащего и прочие аспекты не раскрывались.

А.В. Шободоева отмечает, что «Отсутствие отдельного общесоюзного нормативного специального акта, посвященного собственно государственной службе, тормозило качественное ее развитие в советской стране, и практическая реализация идей правового оформления государственной службы началась только в середине 80-х гг. XX в., когда была предпринята попытка создания новой системы государственной службы» [12, С. 29].

Таким образом, нужно отметить, что после революционных событий 1917 г. социальная структура советского государства практически полностью разрушила прежний общественный и строй. Ввиду принципиальности этого вопроса он был решен в одном из первых правовых актов советского государства - Декрете ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г., где специально оговаривались вопросы упразднения существовавший в имперской России сословий, званий и чинов. Этот нормативный акт имел определяющее значение для конституционного строительства советского государства и становления советской системы государственной гражданской службы.

Библиография:

1. Временные правила о службе в государственных учреждениях и на предприятиях, утвержденные 21 декабря 1922 г. // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1464.htm (дата обращения- 07.06.2024 г.).
2. Габдуллина К., Раисов Е. Социология: учебник для студентов высших учебных заведений. Алматы, 2005.
3. Данилевская И.Л. Первые советские законодательные акты в формировании советского конституционализма // Образование и право. 2021. №1.
4. Декрете ВЦИК и СНК «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» от 11 (24) ноября 1917 г. / <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5308/> (дата обращения- 07.06.2024 г.).
5. Ирошников М.П. Создание Советского центрального государственного аппарата. Совет народных комиссаров и народные комиссариаты (октябрь 1917 – январь 1918 г.). – Москва-Ленинград, 1966.
6. Конституция РСФСР 1918 г. / <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (дата обращения- 07.06.2024 г.).
7. Калинина Д.А. Трансформация социальной структуры российского общества в 1917 году // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2017. Т. 22. № 6.
8. Манифест от 19 февраля 1861 года «О всемиростивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» // Полное собрание законов Российской империи. Т. 36. Ч. 1. № 36650.
9. Манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка» // Законодательные акты переходного времени. 1904–1908 гг.: сборник законов, манифестов, указов, пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. 3-е изд., пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / под ред. Н.И. Лазаревского. СПб., 1909.
10. Милешина Н.А., Потапова Л.А. «Бывшее дворянство» в условиях советской эпохи // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2017. № 12): в 5-ти ч. Ч. 4.
11. Философская энциклопедия. Т. 5 / под ред. Ф. В. Константинова. – М.: Сов. энцикл., 1970.
12. Шободоева А.В. Законодательная база советской государственной службы: конституционно-правовой аспект // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 6. № 2.

References:

1. Temporary rules on service in state institutions and enterprises, approved on December 21, 1922. // http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1464.htm (date of application- 06/07/2024).
2. Gabdullina K., Raisov E. Sociology: textbook for students of higher educational institutions. Almaty, 2005.
3. Danilevskaya I.L. The first Soviet legislative acts in the formation of Soviet constitutionalism // Education and law. 2021. №1.
4. Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars "On the destruction of estates and civil ranks" dated November 11 (24), 1917 / <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5308/> (date of issue- 06/07/2024).
5. Iroshnikov M.P. Creation of the Soviet central state apparatus. The Council of People's Commissars and People's Commissariats (October 1917 – January 1918). – Moscow-Leningrad, 1966.
6. Constitution of the RSFSR 1918 / <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1918.htm> (date of application - 06/07/2024).
7. Kalinina D.A. Transformation of the social structure of Russian society in 1917 // Bulletin of the Volga. Episode 4, History. Regional studies. International relations. 2017. Vol. 22. No. 6.
8. Manifesto of February 19, 1861 "On the most gracious granting to serfs of the rights of the state of free rural inhabitants" // Complete Collection of laws of the Russian Empire. Vol. 36. Part 1. No. 36650.
9. Manifesto of October 17, 1905 "On the improvement of the state order" // Legislative acts of the transitional period. 1904-1908: collection of laws, manifestos, decrees, etc. to the Senate, rescripts and regulations of the Committee of Ministers related to the transformation of the Russian state system, with an alphabetical index. 3rd ed., revised and additional to September 1, 1908 / edited by N.I. Lazarevsky. St. Petersburg, 1909.
10. Milesheina N.A., Potapova L.A. "The former nobility" in the conditions of the Soviet era // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2017. No. 12): in 5 hours. 4.
11. Philosophical Encyclopedia. Vol. 5 / edited by F. V. Konstantinov. – M.: Soviet Encyclopedia, 1970.
12. Shobodoeva A.V. The legislative base of the Soviet civil service: constitutional and legal aspect // Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics. 2015. Vol. 6. No. 2.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_18

УДК 340

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ИНСТИТУТА ЭКСПЕРТИЗЫ ПРОЕКТНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ FORMATION AND DEVELOPMENT OF STATE AND LEGAL REGULATION OF DIGITAL TRANSFORMATION OF THE INSTITUTE OF EXPERTISE OF PROJECT DOCUMENTATION

ЗВЯГИН Денис Геннадьевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права,
Санкт-Петербургская юридическая академия.
192012, Россия, г. Санкт-Петербург, просп. Обуховской Обороны, 114а.
E-mail: d.g.zvyagin@mail.ru;

ZVYAGIN Denis Gennadyevich,

Postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg Law Academy.
192012, Russia, St. Petersburg, ave. Obukhov Defense, 114a.
E-mail: d.g.zvyagin@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена изучению вопроса цифровизации в государственно-правовой сфере – цифровой трансформации института экспертизы проектной документации, начавшейся в 2012 году и продолжающейся сегодня. Автором рассмотрены все основные этапы цифровой трансформации института экспертизы в исторической ретроспективе с соответствующим нормативным регулированием и предложено выделить 7 этапов ее становления в указанный период, а также сделан вывод о том, что количество этапов в ближайшей перспективе будет существенно увеличиваться.

Abstract: The article is devoted to the study of the issue of digitalization in the state and legal sphere - the digital transformation of the institution of examination of project documentation, which began in 2012 and continues today. The author considers all the main stages of the digital transformation of the institute of expertise in a historical retrospective with the corresponding regulatory regulation and proposes to identify 7 stages of its formation in this period, and also concludes that the number of stages in the near future will increase significantly.

Ключевые слова: цифровая трансформация, экспертиза проектной документации, государственное регулирование, строительство, государственные информационные системы, цифровая вертикаль строительства.

Keywords: digital transformation, examination of project documentation, state regulation, construction, state information systems, digital vertical of construction.

Для цитирования: Звягин Д.Г. Становление и развитие государственно-правового регулирования цифровой трансформации института экспертизы проектной документации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 18-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_18.

For citation: Zvyagin D.G. Formation and development of state and legal regulation of digital transformation of the Institute of expertise of project documentation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 18-22. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_18.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Цифровизация в государственно-правовой сфере в Российской Федерации получила стремительное развитие в XXI веке, особенно заметна новая формирующаяся действительность, отличная от привычных закономерностей, в последнее десятилетие. Наблюдение за происходящей трансформацией в государственно-правовой среде дает отчетливое понимание политики государства в этом вопросе, а также определяет дальнейший вектор развития цифровых технологий, которые должны обеспечить функционирование и взаимодействие всех структур общества и государства [1, с. 217]. Однако оперируя уже сформировавшимися постулатами цифровой трансформации и заложенными в стратегии цифровой экономики планами можно сделать однозначный вывод о том, что цифровизация в государственно-правовой среде, а также ее регулирование – это только начало большого пути.

Вступление России в эпоху нового технологического уклада существенно влияет на устройство, функции и государство в целом. Данные изменения не могут не затрагивать как основные направления планируемого развития, так и процессы создания соответствующего регуляторного аппарата, позволяющего правотворчеству не отставать от новых стремительно развивающихся институтов и их практического воплощения в жизнь.

Текущее поколение является свидетелем становления цифрового государства, цифровой правовой среды, а по мнению ряда ученых (.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев) даже трансформации государства в цифровую платформу [2, с. 130]. Цифровые технологии позволяют предоставлять обществу услуги, которые выходят за рамки прошлых ограничений по времени, пространству и ведомственному разграничению [3, с. 12].

Одной из крупнейших составляющих экономики России является строительная отрасль, приносящая порядка 5% ВВП, которая также находится на этапе существенной трансформации ввиду цифровизации и формирования соответствующего государственно-правового регулирования.

Составной частью строительной отрасли, отвечающей за надежность и безопасность документации разработанной в целях реализации

объектов капитального строительства, является институт экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, на изменение нормативно-правового регулирования которого огромное влияние оказала цифровизация в государственно-правовой сфере.

Изучение проблем цифровизации данной сферы в исторической ретроспективе, а также государственно-правового регулирования цифровой трансформации института экспертизы проектной документации, в том числе вопросов проверки достоверности определения сметной стоимости, и результатов инженерных изысканий, является очень актуальным, ввиду того, что институт экспертизы направлен на решение задач обеспечения безопасности окружающей среды, в том числе среды проживания людей, эффективности проектных решений и надежности планируемых к строительству объектов капитального строительства и напрямую влияет на будущее страны в целом.

Основной нормативно-правовой акт, регулирующий институт экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий, который включает в себя отражение всех принятых инициатив стоящих иерархически выше правовых актов, – это постановление Правительства Российской Федерации от 05.03.2007 № 145 «О порядке организации и проведения государственной экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий».

В конце 2022 года Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия развития строительной отрасли и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2035 года. Одной из ключевых задач поставленной перед строительной отраслью Стратегией является создание единой прозрачной цифровой вертикали градостроительства. Реализация данной задачи возможна путем синхронизации процессов на всех этапах инвестиционного цикла, цифрового объединения существующих систем и их интеграция в единую информационную среду и соответствующее регулирование процессов и информационных систем, в том числе государственных, а также гармонизация с существующими требованиями законодательства.

В основу Стратегии в части создания единой цифровой среды экспертизы, как исходной точки, легли наработки последнего десятилетия в области цифровой трансформации института экспертизы проектной документации рассматриваемые в рамках данной работы.

При детальном рассмотрении текущего состояния отрасли возможно выделить несколько важных этапов в которые происходила цифровая трансформация института экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий начиная с 2012 года, которые нашли свое отражение в рассматриваемом Постановлении:

1. Появляется законодательно установленная возможность представления для проведения государственной экспертизы, наравне с бумажными документами, документации в электронном виде.
2. Заключение государственной экспертизы оформляется в электронной форме и подписывается участвовавшими экспертами с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи.
3. Вводится запрет на представление для проведения экспертизы документации в бумажном виде (за исключением документации, содержащей сведения, составляющие государственную тайну), проектная документация и результаты инженерных изысканий представляются исключительно в электронной форме.
4. Создание Государственной информационной системы Единый государственный реестр заключений экспертизы проектной документации объектов капитального строительства. Регистрация всех выдаваемых заключений государственной экспертизы в едином государственном реестре заключений.
5. Формирование и утверждение заключений экспертизы в машиночитаемом формате с использованием xml-схем.
6. Внедрение на всей территории Российской Федерации портала информационной системы Единая цифровая платформа экспертизы.
7. Подготовка и направление в органы экспертизы документации с использованием технологий информационного моделирования в машиночитаемых форматах с использованием xml-схем, графическая часть которых дополнена трехмерной моделью.

Первый этап произошел одновременно с принятием нового Положения об организации и проведении государственной экспертизы и признании утратившим силу старого Порядка проведения государственной экспертизы постановлением Правительства Российской Федерации от 05.03.2007 № 145. Новое Положение предусматривало возможность представления документации, в случае если это установлено в договоре, на электронном носителе.

Два первых этапа можно охарактеризовать как подготовительно-переходные к началу осуществления полноценной цифровизации. Основное большинство проектно-изыскательских и экспертных организаций работали с бумажной проектной документацией, пользовались правом представления на экспертизу электронных документов абсолютное меньшинство. Формирование заключений экспертизы в электронной форме, а также осуществление подписания и утверждения с использованием усиленных квалифицированных электронных подписей со стороны органов экспертизы также не дали существенного преимущества цифровизации, а по своей сути перевели бумажный документ в виде заключения в электронный документ – электронную бумагу. Второй этап реализовался утверждением постановления Правительства Российской Федерации от 31.03.2012 № 270.

Следующим масштабным этапом был постепенный запрет на представление для целей проведения экспертизы проектной документации бумажных документов. Нормативное регулирование данного процесса было закреплено постановлением Правительства Российской Федерации

от 07.12.2015 № 1330, согласно которому введен поэтапный запрет на представление бумажных документов для целей проведения экспертизы и установлена обязанность с 1 сентября 2016 года и с 1 января 2017 года (в зависимости от уровня экспертной организации соответственно) представлять документы только в электронной форме.

Данный этап цифровизации института экспертизы проектной документации потребовал существенной модернизации информационных систем экспертных организаций, а также возникла необходимость взаимодействия, ввиду того что государственная экспертиза является государственной услугой, с единым и региональными порталами государственных услуг, разработка соответствующей регламентации порядка предоставления государственных услуг путем разработки административных регламентов.

Следующим логическим этапом становится создание профильной государственной информационной системы. Государственные информационные системы с каждым годом получают все большее развитие, их количество постоянно увеличивается, в том числе в сфере градостроительства, тем самым существенно расширяя вовлеченность различных субъектов права, подпадающих под их воздействие. Вместе с тем, правовая природа, порядок функционирования и вытекающие правовые обязанности для пользователей зарегулированы на государственном уровне недостаточно. Целью создания государственной информационной системы является реализация полномочий государственных органов. Государственные информационные системы обеспечивают обмен информацией между государственным органами, гражданами, организациями (в зависимости от конкретной государственной информационной системы круг участвующих лиц может увеличиваться или наоборот уменьшаться исходя из содержащейся в системе информации). Конкретные цели создания государственной информационной системы должны быть установлены в профильном законодательстве федерального уровня и конкретизированы подзаконными актами Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, субъектов Российской Федерации, муниципальных властей в зависимости от уровня и правообладателя государственной (муниципальной) информационной системы [4, с. 446].

Информационные системы и государственные информационные системы имеют между собой очень много общего, но вместе с тем есть ряд признаков, которые позволяют выделить отличия. Возможно определить следующие основные признаки государственной информационной системы: основные параметры функционирования государственных информационных систем определяются нормативно-правовыми актами; в случаях предусмотренных законодательством использование для конкретных регулируемых отношений является обязательным и обеспечивается силой государственного принуждения; могут порождать обязанность предоставления информации юридическими лицами, не являющимися органами государственного управления; информация размещаемая и содержащаяся в таких системах носит официальный характер [5, с. 155].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 24.07.2017 № 878 утвержден порядок формирования Единого государственного реестра заключений экспертизы проектной документации объектов капитального строительства.

Созданная Государственная информационная система Единый государственный реестр заключений экспертизы, а также принудительная регистрация всех выдаваемых заключений государственной экспертизы всеми органами и организациями, проводящими экспертизу в едином государственном реестре заключений, позволили положить начало цифровому объединению сведений в отношении объектов капитального строительства проектная документация которых получила заключение экспертизы на всей территории Российской Федерации в едином реестре.

Органы государственной экспертизы стали также и первопроходцами-испытателями в градостроительстве в вопросе использования машиночитаемых форматов с применением xml-схем, что также можно выделить в отдельный этап цифровой трансформации института экспертизы.

Согласно Приказу Минстроя России от 26.05.2020 № 282/пр заключения экспертизы проектной документации и результатов инженерных изысканий формируются с использованием утвержденных уполномоченным федеральным органом исполнительной власти – Минстроем России xml-схем. Машиночитаемый формат содержит в доступном для широкого использования формате все основные характеристики в отношении конкретного объекта капитального строительства: площадь земельного участка, площадь объекта капитального строительства, строительный объем, площадь застройки, количество этажей, высотность, лифты, встроенные помещения и иные технико-экономические показатели объекта в зависимости от его назначения и характеристик. Кроме того, в целях достоверного определения разделов проектной документации и результатов инженерных изысканий по результатам рассмотрения которых было подготовлено заключение экспертизы, в составе заключения, формируемого в машиночитаемом формате xml, указывается контрольная сумма и иные индивидуальные идентифицирующие признаки каждого электронного документа, рассмотренного органом экспертизы.

Выделить в отдельный этап цифровой трансформации института экспертизы пандемию коронавируса (COVID-19) представляется не целесообразным, вместе с тем невозможно не отметить, что она стала катализатором углубления процессов цифровизации взаимоотношений экспертиза-заявитель и осуществления текущего взаимодействия с использованием цифровых инструментов. Нахождение органов экспертизы при пандемии коронавируса не на начальном уровне цифровизации позволили основному числу экспертных организаций относительно безболезненно перейти на бесконтактное оказание услуги по проведению экспертизы [6, с. 32].

Следующий этап цифровой трансформации, выделенный в рамках данной работы, является повсеместное императивное внедрение информационной системы Единая цифровая платформа экспертизы. Минстрой России письмом от 25 марта 2021 года № 11753-ИФ/08, направленным во все субъекты Российской Федерации, в целях повышения эффективности осуществления переданных полномочий, в том числе реализации ком-

плексного решения в области строительства, посчитал целесообразным и рекомендовал всем органам экспертизы осуществлять проведение государственной экспертизы исключительно с использованием Единой цифровой платформы экспертизы.

Последний описанный этап не смотря на то, что не получил своего нормативно-правового закрепления, вместе с тем являясь ярким примером государственного диспозитивного регулирования, выделен в отдельный этап.

Финальным этапом является подготовка и направление в органы экспертизы документации с использованием технологий информационного моделирования в машиночитаемых форматах с использованием xml-схем, графическая часть которых дополнена трехмерной моделью. Нормативное закрепление данного этапа получилось опосредовано, путем принятия перечня случаев, при которых должно обеспечиваться формирование и ведение информационной модели объекта капитального строительства, утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 05.03.2021 № 331.

Ввиду отсутствия достаточного нормативно-правового регулирования данных правоотношений, происходит систематическая трактовка существующих требований законодательства в пользу минимизации информационной модели. Регулирования на уровне документов в области стандартизации (добровольные ГОСТы и Своды Правил) и Методических рекомендаций по подготовке информационной модели объекта капитального строительства, разработанных рядом учреждений, уполномоченных на проведение государственной экспертизы (ФАУ "Главгосэкспертиза России", ГАУ "Мосгосэкспертиза", ГАУ МО "Мособлгосэкспертиза", ГАУ "ЦГЭ", ОГАУ "Госэкспертиза Челябинской области" и другие), ввиду добровольности их применения, недостаточно для организации внедрения технологий информационного моделирования на всех этапах жизненного цикла объектов капитального строительства [7, с. 71].

Существующее определение информационной модели объекта капитального строительства, установленное в Градостроительном кодексе Российской Федерации, – это совокупность взаимосвязанных сведений, документов и материалов об объекте капитального строительства, формируемых в электронном виде на этапах выполнения инженерных изысканий, осуществления архитектурно-строительного проектирования, строительства, реконструкции, капитального ремонта, эксплуатации и (или) сноса объекта капитального строительства. Таким образом, неверно истолковав обязательные требования законодательства о градостроительной деятельности и воспользовавшись правом отказаться от использования документов в области стандартизации, с учетом утративших силу 28 февраля 2023 года Правил формирования и ведения информационной модели и состава сведений, документов и материалов, включаемых в нее, застройщик ограничивается разработкой нескольких разделов проектной документации в машиночитаемых форматах, подготовку остальной необходимой документации осуществляет в формате «электронной бумаги» и формально соблюдает требования действующего законодательства. Подготовленная таким образом информационная модель полностью соответствует требованиям действующего законодательства, но совершенно не пригодна для целей цифровизации строительной отрасли в целом и института экспертизы в частности.

Вместе с тем существует и диаметрально противоположная ситуация, а именно, некоторые субъекты правоотношений, которые законодательно не обязаны осуществлять формирование информационной модели и представлять ее на рассмотрение в органы экспертизы, осуществляют ее формирование в связи с экономической обоснованностью и целесообразностью. Так, коммерческие девелоперы, осуществляющие жилищное строительство, применяют вышеуказанные технологии, но в объеме, соответствующем цифровой зрелости конкретных застройщиков, и продиктованном их финансовой моделью и прибылью в каждом конкретном проекте. Обязывая коммерческих застройщиков с 1 июля 2024 года в период незрелости правового регулирования данных правоотношений и вместе с тем высокой зарегулированностью градостроительства, учитывая низкую эффективность реализации «Регуляторной гильотины», которая должна была устранить избыточную административную нагрузку на субъекты предпринимательской деятельности, существует опасность снижения качества информационных моделей и развития данных технологий в России в целом [8, с. 23].

Как показывает практика, крупные девелоперы в проектах жилищного строительства активно используют технологии информационного моделирования так как это продиктовано экономической целесообразностью внедрения данных технологий, таким образом, рынок и финансовая выгода прекрасно подстегивают цифровое развитие отрасли в частном сегменте строительства без дополнительного регулирования [9, с. 91].

Рациональным выглядит осуществление в процессе цифровизации института экспертизы в части применения информационных моделей использовать иностранный опыт проведения аналогичных процедур, например, первопроходцем в применении технологий информационного моделирования при строительстве государственных объектов можно считать Великобританию, которая столкнулась с аналогичными проблемами что и сейчас находятся в процессе решения в России. В частности, срок переходного периода для строительной отрасли в Великобритании на технологии информационного моделирования составил 5 лет, а после истечения этого срока прекратилось проведение экспертизы проектной документации, подготовленной без использования соответствующих технологий [10, с. 241].

Исходя из вышеизложенного, изучив становление и развитие государственно-правового регулирования цифровой трансформации института экспертизы проектной документации, видится возможным выделение 7 основополагающих этапов цифровизации направления, однако ввиду того что данный институт продолжает активное развитие – утверждена Стратегия развития строительной отрасли, подготовлено большое количество нормативно-правовых актов, вносятся изменения в документы по стандартизации можно однозначно сделать вывод, что выделенное количество этапов

не будет являться исчерпывающим в ближайшей перспективе.

Библиография:

1. Савина С. И. Цифровая форма реализации функций государства: теоретико-правовые аспекты и ее значение в государственно-правовой действительности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2022. № 2 (58). С. 217—225.
2. Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Концепция цифрового государства и цифровой правовой среды: монография // под общ. ред. Н.Н. Черногора, Д.А. Пашенцева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. 244 с.
3. Коробейникова К.В. Цифровизация государственно-правовой сферы: теоретико-правовой аспект // Аграрное и земельное право. 2023. № 5(221). С. 12-15.
4. Амелин Р. В. Информационные системы как правовой инструмент воздействия на общественные отношения: анализ российской и мировой практики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. Т. 21, вып. 4. С. 445—452.
5. Амелин Р.В. Правовые проблемы создания и использования государственных информационных систем // Труды Института государства и права РАН / Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. Т. 13. № 4. С. 151—169.
6. Тымчук Ю. А. COVID-19 как катализатор трансформации договорной и правоприменительной практики // Legal Concept = Правовая парадигма. 2020. Т. 19, № 3. С. 31—40.
7. Кужакова З.У. Обзор нормативной документации в области BIM-моделирования в Российской Федерации // З.У. Кужакова, А.Х. Байбуринов – Вестник ИУРГУ: Серия «Строительство и архитектура», 2020. Т. 20, № 3. С. 70—79
8. Кнутов А.В., Плаксин С.М., Синятуллин Р.Х., Чаплинский А.В. «Регуляторная гильотина» в России и ее количественные результаты // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 2. С. 4—27.
9. Ильинова В.В., Мицевич В.Д. Международный опыт использования BIM-технологий в строительстве // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 6. С.79-93.
10. Устимова С. А., Рассказова Е. Н. Гражданско-правовые проблемы цифровизации в проектной деятельности в сфере строительства // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 2. С. 239—243.

References:

1. Savina S. I. Digital Form of Implementation of State Functions: Theoretical and Legal Aspects and Its Significance in State and Legal Reality // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (58). Pp. 217—225.
2. Chernogor N.N., Pashentsev D.A. Kontseptsiya tsifrovogo gosudarstva i tsifrovoy pravovoy sredy: monografiya [The concept of the digital state and the digital legal environment: monograph]. Moscow: Norma: INFRA-M, 2021. 244 p. (In Russian)
3. Korobeynikova K.V. Digitalization of the State and Legal Sphere: Theoretical and Legal Aspect. 2023. № 5(221). Pp. 12-15.
4. Amelin R. V. Information Systems as a Legal Instrument of Impact on Social Relations: Analysis of Russian and World Practice. New series. Series: Economics. Management. Right. 2021. T. 21, iss. 4, pp. 445—452.
5. Amelin R.V. Legal Problems of Creating and Using State Information Systems // Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS. 2018. T. 13. № 4. Pp. 151—169.
6. Tymchuk Y. A. COVID-19 as a catalyst for the transformation of contractual and law enforcement practice // Legal Concept = Legal paradigm. 2020. T. 19, No 3. Pp. 31—40.
7. Kuzhakova Z.U. Review of Regulatory Documentation in the Field of BIM Modeling in the Russian Federation // Z.U. Kuzhakova, A.Kh. Baiburin – SUSU Bulletin: Construction and Architecture Series, 2020. T. 20, No 3. pp. 70—79
8. Knutov A.V., Plaksin S.M., Sinyatullin R.Kh., Chaplinsky A.V. "Regulatory guillotine" in Russia and its quantitative results. Journal of the Higher School of Economics. 2022. T. 15. № 2. Pp. 4—27.
9. Ilinova V.V., Mitsevich V.D. Mezhdunarodnyy opyt ispol'zovaniya BIM-tekhnologii v stroitel'stve [International experience of using BIM technologies in construction]. 2021. № 6. P.79-93.
10. Ustimova S. A., Rasskazova E. N. Grazhdansko-pravovyye problemy tsifrovizatsii v proektnoy deyatel'nosti v sfere stroitel'stvo [Civil and legal problems of digitalization in project activities in the field of construction]. 2022. № 2. Pp. 239/2012243.

**ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЧАСТНОПРАВОВОЙ
ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
СТЕРЕОТИПЫ И ПРАВОВАЯ ДОГМАТИКА
PROBLEMS OF FORMATION AND IMPLEMENTATION
OF PRIVATE LAW POLICY IN THE FIELD OF DIGITALIZATION OF MODERN RUSSIA:
STEREOTYPES AND LEGAL DOGMATICS**

ПУЗИКОВ Руслан Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права
Института права и национальной безопасности
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Интернациональная ул., 33, г. Тамбов, Тамбовская обл., 392000, Россия.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

КЛЕМШЕВ Юрий Геннадьевич,

аспирант кафедры теории и истории государства и права Института права и национальной безопасности,
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина».
Интернациональная ул., 33, г. Тамбов, Тамбовская обл., 392000, Россия.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

Puzikov Ruslan Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law
at the Institute of Law and National Security of Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, Tambov region, 392000, Russia.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru;

Klemeshev Yuri Gennadievich,

postgraduate student of the Department of Theory and History of State and Law
at the Institute of Law and National Security, Tambov State University named after G.R. Derzhavin.
33 Internatsionalnaya str., Tambov, Tambov region, 392000, Russia.
E-mail: ruslanlaw@mail.ru

***Краткая аннотация:** работа посвящена одной из наиболее актуальных проблем современного развития общества, а именно вопросам цифровизации права, выявлению характерных проблем тормозящих процессы формирования и реализации на примере частноправовой политики в целом, и в направлении ее цифровизации в частности. Авторы отдельно обращают внимание на плюсы и минусы существования в российской правовой жизни правовых стереотипов и выявляют их роль в стимулировании цифровизации частного права.*

***Abstract:** the work is devoted to one of the most pressing problems of modern development of society, namely the issues of digitalization of law, identification of characteristic problems hindering the processes of formation and implementation on the example of private law policy in general, and in the direction of its digitalization in particular. The authors separately draw attention to the pros and cons of the existence of legal stereotypes in Russian legal life and identify their role in stimulating the digitalization of private law.*

***Ключевые слова:** правовая доктрина, частноправовая политика, правовые стереотипы, цифровизация права, частное право.*

***Keywords:** legal doctrine, private law policy, legal stereotypes, digitalization of law, private law.*

***Для цитирования:** Пузиков Р.В., Клемешев Ю.Г. Проблемы формирования и осуществления частноправовой политики в сфере цифровизации современной России: стереотипы и правовая догматика // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 23-27. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_23.*

***For citation:** Puzikov R.V., Klemeshev Yu.G. Problems of formation and implementation of private law policy in the field of digitalization of modern Russia: stereotypes and legal dogmatics // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 23-27. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_23.*

Статья поступила в редакцию: 07.08.2024

Современная частноправовая политика нуждается в определении значения цифровизации всех сфер жизни общества и её влияния на один из ключевых направлений, а именно гражданский оборот. Уже несколько лет цифровизация – важнейшая часть многих аспектов социально-экономических отношений общества. Цифровые технологии стали одним из главных факторов мирового развития. «Эффект от внедрения цифровых технологий в России способен увеличить ВВП страны к 2025 году на 4,1–8,9 трлн.руб.»¹.

Однако в правоприменительной практике и правовой доктрине проблемные аспекты цифровизации толкуются неоднозначно – к единому мнению не могут прийти ни юристы-практики, ни юристы-теоретики. Внедрение в правовое поле цифровых объектов гражданского оборота без наличия единой позиции юридического сообщества по отношению к ним может повлечь за собой большое количество отменённых судебных решений, загруженность судов, в целом проблемы защиты прав и законных интересов граждан и организаций. Потому исследование проблемных аспектов цифровизации гражданского оборота представляется важным и актуальным.

Формирование частноправовой политики в сфере цифровизации современной России сталкивается с рядом проблем и вызовов, которые

¹ Цифровая Россия: новая реальность. DigitalMcKinsey: Сайт. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (датаобращения: 19.03.2024).

обусловлены как внутренними, так и внешними факторами.

В первую очередь отражаются в нормативно-правовой базе, то есть в неопределенность и изменчивость законодательства. Цифровые технологии развиваются быстрее, чем законодательство может за ними поспевать, что приводит к правовой неопределенности для участников рынка, а также в проблемах интеграции с международным правом. Необходимость согласования российского законодательства в области цифровизации с международными стандартами и нормами может стать препятствием для развития международного сотрудничества.

Рассматривая с технологической стороны вызовов, так отражается в безопасности данных. С увеличением объема цифровых данных растет и риск их утечки или несанкционированного доступа, что требует разработки и внедрения продвинутых механизмов защиты информации. И интеграция новых технологий. Внедрение технологий, таких как блокчейн, искусственный интеллект, большие данные, в частноправовую сферу требует адаптации существующих правовых норм и разработки новых подходов к регулированию.

Говоря с экономической и социальной стороны, затрагивается цифровое неравенство. Разрыв в доступе к цифровым технологиям и услугам между различными регионами и слоями населения может усилить социальное неравенство. Изменение рынка труда. Цифровизация приводит к трансформации профессий и способов работы, что требует переосмысления подходов к трудовому праву и социальной защите.

Цифровизация подводит нас к вопросу касающегося проблем защиты прав субъектов, что отражается в защите персональных данных. Регулирование обработки персональных данных в цифровой среде остается одной из ключевых задач для обеспечения прав и свобод граждан. И интеллектуальной собственности, то есть распространение цифрового контента порождает вопросы защиты прав на интеллектуальную собственность, в том числе авторских прав и патентов.

Для решения этих проблем требуется комплексный подход, включающий совершенствование законодательства, развитие технологической инфраструктуры, стимулирование инноваций, а также укрепление международного сотрудничества в области цифровизации. Важную роль играет обучение и повышение квалификации специалистов, а также просвещение граждан в области цифровой грамотности.

Цифровой прогресс, затрагивающий все сферы жизни общества, внедрение в гражданский оборот таких новшеств, как, к примеру, блокчейн, токены, криптовалюты, майнинг, IT-технологии, породили острую необходимость правового регулирования новых отношений, а также знаний юристов о новых технологических явлениях, явлениях информатики и даже физики – тех отраслей, с которыми раньше юристы в своей практике почти не сталкивались. Мы считаем, что сейчас происходит активное изменение институтов права под влиянием мировой популярности современных цифровых технологий. «Появляются новые правовые явления, связанные с субъектами и объектами правового регулирования, спецификой правоотношений в цифровой реальности, осмысления понятия и содержания цифровых прав»¹.

Популяризация информационной системы поставила перед цивилистикой проблему перестройки законодательства под новые особенности гражданского оборота, связанные со многими важными чертами цифровых технологий. Имущественный оборот составляют разнообразные экономические отношения по переходу вещей и другого имущества от одних лиц к другим, гражданско-правовое оформление экономических отношений должно происходить посредством четко определенных норм права. С этой позицией трудно не согласиться, её разделяют многие авторитетные цивилисты (так, например, подобное определение имущественного оборота даёт в своём учебнике гражданского права Е.А. Суханов²). В связи с необходимостью четкого определения нормы права для применения в гражданском обороте новых цифровых технологий три года назад был принят Федеральный закон от 18.03.2019 №34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее - Закон о цифровых правах)³. Этот Федеральный закон, имея как научное, так и практическое важнейшее для права значение, закрепил в качестве нового объекта гражданских прав цифровые права. Цифровые права в современной правовой доктрине признаются многими авторитетными учёными видом имущественных прав. Они обладают всеми свойствами, чтобы являться полноценными участниками гражданского оборота, но с тем расчётом, что их положение четко определено в законе и правоприменительной практике⁴.

Цифровые объекты гражданского права – это данные, которые, не имея физического облика, представляют собой определённую имущественную ценность (прежде всего – криптовалюты). Цифровые объекты гражданского оборота – явление для правоприменения довольно сложное. Сложное и потому, что является относительно новым, создаётся информатиками, инженерами, математиками – то есть за гранью юридического познания, и потому, что, встречаясь с ними на практике в конкретном гражданском деле, бывает трудно понять, какую роль в этом деле играет цифровой объект, и играет ли он её вообще – что это, объект гражданского оборота, или же просто набор информации? Конечно, говоря о цифровых объектах гражданского оборота, речь идёт, прежде всего, о криптовалюте, как о самом интересном как с правовой, так и с экономической точки зрения, так и о самом проблемном явлении в практике.

В российском опыте встречались случаи, когда судебная практика по-разному трактовала применение криптовалюты. Так, Арбитражный суд

¹ Санникова Л.В., Харитоновна Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86.

² Гражданское право: учебник: в 4 т. Т.1/отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд. М.: Статут, 2019. С. 87.

³ Федеральный закон «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18.03.2019 №34-ФЗ// СЗ РФ. 2019. №12. Ст. 1224.

⁴ Карцхия Александр Амиранович Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03// Карцхия Александр Амиранович. М., 2019. С. 23.

города Москвы в Определении от 2 февраля 2018 г.¹, рассматривая дело о банкротстве юридического лица, столкнулся с проблемой, включать ли криптовалюту в конкурсную массу, является ли она платёжным средством организации, можно ли считать её объектом гражданского оборота. В результате суд признал, что в данном случае криптовалюта действительно являлась объектом гражданского оборота, потому как обладала экономической ценностью. Девятый арбитражный апелляционный суд признал правомерность такого решения.

Существует проблема осмысления объектов права, порождаемых цифровой средой. Так, в феврале 2022 года Банк России подготовил законопроект о запрете выпуска и организации обращения частной цифровой валюты в стране. Причины принятия такого решения понятны – ещё не готово нормативно-правовое регулирование цифровой валюты, на мировом уровне ещё не закончены споры об определении самой её природы – а то, что нельзя законодательно регулировать, то нельзя пускать в оборот до установления конкретных правовых норм. Министерство финансов России с подобной позицией не согласилось². Ещё в 2016 году Президент РФ в своём послании к Федеральному собранию, предлагая запустить программу цифровой экономики, особо подчеркнул, что вопрос цифровизации правовой системы – это вопрос национальной безопасности и технологической независимости страны³. Теперь, когда возник спор об использовании цифровой валюты, Президент РФ распорядился не принимать скорых решений, пока ЦБ и Минфин не придут к единому мнению.

О том, какими трудностями и противоречиями может обернуться поспешное внедрение в гражданский оборот цифровой валюты, мы можем судить по опыту других стран. Внедрение так называемых «финансовых технологий» началось ещё в первом десятилетии XXI века – после финансового кризиса 2007-2009 гг. Тогда банки восприняли нововведение положительно – в цифровой валюте видели средство, которое может спасти положение. Физическим и юридическим лицам были предложены новые «финансовые инструменты» – криптовалюты. В экономике произошла небольшая революция, и, как в любой революции, общество разделилось на революционеров и контрреволюционеров – часть банков отказалась принять новый вид валюты. Яркий пример представляет собой путь легализации цифровизации электронной валюты в США. Новая валюта – «Биткойн» – вышла в свет в 2009 году. Сразу же после этого, воспользовавшись недостаточно развитым для новых внедрений нормативно-правовым регулированием, «Биткойн» освоили криминальные структуры. Отсутствие необходимых правовых норм тормозило раскрытие противоправных деяний в совершении сделок, предметом которых явилась новая валюта. Только через четыре года американским правоохранительным органам и спецслужбам удалось «зачистить» криминальный бизнес на использовании BTC. Ещё через два года, доработав нормативное регулирование, поддавшись давлению СМИ, пропагандирующих использование цифровой валюты обществу, американские власти всё же узаконили «Биткойн». В этот же год штат Калифорния, где располагается Кремниевая долина (по некоторым данным, сыгравшая определяющую роль в популяризации цифровой валюты), приравнял «Биткойн» к доллару. Однако цифровая валюта все же не стала безопасной. Органы власти, банки многих стран признают законным оборот цифровой валюты потому, что её внедрение, цифровизация гражданского оборота, заключение сделок посредством использования криптовалюты, якобы неизбежны, и лучше не тратить время и силы на противодействие изменениям, а принять их. Однако это слишком простое решение вопроса, которое в условиях концептуальной неопределенности может привести к негативным последствиям. В настоящее время необходимо глубокое и всестороннее осмысление такого феномена как криптовалюта на теоретическом уровне.

Закон о цифровых правах заложил правовую основу для совершения сделок посредством цифровой среды, то есть сделок, совершаемых в электронной форме. Определить с догматической точки зрения то, что представляет собой сделка в электронной форме довольно сложно.

К.В. Нам, в частности, даёт два определения электронной формы сделки: «в правовом смысле электронной формой следует называть электронный документ, подписываемый электронной квалифицированной подписью»⁴ и «законодательно под электронной формой сделки понимается подписание электронного документа посредством использования квалифицированной электронной подписи»⁵.

Как правило, электронная форма сделки приравнивается в юридической доктрине к простой письменной форме заключения сделки, но на практике дело обстоит несколько иначе: законодатель делает акцент на регулировании совершения сделок с помощью электронных или иных технических средств. Законом о цифровых правах были внесены весомые для цифровизации гражданского оборота изменения в п. 2 ст. 434: «*Договор в письменной форме может быть заключен путем составления одного документа (в том числе электронного)*...»⁶. Тем самым законодатель приравнивает два различных явления: сделка «письменная» и сделка «цифровая». Сделано это с целью установления для них единого правового режима. Некоторые учёные назвали это правовой фикцией. Однако мы с этим не можем согласиться. Правовая фикция – юридическое закрепление несуществующего как существующего, что, как видно, противоречит упомянутой выше норме ст. 434 ГК РФ, указывающей, что электронный документ не является «несуществующим» – он существует наравне с привычной для нас простой письменной формой. Ведь электронный оборот существует в действительности, хотя его нельзя ощутить физически, в вещественной материи, речь здесь идёт о виртуальном мире, который появляется и суще-

---

¹ Определение Арбитражного суда города Москвы от 2 февраля 2018 г. по делу №А40-124668/17-71-160: Сайт. URL: <http://ras.arbitr.ru/> (дата обращения: 20.03.2024).

²РБК. ЦБ подготовил проект о запрете криптовалюты и предложил штрафы: Сайт: URL: <https://rbc.ru/turbopages.org/rbc.ru/s/finances/18/02/2022/620f75b69a7947762be3a633> (дата обращения: 20.03.2024).

³Катасонов Валентин Юрьевич. Мир под гипнозом цифры. М.:Библиотека РЭО им. С.Ф. Шарипова, 2018. С. 5.

⁴ Нам К.В. Электронная форма сделки в праве Европейского Союза и Германии//Право цифровой экономики - 2020 (16): Ежегодник-антология/ рук.и науч. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2020. С. 79.

⁵ Там же.

⁶Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 16.05.2023) //СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

ствуется посредством программного обеспечения.

Кроме того, электронный документ следует тем же нормам, что и бумажный. Например, электронный документ, как и бумажный, должен быть составлен в виде, пригодном для человеческого восприятия. Электронный документооборот не содержит обязательного для бумажного документооборота правила подписания двух и более экземпляров договора, не существует также как такового подлинника договора – цифровизация дала возможность неограниченного тиражирования любой информации, так что здесь любая «копия» становится подлинником. Так, в ч. 2 ст. 7 Модельного закона об электронной торговле (принят в Санкт-Петербурге 25.11.2008 постановлением №31-12 на пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ) сказано, что все экземпляры одного и того же электронного сообщения, подписанные электронной подписью, имеют равное юридическое значение при условии обеспечения необходимой защиты информационных систем и среды хранения документов. Помимо несомненных преимуществ электронного документооборота существует и ряд неразрешённых ещё на практике и в правовой доктрине вопросов. Например, идут споры по поводу того, что следует считать получением акцента при заключении электронной сделки – доставку электронного сообщения оференту или открытие им сообщения? Решение этого вопроса является принципиально важным, так как, согласно п. 1 ст. 433 ГК РФ, «договор признаётся заключённым в момент получения лицом, направившим оферту, ее акцепта»¹. Соответственно, если не знать, в какой именно момент получен акцепт, нельзя утверждать, что договор заключен и вступил в законную силу. Так, в одном из судебных актов сказано, что «*лишь направление решения посредством электронного способа отправки не обеспечивает возможности достоверно утверждать о факте его получения предпринимателем, в том числе в силу возможных технических сбоев электронной почты...не отвечают критерию допустимости доказательств, поскольку скриншот подтверждает лишь создание письма и его отправление по указанному адресу электронной почты, но не доказывает получение письма адресатом*»². Однако дальнейшее развитие технологий может изменить эту точку зрения, зафиксированную судебной практикой.

Также перед законодателем в ближайшее время стоит задача решения проблемы подписи сторон в электронном документообороте. Часть судов придерживается позиции, изложенной в ст. 3 Федерального закона от 10.01.2002 № 1-ФЗ «Об электронной цифровой подписи», в которой сказано, что признаётся юридическая сила за электронным документом только при наличии на нём электронной цифровой подписи. Однако большинство судов склоняется к применению нормы Федерального закона от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи», из ст. 2 которого следует, что признание юридической силы за электронным документом возможно только в случае определения подписывающего его лиц³. Соответственно, одной электронной подписи для признания договора заключённым недостаточно – необходимо также предоставить документы, свидетельствующие о полномочии физического лица выступать от имени юридического лица, а также использовать в его целях электронную подпись. Противоречия в судебной практике, как правило, свидетельствуют о скорой разработке новой правовой нормы, которая урегулировала бы данное правоотношение с позиции потребности общества.

Интересным элементом осуществления частноправовой политики в сфере цифровизации – это электронные кошельки, которые также являются инструментом гражданского оборота. Понятие электронного кошелька в законодательном закреплении отсутствует, но законодатель используется иное определение данного объекта, то есть электронные денежные средства, оператор электронных денежных средств и электронное средство платежа нашли свое законодательное закрепление. Цифровизация привела к тому, что некоторые банки внедрили использование электронных средств платежа к ним относятся ЯндексБанк, ВайлдберризБанк и ОзонБанк.

Отметим, что электронный кошелек не является средством платежа (как в России, так и за рубежом), но по своей природе является официальным инструментом перевода денежных средств и являются децентрализованной системой. Пробел в использовании электронных кошельков заключается в том, что любой платеж на территории Российской Федерации отслеживается для того, чтобы предотвратить возможные преступные действия. Но, если говорить про сами электронные платежи выделяется возможность перевода для физических лиц и для юридических лиц, но по разным основаниям. Для физических лиц предусмотрено три основания, то есть зависит от регистрации и идентификации электронного кошелька, если идентификация не была пройдена, то использование кошелька невозможно. Сведения об использовании электронного кошелька подаются в налоговый орган. Для юридических лиц обмен денежных средств регулируется по аналогичным основаниям, но имеются ограничения между валютными переводами. В теории гражданского права существует несколько определений электронных денег, но при этом электронные деньги от цифровой валюты отделены. Введённый электронный рубль по своей природе не является электронными деньгами, но выступает цифровой валютой.

Цифровое общество – реальность, смело ворвавшаяся в жизнь человечества в XXI столетии. Но, несмотря на то, что цифровизация прочно вошла во все сферы жизни общества, в правоприменительной практике и юридической доктрине большинство её аспектов трактуются противоречиво. Уже сформирована достаточно обширная правовая база регулирования гражданских правоотношений посредством компьютерных технологий и это можно расценивать как положительное явление гражданского оборота, делающее само гражданское право более гибким, более приспособленным к быстрому обмену информацией и товарами, однако перед законодателем теперь стоит задача совершенствования законодательства в сфере гражданского оборота, предметом которого будет выступать новая – «цифровая» - валюта. В ближайшие годы должна быть глубже осознана и решена на

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 №51-ФЗ (ред. от 16.05.2023) // СЗ РФ. 1994. №32. Ст. 3301.

² Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2020 № 07АП-7961/20 по делу № А27-5982/20: Сайт.URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS007&n=161643#Odr1f7Uv6GftFgG2> (дата обращения: 28.03.2022).

³ Федеральный закон «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // СЗ РФ. 2011. №15. Ст. 2036.

теоретическом уровне проблема её существования в гражданском обороте многих стран.

В современной России цифровизация проникает во все сферы жизни общества, становясь одним из ключевых направлений стратегического развития. Цифровая экономика предъявляет новые требования к правовой системе, в частности к механизмам реализации и защиты частноправовых интересов. В связи с этим актуализируется задача адаптации частноправовой политики к условиям цифровизации, что предполагает комплекс мер, направленных на создание благоприятной правовой среды для развития цифровых технологий и защиты прав субъектов.

Первостепенной задачей является формирование гибкой и адаптивной нормативно-правовой базы, способной отвечать быстро меняющимся условиям цифровой экономики. Это предполагает разработку и принятие новых законов, а также корректировку действующего законодательства в части, касающейся, например, электронной торговли, дистанционных услуг, защиты данных и интеллектуальной собственности в интернете.

Особое внимание уделяется обеспечению защиты персональных данных. В условиях цифровизации количество собираемой и обрабатываемой информации о личности неуклонно растет, что повышает риски нарушения прав на конфиденциальность. Российское законодательство в этой сфере должно соответствовать лучшим мировым стандартам, обеспечивая эффективный контроль и безопасность обработки персональных данных.

Цифровизация ставит перед правовой системой задачу адаптации норм интеллектуальной собственности. С одной стороны, необходимо создать условия для свободного распространения и использования цифровых технологий, с другой – гарантировать защиту прав авторов и изобретателей. Это требует баланса интересов и разработки новых подходов к лицензированию, использованию открытых данных и обеспечению доступа к культурному наследию в цифровой форме.

Осуществление частноправовой политики в условиях цифровизации неразрывно связано с обеспечением исполнения правовых норм. В этом контексте важную роль играют технологии блокчейна и смарт-контракты, которые могут служить надежными инструментами для автоматизации исполнения договорных обязательств, учета прав собственности и контроля за соблюдением законодательства.

Важным аспектом частноправовой политики в сфере цифровизации является международное правовое сотрудничество.

Библиография:

1. Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 86.
2. Карцхия А.А. Гражданско-правовая модель регулирования цифровых технологий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 // Карцхия Александр Амранович. М., 2019. С. 23.
3. Катасонов Валентин Юрьевич. Мир под гипнозом цифры. М.:Библиотека РЭО им. С.Ф. Шарипова, 2018. С. 5.
4. Нам К.В. Электронная форма сделки в праве Европейского Союза и Германии // Право цифровой экономики - 2020 (16): Ежегодник-антология/ рук.и науч. ред. д.ю.н. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2020. С. 79.

References:

1. Sannikova L.V., Kharitonova Y.S. The legal essence of new digital assets // Law. 2018. No. 9. p. 86.
2. Kartskhiya A.A. Civil law model of regulation of digital technologies: abstract. diss. ... cand. Jurid. sciences: 12.00.03 // Kartskhiya Alexander Amiranovich. M., 2019. p. 23.
3. Katasonov Valentin Yuryevich. The world under the hypnosis of numbers. M.:Library of the S.F. Sharapov REO, 2018. p. 5.
4. Nam K.V. Electronic form of transaction in the law of the European Union and Germany // Law of the digital economy - 2020 (16): Yearbook-anthology/ ruk.and scientific ed. by D.yu.n. M.A. Rozhkova. M.: Statute, 2020. p. 79.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_28

О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О НОТАРИАТЕ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

On the imperfection of the legislation on notaries in the Russian Federation

ГАЛУЗО Василий Николаевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник НИИ образования и науки.

123056, Россия, г. Москва, пер. Электрический, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru;

Galuzo V.N.,

PhD, Chille-old researcher at the Institute of Education and Science.

123056, Russia, Moscow, lane Electric, 10.

E-mail: vgrmn@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа юридической литературы и законодательства о нотариате в Российской Федерации обосновано несколько суждений: в Российской Федерации понятия «отрасль права» и «отрасль законодательства» являются не устоявшимися; соотношение между понятиями «отрасль права» и «отрасль законодательства» должно выражаться в их паритете: всякой отрасли права соответствовать отрасли законодательства; законодательство о нотариате в Российской Федерации не систематизировано, что является препятствием для комплексного правового регулирования; нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования организации нотариата и деятельности нотариусов и с неопределенным местом в системе нормативных правовых актов, является: «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г.; для обеспечения правил комплексного правового регулирования необходимо точно определить статус нормативного правового акта об организации нотариата и деятельности нотариусов; организация нотариата и деятельность нотариусов должны быть урегулированы в гипотетическом Федеральном законе РФ «Об организации нотариата и деятельности нотариусов в Российской Федерации»; урегулирование организации нотариата и деятельности нотариусов, в том числе и посредством доказывания, именно в федеральном законе РФ предопределено наличием кодифицированных федеральных законов РФ о четырех разновидностях процесса (доказывание в гражданском процессе, доказывание в арбитражном процессе, доказывание в уголовном процессе, доказывание в административном процессе).

Abstract: based on the analysis of the legal literature and legislation on notaries in the Russian Federation, several judgments are substantiated in the article: In the Russian Federation, the concepts of «branch of law» and «branch of legislation» are not well-established; the relationship between the concepts of «branch of law» and «branch of legislation» should be expressed in their parity: every branch of law corresponds to a branch of legislation; the legislation on notaries in the Russian Federation is not systematized, which is an obstacle to comprehensive legal regulation; a normative legal act specifically designed to regulate the organization of notaries and the activities of notaries and with an indefinite place in the system of normative legal acts is: «Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries» dated February 11, 1993; to ensure the rules of comprehensive legal regulation, it is necessary to accurately determine the status of the regulatory legal act on the organization of the notary and the activities of notaries; the organization of the notary and the activities of notaries should be regulated in the hypothetical Federal Law of the Russian Federation «On the organization of the notary and the activities of notaries in the Russian Federation»; the regulation of the organization of the notary and the activities of notaries, including through evidence, is predetermined in the federal law of the Russian Federation by the presence of codified federal laws of the Russian Federation on four types of process (proving in civil proceedings, proving in arbitration, proving in criminal proceedings, proving in administrative proceedings).

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство, нормативный правовой акт, система нормативных правовых актов, Конституция РФ, федеральный закон РФ, «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г., юридическая сила, нотариат, нотариус, комплексное правовое регулирование, противоречие, конкуренция, коллизия, доказывание, процесс.

Key words: Russian Federation, legislation, normative legal act, system of normative legal acts, Constitution of the Russian Federation, federal law of the Russian Federation, «Fundamentals of legislation of the Russian Federation on notaries» dated February 11, 1993, legal force, notary, notary, complex legal regulation, contradiction, competition, conflict, proof, process.

Для цитирования: Галузо В.Н. О несовершенстве законодательства о нотариате в Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 28-31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_28.

For citation: Galuzo V.N. On the imperfection of the legislation on notaries in the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 28-31. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_28.

Статья поступила в редакцию: 27.03.2024

Предметом данной статьи является законодательства о нотариате в Российской Федерации¹.

Поводом для подготовки данной статьи, послужила публикация, в которой автор проинтервьюировал Президента Федеральной нотариальной палаты РФ К. Корсика², а также опыт правового регулирования³.

Определение статуса «нотариат» и лиц, состоящих в нем, в теории правоохраны⁴ вызывают затруднения.

¹ Мы предлагаем с 25.12.1991 г. для названия государства использовать исключительно этот термин (подробнее об этом см.: Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123).

² См.: Куликов В. Решим по телефону // РГ. 2024. 7 марта. С. 1, 4.

³ Речь идет о гражданском деле за № 02-5840/2023 (в 2024 г. - № 02-0186/2024), возбуждавшимся 27.07.2023 г. в суде общей юрисдикции районного звена города Москвы (в Лефортовском районном суде г. Москвы), в котором учитывались и результаты деятельности нотариуса.

⁴ Теория правоохраны является результатом научного исследования автора данной статьи (см.: Галузо В.Н. Теория правоохраны - новое направление в российской юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113; он же: Теория правоохраны как феномен юридической науки Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 33-36; он же: Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019; он же: Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022).

Нотариальные органы отнесены нами к государственным правоприменительным органам, содействующим правоохране.

В данном случае речь идет о государственном нотариате, компетенция которого суживается, что предопределено формированием рыночных отношений в Российской Федерации, на чем акцентирует внимание Президент Федеральной нотариальной палаты РФ К. Корсик («нотариальная телепортация», «развитие государственной инфраструктуры приема документов в электронном виде», «цифровой документооборот», «... гражданский оборот развивается, а значит – нуждается в обеспечении его стабильности и законности»).

Организация и деятельность нотариальных органов урегулированы в нормативном правовом акте от 11 февраля 1993 г.: «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате»¹.

Нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

Нотариальными органами являются государственные нотариальные конторы, которые образуются в субъектах Российской Федерации (ст. 7). В государственных нотариальных конторах состоят нотариусы. Территория деятельности нотариуса (нотариальный округ) устанавливается в соответствии с административно-территориальным делением Российской Федерации (ст. 13).

Нотариус имеет право: совершать нотариальные действия в интересах физических и юридических лиц, обратившихся к нему, за исключением случаев, когда место совершения нотариального действия определено законодательством Российской Федерации или международными договорами; составлять проекты сделок, заявлений и других документов, изготовлять копии документов и выписки из них, а также давать разъяснения по совершению нотариальных действий; истребовать от физических и юридических лиц сведения и документы, необходимые для совершения нотариальных действий.

Нотариус обязан: оказывать физическим и юридическим лицам содействие в осуществлении их прав и защите законных интересов, разъяснять их права и обязанности, предупреждать о последствиях совершаемых нотариальных действий, чтобы юридическая неосведомленность не могла быть использована им во вред; хранить в тайне сведения, которые стали ему известны в связи с осуществлением его профессиональной деятельности (суд может освободить нотариуса от обязанности сохранения тайны, если против нотариуса возбуждено уголовное дело в связи с совершением нотариального действия); отказать в совершении нотариального действия в случае его несоответствия законодательству Российской Федерации или международным договорам в случаях, предусмотренных нормативными правовыми актами Российской Федерации, представить в налоговый орган справку о стоимости имущества, переходящего в собственность граждан, необходимую для исчисления налога с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения.

Нотариус, работающий в государственной нотариальной конторе, в случае совершения действий, противоречащих законодательству Российской Федерации, несет ответственность в установленном законодательством порядке.

Государственным нотариусам и консультантам государственных нотариальных контор присваиваются классные чины: государственного советника юстиции; государственного советника юстиции 1, 2 и 3-го классов; советника юстиции 1, 2 и 3-го классов; юриста 1, 2 и 3-го классов. Порядок их присвоения урегулирован действующим до нынешнего времени приказом министра юстиции РСФСР от 16 октября 1991 г. № 152/13-3-23, которым была утверждена Инструкция о порядке присвоения классных чинов работникам органов юстиции государственного нотариата РСФСР².

Министром юстиции РФ утвержден Порядок ведения реестра нотариусов и лиц, сдавших квалификационный экзамен³. В реестр государственных нотариальных контор вносятся сведения о лицах, назначенных на должность нотариуса. Реестр формируется и ведется Департаментом организации, координации и контроля Министерства юстиции РФ для обеспечения учета государственных нотариальных контор, а также обеспечения заинтересованных лиц информацией, содержащейся в реестре.

Организация и деятельность нотариальных органов в субъектах Российской Федерации регулируются нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации. Так, в постановлении Правительства г. Москвы «О мерах по развитию и укреплению нотариата Москвы» № 258 от 26 марта 1996 г.⁴ устанавливался срок подготовки и внесения на рассмотрение Московской городской Думы проекта Закона г. Москвы «О порядке организации нотариальной деятельности в г. Москве» (до 1 июня 1996 г.). Постановлением Правительства Москвы № 103 от 18 февраля 1997 г.⁵ был рассмотрен законопроект «Об организации деятельности нотариата в городе Москве». В целом законопроект структурно соответствовал Основам законодательства Российской Федерации о нотариате. В нем было определено, что нотариат Москвы находится в совместном ведении Российской Федерации и города Москвы, как субъекта Российской Федерации. И наконец, 19 апреля 2006 г. Московской городской Думой был принят Закон г. Москвы «Об организации и деятельности нотариата в городе Москве»⁶. В соответствии с Законом г. Москвы от 19 апреля 2006 г. нотариат является «институтом гражданского общества» (ст. 1).

Частный нотариат отнесен нами к негосударственным правоприменительным органам, содействующим правоохране.

---

¹ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1993. № 10. Ст. 357; СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4855; ...; 2023. № 51. Ст. 9160.

² См.: Бюллетень МЮ РФ. 1998. № 1. С. 86—88.

³ См.: Об утверждении Порядка ведения реестра нотариусов и лиц, сдавших квалификационный экзамен: Приказ Министра юстиции РФ № 147 от 29.06.2015 г. // БНА РФ. 2015. № 41.

⁴ См.: Вестник ММ. 1996. № 9. С. 31—33. Утратило юридическую силу в связи с принятием постановления Правительства г. Москвы № 473-ПП от 19.08.2014 г. // Вестник МПМ. 2014. № 47.

⁵ В официальных источниках не публиковалось.

⁶ См.: Ведомости МГД. 2006. № 5. Ст. 107; 2023. № 7. Ст. 92.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ от 12 декабря 1993 г.¹ «защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства». Одним из средств реализации указанной конституционной нормы является совершение нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации.

Организация и деятельность Федеральной нотариальной палаты РФ и нотариальных палат субъектов Российской Федерации урегулированы в гл. VI Основ законодательства Российской Федерации о нотариате (ст. 24—32).

Высшим звеном системы нотариата является Федеральная нотариальная палата РФ, которая представляет профессиональное объединение нотариальных палат субъектов Российской Федерации, основанное на их обязательном членстве. Федеральная нотариальная палата РФ является юридическим лицом и организует свою деятельность на принципах самоуправления. Деятельность Федеральной нотариальной палаты РФ осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и Уставом². Федеральная нотариальная палата РФ может осуществлять предпринимательскую деятельность постольку, поскольку это необходимо для выполнения ее уставных задач. Имущество Федеральной нотариальной палаты РФ не облагается налогом на имущество предприятий.

Органами Федеральной нотариальной палаты РФ являются собрание представителей нотариальных палат, правление и президент. Высшим органом Федеральной нотариальной палаты РФ является собрание представителей нотариальных палат. Руководят Федеральной нотариальной палатой РФ избранные тайным голосованием на собрании представителей нотариальных палат правление и президент Федеральной нотариальной палаты РФ.

Федеральная нотариальная палата РФ имеет следующие полномочия: осуществляет координацию деятельности нотариальных палат; представляет интересы нотариальных палат в органах государственной власти и управления, предприятиях, учреждениях, организациях; обеспечивает защиту социальных и профессиональных прав нотариусов, занимающихся частной практикой; участвует в проведении экспертиз проектов нормативных правовых актов Российской Федерации о нотариальной деятельности; обеспечивает повышение квалификации нотариусов, стажеров и помощников нотариусов; организует страхование нотариальной деятельности; представляет интересы нотариальных палат в международных организациях.

Нотариальная палата является некоммерческой организацией, представляющей профессиональное объединение, основанное на обязательном членстве нотариусов, занимающихся частной практикой. Членами нотариальной палаты могут быть также лица, получившие или желающие получить лицензию на право нотариальной деятельности. Нотариальные палаты образуются в субъектах Российской Федерации. Нотариальная палата является юридическим лицом и организует свою работу на принципах самоуправления. Деятельность нотариальной палаты осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации и ее субъектов, а также ее уставом.

Нотариальная палата может осуществлять предпринимательскую деятельность постольку, поскольку это необходимо для выполнения ее уставных задач. Имущество нотариальной палаты не облагается налогом на имущество предприятий. Устав нотариальной палаты принимается собранием членов нотариальной палаты и регистрируется в порядке, установленном для регистрации уставов общественных объединений. Нотариальная палата имеет следующие полномочия: представляет и защищает интересы нотариусов, оказывает им помощь и содействие в развитии частной нотариальной деятельности; организует стажировку лиц, претендующих на должность нотариуса, и повышение профессиональной подготовки нотариусов; возмещает затраты на экспертизы, назначенные судом по делам, связанным с деятельностью нотариусов; организует страхование нотариальной деятельности.

Нотариальная палата имеет свои органы. Высшим органом нотариальной палаты является собрание членов нотариальной палаты. При голосовании члены нотариальной палаты, являющиеся нотариусами, занимающимися частной практикой, обладают правом решающего голоса, а помощники и стажеры нотариуса — правом совещательного голоса. Руководят нотариальной палатой избранные собранием членов нотариальной палаты правление и президент нотариальной палаты.

Нотариусы, состоящие в нотариальных палатах и занимающиеся частной практикой, имеют право совершать следующие нотариальные действия: удостоверяют сделки; выдают свидетельства о праве собственности на долю в общем имуществе супругов; налагают и снимают запрещения отчуждения имущества; свидетельствуют подлинность копий документов и выписок из них; свидетельствуют подлинность подписи на документах; свидетельствуют верность перевода документов с одного языка на другой; удостоверяют факт нахождения гражданина в живых; удостоверяют факт нахождения гражданина в определенном месте; удостоверяют тождественность гражданина с лицом, изображенным на фотографии; удостоверяют время предъявления документов; передают заявления физических и юридических лиц другим физическим и юридическим лицам; принимают в депозит денежные суммы и ценные бумаги; совершают исполнительные надписи; совершают протесты векселей; предъявляют чеки к платежу и удостоверяют неоплату чеков; принимают на хранение документы; совершают морские протесты; обеспечивают доказательства.

Особо обращаем внимание на главу XX (статьи 102-103) «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г., в которой урегулировано «обеспечение доказательств». Иначе говоря, нотариусы полномочны принимать участие в судопроизводствах, кото-

¹ См.: РФ. 1993. 25 декабря; ...; 2020. 4 июля.

² См.: Устав Федеральной нотариальной палаты от 22.09.1993 г. // Нотариальный вестник. 2017. № 9.

рые мы отождествляем с доказыванием: гражданском, арбитражном, уголовном и административном¹. Само же доказывание урегулировано в кодифицированных федеральных законах РФ². Поэтому имеется необходимость в урегулировании организации нотариата и деятельности нотариусов, в том числе и посредством доказывания, именно в федеральном законе РФ. Таковым может быть Федеральный закон РФ «Об организации нотариата и деятельности нотариусов в Российской Федерации». Это обеспечит комплексное праворегулирование³ при доказывании с участием нотариусов.

Таким образом, исследования относительно законодательства о нотариате в Российской Федерации необходимо продолжать.

Изложенное позволяет нам высказать несколько суждений.

Во-первых, в Российской Федерации понятия «отрасль права» и «отрасль законодательства» являются не устоявшимися.

Во-вторых, соотношение между понятиями «отрасль права» и «отрасль законодательства» должно выражаться в их паритете: всякой отрасли права соответствовать отрасли законодательства.

В-третьих, законодательство о нотариате в Российской Федерации не систематизировано, что является препятствием для комплексного праворегулирования.

В-четвертых, нормативным правовым актом, специально предназначенным для регулирования организации нотариата и деятельности нотариусов и с неопределенным местом в системе нормативных правовых актов, является: «Основы законодательства Российской Федерации о нотариате» от 11 февраля 1993 г.

В-пятых, для обеспечения правил комплексного праворегулирования необходимо точно определить статус нормативного правового акта об организации нотариата и деятельности нотариусов.

В-шестых, организация нотариата и деятельность нотариусов должны быть урегулированы в гипотетическом Федеральном законе РФ «Об организации нотариата и деятельности нотариусов в Российской Федерации».

В-седьмых, урегулирование организации нотариата и деятельности нотариусов, в том числе и посредством доказывания, именно в федеральном законе РФ предопределено наличием кодифицированных федеральных законов РФ о четырех разновидностях процесса (доказывание в гражданском процессе, доказывание в арбитражном процессе, доказывание в уголовном процессе, доказывание в административном процессе).

Библиография:

- 1) Галузо В.Н. Конституционно-правовой статус России: проблема именования государства // Вестник Московского университета МВД России. 2010. № 5. С. 119-123.
- 2) Галузо В.Н. Теория правоохраны - новое направление в российской юридической науке? // Закон и право. 2009. № 12. С. 15-16.
- 3) Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации: pro et contra // Государство и право. 2012. № 11. С. 110-113.
- 4) Галузо В.Н. Теория правоохраны как феномен юридической науки Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2019. № 5. С. 33-36.
- 5) Галузо В.Н. Правоохранительные органы: Учебник для студентов вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.
- 6) Галузо В.Н. Теория правоохраны в Российской Федерации (историко-правовое исследование): Монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2022.
- 7) Галузо В.Н. О доказывании, как деятельности, обеспечивающей приоритет права в регулировании общественных отношений в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 6.
- 8) Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М. Доказывание в правосудии Российской Федерации: Монография. 6-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ПРОСПЕКТ, 2022.
- 9) Куликов В. Решим по телефону // РГ. 2024. 7 марта. С. 1,4.
- 10) Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Монография. М.: МВШМ МВД РФ, 1993.
- 11) Якупов Р.Х. он же: Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993.

References:

- 1) Galuzo V.N. The constitutional and legal status of Russia: the problem of naming the state // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2010. No. 5. pp. 119-123.
- 2) Galuzo V.N. Theory of law enforcement - a new direction in Russian legal science? // Law and Law. 2009. No. 12. pp. 15-16.
- 3) Galuzo V.N. Theory of law enforcement in the Russian Federation: pro et contra // State and law. 2012. No. 11. pp. 110-113.
- 4) Galuzo V.N. Theory of law enforcement as a phenomenon of legal science of the Russian Federation // Agrarian and land law. 2019. No. 5. pp. 33-36.
- 5) Galuzo V.N. Law enforcement agencies: Textbook for university students. Moscow: UNITY-DANA, 2019.
- 6) Galuzo V.N. Theory of law enforcement in the Russian Federation (historical and legal research): Monograph. M.: UNITY-DANA: Law and Law, 2022.
- 7) Galuzo V.N. On proving as an activity ensuring the priority of law in regulating public relations in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2024. № 6.
- 8) Galuzo V.N., Kanafin N.A., Redkous V.M. Proving in the justice of the Russian Federation: Monograph. 6th ed., ispr. and add. / Edited by V.N. Galuzo. M.: PROSPECT, 2022.
- 9) Kulikov V. We will solve by phone // RG. 2024. March 7. P. 1,4.
- 10) Yakupov R.H. Law enforcement in the criminal process of Russia (legal problems): Monograph. M.: MVSM of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993.
- 11) Yakupov R.H. he also: Law enforcement in the criminal process of Russia (legal problems): Abstract of the dissertation. ... doct. jurid. M.: Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1993.

¹ Подробнее об этом см.: Галузо В.Н., Канафин Н.А., Редкоус В.М. Доказывание в правосудии Российской Федерации: Монография. 6-е изд., испр. и доп. / Под ред. В.Н. Галузо. М.: ПРОСПЕКТ, 2022.

² См. об этом: Галузо В.Н. О доказывании, как деятельности, обеспечивающей приоритет права в регулировании общественных отношений в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2024. № 6.

³ О таковом подробнее см.: Якупов Р.Х. Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Монография. М.: МВШМ МВД РФ, 1993; он же: Правоприменение в уголовном процессе России (юридические проблемы): Автореферат дисс. ... докт. юрид. наук. М.: ЮИ МВД РФ, 1993.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_32

УДК 340

БРИКС В МНОГОПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ BRICS IN THE MULTIPOLAR SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

ДАШИН Алексей Викторович,

профессор кафедры, доктор юридических наук,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет».
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: avdashin@mail.ru;

ПРОНЕНКОВА Арина Андреевна,

студент ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет».
ул. Калинина, 13, г. Краснодар, Краснодарский край, 350044, Россия.
E-mail: pronenkova555@gmail.com;

Dashin Alexey Viktorovich,

Professor of the Department, Doctor of Law Kuban State Agrarian University.
Kalinina str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru;

Pronenkova Arina Andreevna,

Student Kuban State Agrarian University.
Kalinina str., 13, Krasnodar, Krasnodar Territory, 350044, Russia.
E-mail: pronenkova555@gmail.com

Краткая аннотация: Появление блока БРИКС положило начало многополярности международной системы. Принятый комплекс вопросов многостороннего сотрудничества БРИКС включает в себя проблемы переустройства международной финансовой системы, энергетики, экологии, взаимной торговли, инвестиций, продовольственной безопасности. Несмотря на то, что в рамках БРИКС преобладает экономическая составляющая, вопросам внешнеполитического взаимодействия тоже уделяется повышенное внимание.

Abstract: The emergence of the BRICS bloc marked the beginning of the multipolarity of the international system. The adopted set of issues of BRICS multilateral cooperation includes the problems of restructuring the international financial system, energy, ecology, mutual trade, investment, and food security. Despite the fact that the economic component prevails within the framework of the BRICS, increased attention is also paid to issues of foreign policy interaction.

Ключевые слова: БРИКС, многополярный мир, международные отношения, цифровая платформа, электронная торговля, Новый банк развития.

Keywords: BRICS, multipolar world, international relations, digital platform, e-commerce, New Development Bank.

Для цитирования: Дашин А.В., Проненкова А.А. БРИКС в многополярной системе международных отношений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 32-34. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_32.

For citation: Dashin A.V., Pronenkova A.A. BRICS in the multipolar system of international relations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 32-34. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_32.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Появление объединения БРИКС стало одним из наиболее значимых геополитических событий начала нового столетия. Изучение проблем развития сотрудничества в рамках БРИКС актуально по той причине, что данное объединение смогло за короткое время стать весомым фактором мировой политики. Становление БРИКС отражает объективную тенденцию мирового развития к формированию многополярной системы международных отношений. В такой системе все более широкое применение находят неинституциональные структуры глобального управления и сетевая дипломатия. С этой точки зрения государства БРИКС объективно имеют к настоящему времени возможности для сотрудничества в целях формирования общих позиций по ключевым направлениям международных отношений.

Закрепление за странами БРИКС определенного значения в экономических процессах мирового уровня, позволяет осуществлять их сравнение с теми государствами, которые представляют «Большую семерку». О существовании достаточного потенциала этих государств свидетельствует ряд факторов, включая тот, что население Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР составляет около 42 % всего населения планеты. На эту долю приходится 18 % мировых производственных и 15 % торговых ресурсов. Именно представители этих стран более чем на половину обеспечивают показатели глобального экономического роста [1].

Указанные показатели позволяют прийти к выводу о важном производственном значении рассматриваемых государств. Скорость, с которой развиваются экономические показатели этих стран, является настолько высокой, что в будущем, они могут стать выше тех, что фиксируются в иных странах. К числу лидеров в данном направлении относится Китай.

Для рассматриваемых государств свойственен столь скорый процесс развития, который может иметь место только в крупных странах. Так, Бразилия характеризуется большим объемом сельскохозяйственной продукции, Россия – минеральными, а Китай – трудовыми ресурсами. Для Индии характерен интеллектуальный потенциал, а для ЮАР – природный. Являясь участниками одного образования, входящие в него страны показывают, что экономическое развитие может осуществляться с опережающим темпом. Входящие в «Большую семерку» страны не способны достичь аналогич-

ных показателей, в результате чего БРИКС, по праву, признается экономическим локомотивом. Наличие коллективного стремления, являющегося объединяющим стимулом, противостоит тем различиям, которые имеются между странами-участницами в различных направлениях развития.

Прослеживается диаметрально противоположность между теми национальными интересами, что присущи «Большой семерке» и государствам БРИКС. Наличие такой противоположности обосновано и геополитическими началами. Так, для западных стран, главенство над которыми осуществляется США, наиболее приемлемым является установление однополярного мира. Многополярность же является целью БРИКС, главой которой является Россия. Западная модель, которой придерживается США, направлена на выживание этих государств в то время, как БРИКС предпринимает меры к развитию многополярности. Подтверждением тому выступает и факт того, что в недавнем прошлом существовали лишь НАТО и Организация Варшавского договора, лидирующее положение в которых отводилось США и СССР. Сегодня же ранее существовавшая взаимная работа сменилась противостоянием.

Объединение в БРИКС и иные союзы позволяют государствам реализовывать многополярное мироустройство, обеспечивая, при этом безопасное и стабильное развитие.

Невозможно отрицать факт развития блока БРИКС в течение нескольких последних лет. Его значение на первоначальном этапе сводилось к созданию органа, уполномоченного на разрешение вопросов экономического характера. На базе блока его участники могли обмениваться идеями, а также осуществлять поиск тех подходов, которые могли бы быть использованы в будущем.

Как известно, первым практическим шагом на пути формирования нового международного форума стала встреча министров иностранных дел четырех стран: – Бразилии, России, Индии и Китая, состоявшаяся по инициативе президента РФ В.В. Путина в сентябре 2006 г. в Нью-Йорке во время сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Со стороны России, имеющей статус инициатора создания БРИКС, представленный форум рассматривался не только в виде фактора, который обеспечивает многоплановое партнерство и его развитие, но и инструмента, позволяющего укрепить значение всех существующих экономических форматов, отвечающих признакам справедливости.

В ходе первого саммита, состоявшегося в Екатеринбурге в июне 2009 года, представителями четырех стран было ратифицировано согласованное заявление о совместных действиях. Второй саммит состоялся весной 2010 года. При его проведении, состоявшемся в Бразилии, стороны обсудили вопросы о климатических изменениях, имеющих глобальное значение. На третьем саммите 14 апреля 2011 г. на о. Хайнань в г. Санья (Китай) к четырем странам присоединилось пятое государство – ЮАР, в связи с чем было изменено название: вместо БРИК появился БРИКС. Повестка дня четвертого саммита 29 марта 2012 г. в Нью-Дели отличалась критикой современного мироустройства и работы таких международных организаций, как Всемирный банк, МВФ и Совет Безопасности ООН. На пятом саммите 26-27 марта 2013 г. в Дурбане (ЮАР) главной темой стал вопрос о создании Банка развития БРИКС. На шестом 14-16 июля 2014 г. в г. Форталеза (Бразилия) был официально учрежден Новый банк развития, а также подписан Договор о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС. «Новый банк развития, штаб-квартира которого находится в Шанхае будет иметь начальный капитал 50 млрд. долл. США, внесенный в равных долях каждой стороной... Что касается Договора о создании Пула условных валютных резервов, было предусмотрено, что наибольший вклад, 41 млрд. долл. США сделает Китай, Бразилия, Индия и Россия внесут по 18 млрд. долл. США, а ЮАР – 5 млрд. долл. США. Согласно положениям учредительного документа, подразумевается, что Банк будет инструментом активизации экономического сотрудничества стран БРИКС» [2]. Седьмой саммит БРИКС прошел в июне 2015 г. в Уфе (Россия), в повестку дня которого были включены наиболее острые проблемы политической безопасности: традиционные угрозы в сфере управления конфликтами; тенденции к односторонним действиям; отказ от многостороннего подхода и универсальной роли ООН и замена международного права национальным законодательством для борьбы с терроризмом; противостояние незаконному обороту наркотиков; международная преступность; морская безопасность и пиратство, а также новые вызовы, связанные с вепонизацией космоса, киберпреступлениями и управлением Интернетом [3].

Отмечается, что на первых этапах существования организации, ее приоритетом было реформирование существовавших финансовых институтов, имеющих ведущее значение. Сегодня же БРИКС обращает внимание на вопросы, касающиеся безопасности на международной арене. Организация приобрела положение платформы для взаимодействия всего за несколько лет ее существования. Она используется для того, чтобы разрешать глобальные управленческие вопросы и проблемы, свойственные политическим направлениям и сегменту безопасности. Это состояние обеспечило повсеместное усиление значения БРИКС.

Экономические цели БРИКС связаны с реформированием той системы построения экономических отношений в мире, которая уже устарела. Финансовый кризис, поводом к которому стало банкротство Lehman Brothers, выступил причиной к утрате лидирующего значения западной экономической модели и финансовыми центрами в их традиционном понимании. Было отмечено определенное изменение в направлении деловой активности, свойственной развивающимся экономическим процессам. У стран, находящихся на стадии экономического развития, появились намерения к созданию условий для макроэкономического развития и формированию финансовой системы международного типа. Входящие в организацию страны подтвердили свои намерения к увеличению ресурсов, которые МВФ может использовать в целях кредитования, обозначив условие их предоставления, заключающееся в расширении полномочий, в части принятия стратегических решений фондом. Со стороны руководителей организации было выражено недовольство тем, как были распределены голоса в МВФ и тем, какие квоты достались иным участникам, кроме США, Европы и Японии [4].

Нарастающее недовольство послужило толчком к созданию собственного финансового института, представленного Новым банком развития. Этот орган был создан с использованием модели, на которой базировался Всемирный банк. Кроме того, участники выступили подписантами До-

говора о создании Пула условных валютных резервов стран БРИКС. Все эти события пришлось на шестой саммит БРИКС, состоявшийся в 2014 г.

Каждая страна, которая отдала голос за создание упомянутого банка, была нацелена на внесение собственного вклада к тому, чтобы инклюзивная модель, с помощью которой может быть достигнут экономический рост, была реализована. Именно эта цель была поставлена перед БРИКС. Принятие этого политического выбора связано с потребностью в создании рассматриваемыми государствами альтернативных систем, действующих в финансовом и валютном сегменте [5].

Новый банк был призван мобилизовать имеющиеся ресурсы для того, чтобы проекты, связанные со строительством объектов инфраструктуры, были реализованы. Его появление должно было обеспечить устойчивое развитие тех государств, где рыночная экономика только развивается.

Относительно заключения упомянутого Договора, можно сказать, что его цель была связана с обеспечением ликвидности в тех государствах, где платежный баланс является шатким.

Рассмотренные изменения позволили государствам, имеющим потребность в получении финансовой поддержки, воспользоваться альтернативным предложением, действующим наряду в МВФ и ВБ. Имеются ожидания, что к 2050 г. страны БРИКС смогут изменить порядок, свойственный мировой экономике. Факт создания БРИКС выступает примером того, как сотрудничающие государства могут повлиять на естественные процессы, свойственные мировой экономике. Эти страны получили центральное положение в экономических процессах мирового уровня, что позволило им формировать глобальный порядок, а не просто подчиняться ему.

Сегодня БРИКС+ выступает своеобразным соединением тех стран, которые уже относятся к числу развитых и тех, кто только развивается. Организация нацелена создать и поддерживать мировой порядок, базирующийся на справедливости. Ее мощь и сила находятся на этапе роста, что позволяет ей реализовывать глобальные управленческие процессы. Нельзя отрицать придание БРИКС+ положения ядра, обладающего высоким авторитетом и притягивающего иные страны (с 1 января 2024 года Египет, Иран, ОАЭ и Эфиопия официально присоединились к БРИКС). Именно эта организация способна воздействовать на мировую экономику, управлять ею и реализовывать глобальные процессы.

У бизнеса есть собственный интерес, связанный с либерализационным развитием условий, по которым будет осуществляться торговля и инвестирование между странами-участниками. Со стороны Агентства стратегических инициатив (АСИ) было направлено предложение о создании рабочей группы на базе Делового совета БРИКС, чья деятельность была бы направлена на поддержку инвестирования и недопущение появления к этому преград административного характера. По мнению руководителей, представляющих национальные элементы Делового совета стран-участников, деятельность компаний БРИКС должна осуществляться по единым регламентам. В своей деятельности они намерены достичь снижения административных преград, свойственных налоговому и таможенному администрированию.

Мировые СМИ в апреле 2023 года заявили, что экономически страны БРИКС впервые обогнали семь самых развитых держав мира [6].

Многие аналитики отмечали в последнее время, что государства БРИКС превзошли по объему ВВП группу семи наиболее промышленно развитых стран мира. Организация БРИКС обеспечивает 31,5% мирового ВВП против 30,7% у G7.

Действительно, в группе БРИКС участники отстаивают свои интересы. Вся привлекательность этой группы в том, что исключает подчинение одних стран-участников другим и налицо реальное равноправие стран, при котором исключается возможность диктовать свои правила. Однако было бы упущением рассматривать БРИКС с чисто экономической точки зрения. Простой взгляд на повестку дня заседаний рабочих групп показывает широкое сотрудничество во всех соответствующих сферах, таких как политическое сотрудничество и сотрудничество в области безопасности.

Обеспечить более широкие возможности к осуществлению странами БРИКС внешней торговли, можно за счет установления экономического партнерства с теми государствами, которые граничат с ними. Наибольший интерес вызывают африканские и азиатские страны. В ближайшей перспективе будет продолжена работа по переходу к цифровым платформам, на базе которых может осуществляться электронная торговля. Усилить свое значение, укрепить структуру и расширить влияние БРИКС может за счет переориентирования на многостороннее государственное и корпоративное взаимодействие, позволяющее оптимизировать ресурсные возможности.

Библиография:

1. Ревизорский М. Еще один «кирпич» в стене? В поисках места Бразилии в системе глобального управления // Вестник международных организаций. М., 2015. Т. 10, № 2. С. 173.
2. Контипелли Э.П., Пичау С. Институциональный статус БРИКС и прагматическая модель сотрудничества: на примере стран Южной Америки // Вестник международных организаций. М., 2015. Т. 10, № 2. С. 164-165.
3. Панова В.В. Проблемы безопасности и перспективы саммита БРИКС в Уфе // Вестник международных организаций. М., 2015. Т. 10, № 2. С. 126.
4. Белугина Е. БРИКС – будущее мировой экономики? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/briks-budushee-mirovoy-ekonomiki/>
5. Контипелли Э.П., Пичау С. Институциональный статус БРИКС и прагматическая модель сотрудничества: на примере стран Южной Америки // Вестник международных организаций. – М., 2015. - Т. 10, № 2. - С. 164.
6. <https://inosmi.ru/20230410/ekonomika-262030413.html>

References:

1. Revisorsky M. Is there one "brick" on the wall? In search of Brazil's place in the global governance system // Bulletin of International Organizations M., 2015. Vol. 10, No. 2, p. 173.
2. E. Kontipelli.P., Picha S. The institutional status of BRICS and the pragmatic model of society: on the example of a South American country // Bulletin of International Organizations. M., 2015. Vol. 10, No. 2, pp. 164-165.
3. Panova.V. Security problems and prospects of the BRICS summit in Ufa // Bulletin of International Organizations M., 2015. Vol. 10, No. 2, p. 126.
4. Belugina E. BRICS -the future of the world economy? [electronic resource]. - Achievement mode: <https://www.mirprognozov.ru/prognosis/politics/briks-budushee-mirovoy-ekonomiki/>
5. E. Kontipelli.P., Picha S. The institutional status of BRICS and the pragmatic model of society: on the example of a South American country // Bulletin of International Organizations. – M., 2015. - Vol. 10, No. 2. - p. 164.
6. <https://inosmi.ru/20230410/ekonomika-262030413.html>

АГРОТЕХНОЛОГИИ В АГРОПРОМЫШЛЕННОМ КОМПЛЕКСЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ AGRICULTURAL TECHNOLOGIES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION

ФАСТОВИЧ Галина Геннадьевна,

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Юридического института
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».

пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.

E-mail: fastovich-85@mail.ru;

Fastovich Galina Gennadievna,

Senior Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law of the Law Institute
Krasnoyarsk State Agrarian University.

Mira ave., 90 Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.

E-mail: fastovich-85@mail.ru

Краткая аннотация: В современной России в последние годы особое внимание ученых теоретического и прикладного направления привлекает тема исследований информационных технологий. В настоящее время наиболее востребованным и перспективным направлением в исследовании является направление информационных исследований в сфере агропроектирования, которая является трендом в сфере развития агропромышленного комплекса.

Abstract: In recent years, in modern Russia, the topic of information technology research has attracted special attention from scientists of theoretical and applied fields. Currently, the most popular and promising area of research is the direction of information research in the field of agricultural design, which is a trend in the development of the agro-industrial complex.

Ключевые слова: государственная политика, сельское хозяйство, информационные технологии, агропроектирование, агропромышленный комплекс, агроландшафтные преобразования.

Keywords: public policy, agriculture, information technology, agro-engineering, agro-industrial complex, agro-landscape transformations.

Для цитирования: Фастович Г.Г. Агротехнологии в агропромышленном комплексе Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 35-37. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_35.

For citation: Fastovich G.G. Agricultural technologies in the agro-industrial complex of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 35-37. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_35.

Статья поступила в редакцию: 05.01.2024

Экономика агроландшафтных преобразований представляет сложную, недостаточно изученную проблему, которая в настоящее время является новеллой действующего законодательства, отражающая потребность современного общества в новых теоретических и практических исследований. Это связано с необходимостью учета множества факторов, трудно поддающихся количественной оценке, зачастую являющихся взаимозависимыми и нестабильными. То, что является предметом стремлений одних, для других может оказываться совершенно неприемлемым. В определенной мере это может относиться, например, к совместимости потребностей производственной сферы с экологическими требованиями; потребности людей в отдыхе на лоне природы не всегда согласуются с необходимостью сохранения ценных природных ландшафтов в виде заповедников, национальных парков и т. д.; потребности строительного освоения территории могут противоречить потребностям земледельцев, желающих использовать эту территорию для сельскохозяйственных угодий, и т. д. Везде требуются приемлемые компромиссы. Иными словами, само понятие «ценный ландшафт» [1, с. 8-9] без привязки к конкретным потребностям общества может зачастую представляться расплывчатым и служить предметом дискуссий. Принципы создания «зеленых объектов» примерно такие же, как и создания архитектурно-строительных объектов. Работы начинаются с «предпроектной» стадии: решаются вопросы целесообразности создания парка или сада, выбирается место его нахождения, оценивается его эффективность, выясняются источники финансирования и т. д. Затем методом тендера или прямых переговоров находят исполнителей намечаемых работ, которые будут вести эти работы. Такие работы включают инженерные изыскания, разработку проектной документации и реализацию проекта, т. е. посадочные и строительные работы. Стоит отметить, что на уровне отдельных субъектов исследуются механизмы устойчивого развития градостроительных институтов, что обуславливает применение к рассматриваемым вопросам правовых, философских, экономических, политических, культурологических средств и технологий [2]. Такая же ситуация складывается при реконструкции «зеленых объектов» многих регионов. Решаются вопросы предпроектной стадии, производится обследование реконструируемого объекта, составляется проект реконструкции и производится реализация этого проекта в различных измерениях [3, с. 126]. Большое значение в лесохозяйственной деятельности имеет восстановление лесов после лесных пожаров. Стоимость ущерба от таких пожаров (или других стихийных бедствий) принимается равной стоимости восстановительных работ в ценах на момент их восстановления.

Следует лишь отметить, что вопросы оценки эффективности создаваемого или реконструируемого «зеленого объекта» часто оказываются значительно сложнее оценок архитектурно-строительных объектов. Ценность создаваемого парка или другого «зеленого объекта» приходится опре-

делять с помощью множества критериев не только экономического, но и социального, культурного, экологического характера, с учетом непосредственного мнения общественных структур [4]. При этом приходится учитывать сложность взаимовлияния парка и прилегающих к нему территорий, что должно учитываться уже на стадии выбора места расположения парка. В местах, близких к парку, должно уменьшаться загрязнение воздуха, упрощаться управление ливневыми потоками. Иными словами, после создания парков ценность прилегающих к ним территорий начинает довольно быстро возрастать, в связи с чем активизируется строительство жилых и общественных зданий на таких территориях. Это обстоятельство во многих странах эффективно используется в качестве дополнительного источника доходов для нужд города. Поступление дополнительных денежных средств достигается за счет повышения цен на землю прилегающих территорий, использования гибкой системы налогообложения, т. е. с пользователей такими территориями берется повышенный налог [5, с. 46-48].

Примером может служить история с идеей поворота северных рек Сибири в Среднюю Азию, которая во второй половине XX в. в нашей стране (точнее в бывшем СССР) была предметом очень жестких дискуссий. Сама идея такой переброски была выдвинута еще в середине XIX в., после чего она неоднократно обсуждалась, хотя радикальных решений по ней не принималось. В 1960–1970-е гг. идея показала себя особенно привлекательной и обсуждение приняло практический характер. Проект переброски рек поддерживали многие авторитетные ученые и влиятельные политики. Противники же проекта прогнозировали совершенно недопустимые природно-климатические изменения глобальных масштабов. Странников проекта это не убеждало, и они уверяли, что опасности сильно преувеличены, так как доля перебрасываемых водных ресурсов не превысит 6% объема сибирских рек. На основании тщательных исследований и активной деятельности противников проекта идея поворота рек была полностью отвергнута. Решение этого вопроса заняло в целом 10–15 лет, причем окончательную оценку, по-видимому, сделают потомками через 100–200 лет. Надо отметить, что решение этого вопроса должно осуществляться не только со стороны государства, но и активной части гражданского общества, институтов общественного контроля [6, с. 28-39]. Такие примеры показывают, насколько сложными могут быть решения крупных проблем озеленения ландшафтов даже при участии высококомпетентных специалистов. Как мы можем предположить, при формировании культурных ландшафтов приходится проводить значительные работы по озеленению территории, т. е. созданию новых или защите (реконструкции) существующих «зеленых объектов». В населенных пунктах это парки, скверы, сады, лесопарки; на межселенных территориях это лесные массивы, защитные лесополосы, особо охраняемые природные территории (заповедники, национальные парки, природные парки, заказники и др.) [7, с. 52-53].

Другим важным фактором экономической эффективности парка является продуманность его функционального назначения. Когда в парке размещается какой-либо интересный объект (музей, театр, необычный аттракцион или природный объект и т. д.), число посетителей будет значительно возрастает, чем при отсутствии такого объекта. История садово-паркового хозяйства содержит множество примеров, в которых недостаточная продуманность функционального назначения парка становилась причиной его банкротства, даже при очень высоких затратах на его создание. Все это подтверждает мнение, что эффективно эксплуатируемый парк — это не обязательно дорогой парк. При проектировании парков ландшафтный архитектор начинает свою работу с решения вопроса, каких размеров должен быть парк, какой у него должен быть уровень благоустройства и, соответственно, затраты на его устройство [8, с. 269-270].

Описанная оценка стоимости посадочных работ применима и к лесохозяйственной деятельности, т. е. к посадке древесно-кустарниковой растительности защитных лесополос, лесных массивов, при превращении природного лесного участка в рекреационный лес и пр. Во всех таких случаях работы производятся по тем же принципам и в такой же последовательности, как и при создании рассмотренных выше парков и садов («зеленых объектов»). Например, при превращении природного (необустроенного) лесного участка в рекреационный лес работы также начинаются с предпроектной стадии: решаются вопросы целесообразности превращения существующего лесного массива в рекреационный лес, намечаются его границы, оценивается его эффективность, выясняются источники финансирования и т. д. На основании полученных данных разрабатывается проект, который затем будет реализовываться. Работы начинаются с оценки существующего ландшафта: проводится так называемое фитопатологическое обследование лесного участка — это выяснение, какие деревья заражены вредителями и грибами, какие из них нужно лечить, а какие вырубать. Чаще всего приходится вырубать ветки нижней части деревьев, на которых обычно скапливаются вредители-насекомые и грибковые поражения. Вырубленные ветки и стволы должны сразу же удаляться (сжигаться), иначе все эти вредители и грибы снова возвратятся в лес. Следует иметь в виду, что для срубки деревьев требуется специальное разрешение от соответствующих служб.

Вместо вырубленных деревьев высаживаются новые, преимущественно не требующие много света. В зависимости от состава и состояния лесных почв, от вида высаживаемых лесных культур в лесную почву могут вноситься удобрения. Наибольшие сложности создают участки с хвойными породами. Такие породы обычно в первые же годы забирают из почвы весь азот. Благодаря деятельности полезных бактерий содержание азота в почве восстанавливается, но в недостаточном объеме. Из-за этого в почву вносят азотные удобрения (навоз и др.), а культурные растения высаживаются лишь через 2–3 года после этого.

Все эти работы нормируются. Имеются нормы времени и расценки на каждый вид услуг. Сметная документация представляется примерно так же, как и на строительные работы. Разрабатывается Сметный расчет на выполнение лесохозяйственных работ, который охватывает все виды деятельности, связанные с лесохозяйством. К таковым относятся: защита леса от вредителей и болезней; дорожные, лесомелиоративные объекты работы; создание противопожарных разрывов, работы по лесовосстановлению и т. д. Для каждого вида таких работ разрабатываются нормативно-

технологических карты, аналогичные технологическим картам на строительные процессы. По ним устанавливается стоимость работ по окультуриванию лесных участков [9].

Все это относится не только к глобальным проблемам. Сложные вопросы взаимного влияния различных природных факторов могут возникать и при небольших изменениях ландшафтов, в чем специалист по природообустройству должен разбираться. Осушение болот отрицательно повлечет за собой произрастание ценных трав или проживание ценных представителей животного мира; создание прудов может отражаться на местном рыбоводстве (как отрицательно, так и положительно); строительство зданий и сооружений может негативно влиять на режим подземных вод, на древесно-кустарниковую растительность [10]. Изложенные соображения не отвергают полезности разработки инновации в проектировании ландшафтного дизайна, но они показывают, что она нуждается в уточнении применительно к каждому конкретному случаю [11]. Эти уточнения обычно основываются на местном опыте хозяйствования, на результатах исследований культурно-исторического, экологического, медико-биологического характера.

Библиография:

1. Фастович Г.Г., Литвинова В.С., Игнатенко В.А. Эффективная кадровая политика как один из критериев деятельности государственного механизма // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 81-82.
2. Кашина И.В., Головань Ю.И. Современные тенденции в ландшафтном проектировании Академия строительства и архитектуры, ФБГОУ ВО ДГТУ г.Ростов-на-Дону; Эволюция вертикального озеленения. (Электронный курс). - Режим доступа: http://archvuz.ru/2012_22/75
3. Трашкова С.М. Международно-правовое регулирование как гарантия реализации правового статуса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых в уголовном процессе / С.М. Трашкова // Казанская наука. 2015. № 5.С.125-127.
4. Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22.
5. Тепляшин И.В. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации // Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: мат-лы круглого стола междунар. науч.-практ. конф. «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 21-22 сентября 2017 г.) / под ред. А.А. Кондрашева, О.В. Роньжиной, А.Б. Зенкиной; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2017. – С. 46-48.
6. Землякова Е.В., Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах// В сборнике: Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 121-123.
7. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. К вопросу об эффективности единой системы публичной власти// Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 4 (18). С. 76-88.
8. Власов В.А. Некоторые экономико-правовые аспекты обеспечения продовольственной безопасности в Российской Федерации // Аграрное и земельное право. 2018. № 4 (160). С. 117-123.
9. Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах // Логистика – евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. – С. 269-272.
10. Рябченко О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-1. С. 143-145.
11. Фастович Г.Г., Жикулина А.С., Рахвалова Н.А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 199-202.

References:

1. Fastovich G.G., Litvinova V.S., Ignatenko V.A. Effective personnel policy as one of the criteria for the activity of the state mechanism // Eurasian Law Journal. 2020. No. 10 (149). pp. 81-82.
2. Kashina I.V., Golovan Yu.I. Modern trends in landscape design Academy of Construction and Architecture, FBGOU VO DSTURostov-on-Don; The evolution of vertical gardening. (Electronic course). - Access mode: http://archvuz.ru/2012_22/75
3. Trashkova S.M. International legal regulation as a guarantee of the realization of the legal status of juvenile suspects accused in criminal proceedings / S.M. Trashkova // Kazanskaya nauka. 2015. No. 5.Pp.125-127.
4. Fastovich G.G., Kudashova I.V. Information technologies in the system of improving the efficiency of public authorities: theoretical and legal aspect // Law and politics. 2020. No. 2. pp. 18-22.
5. Teplyashin I.V. Participation of civil society institutions in the implementation of state policy in the Arctic zone of the Russian Federation // Problems of constitutional and legal regulation of the status of the Arctic territories of the Russian Federation: materials of the international round table. scientific and practical conference "Yenisei Political and Legal readings" (Krasnoyarsk, September 21-22, 2017) / edited by A.A. Kondrashev, O.V. Ronzhina, A.B. Zenkina; Krasnoyarsk State Agrarian University. un-T. – Krasnoyarsk, 2017. – pp. 46-48.
6. Zemlyakova E.V., Fastovich G.G. On the use of information technologies in logistics systems// In the collection: Logistics - the Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 121-123.
7. Fastovich G.G., Shitova T.V. On the issue of the effectiveness of the unified system of public authority// Socio-economic and Humanitarian journal. 2020. No. 4 (18). pp. 76-88.
8. Vlasov V.A. Some economic and legal aspects of ensuring food security in the Russian Federation // Agrarian and land law. 2018. No. 4 (160). pp. 117-123.
9. Fastovich G.G. On the issue of the application of information technologies in logistics systems // Logistics – Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. – pp. 269-272.
10. Ryabchenko O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. pp. 143-145.
11. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal regulation of relations in the field of personal data processing // International Journal of Humanitarian and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. pp. 199-202.

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ МЕХАНИЗМА УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

History of the formation of the mechanism of criminal law counteraction to extremist activity

ИСАЕВА Лилия Айратовна,

доцент кафедры уголовного права и процессуальных дисциплин
Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий, кандидат юридических наук.
453103, Россия, Республика Башкортостан, г. Стерлитамак, пр. Ленина, 47а.
E-mail: lilya_isaeva@mail.ru;

МИНИГАЛЕЕВ Ильназ Халилевич,

старший преподаватель кафедры специальной подготовки
Уфимского юридического института МВД России, капитан полиции.
450091, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Мухоморова, 2.
E-mail: mini9506@mail.ru;

Isaeva Liliya Airatovna,

Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedural Disciplines
of the Sterlitamak Branch of the Ufa University of Science and Technology, Candidate of Law.
453103, Russia, Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, 47a Lenina Ave.
E-mail: lilya_isaeva@mail.ru;

Minigaleev Ilnaz Khalilevich,

Senior Lecturer of the Department of Special Training,
Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Captain.
450091, Russia, Republic of Bashkortostan, Ufa, Muxinov St., 2.
E-mail: mini9506@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются некоторые положения, которые указывают на то, что в Соборном уложении 1649 г. содержались первые следы законодательного оформления преступлений, являющихся проявлениями экстремизма. В Уложении о наказаниях 1845 г. и Уголовном уложении 1903 г. сформирована полная система норм о преступлениях, связанных с осуществлением как экстремистской, так и террористической деятельности.

Abstract. The article discusses some provisions that indicate that the Council Code of 1649 contained the first traces of legislative registration of crimes that are manifestations of extremism. The Penal Code of 1845 and the Criminal Code of 1903 form a complete system of norms on crimes related to the implementation of both extremist and terrorist activities.

Ключевые слова: история, экстремистская деятельность, Уложение, преступление, ответственность, наказание.

Keywords: history, extremist activity, Code, crime, responsibility, punishment.

Для цитирования: Исаева Л.А., Минигалеев И.Х. История формирования механизма уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 38-41. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_38.

For citation: Isaeva L.A., Minigaleev I.Kh. History of the formation of the mechanism of criminal law counteraction to extremist activity // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 38-41. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_38.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Нормы уголовного права являются непосредственным элементом целостной структуры механизма уголовно-правового противодействия экстремистской деятельности. При этом, как отмечено «экстремизм стал массовым, негативным явлением, распространяющимся по всему миру, создающим опасность и угрозу не только для отдельно взятого государства, но и для всего человечества в целом» [1, с. 11]. Для достижения задачи данного исследования требуется тщательный анализ истории и современного состояния института ответственности в контексте преступных проявлений экстремистской деятельности. Проведение подобного ретроспективного анализа позволит выявить основные этапы, на которых формировался и развивался данный институт. Множество преступлений, перечисленных в статье 1 Федерального закона № 114-ФЗ, в большей части своей относятся к преступлениям, направленным против основ конституционного строя и обеспечения безопасности государства, а также нарушению общественной безопасности и общественного порядка.

В качестве родоначальника законодательного акта, указывающего на присутствие преступлений экстремистской направленности, можно рассматривать Соборное уложение 1649 года. Данный, исторически значимый памятник законов, не предусматривал и не выделял категорию преступлений, относящуюся к преступлениям государственного характера. Однако, рассматривая более подробно мы можем видеть, что уже во 2 главе данного уложения присутствовали нормы, которые, так или иначе, могли быть предметом рассматриваемой темы.

Статья 1 данного Уложения обращает наше внимание на «посягательство на жизнь и здоровье государя» [2]. Данный факт впервые закрепляет уголовную ответственность за осуществление всего лишь одного «умысла» на посягательство государя для привлечения к смертной казни.

Согласно Соборному Уложению, отсутствовала специальная норма, прямо устанавливающая ответственность за преступление против жизни государя. Однако, можно предположить, что такие действия подпадали под категорию посягательства на честь и благосостояние государя. Таким образом, можно предположить, что эти противоправные действия входили в общую категорию преступлений, связанных с посягательством на честь и физическое благополучие государя.

Не стоит и забывать о такой распространенной дефиниции как «государственная измена». Данный термин был закреплен и в данном Уложении. В зависимости от форм и видов измена выражалось в таких проявлениях, как попытка к захвату власти (ст.2), помощь «недругам» государя, осуществление сдачи города «недругам» путем его пожога и др. Данные противоправные действия грозили его нарушителю «смертной казнью с конфискацией всего имущества» [3].

Также, в статье 17 данной главы указывается на противоправность совершения ложного сообщения о преступлении государственной важности. Данная статья, скорее всего была введена после многочисленных проявлений со стороны неблагочестивых граждан, которые или из-за страха, или других корыстных действий сообщали о таких преступлениях. Статья 20 данной главы описывает преступление, характеризующееся «самовольным приходом к царю».

Также, данное Уложение впервые закрепило ряд преступлений против религии. В связи с этим, необходимо провести анализ данных статей. К таким преступлениям могло относиться: «богохульство», выражающегося в неуважении и оскорблении Бога, осуществление препятствия совершения литургической процессии, оскорбление человека, который несет «божественную службу», также учитывались и сами прихожане, за совершение противоправных действий, в отношении которых, также назначалось наказание в виде смертной казни [3]. Проводя анализ действующего законодательства, можно с уверенностью говорить, что задатками для разработки и создания статьи 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» УК РФ послужила именно эта указанная ранее глава.

Изучение установленных норм, относящихся к ответственности за религиозные преступления, позволяет сделать вывод, что положения Соборного уложения 1649 года преимущественно направлены на охрану православной церкви и ее священных символов, тесно связанных с православной верой. Это обусловлено тем, что Соборное уложение признает православную церковь государственной религией и устанавливает ее особый статус.

На основе представленной информации можно сделать вывод, что Соборное уложение содержало первоначальные проявления законодательного регулирования экстремистских преступлений. Большинство этих уголовно-правовых запретов находились в главах, посвященных государственным и религиозным преступлениям. Однако нельзя утверждать, что система государственных преступлений, предусмотренных в Соборном уложении, включала непосредственные преступления, являющиеся чистым проявлением экстремистской деятельности, несмотря на определенное сходство между ними с точки зрения смыслового сходства. Таким образом, Уложение стало первым законодательным актом, в котором были обнаружены элементы регулирования преступлений, связанных с экстремистской деятельностью.

Пояснение этого факта обусловлено тем, что «экстремизм» является активностью, требующей сложных социальных связей, которые не были характерными для общества в период действия данного Уложения. Развитие законодательства непосредственно связано с развитием общества, а, следовательно, осознание необходимости подавления проявлений экстремизма приходит только со временем, по мере усложнения преступлений и развития соответствующего уголовного законодательства в данной сфере.

Следующим для рассмотрения и изучения нормативно-правовым актом истории можно назвать уголовный кодекс, утвержденный Императором Николаем 1 в 1845 году – «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных (далее – Уложение 1845 г.)».

В Уложении 1845 года впервые была установлена система норм, регулирующих ответственность за государственные преступления. Эти преступления были объединены в разделе, называемом "О преступлениях государственных", который состоял из двух глав. Такое разделение на две главы позволяет выделить две группы государственных преступлений [4].

Первая категория правонарушений включает разнообразные акты насилия, направленные против жизни, физического и морального благополучия Императора, Наследника Престола, Супруги Государя Императора и других Членов Императорского Дома. В главе "О преступлениях против Священной особы Государя Императора и Членов Императорского Дома" основное значение имеет норма, которая предусматривает ответственность за "любые злонамеренные и противоправные действия, совершенные в отношении жизни, здоровья или доброго имени Государя Императора, а также любые попытки свергнуть Его с престола, ограничить Его свободу и власть или причинить насилие Священной Личности" [4]. За совершение этого преступления предусмотрено наказание в виде лишения всех гражданских прав и смертной казни.

Одним из значительных недостатков, согласно нашему мнению, является отсутствие в анализируемых нормах указания на цели и мотивы, которые подталкивают к совершению преступления. В то же время, посягательства на лиц, упомянутых в этих нормах, могли иметь место не только в политических контекстах. Такое отсутствие указания на цели и мотивы преступлений в анализируемых нормах имеет серьезное значение, поскольку оно не позволяет полностью понять и охарактеризовать причины и обстоятельства, сопровождающие совершение этих преступлений. Без такой информации, оценка и исследование преступных действий становятся затруднительными.

Важно отметить, что посягательства на описанных лиц могли быть результатом различных мотиваций, которые выходят за рамки политического характера. Наряду с политическими мотивами, могли существовать личные, экономические или иные факторы, которые способствовали со-

вершению данных преступлений. Это подчеркивает сложность и многогранность мотивов, лежащих в основе таких посягательств.

Таким образом, недостаток в виде отсутствия указания на цели и мотивы совершения преступлений в анализируемых нормах ограничивает полное понимание контекста и многообразия факторов, влияющих на совершение данных преступлений.

Вторая категория преступлений включает нарушения, являющиеся предварительными формами законов, относящихся к нарушениям основ конституционного строя и безопасности государства. В главе, известной как "О мятеже против Власти Верховной и государственной измене", предусмотрено наказание за мятеж против власти, который определен как "массовое восстание и заговор против Государя и государства", а также за намерение свергнуть правительство во всем государстве или в определенной его части, изменить систему управления или установленный порядок престолонаследия, а также за участие в составлении заговора или участие в уже существующем заговоре с целью совершения таких действий или сбора, хранения или распространения оружия и других предварительных мероприятий для мятежа.

В разделе VI Уложения, посвященном "О тайных организациях и запрещенных сходках", содержались нормы, регулирующие ответственность за незаконные ассоциации. Особое внимание уделялось "основателям и руководителям" таких тайных обществ, а также их участникам, которые нарушали "установленную законами форму и порядок управления, наносили ущерб спокойствию и целостности государства" и рассматривались как преступники против государства.

К ближайшему завершению 1870-х годов, в период роста индустриального сектора, в общественной сфере появились социальные противоречия, порожденные экономическим прогрессом, и уровень преступности значительно возрос, претерпев изменения в своей организации. Одной из основных причин, побудивших к разработке нового Уложения, были преобразования в государственных и общественных условиях жизни в Российской империи.

В результате этих изменений, согласно взгляду редакционной комиссии, занимавшейся разработкой нового Уложения, законы, направленные на защиту государственного и общественного устройства, оказались несоответствующими и неполными. В области преступлений против государства и его устройства значительно изменились методы и способы совершения таких преступлений, а также сама направленность преступной деятельности. В результате, действующие постановления Уложения 1845 года стали неприменимыми к новым формам преступлений, совершаемых организованными группами и сообществами, и оказались недостаточными для противодействия социально-революционной пропаганде [5]. Таким образом, проект нового Уложения был разработан с целью устранения этих недостатков и адаптации законодательства к современной действительности.

Завершающим объектом данного исследования, обусловленного рассматриваемым периодом, является проект Уголовного уложения 1903 года, утвержденного Николаем II.

В уголовном законодательстве царской России, Особенная часть Уложения 1903 года вводила читателя в тему преступлений, связанных с нарушением вероисповедания, а за ней следовала глава, которая описывала преступления против высшей власти и незаконные действия, направленные против Священных лиц Императора и Членов Императорского Дома. Важно отметить, что в отличие от Уложения 1845 года, Уложение 1903 года не использовало термин "государственные преступления".

Уголовный кодекс 1903 года стал законодательным документом, в котором преступления против вероисповедания занимали центральное место в Особенной части. В сравнении с Уложением 1845 года, количество таких преступлений было урезано, однако в данной разделе, аналогично соответствующему разделу Уложения 1845 года, устанавливалась ответственность за определенные поступки, некоторые из которых можно отнести к понятию "радикализма". Некоторые из таких поступков включали в себя следующее: богохульство, оскорблений обрядов (хотим отметить, что только христианской церкви), любые помехи и препятствования в осуществлении процесса богослужения и др.)

В Уложении 1903 года содержались безусловно передовые изменения, направленные на защиту свободы исповедания. Глава, посвященная преступлениям против вероисповедания, включала статью 79, которая устанавливала ответственность за "принуждение с применением насилия или угрозы наказания к совершению религиозного обряда или церемонии, запрещенных или несанкционированных правилами вероисповедания, к которому принадлежит принуждаемый, либо к участию в таком обряде или церемонии" [6]. Также в Уложении имелась статья 85, которая предусматривала ответственность за "применение насилия или угрозы наказания с целью переубедить человека принять другую религию.

Мы считаем, что такие новеллы в Уложении 1903 года отражали важное стремление законодателей к защите прав и свобод граждан в сфере религиозного исповедания. Введение ответственности за принуждение к незаконным или запрещенным религиозным обрядам или церемониям являлось важным шагом в обеспечении свободы совести и религиозной практики каждого индивидуума. Такие положения предоставляли гражданам право на свободный выбор и осуществление своей религиозной веры без принуждения или насилия.

Такие прогрессивные изменения в Уложении 1903 года свидетельствуют о растущем узнавании важности и защиты свободы вероисповедания в обществе и установлении равноправия граждан в сфере религиозной практики. Это был значимый шаг вперед в развитии законодательства и обеспечении гражданских прав и свобод в царской России.

Следует отметить, что как в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, так и в Уложении 1903 года содержится несомненно значительный набор преступлений, которые можно рассматривать как предвестники современных форм экстремистской активности. Эти уложения представляют относительно полную систему таких преступлений, хотя, возможно, не исчерпывающую их полностью. Они служат примером для

развития современных концепций и понимания экстремистской деятельности.

По нашему мнению, данные уложения можно рассматривать как важный этап в формировании понятия и системы преступлений, связанных с экстремистской деятельностью. Они представляют собой прототипы современных преступлений, которые проявляются через различные формы экстремизма. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года и Уложение 1903 года создали основу для дальнейшего развития и расширения этой сферы преступлений в последующих законодательных актах. Их содержание и нормы оставили след в уголовном праве и способствовали более глубокому пониманию экстремистской деятельности в современных общественных условиях.

Библиография:

1. Мухаметова В.Ю. Особенности прокурорского надзора за исполнением законов о противодействии экстремистской деятельности // Проблемы укрепления законности и правопорядка в современном обществе: Сборник научных статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, посвященной профессиональному празднику «День сотрудника органов внутренних дел», г. Стерлитамак, 10 ноября 2023 г. / Отв. ред. А.М. Крепышев. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал УУНиТ, 2023. С. 11-13.
2. Бешукова З.М. Уголовная ответственность за экстремизм по Соборному уложению 1649 года // Юридическая наука. 2016. № 4. С. 9-14.
3. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года: учеб. пособие для высшей школы. М., 1961. С.70-72 [Электронный ресурс] (https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/).
4. Бешукова З.М. Ответственность за преступления экстремистского характера по Уложению о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года: концептуальные основы и историческое значение (к 170-летию со дня принятия): материалы междунар. науч.-практ. конф., г. Геленджик, 2–3 октября 2015 г. / отв. ред. д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ В.П. Коныхин, д-р юрид. наук, проф. М.Л. Прохорова. Краснодар, 2016. С. 262-268.
5. Поцелуев Е.Л. Уголовное уложение 22 марта 1903 г.: причины принятия и история создания // Правоведение. 2003. № 3 (248). С. 187.
6. Рожков М.Б. Объект безопасности государства: конституционный строй или основы конституционного строя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1115009>.

References:

1. Mukhametova V.Yu. Features of prosecutorial supervision over the execution of laws on countering extremist activity // Problems of strengthening legality and law and order in modern society: Collection of scientific articles based on the results of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the professional holiday "Day of an employee of the internal affairs bodies", Sterlitamak, November 10, 2023 / Ed. A.M. Krepyshchev. Sterlitamak: Sterlitamak branch of UUNIT, 2023. pp. 11-13.
2. Beshukova Z.M. Criminal liability for extremism according to the Cathedral Code of 1649 // Yuridicheskaya nauka. 2016. No. 4. pp. 9-14.
3. Tikhomirov M.N., Epifanov P.P. The Cathedral Code of 1649: studies. handbook for higher education. Moscow, 1961. pp.70-72 [Electronic resource] (https://azbyka.ru/otechnik/Istoriya_Tserkvi/sobornoe-ulozhenie-1649-goda/).
4. Beshukova Z.M. Responsibility for crimes of an extremist nature under the Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845 // The Code of Criminal and Correctional Punishments of 1845: conceptual foundations and historical significance (to the 170th anniversary of its adoption): Materials of the International Scientific and Practical Conference, Gelendzhik, October 2-3, 2015 / ed. Dr. Yurid. Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation V.P. Konyakhin, Dr. Yurid. of Sciences, Prof. M.L. Prokhorov. Krasnodar, 2016. pp. 262-268.
5. Kisses E.L. Criminal Code of March 22, 1903: reasons for adoption and history of creation // Law studies. 2003. No. 3 (248). p. 187.
6. Rozhkov M.B. The object of state security: the constitutional system or the foundations of the constitutional system [Electronic resource]. URL: <http://www.law.edu.ru/doc/document.asp?docID=1115009>.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_42

УДК 340

ПРАВОСОЗНАНИЕ И ПРАВОВАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ LEGAL CONSCIOUSNESS AND LEGAL REALITY: GENERAL THEORETICAL ASPECTS

МАЗИТОВ Шамиль Айратович,

аспирант юридического факультета, Университет управления «ТИСБИ» г. Казань.

420012, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Муштари д. 13.

E-mail: incuren@gmail.com;

Mazitov Shamil Ayratovich,

graduate student Faculty of Law, University of Management «TISBI» Kazan.

420012, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, st. Mushtari, 13.

E-mail: incuren@gmail.com

Краткая аннотация: В статье приводится анализ дефиниции правосознания, рассматриваются структурные элементы правосознания, подходы к определению правовой реальности, ее отличительные черты в отношении правовой действительности, а также соотношение категорий «правосознание» и «правовая реальность». Делается вывод о неразрывности и взаимозависимости указанных категорий, и о специфическом характере правосознания.

Abstract: The article provides an analysis of the definition of legal consciousness, examines the structural elements of legal consciousness, approaches to defining legal reality, its distinctive features in relation to legal reality, as well as the relationship between the categories "legal consciousness" and "legal reality". The conclusion is drawn about the inseparability and interdependence of these categories, and about the specific nature of legal consciousness.

Ключевые слова: правосознание, правовая реальность, правовая действительность, правовая идеология, правовая психология.

Key words: legal consciousness, legal reality, legal validity, legal ideology, legal psychology.

Для цитирования: Мазитов Ш.А. Правосознание и правовая реальность: общетеоретические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 42-44. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_42.

For citation: Mazitov Sh.A. Legal consciousness and legal reality: general theoretical aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 42-44. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_42.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

Правосознание как правовой феномен, и в целом, как объект изучения правовой науки, имеет множество дефиниций, поскольку вопросу определения такого многогранного понятия посвящено достаточно большое количество работ. Как и большинство вопросов, поднимающихся в научных исследованиях, проблема как определения правосознания, так и выявления его структурных особенностей, не является исключением в вопросе противоречивости суждений тех или иных авторов. В юридической литературе понятие правосознания носит многогранный характер, поэтому можно выделить общие для многих исследований аспекты в контексте определения данного явления. А именно понимание правосознания как системы знаний, включающей в себя историю становления и развития права[1, с.134], понятия, идеи и концепции должного правового регулирования, соотношение прав и обязанностей; как отражение правовой действительности в разнообразных формах, например, в форме юридических знаний; как отношение, которым является как личностное, так и общественное, а также отношение к поведению самих людей[2, с.28] и их правам и обязанностям; как восприятие на основе интеллектуальных и эмоционально-ценностных представлений о правовой действительности[3]; как представлений о праве лицами, обладающими обширными познаниями в юридической сфере, а также имеющих объемную юридическую практику.

Примером краткого и достаточно содержательного выступает определение В.Н. Протасова, который понимает правосознание как «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей (классов, наций, народов) к действующему и желаемому праву, а также к праву прошлых эпох [4, с. 62]. Но существуют и другие мнения авторов, которые в свою очередь могут содержать не все содержательные характеристики, обозначенные выше, и к тому же концентрируются на каких-либо аспектах более детально. Например, Р. С. Байниязов рассматривает правосознание как духовную целостность правовых и отчасти общесоциальных идей, взглядов, представлений, убеждений, чувств, эмоций, настроений и т.д., идейно и психологически отражающую и осознающую правовые феномены [5]. А. Б. Венгеров приводит несколько возможных определений правосознания, описывая его как «объективно существующий набор взаимосвязанных идей, эмоций, выражающих отношение общества, групп индивидов к праву...», и как «канал воздействия права через мотивацию, эмоции, сознание на поведение людей, на формирование общественных отношений», и как «оценку права, существующую в обществе, выражающую критику действующего права и формирующую определенные надежды и пожелания к правовой сфере, ее изменениям, определяющую, что считать правомерным, а что неправомерным» [6, с. 482]. Как мы видим, некоторые авторы относятся не так формализованно к определению понятия правосознания, и могут выставлять на первый план собственные содержательные характеристики, например, как было указано выше духовно-ценностные составляющие, или рассмотрение такого явления как «объективно существующего». И такие варианты являются предпочтительными, если рассматривать их в первую очередь в контексте внутреннего восприятия права. Ведь правовое сознание является аккумулятивным феноменом, поскольку «впитывает» в себя всю окружающую человека правовую среду, выражающуюся в идеях, научно-теоретических знаниях, менталитете, социально-экономических реалиях, политическом устройстве, и фильтруется через призму соб-

ственных убеждений. И такой процесс, конечно, формирует отношение к существующему порядку, то есть либо позитивное, которое, как правило, выражается в правомерном поведении, либо негативное, при котором человек стремится внести изменения в сложившуюся систему или чувствует, что такая система бесполезна и нефункциональна.

Однако же главным и фундаментальным элементом правового сознания выступает право, поскольку правосознание отражает общественные отношения, так или иначе связанные с ним. Но нужно понимать, что право не является движущей силой, поскольку оно не обладает волевым критерием, например, оно не может быть субъектом правоотношений, и соответственно, образовывать их, или сотворить систему законодательства. В этой связи следует упомянуть о субъекте права, который является связующим звеном, то есть согласует взаимодействие права с каждым элементом правовой системы[7], а право же выступает фундаментом образования правосознания.

Раскрывая структурные составляющие правосознания, необходимо подчеркнуть не только значение таких составляющих, но и способы их взаимодействия. Такой подход к исследованию позволяет более полно раскрыть тему, поскольку концентрируется не только на статике компонентов, но и на динамике. Традиционно в структуре правосознания выделяют две категории: правовую психологию и правовую идеологию. С доктринальных позиций правовая идеология может рассматриваться не только как «сборник» идей, теорий, взглядов по отношению к настоящему праву, а еще и в качестве способа толкования принципов и норм для устранения пробелов в праве. Правовая психология же выражается в чувственной оценке проявления права, например, с момента возникновения правотворческой инициативы до применения соответствующих норм[8].

Правовая идеология, как мы уже отмечали ранее, является собирательным элементом правосознания, поскольку представляет из себя полноценную систему. И теми, кто формирует такую систему, являются отдельные социальные группы, оказывающие непосредственное влияние как на развитие правовой мысли, так и на нормативную, например, правоведа, политологи и т.д. Однако такое формирование осуществляется на основе социальных проблем и потребностей населения, что говорит нам о неразрывности процесса возникновения правовой идеологии с духовной жизнью общества и государства. Правовая идеология выступает в качестве идейного ориентира для законодателей и правоприменителей, координируя их деятельность. Данная категория способствует формированию направленности оценочных позиций в контексте реального устройства и положения правовой системы, ее функциональной характеристики, и в том числе развитию понимания о должной организации правовой сферы общества и идеальном правопорядке.

Раскрывая правовую психологию как эмоционально-волевой структурный элемент правосознания, нужно сказать, что данная категория находит свое выражение в чувственном «поле», то есть эмоциях, переживаниях, привычках и навыках правового характера, а также наглядно демонстрирует реакцию субъектов права на правовые явления, процессы, идеи и принципы.

Правовая психология состоит в основном из явлений иррационального характера, которые составляют «живое право», например, правовые обычаи, ментальность и традиции, то есть не формализованные образования. Можно сказать, что правовая психология базируется на интуитивных чувствах, помогающих законодателю правильно воспринимать сущность правовых феноменов и образовывать в соответствии с данными представлениями правовые нормы. Индивиды оценивают те или иные правовые явления в соответствии с принципом справедливости и руководствуясь правовой психологией. Справедливость как критерий разумности действий государственной власти, в совокупности с позитивной оценкой с позиции правовой психологии, позволяют принимать адекватные решения, удовлетворяющие социальным потребностям.

Невзирая на значительные различия между правовой идеологией и правовой психологией, данные категории являются неразделимыми, поскольку их конвергенция позволяет в полной мере адекватно отразить социальное бытие регулятивное воздействие на общественную жизнь.

В этой связи справедливо отмечает С. И. Нефедов, что гармоничное сочетание, то есть отсутствие противоречий между данными категориями, возможно при устранении противоречий путем объединения интересов всех субъектов права, которые «позволяют государству вырабатывать единую правовую идеологию и правовую политику», а именно: «К таким общим интересам относится юридическое равенство, охрана правопорядка, распределение материальных и духовных благ, получение достоверной информации, безопасность. Эти ценности - базовые и за редким исключением проявлялись во всех типах общества и во все эпохи» [9, с. 89].

Исследование понятия правосознания ставит перед нами не только проблему выявления определения данного явления и его сущностных характеристик, но и также вопросы соотношения с категорией «правовая реальность». Указанная категория неразрывно связана с правовым сознанием, и более того помогает детальнее выявить его качественные характеристики.

Понятие правовой реальности также имеет различные определения в научной среде. Существует несколько подходов к рассмотрению данной категории, например, широкий подход к пониманию данной категории, который выражается в трудах ряда ученых. Например, примечательна позиция О.В. Крета, заключающаяся в определении правовой реальности как «автономный нормативно-императивный и формально-определенный срез общественной реальности, объединяющий все существующие правовые явления»[10, с. 9].

В контексте раскрытия правовой реальности перед нами также возникает необходимость исследования категории «правовая действительность». Многие ученые отождествляют данные понятия. К примеру, О.В. Крет полагает, что выбор понятия «реальность» обоснован «традициями, которые сложились в отечественной и мировой философии»[10, с.19]. А Е.Г. Зинков рассматривая правовую реальность в трех ипостасях: правовом понятии, правовой категории и правовом концепте, определяет правовую действительность как «процесс отображения реального мира, имеющего в

своей основе объективные и субъективные явления, в юридическое понятие «вещь», учитывая материальный и идеальный порядок, тем самым выстраивая идеальное и материальное право»[11, с. 25], в то же время обозначая правовую реальность как «способ организации правовой действительности, ее упорядочивания». Как мы полагаем, правовая реальность по своему содержанию шире, чем правовая действительность и, в целом, содержит в себе последнее.

Также существует «узкий» подход к определению правовой реальности, заключающийся в ограничении объема данной категории одной либо несколькими сторонами ее проявления. В пример можно привести мнение С.И. Марайкина, который заявляет, что правовая реальность выступает как «вид объективной реальности, возникающий в той области действительности, где реализуются правовые отношения между индивидуумами, индивидуумом и обществом, индивидуумом и государством»[12, с. 77]. Сужение объема категории «правовая реальность» лишь до существующих правоотношений, как мы полагаем, не в полной мере отображает сущностные характеристики правовой реальности и ее границы.

Как мы уже и отмечали ранее, правосознание выступает оценочной категорией по отношению к действующему и желаемому праву, то есть оно непосредственно связано с волей и сознанием индивидуумов, и является «специфической» формой общественного сознания, которое необходимым образом связано с правовой реальностью. Правовая реальность же является видом социальной реальности, включающим в себя все правовые явления как объективного, так и субъективного характера, имеющих положительную либо отрицательную динамику. То есть это некий «срез» объективной реальности, аккумулирующий все процессы правового пространства, среди которых есть и правосознание. Человек через призму собственного сознания, характер которого определяется его опытом и социальной практикой, получает информацию о предмете отражения. Отражение правовой реальности происходит путем психических образований, ощущений, слуховых и зрительных восприятий. Именно с помощью органов восприятия, получающих ту или иную информацию, а далее с помощью мыслительных процессов, в результате которых вырабатываются правовые идеи и понятия, происходит аккумуляция знаний о праве, отражений правовой реальности.

Резюмируя вышесказанное, правосознание можно считать комплексным правовым явлением в виде специфической формы общественного сознания, коренным образом связанного с правовой реальностью. Последняя категория является объективной и предполагает в качестве субъекта индивидуума, вступающего в правоотношения. Такая формулировка не отличается от большинства других, но определяет необходимую связь правосознания с правовой реальностью. Правовая реальность выступает «срезом» бытия, которое репрезентируется в рамках правовой действительности, и в синергии с другими «срезами» выступает в качестве основания правовой жизни. Обобщая значение правосознания в области деятельности государственных органов хочется отметить, что оно выступает одним из факторов правотворческой и правоприменительной деятельности, поскольку процесс правотворчества напрямую связан с волевой и мыслительной деятельностью работников правотворческих органов, и соответственно применение с деятельностью правоисполнительных органов власти. Следственно, качественный уровень, адекватность и целесообразность правовых норм, соответствие их социальным потребностям прямым образом связано с уровнем правосознания органов власти. Правосознание отражает правовую реальность, которая в свою очередь испытывает влияние правосознания.

Библиография:

1. Сырых В. М. Теория государства и права: Учебник для вузов. — 6-е изд., перераб. и доп. — М.: ЗАО Юстицинформ, 2012. — 704 с.
2. Пискунова С. С. Современное правосознание: понятие, характерные черты и функции // Закон и право. — 2003. — № 8. — С. 28-31.
3. Поляков А. В., Тимошина Е. В. Общая теория права. — СПб., 2017. — 467 с.
4. Протасов, В. Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. — М.: Новый Юрист, 1999. — 240 с.
5. Байниязов Р. С. Правосознание и правовой менталитет в России. — Саратов, 2008. — 212 с.
6. Венгеров А.Б. Теория государства и права. М.: Юриспруденция. — 2000. — 528 с.
7. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: монография / под ред. Н.Н. Вопленко. — Волгоград, 2009. — 334 с.
8. Кученев, А. В. Современное понимание и структура правосознания. Вестник Московского университета МВД России. — Право. — 2017. — С. 22–25.
9. Нефедов С. И. Проблемы правовой идеологии в современной России // Гражданское общество и правовое государство. — 2011. — Т. 1. — С. 88-92.
10. Крет О.В. Правовая реальность: онтолого-гносеологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. — Тамбов, 2007. — 18 с.
11. Зинков Е.Г. Правовая реальность и правовая действительность: понятие, категория, концепт в правовом пространстве// Проблемы теории и истории права и государства. — Северо-Кавказский юридический вестник, 2018. — №2. — С. 22 – 27.
12. Марайкин С.И. Философский анализ проблемы воли в правовой реальности: дис. ... канд. филос. наук. — Магнитогорск, 2004. — 21 с.

References:

1. Syyrkh V. M. Theory of state and law: Textbook for universities. — 6th ed., revised. and supplemented.. - M.: JSC Yustitsinform, 2012. - 704 p.
2. Piskunova S.S. Modern legal consciousness: concept, characteristic features and functions // Law and Law. — 2003. — No. 8. — P. 28-31.
3. Polyakov A.V., Timoshina E.V. General theory of law. — St. Petersburg, 2017. — 467 p.
4. Protasov, V. N. Theory of law and state. Problems of the theory of law and state: Questions and answers. — M.: New Lawyer, 1999. — 240 p.
5. Bainiyazov R. S. Legal awareness and legal mentality in Russia. — Saratov, 2008. — 212 p.
6. Vengerov A.B. Theory of Government and Rights. M.: Jurisprudence. — 2000. — 528 p.
7. Rudkovsky V.A. Legal policy and implementation of law: monograph / ed. N.N. Voplenko. — Volgograd, 2009. — 334 p.
8. Kuchenev, A.V. Modern understanding and structure of legal consciousness. Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Right. — 2017. — pp. 22–25.
9. Nefedov S.I. Problems of legal ideology in modern Russia // Civil society and the rule of law. — 2011. — Т. 1. — P. 88-92.
10. Kret O.V. Legal reality: ontological-gnoseological analysis: dis. ...cand. Philosopher Sci. — Tambov, 2007. — 18 p.
11. Zinkov E.G. Legal reality and legal reality: concept, category, concept in the legal space // Problems of the theory and history of law and state. — North Caucasian Legal Bulletin, 2018. — No. 2. — pp. 22 – 27.
12. Maraikin S.I. Philosophical analysis of the problem of will in legal reality: dis. ...cand. Philosopher Sci. — Magnitogorsk, 2004. — 21 p.

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОСУДИЯ В СИСТЕМЕ РАЗДЕЛЕНИЯ ВЕТВЕЙ ВЛАСТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ THE EFFECTIVENESS OF JUSTICE IN THE SYSTEM OF SEPARATION OF BRANCHES OF GOVERNMENT IN MODERN RUSSIA

ШИТОВА Татьяна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: tgp_kafedra@mail.ru;

SHITOVA Tatyana Viktorovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Law Institute
Krasnoyarsk State Agrarian University.
Mira ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: tgp_kafedra@mail.ru

Краткая аннотация: В статье представлен авторский взгляд на правовые концепции в сфере правосудия, которые необходимо преодолеть для достижения эффективности в сфере правовой политики. В статье рассматриваются вопросы развития правовой политики в сфере правосудия Российской Федерации. Автор исследования приходит к выводу, что проблема достижения эффективности в системе правосудия напрямую соотносится с проблемой достижения результативности и целей, которые определены, но не достигнуты.

Abstract: The article presents the author's view on legal concepts in the field of justice, which must be overcome in order to achieve effectiveness in the field of legal policy. The article deals with the development of legal policy in the field of justice of the Russian Federation. The author of the study concludes that the problem of achieving efficiency in the justice system is directly related to the problem of achieving effectiveness and goals that are defined but not achieved.

Ключевые слова: правосудие, эффективность, судебная власть, система разделения ветвей власти, государственная власть, негосударственные структуры.

Keywords: justice, efficiency, judicial power, the system of separation of branches of government, state power, non-governmental structures.

Для цитирования: Шитова Т.В. Эффективность правосудия в системе разделения ветвей власти современной России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 45-47. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_45.

For citation: Shitova T.V. The effectiveness of justice in the system of separation of branches of government in modern Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 45-47. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_45.

Статья поступила в редакцию: 17.07.2024

Судебная власть - это разновидность государственной власти, в результате деятельности которой складываются особые общественные отношения, возникновение и существование которых обусловлено способностью общества при необходимости генерировать механизм разрешения конфликтов, осуществлять официальное толкование права, обеспечивать восстановление прав граждан на основе норм права, гарантируемый системой государственных и негосударственных структур.

Правовая политика в сфере судебной власти - это совокупность средств и методов организационно-управленческого, административно-правового и политико-идеологического характера, направленных на последовательное повышение эффективности российского правосудия и совершенствование судебной системы, которая являясь наиболее функциональной и независимой составляющей единой системы публичной власти, способна при непосредственном участии центральных институтов гражданского общества создать условия для системного укрепления законности и правопорядка, гарантировании прав и свобод человека и гражданина [1].

Правовая политика в сфере судебной власти обеспечивается не только на основе повышения эффективности правосудия, но и вовлечения в этот процесс значительных негосударственных структур, передовых институтов гражданского общества, установления модели обусловленности законности и правопорядка от единой системы публичной власти в современной России. Гармоничная архитектура судебной власти способна обеспечить национальный правопорядок и законность, широко претворить в правовую жизнь идеи естественных прав человека, практически осуществить задачи конституционной реформы. Об эффективности судопроизводства в определенной мере свидетельствует и «соотнесенность» уровней производительности труда в судах Российской Федерации с мировыми стандартами. Одной из причин, порождающую негативную ситуацию в системе правосудия РФ, в свое время был отмечен такой фактор, как досрочное прекращение судей своих полномочий, в сравнении с общей тенденцией стран Европейского сообщества. Данный признак свидетельствует о несовершенстве работы квалификационных коллегий, которые рекомендуют кандидатуры на должность судей [2]. Именно единый дисциплинарный орган сможет предотвратить рождающиеся коллизии в данном направлении и обеспечить надлежащую эффективность функционирования современной судебной системы [3].

В свою очередь, проблема эффективности правовой политики в сфере судебной власти Российской Федерации – это, прежде всего, про-

блема её результативности, возможного практического достижения поставленных законодателем целей, материализации их в конкретные результаты. Так, именно степень реализованной цели является основным показателем, критерием и эффективностью действия всего права. Так, по мнению специалистов реформа судебной системы в современной России с самого начала имела прочные концептуальные основы, четкие и ясные ориентиры своего движения, задачи и цели [4]. Кроме того, при оценке степени эффективности правовой политики в судебной системе необходимо учитывать также и параметры самого процесса реализации нормативных юридических схем в жизнь, а также характеристики используемых при этом средств и методов деятельности. При этом при анализе эффективности механизма противодействия коррупции, борьбы с преступностью, укрепления правопорядка важно соотносить полученный результат не только с целью, но и с организационно-правовыми средствами её осуществления, среди которых особое место занимают специализированные структуры гражданского общества, общественные объединения [5]. Таким образом, обеспечение государственной и общественной безопасности, на долгосрочную перспективу, будут способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб, создание единой государственной системы профилактики преступности (в первую очередь среди несовершеннолетних) и иных правонарушений, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработка и использование специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений [6].

Так, проблема эффективности правовой политики в сфере судебной власти Российской Федерации – это, прежде всего, проблема её результативности, возможного практического достижения поставленных законодателем целей, материализации их в конкретные результаты. Так, именно степень реализованной цели является основным показателем, критерием и эффективностью действия всего права. Так, по мнению специалистов реформа судебной системы в современной России с самого начала имела прочные концептуальные основы, четкие и ясные ориентиры своего движения, задачи и цели [7]. Кроме того, при оценке степени эффективности правовой политики в судебной системе необходимо учитывать также и параметры самого процесса реализации нормативных юридических схем в жизнь, а также характеристики используемых при этом средств и методов деятельности. При этом при анализе эффективности механизма противодействия коррупции, борьбы с преступностью, укрепления правопорядка важно соотносить полученный результат не только с целью, но и с организационно-правовыми средствами её осуществления, среди которых особое место занимают специализированные структуры гражданского общества, общественные объединения [8]. Таким образом, обеспечение государственной и общественной безопасности, на долгосрочную перспективу, будут способствовать повышению эффективности деятельности правоохранительных органов и спецслужб, создание единой государственной системы профилактики преступности (в первую очередь среди несовершеннолетних) и иных правонарушений, включая мониторинг и оценку эффективности правоприменительной практики, разработка и использование специальных мер, направленных на снижение уровня коррумпированности и криминализации общественных отношений [9].

Сегодня необходим тщательный анализ самого механизма правосудия, дальнейшая модернизация законодательства о суде, направленная на повышение качества его работы. Так, одним из коллизионных вопросов, которые требуют усовершенствования, остаются вопросы сокращения сроков рассмотрения гражданских дел, установления механизма возмещения в разумные сроки ущерба, причинённого в ходе судопроизводства при нарушении прав граждан на полное и своевременное исполнение судебных решений. Для граждан Российской Федерации важна доступность как самого суда, так и информации о его деятельности. Любая ветвь власти, любой институт имеют практическое значение, если они эффективно функционируют [10]. В этом плане актуальным вопросом отечественного правосудия на сегодняшний день, является повышение доверия граждан к суду, признания обществом легитимного характера судебной власти. На самом высоком уровне неоднократно высказывалась идея создания судебного органа, рассматривающего дела о досрочном прекращении полномочий судей за совершением ими дисциплинарных проступков. На VII Всероссийском съезде судей (декабрь 2008 г.) вышеуказанная идея окончательно была сформулирована и озвучена, получив поддержку собравшихся судей Российской Федерации. В связи с вышеуказанными обстоятельствами 9 ноября 2009 г. Президентом РФ был подписан Федеральный Конституционный закон Российской Федерации «О дисциплинарном судебном присутствии». Целью указанного закона было повышение эффективности функционирования судебной системы в РФ. Безусловно, в свое время закон являлся новеллой и на сегодняшний день практическая база подготовлена. Представленный институт в современный период трансформировался в дисциплинарную коллегия Верховного Суда РФ.

На сегодняшний день, вопрос "эффективности правосудия" в юридической науке и практике не вызывают сомнений. На наш взгляд, понятие "эффективность правосудия", а тем более ее критерии, должны конструироваться исходя из задач, определенных законом о судебной власти. Как правило, закон возлагает на судебную систему задачу разрешения социальных конфликтов. Задачи такого рода разрешаются судами при рассмотрении ими конкретных дел. Именно эффективность правосудия действенным образом отображает его деятельность с точки зрения законности, а реализация принципа законности в деятельности государственного аппарата происходит лишь тогда, когда происходит взаимовлияние государства и общества.

Немаловажное значение имеет факт участия молодежного сообщества в механизме функционирования правосудия, формировании коллегии присяжных заседателей, в иных формах опосредованной защиты прав, свобод и законных интересов граждан]. Более того, судебная власть наиболее точно отражает правовые запросы и стремления самого общества, а также выступает показателем гарантирования прав человека, механизма взаимодействия различных государственных органов с органами местного самоуправления, общественным активом.

Общеизвестно, что одной из важнейших форм государственного управления, призванных разрешать социальные конфликты на основе

норм права, является правосудие. Органы судебной власти современной России оказывают непосредственное воздействие на формирование и укрепление правового государства как путем осуществления производства по делам о признании правовых актов государственных и муниципальных органов власти и должностных лиц недействительными, а также посредством конституционного, гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства. Сегодня настоятельной потребностью становится необходимость разработки концепции стратегических преобразований организационно-правового механизма отечественного правосудия [11]. Бесспорно, следует отметить и тот факт, что надлежащее функционирование судебной системы в России должно учитывать тенденции наднационального, международного права, а также учитывать аспекты межгосударственного сотрудничества органов правосудия [12]. Работа органов правосудия также должна сопровождаться развитием организационно-управленческого, информационного-идеологического и политико-правового потенциала гражданского общества, укреплением его позиций в обеспечении законности и борьбы с правонарушениями [3, с. 120-124].

Библиография:

1. Шитова Т.В. Организация Объединенных Наций как инструмент повышения эффективного межгосударственного сотрудничества // Евразийский юридический журнал. 2020. № 4 (143). С. 37-38.
2. Безруков А.В., Тепляшин И.В. Роль общественности в укреплении конституционного правопорядка в России // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 36-40.
3. Землякова Е.В., Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах// В сборнике: Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 121-123.
4. Фастович Г.Г. Институт регионализации в системе агропромышленного комплекса современной России (на примере исследования логистических процессов Красноярского края // Аграрное и земельное право. 2019. № 3 (171). С. 47-49.
5. Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Информационные технологии в системе повышения эффективности деятельности органов государственной власти: теоретико-правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22.
6. Фастович Г.Г., Жикюлина А.С., Рахвалова Н.А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 199-202.
7. Малько А.В., Терехин В.А. Судебная политика как средство оптимизации правосудия в Российской Федерации // Государство и право. 2016. № 7. С. 11-19.
8. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. К вопросу об эффективности единой системы публичной власти// Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 4 (18). С. 76-88.
9. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. INTRODUCTION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE AGRICULTURAL SECTOR AS ONE OF THE CRITERIA FOR EFFECTIVE STATE POLICY IN THE FIELD OF AGROINDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // В сборнике: IOP Conference Series; Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2021. С. 32089.
10. Рябченко О.Н., Фастович Г.Г. Интернет и его воздействие на современное общество // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 3-1. С. 143-145.
11. Фастович Г.Г., Литвинова В.С., Игнатенко В.А. Эффективная кадровая политика как один из критериев деятельности государственного механизма // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 81-82.
12. Фастович Г.Г. Функционирование институтов гражданского общества как фактор повышения эффективности деятельности государственного механизма // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 51-55.

References:

1. Shitova T.V. The United Nations as a tool to enhance effective interstate cooperation // Eurasian Law Journal. 2020. No. 4 (143). pp. 37-38.
2. Bezrukov A.V., Teplyashin I.V. The role of the public in strengthening constitutional law and order in Russia // Russian law: education, practice, science. 2018. No. 3 (105). pp. 36-40.
3. Zemlyakova E.V., Fastovich G.G. On the issue of the application of information technologies in logistics systems// In the collection: Logistics - the Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 121-123.
4. Fastovich G.G. Institute of regionalization in the system of the agro-industrial complex of modern Russia (on the example of a study of logistics processes in the Krasnoyarsk Territory // Agrarian and land law. 2019. No. 3 (171). pp. 47-49.
5. Fastovich G.G., Kudashova I.V. Information technologies in the system of improving the efficiency of public authorities: theoretical and legal aspect // Law and politics. 2020. No. 2. pp. 18-22.
6. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal regulation of relations in the field of personal data processing // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. pp. 199-202.
7. Malko A.V., Terexhin V.A. Judicial policy as a means of optimizing justice in the Russian Federation // State and law. 2016. No. 7. pp. 11-19.
8. Fastovich G.G., Shitova T.V. On the issue of the effectiveness of the unified system of public authority// Socio-economic and Humanitarian journal. 2020. NO. 4 (18). PP. 76-88.
9. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. INTRODUCTION OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE AGRICULTURAL SECTOR AS ONE OF THE CRITERIA FOR EFFECTIVE STATE POLICY IN THE FIELD OF AGROINDUSTRIAL COMPLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION // Vsbornik: IOP Conference Series; Earth and Environmental Science. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Krasnoyarsk, Russian Federation, 2021. С. 32089.
10. Ryabchenko O.N., Fastovich G.G. The Internet and its impact on modern society // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 3-1. pp. 143-145.
11. Fastovich G.G., Litvinova V.S., Ignatenko V.A. Effective personnel policy as one of the criteria for the activity of the state mechanism // Eurasian Law Journal. 2020. No. 10 (149). pp. 81-82.
12. Fastovich G.G. Functioning of civil society institutions as a factor in increasing the effectiveness of the state mechanism // Law and the state: theory and practice. 2016. No. 7 (139). pp. 51-55.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_48

УДК 323.28

О ВЛИЯНИИ ТЕРРОРИЗМА НА НАЦИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ On the impact of terrorism on Russia's national security

АСЕЕВ Илья Иванович,

преподаватель кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр-т, 149.

E-mail: iiaseev@mail.ru;

Aseev Ilya I.,

Lecturer at the Department of Theory and History of State and Law

St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia.

196105, St. Petersburg, Moskovsky Ave., 149.

E-mail: iiaseev@mail.ru

Краткая аннотация: В представленном исследовании рассматривается такое явление как терроризм, оказывающее воздействие на национальную безопасность России. Автор раскрывает признаки терроризма.

Abstract: The presented study examines such a phenomenon as terrorism, which has an impact on the national security of Russia. The author reveals the signs of terrorism.

Ключевые слова: терроризм, национальная безопасность, уголовный закон, террористические преступления, террористические акты.

Keywords: terrorism, national security, criminal law, terrorist crimes, terrorist acts.

Для цитирования: Асеев И.И. О влиянии терроризма на национальную безопасность России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 48-51. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_48.

For citation: Aseev I.I. On the impact of terrorism on Russia's national security // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 48-51. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_48.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Сегодня терроризм является одним из самых сложных и опасных политико-правовых явлений. Он выступает в качестве основной угрозы безопасности общества¹, мешает нормальному функционированию государственных органов и нормальной жизни людей. Кроме того, будучи явлением с политической окраской, терроризм выступает угрозой для существования всего мирового сообщества. Террористические акты и другие террористические преступления, несущие в себе деструктивный потенциал, и совершаемые практически во всех странах, часто становятся причиной военных конфликтов и иных глобальных катастрофических явлений.

Терроризм, который сегодня имеет место в самых разных странах земного полушария, имеет ряд опасных, присущих ему признаков². Среди таковых: широкий размах (арсенал) террористических действий; высокий уровень организованности; вливание значительных финансов в террористическую деятельность; высокий уровень технической оснащенности; отсутствие явных государственных границ и т.д. Террористы в современных условиях имеют возможность использовать такие новейшие технологии, которые выводят террористические операции в один ряд с военными, что позволяет отнести терроризм к новейшей форме войны. Угрозы, которые представляет терроризм, не только ухудшают экономическое положение во всем мире, но и подрывают государственную целостность стран, наносят урон авторитету их представительных органов, сея панику и ужас среди обычных людей. Россия также не является исключением.

По данным глобального индекса терроризма, охватывающего 135 стран мира, на 2023 год Российская Федерация занимает 44 место с индексом 4,219³. Более негативные индексы терроризма имеют Сирия – 8,2; Индия – 7,432, Египет – 6,932. Турция – 5,651 и др. Самый высокий индекс у Афганистана (9,109), у Ирака (8,511), у Сомали (8,398). Имеются и страны, где глобальный индекс терроризма равняется 0 (Узбекистан, Сербия, Грузия, Эстония, Беларусь, Болгария и др.)⁴.

Говоря, о статистических данных, необходимо сказать о том, что в России, согласно официальным данным в период с 2010 по 2023 год количество зарегистрированных террористических преступлений увеличилось почти в 4 раза с 581 (2010 г.) до 2382 преступлений за 2023 год⁵. Представленные показатели указывают на то, что сегодня количество совершения террористических преступлений стремительно растет.

¹ Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

² Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFW.

³ Глобальный индекс терроризма – 2023 // URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2023.html> // (дата обращения: 08.04.2024)

⁴ Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBUJCP.

⁵ МВД РФ сообщило о росте на 6% числа террористических преступлений в 2023 г. // URL: <https://www.interfax.ru/russia/945212> // (дата обращения: 18.04.2024)

Важно также обратиться к истории, которая доказывает, что террористические преступления часто приносили за собой серьезные последствия, в том числе и огромное количество смертельных исходов. Так, одним из самых масштабных террористических преступлений является теракт 2001 года на нью-йоркских башнях-близнецах, где точное количество человеческих жертв составило – 2 977. Второе место по количеству жертв занимает теракт 2004 года в школе Беслана, в результате которого погибло 333 человека, в том числе и дети. В списке самых масштабных террористических преступлений находятся: теракт 2008 года в Мумбаи, где погибло 195 человек; теракт 2004 года в Мадриде, впоследствии которого 191 человек погиб; а также теракт 2002 года, совершенный, непосредственно в столице нашей страны, а именно в театре на Дубровке (мюзикл «Норд-Ост»). Данный теракт унес жизни 130 человек.

И это не единственные случаи. России не раз приходилось сталкиваться с террористическими деяниями. Это были и взрывы жилых домов; и взрывы в московском и петербургском метро; и взрывы в поезде и многое другое. Одной из последних масштабных трагедий террористического характера стала авиакатастрофа над Синайским полуостровом в 2015 году, (в хвостовой части самолета произошел взрыв самодельного устройства) вследствие чего погибло 217 человек. Привести всю статистику смертности по террористическим преступлениям – не представляется возможным, однако имеются статистические данные, указывающие на то, что коэффициент летальности по данным преступлениям стремительно растет. Так, например, в 2021 году данный коэффициент составлял 1,3, а в 2023 уже достиг значения – 1,7.

Постоянный рост террористической преступности является негативной тенденцией нашего государства, в связи с чем борьба с терроризмом становится важной задачей российского общества и, конечно, государственной власти. По этой причине борьба с терроризмом значится в качестве одной из главных целей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Это в свой черед, обуславливает важность такого государственного направления, как антитеррористическая политика.

Данная деятельность основывается на организационных и правовых началах, где ключевая роль принадлежит режиму контртеррористической операции¹. В условиях постоянно нарастающей террористической угрозы, использование этого специального правового режима с целью своевременного пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства становится крайне необходимым.

Наряду с этим, применение данного специального правового режима в процессе противодействия терроризму, в нашей стране не имеет четкую правовую основу. Это обусловлено рядом правовых проблем и пробелов, касающихся правового регулирования данного режима. К тому же, практика показывает множество примеров, когда применение экстраординарных мер в отсутствие правового регулирования, может привести к невыполнению в различных формах установлений, содержащихся в Конституции Российской Федерации и иных актах.

Терроризм является исключительно современным явлением. Сегодня во многих странах мира, в том числе и в России вспыхивают все новые и новые вспышки терроризма, которые приносят за собой огромное количество жертв и заставляют держать весь мир в страхе.

Процесс установления сути терроризма начался на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1972 году, когда был создан специальный комитет по международному терроризму, однако, несмотря на многочисленные проведенные международные конференции, посвященные терроризму, единого определения данному феномену не дано.

Такое обстоятельство объясняется, главным образом, многогранностью и сложностью данного политико-правового феномена. В целом, на сегодняшний день выработано около 200 его определений, разных специалистов из разных областей наук².

Для понимания сущности терроризма, необходимо выявить и рассмотреть его основные признаки.

К признакам терроризма следует относить:

Признак насилия, который находит свое отражение практически во всех источниках международного права. В качестве примера можно привести Предписание Северной Ирландии о задержании террористов (1972 г.) и Закон Северной Ирландии о чрезвычайных полномочиях (1973 г.), в которых терроризму дается следующее определение: «терроризм – применение насилия в политических целях», что включает «применение насилия в целях устрашения населения или какой-то его части»³.

Признак устрашения населения. С нашей точки зрения, признак устрашения – это главное звено терроризма, что можно объяснить тем, что непосредственно термин «terror», от которого произошел и термин «терроризм», переводится не иначе как страх и ужас. Тем не менее, он имеет отличия от иных преступлений, которые также могут создавать страх, тем обстоятельством, что страх создается преступниками не просто так, а с целью его использования в качестве инструмента целенаправленного воздействия. При таком воздействии организация устрашающей обстановки не есть самоцель преступления, а есть средство достижения его цели.

Признак специальной цели. Террористические преступления, которые находят место в УК РФ, и отражаются в нем в виде определенных

---

¹ Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR; Строков, С. А. Особенности правового режима контртеррористической операции / С. А. Строков, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2018. – № 1(246). – С. 109-117. – EDN YMHUXM.

² Назарова, И. С. Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Второе издание, переработанное. – Белгород – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 74 с. – EDN ATKIU1.

³ Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: монография / С. М. Кочои. М: Проспект, 2023. –С. 60.

составов, характеризуются политической направленностью¹.

По данному вопросу Верховный суд Российской Федерации, дает следующее пояснение: «...посягательство на жизнь и здоровье другого человека путем производства взрыва, поджога или иных действий подобного характера... и не преследующее цели дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, не образует состав преступления, предусмотренный статьей 205 УК РФ, и квалифицируется по соответствующим статьям Особенной части УК РФ».

Многие эксперты в области исследования терроризма считают, что понятие «терроризм» не должно рассматриваться только в рамках политической цели². Данное понятие должно стать аполитичным, это значит, что в нем должны усматриваться все потенциальные цели терроризма.

С нашей точки зрения, подобного рода подход к сущности терроризма сотрет грани между террористическими и иными составами преступлений. Тем самым возникнут дополнительные проблемы при классификации схожих составов.

Признак повышенной общественной опасности. Данный признак является, пожалуй, одной из самых важных характеристик исследуемого феномена. Совершая общественно опасные деяния или угрожая их совершением террористам удается сформировать обстановку страха и оказать психологическое воздействие, целью которого выступает склонение других лиц к определенным действиям (поведению).

Наряду с этим, террористы не просто создают чувства страха, опасности и не защищенности (хотя это, уже напрямую связывается с целью терроризма), они создают ситуацию, при которой вероятен исход с причинением смерти огромному количеству людей. При этом не важно, каким образом акт терроризма будет приведен в жизнь. Он может быть выражен производством поджога, взрыва и пр., при этом все равно будет иметь место повышенная общественная опасность.

Признак наличия идеологии предполагает, что основу террористических деяний составляет идея, которая при помощи совершения террористического преступления, привлекает к себе внимание. При этом, идеология может быть религиозной, националистической или сепаратистской³.

Признак отсутствия латентности или публичность. Латентность по природе терроризма не может быть присуща ему. Как правило, террористы при совершении террористических актов, совершают все действия для того, чтобы их деяния не остались незамеченными обществом и государством, получили широкую огласку, зачастую даже специально раскрываются лица, которые их совершают, в то время как при совершении иных преступлений, злоумышленники предпринимают все усилия для того, чтобы скрыть свою личность и остаться инкогнито.

Рассмотрев признаки терроризма, вновь вернемся к определению данного феномена, обратившись, прежде всего к законодательным и научным основам.

Законодательное определение терроризма содержится в Федеральном законе от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», определение данного явления таково: «терроризм – идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий».

Между тем, в УК РФ нет определения терроризма. Однако существует узкое и широкое толкование данного явления, благодаря имеющимся в уголовном законе составам преступления. Так, с точки зрения узкого подхода понятие террористического подразумевает характеристику, указанную в ч. 1 ст. 205 УК РФ. С позиции широкого подхода под понятие «терроризм» попадает сразу несколько составов преступления (куда входят преступления, предусмотренные ст. 205.1-205.6 УК РФ; 207 УК РФ; 361 УК РФ и пр.)⁴.

Таким образом, терроризм охватывает собой большую группу террористических преступлений, однако главным из них является террористический акт, особенности которого были подробно изучены нами в процессе исследования.

Библиография:

1. Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.
2. Шеншин, В. М. О понятии преступлений экстремистской направленности и об участии войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 7(312). – С. 89-94. – EDN XRZGFV.
3. URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2023.html> // (дата обращения: 08.04.2024)
4. Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBULCP.
5. МВД РФ сообщило о росте на 6% числа террористических преступлений в 2023 г. // URL: <https://www.interfax.ru/russia/945212> // (дата обращения: 18.04.2024)
6. Волкогон, Т. А. К вопросу о правовых режимах «военное положение» и «контртеррористическая операция» и реализации войсками национальной гвардии Российской Федерации своих полномочий в указанных режимах / Т. А. Волкогон, А. Н. Тулаев, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 9(314). – С. 21-32. – EDN OTKMXR.
7. Строков, С. А. Особенности правового режима контртеррористической операции / С. А. Строков, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах – Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

¹ Веремчук Д.А. Понятие терроризма и его признаки //Студенческий форум. – 2020. – № 31-2 – С. 10.

² Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

³ Бушмин С. И. Преступления экстремистской и террористической направленности: учебное пособие / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев; Сибирский федеральный университет, Юридический институт. : Проспект, 2022.— С. 103.

⁴ Агаев Г.А., Бьковский Д.Е. Уголовно-правовая политика в сфере борьбы с терроризмом //Аллея науки. – 2022. – № 8. – С. 282.

но-правовое обозрение. – 2018. – № 1(246). – С. 109-117. – EDN YMHUXM.

8. Назарова, И. С. Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Второе издание, переработанное. – Белгород – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 74 с. – EDN ATKIUI.
9. Кочои С.М. Антиэкстремистские нормы: правовое обоснование противодействия терроризму: монография / С. М. Кочои. М: Проспект, 2023. –С. 60.
10. Веремчук Д.А. Понятие терроризма и его признаки //Студенческий форум. – 2020. – № 31-2 – С. 10.
11. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
12. Бушмин С. И. Преступления экстремистской и террористической направленности: учебное пособие / С. И. Бушмин, Г. Л. Москалев; Сибирский федеральный университет, Юридический институт.: Проспект, 2022.– С. 103.
13. Агаев Г.А., Быковский Д.Е. Уголовно-правовая политика в сфере борьбы с терроризмом //Аллея науки. – 2022. – № 8. – С. 282.

References:

1. Shenshin, V. M. Terrorism and counteraction to terrorism and extremism by the CSTO / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Yu. Starostin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 104-109. – EDN LOXPXA.
2. Shenshin, V. M. On the concept of extremist crimes and on the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 7(312). – Pp. 89-94. – EDN XRZGFW.
3. URL: <https://reliefweb.int/report/world/global-terrorism-index-2023.html> // (accessed 08.04.2024)
4. Shenshin, V. M. Countering terrorism and extremism in the field of ensuring state and public security / V. M. Shenshin // Criminal law impact as a special purposeful activity of the state : a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), Tolyatti, November 26, 2021 / Tolyatti State University; Institute of Law. – Tolyatti: SAMARAMA Limited Liability Company, 2021. – pp. 107-113. – EDN PBULCP.
5. The Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation reported a 6% increase in the number of terrorist crimes in 2023.// URL: <https://www.interfax.ru/russia/945212> // (date of access: 04/18/2024)
6. Volkogon, T. A. On the issue of the legal regimes "martial law" and "counter-terrorism operation" and the implementation by the troops of the National Guard of the Russian Federation of their powers in these regimes / T. A. Volkogon, A. N. Tulaev, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 9(314). – Pp. 21-32. – EDN OTKMXR.
7. Stokov, S. A. Features of the legal regime of the counterterrorist operation / S. A. Stokov, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2018. – № 1(246). – Pp. 109-117. – EDN YMHUXM.
8. Nazarova, I. S. Countering extremist activity in the Russian Federation glossary / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. – Second edition, revised. Belgorod – Saint Petersburg : Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 74 p. – EDN ATKIUI.
9. Kochoi S.M. Anti-extremist norms: the legal justification for countering terrorism: a monograph / S. M. Kochoi. Moscow: Prospekt, 2023. –p.60.
10. Veremchuk D.A. The concept of terrorism and its signs //Student forum. – 2020. – No. 31-2 – p.10.
11. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. – Belgorod : Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 202 p. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
12. Bushmin S. I. Crimes of extremist and terrorist orientation: a textbook / S. I. Bushmin, G. L. Moskaev; Siberian Federal University, Law Institute.: Prospect, 2022.– p. 103.
13. Agaev G.A., Bykovsky D.E. Criminal law policy in the field of combating terrorism //Science Alley. – 2022. – No. 8. – p. 282.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_52

УДК 340.1

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВАЯ ПАРАДИГМА ИНТЕРНЕТА ВЕЩЕЙ (IoT) В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА XXI ВЕКА The theoretical and legal paradigm of the Internet of Things (IoT) in the information society of the XXI century

ЧИМАРОВ Сергей Юрьевич,

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет МВД России.
199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 4-я лин. В.О., 43.
E-mail: serg120756@gmail.com;

МАРКОВА Оксана Станиславовна,

начальник факультета подготовки финансово-экономических кадров,
Санкт-Петербургский университет МВД России.
199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 4-я лин. В.О., 43.
E-mail: oksana_270580@mail.ru;

CHIMAROV Sergey Yurievich,

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department
of Personnel Management and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
199004, Russia, St. Petersburg, 4th lin. V.O., 43.
E-mail: serg120756@gmail.com;

MARKOVA Oksana Stanislavovna,

Head of the Faculty of Financial and Economic Personnel Training,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
199004, Russia, St. Petersburg, 4th lin. V.O., 43.
E-mail: oksana_270580@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена анализу отдельных аспектов экосистемы Интернета вещей, выявлению его роли в жизни человека и общества, а также состоянию его правового регулирования. Признавая очевидное значение новой области онлайн-технологии обмена данными, сопряженного с достижением блага для акторов социального взаимодействия, авторы: во-первых, выдвигают свое трактование понятия Интернета вещей; во-вторых, признают необходимость упорядочения правового регулирования отмеченной экосистемы, целеполаганием которого выступает нейтрализация ее негативного воздействия на личность и общество. По мнению авторов, выявление существенных вопросов функционирования Интернета вещей и его последствий, имеет несомненное значение для науки, предметом которой выступает теория государства и права.

Abstract: The article is devoted to the analysis of certain aspects of the Internet of Things ecosystem, identifying its role in human life and society, as well as the state of its legal regulation. Recognizing the obvious significance of the new area of online data exchange technology associated with achieving benefits for the actors of social interaction, the authors: firstly, put forward their interpretation of the concept of the Internet of Things; secondly, they recognize the need to streamline the legal regulation of the noted ecosystem, the goal setting of which is to neutralize its negative impact on the individual and society. According to the authors, identifying the essential issues of the functioning of the Internet of Things and its consequences is of undoubted importance for science, the subject of which is the theory of state and law.

Ключевые слова: право, правовое регулирование, нормативно-правовая база, права человека, вещь, Интернет вещей, онлайн-обмен.
Keywords: law, legal regulation, regulatory framework, human rights, thing, Internet of things, online exchange.

Для цитирования: Чимаров С.Ю., Маркова О.С. Теоретико-правовая парадигма интернета вещей (IoT) в условиях информационного общества XXI века // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 52-54. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_52.

For citation: Chimarov S. Yu., Markova O. S. The theoretical and legal paradigm of the Internet of Things (IoT) in the information society of the XXI century // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 52-54. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_52.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2024

Современная модель симбиотических отношений информационного общества XXI века и эпохи консьюмеризма предопределяет целесообразность: во-первых, более пристального рассмотрения различных вариаций новых технологических приемов с использованием потенциала цифровых платформ и массива элементной базы дигитального характера; во-вторых, выявления особенностей правового регулирования отмеченной области отношений. По нашему представлению, содержание приведенного тезиса корреспондирует необходимости уточнения отдельных аспектов правовой регламентации нового явления цифрового порядка и глобально-сетевой организации, именуемого в качестве Интернета вещей (англ. «Internet of Things», IoT) (далее – IoT).

По нашему мнению, Интернет вещей (IoT) – это совокупность датчиков и исполнительных устройств, подключенных посредством глобальной сети к вычислительным системам, способным отслеживать/управлять состоянием и действиями подключенных объектов, включая слежение за окружающим человека миром и самим человеком. Однако, как утверждают американские специалисты М. Чуи, М. Коллинз и М. Патель (партнеры

международной консалтинговой компании «McKinsey & Company»), к функционалу IoT не относятся устройства, датчики которых предназначены для обеспечения «намеренного человеческого ввода данных». В данном случае это касается, к примеру, смартфонов и персональных компьютеров, для которых ввод данных происходит в основном через сенсорный экран и/или клавиатуру) [1.]

Отечественные ученые В.Б. Исаков, В.К. Сарьян и А.А. Фокина констатируют, что к области эвентуального ряда ключевых моментов рассмотрения юридических вопросов следует отнести следующие положения:

- 1) разработка категориального аппарата юридической науки;
- 2) анализ проблемы идентификации лиц – участников сетевого обмена;
- 3) повышение уровня правосознания пользователей;
- 4) защита персональной информации;
- 5) ответственность субъектов права;
- 6) формирование базы доказательств, включая подтверждение юридических фактов; 6) «действие права в пространстве и по кругу лиц», и др. [2, с. 11].

Технологии IoT как неотъемлемый атрибут развития массива современных цифровых технологий и их связанности с глобальным сетевым пространством, являются серьезным испытанием для различных правовых систем. Указанное сопровождается смещением «фокуса внимания» на следующих вопросах права, ответственности и ресурсов: 1) интеллектуальная собственность; 2) авторское право; 3) распространение порочащих сведений; 4) преступность; 5) шпионаж, и ряде других [3, с. 165].

С учетом отмеченного, особый интерес вызывают отдельные положения разработанной российскими специалистами «Открытой Концепции Интернета вещей» (далее – Концепция) [4].

Контент данного документа содержит свод следующих правовых проблем: 1) правовой режим информации; 2) персональные данные и частная жизнь; 3) нейтральность IoT; 4) информационная безопасность; 5) совместимость и защита конкуренции; 6) автоматизированные действия и автоматизированные договоры; 7) децентрализованные сети. Как следует из текста Концепции, область правовой регламентации IoT должна: во-первых, содержать перечень необходимых требований к технологиям, применение которых не исключает нанесение вреда жизни и здоровью людей, а также нарушение условий обеспечения публичных интересов; во-вторых, способствовать устойчивости соответствующих условий для саморегулирования и продвижения «лучших практик» [4, с. 9].

Интегрируя зарубежный опыт правового регулирования IoT, Е.Б. Соломатин и Д.В. Стефановский исходят из связанности правовых и этических направлений отмеченного правового процесса, сегментами которого являются:

- 1) законодательство (на микроуровне для человека, на мезоуровне для социальных практик, на макроуровне для политических последствий);
- 2) принципы, правила и кодексы этического характера;
- 3) стандарты и директивы;
- 4) регулирование договорных отношений [5].

Отмечая наличие устойчивой связи между правовым и этическим аспектами IoT, следует признать тот факт, что эволюционирование технологической обоймы IoT привело к формированию сложной системы координат юридического наследия, благодаря которому, к примеру, в Великобритании в 2018 г. был разработан «Кодекс практики потребительской безопасности IoT» (далее – Кодекс практики). «Внедрение Кодекса практики может помочь организациям достичь соблюдения действующего законодательства о защите данных» [6, р. 3]. – отмечается в указанном документе.

Таким образом, «фактор форсированного распространения в современном социуме цифровых технологий выводит на новый уровень процесс алгоритмизации различных сфер деятельности человека. Отмеченное обстоятельство предопределяет более активное дигитальное воздействие на многие опции поведения личности и обуславливает формирование новой модели многих акторов социального взаимодействия» [7, с. 112]. Мы считаем, что указанное в полной мере относится и алгоритмам экосистемы IoT.

Резюмируя рассмотренное выше, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Конвергенция физического мира и мира тотальной дигитализации многогранных областей общественных отношений, экономики и бизнеса, выступает в качестве одной из ключевых тенденций XXI века, предопределяя при этом переход мировой цивилизации на более качественный уровень бытия личности и социума. При этом следует признать неотвратимость динамики развития обширной системы Интернета вещей (IoT), обладающего свойством «двуликого Януса» и, как следствие, способствующего повышению качества жизни людей и одновременно создающего новые виды угроз для личности и общества.

2. Устойчивая динамика распространения области Интернета вещей (IoT) предопределяет активизацию процесса разработки адекватных правовых решений, способствующих созданию необходимых условий для эффективности юридически-значимых действий с участием Интернета вещей (IoT).

3. Отмеченное обстоятельство выдвигает в повестку дня необходимость принятия соответствующих мер, в части нормативного правового

регулирования сложной системы онлайн-обмена и перевода современной теоретико-правовой парадигмы Интернета вещей (IoT) в более строгие рамки национальной правовой системы.

Библиография:

1. Chui M., Collins M., Patel M., IoT value set to accelerate through 2030: Where and how to capture it. Report. – November 9, 2021. // URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/iot-value-set-to-accelerate-through-2030-where-and-how-to-capture-it> (дата обращения: 29.04.2024).
2. Исаков В.Б., Сарьян В.К., Фокина А.А. Правовые аспекты внедрения интернета вещей // ИТ-Стандарт. – 2015. – № 4(5). – С. 9 – 16.
3. Грингард С. Интернет вещей: Будущее уже здесь. – М.: Издательская группа «Точка», 2017. – 224 с.
4. Открытая Концепция «Интернет вещей»: правовые аспекты (Российская Федерация). Версия 1.0. // IoT Summit Russia (07 июня 2016 г.). – СПб.: НП Руссофт, 2016. – 27 с. // URL: <https://www.ifap.ru/pr/2016/160712aa.pdf> (дата обращения: 28.04.2024).
5. Соломатин Е.Б., Стефановский Д.В. 4.5 Регулирование интернета вещей / Этика и «Цифра»: этические проблемы цифровых технологий: аналитический доклад. – М.: Центр подготовки руководителей и команд цифровой трансформации, 2021. // URL: https://ethics.cdto.center/4_5 (дата обращения: 28.04.2024).
6. Code of Practice for Consumer IoT Security. Published 14 October 2018. // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60576f54e90e0724c0df4631/Code_of_Practice_for_Consumer_IoT_Security_October_2018_V2.pdf (дата обращения: 02.05.2024).
7. Чимаров С.Ю., Алексеев А.А. Некоторые суждения относительно искусственного интеллекта в контексте социальной жизни первой четверти XXI века // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 3. – С.112 – 114.

References:

1. Chui M., Collins M., Patel M., IoT value set to accelerate through 2030: Where and how to capture it. Report. – November 9, 2021. // URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/mckinsey-digital/our-insights/iot-value-set-to-accelerate-through-2030-where-and-how-to-capture-it> (data obrashcheniya: 29.04.2024).
2. Isakov V.B., Sar'yan V.K., Fokina A.A. Pravovye aspekty vnedreniya interneta veshchej // IT-Standart. – 2015. – № 4(5). – S. 9 – 16.
3. Gringard S. Internet veshchej: Budushchee uzhe zdes'. – M.: Izdatel'skaya gruppya «Tochka», 2017. – 224 s.
4. Otkrytaya Konceptsiya «Internet veshchej»: pravovye aspekty (Rossijskaya Federaciya). Versiya 1.0. // IoT Summit Russia (07 iyunya 2016 g.). – SPb.: NP Russoft, 2016. – 27 s. // URL: <https://www.ifap.ru/pr/2016/160712aa.pdf> (data obrashcheniya: 28.04.2024).
5. Solomatina E.B., Stefanovskij D.V. 4.5 Regulirovanie interneta veshchej / Etika i «Cifra»: eticheskie problemy cifrovyyh tekhnologiy: analiticheskij doklad. – M.: Centr podgotovki rukovoditelej i komand cifrovoj transformacii, 2021. // URL: https://ethics.cdto.center/4_5 (data obrashcheniya: 28.04.2024).
6. Code of Practice for Consumer IoT Security. Published 14 October 2018. // URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/media/60576f54e90e0724c0df4631/Code_of_Practice_for_Consumer_IoT_Security_October_2018_V2.pdf (data obrashcheniya: 02.05.2024).
7. CHimarov S.YU., Alekseev A.A. Nekotorye suzhdeniya otnositel'no iskusstvennogo intellekta v kontekste social'noj zhizni pervoj chetverti XXI veka // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. – 2023. – № 3. – S.112 – 114.

ПРАВО КАК СРЕДСТВО СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ В УЧЕНИИ РОСКО ПАУНДА LAW AS A MEAN OF SOCIAL CONTROL IN ROSCOE POUND'S DOCTRINE

МЕЛИКОВСКИЙ Александр Ариевич,

преподаватель кафедры теории государства и права
Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;
аспирант кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ).
119991, Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1.
E-mail: melikovskiy@yandex.ru;

Melikovsky Alexander Arieivich,

Lecturer at the Department of Legal Theory at the Kutafin Moscow State Law University;
PhD student at the Department of Legal Theory and Political Science at the Lomonosov Moscow State University Law School.
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia.
E-mail: melikovskiy@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье анализируется учение Роско Паунда о праве как средстве социального контроля, впервые изложенное в его книге «Социальный контроль посредством права» (1942). Паунд рассматривает право в трех аспектах: как правопорядок, как предписания и как процесс правоприменения. Автор обращает внимание на позиции мыслителя о роли государства в регулировании общественных отношений, а также на особенности интерпретации идеи социального контроля.

Abstract: The article analyzes Roscoe Pound's doctrine of law as a means of social control, first set out in his book *Social Control by Means of Law* (1942). Pound considers law in three aspects: as a legal order, as regulations, and as a process of law enforcement. The author draws attention to the thinker's positions on the role of the state in regulating social relations, as well as to the specifics of interpreting the idea of social control.

Ключевые слова: Роско Паунд, социальный контроль, правопорядок, предписания, процесс правоприменения.
Keywords: Roscoe Pound, social control, legal order, body of authoritative materials, judicial and administrative process

Для цитирования: Меликовский А.А. Право как средство социального контроля в учении Роско Паунда // *Право и государство: теория и практика*. 2024. № 8(236). С. 55-57. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_55.

For citation: Melikovskiy A.A. Law as a means of social control in the teachings of Roscoe Pound's Doctrine // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 8(236). pp. 55-57. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_55.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2024

Роско Паунд остался в истории правовой мысли как мыслитель, который первый из юридического сообщества интерпретировал право как средство (форму) социального контроля. Некие зачатки такого исследовательского ракурса были заложены американским социологом Эдвардом Россом, который первый изложил доктрину социального контроля в целом и контекстуально в общих чертах обозначил такое направление для развития юридической мысли.

Свою теорию права как средства социального контроля Паунд изложил в знаменитой книге «Социальный контроль посредством права» (*Social Control Through Law*, 1942) [1]. Эта книга уникальна по своему стилю изложения. Она не подходит под жанр монографий – ни по стилю, ни по форме. По жанру она, скорее, напоминает философский трактат. Такое впечатление неслучайно. Это произведение было написано в качестве шестой книги серии «Пауэллских лекций по философии в Индианском университете (Powell Lectures on Philosophy at Indiana University)» (редактор серии – У.Г. Джеллема (W.H. Jellema)) по итогам чтения лекций на кафедре философии Фонда Мэллона Пауэлла (Mahlon Powell, 1842-1928) Университета Индианы, где Паунд в это время был приглашенным профессором. Это объясняет не только жанровую специфику изложения, но также и обезличенность многих приводимых мыслителем позиций авторов из области юридических наук: философам это, по большому счету, безразлично. Замечательна эта работа еще по одной причине: именно в ней можно констатировать переход Паунда к метафизике. Например, критикуя реалистов, он уже в открытую заявляет, что для юридической науки (как науки, имеющей дело «в области и под контролем человеческой воли») «главный вопрос всегда заключается в том, что должно быть» [1, р. 32].

Более того, правовое учение Паунда в российских учебниках по истории политических и правовых учений излагается преимущественно с позиций идей, заложенных мыслителем в этой книге [2, с. 499-501; 3, с. 634-637; 4, с. 462-466; 5, с. 443-446; 6, с. 681-683; 7, с. 547-550; 8, с. 419-424; 9, с. 276-280; и др.]. Это можно объяснить тем, что произведение «Социальный контроль посредством права» – одна из немногих книг, доступных российскому читателю, несмотря на то что она не оцифрована и отсутствует в электронных библиотеках. И не только ввиду того, что она написана простым языком и не нагромождена огромными цитатами и сносками, а в том числе постольку она одна из немногих книг Роско Паунда, которая есть в Библиотеке иностранной литературы имени М.И. Рудомино.

Если в статье «Право в книгах и право в действии» (*Law in Books and Law in Action*, 1909-1910) [10] Паунд ставит в хаотичном порядке целый ряд проблем и факторов, послуживших как причиной, так и следствием разрыва «права в книгах» и «права в действии», над преодолением кото-

рого он будет работать всю оставшуюся жизнь, то уже в книге «Социальный контроль посредством права» (спустя тридцать три года!) Паунд, наконец, находит достойную теоретическую аргументацию своим позициям. Несмотря на то, что за этот промежуток времени он издал не один десяток работ на совершенно различные правовые тематики, рассматриваемая проблема оставалась в фокусе внимания мыслителя, что позволяет обнаружить в работах ранних и поздних лет преемственность идей автора.

Речь идет, главным образом, о трехэлементном понятии права. Стоит заметить, что Паунд довольно скромно относился к своей роли в этом вопросе. Он всего лишь констатировал, что еще древние греки (около VI века до нашей эры) пытались объединить под единым общим термином три, по существу, разных феномена: право как правопорядок, право как предписания и право как процесс правоприменения.

Так, право как правопорядок – это «особый режим регулирования отношений и упорядочивания поведения путем систематического и упорядоченного применения силы политически организованного общества» [1, р. 40]. Паунд имеет в виду государство. В его теории, в отличие от теории Эрлиха (а именно выделяемого им типа социального права), акцент поставлен на государстве: Паунд с ним не борется так, как делает это Эрлих. Напротив, он предельно ясно осознает роль государства в деле регулирования общественных отношений.

В свою очередь, право как предписания (как «свод предписаний» [1, р. 41]) определяются мыслителем как «совокупность авторитетных материалов, оснований или руководств для принятия решения, будь то судебного или административного [характера]» [1, р. 40]. При этом стоит заметить, что под предписаниями ученый понимает множество категорий: правил (норм, rules), принципов (principles), собственно предписаний (precepts), описывающих понятий (describing conceptions) и предписывающих стандарты (prescribing standarts).

Так, под правилами (нормами, rules) Паунд понимает «предписания, связывающие определенное детализированное следствие с определенным детализированным положением фактов» [1, р. 45]. Другими словами, это некие казусы, в которых определяется, что и при каких обстоятельствах надлежит делать.

Особое значение для Паунда имеют принципы (principles). Под ними мыслитель понимает авторитетную отправную точку для юридических рассуждений [1, р. 45]. Принципы, убежден Паунд, вырабатываются юристами, систематизирующими судебную практику. Они определяют критерий (принцип), который лежит в основе различий, и тем самым дифференцируют дела (причем принципы так вырабатываются не только путем дифференциации недавно рассмотренных дел, но в том числе и путем сравнительного анализа многолетнего опыта) [1, р. 45].

Авторитетом, подобно принципам, обладают и понятия (conceptions). В них, утверждает мыслитель, описываются случаи (казусы) таким образом, «что при размещении в надлежащем месте становится применимым ряд правил, принципов и стандартов» [1, р. 47]. Иными словами, понятия уникальны ввиду своей природы: из них можно выводить и принципы, и стандарты, и правила (нормы). Под стандартом же ученый понимает предварительно предписанную законом (law) меру поведения, от которой субъект вправе отступить на свой риск ответственности за причиненный ущерб или юридической недействительности его действий [1, р. 47-48].

Таким образом, право как предписания – это позитивное право. Это, по существу, то, что Эрлих называл «правом государства», но у Паунда оно в более ярких красках ввиду его текстуально не выраженной, но между строк читаемой надежды на примиренное состояние права в книгах и права в действии.

Третий смысл, закладываемый в понятие права – судебный и административный процесс, который можно адекватно, без потери смысла обозначить одним термином – процесс правоприменения. Паунд свидетельствует, что «это процесс определения причин и разногласий в соответствии с авторитетными руководствами для поддержания правопорядка» [1, р. 40]. По существу, речь идет о праве как об особой методике приспособления права как предписаний к праву как правопорядку, или, в случае соответствующего разрыва, права в книгах к праву в действии.

Если вышеприведенные проблемы хотя бы как-то фигурируют в отечественной научной и учебной литературе, то вопросу о том, что собой представляет социальный контроль – это контроль кого и над кем (чем) – вовсе не обращается внимание. Так, под социальным контролем Паунд понимает средство поддержания цивилизации – «возвышения человеческих сил до их максимально возможного раскрытия... [это] развитие человеческих сил до постоянно возрастающей полноты, до максимума человеческого контроля над внешней или физической природой и над внутренней или человеческой природой, на который люди пока способны» [1, р. 16]. Именно в процессе постоянного совершенствования человека невольно осуществляется контроль. Другими словами, социальный контроль есть ни что иное – как возрождение рационалистического миропонимания, когда разум стоит выше всего; разум, способный на контроль над всем миром, как физическим, так и духовным.

По Паунду, изначально, когда еще не было строгого разделения социальных регуляторов, или, как скажут намного позже в Советском союзе, когда существовали мононормы, они и были единственным средством социального контроля. Впоследствии произошло разделение: социальный контроль стал осуществляться при помощи трех институтов (agencies): правом, моралью и религией [1, р. 18].

С XVI века начинается процесс подъема государства. Политическая организация общества приобрела первостепенное значение. С тех пор она обладает или претендует на обладание монополией на силу. Все другие институты социального контроля обязаны осуществлять дисциплинарные полномочия в соответствии с правом и в пределах, установленных им [1, р. 24].

Именно с этих времен право стало немислимо без силы, оно закрепило за собой силу государства [1, р. 19]. Мыслитель подчеркивает: «Наша главная опора в современном обществе – сила политически организованного общества. Мы стремимся наладить отношения и упорядочить

поведение посредством упорядоченного и систематического применения этой силы» [1, р. 20]. На этом традиционно обрывают данную цитату и складывается не очень правильное впечатление, что Паунд сторонник отождествления права и силы в духе Спинозы. На самом деле это не так. Далее Паунд напоминает: несмотря на то, что право как способ социального контроля обладает всей мощью силы, оно также обладает всей слабостью зависимости от нее [1, р. 20]. Без этой мысли извращается вся суть учения. Социальный контроль – это не всепоглощающая государственная идеология. Это инструмент совершенствования общества, новый способ поиска самого важного и решающего [1, р. 43] – идеального элемента в праве, своеобразный проект естественного права с социологическим уклоном. Паунд, напротив, считает, что юристы склонны преувеличивать значение силы, чрезмерно обращать на неё внимания [1, р. 32].

Идея социального контроля становится платформой для объединения хорошо известных трех понятий права: как правопорядка (а), как «совокупности авторитетных материалов» (б) и как процесса правоприменения (в). Право, резюмирует Паунд, – это особый «режим (а), который представляет собой узкоспециализированную форму социального контроля, осуществляемого в соответствии с совокупностью авторитетных предписаний (б), применяемых в судебном и административном процессах (в)» [1, р. 41].

В своем едином понятии права как узкоспециализированной формы социального контроля, основываясь на концепции социального контроля, Паунд объединил все три идеи, одновременно обозначаемые в качестве права (правопорядок, предписания, процесс правоприменения).

Библиография:

1. Pound R. Social Control Trough Law. New Haven: Yale University Press; London: Humpbrey Milford, Oxford University Press, 1942.
2. Фролова Е.А. История политических и правовых учений: учебник. 3-е изд. 6 перераб. и доп. М.: Проспект, 2023.
3. История политических и правовых учений: учебник / под ред. М.Н. Марченко. М.: НОРМА – ИНФРА-М, 2019.
4. Марченко М.Н., Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: Учебник. М.: Высшее образование, 2005.
5. История политических и правовых учений: учебник / под общ. ред. О.В. Мартышина. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2019.
6. История политических и правовых учений. Учебник для вузов. Изд. 2-е, стереотип. Под общ. ред. члена-корреспондента РАН, доктора юридических наук, профессора В.С. Нерсесянца. М.: Издательская группа НОРМА – ИНФРА-М, 1999.
7. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста. М.: Юрид. лит., 1997.
8. История политических и правовых учений. Учебник. СПб.: Издательский Дом С.-Петербур. гос. ун-та, Издательство юридического факультета СПбГУ, 2007.
9. История политических учений: учебник / под. ред. проф. К.А. Мокичева. Часть II. М.: Издательство «Высшая школа», 1972.
10. Pound R. Law in Books and Law in Action // The American Law Review. Vol. XLIV. 1910. P. 12-36.

References:

1. Pound R. Social Control Trough Law. New Haven: Yale University Press; London: Humpbrey Milford, Oxford University Press, 1942.
2. Frolova E.A. History of political and legal doctrines: textbook. 3rd ed. 6th revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2023.
3. History of political and legal doctrines: textbook / edited by M.N. Marchenko. Moscow: NORMA - INFRA-M, 2019.
4. Marchenko M.N., Machin I.F. History of political and legal doctrines: Textbook. Moscow: Higher education, 2005.
5. History of political and legal doctrines: textbook / edited by O.V. Martyshin. 3rd ed., revised and enlarged. Moscow: Prospect, 2019.
6. History of political and legal doctrines. Textbook for universities. Publ. 2nd, stereotype. Under the general editorship of Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor V.S. Nersesyants. Moscow: Publishing Group NORMA – INFRA-M, 1999.
7. History of Political and Legal Doctrines: Textbook / Under the editorship of O.E. Leist. Moscow: Legal Literature, 1997.
8. History of Political and Legal Doctrines. Textbook. SPb: Publishing House of St. Petersburg State University, Publishing House of the Law Faculty of St. Petersburg State University, 2007.
9. History of Political Doctrines: Textbook / under the editorship of prof. K.A. Mokichev. Part II. Moscow: Publishing House "Higher School", 1972.
10. Pound R. Law in Books and Law in Action // The American Law Review. Vol. XLIV. 1910. P. 12-36.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_58

УДК 338

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, РЕГУЛИРУЮЩЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В РОССИИ IX - НАЧАЛО XXI ВВ. FORMATION AND DEVELOPMENT OF LEGISLATION REGULATING ENTREPRENEURIAL ACTIVITY IN RUSSIA IX - THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

ЧЕШОКОВА Юлия Вячеславовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: juliachesn@yandex.ru;

ФОМИН Никита Александрович,

магистрант ФГБОУ ВО «Пензенского государственного университета».
440026, Россия, Пензенская область, г. Пенза, ул. Красная, 40.
E-mail: dwyndorrian@gmail.com;

Chesnokova Yulia V.,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law
Penza State University "Penza State University".
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: juliachesn@yandex.ru;

Fomin Nikita Aleksandrovich,

Master's student Penza State University "Penza State University".
440026, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya str., 40.
E-mail: dwyndorrian@gmail.com

Краткая аннотация. Статья посвящена становлению и развитию предпринимательской деятельности с периода образования государства на Руси до начала XXI века. Объектом исследования являются ключевые нормативные документы, закрепляющие основные направления предпринимательской деятельности как одной из форм реализации хозяйственной деятельности. В результате анализа правовых актов, сделан вывод, что дальнейшее активное реформирование законодательства в рассматриваемой области невозможно без глубокого теоретического и исторического осмысления проблем в предшествующий период.

Abstract: The article is devoted to the formation and development of entrepreneurial activity from the period of the formation of the state in Russia to the beginning of the XXI century. The object of the study is the key regulatory documents that consolidate the main directions of entrepreneurial activity as one of the forms of economic activity. As a result of the analysis of legal acts, it is concluded that further active reform of legislation in the field under consideration is impossible without a deep theoretical and historical understanding of the problems in the previous period.

Ключевые слова: предпринимательство, профессиональные торговцы, компании, товарищества, частная собственность, рыночная экономика.

Key words: entrepreneurship, professional traders, companies, partnerships, private property, market economy.

Для цитирования: Чешокова Ю.В., Фомин Н.А. Становление и развитие законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность в России IX – начало XXI вв. // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 58-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_58.

For citation: Chesnokova Yu.V., Fomin N.A. Formation and development of legislation regulating entrepreneurial activity in Russia IX – the beginning of the XXI century // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 58-61. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_58.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

В российской истории предпринимательская деятельность оформляется как профессиональная деятельность в период становления Древнерусского государства. В Древнерусском государстве, возникшем в IX веке, одними из основных направлений предпринимательской деятельности являлись земледелие, ремесленничество, а также торговля.

Выдающийся русский историк В.О. Ключевский, основываясь на исторические факты, констатировал, что внешняя и внутренняя торговля результатами промысловой деятельности преобладала над земледелием, несмотря на то, что большая часть древнерусского населения проживала на плодородных почвах [1, с. 256].

В Древнерусском государстве ремесленные, а также промысловые поселения формировались преимущественно вокруг городов [2, с. 61]. Древнерусские города, объединяя вокруг себя ремесленников, становились центрами гончарного, кожевенного, камнетёсного и других ремёсел [3, с. 107].

Важно отметить, что предпринимательство осуществлялось почти всеми участниками древнерусского общества, в особенности князьями и боярами.

Исследователи А.С. Виноградов, С.А. Комаров, Н.А. Фролова с учетом мнения Е.П. Хорьковой, отмечают важность появления профессиональных торговцев – купцов. Термин «купец» впервые упоминается в 907 г. в договоре, заключенном князем Олегом в рамках своих походов на Константинополь. В своем исследовании авторы обозначили, что в рассматриваемый период «в широком понимании купцом был любой человек, который

постоянно осуществлял торговлю. В узком смысле под термином «купец» понимался торговец, участвующий во внутреннем обмене товарами в пределах города и близлежащей округи» [4, с. 51].

После окончательного оформления купечества в XI веке, оно начинает занимать важное место в развитии предпринимательства. Е. П. Хорькова утверждает, что: «становление купечества, прежде всего, связано с оформлением законодательства, охраняющего купечество, дающее ему торговые и социальные привилегии» [5, с. 25].

Стоит отметить важность торговых путей (пеших, водных) для предпринимательской деятельности в древнерусском государстве. Так, благодаря такому виду торговли, товары могли перемещаться в пределах русского государства и направляться за рубеж. Примерами наиболее известных торговых путей являются Волжский торговый путь, путь «из варяг в греки», сухопутный путь из Центральной Европы в Киев. Так, заключенный в 1006 г. Владимиром Святым торговый договор с булгарами разрешал организовать беспрошленную торговлю на всей территории Руси. Это позволило включиться в торговлю по Волжскому пути, являвшемуся ответвлением Великого шелкового пути [6, с. 9].

Нормативное, упорядоченное регулирование жизни древнерусского общества начинает осуществляться только с принятием первого свода законов «Русская правда». Необходимость норм, регулирующих предпринимательские отношения, обусловлена тем, что предпринимательская деятельность была одним из важнейших источников обеспечения жизни жителей древнерусского государства. И с развитием количества торговых операций возрастает количество лиц, предпринимающих противоправные деяния в отношении честных торговцев. Таким образом, с изданием «Русской правды» возникли общепризнанные нормы, регулирующие краткосрочный и долгосрочный займы, торговую комиссию, вклад в торговое компанейское предприятие, торговый кредит и другие. Была сформирована процедура взыскания долгов с несостоятельного должника при ликвидации его дел [7, 161].

В те времена еще не была сформирована свобода предпринимательства. Более того, она не была предусмотрена. Наоборот, торговля была четко регламентирована и обложена весомыми таможенными и другими пошлинами.

Подводя итог анализу развития предпринимательства на Руси следует отметить, что «Русская правда» стимулировала развитие предпринимательства в отдельных секторах экономики древнерусского государства путем урегулирования этих сфер нормами права.

К концу XV века центром внутренней торговли государства становится Москва, в связи с ее удачным географическим положением. Становление государства вокруг Москвы означало, прежде всего, увлеченность князей идеей создания единообразной структуры регулирования экономической деятельности, а также формирования концепции всеобщего налогообложения торговой и промышленной деятельности.

Активное развитие торгово-промышленного предпринимательства на территориях Московской Руси приходится на период с XV - XVI вв. Интересным фактом является то, что наиболее активными участниками данных мероприятий были столичные купцы. Наиболее успешным примером русских предпринимателей были купцы Строгановы, занимавшиеся солеваренным делом в эпоху Ивана Грозного.

С течением времени, обострившиеся конфликты внутри общества преобразовались в Московское восстание 1648 года, которое стало катализатором принятия земским собором нового кодекса законов в 1649 году.

Соборное Уложение 1649 г. окончательно установило крепостное право на территории Руси, однако в то же время нормативно закрепило деятельность третейских судей, которые назначались по просьбе спорящих сторон. Решения третейских судов стали обязательными для исполнения. Новый кодекс законов положил начало формированию практики регулирования вопросов сервитутов, заложил основы теоретической базы понятия частной собственности.

После 1648 года отмечается тенденция постепенного перехода отдельных частновладельческих крестьян в разряд «государственных людей». Разбогатевшие крестьяне могли перейти в состав гостиной сотни в Москве. Некоторые крестьяне освобождались и получали чин купечества [5, с. 70].

Принятие Таможенного устава 1653 г. и Новоторгового устава 1667 г. предоставили право свободной торговли профессиональным торговцам посада. В то же время купечество было обязано соответствовать новым управленческим и финансовым требованиям.

Наиболее существенным для предпринимательской деятельности был период Российской империи с 1721 по 1917 гг. Как справедливо отмечает кандидат исторических наук Л.А. Муравьева, время царствования Петра I вошло в историю России как эпоха резкого экономического подъема на основе мануфактурного производства [8, с. 29].

Петр I, анализируя ситуацию в стране, приходит к выводу о необходимости начала крупных изменений во всех сферах жизни царской России. Для того чтобы понять необходимость тех или иных реформ Петр начинает свою великую дипломатическую миссию – Великое посольство. Вследствие чего, в российское право закладываются основы унификации законодательства в соответствии с европейскими правотворческими тенденциями.

Следует отметить, что нововведения из европейского законодательства позволили закрепить законодательно в российском праве следующие организационно-правовые формы предпринимательской деятельности: компании, артели, простые товарищества, товарищества на вере.

Русские предприниматели при участии европейских инвесторов основывают первые акционерные компании. Теперь государство осуществляет контроль за предпринимательством с помощью Берг-коллегии, Мануфактурколлегии и Коммерцколлегии.

Учитывая опыт, полученный в период Великого посольства, в 1725 г. подготавливается проект нового Уложения, включающего в себя следующие положения:

«О процессе, то есть о суде, месте и о лицах, к суду принадлежащих»;

«О процессе в криминальных, розыскных и пыточных делах»;

«О злодействах, какие штрафы и наказания следуют»;

«О гражданских или гражданских делах и о состоянии всякой экономики».

Смерть Петра I и осуществление реальной власти «старого» дворянства через монархов развернули курс развития законодательства в обратную сторону, посредством преобразования петровских законов в старое Соборное Уложение.

В 1800 г. принимается Устав о банкротах, который нормативно стандартизировал ведение бухгалтерского учета всеми профессиональными торговцами по утвержденному образцу.

Толчком к дальнейшим преобразованиям в государстве стал Указ о вольных хлебопашцах 1803 года Александра I. Теперь помещикам позволялось отпускать крестьян на волю за денежный выкуп. Сущность указа была крайне неэффективна ввиду того, что не каждый помещик желал отпускать свою рабочую силу. Однако стало намного понятнее, что свободные люди крестьянского происхождения могут и будут развивать частное предпринимательство в Российской империи.

Ученые-историки полагают, что отмена Александром II крепостного права стала катализатором развития экономики Российской империи. С этого момента в России начинается развиваться капитализм. Реформа ознаменовала будущие трансформации общества России, когда освобожденные крестьяне становились наемными рабочими на предприятиях либо организовывали своё частное дело [9, с. 135-136].

Первая мировая война оказала позитивное и, в то же время негативное воздействие на экономику Российской империи. Были созданы условия для широкого развития кооперативного движения, масштабной спекуляции крупных предпринимателей, а также острый дефицит промышленных товаров. Результатом чего стал массовый приток крестьянства в потребительскую кооперацию.

С учетом вышеизложенного, можно говорить о том, что предпринимательство в России с периода Древней Руси до момента окончания существования Российской империи проделало тяжкий, но в то же время важный путь в развитии экономических отношений страны.

Коммунистическая революция, произошедшая в октябре 1917 года, проходила под лозунгами отрицания капитализма и исторического пути предшествующих поколений. Революционеры поэтапно проводили национализацию предприятий крупной, средней, а также мелкой промышленности, транспорта, торговли. Ликвидировались банковские учреждения, товарные и фондовые биржи.

В результате у вождей рождается понимание того, что без накопленных экономических ресурсов не получится достигнуть целей революции. Происходит переход к новой экономической политике (далее – НЭП), сущность которой заключалась во временном установлении товарно-денежных отношений на территории молодого советского государства, а также развитие частной заинтересованности у предприятий и у пролетариата.

НЭП временно снял запрет на частное предпринимательство, давая возможность каждому человеку заниматься прибыльным для него делом. Уже в июле 1921 года допускается создание простых товариществ, а чуть позже акционерных обществ, полных товариществ, товариществ с ограниченной ответственностью.

Вожди революции усматривали в НЭП восстановительную функцию после Гражданской войны. Так, постепенно сельское хозяйство начало возвращать свои объемы производства, фабрики стали производить как товары необходимые государству, так и товары личного пользования. Доминирующими в сельском хозяйстве являлись единоличные крестьянские хозяйства.

Однако И.В. Сталин видел в политике НЭПа лишь только разрушительный аспект для коммунистического движения, в связи с чем, начинает процесс его сворачивания вместе с частным предпринимательством. Экономика превращалась в плановую, зависимую от решения органов советского государства.

Историки отмечают, что в российской истории советского периода процесс возрождения частного предпринимательства начинается после прихода к власти нового генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева.

Главным достижением М.С. Горбачева было проведение «перестройки», которая заключалась в осуществлении политических и экономических реформ СССР. «Перестройка» повлияла почти на все сферы жизни советского государства, в том числе на предпринимательство в целом.

«Перестройка» ставила главной своей задачей в области экономики снижение уровня военно-промышленного комплекса по отношению к агропромышленному комплексу.

Лебедева А.А. отмечает: «Важную роль в рыночной модернизации страны были призваны сыграть такие законы СССР и РСФСР, как «Основы законодательства СССР и союзных республик об аренде» (1989 г.), «О собственности в СССР» (1990 г.), «О предприятиях в СССР» (1990 г.), «Об общих началах местного самоуправления и местного хозяйства в СССР» (1990 г.), законы РСФСР «О собственности в РСФСР» (1990 г.), «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1990 г.)» [10, с. 64].

Восстановление частного предпринимательства началось со снятия запрета на арендные отношения Законом СССР «О государственном предприятии (объединении)» 1987 г.

Следует констатировать, что аренда послужила почвой к созданию новых кооперативов и других форм частного предпринимательства. Исследователь Ю.А.Гурков отмечает, что «при аренде и в кооперативах принципы и механизмы окупаемости, возвратности, самоконтроля способствовали проявлению предприимчивости, ответственности, нацеленности на конечный результат и умению противостоять известному риску. А именно эти

черты органически свойственны малому частному предпринимательству» [11, с.50-51].

Деятельность кооперативов, появившихся в 1988-1989 годах, показала советскому руководству, что частная инициатива намного эффективнее государственного управления.

Закон СССР 1991 года «Об общих началах предпринимательства в СССР» содействовал формированию экономических и правовых условий для развития частного предпринимательства. Происходила реорганизация банковской системы, создание коммерческих и кооперативных банков. Увеличивались объемы иностранных инвестиций в структуре экономики позднего СССР, создавались совместные предприятия с зарубежными партнерами.

Реформы «Перестройки» также сформировали новые формы частного предпринимательства – фермерские и частные крестьянские хозяйства, которые стали наравне с государственными предприятиями производить и реализовывать сельскохозяйственную продукцию в больших, по тем временам, масштабах. Однако в 1991 году СССР прекращает свое существование. На основе правопреемства в том же 1991 году возникает Российская Федерация. 1992 год стал основополагающим для нового российского государства. На тот момент, правительство официально огласило преобразование плановой экономики в рыночную. Так называемая «шоковая терапия» открыла пути для развития частнопредпринимательской инициативы. «Шоковая терапия» предполагала невмешательство в дела частного бизнеса, тем самым, давая им возможность самим определять курс своей деятельности.

Государство также возлагало надежды на масштабную приватизацию, сущность которой заключалась в создании «среднего класса» людей умеющих зарабатывать денежные средства своим имуществом. Популярным в то время был «челночный» бизнес, который заключался в приобретении дешевых товаров из Китая и Турции с последующей перепродажей на территории нашей страны.

В 1993 году продолжалось развитие частной инициативы, создавались новые предприятия. Возрастает доля торгово-посреднической деятельности по отношению к доле сферы производства товаров и оказания услуг. Малые предприятия учились адаптироваться к изменению «живого» рынка с целью сохранить своё дело и приумножить прибыль. Постепенно предприниматели приходят к идее диверсификации своих активов. Так, более половины предприятий неторгового профиля помимо основной деятельности к 1995 году начали осуществлять торговлю.

В период становления Российской Федерации предпринимательство остро нуждалось в государственной помощи, которая заключалась в защите прав и интересов предпринимателей, а также в субсидировании их деятельности. Отметим, что первые законы, нацеленные на поддержку предпринимателей, создавались региональными властями. Связано это с тем, что глава региона четко понимал, что конкретно нужно бизнесу.

Первой попыткой федерального уровня управления государством в поддержке предпринимательства являлось создание программы развития предпринимательства 1994 года, которая впоследствии не была закончена.

Подводя итоги, отметим, что к концу 90-х годов в России сложились крайне специфические рыночные отношения в экономике. Произошедшие перемены в структуре российского законодательства повлияли на все стороны жизни общества. По мнению отечественных ученых-экономистов, в Российской Федерации сформировались типичные рыночные отношения, характерные для экономик среднеразвитых капиталистических государств.

Таким образом, дальнейшее активное реформирование законодательства в рассматриваемой области невозможно без глубокого теоретического и исторического осмысления проблем в предшествующий период. Уже в 2000-х годах начинается дальнейший интенсивный путь развития законодательства, регулирующего предпринимательскую деятельность, защиту прав предпринимателей, разрабатываются национальные программы и стратегии развития предпринимательства.

Библиография:

1. Васильев Ю.А., Касанова Торрес А. Э. В.О. Ключевский как основоположник экономической истории России // Власть. – 2020. – № 1. – С. 255 – 259.
2. Шакирова Э.Ш. История развития предпринимательства России // Марийский юридический вестник. – 2013. – № 10. – С. 62 – 69.
3. Алексеев А.А. Предпринимательство и государство в Древней Руси // Вестник Курганского государственного университета. – 2016. – № 12. – С. 107 – 111.
4. Виноградов А.С., Комаров С.А., Фролова Н.А. Преференции купечества как необходимое условие становления и развития экономических отношений в допетровской Руси // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2 (40). – С. 50 – 58.
5. Хорькова Е.П. История предпринимательства и меценатства в России / под ред. Е.П. Хорьковой. – М.: Приор, 1998. – 493 с.
6. Асаул А.Н. Организация предпринимательской деятельности: учебник / А.Н.Асаул. – СПб.: АНО ИПЭВ, 2009. – 336 с.
7. Ганжерли И.А. Исторический аспект становления и развития малого предпринимательства в Российской Федерации // Молодой ученый. – 2016. – № 24(128). С. – 160-165.
8. Муравьева Л.А. Российское промышленное предпринимательство в первой четверти XVIII века // Дайджест–финансы. – 2007. – № 11 (155). – С. 28 – 37.
9. Орлов А.С. История России / под ред. А.С. Орлова, В.А. Георгиева, Н.Г. Георгиевой, Т.А. Сивохина. – М.: Проспект, 2016. – 520 с.
10. Лебедева А.А. Перестройка и формирование предпосылок для возрождения предпринимательства в России // Вестник Чувашского университета. – 2011. – № 4. – С. 62 – 65.
11. Гурков Ю.А. Развитие предпринимательства в СССР (1985 – 1991 гг.) // Теория и практика современной науки. – № 10 (76). – С. 50 – 53.

References:

1. Vasiliev Yu.A., Kasanova Torres A. E. V.O. Klyuchevsky as the founder of the economic history of Russia // Power. – 2020. – No. 1. – Pp. 255 – 259.
2. Shakirova E.Sh. History of the development of entrepreneurship in Russia // Mari Legal Bulletin. – 2013. – No. 10. – Pp. 62 – 69.
3. Alekseev A.A. Entrepreneurship and the state in Ancient Russia // Bulletin of Kurgan State University. - 2016. – No. 12. – Pp. 107 – 111.
4. Vinogradov A.S., Komarov S.A., Frolova N.A. Preferences of merchants as a necessary condition for the formation and development of economic relations in pre-Petrine Russia // The rule of law: theory and practice. – 2015. – No. 2 (40). – Pp. 50-58.
5. Khorkova E.P. The history of entrepreneurship and patronage in Russia / ed. by E.P. Khorkova. – M.: Prior, 1998. – 493 p.
6. Asaul A.N. Organization of entrepreneurial activity: textbook / A.N.Asaul. – St. Petersburg: ANO IPEV, 2009. – 336 p.
7. Ganzherli I.A. The historical aspect of the formation and development of small business in the Russian Federation. // A young scientist. – 2016. – No. 24 (128). Pp. 160-165.
8. Muravyeva L.A. Russian industrial entrepreneurship in the first quarter of the XVIII century // Digest–finance. – 2007. – No. 11 (155). – Pp. 28-37.
9. Orlov A.S. History of Russia / edited by A.S. Orlov, V.A. Georgieva, N.G. Georgieva, T.A. Sivokhina. – M.: Prospekt, 2016. – 520 p.
10. Lebedeva A.A. Perestroika and the formation of prerequisites for the revival of entrepreneurship in Russia // Bulletin of the Chuvash University. - 2011. – No. 4. – Pp. 62-65.
11. Gurkov Yu.A. Development of entrepreneurship in the USSR (1985 – 1991) // Theory and practice of modern science. – No. 10 (76). – Pp. 50-53.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_62

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ: АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ NATIONAL SECURITY: PROBLEM ANALYSIS

МАИЛЯН Ани Варужановна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности
ФГКОУ ВО «Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел России».
344015, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83.
E-mail: bsn510@mail.ru;

MAILYAN Ani Varuzhanovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Criminology and Operational Investigative Activities
Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Rostov-on-Don, 83 Yerenko str., 344015, Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia.
E-mail: bsn510@mail.ru

Краткая аннотация: При рассмотрении теоретико-методологических проблем национальной безопасности следует отметить, что происходящие преобразования российской действительности на фоне проблем международного характера обуславливают актуальность создания и поддержания эффективной системы обеспечения национальной безопасности. В настоящее время безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно необходимых для общества и государства объектов от угроз внутреннего и внешнего характера.

Abstract: When considering the theoretical and methodological problems of national security, it should be noted that the ongoing transformations of Russian reality against the background of international problems determine the relevance of creating and maintaining an effective national security system. Currently, security is a state of protection of objects vital to society and the state from threats of an internal and external nature.

Ключевые слова: информационная безопасность, информация, порядок, безопасность, понятийный аппарат, правовые категории, юридические средства, закон, право.

Keywords: information security, information, order, security, conceptual framework, legal categories, legal means, law, law.

Для цитирования: Маилян А.В. Национальная безопасность: анализ проблем // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 62-65. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_62.

For citation: Mailyan A.V. National security: problem analysis // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 62-65. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_62.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2024

Анализ действующего отечественного законодательства, призванного обеспечить надлежащий уровень защищенности позволяет нам выдвинуть легальное определение национальной безопасности. Так, в настоящее время «национальная безопасность» представляет собой состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны [2].

В процессе рассмотрения сущности национальной безопасности в современном обществе целесообразно обратиться к научной литературе и изучить существующие в настоящее время мнения о том, как именно следует понимать рассматриваемую категорию. Так, в своих работах В.П. Булавин отмечает, что национальную безопасность следует рассматривать как состояние, способствующие обеспечить благоприятные условия для развития личности, общества и государства в целом [3]. Данный автор также отмечает, что национальная безопасность призвана не допустить реализацию угроз национальным интересам России.

Более подробное определение рассматриваемого понятия приводит в своих работах В.А. Каламанов. По мнению данного автора, национальная безопасность представляет собой количественное и качественное состояние российского государства и всего многонационального народа России, призванное обеспечить надлежащий уровень защищенности от существующих угроз внутреннего и внешнего характера, а также создать условия совместного устойчивого и прогрессивного развития [5]. В.А. Каламанов также отмечает, что неотъемлемым элементом национальной безопасности является согласованность на законодательном уровне интересов личности, общества и государства [5].

Рассматриваемое понятие является довольно емким по своему содержанию. В нем четко обозначены критерии, соблюдение которых позволяет говорить о реальном обеспечении национальной безопасности.

С теоретико-правовой точки зрения «Стратегия национальной безопасности» должна способствовать консолидации усилий федеральных органов власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления в сфере обеспечения национальной безопасности. В ней сформулированы основные направления политики Российской Федерации по защите от внешних и внутренних угроз. Помимо таких традиционных направлений, как обороноспособность и государственная безопасность, внимание уделяется достойному уровню жизни граждан. Стратегия является фундаментом, отражающим национальные приоритеты Российской Федерации.

В процессе рассмотрения понятия национальной безопасности следует учитывать, что нельзя ставить знак «равно» между терминами «национальная безопасность» и «государственная безопасность». Они не являются синонимами. Государственная безопасность - это один из эле-

ментов безопасности национальной.

При этом, у ряда исследователей вызывает сомнение сам термин «национальная безопасность». В настоящее время не утихают споры о возможности употребления слов «национальная» и «безопасность» в одно словосочетании. Дело в том, что в русском языке очень тонка грань между терминами «нация» и «национальность». Однако необходимо осознавать, что в понятии «национальная безопасность» речь идет об общенародной безопасности России, а не о безопасности представителей отдельно взятой национальности. В основе формирования нации не лежит этнический принцип. На сегодняшний день признается определение нации как суммы государства и гражданского общества.

По мнению, политолога К. Дейча, нацией является народ, обладающий государством [6]. Если изучить историю появления этого понятия, то можно обнаружить, что впервые оно было употреблено в США после окончания Второй мировой войны. В России первое свое упоминание понятие получило в Федеральном законе «Об информации, информатизации и защите информации» [1].

Целью обеспечения национальной безопасности, исходя из Стратегии, является защита личности, общества, государства от внутренних и внешних угроз. Это необходимо для реализации национальных, общенародных, интересов и стратегических национальных приоритетов. Сюда относятся укрепление обороны страны, межнационального согласия и религиозной терпимости, постоянное повышение уровня жизни населения России, демографическое развитие, сохранение культурных традиций, конкурентоспособность экономики, качественное здравоохранение и образование, поддержка науки. Посредством принятия мер по обеспечению национальной безопасности укрепляется внутреннее единство России, которое выражается в социальной стабильности российского общества, открытом межкультурном диалоге, устранении экономических дисбалансов и повышении обороноспособности страны.

Достойный уровень жизни населения России и укрепление здоровья жителей так же является целью обеспечения национальной безопасности. Для этого принимаются меры по увеличению средней продолжительности жизни, повышению естественного прироста населения, возрождению традиционных духовно-нравственных ценностей.

В целях защиты на международной арене, Россия проводит открытую, рациональную и прагматичную внешнюю политику. Исключается затратная конфронтация, в том числе «гонка вооружения». Отношения с иностранными государствами строятся исключительно на принципах международного права. Выстраивание таких отношений на принципах надежной и равной безопасности государств, взаимного уважения народов, сохранения многообразия их культур, традиций и интересов закреплено в Стратегии. Применение военной силы для защиты национальных интересов не исключено. Однако такой сценарий возможен лишь в случае неэффективности политических и правовых инструментов, а также механизмов дипломатии и миротворчества.

Согласно Стратегии национальная безопасность делится на следующие виды:

- государственная;
- общественная;
- информационная;
- экологическая;
- экономическая;
- транспортная;
- энергетическая;
- безопасность личности.

При этом следует отметить, что в законодательстве нет строгого толкования данной классификации. Поэтому можно сделать научную классификацию по различным основаниям.

В основу классификации по видам можно взять объект безопасности. За объект следует взять личность, общество и государство. Таким образом, по объекту защищенности от внутренних и внешних угроз национальная безопасность делится на государственную, общественную и безопасность личности.

На современном этапе развития общественных отношений государственные потребности внутреннего и внешнего характера реализуются посредством национальных стратегических приоритетов. К основным приоритетам национальной безопасности российского государства следует относить национальную оборону, государственную и общественную безопасность.

В процессе исследования современных угроз отечественной национальной безопасности было установлено, что данные негативные факторы в зависимости от источника возникновения можно подразделить на два основных типа. Весь массив нависающих над российским государством угроз можно условно разделить на угрозы внутреннего и внешнего характера.

Так, угрозы внутреннего характера могут проявляться в сферах государственной и общественной безопасности, а также здравоохранения и здоровья нации. В сфере обеспечения государственной и общественной безопасности угрозы внутреннего характера могут быть выражены в незаконной деятельности лиц, направленной на насильственное изменение конституционного строя российского государства, нормального функционирования общественных и государственных институтов, повреждение или уничтожение жизненно важных для общества и государства объектов, устрашения

населения с целью создания дисбаланса внутри общества, который в конечном итоге может привести к уничтожению самого государства. Необходимо отметить, что к внутренним угрозам национальной безопасности следует также относить и сохраняющийся рост преступности.

Внутренние угрозы национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации проявляются в возникновении различного рода эпидемий и пандемий, распространении различного рода венерических заболеваний, а также создание условий, способствующих доступности веществ психоактивного и психотропного характера.

Кроме того, классификацию по видам можно произвести по характеру угрозы. В таком случае следует выделить безопасность от угроз антропогенного и природного воздействия. Антропогенные угрозы можно разделить на техногенные и экологические. А, природные, в свою очередь, на наводнения, лесные пожары, землетрясения.

По сферам жизнедеятельности национальную безопасность можно разделить на социально-политическую, экономическую, военную, экологическую, информационную. В данном случае имеется в виду защищенность интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних в разных сферах жизнедеятельности.

При рассмотрении теоретико-методологических аспектов правового обеспечения национальной безопасности следует отметить, что происходящие преобразования российской действительности на фоне проблем международного характера обуславливают актуальность создания и поддержания эффективной системы обеспечения национальной безопасности. В настоящее время безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно необходимых для общества и государства объектов от угроз внутреннего и внешнего характера.

На фоне роста и качественного совершенствования преступности вопросы оптимизации деятельности правоохранительных органов в контексте обеспечения национальной безопасности приобретает все большее значение. [4]

Наряду с происходящими изменениями политико-социального, культурного и экономического характера, оказывающие непосредственное воздействие на состояние защищенности российского государства необходимо отметить и роль нашего государства в системе обеспечения глобальной безопасности.

Современное понимание глобальной безопасности охватывает первостепенные проблемы всего населения нашей планеты и подразумевает создание эффективной системы международных отношений, способствующих противодействию негативным факторам различного характера (экономического, экологического, социального, этнического, духовно-нравственного и т.д.), которые могут оказать разрушительное воздействие на современную международную обстановку [7]. Иначе говоря, суть глобальной безопасности состоит в устранении посредством международно-правовых механизмов угроз, способствующих возникновению глобального кризиса.

События, происходящие на протяжении нескольких десятилетий, привели к существенным изменениям на международной арене. Возрастающие темпы глобализации обуславливают необходимость равномерного распределения ресурсов влияния и экономического роста, что в свою очередь создает объективную основу для многополярной конструкции отношений международного уровня.

Происходящие международные события привели к возрастанию роли и влияния российского государства на международной арене. Все чаще политологи отмечают достижения Российской Федерации в области международных отношений. Так, ряд исследователей международно-политических отношений отмечают, что Российская Федерация в настоящее время выступает сдерживающим фактором проявлений негативного характера ряда зарубежных государств. Активная роль российского государства в урегулировании событий, происходящих на Ближнем Востоке, свидетельствует о желании политической элиты нашего государства противодействовать угрозам международного уровня всеми допустимыми способами.

Необходимо отметить, что процесс создания и поддержания эффективной системы обеспечения национальной безопасности России во многом зависит от факторов глобального и регионального характера. Происходящие события глобализации в контексте обеспечения национальной безопасности обуславливают необходимость изучения факторов, находящихся за пределами нашей страны. Современные тенденции развития международных отношений свидетельствуют о необходимости проведения со стороны Российской Федерацией активной политической деятельности по вопросам решения актуальных международных проблем. При этом активная роль российского государства на международной арене должна подкрепляться реальной оценкой собственных возможностей.

При проведении исследования современного состояния национальной безопасности Российской Федерации необходимо учитывать, что соблюдение органами государственной власти, местного самоуправления и гражданами действующего законодательства, а также способность государства создать условия, обеспечивающие безопасность личности, общества и самого государства от угроз внутреннего и внешнего характера является гарантией безопасности [4].

В процессе рассмотрения сущности национальной безопасности и выделения роли органов внутренних дел в системе ее поддержания необходимо также отметить, что современная нормативно-правовая база исследуемого института содержит в себе нормы, определяющие угрозы национальной безопасности. Так, в соответствии с положениями отечественной стратегии национального развития под угрозами национальной безопасности следует понимать прямую или косвенную возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства.

На современном этапе развития общественных отношений государственные потребности внутреннего и внешнего характера реализуются посредством национальных стратегических приоритетов. К основным приоритетам национальной безопасности российского государства следует относить национальную оборону, государственную и общественную безопасность.

При этом необходимо также отметить возрастающую угрозу слабо развитой миграционной политики Российской Федерации. Вопросы государственной миграционной политики в нашей стране приобретают особую актуальность. Связано это с тем, что Российская Федерация занимает одну из лидирующих позиций в мире по уровню миграционной привлекательности для граждан из стран ближнего и дальнего зарубежья. При этом следует отметить, что вопросы миграционной политики тесно связаны с проблемами управления в сфере межнациональных отношений, поэтому изучать данную проблему следует только в комплексе.

Россия также вошла в мировую тройку лидеров по количеству мигрантов. Страна принимает огромное количество иностранцев, уступая только США и Германии. Наиболее привлекательные для иностранцев регионы — Москва, Санкт-Петербург, Московская и Ленинградская области, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Краснодарский край.

При этом тема миграции остается одним из наиболее острых и актуальных общественно-политических сюжетов. Если эксперты воспринимают ее, прежде всего, в контексте рынка труда и демографии, то на уровне массового сознания акцент делается на вопросах безопасности.

С учетом особенностей полиэтничного и поликонфессионального характера российского государства создание и поддержание эффективной системы обеспечения национальной безопасности во многом зависит от возможности правоохранительных органов противодействовать негативным процессам межэтнических конфликтов.

В настоящее время на территории Российской Федерации проживают представители более ста девяноста этносов, что обуславливает необходимость проведения комплексного исследования причин и условий возможного возникновения кризисной ситуации на почве национальных убеждений.

Специалисты рассматриваемой области отмечают, что с учетом особенностей этнического построения российского общества выработка эффективных рекомендаций, по противодействию негативным факторам межэтнической напряженности приобретает особое значение в построении качественной системы обеспечения национальной безопасности. В данном случае к негативным факторам межэтнической напряженности следует относить угрозу проявления террористических, экстремистских и сепаратистских явлений.

Классификации по различным основаниям говорят о том, что национальная безопасность - это система различных видов безопасности. Все виды находятся между собой в тесной взаимосвязи и взаимодействии. Отечественная история показывает нам, что в различные периоды приоритеты безопасности меняются. Поэтому между всеми видами необходимо соблюдать баланс. Нельзя обеспечивать военную безопасность в ущерб экономической.

Таким образом, национальная безопасность представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства. Ее целью является защита от внутренних и внешних угроз.

Библиография:

1. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ // СПС «Консультант Плюс».
2. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс».
3. Булавин В.П. Национальная безопасность в контексте защищенности прав человека: концептуальные подходы, российская политическая практика: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.
4. Иванова С.И., Микайлов С.М. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации и основные направления деятельности полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. №2 (40).
5. Каламанов В.А. Национальная безопасность Российской Федерации и межнациональные конфликты: Теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1999.
6. «Национальная безопасность: сущность и основные понятия» // <https://polit.bobrodobro.ru/3067>.
7. Кардашова И.Б. Обеспечение национальной безопасности: учебное пособие/ Москва: Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 2015.

References:

1. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" dated 07/27/2006 No. 149-FZ // SPS Consultant Plus.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/02/2021 No. 400 "On the National Security Strategy of the Russian Federation" // SPS Consultant Plus.
3. Bulavin V.P. National security in the context of human rights protection: conceptual approaches, Russian political practice: dis. ... cand. polit. M., 2006.
4. Ivanova S.I., Mikailov S.M. The strategy of national security of the Russian Federation and the main directions of police activity // Legal science and law enforcement practice. 2017. №2 (40).
5. Kalamonov V.A. National security of the Russian Federation and interethnic conflicts: Theoretical and legal analysis: abstract of the dissertation of Dr. jurid. St. Petersburg, 1999.
6. "National security: the essence and basic concepts" // <https://polit.bobrodobro.ru/3067>.
7. Kardashova I.B. Ensuring national security: a textbook/ Moscow: All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), 2015.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_66

УДК 343

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF ENTREPRENEURIAL RELATIONS IN RUSSIA UNDER THE SANCTIONS REGIME

ДАШИН Алексей Викторович,
профессор кафедры, доктор юридических наук
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: avdashin@mail.ru;

ЧЕРНЫШОВ Игорь Иванович,
магистрант ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: chernyshov.igor888@gmail.com;

Dashin Alexey Viktorovich,
Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: avdashin@mail.ru;

Chernyshov Igor Ivanovich,
undergraduate student Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: chernyshov.igor888@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются некоторые особенности законодательной деятельности Российской Федерации, направленной на поддержку отечественного предпринимательства в условиях внешнеэкономических санкций и запретов, а также обеспечение его поступательного развития.

Abstract: The article examines some features of the legislative activities of the Russian Federation aimed at supporting domestic entrepreneurship in the conditions of foreign economic sanctions and prohibitions, as well as ensuring its progressive development.

Ключевые слова: Россия, санкции, предпринимательство, хозяйствующий субъект, деловая сфера, законодательная деятельность.
Keywords: Russia, sanctions, entrepreneurship, economic entity, business sphere, legislative activity.

Для цитирования: Дашин А.В., Чернышов И.И. Особенности правового регулирования предпринимательских отношений в России в условиях санкционного режима // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_66.

For citation: Dashin A.V., Chernyshov I.I. Features of the legal regulation of entrepreneurial relations in Russia under the sanctions regime // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 66-68. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_66.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2024

В течение последнего десятилетия Российская Федерация претерпевает жесточайшее санкционное давление со стороны США, Европейского Союза и ряда примкнувших к ним стран–сателлитов. Их основными целями являются создание условий для отказа от суверенного внешнеполитического курса, проводимого нашим государством, нивелирование его усилий по обеспечению более справедливого многополярного мироустройства, а также восстановление и укрепление неокOLONIALной системы экономического господства так называемой «западной цивилизации».

Российская Федерация достаточно эффективно осуществляет противодействие санкционному давлению со стороны враждебных стран, реструктуризируя национальную экономику, изменив основные векторы внешнеторговых отношений, мобилизовав незатронутые ранее экономические, технологические, интеллектуальные и иные ресурсы.

Вместе с тем, было бы неверным утверждать, что введенные против России ограничения лишены своего деструктивного потенциала и никоим образом не отражаются на темпах экономического развития и благосостоянии российских домохозяйств. Пожалуй, в наиболее уязвимой ситуации оказалось отечественное предпринимательство, которое одним из первых ощутило на себе как одномоментные, так и отложенные во времени последствия санкций.

Согласимся с Д.В. Манушиным, который отмечает, что «к приоритетным секторам экономики, в которых США хотят увидеть регресс технологий, можно отнести те, на которые наложены санкции одновременно в России и Белоруссии: оборонный, финансовый, авиационный, энергетический и сектора, связанные с ними (например, горнодобывающий). К конкретным подсанкционным товарам в обеих странах относятся технологии, оружие, продукция двойного назначения, предметы роскоши и т. п. Примечательно, что потолок цен на нефть и газ из Белоруссии США и их союзники не установили» [1].

В указанных условиях особое значение приобретает регулирование предпринимательских отношений при помощи правовых инструментов и средств.

Так, в целях выстраивания централизованной и многовекторной антисанкционной политики, Президентом России уже в августе 2014 г. были подписаны первые нормативные правовые акты в данном направлении. Среди них – Указ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» [2].

Согласно данному Указу, в качестве ответных мер, на территорию РФ был введен запрет на ввоз сырья и сельскохозяйственной продукции из государств, принявших решение о введении в отношении нашей страны, а также его физических и юридических лиц экономических санкций (ст.1).

Регулярно продлеваемый на новый срок, данный указ заложил основу качественного и устойчивого роста отечественного сельскохозяйственного производства на 4–7% в год и превратил этот ранее традиционно депрессивный сектор народного хозяйства в перспективную и прибыльную сферу предпринимательской активности.

Продолжая осуществлять усилия по защите предпринимательской сферы России, промышленного производства и банковского сектора, 27.01.2015 г. было принято Распоряжение Правительства РФ № 98–р, согласно которому был утвержден план первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» был утвержден План первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году [3].

Так, в качестве приоритетных антикризисных действий Правительством РФ были определены:

- осуществление всемерной поддержки импортозамещения, а также наращивание экспортных операций по широкой номенклатуре товаров, в первую очередь, высокотехнологичного и несырьевого характера;
- оказание содействия малому и среднему предпринимательству посредством снижения финансовых издержек и минимизации административного давления;
- недопущение недостатка оборотных и инвестиционных ресурсов в различных секторах экономики, осуществление их привлечения, в том числе, путем размещения государственного оборонного заказа.

Действия Правительства РФ по поддержке отечественных предпринимателей и созданию необходимых условий для обеспечения высокого уровня деловой активности на принятии указанных выше нормативных актов не закончились. Так, в последующие годы была разработана и принята целая серия нормативных актов, направленных на поддержку российских предпринимателей. Среди них: Федеральный закон от 04.06.2018 № 127–ФЗ (далее – ФЗ №127–ФЗ) [4]; указы Президента РФ: от 29.07.2015 № 391 [5]; от 22.10.2018 г. № 592 [6]; постановление Правительства РФ от 01.11.2018 № 1300 [7] и т.д.

Важное значение принадлежит ФЗ №127–ФЗ, который предоставил Президенту и Правительству РФ возможность вводить полный или частичный запрет на ввоз или вывоз с российской территории широкого перечня промышленных товаров или сырья, произведенных в государствах, имеющих статус враждебных по отношению к России. Данное обстоятельство обусловило создание для российских предпринимателей исключительно благоприятных условий для того, чтобы не только найти новых потребителей для своей продукции, но и в существенной мере расширить ее ассортимент, повысить качество и, соответственно, увеличить прибыль.

Дополнительную и существенную поддержку российскому предпринимательству на ближайшие шесть лет анонсировал в своем ежегодном Послании Федеральному Собранию РФ от 29.02.2024 г. Президент РФ В. Путин. В качестве приоритетных направлений правового регулирования предпринимательской деятельности он определил:

- обеспечение благоприятного инвестиционного климата в государстве и всемерную защиту прав инвестора;
- незыблемость прав собственника, подчеркивая, тем самым, невозможность их поправа в целях достижения каких бы то ни было целей политического или иного характера;
- обеспечение соблюдения прав предпринимателей, что должно обеспечиваться, в том числе, при непосредственном содействии правоохранительных органов и органов государственной власти [8].

Помимо системы ответных вынужденных запретительных мер, российское государство пересмотрело свое отношение к зарубежным предпринимателям, осуществляющим оказание услуг и работ для нужд государственных и муниципальных предприятий и организаций и находящимся под патронатом враждебно настроенных по отношению к России стран. Установление реестра упомянутых работ и услуг опять же относится к полномочиям российского Правительства.

Наконец, ни физические, ни юридические лица, находящиеся по юрисдикции государств, признанных по отношению к России недружественными, более не допускаются к участию в приватизации федерального имущества, что также мы рассматриваем как, безусловно, позитивное нововведение.

Можно сделать вывод, что приведенные выше, а также ряд иных законодательных положений в поддержку отечественного предпринимательства, принятых за последние несколько лет, создают, вне всякого сомнения, уникальные условия для его развития. Кроме того, доминирующее положение российских производителей на внутреннем рынке обеспечено, как минимум, на ближайшие три–пять лет.

Наконец, бесспорным достоинством ФЗ №127–ФЗ можно считать наличие в нем открытого перечня ограничений и запретов, к которым могут прибегать Правительство и Президент РФ в целях осуществления противодействия санкционному давлению. Соответственно, данная возмож-

ность должна также широко применяться и в качестве одной из эффективных мер государственной поддержки, обеспечивающей российским производителям доминирующее положение на внутреннем рынке.

В настоящее время существуют основания утверждать, что в России сложилась система правовых рычагов, при помощи которых возможна минимизация негативных последствий внешнеэкономических запретов. Среди них:

- 1) ограничение прав собственников имущества (иностранцев граждан и (или) юридических лиц, зарегистрированных в государствах, признанных враждебными по отношению к России, или аффилированных им), находящегося на территории Российской Федерации;
- 2) разработка и применение российским Правительством адресных реторсий, предусматриваемых ст. 1194 Гражданского кодекса РФ [9];
- 3) расширение сферы осуществления предпринимательской деятельности без образования юридического лица, а также государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя в рамках п.70 ст.217 Налогового кодекса РФ [10].

Таким образом, указанные обстоятельства позволяют сделать вывод о том, что основу контрсанкционного режима, выработанного и применяемого российским государством на современном этапе, составляют не отдельные частноправовые нормы, а положения публичного права, что в наибольшей степени соответствует интересам всего общества.

Фактически, западные подходы к изоляции России создали широкие стимулы для движения в направлении развития отечественного предпринимательства. Возникающие вызовы требуют адекватного ответа, который включает в себя не только общий скоординированный подход государственных структур, но и значительные инвестиции во внутренний рынок.

Библиография:

1. Манушин Д.В. Антисанкционная и санкционная экономическая политика России 2022–2025. Часть 1: «Анализ и прогноз управления антироссийскими санкциями» // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. Т. 17. № 4. С. 783.
2. Указ Президента РФ от 06.08.2014 № 560 «О применении отдельных специальных экономических мер в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (ред. от 18.09.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 32. Ст. 4470.
3. Распоряжение Правительства РФ от 27.01.2015 № 98-р «Об утверждении Плана первоочередных мероприятий по обеспечению устойчивого развития экономики и социальной стабильности в 2015 году» // СПС Гарант URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174635/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (дата обращения: 24.04.2024).
4. Федеральный закон от 04.06.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств» (ред. от 19.12.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2018. №24. Ст. 3394.
5. Указ Президента РФ от 29.07.2015 № 391 «Об отдельных специальных экономических мерах, применяемых в целях обеспечения безопасности Российской Федерации» (ред. от 19.06.2020) // *Собрание законодательства РФ*. 2015. № 31. Ст. 4669.
6. Указ Президента РФ от 22.10.2018 № 592 «О применении специальных экономических мер в связи с недружественными действиями Украины в отношении граждан и юридических лиц Российской Федерации» (ред. от 27.04.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 44. Ст. 6706.
7. Постановление Правительства РФ от 01.11.2018 № 1300 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 22 октября 2018 г. № 592» (ред. от 28.10.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 2018. № 45. Ст. 6952.
8. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 29 февраля 2024 г. // СПС Гарант URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408525335/> (дата обращения: 25.04.2024).
9. Гражданский кодекс Российской Федерации от 26.01.1996 № 14-ФЗ (часть вторая) (ред. от 24.07.2023) // *Собрание законодательства РФ*. 1996. №5. Ст. 410.
10. Налоговый кодекс Российской Федерации: Кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 146 – ФЗ (ред. от 14.02.2024) // *Собрание законодательства РФ*. 1998. № 31. Ст. 1113.

References:

1. Manushin D.V. Anti-sanctions and sanctions economic policy of Russia 2022-2025. Part 1: "Analysis and forecast of the management of anti-Russian sanctions" // *Russian Journal of Economics and Law*. 2023. Vol. 17. No. 4. P. 783.
2. Decree of the President of the Russian Federation dated 08/06/2014 No. 560 "On the application of certain special economic measures to ensure the security of the Russian Federation" (ed. dated 09/18/2023) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2014. No. 32. St. 4470.
3. Decree of the Government of the Russian Federation dated 01/27/2015 No. 98-r "On approval of the Plan of priority measures to ensure sustainable economic development and social stability in 2015" // SPS Garant URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_174635/f62ee45faefd8e2a11d6d88941ac66824f848bc2/ (date of application: 04/24/2024).
4. Federal Law No. 127-FZ dated 06/04/2018 "On Measures of Influence (counteraction) to the unfriendly actions of the United States of America and other foreign states" (ed. from 12/19/2023) // *Collection of legislation of the Russian Federation*. 2018. No.24. Article 3394.
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 07/29/2015 No. 391 "On certain special economic measures applied to ensure the security of the Russian Federation" (ed. dated 06/19/2020) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2015. No. 31. St. 4669.
6. Decree of the President of the Russian Federation dated 10/22/2018 No. 592 "On the application of special economic measures in connection with unfriendly actions of Ukraine against citizens and legal entities of the Russian Federation" (ed. dated 04/27/2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2018. No. 44. St. 6706.
7. Decree of the Government of the Russian Federation dated 11/01/2018 No. 1300 "On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated October 22, 2018 No. 592" (ed. dated 10/28/2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 2018. No. 45. St. 6952.
8. Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation dated February 29, 2024 // SPS Garant URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408525335/> (date of access: 04/25/2024).
9. The Civil Code of the Russian Federation No. 14-FZ of 01/26/1996 (part Two) (as amended on 07/24/2023) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1996. No. 5. Article 410.10.
10. The Tax Code of the Russian Federation: The Code of the Russian Federation dated 07/31/1998 No. 146 – FZ (as amended on 02/14/2024) // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. 1998. No. 31. Article 1113.

ФОРМАЛЬНО-СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ДОКУМЕНТА FORMALLY MEANINGFUL ASPECTS OF THE LEGAL FORCE OF THE DOCUMENT

СОРОКИН Юрий Юрьевич,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

460000, Россия, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

E-mail: us03@list.ru;

СКОБЕЛЕВА Кристина Алексеевна,

кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории государства и права Оренбургского института (филиала) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

460000, Россия, г. Оренбург, ул. Комсомольская, 50.

E-mail: kristinask@mail.ru;

SOROKIN Yuri Yurievich,

candidate of legal sciences, lecturer of the Department of theory of state and law, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin.

460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50.

E-mail: us03@list.ru;

SKOBELEVA Kristina Alekseevna,

candidate of legal sciences, lecturer of the Department of theory of state and law, Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin.

460000, Orenburg, Komsomolskaya Street, 50.

E-mail: us03@list.ru

Краткая аннотация. В статье проведен анализ юридической силы документа на примере нормативных правовых актов и документов неофициального характера, рассмотрены их формальные и содержательные аспекты. Отражены исходные начала, наделяющие документ юридической силой, показана взаимосвязь и взаимообусловленность юридической силы у нормативных правовых актов и неофициальных документов.

Abstract. The article analyzes the legal force of the document on the example of normative legal acts and documents of a non-"official" nature, their formal and substantive aspects are considered. The initial principles that give the document legal force are reflected, the relationship and interdependence of the legal force of normative legal acts and non-"official" documents are shown.

Ключевые слова: документ, реквизит документа, юридическая сила документа, форма и содержание документа, сила власти и сила права, иерархия нормативных правовых актов, юридический факт.

Keywords: document, document details, legal force of the document, form and content of the document, power of authority and force of law, hierarchy of normative legal acts, legal fact.

Для цитирования: Сорokin Ю.Ю., Скобелева К.А. Формально-содержательные аспекты юридической силы документа // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 69-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_69.

For citation: Sorokin Yu.Yu., Skobeleva K.A. Formally meaningful aspects of the legal force of the document // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 69-73. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_69.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2024

Вопрос о юридической силе документа неразрывно связан с вопросом о документарной форме фиксации информации, и, по сути, является его следствием. Почему документарной, да потому что именно эта форма, возникнув, как наиболее универсальная позволяет не только закреплять соответствующую информацию, но и максимально возможно распространять, доводить ее до конечного адресата, обращаться к ней в необходимых случаях в качестве первоначальной и исходной. Этот процесс объективно связан со становлением и развитием письменности и уже многие столетия носит определяющий характер. Его дальнейшее развитие и совершенствование, несомненно, очевидный факт, но сама суть остается прежней, языковая фиксация информации на наиболее востребованном носителе.

Юридическая сила документа, по сути, это вопрос о соотношении его формы и содержания, как диалектически взаимосвязанных характеристиках предмета. Но, в целом соглашаясь с мнением о том, что документ должен рассматриваться, как их единство¹, для полноты обозначенного вопроса условно разграничим форму и содержание, акцентируя внимание на специфике каждой из сторон.

Начнем с формальной. В этом смысле наделение документа юридической силой обеспечивается соблюдением всех необходимых характеристик внешней формы его выражения. Достижению этой цели служит термин «реквизит», рассматриваемый, как элемент оформления документа и в значительной мере, определяющий само понятие документ – зафиксированная на носителе информация с реквизитами, позволяющими ее идентифицировать². Более развернутое, но содержательно идентичное определение, дается и в Федеральном законе от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов» (далее – закон «Об обязательном экземпляре документов»)³.

В зависимости от видовой принадлежности документа необходимыми считаются такие реквизиты, как наименование организации, справоч-

¹Уздимаева Н.И. Понятие, особенности и значение юридических документов. Контентус. 2020. № 4. С. 122.

²ГОСТ Р 7.0.8.-2013 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (дата обращения 01.04.2024).

³См.: Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов». Собрание законодательства Российской Федерации от 2 января 1995 г. № 1 ст. 1.

ные данные об организации, дата, регистрационный номер документа, подписи должностных лиц, проставляемые в визах и грифах согласования, гриф утверждения. Кроме того, документы могут утверждаться решениями коллегиальных органов управления, распорядительными документами, о которых делается соответствующая надпись в грифе утверждения. Наконец подтверждением достоверности подписей должностных лиц является оттиск печати необходимого уровня на документе¹.

Помимо собственно реквизитов документа выделяются элементы, которые в совокупности также обеспечивают его юридическую силу. Это могут быть:

- определенный формат бумаги (форматы бумаги А4, А5 и другие...);
- определенная структура содержания и лингвистические особенности;
- порядок подготовки, оформления, издания документа (правила или регламент подготовки);
- порядок отправки, передачи, получения².

В контексте анализа формальной стороны юридической силы документа, вполне оправдано заслуживает внимания вопрос о том, каждый ли документ способен обладать юридической силой?

Предварительно ответ на него можно получить, вновь обратившись к ГОСТ Р 7.0.8.-2013 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения» (далее - Стандарт), который под юридической силой документа понимает свойство официального документа вызывать правовые последствия³. Из этого следует, что юридическая сила присуща не любому документу, а только официальному.

Понятие официального документа содержится в статье 5 закона «Об обязательном экземпляре документов», согласно которой официальный документ – это документ, принятый органами государственной власти Российской Федерации, другими государственными органами Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и опубликованный ими или от их имени⁴. Тем самым, «официальность», как качественный признак документа, обладающего юридической силой, напрямую связана и производна от государства.

Исследуя аналогичные вопросы, И.А. Мартюшев указывает, что юридической силой обладают только официальные документы. В юриспруденции документ, обладающий юридической силой, принято называть правовым актом. По характеру юридической силы официальные документы можно разделить на нормативные правовые акты и правовые документы ненормативного характера (правореализационные документы, правоприменительные акты)⁵.

С данным утверждением стоит согласиться, поскольку действительно значительная часть документов, обладающих юридической силой исходит именно от органов государства. В таком значении чаще всего упоминаются акты, содержащие нормы права и имеющие свою особую форму выражения.

Формализованность нормативных правовых актов имеет огромное функциональное значение, поскольку на ее основе устанавливаемые нормативные предписания объективируются и выражаются вовне. В свое время профессор С.С. Алексеев писал, «объективированный в документальном виде акт правотворчества является юридическим источником соответствующих юридических норм и одновременно формой их юридически официального бытия, существования»⁶. По сути, форма показывает, как организовано содержание права.

Видовая характеристика нормативных правовых актов разнообразна и представлена законами, а также подзаконными нормативными правовыми актами (указы, постановления, приказы и др.). Обращаясь к их реквизитам, следует отметить, что они могут быть двух видов:

- общие (общеобязательные);
- особенные (специфические).

Общие реквизиты обязательны для всех видов проектов нормативных правовых актов. К ним относятся: наименование органа (организации); наименование вида акта; заголовок акта; текст акта; подпись; дата принятия; регистрационный номер; место издания.

Особенные реквизиты обязательны для отдельных видов нормативных правовых актов или каждого конкретного проекта. В числе таковых: герб РФ; эмблема организации; гриф согласования; визы согласования; гриф ограничения доступа; пометка «Проект». Конкретные виды нормативных правовых актов, проекты конкретных правовых актов могут содержать и другие реквизиты⁷.

По мнению М.В. Батюшкиной применяемые реквизиты законов относятся к двум типам: реквизитам, реализуемым посредством иконических знаков, и реквизитам, реализуемым посредством знаков, закрепленных в освоенных социумом буквенно-цифровых системах. Реквизиты передают

¹Акимова Т.И. Проблемы юридической силы официального документа в условиях применения информационных технологий. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-sily-ofitsialnogo-dokumenta-v-usloviyah-primeneniya-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения 01.04.2024).

²Лобанова А.М. Юридическая сила и юридическая значимость документа. Методологические аспекты нормативности и системности понятий. Вестник ВНИИДАД. 2020. № 3. С. 42.

³ГОСТ Р 7.0.8.-2013.

⁴Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов».

⁵Мартюшев И.А. К вопросу о юридической силе и юридической значимости официальных документов. Документ в современном обществе: между прошлым и будущим: тезисы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции, г. Екатеринбург. Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Рос. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017. С. 25, 27.

⁶Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981. С. 314.

⁷Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. - Москва: Проспект, 2021. С. 406, 407.

«первичную» информацию о законе и являются его обязательными атрибутами – жанровыми маркерами. Сам факт отображения той или иной информации в реквизите делает эту информацию официальной, приобретающей в юридическом дискурсе правовой смысл и статус¹.

Подчеркнем, что использование необходимой совокупности реквизитов не является безусловным гарантом автоматического надления нормативного правового акта юридической силой. Важно значение с точки зрения официального выражения закрепляемых нормативных положений имеют также применяемые при этом приемы и способы фиксации такой информации. В этом плане, безусловно, главенствующая роль принадлежит юридической технике. Являясь определенной сферой правовых знаний, юридическая техника позволяет наиболее рациональным и оптимальным способом не только фиксировать правовые предписания, но и формулировать так чтобы, обеспечить единообразный и системный подход их восприятия и практической реализации. Анализируя средства юридической техники, С.С. Алексеев особо выделял средства документального выражения содержания нормативного акта как формы, позволяющие закреплять, юридически фиксировать изложенную волю законодателя (документы, их реквизиты и внутренне построение, законодательную стилистику)².

Тем самым, формальная сторона юридической силы документа это комплексная характеристика, включающая в себя всю необходимую совокупность предъявляемых требований (материальный носитель, реквизиты и др.), а также средств, способов фиксации и внешнего выражения нормативной информации.

Отмечая значимость формальных критериев юридической силы официальных документов, обратимся к ее содержательной стороне. В отличие от формы содержание указывает на внутреннюю, смысловую сторону документа, его наполнение, т.е. саму информацию, которая зафиксирована в нем. При этом, как уже было сказано, это может быть не любая информация, а та, которая способна порождать правовые последствия.

Для начала вновь обратимся к нормативным правовым актам. В содержательном плане вопрос об их юридической силе не является новым и рассматривается преимущественно относительно их иерархического соотношения, определения главенствующего и подчиненного актов. В подтверждение приведем отдельные авторские позиции.

По мнению А.В. Мицкевича, юридическая сила – это свойство, выражающее соотношение данного вида актов с другими видами актов государственных органов, его место в системе правовых актов³.

В понимании В.Г. Голубцова, юридическая сила нормативно-правового акта – это сравнительная категория для установления его места в иерархической системе актов⁴.

Определяя юридическую силу нормативно-правового акта, Д.И. Здунова исходит из того, что это обязательность любого нормативного акта, либо имеющего приоритет перед другими актами, либо самому подчиняющегося иным нормативно-правовым актам⁵.

Очевидно, что такой подход не раскрывает самой сути юридической силы, но наглядно указывает на ее системно-структурное значение, позволяющее объединять все видовое разнообразие нормативных правовых актов в некую однородную общность и определять в ней исходя из имеющейся степени юридической силы место каждого из них. Иными словами, речь идет о вертикальных (иерархических) взаимосвязях нормативных правовых актов, которые устанавливают целостную систему законодательства. Тем не менее, вопрос о природе юридической силы, ее истоках по отношению к нормативному правовому акту является не раскрытым и требует дополнительного пояснения.

Ранее уже было отмечено, что юридическая сила нормативных правовых актов производна от деятельности государства, его органов, а если быть точнее, производна от силы его власти. Сила – это исключительное свойство власти и именно благодаря ей власть, как доминирующее и организующее начало способно претворять намеченное вопреки возможному противостоянию. Любая власть – это определенный нормативный порядок организации силы⁶. В таком значении сила власти выступает в качестве динамического показателя и свидетельствует о степени способности и готовности субъекта достичь необходимого результата.

Именно благодаря власти нормативный правовой акт имеет не только формальное (внешнее) выражение, но и получает мощный силовой заряд, аккумулирующий волевое решение, и обеспечивающий возможность его принудительного исполнения. К сожалению, даже самая бесспорная справедливость не действует сама собой во всем ее объеме. Ни одно общество пока не может заявить о себе как общество самообеспечения справедливости. Государство всюду обеспечивает действие права⁷. В противном случае, право без силового компонента может оказаться бессильным, то есть не способным оказывать своего регламентирующего воздействия и как следствие вызывать соответствующие правовые последствия, что в свою очередь может свидетельствовать о его номинальности и ничтожности.

Вот почему формальный реквизит, идентифицирующий субъекта документа важен не только в плане выражения, но и значим в содержательном контексте. Именно он указывает и подтверждает ту силу, которая передается издаваемому акту соответствующим полномочным, властным

---

¹Батюшкина М.В. Реквизиты российских законов: состав, функции, выражаемая информация. Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. Научный журнал. 2020. № 2. С. 8, 11.

²См.: Алексеев С.С. Проблемы теории и права: Курс лекций: в 2 т. – Свердловск, 1973. – Т. 2. – С. 142.

³Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства. М.: Юридическая литература, 1967. С. 6.

⁴Голубцов В.Г. Юридическая сила нормативного правового акта, действие нормативного правового акта, применение нормативных правовых актов арбитражными судами. Пермский юридический альманах. 2021. № 4. С. 432.

⁵Здунова Д.И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов. Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4. С. 155.

⁶Философия права: Учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006. С. 106.

⁷Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / под общ. ред. Академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006. С. 415.

субъектом. По сути, документ выступает не чем иным, как средством трансляции властных компетенций, которые также могут быть и устными. Иначе передача юридической силы документу не обеспечивается. Этот вопрос имеет очевидное практическое значение и является обязательным условием, например, при государственной регистрации подзаконных нормативных правовых актов путем осуществления проверки наличия необходимой компетенции на издание нормативного правового акта при проведении правовой экспертизы соответствия нормативного правового акта законодательству Российской Федерации¹.

Но и на этом вопрос об исходных началах юридической силы нормативного правового акта не исчерпывается. Было бы неверным обозначить только одну его сторону, не уделив внимания не менее значимому силовому аспекту. Действительно юридическая сила производна от власти государства, изначально обладающего мощным силовым ресурсом. Но воздействуя на общественную сферу государство, действует не напрямую, оно использует право. В этом проявляется его уникальность и очевидная приоритетность по сравнению с иными социальными регуляторами. Значит, собственный регулятивный потенциал права существует помимо государственной власти, хотя и очень близок к ней. Исходя из этого, регулирующее воздействие права, выраженное в нормативном правовом акте, обусловлено не только принудительной силой государства, но и собственным потенциалом: «Сила права – характеристика, отражающая социальный вес, меру способности права соответственно его целям, природе и назначению вызывать необходимые социальные последствия в обществе... Сила права не тождественна силе государства... Качество силы право приобретает лишь при определенных условиях, когда оно экономически и социально детерминировано, соответствует общественному прогрессу, объективным потребностям, интересам и приоритетам людей»².

Что касается наличия юридической силы у документов, не являющихся нормативными правовыми актами, но связанными с применением права, то этот факт является также очевидным и вписывается в общую концепцию официальных документов. При этом имеющаяся формальная характеристика таких документов более вариативна, но наглядно соответствует его содержательному пониманию, отражающую прямую связь с государством и правом.

Теперь обратимся к не менее важному вопросу о наличии юридической силы у документов, не имеющих статуса официальных. Существующие на этот счет точки зрения вполне оправданы, заслуживает внимания и приводимая в связи с этим аргументация.

По мнению Е.А. Лариной, юридическая сила применима не только к нормативным правовым актам, но и к иным документам, так сказать неофициального характера³.

На наличие юридической силы у документов, не относящихся к исключительной деятельности органов государственной власти, также указывает А.М. Лобанова, которая намеренно не использует понятие «официальные документы», поскольку оно четко ограничивает круг организаций, издающих такие документы⁴.

В подтверждение своих суждений авторы приводят примеры таких документов, как письменное согласие работника на выполнение работы, не предусмотренной трудовым договором, договор купли-продажи, а также особо выделяются документы, совершаемые в электронной форме. Причем применительно к последним отмечается, что наряду с общими требованиями к документированию информации, обеспечивающих юридическую силу, для электронных документов появляются требования, связанные с технологическими особенностями создания и «оформления» как документа, так и его отдельных реквизитов⁵.

Следуя обозначенной логике перечень подобных примеров, безусловно, можно продолжить. Но и сказанного вполне достаточно для признания вполне явного – вызывать правовые последствия могут не только официальные документы, хотя именно они и являются основополагающими. Эти же правовые изменения, но уже более конкретного содержания способны порождать и сами действия/бездействия лиц, реализующие свою волю посредством документального оформления. В юридической науке деяния подобного рода именуется юридическими фактами, основное предназначение которых связано с возникновением, изменением и прекращением конкретных правовых связей, т.е. правоотношений.

Иными словами речь идет о трансформационной стадии механизма правового регулирования, в рамках которой в связи наличием или отсутствием конкретного юридического факта норма права связывает возникновение, изменение или прекращение правоотношений, или их совокупности, т.е. юридического состава. Тем самым, документальное оформление способствует фиксации и выражению юридических фактов, одновременно свидетельствуя об их разнообразии (например, письменные или устные).

При этом основным условием придания юридической силы неофициальным документам является закрепление соответствующих правомочий в самом нормативном правовом акте. Этот критерий является обязательным и его отсутствие не порождает у таких документов необходимого свойства. Следовательно, круг субъектов, способных порождать документы, обладающие юридической силой, не ограничивается исключительно

¹См.: Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/ (дата обращения 01.04.2024).

²Гойман В.И. Действие права (методологический анализ): Автореф. дисс д-ра. юрид. наук. М., 1992. С. 22, 23.

³Ларина Е.А. Правовой феномен «юридическая сила»: общетеоретический анализ. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-fenomen-yuridicheskaya-sila-obscheteoreticheskiy-analiz/viewer> (дата обращения 01.04.2024).

⁴Лобанова А.М. Указ. соч. С. 42.

⁵Там же. С. 45.

сферой государства, но, то, что такие документы должны находиться в сфере правового регулирования факт бесспорный. Примечателен и тот факт, что в том же Стандарте термин официальный документ сформулирован иначе и рассматривается гораздо шире – документ, созданный организацией, должностным лицом или гражданином, оформленный в установленном порядке¹.

Библиография:

1. Акимова Т.И. Проблемы юридической силы официального документа в условиях применения информационных технологий. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-sily-ofitsialnogo-dokumenta-v-usloviyah-primeneniya-informatsionnyh-tehnologiy> (дата обращения 01.04.2024).
2. Алексеев С.С. Общая теория права. М., 1981.
3. Алексеев С.С. Проблемы теории и права: Курс лекций: в 2 т. – Свердловск, 1973. – Т. 2.
4. Батюшкина М.В. Реквизиты российских законов: состав, функции, выражаемая информация. Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. Научный журнал. 2020. № 2.
5. Гойман В.И. Действие права (методологический анализ): Автореф. дисс. д-ра. юрид. наук. М., 1992.
6. Голубцов В.Г. Юридическая сила нормативного правового акта, действие нормативного правового акта, применение нормативных правовых актов арбитражными судами. Пермский юридический альманах. 2021. № 4.
7. ГОСТ Р 7.0.8.-2013 Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (дата обращения 01.04.2024).
8. Здунова Д.И. К вопросу о сущности юридической силы нормативно-правовых актов. Вестник экономики, права и социологии. 2016. № 4.
9. Ларина Е.А. Правовой феномен «юридическая сила»: общетеоретический анализ. [Электронный ресурс]: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-fenomen-yuridicheskaya-sila-obscheteoreticheskiy-analiz/viewer> (дата обращения 01.04.2024).
10. Лобанова А.М. Юридическая сила и юридическая значимость документа. Методологические аспекты нормативности и системности понятий. Вестник ВНИИДАД. 2020. № 3.
11. Мартюшев И.А. К вопросу о юридической силе и юридической значимости официальных документов. Документ в современном обществе: между прошлым и будущим: тезисы X Всероссийской студенческой научно-практической конференции, г. Екатеринбург. Урал. федер. ун-т им. Б.Н. Ельцина, Рос. гос. проф.-пед. ун-т. - Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2017.
12. Мицкевич А.В. Акты высших органов советского государства. М.: Юридическая литература, 1967.
13. Проблемы общей теории права и государства: Учебник для вузов / под общ. ред. Академика РАН, д.ю.н., проф. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006.
14. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации». [Электронный ресурс]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/ (дата обращения 01.04.2024).
15. Уздимаева Н.И. Понятие, особенности и значение юридических документов. Contentus. 2020. № 4.
16. Федеральный закон от 29.12.1994 № 77-ФЗ «Об обязательном экземпляре документов». Собрание законодательства Российской Федерации от 2 января 1995 г. № 1 ст. 1.
17. Философия права: Учебник для вузов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма, 2006.
18. Юридическая техника: учебник / под ред. В.М. Баранова. - Москва: Проспект, 2021.

References:

1. Akimova T.I. Problems of the legal force of an official document in the context of the use of information technology. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-yuridicheskoy-sily-ofitsialnogo-dokumenta-v-usloviyah-primeneniya-informatsionnyh-tehnologiy> (date of reference 04/01/2024).
2. Alekseev S.S. General theory of law. M., 1981.
3. Alekseev S.S. Problems of theory and law: Course of lectures: in 2 volumes – Sverdlovsk, 1973. – Vol. 2.
4. Batyushkina M.V. Details of Russian laws: composition, functions, expressed information. Philological Bulletin of the Surgut State Pedagogical University. Scientific journal. 2020. No. 2.
5. Goyman V.I. The action of law (methodological analysis): Abstract. Dr. Diss. Jurid. M., 1992.
6. Golubtsov V.G. The legal force of a normative legal act, the effect of a normative legal act, the application of normative legal acts by arbitration courts. Perm Law Almanac. 2021. № 4.
7. GOST R 7.0.8.-2013 System of standards for information, library and publishing. Record keeping and archival business. Terms and definitions. [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163800/ (date of appeal 04/01/2024).
8. Zdunova D.I. On the issue of the essence of the legal force of normative legal acts. Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2016. № 4.
9. Larina E.A. The legal phenomenon of "legal force": a general theoretical analysis. [Electronic resource]: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-fenomen-yuridicheskaya-sila-obscheteoreticheskiy-analiz/viewer> (date of application 04/01/2024).
10. Lobanova A.M. Legal force and legal significance of the document. Methodological aspects of normative and systematic concepts. Bulletin of VNIIDAD. 2020. № 3.
11. Martyshev I.A. On the issue of the legal force and legal significance of official documents. Document in modern society: between the past and the future: abstracts of the X All-Russian Student Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg. Ural. feder. B.N. Yeltsin University, Russian State Prof.-ped. un-T. - Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2017.
12. Mickiewicz A.V. Acts of the supreme bodies of the Soviet state. M.: Legal Literature, 1967.
13. Problems of the general theory of law and the state: Textbook for universities / under the general ed. Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor V.S. Nerseyants. – M.: Norm, 2006.
14. Resolution of the Government of the Russian Federation dated August 13, 1997 No. 1009 "On approval of the Rules for the preparation of regulatory legal acts of Federal executive authorities and their state registration". [Electronic resource]: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_15490/ (date of application 04/01/2024).
15. Uzdimavaeva N.I. The concept, features and meaning of legal documents. Contentus. 2020. No. 4.
16. Federal Law No. 77-FZ dated 12/29/1994 "On mandatory Copies of Documents". Collection of legislation of the Russian Federation dated January 2, 1995 No. 1, art. 1.
17. Philosophy of Law: Textbook for universities. – 2nd ed., reprint. and additional – M.: Norm, 2006.
18. Legal technique: textbook / edited by V.M. Baranov. - Moscow: Prospekt, 2021.

¹ГОСТ Р 7.0.8.-2013.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_74

ПРАВОВОЙ СТАТУС ДЕТСТВА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РОССИИ LEGAS STATUS OF CHILDHOOD IN MEDIEVAL RUSSIA

БАКШЕЕВА Елена Борисовна,

кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории государства и права, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Дальневосточного института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: elena_baksheeva.ksael@mail.ru;

СИМОРОТ Светлана Юрьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права, социально-экономических и гуманитарных дисциплин Дальневосточного института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). 680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, 31.
E-mail: ssimorot@mail.ru;

BAKSHEEVA Elena Borisovna,

Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of History of State and Law, socio-economic and humanitarian disciplines Far Eastern Institute (branch) federal state budgetary educational institution higher education "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.
E-mail: elena_baksheeva.ksael@mail.ru;

SIMOROT S.Yu.,

Cand. of Law, Associate Professor of the Department of History of State and Law, socio-economic and humanitarian disciplines Far Eastern Institute (branch) Federal State Budgetary Educational Institution higher education "All-Russian State University of Justice" (RPA of the Ministry of Justice of Russia). 31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.
E-mail: ssimorot@mail.ru

***Краткая аннотация:** в статье с использованием историко-правового метода анализируются нормотворческие и социальные особенности правового статуса детства в России. Отражены исторические грани его регламентации с позиций светского и церковного права.*

***Abstract:** The article uses the historical-legal method to analyze the legal and social features of the legal status of childhood in Russia. The historical facets of its regulation are reflected from the positions of secular and church law.*

***Ключевые слова:** правовой статус, несовершеннолетние, майорат, сословность, детство.*

***Keywords:** legal status, minors, seniority, class, childhood.*

***Для цитирования:** Бакшеева Е.Б., Симорот С.Ю. Правовой статус детства в средневековой России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 74-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_74.*

***For citation:** Baksheeva E.B., Simorot S.Yu. The legal status of childhood in medieval Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 74-77. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_74.*

***Статья поступила в редакцию:** 10.06.2024*

История взаимоотношений взрослых и детей такая же древняя, как и история человечества вообще. Взрослые, прежде всего родители, но не только, рассматривали детей, особенно мальчиков, как продолжателей рода, наследников накопленного имущества, опыта, традиций и как «страховой полис» в старости. Разумеется, активную роль в этой связи «взрослые – дети» играли старшие поколения, которые и создавали соответствующие законы, методы и системы жизнеобеспечения, воспитания, социализации и образования детей. Законотворчество, в свою очередь, обуславливалось интересами и волей господствующего класса, конкретно-исторической обстановкой в стране, менталитетом народа и отдельных его групп, обычаями, традициями и т. п.

У древних славян, как и у других этносов, отношения между поколениями регулировались обычным правом, традициями. Интересы рода и племени нередко реализовывались применением зверских, по современным понятиям, методов. Еще Н. М. Карамзин писал: «Говоря о жестоких обычаях славян языческих, скажем еще, что всякая мать имела у них право умертвить новорожденную дочь, когда семейство было уже слишком многочисленно, но обязывалась хранить жизнь сына, рожденного служить отечеству» [1]. Детей приносили в жертву языческим божествам. Подчеркнем, церковь резко осуждала подобную практику.

И вполне логично, что совокупность законов о детстве начинала формироваться с норм наследственного права. Это подтверждается исторической практикой и Руси – России и других стран. В первом средневековом своде законов «Русская Правда» (Пространная редакция) XII в. регламентируются ситуации с задницей (наследством). Статья 90 «Если смерд умрет бездетным, то наследует князь; если остаются в доме незамужние дочери, то выделить на них некоторую часть; если же будут замужем, то не давать им части». Здесь просматривается стремление законодателя оберегать интересы князя. Следующая статья 91 сформулирована в пользу знатных и их дочерей: «Если умрет кто из бояр или дружинников, то князь не

наследует, а получают наследство дочери, если сыновей не останется» [2]. Налицо классовый и гендерный подход, при этом статус дочерей из знатных семей довольно высокий. Старший или младший сын пока не имеют приоритета в наследовании. В ряде последующих статей рассматривались также распространенные ситуации с наследством. Отец имел право разделить свое имение между детьми и выделить из него часть своей жене. Часть задницы выделялась церкви на «помин души» (ст. 92). Дети, рожденные от рабыни, не наследовали отцу, но после его смерти получали вместе с матерью свободу (ст. 98). Отцовский двор без раздела по традиции переходил к младшему сыну (ст. 100). Имущество матери, не оставившей завещание, наследовал тот сын, в доме которого она жила после смерти мужа (ст. 106). Над малолетними детьми с их имуществом устанавливалась опека. Опекуном выступала мать, а если мать повторно выходила замуж, то опекал близкий родственник умершего (ст. 99) [3]. Таким образом, в период действия «Русской Правды» права детей при наследовании родительского имущества имели определенную защиту.

Указанные статьи были основой правового решения вопроса о наследстве. Их конкретизация и дополнение происходили распоряжениями князя, церковными правилами и элементами обычного права. В условиях феодальной раздробленности в ряде регионов действовали местные нормативные акты, в том числе Псковская и Новгородская судные грамоты (XV в.), отражавшие специфику социально-экономического развития, особенности судопроизводства и наследования имущества. Так, в Псковской земле среди наследников могли быть мать, брат, случалось и племянники, и крестник [4]. Кроме того, вопросы материнства отражались и конкретизировались в Судебнике 1550 г., Стоглаве 1551 г., Домострое и др. Стоит отметить, что расширение круга наследников из числа взрослых не повышало социальный и правовой статус детей.

Наличие в юридическом акте норм права, касающихся жизни и благополучия детей, повышает в целом их статус и защищенность, ориентирует государственные структуры, общество и семью на гуманное и бережное отношение к детству. Следует также отметить, что Русская православная церковь, следуя решениям вселенских и поместных соборов, поучениям отцов церкви, вносила свой вклад в охрану интересов материнства и детства.

Однако ряд бытовавших реалий не способствовали повышению социального и правового статуса детства. Остатки языческого мироощущения сказывались и на отношении к детям. Княжеские сыновья отправлялись в Орду в качестве заложников. К тому же на Руси были особенности наследования и имущества, и престола власти. Во многих странах наследником трона становился старший сын. Родители готовили его к этому, у него было больше, чем у остальных детей, жизненного и политического опыта. При этом значимость детей, особенно старшего сына, была весьма высокой. Со временем такой порядок утвердился и в России. Но в раннее средневековье на Руси в наследовании княжеского престола действовало так называемое лестничное право, когда власть передавалась не от отца к сыну, а от старшего брата к младшему. Десятилетиями существовала система «братского соправления». Важные вопросы старшие братья решали на княжеских съездах. Естественно, дети тогда не рассматривались как преемники княжеской власти. Это вряд ли способствовало повышению социального и правового статуса детей элиты и в то же время давало почву для вражды между братьями, дядьями и племянниками. Трагическая участь царских сыновей – сына Ивана IV Ивана и сына Петра I Алексея – также наводила на соответствующие размышления.

Законодательная деятельность Русского государства заметно активизируется в первой половине XVII в. Новой династии необходимо было ликвидировать последствия Смуты, юридически закрепить изменения в обществе, укрепить свою власть и т. д. Первые Романовы стремились регламентировать законом как можно больше реалий общественной и государственной жизни. Венцом этой деятельности стало создание Соборного Уложения 1649 г. (СУ).

Многие статьи этого кодекса посвящены вопросам внутрисемейных отношений и детства. Так, несколько статей XXII главы СУ предусматривают весьма суровые санкции за убийство детьми родителей. И главных виновников и соучастников предписывалось «казнить смертью же безо всякия пощады» (ст. 1, 2). Детей полагалось «бити кнутом» за рукоприкладство, грубые речи, поклепы в суде по адресу родителей (ст. 4, 6). Смертная казнь грозила убийцам брата или сестры (ст. 7). Родителей-детоубийц сажали «в тюрьму на год» с последующим церковным покаянием (ст. 3). Эта санкция – отдаленное эхо языческих времен. Беременных женщин, приговоренных к смерти, казнили после родов (ст. 15). Виновных в смерти детей, прижитых «в блуде», казнили «без всякой пощады» [5].

Детально в СУ регламентировалось право наследования родовых и выслуженных вотчин. При наличии у вотчинника детей их наследуют сыновья; дочери же получают на прожиток из поместий отца. В случае смерти бездетных сыновей вотчины переходили к их сестрам, т. е. старинная норма – сестры при братьях не вотчинницы – сохранялась. Кроме того, наследниками вотчин после дочерей могли быть их дети и внуки. Однако четвертая жена и ее дети никаких прав на вотчины и поместья не приобретали, т. к. церковь признавала законными только 3 брака. У внебрачных детей («выблядков») никаких прав на наследство отца не было. Они никогда не могли быть приравнены в своих имущественных и личных правах к детям законным [6].

В конце XVI в. резко обострилась ситуация с престолонаследием. В 1598 г. умер последний Рюрикович – царь Федор Иоаннович. Поскольку детей он не оставил, династия прекратилась. Земский собор избрал царем Бориса Годунова. Ему наследовал (1605 г.) его сын – шестнадцатилетний Федор, процарствовавший около трех месяцев. В годы Смуты на российском престоле также отметились Лжедмитрий I, В. Шуйский, польский король-владислав. Избрание шестнадцатилетнего Михаила Романова царем означало восшествие на престол законной династии. Однако уже его внуки – Софья и малолетние Иван и Петр – столкнулись с серьезными проблемами престолонаследия.

В 1722 г. Петр I определил специальным уставом судьбу престола волей царствующего монарха – «кому хочет, тому и определит наслед-

ство». Документ допускал к престолу и не царских детей, значимость которых как потенциальных наследников высшей власти сокращалась. Сам Петр I завещания не оставил. В результате дворцовых переворотов на престоле оказалась его жена Екатерина I, в прошлом бывшая прачка. Ее сменил одиннадцатилетний Петр II – внук Петра I. С 1730 г. императрицей стала дочь сводного брата Петра I, т. е. его не совсем родная племянница, Анна Иоанновна. В 1740 г. престол занял грудной младенец. Парадокс: Петр I установил принцип престолонаследия и... началась эпоха дворцовых переворотов, окрашенная трагедией Ивана Антоновича, убийством «божьих помазанников» Петра III и Павла I.

Павел I, казалось бы, прописал четкий регламент престолонаследия – от отца к старшему сыну. Однако его наследник Александр, знавший о заговоре против отца, не смог предотвратить убийство законного императора. Другой сын Павла – Константин категорически отказался от престола, хотя многие годы числился его наследником. Юридическая невнятность в престолонаследии, длительный период дворцовых переворотов, господство крепостничества обусловили, во-первых, доступ к престолу случайных людей; во-вторых, не способствовали последовательному законотворчеству и развитию правовой культуры в целом; в-третьих, устраняли должную преемственность в реализации правовой политики. К примеру, Павел I энергично отменил многие законы и указы матери – Екатерины II, а внук последней Александр I при вступлении на престол заявил: «Все будет как при бабушке».

Не все просто было и с наследованием имущества. Указ Петра I «О единонаследии» (1714 г.) был нацелен прежде всего на регламентацию наследования недвижимого имущества. При этом царь предполагал решить и ряд других задач: предотвратить дробление имений, улучшить собираемость налогов, устранить уклонения от службы и учения и др. Закон непосредственно адресовался и к шляхетству (так царь стал называть дворянство) и ко всем подданным «какого чина и достоинства оные ни есть» [7].

Суть закона: собственник, имеющий сыновей, мог завещать все свое недвижимое имущество одному из них. Если, скажем, землевладелец умирал, не оставив завещания, то вся недвижимость переходила к одному из старших сыновей, которые в отличие от младших более подготовлены к владению имуществом. Это положение, видимо, было навеяно знакомством царя с зарубежной практикой. В Европе преобладал майорат. Лендлордом в Англии становился первенец. В указе же Петра I майорат фигурирует как частный случай – при отсутствии завещания. Если сыновей не было, то наследодатель мог завещать свою недвижимость кому-нибудь одному из родственников. При этом запрещалось закладывать или продавать не только землю, но и дворы, строения, лавки и т. п.

Указ был направлен на создание крупных имений, с которых и налогов можно взять больше и с меньшими усилиями. Однако данный закон не нашел понимания в обществе. Дворяне, купцы и другие собственники стремились всячески его обойти. Отцы продавали часть земли, деревни, лавки, чтобы оставить деньги младшим сыновьям, обязывали старшего сына клятвой выплатить братьям часть наследства деньгами, распродаловали движимый инвентарь в пользу младших детей. Наследник нередко оставался без лошадей, орудий труда, скота и т. д. В итоге шляхетские состояния дробились и мельчали. Младшие братья, получив часть отцовского имущества, не спешили на государеву службу, более того, всячески ее саботировали. И строгие указы Петра I далеко не всегда срабатывали.

Майорат не прижился и в простонародье, где практика завещаний не была распространенной. И наследство в соответствии с Русской Правдой (ст. 100): «Но двор отцовский, оставшийся без хозяина, всегда поступает к младшему сыну» традиционно переходило к «кормильцу на старости лет». Кстати, в Золотой Орде действовал такой же порядок наследования (минорат). Еще В. О. Ключевский заметил недостатки закона Петра I: «Он плохо обработан, не предвидит многих случаев, дает неясные определения, допускающие разноречивые толкования», «преобразователь мало соображал нравы, бытовые понятия и привычки» [8].

Недовольство дворян указом «О единонаследии» сопровождалось его саботажем. И в 1731 г. главные положения указа были отменены. Теперь недвижимость переходила ко всем сыновьям поровну, дочери получали одну четырнадцатую часть имения, а из движимого имущества дочери наследовали одну восьмую часть, вдова – одну четвертую [9].

Вместе с тем во многих законах Петра I – Краткое изображение процессов и судебных тяжб (1715 г.), Артикул воинский (1715 г.) и др. – сохранились весьма продуманные нормы, касавшиеся несовершеннолетних: введение смертной казни за убийство младенца, применение к детям более мягких санкций и уменьшенной вменяемости, запрет на пытки несовершеннолетних, установление нижнего возрастного порога для свидетелей (15 лет) и др. Правовое оформление получило обязательное обучение дворянских детей. Неграмотных дворян запрещалось венчать. Власть родителей сокращалась при поступлении детей на госслужбу и прекращалась при ссылке родителей на каторгу. Несовершеннолетние могли наниматься на работу только с согласия отца и т. д. Детство при Петре I активно обрело правовое поле.

После Петра I нормотворчество в отношении правового статуса детей не нашло должного продолжения. В эпоху дворцовых переворотов правительство было более озабочено предоставлением новых привилегий дворянству, легитимацией собственной власти, развлечениями и самопиаром. Это особенно наглядно проявилось в годы женских правлений. Правда, Екатерина II в своем «Наказе» походя упомянула, что государство должно заботиться об увеличении народонаселения – бороться с детской смертностью и содействовать рождаемости.

Преобразования Петра I обусловили потребность в образованных людях. Для дворян по указу 1714 г. обучение стало обязательным. Были открыты Пушкинская, Инженерная, Медицинская, Навигацкая школы. Начальное образование было представлено сетью цифирных школ. В них обучались мальчики всех сословий, кроме крестьянского. Для детей духовенства при архиерейских домах открывались духовные школы, затем семинарии и академии, для солдатских детей – гарнизонные школы.

Разумеется, образование носило сословный характер. У дворянских детей выбор был весьма обширный. К тому же в 1731 г. открылся Шляхетский корпус, по окончании которого дети дворян получали офицерские чины, в 1755 г. – Московский императорский университет, в 1764 г. – Смольный институт благородных девиц – первое среднее женское учебное заведение, в 1802 г. – Пажеский корпус, затем Царскосельский лицей и т. д. Крестьянские дети реальный доступ к образованию получили лишь в ходе буржуазных реформ XIX в.

Принцип сословности лежал в основе формирования правового статуса детства. Этот принцип действовал не только в отношении дворянских и крестьянских детей, но и применительно к детям духовенства (хотя духовенство многие века было замкнутым сословием и дети священнослужителей должны были, как правило, идти по отцовской стезе). Подобная наследственность, кстати, поощряемая отцами-священниками, обуславливала корпоративность этого слоя. Издавна детям клириков предписывался ряд ограничений в образе жизни. Так, еще на Карфагенском соборе (419 г.) было указано: «Детям священников не представлять мирских позорищ (зрелищных мероприятий) и не зрети оных..., чтобы дети состоящих в клире не совокуплялись браком с язычниками или с еретиками» [10].

Отметим, что из семей клириков вышло немало революционеров, а во время октябрьских событий 1905 г. семинаристы активно участвовали во Всероссийской забастовке, требуя при этом и разрешения посещать театры и другие «мирские позорища».

Среди православного духовенства было много неграмотных. Тексты служб заучивались с детства наизусть от отцов. Петр I указами 1708 и 1710 гг. предписал поповичей отдавать в школы, а безграмотных на отцовское место не ставить и никуда, кроме военной службы, не принимать [11]. В 1737 г. Анна Иоанновна потрафила духовенству и разрешила детям клириков выставлять вместо себя по рекрутской квитанции в рекруты другого человека. В 1784 г. всем безместным церковникам и детям духовенства не моложе 15 лет было предоставлено право по выбору поступать в купечество, в крестьянство, в цехи и на военную службу, т. е. замкнутость духовного сословия размывалась, т. к. выход из него становился реальностью, хотя мало кто жаждал вступать в крестьянское или другое податное сословие. В 1828 г. вышел более строгий указ, по которому детям служителей культов «за излишеством» по выбору настоятельно предлагалось избрать гражданскую или военную службу, а не сделавших это в течение года надлежало «непременно» записывать в одно из податных сословий. Видимо, для того чтобы как-то смягчить этот указ, правительство Николая I («Палкина») в 1835 г. освободило детей служителей православия от телесных наказаний [12].

Библиография:

1. Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 2003. С. 28.
2. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. М., 2013. С. 21.
3. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. М., 2013. С. 22–23.
4. История отечественного государства и права : в 2 ч. под ред. О. И. Чистякова. М., 2010. Ч. 1. С. 101.
5. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 248–251.
6. Российское законодательство X–XX веков. М., 1985. Т. 3. С. 325, 345, 358.
7. Хрестоматия по истории государства и права России / сост. Ю. П. Титов. М., 2013. С. 141–144.
8. Ключевский В. О. Сочинения : в 8 т. М., 1958. Т. IV. С. 89–90.
9. Шатковская Т. В. История отечественного государства и права. М., 2008. С. 110.
10. Божественные правила Церкви. М., 2021. С. 176.
11. Русское православие: веки истории. М., 1989. С. 241.
12. История государства и права России / Отв. ред. Ю. П. Титов.

References:

1. Karamzin N. M. Istoriya gosudarstva Rossiyskogo. M., 2003. S. 28.
2. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii / sost. YU. P. Titov. M., 2013. S. 21.
3. 2. Khrestomatiya po istorii gosudarstva i prava Rossii / sost. YU. P. Titov. M., 2013. S. 22–23.
4. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava : v 2 ch. pod red. O. I. Chistyakova. M., 2010. CH. 1. S. 101.
5. Rossiyskoye zakonodatel'stvo KH–KHKH vekov. M., 1985. T. 3. S. 248–251.
6. 5. Rossiyskoye zakonodatel'stvo KH–KHKH vekov. M., 1985. T. 3. S. 325, 345, 358.
7. Khrestomatiya po istorii gosudarstva ... S. 141–144.
8. Klyuchevskiy V. O. Sochineniya : v 8 t. M., 1958. T. IV. S. 89–90.
9. Shatkovskaya T. V. Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava. M., 2008. S. 110.
10. Bozhestvennyye pravila Tserkvi. M., 2021. S. 176.
11. Russkoye pravoslaviye: vekhi istorii. M., 1989. S. 241.
12. Istoriya gosudarstva i prava Rossii / Otv. red. YU. P. Titov.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_78

МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ THE MECHANISM OF ENSURING NATIONAL SECURITY

МАРЗАКУЛОВ Тимур Эдуардович,

аспирант ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова».

ул. Ватутина, 44-46, г. Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, 362025, Россия.

E-mail: marzakuloff@gmail.com;

MARZAKULOV Timur Eduardovich,

postgraduate student of the Kosta Levanovich Khetagurov North Ossetian State University.

44-46 Vatutina str., Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania, 362025, Russia.

E-mail: marzakuloff@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию механизма обеспечения национальной безопасности в России. Освещаются основные элементы данного механизма, такие как правовые, организационные и кадровые аспекты. Рассматриваются функции государственных органов, ответственных за национальную безопасность, а также взаимодействие между различными структурами. Особое внимание уделяется анализу эффективности существующих механизмов и рекомендациям по их совершенствованию. В конце статьи подчеркивается важность интеграции всех компонентов для достижения устойчивого уровня национальной безопасности.

Abstract: The article is devoted to the study of the mechanism of ensuring national security in Russia. The main elements of this mechanism, such as legal, organizational and personnel aspects, are highlighted. The functions of state bodies responsible for national security, as well as the interaction between various structures, are considered. Special attention is paid to the analysis of the effectiveness of existing mechanisms and recommendations for their improvement. At the end of the article, the importance of integrating all components to achieve a sustainable level of national security is emphasized.

Ключевые слова: национальная безопасность, механизм, правовые аспекты, государственные органы, эффективность, взаимодействие.

Key words: national security, mechanism, legal aspects, government agencies, efficiency, interaction.

Для цитирования: Марзакулов Т.Э. Механизм обеспечения национальной безопасности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 78-81. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_78.

For citation: Marzakulov T.E. The mechanism of ensuring national security // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 78-81. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_78.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Национальная безопасность представляет собой комплекс мер и действий, направленных на защиту жизненно важных интересов государства, общества и личности от внутренних и внешних угроз¹. В исследованиях И.Б. Константинова и Е.П. Константиновой обозначено: «В Российской Федерации механизм обеспечения национальной безопасности включает в себя правовые, организационные и технические элементы, которые взаимодействуют для создания устойчивой системы защиты»².

Правовые основы национальной безопасности России закреплены в Конституции Российской Федерации, федеральных законах, указах Президента и постановлениях Правительства. Основным документом, регламентирующим вопросы национальной безопасности, является Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, которая определяет основные угрозы и меры по их нейтрализации. Кроме того, важную роль играют законы "О безопасности"³, "О противодействии терроризму"⁴, "О государственной тайне"⁵ и другие нормативные акты.

Проанализируем организационные структуры.

1. Совет Безопасности Российской Федерации

Совет Безопасности Российской Федерации является координационным органом, который обеспечивает реализацию государственной политики в области национальной безопасности. Он анализирует угрозы, разрабатывает стратегии и рекомендации для их нейтрализации, координирует деятельность различных государственных органов⁶.

2. Силловые структуры

Ключевыми силовыми структурами, обеспечивающими национальную безопасность, являются Федеральная служба безопасности (ФСБ), Министерство обороны, Министерство внутренних дел (МВД), Федеральная служба охраны (ФСО) и другие. Эти структуры занимаются предотвращением и ликвидацией внешних и внутренних угроз, включая террористические акты, разведывательно-диверсионные операции, преступную деятельность и прочие.

3. Органы государственной власти

¹ Kardas S. Conscious uncoupling: Europeans' Russian gas challenge in 2023. European council on foreign relations. (Электронный ресурс). Режим доступа <https://ecfr.eu/#> (дата обращения 10.07.2024).

² Константинов И.Б., Константинова Е.П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития Российской экономики // Вестник ПАГС. 2022. № 5.

³ Федеральный закон "О безопасности" от 28.12.2010 N 390-ФЗ. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 05.08.2024).

⁴ Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 05.08.2024).

⁵ Закон РФ "О государственной тайне" от 21.07.1993 N 5485-1. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 05.08.2024).

⁶ Василенко О.А. Вопросы экономической безопасности и государственного управления в контексте стратегии экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 1. С. 60–79.

Федеральные и региональные органы власти играют важную роль в обеспечении национальной безопасности через принятие нормативно-правовых актов, реализацию государственных программ и взаимодействие с общественными организациями. Значительное внимание уделяется взаимодействию между различными уровнями власти для координации усилий по защите национальных интересов.

Представим технические и информационные меры.

1. Информационная безопасность

Защита информационных ресурсов и обеспечение кибербезопасности являются важными элементами национальной безопасности. В России реализуются меры по защите государственных информационных систем, критической инфраструктуры, борьбе с киберугрозами и информационными атаками.

2. Разведывательные и контрразведывательные операции

Как обозначили М.Ю. Лев и Ю.Г. Лещенко: «Сбор и анализ разведывательной информации, проведение контрразведывательных операций позволяют выявлять и нейтрализовать угрозы на ранних стадиях. Специализированные подразделения ФСБ и других силовых структур занимаются данной деятельностью»¹.

3. Технические средства безопасности

Современные технологии и технические средства играют ключевую роль в обеспечении национальной безопасности. Это включает в себя системы видеонаблюдения, средства связи, киберзащиты, разведывательные спутники, беспилотные летательные аппараты и другие инновационные разработки².

Проанализируем социальные и экономические меры.

1. Социальная стабильность

Обеспечение высокого уровня социальной стабильности, снижение уровня бедности, повышение качества жизни населения, доступ к образованию и здравоохранению способствуют снижению внутренних рисков и укреплению общественного согласия.

2. Экономическая безопасность

Экономическая безопасность включает в себя устойчивое развитие экономики, диверсификацию производства, снижение зависимости от импорта, поддержку отечественного бизнеса и защиту национальных экономических интересов на международной арене³.

3. Экологическая безопасность

Защита окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов являются важными аспектами национальной безопасности. Это включает меры по предотвращению экологических катастроф, борьбу с загрязнением окружающей среды, охрану биоразнообразия.

Национальная безопасность является одной из важнейших составляющих стабильного и устойчивого развития государства. В современных условиях усложняющихся геополитических, экономических и технологических вызовов, эффективный механизм обеспечения национальной безопасности требует постоянного совершенствования⁴. *Рассмотрим основные направления и меры, которые могут быть предприняты для улучшения данного механизма в Российской Федерации.*

1. Укрепление институциональной структуры

1.1. Создание единого координационного центра.

Учреждение центра, который бы координировал деятельность всех органов государственной власти, ответственных за обеспечение национальной безопасности, позволило бы повысить эффективность взаимодействия и оперативность принятия решений.

1.2. Усиление роли Совета Безопасности.

Совет Безопасности РФ должен получить дополнительные полномочия и ресурсы для мониторинга и анализа угроз, а также для разработки и реализации стратегий по их предотвращению⁵.

2. Совершенствование правовой базы

2.1. Обновление законодательства.

Постоянный пересмотр и актуализация законов, регулирующих вопросы национальной безопасности, с учетом новых угроз и вызовов⁶. Это включает в себя принятие законов, регулирующих кибербезопасность, био- и химическую безопасность, а также защиту критической инфраструктуры⁷.

2.2. Международное сотрудничество.

---

¹ Лев М.Ю., Лещенко Ю.Г. Движущие силы антироссийской коалиции: проблемы современной международной безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Том 6. № 2.

² Li Ch., Zou J. Lun jingji anquan yu junshi anquan de guanxi (On the relationship between economic security and military security) // Guofan Daxue Xuebao (Zhanglue Wenti Yanjiu) (Journal of the National Defence University (Strategic Issues Research)), 2000. 2: 13–15.

³ Kolomiets A. The Financing Primary Health Care under Pandemic Threats. Journal of International Money, Banking and Finance, Vol. 3, No. 1, 2022, pp. 41–50.

⁴ Khadzhyanova O. et al. Assessment of the EU Countries' Economic Security based on the Composite Indicators // WSEAS Transactions on Business and Economics. 2022. Vol. 19. P. 690–700.

⁵ Караваева И.В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. С. 27–42.

⁶ Kremer-Matyškevič I., Černius G. Country's economic security concept: Theoretical insights. 2019.

⁷ Лев М.Ю. Эволюция глобального управления экономическими процессами в контексте международных организаций с позиции национальной безопасности // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 4. С. 1583–1614.

Заключение и ратификация международных соглашений в области безопасности, участие в глобальных и региональных инициативах по предотвращению и ликвидации угроз.

3. Технологическое развитие и инновации

3.1. Инвестиции в НИОКР.

Увеличение государственных и частных инвестиций в научные исследования и разработки в области безопасности, включая кибербезопасность, биотехнологии, искусственный интеллект и другие передовые технологии.

3.2. Развитие национальной технологической инфраструктуры.

Создание и модернизация технологических платформ, лабораторий и центров для проведения исследований и разработки решений, направленных на обеспечение национальной безопасности¹.

4. Кибербезопасность

4.1. Национальная стратегия кибербезопасности.

Разработка и реализация комплексной стратегии кибербезопасности, включающей защиту государственных и частных сетей, а также критической инфраструктуры².

4.2. Обучение и подготовка кадров.

Создание специализированных образовательных программ и курсов для подготовки специалистов в области кибербезопасности, повышение квалификации существующих кадров.

5. Экономическая безопасность

5.1. Диверсификация экономики.

Снижение зависимости от экспорта сырья и развитие высокотехнологичных отраслей, стимулирование инноваций и предпринимательства.

5.2. Финансовая устойчивость.

Укрепление банковской системы, повышение прозрачности финансовых операций и борьба с отмыванием денег.

6. Социальная безопасность

6.1. Снижение социального неравенства.

Реализация программ по поддержке малоимущих слоев населения, обеспечение доступности образования и здравоохранения.

6.2. Укрепление гражданского общества.

Поддержка инициатив гражданского общества, направленных на обеспечение безопасности, повышение уровня правовой культуры и гражданской ответственности³.

7. Энергетическая безопасность

7.1. Развитие альтернативных источников энергии.

Стимулирование исследований и разработок в области возобновляемых источников энергии, повышение энергоэффективности.

7.2. Обеспечение энергетической независимости.

Развитие внутренней энергетической инфраструктуры, снижение зависимости от импорта энергоресурсов.

8. Усиление международного сотрудничества

8.1. Активное участие в международных организациях.

Участие в деятельности международных организаций по безопасности, обмен информацией и опытом с зарубежными партнерами.

8.2. Региональные инициативы.

Инициирование и участие в региональных проектах по обеспечению безопасности, укрепление сотрудничества с соседними странами.

Таким образом, механизм обеспечения национальной безопасности Российской Федерации представляет собой сложную, многоуровневую систему, включающую правовые, организационные, технические, социальные и экономические меры. Эффективное функционирование этой системы требует скоординированных усилий всех государственных органов, общественных организаций и граждан. Только комплексный подход и постоянное совершенствование механизмов защиты могут обеспечить устойчивое развитие и безопасность государства в современных условиях.

Совершенствование механизма обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации требует комплексного подхода, включающего укрепление институциональной структуры, обновление правовой базы, технологическое развитие, усиление кибербезопасности, экономической и социальной безопасности, энергетическую независимость и международное сотрудничество. Реализация данных мер позволит создать более

¹ Kingston C., Caballero G. (2009). Comparing Theories of Institutional Change, *Journal of Institutional Economics*, vol. 5, n. 2, pp. 151-180. DOI: 10.1017/S1744137409001283 (дата обращения 24.07.2024)

² Lewandowski R. Economic sectors of strategic importance to the national security. A case of Poland // *Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy*. – 2016. – Vol. 11. – №. 3. – P. 473–498.

³ Экономическая безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования: Монография/под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваевой. М.: Институт экономики РАН, 2023. – 361 с.

устойчивую и безопасную среду для развития государства и общества в условиях современных вызовов и угроз.

Библиография:

1. Василенко О.А. Вопросы экономической безопасности и государственного управления в контексте стратегии экономической безопасности России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2020. Т. 16. № 1. С. 60–79.
2. Закон РФ "О государственной тайне" от 21.07.1993 N 5485-1. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 05.08.2024).
3. Караваяева И.В. Национальная экономическая безопасность в теоретических исследованиях института экономики РАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 2. С. 27–42.
4. Константинов И.Б., Константинова Е.П. Технологический суверенитет как стратегия будущего развития Российской экономики // Вестник ПАГС. 2022. № 5.
5. Лев М.Ю. Эволюция глобального управления экономическими процессами в контексте международных организаций с позиции национальной безопасности // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5, № 4. С. 1583–1614.
6. Лев М.Ю., Лещенко Ю.Г. Движущие силы антироссийской коалиции: проблемы современной международной безопасности // Экономическая безопасность. 2023. Том 6. № 2.
7. Федеральный закон "О безопасности" от 28.12.2010 N 390-ФЗ. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 05.08.2024).
8. Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (дата обращения: 05.08.2024).
9. Экономическая безопасность России: теоретическое обоснование и методы регулирования: Монография/под общ. ред. А.Е. Городецкого, И.В. Караваяевой. М.: Институт экономики РАН, 2023. – 361 с.
10. Kardas S. Conscious uncoupling: Europeans' Russian gas challenge in 2023. European council on foreign relations. (Электронный ресурс). Режим доступа <https://ecfr.eu/#> (дата обращения 10.07.2024).
11. Khadzhyanova O. et al. Assessment of the EU Countries' Economic Security based on the Composite Indicators // WSEAS Transactions on Business and Economics. 2022. Vol. 19. P. 690–700.
12. Kingston C., Caballero G. (2009). Comparing Theories of Institutional Change, Journal of Institutional Economics, vol. 5, n. 2, pp. 151-180. DOI: 10.1017/S1744137409001283 (дата обращения 24.07.2024)
13. Kolomiets A. The Financing Primary Health Care under Pandemic Threats. Journal of International Money, Banking and Finance, Vol. 3, No. 1, 2022, pp. 41–50.
14. Kremer-Matyshkevich I., Chernus G. Country's economic security concept: Theoretical insights. 2019.
15. Lewandowski R. Economic sectors of strategic importance to the national security. A case of Poland // Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. – 2016. – Vol. 11. – №. 3. – P. 473–498.
16. Li Ch., Zou J. Lun jingji anquan yu junshi anquan de guanxi (On the relationship between economic security and military security) // Guofan Daxue Xuebao (Zhanglue Wenti Yanjiu) (Journal of the National Defence University (Strategic Issues Research)). 2000. 2: 13–15.

References:

1. Vasilenko O.A. Issues of economic security and public administration in the context of Russia's economic security strategy // National interests: priorities and security. 2020. Vol. 16. No. 1. pp. 60-79.
2. The Law of the Russian Federation "On State Secrets" dated 07/21/1993 N 5485-1. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (date of reference: 08/05/2024).
3. Karavaeva I.V. National economic security in theoretical studies of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2020. No. 2. pp. 27-42.
4. Konstantinov I.B., Konstantinova E.P. Technological sovereignty as a strategy for the future development of the Russian economy // Bulletin of the PAGS. 2022. No. 5.
5. Lev M.Y. Evolution of global management of economic processes in the context of international organizations from the perspective of national security // Economic security. 2022. Vol. 5, No. 4. pp. 1583-1614.
6. Lev M.Yu., Leshchenko Yu.G. The driving forces of the anti-Russian coalition: problems of modern international security // Economic security. 2023. Volume 6. No. 2.
7. Federal Law "On Security" dated 12/28/2010 No. 390-ED. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (date of application: 08/05/2024).
8. Federal Law "On the Development of terrorism" dated 03/06/2006 N 35-ED. – URL: <https://www.consultant.ru/>. (date of reference: 08/05/2024).
9. Economic security of Russia: theoretical justification and methods of regulation: Monograph/under the general editorship of A.E. Gorodetsky, I.V. Karavaeva. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023. – 361 p.
10. Kardas S. Conscious uncoupling: the Russian gas challenge to the Europeans in 2023. The European Council on International Relations. (Electronic resource). Access mode <https://ecfr.eu/#> (accessed 07/10/2024).
11. Khadzhyanova O. et al. Assessment of the economic security of the EU countries based on summary indicators // WSEAS Transactions on Business and Economics. 2022. Volume 19. pp. 690-700.
12. Kingston K., Caballero G. (2009). Comparison of theories of institutional Change, Journal of Institutional Economics, Volume 5, number 2, pp. 151-180. DOI: 10.1017/S1744137409001283 (accessed 07/24/2024)
13. Kolomiets A. Financing primary health care in a pandemic threat. Journal of International Money, Banking and Finance, Volume 3, No. 1, 2022, pp. 41-50.
14. Kremer-Matyshkevich I., Chernus G. The concept of economic security of the country: theoretical foundations. 2019.
15. Lewandowski R. Economic sectors of strategic importance for national security. The example of Poland // Equilibrium. Quarterly Journal of Economics and Economic Policy. - 2016. – Volume 11. – No. 3. – pp. 473-498.
16. Li Ch., Zou J. Lun jingji anquan yu junshi anquan de guanxi (On the relationship between economic and military security) // Guofan Daxue Xuebao (Zhanglue Wenti Yanjiu) (Journal of the National Defense University (Research of Strategic Problems)). 2000. 2: 13–15.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_82

УДК 341.01

СЕТЕВАЯ ПРИРОДА МЯГКОГО ПРАВА The networked nature of soft law

ПЕРЕВЫШИН Никита Владимирович,
генеральный директор ООО «Инициативы развития».
450000, Россия, г. Уфа, ул. Свердлова, д. 90.
E-mail: nvperevyshin@yandex.ru;
Perevyshin Nikita Vladimirovich,
general director of Initiatives for Development LLC.
450000, Russia, Ufa, Sverdlova ul., 90.
E-mail: nvperevyshin@yandex.ru.

Краткая аннотация: Настоящая статья представляет собой теоретико-правовой анализ мягкого права как регулятора общественных отношений в современном сетевом обществе. В работе исследуются формулируются теоретические основы сетевой сущности мягкого права. Автор рассматривает экстерриториальность как один из основных признаков мягкого права, который также отражает сетевую сущность мягкого права. В заключении автор делает вывод о мягком праве как потенциально одним из основных способов правового регулирования в информационном обществе.

Abstract. This article is a theoretical and legal analysis of soft law as a regulator of public relations in a modern network society. The paper explores and formulates the theoretical foundations of the network essence of soft law. The author considers extraterritoriality as one of the main features of soft law, which also reflects the network essence of soft law. In conclusion, the author concludes about soft law as potentially one of the main ways of legal regulation in the information society.

Ключевые слова: правовое моделирование, глобализация, социология права, правовая футурология, негосударственное право, правовое понимание.

Keywords: legal modeling, globalization, sociology of law, legal futurology, non-State body of law, legal understanding.

Для цитирования: Перевышин Н.В. Сетевая природа мягкого права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 82-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_82.

For citation: Perevyshin N.V. The networked nature of soft law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 82-85. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_82.

Статья поступила в редакцию: 07.01.2023

Введение.

В информационном обществе важнейшим принципом коммуникации становится сетевая модель взаимодействия между различными институтами и структурами. Этот принцип «трансформирует социальные структуры, заменяя в их организации вертикаль горизонталью. Сети связывают между собой людей, государства и институты, преобразуя иерархические отношения между ними и перенося акцент с традиционного управления на развитие горизонтального взаимодействия ячеек» [1, с. 8]. Сетевое общество трансформируется от ограниченных групп в иерархических структурах к индивидуализированным сетям [21], характеризуется антииерархичностью, децентрализацией, отсутствием четких границ как в отдельной сети, так и между сетевой организацией и ее окружением [11].

В современной управленческой деятельности активно применяются методы расширения коммуникаций, вовлечения в принятие решений большого числа субъектов [7, с. 131].

Теоретическое осмысление права трансформируется от восприятия исключительно позитивистского правовопонимания как тоталитарного [8, с. 35] до интегративного правовопонимания [8] с исследованием права как социального конструкта, создаваемого и воспроизводимого практиками конкретных людей, хотя и не какими угодно произвольными [6, с. 175].

Право также постепенно трансформируется от юридико-позитивистской «централизованной» системы права к вариативной экосистеме, включающей «твердое» право, правовые коммуникации и мягкое право. Последнее, как совокупность правил, не имеющие юридически обязательной силы, но несущие юридические и практические последствия [19, 134-135], выполняет роль связующего звена между постоянно изменяющимся множеством социальных, экономических и правовых коммуникаций субъектов общественных отношений, с одной стороны, и консервативной системой «твердого» права, с другой.

Развитие мягко-правового регулирования.

В международном публичном праве мягкое право представляет собой совокупность норм и принципов деятельности, обязательных (преимущественно в политическом аспекте) для цивилизованных государств в их отношениях друг с другом [18, р. 313-314]. Мягкое право может выражаться в унифицированных стандартах или правилах деятельности, рекомендательных или декларативных актах, кодексах лучших практик и т.п. [9, с. 37]

В качестве базового примера реализации мягкого права можно указать открытый метод координации (ОМК) в Европейском Союзе, который привёл к формированию новой формально необязательной нормативной базе, но эффективной в регулировании общественных отношений за счёт

«нисходящих» (порицание, мимесис) и «восходящих» (прогнозирование результатов обсуждения) механизмов [20, р. 343-345]. Формирование системы мягкого права путём открытого метода координации успешно реализуется в ЕС с 2000 года [4]. В настоящее время мягкое право затронуло практически все сферы правового регулирования в ЕС начиная от антимонопольного (конкурентного) права [16] и заканчивая социальной политикой [17]. Разграничение мягкого права и ОМК [13] представляется попыткой исследовать мягкое право с позиции юридического позитивизма, что приводит к ошибочному разграничению данных двух объектов исследования исключительно по формально-юридическим основаниям.

Изначально мягкое право было обусловлено необходимостью регуляции интеграционных процессов в международном публичном праве при сохранении национального суверенитета государств. Неслучайно, что в таком качестве оно наиболее развито в одном из старейших и устойчивых центров региональной интеграции – Европейском Союзе. Другим важным источником развития мягкого права становится *lex mercatoria*, представляющая собой концепцию автономной правовой системы в сфере транснациональной торговли [5, с. 8], «упорядоченный, общедоступный и универсальный инструмент правового регулирования общественных отношений, осложненных иностранным элементом, и отвечает интересам обеих сторон» [14, с. 211].

В дальнейшем мягкое право получило развитие ввиду глобализации экономической сферы, «с вовлечением негосударственных субъектов в процессы международного общения, что сопровождается децентрализацией и деформализацией источников правового воздействия», с переходом к децентрализации процессов нормообразования, доверительно-партнерского взаимодействия публичной власти и частных лиц [2, с. 21, 25].

«Разгосударствление» публично-правовой сферы является общей тенденцией развития права в эпоху информационного общества, где широкое распространение мягкого права не является исключением из общего контекста.

В цивилистике мягкое право также получило широкое распространение, что во многом связано с развитием таких негосударственных процедур разрешения и урегулирования юридических конфликтов как медиация, фасилитация и арбитраж. Такой процесс получил название «приватизация правосудия» [3; 10].

Приватизация правосудия и мягкое право построены на тождественных принципах:

свобода выбора между различными конкурентными системами регулирования или согласованное формирование своей системы; неиерархичная многосубъектность, которая ведёт к формированию системы сдержек от злоупотреблений.

Совместное рассмотрение приватизации правосудия и мягкого права в сфере частного права необходимо для выявления общих тенденция развития права на современном этапе.

Традиционной проблемой мягкого права называется отсутствие общеобязательности и, как следствие, отсутствие юридических механизмов правоприменения таких норм. Однако, это не соответствует действительности.

Если рассматривать частное право, то действенным механизмом реализации мягкого права является сформированная система ADR. К примеру, на территории Евразийского экономического союза участники экономических правоотношений вправе выбрать для разрешения договорных споров любой из конкурирующих между собой арбитражей, установить заранее согласованную мягко-правовую систему принципов и правил разрешения спора по существу. Частные арбитражи, стремясь развивать своё «частное правосудие» в режиме открытой конкуренции, иногда сами предлагают принять уже подготовленную систему мягкого права.

Ряд исследователей отмечают навязанность конкретных частных арбитражей (третейских судов) и регулирующих норм при разрешении споров [12]. Безусловно, сакрализировать ADR, мягкое право и саморегулирование в целом не стоит. Любая власть, а создание регулирующих норм – проявление власти, всегда будет сведена к произволу без отсутствия постоянно развивающейся системы сдержек и противовесов.

Что касается изложенной выше критики, то здесь важно правильно определить объект критики. Для этого нужно ответить на вопрос: является ли защита конкуренции обязанностью государства? Если ответ утвердительный, то объектом критики является государство, которое, с помощью «твёрдого» права и аппарата принуждения, не может эффективно создавать и охранять условия реальной конкуренции на рынке услуг ADR. Если же государство не обязано защищать конкуренцию, то и здесь объект критики – государство, потому что в этом случае целью государственной политики является создание модели политического и экономического управления, основанной на формировании монополистических или олигархических систем, что вряд ли можно назвать правильным вектором общественно-политического развития. В обоих случаях мягкое право и ADR являются ненадлежащими объектами для подобной критики.

Экстерриториальность мягкого права.

Возможность выбора правовой системы любого государства для разрешения договорного права представляется перспективным направлением развития мягкого права в единстве с применением институтов ADR. Такие важные элементы саморегулирования как ADR и мягкое право являются экстерриториальными, поскольку формирование регулирующих норм (в том числе и прямое «заимствование» конкретной национальной правовой системы) не имеет взаимосвязи с конкретной территорией.

Вариативная апробация на практике различных моделей регулирования позволяет определить реальную потребность субъектов общественных отношений в конкретном регулирующем воздействии. При этом, нет необходимости в экспериментальном правовом регулировании, поскольку его цели достигаются посредством мягкого права.

В международном публичном праве мягкое право также обладает свойством конкурентного регулирования межгосударственных отношений, которое может выражаться в сопоставлении различных подходов к формированию системы интеграционного взаимодействия государств в независимо существующих друг от друга интеграционных объединениях таких как Европейский Союз, ЕАЭС, БРИКС и т.д.

В.М. Шумилов [15, с. 13] справедливо указал, что мягкое право также имеет значение в формировании глобальной нормативной системы как экспериментальная площадка для потенциального «жесткого» права. Данная функция мягкого права важна в процессе правообразования. Во-первых, существование государств в едином транснациональном правовом поле межгосударственных объединений определяет необходимость унификации национального законодательства с иными государствами-участниками глобальных или региональных интеграционных объединений, что дополнительно накладывает ограничительные механизмы на «разгон» законотворческой гиперактивности.

Во-вторых, развитие мягко-правового способа в регулировании интеграционных процессов в значительной мере снижает политическую составляющую в её отрицательном проявлении. Депутаты национальных законодательных органов публичной власти дополнительно получают новых субъектов правовой коммуникации в лице транснациональных коммерческих корпораций, зарубежных коллег по интеграционному объединению, иных политических и экономических акторов. В таких условиях самовольная законодательная деятельность, обусловленная внутренней политической конъюнктурой, становится нежелательным проявлением публичной активности.

Заключение.

Современный этап общественного развития качественно изменяет правовое регулирование и правопонимание. В государственный процесс законотворчества вводятся новые субъекты коммуникации и оценки качества национальной правовой системы, которые осуществляют конкурентную оценку национальному праву государств и негосударственным регулирующим практикам, выбирая тот или иной вариант регулирования. Конкурентная оценка национальных правовых систем есть и в межгосударственных интеграционных объединениях, где на тех же основаниях происходит выбор лучших практик регулирования отдельных общественных отношений.

Как перспективный регулятор сетевого общества, мягкое право, ввиду своего экстерриториального характера, также обладает сущностными характеристиками схожими с устройством сетевого общества: независимость вместо иерархичности; свободный выбор способов взаимодействия на конкурентной основе вместо обязательности одного конкретного такого способа; тенденция к уравниванию государственных и негосударственных (надгосударственных) акторов как субъектов регулирующего воздействия.

Дальнейшее внедрение мягкого права в публично-правовую сферу, особенно в сферу конституционного и административного права, развитие понимания права как единой глобальной системы способно сформировать действенную систему правового регулирования.

Библиография:

1. Вартанова Е.Л. 2006. Саморегулирование в информационном обществе // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. – 2006. – № 3. С. 8-19.
2. Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования: монография. Москва., 2023 г. 240 с.
3. Ермакова Е. П. Приватизация гражданского судопроизводства, или Новый частный процесс в США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2022. – № 18 (3). С. 59-70. DOI: 10.12737/jfcl.2022.036.
4. Кондратьева Н.Б. Что нового в «политике сплочения» ЕС? // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. – 2021. – № 23(5). С. 84-91. DOI: 10.15211/vestnikieran520218491.
5. Мажорина М.В. Lex mercatoria — средневековый миф или феномен глобализации? // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2017. – № 1. С. 4-19. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.4.19.
6. Ратушный М.В. Договор международного займа с участием публичных субъектов: юрисдикционные иммунитеты и особенности коллизионного регулирования // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 15. С. 210–235. DOI:10.17323/2072-8166.2022.4.210.235.
7. Саблуков А. В. Управленческая культура в информационном обществе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 1(846). С. 130–135. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_1_846_130 С. 131.
8. Сидоренко А.И., Ибрагимов Ю.Э. Интегративное понимание права // Журнал российского права. – 2017. – № 7 (247). С. 33-45.
9. Сворцов О. Ю. Об объективной беспристрастности в контексте теории третейского разбирательства // Вестник Санкт-Петерб. ун-та. Сер. 14 «Право». – 2014. – № 3. С. 71-81.
10. Стрельцова, Е. Г. Приватизация правосудия // Вестник гражданского процесса. – 2018. – № 8 (2). С. 47-80.
11. Трубицын О. К. Формирование теории сетевого общества // Вестник РУДН. Серия: Философия. – 2011. – № 2. С. 45-52.
12. Фогельсон Ю. Б. Мягкое право в современном правовом дискурсе // Журнал российского права. – 2013. – № 5 (197). С. 37-48.
13. Цветков В. В. Правовая природа открытого метода координации в сфере социального права Европейского Союза // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2016. – № 4. С. 29–35. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.403.
14. Честнов И.Л. Постклассическая теория права. Монография. СПб., 2012 г. 650 с.
15. Шумилов В.М. О «Глобальном праве» как формирующейся правовой суперсистеме // Московский журнал международного права. – 2015. – № 4. С. 4-17. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-4-4-17.
16. Cosma H.A., Whish R. Soft Law in the Field of EU Competition Policy // European Business Law Review. – 2003. – № 14(1). Pp. 25-56. DOI:10.54648/5086978.
17. Dawson M. New governance and the displacement of Social Europe: The case of the European Semester // European Constitutional Law Review. – 2018. – № 14(01). Pp. 191-209. DOI:10.1017/S1574019618000081.
18. Ellis J. Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law. // Leiden Journal of International Law. – 2012. – № 25(2). Pp. 313-334. DOI:10.1017/S0922156512000052.
19. Ferri D. The role of soft law in advancing the rights of persons with disabilities in the EU: A 'hybridity' approach to EU disability law // European Law Journal. – 2023. – № 28(4-6). Pp. 134-153. DOI:10.1111/eulj.12454.
20. Trubek, D. M., Trubek, L. G. Hard and Soft Law in the Construction of Social Europe: the Role of the Open Method of Co-ordination // European Law Journal. – 2005. – № 11(3). Pp. 343–364. DOI:10.1111/j.1468-0386.2005.00263.x.
21. Wellman B. Physical Place and Cyber Place // International Journal of Urban and Regional Research. – 2001. – № 25.2. Pp. 227-252.

References:

1. Vartanova E.L. 2006. Samoregulirovanie v informacionnom obshhestve // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika. – 2006. – № 3. S. 8-19.
2. Demin A.V. «Myagkoe pravo» v e'poxu peremen: opy't komparativnogo issledovaniya: monografiya. Moskva., 2023 g. 240 s.

3. Ermakova E. P. Privatizaciya grazhdanskogo sudoproizvodstva, ili Novy'j chastny'j process v SShA // Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya. – 2022. – № 18 (3). S. 59-70. DOI: 10.12737/jfcl.2022.036.
4. Kondrat'eva N.B. Chto novogo v «politike splocheniya» ES? // Nauchno-analiticheskij vestnik IE RAN. – 2021. – № 23(5). S. 84-91. DOI: 10.15211/vestnikieran520218491.
5. Mazhorina M.V. Lex mercatoria — srednevekovy'j mif ili fenomen globalizacii? // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' e konomiki. – 2017. – № 1. S. 4-19. DOI: 10.17323/2072-8166.2017.1.4.19.
6. Ratushny'j M.V. Dogovor mezhdunarodnogo zajma s uchastiem publicny'x sub`ektov: yurisdikcionny'e immunitety' i osobennosti kollizionnogo regulirovaniya // Pravo. Zhurnal Vy'sshej shkoly' e konomiki. – 2022. – № 15. S. 210–235. DOI:10.17323/2072-8166.2022.4.210.235.
7. Sablukov A. V. Upravlencheskaya kul'tura v informacionnom obshhestve // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obshhestvenny'e nauki. – 2022. – № 1(846). S. 130–135. DOI: 10.52070/2500-347X_2022_1_846_130 S. 131.
8. Sidorenko A.I., Ibragimova Yu.E'. Integrativnoe ponimanie prava // Zhurnal rossijskogo prava. – 2017. – № 7 (247). S. 33-45.
9. Skvortcov O. Yu. Ob ob`ektivnoj bespristrastnosti v kontekste teorii tretejskogo razbiratel'stva // Vestnik Sankt-Peterb. un-ta. Ser. 14 «Pravo». – 2014. – № 3. S. 71-81.
10. Strel'czova, E. G. Privatizaciya pravosudiya // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2018. – № 8 (2). S. 47-80.
11. Trubicyn O. K. Formirovanie teorii setevogo obshhestva // Vestnik RUDN. Seriya: Filosofiya. – 2011. – № 2. S. 45-52.
12. Fogel'son Yu. B. Myagkoe pravo v sovremennom pravovom diskurse // Zhurnal rossijskogo prava. – 2013. – № 5 (197). S. 37-48.
13. Czvetkov V. V. Pravovaya priroda otkry'togo metoda koordinacii v sfere social'nogo prava Evropejskogo Soyuza // Vestnik SPbGU. Seriya 14. Pravo. – 2016. – № 4. S.29–35. DOI: 10.21638/11701/spbu14.2016.403.
14. Chestnov I.L. Postklassicheskaya teoriya prava. Monografiya. SPb., 2012 g. 650 s.
15. Shumilov V.M. O «Global'nom prave» kak formiruyushhejsya pravovoj supersisteme // Moskovskij zhurnal mezhdunarodnogo prava. – 2015. – № 4. S. 4-17. DOI: 10.24833/0869-0049-2015-4-4-17.
16. Cosma H.A., Whish R. Soft Law in the Field of EU Competition Policy // European Business Law Review. – 2003. – № 14(1). Pp. 25-56. DOI:10.54648/5086978.
17. Dawson M. New governance and the displacement of Social Europe: The case of the European Semester // European Constitutional Law Review. – 2018. – № 14(01). Pp. 191-209. DOI:10.1017/S1574019618000081.
18. Ellis J. Shades of Grey: Soft Law and the Validity of Public International Law. // Leiden Journal of International Law. – 2012. – № 25(2). Pp. 313-334. DOI:10.1017/S0922156512000052.
19. Ferri D. The role of soft law in advancing the rights of persons with disabilities in the EU: A 'hybridity' approach to EU disability law // European Law Journal. – 2023. – № 28(4-6). Pp. 134-153. DOI:10.1111/eulj.12454.
20. Trubek, D. M., Trubek, L. G. Hard and Soft Law in the Construction of Social Europe: the Role of the Open Method of Co-ordination // European Law Journal. – 2005. – № 11(3). Pp. 343–364. DOI:10.1111/j.1468-0386.2005.00263.x.
21. Wellman B. Physical Place and Cyber Place // International Journal of Urban and Regional Research. – 2001. – № 25.2. Pp. 227-252.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_86

УДК 342.7

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ НА ОБРАЩЕНИЕ ABUSE OF THE RIGHT TO APPEAL

СЕЛЕЗНЕВА Айгуль Хамитовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики и менеджмента,
Башкирский государственный аграрный университет,
450001, Россия, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 34.
E-mail: selezneva.ufa@mail.ru;

ИКСАНОВ Радмир Аузагиевич,

старший преподаватель кафедры экономики и менеджмента,
Башкирский государственный аграрный университет,
старший преподаватель кафедры экономической теории Уфимского университета науки и технологий.
450001, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, д. 34.
E-mail: iksanov333@yandex.ru;

SELEZNEVA Aigul Khamitovna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Economics and Management,
Bashkir State Agrarian University,
34, 50th Anniversary of October str., Ufa, Republic of Bashkortostan, 450001, Russia.
E-mail: selezneva.ufa@mail.ru;

IKSANOV Radmir Auzagievich,

Senior Lecturer at the Department of Economics and Management,
Bashkir State Agrarian University,
Senior lecturer at the Department of Economic Theory of the Ufa University of Science and Technology
450001, Republic of Bashkortostan, Ufa, ul. 50-letiya Oktyabrya, 34.
E-mail: iksanov333@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье исследуются проблемы противодействия злоупотреблению гражданами правом на обращение. Предложены меры по совершенствованию Федерального закона от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации».

Abstract. The article examines the problems of countering the abuse by citizens of the right to appeal. Measures have been proposed to improve the Federal law «On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation».

Ключевые слова: обращения граждан, заявитель, право на обращение, рассмотрение обращений граждан, злоупотребление правом
Key words: appeals of citizens, the applicant, right to appeal, consideration of citizens' appeals, abuse of the right

Для цитирования: Селезнева А.Х., Иксанов Р.А. Злоупотребление правом на обращение // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 86-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_86.

For citation: Selezneva A.Kh., Iksanov R.A. Abuse of the right to appeal // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 86-89. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_86.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

Право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления является одним из основных прав человека и гражданина, гарантированных Конституцией РФ и закреплённых в статье 33 Основного закона.

Более подробно содержание и порядок реализации данного права раскрывается в Федеральном законе от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» (далее – Закон № 59-ФЗ).

Закон № 59-ФЗ закрепил, что органы власти, государственные и муниципальные учреждения, иные организации, на которые возложено осуществление публично значимых функций, их должностные лица, получив обращение гражданина, обязаны: принять и зарегистрировать это обращение, объективно и всесторонне, а в случае необходимости - с участием самого заявителя и / или с выездом на место, рассмотреть его; в установленный срок дать гражданину письменный ответ по существу поставленных вопросов и / или проинформировать о перенаправлении обращения в иной компетентный орган или должностному лицу.

С учетом того обстоятельства, что термин «публично значимые функции» в действующем законодательстве не раскрывается, можно сказать, что практически любая организация выполняет те или иные значимые для общества и государства функции и, следовательно, подпадает под действие Закона № 59-ФЗ, если только в отношении деятельности такой организации не принят специальный Закон, регламентирующий иной порядок или иные сроки рассмотрения поступивших обращений [3].

За нарушение порядка рассмотрения обращений граждан предусмотрена административная ответственность в виде наложения штрафа на виновных лиц от пяти до десяти тысяч рублей (ст. 5.59 КоАП РФ). За исполнением норм Закона № 59-ФЗ осуществляется постоянный прокурорский надзор.

Количество обращений граждан в органы власти и иные организации в последние годы значительно возросло. Одной из причин такого видится широкое внедрение информационных технологий, позволяющих подавать электронные обращения, в том числе с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг, через официальные сайты органов власти и организаций. При использовании такой формы направление обращения не требует ни особых временных затрат, ни затрат на почтовые расходы.

Бесспорно, что обращения граждан являются большим подспорьем в деятельности органов публичной власти, обеспечивая их информацией о степени удовлетворенности общества действиями власти и принимаемыми мерами, дают «обратную связь», сигнализируют об ошибках, способствуют укреплению законности, повышают эффективность государственных и муниципальных органов [5].

Вместе с тем, у данного права есть и «обратная сторона». Помимо добросовестных граждан, направляющих обращения в целях содействия улучшению деятельности государства либо реализации своих законных прав и интересов, есть отдельные заявители, которые злоупотребляют предоставленной законом возможностью. Вопросы, которые ставятся в их обращениях, не касаются их частной жизни; они обращаются в защиту мнимых прав и свобод либо интересов третьих лиц, не имея от них соответствующих полномочий.

В части 2 статьи 2 Закона № 59-ФЗ содержится важное требование о том, что осуществление гражданами права на обращение не должно нарушать права и свободы других лиц. Это требование зачастую не соблюдается – обращения отдельных лиц в органы власти диктуются не желанием восстановить свои нарушенные права, а добиться «вселенской справедливости», наказать чиновника, работодателя или иное лицо, которое, по мнению заявителя, допускает огрехи в своей деятельности, поставить на место обидевшего соседа и т.п.

Применительно к таким гражданам в юридической литературе появился специальный термин «кверулянт» (от лат. querulus - жалующийся), позаимствованный из терминологии врачей-психиатров, квалифицирующих кверулянтство как заболевание, характерное для людей, страдающих параноидальным расстройством личности.

Несмотря на то, что факты злоупотребления правом на обращение являются достаточно распространенными, сам Закон № 59-ФЗ упоминает о нём только единожды – в части 3 статьи 11, предусмотрев возможность оставления обращения без ответа по существу поставленных в нём вопросов в случае наличия в нём нецензурных либо оскорбительных выражений, угрозы жизни, здоровью и имуществу должностного лица, а также членов его семьи. Однако и в этом случае заявитель не будет привлечен к ответственности, ему будет лишь указано на недопустимость таких действий.

Частью 5 статьи 11 Закона № 59-ФЗ предусмотрено прекращение переписки с заявителем, если последний ранее обращался в этот орган власти по одному и тому же вопросу и ему неоднократно был дан ответ по существу поставленного вопроса.

В части 2 статьи 16 Закона № 59-ФЗ закреплено, что расходы, понесенные в связи с рассмотрением обращения, по решению суда могут быть взысканы с данного гражданина, направившего обращение, если гражданин указал в обращении заведомо ложные сведения.

Мы нашли единственный пример в судебной практике, когда с заявителя М., направившего более 1070 обращений в органы МВД, прокуратуры, исполнительной власти Воронежской области о противоправных действиях соседей и иных граждан, бездействию должностных лиц органов исполнительной власти, жилищно-коммунальных служб, о ненадлежащем исполнении обязанностей сотрудниками полиции, были взысканы расходы, понесенные органами государственной власти в связи с рассмотрением его обращений, в общей сумме 153 254,40 руб., из которых: затраты на выплату денежного довольствия сотрудникам, задействованных для обработки и рассмотрения обращений – 150 364,48 руб. и стоимость затраченной бумаги – 2 889,92 руб.[7].

Как указывал истец, несмотря на получение мотивированных ответов от компетентных органов и состоявшиеся решения судов различных инстанций об отсутствии фактов противоправных действий в конкретных случаях, М. продолжает направлять обращения и заявления по фактам якобы противоправных действий граждан и должностных лиц, не имея при этом никаких объективных доказательств этих правонарушений; своим поведением М. фактически злоупотребляет своим конституционным правом на обращение в государственные органы, загружает подразделения внутренних дел безрезультативной деятельностью по соблюдению установленных процедур рассмотрения обращения граждан, отвлекает значительные силы органов внутренних дел от раскрытия и расследования преступлений, выявления и пресечения административных правонарушений и профилактики правонарушений, а также ведет к существенным материальным затратам и неэффективному использованию бюджетных средств, выделенных государством на обеспечение функционирования органов внутренних дел.

К сожалению, указанное судебное постановление было отменено судом кассационной инстанции, который указал, что для привлечения гражданина к ответственности необходимо установить, содержит ли информация, изложенная в каждом обращении ответчика к истцу, умышленное сообщение сведений, не соответствующих действительности и осознавал ли гражданин, что сообщаемая им информация является ложной либо с его стороны присутствовало добросовестное заблуждение[8]. При новом рассмотрении в удовлетворении исковых требований было отказано [9].

Таким образом, можно сделать вывод о декларативном характере нормы, установленной в части 2 статьи 16 Закона № 59-ФЗ, её неработоспособности, в том числе в связи со сложностями доказывания ложности сведений, представленных в обращении гражданина, и отсутствием методики расчета расходов, понесенных органами власти [4].

Считаем нормы, предусмотренные Законом № 59-ФЗ, недостаточными для противодействия злоупотреблению правом на обращения. На

наш взгляд, необходимо разработать и законодательно закрепить действенный механизм, если не исключаящий, то сводящий к минимуму возможность недобросовестных граждан направлять в государственные, муниципальные органы и в иные организации «пустые», не имеющие под собой никаких оснований, обращения («обращения с целью обращения»), а также массовые (неоднократные по одному и тому же вопросу) и веерные (однотипные обращения в различные органы) жалобы и предложения. Надо учитывать, что это вынужденная мера, поскольку злоупотребления граждан своим правом на обращение влекут за собой перегруженность органов власти, нерациональную трату бюджетных средств и времени должностных лиц, которые вместо того, чтобы заниматься возложенными на них задачами и функциями, рассматривают такие обращения.

Проблема, затронутая нами в настоящей статье, не является новой, на необходимость принятия соответствующих мер по противодействию злоупотреблению правом граждан на обращения, указывалось и ранее. Так, В.А. Мещерягина предлагает обязать заявителя указывать в своем обращении о факте направления аналогичного обращения в другие органы власти и иные организации [2]. С.П. Степкин предлагает установить ответственность заявителей за недостоверность содержащихся в их обращениях фактов, о недостоверности которых заявитель не мог не знать, в виде компенсации временных и финансовых затрат органов, рассмотревших такие обращения. Представляется заслуживающим внимания предложение Г.Г. Анисимова, являющегося действующим прокурором, о предоставлении органам власти права на подачу иска в суд с требованием о признании такого неправомерного поведения граждан злоупотреблением правом и взыскании с них причиненных государству или муниципалитету убытков, наложении штрафных санкций. [1] Также им предлагается процедура обязательной авторизации заявителя в единой системе идентификации и аутентификации при направлении обращений с использованием средств информационно-телекоммуникационных технологий, что позволит достоверно установить лицо, чьи права и законные интересы нарушены.

В дополнение и в уточнение предлагаемых другими учеными-правоведами мер предлагаем в свою очередь следующее:

1) предусмотреть обязательное заполнение заявителями обращений анкеты, в котором гражданин должен будет указать:

- фамилию, имя, отчество;
- СНИЛС;
- род занятий (работающий по трудовому договору, предприниматель, самозанятый, пенсионер, безработный);
- контактные данные (телефон, почтовый или электронный адрес);
- обращались ли ранее в органы власти по поставленным в настоящем обращении вопросам, результаты обращения.

В настоящее время подобные анкеты используются некоторыми органами власти, по собственной инициативе. Предлагаем законодательно закрепить данное требование.

Полагаем, что до регистрации обращения орган власти обязан проверить, что обращение поступило именно от этого лица, которое указано в качестве заявителя. Неподписанные обращения и обращения, направленные под чужим именем или псевдонимом, подлежат рассмотрению только, если в них идет речь о подготавливаемом, совершаемом или совершенном преступлении. В остальных случаях они не должны рассматриваться.

Далее. В анкете заявитель должен подтвердить, что сообщаемые им сведения являются достоверными и он предупрежден об ответственности за клевету и иное распространение ложных сведений. Полагаем, что такая мера позволит под страхом наказания остановить часть злоумышленников, обращения которых продиктованы желанием «отомстить» или навредить другому лицу.

2) включить в Закон № 59-ФЗ норму о требованиях к форме и содержанию подаваемого обращения, закрепив в нём, что в своем обращении гражданин обязан отразить, в чем именно состоит ущемление его прав и законных интересов или как влияют затронутые вопросы на его личные или публичные интересы, а также корреспондирующую этой обязанности право органов власти возвращать без рассмотрения обращения, которые непосредственно не затрагивают права и законные интересы заявителя.

3) предусмотреть административную ответственность граждан за сообщение в органы власти ложных сведений о иных лицах, если указанные действия не образуют состав преступления, предусмотренного ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (клевета).

Несмотря на то, что уголовным законодательством предусмотрена ответственность за распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающего его деловую репутацию, привлечь по данной статье возможно только, если будет доказан заведомо ложный характер распространяемых сведений, о чём должно быть известно лицу, распространяющему такие сведения. В остальных случаях, в том числе, когда гражданин сообщает о ком-либо сведения, которые с точки зрения суда или следствия носят оценочный характер, выражают субъективное мнение данного гражданина - такая ответственность исключается. В таких случаях, целесообразно применять административную ответственность.

4) преломить существующую пагубную практику отказа в привлечении к ответственности граждан, которые сообщают в правоохранительные и иные органы власти информацию, которая не соответствует действительности.

Судебная практика сложилась таким образом, что возможность привлечения таких граждан к гражданско-правовой ответственности, даже в том случае, когда затрагиваются честь и достоинство других граждан, деловая репутация организаций и органов власти, практически отсутствует. Отказывая в удовлетворении исков, суды ссылаются на то, что гражданин не должен нести ответственность за реализацию своего конституционного права на обращение даже в том случае, когда сообщаемые им факты не подтвердились.

Однако в демократическом государстве должен быть обеспечен баланс не только между интересами заявителя, обращающегося в органы власти и публичными интересами, но и интересами других граждан, в том числе тех, чья деятельность может «подвергаться справедливой критике». Такие граждане помимо того, что занимают определенную должность в аппарате власти, являются просто людьми, у которых есть свои семьи и частная жизнь, и которые также несут нравственные страдания от того, что их необоснованно обвиняют в совершении противоправных действий или аморальном поведении в быту.

5) проводить обязательное психиатрическое освидетельствование граждан, направляющих массовые и веерные обращения в органы власти

Согласны, что данная мера является крайней и требует особого порядка применения. Мы ни в коей мере не призываем принудительно госпитализировать в психиатрические диспансеры всех инакомыслящих, как это практиковалось в СССР. Надо подходить избирательно, учитывать личность заявителей, количество направляемых ими обращений, их содержание. И конечно необходимо разработать механизм, исключающий необоснованное применение таких мер к добросовестным гражданам.

Полагаем, что граждане должны более ответственно подходить к направлению обращений и реализуя свое конституционное право, не должны злоупотреблять им, безосновательно отвлекая работников аппаратов власти от осуществления присущих им задач и функций.

Если предлагаемые выше меры будут практически реализованы, количество обращений граждан должно значительно уменьшиться. В этом случае, чиновники, которые сейчас тратят значительное количество своего служебного времени на отписки, смогут пустить освободившееся время и ресурсы на практическое решение вопросов, поднимаемых в обращениях граждан. Таким образом, можно будет добиться повышения эффективности деятельности публичной власти и качества оказываемых ими государственных и муниципальных услуг.

Библиография:

1. Анисимов Г.Г. О некоторых проблемах при рассмотрении обращений граждан в органах прокуратуры и вариантах совершенствования правового регулирования этих правоотношений // Законность. 2022. № 1.
2. Мещерягина В.А. Конституционное право на обращение как элемент поддержания баланса интересов личности, общества и государства // Административное и муниципальное право. 2015. № 9.
3. Степкин С.П. Пределы применения Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Российский юридический журнал. 2022. № 1.
4. Степкин С.П. Проблемы привлечения к ответственности за нарушения, допускаемые при подаче и рассмотрении обращений граждан // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3.
5. Степкин С.П. Проблемы злоупотребления правом при реализации права граждан на обращения // Консультант Плюс.
6. Юдин А.В. Злоупотребление правом на обращение по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации юридических лиц // КонсультантПлюс.
7. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 31.03.2022 №33-980/2022 // КонсультантПлюс.
8. Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 22.06.2022 по делу №88-15825/2022 // КонсультантПлюс.
9. Апелляционное определение Белгородского областного суда от 15.09.2022 № 33-4001/2022 // КонсультантПлюс.

References:

1. Anisimov G.G. On some problems when considering citizens' appeals to the prosecutor's office and options for improving the legal regulation of these legal relations // Legality. 2022. № 1.
2. Meshcheryagina V.A. The constitutional right to appeal as an element of maintaining a balance of interests of the individual, society and the state // Administrative and municipal law. 2015. № 9.
3. Stepkin S.P. Limits of application of the Federal Law "On the procedure for considering appeals from citizens of the Russian Federation" // Russian Law Journal. 2022. No. 1.
4. Stepkin S.P. Problems of accountability for violations committed when submitting and considering appeals from citizens // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 3.
5. Stepkin S.P. Problems of abuse of law in the implementation of the right of citizens to appeal // Consultant Plus.
6. Yudin A.V. Abuse of the right to appeal in cases of protection of the honor and dignity of citizens, as well as the business reputation of legal entities // ConsultantPlus.
7. Appeal ruling of the Belgorod Regional Court dated 03/31/2022 No.33-980/2022 // ConsultantPlus.
8. The ruling of the First Cassation Court of General Jurisdiction dated 06/22/2022 in case No.88-15825/2022 // ConsultantPlus.
9. The appellate ruling of the Belgorod Regional Court dated 09/15/2022 No. 33-4001/2022 // ConsultantPlus.

ВЗГЛЯДЫ УЧЕНОГО В.С. ПЕТРОВА О ТИПАХ И ФОРМАХ ГОСУДАРСТВА Views of scientist V.S. Petrova about the types and forms of the state

БРЕДИХИН Алексей Леонидович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: axel_b@mail.ru;

ФОМИЧЕВ Сергей Михайлович,

старший преподаватель кафедры уголовного процесса
Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: sergei-fsm@mail.ru;

Bredikhin Alexey Leonidovich,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: axel_b@mail.ru;

Fomichev Sergey Mikhailovich,

senior lecturer of the Department of Criminal Procedure
of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Candidate of Legal Sciences.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: sergei-fsm@mail.ru

Краткая аннотация: В настоящей статье авторы исследуют учение доктора юридических наук, профессора Владимира Сергеевича Петрова о типах и формах государства, изложенное в монографии «Тип и формы государства» 1967 г. Авторы отмечают, что, несмотря на марксистско-ленинский подход в освещении темы, В.С. Петров подробно и юридически грамотно исследует проблематику типов и форм государства. Несмотря на критику западных (буржуазных) учений, производится их разумная оценка, что придает объективность исследованию. В заключение делается вывод, что взгляды В.С. Петрова были прогрессивными для своего времени и вполне заслуживают внимания научной общественности в настоящее время.

Abstract: In this article, the authors examine the teaching of Doctor of Law, Professor Vladimir Sergeevich Petrov about the types and forms of the state, set out in the monograph "Type and Forms of the State" in 1967. The authors note that, despite the Marxist-Leninist approach to the topic, V.S. Petrov examines in detail and legally competent the problems of types and forms of state. Despite the criticism of Western (bourgeois) teachings, they are reasonably assessed, which gives objectivity to the research. In conclusion, it is concluded that the views of V.S. Petrov were progressive for their time and deserve the attention of the scientific community at the present time.

Ключевые слова: В.С. Петров, исторический тип, форма государства, форма правления, форма государственного устройства, политический режим, демократия, социализм.

Key words: V.S. Petrov, historical type, form of state, form of government, form of government, political regime, democracy, socialism.

Для цитирования: Бредихин А.Л., Фомичев С.М. Взгляды ученого В.С. Петрова о типах и формах государства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 90-91. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_90.

For citation: Bredikhin A.L., Fomichev S.M. Views of scientist V.S. Petrova about the types and forms of the state // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 90-91. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_90.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Советская юридическая наука формировалась в особых условиях и на базе марксистско-ленинской теории. Тем не менее, несмотря на предпринимаемые в 1990-х годах попытки построения новой правовой системы и новой правовой науки, советское юридическое наследие продолжает жить. Какие-то темы и разделы теории государства и права утратили свою актуальность, но большинство лишь претерпело косметические преобразования. Тем самым, прослеживается прямое преемство советской и российской правовой науки, даже если прямо об этом не упоминается.

Более того, смысл и значение многих теоретических положений и концепций становится понятнее, только при обращении к памятникам советской правовой литературы. В этой связи стоит обратить внимание на монографию Владимира Сергеевича Петрова «Тип и формы государства» 1967 г. [1].

Сам В.С. Петров родился в 1909 г. Будущий доктор юридических наук и профессор в 1949 г. окончил юридический факультет Ленинградского государственного университета. После окончания аспирантуры в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию. Докторскую диссертацию на тему: «Теоретические проблемы сущности, содержания и формы государства» Владимир Сергеевич защитил в 1969 году. Основные положения диссертации позднее отражены в монографии «Сущность, содержание и форма государства» 1971 г. [2].

С 1969 по 1975 г. он работал в Ленинградском государственном университете на должности профессора теории и истории государства и права юридического факультета ЛГУ, а с 1975 по день своей кончины в 1976 г. возглавлял кафедру государственного и административного права.

Монография «Тип и формы государства» имеет три главы. В первой главе «Исторические типы государства» автор раскрывает классовую сущность государства. С позиции марксистско-ленинского подхода автор раскрывает и признаки государства. Помимо классовой сущности происхождения и существования государства В.С. Петров выделяет двоякого рода признаки государства: а) признаки, в которых проявляется социальное назначение государства, его особая роль в классовом обществе (функциональные признаки); б) признаки, в которых выражается специфика внутренней организации власти (структурные признаки).

В качестве признаков, характеризующих государство как общественное влияние называются: наличие определенной группы людей, главным занятием которых является управление общественными делами; люди, входящие в аппарат управления образуют определенную внутреннюю структуру; государственный аппарат выражает интересы господствующего класса; у государства имеется специальный аппарат принуждения; власть распространяется на определенную территорию; средства для содержания государственного аппарата взываются с населения в виде налогов и сборов.

Государство определяется как «специфическая форма политической организации общественной власти, которая выступает в качестве орудия классового регулирования общественных отношений» [1, С. 10]. Советское государство выступает как орудие регулирования общественных отношений в соответствии с интересами трудящихся масс.

Относительно исторического типа государства, автор опирается на марксистский формационный подход и отмечает, что: «в научном понятии исторического типа государства выражается объективный закон зависимости классового содержания государственной организации власти от господствующего типа экономического базиса» [1, С. 20]. Историческим типом государства называется «единство существенных признаков всех государств одной общественно-экономической формации, выражающих общность их экономической основы, классового содержания и основных принципов организации и деятельности» [1, С. 21]. Каждый исторический тип государства представляет особое состояние государственности, имеющее специфические законы возникновения, развития и перехода к более высокой ступени.

Вторая глава монографии исследует вопросы формы государства. Автор отмечает, что помимо формы государства нужно иметь в виду наличие его содержания и сущности государства. Под содержанием государства понимается «указатель того, в руках какого или каких классов сосредотачивается политическая власть в обществе и против какого или каких общественных классов эта власть направлена» [1, С. 39]. Форма, по мнению В.С. Петрова вторична по отношению к государству. Здесь же автор дает обзор т.н. «буржуазных» взглядов на форму государства и обосновывает их недостатки, главным из которых он считал сугубо юридический взгляд. В связи с чем, предлагается уделить большее внимание политическому режиму как элементу формы государства, который характеризует состояние демократии в обществе.

Интересен подход ученого в отношении связи форм государства с историческими типами государства. В рамках исторического типа государства возможно существование различных форм государства. Отмечается, что буржуазные теории относительно форм государства носят необъективный характер, так как не учитывают понятие исторического типа государства и его классовый характер.

Говоря о видах форм государства, автор называет ставшую традиционной классификацию: форма правления (монархия и республика); форма государственного устройства (простые и сложные); политический режим (демократический и антидемократический). Тем не менее, обращает внимание, что классификация данных форм внутри исторического типа государства предполагает необходимость обобщений в соответствии с основными принципами государственной организации данного типа.

Третья глава монографии посвящена конкретно типу и формам социалистического государства. Само социалистическое государство именуется новым и высшим историческим типом, к которому идет человечество. Интересным является утверждение, что «функция классового подавления является, так сказать, негативной функцией социалистического государства» и навязана сопротивлением эксплуататорских классов» [1, С. 75]. Главными функциями называются организационно-хозяйственная и культурно-воспитательная.

Также утверждается, что социалистическое государство представляет собой более высокий этап развития человеческой цивилизации по сравнению с капиталистическим. Советская власть называется классической формой политической власти трудящихся масс, школа, на опыте которой учатся и будут учиться многие поколения революционеров.

Показательно выделение форм государства именно для социалистического типа: Парижская коммуна, Республика Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в период перехода от капитализма к социализму, Республика Советов депутатов трудящихся в период победившего социализма, народно-демократическая республика.

Относительно форм государственного устройства в социалистических странах В.С. Петров предлагает выделять социалистическую федерацию, социалистическое унитарное государство.

В качестве политического режима провозглашается социалистическая демократия с теми или иными особенностями в отдельных социалистических странах. Автор выделяет также принципы формы правления социалистического государства: демократический централизм, пролетарский интернационализм, руководящая роль марксистско-ленинской партии.

В целом нужно сказать, что, несмотря на марксистско-ленинский подход в освящении темы, В.С. Петров подробно и юридически грамотно исследует проблематику типов и форм государства. Несмотря на критику западных (буржуазных) учений, производится их разумная оценка, что придает объективность исследованию. Таким образом, учение В.С. Петрова было прогрессивным для своего времени и вполне заслуживает внимания научной общественности в настоящее время.

Библиография:

1. Петров В.С. Тип и формы государства. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1967.
2. Петров В.С. Сущность, содержание и форма государства. – Ленинград: Изд-во «Наука», Ленингр. Отд., 1971.

References:

1. Petrov V.S. The type and forms of the state. – Leningrad: Leningrad University Press, 1967.
2. Petrov V.S. The essence, content and form of the state. Leningrad: Nauka Publishing House, Leningrad Publishing House, 1971.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_92

УДК 351.74

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ МИЛИЦИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Formation of a system of professional training of police officers in the early years of Soviet power

БАЙКЕЕВА Светлана Евгеньевна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru;

УДАЛЬЦОВ Андрей Александрович,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета МВД России.
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: oudaltsov@mail.ru;

Baykeeva Svetlana Evgenievna,

PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: baykeeva_sveta@mail.ru;

Udaltsov Andrey Alexandrovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law
of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Pilyutov Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: oudaltsov@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена проблемам кадрового обеспечения органов милиции в 1920-е годы XX века, созданию принципиально новых учебных заведений для милицйских органов молодого Советского государства. Особое внимание уделено принципам комплектования, материального обеспечения школ и курсов подготовки милиционеров.

Abstract: The article is devoted to the problems of staffing the police in the 1920s of the XX century, the creation of fundamentally new educational institutions for the police authorities of the young Soviet state. Special attention is paid to the principles of recruitment, material provision of schools and police training courses.

Ключевые слова: школы младшего комсостава милиции, Главное управление милиции, профессиональное образование милицйских кадров, кадровое обеспечение, органы милиции.

Keywords: schools of junior police officers, the Main Police Department, professional education of police personnel, staffing, police agencies.

Для цитирования: Байкеева С.Е., Удальцов А.А. Формирование системы профессиональной подготовки сотрудников милиции в первые годы Советской власти // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_92.

For citation: Baykeeva S.E., Udaltsov A.A. Formation of a system of professional training of police officers in the early years of Soviet power // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 92-94. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_92.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Современные реалии и глобальные проблемы XXI столетия, характеризующиеся масштабными изменениями внешней и внутренней политики государства, ставят перед законодателем множество важнейших задач, одной из ключевых которых является совершенствование системы органов внутренних дел. Основным направлением, без которого немислимым видится реформирование этой системы, является подготовка кадров для органов милиции.

В процессе совершенствования деятельности милицйских органов особую роль приобретает выработка конструктивной стратегии консолидации их кадрового состава.

Фундаментальная обоснованность и применение на практике такого подхода возможны основе осмысления исторического опыта подготовки милицйских кадров. Одним из не только наиболее информативных, но и сложнейших исторических этапов в подготовке кадров является период генезиса и эволюции органов внутренних дел Советского государства, осмысление которого способно создать оптимальные предложения по совершенствованию профессиональной подготовки полицейских кадров.

Так, М. А. Кожевина отмечает: «В момент возникновения Советского государства милиция формировалась на основе представлений о необходимости всеобщего вооружения народа...и уже с мая 1918 года существовала в качестве элемента государственной системы, имея постоянный штат и исполняя специальные функции. Именно с этого времени начинает складываться опыт кадровой политики НКВД РСФСР»[3, с. 3].

Создание милиции нового советского государства обусловило необходимость ее кадрового обеспечения и создания учебных заведений по

подготовке кадров милиции. Уже во втором полугодии 1918 г. начинается процесс создания школ и курсов подготовки сотрудников милиции.

Проходивший 6-9 сентября 1918 в Петрограде I съезд заведующих наружной охраной города Петрограда, губерний и городов Союза коммун Северной области принял постановление о создании Школы дружинников наружной охраны, а уже в мае 1919 г. начали работу курсы женской милиции.

В начале 1921 г. перед Главным управлением милиции Республики была поставлена задача разработать программу занятий с работниками и снабдить пособиями и материалами, в коих ощущается острый недостаток. В целях единообразного плана занятий на местах и для поднятия служебно-строевой подготовки милиции отделение служебной подготовки милиции разработало 2 плана занятий.

Составление двух программ обуславливалось тем обстоятельством, что в рядах милиции находились, как проходившие ранее службу, так и не проходившие как таковую. Для милиционеров, проходивших службу, была выработана программа шестинедельного обучения, а для не проходивших вовсе – шестинедельного обучения. Программы объявлялись в приказе милиции республики № 500, и являлись вполне исчерпывающими в смысле «преподания милиционеру тех знаний, каковые требуются от него для предъявления к нему, как к командиру взвода...являются пока что фундаментом для дальнейших дополнительных и расширенных программ» [1, Оп. 1. Д. 330 б. Л. 3].

В целях консолидации сведений о подготовленности личного состава милиции был разработан специальный журнал занятий с милиционерами, на основании которого управлением милиции составлялись общие сводки, которые направлялись в Главное управление милиции Республики. Так, общая сводка об организации курсов младшего комсостава милиции 1921 г. содержала сведения о количестве открытых курсов – 29; предполагалось открыть к 01.01.1922 г. – 18; - окончивших 4 курсов – 357 человек; - обучавшихся на 27 курсах – 2473 человек[1, Оп. 1. Д. 330 б. Л. 3об].

Отмечалась недостаточная не только профессиональная, но даже общеобразовательная подготовка сотрудников. В целом, деятельность органов милиции признавалась неудовлетворительной. Главной причиной этого, отмечает М. М. Степанов, стал острый некомплект кадров, который пытались восполнить путем приема на службу в милицию всех желающих, в том числе и не обладавших необходимым образовательным уровнем и профессиональными навыками[4, С. 101].

Количество курсов и проходящих их курсантов признавалось явно недостаточным. Основными характеристиками милиции по состоянию на 1921 год являлись – текучесть состава, расхлябанность, низкий [так в тексте – прим. авт.] уровень подготовленности и отсутствие законоположений, как в отношении первых сторон, так и регламентирующих службы милиции[1, Оп. 1. Д. 330 б. Л. 9].

В этой связи в план НКВД на 1921 г. было заложено создание школьной сети милиции, в целях «установления твердого режима в милиции, соответствующего условиям времени». Указанным планом предусматривались следующие меры:

1. младший комсостав милиции пропускать через соответствующие повторительные школы для младшего комсостава милиции. Этой мерой будет достигнуто повышение знаний в чисто милицейской службе комсостава, при условии прохождения курса повторительных школ, дифференцирования узких предметов по милицейской службе с выделением их в особую группу, и с соподчинением курса знаний строевой службы первому;
2. разработать дополнительные и расширенные программы, удовлетворяющие требованиям в условиях мирной обстановки работ милиции[1, Оп. 1. Д. 330 б. Л. 10].

Уже к концу 1921 г. были разработаны новые программы предметов общеобразовательной группы командных курсов милиции. В программу входило изучение следующих предметов: русский язык – 100 часов; арифметика и введение в элементарную математику – 120 часов; естествознание и физика – 100 часов; география – 50 часов; русская история – 25 часов; Конституция РСФСР и строительство советской власти – 50 час; обществознание – 100 часов. Весь курс общеобразовательных предметов составлял - 545 часов[1, Оп. 31. Д. 328. Л. 86об]. Так же, как отмечает В.М. Исаков, «введенные в то время программы подготовки, наряду со специальными направлениями, предусматривали военную подготовку и взаимодействие с органами власти» [2, С. 98].

Проанализировав разработанные программы подготовки кадров милиции, статистические данные о штатной численности и положенности органов милиции Школьно-курсовая секция Комиссии по выработке устава, наставлений, руководств, и школьно-курсового дела милиции в Протоколе заседания Комиссии № 3 от 29 ноября 1921 г. приняла ряд решений, а именно:

1. Срок обучения в резервах учебных милицейских школах-курсах младшего комсостава и на курсах высшего комсостава установить от 6 до 8 недель.
2. Курс обучения в милицейских учебных школах установить от 6 до 9 месяцев.
3. Курс обучения в школах младшего комсостава установить от 8 до 10 месяцев. После пропуска всего младшего комсостава курс расширить от 2 до 3 лет.
4. На курсах высшего комсостава срок обучения установить в 12 месяцев, и после пропуска всего высшего комсостава срок обучения установить в 12 месяцев и после пропуска всего комсостава расширить от 3 до 4 лет[1, Оп. 31. Д. 328. Л. 139].

А уже в следующем заседании Комиссии от 5 декабря предписывалось открыть в Петрограде, Москве, Саратове, Ростове-на-Дону, Перми, Томске Окружные милицейские школы, а так же установить численность переменного состава: в учебных школах милиционеров – 60 чел; в окружных милицейских школах – 120-150 чел; на высших милицейских курсах – 200 чел.

Распределить: комсоставу: - 55 %; угрозыску – 25%; политсекретариату – 15%; отделу снабжения – 5%.

Численность окружных милицейских школ в Москве и Петрограде установить в 120 чел.[1, Оп. 31. Д. 328. Л. 140].

Курсы высшего командного состава милиции республики создавались с целью дать возможность нижнему командному составу милиции, выказавшему способность к службе, получить подготовку к назначению на высшие командные должности в милиции. На курсы принимался низший комсостав, аттестованный на повышение, окончивший школу 1 ступени, служившие в Красной Армии. Учебный год устанавливался с 15 сентября по 15 августа. Переменный состав курсов составлял 1 батальон (300 курсантов), 3 роты, объединяющие учебные отделения по 30 чел.[1, Оп. 31. Д. 328. Л. 145]. Успешно окончившие курсы получали соответствующие аттестаты по особой форме. Курсанты располагались казарменным порядком и довольствовались с общего котла, а так же получали денежное довольствие в размере денежного довольствия начальника отделения милиции. Постоянный состав курсов на 300 человек курсантов составлял 175 чел., а так же укомплектовывался 2 легковыми автомобилями, 1 грузовым, 3 экипажами, 3 парными повозками, 3 экипажами, 3 пехотными кухнями, 37 лошадьми[1, Оп. 31. Д. 328. Л. 146 об].

Представляется, что указанная штатная численность постоянного, да и переменного состава курсов не всегда могла быть выдержана в требуемом объеме. В условиях послевоенного времени было весьма сложно не только укомплектовать штаты курсов, но и направить на обучение достаточное количество курсантов. Так, переписка с начальником милиции водных областей о школах и курсах по подготовке кадров милиции содержит телефонограмму начальника штаба войск ВЧК республики 28 марта 1921 г., в которой ВРИО начальника войск ВЧК Сибири докладывает: «приказа к высылке на Петроградские курсы комсостава милиционеров выполнить не в состоянии согласно требованиям телеграммы. Постельных принадлежностей нет своих, есть только возможность направить в том обмундировании, которое есть в наличии» [1, Оп. 23. Д. 218. Л. 115].

Таким образом, несмотря на трудности материального снабжения и комплектования курсов подготовки милиционеров постоянным и переменным составом, эти учебные заведения успешно функционировали. Уже к 1 января 1922 г. в стране было организовано: 46 милицейских школ, с 1921 г. был произведен 51 выпуск курсантов, выпущено - 2553 слушателя[1, Оп. 1. Д. 330 б. Л.39]. По состоянию на 5 июня 1922 г. при Управлении милиции функционировало 43 школы осуществивших 77 выпусков, общее количество курсантов выпусков составило 3612 человека, на текущих курсах обучалось 1438 чел. [1, Оп. 23. Д. 218. Л. 187].

В начале 1920-х гг. происходит процесс становления и развития системы профессиональной подготовки кадров милиции, создаются первые милицейские школы и курсы по подготовке сотрудников, разрабатываются проекты планов по созданию системы централизованного профессионального образования кадров милиции.

Библиография:

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Фонд 393. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (НКВД РСФСР). 1917-1930 .
2. Исаков, В. М. Ускоренная профессиональная подготовка полицейских кадров в условиях противодействия современным вызовам: исторический опыт // Вестник Московского университета МВД России. 2023. - № 5. – С. 98-102.
3. Кожевина, М. А. Милицейское образование в советской России: организация и правовое регулирование (1918-1991 гг.) / М. А. Кожевина. Автореф. Дисс ... докт. юрид. наук. Москва. - 2005. – 55 с.
4. Степанов, М. М. Особенности милицейского образования в России в годы гражданской войны (1918 - 1920 гг.) / М. М. Степанов // Ленинградский юридический журнал. – 2011. – № 1(23). – С. 101-108.

References:

1. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Foundation 393. People's Commissariat of Internal Affairs of the RSFSR (NKVD of the RSFSR). 1917-1930 .
2. Isakov, V. M. Accelerated professional training of police personnel in countering modern challenges: historical experience // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. - No. 5. – pp. 98-102.
3. Kozhevina, M. A. Militia education in Soviet Russia: organization and legal regulation (1918-1991) / M. A. Kozhevina. The author's abstract. Diss... doct. Jurid. sciences'. Moscow. - 2005. – 55 p.
4. Stepanov, M. M. Features of police education in Russia during the Civil War (1918 - 1920) / M. M. Stepanov // Leningrad Law Journal. – 2011. – № 1(23). – Pp. 101-108.

ПРОЕКТ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ УСТАВНОЙ ГРАМОТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX В. The draft "State Charter of the Russian Empire" in the context of the development of constitutionalism in the first quarter of the XIX century

ХИМИЧ Татьяна Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент,
доцент кафедры «Теория права, гражданское право и гражданский процесс»
Юридического института Российского университета транспорта (МИИТ).
127994, Россия, г. Москва, ул. Образцова, 9.
E-mail: tanja04@inbox.ru;

Himich Tatyana Mikhailovna,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department "Theory of Law, Civil Law and Civil Procedure"
of the Law Institute of the Russian University of Transport (MIIT).
9 Obratsova str., Moscow, 127994, Russia.
E-mail: tanja04@inbox.ru

Краткая аннотация: Император Александр I в рамках своих либеральных преобразований хотел ввести конституцию на территорию Российской империи. В статье рассматривается проект документов «Краткое изложение основ» и «Государственная уставная грамота Российской империи», в которых предполагалось предоставить определенные права и свободы всей территории Российской империи. «Уставную грамоту» называют проектом первой российской конституции, однако император так и не решился ее провозгласить. Но несмотря на это, работа над составлением проекта, как и сам проект конституции является важным этапом в развитии идеи конституционализма в России.

Abstract: Emperor Alexander I, as part of his liberal reforms, wanted to introduce a constitution into the territory of the Russian Empire. The article examines the draft documents "Summary of the basics" and "State Charter of the Russian Empire", which were supposed to grant certain rights and freedoms to the entire territory of the Russian Empire. The "Charter" is called the draft of the first Russian constitution, but the emperor did not dare to proclaim it. But despite this, the work on drafting the draft, as well as the draft constitution itself, is an important stage in the development of the idea of constitutionalism in Russia.

Ключевые слова: либеральные преобразования императора Александра I, проект первой русской конституции, «Краткое изложение основ», «Государственная уставная грамота Российской империи».

Keywords: liberal transformations of Emperor Alexander I, draft of the first Russian constitution, "Summary of the basics", "State Charter of the Russian Empire".

Для цитирования: Химич Т.М. Проект «Государственной уставной грамоты Российской империи» в контексте развития конституционализма первой четверти XIX века // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 95-97. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_95.

For citation: Himich T.M. The draft "State Charter of the Russian Empire" in the context of the development of constitutionalism in the first quarter of the XIX century // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 95-97. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_95.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Император Александр I отрицал в правлении своего отца императора Павла I самоуправство, жесткость и деспотизм [3,4]. Поэтому после вступления на престол, в 1801 г. он проявил желание проводить либеральные реформы. Однако, суть их оказалась довольно противоречивой. В данной статье хотелось бы рассмотреть документ, который по своей сути должен был быть Конституцией, но который в итоге так и не был принят.

Прологом к разработке этого документа послужил Венский конгресс 1814 - 1815 гг. По его итогам, помимо прочего, Российской империи отошло Царство Польское. Император Александр I стал его королем. И по его инициативе Польша получила автономию и конституцию (1815). Это был первый в истории России конституционный акт. Конституция провозглашала неприкосновенность личности, свободу совести, исключительное право полякам на занятие государственных и военных должностей, польский язык объявляла государственным. Кроме того, предоставлялась свобода перемещения, равенства всех перед судом, представительство в парламенте и проч. Для реалий Российской империи начала XIX века предоставление таких широких прав и свобод части империи было немыслимо.

Александр I поручил своему верному соратнику князю Николаю Николаевичу Новосильцеву (1761 - 1838) составить подобный проект для всей Российской империи. Николай Николаевич — это государственный деятель большого масштаба. Об был активным членом Негласного комитета (1801—1803), занимал должность президента Петербургской академии наук (1803—1810), действительного камергера (1801), сенатора (1806), действительного советника (1824), председателя Комитета министров (1834—1838) и председателя Государственного совета (1834—1838).

Идеи проекта принадлежали Новосильцеву, их развитие и воплощение – юристу Петру Ивановичу Пешару-Дешану, перевод документов на русский язык – Пётру Андреевичу Вяземскому [2].

Петр Иванович Пешар-Дешан получил практический опыт по составлению конституционных проектов во Франции. С 1799 г. был ближайшим помощником Новосильцева и последующие 20 лет принимал активное участие в составлении законов.

15 марта 1818 года Александр I произнес свою речь на первом сейме Царства Польского, в которой фактически сообщил о своем желании ввести конституцию на территорию всей Российской империи, дав ей те права и свободы, которые были прописаны в конституции Царства Польского.

Но эта речь встретила неоднозначную реакцию со стороны приближенных императора. Произнесенная речь императора имеет важное значение, так как общество в официальном порядке услышало желание императора проводить конституционные преобразования в России. И с этого времени началась активная работа по составлению документа.

Окружение императора относилось к планам императора дать политические свободы неоднозначно. Верили в них лишь самый близкий круг лиц, который был непосредственно вовлечён в составление документа. В частности Александр Иванович Михайловский-Данилевский, сопровождавший императора на польский сейм, писал, что «без сомнения весьма любопытно слышать подобные слова из уст самодержца, но надобно будет видеть, думал я, приведут ли предположения сии в действия» [5. С. 92]. Русский генерал Алексей Петрович Ермолов по поводу этого оставил следующую запись: «Я очень верю, что при моей жизни не последует никакой перемены, то есть государь при жизни своей оной не пожелает». Граф Арсений Андреевич Закревский писал графу Павлу Дмитриевичу Киселеву, что речь государя, сказанная на сейме, прекрасна, но последствия для России могут быть ужасные [2. С. 21].

Работа над проектом конституции носила строжайше секретный характер, информация о ней стала известна определенному кругу лиц. Например, прусский консул Шмидт писал в Берлин о том, что император в очередной раз был ознакомлен с текстом проекта, внес свои поправки. И даже предполагал, что в течении двух месяцев это великое дело должно быть решено окончательно. Несомненно, что подобную информацию с такими подробностями прусский консул добыл неофициальным путём.

Продолжая работу над основным текстом конституции, император утвердил «Краткое изложение основ», которые были, согласуясь с названием документа, основами будущей конституции. Документ имел семь глав и был составлен на французском языке.

В главе, посвященной формированию правительства, императору предоставлялась исполнительная власть, он был верховным главой церкви и государства. Указывались функции императора: он должен располагать военными силами, объявлять войну, заключать мир и договоры, назначать на должности в империи и проч.

В главе, посвященной законодательной власти, с одной стороны нет прямого упоминания о прерогативах императора, с другой - указывалось, что «верховная власть неотделима и принадлежит персоне монарха». Эта формулировка позволяла достаточно широко толковать сферу ведения императора, если на то была необходимость. Например, за императором сохранялось право на помилования. Это ставило его над всей судебной системой, против этого еще в 1809 г. выступал Сперанский. Право определять исходный бюджет единолично принадлежал императору, утверждать его должен был парламент (сейм). При выборах в парламенты за императором закреплялось право окончательного отбора депутатов из избранных кандидатов.

В главе о законодательной власти не указывалось за кем было право законодательной инициативы. В ней лишь предлагалась иерархия законодательных актов:

1. Законы, то есть законные постановления, основанные на незыблемых принципах;
2. Положения, уставы и регламенты о порядке и управления государством;
3. Указы, декреты, распоряжения и предписания по частным делам и случайных вопросам.

В документе появлялся представительный орган - сейм (общероссийский парламент), который состоял из двух палат: верхняя – Сенат (сенаторы назначаются царем) и нижняя – палаты депутатов, которые избирались. Был заложен принцип федеративного устройства государства, по которому Россия делилась на десять наместничеств. Наместничества состояли из губерний, губернии из уездов, уезды из округов.

В каждом наместничестве создавался свой местный сейм, который решал актуальные вопросы местного значения. Право быть избранными в сеймы получали: дворяне; землевладельцы-не дворяне; купцы первых двух гильдий; хозяева мастерских и представители науки.

«Краткое изложение основ» объявлял о несменяемости судей, утверждались апелляциянные суды в каждом наместничестве и «верховный суд для всей империи».

Интересна новая модель управления империей, которую предложили разработчики документа. Государственному совету отводилась роль высшего административного органа. В его состав входили министры и те, кого пожелает включить сам император. Все важные дела империи предлагалось решать там. В наместничествах также предлагалось создать правительственные кабинеты с аналогичными функциями, но местного значения. Посредниками или связующим звеном, между Государственным советом и правительственными кабинетами должны были выступить государственные секретари.

Таким образом в «Краткое изложение основ» очевидно прослеживаются прогрессивные явления: разделение властей на законодательную, судебную и исполнительную, их независимость, народное представительство, равенство всех перед законом и проч. Но император, тем не менее, продолжал оказывать свое влияние во все сферы управления страны.

В 1820 г. полный проект конституции «Государственная уставная грамота Российской империи» был готов. Он был составлен на русском и французском языках. «Уставная грамота» конкретизирует функции наместнического сейма - оказывать содействие императору в реализации им законодательной власти. Ряд исследователей полагают, что важной задачей сейма в этом вопросе было стремление ограничить возможность принятия закона единолично императором. В ст. 115 об этом говорится прямо, что общий государственный сейм через Государственный совет рассматривает

проекты всех законов. Право законодательной инициативы было у императора, но у сейма было право их обсуждать (ст. 103). Местные сеймы (ст.103) рассматривают те законы, которые им предложит к рассмотрению император. Согласно ст. 132 сейм имел право большинством голосов либо одобрить законопроект или его отвергнуть. В свою очередь император, согласно ст.135 имел право отклонить закон, утвержденный сеймом. В таком случае закон уничтожался. Без одобрения сейма император имел право издавать только «уставы, учреждения, указы, рескрипты и постановления», которые принимались в случае необходимости для решения различных государственных и частных вопросов.

Кроме этого, у парламента была еще одна важная задача - изучить, обсудить и принять государственный бюджет. Это позволило бы свести к минимуму возможность верховной власти бесконтрольно распоряжаться бюджетом страны. Но другие вопросы могли рассматриваться только в случае, если император сам пожелает внести их на рассмотрение в парламент. Фактически получается, что парламенту отводилась законосовещательная роль, а вовсе не законодательная.

Главой исполнительной власти по конституции провозглашался монарх. Органами центральной исполнительной власти были Государственный совет, и министерства. Государственный совет состоял из Правительственного совета (или Комитета министров) и Общего собрания совета.

Правительственный совет формировался из министров и лиц, которые хотел видеть государь. Общее собрание Государственного совета должно было рассматривать законопроекты, отчеты министерств и проч.

Однако по окончании работы над текстом «Уставной грамоты» планы императора, видимо изменились. От отказался от своей идеи конституционных преобразований. Причины такого резкого поворота доподлинно неизвестны. Возможно, окружавшие его дворяне активно сопротивлялись столь крутым переменам, понимая, что последуют и другие, которые могут нарушить их статус и финансовое благополучие. Так как отчетливо стали говорить, что вслед за принятием «Уставной грамоты» последует отмена крепостного права, а к этому дворянство не было готово.

Вопрос о том, последовало бы конституционное переустройство страны в случае вступления в действие «Уставной грамоты» продолжает оставаться предметом дискуссий. Например, Предтеченский А.В. считает, что Грамота не повлияла бы на конституционные преобразования в стране. В свою очередь, Минаева Н.В. и Мироненко не отрицают конституционного характера Грамоты, но отмечают ее ограниченность [1. С. 196]. «Уставная грамота», продолжает Мироненко, это яркий образец попытки соединить самодержавие с конституционной системой. Но, очевидно, что работа над проектом конституции императора Александра I является важным опытом в дальнейшем развитии государственных преобразований в Российской империи.

Библиография:

1. Минаева Н.В. Правительственный конституционализм и первое общественное мнение России в начале XIX в. Саратов, 1982
2. Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М. 1990
3. Российские самодержцы (1801 - 1917) / Отв. ред. А.П. Корелин. – 2-е изд. – М.: Междунар. отношения, 1994.
4. Судьбы реформ и реформатора в России: Учебное пособие. – М.: Изд-во РАГС, 1999.
5. Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. В 4-ех т., Т.4. СПб., 1898.

References:

1. Minaeva N.V. Governmental constitutionalism and the first public opinion of Russia at the beginning of the XIX century. Saratov, 1982
2. Mironenko S.V. Pages of the secret history of autocracy. M. 1990
3. The Russian autocrats (1801-1917) / Ed. by A.P. Korelin. – 2nd ed. – M.: International. relations, 1994.
4. The fate of reforms and the reformer in Russia: A textbook. – M.: Publishing House of RAGS, 1999.
5. Schilder N.K. Emperor Alexander the First. His life and reign. In 4 volumes, vol. 4. St. Petersburg, 1898.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_98

УДК 242.7

СИСТЕМА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПУБЛИЧНОГО УПРАВЛЕНИЯ: ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ THE SYSTEM OF STATE PUBLIC ADMINISTRATION: QUESTIONS OF THEORY AND PRACTICE

ШИТОВА Татьяна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, Юридический институт
ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет».
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.
E-mail: tgp_kafedra@mail.ru;

SHITOVA Tatyana Viktorovna,

Candidate of Law, Associate Professor, Law Institute
Krasnoyarsk State Agrarian University.
Mira ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.
E-mail: tgp_kafedra@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, посвященные эффективности государственного публичного управления в современной России. Автор исследования считает, что одним из ключевых направлений в повышении эффективности государственного управления России является формирование институтов публичного управления и самостоятельного функционирующего гражданского общества.

Abstract: The article discusses issues related to the effectiveness of public administration in modern Russia. The author of the study believes that one of the key directions in improving the efficiency of public administration in Russia is the formation of public administration institutions and an independent functioning civil society.

Ключевые слова: государственное управление, гражданское общество, государственный механизм, публичные образования, эффективность, органы государственной и муниципальной власти.

Keywords: public administration, civil society, state mechanism, public entities, efficiency, state and municipal authorities.

Для цитирования: Шитова Т.В. Система государственного публичного управления: вопросы теории и практики // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 98-100. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_98.

For citation: Shitova T.V. The system of state public administration: questions of theory and practice // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 98-100. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_98.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2024

Представляется, что любые направления качественных и количественных изменений в сфере управленческих отношений требуют правовой регламентации и сопровождения со стороны комплекса правовых средств. [1]. Под государственным управлением понимаются деятельность уполномоченных субъектов, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологиях), с помощью которых удовлетворяются интересы населения, обеспечивается достижение социально полезных целей. Стоит отметить, что эффективность в деятельности государственного управления устанавливается в прямой взаимосвязи с правовыми средствами. Правовые средства могут быть сложными, комбинированными, простыми; отраслевыми и межотраслевыми; основными и дополнительными и пр.

Такие сложные правовые средства как правотворчество, толкование права, правоприменение, в т.ч. комплексные элементы механизма правового регулирования, подвержены соответствующему изменению, в основу которых положены объективные и субъективные факторы. Объективными основаниями служат: научно-технический прогресс, инновации в организационно-правовой и информационной сфере, усложнение социальной структуры общества, внешние военно-экономические угрозы и пр. К числу субъективных допустимо относить: возникновение новых интересов и инициатив со стороны общества, модернизация демократических форм деятельности, возникновение новых элементов законодательства и др.

В современной российской действительности следует обратить внимание на следующие перспективные формы государственного управления:

1. Системное взаимодействие органов государства и общественных структур. Это деятельность Общественной палаты Российской Федерации, а также палат (ассамблей, советов) на региональном уровне, общественных советов при органах государственной власти и органах местного самоуправления [2]. Кроме того, сегодня можно наблюдать примеры принятия нормативных актов государственным органом совместно с негосударственной организацией – так называемое сорегулирование, выступающее формой реализации взаимных интересов законодателя и общественных организаций [3]. Эти и другие формы деятельности общественных структур выступают локомотивом в механизме комплексного диалога общества и государства.

2. Формирование кадровых резервов и подготовка управленцев на федеральном уровне. Например, в России с 2017 года в рамках проекта «Россия – страна возможностей» положен старт конкурсу управленцев «Лидеры России». В рамках ежегодно проводимых конкурсов отбираются победители – будущие управленцы. Такая форма организационно-правовой деятельности предоставляет возможность реализации

правовых средств со стороны подготовленных к управленческой работе специалистов.

3. Отчеты государственных органов за результаты своей деятельности, т.ч. в рамках парламентского контроля (ежегодный отчет Правительства РФ перед Государственной Думой РФ, участие парламента в формировании Правительства РФ и пр.). Важно заметить, что в такой деятельности принимают участие внепарламентские партии, Общественная палата РФ и другие центральные общественные структуры.

4. Системное взаимодействие Президента РФ с институтами политической системы общества: бизнес-сообществом, средствами массовой информации, общественными объединениями, религиозными организациями, политическими партиями, студенчеством. Формами такого взаимодействия выступают: брифинги, круглые столы, непосредственные встречи с гражданами и др.

5. Формирование системы управленческого курирования территорий государства со стороны государственных и центральных общественных структур. Так, со стороны Правительства РФ и федеральных министерств реализуется деятельность, связанная с мониторингом экологической, социальной, производственной обстановки в регионах. Приобретает актуальность работа Общероссийского народного фронта, профессиональных организаций, союзов и ассоциаций, связанных с выявлением проблемных участков на региональном и муниципальном уровнях и формированием предложений, направленных на их устранение.

6. Принятие и реализация целеполагающих правовых актов, также правовое регулирование основных направлений совершенствования права и государства. Это принятие и действие стратегий, планов, доктрин в конкретных сферах государственного управления [5]. В общей сложности на сегодняшний день в правовом пространстве действует порядка тридцати подобных стратегических документов.

7. Формирование и действие комплекса правовых мер и управленческих действий, составляющих основной алгоритм противодействия коррупции. Такими средствами выступают: декларирование доходов должностных лиц, устранение конфликта интересов в государственном управлении, общественный контроль, создание конкурсных комиссий, переподготовка государственных служащих, рейтинговая оценка работы органов власти, введение административных регламентов и др. В специальной литературе предлагаются отраслевые (уголовно-процессуальные, криминологические) средства профилактики коррупции и ее минимизации [5]. Подобное разнообразие правовых средств и существенная юридическая практика представляется достаточной для дальнейшей правотворческой и научно-исследовательской работы в части использования междисциплинарных, межведомственных и общественных ресурсов, направленных на совершенствование антикоррупционного механизма.

В итоге, система государственного управления, которая сегодня активно формируется, существенным образом влияет на эффективное функционирование государственного механизма. Полагаем, что активная роль по эффективной деятельности государственного механизма возлагается на следующих субъектов, участвующих в государственной и общественной жизни:

1 группа – это государственные структуры (Президент РФ, Правительство РФ, Федеральное Собрание РФ, органы субъектов РФ, государственные организации и учреждения). В условиях гармонизации национального права и внешних вызовов государственный механизм меняет отдельные свойства, систему своего функционирования и технологию решения публичных задач и функций. Эти обстоятельства влияют на оперативность и направленность деятельности государственных органов и учреждений.

2 группа – негосударственные структуры: а) субъекты общественного контроля: Общественная палата РФ, Общественные палаты (советы) субъектов РФ, общественные эксперты и инспекторы; научное и профессиональное сообщество; молодежные движения (парламенты, правительства, избирательные комиссии); сообщества национальных меньшинств и др. Сегодня наблюдается определенная консолидация интересов и непосредственной работы данных общественных групп.

На основании вышеизложенного следует обозначить следующие выводы и предложения.

1. Современное состояние государственного механизма отражает качество его функционирования – легитимность, легальность, устойчивость, которые определяют центральные характеристики реализации публичных задач и функций. Деятельность государственных органов и учреждений показывает правовые и организационные возможности, а также потенциал (ресурсы) данной организационно-управленческой системы, которые находятся в пропорциональной зависимости от эффективности государственного механизма.

2. Эффективность как социально-правовое качество любой системы выступает институтом, который основывается на правовых, государственно-управленческих и общественных показателях реализации задач и функций данной системы. Эффективность государственного управления определяется рядом критериев и показателей. Среди них: достижение стратегических целей и задач в публичной сфере, создание условий для качественного оказания государственных услуг, устойчивость внутреннего управленческого комплекса [6]. Немаловажное значение имеет системность и вариативность участия в управленческих отношениях передовой и активной части российского общества.

3. В настоящее время в российской правовой системе формируется комплект стратегических правовых актов, рассчитанных на целевую реализацию публичных задач и функций (акты, направленные на формирование адекватного внешним угрозам уровня национальной безопасности, контролируемой модели правоохранительной политики). Указанные правовые положения продиктованы необходимостью создания устойчивой модели государственного управления, рассчитанной на долговременную реализацию в условиях внутренних и внешних угроз, вызовов. Стоит принять во внимание возможность консолидации основного нормативного массива, закрепляющего принципы, условия, правовые средства и технологию государственного

управления, как наиболее оптимальной формы систематизации законодательства в контексте учета всего масштаба социальных изменений [7].

4. Степень эффективной деятельности государственного механизма, находится в прямой зависимости от качества работы государственных органов, где особое место отводится функционированию органов внутренних дел. Пристального внимания заслуживает в деятельности органов внутренних дел организационно-правовой механизм и система их взаимодействия с институтами гражданского общества [8]. Так, уровень состояния правового коэффициента доверия граждан к деятельности правоохранительных органов приводит к достижению социальных благ, законных интересов людей и обеспечивает гарантии правового порядка, гармоничное развитие гражданского общества.

5. Только при реализации принципов законности, разделения властей, приоритета прав и свобод человека и гражданина может быть достигнута эффективная деятельность государственного механизма, а значит и правовое совершенство всего государства в целом. Кроме того, такие принципы как открытость, гласность и общественное присутствие в управленческих отношениях позволяют повысить эффективность, динамичность и оперативность функционирования органов государственной власти современной России [9].

6. В свою очередь повысить эффективность государственного механизма невозможно без действенного, активно функционирующего гражданского общества. Потребности гражданского общества обусловлены развитием естественных (неотчуждаемых) прав и свобод человека и гражданина, их популяризацией и информационно-идеологическим сопровождением [10]. Граждане формируют политико-правовую систему и участвуют в реализации её возможностей. В то же время без учёта обратного воздействия (активная личность – гражданское общество – правовое государство), государство неизбежно теряет перспективу стать сильным демократическим публичным образованием.

В итоге, стоит подчеркнуть, что проводимые в нашей стране административные реформы всегда ориентированы на конечную цель, которая выражается в реформировании государственного механизма современной России как адекватного государства с эффективным государственным аппаратом. Ключевыми для новой модели государственного управления должна стать ориентация работы всех звеньев государственного механизма и уровней власти на измеримый, прозрачный и понятный для общества результат работы и повсеместное внедрение новых форм и методов государственного и общественного контроля. Главным критерием оценки эффективности власти также выступает общественное мнение, мнение экспертного сообщества. Реформирование государственного механизма Российской Федерации может выступить приоритетным направлением государственной политики в сфере управления и укрепления основ гражданского общества.

Библиография:

1. Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 6 сентября 2022 г. // Российская газета. 2022. 7 сентября.
2. Фастович Г.Г., Литвинова В.С., Игнатенко В.А. Эффективная кадровая политика как один из критериев деятельности государственного механизма // Евразийский юридический журнал. 2020. № 10 (149). С. 81-82.
3. Землякова Е.В., Фастович Г.Г. К вопросу о применении информационных технологий в логистических системах// В сборнике: Логистика - евразийский мост. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. 2019. С. 121-123.
4. Фастович Г.Г., Кудашова И.В. Информационные технологии в системе повышения -правовой аспект // Право и политика. 2020. № 2. С. 18-22.
5. Тепляшин И.В. Участие институтов гражданского общества в реализации государственной политики в Арктической зоне Российской Федерации // Проблемы конституционно-правового регулирования статуса арктических территорий Российской Федерации: мат-лы круглого стола междунаро. науч.-практ. конф. «Енисейские политико-правовые чтения» (Красноярск, 21-22 сентября 2017 г.) / под ред. А.А. Кондрашева, О.В. Ронжиной, А.Б. Зенкиной; Краснояр. гос. аграр. ун-т. – Красноярск, 2017. – С. 46-48.
6. Фастович Г.Г., Шитова Т.В. К вопросу об эффективности единой системы публичной власти// Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2020. № 4 (18). С. 76-88.
7. Фастович Г.Г., Жикulina А.С., Рахвалова Н.А. Правовое регулирование отношений в области обработки персональных данных // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. № 4-3. С. 199-202.
8. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. ON THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF MODERN RUSSIA// В сборнике: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. III International Scientific Conference: AGRITECH-III-2020: Agribusiness, Environmental Engineering and Biotechnologies. Krasnoyarsk Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. 2020. С. 32010.
9. Fastovich G.G., Kapsargina S.A., Kudashova I.V. ON THE ISSUE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE ELECTRONIC DOCUMENT STUDY MANAGEMENT SYSTEM) // Евразийский юридический журнал. 2021. № 11 (162). С. 157-159.
10. Фастович Г.Г. Функционирование институтов гражданского общества как фактор повышения эффективности деятельности государственного механизма // Право и государство: теория и практика. 2016. № 7 (139). С. 51-55.

References:

1. Message of the President of the Russian Federation V.V. Putin to the Federal Assembly of the Russian Federation dated September 6, 2022 // Rossiyskaya Gazeta. 2022. September 7.
2. Fastovich G.G., Litvinova V.S., Ignatenko V.A. Effective personnel policy as one of the criteria for the activity of the state mechanism // Eurasian Law Journal. 2020. No. 10 (149). pp. 81-82.
3. Zemlyakova E.V., Fastovich G.G. On the issue of the application of information technologies in logistics systems// In the collection: Logistics - the Eurasian bridge. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. 2019. pp. 121-123.
4. Fastovich G.G., Kudashova I.V. Information technologies in the system of education - the legal aspect // Law and politics. 2020. No. 2. pp. 18-22.
5. Teplyashin I.V. Participation of civil society institutions in the implementation of state policy in the Arctic zone of the Russian Federation // Problems of constitutional and legal regulation of the status of the Arctic territories of the Russian Federation: materials of the international round table. scientific and practical conference "Yenisei Political and Legal readings" (Krasnoyarsk, September 21-22, 2017) / edited by A.A. Kondrashev, O.V. Ronzhina, A.B. Zenkina; Krasnoyarsk State Agrarian University. un-T. – Krasnoyarsk, 2017. – pp. 46-48.
6. Fastovich G.G., Shitova T.V. On the issue of the effectiveness of the unified system of public authority// Socio-economic and Humanitarian journal. 2020. No. 4 (18), pp. 76-88.
7. Fastovich G.G., Zhikulina A.S., Rakhvalova N.A. Legal regulation of relations in the field of personal data processing // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2019. No. 4-3. pp. 199-202.
8. Fastovich G.G., Kapsargina S.A. ON THE DEVELOPMENT OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN THE AGRO-INDUSTRIAL COMPLEX OF MODERN RUSSIA// In the collection: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. III International Scientific Conference: AGRITECH-III-2020: Agribusiness, Environmental Engineering and Biotechnologies. Krasnodar Science and Technology City Hall of the Russian Union of Scientific and Engineering Associations. 2020. p. 32010.
9. Fastovich G.G., Kapsargina S.A., Kudashova I.V. ON THE ISSUE OF INFORMATION TECHNOLOGIES IN MODERN RUSSIA (ON THE EXAMPLE OF THE ELECTRONIC DOCUMENT STUDY MANAGEMENT SYSTEM) // Eurasian Law Journal. 2021. No. 11 (162). pp. 157-159.
10. Fastovich G.G. Functioning of civil society institutions as a factor in increasing the effectiveness of the state mechanism // Law and the state: theory and practice. 2016. No. 7 (139). pp. 51-55.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ ЛИЧНОСТИ: ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ SOCIAL HUMAN RIGHTS: HISTORY OF THEIR DEVELOPMENT AND THEIR CURRENT STATE

САБИРОВА Лидия Леонидовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: LLSabirova@kpfu.ru;

АМИРОВА Римма Рашитовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и административного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет.
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: Rimma.Amirova@ksu.ru;

ГАРИФУЛЛИН Асхат Рамилович,

магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, 18.
E-mail: AskRGarifullin@stud.kpfu.ru;

Sabirova Lidiya Leonidovna,

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law,
Kazan (Volga region) Federal University.
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, st. Kremlevskaya, 18.
E-mail: LLSabirova@kpfu.ru;

Amirova Rimma Rashitovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law
Kazan (Volga region) Federal University.
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, st. Kremlevskaya, 18.
E-mail: Rimma.Amirova@ksu.ru;

Garifullin Askhat Ramilovich,

master's student, Kazan (Volga region) Federal University.
420008, Russia, Republic of Tatarstan, Kazan, st. Kremlevskaya, 18.
E-mail: AskRGarifullin@stud.kpfu.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются различные подходы к пониманию социальных прав и свобод личности. Изучается специфика становления и развития таких прав. Анализируются особенности реализации социальных прав и свобод на современном этапе общественного развития, что позволяет понять степень эффективности их обеспечения современными социально-правовыми государствами. Полученные знания способствуют выяснению актуальных проблем, возникающих в процессе осуществления социальных прав и определению необходимых для их преодоления направлений государственной политики в социальной сфере.

Abstract: The article examines different opinions on the understanding of social rights of the individual. The specifics of their formation and development are also studied. Studying the features of the implementation of modern social rights allows us to understand the degree of effectiveness of their provision by modern social and legal states. New knowledge makes it possible to clarify current problems that arise in the process of implementing social rights and find ways to solve them.

Ключевые слова: социальные права и свободы личности; социально-правовое государство; демократическое государство; история становления и развития социальных прав и свобод; государственная политика.

Keywords: social rights, social-legal state, democratic state, history of the development of social rights; state policy.

Для цитирования: Сабирова Л.Л., Амирова Р.Р., Гарифуллин А.Р. Социальные права и свободы личности: история формирования и современное состояние // Право и государство: теория и практика. 2024. №

For citation: Sabirova L.L., Amirova R.R., Garifullin A.R. Social human rights: history of their development and their current state // Law and state: theory and practice. 2024. №

Для цитирования: Сабирова Л.Л., Амирова Р.Р., Гарифуллин А.Р. Социальные права и свободы личности: история формирования и современное состояние // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 101-104. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_101.

For citation: Sabirova L.L., Amirova R.R., Garifullin A.R. Social human rights: history of their development and their current state // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 101-104. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_101.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

В настоящее время во всем мире непрерывно продолжается процесс развития современных демократий в качестве социально-правовых государств, являющихся своего рода партнерами в правоотношениях с другими участниками при осуществлении социальных функций и способных регламентировать все сферы общественной жизни, обеспечить защиту и реализацию публичных и частных интересов, а также гарантировать достой-

ный уровень жизни граждан благодаря наличию разветвленной системы правовых средств. Неотъемлемым элементом такой системы выступает комплекс развитого социального законодательства, включающего обширный перечень социальных прав и свобод личности. Наделение человека и гражданина самостоятельной группой имеющих свои особенности и содержание социальных прав и свобод, обеспечение возможностей для их должного закрепления, действительной реализации, гарантированности и защиты являются наиважнейшими условиями существования современного социально-правового государства.

В научной юридической литературе существует множество подходов к пониманию социальных прав и свобод личности. Н. В. Шакун полагает, что социальные права человека и гражданина, признаваемые и охраняемые государством, нацелены на социализацию каждой личности, обеспечение ее достойного существования и развития¹. М. В. Баглай полагает, что социальные права личности следует воспринимать в качестве своего рода стандарта, в стремлении к достижению которого должна осуществляться социальная политика государства². Схожего мнения придерживается К. Б. Бароцкая, отмечающая, что для обеспечения социальных прав и свобод человека недостаточно просто воздерживаться от вмешательства в данную сферу: их реализация предполагает активную роль государства³.

Таким образом, социальные права и свободы личности не только представляют собой равные по значимости гражданским и политическим правам и естественные по своей природе правовые притязания, они являются обязательствами социального государства, налагаемыми на публичные органы власти и требующими от государства активного участия в их реализации.

На основании вышеизложенного можно выделить следующие присущие социальным правам и свободам личности признаки:

1. Социальные права и свободы являются признанными в государстве законодательно установленными материальными благами;
2. Указанные права и свободы выступают законодательным выражением сложившихся в обществе и государстве представлений о справедливых социальных потребностях и притязаниях каждой личности;
3. Социальные права и свободы носят фундаментальный характер и служат социальным стандартом и ориентиром для законодателя;
4. Названные права и свободы являются самостоятельной группой прав человека и гражданина, определяющей содержание и характер обязанностей социального государства.

Необходимо отметить, что формирование политики государств, нацеленной на обеспечение личности определенным набором социальных прав и создание гарантий их защиты и реализации, началось относительно недавно. Тем не менее некоторые проявления такого направления государственной деятельности прослеживались в Европе XVIII века. Они были вызваны необходимостью преодоления протестных движений, возникших по причине распространения бедности, усиления социального неравенства, и обусловили появление новых направлений государственной политики, ориентированных в том числе на заботу о социально незащищенных категориях населения. Возникшая во время индустриализации XIX-XX веков необходимость создания системы законодательных норм, направленных на защиту прав работников заводов и фабрик, также свидетельствует о начавшем свое формирование в указанный период социальном направлении государственной деятельности⁴.

Представляется целесообразным рассмотреть особенности формирования социальных прав и свобод личности на примере их становления и развития в период существования Советского государства, ведь именно политика Советской власти оказала особое влияние на распространение идей о необходимости наделения личности определенным набором социальных прав и свобод.

Советская концепция прав человека характеризовалась явным приоритетом социально-экономических прав личности. Основой социальной политики Советского государства выступали идеи марксизма-ленинизма, содержание которых составляли тезисы о достижении всеобщего равенства, социальной справедливости, а также построении бесклассового общества. Такие идеи получили свое легальное закрепление в конституциях СССР, конституциях союзных республик, а также в постановлениях Всесоюзной коммунистической партии большевиков и Коммунистической партии Советского союза⁵.

Гарантии социальных прав личности в постреволюционный период впервые были предусмотрены положениями отдельных нормативных правовых актов. Среди них: Правительственное собрание от 01 ноября 1917 года «О социальном страховании», «Положение о социальном обеспечении трудящихся» от 31 октября 1918 года.

Широкий перечень социальных прав и свобод личности был закреплен в Конституциях советского периода. Так, Конституция РСФСР 1918 года закрепила необходимость создания условий для всестороннего и бесплатного образования рабочих и крестьян (п. 17, гл. 5).

Большое количество социальных прав и свобод личности было внедрено в советское законодательство в период проведения «новой экономической политики». Преобразования в значительной степени затронули сферу социально-трудовых правоотношений: были введены минимальные стандарты оплаты труда, а также внедрена сдельная система начисления заработной платы, позволившие повысить уровень производительности

¹ Шакун Н.В. Социальные права человека и гражданина в России и их конституционно-правовое обеспечение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2013. – С. 13.

² Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации. – М.: НОРМА, 2018. – С. 115.

³ Бароцкая К.Б. Конституционное право на социальное обеспечение в системе прав человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук. – Челябинск, 2006. – С. 140.

⁴ Доренко К.С. История возникновения социальной политики в современных государствах // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 3(20). – С. 47-50.

⁵ Социальная политика советского государства. – М.: Политиздат, 1985. – С. 114.

труда, работникам было предоставлено право на ежегодный оплачиваемый отпуск, установлен восьмичасовой рабочий день.

Индустриализация и коллективизация народного хозяйства 1930-х годов, развернутая после завершения «новой экономической политики», поставила перед руководством страны задачу улучшения условий жизни и повышения уровня социального обслуживания трудящихся граждан. «Без первичного школьного образования и медицинского обслуживания, без перехода к городскому образу жизни не мог сформироваться работник индустриального типа»¹. При этом необходимо отметить, что провозглашение социально-экономических прав и свобод граждан в качестве приоритетных имело в указанный период скорее декларативное и идеологическое значение и не приводило к их повсеместной и полноценной реализации.

Итогами социальной политики советской власти периода индустриализации и коллективизации стали: организация мер социальной поддержки трудящихся на случай их временной нетрудоспособности, создание гарантий реализации права советских граждан на получение бесплатной медицинской помощи, совершенствование системы пенсионного обеспечения на случай инвалидности и потери кормильца и другие.

Значительное развитие социальные права и свободы личности получили в Конституции СССР 1936 года, закреплявшей: право на материальное обеспечение по старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, права на труд и отдых, право на образование (ст. ст. 118-121). Особенности установленных в Конституции 1936 года социальных прав личности и существенное расширение социального законодательства привели преобразованию советской политики социального обеспечения в политику всеобщей социальной защиты и социальных гарантий.

Послевоенное время было охарактеризовано некоторыми особенностями социальной политики, осуществляемой советской властью. В первую очередь необходимо отметить, что уровень обеспечения социальных прав и свобод граждан вернулся к довоенным показателям только к началу второй половины XX века. Особенностью социальной политики в указанный период являлся тот факт, что война сформировала и распространила национальную идею о единстве советского народа, не разделенного на классы. Думается, что названная идея в определенной степени повлияла на расширение круга субъектов - обладателей определенного набора социальных прав и свобод, а также привела к увеличению объема социального обеспечения советских граждан.

Нововведением советской социальной политики послевоенного времени стало создание системы ее управления, которое осуществлялось Министерством социального обеспечения. Более того, была внедрена трехуровневая система финансового обеспечения социальной защиты, включающая: отчисления в сферу социального обеспечения за счет государственного бюджета, бюджетов республик и местных бюджетов, страховые взносы предприятий и дотации государства в область социального страхования, а также социальное обеспечение колхозников за счет дотаций и средств колхозов.

Следующим этапом развития социальных прав и свобод человека и гражданина стал период «хрущевской оттепели», который характеризовался проведением экономической политики, имеющей очевидную социальную направленность: существенно возросли оклады и размеры пенсий рабочих, служащих, колхозников. При этом возраст выхода на пенсию постепенно снижался. Изменения в социально-трудовой сфере заключались в сокращении времени рабочей недели, а также установлении шестичасового рабочего дня для несовершеннолетних².

Конституция СССР 1977 года дополнила перечень социальных прав личности правом на получение гражданами из государственного и общественного жилищного фонда жилища и жилой площади. Более того, в указанный период произошло существенное увеличение объема предоставляемых гражданам социальных гарантий с одновременным ростом пенсионных выплат, пособий по безработице и уходу за детьми, расширением системы социальных гарантий, которая распространила свое действие на жителей сельской местности, созданием комфортных условий труда, направленных на обеспечение безопасности и здоровья работников.

Таким образом, политика советской власти, характеризующаяся последовательным признанием и закреплением социальных прав и свобод личности, существенно повлияла на развитие идей о необходимости их повсеместного обеспечения и оказала определенное воздействие на «социализацию» западных государств.

Что касается распространения социальных прав и свобод личности на общемировом уровне, необходимо отметить, что их окончательное закрепление произошло после завершения Второй мировой войны в связи с повсеместным признанием социально-экономических прав человека «второго поколения». Комплекс социального законодательства современных государств включает обширный перечень прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. Наделение человека и гражданина определенными социальными правами и свободами позволяет государствам реализовывать свои социальные функции.

Так, содержащуюся в Конституции РФ самостоятельную группу социальных прав и свобод человека и гражданина можно классифицировать следующим образом:

1. Социально-культурные права и свободы, к которым относятся: право на образование, свобода преподавания, литературного, художественного, научного и других видов творчества, а также право на доступ к культурным ценностям и участие в культурной жизни. Эта группа прав направлена на духовное развитие граждан.
2. Социальные права, гарантирующие человеку достойный уровень жизни, к которым относятся: право на государственную под-

---

¹ Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы. – М.: Политиздат, 1989. – С. 300.

² Фарбер И.Е. Свобода и права человека в советском государстве. – Саратов.: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – С. 115-130.

держку материнства, детства и семьи, право на поддержку отцовства, инвалидов и пожилых граждан, право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, право малоимущих граждан на получение жилища.

3. Социальные права, гарантирующие нормальное физиологическое развитие личности: право на отдых, право на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии.

4. Социальные права, направленные на достижение социального партнерства в обществе: право на создание профсоюзов и общественных организаций, действующих в целях защиты социальных интересов членов этих организаций, а также право на индивидуальные и коллективные трудовые споры¹.

Каждое из названных социальных прав имеет особое значение для полноценного развития личности и общества в целом. Именно поэтому их провозглашение в качестве конституционных и установление гарантий их полноценной реализации и защиты отражает сущность Российской Федерации как социального государства.

Анализ современного состояния социальных прав и свобод личности позволяет обратить внимание на тот факт, что их успешная реализация становится возможной во многом благодаря адаптации их правового регулирования к вызовам современности, а также к активно происходящим процессам цифровизации. По мнению Т. Я. Хабриевой, в сфере правового регулирования возникают новые отношения, связанные реализацией прав человека в виртуальном пространстве, использованием цифровых баз данных, реализацией государственных функций и оказанием государственных и муниципальных услуг в электронной форме, а также с осуществлением действий, направленных на возникновение, изменение и прекращение правоотношений, реализацию прав и исполнение обязанностей в цифровом пространстве. Именно гармонизация законодательства, происходящая в эпоху симбиоза технологического и экономического укладов, позволяет достичь положительного эффекта в достижении интеграционных целей правового регулирования различных областей общественных отношений и отношений, складывающихся по поводу внедрения цифровых технологий².

В то же время проблемы, возникающие в связи с активной цифровой трансформацией социальных прав личности и связанные с разным уровнем доступа граждан к цифровым технологиям, переносом дискриминационных проявлений в виртуальную среду, увеличением нагрузки на работников социальной сферы, отсутствием доверия населения к новым сервисам, требуют от государств поиска грамотного подхода к системному решению таких проблем, организации комплексного взаимодействия публичных органов власти, а также адекватной оценки возникающих рисков с учетом согласования публичных и частных интересов.

Таким образом, каждое из демократических государств прошло долгий путь развития для их современного обозначения в качестве правовых, а затем и социально-правовых. Только социальное государство способно в полной мере обеспечить существование и развитие элементов правового статуса личности и гарантировать полноценную реализацию человеком и гражданином своих прав и свобод. В свою очередь социальные права и свободы личности позволяют государству осуществлять социально ориентированную политику, ведь именно комплекс социальных прав личности устанавливает возможности для удовлетворения жизненных потребностей человека и гражданина, а также обеспечения его достойной жизни и свободного развития.

Библиография:

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник / М.В. Баглай – М.: НОРМА, 2018. – 768 с.
2. Бароцкая К.Б. Конституционное право на социальное обеспечение в системе прав человека и гражданина: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / К.Б. Бароцкая. – Челябинск, 2006. – 187 с.
3. Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе / Н.С. Бондарь. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1996. – 240 с.
4. Гордон Л.А., Клопов Э.В. Что это было? Размышление о предпосылках и итогах того, что случилось с нами в 30-40-е годы / Л.А. Гордон. – М.: Политиздат, 1989. – 319 с.
5. Доренко К.С. История возникновения социальной политики в современных государствах // Право и управление. XXI век. – 2011. – № 3(20). – С. 46-56.
6. Социальная политика советского государства. – М.: Политиздат, 1985. – 237 с.
7. Фарбер И.Е. Свобода и права человека в советском государстве / И.Е. Фарбер. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1974. – 190 с.
8. Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации / Т.Я. Хабриева. – СПб.: СПбГУП, 2019. – 36 с.
9. Шакун Н.В. Социальные права человека и гражданина в России и их конституционно-правовое обеспечение: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Н.В. Шакун. – М., 2013. – 215 с.

References:

1. Baglay M.V. Constitutional law of the Russian Federation: textbook / M.V. Baglay – M.: NORM, 2018. – 768 p.
2. Barotskaya K.B. Constitutional right to social security in the system of human and civil rights: dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.02 / K.B. Barotskaya. – Chelyabinsk, 2006. – 187 p.
3. Bondar N.S. Human rights and the Constitution of Russia: a difficult path to freedom / N.S. Cooper. – Rostov n/a: Publishing house Rost. University, 1996. – 240 p.
4. Gordon L.A., Klopov E.V. What was it? Reflections on the prerequisites and results of what happened to us in the 30s and 40s / L.A. Gordon. – M.: Politizdat, 1989. – 319 p.
5. Dorenko K.S. History of the emergence of social policy in modern states // Law and Management. XXI Century. – 2011. – No. 3(20). – P. 46-56.
6. Social policy of the Soviet state. – M.: Politizdat, 1985. – 237 p.
7. Farber I.E. Freedom and human rights in the Soviet state / I.E. Farber. – Saratov: Publishing house Sarat. University, 1974. – 190 p.
8. Khabrieva T.Ya. Law in the context of digitalization / T.Ya. Khabrieva. – St. Petersburg: SPbGUP, 2019. – 36 p.
9. Shakun N.V. Social rights of man and citizen in Russia and their constitutional and legal support: abstract of thesis. dis. ...cand. legal Sciences: 12.00.02 / N.V. Shakun. – M., 2013. – 215 p.

¹ Бондарь Н.С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. – Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1996. – С. 112.

² Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровизации. – СПб.: СПбГУП, 2019. – С. 8-9.

НЕРАВНОЦЕННОСТЬ СДЕЛКИ КАК ПРИЗНАК ЕЕ НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ THE UNEQUAL VALUE OF THE TRANSACTION AS A SIGN OF ITS INVALIDITY

БАКАЕВ Иван Андреевич,

аспирант НОЧУ ВО «Московский финансово-промышленный университет «Синергия».

помощник адвоката, адвокатское бюро г. Москвы «Прайм».

Ленинградский пр-т, 80, г. Москва, 125190, Россия.

E-mail: ivan.bakaev98@mail.ru;

Bakaev Ivan Andreevich,

postgraduate Non-state educational private institution of higher education "Moscow Financial-Industrial University "Synergy".

Moscow Law Office "Prime", assistant lawyer.

80 Leningradsky Ave., Moscow, 125190, Russia.

E-mail: ivan.bakaev98@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается проблема неравноценности сделки как одного из признаков ее недействительности. Автор анализирует законодательные акты и судебную практику, касающиеся вопросов, при которых неравноценное встречное исполнение обязательств стороной сделки может служить основанием для признания сделки недействительной. Особое внимание уделяется критериям оценки неравноценности и признакам неравноценного встречного исполнения. Данное исследование поможет читателю глубже понять ключевые аспекты недействительности сделок в правовой практике.

Abstract: The article deals with the problem of unequal value of a transaction as one of the signs of its invalidity. The author analyzes legislative acts and judicial practice concerning the issues in which unequal counter fulfillment of obligations by a party to a transaction may serve as a basis for recognizing the transaction invalid. Particular attention is paid to the criteria for assessing unequal fulfillment and signs of unequal counter-performance. This study will help the reader to better understand the key aspects of invalidity of transactions in legal practice.

Ключевые слова: оспаривание сделок, процедура несостоятельности (банкротства), неравноценное встречное исполнение, сделка, законодательные акты, судебная практика.

Keywords: contestation of transactions, insolvency (bankruptcy) procedure, unequal counter fulfillment, transaction, legislative acts, judicial practice.

Для цитирования: Бакаев И.А. Неравноценность сделки как признак её недействительности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 105-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_105.

For citation: Bakaev I.A. The unequal value of the transaction as a sign of its invalidity // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 105-106. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_105.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Федеральным законом от 28.04.2009 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» внесены изменения в Федеральный закон от 26.10.2002 г. № 127 «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), которые оказали существенное влияние на развитие процедур восстановления прав кредиторов и повышение эффективности оспаривания сделок должника в рамках процедуры несостоятельности (банкротства).

Более ранние редакции Закона о банкротстве не позволяли эффективно оспаривать сделки, имеющие противоправную цель - отчуждение имущества должником в преддверии банкротства. Рассматриваемые сделки оспаривались в основном как фиктивные (мнимые) или притворные, что в судебной практике не приносило должного положительного результата для кредиторов и арбитражных управляющих.

На сегодняшний день в Законе о банкротстве действует гл. III.1, содержащая указания на такое материально-правовое основание оспаривания подозрительных (ст. 61.2 Закона о банкротстве) сделок в деле о банкротстве, как неравноценность встречного исполнения (п. 1 ст. 61.2 Закона о банкротстве).

В соответствии с п.1 ст. 61.2 Закона о банкротстве, сделка, совершенная должником в течение одного года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления, может быть признана арбитражным судом недействительной при неравноценном встречном исполнении обязательств другой стороной сделки, в том числе в случае, если цена этой сделки и (или) иные условия существенно в худшую для должника сторону отличаются от цены и (или) иных условий, при которых в сравнимых обстоятельствах совершаются аналогичные сделки (подозрительная сделка).

Неравноценным встречным исполнением обязательств будет признаваться, в частности, любая передача имущества или иное исполнение обязательств, если рыночная стоимость переданного должником имущества или осуществленного им иного исполнения обязательств существенно превышает стоимость полученного встречного исполнения обязательств, определенную с учетом условий и обстоятельств такого встречного исполнения обязательств¹.

Проанализировав судебную практику, можно сделать вывод, что наиболее часто встречаются ситуации, при которых:

- должник передал имущество и получил плату по заниженной стоимости, однако рыночная стоимость имущества значительно выше;

¹ О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ [ред. от 29.05.2024, с изм. от 04.06.2024]: «СЗ РФ». 28.10.2002. № 43. ст. 4190.

- должник купил и оплатил в полном объеме имущество по завышенной стоимости, однако рыночная стоимость имущества значительно ниже;
- должник передал имущество по рыночной стоимости, однако получил от контрагента лишь частичную оплату.

При этом, по мнению Верховного суда Российской Федерации, чтобы определить неравноценность встречного исполнения, недостаточно учитывать только рыночные цены.

Помимо цены для определения признака неравноценности во внимание должны приниматься и все обстоятельства совершения сделки, то есть суд должен исследовать контекст отношений должника с контрагентом для того, чтобы вывод о подозрительности являлся вполне убедительным и обоснованным (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15.02.2019 № 305-ЭС18-8671 (2)¹).

Указанная позиция подтверждается многочисленной судебной практикой².

При сравнении условий сделки с аналогичными сделками следует учитывать как условия сделок, совершавшихся должником ранее, так и условия сделок, которые совершали иные участники гражданского оборота.

Кроме того, недействительной может быть также признана сделка, совершенная на формально рыночных условиях, однако при заключении которой должнику было достоверно известно об отсутствии у контрагента по сделке имущества для ее исполнения. При этом не требуется, чтобы сделка была исполнена всеми ее участниками. Для выявления неравноценности встречного исполнения достаточно условий договора³.

Однако, говоря о неравноценности, не стоит забывать, что указанное понятие является оценочным, в силу чего к нему не могут быть применены заранее установленные формальные (процентные) критерии отклонения цены.

Как указал Конституционный Суд Российской Федерации в постановлении от 03.02.2022 № 5-П, наличие в пункте 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве оценочных характеристик создает возможность эффективного ее применения к неограниченному числу конкретных правовых ситуаций⁴.

Следовательно, квалификация осуществленного предоставления как неравноценного определяется судом в каждом случае исходя из конкретных характеристик сделки и отчуждаемого имущества (его количества, ликвидности, периода экспозиции и т.п.).

Таким образом, для признания сделки недействительной по основаниям, указанным в пункте 1 статьи 61.2 Закона о банкротстве, лицу, требующему признания сделки недействительной, необходимо доказать, а суду установить следующие объективные факторы:

- сделка заключена в течение года до принятия заявления о признании банкротом или после принятия указанного заявления (данный срок является периодом подозрения, который устанавливается с целью обеспечения стабильности гражданского оборота);
- неравноценное встречное исполнение обязательств, при этом неравноценность должна иметься в нарушение интересов должника.

В случае недоказанности хотя бы одного из перечисленных обстоятельств суд отказывает в признании сделки недействительной по данному основанию (например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11.06.2024 № Ф05-10319/2024; от 10.06.2024 Ф05-13112/2023 по делу № А40-180847/2021; от 05.06.2024 № Ф05-12399/2021 по делу № А40-97979/2019).

Библиография:

1. О несостоятельности (банкротстве): Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ [ред. от 29.05.2024, с изм. от 04.06.2024]: «Собрание законодательства РФ». 28.10.2002. № 43, ст. 4190;
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28.04.2009 N 73-ФЗ [ред. от 29.07.2017]: «Собрание законодательства РФ», 04.05.2009, N 18 (1 ч.), ст. 2153.
3. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 [ред. от 30.07.2013]: «Вестник ВАС РФ», № 3, март, 2011;
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина»: Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.06.2024 г.);
5. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.05.2024 № 305-ЭС17-21643(3) по делу № А40-120633/2014: Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.06.2024 г.);
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.05.2022 по делу № 306-ЭС21-4742, по делу № А12-42/2019: Доступ из справочно-правовой системы «Консультант Плюс» (дата обращения: 28.06.2024 г.).

References:

1. On insolvency (bankruptcy): Federal law from 26.10.2002 № 127-FZ [ed. from 29.05.2024, with amendments from 04.06.2024]: «Collection of Legislation of the Russian Federation». 28.10.2002. № 43, art. 4190;
2. On Amending Certain Legislative Acts of the Russian Federation: Federal Law of Federal Law of 28.04.2009 № 73-FZ [ed. of 29.07.2017]: «Collection of Legislation of the Russian Federation», 04.05.2009, № 18 (1 part), Art. 2153.
3. On Some Issues Related to the Application of Chapter III.1 of the Federal Law «On Insolvency (Bankruptcy)»: Resolution of the Plenum of the HAC RF from 23.12.2010 № 63 [ed. from 30.07.2013]: «Herald of the HAC RF», № 3, March, 2011;
4. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation from 03.02.2022 № 5-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 1 of Article 61.2 and paragraph 11 of Article 189.40 of the Federal Law «On Insolvency (bankruptcy)» in connection with the complaint of citizen S.V. Kuzmin»: Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (date of circulation: 28.06.2024);
5. Definition of the Judicial Board for economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation from 08.05.2024 № 305-ES17-21643(3) in case № А40-120633/2014: Access from the reference and legal system «Consultant Plus» (date of address: 28.06.2024);
6. The Definition of the Judicial board on economic disputes of the Supreme Court of the Russian Federation from 05.05.2022 in the case of № 306-ES21-4742, on case № А12-42/2019: Access from the reference legal system «Consultant Plus» (date of address: 28.06.2024).

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 08.05.2024 № 305-ЭС17-21643(3) по делу № А40-120633/2014;

² См., например: Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 05.05.2022 по делу № 306-ЭС21-4742, по делу № А12-42/2019;

³ О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: Постановление Пленума ВАС РФ от 23.12.2010 № 63 [ред. от 30.07.2013]: «Вестник ВАС РФ», № 3, март, 2011;

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 03.02.2022 № 5-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 61.2 и пункта 11 статьи 189.40 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобой гражданина С.В. Кузьмина».

ПРИНЦИПЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ: ФИЛОСОФСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ Principles of administrative responsibility: philosophical, historical and theoretical-legal aspects

ЗАЙЦЕВ Игорь Алексеевич,

докторант Центра организационного обеспечения научной деятельности
ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации»,
кандидат юридических наук.

Российская Федерация, 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

E-mail: zi1978@mail.ru;

Zaitsev Igor Alekseevich,

doctoral Student of the Center for Organizational Support of Scientific Activities of Internal Affairs Bodies
of the Federal public establishment «National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation»,
candidate of Legal Sciences.

Russian Federation, 121069, Moscow, Povarskaya Str., 25, b. 1.

E-mail: zi1978@mail.ru

Краткая аннотация: Принимая во внимание сложившиеся в философии представления о принципах права, включающие в себя внешние (объективную составляющую) и внутренние (субъективную составляющую) факторы, автор предлагает в статье использовать в качестве научного инструментария исследования принципов административной ответственности объективно-субъективный (дуалистический) подход, позволяющий показать влияние на них, находящихся в постоянной динамике общественные отношения под которые старается «подстроиться» законодатель.

Abstract. Taking into account the established philosophical ideas about the principles of law, which include external (objective component) and internal (subjective component) factors, the author proposes in the article to use as a scientific tool for studying the principles of administrative responsibility an objective-subjective (dualistic) approach, which allows to show the influence on them of social relations that are in constant dynamics, to which the legislator tries to «adapt».

Ключевые слова: философские начала, принцип, принципы права, принципы административной ответственности, административное правонарушение, административная ответственность, производство по делу об административном правонарушении, принцип законности, презумпция невиновности, объективная истина.

Keywords: philosophical principles, principle, principles of law, principles of administrative responsibility, administrative offense, administrative responsibility, proceedings on administrative offense, principle of legality, presumption of innocence, objective truth.

Для цитирования: Зайцев И.А. Принципы административной ответственности: философские, исторические и теоретико-правовые аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 107-110. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_107.

For citation: Zaitsev I.A. Principles of administrative responsibility: philosophical, historical and theoretical-legal aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 107-110. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_107.

Статья поступила в редакцию: 10.07.2024

В исследовании принципов административной ответственности изначально, как и в принципах юридической ответственности и в целом принципов права, заложены философские начала восприятия окружающего мира через термин «принцип». Зародившийся в ранней античной философии он употреблялся в *субъективном смысле*, как основные положения, предпосылки, формирующие мышление или действия каждого индивидуума общества и в *объективном смысле* в виде исходного пункта, первоначальной основы бытия (огонь, вода, воздух, земля, цифра), сведя все процессы в мире к принципу.

С развитием философской мысли, когда уже всё природные явления и усложняющиеся общественные отношения объяснить только одними принципами не представлялось возможным, к ним стали относить основополагающие теоретические знания, не требующее доказательств, сформулированные в виде этической руководящей нормы, направляющей государственную волю в отношении отдельных граждан или в виде закона, обязательного для исполнения каждому.

Исходя из приведенных рассуждений, а также из анализа специальной литературы, исследуемый термин состоит из двух базовых элементов:

во-первых, обобщенный опыт и факты, по результатам которых формируются основные идеи, на которых в последующем выстраивается исходное положение какой-либо теории, позволявшей создать новое учение или направление науки, выступая в виде основного постулата этой науки, выражая в себе самые важные и «необходимые отношения», применимые к условиям реальной жизнедеятельности общества [3, с. 246];

во-вторых, внутреннее индивидуальное убеждение по отношению к окружающей действительности, формирующее объективное представление (взгляд) на вещи, нормы поведения или сферу какой-либо деятельности.

Следовательно, принципы права, с одной стороны, выступают основой для действующей правовой научной теории, наполняющей методологическую и нормативную установки в виде конкретных правил или постулатов и как центральный элемент этой системы, представляет собой

«обобщение и распространение какого-либо положения на все явления этой области, из которой принцип абстрагирован» (*объективная составляющая*) [3, с. 246], а с другой стороны, они формируют правовое сознание, образ мышления юриста-профессионала (*субъективная составляющая*) для надлежащего исполнения своего профессионального долга, воздавая каждому свое (*ius scriptum*) [9, с. 86].

На общетеоретическом уровне вполне доказано влияние на принципы российского права не только системы законодательного усмотрения, но и существующих и объективно изменяющихся общественных отношений [7, с. 76]. Такой взгляд вполне «вписывается» в философские размышления Д.А. Керимова о воздействии объективной стороны (внешних обстоятельств) общественного развития на формирующуюся субъективную сторону [9, с. 183].

Приведенные теоретико-правовые и философские доводы позволяют утверждать о присутствии в исследовании принципов административной ответственности объективно-субъективного (дуалистического) подхода, а их *теоретическое познание* во многом зависит от направлений научных исследований, научных школ ученых-административистов и устоявшихся традиций, и, конечно же, как и всякая динамическая правовая категория, они также подвержены корректировке по спирали исторических этапов изменений, происходящих в обществе.

Изложенное актуализирует научную потребность в рассмотрении историко-теоретических предпосылок создания и развития принципов, стоящих у истоков современного и будущего законодательства об административных правонарушениях.

Непосредственно исследуя историческую ретроспективу принципов административной ответственности А.С. Дугенец отмечает, что в «40-е годы XX века в административно-правовой науке указанные принципы не были объектами первоочередного интереса и не стали объектом необходимого научного исследования и должного внедрения в правоприменительную практику» [6, с. 76]. В качестве наглядного примера ученым-административистом приводится учебник административного права, вышедший в 1940 г., отмечая отсутствие в нем даже формального упоминания о принципах наложения административного принуждения.

Анализируя взгляды ученых-административистов советского периода то можно прийти к выводу, что сформулированные ещё в 1945-1949 г.г. С.С. Студеникиным фундаментальные принципы административной ответственности, представляемые в современной интерпретации, как наличие вины и состава административного правонарушения в действия правонарушителя, незнание закона не освобождает от ответственности, а также соблюдение требований законности, выражающейся в соблюдении процессуального порядка наложения административного наказания, в последующем дополнялись и конкретизировались.

В *семидесятые* годы прошлого века в качестве базовых принципов административной ответственности предлагалось относить экономичность и достижение истины, а определяя перспективы дальнейшего развития и совершенствования принципов административной ответственности, то они, по мнению О.М. Якуба, должны пойти по пути возложения обязанности доказывания виновности лица, привлекаемого к административной ответственности на субъекты административной юрисдикции, усиливая гарантии охраны прав граждан [11, с. 117-118]. В этот же исторический период развития административно-правовой науки И.А. Галаганом предлагается трехуровневая теоретическая модель, в основе которой положены базовые (основные) принципы административной ответственности (законность, виновность, индивидуализация, гуманизм и др.), процессуальные принципы (общейюрисдикционные), свойственные любому виду юридической ответственности, и непосредственно специфические принципы, присущие только для процессуальной составляющей административной ответственности по ведению производства по делам об административных правонарушениях [4, с. 144, 191].

Рассматривая представленную структуру принципов административной ответственности разделяем мнение А.С. Дугенца, определивший их в виде «универсальной и многоуровневой» системы, но в ближайшей перспективе требующей разделения «на две составляющие – материально-правовую и процессуально-правовую», включив в последнюю принципы второй и третьей групп [6, с. 81].

С первой кодификацией законодательства об административных правонарушениях (1984 г.) меняются теоретические представления о структуре принципов и, прежде всего, определяющих процессуальную составляющую института административной ответственности. Так, Д.Н. Бахрах, определяя в качестве важнейших принципов административной ответственности обеспечение законности, равенства граждан перед законом и оперативность, обращает внимание на целесообразность выстраивания структуры процессуальных принципов исходя из задач производства по делам об административных правонарушениях и Основного закона страны, выделяя в качестве ключевых два принципа – объективной истины и обеспечения права на защиту [1, с. 128].

Принцип объективной истины обязывает субъекта административной юрисдикции исследовать все обстоятельства дела об административном правонарушении «в том виде, в каком они существовали в действительности, и на этой основе исключить односторонний, предвзятый подход к выбору решения, а обеспечение права на защиту трактовалось как презумпция добропорядочности советских граждан или презумпция невиновности [1, с. 129].

На теоретическом уровне считалось, что принцип презумпция невиновности – это универсальный и всеобщий принцип производства по делам об административных правонарушениях. Как и сейчас он включал в себя невиновность лица, привлекаемого к административной ответственности, пока его вина не будет доказана (зафиксирована) стороной обвинения в установленном порядке. При этом предоставление доказательств своей невиновности является правом, а не обязанностью, а все имеющиеся неустранимые сомнения в виновности должны трактоваться в пользу защиты лица, привлекаемого к административной ответственности [1, с. 130].

Презумпция невиновности основывалась исключительно на вере граждан в добропорядочность и профессиональную компетенцию должностного лица, выносившего обоснованное решение по делу, и, следовательно, обеспечивал реализацию принципа «законности». В общем методологическом

смысле этот принцип рассматривался как измененная общесоциальная «презумпция добропорядочности», выступая тем стержнем, на котором выстраивалась государственная политика понимания гражданами социальной справедливости, гуманизма, «демократических традиций и убеждений» [1, с. 130].

Со второй кодификацией законодательства об административных правонарушениях (2002 г.), появились определенные положительные моменты по включению в материальную составляющую и процессуальную составляющую Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) пяти принципов (ст. ст. 1.4, 1.5, 1.6, 24.2 и 24.3 КоАП РФ).

Несмотря на то, что среди представителей классической (традиционной) школы ученых-административистов (Л.Л. Попов, А.П. Шергин, А.С. Дугенец и др.) на доктринальном уровне признается наличие только двух основных принципов административной ответственности (законность и индивидуализация), третья волна кодификации законодательства об административных правонарушениях (2019 г. по н.вр.) окончательно «поставила точку» и разделила материальные и процессуальные нормы в виде отдельных проектов кодексов, значительно увеличив общее количество, содержащихся в них принципов до четырнадцати. Из них пять размещены в проекте Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – проект КоАП РФ) и девять принципов в проекте Процессуального кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – проект ПКоАП РФ).

Анализ принципов административной ответственности, содержащихся в проектах кодексов, позволяет увидеть наличие в каждом из них одинаковых принципов (законность и презумпция невиновности), тексты которых существенно различаются по-своему нормативному наполнению и смысловой нагрузке.

Чем можно объяснить такое дублирование, неужели настолько разбалансированы материальные и процессуальные нормы административной ответственности, что создаются реальные угрозы обеспечения законности и реализации презумпции невиновности?

При ответе на этот вопрос следует учитывать разные предметы правового регулирования, присущие нормам материального и процессуального права, в основе которого положены регулятивные и охранительные функции права. Проведенные современные диссертационные исследования позволяют утверждать, «что в большей степени материальными будут именно регулятивные нормы и правоотношения», а «непосредственным предметом воздействия со стороны процессуального права» выступают охранительные функции, «требующие вмешательства в целях их защиты и охраны от различного рода нарушений или возникших иных препятствий в их реализации» [8, с. 12].

Выступая в роли правового регулятора общественных отношений, нормы материального права устанавливают границы и «фактические основания возникновения, изменения и прекращения» правоотношений, наделяя их участников соответствующими правами и обязанностями, закрепляя индивидуальные критерии субъектов юридической ответственности и совокупность мер юридического воздействия, применяемых к ним, а также допустимые законом «основания освобождения и исключения юридической ответственности» [8, с. 14].

Общетеоретические правовые позиции, позволяют понять и раскрыть содержание принципа законности (*материальной составляющей административной ответственности*), определяемого в виде предоставления исключительных привилегий проекту КоАП РФ и соответствующим региональным законам, выступающим в качестве единственных законных оснований привлечения к административной ответственности, устанавливая запрет на применение закона по аналогии (ст. 1.10 проекта КоАП РФ).

Такая интерпретация принципа законности требует дополнительного пояснения. По своей сути, речь должна идти о некоторой конкретизации законности, выраженной, по-нашему мнению, в обеспечении неотвратимости административного наказания или в освобождении физических и юридических лиц от административной ответственности, основой которого выступает вступившее в законную силу постановление. В этом послыше допустимо исключение, когда административное правонарушение признается малозначительным и правоприменитель вполне законно может ограничиться устным замечанием (ст. 4.2 проекта КоАП РФ).

Рассматривая процессуальную составляющую административной ответственности как единую систему, имеющую своим предметом правовое регулирование охранительные административно-процессуальные правоотношения напрямую связанные с отправлением правосудия, обеспечивая реализацию материальных норм, принцип законности направлен на соблюдение установление законодателем процессуального порядка и способа, осуществления таких действий участниками административно-процессуальных правоотношений.

В таком позитивном русле принцип законности в проекте ПКоАП РФ (*процессуальная составляющая административной ответственности*) приобретает новое юридическое назначение и достигается за счет соблюдения наделенными процессуальными полномочиями установленного законом порядка привлечения к административной ответственности, совершая действия, применяя меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях и вынося на основе достоверных, проверенных и не подлежащих сомнению фактов обоснованные решения. Всем участвующим в административно-юрисдикционном процессе разъясняются их права и обязанности, они предупреждаются о возможных негативных последствиях при совершении или отказе от совершения процессуальных действий, а также всячески оказывается помощь в реализации прав лицу, привлекаемому к административной ответственности, тщательно выясняя и изучая все относящиеся к делу доказательства (ст. 1.4 проекта КоАП РФ).

Здесь принцип законности носит уже не формальный, обязывающий всех строго соблюдать требования Конституции Российской Федерации и принимаемых законов (ч. 2 ст. 15), а вполне социальный аспект, повышая уровень доверия граждан к процессуальным действиям правоприменителя, направленным на обеспечение правовых гарантий законности при вынесении обоснованного решения по привлечению или об отказе в при-

влечении к административной ответственности, воплощая веру в справедливое, а, следовательно, и в соразмерное совершенному противоправному деянию административное наказание.

Материально-процессуальное или дуалистическое понимание присуще и принципу презумпции невинности, содержащемуся в проектах КоАП РФ (ст. 1.12) и ПКоАП РФ (ст. 1.5), определяя в качестве основания привлечения к административной ответственности наличие вины у физического и юридического лица, возлагая на сторону обвинения обязанности сбора доказательств.

Вместе с тем отсутствие законодательного закрепления понимания виновности юридического лица позволяет привлекать к административной ответственности должностных лиц, работников и представителей юридического лица, которые обязаны доказывать свою невинность (ч. 4 ст. 1.5 проекта ПКоАП РФ), но даже если их виновность не будет установлена, то это не будет выступать в качестве основания для освобождения юридического лица от административной ответственности (ч. 2 ст. 1.5 проекта ПКоАП РФ).

Как относится к такому весьма завуалированному тексту ведь очевидно, что корректировка принципа презумпции невинности в действующем КоАП РФ вызвана использованием специальных технических средств, позволяющих выявлять и фиксировать очевидные административные правонарушения, субъекты которых устанавливаются в режиме реального времени (ч. 3 ст. 1.5 КоАП РФ).

Несмотря на обвинительно-наказательный характер, рассматриваемой нормы, требующей не только теоретико-научного осмысления необходимости дальнейшего внесения правовых корректив в презумпцию невинности, но и экспертной оценки её реализации в правоприменительной деятельности и допустимо ли распространение в таком понимании на другие виды административных правонарушений, затрагивая интересы не только российских предпринимателей, которые первыми обратили внимание (во время публичного обсуждения проектов кодексов) на отсутствие в материальной части административной ответственности этого принципа, настояя на его дополнительное включение в проект КоАП РФ, но и на другие категории граждан нашей страны [5].

Объяснить такую ситуацию можно только одним – достаточно короткие сроки (чуть меньше трех месяцев) подготовки проектов кодексов, разрабатываемых без учета современной российской действительности и исторических традиций развития административно-процессуальной науки, вызвавшее непонимание и даже критику в научном сообществе ученых-административистов [10, с. 36]. Кроме того, высокоскоростная подготовка такого важного документа не позволяет утверждать о проработки всех теоретических вопросов и решения практических проблем, с которыми могут столкнуться в будущем, в том числе, в связи с двойственным пониманием и не совсем понятной корректировкой основополагающих принципов административной ответственности.

Полагаем, что удалось довести авторскую позицию по исследуемым проблемам и ответить на поставленный вопрос. Рассуждая о перспективах дальнейшей трансформации принципов материальной и процессуальной составляющей административной ответственности, то она должна происходить в их диалектической взаимосвязанности с достижением баланса между ними, зависящего от внешних (политических, социальных, экономических и технологических) факторов, влияющих на стремительное развитие общества.

Библиография:

1. Бахрах Д.Н. Административная ответственность граждан в СССР. Свердловск, 1989. С. 128, 129, 130.
2. Витрук Н.В. Общая теория юридической ответственности: монография. М., 2009. С. 246.
3. Галаган И.А. Административная ответственность в СССР (государственное и материально-правовое исследование). Воронеж, 1970. С. 140, 144, 176, 191.
4. Данилов С. Новый КоАП: бизнес избавят от «дуплетных» наказаний и сократят аресты // Практическая бухгалтерия. 2020. № 6. С. 74 – 79.
5. Дугенец А.С. Административная ответственность в российском праве: дисс. ... докт. юрид. наук. М. 2005. С. 76, 81.
6. Ершов В.В. Основополагающие общетеоретические и гражданско-правовые принцип права: монография. М., 2010. С. 76.
7. Иващенко К.Б. Соотношение материального и процессуального права в российском государстве: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2018. С. 12, 14.
8. Керимов Д.А. Основы философии права. М., 1992. С. 183.
9. Скурко Е.В. Принципы права: Монография. М.: Ос – 89, 2008. С. 86.
10. Стариков Ю.Н. Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и «судьба» административно-деликтного права: два важнейших вопроса в современной правовой теории // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2. С. 36.
11. Якуба О.М. Административная ответственность. М., 1972. С. 117-118.

References:

1. Bakhrakh D.N. Administrative responsibility of citizens in the USSR. Sverdlovsk, 1989. Pp. 128, 129, 130.
2. Vitruk N.V. General theory of legal responsibility: monograph. Moscow, 2009. Pp. 246.
3. Galagan I.A. Administrative responsibility in the USSR (state and substantive law study). Voronezh, 1970. Pp. 140, 144, 191.
4. Danilov S. New Code of Administrative Offenses: business will be freed from "double" punishments and arrests will be reduced // Practical accounting. 2020. No. 6. P. 74 – 79.
5. Dugenev A.S. Administrative liability in Russian law: diss. ... Doctor of Law. M. 2005. P. 76, 81.
6. Ershov V.V. Fundamental general theoretical and civil law principles of law: monograph. M., 2010. P. 76.
7. Ivaschenko K.B. The relationship between substantive and procedural law in the Russian state: diss. ... Cand. of Law: 12.00.01. Saratov, 2018. P. 12, 14.
8. Kerimov D.A. Fundamentals of the Philosophy of Law. M., 1992. P. 183.
9. Skurko E.V. Principles of Law: Monograph. M.: Os – 89, 2008. P. 86.
10. Starikov Yu.N. The concept of the new Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the "fate" of administrative-tort law: two most important issues in modern legal theory // Bulletin of Voronezh State University. Series: Law. 2020. No. 2. P. 36.
11. Yakuba O.M. Administrative responsibility. M., 1972. P. 117-118.

ПРИНЦИПЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ РАБОТЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ Principles of organizational and legal work in law enforcement agencies in emergency situations

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры конституционного и административного права факультета (командного)
Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации,
ул. Лётчика Пилютова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

НАЗАРОВ Дмитрий Иванович,

преподаватель колледжа Санкт-Петербургского филиала Всероссийского государственного университета юстиции.
191014, Россия, г. Санкт-Петербург, Басков пер., 16.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

КАЙНОВ Владимир Иванович,

доктор юридических наук, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин
Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия,
парк Александровский, 5, г. Санкт-Петербург, 197046, Россия.
E-mail: kaynov_v@mail.ru;

NAZAROVA Irina Sergeevna,

Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty (command)
Of the St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of the National Guard of the Russian Federation,
Candidate of Law, Associate Professor.
Pilyutova Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

NAZAROV Dmitry Ivanovich,

a college lecturer at the St. Petersburg branch of the All-Russian State University of Justice.
16 Baskov Lane, Saint Petersburg, 191014, Russia.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

KAINOV Vladimir Ivanovich,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines
of the Northwestern Branch of the Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.
Alexandrovsky Park, 5, St. Petersburg, 197046, Russia.
E-mail: kaynov_v@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются принципы организационно-правовой работы в органах внутренних дел в чрезвычайных ситуациях.

Abstract: The article discusses the principles of organizational and legal work in the internal affairs bodies in emergency situations.

Ключевые слова: органы внутренних дел, чрезвычайная ситуация, контртеррористическая операция, терроризм, экстремизм.

Key words: internal affairs agencies, emergency, counter-terrorism operation, terrorism, extremism.

Для цитирования: Назарова И.С., Назаров Д.И., Кайнов В.И. Принципы организационно-правовой работы в органах внутренних дел в чрезвычайных ситуациях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 111-115. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_111.

For citation: Nazarova I.S., Nazarov D.I., Kainov V.I. Principles of organizational and legal work in law enforcement agencies in emergency situations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 111-115. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_111.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Как свидетельствует анализ правовых актов, в нормотворческой деятельности субъектов Российской Федерации не уделяется должного внимания вопросам повышения устойчивости функционирования органов внутренних дел, поддержания общественного порядка в ходе аварийно-спасательных и других неотложных работ, осуществления эвакуационных мероприятий, а также вопросам правовой и социальной защиты граждан, пострадавших вследствие чрезвычайных ситуаций¹. Проведенные исследования показали, что значительная часть сотрудников органов внутренних дел считает необходимым принятие дополнительных мер (гарантий) социальной защиты сотрудников органов внутренних дел, их морального и материального стимулирования при выполнении сложных задач в чрезвычайных ситуациях. В следствии этого, определяя принципы организационно-правовых основ работы органов внутренних дел в чрезвычайных ситуациях и полномочий МВД России как субъекта антитеррористической деятельности, требуется внесение дополнений в действующие законодательства следующую диспозицию: Министерство внутренних дел Российской Федерации осуществляет борьбу с терроризмом путем предупреждения, пресечения и выявления преступлений террористического характера² силами террито-

¹ Зозуля, А. А. Спасение и спасание: соотношение юридических понятий в сфере обеспечения безопасности / А. А. Зозуля // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 6-11. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-6-11. – EDN FSWPSH.

² Об изменениях уголовного закона в части криминализации уголовной ответственности за совершение преступлений против общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации / Д. В. Новокошенов, В. М. Шеншин, А. А. Медведева, Г. А. Агаев // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 1(229). – С. 298-301. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_298. – EDN PVSBLA.

риальных подразделений в непосредственном взаимодействии с ФСБ России и Министерством обороны России, реализуя данное взаимодействие путем обмена оперативными данными, а также обеспечения совместных специальных контртеррористических операций¹.

В соответствии с Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114 «О противодействии экстремистской деятельности», Указом Президента Российской Федерации от 10 января 2002 г. № 6 «О мерах по выполнению резолюции Совета Безопасности ООН 1373» от 28 сентября 2001 г. общая координация деятельности всех субъектов антитеррористической деятельности возложена на соответствующие комиссии федерального и регионального уровня. Несомненно, в полной мере раскрыть все аспекты взаимодействия субъектов при проведении контртеррористических операций с помощью федерального законодательства не представляется возможным². Для решения этой задачи к настоящему моменту принят целый ряд совместных, а также внутриведомственных приказов и инструкций, в которых обозначены основные моменты данного взаимодействия. В частности, в приказе МВД России от 29 октября 2001 г. № 951 определены задачи по координации, организации и осуществлению антитеррористической деятельности органов внутренних дел и войск национальной гвардии, а также по осуществлению комплексных оперативно профилактических мероприятий и специальных операций, и обеспечению взаимодействия МВД России с другими субъектами антитеррористической деятельности. В соответствии с данным приказом, в структурных подразделениях Главных Управлений по округам, созданы отделы по борьбе с терроризмом и похищением людей, перед которыми поставлены следующие задачи:

координация, организация и осуществление антитеррористической деятельности органов внутренних дел, проведение комплексных оперативно профилактических мероприятий и специальных операций;

обеспечение взаимодействия с другими субъектами антитеррористической деятельности, в борьбе с терроризмом;

создание и пополнение автоматизированной информационной базы «Антитеррор».

Среди субъектов антитеррористической деятельности Министерство внутренних дел Российской Федерации занимает весьма значимое место. Работа по раскрытию тяжких преступлений против личности, совершенных с применением взрывных устройств, сконцентрирована в ГУУР МВД России. Поиск и уничтожение взрывчатых веществ и взрывных устройств осуществляют инженерно-технические подразделения специальных подразделений милиции, организационно входящие в милицию общественной безопасности.

Однако наиболее значимую роль в этом блоке играет, несомненно, главное управление по борьбе с организованной преступностью службы криминальной милиции МВД России, за которым закреплён обширный перечень функций. Наиболее важными из них с точки зрения темы нашего исследования являются:

организация взаимодействия с субъектами, осуществляющими борьбу с терроризмом при подготовке контртеррористических операций;

участие в информационном обеспечении работы Федеральной антитеррористической комиссии и Межведомственного Оперативного штаба;

обмен оперативной информацией с субъектами, осуществляющими борьбу с террористами по вопросам комплексной отработки юридических и физических лиц подозреваемых, в причастности к деятельности террористических организаций и групп;

участие совместно с подразделениями ФСБ, ГТК, и Министерства юстиции России в подготовке управленческих решений по вопросам комплексного использования сил и средств, взаимодействия при проведении контртеррористических операций и иных мероприятий по предупреждению преступлений террористического характера³;

участие в разработке и сопровождении в федеральных органах государственной власти проектов законодательных и иных нормативных правовых актов по вопросам борьбы с терроризмом и обеспечения безопасности лиц, подлежащих государственной защите.

Таким образом, в результате приложенных усилий явилось формирование фундамента внутриведомственной нормативной базы, определяющей порядок взаимодействия субъектов, участвующих в проведении контртеррористической деятельности. Несмотря на это, говорить о существенном повышении эффективности антитеррористических мероприятий в настоящий момент не приходится. Число терактов продолжает увеличиваться, одновременно возрастает их дерзость⁴. Количество террористических актов возрастает⁵. Все это неопровержимо свидетельствует о недостаточной эффективности проводимых антитеррористических мероприятий. По сути дела, угрозы безопасности общества и государства, исходящие изнутри, приобретают характер сопоставимый по масштабам с внешними⁶. Подобное положение дел в немалой степени обусловлено недостаточным уровнем взаимодействия субъектов антитеррористической деятельности, который не соответствует остроте складывающейся оперативной обстановки.

¹ Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.

² Кудашкин, А. В. Особенности организации взаимодействия органов внутренних дел МВД России, войск национальной гвардии и Вооруженных Сил Российской Федерации / А. В. Кудашкин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2017. – № 3(236). – С. 16-22. – EDN YGWFPH.

³ Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFOIU.

⁴ Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как специальная целенаправленная деятельность государства: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 г. / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBULCP.

⁵ Григонис, В. П. Правовые основы участия войск национальной гвардии Российской Федерации как государственной военной организации в территориальной обороне и контртеррористической операции / В. П. Григонис, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 11(304). – С. 38-47. – EDN KDTOVZ.

⁶ Шевченко, И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: уголовно-правовой и правоприменительный аспекты: специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право": автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шевченко Игорь Валентинович. – Тамбов, 2010. – 24 с. – EDN ZOARYJ.

Межведомственное взаимодействие зачастую замыкается в рамках оперативных мероприятий или оперативно-следственных действий, осуществляемых в ходе расследования отдельных дел. Слабо осуществляется контроль за исполнением требований приказов и инструкций, ориентирующих на совместную работу. В ряде регионов взаимодействие носит эпизодический характер или отсутствует как таковое. Между тем комплексное и согласованное использование привлекаемых к антитеррористической деятельности сил и средств является неперенным условием её успеха.

До сих пор не отлажен четкий механизм оперативного управления используемыми силами и средствами, имеет место дублирование функций различных ведомств, отсутствует координация в их действиях, который в ряде случаев могут противоречить друг другу.

Отчасти подобное положение дел обусловлено несовершенством действующих нормативных актов. Между тем именно с момента получения какой-либо информации о подготовке или совершении террористического акта необходимо безотлагательно предпринять комплекс согласованных действий, связанных с постановкой задач подразделениям, привлекаемым к проведению контртеррористической операции, выдвиганием их на исходные позиции и практическим осуществлением совместных действий.

Кроме того, в составе территориальных подразделений районного уровня при оперативных штабах следует сформировать функционирующие на постоянной основе рабочие группы в обязанности, которых входила бы разработка планов взаимодействия в чрезвычайных ситуациях, их оперативная корректировка исходя из складывающейся на обслуживаемой территории обстановки, а также реализация учебных программ по взаимодействию сотрудников различных ведомств и проведение совместных учений.

Анализ существующей нормативной базы позволяет сделать вывод о том, что она не содержит документы, четко регламентирующие порядок взаимодействия ведомств принимающих в ходе проведения контртеррористических операций. Первым шагом на пути ликвидации данного пробела должно стать принятие решений относительно разграничения компетенции субъектов, принимающих участие в подобных мероприятиях. Чтобы обозначить основные пути решения данной проблемы, определим главные цели данного процесса:

- обеспечение своевременного предупреждения и пресечения совершения терактов, а также выявление лиц, склонных к их совершению¹;
- устранение дублирования функций спецслужб и как следствие распыления их сил;
- повышение эффективности их действий за счет профилирования;
- обеспечение своевременного и эффективного обмена информацией²;
- обмен опытом с целью совершенствования методов борьбы с терроризмом;
- обеспечение максимальной согласованности действий направленных на пресечение террористических актов;
- обнаружение и перекрытие каналов, по которым осуществляется финансирование террористических группировок и бандформирований;
- активное вовлечение населения в антитеррористическую деятельность с целью максимально возможного ограничения поддержки террористов с его стороны;
- нахождение баз подготовки террористов и участников бандформирований;
- ликвидация бандформирований³.

На наш взгляд, к основным принципам антитеррористической деятельности можно отнести: закрепление за каждой структурой определенного направления антитеррористической деятельности; всесторонний обмен информацией в ходе проведения контртеррористических операций; согласование действий, направленных на борьбу с терроризмом; обобщение накопленного опыта по борьбе с терроризмом⁴; отработка совместных действий;

По нашему мнению, подход к управлению контртеррористических операций в первую очередь определяется целым рядом параметров. В этой связи мы предлагаем выделить основные этапы проведения контртеррористических операций, а также классифицировать их в зависимости от масштабов (локальные или регионального уровня), характера, выдвигаемых террористами требований (корыстные или политического свойства), а также обстановки на фоне которой возникает необходимость ее проведения.

В ходе проведения контртеррористических операций взаимодействие может осуществляться и с другими правоохранительными органами: Прокуратурой, Министерством юстиции Российской Федерации, органами государственной власти, департаментами и комитетами по информации и связям с общественностью, по делам женщин, семьи и молодежи образования, органами местного самоуправления⁵.

Основной задачей при этом является предотвращение террористических актов, в первую очередь за счет своевременного получения информации о передвижениях террористов и их замыслах, что в свою очередь обуславливает необходимость организации на постоянной основе сбора оперативной информации, а с учетом имеющихся у террористических группировок международных связей и обеспечение взаимодействия с СВР и направление

---

¹ Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.

² Шеншин, В. М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 4(49). – С. 109-114. – EDN YOTAZE.

³ Назарова, И. С. Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Второе издание, переработанное. – Белгород – Санкт-Петербург : Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 74 с. – EDN ATKIUJ.

⁴ Шеншин, В. М. Полномочия Росгвардии по организации участия войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом следует дополнить / В. М. Шеншин // Современные вопросы государства, права, юридического образования : Сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2022 года / Редколлегия: А.В. Лапаева, Н.С. Ельцов, О.В. Моисеева. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2023. – С. 137-141.

⁵ Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация и (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.

в необходимых случаях соответствующих запросов в МИД России для организации работы с зарубежными структурами по тем или иным фактам.

Актуальность международного сотрудничества как одного из инструментов осуществления контртеррористических операций находит свое яркое подтверждение на примере ситуации, сложившейся в Панкисском ущелье, расположенном на территории Грузии.

В связи с настоятельной необходимостью отработки юридических и физических лиц, подозреваемых в причастности к деятельности террористических формирований, преступных групп и сообществ, следует детально проработать вопрос оптимизации сбора и обмена оперативной информацией МВД, ФСБ, СВР, ГРУ МО России.

Одним из слабых мест в контртеррористической работе является недостаточный уровень взаимодействия при проведении оперативно розыскных мероприятий в ходе расследования уголовных дел о терроризме.

Следует всесторонне наращивать целевые оперативные позиции и укреплять взаимодействие следственных подразделений силовых ведомств, учитывая то обстоятельство, что судебная перспектива данных уголовных дел в значительной степени зависит от качества их оперативного сопровождения. При этом необходимо обратить особое внимание на то обстоятельство, что зачастую значительная часть дел, связанных с терроризмом и экстремизмом, заводится по линии преступлений в сфере экономики и незаконного оборота наркотических средств. Хотя в большинстве случаев ни разрабатываемые по ним фигуранты, ни объекты хозяйствования не привязаны к основным задачам подразделений борьбы с организованной преступностью.

Имеющаяся информация о складывающейся социально-политической и криминальной обстановки в отдельных субъектах и в целом по стране позволяет сделать вывод о том, что террористическая деятельность из стихийной формы постепенно трансформируется в тщательно спланированную и организованную, что в свою очередь вынуждает правоохранительные органы вносить существенные коррективы в свою повседневную деятельность сообразно её требованиям текущего момента.

Нарастанию угрозы терроризма в нашей стране способствуют следующие факторы:

продолжающееся финансирование террористической деятельности международными экстремистскими центрами;
использование некоторыми государствами террористических группировок в качестве инструментов обеспечивающих расширение сфер геополитического влияния¹;

формирование устойчивых связей между террористическими группировками и организованной преступностью, в особенности связанной наркобизнесом, незаконным оборотом оружия и работоторговлей;

наращивание механизмов пополнения рядов террористов за счет активного привлечения в свои ряды наемников.

Таким образом, совместная работа ведомств участвующих в проведении контртеррористических операций должна вестись на следующих первоочередных направлениях:

создание условий, при которых реализация конституционных прав и свобод граждан не могла бы зависеть от национальности, религиозных убеждений и политических воззрений;

совершенствование взаимодействия по предупреждению террористической деятельности за счет более активного внедрения в повседневную деятельность силовых структур преимуществ использования единого информационного банка данных о террористах и террористических организациях;

усиление контроля за общественными и религиозными объединениями, демонстрирующими признаки экстремизма в своих программных заявлениях;

обеспечение эффективного контроля за оборотом оружия² и материалами повышенной опасности, которые могут быть использованы для совершения актов террора, выявление и пресечение каналов их поставки;

обеспечение надлежащего уровня секретности информации, имеющей особое государственное значение, в частности, об охране особо важных лиц, о защите объектов стратегического значения и доступе на них;

выявление и перекрытие каналов финансирования бандформирований и террористических группировок.

обращение с совместными инициативами в законодательные органы власти с предложениями усиления ответственности за правонарушения в сфере контроля за оружием³ и материалами повышенной опасности, а также внести предложения о принятии нормативных актов запрещающих обеспечение охраны объектов особой важности (изготовления, переработки, утилизации взрывчатых веществ, оружия и боеприпасов⁴; объектов энергосистемы) службами безопасности данных предприятий и не государственных охранных структур и возлагающие эти функции на отделы вневедомственной охраны;

В завершении исследования вопросов данной проблематики, авторами статьи делается вывод о том, что основополагающим принципом

¹ Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.

² Фаисханов, Р. Р. Организационно-правовые основы разрешительной деятельности Росгвардии в области оборота гражданского оружия: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фаисханов Ринат Рифгатович, 2023. – 194 с. – EDN TYWPRB.

³ Шеншин, В. М. О некоторых вопросах участия войск национальной гвардии Российской Федерации в механизме оборота оружия / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_51. – EDN ZTIBSA.

⁴ Погадаева, Я. М. Преступления в сфере незаконного оборота оружия (статья 222 Уголовного кодекса Российской Федерации) как угроза национальной безопасности России / Я. М. Погадаева, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 7(300). – С. 90-94. – EDN LLYYXD.

при выстраивании взаимодействия ведомств, участвующих в осуществлении контртеррористической операции, является линейная подчиненность привлекаемых сил и средств и четкое определение головного ведомства, обеспечивающего управление и общую координацию действий. Превращение их в жесткую структуру, объединенную единым центром управления, гарантирует конечный успех.

Библиография:

1. Зозуля, А. А. Спасение и спасание: соотношение юридических понятий в сфере обеспечения безопасности / А. А. Зозуля // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 6-11. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-6-11. – EDN FSWPSH.
2. Об изменениях уголовного закона в части криминализации уголовной ответственности за совершение преступлений против общественного порядка и общественной безопасности, конституционного строя Российской Федерации / Д. В. Новокшонов, В. М. Шеншин, А. А. Медведева, Г. А. Агаев // Agrarian and land law. – 2024. – № 1(229). – С. 298-301. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_298. – EDN PVSBLA.
3. Шеншин, В. М. Росгвардия как субъект обеспечения государственной и общественной безопасности в сфере осуществления административно-юрисдикционной деятельности / В. М. Шеншин. – Белгород: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 202 с. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
4. Кудашкин, А. В. Особенности организации взаимодействия органов внутренних дел МВД России, войск национальной гвардии и Вооруженных Сил Российской Федерации / А. В. Кудашкин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2017. – № 3(236). – С. 16-22. – EDN YGWFFH.
5. Шеншин, В. М. Место войск национальной гвардии в системе обеспечения государственной и общественной безопасности при осуществлении борьбы с терроризмом и экстремизмом / В. М. Шеншин // Военное право. – 2021. – № 6(70). – С. 31-40. – EDN OMFOIU.
6. Шеншин, В. М. Противодействие терроризму и экстремизму в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности / В. М. Шеншин // Уголовно-правовое воздействие как целенаправленная деятельность государства : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Тольятти, 26 ноября 2021 года / Тольяттинский государственный университет; Институт права. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2021. – С. 107-113. – EDN PBULCP.
7. Григонис, В. П. Правовые основы участия войск национальной гвардии Российской Федерации как государственной военной организации в территориальной обороне и контртеррористической операции / В. П. Григонис, Н. В. Зубарев // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 11(304). – С. 38-47. – EDN KDOVZ.
8. Шевченко, И. В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность : уголовно-правовой и вправоприменительный аспекты : специальность 12.00.08 "Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право" : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Шевченко Игорь Валентинович. – Тамбов, 2010. – 24 с. – EDN ZOARYJ.
9. Шеншин, В. М. Терроризм и противодействие терроризму и экстремизму со стороны ОДКБ / В. М. Шеншин, Ю. А. Иванов, Н. Ю. Старостин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2023. – № 11(316). – С. 104-109. – EDN LOXPXA.
10. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах межведомственного взаимодействия МВД России и Росгвардии при осуществлении контрольно-надзорной деятельности за оборотом оружия / В. М. Шеншин // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2020. – № 4(49). – С. 109-114. – EDN YOTAZE.
11. Назарова, И. С. Противодействие экстремистской деятельности в Российской Федерации глоссарий / И. С. Назарова, В. М. Шеншин. – Второе издание, переработанное. – Белгород – Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью Эпицентр, 2022. – 74 с. – EDN ATKIUJ.
12. Шеншин, В. М. Полномочия Росгвардии по организации участия войск национальной гвардии в борьбе с терроризмом и экстремизмом следует дополнить / В. М. Шеншин // Современные вопросы государства, права, юридического образования : Сборник научных трудов по материалам XVIII Международной научно-практической конференции, Тамбов, 22 декабря 2022 года / Редколлегия: А. В. Лапаева, Н. С. Ельцов, О. В. Моисеева. – Тамбов: Издательский дом "Державинский", 2023. – С. 137-141.
13. Метельков, А. Н. О соотношении понятий "борьба с терроризмом" и "минимизация (или) ликвидация проявлений терроризма" в борьбе с ядерным терроризмом / А. Н. Метельков // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2021. – № 4(53). – С. 25-37. – EDN PCHSBK.
14. Когут, В. Г. Основные тенденции развития военно-политической обстановки вокруг Союзного государства Беларуси и России в контексте ее влияния на состояние национальной безопасности в военной сфере / В. Г. Когут, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 5(322). – С. 83-88. – EDN XDNFEC.
15. Фаисханов, Р. Р. Организационно-правовые основы разрешительной деятельности Росгвардии в области оборота гражданского оружия : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Фаисханов Ринат Рифгатович, 2023. – 194 с. – EDN TYWPRB.
16. Шеншин, В. М. О некоторых вопросах участия войск национальной гвардии Российской Федерации в механизме оборота оружия / В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 6(222). – С. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_51. – EDN ZTIBSA.
17. Погодаева, Я. М. Преступления в сфере незаконного оборота оружия (статья 222 Уголовного кодекса Российской Федерации) как угроза национальной безопасности России / Я. М. Погодаева, В. М. Шеншин // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 7(300). – С. 90-94. – EDN LLYYXD.

References:

1. Zozulya, A. A. Rescue and rescue: correlation of legal concepts in the field of security / A. A. Zozulya // Right. Safety. Emergency situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 6-11. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-6-11. – EDN FSWPSH.
2. On amendments to the criminal law regarding the criminalization of criminal liability for crimes against public order and public safety, the constitutional order of the Russian Federation / D.V. Novokshonov, V.M. Shenshin, A.A. Medvedeva, G.A. Agaev // Agrarian and Land law. – 2024. – № 1(229). – S. 298-301. – DOI 10.47643/1815-1329_2024_1_298. – EDN PVSBLA.
3. Shenshin, V. M. Rosgvardiya as a subject of ensuring state and public security in the field of administrative and jurisdictional activities / V. M. Shenshin. – Belgorod: Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 202 p. – ISBN 978-5-6048482-9-6. – EDN CCFOMJ.
4. Kudashkin, A.V. Features of the organization of interaction between the internal affairs bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, the National Guard troops and the Armed Forces of the Russian Federation / A.V. Kudashkin, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2017. – № 3(236). – Pp. 16-22. – EDN YGWFFH.
5. Shenshin, V. M. The place of the National Guard troops in the system of ensuring state and public security in the fight against terrorism and extremism / V. M. Shenshin // Military law. – 2021. – № 6(70). – Pp. 31-40. – EDN OMFOIU.
6. Shenshin, V. M. Countering terrorism and extremism in the field of ensuring state and public security / V. M. Shenshin // Criminal law impact as a special purposeful activity of the state : a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation), Tolyatti, November 26, 2021 / Tolyatti State University; Institute of Law. – Tolyatti: SAMARAMA Limited Liability Company, 2021. – pp. 107-113. – EDN PBULCP.
7. Grigonis, V. P. The legal basis for the participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation as a state military organization in territorial defense and counter-terrorism operations / V. P. Grigonis, N. V. Zubarev // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2022. – № 11(304). – Pp. 38-47. – EDN KDOVZ.
8. Shevchenko, I. V. Criminal liability for terrorist activities: criminal law and law enforcement aspects : speciality 12.00.08 "Criminal law and criminology; criminal enforcement law": abstract of the dissertation for the degree of Candidate of Law / Shevchenko Igor Valentinovich. – Tambov, 2010. – 24 p. – EDN ZOARYJ.
9. Shenshin, V. M. Terrorism and counteraction to terrorism and extremism by the CSTO / V. M. Shenshin, Yu. A. Ivanov, N. Yu. Starostin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2023. – № 11(316). – Pp. 104-109. – EDN LOXPXA.
10. Shenshin, V. M. On some issues of interdepartmental interaction between the Ministry of Internal Affairs of Russia and Rosgvardiya in the implementation of control and supervisory activities for arms trafficking / V. M. Shenshin // Bulletin of the St. Petersburg Law Academy. – 2020. – № 4(49). – Pp. 109-114. – EDN YOTAZE.
11. Nazarova, I. S. Countering extremist activity in the Russian Federation glossary / I. S. Nazarova, V. M. Shenshin. – Second edition, revised. – Belgorod – Saint Petersburg : Epicenter Limited Liability Company, 2022. – 74 p. – EDN ATKIUJ.
12. Shenshin, V. M. The powers of the Rosgvardiya to organize the participation of National Guard troops in the fight against terrorism and extremism should be supplemented / V. M. Shenshin // Modern issues of state, law, legal education: A collection of scientific papers based on the materials of the XVIII International Scientific and Practical Conference, Tambov, December 22, 2022 / Editorial Board: A.V. Lapayeva, N.S. Yeltsov, O.V. Moiseeva. – Tambov: Derzhavinskiy Publishing House, 2023. pp. 137-141.
13. Metelkov, A. N. On the relationship between the concepts of "combating terrorism" and "minimizing and (or) eliminating manifestations of terrorism" in the fight against nuclear terrorism / A. N. Metelkov // Pravo. Safety. Emergency situations. – 2021. – № 4(53). – Pp. 25-37. – EDN PCHSBK.
14. Kogut, V. G. The main trends in the development of the military-political situation around the Union State of Belarus and Russia in the context of its impact on the state of national security in the military sphere / V. G. Kogut, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2024. – № 5(322). – Pp. 83-88. – EDN XDNFEC.
15. Faikhanov, R. R. Organizational and legal foundations of the permissive activity of the Rosgvardiya in the field of civilian arms trafficking: dissertation for the degree of Candidate of Law / Faikhanov Rinat Rifgatovich, 2023. – 194 p. – EDN TYWPRB.
16. Shenshin, V. M. On some issues of the participation of the troops of the National Guard of the Russian Federation in the mechanism of arms trafficking / V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 6(222). – Pp. 51-54. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_6_51. – EDN ZTIBSA.
17. Pogodaeva, Ya. M. Crimes in the field of illegal arms trafficking (Article 222 of the Criminal Code of the Russian Federation) as a threat to the national security of Russia / Ya. M. Pogodaeva, V. M. Shenshin // Law in the Armed Forces - Military-legal review. – 2022. – № 7(300). – Pp. 90-94. – EDN LLYYXD.

НАЛОГОВО-ПРАВОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ТЕРРИТОРИЯХ С ПРЕФЕРЕНЦИАЛЬНЫМИ ПРАВОВЫМИ РЕЖИМАМИ

Tax and legal peculiarities of carrying out activities in territories with preferential legal regimes

БРЫКИН Константин Игоревич,

доцент кафедры фундаментальной юриспруденции и международного права
Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева, кандидат юридических наук.
105120, Россия, г. Москва, Малый Полуярский пер., д. 3/5, стр. 1.
E-mail: BrykinKI.veb@gmail.com;

Brykin Konstantin Igorevich,

Associate Professor of the Department of Fundamental Jurisprudence and International Law
of the G. Mirzoev Russian University of Lawyers and Notaries, PhD in Law.
105120, Moscow, Maly Poluyaroslavsky lane, 3/5, building 1.
E-mail: BrykinKI.veb@gmail.com

Краткая аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей деятельности налогоплательщиков – резидентов территорий с преференциальным правовым режимом. В работе проанализированы налоговые льготы, предоставляемые на территориях особых экономических зон и опережающего развития по НДС, НДПИ, иным налогам и страховым взносам. Автор приходит к выводу о необходимости донстройки налоговой системы в части увязки количества налоговых льгот для резидентов территорий с преференциальным правовым режимом и условий их предоставления с эффективностью деятельности налогоплательщика.

Abstract: The article is devoted to the consideration of the specifics of the activities of taxpayers – residents of territories with preferential legal treatment. The paper analyzes the tax benefits provided in the territories of special economic zones and advanced development for VAT, mineral extraction tax, other taxes and insurance premiums. The author comes to the conclusion that it is necessary to adjust the tax system in terms of linking the number of tax benefits for residents of territories with a preferential legal regime and the conditions for their provision with the effectiveness of the taxpayer's activities.

Ключевые слова: преференциальный правовой режим, налоговая льгота, налоговая ставка, стабилизационная оговорка, НДС, налог на прибыль, страховые взносы, особая экономическая зона, территория опережающего развития.

Keywords: preferential legal regime, tax benefit, tax rate, stabilization clause, VAT, income tax, insurance premiums, special economic zone, territory of advanced development.

Для цитирования: Брыкин К.И. Налогово-правовые особенности осуществления деятельности на территориях с преференциальными правовыми режимами // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_116.

For citation: Brykin K.I. Tax and legal peculiarities of carrying out activities in territories with preferential legal regimes // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 116-118. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_116.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

В России существуют несколько видов территорий с преференциальными правовыми режимами:

1) особая экономическая зона (ОЭЗ), т.е. часть территории РФ, которая определяется Правительством России и на которой действует особый режим осуществления предпринимательской деятельности, а также может применяться таможенная процедура свободной таможенной зоны. ОЭЗ может создаваться различных типов: промышленно-производственные, технико-внедренческие, туристско-рекреационные и портовые ОЭЗ. Такие зоны нужны для развития обрабатывающих отраслей экономики, высокотехнологичных отраслей экономики, развития туризма, санаторно-курортной сферы, портовой и транспортной инфраструктур, разработки технологий и коммерциализации их результатов, производства новых видов продукции¹;

2) территория опережающего развития (ТОР), т.е. часть территории субъекта РФ, включая закрытое административно-территориальное образование (ЗАТО), и (или) акватории водных объектов, на которых в соответствии с решением Правительства России установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности. Указанные территории создаются для формирования благоприятных условий с целью привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения². ТОР создаются на территориях моногородов, на территориях моногородов, которые включены в перечень Правительства России и расположены на территории Дальневосточного федерального округа, на территориях ЗАТО, а также создаются и иные ТОР.

При этом доктринальные исследования данной проблематики и результаты правоприменительной практики³ свидетельствуют о наличии несовершенств правового регулирования территорий с преференциальными правовыми режимами. В частности, С.М. Миронова указывает на необходимость совершенствования правового регулирования деятельности ТОР в целях повышения эффективности их работы⁴. Наше исследование предлагается ограничить налогово-правовыми аспектами.

¹ Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.

² Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (часть I). Ст. 26.

³ Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ механизма установления и функционирования преференциальных режимов как инструмента социально-экономического развития и внешнеэкономической политики», утвержденный Коллегией Счетной палаты РФ 21.12.2021 // Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. 2022. № 2. С. 5-50.

⁴ Миронова С.М. Территории опережающего развития: правовое регулирование и перспективы развития // Право и экономика. 2016. № 3. С. 24 - 30.

Территории с преференциальными правовыми режимами обладают спецификой и в сфере налогового регулирования. К.В. Андриевский отмечает: «Преференциальные налоговые режимы предполагают наличие специальных особенностей, характеризующих определенную категорию лиц или территорий. Исполнение налоговой обязанности в условиях подобных режимов характеризуется наличием налоговых льгот»¹. Для выявления этих особенностей необходимо обратиться непосредственно к налоговому законодательству.

Особенности правового регулирования налогообложения резидентов ОЭЗ предусматривают налоговые льготы по различным налогам и страховым взносам:

1) НДС (освобождение от уплаты налога резидентов портовой ОЭЗ на ее территории при проведении работ (оказании услуг), а также от уплаты «ввозного» НДС с товаров, которые выпущены для внутреннего потребления при завершении процедуры свободной таможенной зоны на территории ОЭЗ в Калининградской области; нулевая ставка налога при реализации товаров, помещенных под таможенную процедуру свободной таможенной зоны);

2) НДС – для резидентов ОЭЗ в Магаданской области (понижающий коэффициент 0,6 при добыче полезных ископаемых, кроме углеводородного сырья и общераспространенных полезных ископаемых, на территории участков недр, которые расположены полностью или частично на территории указанного субъекта Российской Федерации);

3) налог на прибыль (при раздельном учете доходов (расходов) от деятельности в ОЭЗ и за ее пределами – налоговая ставка составляет 2% (в части, зачисляемой в федеральный бюджет), а к прибыли, полученной от деятельности, которая предусмотрена соответствующим соглашением с органами управления данной ОЭЗ и осуществляется на ее территории, – не более 13,5% (в части, зачисляемой в региональный бюджет, если это предусмотрено для них законом субъекта Российской Федерации). При этом ставка по налогу на прибыль составляет 0% (в части, зачисляемой в федеральный бюджет) для резидентов ОЭЗ на территории Магаданской области по деятельности на территории области, если она предусмотрена соглашением об осуществлении деятельности, а также предусмотрены особенности налогообложения резидентов ОЭЗ в Калининградской области в отношении прибыли, полученной от инвестиционного проекта);

4) налог на имущество (по общему правилу в течение десяти лет с месяца, следующего за месяцем постановки на учет недвижимого имущества, которое приобретено (создано) для деятельности на территории ОЭЗ, учтено на балансе резидента ОЭЗ, расположено на территории ОЭЗ и используется в рамках соглашения о создании ОЭЗ, резиденты ОЭЗ не уплачивают налог на с указанного имущества. Дополнительные льготы предусмотрены для судостроителей – резидентов промышленно-производственных ОЭЗ и резидентов ОЭЗ в Калининградской области);

5) земельный налог (по общему правилу в пяти лет с месяца, когда возникло право собственности на участок, расположенный на территории ОЭЗ, земельный налог резидентами ОЭЗ не уплачивается. Для судостроительных компаний – резидентов промышленно-производственных ОЭЗ предусмотрено иное правило – они освобождаются от налога на десять лет с момента приобретения статуса резидента ОЭЗ с участков, занятых принадлежащими им на праве собственности зданиями, строениями, сооружениями производственного назначения, которые используются для строительства и ремонта судов).

6) страховые взносы (для резидентов ОЭЗ в Калининградской области в течение десяти лет с 1-го числа месяца, следующего за месяцем включения в реестр резидентов указанной ОЭЗ, установлены следующие тарифы по страховым взносам – 7,6% в пределах установленной единой предельной величины базы для исчисления страховых взносов, которая, например, в 2024 г. составляет 2 225 000 рублей, и 0,0% – свыше указанной величины. Остальные резиденты ОЭЗ применяют единые пониженные тарифы страховых взносов на общих основаниях).

На региональном уровне могут вводиться дополнительные льготы по налогу на имущество и транспортному налогу для резидентов ОЭЗ, а на местном уровне – по земельному налогу.

Налоговое законодательство также содержит особенности налогообложения резидентов ТОР:

1) НДС (нулевая ставка по налогу при реализации товаров, помещенных под процедуру свободной таможенной зоны, в определенных случаях);

2) НДС (возможность применения специального понижающего коэффициента, характеризующего территорию добычи полезного ископаемого. Но необходимо учитывать, что при применении нулевой ставки по налогу на прибыль в федеральный бюджет, названный коэффициент будет составлять величину, равную «0». В течение десяти лет применения нулевой ставки по налогу на прибыль коэффициент будет планомерно увеличиваться до значения «0,8» в период с девяносто седьмого по сто двадцатый месяц включительно, а в последующие налоговые периоды – составит «1». Если экономия на НДС за счет пониженного коэффициента по сравнению с НДС, рассчитанным без этого коэффициента, нарастающим итогом с периода применения нулевой ставки по налогу на прибыль превысит объем капвложений, то придется досрочно перейти к использованию коэффициента со значением «1»);

3) налог на прибыль (при определенных обстоятельствах налоговая ставка составляет 0% (в части, зачисляемой в федеральный бюджет, – в течение пяти лет начиная с года, в котором получили первую прибыль от деятельности в рамках соглашения по ТОР, и при условии, что в соответствующем субъекте РФ для резидентов ТОР установлены пониженные ставки по налогу на прибыль в бюджет субъекта РФ) и пониженная ставка (в части, зачисляемой в региональный бюджет), а именно – не более 5% в течение пяти лет, считая с налогового периода, в котором получена первая прибыль от деятельности в рамках соглашения по ТОР, и не менее 10% – в течение следующих пяти лет. При этом организация должна быть зарегистри-

---

¹ Андриевский К.В. Правовое регулирование преференциальных налоговых режимов // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 147 - 158.

стрирована на ТОР, а при наличии обособленных подразделений – они могут быть только на ТОР, где зарегистрирована сама организация, либо на других ТОР. Льготные ставки по налогу на прибыль могут применяться в определенных случаях ко всей налоговой базе по налогу на прибыль (к базе от деятельности в рамках соглашения по ТОР и от иной деятельности) либо только к базе от деятельности в рамках соглашения по ТОР, что необходимо отразить в учетной политике (см., например, письма Минфина России от 22.08.2023 № 03-03-06/3/79449 и от 16.05.2022 № 03-03-06/1/44441). В учетной политике налогоплательщик должен отразить ведение учета способом, позволяющим разграничить доходы от деятельности в рамках соглашения по ТОР и доходы от иной деятельности (см., например, письмо Минфина России от 23.04.2024 № 03-03-06/1/37792);

4) страховые взносы (единые пониженные тарифы страховых взносов в размере 7,6% в пределах установленной единой предельной величины базы для исчисления страховых взносов – это 2 225 000 рублей и 0% – свыше единой предельной величины базы. Данная льгота применяется в течение десяти лет со дня получения статуса резидента в Дальневосточном федеральном округе или статуса резидента свободного порта Владивосток либо в течение двенадцати лет со дня получения статуса резидента для иных ТОР. Пониженные тарифы страховых взносов применяются в отношении выплат физическим лицам, занятым на новых рабочих местах, то есть на тех местах, которые впервые были созданы при исполнении соглашения о деятельности на ТОР, и оформленных по трудовому договору, по которому его должностные обязанности связаны с исполнением соглашения по ТОР.

Налоговые льготы по налогу на имущество организаций и по транспортному налогу могут быть установлены законами субъектов РФ, а по земельному налогу и налогу на имущество физических лиц – актами местных властей.

В арсенале налогово-правовых инструментов защиты интересов резидентов ТОР существует и так называемая «стабилизационная оговорка», т.е. условие, обеспечивающее защиту от ухудшения налоговых условий при выполнении соглашений по ТОР в случае увеличения или отмены пониженных налоговых ставок либо тарифов страховых взносов, а также отмены налоговых льгот и иных преференций либо изменения условия их получения. «Стабилизационная оговорка» касается страховых взносов, налогов на прибыль и имущество организаций, транспортного и земельного налогов и действует до даты, когда налогоплательщик утрачивает статус резидента ТОР, либо до даты, когда по специальным налоговым ставкам, тарифам страховых взносов, льготам и иным послаблениям заканчиваются сроки действия, которые были установлены на момент, когда заключалось соглашение о деятельности на ТОР.

В финансово-правовой науке исследованию названной «стабилизационной оговорке» («clause rebus sic stantibus») или «дедушкиной оговорке» («grandfather clause») посвящено немало работ. Так, например, отмечается, что «закрепление в законодательстве гарантий стабильности налоговых условий для бизнеса является важной мерой государственной поддержки инвестиционной деятельности как в Российской Федерации, так и в большинстве зарубежных государств <...> В условиях неизменности правового регулирования инвестор может осуществлять более эффективно долгосрочное планирование своей деятельности, получать ожидаемую прибыль, избегать непредвиденных расходов, обусловленных изменениями налогового законодательства»¹.

Суммируя, можно прийти к выводу об огромном разнообразии налоговых льгот и преференций резидентам ОЭЗ и ТОР, что соответствует тезису, согласно которому «главной мерой налоговой поддержки хозяйствующих субъектов выступает механизм налогового льготирования»². В условиях геополитической и макроэкономической турбулентности, действительно, необходимо обеспечить выполнение целей национального развития эффективными финансово-правовыми механизмами, к которым можно отнести и территории с преференциальными правовыми режимами. Однако с учетом фундаментального постулата налогового права о том, что налоги должны быть эффективными с точки зрения «самоокупаемости»³, т.е. должны обладать экономическим обоснованием и не должны превышать расходы государства на их администрирование, требуется доработка налоговой системы в части увязки количества налоговых льгот для резидентов ОЭЗ и ТОР и условий их предоставления (налоговые ставки, особенности определения налогооблагаемой базы, сроки предоставления налоговых льгот) с эффективностью деятельности налогоплательщика (масштабируемостью бизнеса, ростом прибыли и создания рабочих мест, вкладом в достижение целей национального развития и др.).

Библиография:

1. Андриевский К.В. Правовое регулирование преференциальных налоговых режимов // Журнал российского права. 2020. № 1. С. 147 - 158.
2. Крохина Ю.А. Правовой принцип экономической обоснованности налога // Налоги и финансовое право. 2012. № 3. С. 141-146.
3. Крохина Ю.А. Принцип экономической обоснованности налога в правовых позициях КС РФ // Налоговед. 2004. № 7. С. 1-7.
4. Леднева Ю.В. «Стабилизационная оговорка» в налоговом праве // Финансовое право. 2020. № 6. С. 18 - 22.
5. Миронова С.М. Территории опережающего развития: правовое регулирование и перспективы развития // Право и экономика. 2016. № 3. С. 24 - 30.
6. Назаренко Б.А. Трансформация законодательства о налогах и сборах в условиях применения антикризисных мер: теоретико-правовые проблемы // Финансовое право. 2023. № 1. С. 18 - 21.

References:

1. Andrievsky K.V. Legal regulation of preferential tax regimes // Journal of Russian Law. 2020. № 1. P. 147 - 158.
2. Krokhnina Yu.A. The legal principle of the economic validity of a tax // Taxes and financial law. 2012. № 3. P. 141-146.
3. Krokhnina Yu.A. The principle of economic justification of tax in the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Tax specialist. 2004. № 7. P. 1-7.
4. Ledneva Yu.V. "Stabilization clause" in tax law // Financial law. 2020. № 6. P. 18-22.
5. Mironova S.M. Territories of advanced development: legal regulation and development prospects // Law and economics. 2016. № 3. P. 24-30.
6. Nazarenko B.A. Transformation of legislation on taxes and fees in the context of the application of anti-crisis measures: theoretical and legal problems // Financial law. 2023. № 1. P. 18-21.

¹ Леднева Ю.В. «Стабилизационная оговорка» в налоговом праве // Финансовое право. 2020. № 6. С. 18 - 22.

² Назаренко Б.А. Трансформация законодательства о налогах и сборах в условиях применения антикризисных мер: теоретико-правовые проблемы // Финансовое право. 2023. № 1. С. 18 - 21.

³ См. Крохина Ю.А. Принцип экономической обоснованности налога в правовых позициях КС РФ // Налоговед. 2004. № 7. С. 1-7; Крохина Ю.А. Правовой принцип экономической обоснованности налога // Налоги и финансовое право. 2012. № 3. С. 141-146.

ИДЕЯ ПАРЛАМЕНТСКОГО КОНТРОЛЯ И ЕЕ ЛЕГИТИМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ПРАКТИКОЙ The idea of parliamentary control and its legitimization by modern constitutional practice

ЧЕРВОНЮК Владимир Иванович,

доктор юридических наук, профессор Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.
107061, Россия, г. Москва, улица Академика Волгина, 12.
E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru;

ДОСАКАЕВ Алимберди Базарбиевич,

старший преподаватель кафедры государственных и гражданско-правовых дисциплин
Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России.
355035, Россия, г. Ставрополь, проспект Кулакова, 43.
E-mail: dosakaev@yandex.ru;

CHERVONYUK Vladimir Ivanovich,

doctor of jurisprudence, the professor of the Moscow University of the Mia of Russia named after V. Ya. Kikot'.
107061, Russia, Moscow, Akademika Volgina Street, 12.
E-mail: v.chervonyuk@yandex.ru;

DOSAKAEV Alimberdi Bazarbievich,

senior Lecturer at the Department of State and Civil Law Disciplines
of the Stavropol Branch of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
355035, Stavropol, Kulakova Avenue, 43.
E-mail: dosakaev@yandex.ru

Краткая аннотация. Учрежденная Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. первая российская конституция конституирует начало функционирования отечественной законодательной власти, соответствующей западным аналогам. Прогрессивные конституционные идеи контроля парламента над правительством восприняты в разработанном блистательными российскими юристами Конституционным совещанием проекте конституции Временного правительства. Официальная государственно-правовая доктрина рожденного революцией Советского государства приостанавливает действие принципа парламентаризма в механизме властвования. В новейшей истории России федеральные законы о статусе членов парламента, Счетной палате, парламентарском расследовании и парламентарском контроле, внесенные в Основной закон поправки о ежегодных отчетах Правительства, конституционные поправки 2020 г., ведущие в оборот понятие «парламентарский контроль», - свидетельство формально-юридической легитимации ценности контрольных полномочий федерального органа законодательной власти. Институционализации парламентарского контроля способствуют отдельные решения федерального органа конституционного нормоконтроля, а также формирующиеся в парламентарской практике традиции и обыкновения. В то же время актуализируется общесоциальный запрос относительно эффективного государства, его безусловной связанности правом и правами человека, конституционно определенными целями и ценностями, объективно предполагает радикальное усовершенствование практики парламентарского контроля.

Abstract. Established by the Basic State Laws of April 23, 1906, the first Russian Constitution constitutes the beginning of the functioning of the national legislature, corresponding to Western analogues. The progressive constitutional ideas of parliament's control over the government are perceived in the draft constitution of the Provisional Government developed by the brilliant Russian lawyers by the Constitutional Conference. The official state-legal doctrine of the Soviet state born of the revolution suspends the principle of parliamentarism in the mechanism of power. In the recent history of Russia, federal laws on the status of members of Parliament, the Accounts Chamber, parliamentary investigation and parliamentary control, amendments to the Basic Law on annual reports of the Government, constitutional amendments of 2020, which introduced the concept of «parliamentary control», are evidence of the formal and legal legitimization of the value of the control powers of the federal legislative authority. The institutionalization of parliamentary control is facilitated by individual decisions of the federal body for constitutional regulatory control, as well as traditions and customs emerging in parliamentary practice. At the same time, the general social demand for an effective state, its unconditional connection with law and human rights, constitutionally defined goals and values, is being actualized, objectively implies a radical improvement in the practice of parliamentary control.

Ключевые слова: функции органа законодательной власти, конструкция формы правления, пределы парламентарского контроля, формы парламентарского контроля правовые средства парламентарского контроля, парламентарский (депутатский) запрос, интерпелляция, парламентарское расследование.

Keywords: functions of the legislative authority, the design of the form of government, the limits of parliamentary control, forms of parliamentary control, legal means of parliamentary control, parliamentary (deputy) inquiry, interpellation, parliamentary investigation.

Для цитирования: Червонюк В.И., Досакаев А.Б. Идея парламентарского контроля и ее легитимация современной конституционной практикой // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 119-122. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_119.

For citation: Chervonyuk V.I., Dosakaev A.B. The idea of parliamentary control and its legitimization by modern constitutional practice // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 119-122. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_119.

Статья поступила в редакцию: 08.08.2024

Постановка проблемы

Парламентарский контроль как самостоятельная функция возникает одновременно с парламентом; предназначение учреждаемого в структуре властвования парламента как раз и имело своей главной целью ограничение могущественной исполнительной власти в ее стремлении подчинить своему влиянию все сферы государственной деятельности, включая законодательствование, правоохрану и правосудие. При этом исторически функция контроля парламента над правительством предшествует законодательствованию; более двух столетий английский парламентар, отвоевывав у королевской власти

исконно принадлежащие монарху полномочия, одновременно укореняет в практике взаимоотношений с исполнительной властью прерогативы, связанные с контролем над этой властью¹. В указанном смысле функция парламентского контроля упредила осуществление парламентом титульной функции – законодательства. И в современных условиях, в странах с укоренившимися парламентскими традициями и развитой конституционной системой, именно возможность осуществления действенного контроля парламента за исполнительной властью, определяет реальное значение парламента в механизме публичного властвования. Сформулированное в общей юриспруденции положение о том, что качество и эффективность парламентского контроля в значительной мере определяет и качество принимаемых парламентом законов, и их действенность в конституционной практике², и в новейших условиях может восприниматься в качестве конституционной презумпции, неопровержимость которой вряд ли может быть опрокинута.

Предыстория парламентского контроля в России

Деятельность отечественного парламента начинается свой отчет с принятием первой российской конституции, учрежденной Основными государственными законами от 23 апреля 1906 г. – ст. 7. гл. первой («О существе Верховной Самодержавной Власти») и положениями гл. 4 «О Государственном совете и Государственной думе и образе их действий»³. В советский период отечественной истории понятие парламента и специализированного органа законодательной власти длительное время оставались несовместимыми. Функцию органа законодательной власти – высшего органа законодательной власти осуществлял как по Конституциям РСФСР 1918 г. (ст.ст. 12, 24–25), так и 1925 г. (ст.ст. 22 – 25) ВЦИК РСФСР. Конструкция формы правления Советского государства, основывающаяся на принципе единства властей, предполагала подразделение всех государственных органов на два класса: органы государственной власти (гл. III) и органы государственного управления (гл. IV). Соответственно такой конструкции органы исполнительной власти, а равно все иные органы государства (прокуратура, суды), формировались органами государственной власти и были им подотчетны. Пределом контроля представительных органов власти (органов государственной власти) являлся еще один важнейший конструкт организации публичной власти Советского государства – принцип демократического централизма, предполагавший жесткий и иерархично выстроенный партийный контроль в отношении органов государственного управления всех уровней; высшей инстанцией такого контроля являлся Комитет партийного контроля ЦК КПСС и подчиненные ему партийные органы на местах.

Собственно, первым постоянно действующим законодательным органом страны стал учрежденный Конституцией СССР 1936 г. и Конституцией РСФСР 1937 г. Верховный Совет – «единственный законодательный орган РСФСР» (ст. 24). И хотя союзный Верховный совет и Верховный совет РСФСР, являясь общенациональными представительными органами, не функционировали на принципах парламентаризма (депутаты, избираемые в Верховные советы, работали в этих органах «без отрыва от производства», т. е. исключительно на период проведения сессии), тем не менее они были наделены значительными контрольными полномочиями. На этих же началах функционировали Верховный Совет Союза ССР и Верховный Совет РСФСР в соответствии с союзной Конституцией 1977 г. и Конституцией РСФСР 1978 г. (гл. 13).

С учетом отмеченного можно сказать, что первые парламента союзного и республиканского уровня возникают в конце 1980-х гг. Союзная Конституция 1977 г. и Конституция РСФСР с внесенными в них в указанный период времени изменениями озаменовали формирование полноценных парламента. Набор парламентских средств, форм контроля получил законодательное признание на высшем, конституционном, уровне. Вместе с тем действительное значение в парламентской практике приобрели сформировавшиеся в деятельности первого российского парламента конституционные традиции. Начинает формироваться парламентское право, получает развитие сочетание традиционного и инновационного, утверждение представительных начал и практик парламентаризма.

Законодательство о парламентском контроле в новых условиях

Существует довольно устойчивое мнение о том, что Конституция РФ 1993 г. не наделяет парламента инструментами влияния на правительство и президента. При этом обращается внимание на конструкцию ст. 94, вследствие чего делается категоричный вывод о том, что «данная формулировка не содержит даже косвенного указания на наличие у парламента Российской Федерации контрольной функции, которая тем не менее характерна для этого органа, что подтверждается не только вопросами, относящимися к его ведению, но и последующими статьями Основного Закона РФ»⁴. Между тем, с точки зрения композиции конституционного текста, вне связи с иными конституционными установлениями, а также имея в виду то обстоятельство, что парламента в силу имплицитно присущей ему природы наделен теми функциями, которые определяют его место в механизме властвования, данная формулировка принципиального значения не имеет. Ключевое значение имеют другие факторы: конституционно установленная модель организации публичной власти, из которой, собственно говоря, проистекает ряд ответов на вопросы об объеме полномочий парламента в отношении формирования исполнительной власти – самой могущественной в механизме властвования; о форме установления подконтрольности правительства парламента, его правомочности самостоятельно досрочно прекращать полномочия правительства и др.⁵ В этой связи не сама по себе формулировка ст. 94 Конституции важна (хотя стро

¹ См.: Червонюк В. И. Законодательная власть в зарубежных странах : учебное пособие : в 2 ч. Ч. I. Организация законодательной деятельности. – М. : Московский университет МВД России, 2009. С. 15 и сл.

² Червонюк В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права / В. И. Червонюк [Текст]. М. : Юстицинформ, 2021. С. 434 – 440.

³ Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 1. / В. И. Червонюк. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. С. 224 – 225.

⁴ Галуева В. О. Конституционное закрепление контрольной деятельности Федерального Собрания РФ // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 8. С. 44 – 47.

⁵ О корреляции формы правления и степени самостоятельности высших органов государства в механизме властвования см.: Червонюк В. И. Форма государственного правления (конституционно-правовой анализ) : монография. М., 2018; Его же: Идея права и право в идеях : в 2-х т. Том II. Кн. 2. Теория конституционного права: сравнительно-правовой и страноведческий анализ / В. И. Червонюк [Текст] : монография. М. : Юстицинформ, 2022. Гл. 1 раздела I.

гость конституционных понятий не снимается), а объем и характер контрольных полномочий парламента (его палат) в отношении правительства. Гипотетически можно включить в данную формулировку указание на контрольный характер парламента. Однако при существующей модели конституционного устройства, конституционно определенном перечне контрольных полномочий палат Федерального Собрания принципиального значения данная формулировка не будет иметь. Ориентация конституционного законодателя на признание сильных прерогатив главы государства в сфере исполнительной власти формально-юридически устанавливала пределы влияния парламента на исполнительную ветвь власти, формы парламентского контроля. Симптоматично, что в первоначальной редакции текст Конституции РФ не содержит понятие «парламентский контроль». В главах 5 и 6 Основного закона определены лишь отдельные из известных конституционной практике контрольных полномочий: право соучастия в назначении на должности определенного круга публичных должностных лиц (пп. «ж», «и» ст. 102, «г», «д», «е» ч. 1 ст. 103), право отказа в доверии, или выражения вотума недоверия Правительству (п. «б» ч. 1 ст. 102), которое, однако, могло вызвать конституционно определенные последствия только по решению Президента РФ (ст.111 в редакции 1993 г.), право выразить недоверие Правительству (ч. 3 ст. 117), притом, что достижение цели указанной конституционной нормы полностью зависимо от дискреции Президента (2-е предлож. ч. 3, ч. 4 ст. 117). Очевидно, что некоторые контрольные полномочия можно вывести из взаимосвязанного анализа отдельных конституционных установлений Основного закона, но это не снимает ощущения недостаточности конституционного ресурса в отпавлении национальным парламентом одного из ключевых направлений его деятельности.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что первый законодательный акт по предмету регулирования парламентского контроля – Федеральный закон от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации» – был принят по происшествии 12-ти лет после принятия действующей Конституции, а комплексный акт в этой сфере – Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ «О парламентском контроле» – спустя почти 20 лет. Конечно, отдельные нормативные установления, связанные с закреплением некоторых инструментов парламентского контроля, все же появились намного раньше и были связаны с принятием Федерального закона от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ст.ст. 7, 13 – 17)⁶. В последующем конкретизация порядка применения тех немногочисленных контрольных механизмов, которые были конституционно определены, получает закрепление в Федеральном конституционном законе от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», в федеральных законах от 11 января 1995 г. № 4-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации» (прекратившим действие в связи с принятием Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 41-ФЗ «О Счетной палате Российской Федерации»)⁷, от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»⁸, действующем Бюджетном кодексе РФ. Безусловно, важное значение имели нормы парламентского права, представленные в первоначально принятых в 1994 г. регламентах палат Федерального Собрания.

Казалось бы, что с принятием Федерального конституционного закона от 17 декабря 1997 г. № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации»⁹ (действовавшего до введения в действие Федерального конституционного закона от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации») конституционно-правовые основы осуществления контроля парламента в отношении высшего федерального органа исполнительной власти будут несколько усилены. Однако законодатель сохранил сдержанность в данном вопросе. Такую же сдержанность в вопросе уточнения правовых основ парламентского контроля проявил и федеральный орган конституционного контроля. Законом Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФЗ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации» была внесена поправка в Конституцию РФ, на основании которой затем были внесены изменения в действовавший на то время Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации», а также в Регламент Государственной Думы, предусмотревшие обязанность Правительства РФ представления ежегодных отчетов, а к обязательным полномочиям данной палаты Федерального Собрания отнесено было их заслушивание.

И все же важной вехой, призванной прежде всего формально-юридически снять неопределенность относительно контрольных полномочий общенациональной легислатуры, стал вышеупомянутый Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ. Прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что Закон легализует одну из важнейших функций парламента, в отношении которой конституционный законодатель сохранил молчание, которое никак нельзя квалифицировать в качестве квалифицированного молчания. Согласно положениям преамбулы данного Закона назначение его принятия связывалось с «осуществлением палатами Федерального Собрания Российской Федерации», иными парламентскими структурами и членами парламента «парламентского контроля на основе Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов, настоящего Федерального закона, других федеральных законов, регламентов палат Федерального Собрания Российской Федерации». Тем самым содержание дефинитивного установления ст. 94 Основного закона, можно сказать, своеобразным образом было достроено. Поправками 2020 г. в Конституцию РФ данное положение вышеупомянутого Закона получило конституционное признание (ст. 103.1). Таким образом, была восстановлена логика конституционного регулирования субъектности российского парламента. Хотя, конечно, предпочтительнее конструкция данной статьи выглядела бы в том случае, если непосредственно положения ст.103.1 содержали бы указание относительно того, что парламентский контроль предназначен прежде всего для осуществления контроля парламента за деятельностью Правительства, федеральных и иных органов, осуществляющих исполнительную власть в Российской Федерации. Представляется, что

⁶ Собрание законодательства Российской Федерации.1994. № 2. Ст. 74.

⁷ Собрание законодательства Российской Федерации.1995. № 3. Ст. 167.

⁸ Собрание законодательства Российской Федерации.2002. № 28. Ст. 2790.

⁹ Собрание законодательства Российской Федерации.1997. № 51. Ст. 5712.

положение ст. 103.1 содержательно могло бы быть представлено следующим образом: «Совет Федерации, Государственная Дума осуществляют парламентский контроль за деятельностью Правительства, иных органов, осуществляющих исполнительную власть в Российской Федерации. Порядок осуществления парламентского контроля определяется федеральными законами и регламентами палат Федерального Собрания». При этом конструктивно данную статью следовало бы расположить в качестве части второй статьи 94 Конституции РФ, тем самым признав ст. 103.1 утратившей силу. Одновременно потребуются соотнесение предлагаемых новаций с положениями ч. 1 ст. 95 действующей Конституции.

В связи с отмеченным представляется необходимым уточнение положений анализируемого Федерального закона о парламентском контроле. Прежде всего требуют коррекции положения ст. 3 данного Закона («Цели парламентского контроля»), согласовав их с его (Закона) назначением и, соответственно, функцией контроля парламента. В этой связи к числу основных целей парламентского контроля следовало бы отнести «обеспечение систематического и действенного контроля палат Федерального Собрания над исполнительной властью, иными органами публичной власти, а также организациями с публично значимыми функциями». В качестве одной из важных форм контрольной деятельности палат Федерального Собрания, комитетов и комиссий, сенаторов и депутатов Государственной Думы, предусмотренных ст. 5 Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ, следовало бы признать «осуществление парламентского контроля за реализацией федеральных конституционных и федеральных законов». Практически не предусматривает Закон солидарной деятельности палат Федерального Собрания по осуществлению парламентского контроля, кроме возможности осуществления парламентских расследований – форме парламентского контроля, к которой парламент прибегает крайне редко, в том числе из-за весьма усложненного порядка создания парламентской комиссии по расследованию фактов и обстоятельств, послуживших основанием для проведения парламентского расследования.

Принципиально важной формой парламентского контроля является прочно укоренившаяся в странах с демократическими конституционными формами правления и парламентскими традициями парламентское расследование, форма контроля, учрежденная Федеральным законом от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ «О парламентском расследовании Федерального Собрания Российской Федерации»¹⁰ и признанная Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ (п. 18 ст. 5, ст. 9). Вместе с тем установленный Федеральным законом от 27 декабря 2005 г. № 196-ФЗ порядок проведения парламентских расследований представляется чрезмерно усложненным.

В контексте рационализации форм парламентского контроля существенное значение может иметь модернизация депутатского запроса в аспекте его сближения с применяемой в парламентской практике зарубежных стран интерпелляцией. Несомненно, важной формой парламентского контроля являются ежегодные правительственные отчеты перед Государственной Думой, равно как и отчеты на уровне субъектов Федерации. В этой связи публикация полной версии такого отчета на IT-ресурсах и стенограммы его обсуждения в нижней палате Федерального парламента (региональной легислатуре) способствовала бы реальному усилению данной формы контроля парламента над исполнительной ветвью власти. В этой же связи представляется приемлемым предложение об установлении правила, согласно которому по результатам заслушивания законодательный орган федерального и регионального уровней правомочен был бы возбудить процедуру выражения недоверия должностному лицу органа исполнительной власти. Точно также требует усовершенствования процедура заслушивания представляемого Государственной Думе отчета об исполнении федерального бюджета за прошедший финансовый год.

Серьезным изъяном Федерального закона от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ является и то обстоятельство, что в нем не определены правовые средства (инструментарий) осуществления парламентского контроля, которые не пересекаются с формами данного контроля. Одновременно обращает на себя внимание то методологически значимое обстоятельство, что Федеральный закон от 7 мая 2013 г. № 77-ФЗ (в действ. ред.) не устанавливает пределы осуществления парламентского контроля, подобно тому как они закреплены в федеральных законах о парламентском расследовании (ч. 3 ст. 2), о статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы (ч. 9 ст. 8, ст. 18).

Библиография:

1. Галуева В.О. Конституционное закрепление контрольной деятельности Федерального Собрания РФ // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 8. – С. 44 – 47.
2. Червонюк В. И. Законодательная власть в зарубежных странах : учебное пособие : в 2 ч. Ч. I. Организация законодательной деятельности. – М. : Московский университет МВД России, 2009. – 182 с.
3. Червонюк, В. И. Идея права и право в идеях : в 2-х т. Т. I. Теория, философия и методология права / В. И. Червонюк [Текст]. – М.: Юстицинформ, 2021. – 736 с.
4. Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 1. / В. И. Червонюк. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019. – 888 с.
5. Червонюк В. И. Конституционное право России. Общая часть : учебник. В 2-х кн. Кн. 1. / В. И. Червонюк. – М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2019.– 672 с.

References:

1. Galueva V.O. Constitutional consolidation of the control activity of the Federal Assembly of the Russian Federation // Constitutional and municipal law. – 2021. – No. 8. – P. 44-47.
2. Chervonyuk V. I. Legislative power in foreign countries : textbook : in 2 hours I. Organization of legislative activity. – M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2009. – 182 p.
3. Chervonyuk, V. I. The idea of law and law in ideas : in 2 vols. T. I. Theory, philosophy and methodology of law / V. I. Chervonyuk [Text]. – M.: Justicinform, 2021. – 736 p.
4. Chervonyuk V. I. Constitutional law of Russia. General part : textbook. In 2 books. Book 1. / V. I. Chervonyuk. – M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2019. – 888 p.
5. Chervonyuk V. I. Constitutional law of Russia. General part : textbook. In 2 books. Book 1. / V. I. Chervonyuk. – M. : Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot, 2019.– 672 p.

¹⁰ Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 1. Ст. 7.

**ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ
УЧЕБНЫХ АУДИТОРИЙ И ПОЛИГОНОВ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ИНТЕРАКТИВНЫХ
ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ КАК УСЛОВИЕ ВЫПОЛНЕНИЯ ЗАДАЧ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ВЕДОМСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЯХ
ON THE USE OF SPECIALIZED CLASSROOMS AND POLYGONS IN THE LEARNING PROCESS
DURING INTERACTIVE PRACTICAL CLASSES AS A CONDITION FOR FULFILLING
THE TASKS OF VOCATIONAL TRAINING AND VOCATIONAL EDUCATION
IN DEPARTMENTAL EDUCATIONAL ORGANIZATIONS**

АВРУТИН Роман Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, Санкт-Петербургский университет МВД России.
ул. Аврова, 33А, г. Санкт-Петербург, 198510, Россия.
E-mail: roman-967@mail.ru;

ВАГАНОВ Александр Эрнстович,

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургский университет МВД России.
ул. Аврова, 33А, г. Санкт-Петербург, 198510, Россия.
E-mail: mobil69@mail.ru;

СТУЛЬНОВА Татьяна Владимировна,

старший преподаватель кафедры административной деятельности органов внутренних дел
Санкт-Петербургский университет МВД России.
ул. Аврова, 33А, г. Санкт-Петербург, 198510, Россия.
E-mail: stulnova@gmail.com;

AVRUTIN Roman Yuryevich,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, candidate of law, associate professor.
33A Avrova str., St. Petersburg, 198510, Russia.
E-mail: roman-967@mail.ru;

VAGANOV Alexander Ernstovich,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
33A Avrova str., St. Petersburg, 198510, Russia.
E-mail: mobil69@mail.ru;

STULNOVA Tatyana Vladimirovna,

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
33A Avrova str., St. Petersburg, 198510, Russia.
E-mail: stulnova@gmail.com

Краткая аннотация: Важную роль в образовательном процессе играет организация занятий практического свойства на базе действующих территориальных органов МВД России, а также, специализированных учебных аудиторий и учебных полигонов, созданных в образовательных организациях в соответствии с требованиями федеральных образовательных стандартов. Проведение занятий в практической, интерактивной форме в специально оборудованных для решения конкретных задач помещениях, как форма обучения, переходят из разряда новых и не опробованных в разряд повседневных и широко распространенных. В статье раскрываются цели и задачи, решаемые в процессе обучения с использованием указанных аудиторий и учебных полигонов.

Abstract: An important role in the educational process is played by the organization of practical classes on the basis of the existing territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, as well as specialized classrooms and training grounds created in educational organizations in accordance with the requirements of federal educational standards. Conducting classes in a practical, interactive form in rooms specially equipped for solving specific tasks, as a form of education, are moving from the category of new and untested to the category of everyday and widespread. The article reveals the goals and objectives to be solved in the learning process using these classrooms and training grounds.

Ключевые слова: Учебный полигон, полигон профессиональной подготовки, специализированная учебная аудитория, профессиональное обучение, интерактивная форма занятий

Keywords: Training ground, training ground, specialized classroom, vocational training, interactive form of classes.

Для цитирования: Аврутин Р.Ю., Ваганов А.Э., Ступльнова Т.В. Об использовании в процессе обучения специализированных учебных аудиторий и полигонов при проведении интерактивных практических занятий как условие выполнения задач профессионального обучения и профессионального образования в ведомственных образовательных организациях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 123-126. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_123.

For citation: Avrutin R.Yu., Vaganov A.E., Stulnova T.V. On the use of specialized classrooms and polygons in the learning process during interactive practical classes as a condition for fulfilling the tasks of vocational training and vocational education in departmental educational organizations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 123-126. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_123.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Введение в проблему

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» [1], как нормативный акт, устанавливающий основы образования, уделяет значительное внимание его правовым и организационным аспектам, раскрывая, при этом, основные понятия самого процесса образования и выделяя, в числе прочих, такие понятия как «профессиональное образование» и «профессиональное обучение». В частности, термин «профессиональное образование» раскрывается как вид образования, направленный на приобретение обучающимися знаний, умений, навыков и формирование компетенции определенных уровня и объема, которые позволяли бы вести профессиональную деятельность по специальности» [1, п. 12, ст. 2].

Приобретение же указанных знаний, умений, навыков и формирование компетенций, как желаемый результат обучения, требует выбора и использования в процессе обучения занятий определенных форм. К таковым требуемым формам можно отнести практические интерактивные занятия.

Термин «практическая подготовка» является созвучным по смыслу настоящей статьи и раскрывается как форма организации образовательной деятельности в условиях выполнения обучающимися определенных видов работ, связанных с будущей деятельностью по специальности, формирующих практические навыки и компетенции [1, п. 24, ст. 2].

Поскольку речь в настоящей статье пойдет о практической составляющей обучения по дисциплинам, связанным с административной деятельностью органов внутренних дел (далее - ОВД), и об эффективности применения в обучении практической составляющей, отмечаем, что указанная деятельность сотрудников на практике, в том числе, после окончания ими ведомственных образовательных организаций и эффективность такой деятельности определяется реализацией на практике полученных ими знаний, умений и навыков. Эффективность же применения умений и навыков может говорить о правильном выборе в ходе процесса обучения видов и форм занятий. Особенно наглядно это можно увидеть в процессе преподавания дисциплин по кафедре административной деятельности ОВД с использованием полигонов, как специализированных учебных аудиторий.

Характеристика методов и моделей обучения

В процессе обучения применяются разные методы (от греч *methodos* – путь, способ продвижения к истине), направленные на разнообразие учебного процесса, объединение усилия преподавателя и обучающихся, реализацию познавательной активности в целях решения задач образования.

Следует отметить, что развивающаяся педагогическая наука использует различные классификации активных методов обучения, включающих различные формы организации обучения, к которым относят семинары различных форм, проектное обучение и обучение в сотрудничестве, тренинги и обучающие игры.

Получить практические навыки при реализации образовательных программ возможно в ходе проведения практических занятий, либо в ходе стажировок в территориальных подразделениях МВД России.

В сложившихся условиях выбор выпадает в пользу проведения практических занятий в специализированных учебных аудиториях под руководством преподавателя. В результате правильной организации такого вида занятий можно добиться требуемого результата знания материала и формирования практических навыков.

Для достижения желаемого результата обучения наиболее целесообразно и эффективно применение так называемого интерактивного обучения – одного из видов активных методов обучения. Интерактивное обучение (от англ. *interaction* – взаимодействие) – это «обучение, построенное на взаимодействии учащегося с учебным окружением, учебной средой, которая служит областью осваиваемого опыта» [2, с. 107]. При этом следует учитывать, что взаимодействие необходимо как между преподавателем и обучающимися, так и внутри группы, где все обучающиеся контактируют и работают сообща, в рамках единой учебной задачи и заданной учебной обстановки. Ряд исследователей отмечают повышение эффективности обучения при использовании интерактивного метода. Так, по мнению Жигаловой Е.А., посредством интерактивных средств возможно изменение форм взаимодействий, вследствие чего происходит активизация обучающих процессов и сокращение сроков достижения целей обучения [3, С. 85]. Кроме того, Тхагалегов А. А. отмечает, что организация интерактивного взаимодействия с практическими работниками стимулирует диалоговое общение со слушателями, обеспечивает осознанное и личное переживание усвоение знаний в процессе проблемно-аналитической и учебно-исследовательской деятельности [4, С. 168].

Следует отметить, что интерактивный метод проведения практического занятия подразумевает подготовку преподавателем некоего раздаточного материала, которым может быть бланки служебных или процессуальных документов; замысел (сценарий) некой ситуации; план наращивания игровой оперативной обстановки; алгоритмы их доведения до участников занятия что, с учетом использования средств интерактивного обучения, позволит добиться желаемого результата практического занятия.

Но интерактивное обучение - это не только проведение ролевых игр в учебных коллективах, где каждому отводится своя игровая роль и задача. Это ещё и обстановка, приближающая участников занятия к реальности происходящих событий. Создать приближенную к реальности обстановку действующего подразделения территориального органа только с использованием бумажных носителей и оргтехники невозможно. Здесь необходимо использовать дополнительные средства, к числу которых следует отнести и само место проведения практического занятия рассматриваемой нами формы. В данном случае, мы говорим о создании специализированных учебных аудиторий с обстановкой и характером внешнего оформления служебных помещений, в частности, помещений территориальных органов МВД России.

Изучив ряд документов Министерства образования РФ, можно констатировать, что, например, Федеральные образовательные стандарты в сфере высшего образования устанавливают определённые требования к специальным помещениям – они должны представлять собой учебные аудито-

рии для проведения занятий как групповых, так и индивидуальных форм, быть укомплектованными специализированной мебелью и техническими средствами обучения, служащими для представления учебной информации большой аудитории. Помещения должны быть оснащены компьютерной техникой с возможностью подключения к сети «Интернет» и обеспечивать доступ в электронную информационно-образовательную среду организации. В случае применения электронного обучения, дистанционных образовательных технологий, возможна замена специально оборудованных помещений их виртуальными аналогами, позволяющими обучающимся осваивать умения и навыки, предусмотренные профессиональной деятельностью [5].

Данная форма предполагает наличие заранее созданной обстановки и ролевого участия в ее разрешении обучающимися. Одним из вариантов проведения занятия можно рассматривать ролевую игру, как разыгрывание обучающимися заданных ситуаций с распределёнными ролями, способствующими овладению ими определёнными профессиональными навыками, например, по предполагаемой должности обучающегося по специальности. Участники игры получают задание, распределяют игровые роли, выполняют задания в соответствие предложенной ситуацией и представляют выработанное решение по ситуации либо на обсуждение всех участников игрового коллектива, либо преподавателю, как конечный результат их деятельности на занятии.

Преимуществом этого метода является то, что каждый обучающийся может представить себя в предложенной ситуации в игровой роли конкретного должностного лица, принимающего определённые решения либо выполняющего определённые действия по должностным обязанностям.

Созданные в течение последних лет кафедрой административной деятельности ОВД специализированные учебные аудитории (полигоны) для интерактивного обучения, а именно «Учебная дежурная часть», «Учебный участковый пункт полиции», «Ситуационный центр», полностью отвечают задачам, для реализации которых они предназначены, а с учетом возможности кратковременного погружения обучающихся в реальную деятельность ОВД и с самостоятельными принятия решений, с составлением соответствующих служебных и процессуальных документов, позволяют приобретать и накапливать необходимый начальный практический опыт.

В практическом аспекте обучения учебный полигон – это специально оборудованное учебное место, помещение, передающее атмосферу служебного помещения реально действующего подразделения, где решается комплексная задача по учебной, методической и воспитательной работе.

Мы уже обращались к вопросам использования специализированных аудиторий и поведения занятий интерактивной формы в ведомственных образовательных организациях, где на базе учебных полигонов решаются такие вопросы как организации и проведения практических занятий с обучающимися; организации групповых и индивидуальных консультаций; разработки учебно-методических материалов; организации и проведения итоговой государственной аттестации; проведения мероприятий по профессиональной ориентации абитуриентов интересах их трудоустройства; привлечения обучающихся и преподавателей к реализации исследовательских и аналитических проектов [6].

Учебные процессы в ВУЗах не остаются неохваченными внедрением в них новых информационно-коммуникационных технологий посредством создания и использования ситуационных центров, специализированных полигонов по отдельным дисциплинам (ситуационные и мониторинговые центры, учебные дежурные части, пункты участковых уполномоченных, сотрудников подразделений миграционного направления и др. – это только в рамках дисциплин кафедры административной деятельности ОВД) [7].

Создание ситуационных центров и других полигонов в образовательных организациях определено необходимостью и целесообразно для поддержки ресурсами и средствами разнообразных активных и интерактивных форм проведения занятий с обучающимися; обучения постоянного и переменного состава учебной организации к использованию современных информационных, аналитических и технологических средств; проведения деловых игр, учений; отработки новых информационных технологий, а также создание прототипов управленческих и служебных технологий при выполнении возложенных на исполнителя функциональных обязанностей по должности [7].

Чтобы смоделировать деятельность отдельных подразделений ОВД по выработке решений, целесообразно использовать возможности Ситуационных центров, как специализированных учебных аудиторий, позволяющих обучающимся, в рамках задач интерактивного практического занятия, в данном случае – учения, принимать управленческие решения. Соответствуя требованиям, предъявляемым к объектам данного назначения, Ситуационный центр СПбУ МВД России, при включении его в единую систему общественной безопасности «Безопасный город» [8, 9], может быть использован в качестве инструмента мониторинга состояния отдельных элементов оперативной обстановки.

Все полигоны используются при проведении занятий в интерактивной форме по дисциплинам административная деятельность полиции; основы учета и регистрации сообщений о происшествиях в органах внутренних дел; административная юрисдикция органов внутренних дел; организация деятельности участковых уполномоченных полиции.

Выводы и заключение

Использование в образовательной деятельности вышеуказанных специализированных аудиторий (полигонов) позволяет более полно и качественно отрабатывать учебные вопросы *учения*, как вида интерактивных занятий – действия обучающихся в ролях различных должностных лиц практических подразделений ОВД, в частности, их руководителей, по отработке вопросов решения учебных оперативно-служебных задач согласно сценарию кафедрального учения.

Приказ Минобрнауки России [10], раскрывая требования к материально-техническому и учебно-методическому обеспечению программы бакалавриата [10, п. 4.3.1.], прописывает, в качестве обеспечения процесса обучения, наличие центра деловых игр, а перечень компетенций, формирующихся у обучающийся, несомненно, предполагает использование в обучении передовых технологий, включающих передовые и эффективные фор-

мы занятий и средства, их обеспечения.

Целью учений является закрепление обучающимися приобретённых теоретических знаний практическими навыками и умениями, необходимыми для осуществления профессиональной деятельности в подразделениях полиции. Соответственно, задачами для достижения целей можно считать приобретение и совершенствование профессиональных навыков и умений в соответствии с профилем подготовки и программой обучения; углубление и закрепление теоретических знаний, полученных в процессе изучения дисциплин по специальности обучения; закрепление полученных обучающимися теоретических знаний по деятельности практических органов по планированию и проведению мероприятий по охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности на территории обслуживания; формирование у обучающихся профессиональных умений, навыков и качеств, необходимых для эффективной практической деятельности при выполнении оперативно-служебных и служебно-боевых задач; закрепление навыков составления служебных и процессуальных документов [7].

Можно сделать вывод о том, что учения являются высшей формой практического обучения в интерактивной форме.

Библиография:

1. Федеральный закон от 29 декабря 2012 № 273-ФЗ "Об образовании в Российской Федерации" // СПС «Гарант» (дата обращения 24.05.2024)
2. Педагогический энциклопедический словарь / Гл. ред. Б. М. Бим-Бад. - Москва: Большая рос. энцикл., 2009. - 527 с.
3. Жигалова Е. А. Визуализация учебной информации как средство интерактивного обучения слушателей курсов профессиональной подготовки вузов МВД / Е. А. Жигалова // Проблемы современного педагогического образования. – 2022. – № 74-1. – С. 84-86.
4. Тхагалегов А. А. Использование активных и интерактивных методов обучения в ходе реализации образовательного процесса в вузах МВД России / А. А. Тхагалегов // Лучшая научная работа 2021: сборник статей II Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 10 ноября 2021 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2021. – С. 166-169.
5. Приказ Минобрнауки России от 13 августа 2020 № 1011 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.01 Юриспруденция" // СПС «Гарант» (дата обращения 24.05.2024)
6. Ваганов А. Э. К вопросу об интерактивной форме обучения: оперативно-тактические учения в учебных заведениях МВД России как интерактивная форма проведения занятий / А. Э. Ваганов // Повышение эффективности образования и науки в Санкт-Петербургском университете МВД России в рамках реализации "дорожной карты" МВД России: материалы учебно-методического сборника, Санкт-Петербург, 09–11 января 2014 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. – С. 59-63.
7. Ваганов А. Э. К вопросу об использовании специализированных аудиторий при проведении занятий интерактивной формы по дисциплинам практической направленности в ведомственных образовательных организациях / А. Э. Ваганов // Актуальные проблемы административной деятельности органов внутренних дел (посвящается 25-летию кафедры административной деятельности органов внутренних дел): Материалы межвузовской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 сентября 2017 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 27-32.
8. Постановление Правительства Российской Федерации от 20 января 2014 № 39 "О Межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств "Безопасный город" (вместе с "Положением о Межведомственной комиссии по вопросам, связанным с внедрением и развитием систем аппаратно-программного комплекса технических средств "Безопасный город") // СПС «Гарант» (дата обращения 24.05.2024)
9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 03 декабря 2014 № 2446-р "Об утверждении Концепции построения и развития аппаратно-программного комплекса "Безопасный город" // СПС «Гарант» (дата обращения 24.05.2024)
10. Приказ Минобрнауки России от 27 июля 2021 № 677 "Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования - бакалавриат по направлению подготовки 40.03.02 Обеспечение законности и правопорядка" // СПС «Гарант» (дата обращения 24.05.2024)

References:

1. Federal Law No. 273-FZ dated December 29, 2012 "On Education in the Russian Federation" // SPS "Garant" (accessed 05/24/2024)
2. Pedagogical encyclopedic dictionary / Chief editor B. M. Bim-Bad. - Moscow: Bolshaya ros. encikl., 2009. - 527 p.
3. Zhigalova E. A. Visualization of educational information as a means of interactive training for students of vocational training courses at universities of the Ministry of Internal Affairs / E. A. Zhigalova // Problems of modern pedagogical education. – 2022. – No. 74-1. – pp. 84-86.
4. Tkhagalegov A. A. The use of active and interactive teaching methods during the implementation of the educational process in universities of the Ministry of Internal Affairs of Russia / A. A. Tkhagalegov // The best scientific work 2021: collection of articles of the II International Scientific Research Competition, Penza, November 10, 2021. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. – pp. 166-169.
5. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated August 13, 2020 No. 1011 "On approval of the Federal State educational standard of higher education - Bachelor's degree in the field of training 40.03.01 Jurisprudence" // SPS "Garant" (accessed 05/24/2024)
6. Vaganov A. E. On the issue of interactive learning: operational and tactical exercises in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia as an interactive form of conducting classes / A. E. Vaganov // Improving the effectiveness of education and science at the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia within the framework of the implementation of the "roadmap" of the Ministry of Internal Affairs of Russia: materials of the educational and methodological collection, St. Petersburg, January 09-11, 2014. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2014. – pp. 59-63.
7. Vaganov A. E. On the issue of using specialized classrooms when conducting interactive classes in practical disciplines in departmental educational organizations / A. E. Vaganov // Actual problems of administrative activity of internal affairs bodies (dedicated to the 25th anniversary of the Department of Administrative Activity of Internal Affairs bodies): Materials of the interuniversity scientific and practical conference, St. Petersburg, St. Petersburg, September 29, 2017. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018. – pp. 27-32.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation No. 39 dated January 20, 2014 "On the Interdepartmental Commission on issues related to the implementation and development of the hardware and Software complex of technical means "Safe City" (together with the "Regulations on the Interdepartmental Commission on issues related to the implementation and development of systems of the hardware and software complex of technical means "Safe city") // SPS "Garant" (accessed 05/24/2024)
9. Decree of the Government of the Russian Federation dated December 03, 2014 No. 2446-r "On approval of the Concept of construction and development of the hardware and software complex "Safe City" // SPS "Garant" (accessed 05/24/2024)
10. Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated July 27, 2021 No. 677 "On approval of the Federal State Educational standard of higher Education - bachelor's degree in the field of training 40.03.02 Ensuring law and order" // SPS "Garant" (date of application 05/24/2024)

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЮРИСДИКЦИЯ В ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ЭКСТРЕМИЗМУ Administrative jurisdiction in extremism contraction

ВАРГАСОВ Виталий Константинович,

старший научный сотрудник

Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, д. 25, стр. 1.

E-mail: v-vargasov@mail.ru;

Vitaly K. Vargasov,

senior research fellow of Russian government scientifically research institute of the Ministry of internal affairs.

25 Povarskaya str., building 1, Moscow, 121069, Russia.

E-mail: v-vargasov@mail.ru

***Краткая аннотация.** Данная работа посвящена роли административно-юрисдикционной деятельности в противодействии экстремизму, а также вопросам взаимодействия административной и уголовной юрисдикций. Также, на основе практических примеров, в статье рассмотрены отдельные административно-правовые средства противодействия экстремистской деятельности.*

***Abstract.** The work is devoted of the role of administrative jurisdiction activity in extremism contraction and the questions of interaction of administrative and criminal jurisdictions. On a basis of the practice situations, the individual administratively legal means of extremism contraction were regarded.*

***Ключевые слова.** Юрисдикция, экстремизм, правонарушение, противодействие, профилактика.*

***Keywords.** Jurisdiction, extremism, offence, contraction, prevention.*

***Для цитирования:** Варгасов В.К. Административная юрисдикция в противодействии экстремизму // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 127-130. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_127.*

***For citation:** Vargasov V.K. Administrative jurisdiction in extremism contraction // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 127-130. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_127.*

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Одной из главных задач современного российского государства является достижение гражданского мира и согласия в обществе посредством эффективного функционирования системы обеспечения национальной безопасности [1, с. 6]. Представляется, что решить данную задачу невозможно без эффективной государственной политики, направленной на противодействие экстремизму, который является возможно наиболее опасной угрозой для нашего государства в настоящее время. Как справедливо отмечает Пролетенкова С.Е., процессы, идущие в настоящее время в России в области межнациональных и межконфессиональных взаимоотношений, во многом являются политическим наследием распада СССР [1, с. 6]. В большей степени борьба с экстремизмом осуществляется в формах оперативно-розыскной деятельности¹ и уголовного преследования, при этом значимую роль наряду с уголовно-правовым противодействием играет административная деятельность, осуществляемая полицией, органами государственной власти и другими государственными органами. Она включает в себя профилактику, а также выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности в рамках контрольно-надзорной и иной административной деятельности, а также производство по делам об административных правонарушениях данной категории.

Содержание понятия экстремистской деятельности (экстремизма) достаточно полно отражено в п. 1 ст. 1 Федерального закона от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»². Среди прочего оно включает в себя как совершение преступлений, по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, а также действия, которые в случае совершения их впервые, могут подпадать под признаки административного правонарушения, например, возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной ненависти. Как справедливо отмечает А.П. Шергин, административная и уголовная юрисдикции являются наиболее близкими по своей природе и решаемым задачам [2, с. 49]. Как следствие, в ходе практической деятельности, данные юрисдикции не редко взаимодействуют посредством процессуальных норм права, которые, как отмечает Сорокин В.Д., будучи элементы единой системы права, взаимодействуют с другими отраслями права в целом [3, с. 133].

На практике подобное взаимодействие административной и уголовной юрисдикций достаточно часто встречается, когда в ходе производства по делу об административном правонарушении устанавливаются признаки преступления, например, выясняется наличие экстремистского мотива нанесения побоев в ходе производства административного расследования по делу о правонарушении, предусмотренном ст. 6.1.1 КоАП РФ³. Рассмотрим следующий практический пример. Гражданин Ш., являющийся иностранным гражданином, в ходе конфликта нанес побои гражданину И., в результате которых последний испытал физическую боль. В ходе административного расследования, путем опроса свидетелей, установлено, что как непосредственно перед

¹ Далее по тексту ОРД.

² Далее по тексту Федеральный закон № 114-ФЗ.

³ Далее по тексту КоАП РФ.

нападением, так и при многократном нанесении ударов гражданину И., гражданин Ш., допускал высказывания, националистического толка, направленные на унижение И., как представителя конкретного этноса. Таким образом, в рассматриваемом случае, в действиях нарушителя, имеются признаки преступления, предусмотренного ст. 116 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту УК РФ)¹. В такой юридической ситуации, уполномоченное должностное лицо, должно вынести постановление о прекращении административного расследования и составить рапорт, в порядке, предусмотренном ст. 143 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации² об обнаружении признаков преступления. После этого материалы проверки должны быть направлены в подразделение осуществляющее предварительное расследование в форме дознания, для принятия решения в порядке, предусмотренном ст. 145 УПК РФ³. При этом судами отмечается, что квалификация побоев требует тщательного исследования причин и обстоятельств их причинения, так как в зависимости от квалификации за причинение побоев лицо может быть подвергнуто административному наказанию по ст. 6.1.1 КоАП РФ или уголовному наказанию по ст. 116 или 116.1 УК РФ⁴. Кроме того, в качестве одного из существенных недостатков протокола об административном правонарушении отмечается отсутствие данных, прямо перечисленных в ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ, и иных сведений, в зависимости от их значимости для конкретного дела об административном правонарушении⁵. В частности, ч. 2 ст. 28.2 КоАП РФ предусматривает, что в протоколе об административном правонарушении указываются адреса места жительства потерпевших и свидетелей правонарушения. Следовательно, в случае, если административное расследование прекращается и протокол об административном правонарушении не составляется, то такие сведения должны содержаться в самом материале проверки (рапортах, объяснениях), в противном случае в дальнейшем могут возникнуть сложности в установлении фактического места нахождения лиц, обладающих важной информацией о фактических обстоятельствах правонарушения. Подобная юридическая ситуация является наглядным примером того, как недостатки административно-юрисдикционной деятельности отрицательно сказываются на ходе предварительного расследования.

Другим примером взаимодействия административной и уголовной юрисдикций посредством процессуальных норм права является ситуация, когда в ходе предварительного расследования, устанавливаются признаки какого-либо административного правонарушения, напрямую не связанного с расследуемым преступлением. Не редко это встречается по уголовным делам об организованной преступной деятельности этнических преступных групп, в том числе состоящих из иностранных граждан. Рассмотрим следующий пример. Следственным подразделением направлено в суд уголовное дело о вымогательстве⁶, совершенном участниками этнической преступной группы. В ходе предварительного следствия, при обыске, проводимом по месту жительства одного из обвиняемых, обнаружены доказательства совершения им административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ⁷. По данному факту следователем вынесено постановление о выделении материалов уголовного дела в отдельное производство. На примере данной следственной ситуации необходимо рассмотреть ряд вопросов, в контексте соотношения административной и уголовной юрисдикций.

Прежде всего, в соответствии с ч. 1 ст. 155 УПК РФ в случае если в ходе предварительного расследования становится известно о совершении иными лицами преступления, не связанного с расследуемым преступлением, следователь, дознаватель выносит постановление о выделении материалов, содержащих сведения о новом преступлении, из уголовного дела и направлении их для принятия решения: следователь - руководителю следственного органа, а дознаватель - начальнику органа дознания.

Как видно из указанной формулировки, речь идет исключительно о преступлении. На практике подобный механизм зачастую используется следователями и дознавателями для принятия решения по всем правонарушениям, непосредственно не связанным с расследуемым деянием, сведения о которых были получены в ходе предварительного расследования. Подобная правовая позиция продиктована, прежде всего, целью избежать возвращения уголовного дела прокурором для производства дополнительного расследования, в связи с его неполнотой. Однако представляется, что подобная неточность, в перспективе, предоставляет возможность стороне защиты поставить под сомнение изначальную законность принятого решения о выделении в отдельное производство материалов уголовного дела, если речь идет об административном правонарушении. В данной связи представляется, что внесение изменений в ч. 1 ст. 155 УПК РФ, в части использования вместо понятия «преступление» понятие «правонарушение», в перспективе позволило бы избежать подобных коллизий. Кроме того, предложенная формулировка соответствовала бы современным тенденциям отечественного законодательства, все чаще оперирующего термином правонарушение, под которым понимаются как преступления, так и административные правонарушения⁸.

Кроме того, необходимо учитывать, что в соответствии с п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта

¹ Побои или иные насильственные действия, причинившие физическую боль, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 настоящего Кодекса, совершенные из хулиганских побуждений, а равно по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

² Далее по тексту УПК РФ.

³ Решения, принимаемые по результатам рассмотрения сообщения о преступлении.

⁴ Обобщение судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 6.1.1 КоАП РФ, рассмотренные мировым судьей Шарлыкского района Оренбургской области за 2021 год. URL: <https://shr.kodms.ru/press/obobshchenie-sudebnoj-praktiki-po-delam-ob-administrativnyh-pravonarusheniyah-predusmotrennyh-statej-611-koap-rf-rassmotrennye-mirovym-sudej-sharlykского-raiona-orenburgskoj-oblasti-za-2021-god>.

⁵ Там же.

⁶ Статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту УК РФ).

⁷ Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральным законом, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния.

⁸ Так, в соответствии с п. 1 ст. 2 Федерального закона Российской Федерации от 23 июня 2016 года № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» правонарушение – это преступление или административное правонарушение, представляющие собой противоправное деяние (действие, бездействие), влекущее уголовную или административную ответственность.

2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» не являются административным расследованием процессуальные действия, совершенные в соответствии с нормами УПК РФ в рамках предварительного расследования по уголовному делу, возбужденному в отношении лица, привлекаемого к административной ответственности, и впоследствии прекращенному. То есть, возвращаясь к вышеописанному примеру, в случае, прекращения уголовного дела, выделенные из него материалы в отношении лица, в действиях которого усматриваются признаки административного правонарушения, недопустимо использовать в качестве доказательств по делу об административном правонарушении. Данное обстоятельство может повлечь недопустимость таких важных доказательств как протоколы изъятия и осмотра предметов и документов, содержащих сведения о совершенном правонарушении, показания свидетелей, признательные показания самого подозреваемого (обвиняемого), а также материалы оперативно-розыскной деятельности, включая специальные технические мероприятия (прослушивание телефонных переговоров, получение компьютерной информации и т.д.). Кроме того, из данной формулировки не ясно действует ли указанная норма при прекращении всего уголовного дела, либо это касается конкретного лица, в отношении которого прекращено уголовное преследование. Представляется, что в связи с необходимостью наличия административной преюдиции по ряду экстремистских преступлений, указанное положение было бы целесообразно пересмотреть и конкретизировать.

Помимо вышеизложенного, необходимо обратить внимание на сроки привлечения к административной ответственности. Не редко, предварительное следствие длится не один месяц, а порой даже не один год. В первую очередь органы следствия сосредоточены на установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, круг которых определен ст. 73 УПК РФ, в связи с чем материалы, которые могут лечь в основу административного производства выделяются из уголовного дела на поздних этапах расследования, что может повлечь освобождение виновного лица от административной ответственности. Так срок привлечения к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 20.3 КоАП РФ составляет три месяца со дня его совершения. При этом, привлечение лица к административной ответственности за данное правонарушение является необходимым условием (административной преюдицией) для возбуждения уголовного дела по ст. 282.4 УК РФ¹. Таким образом, несвоевременность принятия процессуальных решений должностным лицом, осуществляющим предварительное расследование, то есть действующим в рамках уголовной юрисдикции, влечет за собой невозможность реализации профилактической функции административной санкции, применение которой является одним из важнейших элементов системы профилактики правонарушений и одной из задач административно-юрисдикционной деятельности. Стоит отметить, что в системе органов предварительного следствия МВД России, за последние годы активизирована работа в данном направлении. Так, в соответствии с Письмом Следственного Департамента МВД России от 08 октября 2022 года № 17/2-35938 «О направлении алгоритма действий следователя по расследованию дистанционных хищений», на следователей возлагается обязанность при обнаружении признаков административного правонарушения, не позднее трех рабочих дней с момента их установления выделять материалы из уголовных дел о привлечении виновных лиц к административной ответственности по ст. 13.29 КоАП РФ². Кроме того, указывается на небольшие сроки давности привлечения к административной ответственности за совершение данного правонарушения, которые составляют 90 суток, в случае рассмотрения дела судом³. Представляется, что столь же пристальное внимание необходимо сосредоточить и на административных правонарушениях экстремистской направленности, в особенности совершаемых иностранными гражданами, во-первых, как уже указывалось выше, ввиду необходимости административной преюдиции для возбуждения уголовных дел по ряду экстремистских преступлений, во-вторых, местонахождение иностранного гражданина гораздо труднее контролировать, в случае если в отношении него не избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Не менее важной является взаимодействие административной и уголовной юрисдикций при осуществлении профилактики правонарушений. При этом такое межотраслевое взаимодействие также осуществляется посредством процессуальных норм права. Принято считать, что устранение причин и условий преступности, то есть ее предупреждение, относится к предмету криминологии [4, с. 34]. Однако, нельзя отрицать и роль административно-правовых средств в противодействии преступности. Так следователь или дознаватель, расследуя конкретное преступление, с помощью криминалистических методов устанавливает обстоятельства и условия его совершения. Устранение последних, является важнейшим аспектом профилактики правонарушений, которая реализуется посредством административно-правовых средств. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона. Данное представление подлежит рассмотрению с обязательным уведомлением о принятых мерах не позднее одного месяца со дня его вынесения. В случае умышленного невыполнения законных требований следователя или дознавателя, виновное лицо может быть привлечено к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ. Рассмотрим следующий

---

¹ Неоднократные пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами.

² Неисполнение установленных законодательством Российской Федерации в области связи требований к заключению договоров об оказании услуг связи, несоблюдение порядка проверки достоверности сведений об абоненте и сведений о пользователях услугами связи абонента - юридического лица либо индивидуального предпринимателя либо оказания услуг связи в случае отсутствия в федеральной государственной информационной системе «Единая система идентификации и аутентификации в инфраструктуре, обеспечивающей информационно-технологическое взаимодействие информационных систем, используемых для предоставления государственных и муниципальных услуг в электронной форме» сведений, внесение которых является обязательным.

³ Из выступления заместителя начальника Следственного Департамента МВД России Филиппова Д.В. на форуме «Право цифровой безопасности» 24 апреля 2024, МГИМО, Москва.

практический пример. Студентами учебного заведения, совершено преступление, предусмотренное п. «б» ч. 2 ст. 213 УК РФ¹. В подобных случаях следователи допрашивают не только администрацию учебного заведения, но и свидетелей из числа лиц, которые общались с обвиняемыми. Так, ряд свидетелей из числа учащихся данного учебного заведения показали, что обвиняемые, еще до совершения инкриминируемого преступления, находясь на территории учебного заведения неоднократно допускали публичные высказывания, характеризующиеся национальной и религиозной ненавистью по отношению к другим учащимся, о чем очевидцами было сообщено администрации учебного заведения, однако никаких мер принято не было. Кроме того, в ходе расследования установлено, что в момент совершения преступления, обвиняемые находились в состоянии наркотического опьянения. В соответствии с п. 15.1 ч. 3 ст. 28 Федерального закона от 29 декабря 2012 года № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» к компетенции образовательной организации в установленной сфере деятельности относится проведение социально-психологического тестирования обучающихся в целях раннего выявления незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ. В указанном образовательном учреждении подобное тестирование не проводилось. Кроме того, в соответствии с п. 2 ч. 6 указанного закона образовательная организация обязана осуществлять свою деятельность в соответствии с законодательством об образовании, в том числе создавать безопасные условия обучения, а также безопасные условия воспитания обучающихся, присмотра и ухода за обучающимися. Таким образом, своими действиями, которые нарушили перечисленные правовые нормы, которые по своей природе являются административными, сотрудники данного образовательного учреждения способствовали созданию условий для совершения указанного преступления. В рассматриваемом случае у следователя имеются основания для направления в данную образовательную организацию представления в порядке, предусмотренном ч. 2 ст. 158 УПК РФ. Представляется, что, получив такое представление руководство администрации данного образовательного учреждения должно: а) провести вышеуказанное тестирование, о чем издать соответствующее распоряжение; б) рассмотреть вопрос о привлечении к дисциплинарной ответственности сотрудников данного учреждения, отвечающих за воспитательную работу среди учащихся. Таким образом, устранение условий, способствующих совершению рассматриваемого преступления осуществляется посредством административных нормативных правовых актов локального характера. При этом, в случае умышленного неисполнения законных требований следователя, должностные лица данного учебного заведения могут быть привлечены к административной ответственности по ст. 17.7 КоАП РФ.

В заключении необходимо отметить, что взаимодействие административной и уголовной юрисдикций является крайне важным аспектом противодействия экстремистской деятельности. Однако данное направление деятельности нуждается в дальнейшем развитии, включающем как совершенствование его правового регулирования, так и правоприменительной практики.

Библиография:

1. Пролетенкова С.Е. Противодействие религиозному экстремизму в Российской Федерации (административно-правовой аспект). Москва : ООО «Галерея», 2013. – 432 с.
2. Шергин А.П. Административная юрисдикция. Москва : Юрид. лит., 1979. 144 с.
3. Сорокин В.Д. Метод правового регулирования. Теоретические проблемы. Москва : Юрид.лит., 1976. 142 с.
4. Долгова А.И. Криминология : учебник / под общ. ред. А.И. Долговой. - 4-е издание, переработанное и дополненное. Москва : Норма : Инфра-М, 2010. 1007 с.

References:

1. Proletenkova S.E. Contraction of religious extremism in Russian Federation (administratively legal aspect). Moscow : «Gallery», 2013. – 432 p.
2. Shergin A.P. Administrative jurisdiction. Moscow : Legal literature, 1979. – 144 p.
3. Sorokin V.D. Method of legal regulation. Theoretical problems. Moscow : Legal literature, 1976. 142 p.
4. Dolgova A.I. Criminology : textbook. – fourth edition, processed and added. Moscow : Norma : Infa-M, 2010. 1007 p.

¹ Хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

О НЕДОСТАТКАХ ИЗБРАНИЯ ГЛАВЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПРЯМЫМ ГОЛОСОВАНИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ РЕАЛИЯХ ABOUT THE DISADVANTAGES OF ELECTING THE HEAD OF A MUNICIPALITY BY DIRECT VOTE IN MODERN REALITIES

ШАСТИНА Анжелика Размиковна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет».

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: shastina.ar@gmail.com;

ПРИХОДЬКО Татьяна Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности ФГБОУ ВО «Байкальский государственный университет», г. Иркутск,

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: prikhodko_tv@mail.ru;

Shastina Angelika Razmikovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Chair of legal support of national security, Baikal State University, 11, Lenin Street, 664003, Irkutsk.

E-mail: shastina.ar@gmail.com;

PRIKHODKO Tatiana Victorovna,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Legal Support of National Security, Institute of State Law and National Security, Baikal State University, Irkutsk.

11, Lenin Street, 664003, Irkutsk.

E-mail: prikhodko_tv@mail.ru

Краткая аннотация: В условиях поиска путей совершенствования местного самоуправления в Российской Федерации в настоящей статье исследуются прямые выборы как способ замещения должности главы муниципального образования, с точки зрения соответствия данного подхода современным запросам и ожиданиям населения муниципалитетов от местной власти. Автор, рассматривая исторический аспект прямого волеизъявления граждан для избрания высшего должностного лица местного самоуправления, оценивая эффективность альтернативных способов избрания на указанную должность, приходит к выводу, что использование прямого избрания не лишено объективных недостатков, а задачей российского законодателя на перспективу является дальнейший поиск оптимальной модели, с сохранением полученного опыта профессионального подхода к замещению должности главы муниципального образования.

Abstract: In the context of searching for ways to improve local self-government in the Russian Federation, this article examines direct elections as a way to fill the position of head of a municipality, from the point of view of compliance of this approach with the modern demands and expectations of the population of municipalities from local authorities. The author, considering the historical aspect of the direct expression of the will of citizens for the election of the highest official of local government, assessing the effectiveness of alternative methods of election to the specified position, comes to the conclusion that the use of direct election is not without objective disadvantages, and the task of the Russian legislator in the future is to further search for the optimal model, while maintaining the experience gained in a professional approach to filling the position of head of a municipality.

Ключевые слова: глава муниципального образования, выборы, конкурс, местное самоуправление, избирательное право.

Key words: head of a municipality, elections, competition, local government, electoral law.

Для цитирования: Шастина А.Р., Приходько Т.В. О недостатках избрания главы муниципального образования прямым голосованием в современных реалиях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 131-133. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_131.

For citation: Shastina A.R., Prikhodko T.V. On the disadvantages of electing the head of a municipality by direct vote in modern realities // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 131-133. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_131.

Статья поступила в редакцию: 29.05.2024

Российское местное самоуправление находится в постоянном поиске правовых и практических инструментов для повышения эффективности решения задач по обеспечению жизнедеятельности населения муниципалитетов.

Постоянная нехватка профессионально подготовленных кадров местного самоуправления и муниципальной службы создает необходимость для законодателя изыскивать различные способы решения данной проблемы. Без сомнения, к ним можно отнести и включение в 2015 г. в Федеральный закон «О муниципальной службе в Российской Федерации» статьи 28.1 «Подготовка кадров для муниципальной службы на договорной основе»¹, создание, по поручению Президента Российской Федерации Владимира Путина, образовательного проекта «Школа мэров»², однако, главным маркером острой нужды муниципалитетов в управлении профессионалами стала безусловная популярность избрания главы муниципального образования депутатами представительного органа из числа кандидатур, прошедших конкурсный отбор, что предусмотрено ст. в 36 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»³

Тем не менее, в январе 2022 г. в первом чтении Государственной Думой Российской Федерации был принят законопроект «Об общих

¹ О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 г. № 25-ФЗ // СЗ РФ. 05.03.2007. № 10. Ст. 1152.

² «Школа мэров» обучит слушателей в Президентской академии. – URL: <https://lenta.ru/news/2023/12/07/shkolamerov/>

³ Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный закон от 6 окт. 2003 г. № 131-ФЗ // СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти»,¹ где данный способ замещения должности главы муниципального образования отсутствует, а в качестве альтернативы муниципальным выборам предложены варианты избрания мэра представительным органом муниципального образования из своего состава либо из числа кандидатов, представленных высшим должностным лицом субъекта Российской Федерации. Последний вариант является абсолютной новеллой для современной российской муниципальной практики.

Предположим, что затянувшаяся, по объективным причинам, подготовка поправок к названному законопроекту может коснуться и моделей избрания главы муниципального образования. По нашему мнению, несмотря на имеющиеся недостатки избрания по итогам конкурса, полный отказ от попыток обеспечить профессионализацию муниципального управления в лице главы муниципального образования, не обоснован [см., например: 1, 2, 4, С. 163]. Кажущееся преимущество избрания главы муниципального образования на прямых муниципальных выборах (в этом случае глава может быть председателем представительного органа либо главой местной администрации, что чаще) основано на том, что это традиционный и самый понятный населению муниципального образования способ, хотя в современных реалиях российского местного самоуправления он не всегда способен обеспечить эффективное решение задач муниципальной власти.

Действительно, данный способ замещения должности главы муниципалитета можно считать классическим. Начиная с 19 века, когда местное самоуправление получило широкое распространение в Европе и самоуправляющиеся коммуны стали использовать выборы представителей для решения насущных вопросов, выборы главы, местного руководителя, оказались наиболее логичным завершением построения организационной структуры. В России, в постсоветский период, выборы населением главы муниципального образования применялись практически повсеместно. Реальная альтернатива появилась с момента вступления в силу Федерального закона № 131-ФЗ, и расширилась в 2014 году.

Выборы главы муниципального образования население осуществляет на основе равного избирательного права прямым, тайным голосованием, в соответствии с законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации. При избрании главы муниципального образования население муниципального образования граждане Российской Федерации реализуют активное и пассивное избирательное право, которое им предоставлено Конституцией Российской Федерации. Однако, организация и проведения выборов во все времена и на всех территориальных уровнях требуют финансовых затрат, а в условиях, когда большинство муниципалитетов страдают от дефицита местного бюджета, применение непрямых выборов для избрания главы муниципального образования позволяет сократить расходные части местных бюджетов. Хотя данный аргумент подвергается критике со стороны учёных, так как выборы являются формой непосредственной демократии и закреплены в конституционных основах страны, следовательно, отказ от выборов нарушает нормы Конституции Российской Федерации, объявляющие Россию демократическим государством.

Во избежание бюджетных расходов на проведение повторных выборов, российское избирательное законодательство допускает, что выборы главы муниципального образования могут состояться (при проведении повторного голосования), даже при наличии одного зарегистрированного кандидата, что ставит под сомнение саму идею избирательного права. Законодателем установлено, что на муниципальных выборах единственный кандидат считается избранным, если получит 50% голосов от количества избирателей, принявших участия в голосовании. В этом случае отменяется альтернативность выборов, и можно ли говорить о том, что речь идёт об избрании кандидата, или эта процедура должна именоваться «утверждение кандидата на должность» населением, вопрос открытый.

Российское законодательство не устанавливает минимальную явку избирателей для признания выборов действительными. К сожалению, современное российское общество не проявляет большого интереса к политическим процессам, что выражается в низкой явке избирателей, особенно на муниципальных выборах. Конечно, это может поставить под сомнение легитимность главы муниципального образования, если в выборах принимает участие малая часть населения муниципалитета. Например, из 49296 избирателей, зарегистрированных в Читинском муниципальном районе Забайкальского края, в выборах главы муниципального образования 9 сентября 2018 года приняли участие 8799 человек. Победу на выборах одержал кандидат, набравший 26,71 % или 2350 голосов избирателей.² От общего числа жителей муниципального района, процент избирателей, поддерживавших данную кандидатуру, составляет всего 4,76. И такое на муниципальных выборах не редкость. Теоретически, в Российской Федерации возможна ситуация, когда из всех зарегистрированных избирателей, на выборы могут прийти несколько человек и выборы будут признаны состоявшимися.

Как отмечает А. Н. Костюков, «основными причинами неявки граждан на муниципальные выборы, по данным социологических опросов, являются: убежденность в неспособности влиять на муниципальную власть посредством выборов; отсутствие среди кандидатов на статус депутата представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования человека, который бы им импонировал, которому бы они доверяли» [5, С. 32].

Как уже рассматривалось выше, в случае избрания населением в организационной структуре глава муниципального образования занимает позицию «сильного мэра», и она не всегда находила одобрение в научной и практической среде. Так, Ф. В. Зарипов указывал, что, при организационной модели «сильный мэр – слабый представительный орган», был обнаружен явный дисбаланс в сторону исполнительной власти:

¹ Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти: Проект Федерального закона № 40361-8 (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 25.01.2022) // СПС «Консультант Плюс».

² Сводная таблица результатов выборов. Выборы Главы муниципального района «Читинский район» – URL: http://www.zabkrai.vybory.izbirkom.ru/region/region/zabkrai?action=show&root=1&tvd=4754031247953&vrn=4754031247949&region=92&global=&sub_region=0&prver=0&pronetvd=null&vbid=4754031247953&type=222. (Дата обращения 07.06.2024 г.)

«необходимо уделить особое внимание развитию института полномочий органов исполнительной власти в сфере правотворчества с целью недопущения подмены интересов населения на собственные, и исключения возможности коррупционного поведения... структура органов местного самоуправления должна соответствовать количественно и качественно объему деятельности конкретного муниципального образования по реализации его целей и задач» [3, С. 205].

Итак, без всякого сомнения, прямое голосование – это наиболее демократичный и «приближенный» к населению способ избрания высшего должностного лица муниципального образования. В демократическом государстве нет и не может быть оснований для изъятия права сообщества определять властные структуры через голосование на прямых выборах.

Однако, объективные обстоятельства привели к тому, что прямые выборы не всегда можно считать оптимальным вариантом для замещения должности главы муниципального образования. В России, в настоящий момент, происходят процессы, которые значительно усложняют задачи по обеспечению жизнедеятельности населения муниципалитетов, и без того, возросшие за последние годы. Да, избрание мэра прямым голосованием обеспечивает вовлеченность граждан в демократическое управление, но, осознание того, что профессиональный подход к организации муниципальной власти гарантирует повышение качества решения вопросов местного значения, должно повлиять на сохранение конкурсного подхода к избранию главы муниципального образования и в будущем законе о местном самоуправлении.

Библиография:

1. Буханцов В. В., Комарова М. В., Шалак А. В. Аутентичное понимание правового статуса главы муниципального образования как источник повышения качества управления в постсоветской России / В. В. Буханцов, М. В. Комарова, А. В. Шалак // *Baikal Research Journal*. – 2018. – Т. 9. – № 4. – С. 16.
2. Елькина Н. В. Реформа местного самоуправления как необходимое условие развития экономики (на примере Иркутской области) / Н. В. Елькина // *Baikal Research Journal*. – 2015. – Т. 6. – № 4.
3. Зарипов Ф. В., Никитенко И. Г. Модели организационной структуры местного самоуправления: законодательное регулирование и практика реализации. / Ф. В. Зарипов, И. Г. Никитенко // *Научный Татарстан*. – 2010. – № 4. – С. 204-209.
4. Колодина Е. А. Исследование тенденций развития местного самоуправления в современной России / Е. А. Колодина // *Известия Байкальского государственного университета*. – 2017. – Т. 27. – № 2. – С. 162–170.
5. Костюков А. Н. Народовластие и местное самоуправление: конституционные проблемы реализации / А. Н. Костюков // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2018. – № 4(33). – С. 30-37.

References:

1. Bukhantsov V. V., Komarova M. V., Shalak A.V. Authentic understanding of the legal status of the head of a municipality as a source of improving the quality of management in post-Soviet Russia / V. V. Bukhantsov, M. V. Komarova, A.V. Shalak // *Baikal Research Journal*. – 2018. - Vol. 9. – No. 4. – p. 16
2. Yelkina N. V. Reform of local self-government as a necessary condition for economic development (on the example of the Irkutsk region) / N. V. Yelkina // *Baikal Research Journal*. - 2015. – Vol. 6. – No. 4.
3. Zaripov F. V., Nikitenko I. G. Models of the organizational structure of local self-government: legislative regulation and implementation practice. / F. V. Zari-pov, I. G. Nikitenko // *Scientific Tatarstan*. – 2010. – No. 4. – pp. 204-209.
4. Kolodina E. A. Research of trends in the development of local self-government in modern Russia / E. A. Kolodina // *Proceedings of the Baikal State University*. – 2017. – vol. 27. – No. 2. – pp. 162-170.
5. Kostyukov A. N. Democracy and local self-government: constitutional problems of implementation / A. N. Kostyukov // *Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2018. – № 4(33). – Pp. 30-37.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПРАВОПОРЯДКА В РАМКАХ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ НА ОСОБО ОХРАНЯЕМЫХ ПРИРОДНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ

Ensuring environmental law and order in the framework of the implementation of state policy in specially protected natural areas

МУХЛЫНИНА Мария Михайловна,

старший научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права,
кандидат юридических наук, ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: muhlyninamm975@mail.ru;

MUKHLYNINA Maria Mikhailovna,

Senior Researcher in the Sector of Environmental, Land and Agrarian Law, Candidate of Law,
Federal State Budgetary Institution "Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences" (IGP RAS).
119019, Russia, Moscow, Znamenka str., 10.

E-mail: muhlyninamm975@mail.ru

Краткая аннотация: В статье исследуются некоторые вопросы обеспечения экологического правопорядка на особо охраняемых природных территориях в рамках реализации эколого-правовой политики современной России. Обеспечение государством экологического правопорядка – сложный процесс, связанный с реализацией мероприятий различного характера. Деятельность правоохранительных органов по предупреждению и пресечению правонарушений, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, достигается только за счет межведомственного взаимодействия и координации всех уполномоченных государственных органов. Автором выявлены правовые пробелы и предложены рекомендации.

Abstract: The article examines some issues of ensuring environmental law and order in specially protected natural areas within the framework of the implementation of the environmental and legal policy of modern Russia. Ensuring environmental law and order by the state is a complex process associated with the implementation of various measures. The activities of law enforcement agencies to prevent and suppress offenses that have a negative impact on the environment are achieved only through interdepartmental interaction and coordination of all authorized state bodies. The author identifies legal gaps and offers recommendations.

Ключевые слова: экологический правопорядок, государственная политика, законодательство, особо охраняемые природные территории, озеро Байкал.

Keywords: environmental law and order, state policy, legislation, specially protected natural areas, Lake Baikal.

Для цитирования: Мухлынина М.М. Обеспечение экологического правопорядка в рамках реализации государственной политики на особо охраняемых природных территориях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 134-137. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_134.

For citation: Mukhlynina M.M. Ensuring environmental law and order in the framework of the implementation of state policy in specially protected natural areas // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 134-137. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_134.

Статья поступила в редакцию: 25.07.2024

Президент России Владимир Владимирович Путин сформулировал национальные цели развития в экологической сфере в недавно подписанном Указе Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года», определив в числе национальных приоритетов «устойчивое развитие особо охраняемых природных территорий, сохранение лесов и биологического разнообразия, создание условий для экологического туризма во всех национальных парках»¹. На расширенном заседании коллегии в марте 2024 года Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов, говоря о задачах по укреплению законности и правопорядка, подчеркнул, что «охрана окружающей среды, бесспорно, - одна из ключевых государственных задач» и призвал прокуроров при исполнении своих служебных обязанностях «проявлять твердость в отстаивании прав граждан на благоприятную окружающую среду»².

Успешная деятельность правоохранительных органов по предупреждению и пресечению правонарушений, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, достигается только за счет межведомственного взаимодействия и координации всех уполномоченных государственных органов, включая прокуратуру Российской Федерации. На наиболее актуальных задачах противодействия экологической преступности, к каковым в последние годы относилась, например, декриминализация лесной отрасли, возымели положительное влияние на ее динамику в последние годы: в 2021 г. в Российской Федерации было зарегистрировано на 10,5% меньше экологических преступлений, чем в 2020 г., снижение этого показателя за последние 10 лет составило 26,4%, а в 15-летнем периоде - более чем вдвое.³ Специфика целей и задач, стоящих перед прокурорами в природоохранной сфере, обусловила функционирование в системе органов прокуратуры Российской Федерации специализированных природоохранных прокуратур, в том числе трех, действующих на правах прокуратур субъектов Российской Федерации и созданных для

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ», 13.05.2024, № 20, ст. 2584.

² В Генеральной прокуратуре РФ состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprfi/mass-media/news?item=94022374> (дата обращения: 12.05.2024).

³ Добрецов Д.Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // Экологическое право. 2023. № 1. С. 15-16

комплексного решения экологических проблем крупнейших рек нашей страны - Амура и Волги, а также объекта всемирного природного наследия ЮНЕСКО – озера Байкал, где расположены многочисленные особо охраняемые природные территории (далее - ООПТ). По данным Росзаповедцентра в Российской Федерации на 2024 год их насчитывается 13 тыс., однако ООПТ федерального значения не так много - 337, из которых 107 заповедников, 70 национальных парков, 75 ботанических садов, 63 заказника и 22 памятника природы, причем с каждым годом количество особо охраняемых природных территорий только увеличивается.

Природоохранные прокуратуры, в тесном взаимодействии с транспортными, территориальными и иными специализированными прокуратурами, контрольно-надзорными и правоохранительными органами, осуществляют деятельность по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду. Первоочередное внимание прокуроров обращено на наиболее общественно значимые направления природоохранной работы, такие как: охрана водных объектов и атмосферного воздуха, лесов, недр, объектов животного мира и водных биоресурсов, в том числе занесенных в Красную книгу Российской Федерации, и др.

Характеризуя состояние обеспечения экологического правопорядка на особо охраняемых природных территориях, в рамках нашего небольшого исследования, остановимся только на нарушениях законодательства об охране окружающей среды и режима охраны озера Байкал, относящегося к объектам всемирного природного наследия, а также Байкальской природной территории (далее - БПТ). На БПТ в 2022 году специалистами отмечается снижение общего объема вылова рыбы, что произошло за счет уменьшения уловов основных промысловых видов – омуля и плотвы. При разрешенном нормативными документами вылове рыбы в объеме 1 485 т пользователями, по официальным статистическим данным, было добыто всего 548,4 т (что составляет 37 % от разрешенного вылова), это на 55 т меньше, чем в 2021 году, и более чем в 3 раза ниже, чем в 2013–2016 гг. Напомним, что с 1 октября 2017 года в соответствии с изменениями, внесенными в «Правила рыболовства» для Байкальского рыбохозяйственного бассейна, действует запрет на промышленный лов омуля, а также введены дополнительные ограничения при традиционном рыболовстве, осуществляемом коренными малочисленными народами. Если обратиться к конкретным цифрам, то в 2022 году было добыто 133,7 т омуля (в 2021 г. – 138 т), в том числе в целях искусственного воспроизводства – 75,9 т (в 2021 г. – 76,0 т), в научно-исследовательских и контрольных целях – 5,6 т (2021 г. – 10 т), при традиционном рыболовстве коренными малочисленными народами – 52,2 т (2021 г. – 52 т).

Таким образом, официальный вылов омуля, в связи с введением запрета на его промышленный лов, составил 133,7 т. Несмотря на многолетний запрет и проводимые мероприятия по искусственному воспроизводству осетра, не наблюдается заметного увеличения его запасов, причина – браконьерский вылов как рыб-производителей, так и разновозрастной молодежи. Запасы озерно-речного сига в озере Байкал находятся в крайне напряженном состоянии, существует угроза полного исчезновения этой формы сига, что требует проведения мероприятий по сохранению ее генофонда и увеличению численности в пределах естественного ареала. Промысловое изъятие других видов рыб в целом остается примерно на одном и том же уровне. Официальные данные о нарушениях законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов на БПТ в 2022 году приведены в Таблице 1.

Таблица 1.
Сведения о нарушениях законодательства в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов на БПТ в 2022 году¹

Межрайонные отделы рыбоохраны	Количество инспекторов отдела	Составлено протоколов об административных правонарушениях	Наложено штрафа, руб.	Взыскано штрафа, руб.	Предъявлено исков, руб.	Взыскано ущерба, руб.	Направлено в следственные органы МВД, число дел	Задержано
Республика Бурятия	31	1016	1880400	1470 600	7777 850	2126 650	88	Лодок – 126, Сетей – 28242, Рыбы, кг - 1413
Иркутская область	12	585	1515 600	979 270	954 240	219 530	7	Лодок – 1, Сетей – 3035, рыбы, кг. - 97
Всего	43	1601	3 396 000	2 449 870	8 732 090	2 346 180	95	Лодок – 127, сетей - 31 277, рыбы, кг. - 1510

В продолжении анализа ситуации, связанной с браконьерским выловом рыбы, отметим, что согласно данным государственного доклада Минприроды, в 2022 году выявлено 1 293 нарушений в области рыболовства и сохранения водных биоресурсов на Байкальской природной территории, и тенденция идет на увеличение числа таких правонарушений, в связи с тем, что в 2021 году было зафиксировано 1 158 нарушений.

Экологические правонарушения, согласно данным за 2022 год Росприроднадзора Минприроды России, на Байкальской природной территории территориальными органами Росприроднадзора было выявлено 504 административных правонарушений в области охраны окружающей природной среды и природопользования по отдельным статьям Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹

¹ Государственный доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2022 году». – Иркутск: ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 221.

(далее - КоАП РФ), представленным в Таблице 2.

Таблица 2.

Административные правонарушения в области охраны окружающей среды и природопользования, зарегистрированные на БПТ в 2022 году²

Номер статьи КоАП РФ	Название статьи КоАП РФ	Республика Бурятия	Иркутская область	Забайкальский край	Всего
8.1	Несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов	13	76	24	113
8.2	Несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными веществами	9	82	20	111
8.13	Нарушение правил охраны водных объектов	1	25	10	36
8.14	Нарушение правил водопользования	0	0	12	12
8.21	Нарушение правил охраны атмосферного воздуха	13	32	9	54
8.5	Соккрытие или искажение экологической информации	34	57	7	98
Прочие (ст. 8.4, 8.6, 8.7, 8.12, 8.15, 8.22, 8.23, 8.31, 8.33, 8.34, 8.35, 8.36, 8.39, 8.41, 8.46, 8.47)		13	52	15	80
Всего		83	324	97	504

Таким образом, характеризуя привлечение к административной ответственности за совершенные административные правонарушения в области природопользования и охраны окружающей среды, зарегистрированные в трех субъектах России, входящих в БПТ, можно отметить, что в Иркутской области в 2022 году выявлено 324 правонарушения, из которых 25,3 % связаны с несоблюдением экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными веществами; 23,5 % – с несоблюдением экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов; 17,6 % – с сокрытием или искажением экологической информации. В Республике Бурятия в 2022 году территориальным органом Росприроднадзора зарегистрировано 83 правонарушения, в том числе сокрытие или искажение экологической информации (41 %); несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов (15,7 %); нарушение правил охраны атмосферного воздуха (15,7 %). А в Забайкальском крае за этот же год зарегистрировано 97 правонарушений, основными являются: несоблюдение экологических требований при осуществлении градостроительной деятельности и эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов (24,7 %); несоблюдение экологических и санитарно-эпидемиологических требований при обращении с отходами производства и потребления, веществами, разрушающими озоновый слой, или иными опасными веществами (20,6 %); нарушение правил водопользования (12,4 %)³. В целом по БПТ по сравнению с 2021 годом (740 правонарушений против 504) фиксируется уменьшение их числа административных правонарушений на 31,9 %.

Что же касается судебной практики и взыскании вреда, то в 2022 году в законную силу вступили 6 судебных актов о нанесенном экологическом ущербе экосистеме озера Байкал в результате деятельности хозяйствующих субъектов на общую сумму взыскания вреда 92 694 611 руб. 09 коп. По двум судебным актам предоставлены рассрочки исполнения решения суда⁴.

В границах ООПТ на БПТ на 51 % увеличилось общее число нарушений природоохранного режима в связи с активизацией посещения территорий из-за снятия запретов, введенных в связи с распространением COVID-19. По отдельным видам нарушений в сравнении с 2021 годом почти в два раза увеличилось количество фактов незаконных рубок, рыболовства, строительства, незаконного нахождения, прохода и проезда, а также почти на порядок – иных нарушений, к которым относятся, например, нарушение правил санитарной безопасности, оставление невывезенной древесины, добыча песка и гравия, нахождение с оружием, слив фекальных отходов, слив бетонных вод, нахождение с металлоискателем, нарушение особого противопожарного режима и др. Одновременно фиксируется и снижение числа случаев незаконной охоты, сбора дикорастущих видов и, благодаря активной просветительской деятельности на ООПТ, нарушения правил пожарной безопасности в лесах⁵.

Вопрос правового регулирования рационального использования ресурсов на Байкальской природной территории сложен в связи с тем, что «вся Байкальская природная территория, включая озеро Байкал и прилегающие сухопутные территории, по сути является экосистемой, в границах которой действует режим особой охраны окружающей среды и природных объектов. Этот режим отличается неоднородностью применительно к различным зонам и входящим в ее состав территориям и природным объектам, представляя собой сложное сплетение ограничений, запретов и

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 24.05.2024) // СЗ РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.

² Государственный доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2022 году». – Иркутск: ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 236.

³ Государственный доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2022 году». – Иркутск: ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 236.

⁴ Государственный доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2022 году». – Иркутск: ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 236-237.

⁵ Государственный доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2022 году». – Иркутск: ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2023. С. 78-79.

предписаний, установленных множеством федеральных законов» - справедливо отмечает И.О. Краснова¹.

Подводя итог, отметим, что обеспечение экологического правопорядка на особо охраняемых природных территориях в рамках реализации правовых предписаний, регулирующих охрану и использование ресурсов на особо охраняемых природных территориях, сложный процесс, это связано с режимом таких объектов (например, режим озера Байкал и Байкальской природной территории), особый режим использования лесов в рамках лесного законодательства, режим категорий земель в рамках земельного законодательства и режим использования недр в рамках законодательства о недрах и т.д. влечет противоречия между законодательными актами и «наслоением друг на друга» различных правовых режимов на одной и той же территории. Все это, с учетом множества аспектов правоприменительной практики, приводит к негативным последствиям в различных сферах общественных отношений, создавая риски экологической безопасности на Байкальской природной территории, оказывая существенное влияние на социально-экономическое развитие и нарушая права граждан.

Надзорными проверками были охвачены практически все природоохранные направления в 60 субъектах прокурорами пресечена деятельность коммунальных предприятий и других водопользователей, сбрасывающих стоки без очистки. Например, в Нижегородской области с нарушителя взыскано 465 млн рублей ущерба, причиненного реке Волге. В целом во исполнение актов прокурорского реагирования отремонтировано и построено 84 очистных сооружения. За загрязнение почвы опасными отходами, их хранение в социальных учреждениях, на землях лесного фонда и в границах санитарных зон курортов к различным видам ответственности в 2023 году привлечено более 1,5 тыс. виновных лиц.

Однако, представляется необходимым внести в законодательство нормы, регулирующие вопросы утраты заповедных земель из-за отсутствия в кадастровом реестре полных сведений о них, такая же проблема характерна и для лесов. Границы половины из полутора тысяч лесничеств не уточнены, в связи с чем лесные земли неправомерно включаются в состав поселений, незаконно отчуждаются. К сожалению, данные пробелы законодательства – благодатная почва для «черных лесорубов», которые осуществляют контрабанду стратегического сырья. Также необходимо поставить правовой «заслон» и незаконному распоряжению участками лесных и заповедных земель, часто под видом реализации новых механизмов организации туризма.

Библиография:

1. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ», 13.05.2024, № 20, ст. 2584.
2. В Генеральной прокуратуре РФ состоялось расширенное заседание Коллегии, посвященное итогам работы органов прокуратуры за 2023 год и задачам по укреплению законности и правопорядка на 2024 год. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94022374> (дата обращения: 12.05.2024).
3. Добрецов Д.Г. О некоторых реализуемых в Российской Федерации мерах по предупреждению и пресечению преступлений, оказывающих воздействие на окружающую среду, в рамках международной экологической повестки // Экологическое право. 2023. № 1. С. 16 - 20.
4. Государственный доклад Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации «О состоянии озера Байкал и мерах по его охране в 2022 году». – Иркутск: ФГБУН Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2023. – 372 с.: илл.
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 22.04.2024, с изм. от 24.05.2024) // Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
6. Краснова И.О. Совершенствование правового режима охраны окружающей среды и природопользования на Байкальской природной территории // Экологическое право. 2023. № 2. С. 13 - 18.

References:

1. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/07/2024 No. 309 "On national development Goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future up to 2036" // Collection of Legislation of the Russian Federation", 05/13/2024, No. 20, Article 2584.
2. An expanded Board meeting was held at the Prosecutor General's Office of the Russian Federation on the results of the work of the Prosecutor's Office for The year 2023 and the tasks of strengthening law and order for 2024. <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=94022374> (date of application: 05/12/2024).
3. Dobretsov D.G. On some measures implemented in the Russian Federation to prevent and suppress crimes that have an impact on the environment within the framework of the international environmental agenda // Environmental law. 2023. No. 1. pp. 16-20.
4. State report of the Ministry of Natural Resources and Ecology of the Russian Federation "On the state of Lake Baikal and measures for its protection in 2022". Irkutsk: V.B. Sochava Institute of Geography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2023. 372 p.: fig.
5. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation dated 12/30/2001 No. 195-FZ (as amended on 04/22/2024, with amendments. dated 05/24/2024) // Collection of legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, No. 1 (part 1), art. 1.
6. Krasnova I.O. Improvement of the legal regime of environmental protection and nature management in the Baikal natural territory // Environmental law. 2023. No. 2. pp. 13-18.

---

¹ Краснова И.О. Совершенствование правового режима охраны окружающей среды и природопользования на Байкальской природной территории // Экологическое право. 2023. № 2. С. 13.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_138

УДК 36.364

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДОМИНАНТ В ОБЛАСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРИЗРЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В КОНТЕКСТЕ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Evolution of social dominants in the field of social charity of minors in the context of all-Russian identity

РАТТУР Мария Владимировна,кандидат исторических наук, доцент,
научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: rattur@yandex.ru;

Rattur Maria Vladimirovna,PhD in History, Associate Professor, Researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.

Moscow, Znamenka, 10.

E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация. Постулат о том, что «дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России», содержащийся в п.4 ст.67¹ Конституции Российской Федерации, введенной Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ, актуализирует обращение к историко-правовому опыту общественного призрения несовершеннолетних в Российской империи исходя из сохранения преемственности в развитии Российского государства и общероссийской идентичности. В статье предпринята попытка рассмотреть эволюцию социальных доминант в отношении заботы о несовершеннолетних с позиций герменевтического подхода, позволяющего реконструировать исторические события через диалог настоящего и прошлого.

Abstract: The postulate that «children are the most important priority of Russian state policy» contained in paragraph 4 of Article 67 of the ¹ Constitution of the Russian Federation, introduced by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation dated March 14, 2020 No. 1-FKZ, actualizes the appeal to the historical and legal experience of public charity of minors in the Russian Empire based on the preservation of continuity in the development of the Russian state and all-Russian identity. The article attempts to consider the evolution of social dominants in relation to the care of minors from the standpoint of a hermeneutical approach, which allows reconstructing historical events through a dialogue between the present and the past.

Ключевые слова: государственная политика, конституционное развитие, общероссийская идентичность, герменевтика, традиционные ценности, общественное призрение, социальное обеспечение.

Keywords: public policy, constitutional development, all-Russian identity, hermeneutics, traditional values, public charity, social security.

Для цитирования: Раттур М.В. Эволюция социальных доминант в области общественного призрения несовершеннолетних в контексте общероссийской идентичности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 138-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_138.

For citation: Rattur M.V. Evolution of social dominants in the field of social charity of minors in the context of all-Russian identity // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 138-142. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_138.

Статья поступила в редакцию: 29.07.2024

П.4 ст.67¹ Конституции Российской Федерации, введенной Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. №1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», гласит: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России» [1, С.31]. Уровень внимания и заботы о подрастающем поколении, действительно, может являться одним из маркеров развития государственности в различные исторические периоды. Для России характерной чертой является его корреляция с одной из традиционных духовно-нравственных ценностей, обозначенных в Указе Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», - милосердием [2].

Период расцвета древнерусского государства во времена правления Владимира I и Ярослава Мудрого связан, в том числе, и с личным вниманием правителей к решению социальных проблем детства. Примером тому является учреждение Ярославом Мудрым в 1072 г. сиротского училища, в котором обучались на его иждивении 300 юношей.

«Смутное» время в начале XVII в. потребовало от властей внимания к социальным проблемам подданных, в том числе и детей. Борис Годунов, например, заботился о вдовах и сиротах без различия их подданства и вероисповедания путем раздачи денег и хлеба. Чрезвычайные меры по оказанию помощи голодающему населению, в том числе и детскому, предпринимал и Василий Шуйский. Таким образом, в начале XVII в. помощь сиротам считалась делом не одних только частных лиц, но и власти. Справедливости ради следует отметить, что такие благотворительные акции в большей степени были продиктованы необходимостью снять социальное и политическое напряжение, чем заботой о подданных.

Появление первого нормативного акта, посвященного социальной защите института детства в России, связано с именем царя Федора Алексеевича. В 1682 г. он подписал Указ, по которому из общего числа нищих выделялись безродные дети. В нем же впервые ставился вопрос об открытии специальных домов, где они должны были обучаться грамоте, ремеслам и наукам, которые «зело и во всех случаях нужны и потребны» [3, С.7]. Однако никаких конкретных сведений о деятельности этих учреждений, в том числе связанных с призрением сирот, не имеется.

Дальнейшее формирование и развитие социальной политики в отношении сирот в отечественной истории связано с Петром I. Царь-реформатор законодательно регламентировал свои инициативы и поставил их реализацию под контроль государства. Следует отметить, что именно в петровское царствование институт детства впервые становится объектом попечения государства.

В 1706 г. Новгородский митрополит Иов построил по собственной инициативе за счет личных средств воспитательный дом для «незаконно-рожденных и всяких подкидышных младенцев» при Холмово-Успенском монастыре. Спустя время им были открыты десять таких приютов и сиропитательниц. Из этих заведений дети поступали в устроенные Иовом школы полудуховного характера, после чего они становились церковнослужителями, служильными или посадскими людьми.

Пример митрополита вдохновил царя-реформатора. 4 ноября 1715 года он издал Указ, предписывающий в Москве и других городах устраивать «гошпитали для зазорных младенцев, которые не от законных жен рождены, дабы вящего греха не делали, сиречь убийства, по примеру Новгородского Архиепископа». При этом за «погубление зазорных младенцев» государем была предусмотрена смертная казнь. В царствование Петра I инфантицид признается тяжким преступлением.

Существенное изменение отношения к детям, в том числе и к сиротам в петровскую эпоху связано с реформированием опеки как формы устройства ребенка в семью. Относительно опеки появилось следующее указание: магистраты (а не Церковь) обязаны смотреть, «чтобы сироты не оставались без опекунов, назначение которых и наблюдение за которыми поручает магистратам же». Это можно считать первым установлением опеки как особого государственного учреждения с властью, контролирующей деятельность опекунов [4, С.56].

Нехватка рабочих рук формировала отношение к ребенку-сироте и как к будущему работнику. В связи с этим государство отдавало беспризорных детей и частным лицам, и церковным учреждениям, позволяя им пользоваться бесплатным трудом своих воспитанников. Такое закабаление было наиболее примитивной формой заботы общества и государства о малолетних, оставшихся без семьи.

Следует отметить, что реформаторская деятельность Петра I была связана и с положением детей, оказавшихся в бедственном положении, без семьи, без средств к существованию. Осуществлялась она по двум основным направлениям. Первое составляли меры, направленные на устройство детей, оказавшихся «ненужными» в государственные учреждения. Второе заключалось в борьбе с нищенством несовершеннолетних. В петровскую эпоху воспитание детей было признано полезным, необходимым для государства делом. Необходимо признать, что попытки Петра создать упорядоченную систему государственного призрения сирот не увенчались успехом. Для этого у него не было ни времени, ни средств.

При ближайших преемниках Петра Великого ситуация в области благотворительности и призрения, в том числе и относительно несовершеннолетних, существенно не изменилась. Возрождение пристального внимания к институту детства произошло во второй половине XVIII в. в период правления Екатерины II. В Указе «Учреждения для управления губерний» говорилось: «Если же устройство сиротских домов будет неудобно или потребует издержек, кои отнимут способы к оказанию призрения большему числу сирот, то Приказ неимущих сирот отдаст за умеренную плату надежным добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы предоставить их во всякое время Приказу». В ст. 301 этого Указа говорилось также, что ребенок передается воспитателям «дабы научился науке или промыслу или ремеслу, и доставлен был ему способ учиться добрым гражданином» [5, С.240]. Таким образом, социальная политика в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, нашла отражение в нормативных актах второй половины XVIII в.

При Екатерине II стали организовывать специальные учреждения для оставшихся без семьи, брошенных детей. По проекту, разработанному профессором Московского университета А.А. Барсовым и известным деятелем просвещения И.И. Бецким, императрица издает 1 сентября 1763 г. Манифест «Об учреждении в Москве Воспитательного Дома с особым гошпиталем для неимущих родильниц». Учреждение должно было быть построено «общим подаянием», но имело статус государственного.

Открытие Московского Воспитательного дома состоялось 21 апреля 1764 г. В нем надлежало создать «новую породу людей», детей-граждан, способных служить Отечеству «делами рук своих в различных искусствах и ремеслах». В марте 1770 года было разрешено открыть Воспитательный дом в Петербурге. Оба Воспитательных дома имели своеобразный статус. Они рассматривались как самостоятельное ведомство, имели собственную юрисдикцию, освобождались от пошлин при заключении контрактов, могли самостоятельно покупать деревни, дома, земли; приобретать и организовывать фабрики и заводы; получать четвертую часть доходов от театров, общественных балов и «всякого рода игр на деньги». Призыв Манифеста императрицы создавать «сиропитательницы» в других городах нашел отражение в особом Указе Святейшего Синода от 31 декабря 1763 г. Вскоре по частной инициативе различных благотворителей открылись сиропитательницы в Новгороде, Воронеже, Оренбурге и в других городах.

При Екатерине II укрепились и административно-правовые основы воспитательных домов и приютов для «осиротелых» детей. Все они, кроме Московского и Петербургского, передавались в ведение Приказов общественного призрения. Однако чрезвычайно высокой была смертность среди поступающих в дома детей.

При Воспитательных домах имелись структуры, занимающиеся подготовкой воспитанников к жизни вне учреждения. Это были фельдшерская, земледельческая и другие школы. Благодаря их деятельности впоследствии сформировалась довольно эффективная система ремесленного обучения несовершеннолетних [6, С.32]. Уровень обучения в этих заведениях был профессионально высок и позволял воспитанникам поступать в Московский университет. Что же касается крестьянских детей, оставшихся без родителей, то они поступали на воспитание родствен-

ников или посторонних людей вместе с наследством.

Покровительствуя благотворительности, Екатерина не объявляла признание прямой обязанностью государства. Для того, чтобы не обременять казну, Екатерина решила создать и содержать в дальнейшем Воспитательные дома «на едином самоизвольном подаянии от публики» [7]. Благотворительные средства поступали и в Смольный институт, хотя при Екатерине он содержался преимущественно за счет казны. Таким образом, в екатерининское время начал формироваться системный подход к благотворительности, отличительной особенностью которого является не только достижение властью политических и идеологических целей, но и обеспечение финансирования социальной политики [8, С.163].

К началу XIX в. благотворительная деятельность Российского Императорского Дома, прежде всего его женской половины, приобретает форму устойчивой традиции. С именем императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I связана история первого по времени создания и самого крупного среди благотворительных ведомств и комитетов под покровительством императорской фамилии Ведомства учреждений императрицы Марии.

Следует отметить, что особую заботу Мария Федоровна проявляла о детях-сиротах. Еще в 1797 г. она пишет императору доклад о работе воспитательных домов и приютов, в котором предлагает «...отдавать младенцев (сирот) на воспитание в государевы деревни к крестьянам доброго поведения». Для того, чтобы воспитатели были «искусны и умелы», Мария Федоровна на собственные средства открывала педагогические классы.

Вторым по времени создания благотворительным ведомством Дома Романовых явилось Императорское человеколюбивое общество. Началом его деятельности принято считать образование 16 мая 1802 г. Указом Александра I Благотворительного общества в Петербурге. Оно было общественной благотворительной организацией, но его деятельность рассматривалась как «государственное благодеяние» [9].

Созданные в конце XVIII - начале XIX вв. два благотворительных ведомства под покровительством Дома Романовых были призваны демонстрировать заботу самодержавной власти о подданных. Негосударственный характер этих ведомств должен был подчеркивать неформальный патерналистский характер заботы о подданных со стороны самодержцев и членов императорской семьи.

В начале XIX в. устройство осиротевших детей в различного рода учреждения являлось важным направлением социальной помощи и поддержки. В связи с этим можно выделить два направления реализации социальной политики: содействие нуждающимся матерям и устройство осиротевших детей.

Павел I издал Указ о выдаче пособия бедной матери, которая не могла воспитывать детей собственными средствами. Однако желающих получить это пособие «явилось такое множество, что пришлось прибегнуть к сокращению расходов». Поэтому императрица Мария Федоровна распорядилась выдавать это пособие только с ее разрешения. Такое требование оказалось настолько трудно выполнимым, что выплата этих пособий вовсе прекратилась.

Что касается устройства детей, пополняющих ряды сирот, то с 1807 г. появляется так называемое «городское воспитание». Оно заключалось в предоставлении матери возможности за определенную плату воспитывать своих детей дома до достижения ими 7-летнего возраста. Главным ориентиром в определении судьбы воспитанника становится передача его в крестьянскую семью для подготовки «сельского сословия». Поэтому в 1828 г. принимается закон, воспрещающий дальнейшее строительство воспитательных домов в губерниях, учитывая, что смертность в них составляла более 75%.

Теперь появление детских учреждений для осиротевших детей связано, главным образом, с частной благотворительностью. Первый светский приют был открыт в России в 1837 г. при Демидовском доме «призрения трудящихся» для дневного надзора за детьми, которых оставляли матери, идущие на заработки. Со временем таких приютов становится все больше. Для осуществления руководства над ними в 1838 г. создается Комитет главного попечительства, а в 1839 г. разрабатывается «Положение о детских приютах».

К этому времени постепенно на смену «тайному приему» в Воспитательные Дома приходит, так называемый, явный. Для него характерно предъявление при устройстве документов матери и ребенка, подтверждение материальной несостоятельности женщины. Венцом патерналистской деятельности Николая I стало учреждение сиротских институтов. В них дети обоего пола получали хорошее образование. Об этом свидетельствует тот факт, что после латинских классов воспитанники могли поступать в медико-хирургическую академию, а из французских классов выходили воспитатели в частные дома.

Дети, рожденные вне брака, вместе с сиротами получали прекрасное образование. Это породило случаи отказа родителей от детей. Обнаружились факты, когда родители из бедных семей тайно приносили своих детей в учреждения призрения в надежде на их счастливую будущность. Император Николай I пресек это явление, упразднив в 1837 г. французские и латинские классы, учредив взамен институты для воспитания сирот офицеров военной и гражданской службы.

В XVIII – первой половине XIX вв. в России начинают развиваться определенные направления социальной политики и законодательство, складывается система призрения детей, нуждающихся в помощи. Кроме того, если раньше помощь детям обосновывалась необходимостью следования христианским заповедям и требованиям, то в этот исторический период выдвигается тезис о ее государственной необходимости.

Следующий период в истории формирования моделей жизненного устройства детей-сирот охватывает вторую половину XIX – начало XX вв.

Идея заинтересованности государства и общества в результатах призрения несовершеннолетних была воплощена в социальной политике сочетанием правительственных мер, общественной деятельности и частной благотворительности в отношении детей [10, С.32].

Внимание правительства было направлено в основном на государственное регулирование филантропической деятельности путем законодательной инициативы, утверждения уставов благотворительных учреждений, предоставления чинов и званий за благотворительную деятельность. Помимо этого, следует отметить роль земских и городских учреждений, а также полугосударственных, полупубличных, так называемых «особых ведомств» по оказанию помощи нуждающимся детям.

Законодательство в области защиты института детства было направлено на решение задач в двух направлениях: регламентация трудовых отношений несовершеннолетних на производстве и улучшение условий труда, а также на децентрализацию призрения детей. Результатом территориальной децентрализации стали значительное увеличение учреждений для несовершеннолетних в губерниях Российской империи, повышение эффективности социальной помощи и вовлечение широких слоев населения в благотворительность.

Главными механизмами, которые позволяли контролировать деятельность благотворительных учреждений, являлось утверждение их уставов и система отчетов, ведомственное подчинение, а также предоставление чинов, званий и наград за благотворительную деятельность.

Все рассмотренные выше элементы системы общественного призрения института детства функционировали обособлено. Необходимость упорядочения управления филантропической деятельностью и преодоления разобщенности благотворительных учреждений была осознана как государственными чиновниками, так и общественными деятелями, но в этот период не были разграничены права и обязанности государства, общества и частных лиц в области благотворения, не создана основа для взаимодействия и объединения в сфере социальной помощи [11, С.115].

Историко-правовой анализ позволяет сделать вывод о том, что достижение значительных успехов российским государством в дореволюционный период происходило на фоне повышенного внимания к подрастающему поколению, а его недостаток оборачивался катастрофами для государственности. Этому есть вполне прагматическое объяснение. Государственный Совет в 1880 г. отмечал, что нуждающиеся дети «...тяготятся своей участью, способны умножать число недовольных существующим общественным строем, а, следовательно, и правительством» [12, С.12]. Неспособность власти предотвратить социальный взрыв привела к революционным потрясениям.

Смена фокуса внимания общественности в сторону решения политических задач фатально сказалась на результативности благотворения. Последняя, запоздалая попытка правового регулирования деятельности благотворительных обществ была предпринята 1 сентября 1916 г. [13, С.171]. Она нашла воплощение в утверждении Правил о созыве съездов и собраний, подавить всплеск революционных настроений имперскому правительству было уже не под силу.

Империя как «универсальное, сакральное правление, объединяющее социально-политическое неоднородное пространство и население» [14, С.96] потеряла способность функционировать, и для разрешения дилеммы: «либо сохранять привилегии и различия, на которых основывалась власть элиты, либо начинать реформы, способные подорвать положение старых господствующих классов» [14, С.99] не оставалось ни времени, ни политической воли.

В правовой плоскости к одной из важнейших причин неудачи в реализации потенциала российской благотворительности следует отнести чрезмерное стремление к рецепции правовых норм и принципов европейского права без учета реалий российской действительности [15, С.50]. Правовые гарантии в сфере реализации филантропических инициатив и законодательно оформленные меры, направленные на повышение уровня благосостояния подданных на принципах всеобщности, вероятно, могли бы смягчить правовые ошибки, допущенные властью.

В условиях преемственности (как это обозначено в Конституции Российской Федерации), а, значит, и наследования современной российской правовой реальностью, в том числе, и имперских традиций, следует учитывать историко-правовой опыт достижений и просчетов предшествующих периодов. И, как сказано в тексте «Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», утвержденных Президентом 9 ноября 2022 г., именно «осмысление социальных, культурных, технологических процессов и явлений с опорой на традиционные ценности и накопленный культурно-исторический опыт позволяет народу России своевременно и эффективно реагировать на новые вызовы и угрозы, сохраняя общероссийскую гражданскую идентичность» [2].

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (с гимном России): подарочное издание. М.: Проспект, 2021. 112 с.
2. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // [Электронный ресурс] Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (дата обращения 26.12.2023).
3. Довгалева А.И. Семейное воспитание приемных детей. М.: Учпедгиз, 1948. 111 с.
4. Нецаева А.М. Россия и ее дети (Ребенок, закон, государство). М.: Грааль, 2000. 238 с.
5. Российское законодательство X - XX веков: в 9-ти томах / под общей редакцией О.И.Чистякова. Т.5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / ответственный редактор Е.И.Индова. М.: Юридическая литература, 1987. 527 с.
6. Раттур М.В. Ремесленное обучение как способ профилактики детской преступности и нищенства (Россия в последней четверти XIX века) // Социальная политика и социология. 2003. № 4. С. 30-36.
7. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т.16. №11901.
8. Раттур М.В. Формирование правовой политики в сфере общественного призрения подданных в Российской империи: исторические уроки // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С.162-169.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т.27. №20266.
10. Раттур М.В. Государственное регулирование системы общественного призрения несовершеннолетних на рубеже XIX-XX веков. М.: Российский государственный социальный университет, 2006. 68 с.
11. Раттур М.В. Развитие системы общественного призрения детей и подростков в России (1881-1894 гг.): специальность 07.00.02 «Отечественная история»: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Москва, 2004. 235 с.

12. Ошанин М.А. О призрении покинутых детей. Ярославль: Типолитогр. Губ. Зем. Управы, 1912. 283 с.
13. Раттур М.В. Трансформация идеи патернализма в правовой идеологии российского общества во второй половине XIX века // Правовая культура и правовая идеология российского общества: сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына, Москва, 22–23 декабря 2020 года. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 169–173.
14. Шишков В.В. Имперская парадигма: испытание модернизацией и национализмом // Вестник Пермского университета. Политология. 2013. №1. С. 92–101.
15. Раттур М.В. К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции. Республика Башкортостан, Стерлитамак, 26 апреля 2023 г. Стерлитамак: СФ УУНиТ, 2023. С.49–52.

References:

1. Constitution of the Russian Federation (with the anthem of Russia): gift edition. M.: Prospect, 2021. 112 p.
2. Decree of the President of the Russian Federation of 09.11.2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" // [Electronic Resource] Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019> (access date 26.12.2023)
3. Dovgalevskaya A.I. Family education of adopted children. M.: Uchpedgiz, 1948. 111 p.
4. Nechaeva A.M. Russia and its children (Child, law, state). M.: Grail, 2000. 238 p.
5. Russian legislation of the X-XX centuries: in 9 volumes/under the general editorship of O.I. Chistyakov. T.5: Legislation of the heyday of absolutism/executive editor E.I. Indova. M.: Legal literature, 1987. 527 p.
6. Rattur M.V. Craft training as a way to prevent child crime and poverty (Russia in the last quarter of the XIX century) // Social policy and sociology. 2003. № 4. Pp. 30–36.
7. Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. I. T.16. №11901.
8. Rattur M.V. Formation of legal policy in the field of public charity of subjects in the Russian Empire: historical lessons // Legal policy and legal life. 2022. № 1. Pp.162–169.
9. Complete collection of laws of the Russian Empire. Sobr. I. T.27. №20266.
10. Rattur M.V. State regulation of the system of public charity of minors at the turn of the XIX-XX centuries. M.: Russian State Social University, 2006. 68 p.
11. Rattur M.V. Development of the system of public charity of children and adolescents in Russia (1881–1894): specialty 07.00.02 «Domestic History»: dissertation for the degree of candidate of historical sciences. Moscow, 2004. 235 p.
12. Oshanin M.A. On the charity of abandoned children. Yaroslavl: Tipolitogr. Lip. Zem. Council, 1912. 283 p.
13. Rattur M.V. Transformation of the idea of paternalism in the legal ideology of Russian society in the second half of the 19th century // Legal culture and legal ideology of Russian society: a collection of scientific articles of an international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor V.M. Kuritsyn, Moscow, December 22–23, 2020. M.: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikotya, 2021. Pp. 169–173.
14. Shishkov V.V. Imperial paradigm: testing modernization and nationalism // Bulletin of Perm University. Political science. 2013. NO. 1. Pp. 92–101.
15. Rattur M.V. On the issue of all-Russian identity in the system of constitutional values: from construct to concept // Science, culture, education in the context of modern priorities: Collection of scientific works of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Republic of Bashkortostan, Sterlitamak, April 26, 2023 Sterlitamak: SF UUNIT, 2023. Pp.49–52.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ ДЛЯ ЗАЩИТЫ СУВЕРЕНИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ Public control in the sphere of ecology to protect the sovereignty of the Russian Federation

ИВЛЕВА Юлия Ивановна,

младший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: ivleva.julia@mail.ru;

Ivleva Yulia Ivanovna,

Junior Researcher, Sector of Constitutional Law and Constitutional Justice
Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.
119019, Russia, Moscow, Znamenka, 10.

E-mail: ivleva.julia@mail.ru

Краткая аннотация: Защита экологической составляющей суверенитета Российской Федерации является одним из наиболее актуальных направлений последних лет. Участие населения в принятии значимых решений служит гарантией для реализации ряда конституционных принципов, таких как законность, верховенство Конституции РФ, народовластие, гласность, равноправие. Одной из форм данного участия выступает общественный экологический контроль, осуществляемый для реализации права каждого на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии. В настоящей работе представлен анализ конституционно-правовых основ общественного экологического контроля, выявлены существующие правовые и организационные пробелы и ограничения, а также сформулированы предложения, позволяющие их преодолеть.

Abstract: The protection of the environmental component of the sovereignty of the Russian Federation is one of the most actual areas of recent years. Public participation in the adoption of significant decisions serves as a guarantee for the implementation of a number of constitutional principles, such as legality, supremacy of the Constitution of the Russian Federation, people's power, transparency, and equality. One of the forms of this participation is public environmental control, carried out to implement the right of everyone to a favourable environment and reliable information about its condition. This paper presents an analysis of the constitutional and legal foundations of public environmental control, identifies existing legal and organisational gaps and limitations, and formulates proposals to overcome them.

Ключевые слова: экология, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, общественный контроль, правовые аспекты, суверенитет, Конституция РФ.

Keywords: ecology, environmental safety, environmental protection, public control, legal aspects, sovereignty, Constitution of the Russian Federation.

Для цитирования: Ивлева Ю.И. Общественный контроль в сфере экологии для защиты суверенитета Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 143-145. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_143.

For citation: Ivleva Yu.I. Public control in the sphere of ecology to protect the sovereignty of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 143-145. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_143.

Статья поступила в редакцию: 22.07.2024

Защита суверенитета Российской Федерации, в том числе его экологического компонента, выступает важнейшим направлением обеспечения государственной безопасности. Обозначенное положение является актуальным ввиду того, что экологические угрозы различного характера оказывают как непосредственное, так и опосредованное негативное влияние на экономические, социальные, политические и иные аспекты развития страны.

Обеспечение экологической безопасности и устойчивого развития Российской Федерации достигается посредством разнообразных правовых, административных и иных механизмов, одним из которых выступает общественный контроль в сфере экологии. Данное направление контрольных мероприятий способствует повышению прозрачности и подотчетности государственных и частных структур, вовлеченных в экологическую деятельность, а также оно является непосредственным инструментом реализации принципа народовластия (статья 3 Конституции Российской Федерации). Несмотря на то, что обеспечение экологической безопасности является функцией уполномоченных субъектов государственной власти, эффективное принятие соответствующих управленческих решений представляется невозможным при отсутствии взаимодействия и контроля со стороны общественности.

Общественный экологический контроль представляет собой совокупность мероприятий, осуществляемых общественными объединениями и иными некоммерческими организациями, гражданами, с целью проведения мониторинга, проверки и оценки соблюдения экологического законодательства, а также выдвижения рекомендаций по предотвращению и устранению экологических правонарушений. Целью обозначенного механизма является реализация права граждан на благоприятную окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии, предусмотренного статьей 42 Конституции Российской Федерации. Дальнейшее развитие данных положений происходит в рамках таких актов как:

- Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»;
- Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»

– Указ Президента Российской Федерации от 19 апреля 2017 г. № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» и т.д.

Обратим внимание на тот факт, что важность и значимость рассматриваемого направления экологической политики государства определена не только в актах национального, но и международного законодательства. Одним из основных документов в данной сфере выступает Конвенция о доступе к информации, участии общественности в процессе принятия решений и доступе к правосудию по вопросам, касающимся окружающей среды (Орхусская конвенция) от 25 июня 1998 года. Данной Конвенцией признается важным достижение должной степени экологической осведомленности людей, а также непосредственное участия общественности в процессе принятия решений в области охраны окружающей среды, обеспечения устойчивого и экологически безопасного развития. Именно отмеченная вовлеченность населения способствует повышению эффективности протекающих в рассматриваемой сфере процессов, а также определяет качество принимаемых уполномоченными структурами решений.

Основным законом для проведения общественного экологического контроля служит Федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а именно статья 68. Согласно положениям данной статьи результаты общественного экологического контроля подлежат обязательному рассмотрению органами государственной власти федерального, регионального или местного уровня соответственно. При этом стоит отметить, что отсутствует указание на необходимость обязательного учета результата контрольных мероприятий при непосредственном принятии управленческих решений. Кроме того, рассматриваемой статьей закреплен статус общественного инспектора, которым выступает гражданин, выразивший желание содействовать органам государственной власти, а также перечень основных принадлежащих ему прав.

Стоит отметить, что в настоящий момент реализация механизма общественного контроля не является в достаточной степени эффективной. Обозначенная ситуация сложилась в результате наличия определенных правовых и организационных пробелов и ограничений, рассмотрим основные из них. Во-первых, наблюдается низкая степень информированности населения о существующих формах и способах участия в мероприятиях, направленных на обеспечение экологической безопасности, в том числе, в общественном контроле. Повышение экологического правосознания, а также вовлеченности населения в решение экологических задач является весьма необходимым, в том числе для осуществления независимого контроля за функционированием публичных институтов в данной сфере и внесения соответствующих коррективов в случае необходимости. Представляется актуальным проведение Министерством природных ресурсов и экологии Российской Федерации или иным субъектом под его руководством мероприятий по экологическому просвещению населения, в том числе по вопросам проведения общественного экологического контроля. Кроме того, формирование представления о праве субъектов принимать участие в проведении данного контроля может быть осуществлено в рамках изучения экологических дисциплин на существующих уровнях профессионального образования, что позволит повысить степень экологической ответственности и инициативности подрастающего поколения.

Во-вторых, отсутствует унификация моделей правового регулирования общественного экологического контроля в различных сферах и, следовательно, актах экологического законодательства. В частности, положения о рассматриваемом контроле отсутствуют в Водном кодексе Российской Федерации, Лесном кодексе Российской Федерации, Законе Российской Федерации от 21 февраля 1992 г. № 2395-1 «О недрах» и иных актах, что создает неопределенность в понимании вопроса о возможности проведения такового контроля в отдельных областях. Частично данная проблема может быть преодолена посредством системного толкования нормы права, в том числе статьи 68 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды». Обозначенное положение обусловлено спецификой толкования понятия «окружающая среда», «природная среда» и ее компоненты. Однако, для должной регламентации общественного экологического контроля в области недропользования, объектов животного мира, водных биологических ресурсов и т.п., согласно позиции Н.В. Кичигина¹, данное условие может являться недостаточным. Существует иная практика, например, в статье 10 Федерального закона от 24 апреля 1995 года № 52-ФЗ «О животном мире» закреплено право граждан осуществлять общественный экологический контроль, в то время как специфика и механизм проведения такового отсутствуют.

Следовательно, необходимо осуществить унификацию общественного экологического контроля, выработать и обеспечить функционирование единого механизма проведения рассматриваемых контрольных мероприятий.

В-третьих, отсутствует единый подход к организации общественного экологического контроля. Положениями действующего законодательства не определена специфика взаимодействия органов государственной власти, хозяйствующих и иных субъектов, а также общественных объединений, некоммерческих организаций и граждан, обладающих правом осуществлять общественный экологический контроль. В результате чего наблюдается дифференциация моделей коммуникации, что прослеживается, в том числе, в части учета результатов данного вида контроля при принятии дальнейших решений относительно подконтрольного объекта. Рассматриваемая ситуация возникла по причине декларативности положений, определяющих и регламентирующих общественный экологический контроль. Необходимо не только закрепление общих принципов, направлений участия общественности в данном контроле, но и конкретных процедур, а также ответственность за нарушение таковых.

В-четвертых, наблюдается неопределенность перечня прав, которыми наделены субъекты общественного экологического контроля. Несмотря на наличие соответствующей формулировки в статье 68 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды», а также в Приказе Мосприроды от 13 августа 2018 г. № 05-09-194/18 «Об утверждении Методических рекомендаций по осуществлению обществен-

¹ Кичигин Н.В. Актуальные правовые проблемы общественного контроля в сфере охраны окружающей среды / Н.В. Кичигин // Закон. – 2023. – № 10. – С. 76-85.

ного контроля в области охраны окружающей среды» (далее – Приказ) в настоящий момент отсутствует четкий перечень прав, которыми наделены субъекты, осуществляющие общественный экологический контроль. Положения Федерального законодательства обладают слишком общим характером, подлежат расширительному толкованию, что в свою очередь, порождает различные споры относительно их содержания. Отмеченный Приказ является рекомендательным и может быть использован в информационных целях, однако, он не предоставляет правовую защиту всем субъектам. Отсутствие исчерпывающего и официально закрепленного перечня прав служит основанием для квалификации ряда действий, направленных на защиту экологических интересов, на противодействие правонарушениям, охрану общественных интересов, как самоуправство. Фиксация мер дозволенного и должного поведения, например, посредством дополнения Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» статьей 68.1 «Правовой статус субъектов общественного экологического контроля» при одновременном исключении общих положений из статьи 68, позволит устранить данный правовой пробел.

В-пятых, необходимо обеспечение должной корреляции государственного экологического контроля и общественного экологического контроля. Государственный и общественный контроль в данной области должны быть организованы по единому образцу, что не предусмотрено в настоящий момент положениями действующего законодательства. Безусловно, существуют значительные отличия между государственным и общественным экологическим контролем, что проявляется в различных правовых и административных инструментах, характере мероприятий, обязательности принимаемых решений и т.д., но существуют положения, которые являются для них общими. Данное положение является актуальным ввиду формирования дальнейшей возможности соотношения объектов, результатов контрольных мероприятий, что позволит различным институтам содействовать друг-другу для достижения единой глобальной цели.

В-шестых, отсутствуют финансовые и иные механизмы поддержки, что является серьезной преградой для добровольного участия граждан в общественном экологическом контроле. Высокий уровень ответственности, существенная нагрузка, которую предполагает участие в проведении общественного контроля, отсутствие финансовых инструментов у общественных организаций для эффективного проведения контрольных мероприятий, обуславливает нежелание общественности принимать участие в столь затратной, в широком смысле этого слова, форме реализации своей гражданской позиции.

Таким образом, общественный экологический контроль является важным элементом для обеспечения экологической безопасности, устойчивого развития и защиты суверенитета Российской Федерации. Посредством данного контроля граждане, общественные организации могут внести свой вклад в принятие решений, имеющих общегосударственное значение, а также повысить степень прозрачности и подотчетности государственных, хозяйствующих и иных структур. Дальнейшее совершенствование рассматриваемого института предполагает устранение правовых пробелов и ограничений, а именно закрепление конкретных единых механизмов, моделей, прав и обязанностей и т.д., способных повысить степень эффективности контрольных мероприятий, осуществляемых гражданскими инициативами.

Библиография:

1. Шагапова Р.Р. Актуальные проблемы реализации общественного контроля / Р.Р. Шагапова // Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2021. – № 8(60). – С. 14-18.
2. Кирьянов А.Ю. Проблемы реализации общественного контроля в условиях цифровой экономики / А.Ю. Кирьянов // Право и цифровая экономика. – 2021. – № 4(14). – С. 39-44.
3. Кичигин Н.В. Актуальные правовые проблемы общественного контроля в сфере охраны окружающей среды / Н.В. Кичигин // Закон. – 2023. – № 10. – С. 76-85.

References:

1. Shagapova R.R. Aktual'nye problemy realizacii obshchestvennogo kontrolya / R.R. Shagapova // Skif. Voprosy studencheskoj nauki. – 2021. – № 8(60). – S. 14-18.
2. Kir'yanov A.Yu. Problemy realizacii obshchestvennogo kontrolya v usloviyah cifrovoj ekonomiki / A.Yu. Kir'yanov // Pravo i cifrovaya ekonomika. – 2021. – № 4(14). – S. 39-44.
3. Kichigin N.V. Aktual'nye pravovye problemy obshchestvennogo kontrolya v sfere ohrany okruzhayushchej sredy / N.V. Kichigin // Zakon. – 2023. – № 10. – S. 76-85.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ОФОРМЛЕНИЕ И ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕСПУБЛИКАНСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА В 20-Е ГОДЫ (НА ПРИМЕРЕ РСФСР)

Constitutional design and theoretical and legal aspects of republican sovereignty in the 1920s (using the example of the RSFSR)

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции, Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН), 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru;

Danilewskaia-Urbanova Inna Leonidovna,

senior research assistant of constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, candidate of legal sciences. Moscow, Znamenka, 10.

E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru

Краткая аннотация: Обращение к проблематике суверенитета, особенностей его правовой регламентации в период советской государственности остается актуальной исследовательской задачей. Особый интерес представляет вопрос о правовой природе и конституционных основах соотношения суверенитета образованного Союза ССР и суверенных союзных республик. В статье анализируются специфика республиканского суверенитета в советском федеративном государстве в 20-е годы, виды его форм, решения вопросов реализации и разграничения суверенитета в одной из первых республиканских конституций - Конституции РСФСР 1925 г.

Abstract: The appeal to the problem of sovereignty, the peculiarities of its legal regulation during the period of Soviet statehood remains a relevant research task. Of particular interest is the question of the legal nature and constitutional foundations of the relationship between the sovereignty of the formed USSR and the sovereign union republics. The article analyzes the specifics of republican sovereignty in the Soviet federal state in the 1920s, its types, solutions to issues of implementation and delimitation of sovereignty in one of the first republican constitutions - the Constitution of the RSFSR of 1925.

Ключевые слова: республиканский суверенитет, Конституция РСФСР 1925 г., республики Союза ССР, союзное государство, суверенитет, государственный суверенитет, народный суверенитет.

Keywords: republican sovereignty, Constitution of the RSFSR of 1925, republics of the USSR, union state, sovereignty, state sovereignty, people's sovereignty.

Для цитирования: Данилевская-Урбанова И.Л. Конституционное оформление и теоретико-правовые аспекты республиканского суверенитета в 20-е годы (на примере РСФСР) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 146-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_146.

For citation: Danilewskaia-Urbanova I.L. Constitutional design and theoretical and legal aspects of republican sovereignty in the 1920s (using the example of the RSFSR) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 146-148. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_146.

Статья поступила в редакцию: 19.07.2024

Для Союза ССР, для РСФСР и других республик-членов Союза 20-е годы XX в. было временем становления и развития их государственности, в этот период же формировалось советское право, закладывался политический и правовой фундамент советского федерализма. Образование в 1922 г. Союза ССР повлияло на государственно-правовое положение всех четырех республик, договорившихся о его создании. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), Белорусская Советская Социалистическая Республика (БССР), Закавказская Советская Федеративная Социалистическая Республика (ЗСФСР) и Украинская Советская Социалистическая Республика (УССР), считавшиеся равноправными и суверенными государствами, стали членами нового, единого, федеративного государства. Категории «суверенитет» и «суверенные права» союзных республик, закрепленные Конституцией СССР 1924 г., поставили в центр внимания вопрос о правовой природе и конституционных основах соотношения суверенитета Союза ССР и суверенных союзных республик.

Правовая конструкция разграничения суверенитета, его ограничения, разделения между Союзом и республиками-членами его образовавшими, содержалась в Конституции СССР 1924 г., зафиксировавшей факт образования Союза ССР. В главе второй «О суверенных правах союзных республик и о союзном гражданстве» указывалось о самостоятельном осуществлении каждой союзной республикой государственной власти, однако суверенитет у республик был ограниченный, его пределы устанавливались нормами Конституции по предметам компетенции Союза. Существовавшая в тот период трактовка суверенитета республик как ограниченного, сложилась исходя из высказываний И.В.Сталина о «потенциальном и ограниченном суверенитете» [1, 115]. Эта формулировка позднее признавалась неточной, поскольку суверенитет не может быть ограничен, а в части республиканского суверенитета отмечалась его органическая связь с союзным, что предполагало разделение сферы компетенции республиканских и союзных органов власти [2, 338]. Отмечалось, что своим вхождением в Советский Союз, нация только утверждала свое право на самоопределение, при этом суверенитет государства и суверенитет нации противостоят друг другу, государству, входящему в Советский Союз не нужно для сохранения своего суверенитета больше того, что нужно нации для сохранения её суверенитета и именно гарантия права одностороннего выхода из Союза союзным республикам дает необходимое и достаточное доказательство их суверенитета [3, 73].

РСФСР была первой среди образовавшихся после Октябрьской революции национальных государств, самой большой по территории, по количеству населения, самой могучей экономически, в состав которой вошёл целый ряд наций: русские (великороссы), башкиры, татары, калмыки,

немцы и др. Отмечалось, что историческое положение РСФСР как наиболее промышленной страны Союза, с наиболее многочисленным и классово-сознательным пролетариатом, возложило на неё обязанности старшего товарища по отношению к другим советским республикам [4, 27; 29]. При этом Российская Федерация была в какой-то степени моделью, прообразом будущего Союза ССР. Исследователи федеративного характера РСФСР полагают, что в момент своего провозглашения Российская Федерация выступала в качестве правопреемницы дореволюционной России как федерация суверенных республик [5, 83; 6, 109]. РСФСР не являлась классической федерацией, к 1925 г. в её составе было различные автономные образования: 11 автономных республик, 4 автономные области непосредственно в составе РСФСР, 6 автономных областей в составе Северо-Кавказского края и Ойратская область в составе Сибирского края [7, 55]. Федеративная республика с широкой автономией национальных областей считалась большим шагом вперед для всех многонациональных государств, принцип национально-территориальной автономии выдвигался пролетариатом, т.к. шла борьба за свободное развитие всех наций, за ускорение процесса изживания национальных предрассудков и создания единого бесклассового интернационального общества трудящихся. Центробежные тенденции этих областей, возможный сепаратизм, стремление во что бы то ни стало выделиться в особое самостоятельное государство не представляли угрозы, т.к. могли развиваться только как реакция на национальное угнетение [8, 22-23].

В части регламентации суверенитета - государственного, народного и национального - новый текст Конституции определял Российскую республику, как социалистическое государство, строящееся на основе федерации национальных советских республик, в котором в соответствии с фактической структурой власти вся власть в пределах РСФСР принадлежит стоящим у власти классам в лице их Советов рабочих, крестьянских, казачьих и красноармейских депутатов. Нормы Союзной Конституции в отношении ограничения суверенитета союзной республики, о праве свободного выхода РСФСР из состава Союза ССР не повторялись в тексте Конституции РСФСР 1925 г. По мысли председателя конституционной комиссии Д.И. Курского – советского партийного и государственного деятеля, прокурора РСФСР с 1922 по 1928 г., утверждение о суверенности РСФСР и о праве свободного выхода из Союза и так бесспорно следовало из договора об образовании Союза ССР и не нуждалось в дополнительном закреплении в республиканской конституции, вместе с тем, фактическому процессу образования союзного государства и достоинству РСФСР, по его мнению, больше отвечала формула об самоограничении верховной власти РСФСР с передачей Союзу своих полномочий, предусмотренных ст. 1 Конституции Союза ССР [9, 545-547]. Данная существенная поправка в представлениях того времени была внесена членом Президиума Госплана В.И. Вельманом на третьей сессии ВЦИК XI созыва [10, 150] и вошла в итоговый вариант конституционного текста. Небезынтересно, что принятый XII Всероссийским съездом Советов вариант текста Конституции, явился своеобразным синтезом проектов конституционных комиссий ВЦИК, СНК и Госплана РСФСР, которые приняли деятельное участие в её разработке, предлагая свои собственные проекты. На проекты оказало влияние именно различное понимание отдельных принципов суверенитета республики. Так, основная идея проекта, выработанного совещанием Госплана – конституционное оформление республиканского суверенитета РСФСР в пределах союзного государства. Эта идея, прежде всего выразилась во введении первых трех глав «Общих положений». Проект Госплана ставил вопрос о степени суверенитета республики, подчас расширительно толкуя его. Проект предусматривал в главе «Об основах взаимоотношений с СССР» в соответствии с Конституцией СССР право свободного выхода РСФСР из Союза (ст.4) и устанавливал, что суверенные права республики ограничены лишь рамками, указанными в Конституции СССР, а «вне этих пределов Республика осуществляет свой суверенитет самостоятельно» (ст.5). Стремление к наиболее ясному определению пределов суверенитета республики проявилось и в принятии совещанием группы поправок, определяющих и расширяющих права её верховных органов в области законодательства и управления экономической жизнью республики. Так, предлагалось верховным органам РСФСР не только устанавливать, в соответствии с общесоюзным законодательством, план народного хозяйства на территории РСФСР, но и получать право его регулирования, указывалось, что эти органы имеют право устанавливать порядок землеустройства, землепользования и т.д. на территории РСФСР. Конституционное оформление судостроительства республики и системы её судебных учреждений было подчинено всё той же идее конституционного оформления суверенных прав РСФСР и дальнейшего оформления экономического суверенитета республики [11, 164, 168-169, 171,177].

В принятой Конституции РСФСР 1925 г. суверенные права РСФСР регламентировались в вопросах общегосударственного значения, которые республика (в лице носителей верховной власти Всероссийского Съезда Советов и ВЦИК - верховного законодательного, распорядительного и контролирующего органа) решала самостоятельно, к ним относились установление, дополнение и изменение основных начал и частичных изменений Конституции РСФСР и утверждение конституций автономных республик; общее руководство всей политикой и народным хозяйством РСФСР; верховный контроль над государственными доходами и расходами; право амнистии, разрешение споров между автономными республиками и между ними и другими частями Федерации; изменение границ РСФСР и общее административное разделение её территории. Отметим, что изменения границ союзных республик были результатом собрания в рамках определенной союзной республики сопредельных ей земель с населением по национальному составу родственным основной национальности этой республики. По этому признаку, например, РСФСР передала Белорусской ССР в 1924 г. 8 уездов Витебской губернии, 6 уездов Гомельской губернии и 2 уезда Смоленской губернии, в 1926 г. ещё 2 уезда [12, 52].

В соответствии с союзным законодательством и Конституцией СССР должны были утверждаться план народного хозяйства, кодексы, бюджет, налоги, сборы, внутренние и внешние займы, на территории РСФСР имели обязательную силу постановления верховных органов СССР. Общее управление РСФСР принадлежало Совету Народных Комиссаров, при этом Директивами Народных Комиссариатов СССР должны были руководствоваться 5 из 11 образованных республиканских народных комиссариатов: народные комиссариаты внутренней торговли, труда, финансов, рабоче-крестьянской инспекции и высший совет народного хозяйства.

Реализация суверенитета РСФСР регламентировалась и в форме осуществления республикой конституционного контроля: к исключительному ведению Всероссийского Съезда Советов относилась отмена постановлений съездов советов автономных советских социалистических республик и автономных областей, а также других местных съездов советов, нарушающих Конституцию РСФСР или постановления Верховных органов РСФСР.

Сохраняя идеологическое построение в русле стратегии «создания круга своих» и «создания круга чужих» [13; 5], Конституция РСФСР 1925 г. содержала ограничения реализации народного суверенитета и в интересах трудящихся лишала нетрудовые элементы прав, которыми они пользуются в ущерб интересам социалистической революции, в частности, активного и пассивного избирательного права и права защищать революцию с оружием в руках. Данный подход заключался в том, что народный суверенитет предполагал единство воли народа и не могло быть речи о суверенитете народа в условиях, когда народ расколот на классы с непримиримыми интересами. Морально-политическое единство всего советского народа являлось незыблемой основой подлинного всенародного суверенитета. Носителем политического суверенитета в социалистическом государстве являлся только трудящийся народ, это являлось моральной и политической нормой нового общества, только те, кто своим трудом создают материальные или духовные блага, необходимые для существования и преуспеяния общества, могут претендовать на участие в решении политических судеб общества. При этом политический интерес общества исключал возможность участия в суверенитете паразитических слоев, заинтересованных в реставрации капитализма [14, 270-271].

Большинство исследователей 20-х гг. признавали суверенитет союзных республик реальным, при наличии своеобразия самого понятия суверенитета, который сначала проявляется в создании своих конституций государствами, входящими в Союз и в момент заключения союзного договора, а затем может проявиться уже в акте одностороннего отделения от федеративного целого [5, 104].

Конституция РСФСР 1925 г. «строилась по государству», как формулировал это Д.И. Курский, закрепляя в четкой, ясной формуле переходный момент государственного устройства в известный исторический промежуток времени [9, 545], трансформацию республиканского суверенитета в виде передачи части прав Союзу, разграничение полномочий, что позволяло реализовывать постоянный процесс взаимодействия между Союзом и республикой, исходя из экономической необходимости в системе взаимоотношений образовавшегося нового государства.

Библиография:

1. Сталин И.В. Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник избранных статей и речей. М.: Институт Маркса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП (б). Парт.изд-во. – 1937. – 232 с.
2. Якубовская С.И. Из истории разработки первой Конституции СССР. //Источниковедение отечественной истории. Сборник статей. М.: Издательство «Наука». -1976. - 376 с.
3. Гурвич Г.С. Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М.: Издательство социалистической академии. – 1924. – 75 с.
4. Советское государственное устройство. Лекции. Под ред. проф. Г.С. Гурвича, Ф.Т. Иванова и В.Н. Максимовского. М.: Издательство «Власть Советов» при Президиуме ВЦИК. - 1930. – 400 с.
5. Баркова О.Н., Кукушкин Ю.С. Правовая основа создания и развития РСФСР в 20-е годы XX века. //Вестник Московского университета. Серия 8. История. 2012. № 2. 80-108 с.
6. Баркова О.Н. Из истории разработки Конституции РСФСР 1925 года. // Российское государство и общество. XX век. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1999. – 560 с.
7. Основы советского права. Под ред. проф. Д.А.Магеровского. М. - Л.: Государственное издательство. - 1927. – 520 с.
8. Энциклопедия государства и права. Под ред. П.Стучка. В 3 т. М.: Издательство Коммунистической академии. – 1929. - Т.1. -888 с.
9. Курский Д.И. Новый текст Конституции РСФСР. //Еженедельник советской юстиции. 1925. № 20. 545-547 с.
10. Баркова О.Н. История разработки и принятия Конституции РСФСР 1925 г. М.: ПРЕСТО-РК, 2007. – 268 с.
11. Макаров М.К. Из истории разработки Конституции РСФСР 1925 г.// Археологический ежегодник за 1966 год. М.: Изд. «Наука». - 1968. – 162-177 с.
12. Кислицын И.М. Об основных направлениях развития федеративного строя Союза ССР. //Ученые записки Пермского государственного университета. Пермь. -1968.- 46-103 с.
13. Самарина И.В. Коммуникативные стратегии «создания круга чужих» и «создания круга своих» в политической коммуникации (прагмалингвистический аспект): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 2006. С.21.
14. Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. – 1948. - 375 с.

References:

1. Stalin I.V. Marxism and the National-Colonial Question. A Collection of Selected Articles and Speeches. Moscow: Marx-Engels-Lenin Institute under the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Party Publishing House. – 1937. – 232 p.
2. Yakubovskaya S.I. From the History of the Development of the First Constitution of the USSR. // Source Studies of National History. A Collection of Articles. Moscow: Nauka Publishing House. -1976. - 376 p.
3. Gurvich G.S. Principles of Autonomism and Federalism in the Soviet System. Moscow: Publishing House of the Socialist Academy. – 1924. – 75 p.
4. Soviet State Structure. Lectures. Edited by prof. G.S. Gurvich, F.T. Ivanov and V.N. M.: Publishing house "Vlast Sovetov" under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee. - 1930. - 400 p.
5. Barkova O. N., Kukushkin Yu. S. Legal basis for the creation and development of the RSFSR in the 20s of the XX century. // Bulletin of Moscow University. Series 8. History. 2012. No. 2. 80-108 p.
6. Barkova O. N. From the history of the development of the Constitution of the RSFSR of 1925. // Russian state and society. XX century. M.: Publishing house of Moscow University, 1999. - 560 p.
7. Fundamentals of Soviet law. Ed. by prof. D. A. Magerovsky. M. - L.: State Publishing House. - 1927. - 520 p.
8. Encyclopedia of state and law. Under the editorship of P. Stuchok. In 3 volumes. Moscow: Publishing House of the Communist Academy. – 1929. - Vol. 1. -888 p.
9. Kursky D. I. New text of the Constitution of the RSFSR. // Weekly of Soviet Justice. 1925. No. 20. 545-547 p.
10. Barkova O. N. History of the development and adoption of the Constitution of the RSFSR of 1925. Moscow: PRESTO-RK, 2007. – 268 p.
11. Makarov M. K. Op. cit. From the history of the development of the Constitution of the RSFSR of 1925 // Archaeological yearbook for 1966. Moscow: Publ. "Science". - 1968. – 455 p.
12. Kislytsyn I. M. On the Main Directions of Development of the Federal System of the USSR. // Scientific Notes of Perm State University. 46-103 p. Perm. -1968.- 244 p.
13. Samarino I.V. Communicative Strategies of "Creating a Circle of Strangers" and "Creating a Circle of One's Own" in Political Communication (Pragmalinguistic Aspect): Abstract of a Cand. Philological Sciences Dissertation. Rostov n / D, 2006. P. 21.
14. Levin I.D. Sovereignty. Moscow: Legal Publishing House of the USSR Ministry of Justice. - 1948. - 375 p.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНОСТРАННЫХ ИЛИ МЕЖДУНАРОДНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАК УГРОЗА СУВЕРЕНИТЕТУ И ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ГОСУДАРСТВА ACTIVITIES OF FOREIGN OR INTERNATIONAL NON-GOVERNMENTAL ORGANIZATIONS AS A THREAT TO SOVEREIGNTY AND THE TERRITORIAL INTEGRITY OF THE STATE

СИДОРОВ Сергей Александрович,

доктор политических наук, доцент кафедры

Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).

680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

МАРКОВ Алексей Михайлович,

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры

Всероссийского государственного университета юстиции (Дальневосточный филиал).

680021, Россия, г. Хабаровск, ул. Герасимова, д. 31.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

SIDOROV Sergey Alexandrovich,

Doctor of Political Sciences, Associate Professor of the Department

All-Russian State University of Justice (Far Eastern branch).

31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru;

MARKOV Alexey Mikhailovich,

Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer of the Department

All-Russian State University of Justice (Far Eastern branch).

31 Gerasimova str., Khabarovsk, 680021, Russia.

E-mail: sidorov1061@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье автор рассматривает деятельность цели и задачи неправительственных организаций, направленных на ослабление Российской Федерации и других постсоветских государств. Авторы приходят к выводу о том, что деятельность НПО является угрозой суверенитету и территориальной целостности личности, обществу и государству.

Abstract: In the article, the author examines the activities of the goals and objectives of non-governmental organizations aimed at weakening the Russian Federation and other post-Soviet states. The authors conclude that the activities of NGOs are a threat to the sovereignty and territorial integrity of the individual, society and the state.

Ключевые слова: неправительственные организации, транснациональные акторы, информационная экспансия, деструктивная деятельность, угроза суверенитету и территориальной целостности безопасности личности, общества и государства.

Keywords: non-governmental organizations, transnational actors, information expansion, destructive activities, threats to the sovereignty and territorial integrity of the security of the individual, society and the state.

Для цитирования: Сидоров С.А., Марков А.М. Деятельность иностранных или международных неправительственных организаций как угроза суверенитету и территориальной целостности государства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 149-153. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_149.

For citation: Sidorov S.A., Markov A.M. Activities of foreign or international non-governmental organizations as a threat to the sovereignty and territorial integrity of the state // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 149-153. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_149.

Статья поступила в редакцию: 21.07.2024

Гибридная война, развязанная против России после начала Специальной военной операции на Украине, уже давно перешла все этические границы. Сегодня мы видим, что страны «победившей демократии» так и не научились делать выводы из своих ошибок. Как и в ситуации с молодым СССР, США и их сателлиты надменно уверены в своих силах.

По мнению Дж. Сороса, «...принцип суверенитета необходимо пересмотреть. Суверенитет принадлежит народу, так как считается, что граждане делегируют его правительству через избирательный процесс. Но, во-первых, не все правительства избираются демократическим путем, а во-вторых, даже демократическое правительство может злоупотреблять вверенной ему властью. Если злоупотребления властью серьезны, а люди лишены возможности исправить положение, вмешательство извне вполне оправдано. Иностранная помощь не должна идти исключительно через национальные правительства. Есть веские доводы в пользу работы как с местными правительствами, так и с неправительственными организациями. Демократические правительства не должны возражать против распределения помощи через НПО; наоборот, они должны приветствовать такую возможность. Как раз те правительства, которым нельзя доверять, и возражают против использования неправительственных каналов. Возражения со стороны правительства прямо указывают на то, что оно нарушает суверенитет народа, а следовательно, и подходить к нему нужно как к нарушителю. Это руководящий принцип работы сети моих фондов»¹.

Мы убеждены, что целью подобных структур – создание предпосылок и условий для прихода к власти в России прозападно ориентированных политиков и управление внешней и внутренней политикой нашей страны в своих интересах. По прогнозам разработчиков американской

¹ Сорос Дж. Мылный пузырь американского превосходства. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 58–60.

«сетевой теории», это будет означать окончательное поражение России, ее фактическое «изгнание» из числа влиятельных держав, окончательное оформление роли сырьевого придатка экономически развитых стран, прогрессирующую деградацию науки и промышленности, демографический кризис и, как следствие, исполнение «наказа» бывшего Госсекретаря США М. Олбрайт: 25–30 млн русских «деградантов» для обслуживания нефтяной трубы¹. Более того любые иные интересы, включая интересы в независимой политике суверенных государств и их заинтересованность в безопасности собственных границ, не принимаются во внимание².

В контексте современных глобальных политических процессов возрастает роль некоммерческих (НКО), неправительственных (НПО), волонтерских организаций, обеспечивающих жизненно важные для общества функции – социальные, образовательные, культурные, медицинские и т. д. Одним из признаков таких организаций является то, что руководство данными организациями осуществляется на основе самоуправления, в силу чего эти организации создают условия для участия граждан в их деятельности без контроля со стороны государственных учреждений. Множество НПО действительно являются институтами гражданского общества, структурами самореализации граждан в разных сферах жизнедеятельности. В ежедневном режиме повторяются мантры о том, что Россия в результате объявленной ей санкционной войны беспрецедентно изолирована – но, похоже, на Западе занимаются банальным самовнушением. Дебаты в Генассамблее ООН, которые с маниакальной настойчивостью инициирует Вашингтон, дабы найти подтверждение собственной пропаганде, дают совсем иную картину. К примеру, страны Азии и Африки, в большинстве своем, демонстративно отказались поддерживать инициативу по исключению России из Совета по правам человека – не голосуя, выступив «против» или воздержавшись.

Важно подчеркнуть, что со стороны США данная работа координируется несколькими правительственными органами. Среди них – Агентство США по глобальным медиа, управляющее сетью государственных пропагандистских СМИ и генерирующее фейки и вбросы, в дальнейшем подхватываемые интернет-аудиторией, и Центр глобального взаимодействия Госдепартамента, официальной целью которых является пропагандистская работа против РФ и других стран.

Еще в 1947 году Совет национальной безопасности США издал акт NSC 4-A об истоках отношений ЦРУ с украинскими националистами. При чем на департамент контрразведки была возложена обязанность и ответственность за проведение психологических операций методами, которые ранее были невозможны. «Политическая цель – подчинить Россию воле США и Британской империи. Оккупация важнейших районов Центральной России лишит ее возможности продолжать сопротивление»³. Роберт Гейтс, директор ЦРУ в 1991-1993 гг., заявил, что Россию можно разрушить только взрывом изнутри⁴.

Фактически, под их началом действуют украинские информационные войска, поддержку которым оказывают формально «независимые» от правительств фонды и институты, в частности, контролируемые Дж. Соросом и другими «филантропами», а также направляемых западными спецслужбами НКО и объединения типа Bellingcat и Conflict Intelligence Team.

Следует отметить, что Фрайхер фон Хейт в своей книге, ставшей бестселлером, «IrregularWarFire» («неправильная война») утверждал, что будущее не за глобальными войнами с нанесением ядерных ударов, а за совершенно другим типом войн – локальных и маленьких. Сегодня их часто называют гибридными. Феномен, когда небольшая группа может захватить какую-то локальную территорию и осуществить там бездонный по жестокости и насилию тип военного действия, – с точки зрения теоретика военного дела, Фрайхера фон Хейта, является очень перспективным. Сейчас мы можем считать, что такие события имели место и в Грузии и в Украине. Потому что именно такой тип военного действия, направлен на манипулирование сознанием людей на первом этапе, с последующим его захватом и изменением в нужную для захватчика сторону. Самый яркий пример такого действия – организация с помощью иностранных агентов влияния Майдана Незалежности на Украине, с помощью манипулирования сознанием целой нации, локальная гражданская война на Донбассе, и, наконец, зомбирование населения Украины с помощью собственных и зарубежных средств информации.

Еще в 2013 году президент РФ В.В. Путин сообщил, что на территории Российской Федерации продолжают действовать 654 неправительственные организации, финансируемые из-за рубежа. В 2017 году ежегодный доклад Минюста об НКО-иноагентах сообщил, что 38 НКО, выполняющих функции иностранных агентов, получили из-за рубежа 603,5 млн руб., а все 4 673 НКО России – 69,4 млрд руб.⁵

Замдиректора департамента по делам некоммерческих организаций Минюста РФ Роман Цыганов на Петербургском международном юридическом форуме сообщил, что в 2020 году финансирование из иностранных источников получили более 3,5 тыс. НКО на сумму порядка 72 млрд руб., а в 2021 году количество таких организаций возросло до 5 тыс., а размер финансирования – до 73 млрд руб.⁶ Кроме того, в реестре иноагентов находится 493 организации и физических лица. Более того за период 24 февраля по 5 марта 2022 года в сети Интернет по данным австралийской компании было размещено 5,2 млн фейков⁷. НПО являются одним из решающих элементов, использующимся в подготовке к подрывным мероприятиям.

Следует отметить, что количество НКО в странах бывшего СССР за последние годы значительно выросло. Так, Министр общественного

¹ Там же.

² Kvistad G. O. The rise and demise of German statism : loyalty and political membership. Providence: Berghahn Books, 1999.

³ Цель операции – «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи» Электронный режим. Режим доступа: <https://ru-polit.livejournal.com/20548445.html?ysclid=ipimi2n528550570372> (дата обращения; 23.04.2024).

⁴ Яковлев Н. ЦРУ против СССР. – М., Родина. 2021. 432 с.

⁵ Деньги поступали в основном из США, Германии, Норвегии, Кипра, Великобритании и Северной Ирландии. Основные организации, которые финансировали НКО-«агентов»: посольство Великобритании, Норвежский Хельсинский Комитет, Филиал Фонда имени Генриха Белля (Германия), Благотворительный фонд «Чаритиз Эйд Фаундейшн» (Великобритания), Благотворительная организацию «ОУК Фаундейшн Лтд» (Швейцария). Электронный ресурс. Режим доступа: https://ruskline.ru/politnews/2017/aprel/29/nko_zh_god_poluchili_iz_za_granicy_72_mld_rublej_a_inostrannye_agenty_804_mln/ (дата обращения: 20.04.2024)

⁶ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/849482> (дата обращения: 21.04.2024)

⁷ Электронный ресурс. Режим доступа: <https://ktinform.ru/v-seti-zafiksirovali-okolo-1-5-mln-fejkov-o-sobytyah-na-ukraine/> (дата обращения: 26.04.2024).

развития Дархан Калетаев в своем докладе на Гражданском форуме в Нур-Султане отметил, что в 2003 году НКО-иноагентов было около 2 тысяч, а сейчас – 22 тысячи. В Казахстане в 2020 году попытались ужесточить закон в отношении иностранных НКО. Сразу началось давление Запада и бурные митинги НКО против «ущемления прав гражданского общества». По итогу никаких поправок в законодательство внесено не было. В Киргизии сейчас действует более 18 тысяч НПО/НКО, большинство из которых – с участием иностранного финансирования, причем многие госструктуры работают на купленной и переданной от НКО технике. Компьютеры с ярлыком USAID стоят в мэриях многих киргизских городов.

Необходимо подчеркнуть, что в своем послании Федеральному Собранию Президент РФ Владимир Путин отметил факт рубежного для страны момента «в период кардинальных, необратимых перемен во всем мире, важнейших исторических событий, которые определяют будущее нашей страны и нашего народа, когда на каждом из нас лежит колоссальная ответственность»¹.

В Армении официально зарегистрировано всего около 40 НКО, финансируемых USAID и NED², Джорджем Соросом, а также британскими и турецкими фондами. Их суммарный ежегодный доход достигает 2 млн долларов, а общий годовой бюджет – более 33 млн долларов. В своей новейшей истории Армения изначально придерживалась комплементарности во внешней политике, но приоритет в этой схеме отдавался, в первую очередь, российскому сотрудничеству, партнерству, союзничеству. Как считает директор Института сетевых исследований Гагик Арутюнян, на поддержку деструктивных сект и представителей ЛГБТ-сообщества, на расшатывание нравственных основ титульной религии и на реализацию «бархатной революции» в Армении было потрачено минимум 3-4 млрд долларов³.

В сегодняшней Грузии деятельность США и других стран Запада направлена на усиление внешнего контроля над ситуацией в республике и ущемление ее суверенитета. Для этого используются финансово-экономические рычаги и широкий набор политических инструментов, включая активную поддержку пронаатовских сил и деятельность на территории республики многих десятков наиболее ярких в плане русофобии западных НПО-НКО.

Последние являются активнейшими проводниками западного влияния и поэтому всеми силами блокируют законы об иноагентах на постсоветском пространстве. В Грузии главным защитником такого закона является правящая партия «Грузинская мечта». Еще год назад ее председатель Ираклий Кобахидзе заявил, что поддержит оба варианта законопроекта, которые устанавливают правила прозрачности в работе неправительственных организаций, тем самым не позволяя им действовать во вред Грузии, либо делая такие действия достоянием гласности.

Например, в 2020 году тогдашний госсекретарь США и экс-директор ЦРУ Майкл Помпео, прилетев в Тбилиси, предпочел провести встречи исключительно с представителями НПО-НКО, в числе которых оказались соросовский фонд «Открытое общество», а также «Международная прозрачность – Грузия», «Демократическая инициатива Грузии», «Центр исследований экономической политики», «Права Грузии».

Прозападные НКО в Грузии активно действуют против России и ее интересов в самых разных сферах. Например, они массово призывают ввести визовый режим с РФ. Еще в 2022 году более 20 таких «контор» подписали совместное заявление, в котором выразили обеспокоенность по поводу массового и «бесконтрольного» притока российских граждан в страну после начала СВО.

Наряду с американскими НПО-НКО активной деятельностью в Грузии занимаются и их британские коллеги. Они ведут прокси-войну против России в том числе с грузинского плацдарма. В нем фигурируют такие организации, как Zink Network, Albany, BBC, British Council, TRF, CSSF, которые разжигают русофобию по всему миру под руководством МИД и военного ведомства Великобритании⁴.

На Украине законодательство об «НКО-иностраных агентах» просуществовало всего месяц. Закон, принятый в январе 2014 года «в целях стабилизации ситуации в стране», уже в феврале того же года был просто отменен.

Сегодня НПО/НКО не только в России, но и в других странах, приобрели статус «центров глобализации» в формировании «пятой колонны», а концепции «гражданской власти» и «нелинейной коммуникации» стали основополагающими в политических процессах современности. По мнению экспертов, некоторые НПО и НКО излишне политизируют свою деятельность и высказывания в СМИ, используют конфронтацию с властями в качестве способа достижения своих целей. Следует заметить, что в Указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» отмечено, что деятельность некоторых организаций с иностранным капиталом одной из своих целей имеет дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране.

В Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года отмечено, что к внешним экстремистским угрозам следует отнести определенную поддержку и стимулирование рядом государств деструктивной деятельности, осуществляемой иностранными или международными неправительственными организациями, направленной на дестабилизацию общественно-политической и социально-экономической обстановки в Российской Федерации, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации⁵. Вот лишь некоторые примеры.

---

¹ Антироссийская пропаганда и зомбирование молодежи: как прозападные НКО работают в Армении. Режим доступа: <https://politkavkaz.com/obshchestvo/Antirossiyskaya-propaganda-i-zombirovanie-molodezhi-kak-prozapadnye-nko-rabotayut-v-Armenii/> (дата обращения: 28.05.2024)

² USAID (агентство США по международному развитию – гражданское лицо ЦРУ) и NED (Национальный фонд поддержки демократии) – из США, и под видом гражданского общества страны-реципиента, но реализуют интересы этих самых зарубежных правительств.

³ Антироссийская пропаганда и зомбирование молодежи: как прозападные НКО работают в Армении. Режим доступа: <https://politkavkaz.com/obshchestvo/Antirossiyskaya-propaganda-i-zombirovanie-molodezhi-kak-prozapadnye-nko-rabotayut-v-Armenii/> (дата обращения: 28.05.2024)

⁴ Западные НПО-НКО в Грузии вредят не только России, но и самой Грузии. Режим доступа: <https://www.ritmearasia.ru/news--2024-02-25--zapadnye-npo-nko-v-gruzii-vredjat-netolko-rossii-no-i-samoj-gruzii-71740?ysclid=ix9esz8bx44103374> (дата обращения: 30.05.2024)

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года» [Электронный ресурс] Режим доступа: (дата обращения: 20.11.2023)

Краснодарская краевая общественная организация выпускников вузов, созданная 1 ноября 1999 года выпускниками высших учебных заведений Москвы, Санкт-Петербурга и Краснодара, проживающими на территории Краснодарского края (руководитель организации – Ирина Дубовицкая), в 2014 году была признана иноагентом.

Одним из важнейших направлений политики «оранжевой» Украины является работа с диаспорами. Законодательной основой послужил указ президента Украины № 875/2006 «О Национальной концепции сотрудничества с зарубежными украинцами» от 13 октября 2006 г. Для реализации заложенных в концепции положений был создан фонд «Украина 3 000», а Председателем Наблюдательного совета фонда стала супруга тогдашнего президента Украины Катерина Чумаченко, состоявшая в молодежной националистической организации «Пласт», успешно окончившая Джорджтаунский университет (Вашингтон), школу управления им. Кеннеди. Программа фонда предусматривает оказание материальной помощи проектам, направленным на популяризацию украинского языка и культуры, программа исторического просвещения Ярослава Стецко¹.

Необходимо заметить, что в первой половине 2005 года на территории более чем 60 субъектов Российской Федерации прошли учредительные собрания украинских общественно-культурных образований. В организационном строительстве приняли активное участие представители государственных структур и националистических организаций Украины.

Украинские националисты традиционно претендуют на ряд территорий России. Прежде всего, приграничные регионы: Слободжанщина (Курская, Белгородская и Воронежская области), «Казакия» (Краснодарский край и часть Ростовской области), Ставропольский край. Объектами притязаний выступают и далеко отстоящие от Украины территории: так называемый «серый клин» (юг Западной Сибири и Северный Казахстан) и «зеленый клин» (Амурская область, Забайкальский край, Приморский край, Сахалинская область и Хабаровский край)².

Главным объектом украинских притязаний является Кубань. В конце 2008 года на Конгресс украинцев националистов (политическая партия, созданная на базе Организации украинцев националистов-бандеровцев) было заявлено о начале подготовки отделения Кубани от России. Система деятельности ОУР носила конфиденциальный характер. В своих съездах и конференциях ОУР не допускал участия других украинских общественных организаций РФ. 18 мая 2012 года Верховный суд Российской Федерации удовлетворил иск Министерства юстиции РФ с просьбой ликвидировать Объединение украинцев России.

В Белоруссии любое иностранное финансирование НКО подлежит государственной регистрации, регистрация иностранного финансирования НКО также невозможна без предварительного разрешения властей. Белорусским НКО запрещается иметь счета в банках или иных финансовых учреждениях за границей, закон предусматривает административное и уголовное преследование НКО и их руководства за получение финансирования из иностранных источников без разрешения властей.

Президент Белоруссии А. Лукашенко назвал действующие на территории страны некоммерческие и неправительственные организации (НКО и НПО) деструктивными ресурсами, несущими угрозу национальной безопасности страны. Около 100 деструктивных общественных организаций ликвидированы судом в Белоруссии в 2021 году³. Кроме того за 2021 год в Белоруссии были ликвидированы или оказались в стадии ликвидации 857 негосударственных организаций⁴.

Таким образом, сетевое влияние на стабильность политического и социально-экономического развития государства, выраженная комплексной деструкцией общества посредством НПО, НКО наносят ущерб суверенитету и территориальной целостности. Через контроль НПО и осуществляется трансграничная «мягкая» интервенция, выраженная в форме зарубежных инвестиций в социальный капитал, вслед за которой следуют и действия «жесткой силы» по защите инвестиций любой ценой включая экономические санкции и угрозы военного характера, мотивированные якобы агрессивной деятельностью России по защите интересов собственных граждан в безопасности государственных границ⁵.

Библиография:

1. Попов Э. Украинские НПО на юге России: пережить «оранжевый» синдром. Электронный режим. Режим доступа: Российский институт стратегических исследований www.riss.ru (дата обращения: 21.11.2023).
2. Сорос Дж. Мыльный пузырь американского превосходства. М.: Альпина Бизнес Букс, 2004. С. 58–60.
3. Указ Президента Российской Федерации от 29.05.2020 № 344 «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».
4. Яковлев Н. ЦРУ против СССР. – М., Родина. 2021. 432 с
5. Kvistad G. O. The rise and demise of German statism : loyalty and political membership. Providence: Berghahn Books, 1999. PP 267-278.
6. Антироссийская пропаганда и зомбирование молодежи: как прозападные НКО работают в Армении. Режим доступа: <https://politkavkaz.com/obshchestvo/Antirossiyskaya-propaganda-i-zombirovanie-molodezhi-kak-prozapadnye-NKO-rabotayut-v-Armenii/>(дата обращения: 28.05.2024)
7. Деньги поступали в основном из США, Германии, Норвегии, Кипра, Великобритании и Северной Ирландии. Электронный ресурс. Режим доступа: https://ruskline.ru/politnews/2017/aprel/29/nko_zh_god_poluchili_iz_garanciy_72_mlr_d_rublej_a_inostrannye_ageny_804_mln/(дата обращения: 20.04.2024)
8. Западные НПО-НКО в Грузии вредят не только России, но и самой Грузии. Режим доступа: <https://www.rimneurasia.ru/news--2024-02-25--zapadnye-npo-nko-v-gruzii-vredjat-ne-tolko-rossii-no-i-samoj-gruzii-71740?ysclid=ix9eszcz8bx44103374> (дата обращения: 30.05.2024)

¹ Справочно: Стецко Я. – основатель Антибольшевистского блока народов. В 1940 году Я. Стецко был избран в руководящий состав Организации украинцев националистов и стал заместителем С. Бандеры. После окончания Великой Отечественной войны сотрудничал с ЦРУ США.

² Попов Э. Украинские НПО на юге России: пережить «оранжевый» синдром. Электронный режим. Режим доступа: Российский институт стратегических исследований www.riss.ru (дата обращения: 21.05.2024).

³ Лукашенко назвал НКО и НПО деструктивными ресурсами. Режим доступа:

https://lenta.ru/news/2021/07/30/luka_nko/(дата обращения: 21.05.2024).

⁴ РИА Новости, <https://ria.ru/20221026/belorusssiya-1827005671.html>(дата обращения: 31.05.2024).

⁵ Пентагон обнародовал новую ядерную доктрину США // Коммерсантъ. 2018. 3 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3539814> (дата обращения: 30.11.2023).

9. Лукашенко назвал НКО и НПО деструктивными ресурсами. Режим доступа: https://lenta.ru/news/2021/07/30/luka_nko/ (дата обращения: 21.05.2024).
10. Пентагон обнародовал новую ядерную доктрину США // Коммерсантъ. 2018. 3 марта. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3539814> (дата обращения: 30.11.2023)
11. РИА Новости, <https://ria.ru/20221026/belorusiya-1827005671.html> (дата обращения: 31.05.2024).
12. Цель операции – «принудить Россию подчиниться воле Соединенных Штатов и Британской империи» Электронный режим. Режим доступа: <https://ru-polit.livejournal.com/20548445.html?ysclid=iplmi2n528550570372> (дата обращения; 23.04.2024).
13. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://ktinform.ru/v-seti-zafiksirovali-okolo-1-5-mln-fejkov-o-sobytijah-na-ukraine/> (дата обращения: 26.11.2023).
14. Электронный ресурс. Режим доступа. <https://ktinform.ru/v-seti-zafiksirovali-okolo-1-5-mln-fejkov-o-sobytijah-na-ukraine/> (дата обращения: 26.04.2024).
15. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/849482> (дата обращения: 21.11.2023)
16. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.interfax.ru/russia/849482> (дата обращения: 21.04.2024)

References:

1. Popov E. Ukrainian NGOs in the south of Russia: to survive the "orange" syndrome. Electronic mode. Access mode: Russian Institute for Strategic Studies www.riss.ru (date of reference: 11/21/2023).
2. Soros J. The soap bubble of American supremacy. M. : Alpina Business Books, 2004. pp. 58-60.
3. Decree of the President of the Russian Federation dated 05/29/2020 No. 344 "Strategies for countering extremism in the Russian Federation until 2025".
4. Yakovlev N. The CIA against the USSR. – M., Rodina. 2021. 432 s
5. Kvistad G. O. The rise and demise of German statism : loyalty and political membership. Providence: Berghahn Books, 1999. PP 267-278.
6. Anti-Russian propaganda and zombification of youth: how pro-Western NGOs work in Armenia. Access mode: <https://politkavkaz.com/obshchestvo/Antirossiyskaya-propaganda-i-zombirovanie-molodezhi-kak-prozapadnye-NKO-rabotayut-v-Armenii/> (date of application: 05/28/2024)
7. The money came mainly from the USA, Germany, Norway, Cyprus, Great Britain and Northern Ireland. An electronic resource. Access mode: https://ruskline.ru/politnews/2017/aprel/29/nko_za_god_poluchili_izza_granicy_72_mlrd_rublej_a_inostrannye_agenty_804 mln/ (date of application: 04/20/2024)
8. Western NGOs in Georgia harm not only Russia, but also Georgia itself. Access mode: <https://www.ritmearasia.ru/news--2024-02-25--zapadnye-npo-nko-v-gruzii-vredjat-ne-tolko-rossii-no-i-samoj-gruzii-71740?ysclid=lx9esz8bx44103374> (accessed: 30.05.2024)
9. Lukashenko called NGOs and NGOs destructive resources. Access mode: https://lenta.ru/news/2021/07/30/luka_nko/ (date of appeal: 05/21/2024).
10. The Pentagon has unveiled a new US nuclear doctrine // Kommersant. 2018. March 3. [electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3539814> (date of access: 11/30/2023)
11. РИА Новости, <https://ria.ru/20221026/belorusiya-1827005671.html> (date of application: 05/31/2024).
12. The purpose of the operation is to "force Russia to submit to the will of the United States and the British Empire" Electronic regime. Access mode: <https://ru-polit.livejournal.com/20548445.html?ysclid=iplmi2n528550570372> (accessed 23.04.2024).
13. Electronic resource. Access mode. <https://ktinform.ru/v-seti-zafiksirovali-okolo-1-5-mln-fejkov-o-sobytijah-na-ukraine/> (date of access: 11/26/2023).
14. Electronic resource. Access mode. <https://ktinform.ru/v-seti-zafiksirovali-okolo-1-5-mln-fejkov-o-sobytijah-na-ukraine/> (date of access: 04/26/2024).
15. Electronic resource. Access mode: <https://www.interfax.ru/russia/849482> (date of access: 11/21/2023)
16. Electronic resource. Access mode: <https://www.interfax.ru/russia/849482> (date of application: 04/21/2024)

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ЗАЩИТЫ ДЕТЕЙ В КОНСТИТУЦИОННЫХ ПОПРАВКАХ 2020 Г. CONSTITUTIONAL GUARANTEES FOR THE PROTECTION OF CHILDREN IN THE 2020 CONSTITUTIONAL AMENDMENTS

САМОЙЛОВ Тимур Владимирович,

ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр терапии и профилактической медицины»

Министерства здравоохранения Российской Федерации,

заместитель директора Института профессионального образования и аккредитации,

101990, Россия, г. Москва, Петроверигский пер., 10, стр. 3.

Институт государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

E-mail: timsam1989@gmail.com;

Samoilov Timur Vladimirovich,

National Medical Research Center for Therapy and Preventive Medicine of the Ministry of Healthcare of the Russian Federation

Deputy Director of the Institute of Professional Education and Accreditation of the Federal State Institution.

101990, Moscow, Petroverigsky per., 10, building 3.

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: timsam1989@gmail.com

Краткая аннотация: статья посвящена анализу конституционных гарантий защиты детей, которые были заложены в Основном законе нашей страны, но трансформированы в сторону улучшения после принятия конституционных поправок, предложенных Президентом России. Проблемы защиты прав детей нельзя рассматривать в отрыве от основ семейного воспитания, а потому внимание автора было обращено на изменения, которые последовательно в качестве результата отраслевой и точечной реализации обобщенных положений и приоритетов были реализованы в федеральных актах и актах субъектов Федерации. Главная цель статьи – показать концептуальные изменения политики государства относительно конституционных гарантий в вопросах защиты прав детей.

Abstract: The article is devoted to the analysis of constitutional guarantees for the protection of children, which were laid down in the Basic Law of our country, but transformed towards improvement after the adoption of the constitutional amendments proposed by the President of Russia. The problems of protecting the rights of children cannot be considered in isolation from the foundations of family education, and therefore the author's attention was drawn to changes that were consistently implemented in federal acts and acts of the constituent entities of the Federation as a result of sectoral and targeted implementation of generalized provisions and priorities. The main purpose of the article is to show conceptual changes in state policy regarding constitutional guarantees in matters of protecting the rights of children.

Ключевые слова: поправки, конституционный, гарантии, защита, права, дети, семья, государство, Конституция, Россия.

Key words: amendments, constitutional, guarantees, protection, rights, children, family, state, Constitution, Russia.

Для цитирования: Самойлов Т.В. Конституционные гарантии защиты детей в конституционных поправках 2020 г. // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 154-157. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_154.

For citation: Samoilov T.V. Constitutional guarantees for the protection of children in the 2020 Constitutional amendments // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 154-157. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_154.

Статья поступила в редакцию: 20.07.2024

Президент РФ В.В. Путин: «Поправки ... направлены на то, чтобы укрепить наш суверенитет, наши традиции и наши ценности - то, что составляет основу нашей жизни...».

Первый советский Кодекс в вопросах семейной политики, принятый в 1918 году, был первым документом, который поднимал вопросы брака и семьи. Он был разработан с целью пересмотреть стандарты семейных отношений, которые исторически были заложены в обществе с учетом традиционных взглядов, сложившихся в буржуазной семье, включая церковный обряд вступления в брак.

Предыдущие советские Конституции, принятые в 1918, 1924 и 1925 годах, не затрагивали вопросы семейного законодательства, так как их основное внимание было сосредоточено на социально-технических задачах.

В статье 154 вышеназванного Кодекса 1918 года закреплялась обязанность родителей «заботиться о личности несовершеннолетних детей, об их воспитании и подготовке их к полезной деятельности».

Современное общество хоть и изменилось с тех пор, но важные концептуальные положения остались. В соответствии с ныне действующей Конституцией России государство берет на себя обязанность защищать права и законные интересы детей. Это означает, что государство должно обеспечивать детей всем необходимым для их нормального развития и благополучия. Однако, понятие «защиты детства» часто замещается менее определенными понятиями «поддержки детства», которые включают в себя как материальную, так и моральную поддержку. Это можно рассматривать как расширение обязанностей государства по отношению к детям, но в то же время необходимо учесть, что эти обязанности должны быть четко определены и оцениваемы для того, чтобы гарантировать их выполнение.

Согласно данным статистики по состоянию на 1 июля 2024 численность населения (постоянных жителей) России составляет 146 150 789 человек, в том числе детей в возрасте до 6 лет - 14 596 810 человек, подростков (школьников) в возрасте от 7 до 17 лет - 17 264 062 человека [1].

По мнению С.А. Авакьяна, обширная конституционная реформа, проведенная в России в 2020 году, оказала влияние на различные ас-

пекты «государственного строительства, экономической и социальной жизни, политического бытия в России» [2].

Е.В. Виноградова подчеркивает, что поправки, принятые в Конституцию в 2020 году, привели к трансформации модели государственного устройства России, «усилив гарантии реализации прав и свобод» [3].

Как правильно отмечает А.С. Сизова, непрерывное изменение социально-экономической и политической реальности предполагает адекватную реакцию в виде конституционных реформ, которые могут «обеспечить достойное развитие государства и общества в целом» [4].

Конституция отражает важнейшие ценности общества, включая уважение к семье и правам детей. Защита семьи и детей является ключевым показателем социальных гарантий, предоставляемых государством. Семья играет важную роль в передаче ценностей, традиций и опыта следующим поколениям, способствуя развитию общества.

Укрепление института семьи и поддержка брака имеют прямое влияние на развитие страны. Семья является основой, на которой строится общество и государство. Поэтому повышение социальной значимости семьи необходимо для дальнейшего развития страны.

Ввиду того, что современные реалии меняются в зависимости от множества факторов, законодательство не может стоять на месте и должно развиваться вместе с обществом. Так, А.Н. Савенков выделяет проблему роста влияния внешних вызовов и угроз на востребованность сильного национального государства [5]. Поэтому российская законодательная система изменяется и совершенствуется, исходя из «запросов» и общественных реалий. Это применимо и к вопросам семейной политики, защиты прав детей и соблюдения их гарантий.

В новой редакции Конституции, принятой поправками 2020 года, дети признаны первоочередным приоритетом государственной политики (ст.67.1). Это означает, что в ближайшие годы одной из главных задач страны станет решение демографических проблем. Включение такой статьи в Основной закон гарантирует, что все мероприятия, направленные на улучшение демографической ситуации, будут успешно реализованы.

Статья 72 Конституции РФ была дополнена пунктом «ж.1», из которого было обозначено, что «защита семьи, материнства, отцовства и детства...» находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

В гарантиях защиты детей можно выделить следующие направления, которые были закреплены в поправках к Конституции РФ и продолжены в законодательных изменениях федерального и регионального значения.

Материальные гарантии в России включают в себя различные виды пособий на детей разных возрастов – как единовременные, так и ежемесячные выплаты. Эти денежные средства предназначены для поддержки семей с детьми до достижения ими 18 лет. Такая поддержка осуществляется с целью обеспечения детей необходимыми средствами и содействия их развитию и благополучию. На сегодняшний день Социальный фонд России выплачивает единое пособие более 940 тысячам многодетных семей на 2,67 миллионов детей [6].

Социально-культурные гарантии включают в себя исполнение обязательств государством в отношении детей в области образования, воспитания патриотизма, уважения к старшим и т.д.

Изменения, которые были внесены в Основной закон страны в части социально-культурных гарантий, можно назвать вектором, которое выбрало государство на обеспечение благоприятных условий для развития детей в семье. Содержание, которое вкладывается в данные гарантии, связаны с обеспечением возможности раскрыть потенциалы подрастающего поколения через всестороннее развитие духовной, нравственной, интеллектуальной и физической сферы. При этом особое внимание уделяется воспитанию у детей патриотизма, гражданственности и уважения к старшим.

Процессуальные гарантии детей при проведении различных процедур. Защита прав детей в рамках различных процедур играет важную роль в обеспечении их благополучия. На примере процедур банкротства физических лиц можно отметить, что дети должны иметь гарантированные имущественные права. Это требует вовлеченного участия как родителей, так и государства, чтобы обеспечить нормальное физическое, умственное, нравственное, духовное, социальное и культурное развитие детей и их защиту. Кроме того, важно соблюдать права детей в уголовном процессе, чтобы обеспечить их защиту и справедливость и иные процессуальные права [7].

Гарантии выполнения моральных и традиционных норм. Обновленный Основной закон государства сделал акцент как на приоритете семейного воспитания, так и на поддержке традиционных семейных ценностей. Возвращаясь к положению о том, что общество должно идти в ногу со временем, нельзя забывать о сложных веками традиционных ценностях в семьях, в том числе, в которых воспитываются дети.

Конституция РФ приняла поправки, в которых озвучивается понимание самого брака, семьи, которого нет в законе. Российские традиции, несмотря на западные тенденции, рассматривают брак как союз мужчины и женщины и в данном случае эта позиция принципиальная. Подобное дополнение было необходимо для разграничения семейных ценностей и соответственно, векторов взаимодействия России с государствами мирового сообщества относительно семьи и детей. Законодательный подход, закрепляемый в Конституции РФ, в вопросах семейных отношений базируется на понимании брака как объединения мужчины и женщины, а в качестве основной задачи семьи ставится рождение и воспитание детей.

Ни из сложившихся традиционных ценностей российского общества, ни из Конституции РФ или международно-правовых обязательств, не следует, что государство должно создавать условия для поддержки, пропаганды и признания союзов лиц одного пола. Это было подтверждено определениями Конституционного Суда Российской Федерации от 16 ноября 2006 года №496-О и от 19 января 2010 года №151-О-О.

Информационные гарантии (гарантии ребёнка в сфере информационной безопасности). Во исполнение конституционных поправок, в которых дети являются приоритетом государства, предполагается, что государство не просто декларирует данное положение (ст.67.1 Конституции РФ),

но и создает условия, которые позволяют всесторонне развиваться, воспитываться (духовно, нравственно, интеллектуально и физически).

Распоряжением Правительства РФ от 28 апреля 2023 года №1105-р была утверждена Концепция информационной безопасности детей в Российской Федерации во исполнение государственно-политических задач, заложенных Президентом в обновленной Конституции России.

По категориям детей, гарантии которых защищаются законодательством можно выделить: детей в полных семьях; детей в неполных семьях; детей-сирот; детей с ограниченными возможностями.

Государство принимает на себя ответственность за детей в целом, не только за тех, кто остался без попечения родителей, но и воспитывающихся в многодетных семьях, или потерявших родителей.

Вместе с тем, как представляется, следует выделить отдельную группу несовершеннолетних, которые осуждены и отбывают наказание. Логика законодателя в принятых конституционных поправках предполагала духовное, физическое и нравственное развитие всех без исключения детей и дети признаны приоритетом государственной политики.

Несмотря на то, что доля подростковой преступности ниже, чем у взрослых, к примеру, в 2022 по статистике было зарегистрировано 14 214 несовершеннолетних осужденных, однако, эффективных мер по их перевоспитанию и постпенитенциарной поддержке у государства до конца не выработано, а родители, зачастую оказываются неспособными противостоять пусть и несовершеннолетним своим детям, но имеющим большой «багаж» опыта после отбывания наказания.

Подростки и дети могут совершать преступления из-за различных причин, связанных как с семейной обстановкой, так и с окружающей средой. Неблагополучная обстановка в семье может проявляться через родителей с различного рода зависимостями (алкогольной, наркотической, игромания), связана с насилием или отсутствием доверительных отношений. В данном случае, меры государственной поддержки, выделяемые государством в качестве материальных гарантий, могут вовсе не доходить до адресата, то есть до ребенка.

Объективно, для эффективности защиты детей от неблагоприятного воздействия как на микроуровне (в семье), так и на макроуровне (в агрессивной внешней среде) необходимо усилить институт органов опеки и попечительства, так как от их работы зависит реализация государственных конституционно-политических решений, закрепленных в изменениях и дополнениях к Конституции России.

По статистике, нарушение закона совершают не только бездомные и малообразованные дети, как считается. 64% преступников находятся в процессе обучения, а 5% из них уже работают. Группа людей, которые не учатся и не работают, составляет 31%, и лишь 0,1% отбывают наказание или находятся под условным сроком.

Большинство несовершеннолетних, нарушивших закон, не являются сиротами: 48% подростков вырастают в семье с обоими родителями, в то время как 44% выросли в неполной семье. Только 8% преступников до 18 лет были воспитаны в детских домах или интернатах [8].

Несовершеннолетние, являющиеся преступниками, зачастую не знают какую профессию они бы хотели выбрать несмотря на то, что в пенитенциарных учреждениях проводится профориентационная работа и приучение к труду. Каждый десятый несовершеннолетний, вернувшийся после заключения, оказывается бездомным. Важно отметить, что те, кто получил условное наказание или вернулись из воспитательной колонии, чаще всего совершают новые преступления уже будучи совершеннолетними, потому что нет гарантий их адаптации к нормальной жизни. В данном вопросе государственная политика не имеет четкого плана.

Юридическая форма должна быть приспособлена к стабилизации общественного порядка, однако, дети в возрасте 14-15 лет оказываются в более уязвимом положении по той простой причине, что они могут быть привлечены к уголовной ответственности хоть и по немногочисленным статьям (20 статей из 290 в Уголовном кодексе РФ), в противовес более младшим детям, которые не могут быть привлечены к ответственности.

Поэтому, в вопросах защиты прав детей и проводимой государственной политики так же необходимо сделать упор на детей, подверженным деструктивному влиянию и на детей, отбывающих наказание в воспитательных колониях.

Обращаясь к защите прав семьи и детей, следует выразить мнение, что от эффективности проводимой социальной защиты, предоставляемой государством, зависит насколько правильно и персонализированно (а сегодня еще и автоматизированно [9], в некоторых случаях беззаявительно) будет организована работа.

Изменения в Конституцию страны были инициированы Президентом России ввиду изменения жизни государства и общества, в необходимости детализировать и конкретизировать положения, которые могли иметь неоднозначное толкование, в том числе, и в семейных отношениях.

В современном обществе особую важность имеют вопросы, связанные с защитой прав детей, особенно в контексте развода родителей. Также остаются актуальными вопросы имущественных отношений между супругами, развитие репродуктивных технологий, усыновления и опеки. Все эти аспекты требуют особого внимания и правовой защиты, чтобы обеспечить справедливость и благополучие в семейных отношениях, во-первых, и защитить от неправомерного морального, физического и материального ущемления прав детей, во-вторых.

В 2023 году в России было выявлено 41 958 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Для сравнения, в 2022 году таких было 45 332 человека, а еще годом раньше - 46 831 человек. Все эти данные свидетельствуют о положительной динамике по итогам конституционных поправок.

4 апреля 2024 года было анонсировано о подготовке национального проекта «Семья» до 1 сентября 2024 года (утверждение с учетом

бюджетных корректировок планируется до конца текущего года; реализация проекта запланирована с 1 января 2025 года), который планируется реализовать в России в качестве приоритетного направления по улучшению демографической ситуации, поддержки рождаемости и многодетности, а также создания условий по достижению достойного качества жизни российских семей. Эти меры направлены на все области: от социальной политики до экономики и жилищной инфраструктуры [10].

Большим плюсом как в принятии изменений и дополнений к Конституции, так и в разработке национальных проектов можно назвать консолидация усилий законодателей, ученых, социологов, психологов и профильных специалистов, которые проводят экспертные исследования, опросы граждан и на их основе разрабатывают пилотные проекты Правительства.

Таким образом, изменения в обществе требуют всесторонней реакции законодателя, что было выражено в законе Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». В поправках особое внимание было уделено вопросам семейной политики, с учетом того, что для законодателей, а в последующем и для правоприменителей, главное значение в вопросах семейного законодательства имеют интересы несовершеннолетних детей.

После внесения изменений, Конституция стала более фокусированной на поддержке семьи и сохранении культурных традиций, передаваемых от поколения к поколению. Государство активно поддерживает своих граждан и стремится обеспечить благополучие не только в настоящем, но и в будущем, принимая все новые и новые стратегические программы, такие как национальные проекты «Демография», «Образование», «Молодежь и дети» и др. Это свидетельствует о прогрессивных изменениях в законодательстве, направленных на укрепление семейных ценностей и социальной защиты каждого человека.

Библиография:

1. Данные Федеральной службы государственной статистики // <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Дата обращения: 01.07.2024)
2. Виноградова Е. В. Конституционные поправки. Российский опыт государственных преобразований / Е. В. Виноградова // Государство и право. – 2021. – № 5. – С. 19-25. – DOI 10.31857/S102694520014906-7. – EDN PQNZXP.
3. Авакьян С.А. Конституционная реформа 2020 и российский парламентаризм: реальность, решения, ожидания // Московский юридический журнал. 2020. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-2020-i-rossiyskiy-parlamentarizm-realnost-resheniya-ozhidaniya> (дата обращения: 09.07.2024)
4. Сизова А.С., Соколов Е.Е. К вопросу о реализации поправок в конституции российской федерации // The Scientific Heritage. 2021. №79-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-popravok-v-konstitutsii-rossiyskoj-federatsii> (дата обращения: 11.07.2024)
5. Докладом Директора Института государства и права РАН Александра Савенкова открылось заседание круглого стола Института «Конституционно-правовое регулирование политической системы в свете поправок 2020 года к Конституции Российской Федерации» // <http://igpran.ru/newsall/8175/> (Дата обращения: 10.07.2024)
6. Социальный Фонд России // https://sfr.gov.ru/press_center~2024/01/25/259733/ (по состоянию на 25.01.2024)
7. Соловых С.Ж. Процессуальные гарантии имущественных прав несовершеннолетних при производстве дел о банкротстве физических лиц // Семейное и жилищное право. 2019. N 4. С. 27 - 30.
8. Александр Бастрыкин обеспокоен ростом детской преступности // <https://rg.ru/2023/04/19/malenkij-i-ochen-opasnyj.html> (Дата обращения: 01.07.2024)
9. ГИС «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере»
10. Татьяна Голикова представила нацпроект «Семья» на международной выставке-форуме «Россия» // <http://government.ru/news/52022/> (Дата обращения: 05.07.2024)

References:

1. Data of the Federal State Statistics Service // <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Accessed on: 01.07.2024)
2. Vinogradova, Elena V., Danilevskaya, Inna L. "Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. Constitutional control "ex ante" as an institution of domestic and foreign constitutionalism." *Gosudarstvo i pravo* 5 (2020):7-18. DOI: 10.31857/S013207690009657-4
3. Avakyan S.A. Constitutional reform 2020 and Russian parliamentarism: reality, decisions, expectations // *Moscow Legal Journal*. 2020. No. 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionnaya-reforma-2020-i-rossiyskiy-parlamentarizm-realnost-resheniya-ozhidaniya> (date of access: 07/09/2024)
4. Sizova A.S., Sokolov E.E. On the issue of implementing amendments to the Constitution of the Russian Federation // *The Scientific Heritage*. 2021. No. 79-3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-realizatsii-popravok-v-konstitutsii-rossiyskoj-federatsii> (access date: 07/11/2024)
5. The report of the Director of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Alexander Savenkov opened the round table meeting of the Institute "Constitutional and legal regulation of the political system in the light of the 2020 amendments to the Constitution of the Russian Federation" // <http://igpran.ru/newsall/8175/> (Date of access : 07/10/2024)
6. Social Fund of Russia // https://sfr.gov.ru/press_center~2024/01/25/259733/ (as of 25.01.2024)
7. Solovykh S.Zh. Procedural guarantees of property rights of minors in bankruptcy cases of individuals // *Family and housing law*. 2019. N 4, P. 27 - 30.
8. Alexander Bastykin is concerned about the growth of child crime // <https://rg.ru/2023/04/19/malenkij-i-ochen-opasnyj.html> (Date of appeal: 01.07.2024)
9. GIS "Unified centralized digital platform in the social sphere"
10. Tatyana Golikova presented the national project "Family" at the international exhibition-forum "Russia" // <http://government.ru/news/52022/> (Date of appeal: 05.07.2024)

**РАССМОТРЕНИЕ ПРАВОВЫХ МЕР ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ
УКЛОНЕНИЯ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ
ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕЩНОСТИ НАЛОГОВОГО АДМИНИСТРИРОВАНИЯ**
**The evaluation of tax evasion preventive measures
in terms of the principle of good tax administration**

ДИРКСЕН Татьяна Викторовна,
аспирант кафедры правовых дисциплин ВШГА МГУ имени М.В. Ломоносова,
советник Правового управления ФНС России.
119991, Россия, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1.
E-mail: t.dirksenn@gmail.com;

Dirksen Tatiana Viktorovna,
Postgraduate, MSU, HSGA, Faculty of legal disciplines,
Position held: councilor of Legal department, Federal tax authority.
119991, Russia, Moscow, GSP-1, Leninskie gory, 1.
E-mail: t.dirksenn@gmail.com

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются меры предупреждения уклонения от уплаты налогов через призму принципа добросовестности налогового администрирования. По результатам проведенного анализа автором впервые формулируются принципы применения мер предупреждения уклонения от уплаты налогов, реализация которых позволит повысить эффективность налогового администрирования.

Abstract: The article is concerned with the evaluation of the preventive measures against tax evasion in terms of the principle of good tax administration. Based on the research findings, the author newly enunciates principles of appliance of the preventive measures against tax evasion, which if operated can lead to the efficiency improvement of tax administration.

Ключевые слова: добросовестное налоговое администрирование, меры предупреждения уклонения от уплаты налогов, тест пропорциональности, законные ожидания, налоговые правонарушения, судебная практика.

Keywords: good tax administration, tax evasion preventive measures, proportionality test, legal expectations, tax offences, judicial practice.

Для цитирования: Дирксен Т.В. Рассмотрение правовых мер предупреждения уклонения от уплаты налогов через призму принципа добросовестности налогового администрирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 158-160. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_158.

For citation: Dirksen T.V. The evaluation of tax evasion preventive measures in terms of the principle of good tax administration // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 158-160. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_158.

Статья поступила в редакцию: 30.07.2024

Эффектность правового регулирования зиждется на поддержании справедливого баланса частных и публичных интересов. Наличие принципов, обеспечивающих достижение такого баланса, также необходимо в рамках применения правовых мер предупреждения уклонения от уплаты налогов, которые можно рассматривать в качестве средств правового воздействия на налогоплательщиков в целях обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов.

Реализацию правовых мер предупреждения уклонения от уплаты налогов можно отнести к составной части налогового администрирования. Такой подход подтверждается позицией отечественных ученых, понимающих под предупреждением «универсальную меру государственного управления, посредством которой осуществляется правовое воздействие на волю, сознание и поведение людей в любой сфере деятельности, в том числе в сфере налоговых отношений, с помощью средств предупредительной деятельности регулируется и стимулируется должное поведение участников отношений»[2]. В данном контексте следует исходить из распространенного в отечественной доктрине налогового права широкого понимания налогового администрирования, включающего как разработку государственной налоговой политики, правовое регулирование, так и правоприменение в области налогов и сборов, налоговый контроль, административное принуждение за нарушение законодательства о налогах и сборах и защиту прав и законных интересов налогоплательщиков [7].

При этом в рамках налогового администрирования необходимо разделять исполнительно-распорядительную и контрольно-юрисдикционную виды управленческой деятельности, чтобы не допустить искажения цели контрольной деятельности налоговых органов, направленной на соблюдение налогового законодательства, в сторону обеспечения наполняемости бюджета любым способом. Представляется, что не следует напрямую противопоставлять эти виды управленческой деятельности, напротив, они должны сбалансированно взаимодействовать друг с другом для наиболее высокого уровня соблюдения налогового законодательства, что предполагает *надлежащее пополнение бюджета без нарушения прав и законных интересов налогоплательщиков*. Именно такой подход основывается на эффективности мер предупреждения уклонения от уплаты налогов.

Меры предупреждения уклонения от уплаты налогов можно рассматривать как контрольно-юрисдикционную сферу налогового администрирования, направленную на обеспечение исполнения налогового законодательства. Таким образом, поскольку меры предупреждения от уплаты налогов являются составляющей деятельности налоговых органов, связанной с налоговым администрированием, эффективность применения право-

вых мер предупреждения уклонения от уплаты налогов находится в прямой связи с эффективностью налогового администрирования.

Представляется, что основополагающим принципом, обеспечивающим эффективность применения налоговым органом мер предупреждения уклонения от уплаты налогов, основанную на балансе частных и публичных интересов в налоговых правоотношениях, является закрепленный в сформировавшейся судебной практике высших судебных инстанций принцип (требование) *добросовестности налогового администрирования*.

Принцип добросовестности налогового администрирования как требование, предъявляемое к налоговым органам, получил более позднее распространение по сравнению с принципом (требованием) добросовестности налогоплательщика, который впервые был упомянут в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 12.10.1998 № 24-П. Соответственно, в текущих правовых реалиях требование добросовестности предъявляется к обеим сторонам налоговых правоотношений, что направлено на достижение баланса между противостоящими интересами сторон.

Полагаем, что указанный принцип (требование) вытекает из *конституционного принципа поддержания доверия к действиям государства*, которым руководствуется Конституционный Суд РФ применительно к различным сферам правоотношений. В работах отечественных ученых также содержится раскрытие реализации принципа (требования) добросовестности государства в публичной сфере как предполагающего, что государство должно действовать честно и благонамеренно в целях поддержания доверия людей [1].

Стоит отметить, что примеры экстраполяции требований добросовестности к действиям органов публичной власти в том числе в сфере налогообложения можно усмотреть еще в Германском гражданском уложении, в котором параграф 242, закрепляющий принцип добросовестности, был распространен на административное право и право государственного управления, а также налоговое право [10]. К.В. Нам в исследовании, посвященном развитию принципа добросовестности у его истоков в Германии, справедливо называет этот принцип основополагающим во всех правовых отношениях, в том числе между лицами, находящимися между собой в отношении власти и подчинения [4].

Основываясь на указанных конституционных принципах и норме пункта 2 статьи 22 Налогового кодекса Российской Федерации, устанавливающей обязанность налоговых органов обеспечивать права налогоплательщиков, высшие суды выводят принцип добросовестности налогового администрирования, предполагающий учет не только прав, но и законных интересов налогоплательщика, порожденных в том числе актами налоговых органов, определяющими правовую политику в области налогового администрирования, и недопустимость создания формальных условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону. При этом, как справедливо отмечает Ю.А. Крохина, реализация прав и законных интересов налогоплательщиков не должна оказывать чрезмерное негативное влияние на обеспечение бюджетом своих прав и интересов, что предполагает необходимость поддержания соответствующего баланса [3].

Ключевыми составляющими требования добросовестности налогового администрирования являются последовательность поведения налогового органа, его содействие налогоплательщику в исполнении своей обязанности и соразмерность применяемых мер. Так, Верховным Судом РФ в определении от 16.02.2018 №302-КГ17-16602 по делу «Бамтоннельстрой» обращено внимание, что налогоплательщик не может быть лишен возможности получения налогового вычета, если невозможность возникла в том числе вследствие действий налогового органа, отказавшего представить налогоплательщику информацию о порядке исчисления налога применительно к сложившейся у налогоплательщика ситуации.

Добросовестное налоговое администрирование также основывается на принципе защиты правомерных ожиданий налогоплательщика. Так, в определении от 06.03.2018 №308-КГ17-14457 Верховный Суд РФ отметил, что, если налоговый орган не предъявляет соответствующих требований к налогоплательщику, не ставя под сомнение законность и правомерность его поведения, налоговый орган не вправе в последующем доначислять суммы налогов и привлекать к ответственности налогоплательщика.

Исходя из судебной практики, поскольку налоговый орган ведет лицевой счет налогоплательщика, администрирует его налоговые платежи, проводит камеральные налоговые проверки представляемых налогоплательщиком деклараций, налоговому органу как регистрирующему органу известно обо всех изменениях, вносимых в учредительные документы налогоплательщика, именно налоговый орган должен своевременно уведомлять налогоплательщика о допускаемых им нарушениях. Если налоговым органом такие меры не предпринимаются, он утрачивает право на последующее доначисление и привлечение налогоплательщика к ответственности за допущенное нарушение (определение СКЭС ВС РФ от 02.07.2019 № 310-ЭС19-1705 по делу ООО «Совместное предприятие «Бетула»).

Д.М. Щекин рассматривает принцип добросовестного налогового администрирования в качестве «правового механизма, способствующего обеспечению баланса публичных и частных интересов при применении налоговыми органами норм налогового законодательства» [6]. В принцип добросовестного налогового администрирования Д.М. Щекин закладывает два аспекта – действие налоговых органов исключительно в рамках законно установленных пределов (полномочий), основанных на недопустимости взимания налогов сверх того, что предусмотрено законом, а также последовательности действий налоговых органов (так называемый налоговый эстоппель), который также обеспечивает реализацию принципа законных ожиданий налогоплательщиков. Представляется, что помимо указанных аспектов, добросовестное налоговое администрирование также требует содействия налогового органа в надлежащем исполнении налогоплательщиком своих налоговых обязанностей. Соответственно, требование добросовестности налогового администрирования основано на: ограниченности полномочий налоговых органов с учетом конституционного *теста пропорциональности*, последовательности их действий, защите разумных ожиданий налогоплательщиков, и содействии налогового органа налогоплательщику в исполнении налоговых обязанностей.

Учитывая вышеуказанные характеристики принципа добросовестного налогового администрирования, представляется, что применительно

к мерам предупреждения уклонения от уплаты налогов они сводятся к необходимости обеспечения соразмерности применяемых налоговым органом мер, их пропорциональности преследуемым целям с учетом поведения налогоплательщика и конкретных обстоятельств. Именно такой подход будет соответствовать вышеуказанным принципам: обеспечивать недопустимость применения налоговыми органами полномочий без соответствующей необходимости (ограниченность полномочий налоговых органов), поддерживать последовательность действий налогового органа и защищать разумные ожидания налогоплательщиков.

Зарубежная политика в области налогового администрирования также свидетельствует о необходимости обоснованного применения соответствующих мер в зависимости от поведения налогоплательщика – к налогоплательщикам, демонстрирующим характеристики высокого риска, должны применяться более строгие меры по отношению к налогоплательщикам, которые ведут себя прозрачно без существенных налоговых рисков, которые могут рассчитывать на поддержку и более низкие затраты на соблюдение налогового законодательства [8]. В рамках реализации пропорционального применения мер предупреждения уклонения от уплаты налогов в зарубежных юрисдикциях стали внедрять концепцию гибкого регулирования (*responsive regulation*), в рамках которой профилактические меры имеют приоритет над карательными. Некоторые зарубежные исследователи рассматривают такую концепцию в качестве условия эффективности налогового администрирования [9].

В налоговом законодательстве зарубежных юрисдикций, предусматривающем широкую дискрецию налоговых органов при применении мер воздействия на налогоплательщика, также предусматривается принцип пропорциональности как основной ограничитель дискреции налоговых органов. В российской правовой системе указанные принципы применительно к налоговым правоотношениям закреплены пока что только в судебной практике. Хотя стоит отметить, что позиции высших судебных инстанций в российской правовой системе имеют значительную роль в обеспечении правовой определенности и единообразного толкования норм, выступая элементом конституционного механизма обеспечения единства и непротиворечивости правовой системы. Однако это не освобождает законодателя от необходимости совершенствования нормативной базы. Принцип пропорциональности и соразмерности предполагает приоритет более мягких мер реагирования в целях предупреждения уклонения от уплаты налогов. Конституционный Суд РФ неоднократно отмечал в том числе применительно к налоговым правоотношениям необходимость соблюдения требований справедливости, адекватности и пропорциональности используемых правовых средств (постановления Конституционного Суда РФ от 3 июня 2014 № 17-П, от 28 ноября 2017 № 34-П).

Представляется, что с учетом принципа пропорциональности (соразмерности), являющимся составляющим принципа (требования) добросовестного налогового администрирования в рамках применения мер предупреждения уклонения от уплаты налогов, *меры профилактики уклонения от уплаты налогов, предполагающие более мягкое воздействие на налогоплательщика, должны иметь приоритет* по отношению к более ограничительным мерам предотвращения уклонения от уплаты налогов. В указанном контексте следует согласиться с Е.В. Овчаровой, обратившей внимание на необходимость отказа от административного принуждения в пользу более мягких мер и применения первых в исключительных случаях в качестве условия для внедрения сервисной модели налогового администрирования [5].

Таким образом, принимая во внимание положительный эффект от закрепления в судебной практике принципа (требования) добросовестности налогового администрирования и возможность выведения из указанного принципа применительно к мерам предупреждения уклонения от уплаты налогов принципов пропорциональности, соразмерности, приоритета профилактических мер, представляется необходимым обеспечить их нормативное закрепление в статье 3 Налогового кодекса Российской Федерации, учитывая, что налоговые органы на местах менее склонны руководствоваться судебными (доктринальными) подходами к толкованию правовых норм, если соответствующее положение прямо не предусмотрено налоговым законодательством.

Библиография:

1. Арапов Н.А. Обязывающие последствия принципа поддержания доверия граждан к закону и действиям государства в российском конституционном праве // Конституционное и муниципальное право. 2014. №10. С. 5.
2. Кобзарь-Фролова М.Н. Концептуальные основы теории налоговой деликтологии. Монография. - М., ВГНА, 2010. С.321.
3. Крохина Ю.А. Защита и гарантии восстановления нарушенных прав субъектов финансового права // Налоги и налогообложение. 2004. №7. С.10.
4. Нам К.В. История развития принципа добросовестности (*Treu und Glauben*) в период с 1900 по 1945 г. // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2018. № 6. С.63.
5. Овчарова Е.В. Административное принуждение за нарушение налогового законодательства в Российской Федерации как элемент механизма правового регулирования в области налогов и сборов: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.14. М., 2021. С.22.
6. Шчекин Д.М. Баланс публичных и частных интересов в налоговом праве: дис. ... докт. юрид. наук. – М., 2023. С.366.
7. Налоговое право: курс лекций. Под редакцией С.Г. Пепеляева, А.В. Ема. М.: Статут, 2022. С.283.
8. OECD Co-operative Compliance: a framework, from enhanced relationship to cooperative compliance, OECD Publishing. 2013. Paris. P.41.
9. Judith Freedman Responsive Regulation, Risk, and Rules: Applying the Theory to Tax Practice // UBC Law Review, Vol. 44, N 3, 2012. P. 627.
10. Looschelders D., Olzen D. Kommentar zum BGB mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 2. Recht der Schuldverhältnisse. Einleitung zum Schuldrecht § 241–243. Berlin, 2015. Rn. 39.

References:

1. Arapov N.A. Binding consequences of the principle of maintaining citizens' trust in the law and state actions in Russian constitutional law // Constitutional and municipal law. 2014. No.10. p. 5.
2. Kobzar-Frolova M.N. Conceptual foundations of the theory of tax delictology. Monograph. - M., VGNA, 2010. p.321.
3. Krokhina Yu.A. Protection and guarantees of restoration of violated rights of subjects of financial law // Taxes and taxation. 2004. No.7. p.10.
4. Nam K.V. The history of the development of the principle of good faith (*Treu und Glauben*) in the period from 1900 to 1945 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2018. No. 6. p.63.
5. Ovcharova E.V. Administrative coercion for violation of tax legislation in the Russian Federation as an element of the mechanism of legal regulation in the field of taxes and fees: abstract. ... doct. Jurid. sciences: 12.00.14. M., 2021. p.22.
6. Shchekin D.M. Balance of public and private interests in tax law: dis. ... doct. Jurid. Sciences. – M., 2023. C.366.
7. Tax law: a course of lectures. Edited by S.G. Pepelyaev, A.V. Ema. M.: Statute, 2022. p.283.
8. OECD Co-operative Compliance: a framework, from enhanced relationship to cooperative compliance, OECD Publishing. 2013. Paris. P.41.
9. Judith Freedman Responsive Regulation, Risk, and Rules: Applying the Theory to Tax Practice // UBC Law Review, Vol. 44, N 3, 2012. P. 627.
10. Looschelders D., Olzen D. Kommentar zum BGB mit Einführungsgesetz und Nebengesetzen. Buch 2. Recht der Schuldverhältnisse. Einleitung zum Schuldrecht § 241–243. Berlin, 2015. Rn. 39.

ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РОССИЙСКИХ ТРАДИЦИЙ НАРОДНОГО СУВЕРЕНИТЕТА Historical and legal aspects of Russian traditions of national sovereignty

ДАНИЛЕВСКАЯ-УРБАНОВА Инна Леонидовна,

кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru;

РАТТУР Мария Владимировна,

кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Российская Федерация, Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru;

Danilewskaia-Urbanova Inna Leonidovna,

senior research assistant of constitutional law and constitutional justice sector of the Institute of State and law
of the Russian Academy of Sciences, candidate of legal sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: danilewskaia.inna@yandex.ru;

Rattur Maria Vladimirovna,

PhD in History, Associate Professor, Researcher of the Department of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory,
Institute of the State and Law, Russian Academy of Sciences.
Moscow, Znamenka, 10.
E-mail: rattur@yandex.ru

Краткая аннотация: Изучение истории и теории народного суверенитета остается в центре внимания историков и правоведов. В статье в исторической ретроспективе рассматриваются проявления различных форм народного суверенитета в Древней Руси, самодержавной России, подходы к его реализации в период советского конституционализма.

Abstract: The study of the history and theory of popular sovereignty remains the focus of attention of historians and legal scholars. The article examines in historical retrospect the manifestations of various forms of popular sovereignty in Ancient Rus, autocratic Russia, and approaches to its implementation during the period of Soviet constitutionalism.

Ключевые слова: народный суверенитет, демократические традиции, вече, Земский собор, Уложенная комиссия, Учредительное собрание, суверенитет социалистического государства, представительная демократия, непосредственная демократия.

Keywords: popular sovereignty, democratic traditions of the veche, Zemsky Sobor, Legislative Commission, Constituent Assembly, sovereignty of the socialist state, representative democracy, direct democracy.

Для цитирования: Данилевская-Урбанова И.Л., Раттур М.В. Историко-правовые аспекты российских традиций народного суверенитета // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 161-164. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_161.

For citation: Danilewskaia-Urbanova I.L., Rattur M.V. Historical and legal aspects of Russian traditions of national sovereignty // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 161-164. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_161.

Статья поступила в редакцию: 29.07.2024

Проблематика народного суверенитета, этой сложной политико-правовой категории продолжает оставаться актуальной и значимой на современном, переломном этапе исторического развития. Особый интерес представляет исследование подтвержденных историческими фактами и документами уходящих в глубину веков отечественных демократических традиций реализации суверенитета народа, его исторических корней, а также специфики народного суверенитета периода советского конституционализма.

Дореволюционные правоведы отмечали, что идея народного суверенитета не могла найти себе благоприятной почвы в общественном сознании в России и не могла выступить открытой и сильной противницей торжествующего начала монархического суверенитета. Более того, в России вопрос о суверенитете не представлял непосредственного практического интереса, поскольку государственной организации у нас не противопоставлялась никакая другая общественная организация. Учение о суверенитете считалось спорным вопросом государственно-правовой теории и рассматривалось в целом и только на основе трудов немецких, английских и французских авторов [1].

В современной научной литературе есть мнение, что одной из первых известных нам форм участия населения в принятии управленческих решений было вече. У славян в IX-X в. демократический элемент в государственном управлении играл важную роль в жизни всех русских земель от Киева до Новгорода и от Волыни до Ростово-Суздальской земли [2, 16-17]. В Иоакимовской летописи о начальной истории российской государственности, связанной с призванием варягов, сказано так: «Гостомysl, почувствовав, что он умирает, созвал всех старейшин земли от славян, руси, чуди, веси, мери, кривичей и дреговичей» [3, 67]. В начальной летописи «Повесть временных лет» Нестор отмечает, что к варягам за море отправились чудь, славяне, кривичи и весь со словами о том, что «земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет» [4, 17].

Ко времени создания «Повести временных лет» (ученые датируют ее приблизительно 1113 г.) укоренилось представление о том, что важнейшее для страны решение принималось советом представителей племен, а не было выражением единоличной воли. Особенно существен-

ным это представляется в связи с тем, что решение «Каждый держит отчину свою» [4, 57] в 1097 г. принадлежало исключительно князьям Святополку, Владимиру, Давыду Игоревичу, Василью Ростиславичу, Давыду Святославичу и его брату Олегу, собравшимся в Любече.

О коллективном решении новгородцев сопротивляться решению князя Владимира о крещении так говорится в Иоакимовской летописи: «Когда в Новгороде народ узнал, что Добрыня едет их крестить, они все поклялись не пустить его в город и не дать ему свергнуть идолов» [3, 91]. Просить мира к Добрыне новгородцы пришли тоже в результате коллективного решения, которое озвучили «лучшие мужи». Первое самостоятельное решение новгородцев о князе было принято в 1136 г. Новгородская первая летопись старшего извода так повествует об этом событии: «новгородцы призвали псковичей и ладожан и порешили изгнать князя своего Всеволода, и посадили его на епископский двор, с женою и с детьми, и с тещей, месяца мая в 28 день. И стража с оружием сторожила его день и ночь, 30 мужей ежедневно. И сидел он 2 месяца, и отпустили его из города июля 15, а Владимира, сына его, приняли». Представляется важным, что новгородцы не просто выразили свое неудовольствие, но предъявили князю обвинение, состоящее из 4 пунктов: «1) не бережет смердов; 2) зачем захотел сесть в Переяславле; 3) бежал с поля битвы впереди всех; 4) велел нам к Всеволоду присоединиться, а потом велел отступить» [3, 273].

Несмотря на то, что именно в Великом Новгороде вечевые традиции получили наибольшее развитие, отметим, что впервые «вече» (от старославянского «вещати» - говорить) упоминается под 997 г., когда во время осады печенегов жители Белгорода «створиша вече в городе». Очевидно, что порядок решения общественно важных вопросов на «вече» восходит к древним славянским общинным традициям. Под 1176 г. в Лаврентьевский летописи вечевая традиция уже обозначена как древняя: «Ибо новгородцы изначала, а также и смоляне, и киевляне, и полочане, и все волости, как на совет сходятся на вече, и что решат старейшие (города), то и пригороды принимают...» [5, 93].

Первое известное упоминание о новгородском вече нем относится к 1016 г. Оно было создано по инициативе князя Ярослава Мудрого. Профессор О.В. Мартышин выделял ряд наиболее важных и часто встречающихся полномочий вече, в частности: заключение и расторжение договора с князем; избрание и смещение посадников, тысяцких, владык; назначение новгородских воевод; контроль за деятельностью князя; решение вопросов войны и мира; торговые отношения; распоряжение земельной собственностью Новгорода; контроль за судебными сроками и исполнением решений [6, 175].

Не только вече было способно выразить народную волю. Так, решение о битве на Неве в 1240 г. князь Александр Ярославич принимал согласно тексту его Жития после того, как архиепископ Спиридон Новгородский «благословил и отпустил с миром и новгородцами». Александр, выйдя из Святой Софии, в присутствии жителей ободрял свою небольшую дружину словами, которые стали крылатыми: «Не в силах Бог, а в правде» [3, 563].

Земские соборы как высшие общегосударственные органы сословного представительства функционировали в России в XVI-XVII в. Первый земский собор был созван Иваном IV в феврале 1549 г., поддержав государственные реформы молодого царя. В состав Земских соборов входили члены Освященного собора (духовенство), Боярской думы, «Государева двора», выборные от провинциального дворянства, верхушка горожан [7, 191]. Последний Земский собор полного состава принимал решение о воссоединении Левобережной Украины с Россией в 1653 г. В 1683-1684 гг. состоялся ряд «соборных совещаний», целью которых были попытки урегулировать русско-польские отношения. В Смутное время в период боев за Москву Первого ополчения в 1611 г. возник Совет всея земли. Ко времени пребывания в Ярославле Второго ополчения Совет представлял собой земское временное правительство, руководившее страной до решения Земского собора 1613 г. об избрании Михаила Федоровича Романова на царство [7, 474-475].

В отечественной истории наиболее освещена деятельность Уложенной комиссии 1767-1768 гг. как «собрания депутатов, представлявших государственные учреждения, а также сословия дворян, государственных крестьян, казачества, горожан [7, 527]. В ее работе принимали участие 572 депутата. Отметим, что это была уже седьмая попытка созыва Комиссии для создания нового уложения российских законов взамен Соборного уложения 1649 г. Впервые Палата из 70 служилых людей была создана для создания нового Уложения Петром I в 1700 г. Всего российский император предпринял 3 попытки созыва Уложенной комиссии. Работа каждой из них не принесла результата. Аналогичная участь постигла и Комиссии, созданные по инициативе Петра II, Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны. Представляется крайне важным тот факт, что эти российские самодержцы считали необходимым учитывать мнение народных представителей при разработке свода законов.

Работа Уложенной комиссии, созванной Екатериной II продолжалась больше года. Депутаты представили 1600 наказов с мест «дабы лучше узнать нужды и чувствительные недостатки народа» [7, 527]. Императрица и сама подготовила «Наказ», используя книги Ш.Л. Монтескье «О духе законов» и Ч. Беккариа «О преступлениях и наказаниях». В конце июля 1767 г. депутаты собрались в Москве и были представлены императрице. 31 июля в Успенском соборе Московского Кремля открылось ее первое заседание. Председателем был избран генерал А.И.Бибиков, предложенный Екатериной. Отмечается, что деятельность Комиссии ограничилась чтением «Наказа» императрицы и обсуждением наказов депутатов [8, 254; 9, 37; 10, 164]. Уложенная комиссия была «временно распущена» Указом Екатерины II в связи с началом русско-турецкой войны. Благоприятное время для ее последующей работы так и не наступило.

Формат народного суверенитета реализовывался и в Великом княжестве Финляндском, входившем в состав Российской Империи. Примечательно, что юридически его автономия была создана и постоянно поддерживалась именно центральной властью Российской империи. Исключительно инициативой российского императора Александра I был созыв Сейма – первого собрания представителей народов Финляндии в 1809 г. в Борго [11, 226]. Заметим, что и шведская конституционная история прошлых веков, разработка и принятие новых конституций, государственные перевороты, конституционные реформы, видоизменяющие конфигурацию власти, на протяжении длительного времени происходили в Швеции под влиянием клю-

чего внешнего фактора - противостояния с Россией [12, 23]. Дарование Александром I конституции Царству Польскому легитимировало созывы сеймов как собраний народных представителей на территории Российской империи после окончания Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов русской армии.

О самодержавии народа, в котором вся верховная власть в государстве должна принадлежать представителям народа, выбранным и сменяемым в любое время народом писал и В.И. Ленин, обозначая это главной задачей конституционного регулирования.

Требование созыва Учредительного собрания прозвучало еще во время Первой русской революции 1905-1907 гг. [13, 169-173]. Эта идея воскресла после Февральской революции 1917 г. Выборы в это «представительное учреждение, предназначавшееся для принятия конституции, решения основных социально-экономических проблем и установления государственного и политического устройства России» [14, 527] состоялись 12 ноября 1917 г. после прихода к власти большевиков. Единственное заседание Учредительного собрания прошло 5 (18) января 1918 г. Большевики вынесли на рассмотрение Собрания вопрос об утверждении «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Большинство депутатов отказалось ее утвердить, и заседание было закрыто. В ночь с 6 (19) на 7 (20) января ВЦИК по докладу В.И.Ленина принял Декрет о роспуске Учредительного собрания, одобренный III Всероссийским съездом Советов рабочих и солдатских депутатов. Исследователи отмечают, что это решение способствовало обострению гражданского противостояния в стране [7, 530; 15, 38; 16, 49-52].

Специфика правовой реализации народного суверенитета в Советском государстве на первой фазе его развития выразилась в отстранении нетрудовых элементов от участия в народном суверенитете путем лишения их на конституционном уровне избирательных прав - как активного, так и пассивного. Отмечалось, что господствует воля всего народа, но формированием этой воли руководит рабочий класс как передовой, наиболее ясно осознавший пути и цели общественного развития и интересы народа [17, 272-273]. В советскую эпоху политико-правовая категория суверенитета исследовалась отечественной правовой наукой в свете основного противоречия между социализмом и империализмом, в противоположности и в борьбе двух систем как в области практической политики, так и в области теории. При многообразии форм проявления суверенитета народа, он считался единым, неделимым, как неделима и принадлежащая ему государственная власть. Народный суверенитет воплощался в государственном и национальном суверенитете и советский народ - источник, носитель суверенитета, осуществлял его, прежде всего, посредством государственной власти, опираясь на механизм государства. Государственный суверенитет выступал государственно-правовой формой осуществления народного суверенитета, это были две формы одной и той же сущности [18, 105-107]. При этом в социалистическом обществе народный суверенитет и суверенитет государства не противопоставлялись, социалистическое государство, созданное народом, во всей своей деятельности, как внутри страны, так и вовне, выступало от имени народа, выражало его интересы, волю и суверенитет. Одним из важнейших способов подлинного осуществления народного суверенитета являлось сочетание представительной и непосредственной демократии, т.е. реализация народом своего суверенитета через своих представителей и непосредственно (выборы, отзыв народных представителей, народные собрания, всенародные обсуждения законопроектов) [19, 30-33]. Однако, возвышение классового принципа, доминирование партийной власти в советское время привели к тотальному формализму, декларированию форм народного суверенитета и, в конечном итоге нивелировали и провозглашенную власть народа, и её реальное осуществление.

Проведенный анализ показывает ключевую и созидательную роль суверенитета народа на разных ступенях развития отечественной государственности. Идея суверенитета народа остается одним из великих достижений человечества. Недооценка народного суверенитета, его политико-правовая деформация, подавление государством, могут привести в итоге к разрушению государственного механизма. Признание человека, его прав приоритетом в государстве остается важнейшим элементом сохранения суверенитета самого государства.

Можно отчасти поддержать критический подход к определению народа как «носителя» суверенитета, отмечая его метафоричность [20, 97-98]. Народ не состоит из арифметических единиц и атомов, как образно писал Н.А. Бердяев, народ - иерархический организм, в котором каждый человек неповторим в своей качественности [21, 163]. При полновласти народа его представители должны иметь возможность реального участия в управлении делами общества и государства. В каждой исторической ситуации есть альтернатива: события могут принять разное течение в зависимости от множества обстоятельств, не входящих в типологические предпосылки исторических ситуаций. И это открывает большой простор для деятельности людей – субъектов истории [22, 177].

Библиография:

1. Палиенко Н.И. Суверенитет: историческое развитие идеи суверенитета и её правовое значение. Ярославль. Тип. Губернского правления. 1908. – 567 с.
2. Зенин С.С. Публичные слушания и народное вече (исторический аспект). //История государства и права. 2008. № 15. 16-18 с.
3. Сказания Новгород Великого (IX-XIV вв.) / Сост., пер., коммент., вступ. ст. Ю.К. Бегунова. СПб.: Политехника, 2004. 879 с.
4. Хрестоматия по истории России / авт.-сост. А.С.Орлов, В.А. Георгиев, Н.Г. Георгиева, Т.А. Сивохина. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 592 с.
5. История России. 9-17 вв. Энциклопедия «Руссика». М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. - 640 с.
6. Мартышин О.В. Вольный Новгород. Общественно-политический строй и право феодальной республики. М.: Рос.право. – 1992. - 384 с.
7. Орлов А.С., Георгиева Н.Г., Георгиев В.А. Исторический словарь. 2-е изд. М.: Проспект. - 2015. - 692 с.
8. Жуков В.И., Еськов Г.С., Павлов В.С. Социальная история России. М.: МГСУ «Союз». -1999. - 803 с.
9. Виноградова Е.В., Раттур М.В. «Прав искусство» в истории российского образования (1724-1917 гг.) // Право и управление. 2022. №10. С. 36-42.
10. Раттур М.В. Формирование правовой политики в сфере общественного призрения подданных в Российской империи: исторические уроки // Правовая политика и правовая жизнь. 2022. № 1. С. 162-169.
11. Виноградова Е.В., Данилевская-Урбанова И.Л. Суверенитет и территориальная целостность. К дискурсу о российском влиянии на финскую государственность. // Вестник Пермского Университета. Юридические науки. 2024. Выпуск 2 (64). 217-238 с.

12. Виноградова Е.В., Данилевская И.Л., Раттур М.В. Российская грань шведского конституционализма. //Труды Института государства и права РАН. 2023. Том 18. № 5. С. 11-34.
13. Раттур М.В. Трансформация идеи патернализма в правовой идеологии российского общества во второй половине XIX века // Правовая культура и правовая идеология российского общества: сборник научных статей международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора В.М. Курицына, Москва, 22–23 декабря 2020 г. М.: Московский университет МВД РФ им. В.Я. Кикотя, 2021. С. 169-173.
14. История России. 18-20 вв. Энциклопедия «Руссика». М.: ОЛМА-ПРЕСС Образование, 2004. - 640 с.
15. Методология инновационного развития основных направлений исторического образования в вузе: учебно-методическое пособие для преподавателей вузов / Н.В. Старостенков, Н.А. Печень, М.В. Раттур [и др.]. М.: Российский государственный социальный университет, 2013. 65 с.
16. Раттур М.В. К вопросу об общероссийской идентичности в системе конституционных ценностей: от конструкта к концепту // Наука, культура, образование в контексте приоритетов современности: Сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Стерлитамак, 26 апреля 2023 г. Стерлитамак: Стерлитамакский филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уфимский университет науки и технологий», 2023. С. 49-52.
17. Левин И.Д. Суверенитет. М.: Юридическое издательство Министерства юстиции СССР. - 1948. – 375 с.
18. Данилевская-Урбанова И.Л. О взглядах советских правоведов на юридическую природу суверенитета. //Право и государство. Теория и практика. 2024. № 2 (230). 105-107 с.
19. Чернобель Г.Т. Концепция народного суверенитета. //Советское государство и право. 1970. № 8. 30-37 с.
20. Вельяминов Г.М. К вопросу о понятиях государства, власти и суверенитета. //Государство и право. 2014. № 4. 96-99 с.
21. Бердяев Н.А. Философия неравенства. М.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с.
22. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв.ред. А.О.Чубарьян. М.: Аквилон. -2014. – 576 с.

References:

1. Palienko N.I. Sovereignty: Historical Development of the Idea of Sovereignty and Its Legal Significance. Yaroslavl. Type. Provincial Government. 1908. – 567 p.
2. Zenin S.S. Public Hearings and People's Assembly (Historical Aspect). // History of the State and Law. 2008. No. 15. 16-18 p.
3. Tales of Novgorod the Great (IX-XIV centuries) / Comp., trans., comment., introduction by Yu.K. St. Petersburg: Polytechnic, 2004. 879 p.
4. Reader on the History of Russia / author-compiler A.S. Orlov, V.A. Georgiev, N.G. Georgieva, T.A. Sivokhina. M.: TK Welby, Prospekt Publishing House, 2008. 592 p.
5. History of Russia. 9th-17th centuries Encyclopedia "Russica". M.: OLMA-PRESS Education, 2004. - 640 p.
6. Martyshev O.V. Free Novgorod. Socio-political system and law of the feudal republic. M.: Russian law. – 1992. - 384 p.
7. Orlov A.S., Georgieva N.G., Georgiev V.A. Historical Dictionary. 2nd ed. M.: Prospekt. - 2015. - 692 p.
8. Zhukov V.I., Eskov G.S., Pavlov V.S. Social history of Russia. M.: MGSU "Soyuz". -1999. - 803 p.
9. Vinogradova E.V., Rattur M.V. "Law Art" in the History of Russian Education (1724-1917) // Law and Management. 2022. No. 10. Pp. 36-42.
10. Rattur M.V. Formation of Legal Policy in the Sphere of Public Welfare of Subjects in the Russian Empire: Historical Lessons // Legal Policy and Legal Life. 2022. No. 1. Pp. 162-169.
11. Vinogradova E.V., Danilevskaya-Urbanova I.L. Sovereignty and Territorial Integrity. Towards a Discourse on Russian Influence on Finnish Statehood. // Bulletin of Perm University. Legal Sciences. 2024. Issue 2 (64). 217-238 p.
12. Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L., Rattur M.V. The Russian side of Swedish constitutionalism. // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2023. Vol. 18. No. 5. 11-34 p.
13. Rattur M.V. Transformation of the idea of paternalism in the legal ideology of Russian society in the second half of the 19th century // Legal culture and legal ideology of Russian society: a collection of scientific articles from the international scientific and practical conference dedicated to the memory of Professor V.M. Kuritsyn, Moscow, December 22-23, 2020. Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot, 2021. Pp. 169-173.
14. History of Russia. 18-20 centuries. Encyclopedia "Russica". M.: OLMA-PRESS Education, 2004. - 640 p.
15. Methodology of innovative development of the main directions of historical education in the university: a teaching aid for university teachers / N.V. Starostenkov, N.A. Pechen, M.V. Rattur [et al.]. M.: Russian State Social University, 2013. 65 p.
16. Rattur M.V. On the issue of all-Russian identity in the system of constitutional values: from construct to concept // Science, culture, education in the context of modern priorities: Collection of scientific papers of the All-Russian scientific and practical conference, Sterlitamak, April 26, 2023. Sterlitamak: Sterlitamak branch of the federal state budgetary educational institution of higher education "Ufa University of Science and Technology", 2023. Pp. 49-52.
17. Levin I.D. Sovereignty. M.: Legal Publishing House of the Ministry of Justice of the USSR. - 1948. - 375 p.
18. Danilevskaya-Urbanova I.L. On the views of Soviet legal scholars on the legal nature of sovereignty. // Law and State. Theory and Practice. 2024. No. 2 (230). 105-107 p.
19. Chernobel G.T. The concept of popular sovereignty. // Soviet State and Law. 1970. No. 8. 30-37 p.
20. Velyaminov G.M. On the issue of the concepts of state, power and sovereignty. // State and Law. 2014. No. 4. 96-99 p.
21. Berdyayev N.A. Philosophy of Inequality. M.: IMA-press, 1990. – 288 p.
22. Theory and methodology of historical science. Terminological dictionary. Ed. A.O. Chubaryan. M.: Akvilon. -2014. – 576 p.

ПРИНЦИП ДОБРОСОВЕСТНОСТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ The principle of good faith in the dissemination of information

ДЖЕНАКОВА Екатерина Всеволодовна,

преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий

Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

123001, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9, каб. 27.

E-mail: djencath@mail.ru;

DZHENAKOVA Ekaterina Vsevolodovna,

lector of the Department of information law and digital technologies, Kutafin Moscow State Law University (MSAL),

123001, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya str., 9, 27 r.

E-mail: djencath@mail.ru

Краткая аннотация: Цель. В статье рассматриваются актуальные вопросы, посвященные разработке механизма регулирования, учитывающего особенности киберпространства. Системообразующим фактором в процессе формирования системы правового обеспечения являются принципы права. Отдельно подчеркивается значимость принципа добросовестности, который позволит определить пределы непосредственного правового регулирования киберпространства и меру саморегулирования. **Методология.** Работа базируется на совокупности общенаучных и специальных методов, включая анализ, описание и обобщение. **Выводы.** Невозможность абсолютного правового регулирования в киберпространстве, объясняемая его трансграничностью; активным использованием участниками информационного взаимодействия различных сервисов: государственных, корпоративных, частных; технологической сложностью сетевой инфраструктуры, требует сочетания инструментов публично-правового регулирования и саморегулирования. Особое место среди них занимают принципы права, отдельного внимания заслуживает принцип добросовестности, его содержание в преломлении к цифровому пространству. Причем, исходя из специфических особенностей киберпространства, принцип добросовестности необходимо рассматривать как основополагающее начало формирования системы правового обеспечения всего цифрового пространства. **Научная и практическая значимость.** Проведенное исследование развивает теоретические и практические положения информационного права в вопросах правового обеспечения распространения информации.

Abstract: Purpose. The article deals with the issues of developing a regulatory mechanism that takes into account the peculiarities of cyberspace. The system-forming factor in the process of forming a legal support system is the principles of law. The importance of the principle of good faith is emphasized. It will allow to determine the limits of direct legal regulation of cyberspace and the measure of self-regulation. **Methods.** The study is based on a set of scientific and special methods, including such methods as analysis, description and generalization. **Results.** The problems of legal support for cyberspace are explained by its trans-border nature; active use of various services by participants in information interaction, technological complexity of the network infrastructure. These circumstances require a combination of instruments of public legal regulation and self-regulation. A special place among them is occupied by the principles of law. Especially the principle of good faith and its content in relation to the digital space deserve special attention. The principle of good faith must be considered as the fundamental beginning of the formation of a system of legal support for the entire digital space. **Discussion.** This study develops the theoretical and practical provisions of information law on the issues of legal support of information dissemination.

Ключевые слова: киберпространство, принципы права, распространение информации, принцип добросовестности, информационные технологии, функции принципов права, содержание принципа добросовестности.

Keywords: cyberspace, principles of law, dissemination of information, principle of good faith, information technologies, functions of the principle of law, content of the principle of good faith.

Для цитирования: Дженакова Е.В. Принцип добросовестности распространения информации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 165-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_165.

For citation: Dzenakova E.V. The principle of good faith in the dissemination of information // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 165-168. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_165.

Статья поступила в редакцию: 16.08.2024

Стремительное развитие и масштабное внедрение информационных и цифровых технологий обусловили системную трансформацию общественных отношений. Информационно-коммуникационные технологии в настоящее время являются не только системообразующим фактором экономического развития, инструментом государственного управления. Использование информационно-коммуникационных технологий привело к тому, что значительная часть социальной активности современного человека проходит в информационно-телекоммуникационном пространстве¹. Внедрение современных цифровых технологий, использование сетевых сервисов и платформ утверждают неизбежность дальнейшего формирования и развития киберпространства, что, в свою очередь, требует адекватного правового регулирования.

Понятие «киберпространство» до сих пор остается дискуссионным в научной среде [3; 4; 5]. Несмотря на многообразие подходов к определению киберпространства, общим является понимание его как среды взаимодействия человека, его социальных коммуникаций, обусловленных процессами передачи и распространения информации.

Важное значение в процессе формирования и развития правового регулирования общественных отношений имеет определение исходных правовых положений - принципов, закрепляющих основные направления развития правотворческой и правоприменительной практики в указанной области. Принципы права оказывают непосредственное регулирующее воздействие на общественные отношения, служат источниками права при обнаружении правовых лакунов, тем самым обеспечивая непрерывность правового регулирования [6; 12].

¹ Например, количество интернет-пользователей в России к январю 2020 г. составило 118 млн. (81% от общей численности населения), количество пользователей социальных сетей – 70 млн. человек (48%), среднестатистический россиянин проводит в сети 7 часов 17 минут ежедневно (Данные Ежегодного отчета о состоянии цифровой сферы Digital 2020, подготовленного We are social and Hootsuite // URL: <https://www.web-canape.ru/business/internet-2020-globalnaya-statistika-i-trendy> (дата обращения: 15.08.2024)).

Действующее российское законодательство закрепляет принципы правового регулирования информационных отношений, в том числе отношений по распространению информации. В качестве основных можно выделить принципы законности, уважения прав и свобод, принцип баланса интересов.

Вместе с тем представляется обоснованным закрепить принцип добросовестности распространения информации, как основополагающий принцип правового регулирования информационного пространства. Принцип добросовестности предполагает, что каждый субъект распространения информации должен осуществлять свои права и исполнять обязанности ответственно, без намерения причинить какой-либо вред, сообразуясь с общепринятыми и общепринятыми правилами морали и нравственности.

Рассмотрим содержание принципа добросовестности в правоотношении распространения информации через его функции: конкретизирующая, дополняющая, ограничительная и корректирующая [1, с. 12; 8, с. 72; 14].

Конкретизирующая функция: осуществление права на распространение информации и исполнение соответствующих обязанностей регулируется соответствующими нормами информационного законодательства, правоспособность каждого установлена в наиболее общем виде, в отдельных случаях законодатель уточняет содержание прав и обязанностей. Однако в силу сложности правоотношения распространения, его динамического характера учесть все многообразие отношений по распространению информации и определить для каждого правила не представляется возможным и целесообразным. В этом случае учитывается то, каким образом субъект осуществляет право на распространение информации или исполняет соответствующую обязанность, при этом само содержание прав и обязанностей значение не имеет. Задача принципа добросовестности заключается в требовании ответственного осуществления права или исполнения обязанности, не препятствовании реализации законных прав других участников распространения информации.

Дополняющая функция принципа добросовестности, связана с конкретизирующей и является ее расширением для исполнения обязательств. Реализация этой функции происходит в том случае, когда у сторон правоотношения наличествуют определенные обязанности, прямо не указанных нормах закона. Так, право пользователей социальной сети распространять информацию, используя соответствующий функционал сайта, должно быть обеспечено обязанностью владельца социальной сети обеспечить функционирование социальной сети, доступ пользователей к своим персональным страницам, страницам других пользователей, размещение пользователем информации, не допускать произвольного ограничения доступа пользователей к размещенной в социальной сети информации. Однако указанные обязанности для владельца социальной сети законодательно закреплены не были. В этом случае принцип добросовестности будет являться дополнительной, вспомогательной мерой, обеспечивающей реализацию права на распространение информации.

Суть ограничительной функции заключается в установлении конкретных границ реализации субъективного права. В случае, если осуществление субъективного права формально соответствует нормам действующего законодательства, но при этом противоречит нормам этического поведения, приоритет признается за принципом добросовестности.

В случае распространения информации ограничительная функция принципа добросовестности должна будет проявляться, например, в случаях, когда участники распространения информации пренебрегают общепринятыми правилами речевого поведения, используя при распространении информации грубую, жаргонную лексику, слова, допускающие или предполагающие двусмысленное толкование. Особенно остро эта проблема возникла с развитием таких интернет-сервисов распространения информации, как опубликование отзывов на сайтах (например, prodoctorov.ru – сайт отзывов о врачах, MyPrepod.ru – сайт отзывов о преподавателях, AntiOob.top – сайт, публикующий «черный список» работодателей, и т.д.).

Суды при рассмотрении дел, связанных с распространением негативных, отрицательных отзывов на сайте, исходят из того, что следует различать утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения лица, его субъективное мнение, убеждения, которые не являются предметом защиты в порядке ст. 150, 152 ГК РФ¹, за исключением, если субъективное мнение высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию. В этом случае на распространителя может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного оскорблением в соответствии с положениями действующего российского законодательства².

Как видим, прямое правовое регулирование распространения личных суждений, мнений, взглядов осуществляется в том случае, если эта информация высказана в оскорбительной, нецензурной форме, унижающей честь и достоинство, является не соответствующей действительности. Вместе с тем распространение информации с использованием жаргонизмов, в форме так называемого завуалированного оскорбления, внутри контекста речевой ситуации, оскорбительные или негативные высказывания, представленные в литературной или разговорной форме [2, с. 195-196; 13] не подпадает под прямой запрет законодателя, формально ему не противоречит. Однако совершенно очевидно, что подобное осуществление права на распространение информации противоречит общепринятым правилам этического общения, уважительного и достойного отношения к участникам информационного взаимодействия.

¹ См: Апелляционное определение Верховного суда Республики Башкортостан от 13.06.2019 по делу № 33-11546/2019; Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 16.06.2022 № 13АП-13000/2022 по делу № А56-93685/2021; Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 09.06.2022 № Ф09-2650/22 по делу № А07-8013/2021; Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2019 № 07АП-11862/2019 по делу № А45-19281/2019; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»; Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2017) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.02.2017; и др. // СПС «КонсультантПлюс».

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.02.2005 № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // СПС «КонсультантПлюс»; Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

Отдельного внимания заслуживают случаи распространения негативной, оскорбительной информации в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. В литературе высказывается мнение, что негативная оценка какой-либо социальной группе не образует административного правонарушения (если она не высказана в неприличной или оскорбительной форме), и должна рассматриваться как реализация гарантированного Конституцией РФ права на свободу слова [11, с. 52-56]. Принимая во внимание опасения о возможном нарушении права на свободу слова как составном праве на свободу информации, все же отметим, что свобода не подразумевает вседозволенность, осуществление права на распространение информации должно соотноситься с нормами морали и нравственности.

Корректирующая функция принципа добросовестности проявляется в соблюдении пропорциональности интересов участников правоотношения и может выражаться в некотором ограничении права одного субъекта в интересах другого.

В 2015 г. Закон об информации был дополнен статьей 10.3, так называемое «право на забвение», устанавливающей обязанности оператора поисковой системы¹. Согласно внесенным изменениям оператор поисковой системы обязан по требованию гражданина (заявителя) прекратить выдачу сведений об указателе страницы сайта в сети «Интернет» позволяющих получить доступ к информации о нем. При этом отмечается, что требования заявителя возможны только при наличии следующих условий: 1) информация распространяется с нарушением российского законодательства, 2) информация является недостоверной, 3) информация является неактуальной, 4) информация утратила значение для заявителя в силу последующих событий или действий заявителя. Однако оператор поисковой системы может отказать заявителю в удовлетворении его требования об удалении ссылок, в этом случае заявитель может обратиться в суд с иском о прекращении выдачи ссылок. Как видим, законодатель предоставил оператору право самостоятельно определять характер распространяемых сведений: достоверность, актуальность или значимость их для заявителя, законность распространения. С одной стороны, законодателем предусмотрено право гражданина на нераспространение информации о нем самом, с другой стороны, обеспечение реализации заявителем данного права зависит от неявно зафиксированного правомочия оператора поисковой системы по определению характера распространяемых сведений.

Вместе с тем Закон об информации содержит исключения из обязанностей оператора поисковой системы: он не обязан удалять ссылки, позволяющих получить доступ к информации: 1) о событиях, содержащих признаки уголовно наказуемых деяний, сроки привлечения к уголовной ответственности по которым не истекли; 2) о совершении гражданином преступления, по которому не снята или не погашена судимость. Соответственно, если истекли сроки привлечения к уголовной ответственности или судимость снята или погашена, оператор обязан по требованию заявителя удалить такие ссылки. Однако информация подобного характера является общественно значимой, имеет высокий социальный интерес, поскольку отражает факты антисоциального поведения, связана с обеспечением общественной безопасности, охраной жизни и здоровья граждан [9, с. 290-300]. Корректирующая функция принципа добросовестности в этом случае проявится в соблюдении общественного интереса к получению социально значимой информации и корректировке реализации оператором поисковой системы обязанности по удалению ссылок.

Реализация корректирующей функции при распространении информации может потребоваться в случае сохранения баланса интересов обладателя информации и ее получателей (пользователей). Согласно действующему законодательству, обладатель информации вправе самостоятельно разрешать или ограничивать доступ пользователям к информации, распространять информацию по своему усмотрению. Являясь непосредственными участниками распространения информации, получатели (пользователи) информации не получили своего юридического оформления, не решен вопрос о правах и обязанностях получателя (пользователя) информации, защите от получения некачественной информации и т.д.

Аналогичная ситуация возникает в отношениях между владельцем сайта и пользователями сайта. Законодатель определяет владельца сайта как лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта, а также порядок размещения информации на таком сайте. Тем самым предоставляя широкие правомочия по распространению информации, его управлению, установлению правил использования сайта пользователями сети, при этом интересы пользователей сайта остаются за пределами правового регулирования. Отсутствие легальной дефиниции пользователя сайта практически исключает возможность формирования его правового статуса, установления прав и обязанностей, не гарантирует защиты со стороны государства.

Существующий дисбаланс интересов указанных участников распространения информации, вызванный правовой неопределенностью статусов получателя (пользователя) информации, пользователей сайтов может быть компенсирован принципом добросовестности.

Справедливо замечено, что принцип добросовестности является универсальным регулятором общественных отношений на международном, внутригосударственном, частном уровне, в соответствии с которым поведение участников правоотношений характеризуется соблюдением правил, норм, принципов, считающихся положительными и соответствующими интересам общества [10, с. 385-389].

Представляется, что принцип добросовестности должен стать системообразующим принципом правового регулирования киберпространства, воплощающим основную идею, – «Право есть искусство добра и справедливости».

---

¹ Федеральный закон от 13.07.2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2015. № 154.

Библиография:

1. Абдреев Т. И., Краснов Э. В. Принцип добросовестности в российском праве: межотраслевой анализ // Теория и практика общественного развития. 2020. № 7 (149). С. 50-55.
2. Арямов А.А., Пономаренко В.С. Механизм уголовно-правовой защиты чести и достоинства. М.: Юрлитинформ, 2010. 181 с.
3. Войскунский А.Е. Поведение в киберпространстве: психологические принципы // Человек. 2016. № 1. С. 36-49.
4. Добринская Д.Е. Киберпространство: территория современной жизни // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. № 1. С. 52-70.
5. Игнатьев В.И., Степанова А.Н. Виртуальное социальное действие и трансформация повседневных практик // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2010. № 3. С. 91-104.
6. Коновалов А.В. Действие принципов права и их роль в формировании правопорядка // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 9-17.
7. Макаров В.И. «...Или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». К вопросу об эффективности лингвистической экспертизы // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6(39). С. 680-683.
8. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. 278 с.
9. Подрабинок Е.М. Особенности осуществления права на забвение в эпоху цифровизации общества // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. 2019. № 1. С. 290 - 300.
10. Поляков М.А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1 (14). С. 385-389.
11. Рueva Е.О. Правовой анализ ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление» в редакции Федерального закона от 30 декабря 2020 г. N 513-ФЗ // Российский следователь. 2023. № 11. С. 52 - 56.
12. Смирнова А.В. Принципы права в системе источников современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. М., 2020. 24 с.
13. Стернин И.А. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Антропотекст-1. Томск, 2006. С. 339 - 353.
14. Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 8. С. 157-187.

References:

1. Abdretev T. I., Krasnov E. V. The principle of good faith in Russian law: an intersectoral analysis // Theory and practice of social development. 2020. No. 7 (149). pp. 50-55.
2. Aryamov A.A., Ponomarenko V.S. Mechanism of criminal legal protection of honor and dignity. Moscow: YurLitinform, 2010. 181 p.
3. Voiskunsky A.E. Behavior in cyberspace: psychological principles // Man. 2016. No. 1. pp. 36-49.
4. Dobrinskaya D.E. Cyberspace: the territory of modern life // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2018. No. 1. pp. 52-70.
5. Ignatiev V.I., Stepanova A.N. Virtual social action and transformation of everyday practices // Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science. 2010. No. 3. pp. 91-104.
6. Kononov A.V. The effect of the principles of law and their role in the formation of law and order // Lex Russica. 2018. No. 10 (143). pp. 9-17.
7. Makarov V.I. "...Or another form contrary to generally accepted norms of morality and morality." On the issue of the effectiveness of linguistic expertise // Scientific notes of the Novgorod State University. 2021. No. 6(39). pp. 680-683.
8. Nam K.V. The principle of good faith: development, system, problems of theory and practice. M.: Statute, 2019. 278 p.
9. Podrabinok E.M. Features of the exercise of the right to oblivion in the era of digitalization of society // Perm Law Almanac. An annual scientific journal. 2019. No. 1. pp. 290 - 300.
10. Polyakov M.A. The general legal principle of good faith in modern Russian law // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1 (14). pp. 385-389.
11. Rueva E.O. Legal analysis of Article 5.61 of the Administrative Code of the Russian Federation "Insult" as amended by Federal Law No. 513-FZ of December 30, 2020 // A Russian investigator. 2023. No. 11. pp. 52-56.
12. Smirnova A.V. Principles of law in the system of sources of modern Russian law: abstract of the dissertation ... cand. jurid. M., 2020. 24 p.
13. Sternin I.A. Insult and indecent linguistic form as a subject of linguistic expertise (everyday and legal understanding) // Anthropoltext-1. Tomsk, 2006. pp. 339-353.
14. Hesselink M.V. The principle of good faith // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2020. No. 8. pp. 157-187.

СПАСАТЕЛЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ The Lifeguard in modern Russian legislation: legal status

ВИНОКУРОВ Владимир Анатольевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева»;
заслуженный юрист Российской Федерации.

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.

E-mail: tigr@igps.ru;

КУЗНЕЦОВ Михаил Сергеевич,

курсант ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы
Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям
и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е.Н. Зиничева».

196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.

E-mail: tigr@igps.ru;

Vinokurov Vladimir A.,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law
St. Petersburg State University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense, Emergencies and Disaster Relief
of the Russian Federation named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev;
Honored Lawyer of the Russian Federation.

149 Moskovsky Ave., Saint Petersburg, 196105, Russia.

E-mail: tigr@igps.ru;

Kuznetsov Mikhail S.,

Cadet of the Faculty of Higher Education
St. Petersburg State University of the State Fire Service of the Ministry of Civil Defense,
Emergencies and Disaster Relief of the Russian Federation named after Hero of the Russian Federation Army General E.N. Zinichev.

196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Ave., 149.

E-mail: tigr@igps.ru

Краткая аннотация. Основываясь на конституционной норме, по которой государство гарантирует защиту прав и свобод человека и гражданина, рассмотрены нормативные правовые акты, в которых в различных регулируемых законодательством ситуациях определяется правовое положение профессионального спасателя, то есть гражданина Российской Федерации, приобретшего в установленном законом порядке статус спасателя и осуществляющего деятельность на (штатной) основе в профессиональных аварийно-спасательных службах или формированиях. В результате проведенного исследования для законодательного закрепления сформулировано определение пожарного, являющегося спасателем в условиях возникновения чрезвычайной ситуации, связанной с пожарами, а также выработано суждение о нецелесообразности деления спасателей, включая пожарных, на рабочих и специалистов. По мнению авторов статьи, необходимо всех спасателей причислить к одной категории работников – специалистам. Для решения данной задачи подготовлено предложение по внесению изменений в Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей».

Abstract. Based on the constitutional norm, according to which the state guarantees the protection of human and civil rights and freedoms, normative legal acts are considered, in which, in various situations regulated by law, the legal status of a professional lifeguard is determined, that is, a citizen of the Russian Federation who has acquired the status of a lifeguard in accordance with the procedure established by law and carries out activities on a (regular) basis in professional emergency situations, rescue services or formations. As a result of the conducted research, a definition of a firefighter who is a rescuer in an emergency situation related to fires was formulated for legislative consolidation, and a judgment was also developed on the inexpediency of dividing rescuers, including firefighters, into workers and specialists. According to the authors of the article, it is necessary to classify all rescuers into one category of workers – specialists. To solve this problem, a proposal has been prepared to amend the Federal Law "On Emergency Rescue Services and the Status of Rescuers."

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; права и свободы человека и гражданина; национальная безопасность; спасатель; пожарный; квалификационные характеристики; рабочая специальность; должность специалиста.

Keywords: Constitution of the Russian Federation; human and civil rights and freedoms; national security; rescuer; firefighter; qualification characteristics; work specialty; special position.

Для цитирования: Винокуров В.А., Кузнецов М.С. Спасатель в современном российском законодательстве: правовое положен// Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 169-173. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_169.

For citation: Vinokurov V.A., Kuznetsov M.S. The Lifeguard in modern Russian legislation: legal status // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 169-173. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_169.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Защита прав и свобод человека и гражданина в соответствии с Конституцией Российской Федерации является обязанностью государства, которое, в свою очередь, гарантирует их государственную защиту [1, ст. 2; ч. 1 ст. 45].

В целях соблюдения прав и свобод человека и гражданина в России государством предпринимаются различные меры по обеспечению

безопасности, именуемая по Федеральному закону «О безопасности» также «национальная безопасность» [2, ст. 1].

Определение безопасности (национальной безопасности) закреплено в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400. Под безопасностью в указанном документе понимается «состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны» [3, подп. 1 п.5]. Учтем также, что названная Стратегия национальной безопасности, как это зафиксировано в Федеральном законе «О стратегическом планировании в Российской Федерации», является «основой для конструктивного взаимодействия органов государственной власти, организаций и общественных объединений в целях защиты национальных интересов Российской Федерации и обеспечения безопасности личности, общества и государства» [4, ч. 4 ст. 18].

Исходя из изложенных выше норм следует, что государство, обеспечивая безопасность в целом, гарантирует обеспечение состояния защищенности, в первую очередь, личности от различных угроз и опасностей.

Безусловно, для любого живущего в нашей стране одним из основных, зафиксированных в Конституции Российской Федерации, прав человека является право на жизнь, а в рамках исследуемой темы немаловажное значение приобретает право личности на охрану здоровья, а также право каждого иметь в собственности имущество [1, ч. 1 ст. 20; ч. 1 ст. 41; ч. 2 ст. 35].

В соответствии с конституционными нормами к обязанностям Президента Российской Федерации как главы государства отнесены, в том числе вопросы обеспечения безопасности личности [1, п. «ж» ст. 83]. Правительство Российской Федерации на основании требований Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации», наряду с иными полномочиями, участвует в выработке и реализации государственной политики в области обеспечения безопасности личности [5, п. 1 ст. 23].

Для решения указанных в современных актах задач, на основании существовавших ранее схожих норм, в 1990 году был образован Российский корпус спасателей (на правах государственного комитета РСФСР) [6; 7], в 1991 году преобразованный в Государственный комитет РСФСР по чрезвычайным ситуациям [8], а затем – в Государственный комитет по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий при Президенте РСФСР [9]. В 1994 году названный орган государственной власти получает статус министерства и современное наименование [10].

Ныне действующее Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС России) утверждено Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 года № 868 [11]. МЧС России согласно названному Положению осуществляет функции по выработке и реализации государственной политики, нормативно-правовому регулированию, а также по надзору и контролю, в частности, в области защиты населения от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности и безопасности людей на водных объектах [11, п. 1]. Указанные функции МЧС России осуществляет через федеральную противопожарную службу, спасательные воинские формирования МЧС России, Государственную инспекцию по маломерным судам МЧС России, аварийно-спасательные и поисково-спасательные формирования, а также военизированные горноспасательные части [11, п. 3].

Как видим, основным звеном в вопросах обеспечения безопасности людей, их здоровья и имущества выступают *спасатели*. При возникновении чрезвычайной ситуации, то есть обстановки, сложившейся «в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [12, ст. 1], именно спасатели обеспечивают обозначенные в начале настоящей статьи права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации, по сути, гарантируя от имени государства их соблюдение.

Обратимся к принятому в 1995 году Федеральному закону «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей», по которому спасателем является «гражданин, прошедший соответствующую подготовку и аттестованный на проведение аварийно-спасательных работ» [13, ст. 1]. Указанным Федеральным законом определены также права и обязанности спасателя, гарантии их деятельности и ответственность. Следует заметить, что вопросы статуса спасателей, изложенные в статьях 25–35 названного Федерального закона, распространяются на спасателей, осуществляющие свою работу (службу) в профессиональных аварийно-спасательных службах и профессиональных аварийно-спасательных формированиях. Причем, исходя из требований, касающихся размера заработной платы, можно сделать вывод, что спасатель – это рабочая специальность, то есть профессия.

Однако, согласно перечню должностей и специальностей работников, работающих спасателями на постоянной штатной основе в профессиональных аварийно-спасательных службах, профессиональных аварийно-спасательных формированиях и участвующих в ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденному постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2013 года № 693, к числу спасателей отнесены те, кто занимает различные, в том числе руководящие должности, например: начальник поисково-спасательного отряда, начальник аварийно-спасательного центра, капитан спасательного катера, командир взвода военизированной горноспасательной части, начальник пожарной части, начальник караула пожарно-спасательной части [14]. В данном перечне, который, к сожалению, не позволяет понять, какие из перечисленных являются должностями, а какие специальностями (или иначе – профессиям рабочих), поименованы также спасатели всех классов, газоспасатель, матрос-

спасатель, водолаз, пожарный-спасатель.

Министерство труда Российской Федерации при утверждении в 1992 году тарифно-квалификационных характеристик по общеотраслевым профессиям рабочих к рабочим профессиям отнесло водолаза 4–7 разрядов, матроса-спасателя 2 разряда и пожарного 4-го разряда [15]. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов, принятый в 1994 году, отнес к числу рабочих матроса-спасателя 2 разряда, парашютиста (десантника)-пожарного 4–6 разрядов, пожарного 4–5 разрядов, а к числу служащих – спасателя 2 разряда и парашютиста-спасателя 2 разряда [16]. В 1998 году Минтруд России подтвердил, что работники профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований МЧС России занимают *должности* спасателей [17], то есть являются служащими, а не рабочими.

Квалификационными характеристиками должностей работников, осуществляющих деятельность в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности, безопасности людей на водных объектах и объектах ведения горных работ в подземных условиях, являющимися разделом Единого квалификационного справочника должностей руководителей, специалистов и служащих, утвержденными приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 3 декабря 2013 года № 707н, определено, что и спасатель аварийно-спасательных и поисково-спасательных формирований, и пожарный Государственной противопожарной службы – это должности, отнесенные к категории специалистов [18]. К категории специалистов отнесены также и другие должности, в частности, пожарного и пожарного-спасателя.

Таким образом, спасатель и пожарный (как выполняющий спасательные функции) могут быть как рабочими профессиями, так и должностями, то есть относится к категории специалистов или служащих, поскольку законодательство Российской Федерации не содержит четкости в этом вопросе. Так, характеристика работ пожарного, как рабочего, включает «проведение работ по тушению пожаров с применением пожарно-технического вооружения, оборудования по спасению людей и эвакуации материальных ценностей» [15] и в должностные обязанности лица, замещающего должность пожарного, то есть служащего, включено проведение работ «по тушению пожаров, спасению людей, ликвидации последствий аварий и стихийных бедствий, эвакуации материальных ценностей» [18].

В целях единообразного подхода к категорированию спасателей различных направлений, включая пожарных, полагаем необходимым считать всех профессиональных спасателей служащими, занимающими должности, для чего внести соответствующие изменения в акты законодательства.

В научной литературе имеются работы ученых, посвященные различным аспектам деятельности спасателей. Однако в большинстве исследований, в том числе опубликованных в журнале «Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации» рассматриваются вопросы, связанные со статусом спасателей [19], их правами и обязанностями [20], социальными гарантиями [21], профессиональной подготовкой данных специалистов [22; 23], выполнением поставленных перед ними задач по спасению жизни людей и различного имущества [24] и другими вопросами [25]. В отношении пожарных изыскания ведутся, в основном, в исторической области [26]. Значительное число работ посвящено добровольным пожарным [27; 28]. В современной научной литературе вопросы статуса спасателей, включая пожарных, их положения в организациях, выполняющих аварийно-спасательные работы, исследуются недостаточно. Настоящая статья призвана ликвидировать данный пробел.

Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» определил, что гражданин России приобретает статус спасателя «на основании решения соответствующих аттестационных органов по результатам аттестации после прохождения указанными гражданами медицинского освидетельствования, выполнения нормативов по физической подготовке, профессионального обучения по программе профессиональной подготовки спасателей и аттестации на проведение аварийно-спасательных работ» [13, ст. 23]. Одновременно данный Федеральный закон предусматривает три группы лиц со статусом спасателя. К первой группе относятся те, кто осуществляет свою деятельность на постоянной (штатной) основе в профессиональных аварийно-спасательных службах или профессиональных аварийно-спасательных формированиях [13, п. 1 ст. 29], то есть профессиональные спасатели. Вторая группа включает в себя лиц, которые привлекаются для ликвидации чрезвычайных ситуаций на нештатной основе в составе нештатных аварийно-спасательных формирований, которые в установленных законом случаях должны быть сформированы в определенных организациях. Спасатели второй группы, являются потенциальными спасателями, поскольку на постоянной основе занимают в своей организации должности или выполняют работы, не относящиеся к должностям, определенным для профессиональных спасателей. И третья группа спасателей – спасатели, которые выполняют свои обязанности на общественных началах, то есть привлекаются к спасательным работам на основании их желания и по мере необходимости. Таких спасателей можно называть спасателями-общественниками.

Для спасателей указанным Федеральным законом установлены гарантии, причем основной объем гарантий предусмотрен для профессиональных спасателей. Одной из таких гарантий является размер заработной платы спасателей профессиональных аварийно-спасательных служб, профессиональных аварийно-спасательных формирований организаций, который «не может быть ниже размера заработной платы работников ведущих рабочих специальностей указанных организаций» [13, п. 2 ст. 29]. Для того, чтобы положение спасателей не сравнивалось с рабочими специальностями, а их заработная плата соответствовала сложности и опасности выполняемых работ, предлагается данную фразу заменить словами: «не может быть ниже двух третей от размера средней заработной платы руководителей указанных организаций».

Кроме того, учитывая отсутствие в нормативных правовых актах определения «пожарный», а также принимая во внимание дефиницию «добровольный пожарный», установленную в Федеральном законе «О добровольной пожарной охране» [29, п. 2 ст. 2], предлагается закрепить в законодательстве следующее понятие пожарного: **«Пожарный – это гражданин Российской Федерации, получивший в установленном порядке статус спасателя, занимающий соответствующую должность в профессиональных аварийно-спасательных службах (формированиях) и участвующий в профилактике и (или) тушении пожаров и проведении аварийно-спасательных работ, в том числе при ликвидации чрезвычайных ситуаций».**

Данное определение возможно включить как в Федеральный закон «О пожарной безопасности» [30], так и в Федеральный закон «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [31].

Предложенные меры позволят навести порядок в понимании положения спасателя, работающего на постоянной (штатной) основе, а также зафиксируют законодательное определение пожарного, который, по сути, является спасателем, но только в чрезвычайных ситуациях, сопряженных с пожарами, которые, как известно, причиняют материальный ущерб, вред жизни и здоровью граждан, интересам общества и государства.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru). 2022. 6 октября. № 0001202210060013.
2. Федеральный закон «О безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.
3. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 года № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27 (ч. II). Ст. 5351.
4. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
5. Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 45. Ст. 7061.
6. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 17 июля 1990 года «Об образовании Российского корпуса спасателей» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 8. Ст. 116.
7. Постановление Совета Министров РСФСР от 27 декабря 1990 года № 606 «Об образовании Российского корпуса спасателей» // СП РСФСР. 1991. № 6. Ст. 93.
8. Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 июля 1991 года № 1617-1 «О внесении изменений в перечень республиканских министерств и государственных комитетов РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 31. Ст. 1062.
9. Указ Президента РСФСР от 19 ноября 1991 года № 221 «О Государственном комитете по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий при Президенте РСФСР» // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 47. Ст. 1630.
10. Указ Президента Российской Федерации от 10 января 1994 года № 66 «О структуре федеральных органов исполнительной власти» // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. 1994. № 3. Ст. 190.
11. Положение о Министерстве Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, утвержденное Указом Президента Российской Федерации от 11 июля 2004 года № 868 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 28. Ст. 2882.
12. Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3648.
13. Федеральный закон «Об аварийно-спасательных службах и статусе спасателей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 35. Ст. 3503.
14. Перечень должностей и специальностей работников, работающих спасателями на постоянной штатной основе в профессиональных аварийно-спасательных службах, профессиональных аварийно-спасательных формированиях и участвующих в ликвидации чрезвычайных ситуаций, утвержденный постановлением Правительства Российской Федерации от 13 августа 2013 года № 693 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2013. № 33. Ст. 4394; 2023 № 52. Ст. 9659.
15. Тарифно-квалификационные характеристики по общепрофессиональным профессиям рабочих, утвержденные постановлением Министерства труда Российской Федерации от 10 ноября 1992 года № 31 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Общероссийский классификатор профессий рабочих, должностей служащих и тарифных разрядов ОК 016-94, принятый постановлением Госстандарта России от 26 декабря 1994 года № 367. – М.: ФГУП «Стандартинформ», 1996. – 160 с.
17. Положение по учету рабочего времени граждан, принятых в профессиональные аварийно-спасательные службы, профессиональные аварийно-спасательные формирования на должности спасателей, утвержденное постановлением Министерства труда и социального развития Российской Федерации от 8 июня 1998 года № 23 // Российская газета. 1998. 10 декабря.
18. Единый квалификационный справочник должностей руководителей, специалистов и служащих, раздел «Квалификационные характеристики должностей работников, осуществляющих деятельность в области гражданской обороны, защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, обеспечения пожарной безопасности, безопасности людей на водных объектах и объектах ведения горных работ в подземных условиях», утвержденный приказом Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации от 3 декабря 2013 года № 707н // Российская газета. 2014. 21 февраля.
19. Кораев К.В., Горбунов А.А. Правовые основы деятельности спасателей // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2013. № 1 (18). С. 39–45.
20. Артамонова Г.К., Коннова Л.А., Саввинова Ю.А. Юридические основы прав и обязанностей спасателей и населения по оказанию первой помощи пострадавшим на месте происшествия // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2012. № 4 (17). С. 80–87.
21. Стулина Е.А. Социальные гарантии спасателей в Российской Федерации // Человек. Социум. Общество. 2022. № 1. С. 53–58.
22. Савчук О.Н. Совершенствование подготовки спасателей-пожарных МЧС России на современном этапе // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2023. № 3 (60). С. 79–84.
23. Глейберман Н.С., Аганов С.С., Фокин А.М., Иванова Е.С. Физическая подготовка спасателей МЧС России // Культура физическая и здоровье. 2022. № 3 (83). С. 20–23.
24. Мингалеев С.Г. Особенности выполнения задач пожарными-спасателями МЧС России при минимизации последствий в террористических актах, военных конфликтах и специальных операциях // Пожарная и техногенная безопасность: проблемы и пути совершенствования. 2022. № 3 (13). С. 202–208.
25. Смирнова А.А., Воробьева А.Ф., Глинская Н.И. Сравнительно-правовая характеристика правового статуса спасателей и ликвидаторов в современном законодательстве Российской Федерации // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2014. № 2 (23). С. 41–47.
26. Власова И.В. Пожарное дело: основные направления спасения в России // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2018. № 1 (38). С. 61–67.
27. Звенигородская Н.Ф. Проблема разграничения компенсаций и льгот добровольным пожарным // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2017. № 3 (36). С. 37–42.
28. Смертин А.Н. Организационно-правовые аспекты деятельности добровольных пожарных // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. 2016. № 1 (30). С. 26–29.
29. Федеральный закон «О добровольной пожарной охране» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 19. Ст. 2717.
30. Федеральный закон «О пожарной безопасности» // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 35. Ст. 3649.
31. Федеральный закон «О службе в федеральной противопожарной службе Государственной противопожарной службы и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 22. Ст. 3089.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by the national vote on December 12, 1993) // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru). 2022. October 6th. No. 0001202210060013.
2. Federal Law "On Security" // Assembly of Legislators of the Russian Federation. 2011. No. 1. Article 2.
3. The National Security Strategy of the Russian Federation, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 400 dated July 2, 2021 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2021. No. 27 (part II). Article 5351.
4. Federal Law "On strategic planning in the Russian Federation" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. No. 26 (Part I). Article 3378.5. Federal Constitutional Law "On the Government of the Russian Federation" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. No. 45. St. 7061.
5. Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 17, 1990 "On the formation of the Russian Rescue Corps" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1990. No. 8. St. 116.
6. Resolution of the Council of Ministers of the RSFSR of December 27, 1990 No. 606 "On the formation of the Russian Rescue Corps" // SP RSFSR. 1991. No. 6. Article 93.
7. Resolution of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR of July 30, 1991 No. 1617-1 "On Amendments to the List of Republican Ministries and State committees of the RSFSR" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Soviet of the RSFSR. 1991. No. 31. St. 1062.
8. Decree of the President of the RSFSR No. 221 dated November 19, 1991 "On the State Committee for Civil Defense, Emergency Situations and Elimination of Consequences of Natural Disasters under the President of the RSFSR" // Vedomosti of the Congress of People's Deputies of the RSFSR and the Supreme Council of the RSFSR. 1991. No. 47. St. 1630.
9. Decree of the President of the Russian Federation No. 66 dated January 10, 1994 "On the structure of Federal executive authorities" // Collection of acts of the President and the Government of the Russian Federation. 1994. No. 3. Article 190.11. Regulations on the Ministry of the Russian Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters, approved by Decree of the President of the Russian Federation No. 868 dated July 11, 2004 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. No. 28. St. 2882.
10. The Federal Law "On the protection of the population and territories from emergency situations of a natural and man-made nature" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. St. 3648.
11. Federal Law "On Emergency rescue services and the status of rescuers" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1995. No. 35. St. 3503.
12. The list of positions and specialties of employees working as rescuers on a permanent staff basis in professional emergency rescue services, professional emergency rescue formations and participating in emergency response, approved by Decree of the Government of the Russian Federation dated August 13, 2013 No. 693 // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2013. No. 33. St. 4394; 2023 No. 52. St. 9659.
13. Tariff and qualification characteristics for general industry professions of workers, approved by Resolution No. 31 of the Ministry of Labor of the Russian Federation dated November 10, 1992 // The document was not published. Access from the ConsultantPlus legal reference system.
14. The All-Russian classifier of professions of workers, positions of employees and tariff categories OK 016-94, adopted by resolution of the State Standard of Russia dated December 26, 1994 No. 367. – Moscow: FSUE "Standartinform", 1996. – 160 p.
15. The regulation on the accounting of working hours of citizens accepted into professional emergency rescue services, professional emergency rescue formations for the positions of rescuers, approved by Resolution No. 23 of the Ministry of Labor and Social Development of the Russian Federation dated June 8, 1998 // Rossiiskaya Gazeta. 1998. December 10th.
16. Unified Qualification Directory of positions of managers, specialists and employees, section "Qualification characteristics of positions of employees engaged in activities in the field of civil defense, protection of the population and territories from natural and man-made emergencies, ensuring fire safety, human safety at water bodies and mining facilities in underground conditions", approved by Order No. 707n of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation dated December 3, 2013 // Rossiyskaya Gazeta. 2014. February 21st.
17. Koraeв K.V., Gorbunov A.A. The legal basis of the activities of spas // Right. Safety. Emergency situations. 2013. No. 1 (18). pp. 39-45.
18. Artamonova G.K., Konnova L.A., Savvinova Yu.A. The legal basis of the rights and obligations of rescuers and the public to provide first aid to victims at the scene // Right. Safety. Emergency situations. 2012. No. 4 (17). pp. 80-87.
19. Stulina E.A. Social guarantees of rescuers in the Russian Federation // Man. The society. Society. 2022. No. 1. pp. 53-58.
20. Savchuk O.N. Improving the training of rescuers and firefighters of the Ministry of Emergency Situations of Russia at the present stage // Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2023. No. 3 (60). pp. 79-84.
21. Gleiberman N.S., Aganov S.S., Fokin A.M., Ivanova E.S. Physical training of rescuers of the Ministry of Emergency Situations of Russia // Culture of physical and health. 2022. No. 3 (83). pp. 20-23.
22. Mingaleev S.G. Features of performing tasks by firefighters-rescuers of the Ministry of Emergency Situations of Russia at minimizing the consequences of terrorist acts, military conflicts and special operations // Fire and technosphere safety: problems and ways of improvement. 2022. No. 3 (13). pp. 202-208.
23. Smirnova A.A., Vorobyova A.F., Glinskaya N.I. Comparative legal characteristics of the legal status of rescuers and liquidators in the modern legislation of the Russian Federation // Pravo. Safety. Emergency situations. 2014. No. 2 (23). pp. 41-47.
24. Vlasova I.V. Firefighting: the main directions of rescue in Russia // Pravo. Safety. Emergency situations. 2018. No. 1 (38). pp. 61-67.
25. Zvenigorodskaya N.F. The problem of differentiation of compensations and benefits for voluntary firefighters // Pravo. Safety. Emergency situations. 2017. No. 3 (36). pp. 37-42.
26. Smertin A.N. Organizational and legal aspects of the activities of volunteer firefighters // Pravo. Safety. Emergency situations. 2016. No. 1 (30). pp. 26-29.
27. Federal Law "On voluntary fire protection" // Collection of legislation of the Russian Federation. 2011. No. 19. St. 2717.
28. Federal Law "On Fire safety" // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. No. 35. St. 3649.
29. Federal Law "On service in the Federal Fire Service of the State Fire Service and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" // Assembly of Legislation of the Russian Federation. 2016. No. 22. St. 3089.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_174

УДК 347.963

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОКУРОРОМ ПОЛНОМОЧИЙ ПО СОГЛАСОВАНИЮ ВНЕПЛАНОВЫХ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ IMPLEMENTATION OF THE POWERS BY THE PROSECUTOR TO APPROVAL UNSCHEDULED CONTROL AND SUPERVISION EVENTS

ДЕМИДО Елена Валериевна,

старший преподаватель кафедры прокурорского надзора за исполнением федерального законодательства и участия прокурора в гражданском, административном судопроизводстве и арбитражном процессе Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации. ул. Суханова, 8, г. Владивосток, Приморский край, 690000, Россия.

E-mail: elena09demido@mail.ru;

Demido Elena Valerievna,

senior lecturer at the department of prosecutorial supervision over the implementation of federal legislation and the participation of the prosecutor in civil, administrative proceedings and arbitration proceedings

of the Far Eastern Law Institute (branch) of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

Sukhanova str., 8, Vladivostok, Primorsky Krai, 690000, Russia.

E-mail: elena09demido@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы, возникающие при согласовании прокурором внеплановых контрольно-надзорных мероприятий, проводимых органами государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Подчеркивается, что в настоящее время назрела острая необходимость выработки и нормативного закрепления четких критериев для определения «непосредственной угрозы» как основания для проведения внеплановых контрольно-надзорных мероприятий. Выдвигаются предложения о целесообразности внесения изменений в законодательство в указанной сфере, которые позволят органам прокуратуры и контролирующим органам эффективно взаимодействовать.

Abstract: The article discusses issues that arise when the prosecutor approves unscheduled control and supervisory activities carried out by state control (supervision) and municipal control bodies in relation to business entities. It is emphasized that at present there is an urgent need to develop and normatively consolidate clear criteria for determining an "immediate threat" as a basis for carrying out unscheduled control and surveillance activities. Proposals are put forward on the advisability of introducing changes to legislation in this area, which will allow the prosecutor's office and regulatory authorities to effectively interact.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, реализация полномочий, контрольно-надзорные мероприятия, органы государственного контроля (надзора) и муниципального контроля, согласование, непосредственная угроза.

Keywords: prosecutor, powers of the prosecutor, implementation of powers, control and supervisory measures, bodies of state control (supervision) and municipal control, coordination, immediate threat.

Для цитирования: Демидо Е.В. Реализация прокурором полномочий по согласованию внеплановых контрольно-надзорных мероприятий // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_174.

For citation: Demido E. V. Implementation of the powers by the prosecutor to approval unscheduled control and supervision events // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 174-177. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_174.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

В условиях беспрецедентного санкционного давления на Российскую Федерацию со стороны ряда недружественных стран «коллективного Запада» органами государственной власти приняты меры, направленные на стабилизацию ситуации в социально-экономической сфере, поддержку и стимулирование предпринимательской деятельности. В этой связи, постановлением Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» [7] (далее – Постановление № 336) введен мораторий на проведение органами государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля (далее – контролируемые органы, органы контроля, контролёры) плановых и внеплановых контрольно-надзорных мероприятий. Это позволило существенно ограничить права органов государственного контроля (надзора) и муниципального контроля в указанной сфере, что значительным образом повлияло на процесс формирования благоприятного бизнес-климата.

Складывающаяся тенденция к сокращению числа плановых и внеплановых проверок и иных контрольно-надзорных мероприятий, в свою очередь, отразилась на организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле. Как отметил Генеральный прокурор Российской Федерации И.В. Краснов 17.06.2022 в своем выступлении в ходе работы XXV Петербургского международного экономического форума «буквально с первых дней после введения недружественными странами санкционных мер, им приняты решения по кардинальному реформатированию надзора. Прежде всего это связано с согласованием всех без исключения проверок бизнеса контролерами непосредственно руководителями прокуратур республик, краев, областей» [3].

Так, во исполнение п. 2.14, 2.15, 2.16, 2.17 указания Генерального прокурора Российской Федерации от 11.03.2022 г. № 140/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной

деятельности» [10] (далее – Указание № 140/20) прокурорами активизирована деятельность в сфере обеспечения прав и законных интересов хозяйствующих субъектов, в том числе в части соблюдения моратория на проведение контрольно-надзорных мероприятий и санкционирования органом контроля внеплановых проверок, контрольно-надзорных мероприятий.

В настоящее время внеплановые контрольно-надзорные мероприятия, внеплановые проверки, правила организации и осуществления которых регулируются Федеральным законом от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [11] (далее – Закон № 248-ФЗ) и Федеральным законом от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [12], проводятся контролирующими органами по согласованию с органами прокуратуры, но исключительно по определенным основаниям, указанным в пп. «а» п. 3 Постановления № 336: при непосредственной угрозе причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан, по фактам причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан; при непосредственной угрозе обороне страны и безопасности государства, по фактам причинения вреда обороне страны и безопасности государства; при непосредственной угрозе возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера, по фактам возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера и др.

Порядок согласования контрольным (надзорным) органом с прокурором проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия, а также типовые формы заявления о согласовании с прокурором проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия и решения прокурора о результатах его рассмотрения утверждены приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 02.06.2021 г. № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [8].

Введенные новации в осуществлении прокурорского надзора за исполнением органами контроля требований законодательства учитывают внешнеполитические вызовы и угрозы, связанные с антироссийскими санкциями, направлены на защиту прав предпринимателей и улучшение инвестиционного климата в стране, поскольку способствуют оперативному реагированию на меняющуюся политическую, экономическую обстановку и недопущению нарушения прав бизнес-сообщества.

Отметим, что такая мера поддержки субъектов предпринимательской деятельности как санкционирование прокурором проведения внеплановых контрольно-надзорных мероприятий выступает основным инструментом по сокращению их числа, что в свою очередь, способствует созданию благоприятных условий для развития бизнеса в современных реалиях. Согласимся с мнением Н.Д. Бут и Д.А. Егупова, что прокурорский «фильтр» способствует оперативному исполнению принимаемых руководством страны решений о введении моратория на проверки [4, с. 64], при этом снижая необоснованное административное давление на бизнес-сообщество и исключая факты безосновательного вмешательства в их деятельность.

Так, по итогам работы в 2022 году доля решений прокуроров об отказе в согласовании внеплановых мероприятий достигла 66 % (отклонено 44 тыс. из 66,5 тыс. заявок контролеров) [1]. Поскольку органами прокуратуры в 2023 году продолжена работа по минимизации административного давления на представителей предпринимательства, то результатом этой деятельности стало сохранение рекордного значения и доли отказов в согласовании внеплановых мероприятий в 70% (отклонено 69 тыс.), хотя число рассмотренных прокурорами заявок возросло на треть (до 98,5 тыс.) [2; 5]. Увеличение числа отклоненных заявлений контролирующими органами свидетельствует о последовательной и целенаправленной работе прокуроров по сокращению проверочных мероприятий в отношении хозяйствующих субъектов.

Одной из причин для отказа прокурором в их санкционировании может стать отсутствие перечисленных в пп. «а» п. 3 Постановления № 336 оснований для проведения внеплановых контрольно-надзорных мероприятий (ст. 66 Закона № 248-ФЗ). Например, отсутствие: непосредственной угрозы причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью граждан; непосредственной угрозы обороне страны и безопасности государства; непосредственной угрозы возникновения чрезвычайных ситуаций природного и (или) техногенного характера.

На первый взгляд может показаться, что все правоотношения в указанной сфере урегулированы и ни у органов прокуратуры, ни у должностных лиц органов контроля не должно возникать никаких спорных ситуаций при решении вопросов в согласовании внеплановых контрольно-надзорных мероприятий в отношении хозяйствующих субъектов. Однако, несмотря на то, что уже третий год контролирующие органы, в рамках требований Постановления № 336, осуществляют свою деятельность в условиях моратория на проверки, до сих пор остается нерешенным вопрос о критериях для определения вышеназванной «непосредственной угрозы», которые бы позволили органам прокуратуры и контролирующим органам эффективно взаимодействовать. Пока, к сожалению, термин «непосредственная угроза» трактуется исходя из его субъективного понимания.

На сегодняшний день единственным источником, в котором предложена формулировка понятия «непосредственная угроза», выступает письмо Министерства экономического развития Российской Федерации от 24.03.2022 г. № Д24и-8436 «О разъяснении особенностей организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в 2022 году» [6] (далее – Письмо № Д24и-8436).

Из п. 2 Письма № Д24и-8436 следует, что поскольку положениями Закона № 248-ФЗ и Постановления № 336 не предусмотрены критерии для определения непосредственной угрозы причинения вреда указанным охраняемым законом ценностям, то в таком случае решение о проведении контрольного (надзорного) мероприятия принимается на основании оценки конкретных обстоятельств. При этом оценка обоснованности такого решения дается органами прокуратуры при согласовании проведения контрольного (надзорного) мероприятия.

Согласно изложенной в Письме № Д24и-8436 позиции «непосредственная угроза» подразумевает высокую степень вероятности причине-

ния соответствующего вреда в краткосрочной перспективе, то есть ситуацию, когда отсутствие мер реагирования контрольных (надзорных) органов неминуемо влечет наступление негативных последствий. Кроме того, данное понятие включает в себя прямую причинно-следственную связь между нарушением обязательных требований и причинением конкретным лицам (к примеру, жителям конкретного территориального образования, приобретателям конкретного товара) вреда определенной категории (к примеру, распространение конкретного заболевания, разрушение конкретного оборудования и так далее). При установлении факта причинения вреда или угрозы причинения тяжкого вреда здоровью и жизни следует учитывать положение приказа Минздрава России от 24.04.2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» [9].

Однако Письмо № Д24и-8436 не является нормативным правовым актом, который был бы обязательным для правоприменителя и может рассматриваться только в качестве рекомендации.

Между тем, рассматривая материалы органов контроля о согласовании проведения внеплановых контрольно-надзорных мероприятий, прокурор должен оценить все изложенные контролирующим органом обстоятельства, а также предугадать вероятность причинения соответствующего вреда, возникновения чрезвычайной ситуации природного и (или) техногенного характера и т.д. В настоящее время, в условиях отсутствия в федеральном законодательстве четких и понятных критериев для определения «непосредственной угрозы», работники прокуратуры выполняют данные полномочия, исходя из сложившейся правоприменительной практики и требований руководства прокуратуры субъекта Российской Федерации. По нашему мнению, такой подход обоснован, но он, к сожалению, требует значительных временных затрат для принятия мотивированного и законного решения, а также не исключает принятия необоснованных и спорных решений, влекущих за собой повторные обращения контролёров в прокуратуру или судебное обжалование.

Кроме того, отсутствие единообразного подхода как у органов прокуратуры, так и органов контроля к тому, какие обстоятельства необходимо признавать «непосредственной угрозой», влечет неоправданные временные затраты на межведомственную переписку, негативно отражается на уровне взаимодействия органов прокуратуры с органами контроля, на оперативности принятия должностными лицами контролирующими органами достаточных и эффективных мер по устранению и своевременному пресечению возможных рисков непосредственной угрозы.

Например, при угрозе причинения вреда жизни и тяжкого вреда здоровью работников, не являющихся пострадавшими в результате произошедшего несчастного случая на производстве со смертельным исходом. В такой ситуации также необходимо согласовать внеплановое контрольно-надзорное мероприятие, в ходе которого органы контроля смогут проверить исполнение трудового законодательства не только на рабочем месте, где произошло травмирование работника, но и на других рабочих местах и принять меры к устранению нарушений закона. В случае отказа в согласовании такого проверочного мероприятия и начала обмена между ведомствами письмами, в которых орган контроля будет обосновывать необходимость проведения внеплановой выездной проверки, будет упущено время на предотвращение и устранение нарушений. Это, в свою очередь, может грозить еще более тяжелыми последствиями.

Безусловно, согласование проведения внеплановых контрольно-надзорных мероприятий в отношении субъектов предпринимательской деятельности не просто повлекло сокращение их числа, а стало защитным механизмом от излишнего административного давления на бизнес-сообщество со стороны контролирующих органов, исключая возможность злоупотреблений с их стороны и повысившим эффективность контрольно-надзорной деятельности. Между тем, полагаем целесообразным выработать конкретные критерии для определения «непосредственной угрозы» и нормативно закрепить их путем внесения изменений в Постановление № 336 и приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.06.2021 г. № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». Это позволило бы соблюсти баланс прав предпринимателей, государства и общества в современных условиях; избежать возможного произвольного толкования понятия «непосредственная угроза», а следовательно – возможных ошибок при направлении и рассмотрении заявлений о согласовании проведения внеплановых контрольно-надзорных мероприятий и сократить сроки принятия решений.

Библиография:

1. В Генпрокуратуре России подведены итоги работы по обеспечению прав и законных интересов субъектов предпринимательской и инвестиционной деятельности в 2022 году [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=85137682> (дата обращения: 10.06.2024 г.).
2. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=94616909> (дата обращения: 10.06.2024 г.).
3. Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов принял участие в XXV Петербургском международном экономическом форуме [Электронный ресурс] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=74643299> (дата обращения: 07.06.2024 г.).
4. Защита прокурором прав и законных интересов субъектов предпринимательской деятельности: монография / под общ. ред. О.С. Капинус. Москва, 2022. С.64.
5. Обзор результатов надзора за законностью проверок бизнеса в 2023 году от 23.03.2024 г. № 76/2-07-2024 // Архив Дальневосточного юридического института (филиала) Университета прокуратуры Российской Федерации.
6. Письмо Минэкономразвития России от 24.03.2022 г. № Д24и-8436 «О разъяснении особенностей организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля в 2022 году» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.03.2022 г. № 336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 02.06.2021 г. № 294 «О реализации Федерального закона от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Приказ Минздрава России от 24.04.2008 г. № 194н «Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Указание Генерального прокурора Российской Федерации от 11.03.2022 г. № 140/20 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав граждан в связи с принимаемыми в Российской Федерации мерами по поддержке экономики и социальной сферы, а также в связи с введением отдельных ограничений на осуществление финансово-хозяйственной и иной деятельности» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 26.12.2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

References:

1. The Prosecutor General's Office of Russia summed up the results of work on ensuring the rights and legitimate interests of business and investment entities in 2022 [Electronic resource] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=85137682> (date of appeal: 06/10/2024).

2. Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov made a report to the Federation Council [Electronic resource] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/search?article=94616909> (date of application: 06/10/2024).

3. Prosecutor General of the Russian Federation Igor Krasnov took part in the XXV St. Petersburg International Economic Forum [Electronic resource] // URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=74643299> (date of appeal: 06/07/2024).

4. Protection by the prosecutor of the rights and legitimate interests of business entities: monograph / under the general ed. O.S. Kapinus. Moscow, 2022. p.64.

5. Review of the results of supervision over the legality of business inspections in 2023 dated 03/23/2024 76/2-07-2024 // Archive of the Far Eastern Law Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation.

6. Letter of the Ministry of Economic Development of the Russian Federation dated 03/24/2022 No. D24i-8436 "On explaining the specifics of the organization and implementation of State control (supervision), municipal control in 2022" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

7. Resolution of the Government of the Russian Federation dated 03/10/2022 No. 336 "On the specifics of the organization and implementation of State control (supervision), municipal control" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

8. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation No. 294 dated 06/02/2021 "On the Implementation of Federal Law No. 248-FZ dated 07/31/2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

9. Order of the Ministry of Health and Social Development of the Russian Federation dated 04/24/2008 No. 194n "On approval of Medical criteria for determining the severity of harm caused to human health" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

10. Instruction of the Prosecutor General of the Russian Federation dated 03/11/2022

No. 140/20 "On strengthening prosecutor's supervision over the execution of laws, observance of citizens' rights in connection with measures taken in the Russian Federation to support the economy and social sphere, as well as in connection with the introduction of certain restrictions on the implementation of financial, economic and other activities" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

11. Federal Law No. 248-FZ of 07/31/2020 "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

12. Federal Law No. 294-FZ of December 26, 2008 "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control" // Access from the ConsultantPlus legal reference system.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ОПТИМИЗАЦИИ ДОКУМЕНТАЦИОННОЙ НАГРУЗКИ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Problematic issues of optimizing the documentation load in the internal affairs bodies of the Russian Federation

ЗВОНАРЕВА Анна Юрьевна,

начальник кафедры организации деятельности органов внутренних дел
центра командно-штабных учений Академии управления МВД России,
кандидат социологических наук.

Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: zvonareva.a.u@yandex.ru;

Zvonareva Anna Yurievna,

PhD in Law, Head of the Department of Organization activities of the Internal Affairs Bodies
of the Center for Command Staff Trainings of the Academy of Management
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: zvonareva.a.u@yandex.ru

Краткая аннотация. Для сохранения эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации в условиях высоких нагрузочных показателей и вызовов внешней среды необходимо принять меры по оптимизации документационного обеспечения управленческой деятельности. В статье анализируются проблемы, которые препятствуют качественному анализу документооборота и объективной оценке делопроизводственных процессов.

Abstract. In order to maintain the effectiveness of the work of the internal affairs bodies of the Russian Federation in conditions of high load indicators and challenges of the external environment, it is necessary to take measures to optimize the documentation support of management activities. The article analyzes the problems that hinder the qualitative analysis of document flow and the objective assessment of office processes.

Ключевые слова: органы внутренних дел, документооборот, документационная нагрузка, делопроизводство, управленческая деятельность.

Keywords: internal affairs bodies, document management, documentation load, office work, management activities.

Для цитирования: Звонарева А.Ю. Проблемные вопросы оптимизации документационной нагрузки в органах внутренних дел Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 178-181. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_178.

For citation: Zvonareva A.Yu. Problematic issues of optimizing the documentation load in the internal affairs bodies of the Russian Federation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 178-181. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_178.

Статья поступила в редакцию: 08.07.2024

Последовательное усложнение правоохранительных функций и специализации труда обуславливает потребность в поиске организационно-правовых механизмов снижения документационной нагрузки в органах внутренних дел Российской Федерации при условии обеспечения высокой результативности в решении возложенных задач.

Суть ожидаемых изменений заключается в стремлении оптимизировать управленческий процесс, предложить такую схему управления в сфере делопроизводства, которая в наибольшей степени соответствовала бы интересам всей системы государственного управления в правоохранительной сфере. Оптимизации документальной нагрузки, как указано во многих аналитических документах МВД России, должно способствовать максимальное сокращение документооборота в территориальных органах МВД России на региональном и районном уровнях.

При этом возможности сокращения корреспонденции в области специализированного делопроизводства (документирование оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной, судебно-исковой работы, кадрового, финансово-хозяйственного обеспечения), а также работы с обращениями граждан во многом ограничены требованиями действующего законодательства и подзаконных нормативных правовых актов.

Значительный объем переписки в органах внутренних дел сохраняется за счет объективных факторов: внедрение и повсеместное использование современных информационных технологий, интенсификация переписки с органами государственной власти, местного самоуправления, гражданами и организациями, активизация деятельности межведомственных совещательных органов и другие причины.

В теории управления направления совершенствования организационно-правовых механизмов рассматриваются в контексте обеспечения управляемости в разных организационных структурах [8].

Проблема достижения управляемости или так называемой «административной эффективности», связанная с поиском и использованием продуктивных методов снижения трудоемкости, повышения организации и профессионализма в системе государственного управления, превращения бюрократии в инструмент эффективного управления далеко не нова. Например, в 1974 г. В.З. Веселый в своем труде, посвященном методике и процедуре аналитической работы в органах внутренних дел, отмечал, что вопрос определения степени загруженности каждой отраслевой службы не проработан, «представляется возможным дать лишь некоторые рекомендации» [1]. Так, нагрузка на сотрудников оперативных подразделений зависела от количества зарегистрированных преступлений в расчете на одну единицу. При этом высказывалась идея: определять нагрузку сотрудников уголовного розыска

лишь с учетом неочевидных преступлений, а сотрудников подразделений по борьбе с хищениями социалистической собственности – в зависимости от числа объектов обслуживания, либо численности их персонала.

Нормативов нагрузки следователей не существовало, она определялась количеством уголовных дел, находящихся в производстве в течение года, либо законченных производством. Признавалось, что многообразие критериальных подходов не позволяет установить – какова степень загруженности сотрудников оперативных и следственных подразделений.

По этим критериям рассчитывалась средняя нагрузка на работника той или иной службы, а затем сравнивалась с нагрузкой работников этой службы в среднем по стране или в среднем по экономическому району. При таком сравнении руководитель органа внутренних дел мог сделать вывод о том, что службу, в которой нагрузка на одного работника (по критерию для этой службы) выше, чем в среднем по стране, целесообразно укрепить за счет той службы, в которой нагрузка на одного работника (опять-таки по критерию для данной службы) ниже, чем в целом по стране [2].

Во внимание принималась нагрузка не за какой-то отдельный год, а среднегодовая за длительный период времени.

С этой же целью в указанный исторический период изучалось распределение численности по подчиненным органам внутренних дел. Вместе с тем документационная нагрузка отраслевых подразделений, наряду с функциональной, не рассматривалась. Архивные документы тех лет свидетельствуют о том, что и в последующие десятилетия этому вопросу не уделялось должного внимания вплоть до очередной реформы МВД России 2011 года [3]. Так, Концепция развития системы Министерства внутренних дел Российской Федерации до 2005 года, одобренная коллегией МВД России 18 октября 1995 года, принималась в исключительно сложной социально-политической, экономической и криминогенной обстановке в стране. Ориентация органов внутренних дел на защиту интересов общества, как независимого от государства института, привела к изменениям механизма управления.

Формирование предпосылок создания механизма управления органами внутренних дел в новых условиях базировалось на следующих положениях. Во-первых, с учетом новых социально-формационных целей государства, компетенции федеральных органов и органов субъектов Российской Федерации в сфере правоохраны требовалось четко определить функции органов внутренних дел, обеспечить их правовую базу. Во-вторых, проводилась ревизия внутренних ресурсов для разумного распределения сил. В-третьих, требовалась максимально экономичная, простая, гибкая и освобожденная от несвойственных функций структура органов внутренних дел. В-четвертых, усилия всех подразделений органов внутренних дел, независимо от специализации, ориентировались на решение общих задач правоохраны (такое единство рассматривалось с обязательным развитием низового звена милиции, приближения его к населению). В-пятых, обязательным при внедрении новых подходов являлось соблюдение организационных принципов (единая, целостная система с иерархической структурой управления; для каждого уровня управления четко и однозначно определены задачи и функции, объем компетенции; функционирование органов внутренних дел различных уровней управления на основе принципа разделения труда с учетом рационального соотношения управленческих и исполнительных функций; вышестоящий уровень управления осуществляет лишь те управленческие функции, в которых нуждаются нижестоящие органы; вышестоящие органы принимают на себя те функции, которые нижестоящие не могут эффективно реализовать).

Считалось бесспорным, что в процессе целеполагания должна прослеживаться связь цели подсистемы с целью системы.

Вместе с тем реформы последних двух десятилетий сопровождались существенными проблемами в ресурсном обеспечении органов внутренних дел. Изложенные обстоятельства привели к падению престижа службы, как следствие, оттоку кадров. Поэтому ожидаемые результаты, в том числе по оптимизации нагрузки, не достигнуты [3].

В настоящее время рабочий день личного состава не нормирован, а служебная нагрузка избыточна в сравнении с установленной Трудовым кодексом Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в части, не урегулированной законодательством Российской Федерации, регламентирующим вопросы прохождения службы в органах внутренних дел). В этих условиях снижение документационной нагрузки является важным аспектом не столько для совершенствования организационно-правового механизма, сколько для поддержания управляемости системой.

Документационное обеспечение управления позволяет обеспечить документальную фиксацию прямой и обратной связи между субъектом управления и объектом управления.

Прямая связь позволяет транслировать управленческие решения субъекта управления, а обратная связь – получать информацию от объекта управления о том достигнута ли ожидаемая цель этого решения. Поэтому для эффективного управленческого процесса важно, чтобы эта документированная коммуникативная связь была на уровне, позволяющем привести систему управления в упорядоченное состояние. А учитывая, что каждая система управления имеет свою специфику, элементы этой системы – свои характеристики, прибавим наличие разных коммуникативных проблем, затрудняющую прямую и обратную связь, в итоге нет единого для всех систем управления оптимального индикатора, который позволил бы сделать «замер» количественных параметров этой связи. Единственным ориентиром может являться достижение ожидаемой цели при минимизации количества управленческих циклов.

Утвержденная Методика изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России [7]¹ определяет порядок изучения и оценки организации, обеспечения и осуществления управленческой деятельности, в том числе документационного обеспечения управления, в территориальных органах МВД России на окружном, межрегиональном и региональном уровнях в ходе инспекторских и целевых проверок.

Субъекты контроля (ОАД МВД России, штабные подразделения) при определении в соответствии с Методикой удельного веса докумен-

---

¹ Далее – «Методика».

тальных управленческих решений неконкретного содержания, (или) не имеющих срока выполнения, (или) повторяющих содержание регламентов, инструкций и иных нормативных правовых актов; требующих периодическое представление информации, не предусмотренной действующими нормативными правовыми актами и ведомственной статистической отчетностью; оформленных и отправленных в нарушение действующих правил делопроизводства; не обусловленных действующими нормативными правовыми актами, (или) документами, указаниями, поручениями МВД России, (или) сложившейся оперативной обстановкой оценивают фактически качественное состояние документационного обеспечения в проверяемом органе внутренних дел, а не документационную нагрузку и факторы на нее влияющие.

Кроме того, применяемые в Методике лексические конструкции (например, «документальные управленческие решения»), не предусмотрены в Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 [4]¹, Правилах подготовки правовых актов в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации, утвержденных приказом МВД России от 26 декабря 2018г. № 880 [5], и иных регламентированных источниках.

Следует отметить, что количественные характеристики общего документооборота анализируются согласно приказу МВД России от 30 июня 2016 г. № 360 [6], где основой анализа служат принципы унификации, стандартизации и классификации документопотоков. Это иной подход, чем тот который используется в Методике. При этом ни один из двух применяемых субъектами контроля подходов не позволяет их использовать для определения объективной документационной нагрузки личного состава (так как нет методики расчета соотношения понятий «объем документооборота», «документационное обеспечение управления», «документационная нагрузка»).

Поэтому, на наш взгляд, требуют дальнейшей научной проработки как подходы в оценке документооборота разными субъектами контроля, так и соотношение понятий «объем документооборота», «документационное обеспечение управления», «документационная нагрузка», а также факторы, влияющие на функциональную (отраслевую) и документационную нагрузку личного состава.

Согласно Инструкции документом является только та совокупность информации и соответствующих реквизитов, созданных государственным органом, органом местного самоуправления, юридическим или физическим лицом, которая оформлена в установленном порядке и включена в документооборот органа внутренних дел.

Но, как известно, в оперативно-служебной деятельности используются разные учетные формы (сервис электронного документооборота, сервис обеспечения деятельности дежурных частей, иные прикладные сервисы, журналы, картотеки) для учета документопотоков. Соответственно объективно оценить: какая часть трудозатрат личного состава имеет прямое отношение исключительно к тем документам, которые анализируются субъектами контроля, в настоящее время не представляется возможным.

Необходимо учитывать, что понятие «документационной нагрузки» тесно связано не только с «документооборотом», но и «документированием», «оперативным хранением документов», «уничтожением документов» и иными стадиями делопроизводства.

Кроме того, важно отметить эволюцию терминосистемы, обусловленную развитием системного подхода к работе с документами и применением современных технических средств.

Полагаем, что новая Инструкция по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации позволит исключить терминологическую неопределённость. Следует также учесть, что любая профессиональная задача имеет свои характеристики. В структуру характеристики профессиональной задачи входят содержательное (то есть необходимые знания), процессуальное (то есть трудовые действия), контекстуальное направления (то есть необходимые умения).

Организационно-управленческий тип задач профессиональной деятельности основывается на функциональном подходе к их решению и включает:

- организацию документирования управленческой деятельности в организации;
- организацию документооборота в организации;
- организацию оперативного хранения документов в организации и передачи дел для последующего хранения;
- организацию разработки локальных нормативных актов и методических документов по документационному обеспечению управления организацией;
- осуществление контроля процесса и сроков исполнения документов в организации;
- осуществление контроля функционирования системы документационного обеспечения управления организацией;
- руководство деятельностью подразделения по документационному обеспечению управления организацией;
- управление разработкой локальных нормативных актов организации по вопросам управления ее документацией;
- управление деятельностью по контролю функционирования всех систем документации организации и ее корпоративного документооборота;
- управление проектами по внедрению корпоративной системы электронного документооборота организации и разработке стратегии ее развития;
- стратегическое планирование и руководство построением единой системы управления документацией организации;
- стратегическое планирование и руководство построением единой системы хранения документального фонда организации.

Каждый тип задач отличается объемом трудозатрат и требованиями к квалификации исполнителя. Но все они имеют прямое отношение к

¹ Далее – «Инструкция».

общей документальной нагрузке личного состава.

Для решения каждой задачи профессиональной деятельности должностному лицу требуются совершенно разные трудовые действия, отражающие организационно-управленческий, научно-исследовательский, технологический, проектный, экспертно-аналитический характер работы. Так, для примера, организационно-управленческое направление основано на политике управления документами и распределении ответственности, полномочий между должностными лицами в ТО МВД России, проведении мониторинга и оценки документной политики, систем, процедур и процессов. В свою очередь технологическое включает процессы создания, ввода в систему и управления документами (классификацию и индексирование документов; управление доступом к документам; хранение; использование; миграцию и конвертирование документов; отбор и передачу документов на хранение или уничтожение). Также влияют на документационную нагрузку проектное направление, которое содержит проектирование и внедрение документных систем на основе анализа деловых процессов; разработку средств управления документами (схем метаданных документов; схем классификации рабочих процессов; правил доступа; правил, определяющих порядок отбора и передачи документов на хранение или уничтожение); экспертно-аналитическое – базируется на анализе деловых процессов, то есть оценивается деловая деятельность: при определении видов документов, создаваемых и вводимых в документную систему; при установлении сроков их хранения.

Особо следует выделить культурно-просветительское направление, которое должно преследовать следующие цели: доведение до работников основных положений политики управления документами, способствующих формированию общего представления о работе с документами в ТО МВД России (деятельность относительно всего коллектива без учета личностного уровня квалификации каждого должностного лица); осуществление пропаганды требований к документам, документационных идей деловой среды, «их внедрение в сознание людей в целях привлечения и участия в их воплощении»; а также педагогическое – выстраивается с применением оценки компетентности должностных лиц (как руководителей, так и исполнителей) в выполнении задач и выражается в разработке учебных программ по совершенствованию их знаний и навыков; в рамках программы обучения актуальны обучение и профессиональное повышение квалификации специалистов по управлению документацией организации. Поэтому в настоящее время результаты проверок и сложившаяся практика не всегда позволяют сделать объективные выводы о проблемных вопросах оптимизации документационной нагрузки, так как внимание фокусируется исключительно на сокращении объемов документооборота, то есть «видимой части айсберга».

На наш взгляд, в этом и заключается основная ошибка, которая не позволяет на протяжении многих лет уменьшить документационную нагрузку на местах.

В связи с изложенным сделаем несколько выводов:

1. Существующие подходы оценки состояния документационного обеспечения управления, объема документооборота не учитывают все факторы, влияющие на документационную нагрузку в органах внутренних дел Российской Федерации.
2. Изучение проблем оптимизации документационной нагрузки в территориальных органах МВД России должно основываться на функциональном подходе (то есть подходе, учитывающем организационно-управленческий, научно-исследовательский, технологический, проектный, экспертно-аналитический характер работы с документами).

Библиография:

1. Веселый В.З. Методика и процедура аналитической работы в МВД, УВД. М., 1974. – 49 с.
2. Веселый В.З. Формирование теории управления в сфере правоохранительной деятельности и совершенствование управленческой подготовки кадров в органах внутренних дел : дис. ... докт. юрид. наук : 12.00.11 / Веселый Валерий Валерьевич. - М., 1988. – 286 с.
3. Кононов А.М. Реформа МВД России 2011 г.: десять лет спустя // Стратегическое развитие системы МВД России: состояние, тенденции, перспективы. Сборник научных статей по материалам Международной научно-практической конференции. Москва, 2021. С. 207-214.
4. Приказ МВД России от 20 июня 2012 г. № 615 «Об утверждении Инструкции по делопроизводству в органах внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы СТРАС «Юрист».
5. Приказ МВД России от 26 декабря 2018г. № 880 «Об утверждении Правил подготовки правовых актов в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы СТРАС «Юрист».
6. Приказ МВД России от 30 июня 2016 г. № 360 «О порядке организации работы по представлению органами, подразделениями и организациями системы МВД России сведений по вопросам делопроизводства, рассмотрения обращений граждан и организаций, состояния защиты государственной тайны» [Электронный ресурс] // Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы СТРАС «Юрист».
7. Распоряжение МВД России от 28 августа 2019 г. № 1/9711 «Об утверждении Методики изучения и оценки управленческой деятельности в территориальном органе МВД России» [Электронный ресурс] // Доступ из специализированной территориально распределенной автоматизированной системы СТРАС «Юрист».
8. Теория управления в сфере правоохранительной деятельности: учебник для слушателей Академии МВД СССР / В.З. Веселый, Г.М. Воскресенский [и др.] : под ред. докт.-ра. юрид. наук, профессора В.Д. Малкова. – М., Академия МВД СССР, 1990. – 324 с.

References:

1. Vesely V.Z. Methodology and procedure of analytical work in the Ministry of Internal Affairs, Department of Internal Affairs. M., 1974. – 49 p.
2. Vesely V.Z. Formation of the theory of management in the field of law enforcement and improvement of managerial training in internal affairs bodies : dis. ... doct. Jurid. Sciences : 12.00.11 / Vesely Valerian Zyamovich. - M., 1988. – 286 p.
3. Kononov A.M. Reform of the Ministry of Internal Affairs of Russia in 2011: ten years later // Strategic development of the Russian Interior Ministry system: status, trends, prospects. Collection of scientific articles based on the materials of the International Scientific and Practical Conference. Moscow, 2021. pp. 207-214.
4. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 20, 2012 No. 615 "On approval of Instructions on office work in the internal affairs bodies of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access from the specialized geographically distributed automated system STRAS "Lawyer".
5. Order of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation dated December 26, 2018 No. 880 "On approval of the Rules for the preparation of legal acts in the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation" [Electronic resource] // Access from the specialized geographically distributed automated system STRAS "Lawyer".
6. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated June 30, 2016 No. 360 "On the procedure for organizing work on the submission by bodies, divisions and organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia of information on office work, consideration of appeals from citizens and organizations, the state of protection of state secrets" [Electronic resource] // Access from the specialized geographically distributed automated system STRAS "Lawyer".
7. Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia dated August 28, 2019 No. 1/9711 "On approval of the Methodology for studying and evaluating management activities in the territorial body of the Ministry of Internal Affairs of Russia" [Electronic resource] // Access from the specialized geographically distributed automated system STRAS "Lawyer".
8. Theory of management in the field of law enforcement: a textbook for students of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR / V.Z. Vesely, G.M. Voskresensky [et al.] : edited by Dr. Jurid. Sciences, Professor V.D. Malkov. – M., Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR, 1990. – 324 p.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ МЕРОПРИЯТИЙ ПО ЗАЩИТЕ НАСЕЛЕНИЯ НА ВОДНЫХ ОБЪЕКТАХ В РЕСПУБЛИКЕ КОМИ LEGAL REGULATION OF MEASURES TO PROTECT THE POPULATION AT WATER BODIES IN THE KOMI REPUBLIC

ЗОКОЕВ Валерий Анатольевич,

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры защиты населения и территорий Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева. 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: zva80@bk.ru;

ИВАНОВ Константин Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры защиты населения и территорий Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева. 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: ivanov.k@igps.ru;

НЕСТЕРЕНКО Александр Геннадьевич,

кандидат технических наук, доцент Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева. 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: nesterenko.a@igps.ru;

ШЕВЦОВА Владислава Михайловна,

студент Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева. 196105, Россия, г. Санкт-Петербург, Московский проспект, 149.
E-mail: vladash-2002@yandex.ru;

ZOKOEV Valery Anatolyevich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Population and Territory Protection St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev. 196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: zva80@bk.ru;

IVANOV Konstantin Mikhailovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Population and Territory Protection St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev. 196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: ivanov.k@igps.ru;

NESTERENKO Alexander Gennadievich,

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor at the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev. 196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: nesterenko.a@igps.ru;

SHEVTSOVA Vladislava Mikhailovna,

student of the St. Petersburg University of the Ministry of Emergency Situations of Russia named after Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev. 196105, Russia, St. Petersburg, Moskovsky Prospekt, 149.
E-mail: vladash-2002@yandex.ru

Краткая аннотация: Правовое регулирование мероприятий по защите населения на водных объектах является важным аспектом обеспечения безопасности людей и сохранения окружающей среды. Законодательство обязывает проводить регулярные инспекции и мероприятия по предотвращению аварий и чрезвычайных ситуаций на водных объектах. Также устанавливаются правила безопасности на водных объектах, особенно в районах плавания и отдыха, чтобы минимизировать риски для населения. Вопросы правового регулирования отражаются в нормативно правовых актах на федеральном, региональном и местном уровнях, которые должны быть разработаны в полной мере, с закреплением основных понятий, целей и задач.

Abstract: The legal regulation of measures to protect the population on water bodies is an important aspect of ensuring human safety and environmental conservation. The legislation obliges to carry out regular inspections and measures to prevent accidents and emergencies at water bodies. Safety rules are also being established at water bodies, especially in swimming and recreation areas, in order to minimize risks to the public. Issues of legal regulation are reflected in regulatory legal acts at the federal, regional and local levels, which must be fully developed, with the consolidation of basic concepts, goals and objectives.

Ключевые слова: Российская Федерация (РФ), Республика Коми, защита населения, чрезвычайная ситуация (ЧС), правовое регулирование, нормативно – правовая база, водные объекты, безопасность населения на водных объектах.

Keywords: Russian Federation (RF), Komi Republic, protection of the population, emergency situation (emergency), legal regulation, regulatory framework, water bodies, public safety at water bodies.

Для цитирования: Зокоев В.А., Иванов К.М., Нестеренко А.Г., Шевцова В.М. Правовое регулирование мероприятий по защите населения на водных объектах в Республике Коми // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 182-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_182.

For citation: Zokoev V.A., Ivanov K.M., Nesterenko A.G., Shevtsova V.M. Legal regulation of measures to protect the population at water bodies in the Komi Republic // *Law and state: theory and practice*. 2024. No. 8(236). pp. 182-185. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_182.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Безопасность населения на водных объектах представляет собой состояние защищенности людей на водных объектах, в том числе при купании и использовании маломерных судов, гидроциклов и иных технических средств¹.

Данное понятие включает в себя меры и правила, которые направлены на предотвращение утоплений, аварий на воде, а также обеспечение безопасности при отдыхе и занятии спортом на воде. Данное понятие включает в себя: 1) Организацию спасательных служб; 2) Проведение обучающих мероприятий по безопасному поведению на воде; 3) Обеспечение разметки и сигнализации на водных объектах; 4) Обучение и соблюдение правил и рекомендаций по безопасному поведению на воде; 5) Контроль за состоянием погоды, водных объектов и др.

Обеспечение безопасности на водных объектах – это важная задача для обеспечения безопасности жизни и здоровья людей, особенно на пляжах, реках, озерах и других водоемах².

Понятие правового регулирования мероприятий по защите населения на водных объектах – это установление требований к безопасности плавания, надзор за соблюдением правил времяпрепровождения на воде, разработка и внедрение программ по предотвращению чрезвычайных ситуаций (далее – ЧС) на водных объектах, а также обеспечение доступа к услугам спасательных служб и аварийно – спасательных работ³.

Правовое регулирование мероприятий включает в себя нормы законодательства, которые регулируют деятельность в области обеспечения безопасности людей на водных объектах и определяют порядок действий и обязанности соответствующих структур и организаций. Данные мероприятия имеют большое значение для обеспечения безопасности граждан и предотвращения происшествий на воде.⁴

Основные аспекты правового регулирования защиты населения на водных объектах включают в себя:

- 1) Законодательство о водных ресурсах, которое определяет права и обязанности пользователей водных объектов;
- 2) Нормативные акты и правила по безопасности купания и использования водных объектов, включая обязательное использование средств спасания, соблюдение правил поведения на воде и правил пользования плавательными участками;⁵
- 3) Меры по предотвращению происшествий на водных объектах, такие как наводнения, аварии на водном транспорте, аварии на водохранилищах и прочие чрезвычайные обстоятельства;⁶
- 4) Механизмы государственного контроля и надзора за соблюдением правил и норм безопасности на водных объектах, а также механизмы ответственности за нарушение законодательства в этой сфере;
- 5) Международное сотрудничество и договоры о защите водных ресурсов, которые регулируют межгосударственные отношения по водным вопросам и защите населения на водных объектах.⁷

Рассмотрим вопрос реализации правового регулирования мероприятий по защите населения на водных объектах, законодательную базу на примере субъекта Российской Федерации (далее – РФ) – Республики Коми.

Коми – это крупнейший регион без выхода к морю в европейской части России. Климат умеренно континентальный. Республика обладает уникальным географическим положением, мощной сырьевой базой, развитыми карстовыми формами рельефа.

Необходимо отметить, что существуют особенности ЧС на территории данного субъекта. С учетом особенностей ЧС на территории субъекта РФ или угрозы ее возникновения во исполнение правил поведения при различных ЧС и происшествиях, могут устанавливаться дополнительные обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации⁸. Следует отметить, что на данный момент существует проект Федерального закона «О безопасности людей на водных объектах», который находится на стадии рассмотрения. Данный нормативный акт будет закреплять основные понятия в данной сфере, устанавливать цели и задачи, полномочия федеральных органов власти, органов исполнительной власти субъектов, органов местного самоуправления, а так же права, обязанности и формы участия граждан и организаций в осуществлении мероприятий по защите населения на водных объектах. На основе данного Федерального закона в дальнейшем будут разработаны нормативные акты субъектов РФ с учетом специфики ЧС и происшествий, которые происходят на водных объектах.⁹

¹ Назарова, И. С. О нормативном правовом регулировании деятельности ГИМС МЧС России в современных условиях / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // *Право и государство: теория и практика*. – 2024. – № 1(229). – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCR0.

² Назарова, И. С. О некоторых вопросах применения законодательства в области государственного надзора во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации за маломерными судами, используемыми в некоммерческих целях, и базами (сооружениями) для их стоянок / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // *Право и государство: теория и практика*. – 2023. – № 9(225). – С. 131-134. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_131. – EDN LSEYKA.

³ Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // *Lex Russica (Русский закон)*. – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGG.

⁴ Зокоев, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зокоев, В. М. Шеншин // *Вестник Московского университета МВД России*. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDN RSTUJZ.

⁵ Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDN MEPIFS.

⁶ Особенности технического регулирования в области обеспечения безопасности на водных объектах / Зокоев В.А., Иванов К.М. // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. №4, 2012.

⁷ Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // *Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации*. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.

⁸ Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // *Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение*. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.

⁹ О совершенствовании правового регулирования безопасности людей на водных объектах в Российской Федерации / Зокоев В.А., Иванов К.М. // *Ленинградский юридический журнал: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина*. 2021. № 2 С 130-142

Основными источниками возникновения природных ЧС в Республике Коми являются:

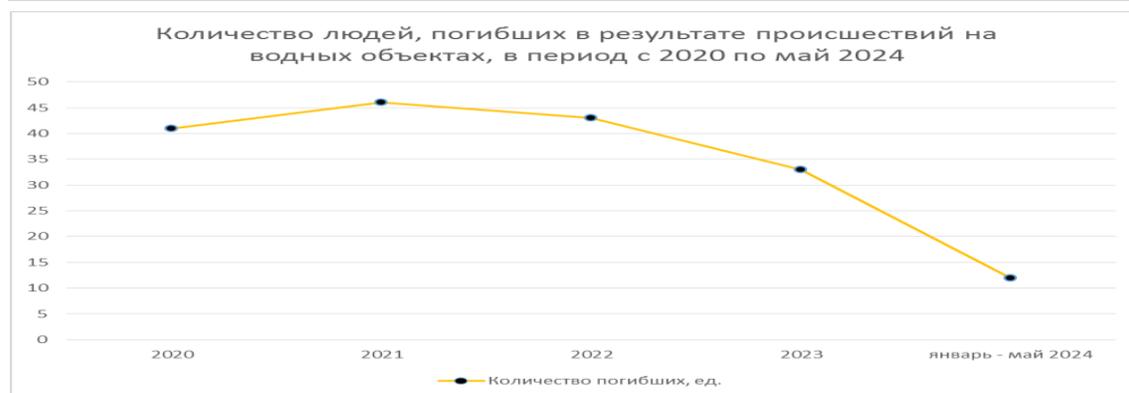
- 1) Геологические опасные явления (оползни, обвалы, осыпи и др.);
- 2) Метеорологические и агрометеорологические опасные явления (бури, ураганы, смерчи, морозы и др.);
- 3) Природные пожары;
- 4) Гидрологические опасные явления (половодье, заторы и зажоры, ветровой нагон, низкий уровень воды, ранний ледостав и появление льда на судоходных водоемах и реках).

Обеспечение защиты населения Республики Коми от опасностей на водных объектах включает в себя ряд мероприятий, таких как:

- 1) Разработка нормативно - правовой базы в сфере безопасности населения на водных объектах;
- 2) Разработка и реализация плана мероприятий по предотвращению и ликвидации ЧС на воде;¹
- 3) Проведение регулярных инструктажей и тренировок по действиям при аварийных ситуациях на водных объектах;
- 4) Организация дежурства спасательных служб на водоемах и вблизи водохранилищ;
- 5) Обеспечение населения средствами спасания на воде;
- 6) Проведение работ по обслуживанию и ремонту оборудования для предотвращения аварий;
- 7) Разработка, совершенствование и реализация комплекса мероприятий по экологическому мониторингу водных ресурсов и водных объектов и прогнозированию состояния окружающей среды на территории Республики Коми.

Данные мероприятия позволяют обеспечить безопасность населения в случае возникновения опасностей на водных объектах и минимизировать возможные последствия таких ситуаций.

Рассмотрим статистику происшествий на водных объектах, а так же количество людей, погибших в результате происшествий на водных объектах в период с 2020 года по май 2024 года, которые произошли в Республике Коми.

¹ Немченко, С. Б. Формирование законодательства в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике (обзор материалов "круглого стола") / С. Б. Немченко, А. А. Смирнова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 6-21. – EDN AWRCLK.

Исходя из показателей статистики следует, что больше всего происшествий на водных объектах произошло в 2021 и 2023 годах. Количество погибших находится на одном уровне в период с 2020 по 2022 год, с 2023 года количество происшествий, а также погибших уверенно снижается.

Как видим, работа в данном направлении на территории субъекта организована на должном уровне, но для дальнейшего совершенствования работы в указанной области следует урегулировать вопросы безопасности населения на водных объектах, посредством разработки нормативного акта субъекта с закреплением следующих положений:

- 1) Основные термины и понятия в данной области: понятие безопасности на водных объектах; маломерные суда; зоны для отдыха и купания; водные объекты; патрулирование и др.
- 2) Полного перечня прав и обязанностей граждан при нахождении на водных объектах;
- 3) Расширенного перечня полномочий органов местного самоуправления в области безопасности населения на водных объектах;
- 4) Дополнить перечень правил обеспечения безопасности людей на водных объектах с учетом особенностей ЧС Республики Коми;
- 5) Права, обязанности и правила использования водного транспорта;
- 6) С учетом специфики субъекта выработать правила обеспечения безопасности населения на водных объектах, а так же обязательные для исполнения гражданами и организациями правила поведения;
- 7) Закрепить правила подготовки и обучения персонала, работающего на водных объектах, в области безопасности;
- 8) Разработать и зафиксировать основные средства и методы оповещения граждан об опасностях на водных объектах и др.

Таким образом, правовое регулирование мероприятий по защите населения на водных объектах играет важную роль в обеспечении безопасной среды для жизни и деятельности граждан на воде. Важно соблюдать все меры безопасности на водных объектах, чтобы избежать травм и несчастных случаев. Для решения поставленных задач необходимо создавать, развивать и совершенствовать нормативно – правовую базу, создавать новые методы и схемы реагирования на происшествия на водных объектах. При совершенствовании нормативно – правовой базы необходимо учитывать особенности ЧС Республики Коми с целью закрепления эффективных мер, правильного проведения и направленности проводимых мероприятий, определения целей и задач, способствующих предупреждению и ликвидации происшествий на водных объектах.

Библиография:

1. Зоков, В. А. О правовом регулировании основных направлений деятельности единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций / В. А. Зоков, В. М. Шеншин // Вестник Московского университета МВД России. – 2023. – № 1. – С. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDNRSTUZD.
2. Капустин, А. Я. Предупреждение и ликвидация чрезвычайных и кризисных ситуаций: проблемы формирования международно-правового регулирования / А. Я. Капустин // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2024. – № 1(62). – С. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
3. Назарова, И. С. О некоторых вопросах применения законодательства в области государственного надзора во внутренних водах и в территориальном море Российской Федерации за маломерными судами, используемыми в некоммерческих целях, и базами (сооружениями) для их стоянок / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 9(225). – С. 131-134. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_131. – EDN LSEYKA.
4. Назарова, И. С. О нормативном правовом регулировании деятельности ГИМС МЧС России в современных условиях / И. С. Назарова, Н. И. Уткин, В. М. Шеншин // Право и государство: теория и практика. – 2024. – № 1(229). – С. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCRO.
5. Немченко, С. Б. Формирование законодательства в сфере предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике (обзор материалов "круглого стола") / С. Б. Немченко, А. А. Смирнова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2023. – № 2(59). – С. 6-21. – EDN AWRCLK.
6. О совершенствовании правового регулирования безопасности людей на водных объектах в Российской Федерации / Зоков В.А., Иванов К.М. // Ленинградский юридический журнал: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина. 2021. № 2 С 130-142
7. Особенности технического регулирования в области обеспечения безопасности на водных объектах / Зоков В.А., Иванов К.М. // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. №4, 2012г.
8. Шеншин, В. М. О повышении устойчивости функционирования организаций в военное время, а также при чрезвычайных ситуациях природного и техногенного характера / В. М. Шеншин, Н. М. Силуянова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2022. – № 9(302). – С. 111-120. – EDN THPMIA.
9. Шеншин, В. М. Ограничение прав и свобод человека и гражданина в условиях чрезвычайной ситуации и чрезвычайного положения / В. М. Шеншин, В. А. Екушова, Е. С. Кузнецова // Право в Вооруженных Силах - Военно-правовое обозрение. – 2024. – № 2(319). – С. 17-20. – EDNMEPIFS.
10. Шеншин, В. М. К вопросу о реформировании контрольно-надзорной деятельности в области защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций / В. М. Шеншин // Lex Russica (Русский закон). – 2022. – Т. 75, № 8(189). – С. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.

References:

1. Zoov, V. A. On the legal regulation of the main activities of the unified state system for the prevention and elimination of emergency situations / V. A. Zoov, V. M. Shenshin // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. – No. 1. – pp. 120-126. – DOI 10.24412/2073-0454-2023-1-120-126. – EDNRSTUZD.
2. Kapustin, A. Ya. Prevention and liquidation of emergency and crisis situations: problems of formation of international legal regulation / A. Ya. Kapustin // Pravo. Safety. Extraordinary situations. – 2024. – № 1(62). – Pp. 42-48. – DOI 10.61260/2074-1626-2024-1-42-48. – EDN ZRPNOR.
3. Nazarova, I. S. On some issues of the application of legislation in the field of state supervision in internal waters and in the territorial sea of the Russian Federation for small vessels used for non-commercial purposes and bases (structures) for their parking / I. S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2023. – № 9(225). – Pp. 131-134. – DOI 10.47643/1815-1337_2023_9_131. – EDN LSEYKA.
4. Nazarova, I. S. On the normative legal regulation of the activities of the GIMS of the Ministry of Emergency Situations of Russia in modern conditions / I. S. Nazarova, N. I. Utkin, V. M. Shenshin // Law and the state: theory and practice. – 2024. – № 1(229). – Pp. 85-88. – DOI 10.47643/1815-1337_2024_1_85. – EDN JDQCRO.
5. Nemchenko, S. B. Formation of legislation in the field of prevention and liquidation of emergency situations in the Arctic (review of the materials of the round table) / S. B. Nemchenko, A. A. Smirnova // Right. Safety. Extraordinary situations. – 2023. – № 2(59). – Pp. 6-21. – EDN AWRCLK.
6. On improving the legal regulation of human safety on water bodies in the Russian Federation / Zoov V.A., Ivanov K.M. // Leningrad Law Journal: Leningrad State University named after A. S. Pushkin. 2021. No. 2 From 130-142
7. Features of technical regulation in the field of safety at water bodies / Zoov V.A., Ivanov K.M. // Pravo. Safety. Emergency situations. No.4, 2012.
8. Shenshin, V. M. On increasing the stability of the functioning of organizations in wartime, as well as in emergency situations of a natural and man-made nature / V. M. Shenshin, N. M. Siluyanov // Law in the Armed Forces - Military Law Review. – 2022. – № 9(302). – Pp. 111-120. – EDN THPMIA.
9. Shenshin, V. M. Restriction of human and civil rights and freedoms in an emergency situation and state of emergency / V. M. Shenshin, V. A. Ekushova, E. S. Kuznetsova // Law in the Armed Forces - Military Law Review. – 2024. – № 2(319). – Pp. 17-20. – EDNMEPIFS.
10. Shenshin, V. M. On the issue of reforming control and supervisory activities in the field of protection of the population and territories from emergency situations / V. M. Shenshin // Lex Russica (Russian law). - 2022. – Vol. 75, No. 8(189). – pp. 148-156. – DOI 10.17803/1729-5920.2022.189.8.148-156. – EDN GSCBGQ.

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ НАУЧНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВАХ И СВОБОДАХ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА The history of the development of scientific ideas about the social rights and freedoms of man and citizen

КОРОТОВСКИХ Арсений Андреевич,

аспирант Пермского государственного национального исследовательского университета.

ул. Букирева, 15, г. Пермь, Пермский край, 614068, Россия.

E-mail: korotovskih_aa@mail.ru;

Korotovskih Arseniy Andreevich,

graduate student Perm State University.

Bukireva str., 15, Perm, Perm Krai, 614068, Russia.

E-mail: korotovskih_aa@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию истории развития научных представлений о социальных правах и свободах человека и гражданина, с момента их зарождения до современного состояния. Исследуются основные концепции, в рамках которых обосновывалось существование данной группы прав и свобод граждан, а также корреспондирующих им обязанностей государства. Предлагается авторская периодизация основных этапов развития научных идей в данной сфере.

Abstract: The article is devoted to the study of the history of the development of scientific ideas about the social rights and freedoms of man and citizen, from their inception to the present state. The main concepts within which the existence of this group of rights and freedoms of citizens, as well as the corresponding duties of the state, was justified are investigated. The author's periodization of the main stages of the development of scientific ideas in this field is proposed.

Ключевые слова: социальные права, позитивные права, право на достойное существование, права человека, конституционные права.

Keywords: social rights, positive rights, the right to a decent existence, human rights, constitutional rights.

Для цитирования: Коротовских А.А. История развития научных представлений о социальных правах и свободах человека и гражданина // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 186-189. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_186.

For citation: Korotovskih A.A. The history of the development of scientific ideas about the social rights and freedoms of man and citizen // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 186-189. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_186.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Социальные права человека как самостоятельная группа прав сформировались и получили нормативно-правовое закрепление как на международном, так и на внутригосударственном уровне только в XX веке. В то же время, сама концепция права человека на достойный уровень жизни появилась достаточно давно, причем основой для формирования подобных теоретических положений становились, как правило, идеи об обязанности государства заботиться о благосостоянии граждан.

Зарождение идей о социальных правах человека нередко связывают со взглядами Т. Гоббса и Дж. Локка, поскольку разработанная указанными философами теория общественного договора подразумевала своеобразное соглашение между государством и обществом, по которому у государства возникали определенные обязанности перед индивидом, а у индивида – права требовать от государства исполнения указанных обязанностей¹. Так, основоположником теории общественного договора Т. Гоббсом упоминалась обязанность государства заботиться о материальном благополучии населения, что в определенной степени можно назвать предпосылкой для формирования идей о социальной функции государства и о социальных правах человека². Однако, к основным обязанностям государства как Т. Гоббс, так и Дж. Локк, также являвшийся сторонником теории общественного договора, относили в первую очередь обеспечение безопасности граждан и их защищенности от внешних угроз³.

В значительной степени фундаментом для формирования теоретических представлений о социальных правах стали идеи представителей немецкой естественно-правовой мысли Нового времени – С. Пуфендорфа, Х. Томазия, Х. Вольфа. При этом все три мыслителя являлись сторонниками теории общественного договора, но в измененном и доработанном виде по сравнению с идеями Т. Гоббса и Дж. Локка, являющимися основоположниками данной теории.

В отличие от Т. Гоббса, С. Пуфендорф существенно расширял круг обязанностей, возлагаемых на суверена по отношению к подданным, считал, что государство обязано содействовать общему благу, а правителя рассматривал как «безличный инструмент государственного резона»⁴. В указанных идеях прослеживаются предпосылки для формирования в последующем идей о социальной функции государства, о его обязанностях обеспечивать достойное существование граждан и о праве граждан требовать этого от государства. Х. Томазий усматривал предназначение государства в обеспечении гражданского благополучия, в удовлетворении потребностей всех членов общества⁵.

¹ Ходусов А.А. Об идеях формирования социального государства // Московский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 25.

² Гоббс Т. Левифан / пер. с англ. А. Гутермана. – М.: Рипол Классик, 2016. – С. 45.

³ Локк Дж. Два трактата о правлении: монография / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. – 4-е изд. – М., 2020. – С. 62-64.

⁴ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: в 2 т. / пер. с нем. И. Кречетовского. – СПб., 1726. – Т. 2. – С. 465.

⁵ Фролова Е.А. Естественно-правовые теории в Германии (С. Пуфендорф, Х. Томазий, Х. Вольф) // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5 (197). – С. 49, 50.

В трудах Х. Вольфа были в значительной степени развиты и доработаны указанные мысли. В отличие от С. Пуфендорфа, Х. Томазия, а также основоположников теории общественного договора – Т. Гоббса и Дж. Локка, у Х. Вольфа государство имеет ярко выраженный патерналистский характер, выражающийся в обязанности правителя заботиться о своих подданных, следить за общественной и частной жизнью, принимать конкретные меры по улучшению образования граждан.

Согласно взглядам Х. Вольфа, право представляет собой свободу действий, необходимую для выполнения человеком своих нравственных обязанностей. Пределы такой свободы устанавливаются просвещенным монархом, основная роль которого, как уже было отмечено, состоит в заботе об общем благе и о развитии подданных. Для осуществления указанной заботы монарх обязан регулировать все сферы общественной жизни, включая экономическую, политическую, духовную, культурную сферы. В частности, монарх не только вправе, но и обязан обеспечивать предоставление подданным возможности работать, устанавливать на государственном уровне минимальный размер, в котором должен оплачиваться труд, регулировать цены на товары и требования к их качеству, содействовать развитию школьного образования, культуры и искусства, пресекать распространение «вредных» для общего блага и нравственности учений. Х. Вольф также называл конкретные меры, которые должны приниматься правителем в рамках заботы о воспитании и образовании подданных – создание новых учебных заведений, подготовка учителей и их подбор для работы в школах, обеспечение их материального благосостояния и высокого статуса в обществе; проведение различных культурных мероприятий¹.

Несмотря на определенные недостатки данной концепции, нельзя не признать, что ввиду ее ярко выраженного патерналистского характера она, безусловно, вносит существенный вклад в формирование идей о социальных и других позитивных правах человека, поскольку Х. Вольф обосновывает необходимость активных действий государства и принятия им конкретных мер по обеспечению общего блага и созданию условий для развития личности подданных.

XIX в. – начало XX в. стали периодом активного развития идей о социальных правах человека, в особенности в немецкой юридической и экономической науке, а также в русской философии. Одним из достижений данного периода стало возникновение концепции социального государства, основоположником которой был Л. фон Штейн. Согласно данной концепции, для недопущения социальных потрясений государство должно взять на себя ряд обязанностей в социальной сфере по отношению к гражданам, у которых в связи с этим возникают соответствующие социальные права².

Концепция социального государства получила дальнейшее развитие в трудах ряда других исследователей. Так, Ф. Науманн являлся сторонником либеральной концепции социального государства, которая носит компромиссный характер, при этом главной ее целью, как и у Л. фон Штейна, является сохранение существующего строя, в то время как А. Вагнером была сформулирована идея государства «всеобщего благоденствия», основанного на частичной национализации средств производства и проведении крупномасштабных социальных реформ³.

В значительной степени фундаментом для формирования учений о социальных правах стала концепция права на достойное существование, также получившая развитие в конце XIX – начале XX века. Одним из основоположников данной концепции являлся ученик Л. фон Штейна, австрийский юрист А. Менгер, которым была сформулирована система «экономических прав», имевших ярко выраженную социальную природу, включавшая в себя в том числе «право на существование», объединявшее в себе целый комплекс прав в сфере социальной защиты населения⁴.

Г. Еллинеком была сформулирована система субъективных публичных прав, особое место в которой занимали права человека на совершение государством позитивных действий, направленных на удовлетворение интересов личности⁵. Аналогичные классификации на базе трудов Г. Еллинека были сформулированы дореволюционными исследователями Ф.В. Тарановским⁶, Б.А. Кистяковским⁷.

В отечественной дореволюционной науке имели место различные трактовки права человека на достойное существование: одни авторы аргументировали существование данного права в первую очередь религиозно-нравственными причинами (В.С. Соловьев)⁸, другие – обосновывали необходимость построения социального правового государства, обеспечивающего гарантии права на достойное существование каждому в силу самой природы такого государства, и рассматривали данное право как субъективное публичное право (Б.А. Кистяковский)⁹, «право-притязание» по отношению к государству, на которое возлагалась обязанность обеспечить материальные условия свободы (П.И. Новгородцев)¹⁰. Особое место занимает позиция И.А. Покровского, который ограничивался формулировкой «право на существование», характеризуя его как субъективное право на обеспечение государством минимальных условий, необходимых для выживания индивида¹¹. Некоторые авторы (в частности, С.И. Гессен) рассматривали право на достойное существование как собирательное право, представляющее собой совокупность различных притязаний человека¹².

---

¹ Вольф Х. Логика, или Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды / пер. М. Бегичева. – СПб., 1765. – С. 51-53.

² Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательств Франции, Англии и Германии / пер. с нем. И.Е. Андреевского. – СПб.: Изд. А.С. Гиероглифова, 1874. – С. 82.

³ Олейникова Е.Г. Основы социального государства: учебно-методическое пособие. – Волгоград, 2014. – С. 11, 12.

⁴ Менгер А. Новое учение о государстве / пер. с нем. П. Тучапского; под ред. Б.А. Кистяковского. – 2-е изд. СПб., 1909. – С. 128-130.

⁵ Еллинек Г. Система субъективных публичных прав / пер. со 2-го нем. изд. под ред. А.А. Рождественского. – СПб., 1913. – С. 12.

⁶ Тарановский Ф.В. Новый опыт построения философии права в русской литературе. Очерки философии права / под ред. И.В. Михайловского. – Юрьев, 1915. – С. 23.

⁷ Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. 4 (84). – С. 507.

⁸ Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Типо-лит. Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. – С. 29.

⁹ Кистяковский Б.А. Указ. соч. – С. 507.

¹⁰ Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – С. 323.

¹¹ Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. Социально-философские этюды. – СПб., 1911. – С. 4.

¹² Гессен С.И. Избранные сочинения. М., 1998. – С. 183.

В целом важнейшим достижением рассматриваемого периода можно назвать обоснование идеи о существовании группы позитивных прав, предполагающих необходимость активных действий со стороны государства для обеспечения их реализации, в отличие от негативных прав (гражданских, политических), для осуществления которых достаточно было невмешательства государства.

В период с 1920-х гг. произошло возрастание интереса к идеям о социальных правах человека, что было обусловлено крупномасштабными мировыми политическими и социально-экономическими изменениями, последовавшими за Первой мировой войной. На данном этапе в западной науке получила широкое распространение и признание концепция так называемого «третьего пути», основанного на комбинировании рыночных элементов и государственного регулирования в экономике (либеральный социализм К. Россели, концепция государственного регулирования экономики Дж. Кейнса¹).

В свою очередь, в советской научной литературе активно транслировался взгляд, согласно которому только в социалистическом обществе существуют подлинны гарантии социально-экономических прав граждан². Социальные и экономические права граждан в советский период не разграничивались, при этом социальные права доминировали над экономическими, что нашло отражение в концепции социально-экономических прав. Данная концепция логически проистекала из плановой экономики, основанной на государственной собственности на средства производства³.

Так, именно с группы социально-экономических прав начиналась глава X Конституции СССР 1936 г., регламентировавшая права и обязанности граждан СССР⁴. В Конституции СССР 1977 г. (ст. 40-45) перечень социально-экономических прав был расширен⁵.

Социально-экономические права, как и другие группы прав человека, в советской доктрине не рассматривались как естественные и принадлежащие каждому от природы; они признавались правами, принадлежащими только трудящимся⁶. Социально-экономические права рассматривались как базис для реализации всех остальных групп прав человека⁷. В связи с этим данная группа прав закономерно рассматривалась как приоритетная по отношению к другим группам прав (личным и политическим).

В действующей Конституции РФ, в отличие от советских конституций, на первое место в главе, посвященной правам и свободам человека и гражданина (глава 2) поставлены личные и политические права граждан, после которых располагаются экономические, социальные и культурные права⁸. При этом четкие границы между последними тремя группами прав в настоящее время отсутствуют.

Некоторые современные конституционалисты, как и советские исследователи, объединяют социальные и экономические права в одну подгруппу социально-экономических прав, предназначенных для обеспечения свободы личностного развития человека и достойного уровня его жизни⁹. Большинство же современных исследователей (в частности, Е.А. Лукашева¹⁰, Л.В. Андриченко¹¹) выделяют социальные права человека в отдельную группу. При этом, как и ранее, признается высокая значимость социальных прав в системе прав человека¹². В современной научной литературе предлагаются различные определения понятия «социальные права», при этом центральное место в предлагаемых дефинициях занимает, как правило, предназначение социальных прав, состоящее в обеспечении достойного уровня жизни¹³.

Итак, можно выделить следующие основные этапы развития научных представлений о социальных правах и свободах человека и гражданина: 1) период до XIX века, когда социальные права граждан выводились из обосновываемых сторонниками теории общественного договора идей об обязанностях государства по обеспечению благополучия граждан и достойных условий человеческого существования (Т. Гоббс, Дж. Локк, С. Пуфендорф, Х. Томазий, Х. Вольф); 2) период с XIX в. по начало XX в., когда появились первые концепции социального государства (Л. фон Штейн, Ф. Науманн, А. Вагнер), получила свое развитие идея о существовании группы позитивных прав, предполагающих необходимость активных действий со стороны государства для обеспечения их реализации (А. Менгер, Г. Еллинек, В.С. Соловьев, Б.А. Кистяковский, П.И. Новгородцев и др.); 3) период с 20-х гг. XX в. по настоящее время, для которого характерно возрастание интереса к идеям о социальных правах человека; при этом, в отличие от советского периода, когда господствовала концепция социально-экономических прав человека, обладателями которых признавались только трудящиеся (Г.В. Мальцев), в настоящее время социальные права рассматриваются большинством авторов в качестве отдельной группы прав человека, принадлежащих каждому без исключения (Е.А. Лукашева, Л.В. Андриченко).

Проведенный анализ также свидетельствует о том, что в основе научных идей о социальных правах и свободах человека и гражданина всегда лежало представление об обязанности государства обеспечивать благополучие и достойное существование граждан. В связи с этим и в настоящее время возможность фактической реализации гражданами данной группы прав и свобод непосредственно зависит от того, насколько полно вы-

¹ Олейникова Е.Г. Указ. соч. – С. 15.

² Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. – М., 1987. – С. 10.

³ Аристов Е.В. Социальные права человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – С. 39.

⁴ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Утверждена чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.

⁵ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.

⁶ Мальцев Г.В. Социально-экономические права и свободы граждан СССР и их гарантии // Советское государство и право. – 1983. – № 2. – С. 116.

⁷ Аграновская Е.В., Витрук Н.В., Заведская Л.Н. и др. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1983. – С. 17.

⁸ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.

⁹ Утяшев М.М., Утяшева Л.М. Права человека в России: состояние и перспективы. Уфа, 1997. С. 20.

¹⁰ Лукашева Е.А. Права человека: Учебник. 2-е изд. – М., 2001. – С. 187.

¹¹ Андриченко Л.В. Проблемы судебной защиты социальных прав граждан Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 6.

¹² Шеварц Г. Экономические и социальные права // Российский бюллетень по правам человека. – Вып. 6. – М., 1995. – С. 24.

¹³ Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – С. 282; Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: Международные и конституционные правовые аспекты. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – С. 34.

полняются государством его обязанности в социальной сфере.

Библиография:

1. Ходусов А.А. Об идеях формирования социального государства // Московский юридический журнал. – 2019. – № 2. – С. 24-32.
2. Гоббс Т. Левиафан / пер. с англ. А. Гутермана. – М.: Рипол Классик, 2016. – 606 с.
3. Локк Дж. Два трактата о правлении: монография / пер. с англ. Е.С. Лагутина, Ю.В. Семенова. – 4-е изд. – М., 2020. – 496 с.
4. Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному: в 2 т. / пер. с нем. И. Кречетовского. – СПб., 1726. – Т. 2. – 537 с.
5. Фролова Е.А. Естественно-правовые теории в Германии (С. Пуфендорф, Х. Томазий, Х. Вольф) // Право и государство: теория и практика. – 2021. – № 5 (197). – С. 47-51.
6. Вольф Х. Логика, или Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды / пер. М. Бегичева. – СПб., 1765. – 304 с.
7. Штейн Л. фон. Учение об управлении и право управления с сравнением литературы и законодательства Франции, Англии и Германии / пер. с нем. И.Е. Андреевского. – СПб.: Изд. А.С. Гиероглифова, 1874. – 594 с.
8. Олейникова Е.Г. Основы социального государства: учебно-методическое пособие. – Волгоград, 2014. – 71 с.
9. Менгер А. Новое учение о государстве / пер. с нем. П. Тучапского; под ред. Б.А. Кистяковского. – 2-е изд. – СПб., 1909. – 326 с.
10. Еллинек Г. Система субъективных публичных прав / пер. со 2-го нем. изд. под ред. А.А. Рождественского. – СПб., 1913. – 16 с.
11. Тарановский Ф.В. Новый опыт построения философии права в русской литературе. Очерки философии права / под ред. И.В. Михайловского. – Юрьев, 1915. – 66 с.
12. Кистяковский Б.А. Государство правовое и социалистическое // Вопросы философии и психологии. – 1906. – Кн. 4 (84). – С. 469-507.
13. Соловьев В.С. Оправдание добра: Нравственная философия. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Типо-лит. Д.А. Бонч-Бруевича, 1899. – 615 с.
14. Новгородцев П.И. Сочинения. – М.: Раритет, 1995. – 448 с.
15. Новгородцев П.И., Покровский И.А. О праве на существование. Социально-философские этюды. – СПб., 1911. – 48 с.
16. Гессен С.И. Избранные сочинения. – М., 1998. – 812 с.
17. Микульский К.И., Роговин В.З., Шаталин С.С. Социальная политика КПСС. – М., 1987. – 352 с.
18. Аристов Е.В. Социальные права человека и гражданина в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 2005. – 186 с.
19. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик: Утверждена Чрезвычайным VIII Всесоюзным съездом Советов 5 декабря 1936 г. // Известия ЦИК Союза СССР и ВЦИК. – 1936. – № 283.
20. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости ВС СССР. – 1977. – № 41. – Ст. 617.
21. Мальцев Г.В. Социально-экономические права и свободы граждан СССР и их гарантии // Советское государство и право. – 1983. – № 2. – С. 115-123.
22. Аграновская Е.В., Витрук Н.В., Завадская Л.Н. и др. Реализация прав граждан в условиях развитого социализма / отв. ред. Е.А. Лукашева. – М.: Наука, 1983. – 264 с.
23. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СЗ РФ. – 01.07.2020. – № 31. – Ст. 4398.
24. Утяшев М.М., Утяшева Л.М. Права человека в России: состояние и перспективы. – Уфа, 1997. – 38 с.
25. Лукашева Е.А. Права человека: Учебник. 2-е изд. – М., 2001. – 573 с.
26. Андриченко Л.В. Проблемы судебной защиты социальных прав граждан Российской Федерации // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 5-17.
27. Шварц Г. Экономические и социальные права // Российский бюллетень по правам человека. – Вып. 6. – М., 1995. – С. 23-30.
28. Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник. – М.: Юрайт, 2011. – 581 с.
29. Иваненко В.А., Иваненко В.С. Социальные права человека и социальные обязанности государства: Международные и конституционные правовые аспекты. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 404 с.

References:

1. Khodusov A.A. On the ideas of forming a social state // Moscow Law Journal. – 2019. – No. 2. – pp. 24-32.
2. Hobbes T. Leviathan / translated from English by A. Guterman. – M.: Ripoll Classic, 2016. – 606 p.
3. Locke J. Two treatises on government: a monograph / translated from English by E.S. Lagutina, Yu.V. Semenova. – 4th ed. – M., 2020. – 496 p.
4. Pufendorf S. On the position of a person and a citizen according to the law of nature: in 2 vols. / translated from German by I. Krechetovsky. – St. Petersburg, 1726. – Vol. 2. – 537 p.
5. Frolova E.A. Natural law theories in Germany (S. Pufendorf, H. Tomasy, H. Wolf) // Law and the state: theory and practice. – 2021. – № 5 (197). – Pp. 47-51.
6. Wolf H. Logic, or Reasonable thoughts about the forces of the human mind and their proper use in the knowledge of truth / per. M. Begicheva. – St. Petersburg, 1765. – 304 p.
7. Stein L. von. The doctrine of management and the law of management with a comparison of literature and legislation of France, England and Germany / translated from German by I.E. Andreevsky. St. Petersburg: Publishing house of A.S. Hieroglyphov, 1874. – 594 p.
8. Oleynikova E.G. Fundamentals of the social state: educational and methodical manual. – Volgograd, 2014. – 71 p.
9. Menger A. The New doctrine of the state / translated from German by P. Tuchapsky; edited by B.A. Kistyakovsky. – 2nd ed. – St. Petersburg, 1909. – 326 p.
10. Jellinek G. The system of subjective public rights / trans. from the 2nd German edition, edited by A.A. Rozhdestvensky. – St. Petersburg, 1913. – 16 p.
11. Taranovsky F.V. New experience of building the philosophy of law in Russian literature. Essays on the Philosophy of Law / edited by I.V. Mikhailovsky. – Yuryev, 1915. – 66 p.
12. Kistyakovsky B.A. The legal and socialist state // Questions of philosophy and psychology. - 1906. – Book 4 (84). – pp. 469-507.
13. Solovyov V.S. Justification of good: Moral philosophy. – 2nd ed., ispr. and additional. – M.: Typo-lit. D.A. Bonch-Bruevich, 1899. – 615 p.
14. Novgorodtsev P.I. Essays. – M.: Rarity, 1995. – 448 p.
15. Novgorodtsev P.I., Pokrovsky I.A. On the right to exist. Social and philosophical studies. – St. Petersburg, 1911. – 48 p.
16. Gessen S.I. Selected works. – M., 1998. – 812 p.
17. Mikulsky K.I., Rogovin V.Z., Shatalin S.S. Social policy of the CPSU. – M., 1987. – 352 p.
18. Aristov E.V. Social rights of man and citizen in the Russian Federation: diss. ... cand. Jurid. Sciences. – M., 2005. – 186 p.
19. Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics: Approved by the Extraordinary VIII All-Union Congress of Soviets on December 5, 1936 // Izvestiya CEC of the USSR and the Central Executive Committee. – 1936. – № 283.
20. The Constitution (Basic Law) of the Union of Soviet Socialist Republics (adopted by the USSR Armed Forces on 07.10.1977) // Vedomosti of the USSR Armed Forces. – 1977. – No. 41. – Article 617.
21. Maltsev G.V. Socio-economic rights and freedoms of citizens of the USSR and their guarantees // The Soviet State and law. - 1983. – No. 2. – pp. 115-123.
22. Agranovskaya E.V., Vitruk N.V., Zavadskaya L.N., etc. Realization of citizens' rights in conditions of developed socialism / ed. by E.A. Lukasheva. – M.: Nauka, 1983. – 264 p.
23. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 07/01/2020) // SZ RF. – 01.07.2020. – No. 31. – Article 4398.
24. Utyashev M.M., Utyasheva L.M. Human rights in Russia: status and prospects. Ufa, 1997. 38 p.
25. Lukasheva E.A. Human rights: Textbook. 2nd ed. – M., 2001. – 573 p.
26. Andrichenko L.V. Problems of judicial protection of social rights of citizens of the Russian Federation // Journal of Russian Law. - 2016. – No. 9. – pp. 5-17.
27. Schwartz G. Economic and social rights // The Russian Bulletin on Human Rights. – Issue 6. – M., 1995. – pp. 23-30.
28. Nudnenko L.A. Constitutional law of Russia: textbook. – M.: Yurait, 2011. – 581 p.
29. Ivanenko V.A., Ivanenko V.S. Social human rights and social responsibilities of the state: International and constitutional legal aspects. St. Petersburg: Law Center Press, 2003. – 404 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_190

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ В РЕСПУБЛИКЕ УЗБЕКИСТАН Main directions of administrative reform in the Republic of Uzbekistan

РЕДКОУС Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: rwmms@rambler.ru;

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,

Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.

E-mail: rwmms@rambler.ru

Краткая аннотация: в статье проанализированы основные направления административной реформы, проводимой в Республике Узбекистан (далее – РУз), и направленной на повышение эффективности республиканской системы публичной власти.

Abstract: The article analyzes the main directions of administrative reform carried out in the Republic of Uzbekistan, and aimed at increasing the efficiency of the republican system of public authority

Ключевые слова: система государственного управления; административное право; административная реформа; правительство; органы исполнительной власти; эффективность.

Keywords: public administration system; administrative law; administrative reform; government; executive agencies; efficiency

Для цитирования: Редкоус В.М. Основные направления административной реформы в Республике Узбекистан // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 190-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_190.

For citation: Redkous, V.M. Main directions of administrative reform in the Republic of Uzbekistan // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 190-193. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_190.

Статья поступила в редакцию: 02.05.2024

В.С. Горбань и А.Н. Савенков справедливо отмечают, что в настоящее время в мире происходят изменения, которые формируют новые принципы социального устройства, обуславливают иные требования к качеству государственного управления и направлениям государственного строительства, определяют основы новых векторов развития права и правоведения, справедливо отмечают в своей работе¹. Потребности совершенствования государственного управления влекут необходимость реформирования её системы, что должно осуществляться на хорошо разработанной научной основе². В этих целях необходимо анализировать положительный зарубежный опыт, в том числе и государств СНГ, в области проведения административных реформ³.

Рассмотрим Указ Президента РУз от 21 декабря 2022 г. № УП-269 «О мерах по реализации административных реформ Нового Узбекистана» (далее – Указ)⁴. Отмечено, что в последние годы в РУз реализованы масштабные административные реформы, направленные на создание эффективной системы управления, являющейся важным условием построения Нового Узбекистана. В частности, была оптимизирована структура государственных органов в среднем на 15 процентов путем сокращения несвойственных им задач и широкого внедрения в деятельность цифровых технологий, а также сокращены 40 должностей заместителей руководителей в 26 государственных органах и организациях. В целях сокращения бюрократических барьеров и улучшения системы оказания государственных услуг за счет внедрения в деятельность государственных органов современных принципов управления отменено около 30 видов лицензий и разрешительных документов, упрощено свыше 70 государственных услуг, отменено требование государственными организациями более 60 документов. Число пользователей системы «Электронное правительство» превысило 4 миллиона, посредством которой созданы возможности доступа к свыше чем 130 информационным ресурсам государственных органов. Налажено оказание в онлайн-формате почти 350 видов услуг на Едином портале интерактивных государственных услуг.

В целях формирования в условиях Нового Узбекистана отвечающей современным требованиям компактной системы государственного управления, повышения ответственности руководителей государственных органов путем упрощения процессов рассмотрения вопросов и принятия

¹ Горбань В. С., Савенков А. Н. В.С. Нерсесянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому // Государство и право. 2023. № 9. С. 7-18.

² Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88; Кроткова Н.В., Пожарский Д.В. Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 165-180.

³ Редкоус В.М., Гарина О.В. Отдельные аспекты конституционного развития государств - участников СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы государственно-правового строительства : сборник статей, К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации, Орёл, 22 ноября 2023 года. – Орёл: Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова, 2023. – С. 94-98.

⁴ Указ Президента Республики Узбекистан от 21 декабря 2022 г. № УП-269 «О мерах по реализации административных реформ Нового Узбекистана» // URL: <https://lex.uz/ru/docs/6324798> (дата обращения: 25.04.2024).

решений, ориентации их деятельности на результативность, а также обеспечения реализации программы административных реформ Нового Узбекистана Президентом страны предложен и реализуется целый ряд мер.

Так, с 1 января 2023 года в РУз внедряется система работы руководителей органов исполнительной власти (далее – ОИВ), являющихся членами Кабинета Министров РУз (далее — Кабинет Министров / Правительство), непосредственно с Премьер-министром, независимо от структурных подразделений Кабинета Министров. Определено, что руководитель ОИВ, являющийся членом Правительства: несет ответственность за проведение единой государственной политики в соответствующей сфере и достижение установленных целевых показателей по ее развитию; обеспечивает ведение в системе кадровой политики независимо от аппарата Кабинета Министров в соответствии с законодательством о государственной службе.

В исполнительной структуре Кабинета Министров упразднены секретариаты, департаменты по экономике и социальным сферам и отделы при них, а также Инспекция по охране культурного наследия, Отдел финансового и материально-технического обеспечения деятельности военизированных структур, Отдел по вопросам поддержки махалли и старшего поколения. В исполнительной структуре Кабинета Министров образованы 4 должности заместителя Премьер-министра, а также Секретариат Премьер-министра, осуществляющий правовое, организационно-техническое, информационно-аналитическое и протокольное обеспечение деятельности руководителя Правительства. Утверждена обновленная исполнительная структура Кабинета Министров.

Внедрен следующий порядок внесения в Кабинет Министров, рассмотрения и доклада проектов нормативно-правовых актов (далее – НПА) и других актуальных вопросов, относящихся к полномочиям Правительства: 1) проекты НПА и вопросы вносятся в Правительство в установленном порядке непосредственно министрами и руководителями других независимых ОИВ. При этом, организациями с участием государства и хозяйственными объединениями проекты НПА и другие вопросы вносятся через министра или руководителя другого независимого ОИВ, осуществляющего государственную политику в соответствующей сфере; 2) поступившие проекты НПА передаются в Департамент информационно-аналитического и юридического обеспечения для рассмотрения, проведения финансово-экономической и правовой экспертизы, оценки регуляторного воздействия и определения конфликта интересов, а также внесения для доклада; 3) готовые к докладу проекты НПА и иные вопросы одобряются или отклоняются в Кабинете Министров в коллегиальном порядке; 4) одобренные проекты НПА и, в случае необходимости, другие вопросы в установленном порядке вносятся в Администрацию Президента РУз (или принимаются); 5) при коллегиальном рассмотрении вопросов в Кабинете Министров, по мере необходимости, приглашаются средства массовой информации.

Премьер-министру предоставляются следующие права: вносить изменения в исполнительную структуру секретариата Премьер-министра в рамках его общей штатной численности, с учетом значимости регулирования вопросов и решения приоритетных задач; создавать рабочие группы и согласительные комиссии для изучения актуальных направлений экономики и социальной сферы, разработки по ним предложений, а также устранения возникших разногласий; определять размеры средств для дополнительного поощрения на основании результативности деятельности проявившего себя управленческого персонала секретариата Премьер-министра.

Принято предложение Совета Агентства стратегических реформ при Президенте РУз о формировании с 1 января 2023 года в рамках первого этапа административных реформ Нового Узбекистана компактной, единой системы республиканских органов исполнительной власти, основанной на принципах профессионального управления и ориентированной на результат, включающей в себя министерства, комитеты, агентства и инспекции.

Определено, что:

министерство — республиканский орган исполнительной власти, разрабатывающий и реализующий единую государственную политику в соответствующих сферах, координирующий деятельность органов исполнительной власти в определенном направлении, а также организующий деятельность по внутрисистемному руководству на основе единоначалия;

комитет — республиканский орган исполнительной власти, координирующий и регулирующий внутриотраслевую деятельность в соответствующей сфере и организующий деятельность по внутрисистемному руководству на коллегиальной основе, а также функционирующий в организационном подчинении министерства;

агентство — республиканский орган исполнительной власти, осуществляющий в качестве своей основной задачи оказание государственных услуг в соответствующей сфере и иные предусмотренные актами законодательства правоприменительные функции, а также функционирующий в организационном подчинении министерства;

инспекция — республиканский орган исполнительной власти, осуществляющий в качестве своей основной задачи государственный надзор и контроль в соответствующих сферах и отраслях, а также функционирующий в организационном подчинении министерства.

Установлено, что в соответствии с актами законодательства могут быть образованы комитеты, агентства и инспекции, имеющие особый статус и подчиняющиеся Президенту РУз и (или) Кабинету Министров.

Одобрено предложение Совета Агентства стратегических реформ при Президенте РУз о сокращении в рамках первого этапа административных реформ Нового Узбекистана с 1 января 2023 г. количества независимых республиканских ОИВ с 61 до 28, в том числе министерств — с 25 до 21. Предложено утвердить типовое положение, регулирующее деятельность республиканских ОИВ, в котором предусмотреть сферу ответственности руководителя республиканского ОИВ и его заместителей, четкое разграничение задач и функций республиканских, областных и районных подразде-

лений, а также критерии оценки эффективности и результативности деятельности и показатели (индикаторы) работы в разрезе территорий.

В целях дальнейшего повышения ответственности за налаживание эффективной работы республиканских органов исполнительной власти с 1 января 2023 года: Президентом РУз определяются целевые показатели (индикаторы), которые должны быть достигнуты в течение года каждым республиканским органом исполнительной власти; в начале каждого года руководителем республиканского органа исполнительной власти разрабатывается и представляется общественности программа действий по достижению установленных целевых показателей (индикаторов) в разрезе своих заместителей; в соответствии с программой действий руководителями территориальных подразделений республиканских ОИВ разрабатывается и представляется общественности региональная программа развития по достижению целевых показателей (индикаторов); налаживается практика представления и опубликования до завершения года руководителями республиканских ОИВ и их территориальных подразделений отчета о состоянии реализации программы действий и региональных программ развития, а также достижения целевых показателей (индикаторов). Определено, что руководитель республиканского ОИВ непосредственно подотчетен перед палатами Олий Мажлиса, Президентом Республики Узбекистан и общественности.

В целях повышения институциональной независимости республиканских ОИВ устанавливается порядок, в соответствии с которым Президентом РУз и Кабинетом Министров определяются организационная структура, штатная численность и количество заместителей руководителя, а также направления деятельности республиканского ОИВ. При этом: отменяется практика утверждения Президентом РУз и Кабинетом Министров структуры центрального аппарата и территориальных подразделений; руководителям республиканских ОИВ предоставляется право в рамках выделенных средств и исходя из поставленных задач утверждать структуры и штатную численность центрального аппарата и территориальных подразделений; руководителям республиканских ОИВ предоставляется полномочие исходя из потребностей и условий в регионе образовывать областные либо районные (городские) подразделения или создавать их межрайонные (межобластные) формы.

Агентству развития государственной службы совместно с Министерством юстиции в двухмесячный срок предложено внести в Администрацию Президента РУз проект постановления, предусматривающий перечень подразделений и должностей, обязательных для образования в структуре республиканских ОИВ, их критерии, а также нормативы соотношения руководителей и исполнителей.

Совет Агентства стратегических реформ при Президенте РУз определен ответственным за координацию реализации настоящего Указа, а также достижение следующих целевых показателей: оптимизация штатной численности ОИВ, в том числе руководящих должностей, до 30 процентов, а также внедрение справедливой системы оплаты труда; налаживание в соответствии с новыми требованиями данного Указа эффективной деятельности ОИВ, проходящих трансформацию в рамках административных реформ; внедрение эффективной системы работы с регионами путем повышения финансовой и институциональной независимости руководителей; сокращение не менее чем на 10 процентов функций республиканских ОИВ путем их упорядочения; увеличение не менее чем в 3 раза количества государственных функций, передаваемых частному сектору, широкое внедрение механизмов государственно-частного партнерства и аутсорсинга; достижение должного соотношения руководителей и исполнителей в системе ОИВ; налаживание деятельности руководителей на основании предложений населения и усиление их подотчетности перед общественностью. Обеспечение принятия мер по реформированию республиканских ОИВ на всех этапах административных реформ возложено на Совет Агентства стратегических реформ при Президенте РУз.

Кабинету Министров предложено исходя из требований настоящего Указа внести проект нового Закона «О Кабинете Министров Республики Узбекистан», предусматривающий: определение механизмов непосредственной работы членов Правительства с Премьер-министром, повышение их статуса в процессе принятия решений в Кабинете Министров; кардинальное повышение ответственности Правительства в обеспечении развития территорий, инфраструктуры, экономики, финансов, денежно-кредитной и социальной сферы; усиление независимости и ответственности членов Правительства в управленческих, кадровых, финансовых и иных направлениях; определение статуса органов исполнительной власти, в том числе в разрезе их республиканских и территориальных подразделений, конкретного порядка их образования и упразднения, а также разграничивающих критериев.

Национальному информационному агентству РУз, Национальной телерадиокомпании РУз, Агентству информации и массовых коммуникаций предложено организовать в средствах массовой информации широкое освещение целей и задач настоящего Указа.

Таким образом, Республика Узбекистан и законодательство СНГ в целом предлагают нам для анализа опыт реформирования системы государственного управления и органов исполнительной власти, который может быть как пригодным для России, так и непригодным. Однако в любом случае этот опыт необходимо учитывать для повышения эффективности функционирования российской системы публичного управления¹.

¹ Кобзарь-Фролова М.Н., Соколов А.Ю. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022»): обзор // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 297-304 ; Соколов А.Ю., Астахова Е.А. Обзор круглого стола с международным участием «Правовая политика в сфере романского (процедурный) и немецко-австрийского (институциональный) процесса: развитие и влияние»: 19.10.2023 // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 4. – С. 386-394.

Библиография:

1. Горбань В. С., Савенков А. Н. В.С. Нерсесянц как философ права переходного периода: от советского к постсоветскому // Государство и право. 2023. № 9. С. 7-18.
2. Виноградова Е.В., Кобзарь-Фролова М.Н. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.
3. Кобзарь-Фролова М.Н., Соколов А.Ю. Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022»): обзор // Правовая политика и правовая жизнь. – 2022. – № 1. – С. 297-304.
4. Кроткова Н.В., Пожарский Д.В. Российская государственность и вызовы XXI века // Государство и право. – 2022. – № 5. – С. 165-180.
5. Редкоус В.М., Гарина О.В. Отдельные аспекты конституционного развития государств - участников СНГ в контексте обеспечения национальной безопасности // Актуальные проблемы государственно-правового строительства : Сборник статей, К 30-летию принятия Конституции Российской Федерации, Орёл, 22 ноября 2023 года. – Орёл: Орловский юридический институт МВД РФ им. В.В. Лукьянова, 2023. – С. 94-98.
6. Соколов А.Ю., Астахова Е.А. Обзор круглого стола с международным участием «Правовая политика в сфере романского (процедурный) и немецко-австрийского (институциональный) процесса: развитие и влияние»: 19.10.2023 // Правовая политика и правовая жизнь. – 2023. – № 4. – С. 386-394.

References:

1. Gorban V.S., Savenkov A.N.V.S. Nersesyants as a philosopher of law in the transitional period: from Soviet to post-Soviet // State and Law. 2023. No. 9. P. 7-18.
2. Vinogradova E.V., Kobzar-Frolova M.N. International scientific and practical conference "Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings – 2022") // Administrative law and process. – 2022. – No. 5. – P. 79-88.
3. Kobzar-Frolova M.N., Sokolov A.Yu. Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings – 2022"): review // Legal policy and legal life. – 2022. – No. 1. – P. 297-304.
4. Krotkova N.V., Pozharsky D.V. Russian statehood and challenges of the 21st century // State and law. – 2022. – No. 5. – P. 165-180.
5. Redkous V.M., Garina O.V. Selected aspects of the constitutional development of the CIS member states in the context of ensuring national security // Current problems of state-legal construction: Collection of articles, To the 30th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation, Orel, November 22, 2023. – Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after. V.V. Lukyanova, 2023. – pp. 94-98.
6. Sokolov A.Yu., Astakhova E.A. Review of the round table with international participation "Legal policy in the sphere of the Romanesque (procedural) and German-Austrian (institutional) process: development and influence": 10.19.2023 // Legal policy and legal life. – 2023. – No. 4. – P. 386-394.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_194

УДК 34

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ПОЛИЦИИ К ДЕЙСТВИЯМ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЯХ

Foreign experience in the professional training of special police units to act in emergency situations

НАЗАРОВА Ирина Сергеевна,

профессор кафедры конституционного и административного права факультета (командного) Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент.
ул. Лётчика Пилутова, 1, г. Санкт-Петербург, 198206, Россия.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

КАЙНОВ Владимир Иванович,

Профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор. парк Александровский, 5, г. Санкт-Петербург, 197046, Россия.
E-mail: kaynov_v@mail.ru;

NAZAROVA Irina Sergeevna,

Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Faculty (command) Of the St. Petersburg Military Order of Zhukov of the Institute of the National Guard of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor.
Pilyutova Pilot str., 1, St. Petersburg, 198206, Russia.
E-mail: irina-nazarova@inbox.ru;

KAINOV Vladimir Ivanovich,

Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the North-Western Branch Russian State University of Justice, Doctor of Law, Professor.
Alexandrovsy Park, 5, St. Petersburg, 197046, Russia.
E-mail: kaynov_v@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается зарубежный опыт профессиональной подготовки специальных подразделений полиции к действиям в чрезвычайных ситуациях.

Abstract: The article examines the foreign experience of professional training of special police units to act in emergency situations.

Ключевые слова: органы внутренних дел, чрезвычайная ситуация, контртеррористическая операция, терроризм, экстремизм.

Key words: internal affairs agencies, emergency, counter-terrorism operation, terrorism, extremism.

Для цитирования: Назарова И.С., Кайнов В.И. Зарубежный опыт профессиональной подготовки специальных подразделений полиции к действиям в чрезвычайных ситуациях // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 194-197. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_194.

For citation: Nazarova I.S., Kainov V.I. Foreign experience in the professional training of special police units to act in emergency situations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 194-197. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_194.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

В зарубежных странах большое внимание уделяется разработке программ обеспечения работы полицейских в стрессовых, чрезвычайных ситуациях¹.

Так, в Германии полиция земли Северный Рейн-Вестфалия разработала программу обучения своих сотрудников методам управления эмоциями и искусству общения, что позволяет справляться с стрессовыми ситуациями и оказывает положительное воздействие, как на повседневную работу полицейских, так и на характер проводимых полицией крупномасштабных операций².

Сотрудники полиции обязаны принимать объективные решения даже в тех случаях, когда эмоции нагнетаются настолько, что возникает состояние взрывоопасной раздражительности или даже когда эмоции намеренно раздуваются. Разработанная программа обеспечивает приемлемое поведение полицейских в стрессовых ситуациях.

Модель программы предусматривает достижение ряда целей: безопасность полицейского должна обеспечиваться необходимыми и разрешенными способами без использования насильственных мер; сотрудники полиции не должны применять методы физического, психологического и психического воздействия; характерные черты демократического общества должны находить отражение в умении полиции справляться с работой в

¹ Шеншин, В. М. Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов иностранных государств: сравнительно-правовое исследование / В. М. Шеншин // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : Материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частях. Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 1049-1054. – EDN VAZZCD.

² Программа поведения сотрудников полиции земли Северный Рейн-Вестфалия (Германия) во время стрессовых ситуаций", Орнамент", №179,1990

конфликтных ситуациях; сотрудники полиции должны овладеть профессиональными знаниями в области общения с людьми.

Работа сотрудника полиции полна стрессовых и конфликтных ситуаций. Источники стрессов можно разделить на три категории: условия и атмосфера, существующие на работе; столкновения с острыми ситуациями во время несения службы; взаимодействие с общественным реагированием и с системой уголовного правосудия: отрицательные замечания, критика со стороны прессы, нанесение оскорблений, слишком мягкие приговоры.

Программа предусматривает разделение подготовки полицейских на краткосрочные и долгосрочные задачи. Краткосрочное преодоление стрессовых ситуаций может быть достигнуто при полном расслаблении мускулов, психологической отрешенности и усилении воздействия на вызывающие стрессовое состояние элементы. Долгосрочная стратегия включает обучение методом преодоления возникающих проблем, альтернативным преодолением социальных конфликтов и способности анализировать собственную неправильную позицию.

Проведенный научный анализ позволил установить следующее: участники подготовки повысили способность к физической и психологической релаксации; стали более упорными в работе, а также повысилась их уверенность в собственных способностях и силах; участники подготовки в условиях внешнего давления вели себя более действенно, стали более подготовленными для принятия собственных решений; они испытывают меньше трудностей при поисках подходов к другим людям, свободно обращаются к ним, немедленно вступают в дискуссию и лучше узнают других людей; значительно снизилось число вегетативных расстройств, головных болей, неврозов, беспокойства и истощения, а также желудочных заболеваний.

Таким образом, подготовка полицейских к преодолению стрессовых и конфликтных ситуаций - важный вклад в помощь полиции, стремящейся избавиться от существующей в настоящее время изоляции, встречающегося, подчас, безмолвия и двух смысленных отношений с гражданами.

Также можно отметить опыт работы специальных подразделений полиции штата Калифорния (США), который показывает, что специальные подразделения полиции создаются при каждом департаменте полиции из числа аттестованных сотрудников. Обстоятельства, требующие применения специальных групп:¹ отсутствует возможность арестовать подозреваемого за пределами его жилища, и разрешение ситуации находится за пределами возможностей сотрудников полиции, работающих по делу; имеется информация, что преступник забаррикадировал вход в жилище; имеются сведения о том, что подозреваемый ранее совершал преступления с применением оружия или является членом преступной группы; захвачены заложники.

В состав групп входят: командир - лейтенант, несущий общую ответственность за деятельность группы; лидер - сержант, контролирующий действия группы и отвечающий за тактическую сторону операции; разведчик - заместитель лидера; помощник разведчика; снайпер; наблюдатель - производит охрану и связь для снайпера; два фельдшера - сотрудники полиции, специально обученные для оказания экстренной медицинской помощи сотрудникам полиции и гражданам.

Запрос на применение специальной группы должен делаться сержантом или лейтенантом подразделения. При заблаговременном запросе руководитель специальной группы вместе с детективами участвует в планировании операции. От детективов требуется: предварительная информация о подозреваемом (имя, описание внешности, служба в армии, психическое состояние, находится ли в розыске, проверка по учетам).

Для должного обеспечения операции необходимо проведение следующих подготовительных мероприятий: подготовлен чертеж строения, наличие собак и сигнализации; разработан общий план с учетом имеющейся информации с указанием обязанностей каждого участника; извещен руководитель патрульной службы и другие органы полиции, на территории которых проводится операция.

А в подготовке сотрудников специальных подразделений полиции, используемых при освобождении заложников, большое внимание отводится переговорщикам². Переговорщики, используемые при захвате заложников террористами, — это сотрудники полиции, чьи обязанности заключаются в том, чтобы вести переговоры с террористами и склонить их к идее освобождения захваченных заложников. Использование переговорщиков имеет преимущество перед всеми другими альтернативными возможностями, однако особенно важно знать кого, как, когда и до какой степени использовать в этих целях. Для кандидатов в переговорщики составляется перечень квалификационных требований, в которых определяются обязанности.

При этом важно соблюдение следующих требований: подбор переговорщиков должен осуществляться на добровольной основе; кандидаты должны пройти проверку психологического состояния для определения их пригодности на роль переговорщиков.

Кроме того, кандидаты должны обладать следующими качествами: сообразительность, интерес к людям, реакция, самообладание. Прежде всего, кандидат в переговорщики должен пройти полный основной курс подготовки по вопросам ведения переговоров. Первоначальная подготовка или курсы — это только начало, переговорщики нуждаются в регулярной практической подготовке, включающей тактические операции, проигрывание роли и т.п. Руководители подготовки должны готовить сценарии, которые создавали бы для обучающихся как можно большее количество различных ситуаций. Параллельно с основным курсом подготовки кандидатов в переговорщики обучают основам психологии, социологии, связи.

Роты республиканской безопасности выполняют не только функции по обеспечению охраны общественного порядка, но и осуществляют следующие важные задачи: охрану порядка при перемещении руководителей страны и правительства во время празднования знаменательных дат на территории с трапы; обеспечение общей безопасности граждан, как, например, борьба с преступностью, терроризмом в крупных населенных пунктах

---

¹ Опыт работы специальных подразделений полиции штата Калифорния (США) по материалам Управления международных связей МВД РФ Орнамент", №179, 1990

² Подготовка переговорщиков, используемых при захвате заложников террористами, переговорщиков и перечисляются критерии их отбора. Ле энд Ордер, №9, 1987.

или в аэропортах, оказание помощи на воде или в горах.

Во Франции охране общественного порядка со стороны властей уделяется пристальное внимание. Лица, занимающиеся поддержанием правопорядка, традиционно бдительны при исполнении своих функций, ибо понимают, что соприкасаются с общественными свободами, которые должны защищаться. Согласно Декларации прав человека и гражданина полицейские власти при исполнении своих задач руководствуются, в первую очередь, принципами нейтралитета. В Декрете от 18 марта 1966г. говорится, что подразделения, призванные поддерживать общественный порядок, обязаны при любых обстоятельствах строго руководствоваться, прежде всего, законностью действий. Особенно подчеркивается, что применение силы должно быть адекватно выполнению задачи и незамедлительно прекратится, как только цель достигнута. Специалисты считают, что во время проведения операций решительность и твердость, необходимые для успешного выполнения задания, ни в коей мере не должны вытеснять из души каждого полицейского этику поведения. В этой связи следует отметить, что в США, например, большинство сотрудников полиции старается сотрудничать с демонстрантами, пытается найти с ними общий язык, так как понимает, что дубинками проблему не решить.

Полиция в форме осуществляет контроль над толпой, ответственность за личную безопасность важного лица возложена на полицейских в штатском. Оба аспекта взаимосвязаны. Полицейские, одетые в штатское, не должны отличаться от окружающих людей и быть похожи на полицейских, а также сближаться с полицейскими в форме.

Они следят за каждым подозрительным движением любого человека в толпе. Эти полицейские проходят частную тренировочную подготовку в вопросах маскировки.

По обеспечению общественного порядка и безопасности во время массовых мероприятий (митингов, собраний, благотворительных мероприятий и т.д.) полиция оценивает с максимально возможной точностью примерную численность людей, которые могут собраться на мероприятие для того, чтобы определить соответствующие потребности в полицейских силах в связи с предстоящим событием.

В любой большой толпе существует возможность возникновения инцидента, ведущего к смятению и панике. Неукоснительное требование: полиция обращается с публикой вежливо, не допускает резкости или грубостей в разговоре, но проявляет твердость при исполнении своих служебных обязанностей.

Сотрудники полиции должны стремиться понять психологию толпы, чтобы лучше контактировать с ней. Любое неправильное действие полицейского может превратить случайную, возбужденную или обычную группу людей в агрессивную толпу. В первом случае действия полиции, как правило, спланированы заранее, а ответственные за проведение операции должны помнить о необходимости проведения следующих видов работ: сбор информации и оценка обстановки; осуществление превентивных арестов и принятие других профилактических мер; размещение сил полиции; постоянное наблюдение за развитием обстановки; целесообразность использования минимально необходимых сил; подготовка операции по разгону участников беспорядков.

Опыт обеспечения мобилизационной готовности и организации деятельности городской полиции США на первоначальных этапах возникновения и развития уличных беспорядков также представляет определенный интерес и для органов внутренних дел нашей страны.¹

Важным элементом мобилизационной готовности городских департаментов полиции к действиям в условиях чрезвычайных обстоятельств является разработка инструкций, определяющих мероприятия полиции по предотвращению и пресечению массовых беспорядков. Согласно рекомендациям министерства юстиции США эти инструкции должны содержать следующее:

- детальное описание (с учетом местных условий) признаков назревания массовых беспорядков, а также методические указания по оценке вероятности возникновения беспорядков среди городского населения;
- четкое изложение конкретных действий сотрудников полиции (в основном патрульной службы), которые первыми сталкиваются с проявлениями массовых беспорядков;
- описание основных тактических приемов предупреждения и пресечения массовых беспорядков в период подготовки и проведения политических, зрелищных и других крупных мероприятий"

К основным признакам назревания массовых беспорядков американские полицейские специалисты относят:

- увеличение числа телефонных сообщений в полицию о нарушениях порядка, связанных с конфликтами между группами населения;
- возникновение инцидентов с полицейскими, прибывшими на место происшествия по вызову и ставшими при выполнении своих обязанностей объектами: оскорблений со стороны населения, столкновение между различными "уличными" группировками молодежи и подростков;
- нападение на полицейских: с угрозами физического насилия;
- рост количества жалоб граждан на неправильные действия полицейских, особенно злоупотребление силой;
- существенное уменьшение числа жителей, желающих оказывать помощь полицейским при выполнении ими своих обычных обязанностей;

¹ См. Об опыте обеспечения готовности полиции США к уличным беспорядкам. М, МВД СССР, Экспресс информация, №71, 1991.

резкое повышение потребления алкоголя и наркотиков.

Мероприятия по сбору оперативной информации в полицейских департаментах крупных городов проводятся, как правило, специальными подразделениями патрульно-постовой службы, так называемыми "группами тактического патруля". Участники этих групп - опытные, физически выносливые патрульные, действующие в штатской одежде, используют автотранспорт без полицейских знаков.

Вся оперативная информация, имеющая отношение к проблемам массовых беспорядков и волнений, обрабатывается и анализируется в специальном отделе (секторе) информационно аналитической службы городского департамента полиции. В крупных городах США для прогнозирования массовых беспорядков используются возможности ЭВМ. К аналитической работе в специальном отделе привлекаются не только полицейские, но и гражданские психологи, социологи-эксперты по проблемам отклонения поведения крупных скоплений людей, а также представители городских властей.

Таким образом, результаты позитивного опыта полиции зарубежных стран целесообразно использовать в аналогичных ситуациях и органам внутренних дел России, естественно, с определенной адаптацией к условиям нашего государства.

Библиография:

1. Об опыте обеспечения готовности полиции США к уличным беспорядкам. М, МВД СССР, Экспресс информация, №71, 1991.
2. Опыт работы специальных подразделений полиции штата Калифорния (США) По материалам Управления международных связей МВД РФ Орнамент", №179, 1990
3. Шеншин, В. М. Административно-юрисдикционная деятельность правоохранительных органов иностранных государств: сравнительно-правовое исследование / В. М. Шеншин // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 25-летию Санкт-Петербургского университета МВД России) : Материалы XX международной научно-теоретической конференции. В 2-х частях, Санкт-Петербург, 27–28 апреля 2023 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2023. – С. 1049-1054. – EDN VAZZCD.

References:

1. About the experience of ensuring the readiness of the US police for street riots. M, Ministry of Internal Affairs of the USSR, Express information, No. 71, 1991.
2. Work experience of special units of the California State Police (USA) Based on the materials of the Department of International Relations of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation Ornament", No. 179, 1990
3. Shenshin, V. M. Administrative and jurisdictional activity of law enforcement agencies of foreign states: comparative legal investigation / V. M. Shenshin // State and law: evolution, current state, development prospects (to the 25th anniversary of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia) : Materials of the XX international scientific and theoretical conference. In 2 parts, St. Petersburg, April 27-28, 2023. – St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – pp. 1049-1054. – EDN VAZZCD.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_198

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА И НАЛОГОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ СТРАНЫ THE TAX SYSTEM AND TAX LIABILITY AS A FACTOR OF INCREASING THE INVESTMENT ATTRACTIVENESS OF THE COUNTRY

КАЗАНИН Игорь Николаевич,

аспирант кафедры публичного права
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
443030, Россия, Самарская область, г. Самара, проспект Карла Маркса, 4б.
E-mail: kazanin.in@yandex.ru;

Kazanin Igor Nikolaevich,

Postgraduate student of the Department of Public Law Federal State Budgetary Institution
of Higher Professional Education «Samara State University of Economics».
443030, Samara region, Samara, Karla Marksa str., 4b.
E-mail: kazanin.in@yandex.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматривается вопрос налоговой системы как фактора повышения инвестиционной привлекательности страны. Анализируются основные принципы и формы налоговой системы, а также влияние налоговой политики, прозрачности налоговой системы, эффективности налоговой администрации и борьбы с налоговыми правонарушениями на инвестиционный климат в стране. В статье также рассматриваются методы и инструменты повышения налоговой ответственности для улучшения инвестиционной привлекательности. Результаты исследования позволяют сделать вывод, что налоговая система является важным фактором повышения инвестиционной привлекательности страны.

Abstract: This article examines the issue of the tax system as a factor in increasing the investment attractiveness of the country. The main principles and forms of the tax system are analyzed, as well as the impact of tax policy, transparency of the tax system, the effectiveness of tax administration and the fight against tax offenses on the investment climate in the country. The article also discusses methods and tools for increasing tax liability to improve investment attractiveness. The results of the study allow us to conclude that the tax system is an important factor in increasing the investment attractiveness of the country.

Ключевые слова: налоговая ответственность, инвестиционная привлекательность, налоговая политика, прозрачность налоговой системы, эффективность налоговой администрации.

Keywords: tax liability, investment attractiveness, tax policy, transparency of the tax system, effectiveness of tax administration.

Для цитирования: Казанин И.Н. Налоговая система и налоговая ответственность как фактор повышения инвестиционной привлекательности страны // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 198-201. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_198.

For citation: Kazanin I.N. The tax system and tax liability as a factor of increasing the investment attractiveness of the country // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 198-201. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_198.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Введение. Одним из основных элементов, влияющих на экономический рост страны, является налоговая структура. Тема налоговых обязательств становится всё более важной в свете глобализации и усиливающейся международной конкурентоспособности. В этой статье налоги будут рассмотрены как фактор, который может сделать страну более привлекательной для инвесторов.

Низкая налоговая нагрузка в ряде стран является одной из фундаментальных проблем налоговой системы. Низкие налоги привлекают инвесторов, но они также могут привести к недостаточному государственному финансированию социальных программ. Кроме этого, низкие налоги могут стимулировать более интенсивное использование ресурсов, а это в свою очередь может привести к экологическим проблемам.

Цель этого исследования – определить, как налоговые обязательства могут улучшить инвестиционную привлекательность страны. Будет рассмотрен ряд аспектов налоговой системы, которые могут повлиять на решение инвесторов в пользу финансирования конкретной страны.

Есть несколько причин, по которым эта тема актуальна. Во-первых, одним из основных факторов экономического роста страны является налоговая структура. Во-вторых, налоговые обязательства играют все большую роль в привлечении инвестиций в контексте глобализации и усиления международной конкурентоспособности. В-третьих, современная экономика становится все более мобильной, предоставляя инвесторам более широкий выбор мест для вложения своих денег. В этом смысле налоговая политика страны может сыграть значительную роль в повышении ее инвестиционной привлекательности.

Теоретические основы налоговой ответственности. Налоговая ответственность – это совокупность законов, обязанностей и требований, направленных на обеспечение того, чтобы физические лица и корпорации платили свои налоги государству вовремя и в полном объеме.

Налоговая ответственность может принимать множество различных форм, включая гражданско-правовую, административную и уголовную ответственность.

- Гражданско-правовая ответственность – это юридическая ответственность за неуплату налогов и за нарушение налогового законодательства, что может привести к необходимости уплаты штрафов и процентов.
- Административная ответственность – это ответственность за нарушение налогового законодательства, которая может повлечь

за собой штрафы, административные взыскания и другие принудительные действия со стороны налоговых органов.

- Уголовная ответственность – это обязательство за нарушение налогового законодательства, являющиеся преступлением, которое может привести к предъявлению уголовных обвинений, аресту и тюремному заключению.

Чтобы создать функциональную налоговую систему, необходимо соблюдать несколько фундаментальных правил налоговой ответственности. Некоторые из них состоят из:

- Концепция законности, состоящая в том, что налоговые обязательства должны быть установлены законом.
- Принцип справедливости гласит, что налоговые обязательства налогоплательщиков должны распределяться исходя из их доходов и других факторов.
- Принцип справедливости, исходя из которого все люди и организации должны иметь равный доступ к налоговой системе.
- Принцип пропорциональности заключающийся в том что налоговые санкции должны быть соразмерны нарушениям налогового законодательства и не должны быть чрезмерно суровыми.
- Идея превентивного характера, гласит, что во избежание нарушений налогового законодательства, процедуры определения налоговых обязательств должны быть приняты заранее. [3]

Налоговые обязательства оказывают значительное влияние на экономику и многие аспекты жизни людей и предприятий. Одним из основных инструментов, которые правительство использует для сбора средств, необходимых для финансирования социальных программ, здравоохранения, образования и других важнейших сфер жизни общества, является налоговая система.

Однако налоговые обязательства также могут оказывать влияние на экономический рост и инвестиционную привлекательность страны. В целом, экономика стран с высоким уровнем налоговой отчетности, открытой налоговой системой и минимальными налоговыми рисками привлекает больше инвестиций.

Кроме того, налоговые обязательства могут оказывать влияние на экологические аспекты жизни общества. Некоторые виды налоговой политики могут способствовать внедрению более экологичных технологий и разработке экологических проектов. В этой ситуации налоговые обязательства могут помочь в борьбе с загрязнением окружающей среды и изменением климата.[2]

В результате уплата налогов имеет решающее значение для экономического роста страны и социального благосостояния. Особое внимание со стороны стран, стремящихся повысить инвестиционную привлекательность и улучшить экономические показатели, должно уделяться созданию эффективной и прозрачной налоговой системы, которая будет способствовать повышению налоговых обязательств физических лиц и корпораций.

Обязанности, связанные с налоговой системой. Действия и шаги государства, принятые для обеспечения сбора налогов, защиты интересов налогоплательщиков и предотвращения уклонения от уплаты налогов, в совокупности называются функциями налоговой ответственности. Одним из ключевых инструментов, используемых государством для регулирования экономики и финансовой политики, является налогообложение.

Основными целями налогообложения являются:

1. Взимание налоговых платежей. Сбор налоговых платежей с физических и юридических лиц является одной из ключевых обязанностей налоговой службы. Для этого государство устанавливает налоговые ставки, нормативные акты и процедуры уплаты налогов.
2. Обеспечение финансовой стабильности. Налоговое бремя в значительной степени влияет на финансовую стабильность государства. Государство может финансировать свои проекты и программы, помогать социальному сектору, расширять экономику и т.д. Благодаря налоговым поступлениям.
3. Защита налогоплательщиков. Целью налогообложения является защита прав и интересов налогоплательщиков. Государство должно обеспечить открытость и справедливость налоговой системы, уведомлять налогоплательщиков о применимых законах и процедурах и предоставлять им возможность обжаловать налоговые решения в суде.
4. Борьба с налоговым мошенничеством. Налоговая ответственность влечет за собой действия по предотвращению налоговых нарушений. Для этого государство устанавливает штрафные санкции за нарушение налогового законодательства, проводит налоговые проверки и расследования, а также преследует налоговых правонарушителей в соответствии с законом.

Таким образом, в обязанности налоговой службы также входит сбор налоговых платежей, обеспечение финансовой стабильности, защита налогоплательщиков и устранение нарушений, связанных с налогообложением. Для обеспечения эффективного функционирования налоговой системы и поддержания финансовой стабильности государства каждая из этих обязанностей имеет решающее значение и обязательна. Для достижения наилучших результатов для всех экономических субъектов взаимодействие государства и налогоплательщиков в рамках налоговой системы должно быть открытым, справедливым и основанным на законе.

Влияние налоговой ответственности на инвестиционную привлекательность страны. Основными элементами, влияющими на инвестиционную привлекательность страны, являются налоговая политика и налоговое законодательство. Для того чтобы инвесторам было легко планировать свои инвестиции, налоговая политика должна быть надежной и предсказуемой. Чтобы избежать создания новых препятствий для фирм и инвесторов, налоговая политика должна быть прозрачной и простой для понимания.

Кроме того, налоговая политика должна обеспечивать инвесторам благоприятную налоговую среду. Это может включать снижение налоговых ставок, особенно для инвесторов, которые вкладывают деньги в стратегически значимые секторы экономики или в регионы, которые все ещё находятся на ранних стадиях роста.

Чтобы остановить уклонение от уплаты налогов и обеспечить сохранение прав инвесторов, налоговая политика также должна учитывать общемировые налоговые стандарты и обязательства.

Инвесторам следует учитывать применимые ставки налога на прибыль, а также налоги на имущество, продажи и другие налоги. Высокие налоговые ставки могут отпугнуть инвесторов и помешать росту экономики.

Одним из важных элементов, влияющих на инвестиционную привлекательность страны, является эффективность налогового администрирования. Доверие инвесторов повышается благодаря хорошо управляемой и эффективной налоговой системе, которая может гарантировать точный учет и оперативный сбор налоговых платежей. Чтобы обеспечить эффективное функционирование системы, налоговые органы должны располагать достаточным финансированием и обученным персоналом.

Снижение налоговых барьеров и упрощение налоговых процедур являются дополнительными требованиями для эффективного налогового администрирования. Для достижения этой цели необходимо предпринять шаги по снижению административных препятствий, связанных с налогообложением, что могло бы привлечь иностранных инвесторов.

Чтобы помочь инвесторам разобраться в своих налоговых обязанностях и снизить вероятность совершения ошибки при уплате налогов, налоговые органы также должны быть готовы предложить оперативную и качественную налоговую помощь.

Инвестиционная привлекательность страны, как правило, зависит от того, насколько хорошо в ней администрируются налоги. Экономика страны может расти и привлекать больше инвесторов, если ее налоговое администрирование эффективно. Однако для достижения этой цели требуется постоянная работа над налоговой системой, снижение административных барьеров и повышение уровня компетентности налоговых органов.

Одним из основных элементов, влияющих на инвестиционную привлекательность страны, является борьба с налоговыми нарушениями и уклонением от уплаты налогов. Поскольку это гарантирует, что условия игры являются равными и прозрачными для всех участников, высокая степень налоговой дисциплины и низкий уровень коррупции в налоговой системе могут привлечь больше инвесторов. [1]

Жесткие административные и уголовные наказания за налоговые преступления являются одной из стратегий борьбы с налоговыми правонарушениями и уклонением от уплаты налогов. Строгие штрафы за нарушение налогового законодательства могут стать мощным инструментом предотвращения налоговых правонарушений.

Кроме того, риски налоговых правонарушений могут быть снижены путем создания эффективной системы налогового контроля и налоговых проверок. Применение современных информационных технологий и методов анализа данных также может помочь в раннем выявлении нарушений и предотвращении их повторения в будущем.

Сотрудничество с иностранными государствами в борьбе с уклонением от уплаты налогов также может улучшить соблюдение налогового законодательства. Благодаря международному сотрудничеству возможно обмениваться знаниями и опытом в борьбе с налоговым мошенничеством.

В целом, на инвестиционную привлекательность страны существенное влияние оказывает борьба с налоговыми нарушениями и уклонением от уплаты налогов. Доверие инвесторов может быть повышено, и в экономику может быть инвестировано больше капитала, если в налоговой системе будет высокая степень налоговой дисциплины и меньше коррупции.

Методы и инструменты повышения налоговых обязательств с целью сделать инвестиции более привлекательными. Важной стратегией повышения налоговых обязательств и повышения инвестиционной привлекательности страны является совершенствование налоговой политики. Налоговое законодательство должно быть прозрачным и простым для понимания, с небольшим количеством административных барьеров и простыми процессами налогообложения. Кроме того, крайне важно поддерживать законы в актуальном состоянии и учитывать изменения в социальной и экономической сферах. [5]

Для совершенствования налогового законодательства могут быть использованы следующие методы:

1. Упрощение налогового законодательства: Налоговое законодательство должно быть направлено на оптимизацию налоговых процедур, снижение налогового бремени и устранение административных барьеров. Важно устранить бессмысленные требования и упростить процессы и формы отчетности.

2. Регулярное обновление налогового законодательства: Чтобы отразить изменения в социальной и экономической сферах, налоговое законодательство следует часто пересматривать. Важно создать системы для быстрого реагирования на изменения в экономической среде и внедрить новые налоговые инструменты, которые отвечали бы этим потребностям.

3. Обеспечение открытости и доступности налогового законодательства: Налоговое законодательство должно быть открытым и прозрачным. Чтобы помочь налогоплательщикам лучше понять свои налоговые обязательства и снизить вероятность ошибок, важно обеспечить свободный доступ к информации о налоговых ставках и процедурах.

4. Консультации и обучение: Организация консультаций и обучения налогоплательщиков может помочь им стать более налогово грамот-

ными и снизить риск совершения налоговых ошибок. Крайне важно проводить обучающие семинары по налогам и тренинги для налогоплательщиков, а также разрабатывать легкодоступную и качественную систему налоговых консультаций. Эти действия будут способствовать повышению уровня налоговой грамотности налогоплательщиков и их осведомленности о налоговой системе. [4]

Важнейшей стратегией содействия соблюдению налогового законодательства и повышению инвестиционной привлекательности страны является расширение международного сотрудничества в области налоговой политики. Страны-участницы могут координировать свои усилия в борьбе с уклонением от уплаты налогов и правонарушениями, работая сообща в этой области для обмена знаниями и опытом. [6]

Развивать международное сотрудничество в области налоговой политики, используя стратегии, перечисленные ниже:

1. Подписание двусторонних и многосторонних соглашений о налоговом сотрудничестве, которые позволяют сторонам обмениваться информацией о доходах и налоговых обязательствах налогоплательщиков и совместно бороться с налоговым мошенничеством и другими правонарушениями, связанными с налогообложением.

2. Разработка общих принципов и положений налогообложения: Установление общих принципов и положений налогообложения может помочь в предотвращении двойного налогообложения и минимизации потенциальных возможностей для уклонения от уплаты налогов.

3. Обмен опытом и лучшими практиками: Участники могут улучшить свое налоговое администрирование, налоговую политику и контроль за соблюдением законодательства посредством обмена опытом и лучшими практиками.

4. Создание единых стандартов отчетности: Создание единых стандартов отчетности повышает точность данных о доходах и расходах налогоплательщиков, что, в свою очередь, повышает эффективность налогового администрирования и снижает вероятность уклонения от уплаты налогов. [7]

Вывод. Обобщение результатов исследования показало, что налоговая система является важным фактором, влияющим на инвестиционную привлекательность страны. Она оказывает влияние на формирование инвестиционного климата и может стать одной из причин для принятия решения об инвестировании в страну.

В ходе исследования было выявлено, что налоговая ответственность зависит от нескольких факторов, таких как налоговая политика и законодательство, прозрачность налоговой системы, эффективность налоговой администрации и борьба с налоговыми правонарушениями и уклонением от уплаты налогов.

Для повышения налоговой ответственности и улучшения инвестиционной привлекательности страны необходимо принимать меры, включающие совершенствование налогового законодательства, улучшение налоговой администрации и контроля, развитие международного сотрудничества в области налоговой политики, а также обучение и информационная поддержка налогоплательщиков.

Библиография:

1. Губернаторов, Ю.А. Налоговая политика и налоговое право: учебник / Ю.А. Губернаторов, В.А. Зародов, А.В. Козлов. – М.: Юрайт, 2019. – 672 с.
2. Ильина, Л.В. Налоговое право: учебник / Л.В. Ильина, Л.И. Шабанова. – М.: Норма, 2020. – 472 с.
3. Комаров, В.В. Налоговое право: учебник / В.В. Комаров. – М.: Юрист, 2019. – 560 с.
4. Першаков, М.И. Налоги и налогообложение: учебник / М.И. Першаков, Н.В. Семенова. – М.: Юрист, 2020. – 624 с.
5. Титов, А.А. Налоговое право: учебник / А.А. Титов. – М.: Бизнес-школа "Интел-Синтез", 2020. – 624 с.
6. Шевченко, Т.Н. Налоговое право России: учебник для вузов / Т.Н. Шевченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2017. – 528 с.
7. Щербаков, А.Н. Налоговая ответственность: теория и практика / А.Н. Щербаков, О.Н. Шадрина, Н.С. Карева. – М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 2017. –

264 с.

References:

1. Gubernatorov, Yu.A. Tax policy and tax law: textbook / Yu.A. Gubernatorov, V.A. Zapadov, A.V. Kozlov. – M.: Yurayt, 2019. – 672 p.
2. Ilyina, L.V. Tax law: textbook / L.V. Ilyina, L.I. Shabanova. – M.: Norm, 2020. – 472 p.
3. Komarov, V.V. Tax law: textbook / V.V. Komarov. – M.: Jurist, 2019. – 560 p.
4. Pershakov, M.I. Taxes and taxation: textbook / M.I. Pershakov, N.V. Semenova. – M.: Jurist, 2020. – 624 p.
5. Titov, A.A. Tax law: textbook / A.A. Titov. – M.: Business school "Intel-Synthesis", 2020. – 624 p.
6. Shevchenko, T.N. Tax law of Russia: textbook for universities / T.N. Shevchenko. – 2nd ed., reprint. and additional – M.: Jurist, 2017. – 528 p.
7. Shcherbakov, A.N. Tax liability: theory and practice / A.N. Shcherbakov, O.N. Shadrina, N.S. Kareva. – M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2017. –

264 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_202

УДК 347.963

ПРАВОВАЯ СУЩНОСТЬ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОКУРАТУРЫ ПО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЮ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

The legal essence of the Prosecutor's Office's activities for the prevention of offenses

КОВАЛЕВ Артем Александрович,

доцент кафедры прокурорской деятельности Института прокуратуры
Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева,
кандидат юридических наук, доцент.
620137, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, 21.
E-mail: artem.kovalev.1978.kovalev@mail.ru;

Kovalev Artem Aleksandrovich,

Associate Professor of the Department of Prosecutorial Activity
Institute of the Prosecutor's Office Ural State Law University named after V. F. Yakovlev,
Candidate of Law, Associate Professor.
620137, Russia, Sverdlovskaya oblast', g. Ekaterinburg, ul. Komsomol'skaya, 21
E-mail: artem.kovalev.1978.kovalev@mail.ru

Краткая аннотация. Работа посвящена исследованию характера и правовой сущности деятельности прокуратуры по предупреждению правонарушений. Проведены анализ соотношения терминов «предупреждение» и «профилактика» правонарушений и исследование деятельности прокуратуры по предупреждению правонарушений с проекцией на конкретные направления деятельности прокуратуры. Обозначены возможные меры по совершенствованию деятельности прокуратуры по предупреждению правонарушений.

Abstract: The work is devoted to the study of the nature and legal essence of the activities of the prosecutor's office for the prevention of offenses. The analysis of the correlation of the terms "prevention" and "prevention" of offenses and the study of the activities of the prosecutor's office for the prevention of offenses with a projection on specific areas of activity of the prosecutor's office were carried out. Possible measures to improve the activities of the Prosecutor's Office for the prevention of offenses are outlined.

Ключевые слова: функции органов прокуратуры, правонарушение, профилактика правонарушений, предупреждение правонарушений, профилактическая работа прокуратуры России, органы прокуратуры, взаимодействие, несовершеннолетние и молодежь.

Keywords: functions of the prosecutor's office, offense, prevention of offenses, prevention of offenses, preventive work of the Prosecutor's Office of Russia, prosecutor's offices, interaction, minors and youth.

Для цитирования: Ковалев А.А. Правовая сущность деятельности прокуратуры по предупреждению правонарушений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 202-204. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_202.

For citation: Kovalev A.A. The legal essence of the Prosecutor's office's activities for the prevention of offenses // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 202-204. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_202.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Предупреждение правонарушений, несомненно, является не менее значимым видом деятельности прокуратуры, чем выявление правонарушений и реагирование на них, поскольку не только позволяет предотвратить последствия правонарушений, но и способствует формированию стабильности состояния законности, что, в свою очередь, приводит к снижению социальной напряженности, возникающей по причине недовольства граждан причиненным им физическим, моральным или материальным ущербом, который является неминуемым следствием нарушенного права. Социальная напряженность подрывает государство изнутри, что недопустимо, особенно в настоящий момент, когда страна нуждается в единстве и сплоченности своего народа [16].

Между тем, в науке отсутствует единый подход к определению данного понятия, также не определено место деятельности прокурора по предупреждению правонарушений в системе функций и направлений ее деятельности.

Что касается термина «предупреждение правонарушений», можно отметить, что он представляет интерес в свете его соотношения со смежными понятиями, в частности, с термином «профилактика правонарушений», что представляет собой определенную сложность, поскольку даже несмотря на наличие легальной дефиниции термина «профилактика правонарушений» [3] мнения ученых о сущности данного термина сильно разнятся [9, с.100], и кроме того, существуют разные позиции по вопросу их соотношения.

Что касается соотношения понятий «предупреждение» правонарушений и их «профилактика», можно отметить, что некоторые авторы отождествляют данные понятия [6, с.26; 14, с. 120]. Другие, напротив, их разделяют указанные понятия [12, с.88].

В связи с этим особый интерес представляет позиция ученого-практика И.И. Гербекова, который наиболее глубоко и, как представляется, верно исследовал этот вопрос. Согласно его концепции, предупреждение является наиболее широким понятием, включающим в себя подобно хронологической ленте, профилактику как первичный элемент, после которого следует предотвращение, под которым автором понимается этап общественных отношений, когда выявлены причины и условия противоправности, а также сформированный, но не воплощенный в жизнь план реализации нарушения определенным лицом и прокурор может предотвратить правонарушение путем устранения этих причин [9, с.101].

В науке существуют разные позиции по вопросу о правовой сущности предупредительной деятельности прокуратуры. Данная деятельность определяется как функция прокуратуры [17, с.54; 15, с.87], сущностная основа и цель прокурорской деятельности [6, с.27], направление прокурорской деятельности [7, с.97]. Обобщая указанные позиции, можно отметить, что большинство ученых сходятся во мнении, что предупреждение правонарушений реализуется, в том числе и как самостоятельный вид деятельности прокуратуры [15, с.87]. Вместе с тем, существует иное мнение, что деятельность прокуратуры по предупреждению правонарушений не носит самостоятельного характера и осуществляется только в ходе реализации иных видов деятельности [8, с.1348].

Подобная ситуация обусловлена тем, что деятельность прокуратуры исключительно многогранна. Закономерно, что многогранна и работа по предупреждению правонарушений. Представляется возможным классифицировать ее на две группы.

С одной стороны, предупреждение правонарушений осуществляется в ходе осуществления всех направлений прокурорской деятельности. Например, при реализации полномочий по надзору за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина прокурор может провести проверку, основанием для которой выступают фактические или предполагаемые сведения о нарушении закона и вынести представление, в котором укажет на устранение причин и условий выявленного правонарушения, в целях недопущения подобного в будущем. Участвуя в правотворческой деятельности в порядке п.4 ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ», прокурор имеет возможность, например, дать отрицательное заключение на проект нормативного правового акта регионального или местного уровня, который в случае его принятия мог бы нарушить права тех или иных лиц [1; 4].

Представляется, что вышеуказанную предупредительную деятельность надзорного ведомства, в контексте деления предупреждения на профилактику и предотвращение нарушения закона, наиболее верно и точно относить именно к предотвращению правонарушения, поскольку, как при вынесении представления, так и при проведении проверки уже имеются весомые основания полагать, что в деятельности поднадзорного субъекта или объекта имеются нарушения. Более того, к группе «предотвращение правонарушений» имеет смысл отнести и такие акты, как выносимое в порядке статьи 25.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» предостережение о недопустимости нарушения закона [1], а также применяемые прокурором согласно статьям 7, 8 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» предупреждение о недопустимости осуществления экстремистской деятельности или предупреждение о недопустимости распространения экстремистских материалов [2], так как данные акты также выносятся прокурором при наличии веских оснований полагать о скором совершении правонарушения. В связи с этим, необходимо согласиться с исследователем-практиком М.А. Магомедовым, который справедливо отмечает, что не стоит отождествлять «надзорную деятельность предупредительного, профилактического характера» и «профилактику правонарушений органами прокуратуры» [11, с.170].

С другой стороны, представляется возможным полагать о наличии в работе прокуратуры самостоятельного вида деятельности, являющейся исконно, в чистом виде предупредительной и реализуемой путем осуществления информационно-просветительской деятельности и применения элементов воспитательной работы прокуратуры.

Такая работа осуществляется «оком государевым» посредством чтения перед населением поднадзорной территории лекций на правовую тематику, профилактических бесед, разъяснения в электронных и печатных публикациях спорных вопросов действующего законодательства, участия в радио и теле-эфирах. Признавая целесообразность и эффективность подобного взаимодействия со взрослым населением, вместе с тем, хочется подчеркнуть особую важность проведения предупредительных мероприятий в отношении несовершеннолетних лиц и молодежи, как «будущего» российского общества. Именно эти категории населения наиболее подвержены информационному воздействию, как положительного, так и отрицательного характера, и именно они имеют реальную возможность привнести в будущее Российской Федерации изменения в части совершенствования как правопорядка, так и общего уровня жизни в государстве.

В связи со всем вышесказанным видим необходимым внесение изменений в действующую правовую базу. Во-первых, как уже отмечалось в юридической литературе, существует необходимость внесения в ФЗ «О прокуратуре РФ» понятия «предупреждение» или «профилактика» [10, с.271] нарушений закона. Разделяя эту мысль, полагаем возможным внесение в ст.1 ФЗ «О прокуратуре РФ» отдельного положения, например, в виде абзаца пункта 2 статьи 1, который будет посвящен деятельности по предупреждению прокуратурой правонарушений. Это будет способствовать приведению обозначенных законов в соответствие, что весьма актуально ввиду значительного количества их несоответствий друг другу и наличия в них ряда неопределенностей, на которые в научных исследованиях неоднократно обращалось внимание [10, с. 169-171; 13, с. 58].

Во-вторых, в силу ранее отмеченной важности работы с несовершеннолетними и молодежью, считаем необходимым распространить приказ Генерального прокурора РФ, посвященный организации надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних [5], на молодежь, то есть лиц, возраст которых более 18, но менее 23 лет, и дополнить пункт 2.1 Приказа абзацем 4 следующего содержания: «Проводить не реже одного раза в квартал просветительно-воспитательные лекции и не реже одного раза в тот же промежуток времени встречи-беседы с несовершеннолетними или молодежью по месту их обучения».

Не менее важным полагаем разработку тщательно выверенных и согласованных со специалистами-психологами в целях правильного и эффективного воздействия на сознание слушателей отдельных положений лекций, шаблонов сопроводительных интерактивных презентаций, указаний по поведению прокурорского работника в ходе беседы и полемики с вышеуказанными лицами, например, рекомендаций относительно установления доверительных отношений с аудиторией, привлечения и удержания ее внимания. Указанные материалы представляется возможным оформить в

виде методических рекомендаций, посвященных организации надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних и молодежи, соблюдением их прав и законных интересов.

По результатам проведенного исследования можно прийти к выводу, что деятельность прокуратуры по предупреждению правонарушений играет не меньшую роль в улучшении состояния законности на поднадзорной территории, чем непосредственная борьба с правонарушениями и преступностью, осуществляемая путем принятия актов прокурорского реагирования и проведения проверочных действий. Действительно, эффект от профилактических работ может проявиться не так оперативно, как в случае с пресечением противоправных действий, и не так явно, но при грамотном и системном подходе он обязательно будет, при этом, со значительно большим охватом, чем, например, при реагировании на незаконные действия определенного субъекта. Таким образом, предупреждение прокуратурой правонарушений является несомненно важной деятельностью, на совершенствование которой направлены обозначенные в работе предложения.

Библиография:

1. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»: ст. 7, ст. 8 - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»: п.2 ст.2, п.1 ст.2 - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Приказ Генпрокуратуры России от 31.08.2023 № 583 «Об организации прокурорского надзора за законностью нормативных правовых актов органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления»: п.2.1 - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Приказ Генеральной прокуратуры РФ от 13.12.2021 № 744 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законодательства о несовершеннолетних, соблюдением их прав и законных интересов» - Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Винокуров С.И. К вопросу о превентивной функции прокурорского надзора // Российский следователь. 2017. N 7. С. 26 – 30
7. Воронин, О. В. О значении координационной, профилактической и административно-юрисдикционной деятельности прокурора / О. В. Воронин // Уголовная юстиция. – 2013. – № 1(1). – С. 96-99. – EDN RVTNUT.
8. Гальченко, А.И. Функции прокуратуры Российской Федерации: спорные вопросы / А.И. Гальченко // Lex Russica. – 2014. – № 11, Т. XCVI. – С. 1346–1357; Прокурорский надзор. Общая часть: Учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2016. С. 47 - 53.
9. Гербеков И.И. Понятие и виды профилактики правонарушений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. №4 (42). С. 99-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-profilaktiki-pravonarusheniy> (дата обращения: 21.05.2024).
10. Грачёва О.А. Профилактика правонарушений как важнейший аспект прокурорской деятельности // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. №4. С. 268-273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-pravonarusheniy-kak-vazhneyshiy-aspekt-prokurorskoj-deyatelnosti> (дата обращения: 24.05.2024).
11. Магомедов М.А. Профилактическая функция прокуратуры Российской Федерации и совершенствование ее правового регулирования // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. №1. С. 168-172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilakticheskaya-funktsiya-prokuratury-rossijskoj-federatsii-i-sovershenstvovanie-ee-pravovogo-regulirovaniya> (дата обращения: 23.05.2024).
12. Максяшев, А. А. Прокуратура как субъект предупреждения преступности / А. А. Максяшев // АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ науки 2022 : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 12 мая 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 87-89
13. Раскина Т.В. Прокуратура в системе профилактики правонарушений // Юридические исследования. 2018. №1. С. 53-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokuratura-v-sisteme-profilaktiki-pravonarusheniy> (дата обращения: 22.05.2024).
14. Раскина, Т. В. Профилактическая деятельность российской прокуратуры / Т. В. Раскина // Вестник Университета прокуратуры Российской Федерации. – 2021. – № 6(86). – С. 119-130.
15. Сабуров Р.С. Роль требований прокурора в предупреждении правонарушений // Административное и муниципальное право. 2011. N 2. С. 86 - 89.
16. Сысоев Г. Путин: Россия для преодоления сложных вызовов нуждается в сплоченности. - URL: <https://ria.ru/20240314/splochennost-1932838220.html?ysclid=lgwt0zfp324550100>.
17. Шалумов, М. С. Система функций российской прокуратуры / М. С. Шалумов ; М. Шалумов ; О-во "Знание России, Костромская обл. орг., Департамент образования и науки Администрации Костромской обл., Костромской открытый ин-т непрерыв. образования. – Кострома, 2003. – 139 с. ;

References:

1. Federal Law No. 2202-1 of 17.01.1992 "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" - Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".
2. Federal Law No. 114-FZ dated 07/25/2002 "On Countering extremist activities": Articles 7, Articles 8 - Access from the help.-the legal system "ConsultantPlus".
3. Federal Law No. 182-FZ dated 06/23/2016 "On the basics of the crime prevention system in the Russian Federation": paragraph 2 of Article 2, paragraph 1 of Article 2 - Access from the help.- the legal system "ConsultantPlus".
4. Order of the Prosecutor General's Office of Russia dated 08/31/2023 No. 583 "On the organization of prosecutorial supervision over the legality of regulatory legal acts of State authorities of the subjects of the Russian Federation and local self-government bodies": item 2.1 - Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus".
5. Order of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation dated 12/13/2021 No. 744 "On the organization of prosecutorial supervision over the implementation of legislation on minors, observance of their rights and legitimate interests" - Access from the reference.- the legal system "ConsultantPlus".
6. Vinokurov S.I. On the issue of the preventive nature of prosecutorial supervision // Russian investigator. 2017. N 7. pp. 26-30
7. Voronin, O. V. On the importance of coordinating, preventive and administrative-jurisdictional activities of the prosecutor / O. V. Voronin // Criminal Justice. – 2013. – № 1(1). – Pp. 96-99. – EDN RVTNUT.
8. Galchenko, A. I. Functions of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: controversial issues / A. I. Galchenko // Lex Russica. – 2014. – No. 11, vol. XCVI. – pp. 1346-1357; Prosecutor's supervision. General part: Textbook for academic baccalaureate. Moscow: Yurait, 2016. pp. 47-53.
9. Gerbekov I.I. The concept and types of crime prevention // Legal science and law enforcement practice. 2017. No.4 (42). pp. 99-105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-i-vidy-profilaktiki-pravonarusheniy> (date of application: 05/21/2024).
10. Gracheva O.A. Prevention of offenses as the most important aspect of prosecutorial activity // Legal policy and legal life. 2023. No.4. pp. 268-273. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-pravonarusheniy-kak-vazhneyshiy-aspekt-prokurorskoj-deyatelnosti> (date of application: 05/24/2024).
11. Magomedov M.A. Preventive function of the Prosecutor's Office of the Russian Federation and improvement of its legal regulation // Problems of economics and legal practice. 2018. No.1. pp. 168-172. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilakticheskaya-funktsiya-prokuratury-rossijskoj-federatsii-i-sovershenstvovanie-ee-pravovogo-regulirovaniya> (date of application: 05/23/2024).
12. Maksyashev, A. A. The Prosecutor's office as a subject of crime prevention / A. A. Maksyashev // ACTUAL ISSUES of science 2022 : collection of articles of the International scientific and practical Conference, Penza, May 12, 2022. – Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – pp. 87-89
13. Raskina T.V. Prosecutor's office in the system of crime prevention // Legal research. 2018. No.1. pp. 53-59. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prokuratura-v-sisteme-profilaktiki-pravonarusheniy> (date of application: 05/22/2024).
14. Raskina, T. V. Preventive activities of the Russian Prosecutor's Office / T. V. Raskina // Bulletin of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation. – 2021. – № 6(86). – Pp. 119-130.
15. Saburov R.S. The role of the prosecutor's requirements in the prevention of offenses // Administrative and municipal law. 2011. N 2. pp. 86-89.
16. Sysoev G. Putin: Russia needs cohesion to overcome difficult challenges. - URL: <https://ria.ru/20240314/splochennost-1932838220.html?ysclid=lgwt0zfp324550100>.
17. Shalumov, M. S. The system of functions of the Russian Prosecutor's office / M. S. Shalumov ; M. Shalumov ; O-vo "Knowledge of Russia, Kostroma region. org., Department of Education and Science of the Administration of the Kostroma region, Kostroma Open Institute. education. Kostroma, 2003. 139 p.

О НОРМАТИВНОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРАВ НА РЕЗУЛЬТАТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, СОЗДАННЫЕ ЗА СЧЕТ СРЕДСТВ БЮДЖЕТОВ ВСЕХ УРОВНЕЙ ABOUT REGULATORY LEGAL REGULATION RIGHTS TO THE RESULTS OF INTELLECTUAL ACTIVITY CREATED AT THE EXPENSE OF BUDGETS OF ALL LEVELS

КОРОТКИНА Анна Сергеевна,

аспирант кафедры конституционного и административного права
Пермского государственного национального исследовательского университета.
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15.

E-mail: korotkina-a@yandex.ru;

KOROTKINA Anna S.,

Postgraduate student of Department of the constitutionale and administrative law Perm State University.
15 Bukireva str., Perm, 614990.

E-mail: korotkina-a@yandex.ru

Краткая аннотация: статья посвящена анализу нормативного правового регулирования вопросов, связанных с осуществлением прав на результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие публичным образованиям в лице соответствующих органов, а также различным типам подведомственных им учреждений и предприятий. В статье отмечается необходимость отдельного правового регулирования вопросов осуществления прав на интеллектуальную собственность рассматриваемыми субъектами.

Abstract: the article is devoted to the analysis of the regulatory legal regulation of issues related to the exercise of rights to the results of intellectual activity belonging to public entities represented by relevant bodies, as well as various types of institutions and enterprises subordinate to them. The article notes the need for a separate legal regulation of the issues of the exercise of intellectual property rights by the subjects under consideration.

Ключевые слова: результаты интеллектуальной деятельности, исключительное право, публичные образования, органы государственной власти, органы местного самоуправления, учреждения, предприятия, осуществление интеллектуальных прав.

Keywords: the results of intellectual activity, exclusive right, public entities, public authorities, local governments, institutions, enterprises, the exercise of intellectual rights.

Для цитирования: Короткина А.С. О нормативном правовом регулировании прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные за счет средств бюджетов всех уровней // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 205-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_205.

For citation: Korotkina A.S. About regulatory legal regulation rights to the results of intellectual activity created at the expense of budgets of all levels // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 205-207. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_205.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

В рамках реализации положений Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации десятым блоком поправок в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены изменения, в том числе регламентирующие вопросы распределения имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при выполнении государственного или муниципального контракта [1]. Внесенные изменения направлены на решение вопросов, обозначенных в пунктах 7.2.3 раздела III, 11.1 раздела IV, 4.2 раздела VII Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, в части определения правового режима результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств бюджетов бюджетной системы, с целью разграничения исключительного права и права оперативного управления и недопущения их смешения [2]. В этот же промежуток времени был принят комплекс подзаконных актов, регулирующих вопросы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при выполнении государственного или муниципального контракта [3].

В юридической литературе не принято говорить о существовании проблем в рассматриваемой сфере правоотношений. Отдельными авторами, в числе которых Сергеев А.П. [4], Чельшев М.Ю. [5], Васильева Е.Н. [6, 21], Щербачева Л.В. [7], Жамойдик К.Н. [8], Свиридова О.С. [9], Еременко В.И. [10], Шебанова Н.А. [11], Красовский В.С. [12], Майборода В.А. [13], Климович Е.С. [14], Ситдикова Л.Б. [15], Савиных В.А [16] и пр., в разные периоды времени рассматривались различные аспекты реализации имущественных прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при выполнении государственного или муниципального контракта, а также государственного оборонного заказа, однако комплексные работы, посвященные правовому режиму принадлежности прав на результаты интеллектуальной собственности органам, входящим в единую систему публичной власти в Российской Федерации, подведомственным им организациям, отсутствуют.

С учетом изложенного, а также с учетом необходимости внедрения цифровых технологий, которые в большинстве случаев являются охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности, рассмотрение вопросов правового режима обозначенных объектов, созданных за счет средств бюджетов бюджетной системы, практики реализации норм законодательства, управления правами на результаты интеллектуальной деятельности, созданными за счет средств бюджетов различных уровней, в том числе при выполнении государственного или муниципального контракта, имеет как теоретический, так и практический интерес.

Пунктом 1 статьи 1240.1 Гражданского кодекса Российской Федерации по общему правилу введена презумпция принадлежности прав на результат интеллектуальной деятельности, созданный при выполнении государственного или муниципального контракта для государственных и муниципальных нужд, исполнителю обозначенного контракта. Однако контрактом может быть установлен правовой режим совместного обладания исключительными правами, а в случаях, определенных в соответствии с пунктами 3, 4 рассматриваемой статьи, исключительное право на результат

интеллектуальной деятельности принадлежит соответственно Российской Федерации, субъекту Российской Федерации или муниципальному образованию, от имени которых выступает государственный или муниципальный заказчик. Аналогичные нормы, с определенными особенностями, обусловленными видом результатов интеллектуальной деятельности, содержатся в статьях 1298, 1373, 1432, 1464, 1471 Гражданского кодекса Российской Федерации. Ранее действовавшее правовое регулирование в статьях 1298, 1373, 1432, 1464, 1471 Гражданского кодекса, Патентном законе Российской Федерации от 23 сентября 1992 № 3517-1 [17] с 2003 года Российской Федерации устанавливало презумпцию принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности исполнителю соответствующего контракта, если иное не было предусмотрено его условиями.

В Гражданском кодексе Российской Федерации, законодательстве, регламентирующем правовой статус рассматриваемых образований, отсутствуют самостоятельные нормы, регламентирующие правовой режим осуществления прав на интеллектуальную собственность органами государственной власти, местного самоуправления, на которые в силу пункта 11 статьи 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации распространяются нормы, регламентирующие правовое положение казенных учреждений, а также автономными, бюджетными и казенными учреждениями, унитарными и казенными предприятиями.

Статьями 294 – 300 Гражданского кодекса Российской Федерации регламентированы вопросы реализации вещных прав рассматриваемых лиц: права хозяйственного ведения и права оперативного управления. Отдельными авторами [6, 18, 19] делались выводы о том, что результаты интеллектуальной деятельности принадлежат указанным субъектам, прежде всего учреждениям, на праве оперативного управления. Данный подход был широко распространен на практике, реализуясь в закреплении в соответствующих реестрах, в бухгалтерском учете прав на результаты интеллектуальной деятельности, а также регламентации правомочий в отношении распоряжения интеллектуальной собственностью, как особо ценным движимым имуществом.

С дополнением статьи 1227 Гражданского кодекса Российской Федерации частью 3, согласно которой к интеллектуальным правам не применяются положения о праве собственности и других вещных правах, обозначенный выше подход к осуществлению прав на результаты интеллектуальной деятельности стал не применим. Частью 12 статьи 1240.1 Гражданского кодекса Российской Федерации, Правительство Российской Федерации было уполномочено осуществлять правовую регламентацию ряда вопросов, связанных с управлением правами на результаты интеллектуальной деятельности, созданными по государственному, муниципальному заказу, в том числе определить порядок управления принадлежащими Российской Федерации правами на результаты интеллектуальной деятельности, порядок действий государственного или муниципального заказчика при оформлении исключительного права на результат интеллектуальной деятельности в случае если исполнитель в течение двенадцати месяцев с даты приемки работ по государственному или муниципальному контракту не обеспечил совершение всех зависящих от него действий, необходимых для признания за ним исключительного права на результат интеллектуальной деятельности.

Вместе с тем, вопросы, связанные с управлением правами на результаты интеллектуальной деятельности публичными образованиями в лице органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления муниципальных образований, а также различными типами учреждений и предприятий, остались не урегулированными, как в правовом режиме вещных прав, прежде всего в классической триаде: владения, пользования и распоряжения, что прежде всего делает невозможным разграничение прав между учредителем и учреждением.

Рекомендациями по управлению правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в регионах Российской Федерации, размещенными на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации [20], субъектам России рекомендовано не просто обеспечить нормативно-правовое регулирование построения системы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности в регионе, но и обеспечить принятие стратегических документов, регламентирующих обозначенные вопросы. Однако, комплексное правовое регулирование обозначенных вопросов реализовано в единичных регионах [21], большинство регионов регламентируют вопросы управления интеллектуальной собственностью на уровне учета соответствующих прав.

С учетом того, что целью принятия изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, в части регламентации принадлежности прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные при выполнении государственного или муниципального контракта, было вовлечение в хозяйственный оборот соответствующих результатов, рассматриваемые в настоящей статье вопросы приобретают особенное значение. Так, например, повсеместная цифровизация направлений сфер деятельности публичной власти, в том числе по моделям передачи соответствующих работ подведомственным организациям на основании государственного задания, формирует на балансе соответствующих субъектов такие результаты интеллектуальной деятельности, как программы для электронных вычислительных машин, базы данных, которые могут быть вовлечены в хозяйственный оборот и эффективно использованы в иных сферах хозяйственной деятельности за счет их непотребляемости, реплицируемости, масштабируемости и пр. Однако, отсутствие единой правовой регламентации, на практике делает невозможным распоряжение соответствующими правами. Должно ли право использования интеллектуальной собственности, принадлежащей рассматриваемым субъектам, предоставляться по результатам торгов или возможны иные способы и порядок заключения возмездных лицензионных договоров, как и в каком порядке должна определяться плата за использование обозначенных результатов интеллектуальной деятельности и иные вопросы являются непреодолимым препятствием для введения в хозяйственный оборот рассматриваемых объектов.

С учетом правового режима публичных образований в лице соответствующих органов, а также различных типов подведомственных им учреждений и предприятий, представляется, что рассматриваемые субъекты не могут обладать одинаковым объемом правомочий в отношении ре-

зультатов интеллектуальной деятельности. С учетом этого, решение рассматриваемых вопросов должно носить комплексный характер, заключающийся прежде всего во внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации, а также ряд федеральных законов о статусе рассматриваемых лиц, в части правовой регламентации вопросов осуществления прав на результаты интеллектуальной деятельности, принадлежащие публичным образованиям в лице соответствующих органов, а также различным типам подведомственных им учреждений и предприятий, с учетом особенностей объектов интеллектуальной собственности, в том числе возможности их многократного использования и необходимости вовлечения в хозяйственный оборот. В частности, считаем необходимым осуществлять правовое регулирование по моделям, аналогичным реализованным в статьях 294-300 Гражданского кодекса Российской Федерации, при допущении возможности введения публичными образованиями в лице соответствующих органов, а также различными типами подведомственных им учреждений и предприятий, в гражданский оборот результатов интеллектуальной деятельности на условиях предоставления прав использования (простой (неисключительной) лицензии) на равных для всех условиях.

Библиография:

1. Федеральный закон от 22 декабря 2020 г. № 456-ФЗ «О внесении изменений в части вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации и признании утратившими силу законодательных актов (отдельных положений законодательных актов) Российской Федерации».
  2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренная решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009 // Вестник ВАС РФ, № 11, ноябрь, 2009.
  3. Постановление Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2021 № 2550 «Об утверждении Правил управления принадлежащими Российской Федерации правами на результаты интеллектуальной деятельности, в том числе правами на результаты интеллектуальной деятельности, непосредственно связанные с обеспечением обороны и безопасности, и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»
  4. Сергеев А.П. Основные проблемы правовой охраны интеллектуальной собственности в Российской Федерации на современном этапе // Интеллектуальная собственность. Актуальные проблемы теории и практики: Сборник научных трудов / Под ред. В.Н. Лопатина. М.: Издательство «Юрайт», 2008. Т. 1. С. 10 - 17.
  5. Чельшев М.Ю. О правах публично-правовых образований на результаты интеллектуальной деятельности // Гражданское право, 2008, № 3, С. 27 - 31.
  6. Васильева Е.Н. Права на результаты интеллектуальной деятельности, созданные в бюджетных учреждениях за счет средств федерального бюджета // Труды Института государства и права РАН, 2012, № 3. С. 155 - 156.
  7. Щербачева, Л. В. Реализация прав государства на интеллектуальную собственность / Л. В. Щербачева. – Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана», 2013. – 136 с. – (Научные издания для юристов).
  8. Жамойдик К.М. К вопросу о правообладателях результатов интеллектуальной деятельности // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2022. № 2. С. 107 - 111.
  9. Свиридова О.О. Особенности обращения результатов интеллектуальной деятельности // Юрист. 2021. № 9. С. 53 - 58.
  10. Еремин А.В. Влияние изменений в российском законодательстве, регулирующем использование интеллектуальных прав, на охрану результатов интеллектуальной деятельности при поставках продукции военного назначения за рубеж // Оборонно-промышленный комплекс: управление, экономика и финансы, право. 2021. № 6. С. 65 - 69.
  11. Шебанова Н.А. К вопросу об управлении правами на РИД, принадлежащими Российской Федерации // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2021. № 3, с. 69-79.
  12. Красовский, В. С. Проблемы управления правами на результаты интеллектуальной деятельности / В. С. Красовский // Экономика. Право. Инновации. – 2018. – № 5(2). – С. 46-50.
  13. Майборода В.А. Правовая судьба результата интеллектуальной деятельности при выполнении государственного контракта // Администратор суда. 2023. № 4. С. 19–22.
  14. Климович Е.С. Подход к обоснованию механизма учета результатов научно-исследовательских работ, права на которые принадлежат Российской Федерации // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2005. № 4 (124). С. 5 - 10.
  15. Ситдикова Л.Б., Крылова Е.Б. Интеллектуальные права публично-правовых образований // Юрист. 2011. № 12. С. 28 - 32.
  16. Савиных В.А. Правовой режим результатов интеллектуальной деятельности бюджетных учреждений в научной сфере и сфере образования // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 12. С. 123 - 130; 2019. № 5. С. 144 - 151.
  17. Патентный закон Российской Федерации от 23 сентября 1992 г. № 3517-1.
  18. Еременко В.И. О создании бюджетными учреждениями науки и образования хозяйственных обществ // Законодательство и экономика. 2010. № 1. С. 26 – 29.
  19. Войниканис Е.А., Калытин В.О. База данных как объект правового регулирования: Учебное пособие для вузов. М.: Статут, 2011. 174 с.
  20. Рекомендации по управлению правами на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации в регионах Российской Федерации // Администратор образования. № 3, февраль, 2019.
  21. Закон Пермского края от 25 декабря 2009 г. № 569-ПК «Об управлении и распоряжении интеллектуальной собственностью Пермского края».
  22. Васильева Е.Н. Правовая охрана результатов интеллектуальной деятельности, созданных за счет средств федерального бюджета // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 5. С. 66 - 81.
- References:**
1. Federal Law No. 456-FZ of December 22, 2020 "On amendments to parts two and four of the Civil Code of the Russian Federation and the recognition of legislative acts (certain provisions of legislative acts) of the Russian Federation as invalid."
  2. The concept of the development of civil legislation of the Russian Federation, approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the codification and improvement of civil legislation dated October 7, 2009 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 11, November 2009.
  3. Decree of the Government of the Russian Federation of December 29, 2021 No. 2550 "On approval of the Rules for the management of rights to the results of intellectual activity belonging to the Russian Federation, including rights to the results of intellectual activity directly related to ensuring defense and security, and the recognition as invalid of certain acts and certain provisions of certain acts of the Government of the Russian Federation"
  4. Sergeev A.P. The main problems of legal protection of intellectual property in the Russian Federation at the present stage // Intellectual Property. Current problems of theory and practice: Collection of scientific papers / Ed. V.N. Lopatina. M.: Publishing house "Urayt", 2008. T. 1. P. 10 - 17.
  5. Chelyshev M.Yu. On the rights of public legal entities to the results of intellectual activity // Civil Law, 2008, No. 3, pp. 27 - 31.
  6. Vasilyeva E.N. Rights to the results of intellectual activity created in budgetary institutions at the expense of the federal budget // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2012, No. 3. P. 155 - 156.
  7. Shcherbacheva, L. V. Realization of state rights to intellectual property / L. V. Shcherbacheva. – Moscow: Limited Liability Company "Publishing House "Unity-Dana", 2013. – 136 p. – (Scientific publications for lawyers).
  8. Zhamoidik K.M. On the issue of copyright holders of the results of intellectual activity // Defense-industrial complex: management, economics and finance, law. 2022. No. 2. P. 107-111.
  9. Sviridova O.O. Peculiarities of circulation of the results of intellectual activity // Lawyer. 2021. No. 9. P. 53 - 58.
  10. Eremin A.V. The impact of changes in Russian legislation regulating the use of intellectual rights on the protection of the results of intellectual activity when supplying military products abroad // Defense industry complex: management, economics and finance, law. 2021. No. 6. P. 65 - 69.
  11. Shebanova N.A. On the issue of managing rights to intellectual property belonging to the Russian Federation // Journal of the Intellectual Rights Court. 2021. No. 3, p. 69-79.
  12. Krasovskiy, V. S. Problems of managing rights to the results of intellectual activity / V. S. Krasovskiy // Economics. Right. Innovation. – 2018. – No. 5(2). – P. 46-50.
  13. Mayboroda V.A. Legal fate of the result of intellectual activity during the implementation of a state contract // Court Administrator. 2023. No. 4. pp. 19 - 22.
  14. Klimovich E.S. An approach to substantiating the mechanism for accounting for the results of scientific research work, the rights to which belong to the Russian Federation // Accounting in budgetary and non-profit organizations. 2005. No. 4 (124). pp. 5 - 10.
  15. Sitdikova L.B., Krylova E.B. Intellectual rights of public legal entities // Lawyer. 2011. No. 12. P. 28 - 32.
  16. Savinykh V.A. Legal regime of the results of intellectual activity of budgetary institutions in the scientific and educational spheres // Current problems of Russian law. 2018. No. 12. P. 123 - 130; 2019. № 5. P. 144 - 151.
  17. Patent Law of the Russian Federation dated September 23, 1992 No. 3517-1.
  18. Eremenko V.I. On the creation of science and education of economic entities by budgetary institutions // Legislation and Economics. 2010. No. 1. P. 26 – 29.
  19. Voinikanis E.A., Kalyatin V.O. Database as an object of legal regulation: Textbook for universities. M.: Statute, 2011. 174 p.
  20. Recommendations for managing rights to the results of intellectual activity and means of individualization in the regions of the Russian Federation // Education Administrator. No. 3, February, 2019.
  21. Law of the Perm Territory of December 25, 2009 No. 569-PK "On the management and disposal of intellectual property of the Perm Territory."
  22. Vasilyeva E.N. Legal protection of the results of intellectual activity created at the expense of the federal budget // Property relations in the Russian Federation. 2019. No. 5. P. 66-81.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_208

УДК347

О ПРИМИРЕНИИ СТОРОН В АДМИНИСТРАТИВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ON RECONCILIATION OF THE PARTIES IN ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

МИТАШОВА Анастасия Анатольевна,
магистрант юридического факультета им А.А. Хмырова
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
E-mail: mitashovaa@bk.ru;

ИВАНЕНКО Игорь Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент, доценты кафедры гражданского процесса и международного права
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
E-mail: ivanenko.igor@mail.ru;

ВИЛЬГАУК Валерий Юрьевич,
магистрант юридического факультета им А.А. Хмырова
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет».
350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
E-mail: v.vilgauk@gmail.ru;

MITASHOVA Anastasia Anatolyevna,
Graduate student of the A.A. Khmyrov Faculty of Law Kuban State University.
Krasnodar, Stavropol str., 149, 350040, Russia.
E-mail: mitashovaa@bk.ru;

IVANENKO Igor Nikolaevich,
Candidate of Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Civil Procedure and International Law Kuban State University.
Krasnodar, Stavropol str., 149, 350040, Russia.
E-mail: ivanenko.igor@mail.ru;

VILGAUK Valery Yurievich,
Graduate student of the A.A. Khmyrov Faculty of Law Kuban State University.
Krasnodar, Stavropol str., 149, 350040, Russia.
E-mail: v.vilgauk@gmail.ru

Краткая аннотация: В рамках данного исследования проводится сравнительный анализ института примирительных процедур в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Сравнительный анализ проводился по ряду признаков, таких как понятие и его содержание, форма осуществления, сроки, порядок и принципы проведения, процессуальные последствия применения, результаты применения процедуры, отдельно необходимо провести сравнительную характеристику соглашения о примирении (мирового соглашения) как одной из форм примирительной процедуры. На основании анализа авторы выявили некоторые особенности примирительных процедур в административном судопроизводстве. В результате анализа были выявлены некоторые проблемные аспекты в рамках исследуемого института, предложены рациональные пути решения.

Abstract: Within the framework of this study, a comparative analysis of the institute of conciliation procedures in the framework of civil, arbitration and administrative proceedings is carried out. A comparative analysis was carried out on a number of grounds, such as the concept and its content, the form of implementation, the timing, procedure and principles of implementation, the procedural consequences of application, the results of the procedure, it is necessary to conduct a comparative characteristic of the reconciliation agreement (settlement agreement) separately as a form of conciliation procedure. Based on the analysis, the authors have identified some features of conciliation procedures in administrative proceedings. As a result of the analysis, some problematic aspects were identified within the framework of the institute under study, and rational solutions were proposed.

Ключевые слова: административное судопроизводство; примирительные процедуры; соглашение о примирении; пробелы; КАС РФ.
Keywords: administrative proceedings; conciliation procedures; reconciliation agreement; gaps; CAS of the Russian Federation.

Для цитирования: Миташова А.А., Иваненко И.Н., Вильгаук В.Ю. О примирении сторон в административном судопроизводстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 208-212. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_208.

For citation: Mitashova A.A., Ivanenko I.N., Vilgauk V.Yu. On reconciliation of the parties in administrative proceedings // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 208-212. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_208.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

К числу задач административного судопроизводства п. 5 ст. 3 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее – КАС РФ) относит мирное урегулирование споров [1]. Примечателен тот факт, что процессуальный закон не раскрывает понятие «примирение сторон», однако содержит нормы, направленные на правовую регламентацию данного института.

Следует отметить, что примирение сторон – довольно не типичный институт для административного судопроизводства ввиду специфических черт данного вида цивилистического процесса. Казалось бы, какое может возникнуть примирение по делам, в которых одной из сторон выступает обычное физическое лицо, защищающее свои права и интересы, а с другой стороны – орган, наделенный государственно-властными полномочиями. Иными словами – стороны не равны по своему положению, дела носят публичный характер. И все же, примирение – не миф, и таковое возможно

однако далеко не по всем категориям административных дел.

Статистические данные Судебного департамента при ВС РФ наглядно демонстрируют то обстоятельство, что институт примирения – не слишком востребован в административном судопроизводстве. Так, например, в 2021 году число оконченных примирением административных дел составило 28 (в то время как в гражданском процессе 7 203, в 2022 году количество немного увеличилось до 56 дел (в гражданском процессе – 9 843), в 2023 году показатель 224 (в гражданском судопроизводстве – 12 906) [12]. Статистика наглядно свидетельствует о невостребованности института примирения сторон в рамках административного судопроизводства.

Анализ положений действующего законодательства позволяет выделить ряд категорий дел, по которым стороны могут достичь примирения. К таким, например, относятся дела об оспаривании результатов кадастровой стоимости (гл. 25 КАС РФ) [1], дела о приостановлении, ликвидации или запрете деятельности некоммерческих организаций [9], дела об оспаривании предложения об изменении места и времени проведения публичного мероприятия [10], в некоторых спорах с налоговыми органами (например, в делах о зачете или возврате сумм излишне уплаченных налогов, о порядке и способе погашения задолженности перед бюджетом страны [11] и др.

Однако, существует ряд категорий дел, по которым примирение категорически невозможно. Законодательство к таковым относит преимущественно дела о прекращении деятельности средств массовой информации; о запрете деятельности общественного объединения или религиозной организации; об оспаривании нормативно-правовых актов, о защите избирательных прав и права на участие в референдуме; о защите интересов несовершеннолетнего или лица, признанного в установленном порядке недееспособным, в случае отказа законного представителя от медицинского вмешательства, необходимого для спасения жизни, а также по делам, связанным с депортацией и реадмиссией, о приостановлении деятельности или ликвидации политической партии, другого общественного объединения, религиозной и иной некоммерческой организации, об исключении сведений о некоммерческой организации из государственного реестра; [1], об оспаривании отказа органа публичной власти в согласовании проведения публично-мероприятия [10].

Анализ категорий дел, не допускающих примирение, позволяет сделать вывод о том, что запрет на проведение примирительных процедур в данных случаях обусловлен тем обстоятельством, что характер данных категорий споров регулирует сферу правоотношений, направленных на защиту неопределенного круга лиц и публичных интересов.

На наш взгляд, в рамках анализа и выявления особенностей примирения сторон в административном судопроизводстве необходимо провести сравнение данного института в рамках трех видов цивилистических процессов.

Сравнение примирительных процедур необходимо проводить по ряду признаков, таких как понятие и его содержание, форма осуществления, сроки, порядок и принципы проведения, процессуальные последствия применения, результаты применения процедуры, отдельно необходимо провести сравнительную характеристику соглашения о примирении (мирового соглашения) как одной из форм процедур примирения участников процесса.

Исследование положений глав 14.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее - ГПК РФ) [2], 15 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее - АПК РФ) [3] и ст. 137-137.7 КАС РФ [1] позволяет выявить следующие особенности примирительных процедур в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Первое на что надлежит акцентировать внимание – ГПК РФ и АПК РФ экстрагируют нормы о процедурах примирения в отдельные главы, в то время как КАС РФ ограничивается лишь рядом статей в данном аспекте.

Целесообразно отметить, что все обозначенные выше процессуальные законы не имеют легального закрепления понятия «примирительная процедура». А вот в части, касающейся содержания данного термина – ГПК РФ и АПК РФ не устанавливают отличительных особенностей данного понятия, содержание такового раскрывается как действия суда (меры), направленные на примирение сторон в споре, на основании интересов сторон и задач судопроизводства (п.1 ст. 153.1 ГПК РФ; п. 1 ст. 138 АПК РФ) [2, 3]. Тем временем КАС РФ в содержание примирительных процедур не включает указание на суд как на субъекта, осуществляющего действия по примирению сторон. При этом содержание процедур по КАС РФ немного более расширено в сравнении с ГПК РФ и АПК РФ – «примирение сторон может касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных публичных правоотношений и возможно в случае допустимости взаимных уступок сторон» (п. 1 ст. 137 КАС РФ) [1].

Усматривается особенность административного судопроизводства в институте примирения сторон в вопросе о процессуальных последствиях в случае примирения примирительной процедуры. В данном случае следует сказать о том, что КАС РФ вопреки ГПК РФ и АПК РФ однозначно устанавливает в п. 2 ст. 137 КАС РФ [1] процессуальное последствие в виде приостановления производства по делу наряду с перерывом в заседании и отложением судебного разбирательства. Необходимо обозначить, что прямо о приостановлении производства по делу до окончания утвержденной примирительной процедуры ни ГПК РФ ни АПК РФ не говорят, однако, как следует из содержания п. 5 ст. 153.2 ГПК РФ [2] и п. 5 ст. 138.1 АПК РФ [3] предусматривают возможность возобновить производство по делу в случае, если стороны не достигли примирения, отказались от проведения примирительных процедур либо истек срок их проведения.

Отдельно необходимо обратить внимание на одну из форм примирительных процедур – соглашение. ГПК РФ и АПК РФ указывают лишь на общее понятие «соглашение», в то время как КАС РФ делает упор на «соглашение о примирении». Из анализа ст.ст. 153.8 – 153.11 ГПК РФ и ст.ст.

139-142 АПК РФ под соглашением в данных случаях подразумевается исключительно «мировое соглашение». При этом, если рассуждать о некоторых отличительных моментах КАС РФ от ГПК РФ и АПК РФ в данном вопросе, то следует сказать, что КАС РФ уделяет меньше внимания регламентации соглашения о примирении (ст.ст. 137-137.1 КАС РФ) [1], по сравнению с иными сравниваемыми процессуальными кодексами (ст.ст. 153.8 – 153.11 ГПК РФ; ст.ст. 139-142 АПК РФ).

По поводу формы заключения соглашения – в данном аспекте необходимо отметить, что ГПК РФ и АПК РФ предъявляют аналогичные требования – письменная форма, с обязательным подписанием сторон. Если подписывает соглашение представитель, то в доверенности должно быть отражено полномочие именно на подписание данного акта между тягущимися сторонами в деле. При этом, как следует из норм АПК РФ и ГПК РФ, представитель может не только подписать соглашение, но и заключить его (опять же, при наличии в доверенности данного полномочия). Из смысла норм КАС РФ предполагается, что представитель при наличии необходимого полномочия может только подписать соглашение о примирении (а не заключать его).

В содержании мирового соглашения (по ГПК РФ и АПК РФ) необходимо обязательно отразить ряд важных положений, о которые закон прямо указывает в качестве необходимых, например, таких, как условия, размер, сроки исполнения сторонами обязательств. Однако при этом законом предусмотрены и положения, которые допустимо включить в текст соглашения, например, условия об отсрочке и рассрочке исполнения обязательств, уступка требований и другие. Соглашение может содержать условие по вопросу о распределении судебных расходов. Отличает в данном вопросе КАС РФ, то, что в нем не говорится о нормах, регламентирующих возможность включить в текст соглашения о примирении условие о возможности отражения дополнительных положений (по аналогии с ГПК РФ и АПК РФ).

В АПК РФ и КАС РФ регламентируется незначительно, но больше результатов примирительных процедур, что нельзя сказать о ГПК РФ. Подписание письма-согласия на государственную регистрацию товарного знака продиктовано спецификой арбитражного судопроизводства (отличными от других видов судопроизводств дел по спорам о защите интеллектуальных прав с участием организаций, осуществляющих коллективное управление авторскими и смежными правами, а также по спорам, отнесенным к подсудности Суда по интеллектуальным правам). Соглашение по обстоятельствам (в АПК РФ и КАС РФ) применяется как альтернатива мировому соглашению, когда между сторонами достигнуто взаимопонимание по ранее спорным фактическим обстоятельствам дела, но отсутствует согласие об уступках по заявленным требованиям.

В результате проведенного сравнительного анализа можно выделить следующие отличительные для административного судопроизводства характеристики примирительных процедур.

Процессуальный закон не раскрывает понятия «примирительные процедуры, а содержит лишь указание на их виды, форму осуществления, порядок проведения и последствия применения. В связи с чем усматривается необходимость в выработке дефиниции, содержащей всеобъемлющее положение о данном тезисе.

Так, например, научный деятель О.Н. Здрок в одном из своих научных трудов вывел следующее понятие примирительных процедур: «как предусмотренных законом, договором или существующих на уровне обычая процедур, имеющих целью урегулирование конфликта его сторонами путем выработки в ходе переговоров с привлечением или без привлечения иных лиц соглашения, результатом которого становится отказ сторон конфликта от обращения за его разрешением в юрисдикционные органы либо окончание юрисдикционного процесса без вынесения акта по делу» [4, с.7].

Приемлемым считаем рассматривать термин «примирительные процедуры» как действия суда и участников судопроизводства (в частности, административного), совершаемые ими в установленной законом форме, направленные на урегулирование конфликта между сторонами спора, с привлечением третьих лиц или без привлечения таковых, применяемые или утверждаемые судом с целью окончания такого конфликта без вынесения правоприменительного акта, разрешающего дело по существу.

Упущением законодателя считаем факт отсутствия в тексте КАС РФ указания на то, что именно суд выступает «субъектом примирения». Суд, как орган, отправляющий правосудие, в институте примирительных процедур играет значительную роль, поскольку не только стороны могут ходатайствовать о применении примирительных процедур, но и суд может выступать в качестве инициатора данных процедур, только посредством вынесения судом определения утверждается примирительная процедуры в деле. Безусловно, указание в КАС РФ на возможность использования примирительной процедуры в случае допустимости взаимных уступок – важный фактор, обусловленной спецификой административных дел, однако, не указание на суд как на субъекта-примиряющего стороны по делу – пробел, нуждающийся в восполнении.

Возможно, данный законодательный прием построения ст. 137 КАС РФ выступает в роли предложения, созданного с целью «зрительного» отделения норм (недопущения дублирования с ГПК РФ и АПК РФ), однако, в обозначенной ситуации авторы данной работы не усматривают в этом действии рациональности. В связи с чем полагаем необходимым внести изменения в п. 1 ст. 137 КАС РФ и отобразить его в следующей редакции:

«Действия суда (меры), направленные на примирение сторон, могут касаться только их прав и обязанностей как субъектов спорных правоотношений. Примирение возможно в случае допустимости взаимных уступок».

Отличительной чертой института примирения участников административного судопроизводства выступает факт прямого закрепления в процессуальном кодексе последствия движения дела в случае утверждения примирительной процедуры, а именно правового последствия в виде приостановления производства по административному делу. Важно отметить, что несмотря на то, что ГПК РФ и АПК РФ не содержат прямого указа-

ния на приостановление производства по делу в случае применения примирительной процедуры, тем не менее, из смысла процессуальных законов данный аспект так или иначе предполагается, поскольку п. 5 ст. 153.2 ГПК РФ [2] и п. 5 ст. 138.1 АПК РФ [3] содержат указание на возобновление производства по делу в случае, если стороны не достигли примирения, отказались от проведения примирительных процедур либо истек срок их проведения. Возобновление производства осуществляет суд.

Специфической чертой соглашения о примирении в рамках административного судопроизводства можно назвать и следующую. Гражданское и арбитражное судопроизводства устанавливают аналогичные процедуры, однако называется она как «мировое соглашение». Анализ норм позволяет сделать вывод о том, что соглашение о примирении в рамках административного судопроизводства и мировое соглашение в арбитражном и гражданском процессе отличаются друг от друга только названием указанной процедуры. Небольшой момент, на котором можно сделать акцент, касается формы соглашения. Следует отметить, что АПК РФ и ГПК РФ обращают внимание на то, что если мировое соглашение подписывает представитель стороны по делу, то полномочие на заключение соглашения должно быть специально оговорено в доверенности, в то время как КАС РФ дает представителям сторон возможность подписать соглашение о примирении в случае наличия данного полномочия (на подписание) в доверенности. Из анализа норм процессуальных законов усматривается вывод о том, что в рамках гражданского и арбитражного судопроизводства представители могут не только подписывать от имени представляемого лица мировое соглашение, но и могут его непосредственно заключать, а в административном судопроизводстве – только подписывать.

К вопросу о том, почему ГПК РФ и АПК РФ закрепили термин «мировое соглашение», а КАС РФ «соглашение о примирении» стоит отметить следующее. В доктрине выработалось несколько подходов в вопросе отождествления указанных конструкций. Так, одни авторы (Шеменова О.Н. [5, С.38], Бегдан О.Л. [6, С.77]) в своих трудах говорят о том, что данные понятия являются синонимичными. В обоснование своей позиции авторы заявляют, что данные соглашения выступают материально-правовыми договорами. Другие авторы (Рожкова М.А. [7, с. 291], Блажеев В.В. [8, С.60]) не ставят данные дефиниции в один ряд, поскольку суд, рассматривая и разрешая административное дело, проверяет законность оспариваемых решений, совершенных действий (бездействия) публичных органов власти и на решение данного дела не могут повлиять те или иные договоренности между заявителем и заинтересованным лицом, ведь предметом деятельности суда при рассмотрении административных дел является не разрешение спора о праве, в защиту которого предъявлялись требования, а проверка действий и решений субъектов, наделенных публично-правовыми полномочиями.

На наш взгляд, в правовой дискуссии в отношении данного вопроса необходимо придерживаться подхода об отождествлении дефиниций «мировое соглашение» и «соглашение о примирении», поскольку анализ норм трех процессуальных кодексов в данной области позволяет сделать вывод о практически полном совпадении указанных норм друг с другом. Разница прослеживается минимальная, и в значительной степени в наименовании соглашения (понятийном аппарате). На наш взгляд, в содержании ст. 137 КАС РФ прослеживается тенденция законодателя разграничить указанные соглашения друг от друга исключительно в визуальном аспекте, в то же время анализ исключительно легально закрепленных понятий соглашений не имеет неимоверных различий. Сохраняющееся в настоящее время терминологическое различие не имеет принципиального значения в вопросе унификации терминов. И в том, и в другом случае стороны приходят к соглашению об урегулировании спора на взаимовыгодных требованиях, установленных ими совместно в результате достигнутых договоренностей, и принимают на себя определенные обязанности по отношению друг к другу, а само соглашение приобретает юридическую силу в результате его утверждения судом после тщательной проверки установленных сторонами условий с тем чтобы они соответствовали законодательству и не нарушали права других лиц. Утверждение соглашения, завершающего спор, становится основанием для прекращения производства по делу.

Анализ положений действующих процессуальных кодексов о примирительных процедурах позволяет сделать вывод о том, что КАС РФ содержит сравнительно небольшой ряд особенностей данного института, однако, практически все они касаются в основном лишь понятийной составляющей данного законодательного явления. Тем не менее терминологический аспект безусловно важен в законодательстве, поскольку пробелы в данном аспекте чреваты негативными последствиями первую очередь для правоприменительной и судебной практики. Выявленные пробелы и недостатки института примирительных процедур, предложенные пути решения обозначенных несовершенств помогут довести «молодой» кодекс до логического соответствия в частности, и безусловно призваны положительно сказаться на административном судопроизводстве в целом.

Вопрос о действительной актуальности использования примирительных процедур в административном судопроизводстве по мнению авторов исследования вызывает куда больше критики и категоричности, нежели поддержку. В качестве подтверждения довода о нецелесообразности и неперспективности данного института выступают аргументы о специфике и сущностной природе самого административного судопроизводства, обширного количества дел, по которым закон прямо предусматривает ограничение в использовании примирения и, конечно же, судебная статистика (пот всей видимости, суды сами неохотно стремятся применять данный институт). Безусловно, судебные показатели растут с каждым годом, но данный рост – далеко не стремительный. На наш взгляд, целесообразность примирительных процедур в административном судопроизводстве – близка к нулю. В будущем авторами усматривается необходимость в унификации института примирения в рамках рассмотрения административных дел вовсе.

Библиография:

1. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 № 21-ФЗ // СЗ РФ. 09.03.2015. № 10. Ст. 1391.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3012.
4. Здрок О.Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе: автореферат дисс. ... доктора юрид. наук: по специальности 12.00.15 Гражданский процесс; хозяйственный процесс; арбитражный процесс. Минск, 2019. 52с.
5. Шеменева О.Н. Соглашение о примирении в административном судопроизводстве: принципиальная допустимость и соотношение с мировым соглашением в гражданском процессе/ А. М. Шеменева // Юрист. 2016. № 10. С. 37-40.
6. Бегдан О.Л. Институт соглашения о примирении по административному делу: его соотношение с мировым соглашением и правовая природа/О. Л. Бегдан// Административное право и процесс. 2016. №3. С. 75-78.
7. Рожкова М.А. О некоторых чертах сходства мирового соглашения с соглашением, заключаемым по делам, возникающим из публичных правоотношений / М. А. Рожкова // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / Редакторы: Лесницкая Лидия Францевна, Рожкова Марина Александровна. М.: ООО «Издательство «СТАТУТ», 2008. С. 288-303.
8. Блажеев В. В. Заключение соглашения в порядке ст. 190 АПК РФ: (дискуссия) // Арбитражная практика. 2004. № 1. С. 60.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 064 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами дел, связанных с приостановлением деятельности или ликвидацией некоммерческих организаций, а также запретом деятельности общественных или религиозных объединений, не являющихся юридическими лицами» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 14.05.2024).
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 28 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел и дел об административных правонарушениях, связанных с применением законодательства о публичных мероприятиях» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 14.05.2024).
11. Письмо ФНС России от 02.10.2013 № СА-4-7/17648 «О практике заключения мировых соглашений налоговыми органами с налогоплательщиками в судах» // СПС «КонсультантПлюс» (Дата обращения: 14.05.2024).
12. Отчет о работе судов общей юрисдикции и мировых судей по первой инстанции по рассмотрению гражданских и административных дел оконченных применением примирительной процедуры за 2021, 2022 и 2023 гг. [Раздел 8] // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.cdep.ru/> (Дата обращения: 15.05.2024 г).

References:

1. The Code of Administrative Procedure of the Russian Federation dated 08.03.2015 No. 21-FZ // SZ RF. 09.03.2015. No. 10. Art. 1391.
2. The Civil Procedure Code of the Russian Federation dated 11/14/2002 No. 138-FZ // SZ RF. 11/18/2002. No. 46. Art. 4532.
3. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation dated 07/24/2002 No. 95-FZ // SZ RF. 07/29/2002. No. 30. St. 3012.
4. Zdrok O.N. Conciliation procedures in the civil process: abstract of the dissertation... doctors of law. sciences': specialty 12.00.15 Civil procedure; business process; arbitration process. Minsk, 2019. 52c.
5. Shemenewa O.N. Reconciliation agreement in administrative proceedings: fundamental admissibility and correlation with an amicable agreement in civil proceedings / A.M. Shemenewa // Lawyer. 2016. No. 10. pp. 37-40.
6. Begdan O.L. Institute of an agreement on reconciliation in an administrative case: its correlation with an amicable agreement and the legal nature/O. L. Begdan// Administrative law and process. 2016. No.3. pp. 75-78.
7. Rozhkova M.A. On some similarities between a settlement agreement and an agreement concluded in cases arising from public legal relations / M. A. Rozhkova // Prob-lematic issues of civil and arbitration processes / Editors: Lesnitskaya Lidiya Frantsevna, Rozhkova Marina Alexandrovna. M.: LLC "Publishing House "STATUTE", 2008. pp. 288-303.
8. Blazheev V. V. Conclusion of an agreement in accordance with Article 190 of the APC of the Russian Federation: (discussion) // Arbitration practice. 2004. No. 1. p. 60.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 27, 2016 No. 064 "On some issues arising during the consideration by the courts of cases related to the suspension or liquidation of non-profit organizations, as well as the prohibition of the activities of public or religious associations that are not legal entities" // SPS "ConsultantPlus" (Date of appeal: 05/14/2024).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/26/2018 No. 28 "On some issues arising from courts when considering administrative cases and cases of administrative offenses related to the application of legislation on public events" // SPS "ConsultantPlus" (Date of appeal: 05/14/2024).
11. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 10/22/2013 No. SA-4-7/17648 "On the practice of concluding amicable agreements between tax authorities and taxpayers in courts" // SPS "ConsultantPlus" (Date of application: 05/14/2024).
12. Report on the work of courts of general jurisdiction and magistrates of the first instance on the consideration of civil and administrative cases completed by the application of the conciliation procedure for 2021, 2022 and 2023. [Section 8] // Official website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. An electronic resource. Access mode: <http://www.cdep.ru/> (Date of application: 05/15/2024).

СИСТЕМА ГАРАНТИЙ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД КОНТРОЛИРУЕМЫХ ЛИЦ ПРИ РЕАЛИЗАЦИИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ПРОЦЕДУР THE SYSTEM OF GUARANTEES FOR ENSURING THE RIGHTS AND FREEDOMS OF CONTROLLED PERSONS IN THE IMPLEMENTATION OF ADMINISTRATIVE CONTROL AND SUPERVISORY PROCEDURES

МОРОЗОВ Сергей Андреевич

ассистент кафедры административного и финансового права юридического факультета ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

603115, Россия, Нижегородская область, г. Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4.

E-mail: sergeymorozov@jur.unn.ru;

MOROZOV Sergey Andreevich

Assistant of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty

of the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.

603115, Russia, Nizhny Novgorod Region, Nizhny Novgorod, Ashkhabadskaya St., 4.

E-mail: sergeymorozov@jur.unn.ru

Краткая аннотация: в рамках настоящей статьи автором рассматривается существующая система гарантий защиты прав и свободы контролируемых лиц (граждан и организаций) в ходе осуществления органами исполнительной власти административных контрольно-надзорных процедур. В результате анализа действующего законодательства делается вывод о существовании юридических, информационных и этических гарантий.

Abstract: In this article, the author examines the existing system of guarantees for the protection of rights and freedoms of controlled persons (citizens and organizations) in the course of the implementation of administrative control and supervisory procedures by executive authorities. As a result of the analysis of current legislation, a conclusion is made about the existence of legal, informational and ethical guarantees.

Ключевые слова: государственный контроль, административный надзор, административные контрольно-надзорные процедуры, юридические гарантии, защита прав, досудебное обжалование.

Keywords: state control, administrative supervision, administrative control and supervisory procedures, legal guarantees, protection of rights, pre-trial appeal.

Для цитирования: Морозов С.А. Система гарантий обеспечения прав и свобод контролируемых лиц при реализации административных контрольно-надзорных процедур // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 213-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_213.

For citation: Morozov S.A. The system of guarantees for ensuring the rights and freedoms of controlled persons in the implementation of administrative control and supervisory procedures // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 213-216. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_213.

Статья поступила в редакцию: 01.09.2024

Введение

Принятие в 2020 году ряда федеральных законов, реформирующих контрольно-надзорную деятельность, среди которых прежде всего необходимо выделить федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон «О государственном контроле») [1], ознаменовало завершение одного из этапов реформирования контроля (надзора).

Несмотря на некоторые критические замечания в адрес указанного закона, научное сообщество в целом приветствовало его вступление в силу. По мнению Д. С. Фесько, данный закон является прорывным с позиций обеспечения прав контролируемых лиц, устанавливает новую систему координат во взаимоотношениях контрольно-надзорных органов и контролируемых лиц [2, с. 163].

В пояснительной записке к законопроекту его авторы особо акцентировали внимание на установлении прав граждан и организаций, порядке возмещения вреда, институте досудебного обжалования и иных инструментах, обеспечивающих защиту прав и свобод контролируемых лиц [3].

В связи с обширными изменениями, внесёнными Федеральным законом «О государственном контроле» в контрольно-надзорную деятельность, его направленностью на обеспечение дополнительной защиты прав и свобод граждан и организаций в ходе осуществления органами исполнительной власти государственного контроля и надзора, появляется необходимость исследовать данные нормы, установить их достаточность для надлежащего правового регулирования указанных отношений.

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе установления и осуществления административных контрольно-надзорных процедур органами исполнительной власти, предмет исследования составили правовые нормы, регулирующие деятельность по осуществлению государственного контроля (надзора). При проведении исследования были использованы различные методы, в том числе сравнительно-правовой метод, формально-юридический метод, метод толкования права.

Теоретическая новизна

Слово «гарантия», в соответствии с Большим толковым словарём русских существительных, представляет собой «Социальное действие, представляющее собой обеспечение осуществления чего-л., выполнения каких-л. обязательств» [4]. Относительно юридических гарантий должно говорить о существующих правилах, установках, мероприятиях, обеспечивающих надлежащее исполнение какой-либо государственной функции (в рамках настоящего исследования такой функцией является государственный контроль), защиту прав и свобод граждан и организаций при реализации указанной государственной функции.

Как отмечают В. П. Сальников и С. Г. Стеценко, одно из важнейших свойств юридических гарантий выражается в их закреплении в законодательстве [5, с. 47]. Главенство прав и свобод человека и гражданина, установленное Конституцией Российской Федерации, непосредственно выражается в текстах различных нормативных правовых актов.

Анализ норм Федерального закона «О государственном контроле» показывает, что формированию гарантий защиты прав и законных интересов посвящены положения, устанавливающие: принципы государственного контроля и надзора; права контролируемых лиц, ограничения и запреты при осуществлении контроля; институт обжалования действий и решений контрольно-надзорных органов и их должностных лиц; перечень грубых нарушений требований к организации и проведению контрольно-надзорных процедур, влекущих безусловную отмену принятых решений; требования к проведению контрольных (надзорных) мероприятий, в том числе информированию контролируемых лиц [1].

Необходимо также отметить, что ряд положений Федерального закона «О государственном контроле» являются новеллами для контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации, в том числе в части нормативного правового регулирования установления и реализации административных контрольно-надзорных процедур, появлении такого источника как положения о виде контроля (надзора), установления приоритета профилактических мероприятий, увеличения числа форм контроля (надзора), введения обязательного досудебного обжалования.

Таким образом, преобразования контрольно-надзорной сферы формируют необходимость анализа произошедших изменений, в том числе в части обеспечения прав и свобод граждан и организаций при реализации органами исполнительной власти административных контрольно-надзорных процедур, выявлении нормативного содержания этих гарантий.

Анализ гарантий, установленных Федеральным законом «О государственном контроле»

Главой 2 Федерального закона «О государственном контроле» установлена система принципов осуществления государственного контроля (надзора) в Российской Федерации, к которым относятся принципы: законности и обоснованности, стимулирования добросовестного соблюдения обязательных требований соразмерности вмешательства в деятельность контролируемых лиц, охраны прав и законных интересов, уважение достоинства личности, деловой репутации контролируемых лиц, недопустимости злоупотребления правом, соблюдения охраняемой законом тайны, открытости и доступности информации об организации и осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, оперативности при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля [1].

Соблюдение органами исполнительной власти, реализующими контрольно-надзорные функции, принципов осуществления государственного контроля (надзора), рассматривается нами в качестве основы установления гарантий защиты прав и свобод контролируемых лиц. Необходимость соблюдать принципы государственного контроля (надзора) также подчёркивается в судебных актах, например, в одном из постановлений Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа: «универсальный принцип законности... является основой для иных принципов, подлежащих соблюдению контролирующими органами при проведении проверок, ... в том числе принцип исполнимости обязательных требований, содержащихся в вынесенном по результатам контроля акте» [6].

Непосредственно в качестве гарантий стоит прежде всего рассматривать права контролируемых лиц, установленные главой 8 Федерального закона «О государственном контроле». Так, контролируемые лица при осуществлении государственного контроля (надзора), имеют право:

- присутствовать при проведении профилактических и контрольных (надзорных) мероприятий, давать пояснения по вопросам их проведения;
- получать от контролирующих органов информацию, которая относится к предмету профилактических и контрольных мероприятий, информацию о сведениях, которые стали основанием для проведения внепланового контрольного (надзорного) мероприятия, в том числе в случае проведения указанного мероприятия по требованию прокурора (за исключением сведений, составляющих охраняемую законом тайну);
- знакомиться с результатами контрольных (надзорных) мероприятий, контрольных (надзорных) действий, сообщать контрольному (надзорному) органу о своем согласии или несогласии с ними;
- обжаловать действия (бездействие) должностных лиц контрольного (надзорного) органа, решения контрольного (надзорного) органа, повлекшие за собой нарушение прав контролируемых лиц при осуществлении государственного контроля (надзора), муниципального контроля, в досудебном и (или) судебном порядке;
- привлекать Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по защите прав предпринимателей, его общественных представителей либо уполномоченного по защите прав предпринимателей в субъекте Российской Федерации к участию в проведении контрольных (надзорных) мероприятий [1].

Также статьей 37 Федерального закона «О государственном контроле» предусмотрен перечень ограничений и запретов, связанных с ис-

полнением инспекторами своих полномочий, в том числе запрет на проведение контрольных мероприятий, не предусмотренных решением руководителя контрольного (надзорного) органа, запрет требовать представления документов, информации, проб (образцов) продукции (товаров), материалов, веществ, если они не относятся к предмету контрольного (надзорного) мероприятия, а также изымать оригиналы таких документов и ряд иных запретов.

С нарушением прав контролируемых лиц тесно связано установление перечня грубых нарушений требований к организации и осуществлению государственного контроля (надзора). Статья 91 Федерального закона «О государственном контроле» содержит перечень из 12 подобных нарушений, совершение каждого из которых влечёт безусловную отмену результатов проведённой административной контрольно-надзорной процедуры [1]. В указанное число грубых нарушений входит, в частности, нарушение требований об уведомлении о проведении контрольного (надзорного) мероприятия в случае, если такое уведомление является обязательным (пункт 3 части 2 статьи 91 Федерального закон). Так, в ходе рассмотрения дела об обжаловании в кассационной инстанции дела об оспаривании действий должностных лиц судом было установлено проведение проверки в отсутствие контролируемого лица, причём доказательств его уведомления о планируемой к проведению проверке представлено не было. Судом также были дополнительно подчёркнуты положения пункта 1 статьи 36, пунктов 3-4 статьи 37 Федерального закона «О государственном контроле» [7].

Важным инструментом обеспечения защиты прав и свобод контролируемых лиц является наличие института обжалования действий (бездействия) и решений контролирующих органов. Соблюдение процедуры досудебного обжалования является обязательным условием, необходимым для дальнейшего обжалования решений контрольного органа, действий (бездействия) его должностных лиц в суде.

Чаще всего, именно в рамках обжалования устанавливается и подтверждается совершение грубых нарушений порядка проведения контрольных (надзорных) мероприятий. Важность процедуры обжалования также подчёркивает статистика: в 2022 году был отмечен стабильный рост обращений, поступающих посредством подсистемы досудебного обжалования, при этом 32 % жалоб на решения и (или) действия контрольных органов удовлетворяются в пользу заявителя, что по мнению министра экономического развития Российской Федерации М. Г. Решетникова, указывает на готовность ведомств «признавать недочеты в своей работе» [8].

В качестве гарантий защиты прав и свобод граждан в рамках осуществления административных контрольно-надзорных процедур стоит отметить рассматривать и непосредственно порядок осуществления данных процедур. Наличие строгих рамок, установление требований к планированию, осуществлению, оформлению административных процедур, способствует снижению административной дискреции и коррупциогенных рисков [9, с. 21].

В целом, существующая система гарантий представляется нам достаточной, однако нельзя не отметить наличие в научной среде предложений по её модернизации и совершенствованию. Так, Д. С. Фесько предлагает в качестве таковых рассматривать цифровизацию государственного контроля (надзора), введение форм бесконтактных коммуникаций, внедрение электронных форм взаимоотношений с контролируемыми лицами [10]. Данные предложения оцениваются нами положительно, как соответствующие направленности нового федерального закона на развитие информационного обеспечения государственного контроля (надзора).

Выводы

Нами были рассмотрены нормы Федерального закона «О государственном контроле», в результате чего установлено основное содержание гарантий защиты прав и законных интересов граждан и организаций в ходе осуществления органами исполнительной власти процедур государственного контроля (надзора). Указанные гарантии, основываясь на принципах осуществления государственного контроля (надзора), прежде всего состоит из прав контролируемых лиц, ограничений и запретов при осуществлении контроля; института обжалования; перечня грубых нарушений требований к организации и проведению контрольно-надзорных процедур, влекущих безусловную отмену принятых решений; требований к порядку проведения контрольных (надзорных) мероприятий, в том числе к информированию контролируемых лиц.

Принимая во внимание вышеизложенное, считаем, что наличествующую систему гарантий можно представить в виде комплекса юридических, информационных и этических гарантий.

К юридическим гарантиям относятся права, предоставляемые лицам, в отношении которых осуществляется мероприятия по государственному контролю (надзору), в том числе право на внесудебную и судебную защиту своих прав.

К информационным гарантиям следует отнести обязанность должностных лиц контрольно-надзорных органов разъяснять контролируемым лицам их права, обязанности, ответственность, а кроме того, производить информирование о совершении в отношении их контрольных (надзорных) мероприятий и иных административных действий. К информационным гарантиям также стоит отнести право на получение информации от контролирующих органов.

Считаем также возможным выделить блок этических гарантий, к которым относим запрет на принятие решений и совершение действий (бездействия), унижающих достоинство личности либо умаляющих деловую репутацию организации, индивидуального предпринимателя при организации и осуществлении государственного контроля (надзора).

Библиография:

1. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ». – 03.08.2020. – № 31 (часть 1). – Ст. 5007.

2. Фесько Д. С. Новое законодательство о государственном контроле (надзоре) и гарантии прав контролируемых лиц // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2021. № 1. С. 163-171.
3. Пояснительная записка к проекту федерального закона «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (дата обращения: 27.06.2024).
4. Большой толковый словарь русских существительных // Грамота.ру [Электронный ресурс] URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/> (дата обращения: 07.02.2024).
5. Сальников В. П. Юридические гарантии обеспечения медицинской деятельности (теоретико-правовой аспект) / В. П. Сальников, С. Г. Стеценко // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2006. – № 1(29). – С. 47-51.
6. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 13.05.2024 № Ф02-1804/2024 по делу № А33-16964/2023 // Электронное правосудие [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения 01.09.2024).
7. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 02.07.2024 № Ф06-4041/2024 по делу № А49-8213/2023 // Электронное правосудие [Электронный ресурс]. URL: <https://ras.arbitr.ru> (дата обращения 10.08.2024).
8. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2022 год // Сайт Правительства Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/> (дата обращения: 12.08.2024).
9. Морозов С. А. Административные процедуры как средство достижения законности при проведении государственного контроля и надзора // Законность и правопорядок. – 2022. – № 1(33). – С. 19-22
10. Фесько Д. С. Административно-правовые гарантии обеспечения прав граждан и организаций при осуществлении государственного контроля (надзора): теория и практика: монография / под науч. ред. В. В. Черникова. – Москва: Проспект, 2023. – 224 с.

References:

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ (as amended on August 8, 2024) "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // "Collected Legislation of the Russian Federation". - August 3, 2020. - No. 31 (Part I). - Art. 5007.
2. Fesko D.S. (2021) New Legislation on State Control (Supervision) and Guarantees of the Rights of Supervised Persons. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky*, 1, 163-171.
3. Explanatory Note to the Draft Federal Law "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" // System for Ensuring Legislative Activity [Electronic Resource]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/> (date of access: 27.06.2024).
4. Large explanatory dictionary of Russian nouns // Gramota.ru [Electronic resource] URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/> (date of access: 07.02.2024).
5. Salnikov V. P. (2006) Legal guarantees for ensuring medical activity (theoretical and legal aspect). *Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 1 (29), 47-51.
6. Resolution of the Arbitration Court of the East Siberian District dated 13.05.2024 No. F02-1804/2024 in case No. A33-16964/2023 // Electronic justice [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru> (date of access 09/01/2024).
7. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 07/02/2024 No. F06-4041/2024 in case No. A49-8213/2023 // Electronic justice [Electronic resource]. URL: <https://ras.arbitr.ru> (date of access 08/10/2024).
8. Consolidated report on state control (supervision), municipal control in the Russian Federation for 2022 // Website of the Government of the Russian Federation [Electronic resource]. URL: <http://government.ru/> (date of access: 12.08.2024).
9. Morozov S. A. (2022) Administrative procedures as a means of achieving legality in the implementation of state control and supervision. *Legality and law and order*, 1 (33), 19-22
10. Fesko D. S. (2023) Administrative and legal guarantees for ensuring the rights of citizens and organizations in the implementation of state control (supervision): theory and practice: monograph. Moscow: Prospect.

ОБ ОПЫТЕ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВАХ ОБУЧЕНИЯ ЛИЦЕИСТОВ ПРОФЕССИИ ЮРИСТА ABOUT THE EXPERIENCE OF CAREER GUIDANCE AND PROSPECTS FOR TRAINING LYCEUM STUDENTS IN THE LAWYER PROFESSION

ЕЛФИМОВА Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права,
Уральский государственный экономический университет.
ул. 8 Марта, 62/45, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620144, Россия.
E-mail: svalovanat@mail.ru;

СВАЛОВА Наталья Александровна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права,
Уральский государственный экономический университет.
ул. 8 Марта, 62/45, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620144, Россия.
E-mail: svalovanat@mail.ru;

Yelfimova Elena Vladimirovna,

associate professor candidate of juridical sciences
Ural State Economic University, Department of Civil Law.
ul. 8 Marta, 62/45, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russia.
E-mail: elfimovaav@mail.ru;

Svalova Natalia Aleksandrovna,

associate professor candidate of juridical sciences
Ural State Economic University, Department of Civil Law.
ul. 8 Marta, 62/45, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russia.
E-mail: svalovanat@mail.ru

Краткая аннотация: В статье раскрываются особенности реализации договора о сетевом взаимодействии вуза с лицеями; отмечается значимость развития у обучающихся интереса к правовой грамотности и оказание им помощи в выборе направления подготовки.

Abstract: The article reveals the features of the implementation of the agreement on network interaction between the university and lyceums; The importance of developing students' interest in legal literacy and assisting them in choosing the direction of training is noted.

Ключевые слова: профориентация; правовая грамотность школьников; правовая подготовка школьников; школьники; вуз; лицей.

Keywords: career guidance; legal literacy of schoolchildren; legal training for schoolchildren; schoolchildren; university; lyceums.

Для цитирования: Елфимова Е.В., Свалова Н.А. Об опыте профориентационной деятельности и перспективах обучения лицеистов профессии юриста // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 217-219. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_217.

For citation: Elfimova E.V., Svalova N.A. About the experience of career guidance and prospects for training lyceum students in the lawyer profession // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 217-219. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_217.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

В условиях демографического спада и жесткой конкуренции руководству и преподавательскому составу высших учебных заведений приходится придумывать различные мероприятия, рекламные кампании, направленные на привлечение и удержание внимания старшеклассников к «своему» вузу, поскольку сокращение контингента обучающихся может привести к уменьшению финансирования вуза со стороны государства, снижению количества выделяемых бюджетных мест, а также может стать причиной потери высокого рейтинга [1].

В рамках образовательного проекта «Молодежная школа права им. М.М. Сперанского» кафедрой гражданского права Уральского государственного экономического университета (далее – УрГЭУ) реализуется договор о сетевом взаимодействии с лицеями (школами, гимназиями) г. Екатеринбурга. Предметом данного договора является реализация программы «Профильные классы: профориентация школьников». В лицеях создаются правовые классы, учащиеся которых в течение двух лет изучают гуманитарные дисциплины, в том числе, основы юриспруденции.

Целью нашей работы является необходимость ориентировать школьников на поступление в конкретный вуз. В связи с чем особое внимание уделяется рассказу об УрГЭУ, в ходе которого разъясняются по каким образовательным программам можно пройти обучение и в какой профессиональной сфере деятельности можно будет использовать полученные знания.

Для привлечения интереса к юриспруденции, при взаимодействии вуза и школы решаются следующие задачи: расширить кругозор обучающихся, дать старшеклассникам юридические знания, необходимые в жизни, привить интерес к правовой грамотности, создать оптимальные условия для выявления творческого потенциала и развития их способностей, а также помочь сделать правильный выбор направления подготовки и соответствующего юридического профиля. В ходе реализации названных задач под руководством преподавателей вуза школьники учатся работать с информацией. Так как, важно уметь не просто сделать запрос для поиска информации в интернете, но и проанализировать источники информации, выбрать

наиболее подходящий для рассмотрения той или иной правовой ситуации, в том числе с использованием справочных правовых систем. Правовая подготовка обучающихся не исчерпывается их формальными юридическими знаниями, ведь можно ими обладать, но не уметь грамотно применять. Именно поэтому занятия в рамках проекта проводят преподаватели-практики, имеющие бесценные знания и опыт работы в различных юридических ведомствах, государственных органах, судах, полиции. В рамках занятий преподаватели стараются донести до обучающихся, что грамотное применение правовых знаний поможет избежать различные негативные последствия, позволит отстаивать свои права и законные интересы, не нарушать права других людей и формировать здоровые функционально-способные отношения в обществе.

Чтобы лицеисты могли окунуться в среду будущей профессии, в целях привития практических навыков проводятся не только познавательные лекции, но и увлекательные мастер-классы, деловые - интеллектуальные игры, в том числе, с использованием цифровых технологий, а также судебные заседания, в которых участниками процесса выступают старшеклассники. Судебные заседания проводятся в игровой форме, в том числе по мотивам всем известных сказок. Например, преподавателем кафедры, ранее занимавшим должность федерального судьи, был организован суд в отношении волка из сказки «Красная Шапочка». Ребята активно участвовали в игре, выдвигая свои версии, в связи с чем сказка получила новое прочтение: оказалось, что волк раскаялся в содеянном и сам просил доктора Айболита провести операцию по освобождению бабушки и внуки. Опыт проведения подобных занятий позволяет отметить повышенный интерес обучающихся и способствует максимальному раскрытию их потенциала.

Лекции, деловые игры и судебные заседания проводятся в лицее. Однако помимо традиционных занятий в аудитории, с профильным классом проводятся экскурсии в различные государственные органы: Законодательное собрание Свердловской области, Уставный суд, ГУ МВД России по Свердловской области, Свердловскую областную коллегия адвокатов, Рострудинспекцию и т.д.

Молодежная школа права, в рамках которой реализуется проект «Профильные классы: профориентация школьников», функционирует на базе Юридической клиники УрГЭУ, где студенты под руководством преподавателей-практиков консультируют граждан по различным правовым вопросам. Юридическая клиника зарекомендовала себя как надежный инструмент получения практического опыта. Применительно к нашему проекту учащиеся правового класса принимают участие в консультациях на базе УрГЭУ совместно со студентами под руководством руководителя юридической клиники [2].

В ходе реализации проекта уделяется внимание и проблемам защищенности прав детей в информационной сфере с учетом развития современных цифровых технологий. Как отметил в своем научном труде Г. З. Мансуров: «... одним из негативных последствий цифровой трансформации является многократно возросшая опасность угрозы цифровой безопасности России и ее граждан»[3]. В современном мире цифровые технологии играют важную роль в жизни детей. Дети все чаще используют цифровые устройства для обучения, общения, развлечений и других целей. Это создает новые возможности для детей, но также и новые риски. Основные риски, связанные с использованием цифровых технологий детьми, включают: доступ к вредной информации, такой как насилие, порнография, экстремизм; кибербуллинг, то есть травля детей в сети; сексуальная эксплуатация детей в сети; сбор и использование персональных данных детей без их согласия; зависимость от цифровых технологий. На заседании совета по развитию гражданского общества и правам человека в 2021 году В. В. Путин отметил: «...этот буллинг, как Вы сказали, и продвижение в наш социум западной культуры, хотя это к культуре не имеет никакого отношения, это такие способы поведения, манеры поведения, навязанные, кстати говоря, очень часто и соцсетями. В западных парламентах активно сейчас обсуждаются вопросы влияния этих международных платформ на формирование сознания подрастающего поколения, на воспитание подрастающего поколения, оказания негативного влияния на психику подростков и детей. Нам бы тоже не мешало этим заняться и внимательно к этому ещё присмотреться...»[4]. В связи с этим в ходе занятий проводится разъяснительная работа ребятам, как вести себя в «интернете», который по сути является общественным местом, чтобы потом не было стыдно за неосторожные слова, картинки и возможные правовые последствия, в связи с совершением противозаконных действий в сети.

Также у лицеистов вызывает интерес, какова перспектива юридической специальности, с учётом происходящей цифровой трансформации всех сфер экономической, политической и общественной жизни. С целью разъяснения основных направлений развития данных отношений было разработано и издано ряд научных и учебных работ. Например, заведующим кафедры гражданского права д.ю.н., доцентом Мансуровым Гафуром Закировичем впервые в Уральском регионе издано учебное пособие Цифровое право[5], в котором в сжатой форме изложены правовые аспекты цифровизации российской экономики; представлен анализ правового режима базовых категорий цифрового права (цифровизация, «Большие данные», программа «Умный город», искусственный интеллект, цифровые права, цифровые деньги, цифровые платформы и смарт-контракты); дана оценка перспективных законопроектов; раскрыта роль судебной практики как средства восполнения пробелов цифрового законодательства. Помимо этого на кафедре издано пособие Право цифровой безопасности, в котором проведен анализ наиболее серьезных цифровых угроз и правовых способов их минимизации или ликвидации [3]. Также особое внимание уделяется вопросам юридической ответственности в цифровом праве [6]. Указанные вопросы вызывают безусловный интерес не только у обучающихся, но и у взрослой аудитории, поскольку их актуальность очевидна.

Таким образом, целеустремленная работа преподавательского состава кафедры, задействованного в реализации программы «Профильные классы: профориентация школьников» позволяет школьникам сделать осознанный выбор по дальнейшему обучению в сфере юриспруденции, что подтверждается ежегодными наборами по направлению подготовки 40.03.01 «Юриспруденция». Желаем молодым и перспективным выпускникам удачи во всех начинаниях, реализации поставленных целей, творческих успехов и ждём их в стенах нашего ВУЗа.

Библиография:

1. Баканов, Р. П. Профориентационная работа в высшей школе журналистики и медиакоммуникаций КФУ: опыт, идеи, перспективы / Р. П. Баканов // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2019. – № 1(31). – С. 12-24. – EDN IJCVGP.
2. Мещерягина, В. А. Благодаря нашим студентам люди могут решить проблемы бесплатно / В. А. Мещерягина [Электронный ресурс] – URL: <https://www.usue.ru/novosti/blagodarya-nashim-studentam-lyudi-mogut-reshit-problemy-besplatno/> Дата обращения 30.05.2024.
3. Мансуров, Г. З. Право цифровой безопасности / Г. З. Мансуров. – Москва: ООО «Директ-Медиа», 2022. – 148 с. – ISBN 978-5-4499-3061-3. – EDN PUAITA.
4. Речь В. В. Путина на заседании совета по развитию гражданского общества и правам человека [Электронный ресурс] – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/67331>. Дата обращения 30.05.2024.
5. Мансуров, Г. З. Цифровое право: Рекомендовано Советом по учебно-методическим вопросам и качеству образования Уральского государственного экономического университета в качестве учебного пособия / Г. З. Мансуров. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2020. – 122 с. – EDN RYKCHH.
6. Миннегалиева, Л. И. Отдельные вопросы юридической ответственности в цифровом праве / Л. И. Миннегалиева // Проблемы взаимодействия публичного и частного права при регулировании цифровизации экономических отношений : материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 15 мая 2019 года. – Екатеринбург: Уральский государственный экономический университет, 2019. – С. 114-118. – EDN IMZFSO.

References:

1. Bakanov, R. P. Career guidance work at the Higher School of Journalism and Media communications of KFU: experience, ideas, prospects / R. P. Bakanov // Sign: problematic field of media education. – 2019. – № 1(31). – Pp. 12-24. – EDN IJCVGP.
2. Meshcheryagina, V. A. Thanks to our students, people can solve problems for free / V. A. Meshcheryagina [Electronic resource] – URL: <https://www.usue.ru/novosti/blagodarya-nashim-studentam-lyudi-mogut-reshit-problemy-besplatno/> Date of request 30.05.2024.
3. Mansurov, G. Z. The law of digital security / G. Z. Mansurov. – Moscow: Direct Media LLC, 2022. – 148 p. – ISBN 978-5-4499-3061-3. – EDN PUAITA.
4. V.V. Putin's speech at the meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights [Electronic resource] – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/67331>. Date of request 30.05.2024.
5. Mansurov, G. Z. Digital law: Recommended by the Council on Educational and Methodological Issues and Quality of Education of the Ural State Economic University as a textbook / G. Z. Mansurov. – Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2020. – 122 p. – EDN RYKCHH.
6. Minnegaliev, L. I. Selected issues of legal responsibility in digital law / L. I. Minnegaliev // Problems of interaction between public and private law in regulating the digitalization of economic relations : proceedings of the III International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, May 15, 2019. – Yekaterinburg: Ural State University of Economics, 2019. – pp. 114-118. – EDN IMZFSO.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_220

УДК 342.9

СОСТАВЫ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ (ОПЕКЕ), ВОСПИТАНИЮ, ОБУЧЕНИЮ И ЗАЩИТЕ ПРАВ И ЗАКОННЫХ ИНТЕРЕСОВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ COMPOSITIONS OF ADMINISTRATIVE OFFENSES FOR NON-FULFILLMENT OF DUTIES ON MAINTENANCE (GUARDIANSHIP), UPBRINGING, EDUCATION AND PROTECTION OF RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF MINORS AND ITS OBJECTIVE SIGNS

СОТНИКОВА Евгения Игоревна,
адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России.
Россия, 644092, г. Омск, ул. Комарова, 7.
E-mail: sotnikova_zhenya@mail.ru;

Sotnikova Eugenia Igorevna,
adjunct Associate of the Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
7 Komarova str., Omsk, 644092, Russia.
E-mail: sotnikova_zhenya@mail.ru

Краткая аннотация: в статье приводится анализ административно-деликтных законов стран ближнего зарубежья, регламентирующих виды составов административных правонарушений за неисполнение обязанностей по содержанию (опеке), воспитанию, обучению и защите прав и законных интересов несовершеннолетних. Осуществлена оценка полученных результатов с целью возможной унификации действующего законодательства в указанной сфере и уточнения его специфики. Сформулированы выводы, имеющие элементы научной новизны.

Abstract: in the article the analysis of administrative-tort laws of the countries of the near abroad, regulating the forms of compositions of administrative offenses for non-fulfillment of duties on maintenance (guardianship), upbringing, education and protection of rights and legitimate interests of minors. The evaluation of the obtained results has been carried out with the purpose of possible unification of the current legislation in this sphere and clarification of its specificity. The conclusions with elements of scientific novelty are formulated.

Ключевые слова: состав административного правонарушения, основной состав, квалифицированный состав, неисполнение обязанностей, родители, несовершеннолетний, сравнительно-правовое исследование.

Key words: composition of administrative offense, basic composition, qualified composition, dereliction of duty, parents, minor, comparative legal study.

Для цитирования: Сотникова Е.И. Составы административных правонарушений за неисполнение обязанностей по содержанию (опеке), воспитанию, обучению и защите прав и законных интересов несовершеннолетних // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 220-223. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_220.

For citation: Sotnikova E.I. Compositions of administrative offenses for non-fulfillment of duties on maintenance (guardianship), upbringing, education and protection of rights and legitimate interests of minors and its objective signs // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 220-223. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_220.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

Общеизвестно, что фактическим основанием административной ответственности является совершение деяния (действия или бездействия), которое содержит все признаки юридического состава административного правонарушения. Последний раскрывается через описанную в административно-деликтном законе совокупность объективных (объект, объективная сторона) и субъективных признаков (субъект, субъективная сторона). Они концентрируются в структуре состава, определяя его содержание.

Автором настоящего исследования были проанализированы виды состава и признаки его объективной стороны применительно к административным правонарушениям, влекущим ответственность родителей и иных законных представителей за неисполнение или ненадлежащее исполнение ими обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних (далее – административные правонарушения родителей) по законодательству об административной ответственности государств, появившихся на постсоветском пространстве после распада СССР. Предлагаем оценить полученные результаты с целью возможной унификации действующего законодательства стран ближнего зарубежья в рассматриваемой нами сфере и уточнения его специфики.

В настоящей работе подвергнуты анализу составы административных правонарушений родителей, содержащиеся: в статье 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2002 г. № 195-ФЗ [1]; в статье 189 Кодекса Азербайджанской Республики об административных проступках от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ [2]; в статье 10.3 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 9 января 2021 г. № 91-3 [3]; в статье 127 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях от 9 апреля 2016 г. № 235-V [4]; в статье 102 Кодекса Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128 [5]; в статье 63 Кодекса Республики Молдова о правонарушениях от 24 октября 2008 г. № 218-XVI [6]; в статье 90 Кодекса Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31

декабря 2008 г. № 455 [7]; в статье 358 Кодекса Туркменистана об административных правонарушениях от 29 августа 2013 г. № 422-IV [8]; в статье 47 Кодекса Республики Узбекистан об административной ответственности [9]; в статье 184 Кодекса Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 г. № 8073-X [10] (далее – административно-деликтные законы).

Административные правонарушения безотносительно от их индивидуальных свойств имеют характерные признаки, общие для противоправных деяний, наказуемых как в административном, так и в уголовном порядке. Их разработка с оглядкой на достижения уголовно-правовой науки позволила представителям науки административного права выстроить теоретическую модель состава административного правонарушения схожую с составом преступления. Вместе с тем ученые в области уголовного права уже давно активно разрабатывают научную проблему юридического состава преступлений, ввиду сложности ее правоприменения. Несомненная близость правовой природы преступлений и административных правонарушений предполагает необходимость обращения к правовому институту состава преступления в уголовном праве, как более точному и формально конкретизированному, с целью более глубокой проработки исследуемого вопроса, направленной на унификацию и гармонизацию отечественного административно-деликтного законодательства.

В зависимости от степени общественной опасности (вредоносности) административного правонарушения принято выделять основной и квалифицированный составы. Основной состав описывает признаки без отягчающих и смягчающих обстоятельств. Квалифицированный состав содержит признаки, «при наличии которых деяние должно быть квалифицировано по статье, предусматривающей более суровое наказание, например, повторность; наличие или возможность наступления вредных последствий; совершение деяния должностным лицом» [11, с. 230].

В уголовном праве дополнительно рассматриваются особо квалифицированный и привилегированный составы [12, с. 13].

Предлагаем классифицировать основной состав административных правонарушений родителей на типизированный и конкретизированный составы. Первый сконструирован во всех административно-деликтных законах обозначенных нами государствах. Диспозиция типизированного состава сформулирована в обобщенном виде и не содержит точного описания того, в каких действиях (бездействии) выразилось противоправное деяние. Типизированный состав имеет преимущественно бланкетный характер. Например, в Таджикистане действует Закон от 2 августа 2011 г. № 762 «Об ответственности родителей за обучение и воспитание детей», в котором содержится перечень обязанностей родителей по обучению и воспитанию детей. Их неисполнение либо ненадлежащее их исполнение может повлечь за собой административную и даже уголовную ответственность. В России такая обязанность родителей закреплена в СК РФ, но представлена в обобщенном виде без конкретизации предписаний, что, в свою очередь, на наш взгляд, необоснованно расширяет пределы усмотрения административно-юрисдикционного органа [13, с. 218].

Конкретизированный состав представляет собой разновидность основного состава, уточняющий в диспозиции характер внешнего поведения субъекта административного правонарушения. В России и Молдове таковым является деяние, выразившееся, в частности, в лишении права детей на общение с родителями или близкими родственниками, воспрепятствовании осуществлению родителями прав на воспитание и образование, а также на защиту их прав и интересов. В Беларуси такой состав связан с невыполнением родителями обязанностей по сопровождению несовершеннолетнего в возрасте до шестнадцати лет, либо по обеспечению его сопровождения совершеннолетним лицом в период с двадцати трех до шести часов вне жилища. Воспрепятствование родителями или лицами, их заменяющими, получению детьми обязательного общего среднего, среднего специального, профессионального образования – специальный основной состав, сконструированный в административно-деликтном законе Узбекистана. Наиболее подробный перечень конкретизированных составов представлен в административно-деликтном законе Туркменистана: потребление наркотических средств без назначения врача подростками в возрасте до шестнадцати лет; мелкое хулиганство или хулиганство, совершённое подростками в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет; нарушение правил дорожного движения подростками-пешеходами, не достигшими шестнадцати лет; незаконное (искусственным способом) изготовление, переработка, приобретение, хранение, перевозка и использование взрывчатых и (или) пиротехнических средств подростками в возрасте до шестнадцати лет.

Примечательно, что в Киргизской Республики родители могут быть привлечены к ответственности за неисполнение обязанности по воспитанию детей, только при условии, если те совершили правонарушение, а не достигшие возраста шестнадцати лет – деяние, содержащее признаки преступления. В Республике Беларусь условием привлечения к административной ответственности родителей или лиц, их заменяющих, также выступает факт совершения несовершеннолетними преступления либо административного правонарушения, но только в том случае, если они не достигли ко времени совершения такого деяния возраста, с которого наступает административная или уголовная ответственность за совершенное деяние.

Состав административного правонарушения родителей, повлекшего совершение несовершеннолетним административного правонарушения или преступления либо иного антиобщественного деяния, может быть сконструирован законодателем в качестве конкретизированного основного состава. Полагаем, что родители могут быть привлечены к административной ответственности за любое преступление небольшой или средней тяжести, совершенное ребенком. За совершение несовершеннолетним тяжкого или особо тяжкого преступления к его родителям, по нашему мнению, следует применить уже уголовную ответственность. Кстати, такой прецедент уже создан в США, где родителей подростка, устроившего стрельбу со смертельным исходом в школе приговорили к длительным срокам лишения свободы за непреднамеренное убийство. «Согласно пояснениям судьи, речь не об автоматической уголовной ответственности для родителей за преступление сына, а о том, что чета Крамбли “трагически простыми мерами” могла предотвратить убийство, но не сделала этого. Следствие установило, что оружие в их доме хранилось не под замком, а несовершеннолетний

имел к огнестрелу свободный доступ. Кроме того, родители игнорировали тревожные сигналы в поведении сына...» [14].

К административным правонарушениям надлежит подходить с максимальной степенью осторожности, предусмотрев в диспозиции состава только те противоправные деяния, которые совершены умышленно и содержат в санкциях статей наиболее строгие виды административных наказаний: обязательные работы или административный арест. В качестве компромиссного предложения допускаем административную ответственность родителей за совершение несовершеннолетними грубых административных правонарушений, в частности: побоев, незаконного оборота и потребления наркотических средств и психотропных веществ, мелкого хищения, неповиновения законному распоряжению представителя власти, мелкого хулиганства и появления в общественном месте в состоянии опьянения, оскорбляющем человеческое достоинство и общественную нравственность и некоторых других, прямо названных в диспозиции конкретизированного состава.

Квалифицированный состав использован в административно-деликтных законах Казахстана, Азербайджана, Молдовы, Узбекистана и Украины. Данный состав связан, как правило, с повторным совершением правонарушения. Второй случай отягчающего обстоятельства сопряжен с совершением несовершеннолетним грубого противоправного деяния, по мнению законодателя, существенным образом нарушающего общественные отношения, а именно: употребление ребенком алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов либо занятие бродяжничеством или попрошайничеством, либо совершение умышленного деяния, содержащего признаки уголовного либо административного правонарушения (Казахстан, Азербайджан, Молдова, Украина); оставление без присмотра несовершеннолетних (Азербайджан, Молдова).

Необходимо отметить, что особо квалифицированный состав, предусматривающий еще более серьезные отягчающие обстоятельства по сравнению с квалифицированным, и привилегированный состав, который наоборот содержит смягчающие обстоятельства, в анализируемых нормах отсутствует. Вместе с тем мы полагаем возможной конструкцию особо квалифицированного состава административных правонарушений родителей. В юридической литературе уже высказывалось мнение о необходимости установления административной ответственности за злостное невыполнение обязанностей по воспитанию, обучению и содержанию детей [15, с. 290]. Только административно-деликтный закон Туркменистана содержит в наименовании общего основного состава термин «злостное» применительно к противоправному деянию. Несомненно, что это понятие характеризует психическое отношение субъекта к своему противоправному деянию, основанное на стойком неприятии закрепленных за ним обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и законных интересов ребенка.

Состав, предусматривающий административную ответственность родителей, является формальным, то есть деяние окончено с момента совершения правонарушения безотносительно от наступления последствий. Казахский законодатель казалась бы попытался сформулировать отдельные признаки, относящиеся к материальному составу, сконструировав диспозицию следующим образом: «Деяние, предусмотренное частью первой настоящей статьи, повлекшее употребление несовершеннолетним алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов либо занятие бродяжничеством или попрошайничеством, либо совершение им умышленного деяния, содержащего признаки уголовного либо административного правонарушения». Характерным признаком возможного наличия материального состава в данном случае выступает слово «повлекло», указывающее на последствия, то есть вред, который причиняется общественным отношениям. Однако для точного определения состава в качестве материального требуется еще и причинная связь, которая обозначает зависимость последствий от самого деяния. Доказать причинную связь здесь будет очень сложно, и, по нашему мнению, этот процесс является бесперспективным и нецелесообразным, за исключением случаев, когда правоприменителем доказывается именно вовлечение родителем своего ребенка в антиобщественные действия. В Российской Федерации подобного рода действия караются в уголовном порядке (ст. 151 УК РФ), а не в административном.

Проанализировав специфику составов административных правонарушений родителей, мы пришли к следующим выводам, имеющим элементы научной новизны.

1. Основной состав административных правонарушений родителей может быть подвергнут классификации на типизированный и конкретизированный. Статья, предусматривающая ответственность за административные правонарушения родителей, должна включать типизированный основной состав, конкретизированный основной состав, квалифицированный (повторное неисполнение) и особо квалифицированный (злостное неисполнение) составы.

2. Предлагаем ввести в административно-деликтные законы основной конкретизированный состав, предусматривающий административную ответственность родителей за совершение несовершеннолетними преступления либо административного правонарушения. Применительно к КоАП РФ такой состав может иметь следующую диспозицию: «Неисполнение или ненадлежащее исполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию, воспитанию, обучению, защите прав и интересов несовершеннолетних, повлекшее совершение несовершеннолетними преступлений небольшой и (или) средней тяжести, а также административных правонарушений, предусмотренных статьями 6.1.1, 6.8, 6.9, 7.27, ч. 1 ст. 11.17, 19.3, 20.1, 20.2, 20.3, 20.10, 20.21, 20.31 КоАП РФ».

Библиография:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2002 г. № 195-ФЗ. Доступ: СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения: 22.01.2024.
2. Кодекс Азербайджанской Республики об административных проступках (утвержден Законом Азербайджанской Республики от 29 декабря 2015 г. № 96-VQ). Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.

3. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 9 января 2021 г. № 91-З. Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
4. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 9 апреля 2016 г. № 235-V. Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
5. Кодекс Кыргызской Республики о правонарушениях от 28 октября 2021 г. № 128. Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
6. Кодекс Республики Молдова о правонарушениях от 24 октября 2008 г. № 218-XVI. Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
7. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 г. № 455. Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
8. Кодекс Туркменистана об административных правонарушениях (утвержден Законом Туркменистана от 29 августа 2013 г. № 422-IV «Об утверждении и введении в действие Кодекса Туркменистана об административных правонарушениях»). Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
9. Кодекс Республики Узбекистан об административной ответственности (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2015-XII). Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
10. Кодекс Украины об административных правонарушениях от 7 декабря 1984 г. № 8073-X. Доступ: ИС «Континент». Дата обращения: 22.01.2024.
11. Административное право: Учебное пособие по дисциплине «Административное право» / В.Ю. Ухов, О.В. Прохорова, А.О. Дрозд [и др.]. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России, 2021. 264 с.
12. Турышев А.А. Состав преступления: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2020. 104 с.
13. Сотникова Е.И. Особенности привлечения к административной ответственности несовершеннолетних, родителей или иных законных представителей несовершеннолетних по законодательству Республики Таджикистан (сравнительно-правовое исследование) // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 4 (53). С. 217-222.
14. В США приговорили к сроку родителей подростка, устроившего стрельбу в школе <https://rg.ru/2024/04/10/strelial-syn-siadut-i-roditeli.html> (дата обращения: 14.05.2024).
15. Чапурко Т.М., Яровая С.В. Влияние институционального кризиса семьи на трансформацию политического дискурса в ювенальной сфере // Общество и право. 2010. № 4. С. 286-291.

References:

1. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation No. 195-FZ of December 30, 2002. Access: SPS "ConsultantPlus". Date of application: 01/22/2024.
2. Code of the Republic of Azerbaijan on Administrative Offenses (approved by the Law of the Republic of Azerbaijan dated December 29, 2015 No. 96-VQ). Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
3. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses dated January 9, 2021 No. 91-3. Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
4. The Code of the Republic of Kazakhstan on Administrative Offences dated April 9, 2016 No. 235-V. Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
5. Code of the Kyrgyz Republic on Offenses dated October 28, 2021 No. 128. Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
6. Code of the Republic of Moldova on Offenses dated October 24, 2008 No. 218-XVI. Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
7. Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses dated December 31, 2008 No. 455. Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
8. The Code of Turkmenistan on Administrative Offenses (approved by the Law of Turkmenistan dated August 29, 2013 No. 422-IV "On Approval and Enactment of the Code of Turkmenistan on Administrative Offenses"). Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
9. The Code of the Republic of Uzbekistan on Administrative Responsibility (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan dated September 22, 1994 No. 2015-XII). Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
10. Code of Ukraine on Administrative Offences of December 7, 1984 No. 8073-X. Access: IP "Continent". Date of application: 01/22/2024.
11. Administrative law: Textbook on the discipline "Administrative law" / V.Yu. Ukhov, O.V. Prokhorova, A.O. Drozd [et al.]. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 264 p.
12. Turyshchev A.A. The composition of the crime: a textbook. Omsk: Omsk Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. 104 p.
13. Sotnikova E.I. Features of bringing minors, parents or other legal representatives of minors to administrative responsibility under the legislation of the Republic of Tajikistan (comparative legal study) // Bulletin of the Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4 (53). pp. 217-222.
14. In the USA, the parents of a teenager who staged a school shooting were sentenced to time <https://rg.ru/2024/04/10/strelial-syn-siadut-i-roditeli.html> (date of application: 05/14/2024).
15. Chapurko T.M., Yarovaya S.V. The influence of the institutional crisis of the family on the transformation of political discourse in the juvenile sphere // Society and law. 2010. No. 4. pp. 286-291.

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ УСЛУГ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА (ОПЫТ РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА) On the issue of legal regulation of information society services (experience of the Republic of Moldova)

РЕДКОУС Владимир Михайлович,

доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора административного права и административного процесса
Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: rwmms@rambler.ru;

ПОЛЯКОВА Татьяна Анатольевна,

и.о. заведующего сектором информационного права и международной информационной безопасности
Института государства и права РАН, главный научный сотрудник,
доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации.
119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.
E-mail: polyakova_ta@mail.ru;

REDKOUS Vladimir Mikhailovich,

Leading Researcher of the Sector of Administrative Law and Administrative Process
of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Legal Sciences, Professor.
10, Znamenka str., Moscow, 119019, Russia.
E-mail: Rwmms@rambler.ru;

POLYAKOVA Tatyana Anatolevna,

Head of the Sector of Information Law and International Information Security of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences, Chief Researcher, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation.
119019, Russia, Moscow, st. Znamenka, 10.
E-mail: polyakova_ta@mail.ru

Краткая аннотация: в статье на основе анализа положений Закона Республики Молдова от 22 июля 2004 г. № 284-XV «Об услугах информационного общества» рассмотрены принципы регулирования и условия предоставления услуг информационного общества, ответственность поставщиков услуг и посредников, а также раскрыт принцип поддержки сотрудничества между Республикой Молдова и другими странами в процессе предоставления услуг информационного общества.

Abstract: The article, based on an analysis of the provisions of the Law of the Republic of Moldova of July 22, 2004 No. 284-XV "On Information Society Services," examines the principles of regulation and conditions for the provision of information society services, the responsibility of service providers and intermediaries, and also reveals the principle of supporting cooperation between the Republic of Moldova and other countries in the process of providing information society services.

Ключевые слова: органы публичного управления; услуги информационного общества; поставщики услуг; посредники; сотрудничество; правовой режим электронных сообщений; мониторинг и контроль услуг информационного общества; национальная безопасность.

Keywords: public authorities; information society services; service providers; intermediaries; cooperation; legal regime of electronic communications; monitoring and control of information society services; National security.

Для цитирования: Редкоус, В.М. К вопросу о правовом регулировании услуг информационного общества (опыт Республики Молдова) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 224-227. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_224.

For citation: Redkous, V.M. On the issue of legal regulation of information society services (experience of the Republic of Moldova) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 224-227. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_224.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2024

В современных условиях развития государства и общества возрастает роль правового регулирования общественных отношений в области слуг информационного общества [7, с. 28-35], [10]. Этот фактор оказывает все большее влияние на область охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности [2, с. 128-133]; [4, с. 93-94]; [5]; [6], [8, с. 48-55] что требует его всестороннего изучения [1, с. 79-88]; [3, с. 357-363]. Рассмотрим опыт Республики Молдовы (далее - РМ) в данной области, где был принят Закон РМ от 22 июля 2004 г. № 284-XV «Об услугах информационного общества». Структурно Закон РМ состоит из следующих глав: Глава I Общие положения; Глава II Субъекты и объекты отношений по предоставлению услуг информационного общества; Глава III Ответственность поставщиков услуг; Глава IV Правовой режим электронных сообщений; Глава V Правовой режим договора, заключенного с помощью электронных средств; Глава VI Мониторинг и контроль услуг информационного общества; Глава VII Заключительные положения. Особенностью правового регулирования отношений в области услуг информационного общества является установление Законом РМ сферы его применения с указанием большого количества случаев, когда положения Закона РМ не подлежат применению (ст. 2).

Так, рассматриваемый Закон РМ закон распространяется на услуги информационного общества, за исключением следующих: виды профессиональной деятельности в сфере правосудия в той мере, в какой они предполагают осуществление прерогатив публичной власти; деятельность по юридическому представлению в судебных инстанциях и органах уголовного преследования; азартные игры с денежными ставками, за исключением рекламных конкурсов и розыгрышей, которые проводятся с целью стимулирования продаж товаров или услуг, плата за участие в которых если и взимается, служит только для приобретения продвигаемых товаров или услуг; договорные отношения между работником и его работодателем; продажа

личного имущества физическими лицами, не зарегистрированными в качестве предпринимателей; правительственные электронные услуги.

Доставка товаров как таковая или предоставление услуг без использования Интернета (офлайн-услуги), а также использование электронной почты или других равнозначных средств индивидуального общения между физическими лицами, действующими в целях, выходящих за рамки их коммерческой или профессиональной деятельности, в том числе использование этих средств для заключения договоров между указанными лицами, не подпадают под действие настоящего закона.

Настоящий закон дополняется положениями Закона РМ о защите прав потребителей №105/2003, Закона РМ о защите персональных данных №133/2011, Закона РМ о платежных услугах и электронных деньгах №114/2012 и Закона РМ об электронной идентификации и доверительных услугах №124/2022. Настоящий закон не затрагивает предусмотренный иными законодательными актами уровень защиты, в частности в области общественного здоровья и интересов потребителей, а также не затрагивает мер, принятых на национальном уровне в целях продвижения культурного и языкового разнообразия и обеспечения защиты плюрализма мнений.

Также в рамках отдельной статьи (ст. 4) регламентировано применение рассматриваемого Закона РМ при предоставлении услуг информационного общества. Так, рассматриваемый Закон РМ применяется к поставщикам услуг, зарегистрированным и/или учрежденным в РМ, поставщикам услуг, деятельность которых направлена на РМ, а также к предоставляемым ими услугам. Деятельность поставщика услуг, представленная на его веб-странице или веб-странице посредника, считается направленной на РМ, если еще до предполагаемого заключения договора с потребителем, проживающим на территории РМ, соответствующие веб-страницы и глобальная деятельность поставщика достаточно ясно свидетельствуют о его намерении вступить в индивидуальном порядке в торговые отношения с потребителями, проживающими в РМ или на территории нескольких стран, включая РМ.

Сочетание по меньшей мере двух из следующих элементов, перечень которых не является исчерпывающим, может являться признаком того, что деятельность поставщика услуг направлена на страну проживания потребителя: международный характер деятельности; указание нескольких маршрутов с отправной точкой из других стран до местонахождения поставщика услуг; использование языка или валюты, обычно применяемых в стране местонахождения потребителя, при условии, что они отличаются от языка или валюты, обычно используемых в стране местонахождения поставщика услуг, и возможность забронировать или подтвердить бронь именно на этом языке; оплата соответствующих услуг службы интернет-ссылки с целью облегчения доступа лиц, находящихся в стране проживания потребителя, к веб-странице или к услугам поставщика услуг или посредника; использование имени домена высшего уровня, отличного от названия страны местонахождения поставщика услуг.

Определены признаки, являющиеся недостаточными для определения, что деятельность поставщика услуг направлена на страну проживания потребителя, в частности: доступность веб-страницы и/или услуг поставщика либо его посредника в стране, на территории которой проживает получатель; указание адреса электронной почты и другой контактной информации; указание языка или валюты, которые обычно используются в стране место нахождения поставщика услуг.

Достоинством Закона РМ является раскрытие в нем основных используемых понятий: «электронное сообщение», «коммерческое сообщение», «потребитель», «получатель услуг», «поставщик услуг, учрежденный в определенной стране», «электронная почта», «услуга информационного общества», «услуга, предоставленная с помощью электронных средств», и ряда других.

Выделим базовое понятие – «услуга информационного общества», под которой понимается любая услуга с целью получения вознаграждения, предоставляемая на расстоянии при помощи электронных средств и по индивидуальному запросу получателя услуги, включая продажу товаров в режиме онлайн. Услуги информационного общества не ограничиваются исключительно услугами, в результате которых заключаются онлайн-договоры, но в той мере, в какой они представляют собой экономическую деятельность, включают и услуги, предоставление которых не оплачивается получателем услуг, например, рассылка информации в режиме онлайн или коммерческих сообщений либо услуги, предоставляющие инструменты поиска, доступа и восстановления данных. Услугами информационного общества являются и услуги, состоящие в передаче информации посредством сети электронных коммуникаций, в обеспечении доступа к сети электронных коммуникаций или размещении информации, предоставляемой получателем услуги. Услуги, которые передаются в режиме "точка-точка", такие как предоставление видео услуг по запросу или рассылка коммерческих сообщений по электронной почте, также являются услугами информационного общества.

В понимании настоящего закона не являются услугами информационного общества следующие виды деятельности:

услуги, оказанные в присутствии поставщика и получателя, даже если при этом предполагается использование электронного оборудования;

услуги, имеющие материальное выражение, даже если они оказываются посредством электронных средств;

услуги, предоставленные без использования сети Интернет (офлайн-услуги), такие как распространение программ на устройствах для хранения данных;

услуги, которые не предоставляются посредством систем электронной обработки и хранения данных, а именно:

услуги голосовой телефонии, факс/телекс;

услуги, предоставленные посредством голосовой телефонии или факса;

прямые продажи по телефону/факсу;

услуги, оказанные путем передачи данных без индивидуального запроса с целью их одновременного получения неограниченным количе-

ством индивидуальных получателей (передача в режиме "точка–многоточка"), такие как:

услуги трансляции или ретрансляции аудиовизуальных программных комплексов; телетекст.

«Услуга, предоставленная с помощью электронных средств» – это услуга, изначально отправленная и полученная по назначению при помощи электронного оборудования, используемого для обработки (включая цифровое архивирование) и хранения данных, в полном объеме переданная, перемещенная и полученная посредством кабельной связи, радиосвязи, волоконно-оптических средств связи или других электромагнитных средств.

Достаточно подробно в рассматриваемом Законе РМ представлены основные принципы предоставления услуг информационного общества. Так, деятельность поставщиков услуг и получателей услуг осуществляется без предварительного получения разрешения, в соответствии с принципами свободной, лояльной конкуренции, за исключением случаев, когда деятельность поставщиков и получателей услуг подпадает под действие положений Закона о регулировании предпринимательской деятельности путем разрешения № 160/2011.

Указано, что физические и юридические лица имеют равные права на предоставление услуг информационного общества. Не допускается предоставление каких-либо преимуществ или ограничение прав и интересов поставщиков услуг и получателей услуг, за исключением случаев, предусмотренных законом. Деятельность физических и юридических лиц, предоставляющих услуги информационного общества, не ограничивается определенной территорией или категорией вещей, работ либо услуг, если иное не предусмотрено договором или законом. Деятельность поставщиков услуг и посредников, учрежденных в других странах, которые предоставляют услуги получателям в РМ, осуществляется в соответствии с международными договорами, одной из сторон которых является РМ, и законодательством страны местонахождения соответствующих поставщиков услуг и посредников.

В соответствии с ч. (5) ст. 5 Закона РМ предоставление услуг информационного общества поставщиком услуг, учрежденным в другой стране, не может быть ограничено на территории РМ при условии соблюдения им положений национального законодательства.

Положения вышеназванного абзаца не применяются: к авторским и смежным правам, а также к правам промышленной собственности; к эмиссии электронных денег; к рекламе организаций коллективного инвестирования; к страховой деятельности; к свободному выбору сторонами права, применимому к их договору; к договорным обязательствам, вытекающим из договоров, заключенных потребителями; к формальному признанию договоров, которые создают или передают права на недвижимое имущество, в случае, если соответствующие договоры подпадают под формальные обязательные положения законодательства государства, на территории которого находится недвижимое имущество; к авторизации не запрошенных по электронной почте коммерческих сообщений.

Однако в отступление от положений ч. (5) ст. 5 Закона РМ уполномоченные органы публичной власти могут принимать меры, необходимые для поддержания общественного порядка, предотвращения, расследования и раскрытия преступлений, осуществления уголовного преследования, защиты несовершеннолетних, для борьбы с призывами в любой форме к розни по признаку расы, пола, религии или национальности, с унижением человеческого достоинства, для защиты здоровья населения, национальной обороны и безопасности, для защиты потребителей и инвесторов. Перечисленные меры применяются в соответствии с положениями, установленными действующими законодательными и иными нормативными актами, против любых услуг информационного общества, которые угрожают или представляют серьезный риск нанесения вреда достижению вышеперечисленных целей, а также должны быть соразмерны этим целям.

Субъектами отношений по предоставлению услуг информационного общества могут быть физические и юридические лица, в том числе иностранные, независимо от вида собственности и организационно-правовой формы (за исключением лиц, осуществляющих деятельность на основе предпринимательского патента), а также государство как субъект права, которые участвуют в отношениях по предоставлению услуг информационного общества в качестве: поставщиков услуг; получателей услуг; посредников в отношениях по предоставлению услуг информационного общества.

Субъекты отношений по предоставлению услуг информационного общества приобретают и реализуют права, исполняют обязанности в соответствии с заключенными договорами и положениями закона. Участие в отношениях по предоставлению услуг информационного общества, если иное не установлено договором или законом, не может служить основанием для установления дополнительных требований, процедур или ограничений предпринимательской деятельности.

В соответствии с рассматриваемым Законом РМ объектами отношений по предоставлению услуг информационного общества могут являться: вещи, которые в соответствии с законодательством могут отчуждаться; работы; услуги. Законом могут быть установлены ограничения относительно использования в отношениях по предоставлению услуг информационного общества определенных видов товаров, работ и/или услуг.

Важное место в Законе РМ уделено регулированию защиты персональных данных. При обработке персональных данных поставщики услуг обязаны соблюдать режим конфиденциальности данных, принимать организационные и технические меры, необходимые для защиты персональных данных от незаконного или случайного доступа к ним, удаления, изменения, блокирования, копирования, незаконного или неавторизованного распространения, а также от других незаконных действий. Так, поставщики услуг должны сообщать о сроках и условиях обработки персональных данных и предоставлять следующую информацию о: категориях информации, собираемой от потребителя, цели сбора и способе обработки персональных данных; правах потребителя в качестве субъекта персональных данных, в частности праве на вмешательство и возражение, а также порядке осуществления этих прав; случаях, когда персональные данные могут быть раскрыты третьим сторонам; контактном пункте для запросов потребителей, касающихся их персональ-

ных данных; механизмах и способе мониторинга деятельности потребителей в режиме онлайн (cookie) в целях маркетинга, процедуре получения согласия в подобных случаях; праве на отказ от сбора персональных данных поставщиком услуг; способе отзыва согласия. Поставщик услуг может предоставить также общую информацию об организационных и технических мерах, принимаемых для защиты персональных данных потребителей.

Срок хранения информации, используемой в рамках отношений по предоставлению услуг информационного общества, аналогичен таковому для информации на бумажном носителе. Если законодательством прямо не предусмотрен срок хранения данных, его устанавливает обоснованным решением оператор. Если потребитель считает, что имело место нарушение его прав на защиту персональных данных, он может обратиться с жалобой в национальный орган по защите персональных данных, который без ущемления полномочий других органов публичной власти должен осуществлять контроль законности операций по обработке персональных данных и проинформировать потребителя согласно положениям статьи 27 Закона о защите персональных данных № 133/2011.

Получатели услуг несут в соответствии с законом ответственность за содержание информации, по их запросу переданной и хранящейся посредством сетей электронных коммуникаций поставщиками услуг.

В заключение отметим, что в рамках мониторинга и контроля услуг информационного общества поставщики, оказывающие услуги доступа в Интернет или постоянного хранения информации, обязаны предоставлять в распоряжение общественности доступные и видимые инструменты (средства), позволяющие любому лицу доводить до сведения соответствующих поставщиков услуг информацию об осуществляемых видах деятельности, составляющих предусмотренные статьями 140, 175-1, 208-1, 279-2 и 346 Уголовного кодекса преступления, совершенные получателями услуг посредством этих услуг. Поставщики услуг после получения подобной информации обязаны незамедлительно информировать уполномоченные органы публичной власти о незаконной деятельности, осуществляемой получателями услуг посредством этих услуг. Также поставщики услуг обязаны оперативно сообщать уполномоченным органам публичной власти по их запросу информацию, позволяющую идентифицировать получателей услуг, с которыми поставщики услуг заключили договоры о постоянном хранении информации. Информация может запрашиваться уполномоченными органами публичной власти в соответствии с их компетенциями только в случае, если у них есть доказательства, позволяющие сделать вывод, что услуги, предоставленные поставщиком, используются получателем услуг для осуществления незаконной деятельности, включая передачу незаконной информации.

Уполномоченным органом публичной власти, которому поставщики услуг обязаны сообщать информацию, предусмотренную частью (1) ст. 25 названного Закона РМ, является Министерство внутренних дел, а уполномоченными органами публичной власти, которым поставщики услуг обязаны сообщать информацию, предусмотренную частью (2) ст. 25 названного Закона РМ, являются Министерство внутренних дел, Служба информации и безопасности и Генеральная прокуратура. Данные положения можно учитывать при совершенствовании документов стратегического планирования [9, с. 107-116], а также российского законодательства.

Библиография:

1. Виноградова, Е. В. Международная научно-практическая конференция «Актуальные проблемы науки административного права и административного процесса («Лазаревские чтения – 2022») / Е. В. Виноградова, М. Н. Кобзарь-Фролова // Административное право и процесс. – 2022. – № 5. – С. 79-88.
2. Дубень, А. К. Приоритетные направления правового обеспечения информационной безопасности Российской Федерации / А. К. Дубень // Цифровые технологии и право: Сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции: в 6 томах. Казань, 22 сентября 2023 г. – Казань: Издательство "Познание", 2023. – С. 128-133.
3. Кирюхин, В. В. Цифровая полиция для цифрового общества / В. В. Кирюхин // Цифровая трансформация системы МВД России: Сборник научных статей по материалам Международного форума. В 2-х частях, Москва, 20 октября 2022 года / под ред. И.Г. Чистобородова. Том Часть 1. – М.: Академия управления МВД России, 2022. – С. 357-363.
4. Кирюхин, В. В. Участие граждан в охране общественного порядка: в поисках разумного баланса / В. В. Кирюхин // Закон и правопорядок в Третьем тысячелетии: IX Балтийский юридический форум. Материалы международной научно-практической конференции, Калининград, 12 декабря 2020 года. – Калининград: Калининградский филиал Санкт-Петербургского университета МВД России, 2021. – С. 93-94.
5. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 ч. – Ч. 1 / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 360 с.
6. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: Учебник: в 2 ч. – Ч. 2 / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. – Москва: Академия управления МВД России, 2023. – 312 с.
7. Редкоус, В. М. Актуальные направления современного административно-правового регулирования общественных отношений / В. М. Редкоус // Глобализация, деглобализация и публичное право: материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 09 декабря 2022 года. – Москва: РУДН, 2023. – С. 28-35.
8. Редкоус, В. М. Административно-правовые режимы, устанавливаемые в целях обеспечения государственной безопасности / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2023. – № 1(65). – С. 48-55.
9. Редкоус, В. М. Использование зарубежного опыта в целях подготовки документов стратегического планирования в области общественной безопасности в государствах - участниках СНГ / В. М. Редкоус // Труды Академии управления МВД России. – 2024. – № 2(70). – С. 107-116.
10. Трансформация информационного права / Т. А. Полякова, А. В. Минбалеев, В. Б. Наумов [и др.]. – Москва: Институт государства и права РАН, 2023. – 256 с.

References:

1. Vinogradova, E. V. International scientific and practical conference "Current problems of the science of administrative law and administrative process ("Lazarev readings - 2022") / E. V. Vinogradova, M. N. Kobzar-Frolova // Administrative law and process. – 2022. – No. 5. – P. 79-88.
2. Duben, A. K. Priority directions of legal support for information security of the Russian Federation / A. K. Duben // Digital technologies and law: Collection of scientific papers of the II International Scientific and Practical Conference: in 6 volumes, Kazan, September 22, 2023. – Kazan: Publishing House "Poznanie", 2023. – P. 128-133.
3. Kiryukhin, V.V. Digital police for a digital society / V.V. Kiryukhin // Digital transformation of the Russian Ministry of Internal Affairs system: Collection of scientific articles based on materials from the International Forum. In 2 parts, Moscow, October 20, 2022 / ed. I.G. Chistoborodova. Volume Part 1. – Moscow, 2022. – P. 357-363
4. Kiryukhin, V.V. Participation of citizens in the protection of public order: in search of a reasonable balance / V.V. Kiryukhin // Law and order in the Third Millennium: IX Baltic Legal Forum. Materials of the international scientific and practical conference, Kaliningrad, December 12, 2020. – Kaliningrad, 2021. – P. 93-94.
5. Organization of the protection of public order and ensuring public safety: Textbook: in 2 hours - Part 1 / V. A. Milekhin, Yu. N. Nosatov, A. V. Shevtsov [and others]. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 360 p.
6. Organization of the protection of public order and ensuring public safety: Textbook: in 2 hours - Part 2 / V. A. Milekhin, Yu. N. Nosatov, A. V. Shevtsov [and others]. – Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2023. – 312 p.
7. Redkous, V. M. Current trends in modern administrative and legal regulation of public relations / V. M. Redkous // Globalization, deglobalization and public law: materials of the International scientific and practical conference, Moscow, December 09, 2022. – Moscow, 2023. – P. 28-35.
8. Redkous, V. M. Administrative and legal regimes established for the purpose of ensuring state security / V. M. Redkous // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2023. - No. 1 (65). - P. 48-55.
9. Redkous, V.M. Using foreign experience for the purpose of preparing strategic planning documents in the field of public security in the CIS member states / V.M. Redkous // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2024. - No. 2 (70).
10. Transformation of information law / T. A. Polyakova, A.V. Minba-leev, V.B. Naumov [etc.]. M.: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 2023. 256 p.

**ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ИМУЩЕСТВА,
НАХОДЯЩЕГОСЯ В ОПЕРАТИВНОМ УПРАВЛЕНИИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УИС**
Features of the sale of property
under the operational management of institutions and bodies of the criminal code

ПОПОВА Виктория Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент
ФКОУ ВО «Санкт-Петербургский университет ФСИН России»,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета.
196602, Россия, г. Санкт-Петербург, Саперная, 34.
E-mail: Viktoriia13@yandex.ru;

Popova Viktorya Viktorovna,

PhD (Law), St. Petersburg University, the Federal Penitentiary Service of Russia,
Associate Professor of the Department Chair of civil disciplines.
196602, Russia, St. Petersburg, Sapernaya, 34.
E-mail: Viktoriia13@yandex.ru

Краткая аннотация. В данной статье выделяются особенности реализации имущества, находящегося на балансе государственного учреждения, на примере учреждений УИС.

Abstract: This article highlights the features of the sale of property on the balance sheet of a public institution, using the example of the institutions

Ключевые слова: федеральный орган власти, право оперативного управления, ограниченные вещные права, движимое имущество, субсидиарная ответственность.

Keywords: federal authority, the right of operational management, limited property rights, movable property, subsidiary liability.

Для цитирования: Попова В.В. Особенности реализации имущества, находящегося в оперативном управлении учреждений и органов УИС // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 228-229. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_228.

For citation: Popova V.V. Features of the sale of property under the operational management of institutions and bodies of the criminal code // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 228-229. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_228.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Учреждения и предприятия УИС владеют, пользуются и распоряжаются имуществом в пределах, установленных законом, которое закреплено на праве оперативного управления, в соответствии с целями своей деятельности. Положения ст. 299 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее ГК РФ) предусматривают, что право хозяйственного ведения и право оперативного управления имуществом, если иное не предусмотрено ГК РФ, прекращаются по основаниям и в порядке, предусмотренным ГК РФ, другими законами и иными правовыми актами для прекращения права собственности, а также в случаях правомерного изъятия имущества у предприятия или учреждения по решению собственника.

ФСИН России по согласованию с Министерством экономического развития и торговли РФ определяет перечень и формы документов, необходимых для принятия решений о высвобождении и реализации движимого имущества, а также порядок подготовки, принятия таких решений и представления отчетности.

Высвобождению и реализации подлежит только движимое имущество, отвечающее следующим критериям - морально устаревшее, не используемое по назначению, либо не нашедшее применения, а также снятое с эксплуатации имущество, находящееся в оперативном управлении учреждений и органов УИС. [1]

Перечень движимого имущества, подлежащего высвобождению, подписываются начальниками территориальных органов ФСИН России, учреждений, непосредственно подчиненных ФСИН России, и скрепляются гербовой печатью. То есть, в данном случае налицо опосредованная реализация полномочий собственника (ФСИН России), предусмотренная п. 5 Указа Президента РФ от 13.10.2004 № 1314 «Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний».

Имущество, представляемое учреждениями, предприятиями и органами ФСИН России, подлежит обязательной оценке, проведение которой осуществляется сторонними организациями (организации-оценщики), выбор которых производится на конкурсной основе в соответствии с законодательством РФ об оценочной деятельности. Основу данного законодательства составляет ФЗ от 29.07.1998 № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации», в соответствии с положениями ст. 8 которого, проведение оценки объектов оценки является обязательным в случае вовлечения в сделку объектов оценки, принадлежащих полностью или частично Российской Федерации. [2]

К организационно-правовой форме оценщика при допуске его к участию в конкурсе никаких требований не предъявляется: им может быть любое юридическое лицо, индивидуальный предприниматель или физическое лицо. К числу формальных требований к оценщикам необходимо отнести членство в саморегулируемых организациях оценщиков.

Каждый участник конкурса должен внести в качестве обеспечения своего обязательства определенную денежную сумму. В случае уклоне-

ния победителя конкурса или участника конкурса, заявке на участие, в конкурсе которого присвоен второй номер, от заключения контракта денежные средства, внесенные ими в качестве обеспечения заявки на участие в конкурсе, не возвращаются. По итогам конкурса, его победитель должен подписать государственный контракт с его инициатором. Однако, на практике имеют место случаи, когда победители конкурса отказываются от заключения государственного контракта.

Так, Управлением Федеральной антимонопольной службы по Ивановской области было рассмотрено заявление ФКУЗ МСЧ-37 ФСИН России о признании ООО «Ф» уклонившимся от заключения государственного контракта. Как следовало из прилагаемых документов, учреждением на официальном сайте было размещено извещение о конкурсе, победителем которого было признано ООО «Ф», однако позднее общество отказалось от заключения государственного контракта, ссылаясь на техническую ошибку менеджера при указании цены контракта. УФАС по Ивановской области, удовлетворяя требования учреждения ФСИН России, указало, что лица, участвующие в размещении заказов, обязаны знать и соблюдать законодательство, регламентирующее данную сферу отношений, незнание норм права не освобождает от ответственности за их нарушение, а ООО «Ф», участвуя в размещении заказов, несет риск наступления неблагоприятных последствий в случае неисполнения возложенных на него законом обязательств, что и имело место быть в рассматриваемом случае. Итогом рассмотрения обращения учреждения ФСИН России стало внесение ООО «Ф» в реестр недобросовестных поставщиков сроком на два года. [3]

Реализация высвобождаемого движимого имущества, находящегося в оперативном управлении учреждений и органов УИС осуществляется ФСИН России также на конкурсной основе, а порядок проведения конкурса идентичен тому, который применяется для выбора субъекта оценки высвобождаемого имущества.

Продажа высвобождаемого движимого имущества осуществляется организацией (ИП, либо физическим лицом), победившей (победившими) по итогам проведенного конкурса, по правилам купли-продажи отдельных видов товаров, правилам биржевой, комиссионной и розничной торговли. Цена высвобождаемого движимого имущества определяется уполномоченной организацией на основании отчета организации-оценщика об оценке этого имущества, составленного в соответствии с ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации». Данная цена является нижней границей и не может быть снижена при реализации имущества.

Стоит отметить, что по договору купли-продажи высвобождаемого имущества, покупатель обязан внести полную оплату и лишь после этого происходит его передача. От имени ФСИН России договор купли-продажи заключается ФГУ ЦЖКХ ФСИН России или ФГУ УМиАТ ФСИН России, в зависимости от вида высвобождаемого имущества. Средства, поступившие от реализации высвобождаемого движимого имущества, зачисляются на счета ФСИН по учету средств, полученных от предпринимательской и иной приносящей доход деятельности, открываемые в установленном порядке в органах Федерального казначейства РФ.

На практике нередко возникают случаи, когда высвобождаемое движимое имущество не может быть реализовано по причине его неликвидности. В таких случаях, ФСИН России имеет возможность выбора следующих действий: по истечении полугода с момента передачи имущества в реализацию принять решение о его списании; принять решение о продлении срока реализации, а в случае истечения и его ФСИН России принимает решение о переоценке этого имущества и его дальнейшем использовании. [4]

В заключении отметим: ответственность ФСИН России, являющейся собственником имущества учреждения, выделить в качестве особого вида субсидиарной ответственности, отсутствуют четкие критерии в определении категорий «излишнее», «неиспользуемое» и «используемое не по назначению» в отношении имущества, подлежащего высвобождению ФСИН России из оперативного управления учреждений; в качестве организационно-правовой гарантии от злоупотреблений в данном вопросе следует признать наличие достаточно детально законодательно определенной процедуры его высвобождения и комиссионный характер принятия решений.

Библиография:

1. Китрова Е.В., Кузьмин В.А., Буркова Е.А. Комментарий к Закону РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» (постатейный) / под ред. Н.С. Мановой // [Электронный ресурс]. / Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 29.06.2024)
2. Об оценочной деятельности в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.07.1998 № 135-ФЗ (ред. от 28.11.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3813.
3. Решение Ивановского УФАС России от 13.11.2013 № 37-19 по делу № 07-04/2013-021 // [Электронный ресурс]. / Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс». (дата обращения: 15.05.2024)
4. Баринов А.В., Рощупкина Л.В., Сердюк А.Л. Особенности имущественных отношений казенных учреждений ФСИН России // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 3 (36). С. 5-10.

References:

1. Kitrova E.V., Kuzmin V.A., Burkova E.A. Commentary to the Law of the Russian Federation dated July 21, 1993 No. 5473-1 "On institutions and bodies executing criminal penalties in the form of imprisonment" (article by article) / edited by N.S. Manova // [Electronic resource]. / Access from the ConsultantPlus legal reference system. (date of application: 06/29/2024)
2. On valuation activities in the Russian Federation: Federal Law No. 135-FZ dated 07/29/1998 (as amended on 11/28/2018) // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1998. No. 31. Article 3813.
3. Decision of the Ivanovo Federal Antimonopoly Service of Russia dated 11/13/2013 No. 37-19 in case No. 07-04/2013-021 // [Electronic resource]. / Access from the ConsultantPlus legal reference system. (date of application: 05/15/2024)
4. Barinov A.V., Roshchupkina L.V., Serdyuk A.L. Features of property relations of state institutions of the Federal Penitentiary Service of Russia // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2015. No. 3 (36). pp. 5-10.

СУДЬБА ПРИЖИЗНЕННЫХ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ МЕР ПРИ НАСЛЕДОВАНИИ¹

Consequences of inheritance for lifetime provisional measures

ПАНИЧКИН Вячеслав Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права

Кемеровского государственного университета, адвокат.

Красная ул., 6, г. Кемерово, Кемеровская обл., 650000, Россия.

E-mail: panslavic@mail.ru;

SPIN-код: 3589-4840,

AuthorID: 543767,

Panichkin Vyacheslav B.,

Candidate of Judicial Sciences (PhD in Law), Docent of the Civil Law Department
of Kemerovo State University.

Krasnaya str., 6, Kemerovo, Kemerovo region, 650000, Russia.

E-mail: panslavic@mail.ru

SPIN-код: 3589-4840,

AuthorID: 543767

Краткая аннотация: В статье сделан глубокий и системный анализ посмертной судьбы всех ключевых прижизненных обеспечительных обязательств. В частности относительно судьбы поручительства рассмотрены последствия на случай смерти должника, в случае смерти поручителя раньше должника, в случае смерти поручителя по обязательству ранее умершего должника, а также парадоксы конфузии и псевдо-конфузии в поручительстве как результат наследования. Касательно судьбы залога при наследовании проанализированы эволюция подходов к залогоу при наследовании, проблематика залога в силу закона в отношении имущества, отчуждённого под выплату пожизненной ренты, вопрос о залоге вещи, отказанной легатарии. В рамках темы судьбы денежных обеспечительных мер по охранительным обязательствам при наследовании исследованы вопросы наследования законной и договорной неустойки, неустойки по алиментам. Изучена посмертная судьба задатка, в т.ч. в контексте его применения к предварительному договору. Кроме того, сделаны выводы о направлении наследственного перехода акцессорных обязательств в контексте доктрины об универсальности преемства.

Abstract: The article contains deep and systematic analysis of posthumous consequences for all key lifetime security obligations. In particular, regarding the fate of the guarantee, the consequences are considered in the event of the death of the debtor, in the event of the death of the guarantor before the debtor, in the event of the death of the guarantor under the obligation of a previously deceased debtor, as well as the paradoxes of embarrassment (coincidence) and pseudo-embarrassment in the guarantee as a result of inheritance. Regarding the fate of collateral in inheritance, the evolution of approaches to collateral in inheritance, the problem of collateral by force of law in relation to property alienated for the payment of a life annuity, the issue of collateral of an item refused to the legatee are analyzed. Within the framework of the topic of the fate of monetary interim measures for protective obligations during inheritance, the issues of inheritance of legal and contractual penalties, penalties for alimony are investigated. The posthumous fate of the deposit has been studied in the context of its application to the preliminary agreement. In addition, conclusions are drawn about the direction of hereditary transfer of accessory obligations in the context of the doctrine of the universality of succession.

Ключевые слова: наследование, ответственность по долгам наследодателя, обеспечительные меры, акцессорные обязательства, поручительство, залог, неустойка, задаток.

Key words: inheritance, liability for the debts of the testator, interim measures, accessory obligations, surety, pledge, penalty, deposit.

Для цитирования: Паничкин В.Б. Судьба прижизненных обеспечительных мер при наследовании // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 230-236. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_230.

For citation: Panichkin V.B. Consequences of inheritance for lifetime provisional measures // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 230-236. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_230.

Статья поступила в редакцию: 12.08.2024

Поскольку предметом наследования является не только овеществлённое имущество, но также имущественные права и обязанности. «Все деловые отношения покоятся на кредитоспособности их участников, а эта кредитоспособность была бы совершенно непрочной, если бы она могла быть разрушена случайным событием - смертью контрагента, - писал в начале XX века профессор И.А. Покровский, - Поэтому развивающийся гражданский оборот требует соединения долгов с имуществом; требует установления правила, чтобы тот, кто получает имущество покойного, отвечал и по его долгам»². В связи с этим особую остроту приобретает вопрос об обеспечении обязательств, а именно о посмертной судьбе многочисленных прижизненных обеспечительных мер, которые плотно пронизывают весь современный имущественный оборот. Их следует классифицировать их на те, сама природа которых и их применение неразрывно связаны с наследованием и вне его этих мер не существует, и на обычные обеспечительные меры, которые наследованием могут так или иначе затрагиваться. В настоящей статье мы проанализируем последнюю группу правовых инструментов в контексте их поведения при наследовании, в числе которых поручительство, залог, неустойка (штраф, пеня) и задаток.

1. Поручительство

1.1. Судьба поручительства в случае смерти должника, чей долг обеспечен поручительством

¹ Статья написана в рамках НИР ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», осуществляющего научное исследование за счёт средств федерального бюджета: «Разработка теоретико-методологической базы наследования бизнеса в современных условиях», согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО РГАИС 13-ГЗ-2022.

The study was conducted as part of the Development of a theoretical and methodological basis for business inheritance in modern conditions research project, according to the State task for the Russian State Academy of Intellectual Property (13-GZ-2022).

² Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - 6-е изд., стер. - М.: Статут, 2013. - С. 297.

При том, что переход в универсальном порядке обязательственных прав является общим правилом, к некоторым обеспечительным мерам есть большой соблазн применить норму п. 2 ст. 418 ГК РФ о прекращении обязательства смертью кредитора если исполнение предназначено лично для него либо оно иным образом неразрывно связано с его личностью, тем более, что этот принцип системно связан со ст. 383 ГК, не допускающей переход к другому лицу прав, неразрывно связанных с личностью кредитора. И едва ли не чаще всех средств обеспечения в такую категорию личных обязательств «направляется» поручительство как сделка, пограничная с фидуциарной. Однако хотя с бытовой житейской точки зрения поручительство – едва ли не наилучший пример фидуциарной сделки, связанной с особым личным доверием поручителя к должнику, личность и платёжеспособность которого хорошо известны поручителю, закон отнюдь не относит обязательство поручителя к числу тех, что неразрывно связаны с личностью хоть должника, хоть поручителя. Несоответствие обычного восприятия этой сделки и законодательного подхода к ней очевидно и привели к тому, что этот вопрос получил весьма замысловатую эволюцию. Она наглядно проявилась в разном подходе к решению вопроса судьбы поручительства в случае смерти должника, чей долг обеспечен поручительством и в необычной динамике изменения подхода, признанного в итоге неправильным.

Ввиду парадоксального судебного дуализма в России, когда при наличии единого материального частного права имеются две полноценные системы судов (общей юрисдикции и коммерческих) и два вида процесса (гражданский и арбитражный), диаметрально расхождение между ними имело место и по этому вопросу. До реформы ГК РФ 2015 г. и разрешения этой проблемы законодательно пункт 62 Постановления Пленума Верховного Суда России от 29 мая 2012 г. № 9 разъяснял, что поручитель отвечает за наследников основного должника лишь при наличии своего согласия и только в пределах стоимости наследства¹, тогда как через полтора месяца пункт 20 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда России от 12.07.2012 № 42 «О некоторых вопросах разрешения споров, связанных с поручительством», наоборот, в интересах кредиторов указал на неизменность положения поручителя: в случае смерти должника поручительство за него сохраняется. Закон (п. 4 ст. 364 и п. 4 ст. 367 ГК РФ) подтвердил правильность последней позиции. Несмотря на это, Верховный Суд, в который собственно вошел ВАС в качестве одной из коллегий, воспрепятствовал ретроспективному действию этой нормы², а доктрина ещё долго блуждала в старых лабиринтах и продолжала по инерции постулировать устаревшие позиции.

Согласно новеллам статей 364 – 367 ГК смерть основного должника не прекращает поручительство: поручитель продолжает отвечать перед кредитором по обязательству наследодателя в полном объёме независимо от стоимости перешедшего к наследникам должника имущества и вообще от наличия такового, а также независимо от факта принятия кем-либо наследства либо отказа от его принятия: хоть направленного, хоть абстрактного. Прекращается поручительство лишь если такое последствие изначально предусмотрено договором поручительства.

Теперь и закон (п. 3 ст. 364 ГК РФ), и Верховный Суд (п. 36 Постановления № 45) неумолимы в том, что поручитель не вправе ссылаться на ограниченную ответственность наследников должника и не вправе требовать уменьшения размера своей обязанности по договору поручительства пропорционально стоимости наследства. А вот ответственность наследников должника перед поручителем по исполненному им и суброгированному ему требованию ограничена пунктом 36 Постановления и пунктом 1 ст. 1175 ГК: они отвечают солидарно в пределах стоимости перешедшего к каждому из них наследственного имущества, причём оцениваемого строго на день открытия наследства без учёта дальнейшего изменения его стоимости. При отсутствии наследников, в т.ч. при непринятии ими наследства, отказе от него или при их отстранении перешедшее к поручителю требование к должнику удовлетворяется из выморочного имущества (ст. 1151 ГК РФ) (и очевидно тоже только в пределах его стоимости).

Таким образом мы видим разные подходы к неограниченной по существу ответственности прижизненно поручившегося поручителя умершего раньше него должника-наследодателя, и к ограниченной ответственности перед ним наследников должника. Небезынтересна судьба поручительства в случае, если жизнь должника застрахована в пользу кредитора. Оно весьма распространено в банковской практике и позволяет семье наследодателя-заёмщика избежать расчёта с банком, переложив уплату долга на страховщика. Оно благоприятно и для поручителя поскольку с точки зрения приоритета обращение к обеспечительным мерам до взыскания денег с поручителя последует только после полного исчерпания страховой выплаты.

1.2. Судьба поручительства в случае смерти поручителя раньше должника

Со смертью поручителя его наследникам переходит один-в-один та правовая ситуация, которая имела для наследодателя, но они оказываются в более привилегированном положении, чем то, что имело бы место для их предшественника-поручителя. Они становятся поручителями, но, будучи именно наследниками поручителя, отвечают перед кредитором солидарно лишь в пределах перешедшего к ним актива наследственного имущества изначального поручителя (п. 1 ст. 1175 ГК РФ). Хотя последнее утверждение Верховного Суда не совсем точно (отвечают они в пределах *стоимости* перешедшего к ним имущества), но самое важное здесь отмечено верно: их ответственность ограничивается не размером долга, или оговорённой в договоре поручительства суммой, а стоимостью унаследованного актива, который может оказаться и меньше. Но сам договор поручительства может предусматривать и противоположное: что наследники не отвечают по долгу³.

Таким образом, как и в случае с более ранней смертью должника по основному обязательству, в случае смерти поручителя до смерти

¹ См. также Обзор судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом ВС РФ 22.05.2013), определение ВС РФ от 18.11.2014 по делу № 32-КГ14-12).

² П. 5 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 17.07.2019), п. 35 - 37 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве», Определение ВС РФ от 16.01.2018 № 23-КГ17-8).

³ П. 37 Постановления Пленума ВС РФ от 24.12.2020 № 45 «О некоторых вопросах разрешения споров о поручительстве» // Российская газета. 2021. 15 января; п. 9 Обзора судебной практики по гражданским делам, связанным с разрешением споров об исполнении кредитных обязательств (утв. Президиумом ВС РФ 22.05.2013); Дашко А.В. Судьба неисполненного обязательства в случае смерти стороны договора // Наследственное право. 2022. № 4. С. 2 - 5.

должника закон переводит обязанности умершего поручителя в качестве пассива наследства на его наследников. При этом, однако, происходит свойственная российскому наследованию трансформация предела ответственности с неограниченной до нарицательной стоимости унаследованного актива. Добавление к этой позиции формулировки «если иное не предусмотрено в договоре поручительства» (если только не имеется ввиду освобождение договором наследников от ответственности), на наш взгляд, глубоко ошибочно поскольку взаимодействие норм ГК об акцессорных обязательствах и принципов наследования исключает возможность договора заглянуть за пределы жизни и тем более наводить там свои порядки.

Ввиду того, что нашему закону не известна сепарация наследства и применяется смешение унаследованного имущества с личным имуществом наследника, ему может прийти несладко в случае неисправности должника, поскольку бремя доказывания недостаточности размера наследства для удовлетворения требования кредитора Верховный Суд относит именно на наследника поручителя.

1.3. Судьба поручительства в случае смерти поручителя по обязательству ранее умершего должника

Если ко дню «созревания» долга по основному обязательству или разрешения спора о его взыскании долга умерли оба - и должник, и его поручитель, то независимо от очередности их смертей перед кредитором отвечают наследники и того, и другого. Но отвечают они по-разному: наследники должника - солидарно в пределах стоимости перешедшего к каждому из них наследства, а наследники поручителя - солидарно или субсидиарно по отношению к наследникам должника в зависимости от условий договора поручительства и солидарно по отношению между собой в пределах стоимости перешедшего к каждому из них наследства поручителя. Такова логика норм ст. 365, п. 1 ст. 1175 ГК и п. 38 Постановления № 45. То есть на этот раз закон несколько шире устанавливает пределы ответственности наследников непосредственно основного должника, тогда как при наследовании за поручителем ответственность его наследников, ограничивается самой возможностью её субсидиарного применения если таковую избрал в своё время сам покойный поручитель. Вместе с тем это не имеет никакого отношения к нарицательным пределам ответственности: если наследственный актив должника скуден, а таковой у поручителя велик, то основную часть долга оплатят именно наследники поручителя.

1.4. Конфузия и псевдоконфузия в поручительстве как результат наследования

Весьма интересна судьба обеспечения при наследовании в случае т.н. конфузии, т.е. совпадения должника и кредитора, и рассмотреть её лучше всего на примере поручительства.

Совпадение в одном лице должника по основному долгу и должника по акцессорному обеспечительному обязательству не приводит к прекращению обязательств. Тенденция ослабления акцессорности, выраженная п. 4 ст. 367 ГК РФ, влечёт сохранение в полном объёме поручительства при совпадении наследника и поручителя (например, супруг был поручителем умершего супруга).

При унаследовании поручителем за основным должником или, наоборот, при унаследовании основным должником за поручителем наследник станет одновременно должником и по основному, и по обеспечительному обязательству. При том, что в нём одном совпадут два статуса должника (и основного, и обеспечительного), это не приведёт к удвоению его задолженности, равно как не произойдёт никакого гашения долга. Обязательство будет исполнено единожды: если наследник исполнит его как основной должник, то его обязательство как поручителя прекратится ввиду его акцессорности (п. 4 ст. 329 ГК РФ), а если как поручитель - он получит право на суброгацию требования к должнику, и суброгационное требование вместе с корреспондирующим ему основным долгом прекратится в силу идеальной конфузии по ст. 413 ГК РФ за совпадением должника и кредитора в одном лице.

На первый (но лишь на первый) взгляд бессмысленный вывод о продолжении существования обеспечительного обязательства в такой ситуации важен не только и не столько для описанной ситуации (между прочим, она не совсем благоприятна для кредитора - его должник теперь персонифицирован в одном лице, а не в двух как прежде). Этот вывод важен для модели, при которой обязанность умершего поручителя также, в свою очередь, обеспечена, например, залогом его имущества (такой залог не исключён при том, что классическая теория не оправдывает обеспечение... обеспечения)¹. При таком раскладе залог никому не покажется излишней обеспечительной мерой. И совпадение основного и запасного должника никак не отменяет этот залог, что служит на пользу кредитору. В этом же ключе следует рассматривать и, так сказать, «псевдоконфузию» или квазиконфузию, не подпадающую под норму статьи 413 ГК РФ о совпадении должника и кредитора в одном лице. Например, совпадение в одном лице двух составных (хотя и нераздельных) частей солидарного долга, когда один из двух солидарных должников умер, а его долг по наследству перешёл другому содолжнику. Долг перестал быть солидарным, но обеспечения, предоставленные каждым из должников, равно как наложенные законом на каждого из них, сохранятся.

2. Судьба залога при наследовании

2.1. Эволюция подходов к залого при наследовании

Более однозначна и менее противоречива при наследовании судьба залога. Смерть залогодателя не является основанием для его прекращения². Это связано с тем, что залог представляет собой и обеспечительное обязательство, и вещное право.

Поскольку право собственности на заложенное имущество остаётся за залогодателем, оно может быть отчуждено как возмездно, так и безвозмездно, и одним из способов этого является наследование, порождающее универсальное правопреемство: право залога сохраняет силу, а правопреемник залогодателя становится на его место: приобретает права и несёт обязанности залогодателя, а право залога не прекращается, следуя за вещью.

¹ Впрочем, практика вообще обращает всё меньше внимания на теорию, наглядный пример чему – начисление неустойки в виде процентов на не вовремя внесённый обеспечительный платёж, т.е. всё то же обеспечение обеспечения.

² См.: Определение ВС РФ от 03.07.2018 № 59-КГ18-6.

Причём эволюция характера ответственности наследников никак не изменяло это правило. До того, как по ГК 1964 г. их ответственность стала солидарной, она носила долевой характер, и изъятием из общего правила о долевом характере ответственности В.И. Серебровский считал «случай, когда к наследнику переходит имущество, обременённое залогом (например, заложенный жилой дом). В данном случае наследник отвечает полностью заложенным имуществом, не имея права обратного требования к другим наследникам. Это вытекает из существа залоговых отношений. Наследник получает известное имущество вместе с лежащим на этом имуществе обременением. Поэтому обязанность уплаты долга, вытекающего из залога, является обязанностью наследника, к которому перешло заложенное имущество. Но если вырученная от реализации заложенного имущества сумма оказывалась недостаточной для покрытия требования залогодержателя и наследник удовлетворял требование залогодержателя из другого имущества (ст. 100 ГК 1922 г.), то наследник был вправе требовать в порядке регресса излишне им уплаченное с других наследников пропорционально наследственной доле каждого»¹. То есть другие наследники перед этим наследником отвечали в долевом порядке, а вот соучаствовал ли наследник заложенной вещи в таком гашении долга (скажем, в порядке, аналогичном общей аварии на море) не ясно. С моральной точки зрения это для него было бы излишним ввиду того, что он уже поучаствовал в оплате долга, лишившись унаследованного заложенного имущества...

На заре коренного реформирования гражданского права, в начале 1990-х гг. подпункт «д» п. 16 не действующего ныне Постановления Пленума ВС РФ от 23.04.1991 № 2 предусмотрел своего рода очерёдность: кредитору надлежало первоначально удовлетворить свои требования из стоимости предмета залога и только в случае недостаточности вырученных средств обращаться к сонаследникам. Современная позиция совсем иная: залогодатель по общему правилу сам может выбирать, пользоваться ему правом залога или требовать исполнения в общем порядке, то есть от всех и каждого.

Если несколько наследников наследуют заложенную вещь, «каждый из них несёт вытекающие из залога последствия неисполнения обеспеченного залогом обязательства соразмерно перешедшей к нему части указанного имущества, - отмечают учёные, - Однако, если предмет залога неделим или по иным основаниям остаётся в общей собственности правопреемников, они становятся солидарными залогодателями»².

При этом характерно, что на наследника залогодателя отнюдь не распространяется характерный для российского права принцип ответственности наследников (а не наследства) и предела ответственности в номинале рыночной стоимости наследственного актива на момент открытия. Вещная природа залога диктует совсем другие – противоположные – решения: по долгам залогодателя отвечает именно вещь, а не личность, а пределом ответственности служит не нарицательная рыночная стоимость этой вещи на момент смерти залогодателя, а динамически меняющаяся рыночная цена заложенной вещи, фиксируемая лишь в момент её реализации с торгов.

При том, что из общего правила о сохранении залога при переходе прав на заложенное имущество к другому лицу есть-таки два исключения, оба они в отношении наследников неприменимы, т.е. залог при переходе заложенного имущества к наследникам сохраняется.

Во-первых, если по общему правилу залог прекращается при возмездном приобретении наследником заложенного имущества лицом, которое не знало и не должно было знать, что это имущество является предметом залога (абз. 1 п. 1 ст. 353, подп. 2 п. 1 ст. 352 ГК), то при наследовании залог сохраняется, поскольку предмет залога перешёл наследнику безвозмездно.

Во-вторых, если по общему правилу перестают быть предметом залога отчуждённые залогодателем товары в обороте (абз. 1 п. 1 ст. 353, п. 2 ст. 357 ГК), то их отчуждение наследнику происходит в порядке универсального преемства и по существу оно меняет не место нахождения товаров, а личность обладателя, т.е. не опосредует отнюдь не движение вещей, не выбытие товаров из обладания залогодателя с заменой экземпляров родовых вещей другими экземплярами однородного товара, а констатирует произошедший «оборот» самих залогодателей в отношении оставшегося на месте товара.

Следует отметить, что в отношении обязанностей наследников заложенной вещи происходит усечение: если залогодержатель и новый собственник не связаны основным обязательством (например, наследодатель заложил вещь в обеспечение не своего, а чужого долга), наследник как новый собственник отвечает только в пределах тех обязанностей, которые лежали на правопреемнике и которые указаны в заключённом договоре залога между залогодателем и залогодержателем. То есть речь идёт только о претерпевании им права залогодержателя обращать взыскание на данное имущество. Если выручка от его продажи превысила сумму обеспеченного залогом обязательства, то разница должна быть возвращена наследнику.

2.2. Судьба залога в силу закона в отношении имущества, отчуждённого под выплату пожизненной ренты

В случае смерти одного из нескольких получателей пожизненной ренты или пожизненного содержания с иждивением не прекращается ни сама рента, ни залог отчуждённой под её выплату недвижимости: имущественный интерес в ренте умершего «прирастает» к интересу переживших, которые будут получать ренту в прежнем размере, а залог продолжит обеспечивать дальнейшее исполнение договора плательщиком во всей своей полноте.

Будучи одним из немногих сохранившихся вненаследственных сингулярных видов посмертного преемства, переход «высвободившегося» (от своего обладателя) права на получение пожизненной ренты точно отражается и в обеспечивающем получение ренты обязательстве – залог тоже не делится, а «прирастает» к остальной части. При том, что обязательство по пожизненной ренте и по пожизненному содержанию с иждивением прекращается смертью единственного получателя ренты либо последнего из получателей (п. 1 ст. 605 ГК) (и столь же логично не прекращается со смер-

---

¹Серебровский В.И. Наследственное право. М.: Юрид. лит., 1948. С. 230.

²Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / Комментарий к ст. 353 «Сохранение залога при переходе прав на заложенное имущество к другому лицу» // СПС КонсультантПлюс. 2019.

тью плательщика ренты, а переходит к его наследникам, будучи обязанностью имущественного характера, не связанной с личностью плательщика¹, то есть не являясь фидуциарным обязательством), это касается прекращения ежемесячных выплат на будущее. Накопившийся же к моменту смерти кредитора долг плательщика не прекращается, а переходит к наследникам умершего получателя как актив по правилам п. 1 ст. 1183 ГК.

Учитывая акцессорный характер залога в силу закона в отношении отчуждённого некогда под выплату ренты объекта недвижимости, этот залог при наличии долга прекращаться не должен и призван с момента смерти получателя обеспечивать права наследников на получение задолженности и неустойки с плательщика. Вместе с тем такой подход основан лишь на логике и требует чёткого законодательного закрепления².

Если же получатель пожизненной ренты или пожизненного содержания с иждивением при жизни успел подать иск к нарушавшему договор плательщику о расторжении договора и возврате недвижимости или о взыскании убытков либо о немедленной уплате ему выкупной цены (ст. 593, 599, 605 ГК), смерть истца - получателя ренты не прекращает ни процесс, в который должны в порядке процессуального преемства вступить его наследники³, ни соответствующие обязательства контрагента по возврату вещи, уплате выкупной цены или убытков (п. 69 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9). Соответственно залог в силу закона должен продолжать обеспечивать требования наследников на случай их удовлетворения судом. И это тоже нуждается в законодательном подтверждении.

2.3. Судьба залога вещи, отказанной легатарно

Наш ГК не содержит прямой нормы о судьбе установленных в отношении завещанной вещи обременений при исполнении сингулярного легата, предметом которого эта вещь является. Есть смысл решить этот вопрос аналогично ст. 1020 Кодекса Наполеона: исполнение легата не влечёт прекращения установленных в отношении завещанной вещи обременений. Если до совершения завещания или с момента его совершения в отношении завещанной вещи была установлена ипотека в обеспечение исполнения обязательства, входящего в состав наследства, или в обеспечение исполнения обязательства третьего лица или если она обременена узурфруктом, лицо, на которое возложена обязанность по исполнению легата, не обязано снимать эти обременения, если только такая обязанность не установлена прямым указанием завещателя. Правда, такое положение противоречит российской концепции завещательного отказа, который не должен создавать долгов для выгодоприобретателей, однако залог как таковой хотя и связан с долгом, будучи его обеспечением, сам всё-таки долгом не считается. Наконец обеспечиваемый таким залогом долг может быть ещё не созревшим к моменту, когда для наследника пришла пора удовлетворять легаты.

3. Судьба денежных обеспечительных мер по охранительным обязательствам при наследовании

3.1. Наследование и законная неустойка

Уникальна судьба способов обеспечения прижизненных охранительных обязательств в случае смерти делинквента. По мнению ряда учёных, а именно А.О. Батищев, А.А. Громова, А.Г. Карапетова, Д.В. Новика, Е.А. Останиной, А.А. Павлова, Е.Ю. Петрова, А.И. Савельева, С.В. Сарбаша и Р.У. Сулейманова⁴, даже если основной долг прекращается по правилам ст. 418 ГК РФ в связи с неразрывной его связью с личностью должника, созревшие за период до смерти должника его охранительные обязательства, связанные с нарушением им ранее данного обязательства, переходят к наследникам, в т.ч. к публичному образованию в порядке выморочности.

«При универсальном правопреемстве на стороне должника обязанность по уплате судебной неустойки переходит к правопреемнику должника в полном объёме,» - гласит п. 36 Постановления Пленума Верховного Суда России от 24.03.2016 № 7 (ред. от 22.06.2021) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств». Однако это постановление не даёт чёткого ответа на вопрос о дальнейшем (после смерти причинителя вреда) начислении неустойки либо о её «заморозке».

Весьма существенную особенность привносит наследование в обеспечительную меру по просроченному займу. Поскольку заёмное обязательство не считается неразрывно связанным с личностью должника (ввиду того, что кредитор может принять исполнение от любого лица), оно не прекращается его смертью, в т.ч. индивидуального предпринимателя, и наследник отвечает перед кредитором в пределах стоимости перешедшего ему наследственного имущества⁵.

Если договорные или законные проценты по нему продолжают начисляться в обычном порядке, в т.ч. и в период между открытием и принятием наследства заёмщика, то законная неустойка - проценты по ст. 395 ГК РФ, будучи мерой ответственности за неисполнение обязательства, в этот период не начисляются⁶, а «замораживаются». Но в отличие от неустойки по алиментам они-таки возобновляются со дня принятия наследства, что подтверждено авторитетной судебной практикой⁷.

Судебная практика исходит из того, что неустойки и штрафные проценты за неисполнение обязательств наследодателя, исходя из природы гражданско-правовой ответственности, не подлежат взысканию в течение времени, необходимого для принятия наследства (п. 61 Постановления

¹ Определения ВС РФ от 21.10.2002 № 15-В02пр-11 и от 09.10.2012 № 24-КГ12-2.

² В любом случае из практических соображений, пока вопрос нормативно не разрешён, нелишним будет наложение судебного ареста на такую недвижимость по ходатайству истцов.

³ См.: п. 15 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 26.12.2018); Определение ВС РФ от 22.08.2017 № 18-КГ17-107.

⁴ Исполнение и прекращение обязательств: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2022. – 1494 с. – (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)

⁵ Определение ВС РФ от 26.06.2012 № 18-КГ12-6.

⁶ П. 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 04.07.2018).

⁷ См.: п. 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 2 (2018) (утв. Президиумом ВС РФ 04.07.2018); Определение ВС РФ от 20.06.2017 № 5-КГ17-79.

Пленума ВС РФ № 9). К сожалению, нет в указанном Постановлении ответа на вопрос о том, являются ли долгами наследодателя обязательства, состоящие в возложении на наследников мер ответственности за допущенные нарушения.

Меж тем затруднительно найти внятное объяснение подобному «впадению в юридическую спячку» и последующее «оживление» неустойки кроме как с позиций справедливости. Равнозначна ли такая приостановка по природе и последствиям мораторию на начисление неустойки, хорошо знакомому юристам по недавней эпохе антиковидных ограничений? Или представляет собой своего рода подинститут *sui generis*? Эти вопросы пока не разрешены. При этом следует заметить, что правило об ограничении долга стоимостью перешедшего к каждому конкретному наследнику имущества действует только в отношении долгов, созревших к моменту смерти: дальнейшая судьба договора и его обеспечения связана только с наследником, получившим соответствующую вещь, и более никак не связана с ограничением ответственности стоимостью унаследованных им активов. В дальнейшем неустойка вполне может и превысить их стоимость.

При этом в любом случае долги по неустойкам, возникающим уже после принятия наследства (равно как, скажем, по арендной плате за периоды после смерти наследодателя-арендатора), являются уже личными долгами нового субъекта прав и не ограничиваются пределами стоимости унаследованного имущества. Это следует из смысла абзаца 5 п. 60 Постановления Пленума ВС РФ 29.05.2012 № 9: «Требования кредиторов по обязательствам наследников, возникающим после принятия наследства (например, по оплате унаследованного жилого помещения...), удовлетворяются за счёт имущества наследников» (т.е. уже не за счёт наследства).

3.2. Наследование неустойки по алиментам

Если алименты как обязательство чисто личного характера со смертью должника прекращаются, то помимо сохранения и перехода к наследникам в качестве обременяющих наследства долгов ранее образовавшейся задолженности, переходит и исчисленный ко дню смерти долг по неустойке (а надо сказать, наше сугубо профеминистское законодательство предусматривает драконовский процент такой пени). Это следует из п. 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019): «Задолженность наследодателя по алиментам и по уплате неустойки, исчисленной на день смерти наследодателя, является имущественной обязанностью, которая переходит к его наследнику, принявшему наследство, в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества». Смерть «спасает» его и его наследников лишь в том смысле, что ставит наконец точку в начислении как алиментов, так и неустойки по ним, что отличает наш закон от общего права с его системой ликвидации наследства, благоприятствующей капитализации алиментов на будущее за весь срок их начисления.

Характерно, что если со смертью должника (равно как получателя) прекращается начисление алиментов ранее образовавшаяся задолженность по таким обязательствам сохраняется¹, то в отношении начисления неустойки всё не так ясно: в состав наследства в качестве пассива безусловно может входить накопленная неустойка, но вот пресечение начисления неустойки моментом смерти того или другого субъекта не так бесспорно и очевидно требует не только доктринального, но и нормативного решения.

Касательно долга по алиментам и неустойке по ним С.Л. Будылин пишет: «Сохранение долга после смерти должника выглядит вполне логично. Было бы крайне несправедливым по отношению к кредиторам умершего, которые фактически финансировали создание его имущественной массы, если бы все имущество досталось наследникам, а все долги перед кредиторами вдруг исчезли. Исключения по поводу чисто личных обязательств тоже не вызывают чувства протеста»². И вот здесь хотелось бы поспорить с Сергеем Львовичем: получатели (а в большинстве случаев получательницы) алиментов – кредиторы не совсем обычные, если не сказать, что они вовсе не кредиторы: они не только не финансировали создание имущественной массы умершего, но наоборот - долгие годы её разоряли. А посему чувства протеста существующий порядок не вызывает разве что у них – у настоящих же вдов плательщиков алиментов (их законных жён) и их детей в законном браке такая щедрость законодателя за счёт их наследства вполне даже вызывает протест.

Наконец, проблему представляет и идеальная конфузия, когда один из наследников – получатель алиментов, управомоченный соответственно и на требование неустойки за их просрочку. Однозначного решения соотношения таких прав наш закон не содержит.

3.3. Судьба задатка при наследовании

При том, что, по нашему мнению, задаток принципиально не совместим с предварительным договором, в т.ч. купли-продажи недвижимости, мнение практиков и судов, похоже, всё больше склоняется к возможности их мирного сосуществования.

Задаток, переданный продавцу при заключении предварительного договора купли-продажи покупателем, не успевшим исполнить своих обязательств по договору (не заключившим основной договор купли-продажи) не подлежит возврату, равно как если наследники умершего продавца, принявшего задаток, при отказе заключить основной договор на условиях предварительного, обязаны вернуть удвоенную сумму задатка³.

Причина в том, что авторитетная судебная практика Верховного Суда (порой преодолевая противоположное мнения апелляционной и

---

¹ По п. 10 Обзора судебной практики ВС РФ № 4 (2019) (утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019) «Задолженность наследодателя по алиментам и по уплате неустойки, исчисленной на день смерти наследодателя, является имущественной обязанностью, которая переходит к его наследнику, принявшему наследство, в пределах стоимости перешедшего к нему наследственного имущества».

² Будылин С.Л. Контрагент умер, но обязательство его живет. Наследование договорных обязательств в Англии, США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. - С. 165.

³ Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307 - 328 и 407 - 419 Гражданского кодекса Российской Федерации / А.О. Батищев, А.А. Громов, А.Г. Карапетов и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2022. 1496 с. // СПС КонсультантПлюс

кассационной инстанций) не считает обязательства из предварительного договора неразрывно связанными с личностью стороны договора и прекратившимися со смертью стороны (будь то продавец или покупатель) – они переходят наследникам¹. Та же логика разумеется диктует и зеркальную обязанность продавца, причём «двойную»: во-первых, переживший покупателя продавец обязан передать предмет договора наследникам покупателя на условиях, предусмотренных предварительным договором, а во-вторых, в случае смерти продавца его наследники обязаны передать предмет сделки в точном соответствии с предварительным договором. При отказе от этого продавец либо его наследники обязаны будут вернуть задаток в удвоенной сумме, что также подтвердил Верховный суд². Если же случилось такое, что умерли и продавец, и покупатель, то с точки зрения логики взаимно обязаны заключить договор наследники и того, и другого.

4. Направление наследственного перехода акцессорных обязательств

При том, что в силу принципа универсальности наследственного преемства в романо-германском праве наследство переходит как единое целое в неразрывном единстве прав и обязанностей всем наследникам, само наличие в составе пассива наследства акцессорных обязательств создаёт проблему, и заставляет в очередной раз усомниться в чёткости следования нашего закона принципу универсальности преемства.

Одни меры - денежные долги наследодателя, созревшие до момента смерти, и являющиеся обеспечительными мерами – разновидностями неустойки: начисленным штрафом или пенями - обременяют всех наследников, которые отвечают по ним солидарно в пределах стоимости перешедшего к каждому наследственного актива. Посмертная судьба таких обеспечительных мер противоположна судьбе на будущее время договорной позиции собственника – арендодателя (п. 1 ст. 617 ГК РФ), наймодателя жилья (ст. 675), ссудодателя (п. 2 ст. 700), лицензиара (п. 7 ст. 1235), правообладателя по договору франчайзинга, сервитута (п. 1 ст. 275). А именно права и обязанности из соответствующих сделок при преемстве в абсолютном праве на вещь по доктрине следования переходят только к наследнику, получившему абсолютное право на вещь или средство индивидуализации, тогда как наследники, которым право на базовый актив или долю в праве собственности на него не причитается или которые лишились его при разделе наследства, вышеуказанные права и обязанности не получают. Однако и на тех, и на других в полной мере и без исключений переходят такие созревшие до момента смерти обеспечительные меры, как долги по начисленному штрафу и пени³.

Другие же обеспечительные обязательства переходят не всем, а точно следуют преемству в абсолютном праве на индивидуально-определённую вещь. Переходя к наследникам в силу п. 1 ст. 384 ГК, обеспечительные права ввиду акцессорности залога (равно как и поручительства) должны переходить именно к тому из наследников, к которому перешли по завещанию или в результате раздела наследства соответствующие обеспеченные права, а если это несколько лиц, то они становятся созалогодержателями или сообладателями права требования к поручителю. Это касается и весьма тесно переплетённого в российских условиях с обеспечительными мерами имущественного страхования. Если право требования страхового возмещения связано с обладанием кредитором правом собственности на индивидуально-определённую вещь и смена её собственника влечёт автоматический переход требования, то право требования должно переходить только тому наследнику, кто получает эту вещь. Если же страховый случай наступил после смерти страхователя, то по смыслу ст. 960 ГК требование по выплате страхового возмещения возникнет только у нового собственника вещи (что являет собой непоименованный случай проявления права следования), а если страховой случай произошёл до смерти управомоченного на получение возмещения лица – при такой хронологии страховое возмещение поступит-таки в общую наследственную массу.

Подытоживая краткое и небеспроblemное исследование судьбы обеспечительных мер при наследовании, укажем, что таковые безусловно переходят по наследству, поскольку не считаются неразрывно связанными с личностью наследодателя, а также лиц, предоставивших соответствующее обеспечение. При этом ответственность наследников последних лиц может быть как расширенной, так и усечённой. Причём если ряд обеспечительных мер обременяют всех наследников без исключения, то другие меры точно следуют преемству в абсолютном праве на индивидуально-определённую вещь.

Библиография:

1. Бudyлин С.Л. Контрагент умер, но обязательство его живет. Наследование договорных обязательств в Англии, США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 160 - 170.
2. Гришаев С.П., Богачева Т.В., Свит Ю.П. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая / Комментарий к ст. 353 «Сохранение залога при переходе прав на заложенное имущество к другому лицу» // СПС КонсультантПлюс. 2019.
3. Дашко А.В. Судьба неисполненного обязательства в случае смерти стороны договора // Наследственное право. 2022. № 4. С. 2 - 5.
4. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. - 6-е изд., стер. - М.: Статут, 2013. - 349 с.
5. Серебровский В.И. Наследственное право. М.: Юрид. лит., 1948. С. 230.
6. Исполнение и прекращение обязательства: комментарий к статьям 307–328 и 407–419 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 2.0] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. - М.: М-Логос, 2022. - 1494 с. - (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.)

References:

1. Budylin S.L. The counterparty has died, but his obligation lives on. Inheritance of contractual obligations in England, the USA and Russia // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 12. pp. 160-170.
2. Grishaev S.P., Bogacheva T.V., Svit Yu.P. Article-by-article commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part One / Commentary to Article 353 "Co-custody of collateral in the transfer of rights to mortgaged property to another person" // SPS ConsultantPlus. 2019.
3. Dashko A.V. The fate of an unfulfilled obligation in the event of the death of a party to the contract // Inheritance law. 2022. No. 4. pp. 2-5.
4. Pokrovsky I.A. The main problems of civil law. - 6th ed., ster. - M.: Statute, 2013. - 349 p.
5. Serebrovsky V.I. Inheritance law. M.: Yurid. lit., 1948. p. 230.
6. Fulfillment and termination of obligations: commentary on Articles 307-328 and 407-419 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 2.0] / Ed. by A.G. Karapetov. - M.: M-Logos, 2022. - 1494 p. - (Comments on civil legislation #Gloss.)

¹ Определение ВС РФ от 21.05.2019 № 56-КГ 19-2; определение ВС РФ от 13.04.2021 № 4-КГ21-3-К1; п. 15 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9.

² Определение ВС РФ от 21.05.2019 № 56-КГ19-2.

³ Мысль о том, что завещанием собственник может распорядиться такими требованиями иначе, считаем ошибочной, тогда как в общем праве завещатель действительно может распределить долги отдельно и вне связи с активом.

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В РОССИИ APPROACHES TO THE DEFINITION OF STATE PROPERTY RIGHTS IN RUSSIA

МАРТЫНОВ Аким Александрович,

аспирант РААН.

Малый Полуярский пер., 3/5, стр. 1, г. Москва, 107120, Россия.

E-mail: aspirant8381@mail.ru;

MARTYNOV Akim Alexandrovich,

graduate student of the Russian Academy of Sciences.

Malý Polyaroslavsky Lane, 3/5, page 1, Moscow, 107120, Russia.

E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: В данной статье рассматриваются различные подходы к определению права государственной собственности в России, включая их правовую природу, содержание и значение в современном законодательстве. Автор анализирует существующие теоретические и практические аспекты, касающиеся правовых норм, регулирующих государственную собственность, а также дискуссии, возникающие в научных и правоприменительных кругах. Статья начинается с исторического анализа формирования института государственной собственности в России, включая эволюцию законодательства и изменения в общественных и экономических условиях. Особое внимание уделяется основным характеристикам права государственной собственности, таким как принадлежность, управление и распоряжение государственными активами. Далее автор рассматривает подходы различных правовых систем и доктрин к пониманию и определению государственной собственности, а также влияние международных стандартов на российскую правовую практику. В статье акцентируется внимание на необходимости четкой правовой классификации государственных активов и соответствующих правовых механизмов для их защиты. В заключение автор подчеркивает важность дальнейшего исследования и обсуждения вопросов, связанных с правом государственной собственности, с целью повышения правовой определенности и устойчивости в данной области. Статья также предлагает рекомендации по улучшению правоприменительной практики и формированию более эффективных механизмов управления государственной собственностью.

Abstract: This article examines various approaches to the definition of state property rights in Russia, including their legal nature, content and significance in modern legislation. The author analyzes the existing theoretical and practical aspects concerning the legal norms governing state property, as well as discussions arising in scientific and law enforcement circles. The article begins with a historical analysis of the formation of the institution of state ownership in Russia, including the evolution of legislation and changes in social and economic conditions. Special attention is paid to the main characteristics of the right of state ownership, such as ownership, management and disposal of state assets. Next, the author examines the approaches of various legal systems and doctrines to the understanding and definition of state property, as well as the impact of international standards on Russian legal practice. The article focuses on the need for a clear legal classification of state assets and appropriate legal mechanisms for their protection. In conclusion, the author emphasizes the importance of further research and discussion of issues related to state property law in order to increase legal certainty and sustainability in this area. The article also offers recommendations on improving law enforcement practice and the formation of more effective mechanisms for managing state property.

Ключевые слова: подходы, право, государственная собственность, Россия, правовое определение, законодательство, управление, защита прав, исторический анализ, стандарты.

Key words: approaches, law, state property, Russia, legal definition, legislation, management, protection of rights, historical analysis, standards.

Для цитирования: Мартынов А.А. Подходы к определению права государственной собственности в России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 237-239. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_237.

For citation: Martynov A.A. Approaches to the definition of state property rights in Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 237-239. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_237.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Право государственной собственности в России – это важная и многогранная тема, которая исследуется с разных ракурсов в зависимости от юридической, экономической и социальной перспективы¹. Основные подходы к определению этого права в России можно разделить на несколько ключевых аспектов.

А.А. Саурин обозначил: «В современном государстве отношения государственной собственности определяют конкурентоспособность национальной экономики в мире, а также обеспечивают устойчивость государственного управления, стабильность экономического роста и социальную справедливость»².

Первый подход заключается в правовой природе государственной собственности³. В российском законодательстве, в частности в Конституции Российской Федерации⁴ и Гражданском кодексе⁵, государственная собственность рассматривается как форма собственности, принадлежащая Российской Федерации, субъектам Федерации и муниципальным образованиям. Этот подход акцентирует внимание на том, что государственная собственность представляет собой не только имущественные права, но и юридические отношения, возникающие в процессе управления, распоряжения и защиты этих активов^{6, 7}.

¹ Управление государственной собственностью: методология, опыт, инновации : учебно-методическое пособие / М.М. Соловьев, Л.И. Кошкин, А.А. Свирина. – Казань : Отечество, 2012. – 273 с. – ISBN 978-5- 9222-0528-3.

² Саурин, А. А. Право собственности в Российской Федерации. Конституционно-правовые пределы реализации и ограничения / А.А. Саурин. – М.: Статус, 2020. – 352 с.

³ Бурмистрова, С. А. Система форм защиты правовых интересов / С. А. Бурмистрова // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 3. – С. 100-118.

⁴ Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 31. – Ст. 4398.

⁵ Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁶ Шпренгер, К. Государственная собственность в российской экономике. Часть 2. Проблемы управления и влияние на эффективность / К. Шпренгер // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 7. – С. 90-110. – ISSN 2221-2264.

⁷ Шульженко, С.И. Проблемы управления публичным имуществом в Российской Федерации / С.И. Шульженко // Управленческое консультирование. – 2019. – № 2 (122). – С. 71-88. – ISSN 1726-1139.

Второй подход связан с экономической сущностью государственной собственности. В исследованиях Е.В. Разумовой и Л. А. Чердаковой отмечено: «С экономической точки зрения, государственная собственность играет ключевую роль в обеспечении общественных интересов, социальных гарантий и развития экономики страны»^{1,2}. Она может включать в себя различные виды активов, такие как природные ресурсы, инфраструктура и предприятия. Этот аспект подчеркивает, что государственная собственность должна использоваться не только для получения прибыли, но и для достижения стратегических целей, таких как обеспечение безопасности, устойчивое развитие и благосостояние населения³.

Третий подход акцентирует внимание на социально-правовых аспектах государственной собственности. Здесь рассматривается взаимодействие государства с гражданами и бизнесом. Важно отметить, что право государственной собственности должно балансировать интересы государства и общества, обеспечивая прозрачность, доступность и справедливое распределение ресурсов. Это включает в себя механизмы защиты прав граждан на доступ к государственным ресурсам и участие в управлении ими, что, в свою очередь, повышает доверие к институтам власти.

Четвертый подход связан с историческим контекстом и эволюцией права государственной собственности в России. Это включает в себя анализ изменений в законодательстве, а также в подходах к управлению государственной собственностью с момента распада Советского Союза до настоящего времени⁴. В этом контексте важно учитывать влияние экономических реформ, приватизации и изменения в политической ситуации на понимание и регулирование государственной собственности⁵.

Е.В. Разумова отметил, что: «в рамках исследования государственной собственности как научной категории особый интерес, на наш взгляд, представляют следующие подходы к трактовке сущности государственной собственности: ресурсный (ресурсно-доходный, факторный); функциональный; институциональный; социально ориентированный»⁶.

Ресурсный (ресурсно-доходный, факторный) подход – этот подход рассматривает государственную собственность как совокупность ресурсов, которыми государство владеет и управляет для получения доходов и обеспечения экономической стабильности. С позиций ресурсного (факторного) подхода государственная собственность трактуется как принадлежащее государству имущество – естественные ресурсы и недвижимое имущество⁷. Таким образом, государственная собственность отождествляется с ее материально-вещественным содержанием.

Функциональный подход – этот подход рассматривает государственную собственность с точки зрения её функций в экономике и обществе, включая обеспечение общественных благ и услуг, регулирование рынков и поддержание экономической стабильности. Функциональный подход к определению сущности государственной собственности проявляется в возможности «обозначения ее содержания через социально-экономический процесс, реализующий определенные интересы. Государственная собственность при таком подходе выступает как процесс, реализующий общегосударственные (общенациональные) интересы».

Институциональный подход – государственная собственность рассматривается как часть институциональной структуры государства, определяющая её роль и взаимодействие с другими экономическими и социальными институтами. При исследовании сущности государственной собственности с позиций институционально-юридического подхода особое внимание уделяется официальному закреплению государства в качестве субъекта собственности общественных благ⁸. По мнению институционалистов, возникновение режима государственной собственности обосновано лишь тогда, когда трансакционные издержки его формирования и поддержки меньше выгод, которые получают от функционирования такого режима.

Социально ориентированный подход – этот подход акцентирует внимание на социальной функции государственной собственности, её роли в обеспечении социальной справедливости, устойчивого развития и защиты общественных интересов⁹.

Для улучшения подходов к определению права государственной собственности в России важно внести изменения в существующее законодательство. Ниже предложены пути совершенствования с указанием статей, которые требуют изменений:

1. Уточнение понятий государственной собственности

Статья 214 Гражданского кодекса Российской Федерации: Внести изменения для более точного определения понятий "государственная собственность" и "муниципальная собственность", что поможет устранить правовые неясности и повысить правовую определенность.

2. Расширение норм о праве государственной собственности

Статья 215 Гражданского кодекса Российской Федерации: Дополнить статью положениями о специфике использования и распоряжения государственной собственностью, включая права и обязанности государственных органов.

¹ Разумова, Е.В. Приватизация как основной инструмент управления государственной собственностью в России / Е.В. Разумова // Финансовая жизнь. 2019. № 1. С. 38-41. – ISSN 2218-4708.

² Чердакова, Л. А. Собственность и право собственности: проблема соотношения понятий / Л. А. Чердакова // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 14-16.

³ Разумова, Е.В. Оценка эффективности управления федеральным имуществом как основа развития системы управления федеральной собственностью в Российской Федерации / Е.В. Разумова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление – 2018. – № 3. – С. 227-235. – ISSN 2219-1453.

⁴ Андреев, Ю. Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: Монография / Ю.Н. Андреев. – М.: Юр. Норма, НИЦ / Ю.Н. Андреев. – Москва: Огни, 2021. – 863 с.

⁵ Разумова, Е.В. Основы совершенствования системы управления федеральной собственностью в Российской Федерации / Е.В. Разумова // Наукоедение: электронный журнал. – 2015. – № 6 (2015). Том 7. – eISSN 2223–5167. – Текст: электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/20EVN615.pdf>. (дата обращения: 25.07.2024).

⁶ Разумова, Е.В. Основы совершенствования системы управления федеральной собственностью в Российской Федерации / Е.В. Разумова // Наукоедение: электронный журнал. – 2015. – № 6 (2015). Том 7. – eISSN 2223–5167. – Текст: электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/20EVN615.pdf>. (дата обращения: 25.07.2024).

⁷ Разумова, Е.В. Оценка эффективности управления федеральным имуществом как основа развития системы управления федеральной собственностью в Российской Федерации / Е.В. Разумова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление – 2018. – № 3. – С. 227-235. – ISSN 2219-1453.

⁸ Управление государственной собственностью: методология, опыт, инновации : учебно-методическое пособие / М.М. Соловьев, Л.И. Кошкин, А.А. Свирина. – Казань : Отечество, 2012. – 273 с. – ISBN 978-5– 9222-0528-3.

⁹ Teruo, K. Public Interest Rules of International Law: Towards Effective Implementation / Teruo Komori; Karel Wellens. – United Kingdom : Ashgate Publishing Limited, 2009. – 510 p.

3. Установление правовых механизмов защиты государственной собственности

Статья 304 Гражданского кодекса Российской Федерации: Изменить текст, добавив пункты о механизмах защиты государственной собственности от неправомерных действий, а также правовые последствия таких действий.

4. Регулирование передачи государственной собственности в частные руки

Статья 21 Закона о приватизации государственного имущества: Предложить изменения, направленные на создание прозрачных процедур для передачи государственной собственности, включая условия и гарантии защиты интересов государства.

5. Определение ответственности за нарушения прав на государственную собственность

Статья 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации: Внести поправки, касающиеся ответственности за причинение ущерба государственной собственности, чтобы обеспечить более строгие меры воздействия на нарушителей.

6. Создание механизмов мониторинга и контроля за использованием государственной собственности

Статья 12 Закона о государственной собственности: Уточнить полномочия контрольных органов, включая создание эффективной системы мониторинга за использованием и охраной государственной собственности.

7. Установление процедуры досудебного разрешения споров о государственной собственности

Статья 1 Закона о порядке разрешения споров: Включить положения, которые позволят создавать условия для досудебного урегулирования споров между государственными органами и третьими лицами, что сократит количество судебных разбирательств.

8. Упрощение процедур оформления государственной собственности

Статья 131 Гражданского кодекса Российской Федерации: Рассмотреть возможность упрощения процедуры регистрации прав на государственную собственность, чтобы повысить оперативность и прозрачность.

9. Установление норм о социальном использовании государственной собственности

Статья 36 Гражданского кодекса Российской Федерации: Внести изменения, касающиеся обязательств по социальному использованию государственной собственности, что поможет сбалансировать интересы государства и общества.

Эти предложенные изменения направлены на создание более четкой и эффективной правовой базы для регулирования государственной собственности в России, что повысит ее защиту и упростит взаимодействие между государством и частными лицами.

В итоге, право государственной собственности в России представляет собой сложную и многослойную концепцию, которая требует комплексного анализа. Каждый из вышеуказанных подходов предлагает свои уникальные перспективы, позволяя глубже понять сущность и функции государственной собственности в современном обществе. Это понимание имеет критическое значение для разработки эффективных механизмов управления и защиты государственных активов, а также для обеспечения социального прогресса и устойчивого развития страны.

Библиография:

1. Андреев, Ю.Н. Собственность и право собственности: цивилистические аспекты: Монография / Ю.Н. Андреев. – М.: Юр. Норма, НИЦ / Ю.Н. Андреев. – М.: Огни, 2021. – 863 с.
2. Бурмистрова, С. А. Система форм защиты правовых интересов / С. А. Бурмистрова // Вестник гражданского процесса. – 2020. – № 3. – С. 100–118.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
4. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 31. – Ст. 4398.
5. Разумова, Е.В. Основы совершенствования системы управления федеральной собственностью в Российской Федерации / Е.В. Разумова // Наукovedenie: электронный журнал. – 2015. – № 6(2015). Т. 7. – eISSN 2223–5167. – Текст: электронный. – DOI отсутствует. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/20E6V615.pdf>. (дата обращения: 25.07.2024).
6. Разумова, Е.В. Оценка эффективности управления федеральным имуществом как основа развития системы управления федеральной собственностью в Российской Федерации / Е.В. Разумова // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Экономика и управление – 2018. – № 3. – С. 227–235. – ISSN 2219-1453.
7. Разумова, Е.В. Приватизация как основной инструмент управления государственной собственностью в России / Е.В. Разумова // Финансовая жизнь. – 2019. – № 1. – С. 38–41. – ISSN 2218-4708.
8. Саурин, А.А. Право собственности в Российской Федерации. Конституционно-правовые пределы реализации и ограничения / А.А. Саурин. – М.: Статус, 2020. – 352 с.
9. Управление государственной собственностью: методология, опыт, инновации : учебно-методическое пособие / М.М. Соловьев, Л.И. Кошкин, А.А. Свирина. – Казань : Отечество, 2012. – 273 с. – ISBN 978-5– 9222-0528-3.
10. Чердакова, Л. А. Собственность и право собственности: проблема соотношения понятий / Л. А. Чердакова // Российская юстиция. – 2016. – № 5. – С. 14–16.
11. Шпренгер, К. Государственная собственность в российской экономике. Часть 2. Проблемы управления и влияние на эффективность / К. Шпренгер // Журнал новой экономической ассоциации. – 2010. – № 7. – С. 90–110. – ISSN 2221-2264.
12. Шульженко, С.И. Проблемы управления публичным имуществом в Российской Федерации / С.И. Шульженко // Управленческое консультирование. – 2019. – № 2 (122). – С. 71–88. – ISSN 1726-1139.
13. Teruo, K. Public Interest Rules of International Law: Towards Effective Implementation / Teruo K.; Karel Wellens. - United Kingdom: Ashgate Publishing Limited, 2009. – 510 p.

References:

1. Andreev, Yu. N. Property and the right of ownership: civil aspects: Monograph / Yu.N.Andreev. – M.: Law. Norma, SIC / Yu.N. Andreev. – Moscow: Russia, 2021. – 863 p.
2. Burmistrova, S. A. System of forms of protection of legal interests / S. A. Burmistrova // Bulletin of the civil procedure. – 2020. – No. 3. – pp. 100-118.
3. The Civil Code of the Russian Federation, p. 1 : Federal Law No. 51-FZ of 11/30/1994 // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Article 3301.
4. Constitution of the Russian Federation of 12.12.1993 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2014. – No. 31. – Article 4398.
5. Razumova, E.V. Fundamentals of improving the federal property management system in the Russian Federation / E.V. Razumova // Naukovedenie: electronic journal. – 2015. – № 6 (2015). Vol. 7.– Registration number 2223-5167. – Text: electronic. – DOI comments. – URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/20E6V615.pdf>. (date of application: 07/25/2024).
6. Razumova, E.V. Evaluation of the effectiveness of federal property management as the basis for the development of the federal property management system in the Russian Federation / E.V. Razumova // Bulletin of Tver State University. Series: Economics and Management – 2018. – No. 3. – pp. 227-235. – ISSN 2219-1453.
7. Razumova, E.V. Privatization as the main tool for managing state property in Russia / E.V. Razumova // Financial life. – 2019. – No. 1. – pp. 38-41. – ISSN 2218-4708.
8. Saurin, A.A. The right of ownership in the Russian Federation. Constitutional and legal limits of implementation and restrictions / A.A. Saurin. – M.: University, 2020. – 352 p.
9. State property management: methodology, experience, introduction : educational and methodical manual / M.M. Solovoyov, L.I. Kokin, A.A. Sirina. – Kazakhstan : Society, 2012. – 273 p. – ISBN 978-5– 9222-0528-3.
10. Cherdakova, L. A. Property and property law: the problem of correlation of concepts / L. A. Cherdakova // The Russian justice system. – 2016. – No. 5. – pp. 14-16.
11. Sprenger, K. State ownership in the Russian economy. Part 2. Management problems and impact on efficiency / K. Sprenger // Journal of the New Economic Association. – 2010. – No. 7. – pp. 90-110. – ISSN 2221-2264.
12. Shulzhenko, S.I. Problems of public property management in the Russian Federation / S.I. Shulzhenko // Management consulting. - 2019. - № 2(122). - P. 71-88. - ISSN 1726-1139.
13. Teruo, K. Norms of international law concerning public interests: towards effective implementation / Teruo K.; Karel Wellens. – Great Britain: Ashgate Publishing Limited, 2009. – 510 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_240

УДК 347

**ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ДЕЙСТВИЙ СУДОВ,
А ТАКЖЕ ЛИЦ, УЧАСТВУЮЩИХ В ДЕЛЕ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
ГРАЖДАНСКИХ И КОРПОРАТИВНЫХ СПОРОВ АРБИТРАЖНЫМИ СУДАМИ**
**The procedural specifics of the actions of the courts, as well as the persons involved
in the case when considering civil and corporate disputes by arbitration courts**

БОБРОВ Павел Сергеевич,

аспирант юридического факультета,
Институт управления экономики и права МГПУ, Арбитражный суд города Москвы.
115225, Россия, г. Москва, ул. Большая Тульская, 17.
E-mail: bobrovps@mgpu.ru;

BOBROV Pavel Sergeevich,

Institute of Management of Economics and Law of the Moscow State Pedagogical University,
Arbitration Court of the City of Moscow.
115225 Moscow, Bolshaya Tulskaaya str., 17.
E-mail: bobrovps@mgpu.ru

Краткая аннотация: Арбитражный процесс, как и гражданский, начинается прежде всего с определения истцом круга лиц, участвующих в деле, стоит отметить, что в большей степени именно истец определяет круг лиц, участвующих в деле, однако суд, в порядке ст. 51 АПК РФ может привлечь третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. Помимо этого, стоит отметить, что на сторон возложено бремя доказывания, иными словами, каждая сторона должна документально, со ссылкой на нормативно правовые акты, обосновывать заявленные требования, а также возражения на них. В работе рассматриваются актуальные вопросы рассмотрения экономических споров гражданской и корпоративной коллегией судей арбитражных судов, путем сложившейся практики на примере споров, требования по которым заявлены о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права, сноса самовольной постройки и иным. Методологическую основу исследования составили теоретический метод исследования, метод анализа. Цель работы: определить ключевые аспекты процессуального законодательства путем более быстрого и эффективного рассмотрения корпоративных и иных гражданских споров арбитражными судами.

Abstract: The arbitration process, like the civil process, begins first of all with the plaintiff determining the circle of persons participating in the case, it is worth noting that to a greater extent it is the plaintiff who determines the circle of persons participating in the case, however, the court, in accordance with Art. 51 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation may involve third parties who do not make independent claims regarding the subject of the dispute. In addition, it is worth noting that the parties have the burden of proof, in other words, each party must document, with reference to legal acts, justify the stated requirements, as well as objections to them. The paper deals with topical issues of consideration of economic disputes by the civil and corporate board of judges of arbitration courts, through established practice on the example of disputes, claims for which are stated to restore the situation that existed before the violation of law, demolition of unauthorized buildings and others. The methodological basis of the study was the theoretical research method and the method of analysis. Purpose of the work: to identify key aspects of procedural legislation in order to more quickly and efficiently consider corporate and other civil disputes by Arbitration Courts.

Ключевые слова: круг лиц, участвующих в деле, Арбитражный суд, экономические споры, процессуальные особенности, арбитражный процесс.

Keywords: circle of persons participating in the case, Arbitration Court, economic disputes, procedural features, arbitration process.

Для цитирования: Бобров П.С. Процессуальная специфика действий судов, а также лиц, участвующих в деле при рассмотрении гражданских и корпоративных споров арбитражными судами // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 240-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_240.

For citation: Bobrov P.S. The procedural specifics of the actions of the courts, as well as the persons involved in the case when considering civil and corporate disputes by arbitration courts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 240-244. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_240.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Одним из основных и первоначальных этапов определения круга лиц, участвующих в деле, при рассмотрении корпоративного спора, является анализ данных правоотношений, определение его субъектного состава и содержания корпоративных отношений.

В своих работах Л.А. Грось не раз поднимал вопрос определения круга лиц, а именно по его мнению, определение сторон по делу, а также лиц, участвующих в деле, заявляющих или не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора зависит исключительно от субъектного состава корпоративных правоотношений. [6, с. 89].

Зачастую, процесс подробного анализа тех или иных корпоративных отношений вызывает большое количество трудностей и всевозможных нюансов, начиная от многосубъектности организации и заканчивая аффилированностью.

При этом, необходимо отметить, что неправильное или неполное установление круга лиц участвующих в деле может привести к отмене судебного акта (п.4 ч.4 ст. 270; п.4 ч.4 ст. 288 АПК РФ). Также, полный круг лиц, позволяет всесторонне и с высокой точностью достичь разрешения спора в установленные законом сроки, не затягивая процесс и как следствие – достижение задач судопроизводства, указанных в ст. 2 АПК РФ.

Суд определяет круг лиц, участвующих в деле, однако изначально данный круг лиц определяет истец в момент подачи искового требования к ответчику или ответчикам, с указанием третьих лиц или без указания таковых. [11, с. 33].

В данном случае неверное или неполное указание всех лиц, участвующих в деле, которое может затронуть чьи либо права и интересы, также может привести к затягиванию процесса, в связи с тем, что суду дополнительно придется откладывать рассмотрение дела для дополнительного уведомления лиц, привлеченных в дело, привлечении в качестве соответчика или замене ответчика, не говоря уже и об уточнении исковых требований, которые в случае с увеличением, зачастую также приводят в отложении судебного разбирательства или назначения судебного заседания на иную дату, связано это с подачей соответствующего ходатайства ответчика или третьего лица.

Исходя из вышеуказанного, можно сказать, что корпоративный спор может возникнуть не только между участниками корпорации, а также между ними и лицами, не входящие в состав корпорации.

Изучая доктрину корпоративного права можно сказать, что в состав корпоративных отношений входит не только сама корпорация, а также ее учредители и/или участники.

Данный вопрос является дискуссионным в научных кругах. Одними из основных оппонентов по данному вопросу являются М.А. Рожкова и И.С. Шиткина. По мнению первой, данные субъекты не рассматриваются во внешних правоотношениях в качестве самостоятельных, но являются таковыми при участии их в корпоративных правоотношениях, по мнению второй, учредители и ее участники и являются лицом корпорации, в связи с чем разделять их как субъектов будет нецелесообразным.

Изучив оба подхода, более близким и юридически верным является работа Шиткиной И.С., однако нельзя и отрицать, что при рассмотрении определенных дел, участник или учредитель организации будет выступать как отдельный самостоятельный субъект в рамках корпоративного или гражданско-правового правоотношения.[17, с. 329].

Необходимо отметить, что при рассмотрении спора, предметом которого является признание сделки недействительной, подразумевается участие тех лиц, со стороны истца и ответчика, между которыми и заключена данная сделка.

При этом, истцом в деле будет именно та корпорация, которая считает, что сделка совершена неправомерно или вовсе не совершена. Участие в сделке нескольких корпораций подразумевает под собой рассмотрения спора с участием соистцом и/или соответчиков и/или третьих лиц заявляющих либо не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора.

В этой связи, корпоративные споры можно разделить на внутренние и внешние. Разграничение данных видов заключается в том, что те споры, в которых сторонами в деле является участник корпорации и учредитель корпорации, будут являться внутренними корпоративными спорами, а споры, в которых одной из сторон будет являться участник иной организации, такой спора относится в внешнему.

Сравнение внутреннего корпоративного спора и внешнего не сопоставимо с понятием подведомственности, поскольку отсутствует такое деление в законодательстве, а также доктрине корпоративного права.

Необходимо отметить, что данная классификация создана не для разграничения споров по подведомственности, а для облегчения и более детального рассмотрения корпоративного спора и разрешения правового конфликта, а также установления взаимосвязи спора с критериями, указанными в законодательстве.

При рассмотрении корпоративного спора одним из основных аспектов является установление факта участия лица – стороны в деле участником корпорации в момент возникновения спора, соответственно встает вопрос о легитимации данного лица в качестве учредителя или участника в момент появления спорной ситуации.

В качестве отличительной особенности корпоративного спора, ряд авторов высказывают мнение о том, что при рассмотрении дела, затрагивается большое количество лиц, которые могли быть и не связаны напрямую с возникшим спором, однако, учитывая тот факт, что они являются ее участниками, не говоря уже об учредителях, то могут с большой вероятностью затрагиваться их права и интересы, ведь корпорация – это некий союз, общность, сложившаяся для достижения общей цели.

Если считать, что извещение лиц участвующих в деле является обязанностью суда, то предоставление сведений об участках организации, реестродержателе, учредителях и иных лицах является правом стороны, однако суд, с учетом принципа состязательности и равноправия не обладает правом истребовать доказательства у стороны по делу.

В данном случае, при отсутствии юридического адреса или иных сведений, необходимых для всестороннего рассмотрения спора, суд имеет право запросить информацию у государственного или иного органа, располагающего необходимыми сведениями.

Также суд в определении указывает на необходимость предоставления сведений к определенному сроку, в противном случае, либо при отсутствии ответа, обладает правом наложения штрафа на орган, уклоняющийся от обязанности от предоставления информации суду. [13, с. 50].

В случае с самостоятельным запросом сведений суду будет необходимо отложить рассмотрения заседания, что приведет к затягиванию сроков рассмотрения дела, в связи с чем, сторонам в своих же интересах рекомендуется заранее позаботиться обо всех доказательствах, имеющих значение для рассмотрения дела в рамках заявленных требований.

Понять, являются ли истец и ответчик надлежащими сторонами в деле довольно легко, для этого первоначально стоит уточнить, присутствует ли взаимосвязь между данными лицами в рамках спорных правоотношений и как соотносится предмет и основания спора с нарушением прав и обязанностей со стороны ответчика.

Необходимо подчеркнуть, что суд может по своему усмотрению, если на то будут основания, возложить на сторону, участвующую в деле, обязанность по уведомлению участников корпорации о предмете исковых требований (по смыслу ч.3 ст.225.4 АПК РФ).

Необходимо это для того, чтобы лица, не участвующие в процессе, были уведомлены и тем самым, понимая, что в данном споре могут затрагиваться их права и интересы, могли прийти в судебное заседание либо подать ходатайство о привлечении их в дело в качестве третьих лиц заявляющих или не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора. [2, с. 28].

Однако, нередко возникают ситуации, когда участником процесса может стать лицо, не являющееся стороной в корпоративном споре.

Первым примером, который возникает в памяти, является государственные органы в лице росреестра, поскольку по разрешению споров с самовольными постройками во всех случаях назначается судебная экспертиза, в которой устанавливается, соответствует ли данное строение строительным, градостроительным, пожарным, санитарным и иным нормам и правилам, угрожает ли жизни и здоровью граждан.

В данном случае эксперту направляются все необходимые документы для проведения экспертизы, одним из которых является регистрационное дело по данному объекту недвижимости.

Принимая во внимание главу 28.1 АПК РФ, а также проводя анализ данной нормы, можно сделать вывод о том, что отсутствует некое законодательное регулирование доказывания в арбитражном процессе при рассмотрении корпоративных споров. [16, с. 152].

Однако данный факт не свидетельствует о том, что отсутствуют в целом особенности, которые должны быть учтены как сторонами в судебном процессе, так и судом.

Для того чтобы наиболее эффективно рассмотреть сущность процессуальных особенностей необходимо обратиться к предмету спора конкретного дела.

Гражданские юристы утверждают, что в доктрине гражданского процесса стоит обратить на предмет доказывания, который состоит из определенных юридических фактов, которые и являются процессуальной особенностью рассмотрения корпоративного спора.[1, с. 37].

М.К. Треушников в своей монографии "Судебные доказательства" рассматривает разграничение понятий "предмет доказывания" и "пределы доказывания". К первой категории он относит юридические факты, необходимые для отстаивания своей правовой позиции в судебном процессе, а ко второй совокупность абсолютно всех юридических фактов, необходимых для доказывания.[8, с. 231].

Обращаясь к законодательству, а именно к ст. 65 АПК РФ, можно утверждать, что в данной норме отсутствует исчерпывающий перечень юридических фактов, необходимых для правильного процесса доказывания.

При установлении фактических обстоятельств дела нельзя не учитывать и судебную практику. А именно, в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 24.05.2012 год № 151 по одному из дел Арбитражный суд Поволжского округа отметил, что факт незаконного завладения долей в уставном капитале Общества, а также размещение в ЕГРЮЛ недостоверных сведений о составе учредителей Общества, не может служить безусловным основанием для исключения участника из общества, поскольку истец не представил достаточных доказательств, что данные действия привели к убыткам для общества, невозможности или существенному затруднению деятельности Общества.[3, с. 52].

Говоря о втором примере, стоит сказать, что к основной нормативно-правовой базе относится ст. 53.1 ГК РФ, ст. 44 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью», ст. 71 ФЗ «Об акционерных обществах».

В данном случае существует ряд факторов, необходимых для доказывания, а именно: факт участия истца в обществе, факт осуществления ответчиком функции управления, обстоятельства, подтверждающие недобросовестное поведение директора общества и иные.

Данные примеры доказывают тот факт, что в каждом конкретном случае предмет доказывания будет разным, исходя из исковых требований, заявленных истцом, однако не стоит забывать о том, что в случае с корпоративными правоотношениями, основным и важным аспектом является лишь один юридический факт - наличие взаимосвязи с обществом одной из сторон.

Факт доказывания участия в обществе участника раскрывается как в самом исковом заявлении, так и в процессе рассмотрения спора, путем предоставления сведений об участниках общества, который ведется в соответствии со ст.31.1 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» или путем предоставления сведений из данных реестра владельцев акций (п.2 ст.142 ГК РФ; ст. 149 ГК РФ, ст. 29 ФЗ «Об акционерных обществах»).

Ученые-процессуалисты подразделяют факты, входящие в предмет доказывания, на три группы:

- факты легитимации, подтверждающие наличие некой взаимосвязи истца с предметом спора (активная легитимация), наличие взаимосвязи ответчика с предметом спора (пассивная легитимация);
- факты, исходя из которых у истца появляется возможность, а точнее, в случае с отсутствием позитивных исходов в рамках досудебного урегулирования спора, подать исковое заявление, со ссылкой на нарушение со стороны ответчика прав и законных интересов истца;
- правопродуцирующие факты, лежащие в основании возникновения правоотношения.[3, с. 51].

Также стоит отметить, что на обеих сторонах по делу лежит бремя доказывания, данный факт осуществляется на основании норм ст.56 ГПК РФ и ч.1 ст. 65 АПК РФ. [4, с. 542].

Данные статьи из краткого изложения говорят о том, что и истец, и ответчик, а также иные лица, участвующие в деле обязаны документально обосновывать свои требования и возражения на них.

Стоит учитывать, что обеспечительные меры и меры ответственности, которые возможно применять по корпоративным договорам могут быть заимствованы из смежных гражданско-правовых институтов.

Нет совершенно никакого обоснования к тому, чтобы ограничивать применение корпоративного договора лишь хозяйственными обществами, поскольку существуют иные корпоративные, в том числе некоммерческие, организации, члены которых обладают корпоративными правами и могут иметь возможность ими распоряжаться, для чего им может помочь корпоративный договор.

Корпоративные права возникают, изменяются и прекращаются на основании решений общих собраний участников, а также совершаемых ими сделок.[9]

Как установлено из определения корпоративного договора, распоряжаться можно лишь своими наличествующими корпоративными правами. Этим распоряжение корпоративными правами схоже с общими положениями об обязательствах, в силу которого лицо обязывается совершить определенные действия, а сторона кредитора имеет требовать исполнения данного обязательства.

Как указывает в работе о корпоративных отношениях Дмитрий Сергеевич Ломакин, все больше юристов начинают придерживаться позиции, что корпоративные правоотношения относятся к особой группе гражданских правоотношений, которые нельзя отнести ни к обязательствам, ни к вещным правоотношениям.[10, с. 198].

В рамках дела, оконченного приведенным Постановлением Арбитражного суда, истец обосновывал свои требования на положениях договора, обязывающих стороны голосовать на общем собрании и воздействовать на других участников, чтобы было принято решение о досрочном прекращении полномочий действующего генерального директора. [1, с. 37].

При исследовании материалов дела суды установили, что в рамках корпоративного договора, заключенного сторонами, было установлено соглашение по продаже принадлежащих генеральному директору акций в акционерном обществе, в рамках которого заключался корпоративный договор.

Суды усмотрели, что в договоре воля сторон направлена на то, что генеральным директором в акционерном обществе оставался продавец до момента полной оплаты приобретаемых акций.

На основании условия о полном приобретении акций, суды отказали в удовлетворении заявленных требований, поскольку на момент голосования на общем собрании все акции ещё не были выкуплены, что делало требование о выплате штрафной неустойки незаконным и сделано в нарушение условий корпоративного договора.

Из приведенного примера из судебной практики можно утверждать, что корпоративный договор становится обязательством только в том случае, если включает в себя положения иных договоров, таких как договор купли-продажи, которые уже возможно обеспечить классическими видами способов обеспечения обязательств.

Абстрагируясь от общих положений о купле-продаже в описанном прецеденте, необходимо отметить, что сами общие положения о корпоративном договоре не содержат существенного условия о сроке, на который должен заключаться данный договор.

Отсутствие условия о сроке в рамках корпоративного договора является обусловленным фактором общих собраний, в зависимости от которых ставится сама возможность реализации прав и обязанностей по данному договору.

Условность срока в рамках договора осложнена тем, что вопросы организации общих собраний никак не подпадают под определение предмета гражданского права, а являются примером управленческих отношений в рамках реализации корпоративных прав.

Управленческий аспект отношений, в зависимости от которых подпадает срок исполнения корпоративного договора, нормативно установлен в иных федеральных законах, а не гражданском кодексе, проявляется в индивидуальных сроках для каждой организации.

При этом условность управленческого аспекта проявляется и в том, что наступление события в виде общего собрания может не являться тем событием, которое было установлено сторонами в корпоративном договоре.

Например, в случае, если повестка общего собрания не будет содержать в себе положения, о которых стороны договорились голосовать определенным образом.

Отсутствие условия о сроке в корпоративном договоре тем, что после первого голосования на общем собрании он не может являться исполненным.

Само «исполнение» корпоративного договора не может ставиться в зависимость от события, поскольку само содержание корпоративного договора предполагает длительный характер отношений между субъектами его заключающими – совместная деятельность по управлению юридическим лицом. Соглашение будет действовать пока стороны будут желать его исполнения.

Тем не менее – подведение корпоративных договоров в рамки гражданско-правовых обязательств в судебной системе прослеживается на системном уровне.

Для применения способа обеспечения обязательства суду не важно имеется ли в рамках корпоративного соглашения соглашение о приобретении, отчуждении доли или акции, воздержании от совершения указанных действий, по определенной цене или при наступлении определенных обстоятельств.

Суды основывают свои решения на автономии воли при заключении корпоративного договора и его положений, включающих неустойку, по-

сколькx при заключении соглашения сторона признает размер неустойки как соразмерный последствиям нарушения обязательства.

При наличии возражений относительно размера неустойки в споре, уже после нарушения договора, основывать свои возражения на явной невозможности отнесения неустойки к корпоративным отношениям – злоупотребление правом.

Для всестороннего и полного рассмотрения вопроса об отказе в удовлетворении заявленных требований в процессе рассмотрения корпоративного спора, необходимо опираться на конкретную практику определенной специализации спора.

Касаемо злоупотребления правом, необходимо отметить, что действия, совершаемые в рамках действующего законодательства не могут быть признаны злоупотреблением правом.

Примером тому может послужить отчуждение акционером своих акций в пользу иного акционера, в данном случае акционер не злоупотребил правом, поскольку нормативно не закреплена обязанность соблюдения принципа пропорциональности по отношению к другим акционерам.[8, с. 154].

Сам факт нарушения условий договора или иные противоправные действия имеют решающее значение для характеристики действий ответчика.

В противном случае, если не будет доказано иное, суд может расценивать действия истца как недобросовестные с дальнейшим отказом в удовлетворении заявленных требований.

Библиография:

1. Алешина, А. В. & Косовская, В. А. (2022). Разрешение российскими судами частноправовых споров, осложненных иностранным элементом: проблемы применения иностранного права *Вестник МГПУ «Юридические науки»*, 2022, №2 (46), 40. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2022.46.2.04>.
2. Баукин, В. Г. & Кудряшова, В. В. (2023). О терминологическом соотношении понятий «представитель» и «законный представитель» *Вестник МГПУ «Юридические науки»*, 2023, №2 (50), 105. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.50.2.09>.
3. Баулин О.В. Бремя доказывания при разбирательстве гражданских дел. М.: Городец, 2004. С.7.
4. Богуславский М. М. Международное частное право: учебник. М.: Норма, 2021. 672 с.
5. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 416 с.
6. Грось Л.А. Влияние норм материального права на гражданское процессуальное право: Научно-практические проблемы: Автореф. ...дисс. доктора юрид. наук. М.: 1999. С. 191.
7. Касаткина, Е. А. Участники арбитражного процесса. Представительство в арбитражном процессе / Е. А. Касаткина // Арбитражный процесс : практикум. – Владимир : Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2019. – С. 13-16.
8. Курс доказательственного права... под ред. М.А. Фокиной. С.128-129; Решетникова И.В. Доказывание в гражданском процессе. М.: Юрайт, 2011. С.238.
9. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / Афанасьев С.Ф., Баулин О.В., Лукьянова И.Н., Опалев Р.О.; под ред. М.А. Фокиной. М.: Статут, 2014. С. 128.
10. Ломакин Д. В. Корпоративные правоотношения как составная часть системы гражданско-правовых отношений: на примере хозяйственных обществ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 244.
11. Михайлова, Ю. А. Унификация цивилистического процесса: упрощенное производство в гражданском и арбитражном процессах / Ю. А. Михайлова // Научная гипотеза. – 2018. – № 7. – С. 32-38.
12. Нагоева, Д.А. Производные иски : Автореф. ...дисс. канд. юрид. наук. – М.: 2015.–23 с.
13. Ракович, М. И. Процесс доказывания в гражданском и арбитражном процессах / М. И. Ракович, О. А. Устюгова // Закон и общество: история, проблемы, перспективы : материалы XIX межвузовской студенческой научно-практической конференции (с международным участием), Красноярск, 09 апреля 2015 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2016. – С. 50-51.
14. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 1999. С.19.
15. Фроловский Н.Г. Понятие корпоративного спора // Законы России: опыт, анализ, практика. № 6. 2010. С. 156.
16. Шахназаров Б. А. Сравнительное правоведение и установление содержания норм иностранного права в условиях современных вызовов // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 9. С. 149–160.
17. Шиткина, И. С. Холдинги : правовое регулирование и корпоратив. упр : науч.-практ. изд. / И. С. Шиткина ; И. С. Шиткина. – Москва : Волтерс Клувер, 2006. – ISBN 5-466-00148-1. – EDN QWPZUL. С.516.

References:

1. Alyoshina, A.V. & Kosovskaya, V. A. (2022). Resolution by Russian courts of private law disputes complicated by a foreign element: problems of application of foreign law *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University "Legal Sciences"*, 2022, №2 (46), 40.
2. Baukin, V. G. & Kudryashova, V. V. (2023). On the terminological relationship between the concepts of "representative" and "legal representative" *Bulletin of the Moscow State Pedagogical University "Legal Sciences"*, 2023, №2 (50), 105. <https://doi.org/10.25688/2076-9113.2023.50.2.09>.
3. Baulin O.V. The burden of proof in the proceedings of civil cases. M.: Gorodets, 2004. p.70.
4. Boguslavsky M. M. International private law: textbook. M.: Norm, 2021. 672 p.
5. Getman-Pavlova I. V. International private law: textbook for universities. 4th ed., reprint. and additional M.: Yurait, 2020. 416 p.
6. Gros L.A. The influence of the norms of substantive law on civil procedural law: Scientific and practical problems: Abstract. ...diss. doctors of law. Sciences. M.: 1999. p. 191.
7. Kasatkina, E. A. Participants in the arbitration process. Representation in the arbitration process / E. A. Kasatkina // Arbitration process : practicum. – Vladimir : Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, 2019. – pp. 13-16.
8. The course of evidentiary law ... edited by M.A. Fokina. pp.128-129; Reshetnikova I.V. Proving in civil proceedings. M.: Yurayt, 2011. p.238.
9. The course of evidentiary law: Civil procedure. Arbitration process / Afanasyev S.F., Baulin O.V., Lukyanova I.N., Opalev R.O.; edited by M.A. Fokina. M.: Statute, 2014. p. 128.
10. Lomakin D. V. Corporate legal relations as an integral part of the system of civil law relations: on the example of business companies: abstract. dis. ...Dr. Jurid. M., 2009. p. 244.
11. Mikhailova, Yu. A. Unification of the civil process: simplified production in civil and arbitration proceedings / Yu. A. Mikhailova // Scientific hypothesis. - 2018. – No. 7. – pp. 32-38.
12. Nagoeva, D.A. Derivative lawsuits : Abstract ...dissertation of the candidate. Jurid. Sciences. – M.: 2015.–23 p.
13. Rakovich, M. I. The process of proof in civil and arbitration proceedings / M. I. Rakovich, O. A. Ustyugova // Law and society: history, problems, prospects : materials of the XIX interuniversity student scientific and practical conference (with international participation), Krasnoyarsk, April 09, 2015. – Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Agrarian University, 2016. – pp. 50-51.
14. Treushnikov M.K. Judicial evidence. M.: Gorodets, 1999. p.19.
15. Frolovsky N.G. The concept of a corporate dispute // Laws of Russia: experience, analysis, practice. No. 6. 2010. p. 156.
16. Shakhnazarov B. A. Comparative jurisprudence and the establishment of the content of the norms of foreign law in the context of modern challenges // Actual problems of Russian law. 2021. Vol. 16. No. 9. pp. 149-160.
17. Shitkina, I. S. Holdings : legal regulation and corporate governance. upr : scientific and practical publishing house / I. S. Shitkina ; I. S. Shitkina. – Moscow : Walters Kluwer, 2006. – ISBN 5-466-00148-1. – EDN QWPZUL. p.516.

БИОМЕТРИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК СРЕДСТВА ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА BIOMETRIC PERSONAL DATA AS A MEANS OF INDIVIDUALIZATION OF AN INDIVIDUAL

БОЛОТАЕВА Ольга Сергеевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.

677007, Россия, Республика Саха (Якутия), г. Якутск, ул. Кулаковского, 42.

E-mail: hlolita@mail.ru;

Bolotaeva Olga Sergeevna,

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Law Faculty of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosova.

677007, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovskiy str., 42.

E-mail: hlolita@mail.ru

Краткая аннотация: В статье раскрыто понятие индивидуализации субъекта права, обосновано различие понятий «индивидуализация» и «идентификация». Определены критерии, по которым должны разграничиваться понятия «индивидуализирующие признаки человека» и «средства индивидуализации физического лица». Установлено, что биометрические персональные данные человека, будучи формами выражения его индивидуализирующих признаков как биологического существа, являются средствами индивидуализации физического лица. Обоснована необходимость разработки и установления правового режима биометрических персональных данных на основе норм, регламентирующих порядок их использования в качестве средств индивидуализации физического лица. Предлагается введение режима исключительных прав на биометрические персональные данные физического лица с установлением ряда ограничений исключительных прав в публичных интересах.

Abstract: The article reveals the concept of individualization of a subject of law, and substantiates the difference between the concepts of "individualization" and "identification". The criteria are determined by which the concepts of "individualizing characteristics of a person" and "means of individualization of an individual" should be distinguished. It has been established that biometric personal data of a person, being forms of expression of his individualizing characteristics as a biological being, are a means of individualizing an individual. The necessity of developing and establishing a legal regime for biometric personal data based on the rules governing the procedure for their use as a means of individualization of an individual is substantiated. It is proposed to introduce a regime of exclusive rights to biometric personal data of an individual with the establishment of a number of restrictions on exclusive rights in the public interest.

Ключевые слова: Биометрические персональные данные, индивидуализирующие признаки человека, средства индивидуализации физического лица, изображение гражданина, правовой режим исключительных прав, нематериальные блага, искусственный интеллект, дипфейк.

Keywords: Biometric personal data, individualizing characteristics of a person, means of individualizing an individual, image of a citizen, legal regime of exclusive rights, intangible benefits, artificial intelligence, deepfake.

Для цитирования: Болотаева О.С. Биометрические персональные данные как средства индивидуализации физического лица // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 245-247. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_245.

For citation: Bolotaeva O.S. Biometric personal data as a means of individualization of an individual // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 245-247. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_245.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Индивидуализация субъекта является необходимой составляющей для его полноценного участия в правовых отношениях [1, с. 65]. Физическое лицо в качестве субъекта права индивидуализируют его персональные данные, прежде всего биометрические, которые характеризуют его физиологические и биологические особенности [2]. К таким особенностям относятся и признаки человека, которые остаются неизменными в течение всей жизни (структура сетчатки глаза, папиллярный узор, особенности ДНК), и те признаки, которые могут со временем меняться: внешность, голос, походка и др.

В современных научных публикациях есть некоторое смешение понятий «индивидуализирующие признаки» и «средства индивидуализации» физического лица. В законодательстве данные понятия применительно к физическим лицам отсутствуют, при этом законом предусмотрена правовая охрана средства индивидуализации юридического лица - его фирменного наименования [3].

Полагаем, что в отношении физического лица к индивидуализирующим признакам следует относить все его физиологические и биологические свойства, а к средствам индивидуализации – формы выражения этих свойств. Так, внешность человека является его индивидуализирующим признаком, а изображения внешности (фотография, рисунок, видеозапись) – это средства индивидуализации. Голос является индивидуализирующим признаком человека, аудиозапись голоса – средством индивидуализации; структура сетчатки глаза – это индивидуализирующий признак, графический снимок сетчатки глаза (изображение) – средство индивидуализации. Соответственно, та информация о человеке, которая собирается, хранится и обрабатывается как его биометрические персональные данные – это средства индивидуализации физического лица, то есть формы выражения его физиологических и биологических характеристик. Все иные персональные данные человека, не относящиеся к биометрическим, также являются средствами его индивидуализации.

Кроме того, важно разграничивать понятия «индивидуализация» и «идентификация». Индивидуализация – это обособление лица относительно других лиц, его выделение в качестве самостоятельного субъекта. Идентификация – это распознавание лица по индивидуализирующим признакам. Средства индивидуализации человека позволяют идентифицировать конкретную личность при условии достаточности набора таких средств.

Имея биометрические данные о признаках человека, которые остаются неизменными в течение его жизни, можно идентифицировать личность с высокой точностью. Идентификация по таким индивидуализирующим признакам как внешность и голос может быть неточной в силу подверженности изменениям этих признаков в течение жизни.

Индивидуализирующие признаки человека являются неотъемлемой частью его личности и нематериальными благами, требующими правовой охраны. Полагаем ошибочной точку зрения авторов, относящих изображение гражданина к нематериальным благам [4, с.], поскольку к нематериальным благам следует относить именно индивидуализирующие признаки человека, но не формы их выражения в виде конкретных средств индивидуализации. Внешность представляет собой набор характеристик внешнего облика человека, в то время как изображение — это зафиксированное на материальном носителе отображение такого набора характеристик (в том числе словесное описание, фотография, видеозапись). При этом изображение может быть некорректным, искаженным, неточным, неполным, то есть не всегда способно отображать в полной мере истинную внешность человека. Именно внешность, а не её отображение (описание) является нематериальным благом, принадлежащим конкретному человеку от рождения и неотъемлемым от его личности. Это касается и любых других индивидуализирующих признаков человека. Формы выражения таких нематериальных благ являются объективированными средствами индивидуализации человека, то есть информацией о человеке, зафиксированной на материальном носителе. Будучи обособленной (объективированной), такая информация становится оборотоспособной, может являться объектом публичных, гражданских и иных правовых отношений [5], что отличает ее от нематериальных благ, которые по определению являются необоротоспособными. При этом средства индивидуализации физического лица, как и его индивидуализирующие признаки, являющиеся нематериальными благами, также нуждаются в правовой охране.

В российском законодательстве не раскрывается содержание понятия «изображение гражданина»; в ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ упоминаются лишь отдельные виды изображения: фотография, видеозапись, произведение изобразительного искусства [6]. Анализ научных публикаций позволяет сделать вывод о том, что в юридической науке нет сложившегося представления о правовой природе изображения человека.

В современных условиях, в связи с развитием цифровых технологий, наиболее актуальной представляется правовая охрана таких индивидуализирующих признаков человека, как внешность и голос, которые могут быть симитированы посредством применения технологий искусственного интеллекта, а результаты такой имитации могут быть использованы в противоправных целях. Поэтому особого внимания требуют отношения, связанные с созданием, хранением, распространением и обработкой соответствующих биометрических персональных данных, а также их использованием, в том числе в целях создания производных объектов.

Действующие нормы законодательства не дают должного представления о содержании понятия «использование» применительно к биометрическим персональным данным. Это понятие упоминается в Федеральном законе «О персональных данных», а также в ст. 152.1 Гражданского кодекса РФ [2]. Федеральный закон «О персональных данных» в ст. 11 называет только одну цель использования биометрических персональных данных — это установление личности субъекта персональных данных; способы использования при этом не раскрываются [3]. Ст. 152.1 «Охрана изображения гражданина» Гражданского кодекса РФ устанавливает требование о получении согласия на обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина, не указывая на цели и возможные способы такого использования [6].

Полагаем, что любое использование биометрических персональных данных следует рассматривать как действие, влекущее правовые последствия, содержание которых зависит, помимо прочего, от правомерности такого действия. Поэтому важно разработать и установить правовой режим биометрических персональных данных на основе норм, регламентирующих порядок их использования в качестве средств индивидуализации физического лица. Для этих целей представляется уместной аналогия с правовым режимом исключительных прав на средства индивидуализации, установленным главой 76 Гражданского кодекса РФ [3]. Соответственно, в законе, наряду с правовым регулированием средств индивидуализации юридических лиц (а также товаров, работ, услуг и предприятий), должны появиться нормы о средствах индивидуализации физических лиц. При этом правовая охрана в качестве средств индивидуализации физического лица на основе режима исключительных прав должна предоставляться тем персональным данным человека, использование которых другими лицами в наибольшей степени затрагивает его личные и имущественные интересы.

Субъекта биометрических персональных данных следует рассматривать как обладателя исключительного права — юридической возможности по своему усмотрению использовать собственные биометрические персональные данные, а также разрешать или запрещать другим лицам такое использование. Очевидно, что данное право должно быть неотчуждаемым. Ограничения исключительного права субъекта биометрических персональных данных в публичных интересах, в том числе в целях защиты правопорядка и государственной безопасности, также должны быть предусмотрены законом.

Содержание исключительного права на биометрические персональные данные составляют допустимые способы их использования. Распоряжение исключительным правом возможно посредством заключения лицензионного договора, предоставляющего лицензиату права на использование биометрических персональных данных способами, указанными в договоре. При этом не исключено, что для некоторых способов использования биометрических персональных данных целесообразно сохранить действующий институт согласия. В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25, согласие на обнародование и использование изображения гражданина представляет собой сделку, соответственно к форме согласия применяются общие правила о форме сделки. В этом же документе указано, что предусмотренное ст. 152.1 ГК РФ согласие гражданина может содержать условия о порядке и пределах обнародования и использования его изображения, в том числе о сроке и способе использования данного изображения [7].

Полагаем, что вид сделки (согласие либо лицензионный договор) должен определяться в соответствии с целями и способами использова-

ния соответствующих биометрических персональных данных. Так, право на использование изображения гражданина в произведении, целесообразно предоставлять путем заключения лицензионного договора, предусматривающего не только способы, срок и территорию использования предмета договора, но и ответственность сторон. Особенно актуальной и в ряде случаев необходимой представляется возможность заключения лицензионного договора, когда изображение или запись голоса гражданина используются для дальнейших модификаций с помощью цифровых технологий, в том числе для создания образов, включаемых в аудиовизуальные произведения.

Одним из показательных примеров использования изображения и записи голоса гражданина в подобных целях является российский фильм «Диверсант. Идеальный шторм», вышедший в 2022 году, в котором с помощью технологий искусственного интеллекта был воссоздан образ героя произведения, роль которого в предыдущих сериях сыграл ушедший из жизни в 2010 году актер Владислав Галкин. Цифровая анимированная модель актера, визуально неотличимая от видеозаписи живого человека, была создана нейросетью на основе использования изображений В. Галкина поверх лица дублера; также был синтезирован его голос на основе ранее сделанных аудиозаписей. На использование изображения актера согласие дал его отец [8]. Это далеко не единственный пример использования изображения гражданина для включения в аудиовизуальное произведение, хотя такая деятельность вызывает множество дискуссий на предмет этичности и культурной ценности. Однако отношения существуют, а значит требуют надлежащего правового регулирования в целях защиты как личных, так и имущественных интересов субъектов биометрических персональных данных.

Таким образом, биометрические персональные данные как формы выражения биологических индивидуализирующих признаков человека, в современных условиях требуют специального правового регулирования, предусматривающего особый режим их сбора, обработки, хранения и использования. Полагаем, что в отношении использования биометрических персональных данных целесообразно установить правовой режим исключительных прав при сохранении в определенных случаях существующего правового института согласия на использование персональных данных в публичных интересах, в том числе для биометрической аутентификации, для целей правоохранительной деятельности и др. Особого внимания требуют такие способы использования биометрических персональных данных, при которых эти данные являются основой для создания производных объектов, в том числе с помощью методик синтеза изображения и голоса человека с использованием искусственного интеллекта (дипфейк). Возможность использования таких объектов в противоправных целях с причинением вреда личным и имущественным интересам обладателя соответствующих индивидуализирующих признаков, а в ряде случаев и публичным интересам, является весомым аргументом в пользу усиления правовой охраны биометрических персональных данных как средств индивидуализации физического лица.

Библиография:

1. Королева, Е. В. О средствах индивидуализации физических лиц в Российской Федерации / Е. В. Королева // Вестник Московского университета МВД России. – 2019. – № 7. – С. 65-69.
2. Федеральный закон «О персональных данных» от 27.07.2006 N 152-ФЗ (ред. 06.02.2023) // КонсультантПлюс. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения 04.06.2024).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (ред. 30.01.2024) // КонсультантПлюс. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (дата обращения 04.06.2024).
4. См., например: Нгуен, Т. К. Н. Проблема защиты личных изображений в современной жизни / Т. К. Н. Нгуен // ЗАКОН, ГОСУДАРСТВО, ОБЩЕСТВО: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ, ДОСТИЖЕНИЯ И ИННОВАЦИИ : сборник статей Международной научно-практической конференции, Пенза, 05 января 2022 года. – Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2022. – С. 74-80.
5. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ред. 12.12.2023) // КонсультантПлюс. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (дата обращения 04.06.2024).
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // КонсультантПлюс. - [Электронный ресурс]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения 04.06.2024).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 №25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. №40. 30.06.2015.
8. Эксперт рассказал о том, как «воскресли» Галкина для фильма "Диверсант" // Российская газета - Неделя - Федеральный выпуск: №100(8748). - [Электронный ресурс]. - URL: <https://rg.ru/2022/05/09/ekspert-rasskazal-o-tom-kak-voskresili-galkina-dlia-filma-diversant.html> (дата обращения 04.06.2024).

References:

1. Koroleva, E. V. On the means of individualization of individuals in the Russian Federation / E. V. Koroleva // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 7. – P. 65-69.
2. Federal Law "On Medical Data" dated July 27, 2006 N 152-FZ (as amended on February 6, 2023) // ConsultantPlus. - [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (date accessed 04/06/2024).
3. Civil Code of the Russian Federation (part four) dated December 18, 2006 N 230-FZ (as amended on January 30, 2024) // ConsultantPlus. - [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64629/ (date accessed 04/06/2024).
4. See, for example: Nguyen, T. K. N. The problem of protecting personal images in modern life / T. K. N. Nguyen // LAW, STATE, SOCIETY: CURRENT ISSUES, ACHIEVEMENTS and INNOVATIONS: collection of articles of the International Scientific- practical conference, Penza, January 05, 2022. – Penza: Science and Enlightenment (IP Gulyaev G.Yu.), 2022. – P. 74-80.
5. Federal Law "On Information, Information Technologies and Information Protection" (as amended on December 12, 2023) // ConsultantPlus. - [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/ (date accessed 06/04/2024).
6. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // ConsultantPlus. - [Electronic resource]. - URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (date accessed 06/04/2024).
7. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated June 23, 2015 No. 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. No. 40. 06/30/2015.
8. The expert spoke about how Galkin was "resurrected" for the film "Saboteur" // Rossiyskaya Gazeta - Week - Federal issue: No. 100 (8748). - [Electronic resource]. - URL: <https://rg.ru/2022/05/09/ekspert-rasskazal-o-tom-kak-voskresili-galkina-dlia-filma-diversant.html> (access date 06/04/2024).

РЕАЛИЗАЦИЯ РАБОТОДАТЕЛЬСКОЙ ВЛАСТИ: КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ГИБКОСТЬ The exercise of employer power: quantitative flexibility

БОРОВЧЕНКОВА Виктория Олеговна,

аспирант кафедры трудового права

Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (МГУ).

119991, Россия, ГСП-1, г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус).

E-mail: borovchenkova.vo@gmail.com;

BOROVCHENKOVA Viktoria Olegovna,

graduate student of the Labor Law Department, Lomonosov Moscow State University (MSU).

119991, GSP-1, Moscow, Leninskie Gory, 1, building 13.

E-mail: borovchenkova.vo@gmail.com

Краткая аннотация: Работодательская власть является важным аспектом трудовых и иных непосредственно связанных с ними отношений. Работодатель реализует свою власть в том числе с точки зрения количественной и качественной гибкости локальной организации труда и выбирает ту или иную правовую конструкцию, исходя из критериев правомерности, добросовестности, целевого назначения альтернативной конструкции и не ухудшения положения работников. В статье рассмотрены сокращение численности или штата работников организации и предоставление труда работников (персонала) через призму реализации работодательской власти.

Abstract: Employer's power is an important aspect of labor and other directly related relations. The employer exercises its power also in terms of quantitative and qualitative flexibility of the local organization of labor and chooses one or another legal construction based on the criteria of legality, good faith, intended purpose of the alternative construction and not worsening the situation of employees. The article considers the reduction in the number or staff of employees of the organization and the provision of labor of employees (staff) through the prism of the implementation of the employer's power.

Ключевые слова: работодательская власть, работодательский контроль, трудовые отношения, работодатель, работники.

Keywords: employer power, employer control, labor relations, employer, employees.

Для цитирования: Боровченкова В.О. Реализация работодательской власти: количественная гибкость // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 248-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_248.

For citation: Borovchenkova V.O. The exercise of employer power: quantitative flexibility // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 248-250. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_248.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

В настоящее время современное общество находится на этапе четвертой промышленной революции [1, с. 27], к которой относятся цифровизация бизнеса, нанотехнологии, биотехнологии, глобальные информационные сети, альтернативная энергия и т.д. Появление нового термина «цифровая экономика», который обозначает систему экономических, правовых, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий [1, с. 27], обозначило осмысление новой вехи развития общества. С точки зрения адаптации работодателей к стремительно изменяющимся условиям и их гибкости влиянию научно-технического прогресса также подвержена и работодательская власть. Значение современных технологий в трудовых отношениях (например, использование искусственного интеллекта и автоматизации рабочих процессов, внедрение электронного документооборота) необходимо оценивать, не упуская из вида воздействие данных технологий на работодательскую власть.

Поскольку мировая экономика находится в условиях экономической и социальной неопределенности, а также происходит переход к BANI-миру¹ (Brittle, Anxious, Nonlinear, Incomprehensible), то для «выживания» компаний и их повышения конкурентоспособности в таких условиях необходимы стратегически верные решения. Причем концепция BANI-мира рассматривается в контексте управления организацией и управления персоналом в частности. В данной ситуации возможны два пути снижения транзакционных издержек компании: ориентир на количественную гибкость или на качественную гибкость локальной организации труда [2, с. 156]. Первый связан со способностью работодателя приспособлять численность своей рабочей силы к вызовам в условиях неопределенности и рыночной нестабильности; второй – со способностью работодателя реализовывать функциональную гибкость трудовых отношений посредством различных правовых конструкций. Количественная и качественная гибкость локальной организации труда через призму концепции BANI-мира означает, что работодатель выбирает наиболее предпочтительную модель для взаимодействия с организацией управления исполнителями труда (как с наемными работниками по трудовому договору, так и с исполнителями по гражданско-правовым договорам) и предпринимательским риском, ориентируясь на укрепление «хрупкости» внутри организации, борьбу с «тревожностью», адаптацию против «нелинейности» и использование прозрачности против «непостижимости».

Как отмечает А.А. Линец, работодательская власть с точки зрения количественной гибкости осуществляется по следующим направлениям: прекращение трудовых отношений по экономическим причинам (п. 2 ч. 1 ст. 81 Трудового кодекса Российской Федерации² (далее – ТК РФ)); определение структуры локальной организации труда посредством различных форм (привлечение наемных работников, исполнителей со спотового рынка труда, дистанционных работников, работников, направленных частным агентством занятости, и т.д.) [3].

В контексте рассматриваемой темы не менее важным аспектом является работодательский контроль, в том числе посредством применения

¹ Jeroen Kraaijenbrink. What BANI Really Means (And How It Corrects Your World View) URL: <https://www.forbes.com/sites/jeroenkraaijenbrink/2022/06/22/what-bani-really-means-and-how-it-corrects-your-world-view/?sh=67a175f111bb> (дата обращения: 13.06.2024).

² Трудовой кодекс Российской Федерации // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3 (с послед. изм.).

технических средств и искусственного интеллекта. Причем стоит отметить, что работодательская власть является более широким понятием, которое вбирает в себя не только способы осуществления работодательского контроля за выполнением трудовой функции работниками, но и выбор альтернативных правовых конструкций, которые имеют те или иные юридические последствия для работников в рамках трудовых и иных непосредственно с ними отношений. Более того, с одной стороны, работодатель принимает решения, предполагающие проявление различной степени своих дискреционных полномочий, в рамках реализации своей власти, а с другой стороны, работники находятся в зависимом от работодателя положении и по большей степени имеют ограниченный круг действий в отличие от работодателя. Так, работодатель выбирает ту или иную правовую конструкцию в зависимости от тех экономических и управленческих обстоятельств, которые побудили его к принятию такого рода решения, но при этом исходя из критериев правомерности, добросовестности, целевого назначения альтернативной конструкции [4] и не ухудшения положения работников.

Например, если работодатель выбрал сокращение численности или штата работников (прекращение трудовых отношений по экономическим причинам, п. 2 ч. 2 ст. 81 ТК РФ) в качестве решения кратко-, средне- или долгосрочных проблем, то ему необходимо соблюдать определенную процедуру. Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно отмечал, что к исключительной компетенции работодателя относится возможность изменения структуры, численного состава работников, штатного расписания с целью осуществления эффективной экономической деятельности¹. Сокращение численности и штата является дорогостоящей процедурой по расставанию с работниками: работодатель обязан выплатить уволенным работникам выходное пособие в размере среднего месячного заработка (ст. 178 ТК РФ), а в некоторых случаях, предусмотренных трудовым законодательством, работодатель обязан выплатить средний месячный заработок и за второй и третий месяцы со дня увольнения. Причем необходимо отметить, что пределом реализации работодательской власти в контексте сокращения численности или штата работников является преимущественное право на оставление на работе (ст. 179 ТК РФ), которое выступает сдерживающим механизмом с точки зрения злоупотреблений работодателем по увольнению работников. Так, пределы реализации устанавливаются трудовым законодательством, а также могут устанавливаться коллективным договором (ч. 3 ст. 179 ТК РФ). При этом стоит помнить также о правовых рисках, в случае если имеет место отсутствие фактического сокращения численности или штата работников. Так, Верховный Суд Российской Федерации рассмотрел дело, в котором работник был уволен в связи с сокращением численности или штата после реорганизации в форме слияния². Суд сделал вывод о том, что в случае, если в штатном расписании работодателя в результате реорганизации должность работника сохранена, то оснований для увольнения работника по экономическим причинам нет, следовательно расторжение трудового договора неправомерно.

В другом деле суд пришел к выводу, что в случае сокращения численности или штата работников работодатель не обязан приводить обоснование исключения из штатного расписания должности, в его обязанность входит только соблюдение процедуры увольнения работников, предусмотренной трудовым законодательством³. В связи с этим реализация власти работодателя по определению количества работников в организации является исключительной функцией работодателя.

В последнее время прослеживается мировая тенденция массовых увольнений в технологической сфере. Причем IT-индустрия характеризуется быстрым темпом роста в связи с постоянным развитием и появлением новых тенденций⁴, но из-за колебаний экономической конъюнктуры им приходится прибегать к сокращению издержек, в том числе с помощью изменения локальной организации труда. Согласно статистическим данным, в 2022 году в IT-сфере было уволено порядка 160 000 работников, в 2023 году – 260 000 работников, а по состоянию на июнь 2024 года уже уволено около 100 000 работников⁵. Например, в 2022 году одному из наиболее масштабных увольнений подверглись работники Twitter Inc.⁶, были сокращены порядка 80% работников, что повлекло за собой ряд групповых исков к работодателю. Так, суть одного из исков состоит в том, что работодателем не была соблюдена процедура уведомления и не выплачены выходные пособия, что является нарушением федерального трудового законодательства, а также трудового законодательства штата Калифорнии⁷. Согласно § 2101(a) Закона об уведомлении о корректировке и переподготовке работников (далее - federal WARN Act)⁸ работодателем считается любая коммерческая организация, численность работников которого составляет 100 или более человек, работающих в совокупности не менее 4 000 часов в неделю, а согласно § 1400(a) The California WARN Act⁹ численность работников должна превышать 75 человек. Работодатель обязан уведомить о массовом увольнении работников за 60 дней до вступления в силу приказа работодателя об увольнении или в случае не уведомления выплатить выходные пособия сокращенным работникам (§2102(a), § 2104(a) federal WARN Act; § 1401(a), § 1402(a) California WARN Act, Cal. Lab. Code). Кроме того, Twitter Inc. обвиняется в дискриминации женщин¹⁰ и инвалидов¹. Таким образом, несмотря на стремление работодателей оперировать количественной гибкостью локальной организации труда, сокращение численности или штата работников несет в себе достаточно много правовых и репутаци-

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2018 № 1894-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Гурской Марины Анатольевны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 81 и частью первой статьи 180 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ от 24.04.2018 № 930-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Викторенко Виктора Викторовича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части первой статьи 81 Трудового кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс» и др.

² Определение Верховного Суда РФ от 22.08.2008 № 11-В08-16 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Определение Московского городского суда от 07.03.2013 № 4р/2-1522/13 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ IT Services – Worldwide // Statista. URL: <https://www.statista.com/outlook/tmo/it-services/worldwide#key-players> (дата обращения: 13.06.2024).

⁵ Layoffs.fyi URL: <https://layoffs.fyi/> (дата обращения: 13.06.2024).

⁶ Elon Musk Begins Layoffs at Twitter. URL: <https://www.nytimes.com/2022/11/03/technology/twitter-layoffs-elon-musk.html> (дата обращения: 13.06.2024).

⁷ Cornet v. Twitter Inc, U.S. District Court for the Northern District of California, №. 3:22-cv-06857.

⁸ The Worker Adjustment and Retraining Notification (WARN) Act, 1988. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?path=/prelim@title29/chapter23&edition=prelim>

⁹ The California WARN Act, The California Labor Code section 1400-1408. URL: https://leginfo.ca.gov/faces/codes_displayText.xhtml?division=2.&chapter=4.&part=4.&lawCode=LAB

¹⁰ Strifling v. Twitter Inc., U.S. District Court for the Northern District of California, №. 3:22-cv-07739.

онных рисков, в том числе риск судебных разбирательств. Работодателям необходимо обращать внимание на соблюдение требований трудового законодательства и осуществлять изменение локальной организации труда без ущерба прав и интересов работников.

В рамках количественной гибкости организации труда также важно рассмотреть предоставление труда работников (персонала) в контексте работодателю. Особенностью регулирования такой нетипичной формы занятости является то, что работники с их согласия временно направляются работодателем (направляющей стороной) к физическому или юридическому лицу, не являющимся работодателем (принимающей стороной), для выполнения этими работниками трудовых функций, определенных трудовыми договорами, в интересах, под управлением и контролем принимающей стороны. Так, по договору о предоставлении труда работников (персонала) направляющая сторона предоставляет заказчику услугу по предоставлению работников для осуществления той или иной деятельности в рамках трудовой функции, а заказчик в свою очередь получает право на контроль данного персонала и распоряжение его трудом. Как отмечает И.А. Костян, работодатель фактически передает не только самих работников (персонал), но и свое право по управлению трудом [5].

Также при предоставлении труда работников (персонала) принимающей стороне, по сути, происходит «расщепление» работодателю контроля. С одной стороны, работники находятся под управлением и контролем принимающей стороны (например, в дополнительном соглашении к трудовому договору могут быть указаны обязанность работника соблюдать правила внутреннего трудового распорядка принимающей стороны, исполнять трудовые обязанности (ч. 8 ст. 341.2 ТК РФ)). При этом условия оплаты труда должны быть не хуже, чем условия оплаты труда работников принимающей стороны, выполняющих такие же трудовые функции и имеющих такую же квалификацию (ч. 2 ст. 341.1 ТК РФ). С другой стороны, трудовые отношения между работником и принимающей стороной не возникают, а между работником и частным агентством занятости не прекращаются (ч. 4 ст. 341.2 ТК РФ). Стоит отметить, что направляющая сторона обязана осуществлять контроль за использованием труда своих работников (ч. 10 ст. 341.2 ТК РФ). Причем Н.В. Черных указывает, что несмотря на положительное значение таких гарантий, как равная оплата труда и осуществление контроля частным агентством занятости, они не имеют четкого законодательного механизма реализации [6]. Представляется, что данные вопросы остаются на усмотрение сторон и должны быть урегулированы в договоре о предоставлении труда работников (персонала), что трудно назвать должным механизмом защиты трудовых прав работников. Тем не менее из анализа судебной практики можно сделать вывод о том, что вопрос оплаты труда таких работников в договоре о предоставлении труда работников (персонала) сводится лишь к обязанности работодателя выплатить заработную плату на основе табелей учета рабочего времени².

В таком случае возникает ситуация, когда работник фактически находится под контролем принимающей стороны, но и в то же время под контролем работодателя. Например, «расщепление» работодателю контроля можно проследить при расследовании несчастного случая, произошедшего с предоставляемым работником (ст. 341.4 ТК РФ), и при несении субсидиарной ответственности принимающей стороны по обязательствам работодателя, вытекающим из трудовых отношений (ст. 341.5 ТК РФ). Так, несчастный случай, который произошел со временно предоставленным работником, участвующим в производственной деятельности, расследуется комиссией, в состав которой входят представители направляющей и принимающей сторон.

Для государства не менее важна устойчивая занятость, поэтому оно, с одной стороны, устанавливает пределы реализации работодателю власти работодателей по осуществлению ими предпринимательской деятельности, а с другой стороны, стимулирует их к выбору наиболее выгодной формы взаимодействия, которая будет отвечать интересам сторон трудовых отношений, а также государства [3]. Так, Конституционный Суд Российской Федерации говорит о том, что предпринимательский риск работодателя не должен перекладываться на работников³. В другом Постановлении он указывает на возможность использования работодателем альтернативных правовых конструкций в случае экономической необходимости⁴.

Таким образом, работодателю власть является неотъемлемой частью отношений, складывающихся между субъектами трудовых отношений, в том числе в рамках количественной гибкости локальной организации труда. Работодателю при выборе той или иной правовой конструкции необходимо руководствоваться критериями правомерности, добросовестности, целевого назначения альтернативной конструкции и не ухудшения положения работников.

Библиография:

1. Шумская Е.И. Экономический потенциал четвертой промышленной революции: дис. ... канд. экон. наук. М., 2018. 161 с.
2. Линец А.А. Роль трудового права в экономической системе общества на современном этапе: дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2021. 509 с.
3. Линец А.А. Правовые конструкции реализации работодателю власти // Трудовое право в России и за рубежом. 2021. № 4. С. 12 - 15.
4. Линец А.А. Альтернативные правовые конструкции реализации работодателю власти // Евразийский юридический журнал. 2024. № 1 (188). С. 247-250.
5. Костян И.А. Вопросы легализации заемного труда // Кадровик. Трудовое право для кадровика. 2007. № 10. С. 69-72.
6. Черных Н.В. Предоставление труда работников (персонала) как нетипичная форма занятости // Lex russica. 2019. № 8. С. 63 - 73.

References:

1. Shumskaya E.I. Economic potential of the fourth industrial revolution: Cand. ... kand. ekon. nauk. M., 2018. 161 p.
2. Linets A.A. The role of labor law in the economic system of society at the present stage: diss. .... Dr. jurid. nauk. Moscow, 2021. 509 p.
3. Linets A.A. Legal constructions of realization of employer power // Labor law in Russia and abroad. 2021. № 4. Pp. 12 - 15.
4. Linets A.A. Alternative legal constructions of realization of employer power // Eurasian Law Journal. 2024. № 1 (188). Pp. 247-250.
5. Kostyan I.A. Issues of legalization of hired labor // Kadrovik. Labor law for the personnel officer. 2007. № 10. Pp. 69-72.
6. Chernykh, N.V. Provision of labor of employees (personnel) as an atypical form of employment // Lex russica. 2019. № 8. Pp. 63 - 73.

¹ Borodaenko v. Twitter Inc, U.S. District Court for the Northern District of California, №. 3:22-cv-7226.

² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 21.10.2019 № 09АП-54428/2019 по делу № А40-128743/2019 // СПС «КонсультантПлюс»; Решение Арбитражного суда Удмуртской республики от 26 сентября 2022 г. по делу № А71-17500/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.2020 № 25-П «По делу о проверке конституционности абзаца восьмой части первой статьи 59 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.А. Сысоева» // СПС «КонсультантПлюс»; Постановление Конституционного Суда РФ от 15.07.2022 № 32-П «По делу о проверке конституционности частей первой и восьмой статьи 332 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Подакова» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Конституционного Суда РФ от 20.01.2022 № 3-П «По делу о проверке конституционности статьи 74 и пункта 7 части первой статьи 77 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина А.А. Пешкова» // СПС «КонсультантПлюс».

ЭЛЕКТРОННАЯ ФОРМА СДЕЛКИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ELECTRONIC FORM OF THE TRANSACTION: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

ЛЕТЯГИНА Екатерина Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Юридического института Красноярского государственного аграрного университета.
пр. Мира, 90, г. Красноярск, Красноярский край, 660049, Россия.

E-mail: let_k@mail.ru;

Letyagina Ekaterina Aleksandrovna,

Candidate of Law, associate Professor, department of Civil Law and Process, Law Institute
Krasnoyarsk state agrarian University.

Mira Ave., 90, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660049, Russia.

E-mail: let_k@mail.ru

Краткая аннотация: В работе представлен анализ некоторых теоретических и практических аспектов электронной сделки. Обозначается, что наиболее дискуссионным является вопрос статуса электронной сделки и тех правовых подходов, которые стоит применять в том или ином случае. Автор полагает, что электронная сделка, представляя собой особую форму, фиксирующую волю сторон-участниц в цифровом пространстве с использованием электронно-цифровых технологий и средств, с учетом действующих правовых норм, не может в настоящее время рассматриваться как абсолютный аналог сделки, заключенной в письменной форме. Электронно-цифровая сделка осуществляется в форме электронного документа, который представляет интегрированную систему, состоящую из электронно-цифровых элементов (одного или нескольких) с текстовыми сведениями, электронно-цифровой подписью, и использующую электронно-цифровые средства передачи, коды доступа и идентификации соответствующих субъектов. В исследовании отмечается, что при осуществлении электронной сделки могут возникать практические сложности в доказывании определенных вопросов: воли сторон, существенных условий и др., поскольку они могут быть легко скорректированы уже после подписания электронного документа по сделке. Проведенный в работе анализ показывает, что правовое регулирование вопросов, связанных с реализацией сделок в электронно-цифровом формате, существенно отстает от практики применения, что вызывает ее разрозненное и стихийное формирование.

Abstract: The paper presents an analysis of some theoretical and practical aspects of an electronic transaction. It is indicated that the most controversial issue is the status of an electronic transaction and those legal approaches that should be applied in one case or another. The author believes that an electronic transaction, representing a special form that captures the will of the participating parties in the digital space using electronic digital technologies and means, taking into account current legal norms, cannot currently be considered as an absolute analogue of a transaction concluded in writing. An electronic digital transaction is carried out in the form of an electronic document, which represents an integrated system consisting of electronic digital elements (one or more) with text information, an electronic digital signature, and using electronic digital means of transmission, access codes and identification of relevant subjects. The study notes that when carrying out an electronic transaction, practical difficulties may arise in proving certain issues: the will of the parties, essential conditions, etc., since they can be easily adjusted after signing an electronic document on the transaction. The analysis carried out in the work shows that the legal regulation of issues related to the implementation of transactions in electronic and digital format lags significantly behind the practice of application, which causes its scattered and spontaneous formation.

Ключевые слова: электронно-цифровая сделка, электронный документ, электронный образ документа, электронно-цифровая подпись, гражданский оборот, электронно-цифровые ресурсы, смарт-контракт.

Key words: electronic digital transaction, electronic document, electronic document image, electronic digital signature, civil turnover, electronic digital resources, smart contract.

Для цитирования: Летягина Е.А. Электронная форма сделки: теоретические и практические аспекты // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 251-253. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_251.

For citation: Letyagina E.A. Electronic form of the transaction: theoretical and practical aspects // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 251-253. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_251.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Цифровые процессы в гражданских правоотношениях на сегодняшний день стали неотъемлемым элементом их функционирования. Темпы социально-экономического развития только увеличиваются, а значит взаимодействовать субъектам нужно все более оперативно и эффективно.

Появление новых электронно-цифровых систем, в частности, агрегаторов услуг, виртуальных магазинов, новостных пабликов и т.п., способствовала переходу взаимодействия контрагентов в другую плоскость, что значительно сократило время и издержки в результате такого обмена.

Таким образом, не только в предпринимательской среде, но среди обычных граждан в текущем моменте очень распространены разнообразные формы, электронно-цифровые способы товарообмена и передачи сведений, имеющих имущественное значение.

Такие реалии обусловили потребность изменении и более детальной проработки вопросов заключения сделок в электронно-цифровом формате с использованием электронных документов и электронно-цифровой подписи (далее - ЭЦП) с целью эффективной защиты и обеспечения соответствующих общественных отношений в условиях их цифровизации.

В этой связи нам представляется актуальным исследовать теоретические и практические аспекты электронных сделок.

Исследованием этих вопросов занимаются в настоящее время многие авторы. Так, отметим работы Костиковой Г.В. о новеллах законодательства в области цифровых сделок [1], Долгополова О.И. о представлении доказательств в арбитражный суд при использовании сторонами сделки электронного документооборота [2], Смирнова Е.Е. об изменениях действующего законодательства в расчетах по сделкам, совершенным с использованием электронных платформ [3], Рахваловой Д.О. о сущности электронной формы сделки [4], Коньшиной Ю.С. об анализе электронной формы сделок в гражданском праве [5], Русских С.С. о трансформации электронной формы сделки в торговом обороте России и зарубежных государств в контексте развития цифровых платформ и др.

Наблюдается большой объем и разнообразие работ по данному вопросу. Однако многие из них носят дублирующий характер и не исчерпывают всего объема проблем, существующих в сфере электронно-цифровых сделок. В этой связи, наше исследование, несомненно, дополнит теоретические и практические разработки по этим вопросам, и может быть использовано как в теоретическом, так и в практическом аспекте.

Рассматривая вопросы электронной формы сделки, необходимо констатировать, что в определении понятия «электронный документ» трансформация законодательства происходит постоянно. Так, в 2015 он появился в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ), но уже в 2019 в результате очередной редакции положений, исключен. В настоящее время понятие «электронный документ» (далее - ЭД) содержится в п. 11.1 ст. 2 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [7]. В соответствии с указанным нормативным правовым актом ЭД есть сведения документарного характера, оформленные в электронно-цифровом виде, доступном для восприятия физическим лицом с применением компьютерных средств, а также доступном для передачи по сети или обработке в электронно-цифровых системах.

При этом такие законодательные изменения породили немало споров в научно-правовом пространстве. Особенно дискуссионным в связи с этим выступает вопрос о проведении параллелей между электронно-цифровой и письменной формой сделок [8].

Здесь следует отметить, что и высшие судебные органы и, в частности Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ), в своих документах также формулируют понятие ЭД, разграничивая его с электронным образом документа. Соответственно, под ЭД понимается документ, сформированный электронно-цифровом формате без предварительного изготовления на бумаге, удостоверенный ЭЦП, в соответствии с номами действующего законодательства РФ. А электронный образ в свою очередь определяется как электронно-цифровая копия документа, созданная с помощью средств сканирования, заверенная ЭЦП в порядке, определенном в правовых нормах [9].

Таким образом, Постановление Пленума ВС РФ закрепляет и ЭД и образ ЭД как документарные источники электронного вида с оговоркой, что ЭД не имеет бумажного аналога.

Обобщая различные правовые источники, считаем необходимым, определять ЭД как интегрированную систему, которая может состоять из электронно-цифровых элементов (одного или нескольких) с текстовыми сведениями, ЭЦП, и использовать электронно-цифровые средства передачи, коды доступа и идентификации соответствующих субъектов.

Несмотря на производимые модернизации гражданского законодательства, наиболее значимым в ЭД остается факт определения субъекта, выразившего свою волю при совершении тех или иных значимых правовых действий (бездействий). В подтверждение данного обстоятельства, положения ГК РФ, определяя письменную форму сделки, говорят и о возможности ее совершения с использованием электронно-цифровых ресурсов, позволяющих воспроизвести ее на материальном источнике в неизменной форме, а требование к подписи считается выполненным, если есть возможность достоверно определить субъекта, выразившего таким образом свою волю.

Однако на практике в определении волеизъявителя по сделке в электронно-цифровом формате установить достоверно не всегда представляется возможным, поскольку техническая природа и свойства ЭЦП позволяют использовать ее отдельно от субъекта, которому она принадлежит и подпись которого удостоверяет. При этом такое использование часто не санкционируется владельцем ЭЦП. Кроме того, ЭЦП может удостоверяет подпись как физического, так и юридического субъекта, в то время как личная подпись всегда связана с ее владельцем. С этой точки зрения электронно-цифровой способ заключения сделки подвержен риску и такие проблемы требуют дополнительной правовой охраны и регламентации. В этой связи отмечаются сложности и в корпоративном пространстве. Так, например, руководить юридическим лицом могут несколько директоров, все они могут иметь ЭЦП, но вот полномочия выступать от его имени в сделках часто определено только в отношении определенных директоров, встает вопрос о том, как в этом случае контрагенту удостовериться в том, что подписавший своей ЭЦП электронно-цифровую сделку директор, точно ими обладает?

Отметим, что ЭЦП стала применяться достаточно давно, и в соответствии с положениями действующего законодательства она определяется как сведения в электронно-цифровой форме, присоединенные к другим сведениям в электронно-цифровом формате (подписываемой информации) или другим способом связана с такими сведениями, которая используется для идентификации субъекта ее использующего [10].

В этом случае сведения, подписанные ЭЦП, приобретают статус ЭД, равнозначного в свою очередь аналогичному документу на бумаге, подписанному субъектом собственноручно. Такой подписанный ЭЦП электронный документ может быть использован в разнообразных правоотношениях, за исключением случаев, где закон прямо указывает на возможность использования документа только в бумажном виде. При этом действующие правовые нормы предусматривают разные виды ЭЦП: усиленная квалифицированная, простая и неквалифицированная. Причем все они, при их использовании позволяют считать документ электронным, статус которого равнозначен бумажному документу, подписанному собственноручно. В частности, это действует в сфере страхования, при подписании добровольного страхования [11] и других ситуациях.

Вместе с тем, простая и неквалифицированная ЭЦП не могут использоваться в отдельных сферах общественных отношений, в частности, при подписании документов, содержащих информацию о государственной тайне и др.

В любом случае, необходимо констатировать, что использование различных видов ЭЦП, для электронной формы сделки в текущем моменте уже устоявшаяся практика.

В целом можно обозначить основные отличительные черты электронной сделки: существует в электронно-цифровом пространстве, в том числе и на базе различных систем и платформ; представляет собой файл данных либо иной электронно-цифровой алгоритм на базе определенных

программ; одновременно может иметь статус и подлинника, и копии, а вносимые изменения не всегда могут быть определены во времени; может существовать автономно и быть самоисполняемой (самрт-контракт); особый порядок заключения, изменения и прекращения.

Могут быть выделены и другие характеристики, но мы полагаем данные критерии наиболее существенными. В этой связи необходимо сделать акцент на важном аспекте электронной сделки. В частности, на возможных ручных корректировках ЭД сделок, а также на корректировках, которые осуществляются в системе автоматизировано. При этом в случае корректировки и по первому, и по второму варианту возможны существенные ошибки. С учетом данного фактора, ЭД сделки и ЭЦП в полном объеме не всегда соответствуют письменному документу и подписи в их классическом понимании. Хотя отсутствие в ГК РФ понятия «электронный документ» свидетельствует о том, что законодатель рассматривает электронную сделку как частный случай (вид) письменной формы сделки при условии возможности отражения ее содержания на материальном носителе в неизменном формате и достоверно позволяющем установить субъекта волеизъявления.

Еще более сложная ситуация складывается при использовании электронного образа документа в случае отсутствия бумажного подлинника сделки. Осуществить установление подлинности волеизъявления сторон в этой ситуации не просто. Однозначность решения его фактически отсутствует на сегодняшний день.

Отметим, что основная полемика в правовом пространстве складывается по вопросу статуса электронной сделки. Часть исследователей разделяет точку зрения о том, что электронная сделка - это особая разновидность письменной формы сделки с использованием электронно-цифровых средств и способов [12], а другая часть правоведов считает электронно-цифровую сделку самостоятельной формой, не подпадающей под традиционное понимание письменной формы сделки [13]. Эти и другие проблемы электронно-цифровой сделки не получили пока должной официальной правовой оценки, и в настоящее время мы наблюдаем стихийное формирование правоприменительной практики, которая зачастую носит противоречивый характер.

В заключении исследования можно сформулировать следующие выводы:

1. Электронная сделка с учетом действующих правовых норм не может в настоящее время рассматриваться как абсолютный аналог сделки, заключенной в письменной форме во всех случаях.
2. Электронно-цифровая сделка представляет собой особую форму, фиксирующую волю сторон-участниц в цифровом пространстве с использованием электронно-цифровых технологий и средств.
3. При осуществлении электронной сделки могут возникать сложности в доказывании определенных вопросов: воли сторон, существенных условий и др., поскольку они могут быть легко скорректированы уже после подписания электронного документа по сделке.
4. Правовое регулирование вопросов, связанных с реализацией сделок в электронно-цифровом формате, существенно отстает от практики, что вызывает ее разрозненное и стихийное формирование.

Библиография:

1. Костикова, Г.В. Электронные сделки: новеллы законодательства / Г.В. Костикова // Хозяйство и право. – 2022. – № 2. – С. 49-59.
2. Долгополов, О.И. Представление доказательств в арбитражный суд при использовании сторонами сделки электронного документооборота / О.И. Долгополов // Гражданин и право. – 2022. – № 11. – С. 87-90.
3. Смирнов, Е.Е. Новое в расчетах по сделкам, совершенным с использованием электронных платформ / Е.Е. Смирнов // Аудитор. – 2022. – Т. 8, № 10. – С. 3-10.
4. Рахвалова, Д.О. Электронная форма сделки / Д.О. Рахвалова // Право цифровой среды : Монография / Под редакцией Т.П. Подшивалова, Е.В. Титовой, Е.А. Громовой. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2022. – С. 457-464.
5. Коньшина, Ю.С. Электронная форма сделок в гражданском праве / Ю.С. Коньшина // Территория науки. – 2021. – № 3. – С. 61-67.
6. Русских, С.С. Трансформация электронной формы сделки в торговом обороте России и зарубежных государств в контексте развития цифровых платформ / С.С. Русских // Право и экономика. – 2024. – № 1(431). – С. 28-33.
7. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» : [Электронный документ] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 25.05.2024).
8. Крыцула, А.А. Соотношение электронной и письменной форм сделок / А.А. Крыцула // Российское правосудие. – 2023. – № 2. – С. 30-39.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.12.2017 №57 «О некоторых вопросах применения законодательства, регулирующего использование документов в электронном виде в деятельности судов общей юрисдикции и арбитражных судов» : [Электронный документ] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 25.05.2024).
10. Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» : [Электронный документ] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 25.05.2024).
11. Закон от 27.11.1992 №4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» : [Электронный документ] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 25.05.2024).
12. Ефимова, Л.Г. Еще раз о понятии и правовой природе электронной формы сделки / Л.Г. Ефимова // Lex Russica (Русский закон). – 2019. – № 8(153). – С. 129-137.
13. Артамонникова, С.В. Правовое регулирование статуса субъектов сделок, совершаемых в электронной форме / С.В. Артамонникова // Гражданское право. – 2023. – № 1. – С. 24-26.

References:

1. Kostikova, G.V. Electronic transactions: novelties of legislation / G.V. Kostikova // Economy and law. – 2022. – No. 2. – pp. 49-59.
2. Dolgoplov, O.I. Presentation of evidence to the arbitration court when the parties to the transaction use electronic document management / O.I. Dolgoplov // Citizen and law. – 2022. – No. 11. – pp. 87-90.
3. Smirnov, E.E. New in settlements on transactions made using electronic platforms / E.E. Smirnov // Auditor. – 2022. – Vol. 8, No. 10. – pp. 3-10.
4. Rakhvalova, D.O. Electronic form of the transaction / D.O. Rakhvalova // The law of the digital environment : A monograph / Edited by T.P. Podshivalov, E.V. Titova, E.A. Gromova. – Moscow : Prospekt Limited Liability Company, 2022. – pp. 457-464.
5. Konshina, Yu.S. Electronic form of transactions in civil law / Yu.S. Konshina // The territory of science. - 2021. – No. 3. – pp. 61-67.
6. Russkikh S.S. Transformation of the electronic form of a transaction in the trade turnover of Russia and foreign countries in the context of the development of digital platforms / S.S. Russkikh // Law and Economics. – 2024. – № 1(431). – pp. 28-33.
7. Federal Law No. 149-FZ dated 07/27/2006 «On Information, information Technologies and information Protection» : [Electronic document] // SPS «ConsultantPlus» Version Prof. (accessed 05/25/2024).
8. Krytsula, A.A. The ratio of electronic and written forms of transactions / A.A. Krytsula // Russian justice. - 2023. – No. 2. – pp. 30-39.
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 12/26/2017 No. 57 «On some issues of the application of legislation regulating the use of documents in electronic form in the activities of courts of general jurisdiction and arbitration courts» : [Electronic document] // SPS «ConsultantPlus» Version Prof. (accessed 05/25/2024).
10. Federal Law No. 63-FZ dated 04/06/2011 «On electronic signature» : [Electronic document] // SPS «ConsultantPlus» Version Prof. (date of appeal 05/25/2024).
11. Law No. 4015-1 dated 11/27/1992 «On the organization of insurance business in the Russian Federation» : [Electronic document] // SPS «ConsultantPlus» Version Prof. (date of appeal 05/25/2024).
12. Efimova, L.G. Once again about the concept and legal nature of the electronic form of the transaction / L.G. Efimova // Lex Russica (Russian law). – 2019. – № 8(153). – p. 129-137.
13. Artamonnikova, S.V. Legal regulation of the status of subjects of transactions made in electronic form / S.V. Artamonnikova // Civil law. – 2023. – No. 1. – pp. 24-26.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_254

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ ПОСРЕДСТВОМ СУДЕБНОГО ПОРУЧЕНИЯ EVIDENCE PRESERVATION THROUGH JUDICIAL ASSIGNMENT

БУРАНЧИК Станислав Николаевич,

юрист, аспирант, независимый исследователь.

111396, Россия, г. Москва, Союзный проспект, 6.

E-mail: stas55588@inbox.ru;

BURANCHIK Stanislav Nikolaevich,

Lawyer, postgraduate student, independent researcher.

E-mail: 111396, Russia, Moscow, Soyuzny Prospekt, d. 6.

E-mail: stas55588@inbox.ru

Краткая аннотация: Настоящая статья анализирует процедуру судебного поручения, которая играет важную роль в структуре судебного процесса. Она вносит значительный вклад не только в полноценное и объективное рассмотрение всех фактов, критически важных для разрешения правовых вопросов в рамках процессуальных стандартов, но также подчеркивает прозрачность и этичность в подходах к судопроизводству. Тщательное изучение каждого доказательства судебным органом остается центральным элементом для принятия законного и справедливого решения. Основной задачей судебной системы является разрешение правовых споров, и здесь ключевую роль играет способность сторон адекватно и логически доказывать свои позиции. Переход к модели состязательного процесса и его последующее развитие не только переопределяют роль судебного органа, но и увеличивают уровень ответственности и самостоятельности участников в оформлении и обосновании их правовых позиций по делу. Существенная часть данной публикации посвящена изучению текущих трудностей в области сбора и оценки доказательств, а также исполнения судебных решений. В статье предложено решение для улучшения данного процесса, что может серьезно повлиять на будущее правоприменительной практики.

Abstract: This article analyzes the procedure of judicial assignment, which plays a significant role in the structure of the judicial process. It makes a significant contribution not only to the full and objective consideration of all facts critically important for resolving legal issues within procedural standards but also emphasizes transparency and ethical approaches to legal proceedings. Thorough examination of each piece of evidence by the judicial body remains a central element in making a lawful and fair decision. The main task of the judicial system is to resolve legal disputes, and here the ability of the parties to adequately and logically prove their positions plays a key role. The transition to the adversarial process model and its subsequent development not only redefine the role of the judicial body but also increase the level of accountability and independence of the participants in formulating and justifying their legal positions in the case. A significant part of this publication is devoted to studying current difficulties in evidence collection and evaluation, as well as the execution of judicial decisions. The article proposes a solution to improve this process, which can significantly impact the future of judicial practice.

Ключевые слова: доказывание, юрисдикция, поручение, закон, институт, суд, процессуальные действия.

Keywords: evidence, jurisdiction, assignment, law, institution, court, procedural actions.

Для цитирования: Буранчик С.Н. Обеспечение доказательств посредством судебного поручения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 254-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_254.

For citation: Buranchik S.N. Evidence preservation through judicial assignment // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 254-256. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_254.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

Для полного и правильного принятия решения суду необходимо установить все существенные факторы, необходимые для правильной оценки дела. В ходе судебного процесса стороны представляют свои аргументы и доказательства в поддержку своей позиции по делу.

Принципы доказывания напрямую зависят от модели или типа процессуальной системы, которая определяет ход судебной деятельности, согласно установленным законом нормам и процедурам, другими словами, процессуальному порядку. Разнообразие типов судопроизводства связано с существенными отличиями между судебными процессами различных стран.

В странах с романо-германской правовой системой чаще применяется следственный тип судопроизводства, тогда как в англо-саксонских странах преобладает судебное противостояние.

В настоящее время в российской системе судопроизводства наблюдается симбиоз принципов состязательности и равноправия сторон, характерных как для арбитражного, так и гражданского судопроизводства. Эта уникальная комбинация принципов создает особую динамику и эффективность в разрешении правовых споров, отличая российскую систему от других мировых юридических практик. Такой двусмысленный подход является оптимальным, поскольку обеспечивает эффективную работу судов по защите прав и свобод сторон по делу, а также обеспечивает более обширные возможности для судебной защиты.

В юридической практике России неотъемлемым является принцип состязательности, который находит своё отражение в Гражданском и Арбитражном процессуальных кодексах (ГПК РФ [2] и АПК РФ [3]). Данные кодексы не только устанавливают правила представления доказательств сторонами, но и обязывают суд обеспечить их представление в строгом соответствии с законодательством.

Доказательства, используемые в ходе судебного разбирательства, представляют собой фактические сведения, собранные законным путем. На их основе суд формирует правовую позицию по спору, выявляя обстоятельства, подтверждающие или опровергающие аргументы участников процесса, а также другие значимые аспекты дела.

Реализация принципа равенства сторон в доказательной базе и в исходе рассмотрения дела основывается на предоставлении каждой сто-

роне возможности ознакомиться с позицией противоположной стороны ещё до начала судебного разбирательства. Также стороны обязаны раскрыть свои доказательства друг другу, что способствует целостности, обоснованности и беспристрастности судебного процесса, создавая равные условия для всех участников и поддерживая принцип справедливости.

В случае, если стороны испытывают трудности в самостоятельном сборе доказательств, суд может оказать помощь в этом процессе. Стратегия представления доказательств каждой из сторон может варьироваться: они могут предъявить доказательства по собственному усмотрению или запросить судебное вмешательство для получения необходимых сведений, например, путём подачи ходатайства или исполнения судебного поручения, в случае необходимости.

Это позволяет сторонам эффективно проводить процесс доказывания и достичь справедливого разрешения спора, особенно в тех случаях, когда доказательства не могут быть получены стороной самостоятельно.

Таким образом, соблюдение принципа равноправия сторон в доказывании является важной частью судебного процесса, обеспечивая надлежащее рассмотрение дела и защиту интересов участников процесса.

В судебном процессе участие сторон законодателем предполагается как проявление доказательственной и аргументационной деятельности при соблюдении принципов состязательности.

Суд выполняет свои функции по урегулированию правовых споров или по утверждению юридических фактов, строго соблюдая принципы независимости, объективности и непредвзятости. Эти качества позволяют ему оказывать эффективную поддержку участникам процесса в защите их процессуальных прав, когда это обосновано. Суд активно направляет течение процесса, целью которого является тщательное и полное изучение всех представленных доказательств, правильная классификация правоотношений, установление реальных фактов ситуации и адекватное применение законодательных норм.

Особо стоит подчеркнуть, что действия суда по исполнению его поручений происходят через процедуру судебных определений. Этот документ устанавливает зафиксированные в процессе доказательства и выполняемые судебные поручения, которые затем пересылаются обратно в суд первой инстанции для их реализации. Если же выполнить судебное поручение невозможно по причинам, находящимся за пределами юрисдикции и контроля суда, такая информация подробно отображается в соответствующем документе, что позволяет сохранить прозрачность и ответственность в процессуальных действиях.

Таким образом, соблюдение процессуальных норм и принципов в рамках судебных процессов является ключевым для правильного и справедливого разрешения дел. Действия суда и сторон должны быть скоординированы и направлены на обеспечение эффективного проведения процесса и достижения целей судопроизводства.

Основания и порядок направления судебных поручений регулируются Арбитражным процессуальным кодексом РФ (статьи 73 и 74) [3] и Гражданским процессуальным кодексом РФ (статьи 62 и 63) [2], а само поручение выполняется путем вынесения определения о необходимости совершения определенных процессуальных действий.

В судебном процессе представление доказательств играет важную роль и является одним из ключевых аспектов деятельности сторон, поскольку это позволяет убедительно доказать свои аргументы перед судом. Однако эффективность этого процесса напрямую зависит от системы обеспечения доказательств. Недостаточная забота о сохранении доказательств может привести к потере их юридической значимости и невозможности использования в судебном разбирательстве.

В контексте этой проблемы функция судебного поручения приобретает особое значение. Она предоставляет суду возможность собирать необходимые доказательства в других местах при помощи другого судебного органа. Этот механизм включается после начала судебного процесса, когда возникает необходимость получить информацию или материалы, находящиеся в отдаленных или недоступных местах.

Таким образом, использование функции судебного поручения способствует эффективному сбору и представлению доказательств в судебном процессе, повышая объективность и справедливость решений суда. Этот инструмент позволяет обеспечить доступ к необходимой информации и убедительно подтвердить свою позицию в рамках правового разбирательства.

В соответствии с действующей процедурой, определённой процессуальным законодательством, каждый этап исполнения судебного поручения должен строго следовать заранее установленным правилам, которые ясно прописаны в нормативных актах и предполагают их осуществление в рамках судебных заседаний. В зависимости от специфики каждого конкретного гражданского дела, ответственность за выполнение поручений может быть возложена как на отдельно взятого судью, так и на группу судей. Важно подчеркнуть, что законодательно запрещено делегировать выполнение таких поручений сотрудникам судебной канцелярии или проводить сбор письменных материалов вне контекста судебного слушания.

Процедура исполнения задач судебных поручений активно применяется и хорошо известна в судопроизводстве. Когда требуются процессуальные действия за пределами локальной юрисдикции суда или в контексте международного права, активируется механизм исполнения поручений вне базовой территории суда.

Оформление решения о судебном поручении охватывает краткое содержание дела, предоставляет информацию о участниках процесса, их местоположении или месте проживания, а также выделяет аспекты, требующие более глубокого изучения. В документе также описываются доказа-

тельства, которые должны быть собраны и проанализированы судом, выполняющим поручение.

На время выполнения судебного поручения по правилам ГПК РФ [2] производство по делу может быть приостановлено.

Главной проблемой института судебного поручения является затяжной характер его исполнения и возможность приостановки судебного разбирательства при рассмотрении дела в суде общей юрисдикции.

Порядок исполнения судебного поручения наиболее актуально описан в Арбитражном процессуальном кодексе РФ [3], согласно норме АПК РФ [3] судебное поручение должно быть исполнено в срок не превышающим десять дней с момента его получения.

При рассмотрении дела в арбитражном процессе на время исполнения судебного поручения дело не подлежит приостановке, что позволяет более скоро рассмотреть дело и не вводить его приостановку, что может затянуть рассмотрение дела на неопределенный срок.

В настоящем исследовании был проведен детальный анализ понятий и определений, связанных с обеспечением исполнения обязательств и вынесением судебных поручений. Понимание и правильное применение этих юридических инструментов имеет огромное значение для обеспечения справедливости и законности в судебных решениях.

Наилучшим разрешением проблемы затягивания исполнения судебного поручения в судах общей юрисдикции является приведение норм АПК РФ и ГПК РФ к общим срокам исполнения судебного поручения и упразднения института приостановки судебного разбирательства на момент исполнения судебного поручения.

Библиография:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Российская газета», N 137, 27.07.2002.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // «Российская газета», N 220, 20.11.2002.
3. Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» // 2022, Официальный сайт URL: [https:// cyberleninka.ru/article/n/protsedura-sudebnogo-porucheniya-i-nekotorye-voprosy-obespecheniya-dokazatelstv](https://cyberleninka.ru/article/n/protsedura-sudebnogo-porucheniya-i-nekotorye-voprosy-obespecheniya-dokazatelstv).
4. Статья Доказывание в судебном процессе Н.А. Бортникова от 15.04.2024 г. // Консультант Плюс: Законодательство.
5. Справочник по доказыванию в арбитражном процессе / О.В. Абонова, Н.Г. Беляева, Т.Л. Вербенко и др.; под ред. И.В. Решетниковой. 2-е изд., перераб. и доп. // М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2022. – С. 480

References:

1. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of 24.07.2002 N 95-FZ (as amended on 06.04.2024) // " Rossiyskaya Gazeta", No. 137, 27.07.2002.
2. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 06.04.2024) // "Rossiyskaya Gazeta", No. 220, 20.11.2002.
3. Scientific electronic library "CyberLeninka" // 2022, Official website URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsedura-sudebnogo-porucheniya-i-nekotorye-voprosy-obespecheniya-dokazatelstv>.
4. Article "Evidence in Judicial Proceedings" by N. A. Bortnikov dated 15.04.2024 // Consultant Plus: Legislation.
5. Handbook on Evidence in Arbitration Proceedings / O. V. Aboznova, N. G. Belyaeva, T. L. Verbenko, and others; edited by I. V. Reshetnikova. 2nd ed., revised and enlarged // Moscow: NORMA, INFRA-M, 2022. – P. 480

О КОМПЕНСАЦИОННОЙ ПРИРОДЕ ОТНОШЕНИЙ ПО ПРИНУДИТЕЛЬНОМУ ВЫКУПУ МИНОРИТАРНЫХ АКЦИЙ ON THE COMPENSATORY NATURE OF THE RELATIONSHIP FOR THE COMPULSORY PURCHASE OF MINORITY SHARES

ИВАНИШИН Павел Зеновьевич,

кандидат юридических наук, доцент, кафедра предпринимательского и энергетического права
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

420008, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18.

E-mail: pavel.ivanishin@gmail.com;

КИСЕЛЕВ Никита Сергеевич,

аспирант, кафедра предпринимательского и энергетического права
ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

420034, Россия, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Тверская, д. 9б.

E-mail: nik.kiselyov.99@mail.ru;

IVANISHIN Pavel Zenovievich,

Candidate of Law, Associate Professor, the Department of Business and Energy Law,
Kazan (Volga Region) Federal University.

420008, Rep. Tatarstan, Kazan, Kremlevskaya str., 18.

E-mail: pavel.ivanishin@gmail.com;

KISELYOV Nikita Sergeevich,

graduate student, the Department of Business and Energy Law, Kazan (Volga Region) Federal University.

420034, Rep. Tatarstan, Kazan, Tverskaya str., 9b.

E-mail: nik.kiselyov.99@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена исследованию правовой природы отношений по принудительному выкупу миноритарных акций. Авторами проведен сравнительный анализ правоотношений, возникающих в связи с принудительным прекращением права собственности. Авторы делают вывод о том, что существующее правовое регулирование отношений по принудительному выкупу миноритарных акций не учитывает их обязательно-компенсационную природу, вследствие чего не в полной мере обеспечивает интересы миноритариев как слабой стороны в данных правоотношениях. Авторы подчеркивают актуальность межотраслевых исследований, направленных на совершенствование законодательства в части обеспечения соблюдения принципов справедливости и соразмерности возмещения различных неудобств лицам, лишавшимся своих прав помимо их воли.

Abstract: The article is devoted to the study of the legal nature of relations on the compulsory purchase of minority shares. The authors conducted a comparative analysis of the legal relations arising in connection with the compulsory termination of property rights. The authors conclude that the existing legal regulation of relations on the compulsory purchase of minority shares does not take into account their mandatory and compensatory nature, as a result of which it does not fully ensure the interests of minority shareholders as a weak side in these legal relations. The authors emphasize the relevance of intersectoral research aimed at improving legislation in terms of ensuring compliance with the principles of fairness and proportionality of compensation for various inconveniences to persons deprived of their rights against their will.

Ключевые слова: компенсация, компенсационное обязательство, миноритарные акционеры, выкуп акций, прекращение права собственности.

Keywords: compensation, obligation to pay compensation, minority shareholders, forced share repurchase, termination of ownership.

Для цитирования: Иванিশин П.З., Киселев Н.С. О компенсационной природе отношений по принудительному выкупу миноритарных акций // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_257.

For citation: Ivanishin P.Z., Kiselyov N.S. On the compensatory nature of the relationship for the compulsory purchase of minority shares // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 257-260. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_257.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Конституция Российской Федерации гарантирует неприкосновенность прав собственника и декларирует, что никто не может быть лишен своего имущества иначе как по решению суда. Абсолютный характер права собственности подразумевает, что собственник самостоятельно принимает решение по распоряжению имуществом, в том числе, о прекращении права собственности и отчуждении имущества в пользу другого лица.

Однако в настоящее время существуют правоотношения, в рамках которых данный постулат не является абсолютным. В частности, согласно статье 84.8 Федерального закона от 26.12.1995 г. №208-ФЗ "Об акционерных обществах" (далее – Закон об АО), лицо, которое приобрело более 95 процентов акций публичного общества, обладает правом на выкуп акций у оставшихся акционеров (миноритариев) в принудительном порядке [7]. В международной практике за подобным явлением закрепилось название squeeze-out («вытеснение», «выжимание»).

Таким образом, законодатель внедрил в отечественное право механизм прекращения права собственности вопреки воле собственника во внесудебном порядке. Этот механизм нарушает принцип автономии воли собственника, наделяет правом на принудительный выкуп частное лицо (мажоритария). В данной связи нормы, регулирующие институт squeeze-out в России, неоднократно становились предметом обращения в суд, в том

числе, в рамках конституционного судопроизводства. Этим обусловлена необходимость комплексного анализа правоотношений, складывающихся по поводу принудительного выкупа миноритарных акций, направленного на установление их правовой природы.

С точки зрения миноритариев, институт squeeze-out препятствует реализации их конституционного права собственности, а также нарушает конституционный принцип равенства. Поэтому они неоднократно пытались оспорить принудительный выкуп принадлежащих им акций, в том числе, в рамках конституционного судопроизводства.

В одном из своих постановлений Конституционный суд РФ (далее – КС РФ) указал, что Конституция РФ не исключает ограничение права частной собственности, отступая в определенных ситуациях от него с целью достижения общего блага, соблюдения разумного баланса интересов сторон [9].

При рассмотрении обращений по вопросу соответствия норм института squeeze-out Конституции КС РФ поддержал вышеуказанную позицию. КС РФ указал, что предусмотренное законом ограничение прав миноритариев необходимо для достижения общего интереса акционерного общества, выраженного в эффективном управлении обществом. КС РФ также сделал акцент на том, что право, предоставленное мажоритарии, обеспечивает не только его частный интерес, но одновременно и публичный интерес в развитии акционерного общества в целом [10]. При этом возникает вопрос, каким образом миноритарии могут препятствовать достижению «общего блага» акционерного общества?

Как отмечает Н.Д. Григорьев, миноритарии могут злоупотреблять правами на участие в управлении обществом, на информацию, на предъявление в суд требований об оспаривании решений органов управления общества, признании сделки общества недействительной, применении последствий недействительности сделки и др.[3].

В свою очередь, М.А. Алпатов указывает, что целью подобного злоупотребления может выступать дестабилизация деятельности хозяйственного общества с целью понудить мажоритария вечно идти на уступки миноритарии[1].

В свете приведенных примеров существенно увеличиваются издержки общества, а нормальное управление в принципе становится невозможным. Следовательно, обеспечение «общего блага» включает в себя предупреждение возможных злоупотреблений со стороны миноритариев в целях эффективного управления и развития акционерного общества под руководством мажоритария.

Важно отметить, что для обеспечения баланса интересов в статье 84.8 Закона об АО установлены критерии определения цены выкупа миноритарных акций. В их основу положена необходимость выплаты собственнику объективно оцененной стоимости утрачиваемого имущества. В таком случае миноритарии вправе рассчитывать на денежный эквивалент акций в сумме, оцененной не ниже рыночной. При этом закон не наделяет собственников правом на оспаривание выкупа, они вправе требовать только пересмотра выкупной стоимости в судебном порядке.

Исходя из изложенного, закон сводит возникающие правоотношения к имущественным, поскольку принудительный выкуп для миноритария является ничем иным как не подлежащим оспариванию юридическим фактом, служащим основанием для прекращения права собственности без учета его воли. В данной связи возникают вопросы, какова истинная правовая природа принудительного выкупа миноритарных акций, и соответствует ли действующее законодательство правовой природе возникающих правоотношений?

Как отмечают В.К. Андреев и В.А. Лаптев, право на акцию - конституционное право ее собственника, которое подтверждает право на участие в управлении, на получение дивидендов, а в случае ликвидации общества - на получение части его имущества. Следовательно, как заключают правоведы, отношения между обществом и его акционерами не являются непосредственно имущественными [2]. С этим утверждением трудно спорить, поскольку при принудительном выкупе акций миноритарий лишается не только своих вещей как собственник, но и претерпевает прочие неудобства ввиду лишения иных прав, которыми он обладал в связи с участием в корпорации.

Таким образом, отношения, возникающие в рамках института squeeze-out, не подлежат квалификации как исключительно имущественные. Они обладают иной правовой природой. Чтобы понять какой именно, обратимся к другим существующим в отечественном праве институтам принудительного прекращения права собственности.

Одним из таких институтов выступает принудительное прекращение права собственности на несоразмерную долю в общем имуществе, основные положения о котором содержатся в пункте 4 статьи 252 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее - ГК РФ) [8]. Так, если доля собственника незначительна, не может быть реально выделена (без несоразмерного ущерба), и такой собственник не имеет существенного интереса в использовании общего имущества, суд может при отсутствии его согласия обязать остальных участников долевой собственности выплатить ему компенсацию, с момента получения которой собственник утрачивает право на свою долю в общем имуществе.

Согласно позиции У.Б. Филатовой, применение указанной нормы нарушает принципы неприкосновенности собственности и свободы договора [6]. Действительно, как и при принудительном выкупе миноритарных акций, обладатель незначительной доли не изъявляет своего согласия на прекращение права собственности. Именно поэтому данный правовой механизм также являлся предметом изучения КС РФ в рамках рассмотрения обращений со стороны лиц, чьи права затрагивались его применением.

В данной связи КС РФ указал, что положения пункта 4 статьи 252 ГК РФ направлены на достижение необходимого баланса интересов участников общей собственности, ввиду чего данная норма не может расцениваться как нарушающая конституционные права граждан. При этом КС РФ обратил внимание на то, что при принятии решения о выплате выделяющемуся сособственнику компенсации вместо выдела его доли в натуре и

определении размера и порядка ее выплаты, в каждом конкретном случае необходимо учитывать все имеющие значение обстоятельства дела и руководствоваться общеправовыми принципами справедливости и соразмерности [11].

Ряд правоведов, разделяя позицию КС РФ, также высказывались о том, что в рамках пункта 4 статьи 252 ГК РФ закон ограничивает свободу реализации правомочий выделяющегося собственника лишь в определенных пределах, поскольку способ реализации его воли должен избираться с учетом интересов остающихся собственников [4, 5]. Следует отметить, что интересы последних, очевидно, сводятся к возможности эффективного пользования ими оставшейся частью имущества по его целевому назначению.

В результате сравнительного анализа можно выделить определенные сходства между институтом squeeze-out и прекращением права на несоразмерную долю в общем имуществе на основании компенсации.

Во-первых, такие правоотношения возникают в силу необходимости достижения «общего блага», будь то для акционерного общества или же оставшихся участников долевой собственности. «Общее благо» заключается в обеспечении эффективности управления и использования имущества по целевому назначению остающимся большинством (мажоритарием или участниками долевой собственности).

Во-вторых, в обоих случаях нарушается сфера имущественного интереса собственника, имущество выбывает из его владения без учета его волеизъявления, чем ему причиняются неудобства.

В-третьих, в обоих случаях принудительное прекращение права собственности сопровождается возмещением причиненных неудобств выходящему меньшинству со стороны остающегося «большинства», в чью пользу происходит такое отчуждение.

Несмотря на выявленные сходства, позволяющие говорить об анализируемых отношениях как об однородных, между ними есть одно существенное отличие. Оно заключается в том, что в рамках пункта 4 статьи 252 ГК РФ при определении размера компенсации судом в каждом конкретном случае учитываются все имеющие значение обстоятельства дела, а не только стоимость отчуждаемого имущества. Следовательно, в качестве подлежащих учету обстоятельств могут выступать различные неудобства и издержки лица, возникающие в связи с принудительным прекращением его права. В таком случае у оставшихся участников долевой собственности возникает внедоговорное обязательство выплатить компенсацию (компенсационное обязательство).

В самом общем виде под компенсацией в юридической науке понимается денежное возмещение, покрывающее убытки, ущерб или потери, понесенные субъектом правоотношений.

Отметим, что в цивилистической литературе термин «компенсация» нередко ассоциируется с фактом причинения вреда. Однако в анализируемых правоотношениях состав деликта отсутствует. Выгодоприобретатель действует в соответствии с правовыми нормами, решением суда.

Из изложенного следует, что сведение компенсационных обязательств, связанных с уменьшением имущественной или неимущественной сферы интересов кредитора, к деликтам не является оправданным, хотя они и могут основываться на деликте (например, компенсация морального вреда). В данной связи компенсационные обязательства, возникающие, в том числе, в связи с принудительным прекращением права собственности, следует квалифицировать как самостоятельную группу внедоговорных обязательств.

Возвращаясь к сравнительному анализу, повторно отметим, что в рамках отечественного института squeeze-out учету подлежит только стоимость акций, обозначенная в законе и установленная в ходе оценки. Так формируется их выкупная стоимость. Однако выкупная стоимость является категорией, характерной для договорных правоотношений, основанных на волеизъявлении собственника на отчуждение имущества. Например, данное понятие встречается в правоотношениях, возникающих из договора финансовой аренды (лизинга), постоянной ренты, аренды. В том случае, когда имущество отчуждается помимо воли его правообладателя, имеет место как нарушение его имущественного интереса в обладании объектом материального блага, стоимость которого несомненно подлежит компенсации, так и другие связанные с этим неудобства. Следовательно, правоотношения, складывающиеся по поводу принудительного прекращения права собственности, обладают компенсационно-обязательственной природой.

Таким образом, несмотря на то, что в рамках института squeeze-out законодатель придерживается термина «выкуп», фактически речь идет о компенсации, о возникающем у мажоритария компенсационном обязательстве. Компенсационная природа данных отношений объясняется отсутствием у миноритария воли на отчуждение своего имущества в интересах мажоритария и возникающими у него в данной связи неудобствами.

Компенсационные обязательства должны быть направлены на максимальное возмещение неудобств лица, лишавшегося своего права в пользу другого лица, с целью наиболее полной реализации конституционных принципов справедливости и соразмерности, защиты слабой стороны возникающего правоотношения. В данной связи представляется, что предложенная Законом об АО модель определения выкупной стоимости, исходя из установленных законом критериев оценки, не учитывает неудобства миноритариев в виде утраты неимущественных прав, связанных с участием в корпорации, и, как следствие, не удовлетворяет принципам справедливости и соразмерности. Для обеспечения баланса интересов недостаточно выплатить действительную стоимость имущества, необходимо компенсировать и прочие потери лица. В противном случае лицо, принудительно лишавшееся своих прав, было бы в том же положении, как если бы оно решило распорядиться ими добровольно.

Одним из способов обеспечения интересов слабой стороны в рамках института squeeze-out может быть компенсационная индексация стоимости утрачиваемого имущества, определяемая на основании решения суда. Как было продемонстрировано, подобный механизм, направленный на учет различных неудобств лица, причиненных уменьшением или прекращением прав помимо его воли, применяется в рамках пункта 4 статьи 252 ГК РФ,

а также при возникновении иных компенсационных обязательств, например, при компенсации морального вреда и др.

Ввиду вышеизложенного, не вызывает сомнений актуальность дальнейших межотраслевых исследований компенсационных обязательств, направленных на поиск путей совершенствования действующего законодательства, в том числе, об акционерных обществах, для обеспечения соблюдения принципов справедливости и соразмерности в рамках возмещения различных неудобств лицам, лишаящимся своих прав помимо их воли.

Библиография:

1. Алпатов М.А. Конструкция принудительного выкупа ценных бумаг публичного общества мажоритарным акционером (squeeze-out): анализ с точки зрения соблюдения баланса интересов сторон // Вопросы российской юстиции. 2023. №29. С. 95-109.
2. Андреев В.К., Лалтев В.А. Корпоративное право современной России: монография. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2023. - 432 с.
3. Григорьев Н.Д. Злоупотребление корпоративными правами участниками хозяйственных обществ // Право и бизнес. 2022. №3. С. 34 – 38.
4. Жиров А. А. Удобно ли быть собственником доли? Способы решения «долевых» вопросов // Жилищное право. 2011. № 5. С. 47–57.
5. Козыр О. М. Актуальные вопросы права общей долевой собственности: раздел жилого помещения и выдел из него доли // Гражданское право современной России / сост. О. М. Козыр и А. Л. Маковский. М., 2008. С. 58–74.
6. Филатова У.Б. Прекращение права общей долевой собственности на незначительную долю в праве собственности на жилое помещение: проблемы теории и правоприменения // Сибирский юридический вестник. 2013. №2. С. 49-55.
7. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. №208-ФЗ "Об акционерных обществах" // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1. Ст. 1.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. №32. Ст. 3301.
9. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2004 № 3-П // Собрание законодательства РФ. 2004. №9. Ст. 830.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 № 681-О-П // Собрание законодательства РФ. 2007. № 46. Ст. 5643.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 №345-О [электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.06.2024 г.).

References:

1. Alpatov M.A. The construction of forced redemption of securities of a public company by a majority shareholder (squeeze-out): an analysis from the point of view of maintaining a balance of interests of the parties // Issues of Russian justice. 2023. №29. pp. 95-109.
2. Andreev V.K., Laptev V.A. Corporate law of modern Russia: monograph. 3rd ed., reprint. and add. Moscow: Prospekt, 2023. - 432 p.
3. Grigoriev N.D. Abuse of corporate rights by participants of business companies // Law and business. 2022. №3. pp. 34-38.
4. Zhiron A. A. Is it convenient to be the owner of a share? Ways to solve "equity" issues // Housing law. 2011. № 5. pp. 47-57.
5. Kozyr O. M. Actual issues of the right of common shared ownership: the division of residential premises and the allocation of shares from it // Civil law of modern Russia / comp. O. M. Kozyr and A. L. Makovsky. M., 2008. pp. 58-74.
6. Filatova U.B. Termination of the right of common ownership shared ownership of a small share in the ownership of residential premises: problems of theory and law enforcement // Siberian Legal Bulletin. 2013. №2. pp. 49-55.
7. Federal Law №208-FZ of December 26, 1995 "On Joint-Stock Companies" // Collection of Legislation of the Russian Federation. 1996. № 1. Article 1.
8. The Civil Code of the Russian Federation (part one) // Collection of legislation of the Russian Federation. 1994. №32. Article 3301.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/24/2004 №3-Р // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2004. №9. Article 830.
10. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/03/2007 №681-O-P // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2007. No. 46. St. 5643.
11. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 02/28/2019 №345-O [electronic resource] // SPS ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru/> (accessed 06/18/2024).

ПРОГРАММА ДЛЯ ЭВМ КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ COMPUTER PROGRAM AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY

САНИНА Людмила Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и экономической безопасности
Института мировой экономики и международных отношений. Байкальский государственный университет.

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: glv2010@yandex.ru;

БЕЛОУСОВ Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса
Института юстиции. Байкальский государственный университет.

664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

E-mail: vladimir89.89@inbox.ru;

Sanina Liudmila V.,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economics and Economic Security, Baikal State University.
11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.

E-mail: glv2010@yandex.ru;

Belousov Vladimir N.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure. Baikal State University.

11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003.

E-mail: vladimir89.89@inbox.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется правовой режим программы для ЭВМ в отечественной цивилистике. Анализируется становление и развитие норм о программе для ЭВМ как результата интеллектуальной деятельности. Рассматривается дискуссия об определении места программы для ЭВМ в системе объектов интеллектуальной собственности. Называются критерии для отграничения программы для ЭВМ от литературных произведений. Выявляются признаки и элементы программы для ЭВМ. Исследуется возможность отнесения программы для ЭВМ к производным, составным и сложным произведениям. Ввиду наличия у данной программы специфических черт, отличных от произведений литературы, заключается, что ее следует исключить из перечня объектов авторского права. Исследуемый объект должен занять в гражданском законодательстве самостоятельное место наряду с другими институтами интеллектуальной собственности. Принимая во внимание скоростное развитие технических средств, а также в целях унификации национального и зарубежного законодательства, предлагается заменить архаичное выражение «электронно-вычислительная машина» на категорию «компьютерная программа».

Abstract. The article examines the legal regime of a computer program in Russian civil law. The formation and development of a computer program as a result of intellectual activity is analyzed. The discussion on determining the place of a computer program in the system of intellectual property objects is considered. The criteria for distinguishing computer programs from literary works are called. The signs and elements of the computer program are revealed. The possibility of attributing a computer program to derivative, composite and complex works is investigated. Due to the presence of specific features of this program that differ from works of literature, it is concluded that it should be excluded from the list of objects of copyright. The object under study should occupy an independent place in civil legislation along with other intellectual property institutions. Taking into account the rapid development of technical means, as well as in order to unify national and foreign legislation, it is proposed to replace the archaic expression «electronic computing machine» with the category «computer program».

Ключевые слова: произведения литературы, программа для ЭВМ, сложное произведение, правообладатель, творческий характер, авторское право.

Keywords: works of literature, computer program, complex work, copyright holder, creative character, copyright.

Для цитирования: Санина Л.В., Белоусов В.Н. Программа для ЭВМ как объект интеллектуальной собственности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 261-263. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_261.

For citation: Sanina L.V., Belousov V.N. Computer program as an object of intellectual property // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 261-263. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_261.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Продолжительное время программа для ЭВМ не признавалась объектом интеллектуальной собственности [1]. Это было связано с отсутствием спроса на данный объект (ввиду их малоизвестности) и как следствие не распространенностью программы [2]. С развитием промышленного производства, а также совершенствованием самих программ для ЭВМ началось обозначение данных программ в качестве объектов интеллектуальной собственности. В США и европейских странах с 1960-1970-х гг. после долгих дискуссий программы для ЭВМ определялись как объекты авторского права [3].

В отечественной цивилистике в 1970-х гг. начали появляться публикации о необходимости нормативного закрепления программы для ЭВМ в отдельный институт. При этом не было единства в отношении его названия. Предлагались следующие варианты: программное право; компьютерное право и др. [4]. В Гражданском кодексе РСФСР 1964 г. программы для ЭВМ специально не указывались в перечне объектов интеллектуальной собственности. Вместе с тем следует заметить, что перечень результатов интеллектуальной деятельности был открытым. Поэтому условно при соответствии программы критериям охраноспособности ее можно было отнести к объектам авторского права.

Специальные положения о программе для ЭВМ как объекте авторского права были предусмотрены после долгих дискуссий [5]. И, наконец, с вступлением в силу в 1992 г. Закона РФ «О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных» данные программы стали рассматриваться как объекты авторского права¹. Аналогичным образом определялось место программы для ЭВМ и Законом РФ

¹ О правовой охране программ для электронных вычислительных машин и баз данных: Закон РФ от 23 сент. 1992 г. № 3523-1 //Российская газета. 1992. 20 окт. (документ утратил силу)

1993 г. «Об авторском праве и смежных правах»¹.

С 01.01.2008 г. в связи с вступлением в силу четвертой части Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) указанные нормативно-правовые акты утратили силу. Однако подход законодателя остался прежним. На сегодняшний день в соответствии со ст. 1259 ГК РФ к объектам авторских прав также относятся программы для ЭВМ, которые охраняются как литературные произведения². Данный подход законодателя объясним, и соответствует мировой практике, прежде всего, Бернской конвенции «Об охране литературных и художественных произведений» 1886 г.³ Закрепление правового режима программы для ЭВМ не только не прекратило полемику о ее природе, но и послужило основанием для развития разных мнений. Одна группа авторов относит данный объект к произведениям литературы [6]. Другая группа исследователей рассматривает программу для ЭВМ в качестве самостоятельного объекта, который не является произведением, а только охраняется как произведение [7]. Последний взгляд представляется более убедительным.

Перейдем к анализу отличий программы для ЭВМ от произведений литературы.

В соответствии со ст. 1261 ГК РФ программой для ЭВМ признается представленная в объективной форме совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования компьютерных устройств в целях получения результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ, и порождаемые ею аудиовизуальные изображения. Охраняются интеллектуальные права на программу для ЭВМ, которые могут быть выражены на любом языке и в любой форме, включая исходный текст и объектный код.

Следовательно, программа для ЭВМ состоит из четырех элементов: 1) исходный текст (код) – текст программы, написанный соответствующим языком программирования и доступный для восприятия людьми; 2) объектный код – подлежащая исполнению форма подходящего представления процессов, которая компилируется программирующей системой; 3) аудиовизуальные изображения; 4) подготовительные материалы.

Таким образом, в отличие от произведения в основе программы для ЭВМ технологическая, а не литературная природа. Кроме того, программа для ЭВМ – это алгоритмы, выполнение которых компьютером дает результат. Литературные произведения, в свою очередь, являются единственным результатом и не производят дополнительного последствия.

Правовой режим программы для ЭВМ отличается от произведения и тем, что имеется возможность ее добровольной регистрации в федеральном органе исполнительной власти по интеллектуальной собственности. Такая процедура имеет заявительный характер, не требует проведения экспертизы. Как верно отмечается в литературе, регистрация программы для ЭВМ – это процедура, требуемая для подтверждения существования программы в соответствующем виде в настоящий момент [8]. В отношении правообладателя программы для ЭВМ в законодательстве установлены ограничения исключительного права. Добросовестный пользователь, правомерно владеющий экземпляром определенной программы, без разрешения правообладателя и без выплаты вознаграждения может осуществлять ряд действий, предусмотренных ст. 1280 ГК РФ. Законом также предусмотрена возможность заключения лицензионного договора о предоставлении права пользования программой для ЭВМ в упрощенном порядке. Такой договор является договором присоединения, условия которого, в частности, могут быть изложены на приобретаемом экземпляре программы для ЭВМ, либо на упаковке такого экземпляра, а также в электронном виде (п 5 ст. 1286 ГК РФ). Предусмотрена презумпция безвозмездности данного соглашения.

В качестве иных отличий программы для ЭВМ от произведений литературы можно назвать количество лиц, участвующих в создании программы. Как правило, программа – это результат труда нескольких участников (аналитики, архитекторы, бэкэнд-разработчики и др.) [9]. Безусловно, и произведения могут создаваться в соавторстве. Однако существует достаточное количество произведений, подготовленных одним автором.

Часто при создании новой программы для ЭВМ используются ранее созданные программы. Программа для ЭВМ создается с нуля довольно редко. Распространенной является ситуация, согласно которой при создании программы используются ранее созданные компоненты. Если исходить из положений об авторском праве, то каким будет являть произведение в данном случае: производным, составным или сложным?

Судебная практика на этот счет формировалась неоднозначно. Так, Верховный суд квалифицировал в качестве производного произведения программу, созданную посредством включения в нее другой программы⁴. Для заимствования необходимо волеизъявление правообладателя первоначального произведения, т.е. его согласие [10]. Однако при включении разных модулей не имеется творческого вклада разработчика программы, соответственно нельзя признавать такой объект производным произведением. Иными словами, включение произведения в не переработанном виде в состав другого объекта авторского права не приводит к созданию производного произведения.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 16.06.2022 г. № 25-П программа для ЭВМ признана как составное произведение⁵. Вместе с тем основополагающим признаком составного произведения является разработанная автором система подбора и (или) расположения материала. Такой подбор, расположение материала должен представлять собой результат творческого труда. Для этого требуется реализация новаторского подхода, оригинальных творческих идей при компоновке материала [11].

Однако не во всех случаях при создании программы для ЭВМ соблюдаются эти условия. В целом определение творческого характера программы для ЭВМ вызывает некоторые трудности, поскольку имеет свою специфику. Несомненно, с одной стороны, действует презумпция, согласно кото-

¹ Об авторском праве и смежных правах: Закон РФ от 09 июля 1993 г. № 5351-1 // Российская газета. 1993. 03 авг. (документ утратил силу).

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ : (ред. от 5 дек. 2022 г.) // СЗ РФ. 2006. № 52. Ст. 5496.

³ Об охране литературных и художественных произведений: Бернская конвенция 1886 г. // Бюллетень международных договоров. 2003. № 9.

⁴ Определение Верховного суда РФ от 22 нояб. 2022 г. по делу № А56-10049/2019 // СПС КонсультантПлюс.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2022 г. № 25-П // Российская газета. 2022. 01 июля.

рой, пока не доказано иное, предполагается, что результат интеллектуальной деятельности создан творческим трудом. При этом отсутствие уникальности, новизны не может свидетельствовать о том, что такой результат создан не творческим трудом¹. В тоже время при установлении творческой составляющей программы для ЭВМ необходимо, чтобы она включала в себя совокупность самостоятельных творческих процессов [12]. Творческий характер проявляется разработкой алгоритмов или последовательностей операций. Функциональные элементы программы являются неохраноспособными, поскольку идеи не охраняются авторским правом. В доктрине гражданского права встречается также предложение об отнесении программы для ЭВМ (как совокупность модулей и библиотек) к сложным произведениям [13]. Вместе с тем в ст. 1240 ГК РФ содержится исчерпывающий перечень сложных объектов. В отличие от базы данных, исследуемый объект – программа для ЭВМ там не указана. По сути установлено императивное ограничение [14]. Поименованный в списке сложных объектов мультимедийный продукт не является аналогом модульной программы для ЭВМ. Поэтому отсутствуют правовые основания для квалификации программы для ЭВМ в качестве сложного объекта. Более того, в этом нет и практической значимости.

Таким образом, применение к программе для ЭВМ положений об авторском праве вызывает ряд сложностей и не способствует надлежащему функционированию гражданского оборота [15]. Можно сделать вывод о необходимости обособленного нормативного закрепления, посвященного правовому режиму программы для ЭВМ. Отнесение программ для ЭВМ к объектам патентного права невозможно ввиду наличия требований к изобретательскому уровню и территориальному режиму патентной охраны. В этой связи программа для ЭВМ должна занять отдельное место наряду с другими институтами интеллектуальной собственности.

В завершении обратимся к исследованию терминологического аппарата в исследуемой проблематике. Следует заметить, что выражение «электронно-вычислительная машина» является устаревшим и не соответствует скоростному развитию технических средств. В западных и европейских странах, а также в странах СНГ (Белоруссии, Казахстане) используется категория «компьютерная программа» [16]. Н.А. Новикова, сравнивая понятия «программа для ЭВМ» и «компьютерная программа» приходит к выводу: «...программа для ЭВМ более масштабная по своей природе категория, поглощает в себя компьютерные программы, которые выступают частью программ для ЭВМ» [17]. Вряд ли можно согласиться данным заключением. Этимологический анализ данных категорий позволяет сделать вывод скорее о их синонимическом характере. При этом категория «компьютерная программа» в большей мере отвечает современным реалиям. Думается, что обосновано и важно реципировать категорию «компьютерная программа» в отечественное законодательство. Это будет способствовать унификации национального и зарубежного законодательства и позволит исключить архаичное выражение «электронно-вычислительная машина».

Библиография:

1. Гришин Д.Ю. Особенности авторско-правовой охраны программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2002. 238 с.
2. Корнеев В.А. Программы для ЭВМ, базы данных и топологии интегральных микросхем как объекты интеллектуальных прав. М.: Статут, 2010. 236 с.
3. Болтуева М.Е. К вопросу становления законодательства об охране компьютерных программ // Вестник Академии наук. 2021. №1. С. 110–116.
4. Рясенцев В.А., Мартемьянов В.С. Правовое регулирование отношений, основанных на создании и использовании алгоритмов и программ // Советское государство и право. 1987. № 8. С. 22–25.
5. Зенин И.А. Право интеллектуальной собственности. М.: Юрайт., 2011. 576 с.
6. Гаврилов Э.П. Интеллектуальные права в современной России: некоторые теоретические проблемы // Правовые исследования: новые подходы: сб. статей факультета права НИУ ВШЭ. М.: НИУ ВШЭ, КОНТРАКТ, 2012. С. 317–336.
7. Комментарий Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой): в 2 т. (постатейный) / С.О. Гшорленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий и др.; отв. Ред. Л.А. Трахтенгерц. 2-е изд. М.: ИНФРА-М, 2016. Т. 1. 485 с.
8. Наливко К.В. Особенности построения процедуры регистрации ПО в реестре программ для ЭВМ // Проблемы современной науки и образования. 2013. № 2(16). С. 59-60
9. Шевелев И.В., Никифорова Т.С. Кому принадлежат права на программу для ЭВМ // Закон. 2023. № 5. С. 64–73.
10. Белькова Е. Г. Производные произведения науки, литературы и искусства // Академический юридический журнал. 2023. № 2. С. 193–201.
11. Комментарий практики рассмотрения экономических споров (судебно-арбитражной практики) / П. Д. Багрянская, О. А. Беляева, С. А. Бурлаков и др.; отв. ред. В. М. Жуйков. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. Вып. 28. 200 с.
12. Смирнова Е.Ю. Правовая охрана элементов, составляющих программу для ЭВМ // Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2015. № 7. С. 50–54.
13. Алексейчук А.А. Подходы к квалификации сложного программного обеспечения // Право цифровой экономики. 2020. № 16. С. 346-368.
14. Минникус И. А., Ягофарова И. Д. Императивные ограничения в праве // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8, № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).20.
15. Виниченко Ю.В. О соотношении гражданского и экономического оборота // Известия Иркутской государственной экономической академии. 2015. Т. 25. № 5. С. 879-887.
16. Юрлов И.А. Компьютерные программы: история правового регулирования и современное положение среди иных объектов авторского права // Адвокат. 2013. № 11. С. 25-28.
17. Новикова Н.А. Программа для ЭВМ (терминологический аспект) // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 73–75.

References:

1. Grishin D.Yu. Features of copyright protection of computer programs: dis. ... cand. Jurid. Sciences. St. Petersburg., 2002. 238 p.
2. Korneev V.A. Computer programs, databases and topologies of integrated circuits as objects of intellectual rights. M.: Statute, 2010. 236 p.
3. Boltueva M.E. On the issue of the formation of legislation on the protection of computer programs // Bulletin of the Academy of Sciences. 2021. No. 1. pp. 110-116.
4. Ryasentsev V.A., Martemyanov V.S. Legal regulation of relations based on the creation and use of algorithms and programs // Soviet state and law. 1987. No. 8. pp. 22-25.
5. Zenin I.A. Intellectual property law. Moscow: Yurayt., 2011. 576 p.
6. Gavrilov E.P. Intellectual property rights in modern Russia: some theoretical problems // Legal research: new approaches: collection of articles of the Faculty of Law of the Higher School of Economics. Moscow: Higher School of Economics, CONTRACT, 2012. pp. 317-336.
7. Commentary to the Civil Code of the Russian Federation (part four): in 2 volumes (article by article) / S.O. Gshorlenko, V.O. Kalyatin, L.L. Kiriy et al.; ed. by L.A. Trakhtenherz. 2nd ed. M.: INFRA-M, 2016. Vol. 1. 485 p.
8. Nalivko K.V. Features of the construction of the software registration procedure in the register of computer programs // Problems of modern science and education. 2013. No. 2 (16). pp. 59-60.
9. Shevelev I.V., Nikiforova T.S. Who owns the rights to the computer program // Law. 2023. No. 5. pp. 64-73.
10. Belkova E. G. Derivative works of science, literature and art // Academic Law Journal. 2023. No. 2. pp. 193-201.
11. Commentary on the practice of considering economic disputes (judicial arbitration practice) / P. D. Bagryanskaya, O. A. Belyaeva, S. A. Burlakov, etc.; ed. V. M. Zhuykov. M.: IZISP, CONTRACT, 2021. Issue 28. 200 p.
12. Smirnova E.Y. Legal protection of the elements that make up a computer program // Journal of the Court of Intellectual Rights. 2015. No. 7. pp. 50-54.
13. Alekseychuk A.A. Approaches to the qualification of complex software // The law of the digital economy. 2020. No. 16. pp. 346-368.
14. Minnikes I. A., Yagofarova I. D. Imperative restrictions in law // Baikal Research Journal. 2017. Vol. 8, No. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).20.
15. Vinichenko Yu.V. On the ratio of civil and economic turnover // Proceedings of the Irkutsk State Academy of Economics. 2015. Vol. 25. No. 5. pp. 879-887.
16. Yurlov I.A. Computer programs: the history of legal regulation and the current situation among other objects of copyright // Advocate. 2013. No. 11. pp. 25-28.
17. Novikova N.A. Computer program (terminological aspect) // Law and the state: theory and practice. 2019. No. 12 (180). pp. 73-75.

¹ О применении ч. 4 Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апр. 2019 г. № 10 // Российская газета. 2019. 06 мая.

ОСОБЕННОСТИ НАСЛЕДОВАНИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ Features of land inheritance

КОНОПЛЯНИКОВА Татьяна Валерьевна,

кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет».

460018, Россия, Оренбургская обл., г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13.

E-mail: tatoshka.miss@mail.ru;

Konoplyannikova Tatyana Valerevna,

Ph.D. of Pedagogic Sciences, Associate Professor,

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

Faculty of Law FSBEI of HE «Orenburg State University».

13 Pobedy Ave., Orenburg, Orenburg region, 460018, Russia.

E-mail: tatoshka.miss@mail.ru

Краткая аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей наследования земельного участка. Раскрываются особенности наследования земельных участков при рассмотрении актуальных проблем наследования земли в теории и практике. Предметом исследования являются вопросы теоретического и практического порядка наследования земельных участков. Судебная практика по наследованию земельных участков выявила характерные проблемы, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении дел о наследовании земельных участков, а также и наследники, защищая свои интересы в суде.

Abstract. This article is devoted to the study of the features of inheritance of land plots. The features of land inheritance are revealed when considering current problems of land inheritance in theory and practice. The subject of the study is the theoretical and practical order of inheritance of land plots. Judicial practice on inheritance of land plots has revealed the characteristic problems that courts face when considering cases of inheritance of land plots, as well as heirs when defending their interests in court.

Ключевые слова. Наследники, земельный участок, предельные размеры земельных участков, нотариус, долевая собственность, постоянное пользование.

Keywords. Heirs, land plot, maximum size of land plots, notary, shared ownership, permanent use.

Для цитирования: Конопляникова Т.В. Особенности наследования земельных участков // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 264-266. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_264.

For citation: Konoplyannikova T.V. Features of land inheritance // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 264-266. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_264.

Статья поступила в редакцию: 24.06.2024

Конституцией РФ гарантируется право каждого распорядиться своим имуществом на случай смерти и право принять причитающееся по закону или по завещанию наследство [1], способствуя поддержанию семейных ценностей, создавая правовые основы при осуществлении свободы в сфере наследственных прав, стабилизируя гражданский оборот.

Анализ ряда положений ГК РФ позволяет сделать вывод о том, что содержание термина «имущество» не является постоянным, и в его качестве понимаются различные явления (ст. ст. 128 ГК РФ, п. 1 ст. 66 ГК РФ, п. 3 ст. 1112 ГК РФ) [2]. В доктрине гражданского права в отношении понятия имущества также не существует единых подходов, а в его качестве обычно рассматривается совокупность вещей и чужих действий; имущественных прав; прав и обязанностей субъекта; вещей, информации и имущественных прав; имущественных благ.

Состав имущества как объекта гражданских прав определен в ст. 128 ГК РФ. Это вещи, включая наличные деньги и документарные ценные бумаги, иное имущество, в том числе денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, имущественные права, результаты работ, оказание услуг. В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследственного имущества включаются вещи, иное имущество, в том числе имущественные права и обязанности. Как видно, нормы, регулирующие наследственные отношения, определяют состав наследственного имущества, с одной стороны, более лаконично, т.е. без уточнений, относящихся к понятиям «вещи» и «иное имущество», а с другой - расширительно, включая в состав наследства, помимо имущественных прав, и обязанности. Нет никаких сомнений, что при определении состава наследственного имущества должен быть использован перечень, содержащийся в ст. 128 ГК РФ. Что касается «обязанностей» (долгов) наследодателя, то их переход по наследству специально регулируется ст. 1175 ГК РФ [3].

Принадлежавшие наследодателю на праве собственности земельный участок или право пожизненного наследуемого владения земельным участком входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях, установленных ГК РФ. На принятие наследства, в состав которого входит указанное имущество, специальное разрешение не требуется.

При наследовании земельного участка или права пожизненного наследуемого владения земельным участком по наследству переходят также находящиеся в границах этого земельного участка поверхностный (почвенный) слой, водные объекты, находящиеся на нем растения, если иное не установлено законом [4].

Правомочность наследования земли как объекта гражданских прав, а также своеобразие протекания этого процесса обозначены Гражданским и Земельным кодексами, поскольку, во-первых, земля, безусловно, является природным ресурсом, необходимым для реализации насущных потребностей человека и находящимся под защитой государства, а во-вторых, она выступает как объект недвижимости, и, следовательно, правообладатель наделен правомочиями распоряжаться ею любыми законными способами.

Земля попадает в наследственную массу, если она принадлежала умершему гражданину на праве собственности либо же у наследодателя было право пожизненного наследуемого владения поименованным объектом (ст. 1181 ГК РФ). Никаких дополнительных разрешений на унаследование подобного рода не требуется. Наследование происходит, как и в прочих случаях, по закону либо по завещанию. Впрочем, наследниками участка земли, принадлежавшего наследодателю на праве пожизненного наследуемого владения, могут быть только граждане (п. 78 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании»). В связи с тем, что земля по своей объективной характеристике является сложным объектом, наследование одного происходит в комплексе со всеми составляющими элементами: древесно-кустарниковая растительность, почвенный слой, общераспространенные полезные ископаемые (песок, глина и т. п.).

Хотя и наследование земельных участков осуществляется на общих основания, все равно имеет свои особенности. Для земель целевого назначения устанавливается минимальный размер земельного участка, переходящего в собственность по наследованию в порядке общей долевой собственности. В соответствии со ст. 33 ЗК РФ предельные (максимальные и минимальные) размеры земельных участков, переходящим субъектам наследования в собственность из находящихся в государственной и муниципальной собственности земель для ведения крестьянского (фермерского) хозяйства, садоводства, огородничества, животноводства, дачного строительства, устанавливаются законами субъектов РФ, для ведения личного подсобного хозяйства и индивидуального жилищного строительства - законодательными актами органов местного самоуправления

Как отмечает А.Н. Гув, применяя правила п. 1 ст. 33 ЗК РФ, необходимо учитывать следующие обстоятельства:

1) предельные размеры предоставления земельных участков могут устанавливаться:

а) из земель, находящихся только в государственной и муниципальной собственности. Не применяются правила ст. 33 ЗК РФ, когда земельный участок находится в частной собственности граждан и (или) юридических лиц; вытекающие из практики применения.

б) только при предоставлении земельных участков в собственность граждан. Иначе говоря, правилами п. 1 ст. 33 ЗК РФ не следует руководствоваться, если земельный участок предоставляется:

- в собственность организаций;
- в постоянное (бессрочное) пользование граждан и юридических лиц (ст. 20 ЗК РФ);
- в пожизненное наследуемое владение граждан (ст. 21 ЗК РФ);
- в аренду (ст. 22 ЗК РФ);
- в срочное безвозмездное пользование [5].

В случае неделимости земельного участка он переходит на праве наследования тому лицу, которое имеет преимущественное право на его наследование с обязательством возмещения компенсации части размеров долей другим наследникам. В том случае, когда нет преимущественных наследников, земля наследуется наследниками на праве долевой собственности. По нашему мнению, если наследники приняли наследство в виде земельного участка на праве общей долевой собственности и при том, что некоторые из наследников не проявляют желания составить соглашение о разделе наследства и не пользуются данным земельным участком на протяжении длительного срока, но не менее трех лет, тогда, мы полагаем, что наследник, пользующийся землей, вправе не только обратиться в суд за принудительным выделом доли, а также понудить составить соглашение о разделе наследства с компенсацией размеров долей других наследников даже при возможности его раздела.

Несмотря на то, что наследование участка земли осуществляется по общим правилам, выделяются некоторые особенности этой процедуры.

Так, субъектный состав наследования земель сельскохозяйственного назначения законодателем ограничен. Собственниками таких земель не могут выступать: иностранные граждане и юридические лица; лица без гражданства; юридические лица, более 50 % капитала которых принадлежит иностранцам (ст. 3 Федерального закона от 24.07.2002 № 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения») [6]; собственники двух и более участков земли на территории одного субъекта РФ, суммарная площадь каковых превышает максимально допустимую (ч. 2 ст. 4 указанного закона). На поименованных лиц в силу закона возлагается обязанность совершить отчуждение участков, полученных в наследство.

В силу требований земельного законодательства для наследуемых участков из земель, находящихся в собственности государства или муниципалитетов, для ведения личного подсобного, крестьянского (фермерского) хозяйства, садоводства, огородничества, дачного или индивидуального жилищного строительства установлены предельный минимальный и максимальный размеры, соответственно, сделка по передаче в порядке наследования участка вопреки установленным ограничениям ничтожна (ч. 4 ст. 4 Федерального закона от 07.07.2003 № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве» [7], ст. 12 Федерального закона от 11.06.2003 № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» [8], ст. 11.9 ЗК РФ, ст. 38 Градостроительного кодекса РФ [9]. Если участок земли переходит к нескольким наследникам, он подвергается разделу.

Как указывалось, ранее, наследством становится лишь то имущество, которое было собственностью умершего или принадлежало ему на ином (из перечисленных выше) вещном праве. Таким образом, перед тем как получить в наследство неоформленный земельный участок, нужно доказать его принадлежность наследодателю. Искать подтверждающие подобное заявление бумаги бывает крайне сложно. Часто приходится поднимать архивные данные. Если участок был получен до вступления в силу ЗК РФ и соответствующих законов о приватизации, его в первую очередь необходимо включить в личное имущество умершего (п.п. 75, 76 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о наследовании»). Только после этого его можно включить в наследственную массу.

В судебной практике встречаются ситуации, когда при составлении завещания собственник недвижимости распределяет между наследниками дом и другие постройки, но забывает указать в документе земельный участок. Так, например, согласно материалам дела, наследодатель имела в собственности земельный участок площадью 626 кв. метров, на котором были расположены дом и гараж. Еще при жизни женщина составила завещание, согласно которому одной из дочерей полагался гараж и половина дома, а другой дочери и сыну - по четверти доли дома. При этом участок, на котором располагались объекты недвижимости, в завещании упомянут не был. После смерти женщины ее дети обратились к нотариусу для открытия завещания. Но так как земельный участок не был распределен между наследниками, нотариус отказался выдавать свидетельство о наследстве, сославшись на то, что между детьми есть спор о праве на недвижимость.

Наследница, которая получила большую часть наследства и желала наследовать участок в тех же долях (половину земли), подала иск к брату и сестре. Первая судебная инстанция с ней согласилась и, сославшись на нормы земельного законодательства распределила участок в тех же долях, что и дом. Брат и сестра, оставшиеся с меньшими долями в имуществе, оспорили такое решение, но апелляция оставила его без изменений.

Однако, Судебная коллегия по гражданским спорам изучила это дело и отметила, что если завещания нет, то наследование осуществляется по закону. Земля и расположенная на ней недвижимость являются самостоятельными объектами гражданского оборота, поэтому и распоряжаться ими нужно по отдельности.

В таком случае дом и гараж должны распределяться по завещанию (половина дома и гараж - одной сестре, а двум другим детям по четверти дома), а земельный участок уже в равных долях между наследниками, т.е. каждому из детей полагается доля в размере 1/3 участка. Верховный суд отменил все решения предыдущих инстанций и отправил дело на новое рассмотрение.

С учетом изложенного, можно сделать вывод, что система наследования земельных участков должна опираться на конструкцию земли, как главной вещи, поскольку еще исходя из основ римского права, земля считалась главной вещью, а сооружения на ней - принадлежностью, что нашло отражение и в современном праве.

Кроме этого, в современном глобализирующемся мире назрела необходимость наделяния наследника земельного участка преимущественным правом на получение в счет наследственной доли здания (сооружения), находящегося на данном земельном участке и принадлежавшего наследодателю на праве собственности, в ситуациях, когда завещанием не определены конкретные наследники здания (сооружения) и земельного участка.

На наш взгляд, присутствие указанного преимущественного права будет соответствовать реализации принципа единой судьбы права собственности на земельный участок и объекты недвижимости.

В целом, с нашей точки зрения, современное состояние наследования земельных участков в Российской Федерации требует постепенного, концептуального реформирования, которое бы носило именно эволюционный характер.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 года (с учетом поправок, внесенных Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // СЗ РФ. - 2014. - N 31. - Ст. 4398.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ // Российская газета. - N 238-239. - 1994.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N 14-ФЗ // Российская газета. - N 23. - 1996.
4. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ // Российская газета. - N 211-212. - 2001.
5. Комментарий к земельному законодательству Российской Федерации / А. Н. Гув. - Изд. 3-е., перераб. и доп. - Москва : Экзамен, 2007. - 527 с.
6. Федеральный закон от 24.07.2002 N 101-ФЗ «Об обороте земель сельскохозяйственного назначения» // Российская газета. - N 137. - 2002.
7. Федеральный закон «О личном подсобном хозяйстве» от 07.07.2003 N 112-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС Консультант плюс. - Режим доступа : https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/?ysclid=lywu8shvge626024938
8. Федеральный закон от 11.06.2003 N 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве» // Российская газета. - N 115. - 2003.
9. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N 190-ФЗ // Российская газета. - N 290. - 2004.
10. Майорова А.В. Наследование земельных участков // Научный форум: Юриспруденция, история, социология, политология и философия: сб. ст. по материалам XVI междунар. науч.-практ. конф. - № 3(16). - М., Изд. «МЦНО», 2018. - С. 79-85.

References:

1. Constitution of the Russian Federation dated 12/12/1993 (taking into account amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 12/30/2008 No. 6-FKL, dated 12/30/2008 No. 7-FKL, dated 02/05/2014 No. 2-FKL, dated July 21, 2014 No. 11-FKL) // CL RF. - 2014.- N 31. - Art. 4398.
2. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 N 51-FL // Russian newspaper. - N 238-239. - 1994.
3. Civil Code of the Russian Federation (part two) dated January 26, 1996 N 14-FL // Russian newspaper. - N 23. - 1996.
4. Land Code of the Russian Federation dated October 25, 2001 N 136-FL // Rossiyskaya Gazeta. - N 211-212. - 2001.
5. Commentary on the land legislation of the Russian Federation / A. N. Guev. - Ed. 3rd, revised and additional. - Moscow: Exam, 2007. - 527 p.
6. Federal Law of July 24, 2002 N 101-FL «On the turnover of agricultural land» // Russian newspaper. - N 137. - 2002.
7. Federal Law «On Personal Subsidiary Farming» dated July 7, 2003 N 112-FZ [Electronic resource] // LRS Consultant Plus. - Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43127/?ysclid=lywu8shvge626024938
8. Federal Law of June 11, 2003 N 74-FL «On Peasant (Farm) Economy» // Rossiyskaya Gazeta. - N 115. - 2003.
9. Town Planning Code of the Russian Federation dated December 29, 2004 N 190-FL // Rossiyskaya Gazeta. - N 290. - 2004.
10. Mayorova A.V. Inheritance of land // Scientific forum: Jurisprudence, history, sociology, political science and philosophy: collection. Art. based on materials from the XVI International. scientific-practical conf. - No. 3(16). - M., Ed. "MCNO", 2018. - pp. 79-85.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ДОЛЯ В НАСЛЕДСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ Mandatory share in inheritance: problems of legal regulation

КОНОХОВ Максим Васильевич,

ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
кандидат юридических наук.

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

E-mail: konohov76@mail.ru;

Konokhov Maxim Vasilyevich,

Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences,
Candidate of Legal Sciences.

10 Znamenka str., Moscow, 119019.

E-mail: konohov76@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования обязательной доли в наследстве. Право на получение такой доли определенными законом лицами существенным образом ограничивает свободу завещания. По мнению автора, введение в российское законодательство института обязательной доли и его дальнейшее закрепление было связано с тяжелой политической, экономической и социальной обстановкой в стране, однако, в настоящее время данный правовой институт во многом потерял свою актуальность, в связи с чем автором обосновывается целесообразность его упразднения.

Abstract. The article deals with topical issues of legal regulation of the mandatory share in the inheritance. The right to receive such a share by persons determined by law significantly restricts the freedom of probate. According to the author, the introduction of the institution of compulsory share into Russian legislation and its further consolidation was due to the difficult political, economic and social situation in the country, however, at present this legal institution has largely lost its relevance, in connection with which the author justifies the expediency of its abolition.

Ключевые слова: свобода завещания, наследство, обязательная доля в наследстве, обязательные наследники, завещание.

Keywords: freedom of will, inheritance, mandatory share in inheritance, mandatory heirs, will.

Для цитирования: Конохов М.В. Обязательная доля в наследстве: проблемы правового регулирования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 267-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_267.

For citation: Konokhov M.V. Mandatory share in inheritance: problems of legal regulation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 267-270. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_267.

Статья поступила в редакцию: 26.08.2024

Конституция Российской Федерации гарантирует право наследования (п. 4 ст. 35) [1]. В соответствии со ст. 1111 ГК РФ наследование осуществляется по завещанию, по наследственному договору и по закону. При этом, наследование по завещанию, как личному выражению последней воли гражданина, является приоритетным по сравнению с другими основаниями наследования.

Наследование имеет значение не только для лиц, которые могут быть призваны к наследованию, но и для государства, так как устанавливая определенный порядок и основания наследования, государство имеет возможность в определенной степени влиять на распределение наследственного имущества, в том числе посредством введения норм, ограничивающих свободу наследодателя на определение состава наследников.

По общему правилу, гражданину предоставлены достаточно широкие возможности относительно распоряжения принадлежащим ему имуществом. В соответствии со ст. 1119 ГК РФ гражданин вправе по своему усмотрению завещать имущество любым лицам, любым образом определить доли наследников в наследстве, лишить наследства одного, нескольких или всех наследников по закону, не указывая причин такого лишения, а также включить в завещание иные распоряжения. Завещатель вправе в любое время отменить или изменить завещание, и он не обязан сообщать кому-либо о содержании, совершении, об изменении или отмене завещания [2].

Однако согласно абз. 2 п. 1 ст. 1119 ГК РФ свобода завещания ограничивается правилами об *обязательной доле в наследстве* (ст. 1149 ГК РФ). Ограничение свободы завещание состоит в том, что независимо от содержания завещания часть имущества умершего получают и те лица, которые названы в законе *необходимыми наследниками*. Если эти лица не упомянуты в завещании, то вопреки воле завещателя, они призываются к наследованию и наследуют не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону (обязательная доля).

По общему правилу, удовлетворение права на обязательную долю в наследстве удовлетворяется из оставшейся незавещанной части наследственного имущества (даже, если это приведет к уменьшению прав других наследников по закону на эту часть имущества), а если незавещанной части имущества недостаточно – из той части имущества, которая завещана.

В соответствии с п. 3 и п. 4 ст. 1149 ГК РФ, в обязательную долю засчитывается все, что наследник, имеющий право на такую долю, получает из наследства по какому-либо основанию, в том числе стоимость установленного в пользу такого наследника завещательного отказа; но, если осуществление права на обязательную долю в наследстве повлечет за собой невозможность передать наследнику по завещанию имущество, которым наследник, имеющий право на обязательную долю, при жизни наследодателя не пользовался, а наследник по завещанию пользовался

для проживания (жилой дом, квартира, иное жилое помещение и т.п.) или использовал в качестве основного источника получения средств к существованию (орудия труда, творческая мастерская и т.п.), суд может с учетом имущественного положения наследников, имеющих право на обязательную долю, уменьшить размер обязательной доли или отказать в ее присуждении.

Например, в 2013 году Воробьев составил завещание, в котором завещал все принадлежащее ему имущество своей жене. В 2016 году Воробьев скончался. Наследство включало в себя квартиру в г. Москве, два земельных участка с жилым домом, один из которых был куплен в период брака Воробьевых. С заявлением о принятии наследства к нотариусу обратились Воробьева и дочь Воробьева от другого брака Харитоновна, которая претендовала на обязательную долю в наследстве. Воробьева обратилась в суд с иском к Харитоновне об уменьшении ее обязательной доли в наследстве на дом и земельный участок до 1/8 доли, а на другой земельный участок – до 1/16 доли. Также она просила отказать в присуждении обязательной доли на квартиру, в связи с наличием у Харитоновны в собственности иной недвижимости (включая двухэтажный дом, который значительно превышал площадь спорной квартиры). Воробьева также ссылалась на то, что она получает пенсию по старости и является инвалидом второй группы, и на то, что Харитоновна не имеет существенного интереса в использовании спорного имущества в силу своего намерения продать свои доли третьим лицам.

Суды первой и апелляционной инстанций отказали в удовлетворении требований Воробьевой, в том числе на основании того, что Харитоновна также является нетрудоспособной, в связи с чем ее обязательная доля не может быть уменьшена. Однако, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ с данными судебными решениями не согласилась, указав, что в рассматриваемом деле одним из юридически значимых и подлежащих установлению обстоятельств являлось выяснение судом вопроса о том, приведет ли реализация наследником по закону своих прав в отношении наследственного имущества к невозможности использовать наследником по завещанию имущества, которое он ранее при жизни наследодателя использовал для проживания. То обстоятельство, что лицо, претендующее на обязательную долю, является нетрудоспособным, не может служить безусловным основанием для отказа в иске наследнику, претендующему на уменьшение обязательной доли другого наследника [3].

На практике вопрос о правильном определении размера обязательной доли достаточно сложен. Например, как правило, не учитываются предметы домашнего обихода и другого движимого имущества, не указанного в завещании, так как для получения свидетельства о праве на наследство на него необходимо составление описи и проведение оценки, что делается редко. Кроме того, процесс составления описи может быть осложнен отсутствием документов, свидетельствующих о принадлежности движимого имущества на праве собственности наследодателю. Однако правильное (и справедливое) определение размера обязательной доли возможно только с учетом того имущества, которое осталось незавещанным и перешло к наследникам в порядке наследования по закону.

Обязательными наследниками являются несовершеннолетние или нетрудоспособные дети наследодателя, его нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, подлежащие призванию к наследованию на основании п.1. и п. 2 ст. 1148 ГК РФ. Иными словами, обязательными наследниками являются несовершеннолетние и нетрудоспособные лица, которые, по мнению законодателя, нуждаются в особой защите (материальном обеспечении) и в силу этого не могут быть отстранены от наследования.

Круг лиц, имеющих право на обязательную долю, менялся со временем, как и размер этой доли. При этом, до революции 1917 года право на обязательную долю законодательством предусмотрено не было.

Как указывает И.А. Покровский, «что касается нашего русского права, то оно института необходимо наследования не знает, удовлетворяясь историческим запрещением завещать родовые имущества. Конечно, это запрещение является до некоторой степени гарантией для нисходящих, но оно, с одной стороны, уже отжило свой век, а, с другой стороны, далеко не в состоянии заменить институт обязательной доли. Оно отжило свой век потому, что слишком и без нужды стесняет свободу завещательного распоряжения: завещание родового имущества посторонним лицам не допускается даже тогда, когда указанных близких лиц нет вовсе (позволяется выбирать наследника лишь из родственников того же рода). С другой стороны, близкие лица не имеют никаких гарантий тогда, когда у наследодателя есть только имущество приобретенное. Ввиду всего этого совершенно правильно проект Гражданского уложения Российской империи, отменяя запрещение завещать родовые имущества, предполагал заменить его установлением института обязательной доли; но пока что и эта благая мысль остается только проектом. Взамен этого закон 3 июня 1912 г. уменьшил даже прежнюю гарантию для нисходящих, разрешив собственнику родового имущества распорядиться им по завещанию, не стесняясь законными долями своих детей, вследствие чего стало возможным лишение всех детей наследства даже в родовом имуществе в пользу одного-единственного из них» [4].

В первые годы после революции 1917 года законодательство, в том числе ГК РСФСР 1922 года, норм об обязательной доле в наследстве не содержало. Институт обязательной доли был введен лишь в 1928 году в интересах несовершеннолетних наследников по закону.

28 мая 1928 года Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О дополнении статьи 422 Гражданского кодекса РСФСР» в ГК РСФСР была введена норма о наследовании несовершеннолетними наследниками не менее 3/4 причитающейся им по закону доли, независимо от содержания завещания [5].

После Великой Отечественной войны Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 года «О наследниках по закону и по завещанию» был расширен круг лиц, которые могут быть наследниками по закону. К таким лицам были отнесены дети (в том числе усыновленные), супруг и нетрудоспособные родители умершего, а также другие нетрудоспособные, состоявшие на иждивении умершего не менее одного года до его смерти. Также было установлено, что наследственная доля детей наследодателя, умерших до открытия наследства, переходит к его детям (внукам наследодателя), а в случае смерти последних – к их детям (правнукам наследодателя). В случае отсутствия указанных наследни-

ков или непринятия ими наследства наследниками по закону являются трудоспособные родители, а при их отсутствии – братья и сестры умершего. При отсутствии всех указанных лиц, имущество могло быть завещано любому лицу. В отношении наследования по завещанию Указом было установлено, что каждый гражданин может по завещанию оставить все свое имущество или часть его одному или нескольким лицам из числа наследников по закону, а также государственным органам и общественным организациям.

Однако, согласно абз. 2 п. 2 Указа, *завещатель не мог лишить своих несовершеннолетних детей и других нетрудоспособных наследников доли, которая причиталась бы им при наследовании по закону* [6].

ГК РФ 1964 года расширил круг лиц, которые имели право на обязательную долю, однако размер обязательной доли был снижен до 2/3 доли, которая причиталась бы каждому обязательному наследнику. Кроме того, было установлено, что при определении размера обязательной доли учитывается и стоимость наследственного имущества, состоящего из предметов обычной домашней обстановки и обихода [7].

В ГК РФ установлен такой же, как в ГК РСФСР 1964 года, круг лиц, имеющих право на обязательную долю, но ее размер снижен уже до 1/2 доли, которая причиталась бы каждому такому лицу, если бы завещания не было (ст. 1149).

Таким образом, несмотря на то что с 1928 года и вплоть до конца 90-х годов прошлого века менялся и круг обязательных наследников и размер, причитающейся им обязательной доли в имуществе, неизменным оставался безусловный характер этого права, принципиальная невозможность его ограничения.

Ситуация начала меняться после того, как 9 декабря 1999 года Конституционным Судом Российской Федерации было вынесено Определение № 209-О, в котором было указано, что положения ст. 535, действовавшего на тот момент в части, не противоречащей ГК РФ, ГК РСФСР 1964 года о праве нетрудоспособного супруга умершего на обязательную долю в наследстве не исключает права других наследников обращаться в суд с иском о проверке оснований для признания права этого лица на обязательную долю в наследстве и для изменения ее размера с учетом фактических обстоятельств конкретного дела (наличия у лица, имеющего право на обязательную долю в наследстве, собственного имущества, достаточного для проживания, и др.), исходя из принципа социальной справедливости и требования строго соразмерного конституционно признаваемым целям ограничения гарантированного гражданам права наследования» [8].

Тем самым Конституционный Суд РФ указал на то, что установление ограничений в отношении наследования (свободы завещания) допустимо только в той мере и в тех случаях, в каких это является действительно необходимым для достижения указанной цели, а формальное применение положений об обязательной доле при отсутствии достаточных оснований и без учета фактических обстоятельств конкретного дела может не соответствовать целям установления таких положений и выходить за пределы допускаемых Конституцией Российской Федерации ограничений, гарантированных гражданам Российской Федерации прав.

Как справедливо отмечает С.Р. Набиев, «с учетом обеспечительной функции, которую призвана выполнять обязательная доля в наследстве, и на основе анализа положений наследственного права ряда зарубежных стран (в частности, Германии, Англии, ряда штатов США) ...» целесообразен переход «от понимания права на обязательную долю как права на получение части наследуемого имущества к его ограничению только правом на получение за счет такого имущества содержания, гарантирующего интересы нуждающихся в нем лиц. Такое содержание может обеспечиваться путем возложения на наследников, к которым наследуемое имущество перешло в соответствии с завещанием, обязанности по осуществлению определенных судом единовременных или периодических выплат, в том числе в некоторых случаях до истечения определенного срока или наступления обстоятельств, исключающих дальнейшую необходимость в предоставлении такого содержания (достижение совершеннолетия, восстановление трудоспособности, получение иного имущества и т.д.)» [9].

По мнению С.Р. Набиева, следует «отказаться от использования таких категорий, как «необходимые наследники» и «наследники, имеющие право на получение обязательной доли», рассматривая лиц, имеющих право на получение обязательной доли, не в качестве наследников, а в качестве лиц, которые вправе требовать только выплаты содержания за счет части наследуемого имущества, что в наибольшей степени соответствует характеру складывающихся отношений», также необходимо «исключить из числа лиц, имеющих право на обязательную долю в наследстве тех иждивенцев, которых наследодатель не обязан был содержать в соответствии с положениями Семейного кодекса Российской Федерации» [9].

В настоящее время применение правил об обязательной доле уже утратило свою актуальность, так как данное правило вводилось, а затем получило закрепление и дальнейшее развитие, в условиях, когда обстановка в стране, как политическая и экономическая, так и социальная и т.п., была крайне напряженной и, по сути, трагичной не только для отдельных лиц, но и общества в целом. Государство ни в первые и последующие годы советской власти, ни в период Великой Отечественной войны и после ее завершения, не имело достаточных финансовых, правовых и иных средств, для того, чтобы обеспечить нормальные условия жизни определенной части граждан, в том числе несовершеннолетних, нетрудоспособных в силу возраста или состояния здоровья.

В настоящее время ситуация иная. Граждане имеют возможность заниматься предпринимательской деятельностью или извлекать прибыль от использования, принадлежащего им имущества, иметь в собственности любое движимое и недвижимое имущество (за исключением отдельных видов имущества, которое в силу закона не может принадлежать гражданам). При этом количество и стоимость указанного имущества действующим законодательством Российской Федерации не ограничивается.

По сути, обязательные наследники, как правило, вовсе не нуждаются в получении наследства, но, тем не менее, получают его, если по формальным признакам отвечают критериям обязательного наследника.

Кроме того, возможны ситуации, когда применение положений об обязательной доле может привести к крайне негативным последствиям. Например, когда речь идет о завещании, содержащем условие о создании наследственного фонда, который является определенным способом управления наследственной массой, в первую очередь, бизнесом и другими активами, принадлежавшими наследодателю при жизни, но которыми наследники, по мнению наследодателя, управлять не смогут или не захотят, и тем самым, созданный им бизнес (или иное дело) прекратит свое существование.

Несмотря на то, что ст. 1149 ГК РФ была дополнена пунктом 5, содержащем нормы о том, что наследник, имеющий право на обязательную долю и являющийся выгодоприобретателем наследственного фонда, имеет право выбора: или отказаться от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда, или отказаться от обязательной доли; окончательно проблема так и не решена. Ведь, как установлено в п. 5 ст. 1149 ГК РФ, наследник, имеющий право на обязательную долю и являющийся выгодоприобретателем наследственного фонда, утрачивает право на обязательную долю, но, если он заявит об отказе от всех прав выгодоприобретателя наследственного фонда, то он имеет право на обязательную долю в соответствии со ст. 1149 ГК РФ. А ведь смысл создания наследственного фонда, как раз и состоит в том, чтобы все имущество, указанное наследодателем, перешло к фонду в полном объеме, без выдела из него какой-либо доли.

Как видим, назрела необходимость упразднить институт обязательной доли. Такое изменение действующего законодательства позволит в полной мере соблюсти волю наследодателя, а также защитить права и законные интересы наследников по завещанию.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года) // Российская газета от 25 декабря 1993 г. № 237 (первоначальный текст).
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
3. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 5 ноября 2019 г. № 5-КГ19-181 // URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05112019-n-5-kg19-181/ (дата обращения 26.08.2024).
4. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: Статут, 2001. – 353 с. (Классика российской цивилистики). ISBN 5-8354-0073-X (в пер.) // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_36.html (дата обращения 26.08.2024).
5. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28.05.1928 года «О дополнении статьи 422 Гражданского кодекса СФСР» // СУ РСФСР. 1928. № 65. Ст. 468.
6. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 марта 1945 года «О наследниках по закону и по завещанию» // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D0%> (дата обращения 26.08.2024).
7. Гражданский кодекс РСФСР от 11.06.1964 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР от 18 июня 1964 г., N 24, ст. 406.
8. Определение Конституционного Суда РФ от 9 декабря 1999 года № 209-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Куркиной Елены Анатольевны на нарушение ее конституционных прав статьей 535 ГК РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 2. С. 41.
9. *Набиев С.Р.* Положения об обязательной доле в наследстве и особенности их применения при наследовании авторских прав: дис. ... канд. юрид. наук. 2007 // URL: <https://www.dissercat.com/content/polozeniya-ob-obязatelnoi-dole-v-nasledstve-i-osobennosti-ikh-primeneniya-pri-nasledovanii> (дата обращения 26.08.2024).

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020) // Rossiyskaya Gazeta of December 25, 1993 No. 237 (original text).
2. The Civil Code of the Russian Federation (part three) dated November 26, 2001 No. 146-FZ // SZ RF. 2001. No. 49. St. 4552.
3. Definition of the Judicial Board for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 5, 2019 No. 5-KG 19-181 // URL: legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-grazhdanskim-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05112019-n-5-kg19-181/ (accessed 08/26/2024).
4. *Pokrovsky, A.* The main problems of civil law. Ed. 3rd, stereotype. M.: Statute, 2001. – 353 p. (Classics of Russian civil law). ISBN 5-8354-0073-X (in Russian) // URL: https://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_36.html (accessed 08/26/2024).
5. Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR dated 05/28/1928 "On supplementing Article 422 of the Civil Code of the SFSR" // SU RSFSR. 1928. No 65. Article 468.
6. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated March 14, 1945 "On the investigation of the case and the application" // URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A3%D0%> (date of application 08/26/2024).
7. The Civil Code of the RSFSR of 11.06.1964 // Vedomosti of the Supreme Council of the RSFSR of June 18, 1964, No. 24, Article 406.
8. Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation of December 9, 1999 No. 209-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kurkina Elena Anatolyevna for violation of her constitutional rights by Article 535 CC RSFSR" // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2000. No. 2. P. 41.
9. *Nabiev S.R.* Provisions on the mandatory share in the inheritance and the specifics of their application in the inheritance of copyrights: dis. ...cand. Jurid. science city. 2007 // URL: <https://www.dissercat.com/content/polozeniya-ob-obязatelnoi-dole-v-nasledstve-i-osobennosti-ikh-primeneniya-pri-nasledovanii> (accessed 08/26/2024).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НЕКОТОРЫХ ВИДОВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В АРКТИКЕ Peculiarities of legal regulation of certain types of economic activities in the Arctic

БАТТАХОВ Петр Петрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: battakhov@mail.ru;

Battakhov Petr Petrovich,

candidate of of jurisprudence, senior researcher of Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia.

E-mail: battakhov@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются особенности правового регулирования некоторых видов хозяйственной деятельности на территории Арктики. Исследованы природные полезные ископаемые как ключевой ресурс хозяйственной деятельности, стратегический транспортный путь (Северный морской путь), объединяющий экономических партнеров России для реализации и решения предпринимательских аспектов, а также активно развивающееся в последние годы туристическое направление. Выделены в работе стратегические указы Президента России, постановление Правительства и федеральные законы. Сделан вывод о том, что с учетом сложности социально-экономических, политических, экологических аспектов воздействия на развитие Арктики требуется принятие полноценной правовой базы, которая сформирует фундамент для стабильного и динамичного развития территорий на основе инновационных принципов развития.

Abstract: The article discusses the specifics of legal regulation of certain types of economic activities in the Arctic. Natural minerals have been studied as a key resource of economic activity, a strategic transport route (Northern Sea Route), uniting Russia's economic partners to implement and solve entrepreneurial aspects, as well as a tourist destination that has been actively developing in recent years. Strategic decrees of the President of Russia, a government decree and federal laws are highlighted in the work. It was concluded that, taking into account the complexity of the socio-economic, political, environmental aspects of the impact on the development of the Arctic, the adoption of a full-fledged legal framework is required, which will form the foundation for the stable and dynamic development of territories based on innovative development principles.

Ключевые слова: Арктика, природные ресурсы, Северный морской путь, территория, туризм, законы, инновация.

Keywords: Arctic, natural resources, Northern Sea Route, territory, tourism, laws, innovation.

Для цитирования: Баттахов П.П. Особенности правового регулирования некоторых видов экономической деятельности в Арктике // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_271.

For citation: Battakhov P.P. Peculiarities of legal regulation of certain types of economic activities in the Arctic // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 271-274. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_271.

Статья поступила в редакцию: 25.07.2024

Арктика обладает огромной площадью и заслуженно считается одним из главных природных достояний нашей страны. Необходимо признать, что на этом материке в наибольшей степени проявляются изменения климата на планете. Особенности местного климата не позволяют поддерживать высокую скорость протекания природных процессов, в результате чего климатические трансформации в Арктике становятся заметны. Регион хранит в себе огромные запасы углеводородов и других полезных ископаемых, обладает уникальным биологическим миром, а обширные территории позволяют реализовывать различные инфраструктурные проекты. При низкой доле освоения Арктика обладает огромными перспективами по ее включению в экономический контур России и способна обеспечить страну необходимыми ресурсами как для внутреннего потребления, так и для экспорта. Несмотря на небольшую плотность населения в регионе, в Арктике проживает несколько десятков самобытных малых народов, ведущих жизнедеятельность в суровых условиях на опыте предков.

В XXI веке развитие Арктики стало одной из наиболее востребованных направлений в политических кругах и обществе. По степени интереса современный период можно сравнить с тридцатыми годами прошлого столетия, когда шло первое промышленное освоение арктического региона. Одной из причин нового витка интереса является «глобальное потепление». Арктика – наиболее чувствительный регион на планете к подобным изменениям, но в научном сообществе до сегодняшнего дня нет четкого представления возможных последствий изменения климата и глубины потенциальных изменений. Некоторые представители научного сообщества считают, что изменение климата позволит уже к 2050 году проложить транспортные маршруты - Северный морской путь (далее – СМП) – через Северный Полюс. В любом случае с потеплением возрастает доступность северных морей, но их особый правовой статус устанавливает существенные ограничения как на хозяйствование в их акваториях, так и на организацию международного судоходства[1].

Важнейшей установкой на пути регионального развития выступает обеспеченность Арктической зоны огромными запасами различных полезных ископаемых ресурсов. Не удивительно, что интерес к реализации арктических проектов проявляют крупнейшие мировые корпорации и правительства ряда государств мира. Значительная часть разведанных месторождений сырьевых ресурсов на планете сегодня находится в высокой стадии разработки и близится к исчерпанию. Арктика обладает третью газовых мировых запасов и пятой частью разведанных ресурсов газового конденсата (более 48 триллионов «кубов» и 6,5 миллиардов тонн). Доля нефтяных запасов несколько меньше, но составляет внушительные 13%. Наиболее богатым является арктический шельф, обеспечивающий возможности для добычи ресурсов в промышленных масштабах[2].

В настоящее время арктические запасы природных ресурсов являются фундаментом безопасности страны в экономике. Это особенно актуально в современных условиях, в то время как западные страны стремятся снизить экономический потенциал страны посредством антироссийских санкций. Однако наличие таких природных богатств не является причиной для сохранения сырьевой направленности экономики. Ресурсная обеспеченность является мощной базой для развития собственных производств и отсутствия зависимости от импортных поставок и должна рассматриваться

в качестве одного из существенных конкурентных преимуществ страны на международной арене.

Необходимо отметить, что с учетом богатства недр Арктики углеводородами, редкоземельными металлами и другими ценными ресурсами, регион способен стать фундаментом национальной экономики, обеспечить поступление значительных средств, необходимых для качественного преобразования отечественной экономики. Будучи полноценным политическим субъектом, Арктика выступает частью территории России, на которую в полном объеме распространяется суверенитет, права и свободы граждан. Масштабная экономическая деятельность в регионе ведет к тому, что 25% мирового газа и 10% нефти добывается именно в Арктике. Несмотря на большие объемы разведанных в регионе запасов углеводородов, значительное количество природных ресурсов в Арктике на сегодняшний день не найдено.

СМП - основной транспортный маршрут в Арктике, обеспечивающий кратчайший путь между европейской частью страны и Дальним Востоком. Его развитие невозможно без наличия современного флота, отвечающего суровым требованиям северных морей. В соответствии с нормами 132-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути¹» Северный морской путь охватывает все пространство, ограниченное мысами Желания и Дежнева. Границы СМП начинаются от Новой Земли на западе и до разграничительной линии Берингового пролива, выступающей границей с США. Этот транспортный маршрут представляет большую ценность для страны при обеспечении «Северного завоза» и вывоза добываемых в Арктике сырьевых ресурсов, играет существенную роль в построении системы международной транзитной логистики [3]. Благодаря возможности транзита китайских товаров на европейские рынки по данному маршруту, его периодически называют «Ледовым Шелковым путем» [4]. Например, протяженность маршрута между российскими портами Балтийского моря и Приморья на 60% или 9 тысяч километров меньше, чем путь через Индийский океан. Выбор такого морского пути позволяет существенно сократить сроки доставки и показатели себестоимости, что делает продукцию более конкурентоспособной на рынке [5].

Развитие транспортного коридора позволит повысить уровень экономической безопасности страны и одновременно укрепить свои позиции в качестве важного транзитера для иностранных товаров. Транспортная стратегия России отводит существенное место Северному пути, полноценное использование которого в качестве транспортного коридора для экспортных, транзитных и каботажных грузов станет возможно только после формирования инфраструктуры соответствующего уровня. Требуется построить современные порты, выстроить систему навигации и безопасности движения, что, в свою очередь, требует существенных капитальных вложений, затрат времени и человеческих ресурсов. В сравнении с другими регионами страны наличие сурового климата и удаленность усложняет, удорожает выполнение любых работ в Арктике. Создаваемая при этом инфраструктура должна обладать полноценным логистическим сопровождением с использованием самых современных технологических решений.

В Минприроды России прогнозируют динамичное развитие арктического региона, темпы которого определяются параллельным развитием добывающей промышленности. По оценкам специалистов, до 2030 года показатели грузооборота превысят 40 миллионов тонн, а при условии реализации планов добывающих компаний данный показатель может вырасти потенциально до 72 миллионов тонн. Поток сырьевых грузов должен быть обеспечен исключительно морским транспортом, для осуществления экспортной деятельности и поставок на внутренний рынок для последующей переработки [6].

В условиях огромного значения Северного пути для регионального развития требуется закрепление за ним соответствующего правового статуса, обеспечивающего одновременно возможность максимально полного использования его в экономических интересах страны и привлечения иностранных инвесторов. Нельзя забывать, что СМП является основным инструментом обеспечения «северного завоза», без которого остановится жизнь на значительных удаленных территориях, не имеющих других видов транспортных связей со страной. Развитие региона и Северного пути является смежной задачей, при этом с начала 90-х годов Арктика столкнулась с серьезным социально-экономическим кризисом, сокращались объемы производства, активно выезжало население, в результате чего часть поселков прекратила свое существование. Сегодня необходимо восстанавливать утраченную инфраструктуру в условиях холодного климата, значительной удаленности, что негативно сказывается на темпах выполнения работ и их стоимости.

Правительство страны активно развивает Российскую Арктическую зону, что предполагает разработку целого ряда шагов по развитию туристического направления. Дополнительно государством оказывается всесторонняя поддержка туристическому бизнесу Российской Арктической зоны путем предоставления налоговых льгот, прямых инвестиций, а также поэтапного развития местной инфраструктуры.

Туристическое направление помогает максимально использовать природные особенности страны, а также глубже раскрыть ее богатую культуру и историческое наследие. Ознакомление с таким достоянием расширяет культурную компетентность, исторический кругозор, туризм оздоравливает человека, а также составляет один из основополагающих компонентов развития экономики всех регионов России. Грамотное развитие туристического направления станет действенным инструментом пополнения регионального и местного бюджетов, а также создаст множество новых рабочих мест в регионах. Помимо этого, туристическая сфера – это прекрасный способ демонстрации имеющегося исторического и культурного потенциала, что, вне всяких сомнений, повышает привлекательность, причем как каждого региона, так и всего нашего государства в целом. Целенаправленная работа по развитию всех форм туризма будет способствовать экономическому росту и ускоренному региональному развитию всех субъектов страны. Что позволит значительно усовершенствовать соответствующую инфраструктуру, работу транспорта, социальную сферу и успешнее решать множество других региональных вопросов [7].

Так, с начала 2021 года российскими властями принято решение более активно внедрять в Российской Арктической зоне успешный опыт,

¹ Федеральный закон от 28.07.2012 N 132-ФЗ "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части государственного регулирования торгового мореплавания в акватории Северного морского пути" // Российская газета, N 172, 30.07.2012.

полученный на Дальнем Востоке при реализации «дальневосточного гектара» (правительственная инициатива, предполагающая предоставление людям земельных наделов, которыми они могут пользоваться, а со временем данные наделы земли могут стать их собственностью). Практика реализации данной государственной инициативы показывает, что на некоторых земельных участках Дальневосточного региона предприниматели размещают туристские базы и кемпинги, что является достаточно выгодной инвестицией. Уникальный климат и географическое расположение арктического региона привлекает тысячи туристов. Многие отождествляют данные территории со словом «пустота», потому что необъятные пространства Арктики практически лишены растительности и покрыты ледниками, щебнем и обломками камней. Ледяной и снежный покровы держатся почти весь год, а на многие сотни километров нет ни одной живой души. Такую необычную «пустоту» и полюбили туристы, нуждающиеся в особом спокойствии. Многие путешественники стремятся побывать на Северном полюсе, хотя ни специфика данной местности, ни ее природные особенности не отличают данную географическую локацию, называемую Северным полюсом от других мест, расположенных поблизости. Ледокольный круиз к Северному полюсу является самым дорогим направлением туризма в Российской Арктике, однако спрос на такие круизы неуклонно растет. Российскими туристскими операторами организуется множество морских круизов, охота, рыбалка, разрабатываются новые пешие, а также лыжные маршруты [8].

Необходимо отметить, что Арктическая зона привлекает своим географическим расположением, а также уникальными природными и климатическими условиями. Низкая температура, долгие зимы и другие природные особенности данного региона нередко создают несколько отличающиеся от повседневной жизни современного путешественника условия. Многие культуры расценивают Арктику, как холод и тьму, что хорошо описывается многими сказаниями и легендами[9]. Поэтому туристы проявляют интерес именно к Арктическому региону.

Из большого многообразия туристических направлений нашей страны наиболее развитыми считают: Мурманскую, Архангельскую области (путешественников обслуживает ряд аэропортов международного класса, работает несколько морских портов) и Карелию. Сюда устремляется преимущественная часть туристов, благодаря тому что эти регионы относятся к европейской части нашей страны и обладают прекрасной инфраструктурой.

Рекреационно-туристический потенциал, которым располагает восточный регион РФ, в настоящее время недостаточно раскрыт, что по вполне понятным причинам сдерживает более активное развитие туристической сферы в Арктике. В восточный макрорегион пребывает порядка 400 тысяч туристов в год. Учитывая плотность распределения туристических потоков, второй лидер – Архангельская область. Данная территория принимает свыше 200 тысяч гостей каждый год. Далее идет Карелия (170 тыс. туристов ежегодно), а также полуостров Ямал (сюда прибывает 180 тысяч путешественников каждый год). Гораздо меньше туристов стремится посетить Якутию – примерно 5 тысяч туристов в год. Вместе с тем районы Крайнего Севера считаются наиболее перспективным направлением для экстремального туризма. К примеру, туристы облюбовали локацию, именуемую «полюсом холода» (Оймяконский улус в Якутии). Туристы интересуются «полярной ночью» (на данной территории царит совершенная тьма), «полярным днем» (несколько месяцев солнце не садится за горизонт), а также «полярным сиянием» продолжительностью от 25-55 минут – до 56 часов [9].

Отдельного внимания заслуживает сравнительно новое туристическое направление, называемое «гастрономическим туризмом». Данная инициатива является частью федерального проекта, именуемого «Гастрономической картой России». Местная кухня – во многом формирует туристский бренд. Кроме того, особенностью арктической кухни является акцент не только на вкусовые, но и полезные свойства дикоросов, а также иных продуктов, которыми богаты арктические субъекты России[9]. В настоящее время Арктика – это особенный регион Российской Федерации. По этой причине вся система юридических отношений должна регламентироваться правовыми нормами РФ. Для развития Арктического региона государство разрабатывает множество стратегических программ, включая поддержку наиболее перспективных инновационных проектов.

Данное исследование основывается на нескольких нормативно-правовых документах:

1.Указ Президента России «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года», суть которого созвучна с исследуемой тематикой, а именно все направления государственной политики нашей страны в Арктическом регионе нацелены на:

- а) улучшение уровня жизни местного населения данного региона, включая граждан, которые принадлежат к категории «малочисленные народы»;
- б) интенсификацию развития экономики на территориях Российской Арктики, что должно увеличить их вклад в экономическое развитие государства;
- в) улучшение экологической обстановки в Арктической зоне;
- г) взаимовыгодное сотрудничество, а также решение любого спора в Арктическом регионе в соответствии с нормами, предписанными международным правом;
- д) гарантирование прав и законных интересов страны в данном регионе, включая вопросы экономического характера.

Поэтому социальное развитие Арктического региона России базируется на:

- а) ускоренной реализации инфраструктурных проектов в каждом населенном пункте, где располагаются организации, обеспечивающие национальную безопасность либо занимающиеся добычей сырья, и прочие;
- б) формирование комплекса мероприятий государственной поддержки по доставке в каждый населенный пункт отдаленных местностей горюче-смазочных материалов, продуктов питания, а также иной товарной продукции по доступным ценам, которую могут приобрести граждане и хозяйствующие субъекты;
- в) круглогодичную перевозку жителей магистральными, межрегиональными, а также местными (региональными) авиарейсами по доступной цене¹.

---

¹ Указ Президента РФ от 05.03.2020 N 164 (ред. от 21.02.2023) «Об Основах государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2035 года» // Собрание законодательства РФ, 09.03.2020, N 10, ст. 1317.

2. Постановление Правительства РФ «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации», что является одной из комплексных государственных программ, ориентированных на улучшение такого показателя, как инвестиционная привлекательность, а также на использование всех возможностей, предусмотренных внебюджетным инвестированием в Российскую Арктическую зону¹.

3. Указ Президента РФ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечении национальной безопасности на период до 2035 г.», где разъясняется преимущественная часть ключевых вопросов по развитию народно-хозяйственного комплекса Арктики, что должно обеспечиваться:

а) внедрением в Арктическом регионе комплекса мер, способствующих: ускоренной модернизации местной экономики согласно концепции возобновляемого производства, стимулированием частного инвестирования, для обеспечения геологоразведки, технического перевооружения существующей в рассматриваемом регионе промышленности, развитию инноваций, созданию и нефтегазовых провинций и производственных мощностей, выполняющих глубокую переработку нефти, других ископаемых, производящих сжиженный природный газ и так далее.

б) обеспечением каждого потенциального инвестора всеми возможностями государственной поддержки, если инвестор обеспечивает капитальные вложения в транспортную, энергетическую, информационно-телекоммуникационную, а также в инженерную инфраструктуру, речь также идет об инфраструктурных проектах по водо- и газоснабжению, что сформирует определенный базис для нового инвестирования, которое определено или отобрано в соответствии с порядком, установленным федеральными законами и множеством других нормативных актов.

в) реализацией программ поддержки государством традиционных сфер хозяйствования коренного населения Российского Арктического региона;

г) упрощением процедуры выделения гражданам наделов земли в данной местности;

д) созданием и претворением в жизнь комплексной программы по геологическому изучению Арктики;

е) подготовкой документов по очерчиванию границ континентального шельфа;

к) более активным использованием отечественных промышленных товаров в ходе внедрения каждого нового экономического проекта;

о) государственной поддержкой строительства в России круизных лайнеров, соответствующих арктическому ледовому классу, что позволит и дальше развивать туристскую инфраструктуру².

4. Федеральный закон «О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации», созданный с целью: 1) дальнейшего совершенствования народно-хозяйственного комплекса в Российской Арктике; 2) стимулирования предпринимателей и поэтапное формирование благоприятного инвестиционного климата в Российской Арктике; 3) грамотного создания экономического базиса, гарантирующего решение насущных социальных вопросов, который улучшит качество жизни в Российской Арктической зоне³.

Таким образом, важные экономические направления зависят от многих комплексных экономических, политических, экологических, социальных факторов. Для правового регулирования общественных отношений в будущем необходимо принимать соответствующую нормативно-правовую базу. Российская Арктика играет большую роль в развитии экономики стран мира.

Библиография:

1. Мартынов В. Л. Границы Арктики и границы в Арктике / В. Л. Мартынов, В. Ю. Кузин // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. – 2018. – № 2(16). – С. 4-17.
2. Кадочников А. Н. Международный правовой статус Арктики: к вопросу о защите права Российской Федерации на Арктику / А. Н. Кадочников, Я. Д. Моргуненко-Крамар // Проблемы защиты прав: история и современность: XV Международная научно-практическая конференция, Санкт-Петербург, 29 октября 2020 г. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, 2021. – С. 268-272.
3. Жудро И. С. Международно-правовой режим Северного Ледовитого океана // Закон и право. – 2015. – № 4. – С. 27-31.
4. Silber G.K., Adams J.D. Vessel operations in the Arctic, 2015–2017 // Frontiers in Marine Science. 2019. No. 6:573. P. 314.
5. Verry J., Grigentin C. Container strategy in the Arctic: cooperation, not confrontation // The Polar Record. 2017. Vol. 53. Iss. 3. Pp. 107–117.
6. Савенков А.Н. Арктика: правовое обеспечение устойчивого развития и сотрудничества // Труды ИГП РАН. – 2018. – Т. 13, № 1. – С. 22-42.
7. Артамонова А. С. развитие туризма в Арктической зоне России / А. С. Артамонова, О. С. Голубовш, Т. В. Трофимова // Конференциум АСОУ: сборник научных трудов и материалов научно-практических конференций. – 2021. – № 2. С. 123-124.
8. Дзюбан В. В. Туризм в Арктике: проблемы и развитие // Архонт. – 2020. – № 3(18). – С. 10-13.
9. Ноева Е. Е. Современное состояние и перспективы развития арктического туризма // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. – 2022. – № 4(28). – С. 91-99.

References:

1. Martynov V. L. Borders of the Arctic and borders in the Arctic/V. L. Martynov, V. Yu. Kuzin//Arctic XXI century. Humanities. – 2018. – № 2(16). - S. 4-17.
2. Kadochnikov A.N. International legal status of the Arctic: on the issue of protecting the right of the Russian Federation to the Arctic/A.N. Kadochnikov, Y.D. Morgunenko-Kramar//Problems of protection of rights: history and modernity: XV International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 29, 2020. - St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2021. - S. 268-272.
3. Zhudro I. S. International legal regime of the Arctic Ocean//Law and Law. – 2015. – № 4. - S. 27-31
- 4.Silber G.K., Adams J.D. Vessel operations in the Arctic, 2015–2017 // Frontiers in Marine Science. 2019. No. 6:573. P. 314.
5. Verry J., Grigentin C. Container strategy in the Arctic: cooperation, not confrontation // The Polar Record. 2017. Vol. 53. Iss. 3. Pp. 107–117.
6. Savenkov A.N. Arctic: legal support for sustainable development and cooperation//Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. – 2018. - T. 13, NO. 1. - S. 22-42.
7. Artamonova A.S. Tourism Development in the Arctic Zone of Russia/A.S. Artamonova, O.S. Golubovsh, T.V. Trofimova//ASOU Conference: a collection of scientific works and materials of scientific and practical conferences. – 2021. – № 2. S.123-124.
8. Dzyuban V.V. Tourism in the Arctic: problems and development//Archon. – 2020. – № 3(18). - S. 10-13.
9. Noeva E.E. The current state and prospects for the development of Arctic tourism//Bulletin of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov. Series: Economics. Sociology. Cultural studies. – 2022. – № 4(28). - S. 91-99.

¹ Постановление Правительства РФ от 30.03.2021 N 484 (ред. от 27.06.2024) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации" // Собрание законодательства РФ, 05.04.2021, N 14, ст. 2352.

² Указ Президента РФ от 26.10.2020 N 645 (ред. от 27.02.2023) "О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года" // Собрание законодательства РФ, 02.11.2020, N 44, ст. 6970.

³ Федеральный закон от 13.07.2020 N 193-ФЗ (ред. от 23.03.2024) "О государственной поддержке предпринимательской деятельности в Арктической зоне Российской Федерации" // Российская газета", N 155, 16.07.2020

ФУНКЦИИ СУБЪЕКТОВ ПРАВООТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБОРОННОГО ЗАКАЗА

The functions of subjects of legal relations in the field of the state defense order

ОВЧИННИКОВА Юлия Сергеевна,

научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН).

119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

E-mail: domosedka@mail.ru;

OVCHINNIKOVA Yulia Sergeevna,

Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences.

10 Znamenka str., Moscow, 119019, Russian Federation.

E-mail: domosedka@mail.ru

Краткая аннотация: Правовое регулирование в области государственного оборонного заказа имеет специфику, связанную с публичными интересами и целью данных правоотношений, имеющих стратегическую ценность для государства и общества. При этом национальные публичные интересы состоят в потребности в национальной безопасности, суть которой состоит в состоянии защищенности государства, общества и личности. Анализ системы обязательств в рамках государственного оборонного заказа, а также их исполнения, осуществлен исходя из основных функций субъектов данных обязательств, которые рассмотрены как в публично-правовом, так и в частноправовом аспекте. От имени государства в правоотношениях по государственному оборонному заказу выступает государственный заказчик, основная функция которого - контролирующая с целью исполнения государственного оборонного заказа. Для реализации государственным заказчиком данной функции ему предоставлено ряд полномочий, в том числе информационного характера. При этом основная функция головного исполнителя является координирующей, а функция исполнителей связана непосредственно с выполнением работ (предоставлением услуг, продукций) по государственному оборонному заказу.

Abstract: Legal regulation in the field of the state defense order has specifics related to the public interests and the purpose of these legal relations, which have strategic value for the state and society. At the same time, national public interests consist in the need for national security, the essence of which is the state of security of the state, society and the individual. The analysis of the system of obligations under the state defense order, as well as their execution, is carried out based on the main functions of the subjects of these obligations, which are considered both in public law and in private law aspects. The state customer acts on behalf of the state in legal relations under the state defense order, whose main function is to control for the purpose of executing the state defense order. For the implementation of this function by the state customer, he has been granted a number of powers, including informational ones. At the same time, the main function of the head executor is coordinating, and the function of the executors is directly related to the performance of work (provision of services, products) under the state defense order.

Ключевые слова: государственный оборонный заказ, функции, государственный заказчик, головной исполнитель, исполнитель, обязательство, страхование.

Keywords: state defense order, functions, state customer, head contractor, executor, obligation, insurance.

Для цитирования: Овчинникова Ю.С. Функции субъектов правоотношений в сфере государственного оборонного заказа // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_275.

For citation: Ovchinnikova Yu.S. The functions of subjects of legal relations in the field of the state defense order // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 275-278. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_275.

Статья поступила в редакцию: 20.07.2024

Важнейшими факторами, которые обеспечивают внутреннее единство и суверенность Российской Федерации, согласно Стратегии развития национальной безопасности РФ,¹ являются обороноспособность[1], достижение стабильности в политическом пространстве, развитие и модернизация экономических структур и оборота. В связи с этим огромное значение имеет принятый государством курс на укрепление обороноспособности РФ[2].

Если в ряде случаев в гражданском правопорядке можно говорить о балансе публичных и частных интересов, то в рассматриваемой области отношений (государственный оборонный заказ) существует приоритет именно публичных интересов, что вызвано исключительно важными для государства и общества целями[3]. В рассматриваемой сфере следует исходить из понимания национальных публичных интересов, которые являют собой потребности (как государства и общества, так и личности) в безопасности и связанном с ней устойчивом развитии. Соответственно, в данном случае особой целью является национальная безопасность, суть которой состоит в состоянии защищенности государства, общества и личности.

Можно сделать вывод, что в правоотношениях по государственному оборонному заказу особое значение имеют национальные публичные интересы и цель данных правоотношений (национальная безопасность), придает определенную специфику тем обязательствам, которые связаны с обеспечением государственного оборонного заказа. Именно цель правоотношений по государственному оборонному заказу предопределяет особые роли или иначе - функции субъектов соответствующих *обязательств*[4]. Из этого следует, что анализ системы обязательств, которые возникают в связи с исполнением и обеспечением государственного оборонного заказа, целесообразно осуществлять исходя прежде всего из функций субъектов данных обязательств – речь идет о государственном заказчике, головном исполнителе и исполнителях[5]. При этом функции будут рассматриваться как в публично-правовом, так и в частноправовом аспекте.

Говоря о функциях субъектов правоотношений по исполнению государственного оборонного заказа, целесообразно обратиться к историческому аспекту правового регулирования данной сферы общественных отношений. Так, как известно, в советский период истории обеспечение обороноспособности страны осуществлялось централизованно посредством административно-командной управленческой системы. В связи с ликвидацией в 1990-х годах данной системы управления экономикой возникла необходимость в централизованных плановых поставках для государственных нужд,

¹ Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности РФ»//СЗ РФ от 05. 07. 2021.№ 27. Ст. 5351.

в том числе для обеспечения обороны страны, что повлекло соответствующие изменения в правовом регулировании. В частности, был разработан и принят ФЗ от 27 декабря 1995 г. № 213-ФЗ «О государственном оборонном заказе»¹, который и ввел *систему обязательств по выполнению государственного оборонного заказа*. При этом данная система была существенно усовершенствована посредством принятия Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»² (далее-Закон), который ввел особое банковское сопровождение сделок в рамках государственного оборонного заказа, идентификатор, который присваивается государственному контракту, единую информационную систему расчетов и т. д. Данные изменения в целом способствуют основной цели государственного оборонного заказа, однако на настоящий момент существуют определенные проблемы исполнения обязательств, о которых речь пойдет в параграфе 3 статьи. От имени государства в правоотношениях по государственному оборонному заказу выступает государственный заказчик, основную функцию которого можно назвать контролирующей с целью исполнения государственного оборонного заказа. Функции государственного заказчика выполняет соответствующий государственный орган (Министерство обороны) или государственные корпорации (Роскосмос или Росатом). Основная функция государственного заказчика – контроль за обеспечением поставки продукции (выполнение работ, оказание услуг) в рамках государственного оборонного заказа (ст.3 Закона).

Необходимо отметить, что для реализации государственным заказчиком данной функции ему предоставлено Законом ряд полномочий, в том числе информационного характера. В частности, к данным полномочиям относится право на получение разного рода информации о процессе исполнения государственного оборонного заказа (например, информации о затратах при исполнении государственных контрактов, сведений, которые необходимы для изменения цены государственного контракта с соответствующим обоснованием). В частности, государственный заказчик вправе в целях исполнения своей обязанности по контролю за использованием бюджетных денежных средств направлять запросы, касающиеся предоставления соответствующих сведений в налоговые, таможенные органы, кредитные организации, Фонд пенсионного и социального страхования РФ, при этом по содержанию это касается также информации, которая относится к коммерческой, налоговой, банковской и служебной тайне (ст.6.2 Закона).

Переходя к вопросу об обязанностях государственного оборонного заказчика, необходимо отметить, что посредством их закрепления в Законе возможна реализация контролирующей функции государственного заказчика - так, речь идет об обязанностях по организации размещения государственного оборонного заказа, по заключению государственного контракта, по оплате поставок и т. д. Следовательно, в содержание функции государственного оборонного заказчика входит, в том числе, организация и осуществление размещения заказов на поставки соответствующей продукции (ст.7 Закона). При этом размещению государственного оборонного заказа присуща определенная специфика по сравнению с контрактной системой закупок для государственных и муниципальных нужд³. В связи с этим размещение государственного оборонного заказа не подлежит учету при формировании общих планов-графиков закупок по контрактной системе для государственных нужд и имеет при этом следующие особенности.

Во-первых, при осуществлении конкурентных способов определения исполнителей государственного оборонного заказа государственный заказчик имеет право не устанавливать общие для контрактной системы требования по обеспечению исполнения государственного контракта, но только при условии установления соответствия участников размещения государственного оборонного заказа требованиям (которые определены Правительством РФ⁴) и касаются, в частности, таких критериев как мощность производства, технологичность оборудования, достаточный уровень трудовых и финансовых ресурсов. Такая мера закреплена в законодательстве с целью повышения гарантии исполнимости государственного оборонного заказа.

Во-вторых, необходимо учитывать, что в ряде случаев (при наличии определенных признаков) заключение государственного контракта по государственному оборонному заказу является обязательным (ст.6 Закона). Так, речь идет о субъектах, которые занимают доминирующее положение на рынке соответствующей продукции (государственные унитарные предприятия или иные организации) – в том случае, если отсутствуют иные претенденты на участие в размещении государственного оборонного заказа. Кроме того, принятие государственного оборонного заказа обязательно для единственного поставщика, который определен в качестве исполнителя государственного оборонного заказа нормативными актами (при условии, что заключение государственного контракта может обеспечить определенный уровень прибыли такого субъекта при расчете цены на продукцию⁵).

Таким образом, в данном случае при размещении государственного оборонного заказа можно говорить об исключении из принципа свободы договора. Так, по смыслу п.1 ст.421 ГК РФ является недопустимым понуждение к заключению договора, однако за исключением определенных случаев, при которых законом на субъекта возложена обязанность по вступлению в договорные отношения. При этом для субъекта, который занимает на рынке доминирующее положение, заключение государственного контракта не является обязательным только при наличии обоснованных технологических и экономических причин.

Наконец, в-третьих, спецификой государственного оборонного заказа является то, что при его размещении осуществляется государственное бронирование (так называемые квоты поставок обязательного характера). Государственное бронирование осуществляется государственным

¹ См. ФЗ от 27 декабря 1995 г. № 213-ФЗ «О государственном оборонном заказе» //Российская газета от 4 января 1996 г.№ 1

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г.№ 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». СЗ РФ от 31.12.2012г. № 53(4.1). Ст.7600

³ Федеральный закон от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» //Российская газета от 12.04. 2013. № 80.

⁴ Постановление Правительства РФ от 25.12.2014 № 1482 «О требованиях к участникам размещения государственного оборонного заказа о наличии у них соответствующих производственных мощностей, технологического оборудования, финансовых и трудовых ресурсов для исполнения государственного контракта» // СЗ РФ от 05.01.2015.№ 1, ст.272.

⁵ Постановление Правительства РФ № 1465 от 02.12.2017 «О государственном регулировании цен на продукцию, поставляемую по государственному оборонному заказу, а также о внесении изменений и признании утратившими силу некоторых актов Правительства РФ» // СЗ РФ от 11.12.2017. № 50 (часть 2).Ст.7624.

заказчиком и касается наиболее важных материально-технических ресурсов. Обязательные поставки в рамках государственного бронирования относятся ко всем участникам правоотношений по государственному оборонному заказу (вне зависимости от формы юридического лица). Цель государственного бронирования - обеспечение исполнения обязательств в рамках государственного оборонного заказа. Данная мера императивного регулирования вызвана рисками нарушения поставок важнейших для исполнения гособоронзаказа материально-технических ресурсов продукции или отсутствия у государственного заказчика возможности заключения соответствующих государственных контрактов (например, вследствие неразмещения государственного оборонного заказа на торгах)[6]. Необходимость поставок важнейших материально-технических ресурсов доводится до сведения участников государственного оборонного заказа (изготовителей и поставщиков данной продукции).¹

Существенным представляется тот факт, что определение цены будущего государственного контракта осуществляется в установленном Правительством РФ порядке посредством использования различных методов (например, метод сравнимой цены). В соответствии с данным порядком государственным заказчиком при размещении государственного оборонного заказа формируется начальная цена государственного контракта (с учетом объема предоставленных финансов).

Одной из основных обязанностей государственного заказчика является заключение государственного контракта. Государственный контракт (в правоотношениях по государственному оборонному заказу) представляет собой договор между государственным заказчиком (от имени РФ) и головным исполнителем по поводу поставки продукции с целью выполнения государственного оборонного заказа.

Необходимо отметить, что исполнение государственного оборонного заказа обеспечивается системой обязательств или иначе сопровождаемых сделок (по смыслу ст.3 Закона к сопровождаемым сделкам относится государственный контракт и все другие договоры, которые заключаются с целью исполнения государственного оборонного заказа). Данные обязательства относятся к гражданско-правовым и характеризуются следующими специфическими чертами. Во-первых, все договоры имеют целью исполнение государственного оборонного заказа. Во-вторых, по содержанию данные соглашения могут представлять как обязанности по предоставлению услуг, так и по выполнению работ и передаче товара. Во-вторых, цена и срок данных сделок определяется в определенном установленном на государственном уровне порядке. В-третьих, в рамках данной системы обязательств существует кооперация исполнения, имеющая единую цель – исполнение государственного оборонного заказа. Наконец, данные обязательства содержат особые правила об ответственности за их неисполнение (ст.201.2 УК РФ). Соответственно, все перечисленное относится как к государственному контракту, так и к другим сделкам, которые заключены на его основе (речь идет о договорах различного содержания - подряда, поставки или предоставления услуг в рамках правоотношений по государственному оборонному заказу). При этом государственный заказчик имеет ряд обязанностей (и одновременно полномочий), которые связаны с исполнением обязательств в рамках государственного оборонного заказа[7]. Так, государственный заказчик осуществляет авансирование и оплату поставок продукции, контролирует целевое использование бюджетных средств, а также качество работ, услуг и товаров, включает в государственный контракт условия о расчетах по отдельным счетам и т. д.

Необходимо отметить, что обязанности государственного оборонного заказчика можно классифицировать в зависимости от стадии исполнения государственного оборонного заказа. Так, на первой стадии исполнения к обязанностям государственного заказчика относится разработка предложений касательно объема (и его основных параметров) производимой (поставляемой) продукции по государственному оборонному заказу. Специфика в данном случае состоит в том, что разработка предложений происходит не только на уровне государственного заказчика, но с привлечением головного исполнителя и исполнителей по договорам в рамках государственного оборонного заказа. Кроме того, на первой стадии государственным заказчиком осуществляется авансирование производства (поставок) соответствующей продукции.

На этой же стадии государственный заказчик должен присвоить государственному контракту идентификатор, который представляет собой уникальный номер, подлежащий в дальнейшем указанию во всех договорах и расчетах в рамках государственного оборонного заказа.² К обязанностям государственного заказчика относится и утверждение технической документации, необходимой для создания и производства продукции военного назначения.

Специфика правоотношений по государственному оборонному заказу состоит также в том, что на стадии приемки продукции государственным заказчиком производятся государственные испытания (военной техники, вооружения, образцов и материалов). Кроме того, необходимо отметить, что к основной обязанности государственного заказчика относится контроль за ходом исполнения государственного оборонного заказа на всех стадиях и по отношению ко всем его участникам (в том числе, контроль качества производимой продукции и расходования бюджетных средств).

Особенностью данных правоотношений является осуществление государственного учета полученных в ходе исполнения государственного оборонного заказа результатов научно-технической деятельности. В соответствии с Федеральным законом «О науке и государственной научно-технической политике»³ результат, который получен в процессе исполнения государственного оборонного заказа и удовлетворяет установленным признакам (содержание в себе новых решений либо знаний и закрепление на информационном носителе), признается относящимся к научно-технической деятельности, а производитель данной продукции – соответственно, субъектом научно-технической деятельности.

---

¹ Постановление Правительства РФ от 29.07.2013 № 639 «Об утверждении Правил установления квот обязательных поставок (государственное бронирование) важнейших видов материально-технических ресурсов и формирования их перечня и объема» // СЗ РФ от 05.08.2013. № 31. Ст. 4235.

² Приказ Министра обороны РФ и Федерального казначейства от 11 августа 2015 г. №475/13 н «Об утверждении Порядка формирования идентификатора государственного контракта по государственному оборонному заказу» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти от 02.11.2015. № 44.

³ Федеральный закон от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике» // Российская газета от 03.09.1996 г. № 167.

Переходя к вопросу об основной функции головного исполнителя, можно отметить, что она является координирующей с целью исполнения государственного оборонного заказа. При этом обязанности головного исполнителя можно классифицировать следующим образом (ст.8 Закона). Во-первых, обязанности по выбору исполнителей государственного оборонного заказа и уполномоченного банка. Так, именно головной исполнитель должен определять состав исполнителей государственного оборонного заказа, а также выбрать уполномоченный банк для банковского сопровождения исполнения соответствующих сделок.[8] Специфика банковского сопровождения в правоотношениях по государственному оборонному заказу состоит в использовании особого режима отдельного счета, который предполагает определенные ограничения в списании денежных средств (в частности, списание денежных средств только на отдельный счет, за исключением случаев, предусмотренных в Законе). Кроме того, что существенно, Законом установлен запрет на совершение ряда банковских операций (ст.8.3 Закона). Речь идет в том числе о запрете таких банковских операций как предоставление кредитов, займов и ссуд, приобретение ценных бумаг, банковские операции, направленные на формирование уставного капитала других юридических лиц или осуществление благотворительной деятельности и т. п.

Во-вторых, в рамках своей функции головной исполнитель осуществляет и обязанности информационного характера. В частности, он должен предоставлять информацию как государственному заказчику (например, о привлеченных исполнителях), так и самим исполнителям (в частности, об условиях государственного контракта, которые имеют значение для исполнителей – сроки, цена). В целом головной исполнитель обязан обеспечивать исполнение обязанности по информированию (как со стороны государственного заказчика, так и со стороны исполнителя), которая является необходимой для реализации контроля распоряжений в рамках государственного оборонного заказа.

Наконец, головным исполнителем должен предприниматься комплекс мер с целью обеспечения исполнения государственного контракта. Сюда можно отнести согласование условий государственного контракта и последующих сделок с участниками государственного оборонного заказа (государственный заказчик, исполнители), обеспечение поставок продукции по государственному контракту (включая соблюдение сроков исполнения и качества продукции), представление обоснования по поводу изменения цены государственного контракта, организация и проведение испытаний произведенной продукции и т. п.

Функция исполнителей связана с непосредственным исполнением государственного оборонного заказа. К основным обязанностям исполнителей относятся обеспечение уровня соответствия произведенной продукции требованиям по качеству, которые определены в государственном контракте, заключение соглашения о банковском сопровождении с уполномоченным банком, предоставление информации о процессе исполнения сделок по запросам государственного заказчика и головного исполнителя. Особенностью правоотношений по государственному оборонному заказу является необходимость соблюдения государственной тайны всеми участниками государственного оборонного заказа. При этом по содержанию государственная тайна представляет собой сведения, которые находятся под защитой государства в связи с тем, что их распространение может нанести тот или иной ущерб безопасности РФ¹. Если говорить о категориях информации, которая относится к государственной тайне, то одну из них как раз и составляют сведения в военной сфере. Соответственно, в процессе исполнения государственного оборонного заказа задействованы носители сведений, которые составляют государственную тайну (в том числе, материальные объекты).

Можно сделать вывод, что специфика правового регулирования в области государственного оборонного заказа определяется направленностью данных правоотношений, речь идет о национальной безопасности. Наличие публичного интереса в достижении цели правоотношений по государственному оборонному заказу предопределяет содержание функций субъектов данных обязательств и особый характер правового регулирования, который включает как публично-правовой, так и частноправовой элементы[9].

Библиография:

1. Право и реальный сектор экономики России / Под общ. ред. И. В. Ершовой, В. А. Лаптева. – М.: Проспект, 2024. С. 116.
2. Бутрим И.И. Использование запрещенных средств и методов ведения войны как преступление против мира и безопасности человечества / И.И. Бутрим, А.И. Чуцаев // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 156-170.
3. Баттахов П. П. Государственное регулирование предпринимательской деятельности в Российской Федерации на современном этапе // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4(220). – С. 234-237.
4. Андреева Л. В. Закупки товаров для федеральных государственных нужд: правовое регулирование. – М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 236.
5. Юдинцев С. А. Применение законодательства о государственном оборонном заказе с учетом коллизионности правовых норм // Законность. – 2021. – № 1.
6. Картаполов А.В. «Забывтая» отрасль российской правовой системы «право вооруженных конфликтов» возрождается с выходом фундаментального научного труда — трехтомной монографии «Военное право» // Государство и право. – 2023. – № 8. – С. 45-50.
7. Савенков А. Н. Государство и право: Права человека и мировой порядок, основанный на верховенстве права. – М., 2021. С. 421-425
8. Курбанов А. Х., Наружный В.Е., Плотников В.А. Банковское сопровождение государственного оборонного заказа: специфика и особенности реализации // Управленческое консультирование. – 2015. – № 10. – С. 101-109.
9. Занковский С.С. Предпринимательские договоры в России. Проблемы теории и законодательства : дисс. ... докт. юрид. наук : 12.00.03. – М., 2004. С.24.

References:

1. Law and the real sector of the Russian economy/Under the general. ed. I.V. Ershova, V.A. Lapteva. - M.: Prospect, 2024. S. 116.
2. Butrim I.I. The use of prohibited means and methods of warfare as a crime against the peace and security of mankind/I. Butrim, A.I. Chuchayev//State and law. 2023. № 12. S. 156-170.
3. Battakhov P.P. State regulation of entrepreneurial activity in the Russian Federation at the present stage/Law and state: theory and practice. – 2023. – № 4(220). - S. 234-237.
4. Andreeva L.V. Procurement of goods for federal state needs: legal regulation. - M.: Wolters Kluver, 2009. S. 236.
5. Yudinsev S. A. Application of legislation on state defense order, taking into account the conflict of laws/Legality. – 2021. – № 1.
6. Kartapolov A.V. The "forgotten" branch of the Russian legal system "the law of armed conflicts" is being revived with the release of a fundamental scientific work - the three-volume monograph "Military Law //State and Law. – 2023. – № 8. - S. 45-50.
7. Savenkov A. N. State and law: Human rights and a world order based on the rule of law. - M., 2021. P. 421-425
8. Kurbanov A.Kh., External V.E., Plotnikov V.A. Banking support of the state defense order: specifics and features of implementation//Management consulting. 2015. № 10. S. 101-109.
9. Zankovsky S.S. Business contracts in Russia. Problems of theory and legislation: dissertation... Doctor of Law: 12.00.03. - Moscow, 2004. S.24.

¹ Ст. 2 Закона РФ от 21 июля 1993 г.№ 5485-1 «О государственной тайне» // Российская газета от 21.09. 1993. № 182.

КРАЙНЕ НЕБЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ПРИЗНАНИЯ БРАЧНОГО ДОГОВОРА НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ

An extremely unfavorable situation as a basis for invalidating a marriage contract

КОНОХОВ Максим Васильевич,

ведущий научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук (ИГП РАН),
кандидат юридических наук.

119019, Россия, г. Москва, ул. Знаменка, д. 10.

E-mail: konohov76@mail.ru;

Konokhov Maxim Vasilyevich,

Leading Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences.

10 Znamenka str., Moscow, 119019.

E-mail: konohov76@mail.ru

Краткая аннотация. В статье рассматриваются вопросы признания брачного договора недействительным по основанию крайне неблагоприятного положения, в которое ставят условия договора одного из супругов. Автор анализирует судебную практику и приходит к выводу, что несмотря на возможность изменения законного правового режима имущества путем заключения брачного договора, при возникновении споров между супругами (бывшими супругами) относительно нажитого в браке имущества, суды, как правило, руководствуются не приоритетом положений брачного договора, а нормами о равенстве долей супругов в имуществе, приобретенном во время брака. Автор указывает на то, что институт совместной собственности супругов стал складываться в России только с конца 20-х годов прошлого века, а традиционным режимом супружеской собственности в дореволюционной России и в первые годы советской власти был режим раздельной собственности. По мнению автора, современные тенденции развития общества свидетельствуют о том, что назрела целесообразность отказа от института совместной собственности супругов и возврата к институту раздельности их имущества.

Abstract. The article discusses the issues of invalidation of a marriage contract on the basis of an extremely unfavorable situation in which the terms of the contract of one of the spouses are placed. The author analyzes judicial practice and comes to the conclusion that despite the possibility of changing the legal regime of property by concluding a prenuptial agreement, when disputes arise between spouses (former spouses) regarding property acquired in marriage, the courts, as a rule, are guided not by the priority of the provisions of the prenuptial agreement, but by the norms on equality of the spouses' shares in the property acquired during the marriage. The author points out that the institution of joint ownership of spouses began to take shape in Russia only since the late 20s of the last century, and the traditional regime of marital property in pre-revolutionary Russia and in the early years of Soviet power was the regime of separate ownership. According to the author, modern trends in the development of society indicate that it is expedient to abandon the institution of joint ownership of spouses and return to the institution of separation of their property.

Ключевые слова: брачный договор, крайне неблагоприятное положение, признание брачного договора недействительным, супруги, условия договора.

Keywords: prenuptial agreement, extremely unfavorable situation, recognition of the prenuptial agreement as invalid, spouses, terms of the contract.

Для цитирования: Конохов М.В. Крайне неблагоприятное положение как основание для признания брачного договора недействительным // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 279-282. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_279.

For citation: Konokhov M.V. An extremely unfavorable situation as a basis for invalidating a marriage contract // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 279-282. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_279.

Статья поступила в редакцию: 24.08.2024

Гражданским и семейным законодательством Российской Федерации в отношении имущества, нажитого супругами во время брака, установлены два правовых режима: законный режим (режим общей совместной собственности) и договорный.

Содержание режима общей совместной собственности определено в ст. 256 ГК РФ и ст. 34 СК РФ. В соответствии со ст. 256 ГК РФ имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если брачным договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Правила о совместной собственности не распространяются на имущество, принадлежащее каждому из супругов до вступления в брак; имущество, полученное одним из супругов во время брака в дар или в порядке наследования. Такое имущество является личной собственностью каждого супруга. Кроме того, вещи индивидуального пользования (одежда, обувь и т.п., за исключением драгоценностей и других предметов роскоши), хотя и приобретенные во время брака за счет общих средств супругов, признаются собственностью того супруга, который ими пользовался.

Имущество каждого из супругов может быть признано судом их совместной собственностью, если будет установлено, что в течение брака за счет общего имущества супругов или личного имущества другого супруга были произведены вложения, значительно увеличивающие стоимость этого имущества (капитальный ремонт, реконструкция, переоборудование и т.п.). Однако, данное правило не применяется, если брачным договором между супругами предусмотрено иное. В общее имущество супругов не входит исключительное право на результат интеллектуальной деятельности, принадлежащее автору такого результата (ст. 1228 ГК РФ), однако, доходы, полученные от использования такого результата, являются совместной собственностью супругов, если брачным договором между ними не предусмотрено иное.

Семейный кодекс Российской Федерации содержит аналогичную норму о признании совместной собственностью супругов имущество, нажитое ими во время брака (ст. 34). При этом право на общее имущество супругов принадлежит также супругу, который в период брака осуществлял ведение домашнего хозяйства, уход за детьми или по другим уважительным причинам не имел самостоятельного дохода.

К имуществу, нажитому супругами во время брака (общему имуществу супругов), относятся доходы каждого из супругов от трудовой деятельности, предпринимательской деятельности и результатов интеллектуальной деятельности, полученные ими пенсии, пособия, а также иные денежные выплаты, не имеющие специального целевого назначения (суммы материальной помощи, суммы, выплаченные в возмещение ущерба в связи

с утратой трудоспособности вследствие увечья либо иного повреждения здоровья, и другие). Общим имуществом супругов являются также приобретенные за счет общих доходов супругов движимые и недвижимые вещи, ценные бумаги, паи, вклады, доли в капитале, внесенные в кредитные учреждения или в иные коммерческие организации, и любое другое нажитое супругами в период брака имущество независимо от того, на имя кого из супругов оно приобретено либо на имя кого или кем из супругов внесены денежные средства.

Режим общей совместной собственности супругов не относится к числу исторических веками складывающихся институтов российского права. Напротив, традиционным в дореволюционной России и в первые годы советской власти (вплоть до 1927 года), являлся режим раздельной собственности супругов. Так, в п. 109 Тома X (часть первая, Свод Законов Гражданских) Свода законов Российской Империи указывалось, что «браком не составляется общего владения в имуществе супругов; каждый из них может иметь и вновь приобретать отдельную свою собственность» [8].

«Приданное жены, равно как имение, приобретенное ею или на ее имя во время замужества, через куплю, дар, наследство или иным законным способом, признается ее отдельной собственностью» (п. 110), «супругам дозволяется продавать, закладывать и иначе распоряжаться собственным своим имением, прямо от своего имени, независимо друг от друга...» (п. 114), «запрещается мужу поступаться имением жены, или жене имением мужа, иначе, как по законной на сие доверенности» (п. 115) [8].

В Кодексе законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22 октября 1918 года № 818 также указывалось на то, что брак не создает общности имущества супругов (п. 105) [9].

Режим общей совместной собственности супругов стал складываться после того, как 1 января 1927 года вступил в силу Кодекс законов о браке, семье и опеке, который отменил раздельность имущества супругов «в целях ...уравнивания супругов в имущественном отношении» [3]. Раздельным оставалось только имущество, принадлежавшее супругам до вступления в брак, а нажитое во время брака стало считаться их общим имуществом, в котором каждому супругу принадлежала определенная доля, в случае спора, определяемая судом.

Основами законодательства СССР и союзных республик о браке и семье от 1 октября 1968 года (ст. 12), а также Кодексом о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 года (ст. 20, ст. 21) было установлено, что имущество, нажитое супругами во время брака, является их общей совместной собственностью; супруги имеют равные права владения, пользования и распоряжения этим имуществом, а в случае раздела общего совместного имущества их доли являются равными [2] [3].

Ситуация стала меняться после 1 января 1995 года, когда вступила в силу часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации (ГК РФ), в ст. 256 которого, было установлено, сто имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества. Тем самым у супругов появилась возможность изменить установленный законом режим совместной собственности путем заключения договора [4].

В Семейном кодексе Российской Федерации от 29 декабря 1995 года № 223-ФЗ (СК РФ), вступившим в силу с 1 марта 1996 г., положения гражданского законодательства были конкретизированы [5]. Супруги или лица, вступающие в брак, могут заключить брачный договор, которым можно изменить законный режим нажитого во время брака имущества, а также урегулировать другие имущественные вопросы. Кроме того, в соответствии со ст. 38 СК РФ супруги могут совершить раздел общего имущества посредством заключения соглашения о разделе общего имущества, нажитого в период брака.

Как и любая сделка, брачный договор может быть признан недействительным.

Согласно п. 1 ст. 44 СК РФ брачный договор может быть признан судом недействительным полностью или частично по общим основаниям, предусмотренным ГК РФ для недействительности сделок. Так, в частности, недействительным является брачный договор, совершенный с нарушением формы (п. 3 ст. 163 ГК РФ); мнимый брачный договор (п. 1 ст. 170 ГК РФ), например, заключенный с целью уклонения от выполнения обязанностей перед кредиторами или сокрытия имущества от конфискации; притворный брачный договор (п. 2 ст. 170 ГК РФ), заключенный с целью прикрыть другую сделку, которую супруги в реальности имели в виду; брачный договор, совершенный гражданином, признанным недееспособным из-за психического расстройства (ст. 171 ГК РФ); брачный договор, совершенный с нарушением запрета либо ограничения распоряжаться имуществом (ст. 174.1 ГК РФ) и др. Также, брачный договор может быть признан недействительным, если он заключен лицом, которое неспособно понимать значение своих действий либо управлять ими в период заключения договора (ст. 177 ГК РФ); заключен под влиянием заблуждения (ст. 178 ГК РФ); заключен под воздействием обмана, насилия, угрозы, стечения тяжелых обстоятельств (кабальная сделка) (ст. 179 ГК РФ).

Семейное законодательство предусматривает и специальное основание признания брачного договора недействительным. В соответствии с п. 2 ст. 44 СК РФ суд может также признать брачный договор недействительным полностью или частично по требованию одного из супругов, если условия договора ставят этого супруга в *крайне неблагоприятное положение*. В тоже время содержание понятия «крайне неблагоприятное положение» в законе не раскрывается, легальное определение этого понятия отсутствует. Такое положение дел негативно влияет на правоприменительную практику.

С одной стороны, при разрешении исков о признании брачного договора недействительным в связи с тем, что условия договора ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, суды руководствуются разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 ноября 1998 года № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака», в соответствии с которыми «если брачным договором изменен установленный законом режим совместной собственности, то суду при разрешении спора о разделе имущества супругов необходимо руководствоваться условиями такого договора», а, с другой стороны, суды применяют и положения п. 3 ст. 42 СК РФ о том, что брач-

ный договор не может содержать условия, которые ставят одного из супругов в крайне неблагоприятное положение, а наличие таких условий дает основание для признания судом брачного договора недействительным по требованию другого супруга [6].

В связи с этим, в судебной практике имеют место, например, совершенно противоположные решения в схожих ситуациях. Рассмотрим две такие ситуации. В первом случае, супруги заключили брачный договор, по которому квартира, приобретенная ими по ипотеке, являлась собственностью мужа. Через некоторое время после того, как супруги за счет доходов обоих, полностью погасили кредит, они развелись. После развода бывший супруг потребовал выселения из квартиры бывших членов семьи, то есть бывшей супруги и несовершеннолетних детей. Бывшая супруга подала иск в суд о признании брачного договора недействительным. В обоснование своих требований она указала, что не имеет другого жилья и не имеет гражданства Российской Федерации. Суд в удовлетворении иска отказал, брачный договор недействительным не признал и соответственно не применил положения п. 3 ст. 42 СК РФ. Решение суда первой инстанции было оставлено в силу и апелляционной инстанцией [9].

Во втором случае, фактически в аналогичной ситуации, суд напротив признал брачный договор недействительным. Супруги заключили брачный договор, согласно которому приобретаемая ими по ипотеке квартира, переходила в собственность мужа. Супруги совместно погашали кредит за счет доходов от трудовой деятельности. Супруга на момент заключения брачного договора российского гражданства не имела. После погашения кредита супружеская пара развелась, и бывший супруг, как и в предыдущем случае, потребовал выселения бывшей супруги и несовершеннолетнего ребенка из принадлежащего ему жилого помещения. Однако в данной ситуации суд признал брачный договор недействительным, так как посчитал, что отсутствие жилья у бывшей супруги, является крайне неблагоприятным положением, которое возникло у нее в связи с брачным договором [10, с.22-23].

Таким образом, судами были приняты прямо противоположные решения, несмотря на то что на момент заключения брачного договора женщины не имели российского гражданства, а после развода и у одной, и у другой остались несовершеннолетние дети и отсутствовало другое жилье).

Рассмотрим еще две ситуации.

Бывшая супруга обратилась в суд с иском о признании брачного договора недействительным, ссылаясь на то, что заключенный между ней и бывшим супругом брачный договор ставит ее в крайне неблагоприятное положение, так как по условиям договора после расторжения брака в собственность к бывшему супругу переходят два земельных участка, два жилых дома, собственником которых до брака являлась бывшая супруга, а в ее собственность переходит все остальное имущество, нажитое во время брака. Однако в период брака общего совместного имущества нажито не было. Тем не менее суд отказал в удовлетворении иска на том основании, что при заключении брачного договора бывшая супруга реализовала свои действительные намерения, и не предоставила доказательств, свидетельствующих о заключении брачного договора на условиях, ставящих ее в крайне неблагоприятное положение [14].

По нашему мнению, в данной ситуации стоит также учитывать и то, что условия брачного договора предоставили бывшей супруге возможность приобретения в свою собственность иного имущества, но она своим правом не воспользовалась.

В еще одном примере иск был подан супругой не к супругу, а к его наследникам. Во время брака супругами был заключен брачный договор, согласно которому после расторжения брака имущество переходит в собственность к тому супругу, на имя которого оно будет зарегистрировано. После смерти супруга все имущество, нажитое во время брака, оказалось зарегистрированным на умершего супруга. Суд иск удовлетворил и признал брачный договор недействительным, так как условия брачного договора поставили супругу в крайне неблагоприятное положение. Решение было обосновано тем, что на иждивении супруги осталось трое несовершеннолетних детей, а также тем, что после смерти супруга она лишилась супружеской доли в имуществе, приобретенном в браке [15]. Данное решение, по нашему мнению, не однозначное, так как, во-первых, брак был не расторгнут, а прекращен в связи со смертью одного из супругов, а, во-вторых, как в момент заключения брачного договора, так и в дальнейшем, супруга понимала правовые последствия, которые влекут условия брачного договора, но договор подписала и в дальнейшем его не оспаривала.

Таким образом, отсутствие единого понимания того, что следует считать крайне неблагоприятным положением, влечет принятия противоположных решений и в тех случаях, когда условия брачного договора являются непропорциональными в отношении имущества, которое будет являться личной собственностью каждого из них. Так, суды признали недействительными брачные договоры, по условиям первого из которых одному супругу в единоличную собственность были переданы объекты недвижимости (квартира и земельный участок), а другому – ничего, а по условиям второго, супруге передавалось в единоличную собственность все имущество, а супругу – все долговые обязательства, в том числе по кредитным договорам, полученным на покупку передаваемого супруге имущества [11] [12].

Однако, в другом случае суд указал, что диспропорция в распределении имущества между супругами существенного значения не имеет. Так, суд отказал в признании недействительным брачного договора, по условиям которого квартира, приобретенная супругами в период брака, перешла в собственность жены, а малоликвидный земельный участок без построек - мужу [13].

Но возникает вопрос, если в вышеприведенных случаях супруги по своей воле заключили брачные договоры на соответствующих условиях, понимали ли они, какие это влечет правовые последствия? Предполагается, что понимали. Это следует из того, что брачный договор подлежит обязательному нотариальному удостоверению, а нотариус обязан не только проверить дееспособность сторон договора, но и пояснить, какие правовые последствия влечет за собой заключение договора именно на этих условиях. Данный факт свидетельствует о правовой осведомленности и грамотности супругов на момент подписания брачного договора.

Например, в бывший супруг обратился с иском к бывшей супруге о признании брачного договора недействительным, в связи с «несправедливыми условиями», на которых он был заключен. В соответствии с договором в случае расторжения брака в собственность бывшей супруги переходит квартира, а в собственность супруга - автомобиль. Бывший супруг посчитал, что условия брачного договора лишили его права на совместно нажитую недвижимость, что свидетельствует о его крайне неблагоприятном положении. Суд отказал в удовлетворении иска, ссылаясь на то, что супруг, подписывая лично брачный договор на невыгодных для него условиях, понимал юридические последствия его заключения. Кроме того, истек срок исковой давности по заявленному требованию, течение которого началось с момента исполнения брачного договора (с момента заключения) [16].

Исходя из вышеприведенных ситуаций, также возникает вопрос: не являются ли в таких случаях действия бывших супругов, направленные на признание брачного договора недействительным, злоупотреблением правом? Да и какой правовой позиции они придерживались бы, в случае если по условиям брачного договора не второму супругу, а именно им, передавалось бы имущество, являющееся предметом брачного договора? Скорее всего, считали бы условия брачного договора вполне справедливыми.

Таким образом, как показывает судебная практика, в большинстве случаев суды признают крайне неблагоприятным положением ситуацию, при которой в результате исполнения брачного договора один из супругов полностью лишается права на имущество, нажитое в период брака, или возникает существенная непропорциональность распределения в общем имуществе.

В заключении, стоит отметить, что понятие «крайне неблагоприятное положение» хоть и относится к числу оценочных правовых категорий, но в целях защиты прав и законных интересов сторон брачного договора, это понятие необходимо конкретизировать. Кроме того, дополнение действующего законодательства соответствующим определением, будет способствовать его оптимизации.

Библиография:

1. Постановление ВЦИК от 19.11.1926 «О введении в действие Кодекса законов о браке, семье и опеке» (вместе с Кодексом) (утратил силу в связи с изданием Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 16.01.1970) //Собрание узаконений РСФСР. - 1926. - №82. - Ст.612.
2. Основы законодательства СССР о браке и семье. Приняты Указом Президиума Верховного Совета СССР от 09.10.1979 №885-X (с изменениями на 05.03.1991; не действует на территории Российской Федерации с 01.03.1996) //Ведомости Верховного Совета СССР. - 1979. - №42. - Ст.696.
3. Кодекс о браке и семье РСФСР от 30 июля 1969 года // Ведомости ВС РСФСР. 1969. № 32. Ст. 1086.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
6. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 05.11.1998 г. № 15 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака» // Российская газета. 18.11.1998 г.
7. Богданова О.В. Брачный договор: проблемы законодательного регулирования и правоприменения // Государство и право в XXI веке. № 2. 2017.
8. Свод законов Российской Империи. Том X (часть первая, Свод Законов Гражданских) // URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html> (дата обращения 24.08.2024).
9. Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве от 22.10.1918 г. № 818 // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=196029155&rdk=&link_id=2&intelsearch=%EF%EE%EB%EE%E2%EE%E9 (дата обращения 23.08.2024).
10. Апелляционное определение Судебной коллегии Суда Ханты-Мансийского автономного округа (Суд Ханты-Мансийский автономного округа –Югры) от 15.11.2016 года по делу № 33-8982/2016 // URL: <https://actofact.ru/case-86OS0000-33-8982-2016-09-30-0-1/?ysclid=lqkyt9awyh393107225> (дата обращения 24.08.2024).
11. Апелляционное определение Московского городского суда от 10.08.2020 г. по делу № 33-16703/2020 //URL: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/apeliatsionnoe-opredelenie-mosgorsuda-po-delu-no-33-16703_20-ot-10082020.v1Inis..pdf (дата обращения 24.08.2024).
12. Апелляционное определение Московского областного суда от 03.06.2019 г. по делу № 33-18038/2019 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=348279&ysclid=lq0mv0111322744537#VrqfSzTGKRk2vjgb> (дата обращения 24.08.2024).
13. Апелляционное определение Московского городского суда от 18.03.2020 г. по делу № 33-10778/2020 // URL: <https://base.garant.ru/313465185/?ysclid=lq0u40abd576824344> (дата обращения 24.08.2024).
14. Апелляционное определение Московского городского суда от 30.10.2020 по делу N 33-413730/2020 // URL: <https://scilead.ru/article/3348-krajne-neblagopriyatnoe-polozhenie-supruga-ka> (дата обращения 24.08.2024).
15. Апелляционное определение Саратовского областного суда от 09.04.2019 по делу N 33-2581/2019 // URL: <https://scilead.ru/article/3348-krajne-neblagopriyatnoe-polozhenie-supruga-ka> (дата обращения 24.08.2024).
16. Судебные и нормативные акты РФ № 2-265/2015 // URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/GwkajnpFNgbC> (дата обращения 24.08.2024).

References:

1. Resolution of the Central Executive Committee of 11/19/1926 "On the enactment of the Code of Laws on Marriage, Family and Guardianship" (together with the Code) (expired due to the issuance of the Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the RSFSR dated 01/16/1970) //Collection of laws of the RSFSR. - 1926. - No.82. - Article612.
2. Fundamentals of the legislation of the USSR on marriage and family. Adopted by Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR dated 09.10.1979 No. 885-X (as amended on 05.03.1991; not valid on the territory of the Russian Federation since 01.03.1996) //Vedomosti of the Supreme Soviet of the USSR. - 1979. - No.42. - Article696.
3. The Code on Marriage and Family of the RSFSR of July 30, 1969 // Bulletin of the Armed Forces of the RSFSR. 1969. No. 32. St. 1086.
4. The Civil Code of the Russian Federation dated November 30, 1994 No. 51-FZ // SZ RF. 1994. No. 32. Art. 3301.
5. The Family Code of the Russian Federation dated December 29, 1995 No. 223-FZ // SZ RF. 1996. No. 1. Art. 16.
6. Resolution of the Plenum No. 15 of the Supreme Court of the Russian Federation dated 05.11.1998 "On the application of legislation by courts when considering cases of divorce" // Rossiyskaya Gazeta. 18.11.1998
7. Bogdanova O.V. Prenuptial agreement: problems of legislative regulation and law enforcement // State and law in the XXI century. № 2. 2017.
8. The Code of Laws of the Russian Empire. Volume X (part one, Code of Civil Laws) // URL: <https://civil.consultant.ru/reprint/books/211/1.html> (date of application 08/24/2024).
9. Code of Laws on Acts of Civil Status, Marriage, Family and Guardianship Law dated 10/22/1918 No. 818 // URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&vkart=card&nd=196029155&rdk=&link_id=2&intelsearch=%EF%EE%EB%EE%E2%EE%E9 (accessed 08/23/2024).
10. The appeal ruling of the Judicial Board of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug Court (Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug –Yugra Court) dated 11/15/2016 in case No. 33-8982/2016 // URL: <https://actofact.ru/case-86OS0000-33-8982-2016-09-30-0-1/?ysclid=lqkyt9awyh393107225> (date of appeal 08/24/2024).
11. Appeal ruling of the Moscow City Court dated 08/10/2020 in case No. 33-16703/2020 // URL: https://img-cdn.tinkoffjournal.ru/apeliatsionnoe-opredelenie-mosgorsuda-po-delu-no-33-16703_20-ot-10082020.v1Inis..pdf (accessed 08/24/2024).
12. The appeal ruling of the Moscow Regional Court dated 06/03/2019 in case no. 33-18038/2019 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOKI&n=348279&ysclid=lq0mv0111322744537#VrqfSzTGKRk2vjgb> (date of appeal 08/24/2024).
13. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 03/18/2020 in case no. 33-10778/2020 // URL: <https://base.garant.ru/313465185/?ysclid=lq0u40abd576824344> (accessed 08/24/2024).
14. The appeal ruling of the Moscow City Court dated 10/30/2020 in the case N 33-413730/2020 // URL: <https://scilead.ru/article/3348-krajne-neblagopriyatnoe-polozhenie-supruga-ka> (date of appeal 08/24/2024).
15. The appeal ruling of the Saratov Regional Court dated 04/9/2019 in the case N 33-2581/2019 // URL: <https://scilead.ru/article/3348-krajne-neblagopriyatnoe-polozhenie-supruga-ka> (date of application 08/24/2024).
16. Judicial and regulatory acts of the Russian Federation No. 2-265/2015 // URL: <https://sudact.ru/magistrate/doc/GwkajnpFNgbC> (accessed 08/24/2024).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ, КАК ОБЪЕКТА ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCY AS AN OBJECT OF CIVIL RELATIONS

ГАРТИНА Юлия Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры «Частное и публичное право»
Пензенского государственного университета.

440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.

E-mail: gjpenza@rambler.ru;

БУКУР Михаил Степанович,

магистр кафедры «Частное и публичное право»

Пензенского государственного университета.

440011, Россия, Пензенская область, г. Пенза, улица Красная, д. 40.

E-mail: mihaan.buka@gmail.com;

Gartina Yulia Alexandrovna,

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Private and Public Law

Penza State University.

440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.

E-mail: gjpenza@rambler.ru;

Bukur Mikhail Stepanovich,

Master of the Department of Private and Public Law Penza State University.

440011, Russia, Penza region, Penza, Krasnaya street, 40.

E-mail: mihaan.buka@gmail.com

***Краткая аннотация.** Правовое регулирование гражданских отношений в сфере цифровизации и цифровых прав на сегодняшний день являются наиболее актуальным, однако отсутствие их детальной правовой регламентации вызывает множество вопросов правового характера, как у теоретиков, так и у практиков. В данной статье авторы рассматривают понятие криптовалюты, а также определяют ее нормативно - правовое закрепление в действующем законодательстве. Выявляют пробелы в правовом регулировании криптовалютных отношений, делают выводы и предложения по совершенствованию действующего законодательства. Изучают правовое закрепление криптовалюты в законодательстве зарубежных стран.*

***Abstract.** Legal regulation of civil relations in the field of digitalization and digital rights is the most relevant today, however, the lack of their detailed legal regulation raises many legal questions, both among theorists and practitioners. In this article, the authors examine the concept of cryptocurrency, and also determine its regulatory and legal consolidation in the current legislation. They identify gaps in the legal regulation of cryptocurrency relations, draw conclusions and proposals for improving the current legislation. They study the legal provisions of cryptocurrency in the legislation of foreign countries.*

***Ключевые слова:** криптовалюта, Блокчейн, цифровая валюта, цифровые права, цифровой рубль, гражданское законодательство, финансовые активы.*

***Keywords:** cryptocurrency, Blockchain, digital currency, digital rights, digital ruble, civil legislation, financial assets.*

***Для цитирования:** Гартина Ю.А., Букур М.С. Правовое регулирование криптовалюты, как объекта гражданских правоотношений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 283-285. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_283.*

***For citation:** Gartina Yu.A., Bukur M.S. Legal regulation of cryptocurrency as an object of civil relations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 283-285. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_283.*

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

В современную эпоху активной глобализации и цифровизации каждого аспекта нашей повседневной жизни, все острее встает вопрос об усложнении отношений субъектов в гражданско-правовой сфере. Законодательству каждого государства жизненно необходимо идти в ногу со стремительно развивающимся техническим прогрессом, порождающим новые формы человеческих отношений, которые необходимо регулировать, закрепив их в нормах действующего законодательства.

В настоящее время, одной из актуальных разработок, вокруг которой ведется множество дискуссий является технология «Блокчейн», которая определяется как, технология шифрования и хранения цифровых данных. Данная технология позволяет присваивать активу уникальную информацию о его принадлежности конкретному лицу. Причем, необходимо отметить, что данную информацию невозможно изменить, подделать или удалить. Эта технология находит актуальное применение в банковской и правовой сфере, в сфере игровой индустрии, а также при эмиссии новых криптовалют.

В современном законодательстве нет четкого определения криптовалюты и полностью отсутствует правовая регламентация данных правоотношений, но тем временем, общая капитализация мирового рынка криптовалют на момент 2024 года уже достигает триллионов долларов.

Криптовалюта рассматривается многими как перспективный цифровой актив, обладающим рядом свойств, притягательных не только для частных лиц, но и для крупного бизнеса. С каждым днем количество транзакций, совершенных с использованием криптовалюты неуклонно растет и

оставлять данный факт без внимания и правового регулирования - никак нельзя. Государства ведут активную разработку норм законодательства, способного регламентировать отношения криптовалюты, периодически меняя свое отношение к ней, и Российская Федерация не является исключением [1].

По большей части, само криптовалютное законодательство, в целом, является экспериментальным, и многие ученые-правоведы только нащупывают почву для возможной будущей правовой базы в отношении ее правового регулирования.

Что же представляет собой криптовалюта?

Криптовалюта - это цифровая денежная единица, не имеющая физического выражения, использующая криптографию для обеспечения безопасных финансовых транзакций и контроля создания новых единиц.

Сама же технология блокчейн представляет собой децентрализованную базу данных, состоящую из блоков информации, которые хранятся в цепочке. Каждый блок содержит информацию о транзакциях, а также хеш предыдущего блока, обеспечивая целостность и непрерывность этой цепочки.

Основными причинами привлекательности криптовалюты являются:

1. криптовалюту используют в децентрализованной среде, что означает, что они не контролируются центральными органами управления, такими как правительство или банки;
2. технология блокчейн, на которой основана криптовалюта, обеспечивает высокий уровень прозрачности и безопасности транзакций. Благодаря распределенной природе блокчейна данные о транзакциях невозможно изменить или подделать;
3. использование криптовалюты позволяют быстро и легко перевести средства по всему миру без необходимости прохождения через сложные процедуры, связанные с международными банковскими операциями;
4. криптовалюта и технология блокчейн предлагают огромный потенциал для инноваций в различных сферах и крупные компании видят в этом возможность для создания новых бизнес-моделей и улучшения своей эффективности [2, с.34].

Если обратиться к истории возникновения криптовалюты, то необходимо отметить, что первым государством, начавшим регулирование криптовалюты, стала родина «Биткойна» - Япония. С 2014 года японское правительство установило статус «Биткойна» и прочих криптовалют в качестве цифровых активов, а уже в 2017 году, они были окончательно признаны законным средством платежа, освобожденными от НДС [3].

В США, в зависимости от штата, криптовалюта может быть приравнена к полноценным аналогам денежных средств, собственностью владельца или же финансовым инструментом [4].

В 2015 году Европейский суд освободил операции по обмену криптовалюты от НДС для стран Европейского союза и на данный момент, криптовалюта признана в качестве актива, разрешенного для оплаты товаров и услуг. На сегодняшний день, у стран ЕС отсутствуют законы по контролю криптовалютного рынка, хотя соответствующие акты уже были приняты в 2023 году, в силу они вступят только в 2024-2025 году.

В целом, международную политику в отношении криптовалюты можно разделить на:

1. страны, занимающие позицию наблюдателей, и не принимающих активных мер в отношении криптовалюты (ОАЭ, ЮАР, Швейцария);
2. страны, полностью запретившие оборот криптовалюты на своей территории (Китай, Алжир, Египет);
3. страны, узаконившие использование криптовалюты на своей территории (Япония, США, Австралия) [5].

Россия же, относится к первой группе стран, в связи с тем, что она пока не определила правовой статус криптовалюты и порядок ее использования.

На сегодняшний день осуществление всех платежных операций с использованием «Биткойна» или иных криптовалют, на территории Российской Федерации запрещено, однако это не означает, что они находятся вне закона. Само обладание криптовалютой или ее «Майнинг» (добыча) не являются незаконными.

Однако, очень часто криптовалюту используют в незаконных махинациях и нелегальных сделках, вызывая тем самым недоверие у законодателя. К тому же, государство видит в криптовалюте потенциальную угрозу, посягающую на монополию в сфере эмиссии денег.

Изначально, основной проблемой в регулировании криптовалюты являлся ее правовой статус, который не был определен в законодательстве. Отсутствовало понимание того, к какому объекту гражданского права необходимо относить криптовалюту.

Первыми шагами в решении данного вопроса стал указ президента «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 годы» от 9 мая 2017 года [6]. В дальнейшем, для его реализации, Правительством РФ принимается программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая заложила нормативно-правовую базу, регулиующую не только проекты, основанные на технологии «Блокчейн», но и всю цифровую сферу в целом.

Следующим крупным шагом стало дополнение части первой Гражданского кодекса РФ новой статьей 141.1 «Цифровые права», ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» от 18 марта 2019 года. Вместе с этим, статья 128 ГК РФ «Объекты гражданских прав» была дополнена такими объектами, как цифровые рубли и цифровые права, как одним

из видов имущественных прав [7].

Первое же определение того, чем является криптовалюта было дано в ФЗ от 31 июля 2020 года №259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 11.03.2024). Согласно этому закону криптовалюте стоит относить к цифровой валюте - совокупности электронных данных, которое можно принять как средство платежа, но не являющихся денежной единицей, так как в отношении цифровой валюты нет лица, обязанного перед каждым обладателем таких электронных данных.

Таким образом, законодательство РФ признало криптовалюту в качестве имущественного объекта гражданских прав. На сегодняшний день, анализ судебной практики, показывает, что суды также признают криптовалюту имуществом, которое может даже быть включено в конкурсную массу при банкротстве. Нормы действующего законодательства, также устанавливали НДФЛ в размере 13% при продаже криптовалюты, как имущества.

1 января 2021 года данный закон вступил в силу, заложив основы правового регулирования криптовалюты в нашей стране. В то же время, стоит отметить, что в ст. 14 данного нормативно-правового акта, закреплён запрет на оплату товаров и услуг при помощи цифровой валюты.

Из всего вышесказанного, можно сделать вывод, что по состоянию на начало 2024 года криптовалюта в России, хоть и нашла легальное закрепление, однако полностью правового регулирования так и не получила. Однако, законодатель планомерно идет в направлении если даже не полной, то хотя бы частичной легализации криптовалюты на территории РФ. Нельзя не согласиться, со словами директора департамента финансовой политики Минфина - Алексея Яковлева о том, что к лету 2024 года мы можем увидеть новые законы, которые могут окончательно утвердить статус криптовалюты в правовом поле, расширить правила их оборота и, возможно, даже легализовать их.

Таким образом, правовой анализ норм действующего законодательства, а также практики его применения позволил определить, что правовое регулирование отношений криптовалюты, а также технологий, на основе которых она существует, на сегодняшний день является очень актуальным. Проработка норм действующего законодательства с целью полной легализации криптовалюты в современных реалиях окажет влияние на экономическое развитие страны, в процессе формирования финансовых цифровых активов и цифровых валют на территории Российской Федерации.

Библиография:

1. Гаврилов В.Н., Рафиков Р. М. Криптовалюта как объект гражданских прав в законодательстве России и ряда зарубежных государств // ВЭПС. – 2019. – №1.
2. Мансур, М. Х. Криптовалюта, как новый объект гражданских прав / М. Х. Мансур // Юридический факт. – 2019. – № 39. – С. 33-35.
3. Дружинин Михаил Романович Правовое регулирование криптовалют в зарубежных странах: уголовно-правовой аспект // Вопросы российской юстиции. – 2019. – №3.
4. Кузьмичев М. Г. Криптовалюта в правовой системе США: вопросы правового регулирования, налогообложения и противодействия преступлениям // Вестник КРУ МВД России // Вестник КРУ МВД России. – 2021. – №2 (52).
5. Егорова М.А. Понятие и правовое регулирование криптовалюты в зарубежных странах // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – 2019. – №2-1.
6. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // Собрание законодательства РФ. – 2017. – №20. – Ст. 2901.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – №32. – Ст. 3301.

References:

1. Gavrilov V.N., Rafikov R.M. Cryptocurrency as an object of civil rights in the legislation of Russia and a number of foreign countries // VEPS. – 2019. – No. 1.
2. Mansur, M. Kh. Cryptocurrency as a new object of civil rights / M. Kh. Mansur // Legal fact. – 2019. – No. 39. – P. 33-35.
3. Druzhinin Mikhail Romanovich Legal regulation of cryptocurrencies in foreign countries: criminal legal aspect // Issues of Russian justice. – 2019. – No. 3.
4. Kuzmichev M. G. Cryptocurrency in the US legal system: issues of legal regulation, taxation and combating crimes // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Bulletin of the KRU of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2 (52).
5. Egorova M.A. Concept and legal regulation of cryptocurrency in foreign countries // Greater Eurasia: development, security, cooperation. – 2019. – No. 2-1.
6. Decree of the President of the Russian Federation of May 9, 2017 No. 203 "On the Strategy for the Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017 - 2030" // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2017. – No. 20. – St. 2901.
7. Civil Code of the Russian Federation (part one) dated November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // Collection of legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – St. 3301.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_286

УДК 347

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СУДАМИ ТРУДОВЫХ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ПРОКУРОРА IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF ADVERSARY WHEN CONSIDERATION OF LABOR DISPUTES BY COURTS WITH THE PARTICIPATION OF THE PROSECUTOR

УХИНОВА Анна Андреевна,
аспирант кафедры гражданского процесса,
ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия».
410056, Россия, Саратовская область, город Саратов, ул. Вольская, д. 1.
E-mail: anuta.artiomkina@yandex.ru;

UHINOVA Anna Andreevna,
postgraduate student of the department of civil procedure,
FGBOU VO «Saratov State Law Academy».
1 Volskaya str., Saratov, Saratov region, 410056, Russia
E-mail: anuta.artiomkina@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье исследуется реализация принципа состязательности при рассмотрении трудовых споров с участием прокурора. Автор обозначает конкретные аспекты нарушений, что составляет правовую проблему, а также выдвигает варианты решения обозначенной проблемы в целях обеспечения соблюдения принципа состязательности при рассмотрении трудовых споров с участием прокурора.

Abstract: The article examines the implementation of the adversarial principle when considering labor disputes with the participation of a prosecutor. The author identifies specific aspects of the violation, which constitutes a legal problem, and also puts forward options for solving the identified problem in order to ensure compliance with the principle of adversarial behavior when considering labor disputes with the participation of the prosecutor.

Ключевые слова: прокурор, принцип состязательности, работник, работодатель, судебное разбирательство, трудовой спор, стороны.
Keywords: prosecutor, adversarial principle, employee, employer, trial, labor dispute, parties.

Для цитирования: Ухинова А.А. Реализация принципа состязательности при рассмотрении судами трудовых споров с участием прокурора // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 286-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_286.

For citation: Uhinova A.A. Implementation of the principle of adversary in when consideration of labor disputes by courts with the participation of the prosecutor // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 286-290. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_286.

Статья поступила в редакцию: 07.05.2024

Принцип состязательности является общим принципом правосудия, который применяется во всех видах судопроизводства. Указанный принцип закреплен в ч. 3 ст. 123 Конституции РФ [1], а также в ч. 1 ст. 12 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ) [4].

Данный принцип применяется при рассмотрении всех трудовых споров, иного законом не предусмотрено. В рамках настоящего исследования в качестве объекта будут исследованы общественные отношения между участниками гражданского процесса при рассмотрении трудовых споров с участием прокурора в части реализации принципа состязательности.

Рассматриваемый принцип предполагает определение доказательств, сбор доказательств, возложение бремени доказывания на лиц, которые заинтересованы в исходе дела, как отмечает С.Ф. Афанасьев [8, с. 22-28].

Следовательно, роль суда в доказывании минимальна при реализации принципа состязательности. Стороны свободны в доказывании, при наличии обстоятельств, объективно препятствующих в получении доказательств, стороны вправе заявить ходатайство об истребовании доказательств.

По общему правилу суд является независимым, должен сохранять объективность и беспристрастность ко всем участникам гражданского судопроизводства. Суд должен в равной степени оказывать поддержку в сборе доказательств сторонам при отсутствии возможности самостоятельно получения доказательств согласно ч. 2 ст. 12 ГПК РФ.

Также можно отметить, что принцип состязательности мотивирует стороны на сбор доказательств в обоснование своих доводов, как справедливо указывает С.А. Газарова [10, с. 11-14].

Состязательность обязывает стороны проявлять инициативу и самостоятельность.

В отсутствие проявленной инициативы и предоставления соответствующих доказательств суд откажет в удовлетворении заявленных требований, т.к. они не обоснованы. Состязательность сторон проявляется также в возможности использования услуг представителей для исполнения своих обязанностей по доказыванию. Если говорить конкретно о трудовых спорах, то работник не является отдельным субъектом судопроизводства и обладает ровно теми же правами и обязанностями, что и иные истцы.

Роль прокурора как участника судопроизводства при отправлении правосудия спорна. Закон не обозначает статус прокурора в гражданском судопроизводстве, за исключением указания на то, что прокурор – это лицо, участвующее в деле. Прокурора нельзя отнести к стороне истца, нельзя

назвать третьим лицом. Согласно ст. 51 ГПК РФ прямо указан запрет на представление интересов сторон в суде прокурором – прокурор не может быть представителем стороны по делу.

Напротив, в уголовном процессе прокурор является государственным обвинителем, т.е. является участником дела со стороны обвинения согласно п. 47 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ [3]. В гражданском судопроизводстве прокурор не отнесен ни к одной из сторон, и также не подпадает под критерии определения третьего лица.

Согласно ч. 1 ст. 129 Конституции РФ прокуратура осуществляет надзорные полномочия. Можно предположить, что прокуратура – это орган, осуществляющий только надзор за исполнением норм закона, и являющийся независимым от иных сторон судопроизводства. Это не так.

Согласно совокупному толкованию ч. 4 ст. 27 Федерального закона от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре РФ» [2] и ст. 45 ГПК РФ прокурор в порядке гражданского судопроизводства при защите трудовых прав работников вправе предъявить и поддержать иск в суде в интересах работника.

Прокурор вправе обратиться с исковым заявлением в защиту интересов работника в том числе в тех случаях, когда работник объективно имеет возможность самостоятельного представления своих интересов.

Следовательно, роль прокурора в представлении интересов работника заключается в следующем:

1. Определение предмета исковых требований: прокурор самостоятельно определяет, в чем, выражено нарушение, какое требование необходимо предъявить для восстановления прав работника, в частности, как восстановить нарушенные права наиболее полно.

2. Определение основания исковых требований: прокурор самостоятельно определяет и собирает доказательства в обоснование своих требований.

3. Поддержание заявленных исковых требований в суде предполагает дачу правовой оценки доводам работодателя, их оспаривание и предоставление доказательств, опровергающих доводы работодателя.

Следовательно, содержание полномочий прокурора полностью охватывает все полномочия истца, что позволяет исключить какие-либо обязательства истца по участию в судебном разбирательстве.

При этом ответчик – работодатель не имеет никаких привилегий и обязан реализовывать свои полномочия самостоятельно.

При участии прокурора при рассмотрении трудового спора работник вправе бездействовать, не прилагая усилий для рассмотрения спора в его сторону.

У работника отсутствует инициатива в судебном разбирательстве, мотивация также не проявляется. Работник не определяет предмет и основание иска, не участвует в определении и в сборе доказательств.

Да, работнику предоставлено право на реализацию своих судебных полномочий. Вместе с тем при участии прокурора в деле в интересах работника последний имеет реальную возможность бездействия.

Согласно ч. 1 ст. 174 ГПК РФ прокурору предоставлено право первоочередного выступления для дачи объяснений. С учетом того, что работник, выступающий в роли истца, наделен аналогичным правом, нарушение принципа состязательности и равноправия в данном случае отсутствует. Согласно ст. 189, 190 ГПК РФ прокурор обладает правом первоочередной дачи заключения, а также выступления в прениях первым.

Сроки и порядок обжалования прокурором судебных актов не отличаются от общих, за исключением разницы в наименовании: вместо «жалоба» - «представление», что не несет в себе правовых последствий.

Также согласно ч. 4 ст. 45 ГПК РФ прокурор может вступить в дело по инициативе суда либо по собственной инициативе для дачи заключения по делу.

Предоставление возможности суда привлечь прокурора для дачи заключения по делу на любой стадии также предоставляет работнику дополнительные преимущества.

Например, работодатель не имеет возможности привлечь на свою сторону прокурора для дачи заключения.

Если бы суд руководствовался принципом состязательности, отсутствие обоснованности заявленного работником иска служило бы основанием для отказа в удовлетворении исковых требований. При привлечении прокурора суду представляется заключение, в котором прокурор может представить дополнительные доказательства, которые не были представлены суду работником самостоятельно.

Безусловно, закон устанавливает перечень оснований, в которых прокурор может инициировать судебное разбирательство: если гражданин сам не может обратиться в суд.

Считаем, что для установления баланса между стороной истца и ответчика, необходимо минимизировать возможность защиты прокурором прав работника путем подачи искового заявления самостоятельно.

В этой связи актуально распространить на правоотношения между работником и работодателем те же правила, что в отношении иных лиц, кто объективно не обладает возможностью представлять свои интересы.

В этой связи, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ и исключить из нее «трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». В остальной части статью оставить без изменения.

В таком случае, при внесении изменений согласно ч. 1 ст. 45 ГПК РФ основания для предъявления иска прокурором в интересах работника будут включать в себя условие: по состоянию здоровья работник не имеет возможности обратиться в суд лично. Статус работника сам по себе не влечет невозможность самостоятельной подачи искового заявления в суд.

При внесении предлагаемых изменений следует, что если состояние здоровья препятствует обращению в суд, то оно аналогично препятствует и осуществлению трудовых функций. Если состояние здоровья улучшится, то работник сможет защитить свои интересы в суде самостоятельно после изменения здоровья. Целесообразность участия прокурора до восстановления состояния здоровья работника сомнительна в случаях, когда состояние временное. При внесении изменений прокурор сможет подавать исковое заявление самостоятельно только тогда, когда работник объективно в течение длительного времени не сможет реализовать свое право на судебную защиту самостоятельно.

Например, по делу № 2-126/2020 Канский районный суд Красноярского края [5] удовлетворил требования прокурора в интересах группы лиц – работников предприятия. В частности, суд обязан внести изменения в коллективный договор, обеспечить работников прохождением медицинского осмотра, специальной одеждой, специальной обувью, средствами индивидуальной защиты, перчатками и т.д.

Дело рассматривалось в части восстановления прав работников. Работники при рассмотрении дела не участвовали. Препятствия для самостоятельной защиты своих прав со стороны работников отсутствовали.

Прокуратура как надзорный орган исходя из ст. 129 Конституции РФ, могла привлечь работодателя к административной ответственности за нарушение трудовых прав работников. Работники объективно имели возможность самостоятельной защиты своих интересов в отсутствие участия прокурора даже без проведения проверки. Иного решением суда не установлено.

Данный пример демонстрирует нарушение принципа состязательности сторон.

Согласно Решению Магаданского городского суда по делу № 2-3269/2023 [6] суд не исследовал возможность либо отсутствие возможности для самостоятельной подачи искового заявления работником. Суд установил, что работник подал жалобу в прокуратуру, что является достаточным основанием для предъявления прокурором исковых требований в интересах работника. Возможность самостоятельного предъявления иска работником судом не проверялась и не исследовалась в целом, т.к. в настоящий момент законом установлено данное факта не требуется. В рамках рассмотрения дела работник не участвовал, не представлял ни письменных, ни устных пояснений в целом, что зафиксировано решением суда.

Действующая редакция ГПК РФ подчеркивает статус работника как наиболее слабой стороны в споре, предоставляя работнику дополнительную защиту со стороны прокурора. При этом действующее законодательство не учитывает, что подача искового заявления от имени работника, когда он самостоятельно имеет возможность реализовать свое право, предоставляет работнику дополнительное преимущество, что нарушает состязательность сторон, т.к. работодатель лишен такого преимущества.

Согласно Решению Советского районного суда города Тулы по делу № 2-1849/2023 [7] прокурор, по результатам проведенной проверки по жалобам работников обратился с иском в суд о защите трудовых прав работников. Исковое заявление прокурора удовлетворено. При подаче иска прокурор представил материалы проверки (запрошенные документы у работодателя), участвовал во всех судебных заседаниях, обеспечил явку и дачу показаний свидетеля. Лица, в чьих интересах подан иск, т.е. работники, устно поддержали доводы прокурора. Возможность самостоятельного предъявления иска работниками судом не исследовалась, в решении суда данные доводы в целом не затронуты.

Обозначенные примеры практики демонстрируют, что прокурор защищает интересы граждан, в том числе работников, которые объективно имеют самостоятельную возможность представления своих интересов в суде.

Принцип состязательности в совокупности с иными принципами правосудия предполагает, что стороны имеют равные возможности и обязанности. Участие в деле прокурора снимает обязательства с одной из сторон, что нарушает как принцип равенства, так и принцип состязательности, что является существенной правовой проблемой.

Прокурор в судебном заседании занимает заранее более значимую позицию исходя только из своего статуса. Такая позиция прокурора делает позицию ответчика – работодателя менее выгодной, что противоречит принципу состязательности. Состязание позиций происходит между прокурором и ответчиком, истец может фактически не принимать никакого участия в деле, что исключает его роль в состязании сторон. Демонстрируемые доводы позволяют сделать 2 взаимоисключающих вывода:

1. Закон предусматривает исключение из принципа состязательности.
2. Практика подачи искового заявления прокурором нарушает принцип состязательности.

Первый вывод не подтверждается нормами законодательства, следовательно имеет место быть второй вывод.

Прокурор не является стороной по делу, участие прокурора в судебном заседании может полностью освободить работника от доказывания любых фактов. Состязательность между истцом и ответчиком, тогда как истца заменяет прокурор, не являющийся стороной по делу, в принципе невозможна.

Можно установить, что, исходя из судебной практики, прокурор предъявляет исковые требования в отношении любых работников, в том числе объективно имеющих возможность самостоятельно представлять свои интересы в суде. Данное обстоятельство исключает применение принципа состязательности сторон. Прокурор не является стороной по делу, следовательно, соблюдение данного принципа в отсутствие работника как

стороны в судебном разбирательстве исключает применение указанного принципа.

Представленное исследование показывает, что действующая правовая конструкция участия прокурора в трудовых спорах при подаче иска прокурором самостоятельно не позволяет реализовать принцип состязательности в полной мере. Обозначенный довод подтверждается также исследованиями Я.О. Беклова [9, с. 201-212], М.А. Драчук [10, с. 20-21], Е.О. Жолобова [12, с. 28-31].

Рассмотрим варианты обеспечения реализации принципа состязательности:

1. Установление обязательного участия работника в судебном разбирательстве, при подаче искового заявления прокурором.

При реализации данного предложения ответчик получит оппонента, истец фактически будет вынужден представлять собственные доводы.

Однако настоящее положение не исключит участие субъекта со специальным статусом, неравенство сторон сохранится. Участие прокурора не переложит обязанность по сбору доказательств на истца, а значит, состязательность между сторонами не будет достигнута.

2. Исключение возможности подачи иска прокурором самостоятельно. Прокурор, сможет представить свою позицию при привлечении его к участию в деле.

Данное предложение, с одной стороны обяжет истца самостоятельно собирать доказательства и определять предмет и основание иска, т.е. истец будет состязаться с ответчиком. Но привлеченный прокурор сможет предоставить собственные доводы, доказательства, что может повлиять на реализацию принципа состязательности.

3. Исключение участия прокурора в трудовых спорах.

Данное предложение не сможет быть реализовано, т.к. противоречит самой сути института прокуратуры в России.

При исключении возможности участия прокурора некоторые категории граждан, которые объективно лишены возможности самостоятельного представления своих интересов, будут лишены правовой защиты.

4. Исключение возможности участия прокурора в трудовых спорах с возможностью предоставления лицам, кто объективно не обладает возможностью реализовать свое право на судебную защиту самостоятельно, права на бесплатную юридическую помощь.

Предоставление таким лицам права на оказание бесплатной юридической помощи по трудовым спорам исключит в целом необходимость участия прокурора, работники получат представителя, который сможет полностью обеспечить реализацию принципа состязательности в суде. Однако при реализации данного положения изменяются полномочия и обязанности прокурора.

5. Закрепление исключения из принципа состязательности в ходе рассмотрения трудовых споров с участием прокурора в норме закона.

Прокурор участвует в рассмотрении иных дел и споров, что также влечет нарушение принципа состязательности по иным категориям дел.

Также можно отметить, что посредством внесения изменений в ГПК РФ произойдет возложение дополнительных полномочий на суд в части оставления без движения либо возврата искового заявления судом при непредоставлении доказательств невозможности самостоятельной подачи искового заявления работником.

Признание исключения из принципа состязательности не нарушило бы действующий порядок рассмотрения трудовых споров. Но реализация данного предложения требует переосмысления гарантированности конституционного принципа состязательности, что дает новый виток развития права и требует дополнительных научных исследований.

Единственным вариантом соблюдения принципа состязательности в суде при разрешении трудовых споров с участием прокурора является внесение изменений в ч. 1 ст. 45 ГПК РФ. Необходимо исключить из нормы словосочетание «трудовых (служебных) отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». В остальной части статью оставить без изменения.

Новизна проведенного исследования заключается в предлагаемом изменении действующего законодательства, которое позволит обеспечить соблюдение принципа состязательности в гражданском процессе по трудовым спорам при участии в деле прокурора. Сформулированное решение выявленной проблемы может быть использовано законодателем в правотворческой деятельности, а также учеными при углубленном изучении вопроса реализации принципа состязательности при рассмотрении трудовых споров при участии прокурора в доктрине российского права.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 06.10.2022) // Официальный интернет-портал правовой информации / Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Федеральный закон от 17.01.1992 N 2202-1 (ред. от 25.12.2023) "О прокуратуре Российской Федерации" // Официальный интернет-портал правовой информации / Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. "Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации / Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. "Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации" от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 25.01.2024) // Официальный интернет-портал правовой информации / Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Решение Канского районного суда Красноярского края от 28.02.2020 по делу № 2-126/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/RJh6QNCnHnH4/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%85+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0&regular-case_doc=&regular-lawchuninfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_1712126064993&snippet_pos=76#snippet (дата обращения: 03.04.2024)

6. Решение Магаданского городского суда Магаданской области от 29.09.2023 по делу № 2-3269/2023 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/4FzSrF9uxbIK/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%85+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=03.04.2023&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1712127069062&snippet_pos=3196#snippet (дата обращения: 03.04.2024)
7. Решение Советского районного суда города Тулы по делу № 2-1849/2023 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/kyWTSIP2aJ1/?regular-txt=%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%8A%D1%8F%D0%B2%D0%B8%D0%BB+%D0%B8%D1%81%D0%BA+%D0%B2+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%85+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=01.09.2023&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1712210006493&snippet_pos=170#snippet (дата обращения: 03.04.2024)
8. Афанасьев С.Ф. О праве на ложь в цивилистическом процессе и способах его нивелирования (в том числе с учетом электронных технологий) // Юрист. - 2020. - № 1. - С. 22 - 28.
9. Беклов Я.О. Особенности связей частей, составляющих гражданский процессуально-процедурный комплекс "широкий гражданский процесс" // Вестник гражданского процесса. - 2018. - № 5. - С. 201 - 212.
10. Газарова С.А. Реализация принципа состязательности в арбитражном судопроизводстве при даче заключения органа власти // Российский судья. - 2023. - № 12. - С. 11 - 14.
11. Драчук М.А. Публичные начала в трудовом споре как причина федеральной юрисдикции // Трудовое право в России и за рубежом. - 2015. - № 2. - С. 20 - 21.
12. Жолобов Е.О. К вопросу о совершенствовании рассмотрения трудовых споров в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. - 2018. - № 8. - С. 28 - 31.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on October 6, 2022) // Official Internet portal of legal information / Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>.
2. Federal Law of January 17, 1992 N 2202-1 (as amended on December 25, 2023) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" // Official Internet portal of legal information / Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>.
3. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on February 14, 2024) // Official Internet portal of legal information / Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>.
4. "Civil Procedure Code of the Russian Federation" dated November 14, 2002 No. 138-FZ (as amended on December 25, 2023, as amended on January 25, 2024) // Official Internet portal of legal information / Access mode: <http://www.pravo.gov.ru>.
5. Decision of the Kamsky District Court of the Krasnoyarsk Territory dated February 28, 2020 in case No. 2-126/2020 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/RJh6QNCHlnH4/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%85+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1712126064993&snippet_pos=76#snippet (date of access: 04/03/2024)
6. Decision of the Magadan City Court of the Magadan Region dated September 29, 2023 in case No. 2-3269/2023 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/4FzSrF9uxbIK/?regular-txt=%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%B7%D0%B0%D0%BA%D0%BB%D1%8E%D1%87%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5+%D0%B2+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%85+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0&regular-case_doc=&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=04/03/2023&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1712127069062&snippet_pos=3196#snippet (date of access: 04/03/2024)
7. Decision of the Sovetsky District Court of the city of Tula in case No. 2-1849/2023 // URL: https://sudact.ru/regular/doc/kyWTSIP2aJ1/?regular-txt=%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BE%D0%B4%D0%B0%D1%82%D0%B5%D0%BB%D1%8C+%D0%BF%D1%80%D0%BE%D0%BA%D1%83%D1%80%D0%BE%D1%80+%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D1%8A%D1%8F%D0%B2%D0%B8%D0%BB+%D0%B8%D1%81%D0%BA+%D0%B2+%D0%B8%D0%BD%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B5%D1%81%D0%B0%D1%85+%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%82%D0%BD%D0%B8%D0%BA%D0%B0&regular-lawchunkinfo=&regular-date_from=09/01/2023&regular-date_to=&regular-workflow_stage=&regular-area=&regular-court=&regular-judge=&_id=1712210006493&snippet_pos=170#snippet (date of access: 04/03/2024)
8. Afanasyev S.F. On the right to lie in the civil process and methods of leveling it (including taking into account electronic technologies) // Lawyer. - 2020. - No. 1. - P. 22 - 28.
9. Beklov Ya.O. Features of connections between the parts that make up the civil procedural complex "broad civil process" // Bulletin of civil process. - 2018. - No. 5. - P. 201 - 212.
10. Gazarova S.A. Implementation of the principle of adversarial proceedings in arbitration proceedings when issuing an opinion from an authority // Russian Judge. - 2023. - No. 12. - P. 11 - 14.
11. Drachuk M.A. Public principles in a labor dispute as a reason for federal jurisdiction // Labor Law in Russia and Abroad. - 2015. - No. 2. - P. 20 - 21.
12. Zholobov E.O. On the issue of improving the consideration of labor disputes in civil proceedings // Arbitration and civil process. - 2018. - No. 8. - P. 28 - 31.

ОСНОВАНИЯ ПРИЗНАНИЯ НЕЗАКОННЫМ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВОПРЕЕМСТВА В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ GROUNDS FOR DECLARING PROCEDURAL SUCCESSION ILLEGAL IN BANKRUPTCY CASES

ЗАВАРЗИН Александр Константинович,

юрист, аспирант, независимый исследователь.

111396, Россия, г. Москва, Союзный проспект, 6.

E-mail: sukasuda@bk.ru;

Zavarzin Alexander Konstantinovich,

Lawyer, postgraduate student, independent researcher.

Email: 111396, Russia, Moscow, Soyuzny Prospekt, bld. 6, apt. 36

Email: sukasuda@bk.ru

Краткая аннотация: Настоящая статья посвящена изучению правовых и процедурных аспектов признания незаконным процессуального правопреемства в делах о банкротстве. В статье рассматриваются юридические основания, на которых может быть оспорено правопреемство кредиторов, а также анализируются основные положения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [4] и других нормативных актов, регулирующих данные вопросы. Автор акцентирует внимание на типичных ошибках и нарушениях, которые допускаются в процессе смены кредитора, таких как несоблюдение установленных процедур, неподтвержденность прав требований и другие. В исследовании также дается обзор судебной практики, включая ключевые прецеденты и судебные решения, которые играют важную роль в формировании подходов к процессуальному правопреемству. В статье предлагаются рекомендации по применению законодательных норм и соблюдению процессуальных правил, которые позволят избежать признания незаконным процессуального правопреемства в деле о несостоятельности банкротства. Процессуальное правопреемство в контексте банкротства представляет собой сложный механизм, требующий тщательного учета существующих законодательных норм и процессуальных требований. Понимание этих аспектов необходимо для эффективного управления правами кредиторов и обеспечения законности процесса перехода обязательств и требований.

Abstract: This article is dedicated to the study of legal and procedural aspects of declaring procedural succession illegal in bankruptcy cases. The article examines the legal grounds on which the creditors' succession can be challenged, as well as analyzes the key provisions of the Federal Law "On Insolvency (Bankruptcy)" [4] and other regulatory acts that regulate these issues. The author focuses on typical mistakes and violations that occur in the process of creditor substitution, such as non-compliance with established procedures, lack of evidence of the validity of claims, and others. The research also provides an overview of judicial practice, including key precedents and court decisions that play an important role in shaping approaches to procedural succession. The article offers recommendations for applying legislative norms and complying with procedural rules that will help avoid declaring procedural succession illegal in bankruptcy cases. Procedural succession in the context of bankruptcy is a complex mechanism that requires careful consideration of existing legislative norms and procedural requirements. Understanding these aspects is essential for effective management of creditors' rights and ensuring the legality of the process of transferring obligations and claims.

Ключевые слова: банкротство (несостоятельность), сделка, кредитор, закон, правопреемство, суд, реестр кредиторов.

Keywords: bankruptcy (insolvency), transaction, creditor, law, succession, court, creditors' register.

Для цитирования: Заварзин А.К. Основания признания незаконным процессуального правопреемства в деле о банкротстве // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 291-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_291.

For citation: Zavarzin A.K. Grounds for declaring procedural succession in the bankruptcy case // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 291-293. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_291.

Статья поступила в редакцию: 22.06.2024

Процессуальное преемство кредитора в контексте банкротства урегулировано статьёй 48 АПК РФ [1] и дополнено нормативами Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [4], известного также как Закон о банкротстве [4].

В рамках арбитражного процесса задачи, связанные с несостоятельностью (банкротством), рассматриваются по стандартам, заложенным в Арбитражном процессуальном кодексе РФ [1], особенно в статье 223 АПК РФ [1] и статье 32 Закона о банкротстве [4], которые подчёркивают индивидуальность каждого случая банкротства в контексте федерального законодательства.

По статье 382 Гражданского кодекса РФ [2], любые права (требования), которыми владеет кредитор в рамках определённых обязательств, могут быть переадресованы другой стороне через договор (уступка требования) или перейти по закону. Это происходит в таких случаях, как реорганизация юридических лиц, уступка прав, перевод долга, смерть физического лица и других обстоятельствах, определённых в статье 387 Гражданского кодекса РФ [2].

Согласно первой части статьи 384 Гражданского кодекса РФ [2], за исключением случаев, прямо оговоренных законом или договором, права и обязанности первоначального кредитора полностью и на тех же условиях переходят к новому владельцу прав.

Основа процессуального правопреемства заключается в трансфере материальных прав и долгов от одной стороны к другой.

Согласно первому абзацу статьи 48 Арбитражного процессуального кодекса РФ [1], арбитражные суды наделены полномочиями адаптировать состав участников правоотношений на любом этапе процесса. Это может стать необходимым по разнообразным причинам: будь то реорганизация компаний, передача прав требования, переопределение долговых обязательств, либо даже смерть одного из участников. В таких случаях суд

заботливо заменяет уходящего участника на его правопреемника и официально фиксирует эту замену в процессуальных документах, обеспечивая непрерывность и правовую чистоту разбирательств.

В толковании соответствующего законодательного акта, относящегося к правоотношениям, возникшим в результате банкротства, процедура передачи прав конкурсного кредитора ведется в пределах банкротного дела под эгидой суда, который озвучивал первичные требования кредитора. Особых правил или ограничений по этой процедуре в рамках Закона о банкротстве не предусмотрено.

Согласно пункту 6 статьи 16 Закона о банкротстве [4], данные о долговых обязательствах кредиторов фиксируются в реестре только после официального закрепления этого в судебных документах. Изменения в статусе кредитора также подтверждаются судебным решением.

Суд обновляет реестр требований кредиторов, занося информацию о новом правопреемнике после разбирательства конкретного иска, инициированного исходным кредитором. Замена кредитора возможна сугубо по решению арбитражного суда, который удовлетворил соответствующее заявление. Подать заявление на замену имеют право как первоначальный кредитор, так и его правопреемник.

С учетом того, что вопросы правопреемства регулируются исключительно через судебную систему, заинтересованные лица должны обращаться непосредственно в суд, который рассматривает соответствующее дело о банкротстве (согласно статье 48 АПК РФ [1] и статье 16 Закона о банкротстве [4]).

В соответствии с указаниями второго абзаца пункта 6 Постановления Пленума ВАС РФ от 22 июня 2012 года № 35 [5], касающегося процессуальных аспектов рассмотрения банкротных дел, переход требования от истца к другому лицу после начала процесса банкротства не нуждается в предварительной процедуральной замене. Судебные органы самостоятельно осуществляют замену истца на его правопреемника, контролируя, чтобы каждый этап был зафиксирован без дополнительных требований.

Для реализации процедуры процессуального правопреемства кредиторы, как первоначальные, так и новые, обязаны подать соответствующее заявление в арбитражный суд, занимающийся делами о банкротстве. Такие заявления должны быть согласованы со статьей 48 АПК РФ [1] и пунктом 6 статьи 16 Закона о банкротстве [4]. В заявлении следует тщательно описать все аспекты передачи требований, включая основные данные о первоначальном кредиторе: дату, номер дела, сумму задолженности и информацию о должнике. Кроме того, важно точно указать, какие именно права передаются новому кредитору, подкрепляя это соответствующими доказательствами.

Заявление о процессуальном правопреемстве должно удовлетворять формальным требованиям статей 125 и 126 АПК РФ [1], относящихся к оформлению и содержанию исков, однако в этом случае информация о претензионном порядке и уплате госпошлины может быть исключена.

В соответствии с требованиями, аналогичными статье 126 АПК РФ [1], к заявлению следует приложить квитанции об отправке копий заявления и необходимых приложений всем заинтересованным сторонам, включая других кредиторов, должника, конкурсного управляющего и уполномоченные органы, такие как Федеральная налоговая служба России. Также необходимо приложить доказательства замены кредитора, такие как договоры уступки, подтверждение выплаты первоначальному кредитору, выписки о реорганизации юридического лица и прочие документы.

Согласно части 2 статьи 48 АПК РФ [1], факт замены стороны её правопреемником или отказ в этом арбитражный суд оформляет соответствующим судебным актом (определением), который может быть обжалован.

Таким образом, внимание к деталям и соблюдение процедурных аспектов являются ключевыми для успешного процессуального правопреемства в деле о банкротстве.

Основания для признания незаконным процессуального правопреемства в деле о банкротстве могут быть обусловлены следующими юридическими факторами:

Несоответствие установленным процедурным правилам, закреплёнными в Федеральном законе "О несостоятельности (банкротстве)" [4], может привести к серьёзным юридическим последствиям: процессуальное правопреемство должно проводиться строго в рамках указанных в законе директив. Любое действие по принятию прав и обязанностей участника процесса, выполненное без следования чётко определённым процедурам и правилам, указанным в данном законе, подлежит объявлению недействительным и незаконным. Это подчёркивает критическую важность строгого соблюдения процедурных норм в процессе правопреемства.

Отсутствие соответствующего решения суда: В случаях, когда закон требует для осуществления процессуального правопреемства получение специального судебного разрешения или утверждение операции судом, его отсутствие влечет незаконность процессуального правопреемства.

Нарушение прав других кредиторов или участников процесса: Если процессуальное правопреемство осуществляется с нарушением законных интересов и прав других кредиторов или участников банкротного процесса, такое правопреемство может быть признано незаконным.

Недостаток законных оснований для вступления в процесс: Незаконным считается вступление в процессуальные права и обязанности другой стороны без наличия законных оснований, например, без наследования, уступки требований или иных правовых механизмов, предусмотренных законодательством.

Нарушение процедуры доказывания передачи прав и обязанностей: Отсутствие надлежащих и убедительных доказательств, подтверждающих факт и условия процессуального правопреемства, также может служить основанием для признания его незаконным.

Случаи отказа в процессуальном правопреемстве не ограничены законом, однако можно выделить наиболее актуальные и часто встреча-

ющиеся:

- Заключение договора уступки, который формально соответствует предъявляемым к таким договорам требованиям, но на крайне невыгодных для cedenta условиях, указывает на возможное злоупотребление правом со стороны участников такой сделки.
- Перевод прав и обязанностей с заявителя по делу о банкротстве на другое лицо с целью избежать расходов на процедуру банкротства. Без согласия арбитражного управляющего и без доказательств платежеспособности нового цессионария в отношении оплаты расходов по делу, включая вознаграждение арбитражного управляющего.
- Цепочка из двух уступок. Первоначальный кредитор возражал и доказал недействительность первой уступки.
- Экономическая целесообразность заключения договора цессии не была раскрыта цессионарием, принимая во внимание, что приобретение права требования не соотносится с его основной хозяйственной деятельностью, которая не направлена на получение коммерческой прибыли.
- Аффилированное лицо приобрело права требования у мажоритарного кредитора к залогодателю без явной экономической целесообразности, при этом у основного должника требования уже были субординированы.
- Третье лицо погасило долг перед одним из кредиторов в нарушение положений статей 113 и 125 Закона о банкротстве [4].

Если лицо заявляет о вступлении в процедуру банкротства в качестве кредитора не с намерением получения денежных средств, то возникает вопрос о его действительных мотивах. Если лицо не может четко раскрыть эту цель, то остаются обоснованные сомнения в возможном злоупотреблении правом.

В ходе банкротного производства необходимо тщательно проверять заявления о процессуальном правопреемстве. Особое внимание следует уделять установлению юридически значимых обстоятельств, таких как экономическая целесообразность цессии и источник денежных средств. Это важно потому, что за процессуальным правопреемством может скрываться желание вмешаться в процедуру банкротства для подачи различных жалоб или оказания иного влияния на процесс. Также это может быть попытка создания контролируемого банкротства или избирательного удовлетворения требований определённых кредиторов должником.

Важно отметить, что замена кредитора, даже если она не изменяет общий размер требований, всё равно подлежит тщательному рассмотрению. Недопустимо, чтобы такая замена осуществлялась с целью, не направленной на защиту разумных экономических интересов всех участников процесса. Подобные действия могут привести к дестабилизации процедуры и нарушению прав других кредиторов.

Библиография:

1. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (ред. от 25.12.2023, с изм. от 19.03.2024) "О несостоятельности (банкротстве)" // "Российская газета", N 209-210, 02.11.2002.
2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // "Российская газета", N 137, 27.07.2002.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 11.03.2024) // "Российская газета", N 238-239, 08.12.1994.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // "Российская газета", N 220, 20.11.2002.
5. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.06.2012 N 35 (ред. от 21.12.2017) "О некоторых процессуальных вопросах, связанных с рассмотрением дел о банкротстве" // "Вестник ВАС РФ", N 8, август, 2012.
6. Статья. Каковы последствия непогашения кредита для заемщика? // Азбука права: электронный журнал 2024.

References:

1. Federal Law of October 26, 2002 N 127-FZ (as amended on December 25, 2023, with amendments dated March 19, 2024) "On Insolvency (Bankruptcy)" // "Russian Newspaper", N 209-210, November 2, 2002.
2. Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002 N 95-FZ (as amended on April 6, 2024) // "Russian Newspaper", N 137, July 27, 2002.
3. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 N 51-FZ (as amended on March 11, 2024) // "Russian Newspaper", N 238-239, December 8, 1994.
4. Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002 N 138-FZ (as amended on April 6, 2024) // "Russian Newspaper", N 220, November 20, 2002.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of June 22, 2012 N 35 (as amended on December 21, 2017) "On some procedural issues related to the consideration of bankruptcy cases" // "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", N 8, August 2012.
6. Article. What are the consequences of non-payment of a loan for the borrower? // ABC of Law: electronic journal 2024.

ЗАЩИТА ПРАВА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОБСТВЕННОСТИ В СНГ PROTECTION OF STATE PROPERTY RIGHTS IN THE CIS

МАРТЫНОВ Аким Александрович,

аспирант РААН.

Малый Полуярский пер., 3/5, стр. 1, г. Москва, 107120, Россия.

E-mail: aspirant8381@mail.ru;

MARTYNOV Akim Alexandrovich,

graduate student of the Russian Academy of Sciences.

Maly Poluyaroslavsky Lane, 3/5, page 1, Moscow, 107120, Russia.

E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются вопросы защиты права государственной собственности в странах Содружества Независимых Государств (СНГ). Автор анализирует правовые механизмы и инструменты, используемые для обеспечения защиты государственной собственности, а также основные проблемы, с которыми сталкиваются государства-члены СНГ в этой области. Внимание уделяется сравнительному анализу законодательства стран СНГ, касающегося государственной собственности, включая нормы, регулирующие управление, приватизацию и защиту имущественных прав. Рассматриваются специфические подходы к защите государственной собственности, включая судебные процедуры, административные меры и специальные агентства, ответственные за охрану государственных интересов. Статья также поднимает вопросы эффективного взаимодействия между государственными органами и правоохранительными структурами в процессе защиты государственной собственности, а также роль международных соглашений и организаций в укреплении правового режима государственной собственности в регионе. Автор приходит к выводу о необходимости гармонизации законодательства стран СНГ в области защиты государственной собственности, а также повышения уровня правовой культуры и осведомленности о значении защиты государственных активов. В статье представлены рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики и развитию механизмов защиты государственной собственности в странах СНГ.

Abstract: The article discusses the issues of protection of state property rights in the countries of the Commonwealth of Independent States (CIS). The author analyzes the legal mechanisms and tools used to ensure the protection of state property, as well as the main problems faced by the CIS member states in this area. Attention is paid to the comparative analysis of the legislation of the CIS countries concerning state property, including the norms governing management, privatization and protection of property rights. Specific approaches to the protection of state property are considered, including judicial procedures, administrative measures and special agencies responsible for the protection of state interests. The article also raises issues of effective interaction between government agencies and law enforcement agencies in the process of protecting state property, as well as the role of international agreements and organizations in strengthening the legal regime of state property in the region. The author concludes that it is necessary to harmonize the legislation of the CIS countries in the field of protection of state property, as well as to increase the level of legal culture and awareness of the importance of protecting state assets. The article presents recommendations for improving law enforcement practice and developing mechanisms for protecting state property in the CIS countries.

Ключевые слова: защита, государственная собственность, СНГ, права, правовые механизмы, приватизация, управление, имущественные права, международное сотрудничество, судебная защита.

Key words: protection, state property, CIS, rights, legal mechanisms, privatization, management, property rights, international cooperation, judicial protection.

Для цитирования: Мартынов А.А. Защита права государственной собственности в СНГ // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 294-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_294.

For citation: Martynov A.A. Protection of state property rights in the CIS // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 294-296. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_294.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Защита права государственной собственности в Содружестве Независимых Государств (СНГ) является важным аспектом правового регулирования, так как государственная собственность играет ключевую роль в экономической стабильности и развитии стран-участниц¹. Каждое государство в рамках СНГ имеет свои законы и механизмы, направленные на защиту государственной собственности, однако существуют и общие тенденции, которые объединяют эти усилия.

Б.Н. Чичерин обозначил: «Государственная собственность включает в себя активы, принадлежащие государству, такие как природные ресурсы, предприятия, объекты инфраструктуры и другие виды имущества»². Е.П. Губин отметил: «Защита этих активов необходима для обеспечения их эффективного использования, предотвращения коррупции и незаконного захвата, а также для защиты интересов общества в целом»³.

В исследованиях В.П. Мозолина отмечено: «Основным механизмом защиты права государственной собственности является правовая база, сформированная на национальном уровне»⁴. Это включает в себя Конституции, законы о государственной собственности, а также специальные нормативные акты, регулирующие приватизацию, аренду и использование государственных активов⁵. А.А. Демин отметил: «В большинстве стран СНГ

¹ Гарматин А.В. Место и роль государственной собственности в национальной экономике / А.В. Гарматин // Вестник ЧелГУ. 2008. – №1. – С. – 14-18.

² Чичерин, Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин ; подготовка текста, вступительная статья и комментарий И. И. Евлампиева. – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2005. – 824 с.

³ Губин, Е.П. Предмет предпринимательского права: современный взгляд / Е.П. Губин // Предпринимательское право. 2014. N 2. - С. 9 – 14.

⁴ Мозолин В.П. Право государственной (общенародной) собственности в условиях совершенствования социализма / В.П. Мозолин // Советское государство и право. – 1987. – № 5. С. 30-37;

⁵ Мындра, Д. И. Недействительность сделок, не соответствующих закону и иным правовым актам : специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мындра Диана Ивановна ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

действуют юридические нормы, которые определяют порядок передачи имущества в частные руки, его продажу, а также ответственность за незаконные действия, направленные против государственной собственности»¹.

На международном уровне также существует ряд соглашений и договоров, направленных на защиту прав государства на собственность. Это, в частности, различные соглашения о сотрудничестве в области экономики и права, которые заключаются между государствами СНГ². Такие соглашения могут включать положения о взаимной защите инвестиций, что способствует созданию более стабильной и предсказуемой правовой среды для бизнеса и инвестиций в странах СНГ³.

Кроме того, для защиты государственной собственности важным является создание эффективных институтов и органов, ответственных за контроль и управление государственными активами⁴. Это может быть как центральные государственные органы, так и специализированные агентства, которые занимаются управлением и защитой государственной собственности⁵. Важную роль в этом процессе играют правоохранительные органы, которые должны предотвращать и расследовать преступления, связанные с государственной собственностью, такие как коррупция, мошенничество и хищение.

Защита государственной собственности в Российской Федерации может быть улучшена с учетом опыта других стран СНГ. На основе анализа практик Казахстана, Беларуси и Узбекистана, можно предложить следующие меры:

1. Усиление контроля за приватизацией государственного имущества

Опыт Казахстана:

С.Е. Прокофьев отметил: «В Казахстане Комитет по государственным активам Министерства финансов активно контролирует процесс приватизации»⁶. В РФ подобную роль может усилить Росимущество.

Предложение для РФ:

- Усилить контроль со стороны Росимущества за процессами приватизации, установив более строгие процедуры и критерии отбора покупателей государственного имущества.

- Внести изменения в Федеральный закон № 178-ФЗ "О приватизации государственного и муниципального имущества" для повышения прозрачности и контроля за приватизационными сделками.

2. Внедрение систематического мониторинга и учета государственного имущества

Опыт Беларуси:

В Беларуси Комитет государственного контроля занимается систематическим мониторингом и учетом государственного имущества⁷.

Предложение для РФ:

- Разработать и внедрить единую информационную систему учета государственного имущества, доступную для всех государственных органов и ведомств.

- Внести изменения в Федеральный закон "О государственном имуществе" для обязательного учета и мониторинга всех объектов государственной собственности.

3. Усиление роли прокуратуры в защите государственной собственности

Опыт Узбекистана:

Правоохранительные органы и прокуратура Узбекистана активно участвуют в защите государственной собственности, выявляя нарушения и возвращая имущество в государственную собственность.

Предложение для РФ:

- Расширить полномочия прокуратуры в сфере контроля за соблюдением законности в отношении государственной собственности.

- Внести изменения в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации", установив дополнительные полномочия прокуроров в сфере защиты государственной собственности.

4. Разработка специализированных программ по управлению государственной собственностью

Опыт Казахстана и Беларуси:

Эти страны внедряют специализированные программы для управления государственными активами, что позволяет эффективно контролировать их использование.

---

¹ Демин, А. А. Договор и договорное регулирование в гражданском праве РФ. : специальность 12.00.03. – «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Демин Алексей Александрович ; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2014. – 211 с. – Место защиты: «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

² Гражданское право. Том 1. 2-е издание : учебник / под общ. ред. Сергеева А.П. М. : Проспект, 2019. – 1066 с.

³ Krinsky, Sh. The Ethical and Legal Foundations of Scientific «Conflict of Interest» / Sheldon Krinsky // Law and Ethics in Biomedical Research: Regulation, Conflict of Interest and Liability. – Toronto: Buffalo: University of Toronto Press, 2006. – P. 63–81.

⁴ Гражданское право: Учебник. Ч.1 / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. – М.: Юристъ, 2005. – 719 с.

⁵ Hoffmann, S. A. Torts and the Protection of «Legally Recognized Interests» / Sandra A. Hoffmann and W. Michael Hanemann. – DOI: 10.22004/ag.econ.7200 // CUDARE Working Papers 7200, University of California, Berkeley, Department of Agricultural and Resource Economics. – 2005. – 54 p.

⁶ Прокофьев С.Е. Управление государственной и муниципальной собственностью / С.Е. Прокофьев. М., 2018. – 139 с.

⁷ Щенникова, Л. В. Проблемы вещного права / Л. В. Щенникова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 208 с.

Предложение для РФ:

- Разработать и внедрить национальную программу по управлению государственной собственностью, включающую четкие цели, задачи и индикаторы эффективности.

- Внести изменения в законодательство, регулирующие управление государственной собственностью, установив обязательное использование программно-целевого метода управления.

5. Усиление юридической ответственности за нарушение законодательства в сфере государственной собственности

Опыт стран СНГ:

В большинстве стран СНГ предусмотрена серьезная юридическая ответственность за нарушение законодательства в сфере государственной собственности.

Предложение для РФ:

- Ужесточить ответственность за незаконные сделки с государственной собственностью, включая введение дополнительных штрафов и уголовной ответственности.

- Внести изменения в Уголовный кодекс РФ и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, установив более жесткие санкции за преступления в сфере государственной собственности.

Таким образом, защита права государственной собственности в СНГ требует комплексного подхода, включающего как правовое регулирование, так и практическое применение механизмов контроля и управления. Это необходимо для обеспечения эффективного использования государственных активов, предотвращения злоупотреблений и защиты интересов общества, что в конечном итоге способствует экономическому развитию и стабильности стран-участниц СНГ.

Библиография:

1. Гарматин А.В. Место и роль государственной собственности в национальной экономике / А.В. Гарматин // Вестник ЧелГУ. 2008. – №1. – С. – 14-18.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданское право. Том 1. 2-е издание : учебник / под общ. ред. Сергеева А.П. М. : Проспект, 2019. – 1066 с.
4. Гражданское право: Учебник. Ч.1 / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. – М.: Юрист, 2005. – 719 с.
5. Губин, Е.П. Предмет предпринимательского права: современный взгляд / Е.П. Губин // Предпринимательское право. 2014. N 2. - С. 9 – 14.
6. Демин, А.А. Договор и договорное регулирование в гражданском праве РФ: дисс. на соиск. ... канд. юрид. наук / Демин А.А.; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Н. Новгород, 2014. – 211 с. – Место защиты: «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 31. – Ст. 4398.
8. Мозолин В.П. Право государственной (общенародной) собственности в условиях совершенствования социализма / В.П. Мозолин // Советское государство и право. – 1987. – № 5. С. 30-37;
9. Мындра, Д. И. Недействительность сделок, не соответствующих закону и иным правовым актам: автореф. дисс. ... на соиск. канд. юрид. наук / Мындра Д.И.; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.
10. Прокофьев С.Е. Управление государственной и муниципальной собственностью / С.Е. Прокофьев. М., 2018. – 139 с.
11. Ходырев В.В. Управление государственной и муниципальной собственностью: учебное пособие / В.В. Ходырев, Е.В. Ушакова, В. В. Юшкова; С.-Петербург. ун-т технол. упр. и экон. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. – 146 с.
12. Чичерин, Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин; подготовка текста, вступительная статья и комментарий И. И. Евлампиева. – Санкт-Петербург: Издательство РХГА, 2005. – 824 с.
13. Щенникова, Л. В. Проблемы вещного права / Л. В. Щенникова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 208 с.
14. Genn, H. Understanding Civil Justice / Hazel Genn // Current Legal Problems. – 1997. – №. 69. – P. 156–187.
15. Hoffmann, S. A. Torts and the Protection of «Legally Recognized Interests» / Sandra A. Hoffmann and W. Michael Hanemann. – DOI: 10.22004/ag.econ.7200 // CUDARE Working Papers 7200, University of California, Berkeley, Department of Agricultural and Resource Economics. – 2005. – 54 p.
16. Krinsky, Sh. The Ethical and Legal Foundations of Scientific «Conflict of Interest» / Sheldon Krinsky // Law and Ethics in Biomedical Research: Regulation, Conflict of Interest and Liability. – Toronto; Buffalo: University of Toronto Press, 2006. – P. 63–81.

References:

1. Гарматин А.В. Место и роль государственной собственности в национальной экономике / А.В. Гарматин // Вестник ЧелГУ. 2008. – №1. – С. – 14-18.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации, ч. – 1 : Федеральный закон № 51-ФЗ от 30.11.1994 // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Гражданское право. Том 1. 2-е издание : учебник / под общ. ред. Сергеева А.П. М. : Проспект, 2019. – 1066 с.
4. Гражданское право: Учебник. Ч.1 / Отв. ред. В.П. Мозолин, А.И. Масляев. – М.: Юрист, 2005. – 719 с.
5. Губин, Е.П. Увидеть президента: новый взгляд / Е.П. Губин // Президентское право. 2014. № 2. - С. 9 – 14.
6. Демин, А. А. Договор и договорное регулирование в гражданском праве РФ : специальность 12.00.03. – «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Демин Алексей Александрович ; Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2014. – 211 с. – Место защиты: «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».
7. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. – № 31. – Ст. 4398.
8. Мозолин В.П. Право государственной (общенародной) собственности в условиях совершенствования социализма / В.П. Мозолин // Советское государство и право. – 1987. – № 5. С. 30-37;
9. Мындра, Д. И. Недействительность сделок, не соответствующих закону и иным правовым актам : специальность 12.00.03 «Гражданское право, предпринимательское право, семейное право, международное частное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Мындра Диана Ивановна ; Уральская государственная юридическая академия. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.
10. Прокофьев С.Е. Управление государственной и муниципальной собственностью / С.Е. Прокофьев. М., 2018. – 139 с.
11. Ходырев В.В. Управление государственной и муниципальной собственностью: учебное пособие / В.В. Ходырев, Е.В. Ушакова, В. В. Юшкова; С.-Петерб. ун-т технол. упр. и экон. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики, 2017. – 146 с.
12. Чичерин, Б. Н. Собственность и государство / Б. Н. Чичерин; подготовка текста, вступительная статья и комментарий И. И. Евлампиева. – Санкт-Петербург : Издательство РХГА, 2005. – 824 с.
13. Щенникова, Л. В. Проблемы вещного права / Л. В. Щенникова. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 208 с.
14. Генн, Х. Понимание гражданского правосудия / Хейзел Генн // Актуальные правовые проблемы. – 1997. – №. 69. – С. 156-187.
15. Хоффман, С. А. Гражданские правонарушения и защита «законно признанных интересов» / Сандра А. Хоффман и У. Майкл Ханеманн. – DOI: 10.22004/ag.econ.7200 // Рабочие документы CUDARE 7200, Калифорнийский университет в Беркли, факультет экономики сельского хозяйства и ресурсов. – 2005. – 54 с.
16. Кримски, Ш. Этические и правовые основы научного «Конфликта интересов» / Шелдон Кримски // Право и этика в биомедицинских исследованиях: регулирование, конфликт интересов и ответственность. – Торонто; Буффало: Издательство Университета Торонто, 2006. – С. 63-81.

ОПЦИОННЫЙ КОНТРАКТ КАК МЕХАНИЗМ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА Option contract as a mechanism of public-private partnership

ПАРАСКЕВОВА Светлана Андреевна,

доктор юридических наук, профессор, судья в отставке.

E-mail: Svet_andr@mail.ru;

МУСТАФИН Рафаэль Фаильевич,

кандидат юридических наук, доцент, Кубанский государственный университет.

ул. Ставропольская, 149, г. Краснодар, Краснодарский край, 350040, Россия.

E-mail: mustafinrf@yandex.ru;

PARASKEVOVA Svetlana Andreevna,

Doctor of Law, Professor, retired judge.

E-mail: Svet_andr@mail.ru;

MUSTAFIN Rafael Vasilyevich,

Candidate of Law, Associate Professor of Kuban State University.

149 Stavropol str., Krasnodar, Krasnodar Territory, 350040, Russia.

E-mail: mustafinrf@yandex.ru

Краткая аннотация. В данной статье охарактеризовано понятие государственно-частного партнерства; приведена типология опционных контрактов; отражены критерии подразделения опционов; показано, что представляет собой опционный контракт и какими особенностями обладает опционный контракт; отражены ключевые стратегии опционных контрактов, основанные на фундаментальных принципах функционирования опционов; показано, за счет чего опционный контракт является механизмом государственно-частного партнерства.

Abstract. This article characterizes the concept of public-private partnership; provides a typology of option contracts; reflects the criteria for subdivision of options; shows what an option contract is and what features an option contract has; reflects the key strategies of option contracts based on the fundamental principles of options; shows why an option contract is a mechanism of public-private partnership.

Ключевые слова: производитель; инвестор, продавец, договор, продажа, приобретение актива, механизм, стратегии.

Keywords: producer; investor, seller, contract, sale, asset acquisition, mechanism, strategies.

Для цитирования: Параскевова С.А., Мустафин Р.Ф. Опционный контракт как механизм государственно-частного партнерства // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_297.

For citation: Paraskevova S.A., Mustafin R.F. Option contract as a mechanism of public-private partnership // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 297-299. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_297.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Государственно-частное партнерство (далее – ГЧП) опирается на инновационные инструменты, внедряемые государственным сектором с целью оформления соглашений с хозяйствующими субъектами, применяющими в соответствии с определенными границами времени и капиталом управленческий потенциал с целью реализации проектов.

Сохраняя ответственность за процесс обеспечения граждан услугами, государство влияет на развитие национальной экономики.

Унифицированный термин ГЧП, предназначенный для описания отношений между органами государства и частным сектором для внедрения интеллектуальных, материальных и иных ресурсов частного партнера, приводит Международный валютный фонд ГЧП [1].

ГЧП - конструктивное взаимодействие частного бизнеса и институтов государства, выражающееся в разных направлениях социальной жизни.

Что касается опционного договора, то его характеристики будем рассматривать, опираясь на мнения таких исследователей, как Г.Н. Орлов [2], К.В. Севеева [3] и др.

Опционы представляют собой финансовые инструменты, базирующиеся на стоимости ценных бумаг (например, акций).

В свою очередь, опционный контракт представляет собой соглашение двух сторон, заключаемое с целью содействия сделке с определенной ЦБ по цене исполнения в день или раньше истечения периода действия.

Покупателям опционный контракт по сути предлагает возможность продать либо купить базовый актив по представленной в соглашении цене (на протяжении определенного интервала времени).

В современных условиях, когда в отношении нашей страны вводятся многочисленные санкции и реализуется политика импортозамещения, опционный контракт представляет собой средство, позволяющее привлекать дополнительные инвестиционные средства в субъекты РФ. Эти средства позволяют реализовать инфраструктурные проекты, производить продукцию и предоставлять услуги.

При этом необходимо принимать во внимание, что механизмы таких контрактов строго не регламентируются. Как правило, они применяются в сфере международной торговли. В частности, данный вид контрактов способствует возмещению дисбаланса в торговле между государствами или организациями. В настоящее время данный механизм позволяет развивать российское производство, делать поставки более

безопасными и создавать новые рабочие места.

Исследователями [4] подчеркивается, что рассматриваемый механизм структурно подразумевает взаимодействие между тремя действующими силами. В частности, это производитель, который является при этом инвестором и продавцом, покупатель и государственные органы, обладающие преференциями, которые могут быть предоставлены производителю. Важно отметить, что производителям-инвесторам, выступающими стороной подобных соглашений, полагается ряд налоговых льгот и привилегий. Также, у граждан должна быть возможность защиты своих цифрозкосистемных прав, в том числе и с помощью механизма судебного инвестирования, который начал активно применяться в России после появления в 2016 году [5, с. 194].

Опционный договор, согласно ГК РФ, представляет собой заключаемые сторонами договорные отношения. Рассмотрим, какими особенностями обладает опционный контракт.

Опцион – это не что иное, как договор на продажу либо приобретение актива по определенной цене в конкретный период.

Инвестор при помощи опционы страхуется от необходимости хеджирования ЦБ. Бинарный опцион – спекулятивный инструмент, предусматривающий выбор одновременно нескольких сценариев развития.

Трейдер ставит денежные средства на рост или, наоборот, падение актива. Также он может выбрать различные варианты впрямую: от 3 - 5 мин. до суток. Другими словами, трейдер делает ставку на будущее событие.

Бинарные опционы напоминают букмекерские ставки. Если трейдер прав, то ставка и соответствующая премия ему возвращаются.

Опционы подразделяются:

I. Согласно базовому активу:

- фондовый (на акции);
- товарный (фьючерс на определенный биржевой товар);
- валютный (на курс валюты, предоставляющий покупателю законное право продать (купить) валюту по зафиксированному на момент оформления соглашения курсу);
- на фьючерс (за 2-3 дня до истечения периода действия опциона поставляется фьючерсный контракт, однако, даты поставки и экспирации фьючерса иногда совпадают. В такой ситуации покупатель опциона одновременно получает и базовый актив данного фьючерса);
- на индекс (расчетный);
- на процентный опцион (процентную ставку) (на вклад, кредит. Опционом определяется предел ставки, что актуально для финансовых инструментов с нестабильной ставкой);
- на ЦБ с постоянной доходностью.

II. Согласно специфике исполнения контрактов:

- американский (исполняется до истечения периода действия соглашения в любое время);
- европейский (исполняется исключительно после истечения периода действия соглашения);
- квазиамериканский (владелец вправе исполнить опцион лишь в указанные в соглашении даты до экспирации);
- азиатский (среднекурсовой) (на базе среднего значения стоимости базового актива за конкретный интервал времени определяется фактическая цена исполнения).

Далее рассмотрим типы опционов.

Колл-опцион предоставляет покупателю законное право по обозначенной цене приобрести в конкретный день либо до него актив. При этом за продавцом закрепляется обязательство продать данный актив по запросу.

Инвестор (трейдер), приобретая подобный опцион, оказываются в «длинной» позиции. Лонг открывают, рассчитывая заработать на повышении цены актива.

Таким образом, для того, чтобы покупатель смог воспользоваться правом приобретения актива на основании колл-опциона, его цена должна превосходить по значению цену страйка или исполнения.

Под опционом «в деньгах» следует понимать такую ситуацию, при которой покупателю выгодна цена актива. В данном случае покупатель вправе требовать его исполнения.

В качестве примера можно привести опцион пут (колл) с ценой исполнения больше (меньше) актуальной цены актива. При этом продавец оказывается в убытке.

Покупателю пут-опцион предоставляет законное право продажи актива в конкретный день (до него) по четко определенной цене.

Если покупатель изъявит желание исполнить опцион, то продавец должен принять соответствующий базовый актив. Инвесторы (трейдеры), приобретая подобные опционы, делают ставку на падение данного актива (шорт-позиция), т.е. планируют заработать.

Автоэкспирация опционов (исполнение автоматическое по завершению периода действия) распространяется на все активы.

Инвестор за небольшую премию, полученную по опциону, вправе нивелировать убытки в ситуации серьезных ценовых колебаний

посредством приобретения пут-опциона.

Инвестор, не располагая возможностью приобретения дорогого актива, может с помощью покупки опцион колл, заработать на росте данного опциона. При отсутствии необходимой квалификации инвестору необходимо для применения опционов пройти у брокера процедуру тестирования.

Проанализируем ключевые стратегии, основанные на фундаментальных принципах функционирования опционов:

1) Продажа колл-опциона (пут-опциона).

Инвестор получает прибыль от того, что при экспирации цена определенного актива будет меньше или больше конкретного значения. В данной ситуации прибыль инвестора ограничивается размером премии. Колл-опционы целесообразно приобретать при шорт-позиции по фьючерсам (акциям).

2) Приобретение колл-опциона (пут-опциона).

Инвестор получает прибыль от сокращения или повышения цены более конкретного значения. Его убытки ограничиваются при этом величиной премии.

Данные стратегии позволяют инвестору страховать от роста либо, наоборот, понижения стоимости активов, в соответствии с открытой позицией (лонг/шорт). Так, покупка пут-опционов позволит застраховаться от снижения цен фьючерсов (акций).

Проанализируем комбинации различных опционов [6], представленные следующими стратегиями:

1) «Медвежий спред» - это когда покупка пут-опциона параллельно с продажей другого пут-опциона с аналогичной датой экспирации и номиналом, но меньшим значением цены исполнения;

2) «Длинный фьючерс» - это когда одновременное совершение продажи пут-опциона и приобретения колл-опциона или противоположных действий (продажи колл и приобретения пут-опциона);

3) «Бычий спред» - это когда приобретение колл-опциона с параллельной продажей колл-опциона с аналогичной датой экспирации, но более высоким значением цены исполнения.

Благодаря установлению новых правил реализации данных контрактов российский сектор предпринимателей получил много возможностей, поскольку государство за счет поддержки предпринимательства помогает им развивать и обеспечивает все условия для того, чтобы они участвовали в госзакупках посредством заключения офсетных договоров. Такой подход обеспечивает большее разнообразие поставщиков и стимулирование здоровой конкуренции.

Итак, регламентация данного контракта позволяет:

- расширить сферу применения данного контракта на услуги в процессе создания либо реконструкции определенного имущества;

- изменить понятийный аппарат, которым обозначается частной стороны рассматриваемого вида контрактов, которая теперь именуется «инвестор».

Подобно договорам ГЧП (государственно-частного партнерства), данный контракт представляет собой важный инструмент, как для предпринимательства, так и для государства, поскольку позволяет достигать общих целей. Оба механизма позволяют развивать территории, возводить новые объекты и создавать новые рабочие места. Для государства значим и тот факт, что анализируемый контракт способствует росту налоговых поступлений в бюджет.

Библиография:

1. Public Private Partnership in Education // A report by Education International. Brussels, September 2009. 184 p.
2. Орлов Г.Н. Опционные договорные конструкции в Гражданском кодексе Российской Федерации и их дальнейшее развитие: дисс. ...канд. юрид. наук. СПб. 2019. - 421 с.
3. Севеева К.В. Опционные соглашения в корпоративном праве: автореф. дис. ...канд. юрид. М. 2023. 29 с.
4. Баранов, А.О. Оценка эффективности инновационных проектов с использованием опционного и нечетко-множественного подходов: монография / А.О. Баранов и др.; РАН, Сибирское отделение, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук. - Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2018. - 335 с.
5. Мустафин Р.Ф., Мустафина С.А., Ильяшенко Е.А. Институт судебного инвестирования: состояние и перспективы развития // Юристы-Правоведь. 2020. № 4 (95). С. 192-195.
6. Опцион на заключение договора и опционный договор: сходство и различия [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.law.ru/article/27997-option-na-zaklyuchenie-dogovora-i-optionnyy-dogovor-shodstvo-i-razlichiya?ysclid=lx7gdgj67d347326839>

References:

1. Public Private Partnership in Education // A report by Education International. Brussels, September 2009. 184 p.
2. Orlov G.N. Optional arguments in the Civil Code of the Russian Federation and their further development: dissertation ...cand. Jurid. Scientific St. Petersburg, 2019. - 421 P.
3. K. Seveeva.B. Optional approvals in corporate law: abstract. surprise. ...cand. jurid. M. 2023. 29 p.
4. Baranov, A.Yes. Evaluation of the effectiveness of innovative projects using optional and fuzzy-diverse approaches: monograph / A.Da. Baranov et al.; RAS, Siberian Branch, Federal State Budgetary Institution of Science, Institute of Economics and Industrial Production Organization of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Novosibirsk: IEPP SB RAS, 2018. - 335 P.
5. Mustafin R.F., Mustafina S.A., Ilyashenko E.A. Institute of judicial investment: state and prospects of development // Jurist-Pravoved 2020. No. 4 (95). pp. 192-195.
6. Option to conclude an argument and an option argument: similarities and differences [Electronic resource] Achievement mode: <https://www.law.ru/article/27997-option-na-zaklyuchenie-dogovora-i-optionnyy-dogovor-shodstvo-i-razlichiya?ysclid=lx7gdgj67d347326839>

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_300

УДК 347

ДОБРОСОВЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ И КОРПОРАТИВНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ: ПРИРОДА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ CONSCIENTIOUS BEHAVIOR AND ABUSE OF LAW IN BUSINESS AND CORPORATE LEGAL RELATIONS: NATURE AND LAW ENFORCEMENT

СНЫТНИКОВА Наталия Валериевна,
преподаватель кафедры правового регулирования бизнеса и гражданского судопроизводства
НОЧУ ВО "Московский Финансово-Промышленный Университет "Синергия".
125315, Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, д. 80.
Мировой судья судебного участка 244 Солнечногорского судебного района Московской области.
E-mail: natali1993@yandex.ru;

SNYTNIKOVA Natalia V.,
Lecturer at the Department of Legal Regulation of Business and Civil Proceedings
Moscow Financial and Industrial University "Synergy".
Leningradsky Prospekt, house 80, Moscow, 125315.
Justice of the Peace of the judicial district 244 Solnechnogorsk judicial district of the Moscow region.
E-mail: natali1993@yandex.ru

Краткая аннотация: В целях правовой определенности представляется необходимым формирование единообразной судебной практики, регламентирующей, в частности, вопросы применения принципа добросовестности и недопустимости злоупотребления правом при разрешении спорных аспектов различных правоотношений. Несмотря на то, что добросовестность и злоупотребление правом – это нравственно-этические категории, разрешение вопроса о наличии в действиях субъекта предпринимательского права признака добросовестности или злоупотребления правом на практике имеет особое значение при разрешении юридических экономических споров. В представленной статье определена правовая природа добросовестного поведения и злоупотребления правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях, сделаны акценты в отношении вопросов правоприменения.

Abstract: For the purposes of legal certainty, it seems necessary to form a uniform judicial practice regulating, in particular, the application of the principle of good faith and the inadmissibility of abuse of law in resolving controversial aspects of various legal relations. Despite the fact that good faith and abuse of law are moral and ethical categories, resolving the issue of whether there is a sign of good faith or abuse of law in the actions of a business entity in practice is of particular importance in resolving legal economic disputes. The presented article defines the legal nature of conscientious behavior and abuse of law in business and corporate legal relations, and focuses on law enforcement issues.

Ключевые слова: Добросовестное поведение, злоупотребление правом, предпринимательская деятельность, корпоративные правоотношения, договор, правоприменение, защита прав.

Keywords: Conscientious behavior, abuse of law, entrepreneurial activity, corporate legal relations, contract, law enforcement, protection of rights.

Для цитирования: Снытникова Н.В. Добросовестное поведение и злоупотребление правом в предпринимательских и корпоративных правоотношениях: природа и правоприменение // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 300-304. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_300.

For citation: Snytnikova N.V. Conscientious behavior and abuse of law in business and corporate legal relations: nature and law enforcement // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 300-304. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_300.

Статья поступила в редакцию: 17.08.2024

Как указывал в доктрине классик советской цивилистики Грибанов В.П. «злоупотребление правом - это особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения» [4, с. 63]. В наиболее широком смысле под злоупотреблением подразумевают употребление чего-либо, подлежащего использованию, не в полезных целях, а во зло; использование того или иного явления, предмета в целях неправомерного, несправедливого получения какой-либо выгоды для себя, в собственных интересах [8, с. 28]. Также злоупотребление интерпретируется как употребление чего-либо во вред себе либо другим посредством обращения хорошего средства для достижения плохой цели. Злоупотребление заключается, как правило, в противоправном, сознательном, корыстном использовании собственных возможностей во вред другим лицам [5, с. 187].

Для современного общества характерна социализация экономических процессов, предпринимательской деятельности и законодательного регулирования [9, с. 93]. В доктрине установлено, что «понятийная составляющая феномена «злоупотребление правом», во многом обусловлена правильностью оценки пределов осуществления субъективных прав» [2, с. 37]. В качестве злоупотребления правом рассматривается также использование лицом, участвующим в конкретном правоотношении, своих прав, правомочий в противоречии с их назначением, влекущее причинение вреда другим субъектам, обществу, государству [6, с. 34].

Помимо этого, в соответствии с позицией Верховного Суда РФ, изложенной в Определении № 52-КГ16-4, в качестве злоупотребления

субъективным правом необходимо рассматривать «поведение управомоченного лица по осуществлению принадлежащего ему права, осуществляемое с незаконной целью, а также любые негативные последствия, которые являются косвенным либо прямым результатом осуществления субъективного права»¹.

При этом под незаконной (противозаконной) подразумевается в данном случае не столько формально противная нормам права цель, сколько цель, которая не отвечает прогрессивным требованиям законодательства или конкретного закона (например, ГК РФ), направленным на выстраивание идеальной модели соответствующих правоотношений [3, с. 74], в том числе гражданских, непосредственно корпоративных.

В настоящее время исследователи, в частности, А.В. Юдин, пришли к мнению, что «злоупотребление правом следует рассматривать в качестве особой формы правонарушения, то есть в качестве умышленных недобросовестных действий участников соответствующего правоотношения, сопровождающихся нарушением условий осуществления субъективных прав и совершаемых только с видимостью реализации данных прав, сопряженных с обманом в отношении известных фактов, обстоятельств с целью ограничения возможности реализации либо нарушения прав каких-либо других участников данного правоотношения или третьих лиц» [17, с. 13]. Подобное определение злоупотребления правом представляется наиболее полным и точным.

Как установлено в науке «в 2020 - 2023 гг. российская экономика столкнулась с рядом трудностей: кризис, рост курса доллара и евро, экономические санкции и пандемия, безусловно, отрицательно сказались на состоянии корпораций и корпоративных отношений» [10, с. 30; 11, с. 15]. Такого рода ситуация выступила катализатором нарушения принципа добросовестности и порождает злоупотребление правом.

«Злоупотребление правом может быть установлено судом при рассмотрении дела, например, по иску правообладателя о применении мер защиты принадлежащего ему права и на основании решения суда» [1, с. 95].

Обратим внимание, что злоупотребление правом рассматривается и в качестве заведомо недобросовестного применения норм законодательства [14, с. 76]. Кроме того, злоупотребление субъективными правами со стороны лиц, принимающих участие в тех или иных правоотношениях (как материальных, имущественных, так и процессуальных), рассматривается в качестве модели поведения, противоречащей поведению добросовестному [7, с. 70]. Несмотря на краткость, подобные определения представляются весьма емкими, затрагивающими важнейший признак злоупотребления любыми субъективными правами, в том числе корпоративными, а именно признак недобросовестности, недобросовестного поведения субъекта, участника конкретного правоотношения.

Таким образом, в литературе злоупотребление правом рассматривается как правонарушение, как правомерное (неправомерное) поведение, как особый тип поведения. Необходимо также обратить внимание на факт того, что в отличие от правонарушения как такового, злоупотребление правом, в том числе корпоративным, во всех случаях внешне основано на субъективном праве, и, как правило, формально оно не противоречит объективному праву (закрепленным в законах нормам) до определенного момента (до начала нарушения прав других лиц).

В гражданском и ином законодательстве пределы осуществления субъективных прав закрепляются разными способами. В некоторых случаях предписывается определенный порядок осуществления субъективного права, не допускающий каких-то отступлений. В других случаях пределы формулируются путем введения запретов на совершение конкретных действий. Как указывается в доктрине профессором А.Н. Левушкиным «конфликт интересов у менеджмента возникает, когда его деятельность подчинена не интересам компании, а значит, акционерам, а собственным и интересам аффилированных лиц» [12, с. 170].

Пределы осуществления субъективных прав подлежат установлению законодателем посредством применения таких правовых средств, как:

- определение задач гражданского и иного законодательства. При злоупотреблении субъектом осуществляется попытка сокрытия истинной цели собственных действий, вступающей в противоречие с целью правомерной, достижение которой санкционируется гражданско-правовой нормой [15, с. 71];

- определение принципов гражданского и иного права и законодательства. Именно в них, прежде всего, закреплены пределы осуществления субъективных прав (принципы равенства участников регулируемых гражданских, корпоративных отношений (их возможностей, прав и обязанностей), неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства в частные дела (необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав), обеспечения восстановления нарушенных прав, добросовестности, свободы всех участников гражданского оборота, разумности);

- закрепление пределов осуществления субъективных прав в диспозиции правовой нормы.

«Роль законодателя заключается не в устранении такой ситуации путем применения запретительных мер, а в организации правового регулирования для сохранения выгодного экономического положения корпорации» [11, с. 15]. Кроме того, изучение отношений между участниками в сложившейся конъюнктуре экономического неравенства при отсутствии непосредственных конфликтных разногласий позволяет изучить возможные способы умаления интересов миноритариев, называемых притеснением.

Кроме того, границы применения субъективных гражданских прав, распространяющиеся на все виды гражданских и в их рамках корпора-

---

¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 14.06.2016 № 52-КГ16-4 // Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 13.08.2024).

тивных правоотношений, установлены ст. 10 ГК РФ (данные пределы называют универсальными). В этом случае законодателем запрещается совершение ряда действий, описываемых оценочными понятиями (речь здесь идет о родовых понятиях).

Иными словами, при нарушении данных запретов действия субъектов можно трактовать как злоупотребление. В частности, мы видим указание на то, что «не допускаются действия граждан и юридических лиц, осуществляемые исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)».

Также мы отмечаем положение о недопущении использования гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребления доминирующим положением на рынке.

Следует выделить, что при осуществлении гражданских и непосредственно корпоративных прав необходимо также учитывать и частные стеснения субъективных прав, в частности, ограничения на основании судебного решения или акта должностного лица (запрет совершения определенных действий, наложение ареста на имущество). Также к частным стеснениям гражданского права относят договорные ограничения права.

Это подтверждается и позицией высших судебных инстанций, согласно которой при наличии доказательств злоупотребления стороной договора своим правом, вытекающим из одного из условий заключенного договора, отличающегося от диспозитивной нормы либо исключающего применение такой нормы, а также при злоупотреблении стороной своим правом, основанным на императивной норме, суд при учете характера и последствий допущенного злоупотребления должен вынести данной стороне договора отказ в защите принадлежащего ей права полностью либо частично или применить другие законодательно установленные меры.

Указанные последствия подлежат применению и в случае злоупотребления правом обеими сторонами договора, которые недобросовестно воспользовались свободой определений договорных условий в нарушение охраняемых законом интересов третьих лиц или публичных интересов¹.

Следует особо обратить внимание на то, что во всех случаях злоупотребление корпоративным правом выступает в качестве недобросовестного осуществления соответствующего права.

Вывод о том, что злоупотребление правом может иметь место лишь при условии наличия у лица соответствующего права, неоднократно подтверждался судебной практикой, в том числе в обобщенном Высшим Арбитражным судом Российской Федерации информационном письме².

Поясним, что ни один из субъектов соответствующих корпоративных правоотношений не имеет права на извлечение каких-либо преимуществ из собственного недобросовестного либо незаконного поведения (деятельности).

Исходя из смысла вышеприведенной ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, принцип добросовестности находит выражение в недопустимости при осуществлении гражданами (субъектами) собственных прав нарушений прав, интересов иных лиц, причинения этим лицам иного вреда. При этом правовая позиция Конституционного Суда РФ допускает возможность применения ответственности к юридическим лицам за злоупотребление ими гражданскими (и корпоративными) правами³.

Обращает на себя внимание отсутствие легально закрепленных в гражданском законодательстве дефиниций «злоупотребления правами» и «добросовестного поведения», что негативно сказывается на возможности применения мер ответственности к недобросовестным участникам гражданского оборота и непосредственно корпоративных отношений.

Добросовестность в предпринимательском и корпоративном праве является, по сути, основополагающей обязанностью лиц, участвующих в определенных корпоративных правоотношениях, и служит условием осуществления субъективных гражданских (корпоративных) прав, при котором внутренние установки субъекта, участника правоотношения (его интеллектуальный аспект) соответствуют совершаемым им действиям (его поведенческий аспект) [13, с. 48]. Единство интеллектуального и поведенческого аспекта добросовестности как условия осуществления субъективных гражданских или непосредственно корпоративных прав наиболее ярко проявляется в сообщении другой стороне правоотношения (и третьим лицам) только действительного состояния фактов, правоотношения и поведения на основе такой информации.

Также принцип добросовестности рассматривается в качестве требования о недопустимости извлечения преимуществ из собственного поведения при нарушении тем самым чужого интереса или прав (равно как и общественного интереса). Добросовестность предполагает использование предоставленных лицу корпоративных прав исключительно для достижения не противоречащей закону цели.

В рамках гражданского права и законодательства при оценке добросовестности или недобросовестности поведения и действий участников гражданских и корпоративных правоотношений презюмируется поведение, ожидаемое от любого участника, которым учитываются интересы и права другой стороны, которое содействует второй стороне путем предоставления всей необходимой информации. При этом как разумность, так и добросовестность поведения и действий участников гражданского оборота предполагаются до тех пор, пока не будет доказано противное⁴.

При этом для установления факта недобросовестного поведения одной из сторон необходимо наличие обоснованного заявления от другой

¹ Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

² Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда от 25.11.08 № 127 «Обзор практики применения арбитражными судами статьи 10 Гражданского кодекса Российской Федерации» // Вестник ВАС РФ. 2009. № 2.

³ Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 1. Ст. 19.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8.

стороны, либо вмешательство суда, если будет усматриваться, что поведение этой стороны явно отклоняется от добросовестного поведения. В данном случае подлежат обсуждению в судебном порядке обстоятельства, которые непосредственно и явно свидетельствуют о недобросовестном поведении, в том числе при отсутствии указаний на них сторонами.

Под неосторожностью в рамках гражданского права, где эта форма вины достаточно широко применяется, а также в рамках гражданско-процессуального права следует понимать, в сущности, отсутствие требуемой от лица, участника корпоративного правоотношения должной заботы, внимательности, осведомленности и предусмотрительности. Небрежность, соответственно, представляет собой неумышленное ненадлежащее использование своих корпоративных прав.

При легкомыслии же (самонадеянности) лицо, участвующее в корпоративном правоотношении, предвидит возможные негативные последствия своих действий (бездействия), но самонадеянно полагается на предотвращение этих последствий без достаточных на то оснований. Подтверждение своей позиции мы находим и в римском праве, где ответчик мог предъявить иск о сутяжничестве не только в случае недобросовестности истца, но даже если он начал процесс легкомысленно.

Также в видении ряда исследователей (А. Лукьянцева, И.Э. Файзрахмановой и др.) шикана (рассматриваемая в качестве исторически первой формы злоупотребления гражданским правом) всегда совершается с прямым умыслом, а злоупотребление правом в иных формах может быть совершено как с косвенным умыслом, так и по неосторожности [16, с. 68].

Исходя из чего, представляется правомерным говорить в настоящее время о возможности рассмотрения категории злоупотребления гражданским, корпоративным правом не только как умышленного, но и как неосторожного поведения отдельных участников корпоративных правоотношений. Соответственно, субъективная сторона злоупотребления корпоративным правом может характеризоваться виной в форме умысла или неосторожности (в форме легкомыслия или небрежности).

При этом для оценки виновности значение имеет, прежде всего, такой признак психической деятельности лица, как знание (осведомленность) о противоправности собственного поведения.

Подчеркнем также необходимость отграничения злоупотребления правом от неисполнения обязанностей. Состав правонарушения, образующего непосредственно злоупотребление гражданским (корпоративным) правом, может быть связан в определенной части с неисполнением обязанности, но не быть им в полной мере.

В данном случае речь идет о том, что лица, являющиеся участниками корпоративных правоотношений, должны добросовестно пользоваться всеми предоставленными им законодателем правами. Нарушение (неисполнение) указанной обязанности и порождает злоупотребление правом. Вместе с тем нарушить данную обязанность возможно только в форме действия, используя право, превышая пределы его реализации. Соответственно, неисполнение не любой обязанности влечет злоупотребление, а только одной [14, с. 109].

Также обращается внимание на то, что при злоупотреблении лицом принадлежащими ему корпоративными правами, как правило, может быть причинен материальный и нематериальный (а в некоторых случаях и моральный) вред другим участникам корпоративного правоотношения, в некоторых случаях третьим лицам и государству. Отметим также, что цели злоупотребления корпоративными правами могут быть различны: нарушение равноправия сторон корпоративных, в том числе договорных отношений; удовлетворение собственных экономических (имущественных и пр.) интересов; намерение нанести ущерб, вред другим участникам корпоративного правоотношения или третьим лицам; получение выгоды большей, чем при добросовестном использовании своего корпоративного права; улучшение или укрепление своего экономического (конкурентного, доминирующего) положения на рынке и иного) положения; избегание или уменьшение уровня юридической ответственности, ограничение конкуренции, расширение корпорации и иные цели.

Кроме того, злоупотребление корпоративным правом может преследовать своей целью совершение рейдерского захвата, осуществление вывода имущества с организации-должника, доведение хозяйственного общества до фиктивного банкротства, получение возможности незаконного обналичивания денежных средств.

Необходимо также обратить внимание на наличие определенных причин, порождающих любые действия, поведение людей (их объединений), включая злоупотребление ими своими правами. Данные причины могут носить субъективный и объективный характер.

Например, в качестве объективных причин злоупотребления корпоративными правами выступать могут абстрактный характер гражданско-правовых и иных норм, и вследствие этого – неопределенность содержания субъективных гражданских, корпоративных прав, полномочий, обуславливающая, в свою очередь, возможность многовариантного поведения при реализации соответствующих прав; пробелы и коллизии в праве, порождающие противоречия и вакуум в правовом регулировании и пр.

Таким образом, под злоупотреблением корпоративным правом следует понимать заведомо недобросовестное осуществление участником корпоративного правоотношения, предоставленного ему законом, уставом общества или корпоративным договором, права, противоречащего его назначению посредством действий (бездействия), направленных на ограничение возможности реализации или нарушение прав других участников корпоративного правоотношения или третьих лиц.

Злоупотребление корпоративным правом влечет, как правило, причинение имущественного вреда, ущерба другим участникам корпоратив-

ного отношения, третьим лицам, обществу, государству.

Преследуемые лицом, злоупотребляющим корпоративными правами, цели всегда противоречат целям, задачам и принципам гражданского и иного законодательства.

Понятие добросовестного поведения участниками корпоративных правоотношений может быть изложено в нормах специального законодательства и ст. 10 ГК РФ в следующей редакции: «Добросовестное поведение – поведение, соответствующее целям, задачам и принципам гражданского законодательства, не преследующее цели извлечения каких-либо преимуществ, экономических и иных выгод, заключающееся в надлежащей реализации гражданских (корпоративных) прав в установленных законом пределах и исполнении обязанностей участниками соответствующих правоотношений, характеризующееся правоммерностью, честностью».

Библиография:

1. Айрапетов Н.А. Принцип добросовестности и требование о злоупотреблении правом при регистрации товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2024. № 1. С. 93 - 99.
2. Антонова Н.В. Злоупотребление правом в социально-обеспечительных правоотношениях: проблема определения понятийной составляющей // Социальное и пенсионное право. 2024. № 1. С. 36 - 42.
3. Боловнев М.А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 231 с.
4. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут. Серия: Классика российской цивилистики. 2000. 410 с.
5. Гришин В.С. Сравнительный анализ понятия злоупотребление правом в различных отраслях права // Научное сообщество студентов XXI столетия. Общественные науки: сборник статей. Новосибирск, 2018. С. 187-188.
6. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. 170 с.
7. Жуков А.А. Правовые средства воздействия суда на процессуальное поведение сторон в гражданском судопроизводстве: дисс. канд. юрид. наук. М., 2022. 193 с.
8. Зайцева С.Г. Злоупотребление правом как правовая категория (вопросы теории и практики): дисс. ... канд. юрид. наук. Коломна, 2003. 198 с.
9. Левушкин А.Н. Концепция легитимации семейного предпринимательства сквозь призму частноправового и публично-правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 8. С. 90 - 99.
10. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов граждан, предпринимателей и публично-правовых образований как участников инвестиционных правоотношений на рынке ценных бумаг // Юрист. 2022. № 6. С. 29 - 36.
11. Левушкин А.Н. Обеспечение баланса интересов мажоритарных и миноритарных акционеров в корпоративных правоотношениях // Гражданское право. 2022. № 6. С. 14 - 18.
12. Левушкин А.Н. Конфликт интересов между субъектами корпоративных правоотношений при проведении сделок с акциями // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 12. С. 168 - 174.
13. Михеева И.В. Злоупотребление правом корпоративных правоотношений, анализ и инновации борьбы с ними // Студенческий форум. 2022. № 43-2. С. 47-49.
14. Наумов А.Е. Злоупотребление правом: теоретико-правовой аспект: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 144 с.
15. Файзрахманова И.Э. Понятие и правовая природа злоупотребления правом // Евразийский научный журнал. 2017. № 10. С. 70-72.
16. Файзрахманова И. Э. Шикана как форма злоупотребления правом // Евразийский научный журнал. 2017. № 10. С. 67-69.
17. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве: дисс. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2009. 537 с.

References:

1. Airapetov N.A. The principle of good faith and the requirement of abuse of rights during trademark registration // Property relations in the Russian Federation. 2024. No. 1. pp. 93-99.
2. Antonova N.V. Abuse of law in social security legal relations: the problem of defining the conceptual component // Social and pension law. 2024. No. 1. pp. 36-42.
3. Bolovnev M.A. Effectiveness of countering abuse of procedural rights: dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Omsk, 2018. 231 p.
4. Gribanov V.P. Implementation and protection of civil rights. M.: Statute. Series: Classics of Russian civil law. 2000. 410 p.
5. Grishin V.S. Comparative analysis of the concept of abuse of law in various branches of law // Scientific community of students of the XXI century. Social Sciences: a collection of articles. Novosibirsk, 2018. pp. 187-188.
6. Durnovo N.A. Abuse of law as a special type of legal behavior: theoretical and legal analysis: dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Nizhny Novgorod, 2006. 170 p.
7. Zhukov A.A. Legal means of influencing the court on the procedural behavior of the parties in civil proceedings: dissertation of the candidate. Jurid. M., 2022. 193 p.
8. Zaitseva S.G. Abuse of law as a legal category (issues of theory and practice): diss. ... cand. Jurid. sciences'. Kolomna, 2003. 198 p.
9. Levushkin A.N. The concept of legitimation of family entrepreneurship through the prism of private law and public law regulation // Current problems of Russian law. 2023. No. 8. pp.90-99.
10. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of citizens, entrepreneurs and public legal entities as participants in investment legal relations in the securities market // Lawyer. 2022. No. 6. pp. 29-36.
11. Levushkin A.N. Ensuring a balance of interests of majority and minority shareholders in corporate legal relations // Civil law. 2022. No. 6. pp. 14-18.
12. Levushkin A.N. Conflict of interests between subjects of corporate legal relations during transactions with shares // Actual problems of Russian law. 2022. No. 12. pp. 168 - 174.
13. Mikhееva I.V. Abuse of the right of corporate legal relations, analysis and innovations of combating them // Student Forum. 2022. No. 43-2. pp. 47-49.
14. Naumov A.E. Abuse of law: theoretical and legal aspect: dissertation ... cand. Jurid. sciences'. Moscow, 2010. 144 p.
15. Fayzrakhmanova I.E. The concept and legal nature of abuse of law // Eurasian Scientific Journal. 2017. No. 10. pp. 70-72.
16. Fayzrakhmanova I. E. Chicane as a form of abuse of law // Eurasian Scientific Journal. 2017. No. 10. pp. 67-69.
17. Yudin A.V. Abuse of procedural rights in civil proceedings: diss. ...Dr. Jurid. sciences'. St. Petersburg, 2009. 537 p.

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ИНТЕРЕСЫ В ЧАСТНОМ ПРАВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ PROPERTY INTERESTS IN THE PRIVATE LAW OF THE REPUBLIC OF BELARUS

ФУШТЕЙ Эльвира Равильевна,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук.
E-mail: aspirant8381@mail.ru;

FUSHTEY Elvira Ravilyevna,

Candidate of Law degree candidate.

E-mail: aspirant8381@mail.ru

Краткая аннотация: В статье рассматриваются ключевые аспекты имущественных интересов в контексте частного права Республики Беларусь. Автор анализирует правовые нормы, регулирующие защиту имущественных прав граждан и юридических лиц, а также рассматривает механизмы, способствующие обеспечению и защите имущественных интересов в различных сферах частного правоотношения. Исследуются основные категории имущественных интересов, включая право собственности, обязательства и другие права на имущество. Обсуждаются вопросы, касающиеся защиты этих интересов в судебном порядке, а также альтернативные способы разрешения споров, такие как медиация и арбитраж. Автор уделяет внимание анализу действующего законодательства Республики Беларусь, включая Гражданский кодекс, и его влияние на правоприменительную практику. Рассматриваются также особенности судебной практики, касающейся споров о имущественных интересах, с акцентом на актуальные тенденции и проблемы, возникающие в данной области. В статье подчеркивается важность правовой защиты имущественных интересов для обеспечения стабильности и предсказуемости гражданских оборотов, а также для создания благоприятной инвестиционной среды в стране. В заключение автор предлагает рекомендации по совершенствованию правового регулирования в области защиты имущественных интересов, что может способствовать повышению правовой уверенности граждан и юридических лиц.

Abstract: The article examines the key aspects of property interests in the context of private law of the Republic of Belarus. The author analyzes the legal norms governing the protection of property rights of citizens and legal entities, and also examines the mechanisms that contribute to ensuring and protecting property interests in various areas of private legal relations. The main categories of property interests are investigated, including ownership, obligations and other property rights. Issues related to the protection of these interests in court are discussed, as well as alternative dispute resolution methods such as mediation and arbitration. The author pays attention to the analysis of the current legislation of the Republic of Belarus, including the Civil Code, and its impact on law enforcement practice. The features of judicial practice concerning disputes over property interests are also considered, with an emphasis on current trends and problems arising in this area. The article emphasizes the importance of legal protection of property interests to ensure stability and predictability of civil turnover, as well as to create a favorable investment environment in the country. In conclusion, the author offers recommendations on improving legal regulation in the field of protection of property interests, which can contribute to increasing the legal confidence of citizens and legal entities.

Ключевые слова: право, имущественные интересы, частное право, собственность, обязательства, защита прав, Республика Беларусь, Гражданский кодекс, правоприменение, имущественные споры.

Key words: law, property interests, private law, property, obligations, protection of rights, Republic of Belarus, Civil Code, law enforcement, property disputes.

Для цитирования: Фуштей Э.Р. Имущественные интересы в частном праве Республики Беларусь // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 305-307. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_305.

For citation: Fushtey E.R. Property interests in the private law of the Republic of Belarus // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 305-307. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_305.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Имущественные интересы в частном праве Республики Беларусь занимают центральное место в правовой системе страны, поскольку они охватывают широкий спектр отношений, касающихся прав собственности, обязательств и других форм имущественных прав. Эти интересы регулируются нормами Гражданского кодекса и другими законодательными актами, направленными на защиту прав граждан и юридических лиц, обеспечивая стабильность и предсказуемость в частных имущественных отношениях¹.

Основной аспект, касающийся имущественных интересов, — это право собственности, которое включает в себя как право владения, так и право распоряжения имуществом². В Республике Беларусь правовая система устанавливает четкие критерии и механизмы для защиты прав собственников, что позволяет им эффективно использовать и распоряжаться своим имуществом. Это касается как движимого, так и недвижимого имущества, что в свою очередь способствует развитию частного сектора экономики.

Важным элементом имущественных интересов является система обязательств, которая регламентирует отношения между сторонами, участвующими в сделках³. Она охватывает как договорные, так и недоговорные обязательства, включая обязательства, возникающие в результате причинения вреда или неосновательного обогащения⁴. Правила о обязательствах обеспечивают защиту интересов сторон и позволяют избежать конфликтов, возникающих в процессе имущественных отношений.

Кроме того, законодательство Республики Беларусь устанавливает правила и процедуры для разрешения споров, связанных с имущественными интересами. Это может включать судебные разбирательства, арбитражные процедуры и альтернативные способы разрешения споров,

¹ Петров, Д. Н. Объекты гражданских правоотношений: теоретико-правовой аспект [Электронный ресурс] / Д. Н. Петров. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/2703/1/petrov.pdf. – Дата доступа: 16.07.2024

² Скворцов, О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте: учебно-практическое пособие / О. Ю. Скворцов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 368 с.

³ Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – 893 с.

⁴ Скловский, К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы: моногр. / К.И. Скловский. – М.: Статут, 2001. – 365 с.

такие как медиация. Эти механизмы помогают защитить права и законные интересы сторон, способствуя стабильности и справедливости в имущественных отношениях.

Значительным аспектом имущественных интересов является также защита прав потребителей¹. Законодательство Республики Беларусь предоставляет дополнительные гарантии для физических лиц, защищая их от недобросовестных практик со стороны продавцов и производителей². Это включает в себя право на качество товара, право на информацию о товаре и услуги, а также право на компенсацию убытков в случае нарушения прав потребителей³.

Рассмотрим один из примеров судебных дел в данной области, в 2023 году в Республике Беларусь возник спор между соседями о праве собственности на часть земельного участка. Один из соседей утверждал, что часть участка была приобретена им еще в 2005 году и зарегистрирована на его имя в кадастровом учреждении. Другой сосед, который приобрел смежную часть участка позднее, заявил, что его предшественник имел право пользования на всю территорию участка до 2010 года, что включает и спорную часть.

Дело было передано в суд для разрешения спора. Судебный процесс включал в себя исследование документов о праве собственности на участок, показания свидетелей, подтверждающие историю пользования участком, и экспертную оценку кадастровых данных. Судья принял решение в пользу соседа, чей участок был зарегистрирован на его имя ранее, ссылаясь на положения Гражданского кодекса Республики Беларусь о приоритете права регистрации собственности⁴.

Этот случай подчеркивает важность четкости и достоверности документации о собственности при разрешении имущественных споров. В современных условиях важно обеспечивать свои права на недвижимость через официальную регистрацию и правильное хранение документов. Судебная система Республики Беларусь действует на основе законодательства, которое обеспечивает защиту собственности и разрешение споров по четким правовым основаниям.

Рассмотрим статистику по судебным делам, касающимся имущественных интересов в частном праве Республики Беларусь за 2021-2023 годы по областям (в процентном соотношении).

Таблица – Статистика по судебным делам, касающимся имущественных интересов в частном праве Республики Беларусь за 2021-2023 годы по областям (в процентном соотношении)⁵

Область	2021	2022	2023
Брестская	15%	14%	13%
Витебская	12%	13%	12%
Гомельская	18%	17%	16%
Гродненская	10%	11%	10%
Минская	25%	26%	28%
Могилевская	8%	7%	7%
г. Минск	12%	12%	14%

Из представленных данных видно, что наибольший процент судебных дел, касающихся имущественных интересов в частном праве, приходится на Минскую область и город Минск. Это объясняется высокой концентрацией деловой активности и плотностью населения в данных регионах.

Также можно отметить снижение процента судебных дел в Брестской, Витебской и Гомельской областях, что может свидетельствовать о стабилизации правовых отношений в этих регионах или об уменьшении числа споров, которые доходят до суда.

Наименьший процент дел в Могилевской области может указывать на меньшую экономическую активность или на лучшее соблюдение имущественных прав.

Для улучшения ситуации и снижения числа судебных споров, связанных с имущественными интересами в частном праве, необходимо внести следующие изменения в законодательство:

1. Усиление мер по защите прав собственников:

– Внести изменения в статью 152 Гражданского кодекса Республики Беларусь, усилив защиту прав собственников и установив более жесткие санкции за их нарушение⁶.

2. Упрощение процедуры разрешения имущественных споров:

– Дополнить статью 158 Гражданского процессуального кодекса Республики Беларусь положениями о возможности досудебного урегулирования споров и медиации¹.

¹ Суханов, Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1. Общая часть. – 720 с.

² Андреева, Е. Ю. Проблемы оборота объектов гражданских прав в современной науке и юридической практике / Е. Ю. Андреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 131. – С. 245–255.

³ Астахова, М. А. Объект субъективного гражданского права : понятие и признаки / М. А. Астахова // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 2–6.

⁴ ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://court.gov.by/>. – Дата доступа: 29.07.2024 г.

⁵ ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://court.gov.by/>. – Дата доступа: 29.07.2024 г.

⁶ Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

3. Повышение правовой грамотности населения:

– Включить в Закон Республики Беларусь "О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах" меры по усилению правового просвещения, особенно в области имущественных прав².

4. Разработка и внедрение электронных систем учета и защиты имущественных прав:

– Внести изменения в статью 8 Закона Республики Беларусь "О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним", установив обязательность ведения электронного реестра прав собственности³.

Предложенные меры помогут улучшить защиту имущественных прав граждан и снизить количество судебных споров в данной области. Внесение изменений в указанные статьи законодательства позволит создать более стабильную и прозрачную правовую среду, что положительно скажется на экономической активности и правопорядке в Республике Беларусь.

В заключение, имущественные интересы в частном праве Республики Беларусь являются важным элементом правовой системы, обеспечивающим защиту прав собственников, справедливость в обязательствах и права потребителей. Эффективное регулирование этих интересов способствует не только правовому порядку, но и развитию экономики, создавая условия для уверенности и стабильности в частном секторе.

Библиография:

1. Андреева, Е. Ю. Проблемы оборота объектов гражданских прав в современной науке и юридической практике / Е. Ю. Андреева // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. – 2021. – № 131. – С. 245–255.
2. Астахова, М. А. Объект субъективного гражданского права : понятие и признаки / М. А. Астахова // Гражданское право. – 2016. – № 2. – С. 2–6.
3. ВЕРХОВНЫЙ СУД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: Интернет-портал судов общей юрисдикции Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://court.gov.by/>. – Дата доступа: 29.07.2024 г.
4. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г., № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 18 июля 2022 г. № 195-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
5. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
6. О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-3: в ред. от 10 октября 2022 г. № 209-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
7. О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 января 2024 г. № 24 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.
8. Петров, Д. Н. Объекты гражданских правоотношений: теоретико-правовой аспект [Электронный ресурс] / Д. Н. Петров. – Режим доступа: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/2703/1/petrov.pdf. – Дата доступа: 28.07.2024.
9. Скворцов, О. Ю. Сделки с недвижимостью в коммерческом обороте : учебно– практическое пособие / О. Ю. Скворцов. – М.: Волтерс Клувер, 2006. – 368 с.
10. Скловский, К. И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы: моногр. / К.И. Скловский. – М.: Статут, 2001. – 365 с.
11. Скловский, К. И. Собственность в гражданском праве / К.И. Скловский. – 5-е изд., перераб. – М.: Статут, 2010. – 893 с.
12. Суханов, Е. А. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Волтерс Клувер, 2004. – Т. 1. Общая часть. – 720 с.

References:

1. Andreeva, E. Y. Problems of turnover of objects of civil rights in modern science and legal practice / E. Y. Andreeva // Izvestiya RSPU named after A. I. Herzen. – 2021. – No. 131. – pp. 245-255.
2. Astakhova, M. A. The object of subjective civil law : the concept and signs / M. A. Astakhova // Civil law. – 2016. – No. 2. – pp. 2-6.
3. THE SUPREME COURT OF THE REPUBLIC OF BELARUS: The Internet portal of the courts of general jurisdiction of the Republic of Belarus [Electronic resource]. – Access mode: <https://court.gov.by/>. – Access date: 07/29/2024
4. The Civil Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : 7 Dec. 1998, No. 218-Z : adopted by the House of Representatives on October 28, 1998 : approved. By the Council of the Republic of November 19, 1998 : as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 195-Z dated July 18, 2022 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2024.
5. The Civil Procedure Code of the Republic of Belarus [Electronic resource] : adopted by the House of Representatives: as amended. The Law of the Republic. Belarus No. 284-Z dated July 17, 2023 // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2024.
6. On the state registration of immovable property, rights to it and transactions with it [Electronic resource] : Law of the Republic of Belarus No. 133-Z dated July 22, 2002: as amended. dated October 10, 2022 No. 209-Z // ETALON. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2024.
7. On legal education and education of citizens in 2024-2029 [Electronic resource] : Law of the Republic of Belarus. Belarus No. 24 dated January 12, 2024 // THE STANDARD. Legislation of the Republic of Belarus / National Center for Legal Information. Rep. Belarus. – Minsk, 2024.
8. Petrov, D. N. Objects of civil legal relations: theoretical and legal aspect [Electronic resource] / D. N. Petrov. – Access mode: https://elib.institutemvd.by/jspui/bitstream/MVD_NAM/2703/1/petrov.pdf. – Access date: 07/28/2024.
9. Skvortsov, O. Yu. Real estate transactions in commercial circulation : an educational and practical guide / O. Yu. Skvortsov. □ M.: Walters Kluwer, 2006. □ 368 p.
10. Sklovsky, K. I. Application of civil legislation on property and possession. Practical issues: monograph / K.I. Sklovsky. □ M.: Statute, 2001. □ 365 p.
11. Sklovsky, K. I. Property in civil law / K.I. Sklovsky. 5th ed., reprint – M.: Statute, 2010. – 893 p.
12. Sukhanov, E. A. Civil law : textbook : in 4 volumes / ed. by E. A. Sukhanov. – 3rd ed., reprint. and additional – M. : Walters Kluwer, 2004. – Vol. 1. General part. – 720 p .

¹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : принят Палатой представителей: в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 284-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

² О правовом воспитании и просвещении граждан в 2024–2029 годах [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 12 января 2024 г. № 24

³ ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

³ О государственной регистрации недвижимого имущества, прав на него и сделок с ним [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 22 июля 2002 г. № 133-3: в ред. от 10 октября 2022 г. № 209-3 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2023.

ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ МЕРЫ, НЕРАЗРЫВНО СВЯЗАННЫЕ С НАСЛЕДОВАНИЕМ¹

Provisional measures linked exclusively with inheritance

ПАНИЧКИН Вячеслав Борисович,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права
Кемеровского государственного университета, адвокат.
Красная ул., 6, г. Кемерово, Кемеровская обл., 650000, Россия.
E-mail: panslavic@mail.ru;
SPIN-код: 3589-4840,
AuthorID: 543767,

Panichkin Vyacheslav B.,

Candidate of Judicial Sciences (PhD in Law),
Docent of the Civil Law Department of Kemerovo State University.
Krasnaya str., 6, Kemerovo, Kemerovo region, 650000, Russia.
E-mail: panslavic@mail.ru;
SPIN-код: 3589-4840,
AuthorID: 543767

Краткая аннотация: В статье впервые в отечественной науке сведены воедино и проанализированы все обеспечительные меры, объединённые по признаку неразрывной связанности их с наследованием, вне которого они не существуют. Автор анализирует такие меры, предусмотренные совокупно в трёх системах наследственного права: романо-германской, англо-американской и весьма своеобразной российской. Сделан вывод о существовании как универсальных для всех трёх систем наследственных обеспечительных мер, так и присущих только каждой из систем.

Abstract: The article, for the first time in Russian science, brings together and analyzes all provisional (interim) measures, being taken together on the basis of their inextricable (full and exclusive) connection with inheritance, outside of which they do not exist. The author analyzes such measures provided for in three systems of inheritance law: Romano-Germanic, Anglo-American and the very peculiar Russian. It is concluded that some hereditary security measures are universal for all three systems, and some measures are specific to only one legal system.

Ключевые слова: наследование, обеспечительные меры, залог из завещания, арест наследства, расходы, вызванные смертью.
Key words: inheritance, interim measures, pledge from a will, seizure of inheritance, expenses caused by death.

Для цитирования: Паничкин В.Б. Обеспечительные меры, неразрывно связанные с наследованием // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 308-313. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_308.

For citation: Panichkin V.B. Provisional measures linked exclusively with inheritance // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 308-313. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_308.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Помимо обычных обеспечительных мер, которые наследованием могут так или иначе затрагиваться, и которые, хотя и нечасто, но всё-таки становятся предметом исследования российских юристов, следует выделить ещё одну важную категорию - обеспечительные меры, сама природа которых и их применение неразрывно связаны с наследованием и вне его этих мер не существует.

Им в отечественной цивилистике уделяется куда меньше внимания, тем более в сравнительно-правовом аспекте. Это происходит несмотря на то, что эти меры присутствуют в системе как российского (и в целом романо-германского), так и англо-американского права. При этом в их составе есть как совпадающие, так и не имеющие аналогов эндемичные меры обеспечения, а действие схожих мер, будучи подчинено двум принципиально отличающимся системам имущественных прав, создаёт серьёзные различия при наследовании.

Настоящая работа призвана отчасти компенсировать недостаточное количество работ, охватывающих это правовое явление в комплексе и стать базой для других исследований. Непосредственная же цель – свести воедино все существующие наследственные обеспечительные меры.

Анализ их проблематики с применением сравнительно-правового метода позволяет выявить противоречия, переоценить существующие подходы и предложить изменения.

В правовых системах романо-германского и общего права к числу таких мер относятся семь:

- 1) генеральная обеспечительная мера на всё наследство,
- 2) арест имущества наследника в пределах стоимости перешедшего к нему имущества
- 3) запрет нотариусу выдавать свидетельства о праве на наследство,
- 4) обременение наследства в силу закона на необходимые расходы, вызванные смертью (*privilegium funerarium*),
- 5) пожизненная переходящая обеспечительная мера на часть наследства ввиду его специального имущественного режима,
- 6) залог из завещания,
- 7) непоименованные обеспечительные меры *sui generis* на случай смерти должника.

¹ Статья написана в рамках НИР ФГБОУ ВО «Российская государственная академия интеллектуальной собственности», осуществляющего научное исследование за счёт средств федерального бюджета: «Разработка теоретико-методологической базы наследования бизнеса в современных условиях», согласно Государственному заданию для ФГБОУ ВО РГАС 13-ГЗ-2022.
The study was conducted as part of the Development of a theoretical and methodological basis for business inheritance in modern conditions research project, according to the State task for the Russian State Academy of Intellectual Property (13-GZ-2022).

1. Генеральная обеспечительная мера на всё наследство

Предпосылкой для неё является избранная национальной правовой системой модель ответственности по долгам наследодателя. В российском праве это ответственность *стоимостью* актива, но не *самим активом* за его пассив, из чего вытекает ответственность наследников *в пределах стоимости наследства* (*pro viribus hereditatis*) в отличие от принятой странами общего права и большинством юрисдикций романо-германского права ответственности *в пределах самого наследственного имущества*, как такового, следущего из принципа ответственности *самого наследства* по долгам наследодателя.

Соответственно в России кредитор наследодателя становится кредитором всех наследников (но ввиду отсутствия сейзины - только принявших наследство), а не наследства как самостоятельной юридической личности (что свойственно общему праву) или идеальной сложной вещи (как в праве романо-германском). Поэтому нашему исполнительному производству безразлично деление имущества должника на личное и унаследованное: пристав обратит взыскание и на то, и на другое, смешав их в единое и нераздельное целое, в составе которого появляется ещё один или множество долгов в монетарном измерении, а требования кредиторов наследодателя сталкиваются и конкурируют с требованиями собственных кредиторов наследника. Кредиторы наследника вправе удовлетворить свои требования и за счёт унаследованного имущества, а кредиторы наследодателя – и за счёт личного¹, имевшегося у наследника и до открытия в его пользу наследства, равно как за счёт появившегося у него позже, в т.ч. по другим наследствам.

Логическим выводом из этого является то, что в нашем праве на наследство отнюдь не падает такая обеспечительная мера, как его залог в силу закона или его удержание в целях удовлетворения требований всех кредиторов наследодателя.

В странах, придерживающихся системы ответственности самого наследства по долгам наследодателя, соответственно, применяется залог всего наследства. В европейских странах, проводящих сепарацию унаследованного имущества и личного имущества наследника, генеральная обеспечительная мера надёжно ограждает наследство от поползновений личных кредиторов наследника и служит интересам первоочередного и наиболее полного удовлетворения за счёт наследства интересов кредиторов наследодателя.

В пробационной же системе в странах общего права принцип ответственности самого наследства достигает своего крайнего решения – суд передаёт всё наследство постороннему наследникам управляющему (администратору) как трастодержателю (*trustee*) на праве законного траста с самыми широкими дискреционными полномочиями в целях полного гашения в определённом порядке требований разных очередей кредиторов наследодателя.

2. Арест имущества наследника в пределах стоимости перешедшего к нему имущества

Поскольку, как уже сказано, в России никакой генеральной обеспечительной меры в силу закона на всё наследство нет, существует его функциональный аналог, следуемый из личного характера ответственности каждого из наследников. Он зиждется не на прямой норме права, а следует из п. 24 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2023 г. № 15 «О некоторых вопросах принятия судами мер по обеспечению иска, обеспечительных мер и мер предварительной защиты»: при рассмотрении споров о взыскании с наследников долгов наследодателя может быть наложена обеспечительная мера в виде ареста в пределах стоимости перешедшего к каждому из наследников имущества (п. 1 ст. 1175 ГК РФ)².

3. Запрет нотариусу выдавать свидетельства о праве на наследство

Весьма близок к этой мере запрет нотариусу выдавать свидетельства о праве на наследство до разрешения спора в суде, а именно до вступления в законную силу решения суда по делу³.

Учитывая необходимость наличия связи между обеспечительной мерой и материальным требованием (ч. 3 ст. 140 ГПК), при подаче иска об установлении отцовства, причиной для его установления должно быть указано вступление в наследство (признание права собственности в порядке наследования), так как без этого суд может отказать в принятии меры обеспечения или суд вышестоящей инстанции принятую меру отметить⁴.

Кроме того, выдача свидетельства о праве на наследство может быть приостановлена по решению суда в обеспечение исков об оспаривании прав кого-либо из наследников, о признании наследника недостойным, о признании завещания недействительным⁵.

4. Обременение наследства в силу закона на необходимые расходы, вызванные смертью (*privilegium funerarium*)

Между тем, определённый реликт такой генеральной обеспечительной меры на всё наследство в российском праве существует. На наш взгляд, он исторически следует из римской ипотеки в силу закона на похоронные расходы – «похоронной привилегии» (*privilegium funerarium*)⁶.

С точки зрения В.И. Серебровского, озвученной им в сер. XX века, помимо наследственных долгов (личных долгов наследодателя), существует и смежная с ними категория – долги в связи со смертью, не являющиеся наследственным пассивом, но именно *обременяющие* наследство.

Эту позицию следует поддержать и сейчас уже просто ввиду того, что при жизни наследодатель заведомо не задолжал и не мог задолжать по крайней мере по пяти из шести названных ныне в пункте 1 ст. 1174 ГК РФ «необходимым расходам»: на его достойные похороны и оплату места

¹ См. также: Наследственное право: постатейный комментарий к ст. 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. – 656 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #1 Лосса.) С. 493-494, 498-499.

² Российская газета, 7 июня 2023 г. № 123; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации, август 2023 г. № 8.

³ Апелляционное определение Хабаровского краевого суда от 30 июня 2022 г. по делу № 33-4735/2022; определение Нагатинского районного суда г. Москвы от 21 ноября 2022 г. по делу № 02-8838/2022.

⁴ Апелляционное определение Тамбовского областного суда от 04 октября 2021 г. по делу № 33-3408/2021.

⁵ См.: Идрисова Л.А., Ярлыкова Е.Л., Юдина А.Б. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1. - Специально для системы Гарант, 2013 г.

⁶ Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2002. С. 282 (автор главы – И.С. Розенталь). – 448 с.

погребения, на охрану наследства и управление им, а также по расходам, связанным с исполнением завещания. К прижизненным относится лишь один из перечисленных видов расходов – расходы, вызванные предсмертной болезнью наследодателя, но совершенно очевидно, что они приобщены к названному списку лишь ввиду нормативной экономии как метода юридической техники.

По п. 1 ст. 1174 ГК эти обременяющие наследство расходы возмещаются за счёт наследства в пределах его стоимости. Попытка истолковать эту нормы приводит к выводу, что эти расходы, возникшие заведомо после открытия наследства, но при этом только в связи с ним, возлагаются именно на наследство как таковое, а не на наследников. То есть в отличие от всех остальных долгов «необходимые расходы, вызванные смертью» обременяют всё-таки само материализованное наследство, а не его стоимость.

И хотя второй пункт этой статьи пытается «вернуть всё в своё русло» указанием на то, что требования о возмещении этих расходов могут быть предъявлены как к наследственному имуществу и исполнителю завещания (до принятия наследства), так и к наследникам, принявшим его, последующий абзац вводит настолько специальный порядок возмещения этих расходов, что позволяет говорить об отдельном режиме ответственности именно наследства, а не наследников, по существу гарантирующем их возмещение: «Такие расходы возмещаются до уплаты долгов кредиторам наследодателя и в пределах стоимости перешедшего к каждому из наследников наследственного имущества». То есть эти долги объединены в привилегированную очередь, а между собой субординированы в три звена, в которой кредиторы ранжированы с позиций социальной значимости представленных ими благ: в первую очередь возмещаются расходы, вызванные болезнью и похоронами наследодателя, во вторую - расходы на охрану наследства и управление им и в третью - расходы, связанные с исполнением завещания».

Совершенно очевидно, что даже при отсутствии в наследстве «чистого актива» само наличие в нём хоть какого-то имущества обеспечит этих привилегированных кредиторов, особенно первых звеньев. Точно также и в зарубежном праве: лечебно-медицинское учреждение всегда должно быть уверено, что получит своё вознаграждение за лечение человека даже при худшем исходе, а те, кто взял на себя благородную, но едва ли доставляющую удовольствие, миссию похоронить человека, всегда имеют гарантию компенсации своих затрат.

Мерами же обеспечения служат как запрет на любые растраты из наследства до гашения этих долгов, так и предусмотренный пунктом 3 ст. 1174 ГК РФ специальный порядок использования соответствующими кредиторами, а именно лицами, взявшими на себя похороны наследодателя (а это не обязательно наследники), любых принадлежавших покойному денежных средств, в том числе во вкладах или на счетах в банках и иных кредитных организациях, в пределах фиксированной суммы 100 тысяч рублей.

Из последнего как минимум следует сделать вывод о наличии в российском праве непоименованной обеспечительной меры в виде резервирования по наступлении смерти вкладчика безналичных денег наследодателя в пределах этой суммы для любых лиц, осуществляющих его похороны, строго для определённой цели, аналогичной римской *ипотеке в силу закона на похоронные расходы (privilegium funerarium)*.

Схожий до мелких деталей институт существует и в других юрисдикциях современного романо-германского и общего права.

5. Пожизненная переходящая обеспечительная мера на часть наследства ввиду его специального имущественного режима

И в российском дореволюционном, и в романо-германском, и в общем праве долгое время сохранялись (а в последнем сохраняются и поныне) архаичные институты феодального происхождения, связанные с майоратом, а реже - миноратом (везде), крестьянской собственностью (в Европе), урезанной собственностью (в странах общего права) и дихотомией родового и благоприобретённого имущества (в России до 1917 г.). Их суть – в наследовании наиболее ценной части имущества (земли, домохозяйства) строго одним наследником с установлением для него (а точнее – на само имущество) всяческих запретов свободного прижизненного, а порой и посмертного распоряжения. Эти запреты введены во благо рода наследодателя и общества, заинтересованного в сохранении сложившихся хозяйств от деградации, измельчания и расточения.

Англо-американское право по сей день признаёт обеспечительную меру в силу закона на само наследство либо на его наиболее ценную часть, существование которой связано с наличием такого имущественного режима, как *урезанное или ограниченное право собственности (estate in tail)*. Попытка законодательно отменить его в 1925 г. успеха не имела.

В середине XX в. Н.В. Рабинович писала, что, почти не зная ограничения свободы завещаний законом, общее право всегда практиковало ограничения свободы завещаний, устанавливаемые по воле собственника посредством брачных контрактов или иных договоров, либо посредством завещаний в форме «установлений» - *settlements*. «Они закрепляли имущество за потомством собственника и, превращая их право собственности в *урезанную собственность - estate in tail*, определяли порядок перехода по наследству на будущее время, только по нисходящей линии (обычно к старшему сыну и его потомству, за отсутствием такового ко второму сыну и его потомству, а за отсутствием мужчин - к дочерям, но уже не по праву старшинства, а в равных долях). На основе подобных актов урезанные имения переходили к наследнику и его потомству в собственность, но не могли быть отчуждены ими и не могли являться предметом завещательных распоряжений. В случае отсутствия потомства у кого-либо из наследников, таковой признаётся уже не собственником, а только пожизненным держателем, и после его смерти имение возвращается в род первоначального собственника, к потомству последнего. Как правило, *settlements* предусматривали также обеспечение интересов остальных членов семьи, в частности, младших детей, посредством определённой компенсации, например, в виде назначения для этого денежных сумм, обеспечиваемых залогом имения, либо иным способом»¹.

¹. См.: Гражданское и торговое право капиталистических государств / Под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1949. С. 526 - 528 (автор главы – Н.В. Рабинович).

Законы о собственности 1922-1932 гг. внесли значительные изменения в этот порядок, отражающий начала феодальной собственности. Они разрешили «ограниченному» собственнику распоряжаться имением посредством назначения к нему любого наследника по завещанию, не считаясь с *settlements*, а также прекращать действие *settlements* по своему усмотрению на будущее время, тем самым превращая *урезанную собственность* в «чистую неограниченную» (*fee tail*) с обеспечением за собственником свободы завещательных распоряжений в отношении и этого имущества. Однако и в этой ситуации такого права лишён последний наследник, не имеющий потомства: он является уже не собственником, хотя бы и «урезанным», а лишь пожизненным владельцем. То есть воля первого наследодателя продолжает ограничивать свободу завещательных распоряжений последнего из наследников¹. Соответственно в отношении беспотомного собственника унаследованного им *estate in tail* следует говорить не иначе как о постоянно действующей и неотменяемой обеспечительной мере в виде запрета его отчуждения.

6. Залог из завещания

Уникальным институтом является происходящий из позднего римского права *посмертный залог*, названный также «*залоговой ответственностью*», *наложенной на вещь наследователя*². Он был предан забвению после революции, но теперь - в эпоху ренессанса наследственного права - должен получить второе дыхание.

«Залог может быть установлен также завещанием...» (*Pignus constitu, cum testamento quoque pignus...*) – писал в Дигестах Ульпиан³. Позже юристы преобразовали его в принудительный (преторский) залог всего имущества, полученного наследником, который обеспечивал исполнение legata, что до логического завершения довёл византийский император Юстиниан. «Ввиду того, что легаты и фидеикомиссы постепенно сближались как в форме, так и в материальных условиях действительности, Юстиниан объединил их указом 529 г., установив, что всякий легат, как и всякий фидеикомисс создаёт для лица, в пользу которого он установлен, обязательственное требование к наследнику, обеспеченное законной ипотекой на наследственное имущество.» - писала Е.А. Флейшиц⁴.

Это залог, который может быть установлен самим завещателем при жизни, однако же вступающий в силу только после его смерти и – очевидно – лишь при наличии на момент открытия наследства соответствующей индивидуализированной вещи. Такой залог может устанавливаться для весьма узкой цели - обеспечения прав из завещательного отказа. Несмотря на отсутствие упоминания о нём в действующем законодательстве России, такое волеизъявление допустимо по мнению Р.С. Бевзенко⁵.

Пусть посмертный залог не был активно востребован практикой даже в римские времена, а тем более позже, саму возможность его установления не отрицали ни основные западные юрисдикции, ни Россия: хотя законодательство прямо залог из завещания не предусматривало⁶, на него указывала авторитетная доктрина: Л.В. Гантовер, Д.И. Мейер⁷ и А.Л. Фрейтаг-Лоринговен⁸. Дореволюционный исследователь А.С. Звоницкий объяснял его природу тем, что имущество залогодателя обременяется вещным правом залога как *принудительно* (из предписания закона или из акта компетентного государственного органа: суда, пристава), так и *добровольно*, причём *добровольный* залог возникает либо из договора, либо из завещания⁹. «Залоговое право может возникнуть и по духовному завещанию,» - подтверждал немецкий учёный Генрих Дёрнбург (1829 – 1907)¹⁰, между прочим, с 1905 г. почётный профессор Томского университета.

Необходимость такого залога диктовалась наличием в богатых семьях многочисленных детей и ранее уже описанной особенностью наследования родовых имений как неделимой недвижимости, обычный оборот которой строго в пределах рода был заранее предопределён законом (хотя с ограничениями продажа родового имения и его залог допускались¹¹). Это вызвало появление конструкта, который позволял распоряжаться недвижимостью на случай смерти с тем расчётом, чтобы старший сын, неизбежно в одиночку наследовавший недвижимость, выплачивал часть дохода другим родственникам завещателя, а обеспечивать это как раз был предназначен завещательный залог самой этой недвижимости или другой – уже благоприобретенной – недвижимости (а вот передать по наследству положение легатария нельзя – завещательный отказ порождает сугубо личное неотчуждаемое право).

Таким образом, при помощи наследственного залога приносящая доходы недвижимость переходила неделимой к одному наследнику, но при этом гарантированно обеспечивала и имущественные интересы других лиц – получателей выгоды от неё в форме периодических денежных предоставлений - отказополучателей (легатариев) с правом обратиться на неё взыскание если наследник (как тестаментарный, так и законный), не совершает платежи.

Главная функция завещательного отказа сейчас - избежать дробления имущества и разделить между наследниками функции владения и управления, с одной стороны, и получения дохода, с другой. А именно устранять неспособных управлять сложными имущественными комплексами наследников от власти над активами и даже узуса (передав функционал наследственному фонду или избранному сведущему в бизнесе наследнику),

¹ См.: Там же.

² См. например: Хвостов В.М. Система римского права. М.: Спарк, 1996. С. 342.

³ D. 13.7.26.

⁴ Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2002. С. 201 (автор главы – Е.А. Флейшиц). – 448 с.

⁵ См.: Бевзенко Р.С. Залог из завещания // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 220 - 241.

⁶ Бевзенко Р.С. Указ. соч. С. 222; Гантовер Л.В. Залоговое право. Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Ветчинного устава. СПб.: Гос. тип., 1890. С. 57.

⁷ Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 2. М.: Статут, 1997. С. 211.

⁸ Фрейтаг-Лоринговен А.Л. Завещательный залог // Вестник гражданского права. 1914. № 5. С. 16.

⁹ Звоницкий А.С. О залоге по русскому праву. Киев: Н.Я. Оглоблин, 1912. С. 250 - 251.

¹⁰ Дёрнбург Г. Пандекты. Т. I. Ч. 2: Вещное право. СПб.: Гос. тип., 1905. С. 280.

¹¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2003. С. 681.

но не лишая узурфрукта - возможности присваивать выгоду от бизнеса (и даже наоборот – гарантируя им систематическое получение средств)¹.

Очевидно, что при таком раскладе завещательный залог улучшает положение легатария по сравнению с обычным завещательным отказом, наделяя его возможностью удовлетворить свой интерес преимущественно перед другими кредиторами наследника (но не наследодателя). А вот мнению Р.С. Бевзенко о том, что залог как бы парализует оборот недвижимой вещи, так как распоряжение ею без согласия легатария-залогодержателя будет невозможно, а, следовательно, наследник не сможет свободно отчуждать своё имущество (например, для того, чтобы впоследствии сослаться на невозможность осуществления выплат из дохода в связи с отсутствием самого факта дохода)² представляется сомнительным. Современный подход к залогов вполне обеспечивает оборот заложенных вещей ввиду наличия права следования. И неслучайно другие упоминающие завещательный залог учёные говорят только о его обеспечительной функции и не упоминают о его «контрольной» составляющей³.

Среди правовых проблем завещательного залога С.Л. Будылин называет четыре:

- 1) возможность в принципе установления залога не договором, а завещанием, т.е. односторонней сделкой;
- 2) обеспечиваемый таким залогом интерес (ведь в момент выражения завещателем своей воли никакого долга у наследника перед легатарием нет);
- 3) момент возникновения залога, установленного завещанием;
- 4) сочетание волеизъявления собственника, направленного на установление залога, с возникновением залога не в самый момент изъявления воли, а позднее, когда собственность перейдёт к наследнику⁴.

Сам С.Л. Будылин приводит убедительную аргументацию в пользу разрешения этих проблем даже на основе актуального законодательства и доктрины⁵, тогда как Д.Н. Морозов прямо связывает допустимость завещательного залога исключительно прямыми законодательными новеллами, местом которых он видит статью 1137 ГК, регулиющую завещательный отказ⁶.

Не отрицая желательность именно законодательного решения вопроса, считаем, что даже и при отсутствии прямой нормы закона установление залога завещанием не создаёт неразрешимых проблем, поскольку он не вторгается в чью-либо имущественную сферу и не умаляет её: залогодержателя-легатария он наделяет благом – правом вещного обеспечения, у залогодателя-наследника он ничего не отнимает, поскольку он как минимум не теряет ничего из имевшегося, зато приобретает другое имущество, пусть и с обременением (а при несогласии он может просто не принимать наследство).

«... Залогодателем по завещательному залогов будет наследник, он-то как раз и может рассматриваться как лицо, в чью имущественную сферу наследодатель и осуществил вторжение односторонней сделкой, а это, (...) не должно допускаться при отсутствии дозволения закона, - пишет С.Л. Будылин, - Однако контраргументом против этого соображения может быть следующее рассуждение: вряд ли правильно считать, что установление завещательного залога само по себе вторгается в имущественную сферу наследника по завещанию. Наследник волен не принять наследство - в этом случае он просто не заступает в те правовые позиции (с учётом, кстати, не только имущественных минусов, но и плюсов - ведь наследник получает в собственность имущество), которые были «заготовлены» для него наследодателем⁷. Акт принятия наследства как изъявление воли есть подтверждение материальной выгоды: иначе наследник просто отказался бы от наследства. Из этого с позиции общих положений об односторонних сделках следует вывод, что завещательный залог допустим и актуальным российским правом, которое хотя и не знает этого основания залога, но и не запрещает его. Схожа дореволюционная доктрина о допустимости завещательного залога в условиях нормативного молчания о нём⁸.

Современный подход постулирует легат основанием возникновения *обязательства* наследника перед легатарием. Это явствует из абз. 1 п. 1 ст. 1137 ГК, который определяет легат через право требовать исполнения от наследника и его встречную обязанность совершить это исполнение) и из п. 3 этой же статьи о субсидиарном применении к легату норм обязательственного права⁹. Соответственно требовать установления завещательного залога должен именно легатарий.

Ввиду отсутствия в общем праве завещательного отказа как такового (созвучным термином *legacy* именуется совсем другой инструмент – завещание индивидуализированной вещи конкретному наследнику) никакого завещательного залога не предусмотрено. Однако ликвидационно-сингулярный порядок наследования эффективно восполняет функцию завещательного залога.

7. Непоименованные обеспечительные меры *sui generis* на случай смерти должника

До революции в России существовала и возможность квази-поручительства на случай самой смерти. В частности К.П. Победоносцев ука-

¹ Наследственное право: Постатейный комментарий к ст. 1110 - 1185, 1224 ГК РФ / Отв. ред. Е.Ю. Петров. М.: М-Логос, 2018. С. 192.

² См.: Бевзенко Р.С. Указ. соч. С. 225.

³ Морозов Д.Н. Защита гражданских прав участников залогового правоотношения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009. С. 8.

⁴ Будылин С.Л. Контрагент умер, но обязательство его живет. Наследование договорных обязательств в Англии, США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 164.

⁵ Так он отвергает идею о том, что завещательное распоряжение не может быть включено в завещание, так как в момент составления завещания обеспеченное обязательство отсутствует. В связи с тем, что завещатель в завещании лишь обязывает наследника совершить действия по установлению залога, нет и не может быть никаких коренящихся в доктрине акцессорного обеспечения препятствий к подобному волеизъявлению.

⁶ Морозов Д.Н. Указ. соч. С. 8.

⁷ Будылин С.Л. Указ. соч. С. 166.

⁸ Фрейтаг-Лоринговен А.Л. Указ. соч. С. 20 - 21.

⁹ Так считают и С.Л. Будылин, и Е.Ю. Петров (см.: Наследственное право: постатейный комментарий к статьям 1110 - 1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации / Под ред. Е.Ю. Петрова. С. 195).

зывает что договор о поклаже по существу своему допускает поручительство в смысле представления поручителем вознаграждения за убытки, которые могут быть понесены отдатчиком от невыполнения обязательства приёмщиком (2 Сб. Сен. реш. III, № 522). Константин Петрович приводил пример: брат приёмщика на сохранной расписке сделал надпись, что в случае смерти приёмщика или растраты им имущества он обязуется уплатить отдатчику; ответчик приравнивал эту надпись к поручительству, но Сенат признал, что здесь не поручительство, а обязательство особого рода (Касс. реш. 1878 г., № 28)¹, впрочем тоже вполне допустимое и подлежащее судебной защите.

Таким образом, проведённое исследование выявило семь обеспечительных мер, неразрывно связанных с самим наследованием.

Первая из них - генеральная обеспечительная мера на всё наследство – российскому праву не известна, однако органично присуща романо-германскому и общему праву.

Вторая мера – арест имущества наследника в пределах стоимости перешедшего к нему имущества – эндемик нашего права, вызванный личным характером ответственности каждого из наследников.

Третья – запрет нотариусу выдавать свидетельства о праве на наследство – применяется в странах латинского нотариата и принципиально невозможен в общем праве, где нотариат заменён системой пробации, и документ о титуле наследникам выдаёт не нотариус, а орган власти - пробационный суд – сам на себя запреты вводить не может.

Четвёртая - обременение наследства в силу закона на необходимые расходы, вызванные смертью (*privilegium funerarium*) в разном объёме присуща всем трём правовым системам.

Пятая мера - пожизненная переходящая обеспечительная мера на часть наследства ввиду его специального имущественного режима – применяется в европейском и общем праве, а в российском праве существовала до революции, но сейчас принципиально отсутствует.

Шестая - залог из завещания – редкая мера, не предусмотренная прямо нашим законом, но и противоречащая ему.

И, наконец, седьмую очередь занимает группа непоименованных обеспечительных мер *sui generis* на случай смерти должника, которые присутствуют во всех трёх исследованных системах.

Библиография:

1. Бевзенко Р.С. Залог из завещания // Вестник гражданского права. 2020. № 4. С. 220 - 241.
2. Бudyлин С.Л. Контрагент умер, но обязательство его живет. Наследование договорных обязательств в Англии, США и России // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 160 - 170.
3. Гантовер Л.В. Залоговое право. Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Ветчинного устава. СПб.: Гос. тип., 1890.
4. Гражданское и торговое право капиталистических государств / Под ред. Д.М. Генкина. М.: Госюриздат, 1949. – 544 с.
5. Дёрнбург Г. Пандекты. Т. I. Ч. 2: Вещное право. СПб.: Гос. тип., 1905. С. 280.
6. Звоницкий А.С. О залоге по русскому праву. Киев: Н.Я. Оглоблин, 1912.
7. Идрисова Л.А., Ярыкова Е.Л., Юдина А.Б. Комментарий к Основам законодательства Российской Федерации о нотариате от 11 февраля 1993 г. № 4462-1. - Специально для системы Гарант, 2013 г.
8. Мейер Д.И. Русское гражданское право. Ч. 2. М.: Статут, 1997.
9. Морозов Д.Н. Защита гражданских прав участников залогового правоотношения: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2009.
10. Наследственное право: постатейный комментарий к ст. 1110–1185, 1224 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0] / Отв. ред. Е.Ю. Петров. – М.: М-Логос, 2018. – 656 с. (Комментарии к гражданскому законодательству #Глосса.).
11. Победоносцев К.П. Курс гражданского права: В 3 т. Т. 1. М.: Зерцало, 2003.
12. Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. § 38. Поручительство по русским законам // https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac (дата обращения: 03.03.2024).
13. Римское частное право / Под ред. И.Б. Новицкого и И.С. Перетерского. М.: Юриспруденция, 2002. С. 282 (автор главы – И.С. Розенталь). – 448 с.
14. Фрейтаг-Лоринговен А.Л. Завещательный залог // Вестник гражданского права. 1914. № 5. С. 16.
15. Хвостов В.М. Система римского права. М.: Спарк, 1996.

References:

1. Bevzenko R.S. Pledge from the will // Bulletin of Civil Law. 2020. No. 4. pp. 220-241.
2. Budylin S.L. The counterparty died, but his obligation lives on. Inheritance of contractual obligations in England, the USA and Russia // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2021. No. 12. pp. 160-170.
3. Gantover L.V. Collateral law. Explanations to the provisions of Chapter IV of Section I of the draft Patrimonial Charter. St. Petersburg: State Type, 1890.
4. Civil and commercial law of capitalist states / Edited by D.M. Genkin. M.: Gosyurizdat, 1949. – 544 p.
5. Dernburg G. Pandects. T. I. Part 2: Property law. St. Petersburg: State Printing House, 1905. p. 280.
6. Zvonitsky A.S. About the pledge under Russian law. Kiev: N.Ya. Oglloblin, 1912.
7. Idrisova L.A., Labeikova E.L., Yudina A.B. Commentary on the Fundamentals of the legislation of the Russian Federation on notaries dated February 11, 1993 No. 4462-1. - Specially for the Garant system, 2013
8. Meyer D.I. Russian civil law. Ch. 2. M.: Statute, 1997.
9. Morozov D.N. Protection of civil rights of participants in a collateral legal relationship: Abstract of the thesis ... cand. Jurid. sciences'. Chelyabinsk, 2009.
10. Inheritance law: article-by-article commentary to Articles 1110-1185, 1224 of the Civil Code of the Russian Federation [Electronic edition. Revision 1.0] / Ed. by E.Y. Petrov. – M.: M-Logos, 2018. – 656 p. (Comments on civil legislation #Gloss.).
11. Pobedonostsev K.P. Course of civil law: In 3 vols. 1. M.: Zertsalo, 2003.
12. Pobedonostsev K.P. Course of civil law. Part Three: Contracts and obligations. § 38. Guarantee under Russian laws // https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac (date of application: 03.03.2024).
13. Roman Private Law / Edited by I.B. Novitsky and I.S. Peretersky. M.: Jurisprudence, 2002. p. 282 (the author of the chapter is I.S. Rosenthal). – 448 p.
14. Freytag-Loringoven A.L. Testamentary pledge // Bulletin of Civil law. 1914. No. 5. p. 16.
15. Khvostov V.M. The system of Roman law. M.: Spark, 1996.

¹ Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. § 38. Поручительство по русским законам // https://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac (дата обращения: 03.03.2024).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_314

УДК 341.6

**МЕХАНИЗМ СТАТЕЙ 248.1 И 248.2 АПК РФ
КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ РОССИЙСКОЙ СТОРОНЫ ПРИ РАССМОТРЕНИИ
АРБИТРАЖНЫХ СПОРОВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННЫХ ОГРАНИЧЕНИЙ
THE MECHANISM OF ARTICLES 248.1 AND 248.2 OF THE AGROINDUSTRIAL COM-
PLEX OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A WAY TO PROTECT THE RUSSIAN SIDE
WHEN CONSIDERING ARBITRATION DISPUTES UNDER SANCTIONS RESTRICTIONS**

ПАШКОВА Дарья Андреевна,

магистрант кафедры международного частного права
Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина.
125993, Россия, г. Москва ул. Садово-Кудринская, д. 9, стр. 1.
E-mail: pashkova200018@yandex.ru;

PASHKOVA Darya Andreevna,

MRes (Law), Department of the international private law, Kutafin Moscow State Law University.
125993, Russia, Moscow, Sadovaya-Kudrinskaya, str. 9, bld. 1.
E-mail: pashkova200018@yandex.ru

Краткая аннотация: В данной статье проанализированы подходы в судебной практике при применении статей 248.1 и 248.2 АПК РФ. Выявлено, что в практике существует два отличных друг от друга подхода, а также описана аргументация, используемая судами при вынесении решения.

Abstract: This article analyzes the court practice approaches in applying articles 248.1 and 248.2 of the APC RF. It is revealed that in practice there are two approaches that differ from each other, and the argumentation used by the courts in making a decision is also described.

Ключевые слова: санкции, АПК РФ, доступ к правосудию, вынесение решения, суд.

Key words: sanctions, APC RF, access to justice, making a decision, court.

Для цитирования: Пашкова Д.А. Механизм статей 248.1 и 248.2 АПК РФ как способ защиты российской стороны при рассмотрении арбитражных споров в условиях санкционных ограничений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 314-316. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_314.

For citation: Pashkova D.A. The mechanism of Articles 248.1 and 248.2 of the Agroindustrial Complex of the Russian Federation as a way to protect the Russian side when considering arbitration disputes under sanctions restrictions // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 314-316. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_314.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

В условиях санкционных ограничений в настоящий момент у подсанкционных лиц могут возникать препятствия на различных этапах рассмотрения споров в международном коммерческом арбитраже. Для минимизации рисков отказа от рассмотрения дела международным коммерческим арбитражем государства могут использовать различные механизмы, которые бы позволили подсанкционным лицам добиться справедливого рассмотрения дела.

Одним из таких механизмов стали статьи 248.1 и 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – «АПК РФ») [1]. Федеральный закон от 08.06.2020 г. № 171-ФЗ «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации в целях защиты прав физических и юридических лиц в связи с мерами ограничительного характера, введенными иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза» ввел статью 248.1, которая установила исключительную компетенцию арбитражных судов в Российской Федерации по спорам с участием лиц, в отношении которых введены меры ограничительного характера.

Согласно пояснительной записке к проекту федерального закона, его главной целью являлась дополнительная защита лиц, на которых были наложены санкционные ограничения иностранными государствами и которые не могут в полной мере реализовать право на защиту:

«Введение иностранными государствами ограничительных мер (запретов и персональных санкций) в отношении российских лиц поражает их в правах как минимум репутационно и тем самым заведомо ставит их в неравное положение с иными лицами»¹.

В свою очередь, перечень недружественных государств утвержден распоряжением Правительства Российской Федерации от 05.03.2022 г. № 430-р «Перечень иностранных государств и территорий, совершающих в отношении Российской Федерации, российских юридических лиц и физических лиц недружественные действия» [4].

П. 4 ст. 248.1 АПК РФ закрепляет положение, согласно которому спор может быть рассмотрен в государственном суде Российской Федера-

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.07.2023 № 307-ЭС23-4890 по делу № А21-10438/2022 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=768731&ysclid=ltvlv8bhp386848380#x9k8e6UUHm34njVz> (дата обращения: 09.06.2024).

ции в том случае, если он соглашением сторон отнесен к компетенции арбитража, и такое соглашение неисполнимо по причине применения санкций к стороне спора.

Несмотря на четкую формулировку нормы ч. 4 ст. 248.1 АПК РФ единообразие в судебной практике пока что отсутствует.

В судебной практике фигурирует две основные позиции:

1. Сам факт введения ограничительных мер иностранным государством автоматически означает затруднение доступа к правосудию, и поэтому «отдельное доказывание затруднения в доступе к правосудию в иностранном государстве не требуется»¹.

2. Требуется доказывание обстоятельств, которые препятствуют рассмотрению дела в коммерческом арбитраже.

Так, суд первой инстанции вернул дело, ссылаясь на его неподсудность ввиду того, что контрактом было предусмотрено рассмотрение дел Парижской Международной Торгово-промышленной палатой². В свою очередь, суд кассационной инстанции, отменивший указанное дело, указал, что сам факт введения в отношении российского лица, участвующего в споре в международном коммерческом арбитраже, мер ограничительного характера, является достаточным для того, чтобы сделать вывод об ограничении доступа такого лица к правосудию.

Указанная позиция поддерживается в том числе и на уровне Верховного суда РФ. Так, в деле № А60-36897/2020 Верховный суд РФ указал, что введение ограничительных мер не может не вызывать сомнений в том, что спор будет рассмотрен на территории иностранного государства с соблюдением гарантий справедливого судебного разбирательства (в том числе наличие беспристрастности суда, который является элементом доступности правосудия)³.

Аналогичную позицию можно проследить и в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2021 г. № 309-ЭС21-6955(1-3) по делу № А60-36897/2020: дело было решено в пользу первого подхода. В решении было указано следующее:

«По смыслу названной нормы само по себе применение мер ограничительного характера уже создает российской стороне препятствия в доступе к правосудию, в силу чего для перевода спора под юрисдикцию российских арбитражных судов достаточно ее одностороннего волеизъявления, выраженного в процессуальной форме.

Отсутствие необходимости в обязательном порядке доказывать влияние ограничительных мер на возможность исполнения арбитражной оговорки подтверждается и использованным законодателем способом изложения п. 4 ч. 2 ст. 248.2 АПК РФ, согласно которому обстоятельства, подтверждающие невозможность исполнения арбитражной оговорки, указываются заявителем при их наличии. Такая редакция этой нормы подчеркивает факультативность доказывания этих обстоятельств...»⁴.

Российские суды отдельно обращают внимание в том числе на то, что (1) арбитражное учреждение находится за границей, (2) оппонентом является лицо из недружественного государства, и ввиду этого суду следует исследовать возможности лица защитить свои права⁵.

В свою очередь, также есть и иная позиция: ч. 2 ст. 248.2 АПК РФ закрепляет, что должны быть установлены обстоятельства и условия, которые подтверждают, что арбитражная оговорка не может быть исполнена [1].

Профессор В. В. Ярков отмечает, что вопрос о необходимости доказывания наличия препятствий к использованию средств правовой защиты в иностранных юрисдикциях является спорным [5, с. 41].

Как уже было указано выше несмотря на то, что в большинстве судебных дел отмечается отсутствие необходимости доказывания препятствующих рассмотрению дела обстоятельств, в отдельных решениях встречается противоположная позиция.

Некоторые суды достаточно тщательно подходят к анализу обстоятельств, и им недостаточно самого факта оговорки о рассмотрении дела в международном коммерческом арбитраже недружественного государства:

— истцом не представлено каких-либо доказательств того, что им предпринимались меры по обращению в Лондонский международный арбитражный суд;

¹ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=692653&cacheid=B1A95174B6F3D73D135B798D9F3DEFD6&mode=splus&rnd=C1H3Sw#NFqxx5U0CQdHc7vw> (дата обращения: 03.03.2024). Постановление Арбитражного суда Московского округа от 22.06.2023 № Ф05-13220/2023 по делу № А40-29793/2023 // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=480474&cacheid=7E9ADB6D9DD8F1D5738F74E9579C592D&mode=splus&rnd=C1H3Sw#JeX0y5UqQwIAEbGi2> (дата обращения: 12.12.2023).

² Постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 07.11.2022 № 06АП-6145/2022 по делу № А73-15265/2022. // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=RAPS006&n=89193&cacheid=CA08DACB8B2D9D5F43C0325755E49A24&mode=splus&rnd=C1H3Sw#WfJ0y5UeEVcGjpcU1> (дата обращения: 03.01.2024).

³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=692653&cacheid=B1A95174B6F3D73D135B798D9F3DEFD6&mode=splus&rnd=C1H3Sw#NFqxx5U0CQdHc7vw> (дата обращения: 03.03.2024). Аналогичная позиция также закреплена в Постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда от 26.07.2023 № 09АП-21847/2023, 09АП-21850/2023 по делу № А40-234583/2021 // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=MARB&n=2498982&cacheid=DD5960E41EB153906E01CC6E3F6DF402&mode=splus&rnd=C1H3Sw#49b6y5UCd4Cfp1vC> (дата обращения: 30.08.2023).

⁴ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 09.12.2021 № 309-ЭС21-6955 // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=692653&cacheid=B1A95174B6F3D73D135B798D9F3DEFD6&mode=splus&rnd=C1H3Sw#NFqxx5U0CQdHc7vw> (дата обращения: 03.03.2024).

⁵ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.12.2022 № Ф10-5435/2022 по делу № А62-3378/2022 // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/cgi/online.cgi?req=doc&base=ACN&n=145022&cacheid=7DE15A90B71D2B4576BA7B1521F91F18&mode=splus&rnd=C1H3Sw#BP5y5UIJAOYvyJ3> (дата обращения: 25.10.2023).

— материалами дела не подтверждается и истцом не доказано наличие препятствий, связанных с осуществлением сторонами спора правосудия в Лондонском международном арбитражном суде;

— истцом после введения в отношении Российской Федерации ограничительных мер санкционного характера со стороны иностранных государств не принято каких-либо мер по внесению изменений в условия договора, которые бы касались арбитражной оговорки;

— Управлением по осуществлению финансовых санкций (OFSI) Минфина Великобритании Лондонскому международному третейскому суду (LCIA) выдана лицензия (*General licence - INT/2022/1552576*), позволяющая принимать платежи от подсанкционных лиц из России и Белоруссии¹.

В другом деле Арбитражный суд города Москвы, отказал в запрете продолжать дело в международном коммерческом арбитраже, сославшись на следующее²:

— отказ юридической компании от оказания услуг российскому юридическому лицу не лишает ее заключить договор с иной юридической компанией;

— невозможность оплатить арбитражный сбор ввиду отключения банков от системы SWIFT не исключает возможность оплатить сбор через иной банк, который не отключен от системы SWIFT;

— рассмотрение дела в арбитраже может быть проведено в формате видеоконференции (если сторона не может лично присутствовать);

— арбитраж выпустил специальное положение, посвященное санкциям.

Также в практике встречаются дела, в которых суды отмечают, что в случае, если вторая сторона процесса сможет доказать отсутствие обстоятельств, которые бы затрудняли рассмотрение дела в коммерческом арбитраже, то суд в РФ должен будет отказать в рассмотрении дела [3, с. 123].

Таким образом, судебную практику нельзя в настоящий момент назвать единообразной и при ее анализе четко выделяются две позиции, которых придерживаются суды: (1) сам факт введения санкционных ограничений «автоматически» свидетельствует о препятствиях к доступу к правосудию, (2) стороне необходимо доказать обстоятельства, которые затрудняют ей доступ к арбитражу. В настоящий момент нельзя делать категорические и неопровержимые выводы, так как практика все еще формируется. В любом случае необходимо продолжать следить за ней, чтобы отчетливее определить ее тенденции развития в современных условиях. Поэтому российским лицам при обращении в государственные суды Российской Федерации важно учитывать отсутствие единообразия в судебной практике при применении указанных статей.

Библиография:

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // СЗ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.
2. «Гражданское процессуальное право. Особенная часть. Производство по отдельным категориям». Учебник: в 2 томах. Том 2 / П. В. Крашенинников; 2-е издание, переработанное и дополненное // Москва: Статут, 2022. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/online.cgi?req=doc&cacheid=381E1EFD8D75C490F0F762737388C6F&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32799-28&ts=1432816985903429009&base=CMB&n=19080&rnd=wYNag #N8th6uTKOwn66ho21> (дата обращения 18.02.2024).
3. Зотов А. В. Значение определения российского государственного суда о запрете инициирования и продолжения арбитража в порядке ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса РФ для международного коммерческого арбитража // Вестник гражданского процесса. – 2023. – № 3. – С. 104–133.
4. Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // Собрание законодательства РФ. – 2022. – № 11. – С. 1748.
5. Ярклов В. В. Применение ст. 248.2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в судебной практике // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 7. – С. 40–42.

References:

1. Arbitrazhnyy processual'nyy kodeks Rossijskoj Federacii ot 24.07.2002 g. № 95-FZ (red. ot 06.04.2024) // SZ. – 2002. – № 30. – St. 3012.
2. «Grazhdanskoje processual'noje pravo. Osobennaya chast'. Proizvodstvo po otdel'nym kategorijam». Uchebnik: v 2 tomah. Tom 2 / P. V. Krashenninikov; 2-e izdanie, pererabotannoe i dopolnennoe // Moskva: Statut, 2022. – URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/online.cgi?req=doc&cacheid=381E1EFD8D75C490F0F762737388C6F&mode=backrefs&SORTTYPE=0&BASENODE=32799-28&ts=1432816985903429009&base=CMB&n=19080&rnd=wYNag #N8th6uTKOwn66ho21> (data obrashcheniya 18.02.2024).
3. Zotov A. V. Znachenie opredeleniya rossijskogo gosudarstvennogo suda o zaprete iniciirovaniya i prodolzheniya arbitrazha v poryadke st. 248.2 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa RF dlya mezhdunarodnogo kommercheskogo arbitrazha // Vestnik grazhdanskogo processa. – 2023. – № 3. – S. 104–133.
4. Rasporjazhenie Pravitel'stva RF ot 05.03.2022 № 430-r (red. ot 29.10.2022) «Ob utverzhdenii perechnya inostrannyh gosudarstv i territorij, sovershayushchih nedruzhestvennye dejstviya v otnoshenii Rossijskoj Federacii, rossijskih juridicheskikh i fizicheskikh lic» // Sobranie zakonodatel'stva RF. – 2022. – № 11. – S. 1748.
5. Yarkov V. V. Primenenie st. 248.2 Arbitrazhnogo processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v sudеbnoj praktike // Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process. – 2022. – № 7. – S. 40–42.

¹ Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 06.08.2023 № 13АП-19210/2023 по делу № А56-17017/2023 // URL: <https://cloud.consultant.ru/cloud/online.cgi?req=doc&base=RAPS013&n=418249&cacheid=2CC32CD2A2157EDBCB7816D39006023F&mode=splus&rnd=C1H3Sw#5kQ0y5URsHnsTqq> (дата обращения: 05.01.2024).

² Определение Арбитражного суда г. Москвы от 18.09.2022 по делу № А40-50169/22-10-306 // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=446193&ysclid=itbl0p8oj959896559#mW21y5USSg0hqtak> (дата обращения: 09.02.2024).

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИНСТИТУТА ИПОТЕКИ (ЗАЛОГА НЕДВИЖИМОСТИ) General characteristics of the institute of mortgage (real estate collateral)

САФРОНОВ Вячеслав Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой Правоведения
Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва.
просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, 660000, Россия.
E-mail: tyleenaaaa@gmail.com;

ЧУРБАКОВА Ирина Дмитриевна,

студент Сибирского государственного университета науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнёва.
просп. имени газеты Красноярский Рабочий, 31, г. Красноярск, Красноярский край, 660000, Россия.
E-mail: tyleenaaaa@gmail.com;

SAFRONOV Vyacheslav Vladimirovich,

Candidate of Law, Associate Professor, Head of the Department of Jurisprudence
Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev.
Krasnoyarsk Worker Ave., 31, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660000, Russia.
E-mail: tyleenaaaa@gmail.com;

CHURBAKOVA Irina Dmitrievna,

student of the Siberian State University of Science and Technology named after Academician M.F. Reshetnev.
Krasnoyarsk Worker Ave., 31, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660000, Russia.
E-mail: tyleenaaaa@gmail.com

Краткая аннотация: В статье представлена попытка анализа института залога недвижимости, также была рассмотрена законодательная база, которая включает в себя не только гражданский кодекс, но положения Закона № 102-ФЗ, из которых вытекает определение ипотеки, его признаки, предмет, принципы, функции и требования для реализации ипотечного кредитования. На данную систему возлагаются большие надежды, поскольку ее развитие может вывести страну не только из инфляционного, но и экономического кризиса.

Abstract: The article presents an attempt to analyze the institution of real estate collateral, and also considered the legislative framework, which includes not only the civil Code, but the provisions of Law No. 102-FZ, from which follows the definition of a mortgage, its signs, subject, principles, functions and requirements for the implementation of mortgage lending. Great hopes are pinned on this system, since its development can lead the country not only out of the inflationary, but also the economic crisis.

Ключевые слова: ипотека, залог, недвижимость, земельная собственность, закладная.

Keywords: mortgage, collateral, real estate, land ownership, mortgage.

Для цитирования: Сафронов В.В., Чурбакова И.Д. Общая характеристика института ипотеки (залога недвижимости) // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 317-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_317.

For citation: Safronov V.V., Churbakova I.D. General characteristics of the institute of mortgage (real estate collateral) // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 317-321. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_317.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Политические и социально-экономические изменения, произошедшие в России за последнее десятилетие, оказали серьезное влияние на дальнейшее развитие гражданского права и значительно изменили традиционные правовые институты. Больше внимания стало уделяться проблемам, связанным с обеспечением исполнения обязательств, в частности с залогом недвижимого имущества (ипотекой).

С принятием Федерального закона РФ от 16 июля 1998 года "Об ипотеке (залоге недвижимости)", ставшим наряду с Гражданским кодексом Российской Федерации (ГК РФ) основным источником ипотечного права, появились законодательные предпосылки по формированию отечественного ипотечного рынка. Современное понятие ипотеки возникло не сразу. Его появление было вызвано экономическими потребностями общества, развитием его товарно-денежных отношений. С течением времени оно постоянно совершенствовалось, отражая особенности времени и конкретной страны.

Особая заслуга в развитии законодательства в области юридического обеспечения исполнения обязательств принадлежит римскому гражданскому праву. Именно оно вводит в практику систему обеспечения обязательств залогом недвижимого имущества.

Рассмотрим определения понятия "ипотека", исходя из широты осмысления данного термина (табл.1), а также рассмотрим, как характеризуют данное определение нормативно-правовые акты РФ (табл.2).

Таблица 1
Определение понятия "ипотека"

Подход	Определение
В узком смысле	Залог недвижимого имущества
В широком смысле	Одна из форм имущественного обеспечения обязательства должника, при которой недвижимое имущество остается в собственности последнего, а кредитор в случае невыполнения должником своего обязательства приобретает право на получение удовлетворения за счет реализации собственного имущества

Таблица 2
Указание на определение понятия “ипотека” в нормативно-правовых актах РФ

Законодательный акт	Определение
ФЗ “Об ипотеке (залоге недвижимости)”	Ипотекой признается залог предприятия, строения, здания, сооружения или иного объекта, непосредственно связанного с землей вместе с соответствующим земельным участком или правом пользования им. Ипотека может быть установлена в обеспечение обязательства по кредитному договору, по договору займа или иного обязательства, в том числе обязательства, основанного на купле-продаже, аренде, подряде, другом договоре
Гражданский кодекс РФ	Залог участков, предприятий, зданий, сооружений, квартир и другого недвижимого имущества. Общие правила о залоге, содержащиеся в ГК РФ, применяются к ипотеке в случаях когда этим кодексом или законом об ипотеке не установлены иные правила
Стандарты предоставления, рефинансирования и обслуживания ипотечных жилищных кредитов	Вид обеспечения выполнения обязательства недвижимым имуществом: остается во владении и пользовании ипотекодателя, согласно которому ипотекодержатель имеет право в случае невыполнения должником обеспеченного ипотекой обязательства получить удовлетворение своих требований за счет предмета ипотеки преимущественно перед другими кредиторами этого должника в порядке, установленном законодательством

Ипотеку можно рассматривать в правовом и экономическом аспекте.

В экономическом отношении ипотека- рыночный инструмент оборота имущественных прав на объекты недвижимости, позволяющий привлекать дополнительные финансовые средства для реализации любых проектов. В правовом отношении ипотека- залог недвижимого имущества с целью получения ипотечного кредита, когда имущество остается в руках должника.

Рассматривая ипотеку как экономическую категорию, необходимо подчеркнуть, что ипотека состоит их трех слагаемых и одновременно выражает отношения собственности, кредитные отношения и финансовые отношения.

Отношения собственности выражаются в передаче титула и собственности, но не права на владение до момента окончания платежей по долгу или на реализацию обстоятельств в случае отказа от платежа. Ипотека стимулирует оборот и перераспределение недвижимого имущества, обеспечивая реализацию имущественных прав на объекты, когда другие формы отчуждения в конкретных условиях нецелесообразны.

Кредитные отношения выражаются в предоставлении ипотечных кредитов под залог недвижимого имущества. Залог недвижимости выступает в роли инструмента привлечения необходимых финансовых ресурсов для развития производства. Финансовые отношения выражаются в рефинансировании ипотечных кредитов, включая также и закладную, удостоверяющую права залогодержателя на недвижимое имущества и являющуюся ценной бумагой со всеми присущими ей признаками- обособленностью имущественных прав и обращаемостью.

В отечественной литературе нередко отождествляют понятия “ипотека” и “ипотечное кредитования”. Очевидно, что эти понятия тесно взаимосвязаны, однако по содержанию они не тождественны.

Ипотечный кредит- одна из составляющих ипотечной системы (табл.3). При получении кредита на покупку недвижимого имущества сама приобретаемая недвижимость поступает в ипотеку (залог) банку как гарантия возврата кредита.

Таблица 3
Определение понятия “ипотечный кредит”

Источник	Понятие
Финансово-кредитный энциклопедический словарь	Залог недвижимости с целью получения ссуды
Лагутин В.Д.	Ипотечный кредит представляет собой особую форму кредита, которая основана на предоставлении займа под залог недвижимого имущества
Гарипова З.Д.	Это кредитование под залог недвижимости, т.е. кредитование с использованием ипотеки в качестве обеспечения возвратности кредитных средств
Базилевич В.Д., Погорельцева Н.Б.	Отношения по поводу прибыльного движения стоимости в сфере финансирования недвижимости, предоставленной в долгосрочную ссуду под залог земли, иного объекта недвижимого имущества или имущественных прав с сохранением залога залогодателем права владения и пользования им, основанные на основных принципах кредитования
Тарасов В.И.	Тип экономических отношений по поводу предоставления ссуд под залог недвижимого имущества

Тюменцев С.Ю.	Совокупность действий кредитора и заемщика, направленных на предоставление кредита под залог приобретаемого или строящегося жилого помещения
Каменецкий М.И., Донцова Л.В. и Печатникова С.М.	Система отношений, складывающаяся в рамках кредитования под залог недвижимости с соблюдением условий, предусмотренных законом, функционирование которой обеспечивается рефинансированием выдаваемых кредитов
Горемыкин В.А.	Инвестиционный механизм, который обеспечивает жилищную сферу финансовыми ресурсами, или особым институциональным механизмом реализации сделки

Таким образом, различные авторы акцентируют внимание на отдельных сторонах ипотечного кредитования, что определяет понятие ипотечного кредитования как многогранное и сложное.

Поскольку ипотека служит одним из видов залога, было бы неправильно не раскрыть само понятие залога. Залог- способ обеспечения обязательства, при котором кредитор-залогодержатель приобретает право в случае неисполнения должником обязательства получить удовлетворение за счет заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами за изъятиями, предусмотренными законом.

Предметом залога могут быть вещи, ценные бумаги, иное имущество и имущественные права. Не могут быть предметом залога требования, носящие личный характер, а также иные требования, залог которых запрещен законом.

Ипотека относится к числу тех разновидностей залога, когда заложенное имущество остается во владении и пользовании залогодателя. Под владением понимается фактическое обладание, хозяйственное господство над вещью. Под пользованием понимается извлечение из вещи ее полезных свойств. Залогодатель как собственник может осуществлять указанные выше правомочия, однако он лишен третьего правомочия собственника-права распоряжения заложенной вещью.

Рассмотрим основные признаки ипотечного кредитования: ипотекой признается залог имущества; ипотечный кредит имеет долгосрочный характер (10-50 лет); заложенное имущество на период действия ипотеки остается, как правило, у должника; заложенным может быть только то имущество, которое принадлежит залогодателю на праве собственности или на праве хозяйственного ведения; законодательной базой ипотечного кредитования является залоговое право, на основе которого оформляется договор ипотеки и осуществляется распродажа перешедшего к кредитному имуществу.

Отличительный признак ипотеки- ее предмет. Из всех видов имущества им служит только недвижимость. Именно с этим обстоятельством связана необходимость введения для ипотеки особого правового режима в рамках того общего, который установлен для залога.

К недвижимому имуществу закон относит земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и все, что прочно связано с землей, т.е. объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, а также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания, космические объекты.

Федеральным законом "Об ипотеке (залоге недвижимости)" к имуществу, которые может быть предметом ипотеки, отнесены:

- земельные участки, за исключением земельных участков, находящихся в государственной или муниципальной собственности, либо части земельного участка, площадь которой меньше минимального размера, установленного нормативными актами субъектов Российской Федерации и нормативными актами органов местного самоуправления для земель различного целевого назначения и разрешенного использования;
- предприятия, а также здания, сооружения и иное недвижимое имущество, используемое в предпринимательской деятельности;
- жилые дома, квартиры и части жилых домов и квартир, состоящие из одной или нескольких изолированных комнат;
- дачи, садовые дома, гаражи и другие строения потребительского назначения;
- воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания и космические объекты.

Отличительные особенности ипотеки заключаются в следующем.

Во-первых, ипотека, как и всякий залог, является способом обеспечения надлежащего исполнения другого (основного) обязательства- займа или кредитного договора, договора аренды, подряда, возмещения вреда и т.д. Следовательно, ипотека зависит от этого основного обязательства, так как вне этой зависимости она теряет смысл.

Во-вторых, предметом ипотеки всегда является недвижимость. К недвижимому имуществу относятся земельные участки и все, что прочно с ним связано,- предприятия, жилые дома, другие здания и сооружения.

В третьих, предметом ипотеки остается во владении должника. Последний остается собственником, пользователем и фактическим владельцем этого имущества.

В четвертых, договор кредитора и должника об установлении ипотеки оформляется специальным документом- закладной, которая подлежит нотариальному удостоверению и государственной регистрации.

Закладная - именная ценная бумага, удостоверяющая следующие права ее владельца: право на получение исполнения по денежному обязательству, обеспеченному ипотекой, без представления других доказательств существования этого обязательства; право залога на имущество, обремененное ипотекой. При определенных условиях закладная может приобретать свойства ценной бумаги, способной переходить от одного владельца к другому.

Наконец, в случае неисполнения обязательства, обеспеченного ипотекой, кредитор вправе требовать продажи заложенного имущества с

публичных торгов. При реализации имущества, заложенного по договору ипотеки, ипотечный кредитор имеет преимущества перед другими кредиторами в размере суммы, указанной в закладной.

Согласно вышеизложенному, можно выделить следующие основные принципы ипотеки:

- гласность, или публичность, доступ каждого заинтересованного лица к информации, содержащейся в ипотечной книге;
- специальность- возможность установления ипотеки только к определенной недвижимости и в определенном объеме;
- достоверность- записи в публичных книгах означают, что в отношении данного имущества нет иных прав и правовых ограничений, кроме обозначенных;
- старшинство- преимущество одного закладного права перед другим в зависимости от времени внесения его в ипотечную книгу;
- бесповоротность- ипотека прекращается лишь в случаях, прямо предусмотренных в законе или договоре;
- неприменимость погасительной давности к занесенным в ипотечную книгу правам.

Целесообразно выделить также принципы ипотечного кредитования (табл.4).

Таблица 4
Принципы ипотечного кредитования

Принцип	Характеристика
Срочность	Форма отражения возвратности. Кредит должен быть возвращен в строго определенный срок. Соблюдение принципа срочности обеспечивает постоянное воспроизводство денежных средств, соблюдение ликвидности и повышения надежности кредитной организации
Возвратность	Ипотечный кредит должен быть возвращен заемщиком после его использования. Без возвратности кредит не может существовать. Экономической основой возврата ссуд является непрерывность кругооборота средств и их наличие к сроку, определенному условиями кредитного договора
Платность	Плата за временное использование денежными средствами, предоставленными банком в распоряжение заемщика. Данный принцип реализуется через банковский процент. Ставка процента- это цена ипотечного кредита. Платность кредита обеспечивает покрытие затрат банка, связанных с уплатой процентов за привлеченные в депозиты средства кредиторов, затрат на административно-управленческие расходы, прочих операционных расходов и норму прибыли
Дифференцированность	Предполагает неоднозначный подход к принятию решения о выдаче ипотечного кредита заемщику. При принятии данного решения учитывается кредитная история клиента, его платеже- и кредитоспособность, обеспечение кредита и другие факторы
Целевое использование	Ипотечный кредит выдается для конкретной цели. Кредитующий банк не допускает использования ипотечного кредита на иные, не предусмотренные кредитным договором цели
Обеспеченность	Необходимость защиты имущественных интересов кредитора при возможном нарушении со стороны заемщика принятых на себя обязательств. Обеспеченность- это гарантия возврата ссуды в определенный срок. Обеспеченность означает наличие у заемщика юридически оформленных обязательств, например, договора залога жилой недвижимости

Особо следует выделить функции ипотечного кредитования и особенности такого рода кредита, которые дают ему преимущество перед другими способами кредитования. Функции, выполняемые ипотечным кредитованием, можно сформулировать следующим образом (табл.5).

Таблица 5
Классификация функций ипотечного кредитования

Функция	Характеристика
Функция стимулирования	Ипотечные кредиты повышают платежеспособный спрос на рынке недвижимости и средств производства
Функция экономии издержек обращения	Увеличение скорости оборачиваемости капитала ведет к экономии общих издержек обращения
Функция финансового левириджа	Использование заемных ресурсов генерирует и повышает доходность собственного капитала (инвестиции)
Функция перераспределения капиталов	Обеспечивает перелив денежных средств из финансовой сферы и сбережений населения в реальную региональную экономику- строительство жилья, производство товаров и услуг, и т.п.

Экономическая функция	Разрешение противоречий между потребительскими стандартами населения (ожиданиями) и их текущими доходами и сбережениями, повышение платежеспособного спроса населения, увеличение темпов экономического роста
Инвестиционная функция	Инвестируемые средства дают возможность развития и роста строительной индустрии и связанных с ней отраслей (производство стройматериалов, мебели и т.п.), приводит к созданию дополнительных рабочих мест. Ипотечное кредитование-ведущая основа роста валового внутреннего продукта
Мультипликативная функция	Создание условий: - для мультипликации фиктивного капитала на базе оборота закладных, облигаций и иных ценных бумаг с ипотечным залоговым покрытием, а также вторичного рынка ипотечных кредитов; - ускорения темпа роста во взаимосвязанных производствах, например, мебели, лакокрасочной продукции, металла; - денежного мультипликатора (при выдаче кредитов банк становится источником ресурсов для другого банка, выдающего другой кредит этими средствами); - мультипликатора доходов (увеличение инвестиционного потребления вызывает рост доходов); - мультипликатора налогов (каждый денежный оборот воспроизводит новые налоги)

К основным требованиям для реализации ипотечного кредитования можно отнести следующие:

- сумма кредита, как правило, составляет не более 60-70 % рыночной стоимости покупаемого жилья;
- величина ежемесячного платежа по кредиту не должна превышать 30 % совокупного дохода заемщика и созаемщиков (в том случае, если они имеются) за соответствующий расчетный период;
- при процедуре оценки вероятности погашения кредита кредитор использует официально подтвержденную информацию о текущих доходах заемщика и созаемщиков.

Указанные стандарты и требования направлены на снижение рисков для кредитора и заемщика.

Главная цель развития долгосрочного ипотечного жилищного кредитования - создать эффективно работающую систему обеспечения доступным по стоимости жильем российских граждан со средними доходами, основанную на рыночных принципах приобретения жилья на свободном от монополизма жилищном рынке за счет собственных средств граждан и долгосрочных ипотечных кредитов. Создание указанной системы позволит:

- увеличить платежеспособный спрос граждан и сделать приобретение жилья доступным для основной части населения;
- активизировать рынок жилья;
- вовлечь в реальный экономический оборот приватизированное жилье;
- привлечь в жилищную сферу сбережения населения и другие внебюджетные финансовые ресурсы;
- обеспечить развитие строительного комплекса;
- оживить экономику страны в целом.

Таким образом, ипотека - это важнейший инструмент обеспечения возвратности кредита. Ипотечный кредит, выдаваемый под залог недвижимости, включая земельную собственность, является одной из форм кредитования, активно используемой в рыночной экономике и обеспечивающей надежность сделки. Ипотечное кредитование и есть тот механизм, который осуществляет взаимосвязь между денежными ресурсами населения, банками и предприятиями строй-индустрии, направляя финансовые средства в реальный сектор экономики. Ипотечное кредитование, отвлекая денежные средства из текущего оборота во внутренние накопления, в некоторой степени способствует снижению уровня инфляции. Без использования ипотечного кредита затруднена реализация построенных домов и квартир, а также нарушается непрерывность производств в строительстве.

Развитие системы ипотечного кредита на рыночной основе способно вывести страну не только из инвестиционного, но и из инфляционного кризиса, отвлекая средства из текущего оборота во внутреннее накопление.

Библиография:

1. Сафронов, В. В. Государственно-правовое администрирование института ипотеки жилых помещений на территории Российской Федерации : монография / В. В. Сафронов. — Красноярск : СибГУ им. М. Ф. Решетнева, 2022. — 188 с.
2. Горемыкин В.А. Ипотечное кредитование : учебник / В.А. Горемыкин. — Москва : МГИУ, 2014. — 368 с.
3. Гусев А. Ипотечное жилищное кредитование. Жилье взаимы : монография / А. Гусев. — Ростов : Феникс, 2016. — 799 с.
4. Гущин В.В., Осадченко И. В. К вопросу об ипотечном жилищном кредитовании в России // Жилищное право. 2016. №1. С. 33-41.
5. Довиденко И. В. Ипотека. Управление. Организация, Оценка : учеб. пособие / И.В. Довиденко, В.З. Черняк. — Москва : Юнити-Дана, 2015. — 464 с.
6. Логинов М.П. Теория и методология ипотечного кредитования : учебник / М.П. Логинов, В.А. Татьянников. — Екатеринбург : УрГУ, 2015. — 226 с.
7. Разумова И.А. Ипотечное кредитование : учебник / И.А. Разумова. — 2-е изд. — Санкт-Петербург : Питер, 2016. — 482 с.

References:

1. Safronov, V. V. State legal administration of the residential mortgage Institute in the territory of the Russian Federation: monograph / V. V. Safronov. — Krasnoyarsk : Sib-GU named after M. F. Reshetnev, 2022. — 188 p.
2. Goremykin V.A. Mortgage lending : textbook / V.A. Goremykin. — Moscow : MGIU, 2014. — 368 p.
3. Gusev A. Housing mortgage lending. Housing on loan : a monograph / A. Gusev. — Rostov : Phoenix, 2016. — 799 p.
4. Gushchin V.V., Osadchenko I. V. On the issue of mortgage housing lending in Russia // Housing law. 2016. No. 1. pp. 33-41.
5. Davidenko I. V. Mortgage. Management. Organization, Assessment : studies. the manual / I.V. Davidenko, V.Z. Chernyak. — Moscow : Unity-Dana, 2015. — 464 p.
6. Loginov M.P. Theory and methodology of mortgage lending : textbook / M.P. Loginov, V.A. Tatiannikov. — Yekaterinburg : USU, 2015. — 226 p.
7. Razumova I.A. Mortgage lending : textbook / I.A. Razumova. — 2nd ed. — St. Petersburg : Peter, 2016. — 482 p.

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ НАУКА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ Operational investigative science in the context of digital transformation

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoya and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.
E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. В настоящее время цифровая трансформация в сфере ОРД считается стратегическим направлением деятельности оперативных подразделений полиции, поскольку МВД России цифровую трансформацию рассматривает ключевым ориентиром в своей оперативно-служебной деятельности [3]. Специалисты теории ОРД констатируют, что на фоне появления современных информационных технологий значительная часть различных видов преступлений «ушла» в виртуальное пространство, что во многом свидетельствует о повышении активности криминальных структур в киберпространстве. Как известно, криминализация цифровой среды (социальные сети, мессенджеры, средства электронных платежей, сеть Интернет) способствует сохранению их членам анонимности и возможности тем самым оставаться отчасти безнаказанным¹. Эти и другие качественные изменения не могли не повлиять на дальнейшее развитие оперативно-розыскной науки и ее структурно-содержательных компонентов. В работе дается некоторая характеристика ее состояния с учетом современных реалий и автором высказаны предложения и рекомендации по решению ряда имеющихся проблем [6].

Abstract. Currently, digital transformation in the field of internal Affairs is considered a strategic area of activity for operational police units, since the Ministry of Internal Affairs of Russia considers digital transformation to be a key guideline in its operational and official activities. Experts of the theory of HORDES state that against the background of the emergence of modern information technologies, a significant part of various types of crimes have "gone" into the virtual space, which largely indicates an increase in the activity of criminal structures in cyberspace. As you know, the criminalization of the digital environment (social networks, messengers, electronic payment tools, the Internet) It helps to preserve the anonymity of their members and thus the opportunity to remain partially unpunished. These and other qualitative changes could not but affect the further development of operational investigative science and its structural and substantive components. The paper gives some characteristics of its condition, taking into account modern realities, and the author makes suggestions and recommendations for solving a number of existing problems.

Ключевые слова: оперативно-розыскная наука, теория оперативно-розыскной деятельности – ее сердцевина, совокупность факторов (обстоятельств), оперативные подразделения полиции, органы внутренних дел, взаимосвязи и взаимообусловленности.

Keywords: operational investigative science, theory of operational investigative activity - its core, a set of factors (circumstances), operational police units, internal affairs agencies, interrelationships and interdependence.

Для цитирования: Иванов П.И. Оперативно-розыскная наука в условиях цифровой трансформации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 322-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_322.

For citation: Ivanov P.I. Operational investigative science in the context of digital transformation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 322-325. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_322.

Статья поступила в редакцию: 15.03.2024

Говоря о затронутой нами проблематике, невольно возникает вопрос: как может повлиять на дальнейшее развитие оперативно-розыскной науки цифровая реальность? Чтобы ответить на этот вопрос мы обратимся к обстоятельствам его обуславливающим. Заметим, что их достаточно много. Между тем, укажем в числе основных обстоятельств:

достижения современной науки и техники, вызванные новой промышленной революцией и ее технологиями [1]. Специалисты в области теории ОРД понимают, что это необратимый процесс. Значит, оперативно-розыскная наука должна реагировать на все негативные изменения цифровой среды;

прогрессивный процесс, сопровождаемый возникновением и развитием киберпреступности [5];

разворачивание ширококомасштабной работы по поиску форм и методов создания кибербезопасности от существующих вызовов (рисков) и угроз. Усиленно прорабатывается вопрос о принятии Конвенции о борьбе с киберпреступностью под эгидой ООН. Отдельно взятая страна не в состоянии эффективно противодействовать [10], так как названное явление носит глобальный (международный) характер;

¹ Не случайно 27 января 2021 г. под эгидой Общероссийской общественной организации «Российская криминологическая ассоциация» на базе Университета прокуратуры Российской Федерации проводилась Всероссийская научно-практическая конференция, на котором обсуждалась тема «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции» (Долговские чтения).

наличие цифровой среды [4]. Мы оказались в цифровом мире. Это совершенно иные условия, в которых правоохранительные органы продолжают выполнять возложенные на них функции;

появление ранее неизвестных правоохранительной практике угроз. В юридической литературе справедливо их называют новые. Это мошенничество в сфере телекоммуникаций (способы их совершения постоянно модернизируются), отмывание (легализация) «грязных» денег и финансирование организованной преступности и терроризма через криптовалюты, интернет вещей, теневой интернет, криминальная онлайн торговли контрафактными товарами, наркоторговля, торговля оружием. Перечень можно было бы продолжить, но уже перечисленные угрозы свидетельствуют о повышенной опасности для общества и государства. От них во многом исходят негативные последствия. Исследователи, например, заговорили о киберпреступлениях. Отсюда невольно задумываешься, как и каким образом от них избавиться или привести их, по мере возможности, в социально приемлемый уровень. В то же время не следует упрощать реально существующие теоретико-прикладные проблемы, связанные с цифровой средой (киберугрозой);

инновации, обусловленные внедрением цифровых технологий в правоохранительную деятельность. Специалисты утверждают, что их внедрение может упрощать многие рутинные задачи, решаемые сегодня, например, полицией, осуществляя ею трудозатратные функции. Уже мы располагаем таким опытом ряда зарубежных стран [1]. В этом плане и в России ведется активная работа [8, 9];

наконец, цифровизация преступности. В некотором смысле оперативно-розыскная наука¹ стала как ее следствие. Но, однако не следует рассматривать это как статику, поскольку данный вид науки находится в непрерывном динамическом состоянии, определяя основные тренды и подходы к противодействию киберпреступности. И в ней происходит технологическая трансформация (преобразования). Между тем хотелось бы поставить перед читателями такой вопрос: готова ли на сегодня оперативно-розыскная наука предложить практике готовые рецепты использования искусственного интеллекта при проведении отдельных оперативно-розыскных мероприятий или же документирования преступных действий проверяемых (подозреваемых)? Думается, что вряд ли. Говоря об этом, приведу сравнение с уголовным судопроизводством, тут смело заявляют о возможностях использования цифровой технологии. Мы не думаем, что оперативно-розыскная наука займет в этом плане позицию догоняющего из числа отстающих. Мы уверены в том, что у нее найдется потенциал, чтобы не отставать впереди идущих. Это самодостаточная наука, имеющая свою собственную историю. Как известно, теория ОРД отпочковалась от криминалистики еще в 50-х годах XIX века. Многолетняя практика убедила в том, что ОРД (разумеется, не без достижений науки) на сегодня действенное средство в борьбе с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, носящими межрегиональный, межгосударственный и международный характер.

К сожалению, как нам представляется, оперативно-розыскная наука² сегодня находится в своеобразном в замкнутом круге цифровых и иных высоких технологий. Она не может пассивно созерцать все это, когда другие области знаний активно предпринимают меры по научному осмыслению сложившейся криминогенной ситуации и выработке адекватных ей конструктивных решений проблемы.

По большому счету оперативно-розыскная наука оказалась на новом этапе своего развития, обусловленного вышеуказанными обстоятельствами. Но она стремится реализовать прорывную идею, суть которой, на наш взгляд, заключается в оптимизации оперативно-розыскной деятельности, обеспечивая опережение противоправных действий как главного принципа ее организации на всех уровнях управления (федеральном, окружном, межрегиональном, региональном, муниципальном (районном)). Ведомственная наука должна выдавать научно обоснованные предложения, рекомендации и алгоритмы, разрабатываемые по запросам практических подразделений на основе обобщения и систематизации положительного опыта практики деятельности оперативных подразделений полиции. Как нам представляется, чтобы объяснить процессы и явления, протекающие в цифровой среде, важно иметь современный понятийно-категориальный аппарат. Пока что многие термины и понятия, обусловленные данной средой, не нашли теоретического осмысления в рамках предмета оперативно-розыскной науки. Например, среди них такие, как: оперативно-розыскное противодействие и его механизм; риск – ориентированный подход как метод оперативно-розыскной науки; «реперные» точки оперативно-розыскного воздействия (объекты) и указывающие на них признаки; оперативно-розыскные риски и угрозы, их источники; оперативно-розыскной мониторинг и его содержание; зоны приоритетного мониторинга; рисковые зоны и их определение по совокупности признаков³; «паспорт риска». Исследователи по результатам оперативно-розыскного мониторинга предлагают составлять «паспорт риска», чтобы определиться, насколько тот или иной объект нуждается в оперативно-розыском воздействии (контроле).

Эти термины и понятия, на наш взгляд, также должны быть в структуре предмета науки. С их помощью представляется возможным объяснить как внутренние процессы, происходящие в самой ведомственной науке, так и причины и характер внешнего воздействия. Следует заметить, что ведомственная наука, пополнив новыми понятиями и терминами, расширяет поле своего влияния, особенно в части рисков и угроз (посредством совершения преимущественно упреждающих действий). Думается, что традиционный подход несколько запаздывает, не реализовав принцип наступательности и опережения противоправных действий криминально активных лиц.

---

¹ Далее – ведомственная наука. Ведомственная в смысле принадлежности к системе МВД России.

² Взаимосвязь между оперативно-розыскной наукой и самой оперативно-розыскной деятельностью прямая. Если оперативно-розыскная наука представляет как система знаний о закономерностях развития цифровой среды и киберпреступности, то оперативно-розыскная деятельность воплощает эти знания в конкретную практику противодействия указанного вида преступности.

³ Рисковые зоны – звенья (сегменты) экономики, которые в большей степени подвержены влиянию криминальных структур.

Следует отметить, что оперативно-розыскная наука, продуцирующая систему знаний о закономерностях развития киберпреступности в цифровой среде, придерживается лишь одному принципу - сфера познания не имеет национальных границ. Зарубежный опыт – для нее резерв пополнения знаний, передовых технологий, включая информационных. Оперативно-розыскная наука, как и другие, под свой предмет смело адаптируют (преобразуют) существующие технологии, чтобы предложить на их основе новые. В то же время ей не чуждо прогнозирование и стратегическое планирование. Между тем мы со своей стороны считаем целесообразным разработать стратегию внедрения информационных технологий в оперативно-розыскную деятельность. Тогда оперативно-розыскная наука будет знать, куда двигаться дальше и как.

Возвращаясь к новым угрозам, для убедительности приведем данные ведомственной статистики за 8 месяцев 2020 г., содержащие сведения о деятельности органов предварительного следствия в системе МВД России по расследованию уголовных дел по фактам мошенничеств с использованием мобильных средств связи¹.

В рассматриваемом периоде наблюдается существенный рост преступлений, совершенных с использованием 1Т – технологий и в сфере компьютерной информации. В целом по РФ за этот период зарегистрировано 318,4 тыс. (+76,7%) киберпреступлений. В каждом четвертом регионе России их число увеличилось в два и более раза.

Более половины (57,3 %) 1Т – преступлений совершено с использованием сети Интернет (182 тыс.; + 90,2 %), свыше трети (42,7 %) – посредством мобильной связи (135,8 тыс.; + 100,5 %). В 5 раз возросло число преступлений, совершенных с использованием расчетных (пластиковых) карт (122,5 тыс.). Свыше трех четвертей (75,2%) всех киберпреступлений приходится на кражи (110,5 тыс.; +89,5 %) и мошенничества² (128,9 тыс.; + 76,1 %).

Несмотря на сложную ситуацию, органы предварительного следствия проводят комплекс мероприятий, направленных на своевременное раскрытие и расследование преступлений указанной категории, в том числе путем направления запросов в международные правоохранительные организации и правоохранительные органы иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

В связи со сказанным отметим, что давно доказано: повышение эффективности борьбы с глобальной киберпреступностью можно добиться лишь путем объединения усилий правоохранительных органов на международном уровне. Отдельно взятое государство не в состоянии решить эту задачу. Одной из ключевых составляющих в международном сотрудничестве – это обмен информацией. По мнению большинства специалистов, в этом направлении следует двигаться, так как оно на сегодня важнейшее условие обеспечения кибербезопасности. Мы полагаем, что и эти вопросы должны охватываться предметом оперативно-розыскной науки и являться объектом пристального внимания.

Одновременно считаем, что успешное решение методологических проблем этой отрасли науки немыслимо в отрыве от *основных положений* Концепции научно-технической политики МВД России до 2030 года (Основные положения)³, поскольку одним из ее принципов является интеграция ведомственной науки, образования и практики. Среди основных направлений реализуемых Концепцией - выявление, пресечение, раскрытие и расследование преступлений (в том числе оперативно-розыскная и экспертно-криминалистическая деятельность), которое должно быть подвергнуто оперативно-розыскной наукой теоретическому осмыслению путем изучения их с позиции исторического, системного (комплексного) подходов. Следует при этом отметить, что одной из целей анализируемой Концепции выступает совершенствование информационных и телекоммуникационных технологий, средств связи, системы защиты информации, кибербезопасности. Указанная цель, на наш взгляд, полностью соотносится интересами оперативно-розыскной науки. В данном случае также убеждаемся в том, что цифровая реальность и ее влияние на дальнейшее развитие оперативно-розыскной науки – это не надуманная идея, а объективно обусловленный ход событий.

Данный вопрос стал предметом обсуждения на межведомственной конференции «Технологии информационного общества и развитие теории ОРД», которая состоялась во ВНИИ МВД России 15 ноября 2019 г. Участники конференции единодушно высказались, что это будущее теории ОРД, цифровизация в допустимых пределах (с определенными ограничениями) присуще и теории ОРД, которая не может развиваться изолированно, отвергая достижения других отраслей научного знания. Все новое всегда вначале воспринимается с некоторым опасением, безусловно, есть проблемы на пути освоения процесса цифровизации, но они временные и преодолимые [7].

Другим не менее важным направлением методологии развития оперативно-розыскной науки, на наш взгляд, может стать требование о необходимости снижения административного давления на бизнес *со стороны правоохранительных органов* [9]. Так, например, эта проблема обсуждалась на международной конференции-практикум «Налоговые преступления: вопросы правоприменения», которая состоялась 30 сентября 2020 г.⁴ В частности, на ней рассматривались актуальные вопросы, связанные с квалификацией уклонения от уплаты налогов и сборов с организации, с трансформацией полученной налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды в уклонение от уплаты налогов, с правовой преюдицией в налоговых преступлениях и с соотношением налоговых преступлений и правонарушений, а также с освобождением от уголовной ответственности. Рассматрива-

¹ О направлении алгоритма действий следователя на первоначальном этапе расследования дистанционных хищений: Следственный департамент МВД России № 17/3 – 34272 от 5 октября 2020 г.

² Ст. ст. 159, 159.3 и 159.6 УК РФ.

³ Концепции научно-технической политики МВД России до 2030 года (Основные положения). – М.: Академия управления МВД России, 2019. 16 с.

⁴ Международная конференция-практикум была организована под эгидой Автономной некоммерческой организации «Платформа для работы с обращениями предпринимателей».

емая отрасль знания не может обходить стороной названную проблему, так как она требует дальнейших теоретических исследований, поскольку одним из поручений по реализации послания Президента РФ Федеральному собранию РФ от 20 февраля 2019 г. (№ Пр-294) стали именно вопросы, связанные со снижением административного давления на бизнес.

Подводя итог сказанному, отметим следующее.

Во-первых, оперативно-розыскная наука испытывает сегодня достаточно ощутимое воздействие со стороны совокупности обстоятельств, связанных с цифровизацией. Методы и технологии (информационно-телекоммуникационная сеть), информационно-поисковые системы, автоматизированные банки данных, электронный документооборот и другие новшества, получившие широкое распространение в деятельности оперативных подразделений полиции, на наш взгляд, это ответ (реакция) с их стороны на коренные преобразования системы информационных технологий.

Во-вторых, под цифровизацией в настоящей статье понимается процесс перехода с аналоговой формы передачи информации на цифровую. Применительно к оперативно-розыскной деятельности и оперативно-розыскной науке (отдельной отрасли научных знаний о закономерностях развития цифровой среды и киберпреступности) ключевым, по нашему мнению, является цифровая трансформация традиционных сил, средств, методов, форм ОРД и оперативно-розыскных мероприятий. Указанные сведения в конечном итоге будут представлены в цифровой форме.

В-третьих, что же касается цифровых технологий, то их мы рассматриваем как дискретную систему, которая базируется на способах кодирования и трансляции информационных данных, позволяющих решать разнообразные оперативно-тактические задачи, стоящие перед оперативными подразделениями полиции, за относительно короткие отрезки времени. Теоретическую модель цифровых технологий должна представить оперативно-розыскная наука на основе глубокой проработки теоретико-прикладной проблемы, связанной с киберпреступностью.

В-четвертых, оперативно-розыскная наука, преследуя такую цель, с помощью присущих ей форм и методов погружается в поиск новых знаний о закономерностях развития цифровой среды и киберпреступности, так как разработка прикладных технологических решений для оперативных подразделений полиции – наукоемкий процесс, требующий глубокого и сложного научного обоснования.

Библиография:

1. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XX1 века. Мировой опыт. М.: Международные отношения, 2020.
2. Жданов Ю.Н., Овчинский В.С. Киберполиция XX1 века. Мировой опыт. М.: Международные отношения, 2020.
3. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63).
4. Иванов П.И. Оперативно-розыскная деятельность в условиях цифровой реальности: ее научное обеспечение / П. И. Иванов // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68).
5. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям: точка зрения // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64).
6. Иванов П.И. Цифровая реальность и ее влияние на развитие оперативно-розыскной науки // Сборник материалов 1 Всероссийской научно-практической конференции (27 января 2021 г.) «Цифровые технологии в борьбе с преступностью: проблемы, состояние, тенденции (Долговские чтения)». М.: Университет прокуратуры РФ, Общероссийская общественная организация «Российская криминологическая ассоциация», 2021.
7. Иванов П.И., Шитов А.С. Актуальные проблемы цифровизации оперативно-розыскной деятельности // Технологии информационного общества и развитие теории оперативно-розыскной деятельности: сборник научных трудов. М.: ВНИИ МВД России, 2020.
8. Иванов П.И., Шитов А.С. К вопросу о важности приспособления механизма противодействия налоговой преступности к цифровой реальности // Искусственный интеллект (большие данные) на службе полиции: сборник статей международной научно-практической конференции (28 ноября 2019 года, г. Москва). М.: Академия управления МВД России, 2020.
9. Иванов П.И., Шитов А.С. Уголовная политика в области борьбы с экономической преступностью и особенности ее реализации подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел Российской Федерации // Сборник статей по материалам международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (11 сентября 2020 г.). Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2020.
10. Ишин И.А. «Противодействие преступности» или «борьба с преступностью»: анализ понятий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. – № 3(92).

References:

1. Zhdanov Yu.N., Ovchinsky V.S. Cyberpolice of the XX1 century. World experience. M.: International Relations, 2020.
2. Zhdanov Yu.N., Ovchinsky V.S. Cyberpolice of the XX1 century. World experience. M.: International Relations, 2020.
3. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. № 2 (63).
4. Ivanov P.I. Operational investigative activity in the conditions of digital reality: its scientific support / P. I. Ivanov // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (68).
5. Ivanov P.I. Operational investigative counteraction to cybercrimes: a point of view // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (64).
6. Ivanov P.I. Digital reality and its impact on the development of operational investigative science // Collection of materials of the 1st All-Russian scientific and practical conference (January 27, 2021) "Digital technologies in the fight against crime: problems, state, trends (Dolgov readings)". M.: University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, All-Russian public organization "Russian Criminological Association", 2021.
7. Ivanov P.I., Shitov A.S. Actual problems of digitalization of operational investigative activities // Information society technologies and the development of the theory of operational investigative activities: a collection of scientific papers. M.: Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.
8. Ivanov P.I., Shitov A.S. On the importance of adapting the mechanism of countering tax the transition to digital reality // Artificial intelligence (big data) in the police service: a collection of articles of the international scientific and practical conference (November 28, 2019, Moscow). Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020.
9. Ivanov P.I., Shitov A.S. Criminal policy in the field of combating economic crime and the specifics of its implementation by the EBiPK units of the internal affairs bodies of the Russian Federation // Collection of articles based on the materials of the international scientific and practical conference "Criminal policy and culture of countering crime" (September 11, 2020). Krasnodar: Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020.
10. Ishin I.A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts // Scientific bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. – № 3(92).

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_326

УДК 343.2

СУБЪЕКТ ОБОСНОВАННОГО РИСКА КАК ПРОБЛЕМА НАУКИ УГОЛОВНОГО ПРАВА The subject of reasonable risk as a problem of the science of criminal law

ЛАПША Вадим Леонидович,
исследователь. Преподаватель-исследователь.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru;
Lapsha Vadim Leonidovich,
Researcher. Teacher-research.
E-mail: ivan.2036.ivanov@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье рассматривается вопрос о лице, действующем в ситуации обоснованного риска и приводится собственная точка зрения.

Abstract: The article examines the issue of a person acting in a situation of reasonable risk and provides his own point of view.

Ключевые слова: обоснованный риск, субъект права, уголовно-правовые отношения, уголовный закон, уголовная ответственность.
Keywords: reasonable risk, reasonable risk, subject of law, criminal law relations, criminal law, criminal liability.

Для цитирования: Лапша В.Л. Субъект обоснованного риска как проблема науки уголовного права // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 326-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_326.

For citation: Lapsha V.L. The subject of reasonable risk as a problem of the science of criminal law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 326-328. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_326.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2024

Уголовное законодательство, призванное охранять социальные блага устанавливает не только запреты на причинение им вреда, но и ограничивает действия которые совершаются не с преступной целью, а направлены на достижение социально полезных результатов. В отношении последних, которые могут причинить вред, законодателем установлены не только пределы их совершения, но и правовые последствия при соответствующем превышении.

Например, в гл. 8 УК РФ¹ указаны обстоятельства, влекущие меньшие по сравнению с совершением преступных деяний уголовно-правовые последствия. В качестве последних могут быть: как признание причиненного вреда при соблюдении условий правомерности неправомерным (не влекущим правовых последствий), так и признание причиненного вреда социальным благам преступлением, но влекущим смягчение наказания.

Одним из них является норма об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ) впервые закрепленная в тексте уголовного законодательства 1996 г. Однако ее дефиниция, а также условия правомерности и неправомерности и иные аспекты остаются дискуссионными.

При этом роль риска как обстоятельства, исключающего преступность деяния, не исчерпывается. При нарушении условий правомерности и наличии вреда в ситуации обоснованного риска он признается обстоятельством, смягчающим наказание (ст. 61 УК РФ). Однако характер причинения вреда не является преступным. Исходя из общей цели действий, его можно охарактеризовать как причинение вреда в рамках правовых норм.

Резюмируя, в данном аспекте отметим, что признание или непризнание риска обоснованным и правомерным существенно влияет на *уголовную ответственность* лица причинившего вред социальным благам. Тем самым наличествует прямая связь нормы обоснованного риска с иными институтами уголовного законодательства.

Таким образом, проанализировав положения указанной выше главы УК РФ можно прийти к выводу о том, что причинение вреда при регламентированных обстоятельствах лицом влечет признание его субъектом возникающих правоотношений.

Такой же вывод следует исходя из анализа уголовно-правовой доктрины в отношении положений гл. 8 УК РФ, а именно что в отношении лица действующего в ситуациях указанных обстоятельств, уголовным законом определяются меры ответственности. Соответственно, лицо причинившее неправомерный вред или признанный правомерным вред может быть признано субъектом названных правоотношений[1, с. 336-337]

В этой связи необходимо определить признаки *лица действия*, которого сопряжены с риском причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны[2].

Первоначально в виду регламентации советским законодательством (не уголовным) различных видов риска, а именно производственного и хозяйственного определялось что рискующим может быть в первую очередь профессионал т.е. работник определенной профессиональной сферы деятельности.

Ряд ученых правоведов также поддерживают данную точку зрения о том, что названные лица имеют право на подобные действия[3, с. 95]. При этом ситуации разные и порой весьма распространенным является то, что ради спасения другого человека своей жизнью рискуют граждане, не

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 13.06.1996. № 63-ФЗ (ред. от 12.06.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

обладающие какой-либо специальной подготовкой или знаниями. Такие случаи в последнее время часто встречаются в социальной практике.

Как следует из анализа иных обстоятельств, указанной выше главы уголовного закона, состав лиц, имеющих право на правомерное воздействие на социальные блага с непроступными целями является неоднородным. Например, в ст. 37 УК РФ о необходимой обороне сказано, что «положения настоящей статьи в равной мере на всех лиц» независимо от наличия у них профессиональных качеств или служебных обязанностей.

Рассматривая в обозначенном ключе положения ст. 38 УК РФ также можно прийти к выводу о том, что не только лица профессиональная обязанность которых противодействовать совершению преступлений имеют закрепленное в названной норме право. Кроме того, в целях пресечения совершения правонарушителем преступных деяний, данным правом могут воспользоваться и граждане, не имеющие профессиональных обязанностей.

Таким образом, можно прийти к выводу о том, что субъектом названных обстоятельств может быть не только специалист какой-либо профессиональной сферы деятельности, но и физическое лицо не являющееся таковым.

Далее следует отметить, что вопросы в отношении лица совершившего противоправное или правовое деяние сопряжены с возникающими по этому поводу правоотношениями. В данном случае, полагаем, наличествуют уголовно-правовые отношения, так как их возникновение связано с причинением вреда охраняемым социальным благам[4].

При этом характеризуя последние укажем, что согласно положениям общей теории права, они являются *конкретными правоотношениями*, так как они по справедливому мнению доктора юридических наук, профессора Н. А. Пянова являются «правовой связью» участников правоотношения, имеющих взаимные права и обязанности[5, с. 196].

Также отметим, что для возникновения тех или иных правоотношений уголовных, семейных и иных необходимо достижение физическим лицом определенного возраста.

В частности, на основе сказанного выше субъектом уголовно-правовых отношений может быть: согласно ч. 1 ст. 20 УК РФ лицо, достигшее к моменту совершения преступления 16 лет (общий возраст уголовной ответственности). В отдельных случаях ч. 2 названной статьи лицо, достигшее 14 лет.

Таким образом, полагаем, что вопрос о возрасте рискующего является общим и в целом характерным для признания того или иного физического лица участником уголовно-правовых отношений.

Отметим что, анализируя положения гл. 4 УК РФ можно также выделить отдельных лиц частично обладающих указанными в ст. 19 УК РФ признаками *общего субъекта*, в отношении которых уголовный закон предусматривает применение определенных мер воздействия.

В частности, лица согласно судебной медицинской экспертизе могут быть признаны невменяемыми (ст. 21 УК РФ) и те, которые во время совершения уголовно наказуемого деяния являлись вменяемыми, но имели определенные психические расстройства (ст. 22 УК РФ) в той или иной мере могут быть подвергнуты определенным уголовно-правовым мерам.

Также следует сказать и о некоторых лицах, указанных в ст. 12 УК РФ на которых в определенных нормой случаях, распространяется действие уголовного закона т.е. о лицах, которые при определенных обстоятельствах становятся субъектами уголовно-правовых отношений.

Анализируя Особенную часть УК РФ можно сделать вывод, что за ряд уголовно-правовых деяний к уголовной ответственности может быть привлечено лицо обладающее дополнительными (кроме указанных в ст. 19 УК РФ) признаками.

Резюмируя в отношении указанных выше лиц из Особенной части Кодекса следует сказать, что таковых принято называть *специальными субъектами*. В частности, в уголовно-правовой доктрине, в рамках разработанного под научным руководством доктора юридических наук, профессора Н. А. Лопашенко научного проекта УК РФ было предложено закрепить (ч. 2 ст. 23 Проекта) определение специального субъекта[6, с. 53].

Указанное предложение является справедливым в том плане, что в названии главы 4 УК РФ сказано о «лицах, подлежащих уголовной ответственности». Их возможно определить и так как предлагают ученые.

Соответственно, основываясь на положениях общей теории права, а также научных представлениях, имеющих место в уголовно-правовой доктрине по исследованной нами проблеме в рамках данной статьи, приведем следующие выводы.

В целом проблема о рассматриваемых лицах является межотраслевой.

В общетеоретических правовых исследованиях определены базовые характеристики названных субъектов, которые применительно к конкретным правоотношениям, например, уголовным приобретают свои специфические признаки.

Их установление имеет существенное уголовно-правовое значение, так как субъект является одним из элементов состава деяния которое в дальнейшем может быть определено как правомерное или противоправное.

Соответственно уголовно-правовое значение, полагаем, будут иметь следующие признаки: во-первых, те, которые определены в ст. 19 УК РФ, во-вторых те, которые имеют место применительно к конкретной ситуации (ст. 41 УК РФ).

На основе сказанного можно привести следующее определение: *субъектом уголовно-правовых отношений в ситуации обоснованного риска является – физическое, вменяемое лицо, обладающее минимальными дополнительными качествами, знаниями и опытом позволяющими ему предпринять определенные меры направленные на предотвращение возможности причинения вреда охраняемым уголовным законом социальным*

благам или ее минимизации, действующее для достижение социально полезной цели. Обозначенное нами определение не претендует на исключительность. В нем субъект определен комплексно т.е. как совокупность общих признаков (ст. 19 УК РФ) и специальных признаков (ч. 1 и ч. 2 ст. 41).

Хотя по мнению некоторых ученых названный подход к определению субъекта ст. 41 УК РФ можно применить и к специальному субъекту или же специального субъекта определить в качестве лица уголовно-правовых отношений возникающих при реализации положений названной статьи. Однако, справедливости ради, укажем на то, что названное определение, по нашему мнению, соответствует дефиниции лица действующего в ситуации риска так, как только в нем есть необходимые и достаточные законодательные признаки именно данной нормы (из ч. 1 и 2 ст. 41 УК РФ).

Библиография:

1. Тишкевич И. С. Избранные труды / И. С. Тишкевич. – Минск : Редакция журнала «Промышленно-торговое право», 2014. – 484 с. – (Наследие права).
2. Генрих Н. В. Субъекты уголовно-правового отношения / Н. В. Генрих // Научный портал МВД России. – 2010. – № 3. – С. 47-54.
3. Мирошниченко Н. В. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее преступность деяния, при исполнении профессиональных функций / Н. В. Мирошниченко // Общество и право. – 2015. – № 1 (51). – С. 94-98.
4. Смирнова Л. Н. Уголовно-правовые отношения при обстоятельствах, исключающих преступность деяния / Л. Н. Смирнова // Известия Алтайского государственного университета. – 2009. - № 2. – С. 99-102.
5. Пьянов Н. А. Теория государства и права. В 2. ч. Ч. 2. Теория права : учебное пособие / Н. А. Пьянов. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2011. – 391 с.
6. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н. А. Лопашенко, Р. О. Долотов, Е. В. Кобзева, К. М. Хутов; под ред. докт. юрид. наук, проф. Н. А. Лопашенко. – М. : Юрлитинформ, 2019. – 320 с.

References:

1. Tishkevich I. S. Selected works / I. S. Tishkevich. – Minsk : Editorial office of the journal "Industrial and Commercial law", 2014. – 484 p. – (Legacy of law).
2. Henrikh N. V. Subjects of criminal law relations / N. V. Henrikh // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2010. – № 3. – pp. 47-54.
3. Miroshnichenko N. V. Reasonable risk as a circumstance excluding criminality of an act in the performance of professional functions / N. V. Miroshnichenko // Society and law. – 2015. – № 1 (51). – pp. 94-98.
4. Smirnova L. N. Criminal law relations in circumstances excluding the criminality of an act / L. N. Smirnova // Proceedings of the Altai State University. – 2009. - No. 2. – pp. 99-102.
5. Pyanov N. A. Theory of state and law. In 2. Part 2. Theory of law: a textbook / N. A. Pyanov. Irkutsk : Publishing House of the ISU, 2011. – 391 p.
6. The Criminal Code of the Russian Federation (scientific project) / N. A. Lopashenko, R. O. Dolotov, E. V. Kobzeva, K. M. Khutov; ed. Jurid. Sciences, prof. N. A. Lopashenko. – M. : YurLitinform, 2019. – 320 p.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ОРД

Some issues of the evidentiary value of the results of the operational search

АВЕРИН Игорь Юрьевич,

преподаватель кафедры ОРД ОВД
учебно-научного комплекса противодействия экономическим и налоговым преступлениям НА МВД России.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: averin-igor-ord@mail.ru;

ВВЕДЕНСКИЙ Андрей Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовно-процессуального права.
Приволжский филиал ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия».
Россия, 603022, г. Нижний Новгород, пр. Гагарина, 17 А.
E-mail: vvedensky.an@yandex.ru;

Averin Igor Yurievich,

Teacher of the Department of Investigative Activities of the Educational and Scientific Complex
for Combating Economic and Tax Crimes NA MIR.
603022, 3, Ankudinovskoye highway Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: averin-igor-ord@mail.ru;

Vvedensky Andrey Yurievich,

Candidate of law, associate professor, associate professor at the Department of criminal procedure Law.
Privolzhsky branch of Russian State University of Justice».
603022, 17A Gagarin Avenue, Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: vvedensky.an@yandex.ru

Краткая аннотация. В статье проанализирована ряд актуальных проблем, связанных с использованием данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в доказывании в рамках уголовного правосудия, роли которых и ограничения на данный момент не определены. Отсутствие унифицированной теоретической основы для регуляции применения результатов оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в процессе доказывания по уголовным делам снижает возможности разработки конкретных законодательных научных подходов.

Abstract. The article analyzes a number of current problems related to the use of data obtained during operational investigative activities in evidence within the framework of criminal justice, the roles and limitations of which are currently not defined. The lack of a unified theoretical basis for regulating the use of the results of operational investigative activities (ORA) in the process of proof in criminal cases reduces the possibility of developing specific legislative scientific approaches.

Ключевые слова: доказывание, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, доказательства, уголовное правосудие.

Key words: evidence, operational investigative activities, operational investigative activities, evidence, criminal justice.

Для цитирования: Аверин И.Ю., Введенский А.Ю. Некоторые вопросы доказательственного значения результатов ОРД // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 329-332. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_329.

For citation: Averin I.Yu., Vvedensky A. Yu. Some issues of the evidentiary value of the results of the operational search // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 329-332. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_329.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Применение оперативно-розыскной деятельности (ОРД) в рамках уголовных процессов, особенно при расследовании тяжких преступлений, таких как коррупция, незаконный оборот наркотических и психотропных средств, а также терроризм, является ключевым элементом формирования доказательственной базы. Эффективность уголовных процессов без активации ОРД существенно снижается, делая их сложными и зачастую невыполнимыми. Важность ОРД в уголовных процессах подчеркивается В.Т. Томиним, который указывает на критическую необходимость этих мероприятий при расследовании особо опасных преступлений. М.А. Шматов также поддерживает эту точку зрения, отмечая, что до сих пор не существует более эффективных способов, чем оперативно-розыскные действия, для предотвращения и расследования преступлений [7, С. 115].

Отметить необходимо, что в рамках уголовных процессов особую значимость приобретают результаты ОРД. Их актуальность сохраняется, и они постоянно находятся в центре внимания юридических экспертов и общественности. Однако вопросы, касающиеся роли и функций результатов ОРД в уголовно-процессуальной практике, до сих пор не нашли однозначных разъяснений как со стороны научного сообщества, так и от практикующих юристов и законодателей.

В научном дискурсе преобладает мнение, что данные, собранные в рамках оперативно-розыскной деятельности, не могут быть напрямую использованы в уголовном процессе из-за их несоответствия критериям допустимости доказательств, обусловленного методами их получения, не соответствующими строгим требованиям уголовно-процессуального кодекса. Такие материалы часто оцениваются как менее надежные по сравнению с информацией, полученной с использованием процессуально одобренных методов.

Преобразование результатов оперативно-розыскной работы в доказательства требует контролирования процесса создания этих доказательств для гарантии их достоверности и избежания возможных искажений, что является ключевым для сформирования эффективной и законной совокупности доказательств.

Очевидно, что существующие методы обладают значимыми недостатками. Основная проблема проявляется в упущении большого объема оперативно-розыскной информации, вызванном её недостаточным процессуальным анализом, что способствует потерям данных. Важность этого аспекта подчеркивается В.П. Хомколовым, который отмечает недостаточное использование собранной информации в процессах раскрытия и расследования преступлений, что также связано с пробелами в нормативном регулировании этой сферы [6, С. 87].

Между требованием судопроизводства к полноте данных о преступлениях и ограничениями, связанными с допустимыми методами и источниками сбора информации, возникает диссонанс.

Предполагается, что решения законодательного органа основывались на политических мотивах, вызванных сомнениями в достоверности данных, получаемых в ходе оперативно-розыскной деятельности. В этом контексте рассмотрение рисков для прав и свобод личности, которые могут проистекать из оперативно-розыскных мер, превратилось в регулярный элемент процесса анализа практического использования информации из оперативных источников [3, С. 78].

Значимость доказательств в правовой практике и иные подходы к их оценке заметно различаются. Вопреки поддержке традиционного метода, имеется анализ, указывающий на более результативные методы разрешения данных противоречий. Современные методики, применяемые к результатам оперативно-розыскной деятельности, способствуют более точной оценке доказательственного значения.

Исследования, проведенные учёными, в том числе А.Ю. Шумиловым и М.П. Поляковым, указывают на то, что результаты ОРД могут служить альтернативой традиционным уликам в контексте процессуальной информации, увеличивая их значимость в юридических процедурах.

Законодательный подход, как правило, оказывает поддержку стратегии, предшествующей последней. Однако значимым является осознание того, что наша позиция ближе к другому, альтернативному процессуальному методу. Считается, что данные, собранные в рамках ОРД, могут выступать в качестве альтернативного доказательства осуществления преступления. Данный подход способен способствовать разрешению множества значимых вопросов. Прежде всего, он обеспечивает синхронизацию критериев допустимости улик с результатами оперативно-розыскной работы, сохраняя при этом координацию между этими двумя различными, но взаимосвязанными видами деятельности. Кроме того, данный метод допускает признание оперативно-розыскной деятельности как самостоятельного, а не вспомогательного процесса в рамках раскрытия обстоятельств преступления.

Для повышения достоверности информации, получаемой в процессе оперативно-розыскной деятельности, необходимо внедрение дополнительных усовершенствований. Анализируя и сопоставляя с уголовным процессом, можно выделить ключевые аспекты: включение понятых в процесс, кооперация с контролирующими структурами, такими как суд и прокуратура, и закрепление в законодательстве основных принципов защиты жизни, достоинства и чести участников. Эти меры существенно способствуют защите правопорядка при рассмотрении дел в судебных инстанциях. Тем не менее, большинство указанных гарантий, за исключением участия понятых, также находят своё отражение в законодательных актах, регламентирующих оперативно-розыскную работу. Данные нормативные документы классифицируются следующим образом:

В соответствии с ст. 21 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», контроль за действиями участников уголовного процесса, включая субъекты оперативно-розыскной работы, осуществляет прокурор. Статья 9 упомянутого закона устанавливает, что действия данных субъектов также подлежат судебному надзору. В рамках этого надзора суд обязан утверждать проведение оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан.

Лица, занимающиеся оперативно-розыскной деятельностью, причислены к категории, которая подлежит уголовной ответственности по общим нормам, как это определено в главе 31 Уголовного кодекса Российской Федерации. Однако, Уголовно-процессуальный кодекс РФ не включает их в число лиц, для которых предусмотрен особый порядок привлечения к уголовной ответственности, что указано в статье 447 УПК РФ.

Согласно Закону «Об оперативно-розыскной деятельности», устанавливается гарантированный перечень действий в рамках оперативно-разведывательных мероприятий, а также точно определяются лица, на которых распространяется данный закон.

В контексте проведения оперативно-розыскных действий, особенно при использовании методов, не предусматривающих гласность, институт понятых оказывается не применим. Это связано с особенностями такой деятельности, когда вовлечение понятых может повлечь снижение эффективности и нарушение конфиденциальности ОРД. Дополнительно, актуальность института понятых в рамках современного уголовного процесса снижается из-за сохранения неизменными с 1960 года принципов и норм УПК РФ, что делает его роль в подтверждении достоверности доказательств менее весомой, чем в период существования Советского уголовного процесса [1].

Следовательно, Закон «Об оперативно-розыскной деятельности» не обеспечивает адекватные гарантии достоверности результатов ОРД автоматически. Дополнительно, уголовно-процессуальный кодекс не содержит неопровержимых мер для подтверждения верности собранных данных. Учитывая распространение коррупционных схем и недобросовестные практики в социуме, очевидно, что даже строгие контрольные механизмы не способны в полной мере исключить коррупцию и другие недопустимые действия в рамках уголовного процесса, где часто возникают судебные ошибки из-за нарушений процессуальных норм.

В рамках уголовного процесса возникают сложности, связанные с несоответствием оперативно-розыскной информации критериям, применимым к доказательствам. Определение такой информации, включая данные о участниках и процессах, не было зафиксировано в законодательных актах. Для включения результатов оперативно-розыскной деятельности в документацию уголовного дела требуется их проверка в соответствии с нормами уголовно-процессуальной доктрины. Это требование подтверждается ст. 89 УПК РФ.

Данная позиция законодателя является спорной, несмотря на внешние схожие черты, методы и условия проведения оперативно-розыскных мероприятий (ОРМ) отличаются от уголовного процесса. Различие объясняется использованием конспиративности и других особенностей в ОРМ. Оценка результатов ОРМ с использованием критериев уголовно-процессуального права является некорректной.

В современной России оперативно-розыскная деятельность, отличающаяся от практик советского времени, приобрела статус правового института и закреплена в федеральном законодательстве. Это подчеркивает осознание законодателем значимости этого вида деятельности.

На сегодняшний день сохраняется актуальность верификации оперативно-розыскной информации, особенно той, что получена с использованием конфиденциальных подходов, включая оперативные эксперименты и внедрения. Приоритетом является обязательность анонимизации источников данных для защиты конфиденциальности информаторов, сотрудничающих с правоохранительными органами. Считается, что задача анонимизации данных решаема. Сотрудники, участвующие в ОРМ, часто выступают свидетелями, предоставляя показания. Возможно также допрос других участников мероприятий, в том числе понятых. Однако сложности возникают при необходимости сохранения анонимности источников информации. Проблемы использования информации возникают, когда невозможно раскрыть источник. В соответствии с п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК РФ, информация, поступившая от неустановленного лица, считается недопустимой для использования в судопроизводстве, что ставит под вопрос легитимность её применения в юридическом контексте.

Анализ законности оперативно-розыскных мероприятий, основанный на нормах, прописанных в Законе «Об оперативно-розыскной деятельности», является центральным аспектом так называемой альтернативной методики. Данная методика определяет ОРД как комплексную, юридически урегулированную область, цель которой - обнаружение и документирование нарушений закона. В рамках ОРД формируются верифицированные информационные массивы, служащие основой для сбора данных, необходимых для доказательства вины лиц. Собранные в процессе оперативно-розыскной деятельности сведения становятся ключевыми элементами доказательственной базы, что важно, как для оперативного документирования, так и для последующего принятия мер [4].

Метод альтернативный предполагает: ОРД, регулируемая законодательством, направлена на ограничение конституционных прав граждан, известные также как оперативно-технические мероприятия, и важны для использования как доказательства в уголовном процессе. Приемлемость таких действий регулируют строгие нормы, подчиняющиеся законам, регламентирующим оперативно-розыскную деятельность, формирующую базу уставных механизмов для борьбы с преступностью на уровне федерации. Процесс утверждения доказательных материалов следует установленным правилам, а его реализация происходит в измененных контексте и временных рамках. Оценка доказательств осуществляется в конечной стадии уголовного процесса, после завершения оперативно-розыскных работ.

М.П. Поляков подчеркивает, что ОРД представляет собой центральный компонент в структуре борьбы с организованной преступностью. Он указывает на необходимость тесной интеграции правил, регламентирующих использование данных ОРД, в процесс противодействия преступности. М.П. Поляков рекомендует проведение ревизии и детального анализа стандартных критериев валидации по источнику, методу и субъекту. Он считает целесообразным применение правил допустимости информации ОРД на завершающей стадии включения её в дело, а не на начальной. Так, соблюдение критериев допустимости результатов ОРД становится возможным лишь при признании их важности для создания верифицированной информации в контексте оперативно-розыскных действий [4, С. 47].

Исследователи Т.В. Винокурова и Ю.В. Астафьев выявляют основные проблемы в законодательстве об ОРД, видя в их недостаточном объеме ключевую причину негативного восприятия действующих норм. Количество статей, регулирующих этот сектор, составляет всего 23, что несопоставимо с потребностями демократического общества. Они подчеркивают, что такая законодательная база склонна к общности и неопределенности формулировок, избытку второстепенных документов и отсутствию должного уровня стандартизации. Эти факторы мешают демократической трансформации. По мнению Винокуровой и Астафьева, решением станет разработка и принятие специализированного кодекса. Этот кодекс должен охватывать уголовный процесс и ОРД в соответствии с принципами правового государства. Такую позицию поддерживают и другие правоведы, акцентируя на важности таких изменений для усовершенствования нормативно-правовой базы [2, С. 45-46].

В связи с проведённым анализом складывается новая практика правоприменения, которая оценивает ОРМ в соответствии с нормами Закона «Об оперативно-розыскной деятельности», расширяя традиционные уголовно-процессуальные рамки. Это признаёт ОРД как целостную функцию в структуре правоохранительной деятельности. Примером служит решение Судебной коллегии Верховного суда РФ от 3 сентября 2004 года по делу № 47-004-75, подчёркивающее необходимость соблюдения судьями положений как уголовного процесса, так и ОРД при анализе результатов оперативных экспериментов. Дополнительно, постановление Пленума Верховного Суда № 14 от 15 июня 2006 года в пункте 14 уточняет, что при рассмотрении дел о наркотиках суды должны оценивать законность контрольных закупок, строго следуя стандартам, установленным Законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [5, С. 23].

Анализ показывает, что в нормативных формулировках, связанных с ОРД, необходимо учитывать аспекты креативности. Творческий подход является существенным, поскольку его отсутствие может привести к потере основной сущности ОРД. В рамках уголовного процесса правильно подчеркивается потребность в строгом регулировании, которое, однако, должно оставлять место для творчества исполнителей. Это особенно значимо для оперативно-розыскной деятельности [1, С. 106-122.].

Исходя из вышеизложенного, необходимо сделать вывод о том, что в современной юридической практике ОРД играет ключевую роль в уголовном процессе. Её значение признаётся как в рамках законодательства, так и при практическом применении. Однако результаты ОРД не могут рассматриваться как полноценные доказательства в рамках уголовного процесса без строгого соблюдения норм уголовно-процессуального законодательства.

Оппозиция аргументирует свою позицию против использования данных, получаемых в результате ОРД, в судебных процессах недостаточной надёжностью этих сведений. Тем не менее, действующее законодательство, регулирующее ОРД, обеспечивает необходимые меры для гарантирования их достоверности.

Методы различные при оценке значимости доказательств, собранных в процессе проведения оперативно-розыскных действий, находят применение. В их числе альтернативный доказательственный подход особо распространён и широко используется.

Библиография:

1. Белоусов А.В. Процессуальное закрепление доказательств при расследовании преступлений. / А.В. Белоусов. - М.: ООО Издательство «Юрлитинформ», – 2021. – 173 с.
2. Гармаев Ю.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам о незаконном обороте наркотиков / Ю.В. Гармаев : Практическое пособие. Иркутск: Издательство Иркут. Института повышения квалификации прокурорских работников, 2004. – 82 с.
3. Поляков М.П. Рыжов Р.С. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе как правовой институт: Монография/ М.П. Поляков, Р.С. Рыжов. – Москва: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. – 110 с.
4. Поляков М.П. Концепция уголовно-процессуальной интерпретации результатов оперативно-розыскной деятельности: Монография/ М.П. Попов // Государство и право. – 2005. – № 11. – С. 47-51.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» // Бюллетень Верховного суда РФ. – 2006. – № 11 – С. 23.
6. Хомколов В.П. Организация управления оперативно-розыскной деятельностью : Систем. подход / В. П. Хомколов. - Москва : ЮНИТИ : Закон и право, 1999. – 189 с.
7. Шматов М.А. Теория оперативно-розыскной деятельности в системе уголовно-правовых наук / М. А. Шматов; Министерство внутренних дел Российской Федерации. Волгоградская академия МВД России. - Волгоград : 2001. – 225 с.

References:

1. Belousov A.V. Procedural consolidation of evidence in the investigation of crimes. / A.V. Belousov. - M.: LLC Publishing House "YurLitinform", – 2021. – 173 p.
2. Garmayev Yu.V. The use of the results of operational investigative activities in proving criminal cases of drug trafficking / Yu.V. Garmayev : A practical guide. Irkutsk: Irkut Publishing House. Institute for Advanced Training of Prosecutors, 2004. – 82 p.
3. Polyakov M.P. Ryzhov R.S. The use of the results of operational investigative activities in criminal proceedings as a legal institution: Monograph/ M.P. Polyakov, R.S. Ryzhov. – Moscow: Shumilova I.I. Publishing House, 2006. – 110 p.
4. Polyakov M.P. The concept of criminal procedural interpretation of the results of operational investigative activities: Monograph/ M.P. Popov // State and law. – 2005. – No. 11. – pp. 47-51.
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 14 of June 15, 2006 "On judicial practice in cases of crimes related to narcotic drugs, psychotropic, potent and poisonous substances" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2006. – No. 11 – p. 23.
6. Khomkolov V.P. Organization of management of operational investigative activities : Systems. approach / V. P. Khomkolov. - Moscow : UNITY : Law and Law, 1999. – 189 p.
7. Shmatov M.A. Theory of operational investigative activities in the system of criminal law sciences / M. A. Shmatov; Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Volgograd : 2001. – 225 p.

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ СИСТЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ ЛИЦ, СОДЕРЖАЩИХСЯ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ ЦЕНТРАХ ФСИН РОССИИ ON THE EXPEDIENCY OF INTRODUCING A CRIME PREVENTION SYSTEM AMONG PERSONS HELD IN CORRECTIONAL CENTERS OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России. Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия. E-mail: sherhov007@mail.ru;

ОХОТИНА Алина Олеговна,

курсант, Владимирский юридический институт ФСИН России. Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия. E-mail: sherhov007@mail.ru;

Gusev Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society, Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia. Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia. E-mail: sherhov007@mail.ru;

Okhotina Alina Olegovna,

student of VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia. Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia. E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В статье автором анализируется профилактическая работа, осуществляемая на территории исправительных учреждений в части предупреждения противоправной деятельности и преступлений. В ходе исследования автором делается акцент на том, что в настоящее время в деятельности исправительных центров отсутствуют инструменты профилактики правонарушений со стороны осужденных к принудительным работам.

Abstract: In the article, the author analyzes the preventive work carried out on the territory of correctional institutions in terms of preventing illegal activities and crimes. In the course of the study, the author focuses on the fact that currently there are no tools in the activities of correctional centers for the prevention of offenses on the part of those sentenced to forced labor.

Ключевые слова: исправительный центр; правонарушения; осужденные; профилактический учет; исправление.

Keywords: correctional center; offenses; convicts; preventive accounting; correction.

Для цитирования: Гусев А.С., Охотина А.О. О целесообразности введения системы профилактики правонарушений среди лиц, содержащихся в исправительных центрах ФСИН России // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 333-335. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_333.

For citation: Gusev A.S., Okhotina A.O. On the expediency of introducing a crime prevention system among persons held in correctional centers of the Federal Penitentiary Service of Russia // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 333-335. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_333.

Статья поступила в редакцию: 15.08.2024

Анализируя деятельность и структуру современной пенитенциарной системы Российской Федерации, можно увидеть, что в настоящее время она представлена достаточно широким спектром учреждений и органов, каждый из которых исполняет то или иное уголовное наказание (ряд наказаний).

Принимая во внимание карательную суть и особенности исполнения каждого из тринадцати уголовных наказаний, очевидным становится тот факт, что законодателем такое разнообразие предусмотрено для дифференциации осужденных в зависимости от тяжести совершенных ими деяний, а также личности преступника.

Фактически все существующие уголовные наказания можно разделить на две категории – наказания, не связанные с изоляцией осужденного от общества, и наказания, при исполнении которых осужденный содержится на территории пенитенциарных учреждений, где за ним постоянно осуществляется надзор.

Из содержания законодательно предусмотренной градации тяжести совершенных преступлений можно сделать логичный вывод о том, что каждый отдельный осужденный – это лицо, которое в большей или в меньшей степени представляет общественную опасность и, соответственно, в

зависимости от личности осужденного на него накладываются предусмотренные уголовным наказанием определенные ограничения. В качестве подтверждающего тезиса можно указать на положения Уголовного кодекса Российской Федерации [1], которые содержат перечень смягчающих и отягчающих обстоятельств, наличие которых определяет тяжесть совершенного деяния, а также способствует выбору наказания, которое будет назначено осужденному.

В соответствии с действующим уголовным и уголовно-исполнительным законодательством России в стране функционирует целая система учреждений и органов, в которых осужденными отбываются уголовные наказания, связанные с изоляцией от общества.

Стоит отметить, что распределение осужденных по указанным учреждениям достаточно логично базируется на уголовно-правовом критерии (статья 58 УК РФ). К примеру, осужденные, впервые совершившие преступления небольшой и средней тяжести, направляются отбывать наказание в колонию-поселение, а осужденные-мужчины при опасном рецидиве преступлений – в колонию строгого режима.

В уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрена возможность решением суда перевода осужденного для дальнейшего отбывания наказания из одного вида исправительных учреждений в другое, к примеру, из колонии строгого режима (общего режима) в колонию-поселение по фактическому отбытию определенной части срока (статья 78 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации) [2].

Возможность осужденному в период отбывания наказания изменить вид исправительного учреждения в сторону «ослабления» режима отбывания наказания – это элемент стимулирования правоупотребительного поведения осужденных, что представляется достаточно разумным инструментом воспитательного воздействия на осужденных [3].

И напротив, осужденным, которые систематически допускают правонарушения и которые признаны злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, вид исправительного учреждения решением суда может быть заменен другим видом исправительного учреждения, где на осужденного будет накладываться большее количество ограничений [4]. К примеру, колония-поселение может быть заменена исправительной колонией общего режима.

Как нами было уже указано ранее – предусмотренная законом возможность переводить осужденного из одного вида исправительного учреждения в другое – это инструмент реализации принципа стимулирования законопослушного поведения, и с нашей точки зрения указанный инструмент достаточно эффективен и применим.

В целом, если рассматривать особенности функционирования каждого вида исправительных учреждений, обращает на себя внимание сбалансированность инструментов организации воспитательной работы с осужденными и средств предупреждения совершения ими противоправных деяний.

К примеру, в качестве такого инструмента предупреждения противоправной деятельности со стороны осужденных выступает постановка осужденных на профилактический учет – то есть выявление «неблагонадежного» осужденного (подозреваемого, обвиняемого) из общей массы лиц, отбывающих наказание на территории исправительного учреждения (следственного изолятора), и акцентирование в отношении него адресной воспитательной и профилактической работы с целью недопущения совершения им любого рода правонарушений.

Стоит отметить, что постановка осужденных на профилактический учет – это деятельность, направленная на опережение негативных событий, то есть посредством организации более пристального внимания к осужденному (подозреваемому, обвиняемому), а также проведения адресной воспитательной работы и мероприятий надзора ставится цель предотвратить на стадии планирования любые действия «профилактируемых» лиц, которые могли бы принести вред как обществу, так и самому осужденному.

Так, в соответствии с положениями Приказа Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 «Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [5]. для постановки на профилактический учет выделяются такие категории потенциальных правонарушителей как:

- склонные к совершению побега;
- лидеры и активные участники группировок отрицательной направленности, а также лица, оказывающие негативное влияние на других подозреваемых, обвиняемых и осужденных;
- организующие и провоцирующие групповое противодействие законным требованиям администрации;
- склонные к употреблению и приобретению наркотических средств, психотропных веществ, сильнодействующих медицинских препаратов и алкогольных напитков;
- и иные категории и виды правонарушений.

Заметим, что действия Приказа Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 регламентируют «порядок организации и проведения мероприятий по профилактике правонарушений среди осужденных, подозреваемых и обвиняемых, отбывающих наказание и содержащихся в исправительных учреждениях и следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» (пункт 1), что с нашей точки зрения не вполне корректно, так как в настоящее время в состав ФСИН России входит вид учреждений, исполняющих уголовное наказание, которое определяется как альтернатива лишению свободы, и в нем могут содержаться осужденные, не только которые впервые совершили преступление небольшой или средней тяжести (тяжкие преступления), но и те, кто ранее отбывал наказание в виде лишения свободы на территории колоний общего, строгого,

особого режима, в тюрьмах и которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена на более мягкое наказание – принудительные работы (статья 80 УК РФ). То есть, на территории исправительных центров (участков, функционирующих как исправительные центры) одновременно могут отбывать наказание в виде принудительных работ как лица, которые впервые осуждены, так и те, кто ранее неоднократно привлекался к уголовной ответственности и неоднократно отбывал наказание в виде лишения свободы. Иными словами, на территории исправительных центров могут отбывать наказание в виде принудительных работ осужденные, которые в течение первого срока отбывания наказания в виде лишения свободы не встали на путь исправления и совершили новые преступления.

Принимая во внимание, что исправительные центры – это учреждения открытого типа, где осужденные могут с разрешения администрации покидать его территорию и перемещаться в пределах населенного пункта, где расположен исправительный центр, возникают достаточно высокие риски того, что осужденными могут быть совершены какие-либо преступления или нарушения установленного порядка и правил отбывания наказания в виде принудительных работ.

Возникает вполне логичный вопрос о профилактической работе, которая проводится в исправительных центрах, и средствах обеспечения правопорядка. Примечательно, но в соответствии со штатным расписанием исправительных центров [6], не предусмотрена ни оперативно-розыскная служба, ни должность оперативного сотрудника.

Кроме того, как нами было указано ранее, на исправительные центры не распространяются положения Приказа Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72, то есть, в указанном виде учреждений осужденные не ставятся на профилактический учет как склонные к совершению каких-либо противоправных действий и, соответственно, с ними не проводится адресная предупредительная работа.

Получается, что в соответствии с действующим уголовно-исполнительным законодательством России, на территории исправительных центров отбывают наказание в виде принудительных работ, осужденные, в том числе за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, и при этом на их территории законодательно не предусмотрены инструменты профилактической работы по предупреждению не только преступлений, но и, к примеру: совершения осужденными актов суицида и членовредительства; употребления алкоголя, наркотических средств и (или) психотропных веществ; совершения побега; организации азартных игр с целью извлечения материальной или иной выгоды; и прочее.

Считаем, что отсутствие законодательно закрепленных инструментов профилактической работы с осужденными к принудительным работам является существенным упущением в части деятельности по предупреждению преступлений и различного рода противоправных деяний, которое требует доработки. В частности, с нашей точки зрения, целесообразно разработать отдельный приказ Министерства юстиции Российской Федерации, раскрывающий особенности профилактики правонарушений среди лиц, содержащихся в исправительных центрах уголовно-исполнительной системы, где за основу документа следует взять положения Приказа Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 с корректировкой на особенности деятельности исправительных центров.

К примеру, пункт 26 Приказа Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 целесообразно изложить в следующей редакции: «инициатором постановки на профилактический учет может быть любой сотрудник учреждения УИС, контактирующий с осужденными, а также представители организации, где работают осужденные, родственники осужденных, а также иные субъекты, которые периодически контактируют с осужденными вне пределов исправительного центра».

Библиография:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ : принят Гос. Думой 24 мая 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 25, ст. 2954.
2. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ : принят Гос. Думой 18 дек. 1996 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1997. – № 2, ст. 198.
3. Горбань Д. В. Прогрессивная система исполнения и отбывания уголовных наказаний на современном этапе функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / Д. В. Горбань // Ведомости уголовно-исполнительной системы. – 2023. – № 1(248). – С. 14–22.
4. Саркисян Л. А. К вопросу об изменении осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения / Л. А. Саркисян // Оригинальные исследования. – 2023. – Т. 13, № 2. – С. 101–103.
5. Об утверждении Инструкции по профилактике правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы: Приказ Министерства юстиции РФ от 20 мая 2013 г. № 72 // Российская газета от 5 июня 2013 г. № 119.
6. Об утверждении типовых структуры и штатного расписания исправительного центра: Приказ Федеральной службы исполнения наказаний от 1 марта 2021 г. № 117 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400422905/>

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation : [feder. Law No. 63-FZ of June 13, 1996 : adopted by the State Duma on May 24, 1996] // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 25, Article 2954.2.
- The Penal Enforcement Code of the Russian Federation : [feder. Law No. 1-FZ of January 8, 1997 : adopted by the State Duma on Dec. 1996] // Assembly of Legislation of the Russian Federation. – 1997. – No. 2, article 198.
3. Gorban D. V. Progressive system of execution and serving of criminal penalties at the present stage of functioning of the penal enforcement system of the Russian Federation / D. V. Gorban // Bulletin of the penal enforcement system. – 2023. – № 1(248). – Pp. 14-22.
4. Sarkisyan L. A. On the issue of changing the type of correctional institution for persons sentenced to imprisonment / L. A. Sarkisyan // Original research. - 2023. – vol. 13, No. 2. – pp. 101-103.
5. On approval of the Instructions on the prevention of offenses among persons held in institutions of the penal enforcement system: Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated May 20, 2013 No. 72 // Rossiyskaya Gazeta dated June 5, 2013 No. 119.
6. On approval of the standard structure and staffing of the correctional center: Order of the Federal Penitentiary Service dated March 1, 2021 No. 117 // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400422905/>

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_336

УДК 343

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВАХ РАСКРЫТИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ON THE ISSUE OF ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS SOLVING CRIMES AT THE PRESENT STAGE

ОСИПОВ Данила Денисович,

старший преподаватель кафедры
ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».
ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.
E-mail: proff-mast@mail.ru;

Osipov Danila Denisovich,

senior lecturer Samara State University of Economics.
141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.
E-mail: proff-mast@mail.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ положений отечественной нормативно-правовой базы и юридической доктрины по дискуссионным вопросам нормативно-правового обеспечения деятельности оперативно-разыскных органов по раскрытию преступлений. Анализируются мнения и подходы отечественных исследователей, аккумулируется доктринальный и эмпирический материал, обозначен круг значимых проблем по заявленной тематике, а также пути их нейтрализации в обозримой перспективе. Практическая значимость результатов исследования заключается в возможности их использования в ходе подготовки учебно-методического материала по дисциплинам уголовно-правового цикла для обучающихся по образовательным программам и специализациям юридического профиля.

Abstract: The article analyzes the provisions of the domestic regulatory framework and legal doctrine on controversial issues of regulatory support for the activities of operational investigative agencies to solve crimes. The opinions and approaches of domestic researchers are analyzed, doctrinal and empirical material is accumulated, a range of significant problems on the stated topic is identified, as well as ways to neutralize them in the foreseeable future. The practical significance of the research results lies in the possibility of their use in the preparation of educational and methodological material on the disciplines of the criminal law cycle for students in educational programs and specializations of the legal profile.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, раскрытие преступлений, оперативно-разыскные органы, противодействие преступлениям, преступление, борьба с преступлениями.

Keywords: operational investigative activities, operational investigative measures, disclosure of crimes, operational investigative bodies, countering crimes, crime, combating crimes.

Для цитирования: Осипов Д.Д. К вопросу об организационных основах раскрытия преступлений на современном этапе // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 336-338. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_336.

For citation: Osipov D.D. On the issue of organizational foundations solving crimes at the present stage // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 336-338. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_336.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2024

Анализ эмпирического материала последних десятилетий показывает, что осуществление деятельности по раскрытию преступлений исключительно усилиями органов предварительного расследования и оперативно-разыскных служб представляется весьма затруднительной по ряду объективных причин, которые нами будут рассмотрены далее.

В связи с чем выработка эффективных алгоритмов организации комплексного использования средств и сил следственных подразделений и оперативно-разыскных служб в ходе раскрытия преступления приобретает особую значимость в рамках деятельности по противодействию преступлениям на государственном (федеральном) и региональном уровнях [1].

Общеизвестно, что непосредственные руководители оперативно-разыскных служб и следственных подразделений должны организовывать собственную деятельность таким образом, чтобы их подчиненные на всех этапах следственной и оперативно-разыскной деятельности четко понимали свои цели и задачи, и выполняли их в кратчайшие сроки с максимальной эффективностью, при неукоснительном соблюдении предписаний уголовно-процессуального законодательства.

В положениях юридической доктрины под раскрытием преступления принято понимать комплекс мер, позволяющий правоохранительным органам оперативно и быстро реагировать на сообщения о преступлениях, осуществлять производство дифференцированных оперативных и поисковых мероприятий по установлению личности лица, совершившего уголовно-наказуемое деяние [2].

Выстроенная грамотным образом деятельность оперативно-разыскных служб и следственных подразделений в их совместной деятельности по борьбе с преступностью, позволяет достичь положительного результата в кратчайшие сроки, нивелируя различного рода издержки, что в конечном счете обеспечит реализацию ключевых целей и задач уголовно-процессуальной деятельности.

Уместна констатация следующих задач, разрешение которых позволяет оптимизировать деятельность оперативно-разыскных служб:

- формирование надежных каналов поступления различной информации о готовящемся или совершенном уголовно-наказуемом деянии;

- принятие мер по незамедлительному реагированию на подобные сведения с целью пресечения преступной деятельности в кратчайшие сроки с минимальным вредом для общества и государства;

- создание на базе правоохранительных структур дежурных оперативно-следственных групп, задачами которых является незамедлительное реагирование на зарегистрированные сообщения о преступлениях, а также производство неотложных мероприятий.

Основными участниками оперативно-следственных групп, как правило, являются:

- следователи и сотрудники криминалистических подразделений;
- оперативные сотрудники;
- участковые и кинологи [3].

Следует отметить, что спектр участников оперативно-следственных групп находится в коррелирующей связи с видом совершенного (расследуемого) противоправного деяния. Иными словами, состав участников может видоизменяться в зависимости от характера преступления. Так, например, при расследовании ятрогенных преступлений, к участию в вышеупомянутых группах могут привлекаться специалисты в области медицинских наук, а также эксперты-криминалисты, чьи знания могут быть использованы при документировании обстоятельств совершенного уголовно-наказуемого деяния и пр.

Рассматривая вопросы о целях и задачах, то названный перечень уместно дополнить следующими пунктами:

- допустимость маневрирования собственными силами и средствами в ходе совершения оперативно-разыскных мероприятий и поисковых действий;

- использование баз криминалистических учетов как на первоначальных этапах расследования преступлений, так и в ходе проверки сообщения о преступлении;

- формирования комплекса типовых алгоритмов поведения субъектов процессуально-правовых отношений при получении сообщения о преступлении.

Таким образом, обеспечению скорейшего установления обстоятельств, совершенного уголовно-наказуемого деяния, способствуют четко выстроенные механизмы взаимодействия следственных подразделений и оперативно-разыскных служб, в условиях минимизации бюрократических издержек и проволочек.

В положениях правовой доктрины высказывается мнение о том, что достижение положительного результата в обозначенном вопросе, возможно при неукоснительном соблюдении следующих принципов:

- ответственность должностных лиц;
- особая роль следователя при принятии процессуальных решений;
- обособленность и самостоятельность субъектов оперативно-разыскных служб и следственных подразделений в условиях ведомственной подчиненности;

Как правило, для решения обозначенной задачи к участию в оперативно-разыскной деятельности привлекаются лица, которые изъявили желание сотрудничать с оперативно-разыскными органами на общественных началах. Из числа указанных лиц, на базе конкретного оперативно-разыскного подразделения формируется негласный аппарат, основным назначением которого является выявление лиц, склонных к совершению уголовно-наказуемого деяния. В качестве примера целесообразно привести, механизмы пресечения коррупционных преступлений в сфере высшего образования, где, как правило, названный «негласный аппарат» составляют обучающиеся, завербованные сотрудниками оперативно-разыскных подразделений.

Отдельное внимание в вопросах организационно-правовых основ предварительного расследования целесообразно уделить необходимости насыщения материально-технической базы правоохранительных органов современными электронно-вычислительными мощностями. В частности, речь идет об интеграции различного рода автоматизированных систем, позволяющих перенести деятельность по планированию расследования преступлений на цифровой пласт. Указанные программные ресурсы должны быть синхронизированы с другими ведомственными программными продуктами надзорных органов. Иными словами, участники уголовно-процессуальных отношений в лице должностных лиц, должны иметь санкционированный доступ к материалам уголовных дел с целью выполнения ими надзорных и контрольных мероприятий и функций.

Аналогичная система применялась и ранее в виде автоматизированного рабочего места. Однако, ее цифровой ресурс и инструментарий не позволяет разрешать широкий спектр процессуальных задач. Более того, обозначенный продукт весьма продолжительное время не обновлялся, что привело к ошибочным параметрам в исчислении процессуальных сроков и иным прикладным проблемам. В связи с чем возникает необходимость в дальнейшей модерации обозначенного программного продукта с целью актуализации его компонентов требованиям сегодняшнего дня и положениям федерального законодательства.

Завершая исследовательскую часть настоящей публикации, отметим, что вопросы организации ведомственного контроля и прокурорского надзора за деятельностью органов предварительного расследования и оперативно-разыскных органов заслуживают особого внимания, поскольку их «успешное разрешение» в прикладной плоскости позволяет минимизировать различного рода рисков, обеспечить надлежащую защиту прав и закон-

ных интересов участников процессуально-правовых отношений. В качестве некоторых мер, способствующих нейтрализации негативных факторов со стороны субъектов оперативно-разыскной деятельности целесообразно назвать:

- неукоснительный контроль руководителя соответствующего подразделения за деятельностью дежурных отделов и отделений по обработке поступающих сообщений о преступлениях;
- выезд руководителя на место происшествия для организации первоначальной поисковой деятельности оперативно-разыскных органов.

Таким образом, деятельность оперативно-разыскных служб по раскрытию преступлений представляет собой весьма сложную своим атрибутивным и содержательным характеристикам категорию в плоскостях доктринальной материи. Ее эффективность в значительной степени коррелирует фактором «налаженной» работы внутри каждого из подразделений, уровня компетенции и профессионализма оперативных сотрудников.

Как правило, недостаточная квалификация влечет за собой негативные последствия в виде необоснованного нарушения прав и законных интересов участников соответствующих правоотношений. В исключительных случаях, в действиях оперативных сотрудников могут быть выявлены признаки состава должностных преступлений.

Следовательно, целесообразно рассмотреть вопрос в том числе и о совершенствовании методик организации образовательного процесса в части подготовки будущих сотрудников органов предварительного расследования и оперативно-разыскных служб. Безусловно, помещение в плоскость образовательной деятельности компонентов секретной служебной документации и нормативно-ведомственной базы невозможно на базе гражданских неведомственных учреждений и организаций.

Отдельное внимание необходимо также уделить подходам к формированию кадрового руководящего состава из числа лиц, которым характерны положительные черты характера, олицетворяющие нетерпимое отношение к коррупционному поведению и проявлениям «кумовства» в рамках профессиональной деятельности. Так, знание положений законодательных актов, владение навыками юридической оценки поведения лиц, и умение организовывать работу в команде, для руководителя соответствующего подразделения, по мнению автора, является одной из необходимых частей навыков, которыми должен обладать руководитель.

В качестве меры по совершенствованию деятельности по раскрытию преступлений можно назвать непрерывное совершенствование методических внутриведомственных рекомендаций по оперативной работе. Общеизвестно, что феномен «технотизации» преступного мира [4], олицетворяющий стремление преступников использовать передовые достижения науки и техники в противоправных целях и задач, определяют необходимость модернизации не только таких рекомендаций, но и нормативно-правовых основ, исследуемой деятельности в обозримой перспективе.

В заключении настоящего исследования следует отметить, что совершенствование организационно-правовых основ криминалистической и процессуальной деятельности органов предварительного расследования является одним из перспективных направлений развития современной криминалистической науки. Выработка эффективных методик организации и планирования расследования преступлений позволяет существенным образом оптимизировать деятельность органов предварительного расследования и оперативно-разыскных служб, что в конечном счете обусловит стабильное снижение количественных и качественных показателей нераскрытых преступлений в обозримой перспективе. Особая значимость и актуальность заявленной темы исследования обусловлено острой нехваткой кадрового состава правоохранительных органов, устойчивого роста количественных и качественных показателей миграционной преступности за последние несколько лет. Вместе с этим, интеграция новейших механизмов, определяющих организационно-правовые основы деятельности органов предварительного расследования в сочетании с интеграцией цифровых технологий способно нивелировать приведенные выше негативные тенденции.

Библиография:

1. Вавилов, Д. Е. Оперативный эксперимент: оценка роли и значения / Д. Е. Вавилов, Д. Д. Осипов // Проблемы развития предприятий: теория и практика. – 2023. – № 1-3. – С. 114-117. – DOI 10.46554/PEDTR-22-2023-3-pp.114. – EDN VXIATA.
2. Асеев, В. Е. Субъект должностного преступления: проблема квалификации / В. Е. Асеев, Е. Б. Калашникова // Российская наука: актуальные исследования и разработки : Сборник научных статей IV Всероссийской заочной научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 06 октября 2017 года. Том Часть 2. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2017. – С. 282-284. – EDN YGVJJK.
3. Чернышева, К. В. Особенности осмотра электронных носителей информации при расследовании мошенничества в сфере компьютерной информации / К. В. Чернышева, А. В. Азархин // Актуальные проблемы правоведения. – 2022. – № 3(75). – С. 32-35. – DOI 10.46554/APJ-2022.3(75)-pp.32-35. – EDN VEDYYK.

References:

1. Vavilov, D. E. Operational experiment: assessment of the role and significance / D. E. Vavilov, D. D. Osipov // Problems of enterprise development: theory and practice. – 2023. – No. 1-3. – pp. 114-117. – DOI 10.46554/PEDTR-22-2023-3- pp.114. – EDN VXIATA.
2. Aseev, V. E. The subject of an official crime: the problem of qualification / V. E. Aseev, E. B. Kalashnikova // Russian Science: current research and development : Collection of scientific articles of the 5th All-Russian Correspondence Scientific and Practical Conference. In 2 parts, Samara, October 06, 2017. Volume Part 2. – Samara: Samara State University of Economics, 2017. – pp. 282-284. – EDN YGVJJK.
3. Chernysheva, K. V. Features of the inspection of electronic media in the investigation of fraud in the field of computer information / K. V. Chernysheva, A.V. Azarkhin // Actual problems of jurisprudence. – 2022. – № 3(75). – Pp. 32-35. – DOI 10.46554/APJ-2022.3(75)-pp.32-35. – EDN VEDYYK.

ОБ ОЦЕНКЕ СУДАМИ ВЫШЕСТОЯЩИХ ИНСТАНЦИЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОРЯДКА И РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКСПЕРИМЕНТА, ПРОВЕДЕННОГО В ХОДЕ СУДЕБНОГО СЛЕДСТВИЯ

On the assessment by the courts of higher authorities procedural order and results of the experiment, conducted during the judicial investigation

ВАСЯЕВ Александр Александрович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры правовых дисциплин факультета права и экономики
НОЧУ ВО «Московский экономический институт».

109390, Россия, г. Москва, ул. Артюхиной, 6.

E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com;

Vasyaev Alexander Aleksandrovich,

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Legal Disciplines of the Faculty of Law and Economics,
Moscow Economic Institute.

6 Artyukhina str., Moscow, 109390, Russia.

E-mail: Advokat.mgka2@gmail.com

Краткая аннотация: В настоящей статье проведено исследование 100 определений, опубликованных на сайтах судов апелляционных, кассационных и надзорных инстанций, по уголовным делам, в которых дана оценка процессуального порядка и результатов проведенного эксперимента в ходе рассмотрения дела по существу. Сделан вывод о том, что на сегодняшний день не сложилось единообразной судебной практики по проверке и оценке процессуального порядка и результатов проведенного эксперимента в ходе судебного следствия. Вследствие этого Верховному Суду РФ рекомендуется тщательно обобщить судебную практику по данному вопросу, сформировав свою правовую позицию в специальном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Дано определение судебного эксперимента, предложена новая редакция ст. 288 УПК РФ, регламентирующая процессуальный порядок производства эксперимента в ходе судебного следствия.

Abstract: This article conducted a study of 100 definitions published on the sites of courts of appeal, cassation and supervisory authorities, in criminal cases, which evaluate the procedural order and the results of the experiment during the consideration of the case on the merits. It is concluded that today it has not developed a uniform judicial practice to verify and evaluate the procedural order and the results of the experiment during the judicial investigation. As a result, the Supreme Court of the Russian Federation is recommended to carefully summarize the judicial practice on this issue, forming its legal position in a special resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The definition of a judicial experiment is given, a new version of Art. 288 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, regulating the procedural procedure for the conduct of the experiment during the judicial investigation.

Ключевые слова: оценка, проверка, исследование доказательств, судебный эксперимент, судебное следствие, суд вышестоящей инстанции, обжалование приговора.

Key words: assessment, verification, research of evidence, judicial experiment, judicial investigation, court of higher instance, appeal of the sentence.

Для цитирования: Васяев А.А. Об оценке судами вышестоящих инстанций процессуального порядка и результатов эксперимента, проведенного в ходе судебного следствия // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 339-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_339.

For citation: Vasyaev A.A. On the assessment by the courts of higher authorities procedural order and results of the experiment, conducted during the judicial investigation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 339-344. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_339.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Статья 288 УПК РФ представляет сторонам судебного разбирательства право на заявление ходатайства о проведении эксперимента в ходе исследования доказательств. Решение же о необходимости его назначения принимает суд, рассматривающий дело. Данная правовая конструкция создает риски по незаконному и необоснованному отказу в его производстве судом. Эксперимент в ходе исследования доказательств является самым редким из процессуальных действий, проводимых в ходе судебного следствия. Все это создает противоречивую судебную практику не только в порядке назначения и проведения эксперимента в суде, но и при его оценке судами вышестоящих инстанций.

В связи с этим нами проведен анализ 100 определений вышестоящих судов, опубликованных на сайтах судов апелляционных, кассационных и надзорных инстанций, по уголовным делам, в которых дана оценка процессуального порядка и результатов проведенного эксперимента в ходе исследования доказательств. Проведенное изучение позволило сделать следующие выводы.

1. Среди проанализированных определений выявлена часть, в которых судом вышестоящей инстанции не дается оценки порядка и результатов проведенного эксперимента, хотя в поданных стороной защиты жалобах на приговор суда во всех случаях отмечена незаконность проведенного в суде эксперимента, а также несогласие с его результатами [8]. При этом в самих определениях, в их установочных частях, указывается на то, что жалобы на приговор содержат доводы о незаконности проведенного эксперимента, но в дальнейшем, в описательных частях определений, данные доводы не оцениваются судом, то есть остаются без рассмотрения. Таких определений нами выявлено 4 из 100.

2. Подавляющая часть (а именно 35 из 100) изученных нами определений вышестоящих судов положительно оценивают процессуальный

порядок и результаты проведенного эксперимента [2].

Суды вышестоящих инстанций, во-первых, обосновывают проведенным экспериментом и его результатами виновность подсудимых.

Среди данных определений также выявлены случаи, когда судом вышестоящей инстанции не аргументируется, каким именно образом проведенный эксперимент доказывает виновность подсудимого. В обосновании позиции указывается только довод о производстве такого судебного действия, как эксперимента, но не его результаты, и то, как они устанавливают обстоятельства, подлежащие доказыванию. Например, как именно результаты эксперимента свидетельствуют о виновности подсудимого? В данных случаях не описывается процесс определения внутреннего убеждения суда по этому поводу, что не позволяет проверить процесс его формирования.

Во-вторых, эксперимент служит формой проверки показаний подсудимых, свидетелей и потерпевших, данных в ходе предварительного расследования по делу и положены судом в основу приговора.

В-третьих, проведенный в ходе судебного следствия эксперимент подтверждает выводы стороны обвинения о механизме совершения преступления, опровергая доводы стороны защиты об ином способе совершения подсудимым преступных действий или о его непричастности к ним [13]. В данной категории определений, по сути, ставится вопрос о разнообразной оценке стороной защиты, с одной стороны, и судом (стороной обвинения), с другой стороны, результатов эксперимента. Такое опытное действие, как эксперимент имеет своим назначением устранение противоречий по результатам его проведения. Однако судебная практика свидетельствует об ином. Каждый участник эксперимента в подобных случаях получает в результате необходимые сведения, подтверждающие те или иные обстоятельства в обоснование своей позиции. В таких случаях именно на стороне вышестоящего суда лежит обязанность всесторонне рассматривать все возникшие противоречия, отражая их анализ в своем определении.

В-четвертых, во всех указанных случаях вышестоящий суд указывает на то, что эксперимент проведен в полном соответствии со ст. 288 УПК РФ. Однако ст. 288 УПК имеет отсылочный характер, и она малоинформативна, то есть, по сути, не содержит процессуальных норм проведения эксперимента. Поэтому ни в одном из случаев не указывается, в какой именно части проведенный эксперимент соответствует нормам ст. 288 УПК РФ [14] и каким именно.

Также выявлены случаи, когда сторона защиты в жалобе на приговор обосновывает эксперимент, проведенный в суде с нарушениями закона, а именно признавая его недопустимым доказательством ввиду того, что в ходе эксперимента не были соблюдены условия его проведения. Однако и в этом случае суд в подтверждение позиции суда первой инстанции односложно обосновывает законность позиции суда тем доводом, что эксперимент был проведен в соответствии с положениями ст. ст. 181, 288 УПК РФ, а выявленные стороной защиты несоответствия в условиях проведенного эксперимента не повлияли на его результаты [11].

В данной категории дел обнаружены случаи, когда суд, удовлетворяя ходатайство стороны о проведении эксперимента, изменял место его производства: с места совершения преступления на зал судебного заседания, в котором рассматривается уголовное дело [9]. Во всех подобных случаях сторона, ходатайствующая о проведении эксперимента, возражала против его проведения в зале судебного заседания, но суд оставлял данный протест без рассмотрения. Такое изменение места проведения эксперимента является основанием для обжалования приговора. Место является главным условием производства эксперимента. Поэтому во всех случаях изменения места производства эксперимента суду необходимо тщательно обосновывать и мотивировать такую необходимость в постановлении (определении) суда с обязательным учетом позиций сторон по делу. Недопустимо оставлять без тщательной мотивировки изменение существенного условия такого процессуального действия, как эксперимент. Эксперимент, проводимый в зале судебного заседания, является удобным и безопасным местом, прежде всего, для суда.

В рассматриваемой категории определений выявлен случай, когда сторона обвинения в поданном кассационном протесте на приговор суда указывает: «В представлении указывается, что во время выезда состава суда, включая коллегию присяжных заседателей, по ходатайству стороны обвинения для проведения следственного эксперимента с целью предоставления присяжным заседателям возможности осмотра подпольного пространства самолета, в зоне буфета и туалета, судом, в нарушение требований п. 1 ч. 1 и п. 3 ч. 2 ст. 333 УПК РФ УПК РФ, не было принято каких-либо мер для обеспечения ограничения в общении участников процесса, в результате чего присяжные заседатели задавали вопросы подсудимым, минуя председательствующего, и подсудимые, отвечая на вопросы, давали присяжным свои комментарии. Суд на замечания стороны обвинения не реагировал и никаким образом не пресекал незаконные действия подсудимых и их защитников, не напоминал присяжным заседателям, что они не вправе общаться с лицами, не входящими в состав суда, по поводу обстоятельств рассматриваемого дела, осмотр, в нарушение требований ст. 288 УПК РФ, проводился без участия специалиста» [7]. Данным доводом поднята актуальная проблема производства эксперимента в уголовном процессе, а именно существующий необъективный способ фиксации процессуального порядка производства и результатов эксперимента посредством письменной фиксации в протоколе следственного или судебного действия. С учетом складывающейся практики процесс производства эксперимента во всех случаях следует фиксировать по средствам видеосъемки, детализация которой должна производиться в протоколе после его завершения (следователем или секретарем судебного заседания). Отсутствие видеозаписи эксперимента формирует недопустимую судебную практику оценки доводов сторон по делу. Именно вследствие выявленного пробела в надлежащем порядке фиксации производства эксперимента и его результатов, суд вышестоящей инстанции при оценке довода стороны обвинения, изложенного в кассационном определении по упомянутому делу, указал: «Как видно из протокола судебного заседания, по ходатайству государственного обвинителя, в соответствии со ст. 333 УПК РФ, 9 июля 2003 года состав суда, включая при-

сяжных заседателей, выехал с целью осмотра хвостовой части самолета, аналогичного потерпевшему катастрофу. Каких-либо данных о том, что во время поездки в аэропорт, а также во время осмотра самолета присяжные заседатели общались с подсудимыми, задавали им вопросы, минуя председательствующего, а подсудимые, отвечая на вопросы, давали присяжным свои комментарии, в материалах дела, в том числе в протоколе судебного заседания, не имеется».

Общим для всех исследованных определений является то, что в случае согласия суда с процессуальным порядком и результатами эксперимента, суд вышестоящей инстанции всегда немотивированно признает проведенный эксперимент допустимым доказательством. В том же случае, если вышестоящий суд не согласен с позицией нижестоящего суда по поводу проведенного эксперимента, он расписывает доводы в определении в обоснование своей позиции.

3. Также выявлена часть определений, в которых эксперимент, проведенный в ходе исследования доказательств, признается незаконным. Во всех изученных случаях судом вышестоящей инстанции признается незаконным лишь процесс производства эксперимента, а не его результаты. Таких определений нами выявлено 8 из 100 изученных.

Основаниями для признания проведенного эксперимента незаконным являются, во-первых, отсутствие в протоколе судебного заседания изложения результатов эксперимента [4]; во-вторых, отсутствие в протоколе судебного заседания мнений всех участников эксперимента по существенным обстоятельствам его проведения (целям, условиям, способам проведения, месту и др.). В-третьих, отсутствие в протоколе судебного заседания зафиксированных вопросов, замечаний, поведения отдельных участников судебного разбирательства, которые оказали существенное влияние на объективность проведенного эксперимента и результаты его оценки. В-четвертых, если сторона судебного разбирательства последовательно ссылалась в ходе исследования доказательств на отдельные результаты проведенного эксперимента, однако эти результаты не нашли своего отражения в протоколе судебного заседания.

Ни в одном из изученных случаев факт признания незаконным проведенный эксперимент не являлся единственным основанием для отмены приговора. Во всех случаях это основание было одним из, повлиявших на его отмену.

4. Значительная часть исследуемых определений судов вышестоящих инстанций – это определения, в которых поддерживается позиция суда первой инстанции об отказе в назначении и проведении эксперимента в суде. Таких определений выявлено 51 из 100 проанализированных.

Большая часть из указанного блока исследуемых определений однозначно поддерживает позицию суда первой инстанции, обосновывая свою позицию односложно: ходатайство стороны защиты о проведении эксперимента было надлежащим образом рассмотрено судьей в судебном заседании и в его удовлетворении было обоснованно и законно отказано.

Среди выявленных оснований отказа в удовлетворении ходатайств о проведении эксперимента в суде, из которых представилось возможным проследить позицию суда, можно выделить следующие:

- для проведения эксперимента невозможно воссоздать условия, максимально приближенные к тем, в которых совершалось преступление;
- объемность вещественных доказательств и удаленность местности их хранения от места проведения судебного заседания, по мнению суда, приводили к невозможности назначения и проведения эксперимента;
- отсутствие необходимости в проведении эксперимента в суде, в том числе потому, что участники судебного разбирательства исследовали протокол осмотра вещественного доказательства и его видеозаписи, что является, по мнению суда, надлежащим и достаточным способом установления событий преступления;
- оставляя без удовлетворения заявленное стороной защиты ходатайство о проведении эксперимента для выяснения достоверности показаний свидетеля (потерпевшего, подсудимого, эксперта), суды указывают на то, что свидетели (потерпевшие, подсудимые, эксперты) в судебном заседании достаточно подробно отвечали на все вопросы стороны обвинения и защиты. Оснований полагать, например, что свидетель не мог правильно воспринимать обстановку на месте совершения преступления в отношении потерпевшего у суда не имеется [1]. Ходатайства о проведении того или иного процессуального действия участники процесса заявляют не только для того, чтобы убедить суд в чем-либо, но и для подтверждения, а в случае с экспериментом – для проверки той или иной позиции стороны по делу. В связи с этим следует признать данную практику порочной, поскольку она нарушает общие условия судебного разбирательства, связанные с законодательными гарантиями предоставления участникам судебного разбирательства состязательных и равноправных возможностей по исследованию доказательств.

В данной блоке определений нами также выявлено определение, в котором суд вышестоящей инстанции соглашается с позицией суда первой инстанции и признает ходатайство об осмотре вещественного доказательства как ходатайство о проведении эксперимента, то есть необоснованно интерпретируя назначение заявленного ходатайства. Так, согласно апелляционному определению Верховного Суда РФ № 51-АПУ16-5СП от 24.05.2016, в ходе судебного разбирательства стороной защиты было заявлено ходатайство об исследовании в судебном заседании вещественного доказательства (автомобиля), с целью проверки возможности крепления под запасным колесом контейнеров (тубусов), в которых провозились наркотические средства, изъятые по делу. В апелляционной жалобе сторона защиты, обосновывая незаконность отказа в удовлетворении заявленного ходатайства, указывает на то, что она заявляла ходатайство о проведении именно осмотра вещественных доказательств, но суд первой инстанции отказал ей в проведении эксперимента в суде (в материалах уголовного дела имеется постановление об отказе в проведении эксперимента), хотя

сторона защиты об этом не просила и заявляла о проведении, по существу, другого процессуального действия. Однако суд вышестоящей инстанции, как нам представляется, необоснованно подтвердил позицию суда, допустившего нарушение, то есть оставил без рассмотрения заявленное ходатайство, немотивированно заключая: «Указанное ходатайство стороны защиты судьей обоснованно было расценено, как ходатайство о проведении по делу следственного эксперимента. Данное ходатайство было также надлежащим образом рассмотрено судьей и в его удовлетворении было обоснованно и законно отказано» [3].

Следует признать порочной судебную практику судов вышестоящих инстанций, в соответствии с которой выявленные нарушения закона в ходе исследования доказательств необоснованно интерпретируются как законные действия суда первой инстанции (эти действия в большинстве случаев называются ошибками), поскольку это, безусловно, умаляет институт судебного контроля и его предназначение.

В данном блоке определений также выявлен случай, когда отказ суда в проведении эксперимента обосновывается следующими причинами: поскольку у суда не было возможности максимально восстановить условия, приближенные к тем, в которых совершалось преступление, суд первой инстанции, а за ним и суд вышестоящей инстанции обосновали, что данные обстоятельства не повлекли за собой нарушения каких-либо прав и законных интересов подсудимого, поскольку все эти обстоятельства, которые сторона защиты предполагала вывить в ходе эксперимента, установились при исследовании показаний подсудимого в рамках предварительного следствия и протокола проверки показаний подсудимого на месте совершения преступления [12]. Данный довод суда следует признать незаконным, поскольку он нарушает непосредственность исследования доказательств как общее условие судебного разбирательства.

Ни в одном из изученных случаев суд вышестоящей инстанции не рассматривал в определении позицию суда первой инстанции об отсутствии у него возможности воссоздать условия, максимально приближенные к тем, в которых совершалось преступление, как основание для отказа в проведении эксперимента. Во всех случаях данное обстоятельство принимается судом вышестоящей инстанции как доказанный факт. При этом думается, что во всех подобных случаях именно суд вышестоящей инстанции должен проверять причины такого решения суда первой инстанции, излагая процесс оценки позиции суда первой инстанции в определении. Необходимо проверять не только доводы суда и участников процесса по наличию или отсутствию возможности воссоздания условий, максимально приближенных к тем, в которых совершались действие или событие. В первую очередь, должны оцениваться реальные возможности по воссозданию указанных условий. Очевидно, что в большинстве случаев причинами отказа в назначении эксперимента по указанному основанию являются нежелание суда и большие трудозатраты организационного и материального характера по воссозданию указанных условий. По нашему мнению, воссоздать возможно практически все действия или события совершенного преступного деяния.

В данной категории дел было выявлено определение, в котором вышестоящий суд вслед за судом первой инстанции необоснованно трактует цель проведения эксперимента: сторона защиты в своей жалобе на приговор суда указывает на то, что ей было отказано в реализации права проведения эксперимента как способа исследования доказательства при рассмотрении уголовного дела. Согласно ст. ст. 181, 288 УПК РФ, эксперимент проводится с целью проверки и уточнения данных, имеющих значение для уголовного дела, однако суд по указанному делу дал свое видение указанной цели: «Обоснованно отказал суд Белавину и в ходатайстве о проведении в судебном заседании следственного эксперимента для выяснения того, каким образом свидетели Н. и Б. выбивали нож из руки Белавина. В соответствии со ст. ст. 181, 288 УПК РФ, следственный эксперимент проводится для проверки возможности восприятия каких-либо фактов совершения определенных действий, наступления какого-либо события, а также выявления последовательности происшедшего события и механизма образования следов» [10]. Как представляется, данный способ свободной интерпретации цели эксперимента в ходе уголовного судопроизводства является незаконным. В ходе судебного разбирательства только участник процесса определяет, что именно он проверяет или уточняет таким способом исследования доказательств, как эксперимент, с целью установления обстоятельств, подлежащих доказыванию. Поэтому суд не вправе произвольно и необоснованно ограничить сторону по делу в исследовании доказательств.

Недопустимо также, когда суд вышестоящей инстанции однозначно подтверждает позицию суда первой инстанции в обоснованности отказа в назначении эксперимента по причине того, что то или иное обстоятельство уже установлено другими доказательствами, исследованными ранее (например, показаниями потерпевшего или свидетелей), и необходимости дополнительной их проверки путем проведения эксперимента у суда не имеется. Недопустима судебная практика, когда в процессе исследования доказательств суд в обоснование отказа в проведении того или иного процессуального действия утверждает доказанность устанавливаемых обстоятельств, а сам процесс рассмотрения дела еще не завершен. Тем самым суд выражает предвзятость не только к позиции стороны по делу, ходатайствующей о проведении необходимого ей судебного действия, но и ко всему процессу исследования доказательств, результаты которого должны оцениваться в совокупности в совещательной комнате при постановлении приговора суда. Такой подход суда к оценке доказательств противоречит положениям ст. 88 УПК РФ, согласно которым каждое доказательство подлежит оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности, а все собранные доказательства в совокупности – с точки зрения достаточности для разрешения уголовного дела. В связи с этим следует признать незаконными следующие доводы суда вышестоящего суда, подтверждающие причины отказа суда в назначении эксперимента: «Свидетели Н. и Б. подробно ответили на все вопросы стороны обвинения, стороны защиты и самого подсудимого, о том, каким образом они выбивали у подсудимого нож. Эти показания полностью подтверждались показаниями свидетелей П. и Ш., в

связи с чем необходимость в проведении следственного эксперимента по заявленным подсудимым основаниям отсутствовала» [10].

5. Также выявлено 2 случая, когда суд вышестоящей инстанции своим определением отменял приговор суда первой инстанции по основанию непроведения эксперимента в ходе судебного следствия. При этом данное основание было не единственным, а одним из оснований, повлиявших на отмену приговора. Во всех указанных случаях доводы суда заключались в следующем: «При изложенных обстоятельствах приговор суда нельзя признать законным и обоснованным, в связи с чем он подлежит отмене, а уголовное дело – передаче на новое судебное разбирательство, т.к. допущенные судом первой инстанции нарушения уголовно-процессуального закона являются неустраняемыми в суде апелляционной инстанции, поскольку судом по существу уголовное дело не рассматривалось, доводы стороны защиты и стороны обвинения не проверялись, в том числе и доводы подсудимой о том, что она не имела технической возможности избежать наезда на потерпевшего, так как не видела его, надлежащей оценки им не дано, что является фундаментальным нарушением уголовного-процессуального закона, искажающим саму суть уголовного судопроизводства» [5].

Выделим общее для всех изученных определений. При описании основных доводов заявленных жалоб, суды ни в одном из случаев не описывают, в чем состоит смысл допущенных нарушений закона при производстве эксперимента и какие доводы сторона защиты приводит в обоснование своего несогласия с результатами проведенного эксперимента. В связи с этим не представляется возможным оценить процесс формирования внутреннего убеждения суда вышестоящей инстанции по оценке данных доводов жалобы. Сам же процесс обоснования доводов жалобы сводится судом к немотивированному и необоснованному несогласию с позицией стороны защиты, изложенной в жалобе.

Случаев изменения приговора судом вышестоящей инстанции на основании признания незаконным проведенного эксперимента в суде не выявлено.

Также не было выявлено случаев производства эксперимента в ходе исследования доказательств в суде апелляционной инстанции, хотя ходатайства о его производстве заявлялись участниками процесса.

Таким образом, на основании проведенного исследования следует сделать следующие выводы.

I. Судебный эксперимент – это процессуальное действие, производимое судом с участием сторон по делу, а при необходимости – с участием свидетелей, эксперта, специалиста и лиц, в отношении которых уголовные дела выделены в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве, и заключающееся в проведении необходимых испытаний, воспроизводстве опытным путем действий, обстановки и других фактических обстоятельств устанавливаемого события в целях всестороннего, полного и объективного исследования доказательств по делу.

II. Следует изменить ст. 288 УПК РФ следующим образом: «Статья 288. Судебный эксперимент».

1. С целью проверки и оценки сведений, имеющих значение для всестороннего, полного и объективного исследования доказательств по делу, судья по ходатайству одной из сторон судебного разбирательства производит судебный эксперимент путем проведения необходимых испытаний, воспроизведения опытным путем действий, обстановки и других фактических обстоятельств устанавливаемого события.

2. Судебный эксперимент производится на основании определения или постановления суда.

3. В судебном эксперименте принимают участие подсудимый, потерпевший, защитник, государственный обвинитель.

При необходимости судебный эксперимент может проводиться с участием свидетелей, эксперта, специалиста, представителей и лиц, в отношении которых уголовные дела выделены в отдельное производство в связи с заключением с ними досудебного соглашения о сотрудничестве.

Участники судебного эксперимента вправе пользоваться письменными материалами уголовного дела или другими заметками.

Перед началом судебного эксперимента, судья обязан разъяснить участникам эксперимента его цели и порядок проведения.

4. Судебный эксперимент производится в условиях, наиболее приближенных к тем, в которых происходили воспроизводимые события или действия.

5. Очередность выступления, дачи показаний, произнесение реплик, заявление ходатайства и жалоб участниками судебного эксперимента определяется судом с учетом мнения сторон.

6. Во время проведения судебного эксперимента производится видеозапись, могут проводиться измерения, фотографирование, звукозапись, составляться планы и схемы, изготавливаться графические изображения, отпечатки и слепки, которые прилагаются к протоколу судебного заседания.

7. Проведение судебного эксперимента допускается при условии, что при этом не создается опасности для жизни и здоровья лиц, принимающих в нем участие, окружающих, не унижаются их честь и достоинство, т. е. им не наносится вред.

8. Судебный эксперимент, который проводится в жилище или в ином владении лица, осуществляется только по добровольному согласию этого лица, которое ими владеет, или на основании постановления (определения) судьи.

9. Одновременное производство нескольких судебных действий, предусмотренных гл. 37 УПК РФ, при проведении судебного эксперимента не допускается.

10. При необходимости судебный эксперимент может быть прерван и его производство перенесено на другую дату судебного заседания.

11. По завершении судебного эксперимента секретарь судебного заседания составляет протокол на основании произведенной видеосъем-

ки эксперимента, который является частью протокола судебного заседания. В протоколе подробно излагаются условия, ход и результаты следственного эксперимента и указывается, с какой целью, когда, где и в каких условиях производился эксперимент; в чем конкретно выразилось воспроизведение обстановки и обстоятельства события; какие действия, в какой последовательности, кем и сколько раз производились; какие получены результаты.

С составленным протоколом надлежит незамедлительно ознакомить под роспись представителей сторон защиты и обвинения. Видеозапись произведенного эксперимента является частью протокола судебного заседания, который хранится в материалах уголовного дела».

III. В судах вышестоящих инстанций на сегодняшний день не сложилось единообразной судебной практики по проверке и оценке процессуального порядка и результатов проведенного эксперимента в ходе судебного следствия. Вследствие этого Верховному Суду РФ надлежит тщательно обобщить судебную практику по данному вопросу, сформировав свою правовую позицию в специальном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ.

Библиография:

1. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 84-АПУ15-9 от 9.12.2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 18-АПУ16-11 от 20.07.2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
3. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 51-АПУ16-5СП от 24.05.2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
4. Апелляционное определение Верховного Суда РФ № 20-АПУ17-15сп от 13.02.2018 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
5. Апелляционное постановление Московского городского суда по делу №10-0957/21 от 10.10.2021 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
6. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 42-о02-15 от 28.11.2002 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
7. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 19-004-35сп от 13.05.2004 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
8. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 42-005-10 от 23.11.2005 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
9. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 4-02/05 от 7.09.2006 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
10. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 3-007-12сп от 11.10.2007 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
11. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 66-О11-118 от 05.10.2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
12. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 53-О11-26сп от 26.05.2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
13. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 43-О11-34 от 16.08.2011 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).
14. Кассационное определение Верховного Суда РФ № 7-О14-3сп от 25.06.2014 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс» (дата обращения: 20.05.2024).

References:

1. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 84-APU15-9 dated 12/9/2015 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
2. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 18-APU16-11 dated 07/20/2016 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
3. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 51-APU16-5SP dated 05/24/2016 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
4. Appellate ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 20-APU17-15sp dated 02/13/2018 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
5. Appeal decision of the Moscow City Court in case No.10-0957/21 dated 10.10.2021 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
6. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42-o02-15 dated 11/28/2002 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
7. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19-004-35sp dated 05/13/2004 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
8. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 42-005-10 dated 11/23/2005 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
9. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4-02/05 dated 09/7/2006 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
10. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3-007-12sp dated 11.10.2007 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05.05.2024).
11. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 66-O11-118 dated 05.10.2011 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05.05.2024).
12. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53-O11-26sp dated 05/26/2011 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
13. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 43-O11-34 dated 08/16/2011 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).
14. Cassation ruling of the Supreme Court of the Russian Federation No. 7-O14-3sp dated 06/25/2014 // Legal reference system "Consultant Plus" (date of appeal: 05/20/2024).

СУДЕБНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭКСПЕРТИЗЫ: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЗНАЧЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ FORENSIC ECONOMIC EXPERTISE: SOME PROBLEMS APPOINTMENTS IN THE CONTEXT OF CRIMINAL PROCEDURAL RELATIONS

АСЕЕВ Владимир Евгеньевич,

преподаватель кафедры ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет».

ул. Советской Армии, 141, г. Самара, Самарская обл., 443090, Россия.

E-mail: VE.158@yandex.ru;

Aseev Vladimir Evgenievich,

Samara State University of Economics.

141 Sovetskaya Armiya str., Samara, Samara region, 443090, Russia.

E-mail: VE.158@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье проводится анализ положений отечественной нормативно-правовой базы и правовой доктрины по дискуссионным вопросам назначения и производства судебно-экономических экспертиз в рамках уголовно-процессуальных отношений. Изучаются мнения отечественных исследователей, аккумулируется накопленный теоретический материал, обозначены некоторые проблемы назначения судебно-экономических экспертиз и пути их разрешения в обозримой перспективе. Полученные результаты могут быть использованы в ходе дальнейших научных разработок по вопросам атрибутивных и содержательных характеристик экспертных исследований.

Abstract: The article analyzes the provisions of the domestic regulatory framework and legal doctrine on controversial issues of appointment and production of forensic economic examinations in the framework of criminal procedural relations. The opinions of domestic researchers are studied, accumulated theoretical material is accumulated, some problems of the appointment of forensic economic examinations and ways to resolve them in the foreseeable future are outlined. The results obtained can be used in the course of further scientific research on the attributive and substantive characteristics of expert research.

Ключевые слова: уголовный процесс, судебная экспертиза, судебно-экономическая экспертиза, доказательства, доказывание, заключение эксперта, эксперт.

Keywords: criminal procedure, forensic examination, forensic economic examination, evidence, proof, expert opinion, expert.

Для цитирования: Асеев В.Е. Судебно-экономические экспертизы: некоторые проблемы назначения в контексте уголовно-процессуальных отношений // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 345-346. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_345.

For citation: Aseev V.E. Forensic economic expertise: some problems appointments in the context of criminal procedural relations // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 345-346. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_345.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

В положениях современной уголовно-процессуальной доктрины вопросам сущностного содержания института судебно-экономических экспертиз отводится особое внимание. Так, использование их результатов в уголовно-процессуальной деятельности в значительной степени обеспечивает «усиление» доказательственной базы по уголовному делу, что, безусловно, позволяет успешно реализовывать цели и задачи уголовного судопроизводства. В значительной степени актуальность темы исследования детерминирована устойчивым ростом количественных и качественных показателей национальной преступности в сфере экономики. Их выявление и раскрытие, как правило требует использование специальных знаний в различных областях экономической науки. В связи с чем изучение прикладных аспектов назначения и производства судебно-экономических экспертиз является одним из приоритетных направлений развития современной уголовно-процессуальной и криминалистической доктрины.

К роду судебно-экономических экспертиз относятся три вида: 1) финансово-кредитная; 2) финансово-экономическая; 3) бухгалтерская.

Наиболее распространенным является последний, в котором используются знания экономического профиля, но в конкретной направленности в области бухгалтерского учета; налогов; аналитического экономического анализа.

Объектами соответствующей экспертизы, в основном, являются документы, исследование которых производится в рамках, определенных заданием. Объективно это связано с тем, что именно в них отражается финансово-хозяйственная деятельность конкретной организации.

Основанием к назначению указанной экспертизы является:

1) выявление расхождений в результатах ревизии и других материалов уголовного дела, например данных независимого аудита; инвентаризационных процедур;

2) нестыковки в итогах двух последовательно проведенных ревизий, такая ситуация возникает, когда первичная проверка дала результат, вызвавший некоторые сомнения, затем осуществляется вторая ревизия, где получаются другие значения, правомерно возникает вопрос, какой результат является обоснованным;

3) выявлены нарушения процедуры ревизии либо она была проведена в отсутствие материально-ответственных лиц, без получения от них надлежащих объяснений или вариант, когда проверка была проведена не в полном объеме, поскольку в распоряжение специалиста представили не все документы;

4) когда обвиняемый не согласен с результатом ревизии и оспаривает его, поскольку именно на этом основании было возбуждено уголовное дело [1].

Исходя из установленных нормативных подходов, соответствующие исследования может проводить лицо, которое обладает познаниями в ласти бухгалтерского учета. Есть некоторые моменты выбора специалиста, поскольку многие государственные экспертные учреждения сократили штаты, что привело к увеличению очереди на проведение исследований и выставления инициатора проведения конкретной экспертизы в лист ожидания. Обращение к частным экспертам связано с необходимостью оплаты, что для следователя и суда представляется невозможным в связи с проблемами бюджетного финансирования. Вместе с тем есть группа специалистов, которые имеют большой опыт проведения указанных исследований, именно по уголовным делам, у них есть эмпирические материалы, используемые ими по аналогичным ситуациям. Возможность применения таких аналогов значительно ускоряет процесс исследований и упрощает методику расчетов.

Сложно сказать априори, какие документы могут понадобиться для производства подобной экспертизы, перечень индивидуален и зависит от особенностей конкретного дела. Процедура назначения бухгалтерских экспертиз более легко проходит у более опытных следователей, которые в своей профессиональной деятельности уже сталкивались с подобными ситуациями. Значительно сложнее справиться с такими проблемами начинающему следователю. К сожалению, нормативная база неспособна оказать ему эффективную помощь, поскольку она крайне многообразна и противоречива. Между тем инициатор экспертизы сталкивается с множеством документов, касающихся различных хозяйственных операций, включая сложные (часть из них может быть связана с промышленно-производственными процессами, другая с оплатой персоналу, кадровые дела). Есть сегмент финансовых документов строгой отчетности; а также материалы мониторингов и других систем контроля. В определенных случаях эксперту нужно изучить процессуальные акты, такие как протоколы обыска, выемки; документацию по ОРМ и др.

В случае проведения по делу иных исследований, экономиста могут заинтересовать почерковедческие, технико-криминалистические, технологические и цифровые экспертизы, то есть любые анализы документооборота (включающего и письменный и электронный контент).

Здесь мы вынуждены поставить акцент на важности постановки экспертной задачи; правильные формулировки вопросов дают старт успеху исследований. Неопытные следователи пытаются пойти по наиболее простому пути, они просто берут шаблоны, по которым составляют вопросы. Очевидно, что в этом случае не учитываются особенности конкретного дела. Зачастую такое задание выходит за пределы предметной области специальных знаний эксперта-экономиста, когда от него, например, требуют ответа на правовые вопросы или суждений оценочного характера. Эксперты в этом случае выбирают два варианта поведения: 1) проявляя корректность, они исправляют недочеты, допущенные следователем; 2) сообщают следователю о невозможности проведения ими конкретных исследований, ссылаясь на то, что поставленные вопросы выходят за пределы области их специальных знаний [2].

Анкетирования экспертов-экономистов показало, что большинство из респондентов указывают на то, что им было сложно работать с нечетко определенной задачей, поскольку многие вопросы имели ошибочные формулировки; нередко на исследование предоставлялось недостаточное количество документов. Эксперты пытались восполнить неполноту, с этой целью они обращались к следователю с соответствующим ходатайством. Однако объективно сделать это не всегда представляется возможным. Относительно формулировок заданных им вопросов многие эксперты-экономисты отмечали, что они: 1) не соответствуют кругу их специальных знаний; 2) носят правовой, справочный, ревизионный характер. Эксперт не является консультантом. В его обязанность не входит давать разъяснений следователю по применяемой терминологии и понятийному аппарату. Равно как он не является ревизором, и не должен проводить соответствующие проверки [3].

Перечисленные проблемы достаточно легко могут быть сняты. Во-первых, никто не запрещал контакты между следователем и экспертом. Однако они должны быть облечены в процессуальные формы, например, в виде запроса. Такой подход позволит правильно сформулировать вопросы. В случае необходимости можно обратиться за помощью специалиста. Во-вторых, консультативно последний окажет содействие в подборке объектов для исследования, с учетом предметной области экспертной задачи. Как вариант, следователь может направить в распоряжение специалиста все материалы уголовного дела, чтобы эксперт сам определился, что ему будет нужно для исследования.

На сегодняшний день большинство исследований в рассматриваемой области являются комплексными, что отражает переход процессуальных подходов в междисциплинарные области. Все это еще более усложняет процедуру назначения экспертиз, часть задач которых выстроена на экономических знаниях.

Таким образом, в числе основных проблем назначения экономических экспертиз, можно назвать, правильный выбор вида исследований; формулировку вопросов; селекцию объектов, которые будут переданы в распоряжение эксперта.

Библиография:

1. Данилов Г. А. Институт судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / Г. А. Данилов, А. В. Азархин // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 12(188). – С. 384-390. – DOI 10.24158/tpor.2023.12.51. – EDN JKRGUK.
2. Дрога А. А. Актуальные проблемы производства судебно-бухгалтерских экспертиз на современном этапе расследования преступлений экономической направленности // Общество и право. - 2017. - №1 (59). - С. 108 – 112.
3. Карпов М. А. Проблемы выявления мошенничества на уровне хозяйствующих субъектов / М. А. Карпов, Д. Д. Осипов // Правовое регулирование деятельности хозяйствующего субъекта : Материалы 18-й Международной научно-практической конференции. В 2-х частях, Самара, 19–20 декабря 2019 года / Редколлегия: С.П. Бортников [и др.]. Том Часть 1. – Самара: Самарский государственный экономический университет, 2020. – С. 153-158. – EDN DBDHAO.

References:

1. Danilov G. A. Institute of forensic examination in criminal proceedings / G. A. Danilov, A.V. Azarkhin // Theory and practice of social development. – 2023. – № 12(188). – Pp. 384-390. – DOI 10.24158/tpor.2023.12.51. – EDN JKRGUK.
2. Droga A. A. Actual problems of the production of forensic accounting examinations at the present stage of the investigation of crimes of an economic orientation // Society and law. - 2017. - №1 (59). - Pp.108 – 112.
3. Karpov M. A. Problems of fraud detection at the level of economic entities / M. A. Karpov, D. D. Osipov // Legal regulation of the activity of an economic entity: Materials of the 18th International Scientific and practical Conference. In 2 parts, Samara, December 19-20, 2019 / Editorial Board: S.P. Bortnikov [et al.], Volume Part 1. – Samara: Samara State University of Economics, 2020. – pp. 153-158. – EDN DBDHAO.

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОСВЯЗИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ПРОКУРОРА,
ПРЕДУСМОТРЕННОГО ПУНКТОМ 2 ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 37 УПК РФ,
С АКТАМИ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ
ON INTERRELATIONSHIP BETWEEN THE DECISION
OF THE PROCURATOR UNDER ARTICLE 37, PARAGRAPH 2
OF THE CODE OF CRIMINAL PROCEDURE AND ACTS OF CRIMINAL PROSECUTION**

НАГОРНЫЙ Виктор Александрович,
Заместитель прокурора Ленинского района г. Ульяновска, советник юстиции.
432011, Россия, г. Ульяновск, ул. Красноармейская, д. 2а.
E-mail: viktor_nagor@mail.ru;
Nagorny Victor,
Deputy Prosecutor of Leninsky District of Ulyanovsk, counselor of justice
432011 Ulyanovsk, Krasnoarmeiskaya St., 2a.
E-mail: viktor_nagor@mail.ru

Краткая аннотация: Статья посвящена вопросу взаимосвязи постановления прокурора, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, с актами уголовного преследования на последующих этапах уголовного судопроизводства при осуществлении предварительного расследования. В условиях отсутствия легальной дефиниции уголовного преследования и однозначной иерархии во взаимоотношениях субъектов уголовного преследования эффективность реализации прокурором данного уголовно-процессуального механизма зачастую нивелируется необязательностью его исполнения.

Abstract: The paper focuses on the interrelationship between the decision of the procurator under Article 37, Paragraph 2 of the Code of Criminal Procedure and acts of criminal prosecution on the further stages of the criminal proceedings during the preliminary investigation. In the absence of the legal definition of criminal prosecution and unequivocal hierarchy in the relationship between the subjects of criminal prosecution, the efficacy of implementing this criminal procedure mechanism is often offset by its optional execution.

Ключевые слова: прокурор, уголовный процесс, уголовное преследование, полномочия прокурора, ст. 37 УПК РФ, обвиняемый, подозреваемый.

Key words: procurator, criminal proceedings, criminal prosecution, procurator's power, Article 37 of the Russian Federation Code of Criminal Procedure, defendant, suspect.

Для цитирования: Нагорный В.А. К вопросу о взаимосвязи постановления прокурора, предусмотренного пунктом 2 части 2 статьи 37 УПК РФ, с актами уголовного преследования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 347-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_347.

For citation: Nagorny V.A. On interrelationship between the decision of the procurator under Article 37, paragraph 2 of of the Code of Criminal Procedure with acts of criminal prosecution // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 347-350. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_347.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

Исходя из определенного ст. 129 Конституции Российской Федерации правового статуса органов прокуратуры основным бенефициаром надзорной деятельности данного органа являются человек и гражданин, защита прав и законных интересов которых поставлена во главу угла данного ведомства.

Одним из аспектов правозащитной деятельности прокуратуры является осуществление уголовного преследования с учетом закрепленного в ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] двухкомпонентного назначения уголовного судопроизводства.

С принятием Федерального закона от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (далее – Закон № 87-ФЗ) [2] изменились как полномочия прокурора в уголовном процессе, преимущественно на его досудебной стадии, так и было реформировано правовое положение прокурора как участника уголовного судопроизводства.

Однако до настоящего времени среди представителей доктрины уголовно-процессуального права отсутствует единство во взглядах не только на правовую природу и пределы использования предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ полномочия вне уголовно-процессуальной сферы, но и остается неразрешенной полемика о допустимости отнесения данного уголовно-процессуального акта к формам прокурорского реагирования при осуществлении надзора за исполнением законов и соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Доктринальные исследования рассматриваемого прокурорского постановления в большинстве случаев ограничиваются констатацией неоднородности его правовой природы, при этом вопросы правомерности использования данного уголовно-процессуального полномочия за пределами урегулированных УПК РФ правоотношений по-прежнему не изучены.

Между тем начатый в 2007 году поиск разумного баланса в системе сдержек и противовесов субъектов уголовного преследования привел к

тому, что на сегодняшний день их иерархические связи по-прежнему остаются предметом дискуссий, не получивших однозначного разрешения.

Исходя из буквального толкования ч. 1 ст. 21 УПК РФ именно процессуальная фигура прокурора поставлена на первое место при перечислении субъектов уголовного преследования.

Тезис о главенствующей роли прокурора в уголовном преследовании, исходя из ст. 21 УПК РФ, последовательно отстаивается М.А. Сильновым и А.А. Василенко, которыми справедливо ставится вопрос о путях эффективного решения прокурором задач уголовного преследования в отсутствие необходимого для этого набора полномочий [3].

По замечанию профессора К.И. Амирбекова равная сила властно-распорядительных полномочий прокурора по отношению ко всем формам предварительного расследования является обязательным критерием конституционности государственной функции уголовного преследования, а отдельные положения УПК РФ, не содержащие указание на обязательность исполнения требований прокурора, не соответствуют Основному закону [4].

В уголовно-процессуальной науке нет единого взгляда на вопрос о начале уголовного преследования.

Согласно концепции «традиционного» подхода исходя из буквального толкования п. 55 ст. 5 УПК РФ уголовное преследование всегда «индивидуализировано», то есть осуществляется в отношении процессуальных фигур подозреваемого и обвиняемого, и, следуя логике законодателя, начинается с момента приобретения участниками уголовного процесса соответственно таких статусов. К примеру, профессор Лазарева В.А. уголовное преследование характеризует как процессуальную форму привлечения совершившего преступление лица к уголовной ответственности.

Сторонниками иного подхода отстаивается точка зрения об осуществлении уголовного преследования независимо от наличия процессуальных фигур подозреваемого и обвиняемого, то есть с момента возбуждения уголовного дела. Например, Н.В. Османова отмечает, что уголовное преследование присуще всем стадиям уголовного судопроизводства и может быть обезличено (осуществляться в отношении неустановленного лица или круга лиц) [6].

Отдельными учеными (например, Д.В. Ваниным и А.В. Калинин) вовсе предлагается предусмотреть в УПК РФ положение о процессуальном статусе «изобличаемого» как лица, в отношении которого органами предварительного расследования проводится собирание уличающих доказательств и не обладающее статусом подозреваемого и обвиняемого [7, с. 99].

По нашему мнению каждый из приведенных подходов к интерпретации правовой природы уголовного преследования несет рациональное зерно и свидетельствует о назревшей необходимости в законодательной конкретизации данного явления.

Об актуальности проблемы конкуренции субъектов уголовного преследования свидетельствуют и примеры правоприменительной практики.

Так, в июне 2024 года Следственным отделом по Ленинскому району г. Ульяновска СУ СК РФ по Ульяновской области по результатам рассмотрения поступивших в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ материалов проведенной Волжской межрегиональной природоохранной прокуратуры проверки о злоупотреблении бывшим Министром природных ресурсов и экологии Ульяновской области должностными полномочиями при заключении государственного контракта на рекультивацию полигона твердых коммунальных отходов вопреки требованиям статей 140 и 144

УПК РФ вовсе сделан вывод об отсутствии оснований для организации проверки данного сообщения о преступлении, в связи с чем доследственная проверка правоохранительным органом не проводилась. На основании требования прокуратуры данное решение отменено.

Представляется, что применительно к стадии возбуждения уголовного дела предусмотренное п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ постановление детерминирует последующее вынесение на его основании уголовно-процессуального акта о возбуждении уголовного дела и начале уголовного преследования. Вынесенное с учетом вышеназванного повода решение о возбуждении уголовного дела представляет собой также выраженную в установленной законом письменной форме правовую рефлексию государства на выявленные признаки события преступления и, вбирая в себя выводы прокурора, выполняет ориентирующую функцию для дальнейшего направления уголовного преследования.

О связи прокурорского постановления с актом возбуждения уголовного дела свидетельствует и формальный аспект данного решения, а именно: прямое указание в предусмотренном ст. 146 УПК РФ постановлении повода для его вынесения.

На последующих этапах досудебного производства по уголовному делу связь постановления, предусмотренного п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, с остальными актами уголовного преследования уже не столь очевидна, поскольку центральным звеном их «корневой системы» становится решение о возбуждении уголовного дела.

Вместе с тем высшими судами сформулирован тезис о недопустимости привлечения лица в качестве подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, уголовное дело о котором в установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке не возбуждалось. Данное утверждение подтверждается выводами Верховного Суда Российской Федерации, сформулированными в соответствующем Обзоре [8].

О незыблемости позиции правоприменителя по данному вопросу свидетельствуют и неоднократные определения Конституционного Суда Российской Федерации, из которых одно из самых ранних датируется 18.07.2006 (№ 343-О) [9], а наиболее актуальное – 30.01.2024 (№ 217-О) [10].

Противоположной стороной исследуемой проблематики становится пренебрежительное отношение к правовой природе акта предъявления обвинения, которым, как отмечает профессор С.Б. Россинский, замыкается «расследовательская» фаза предварительного следствия, и в отношении которого выработана «прикладная технология», сопровождающаяся предъявлением на первоначальном этапе «пилотного» (по замечанию цитируемого автора) обвинения, и лишь затем (по окончании всего комплекса следственных действий) – окончательного обвинения [11, с. 124, 127].

С появлением процессуальной фигуры подозреваемого и (или) обвиняемого происходит трансформация предварительного расследования по уголовному делу, оно приобретает состязательный характер, что неизбежно влечет возникновение как новых прав и обязанностей участников уголовного процесса.

На основании изложенного полагаем необходимым сделать следующие выводы.

1. По своей правовой природе уголовное преследование на основании соответствующего постановления прокурора является «идеальной» формой публичного выражения механизма реализации охранительной деятельности государства, осуществляемой в рамках уникальной «замкнутой экосистемы», создаваемой уголовно-процессуальным актом одного участника уголовного процесса со стороны обвинения (прокурора) и развиваемой под его надзорным сопровождением другими (дознавателем, следователем).

2. Специфические особенности данной системы взаимоотношений характеризуются постоянным «соперничеством» за право занятия господствующего положения в иерархии взаимоотношений их участников. Исследование вопроса о взаимосвязи постановления прокурора с актами уголовного преследования неразрывно связано с проблематикой толкования правовой природы уголовного преследования, взаимодействия его субъектов и временем его начала и окончания.

3. Выражая солидарность с позицией В.Н. Григорьева и А.Ю. Терехова А.Ю. [12, с. 88; 13, с. 69], представляется допустимым предложить следующую концепцию системы процессуальных действий по уголовному преследованию с учетом контекста настоящего исследования.

3.1. Без постановления, вынесенного субъектом уголовного преследования в порядке п. 2 ч. 2 ст. 37 УПК РФ, как самостоятельного повода, предусмотренного ч. 1 ст. 140 УПК РФ, и в отсутствие события преступления уголовное дело не может быть возбуждено.

3.2. В отсутствие возбужденного по признакам конкретного состава преступления уголовного дела невозможно привлечь лицо в качестве обвиняемого (предъявить обвинение в совершении общественно-опасного деяния).

3.3. В отсутствие обвиняемого и без соблюдения предусмотренных уголовно-процессуальным законом его прав, в том числе гарантированного Конституцией Российской Федерации права на защиту, на ознакомление с материалами уголовного дела, невозможно направить уголовное дело в суд для рассмотрения.

4. Несмотря на весь выработанный за годы работы Конституционного Суда Российской Федерации массив судебных актов по вопросу недопустимости привлечения в качестве обвиняемого в совершении преступления, уголовное дело о котором в установленном законом порядке не возбуждалось, в уголовно-процессуальном законе данный запрет до настоящего времени должной имплементации не получил.

В этой связи представляется целесообразным дополнить положения

ст. 171 УПК РФ частью 5 в следующей редакции: «Лицо не может быть привлечено в качестве обвиняемого в совершении преступления, уголовное дело о котором в установленном законом порядке не возбуждалось».

Библиография:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) (с изм. и доп., вступ. В силу с 15.05.2024) // «Парламентская газета», № 241-242, 22.12.2001; «Российская газета», № 249, 22.12.2001; «Собрание законодательства РФ», 24.12.2001, № 52 (ч. I), ст. 4921; «Ведомости Федерального Собрания РФ», 01.01.2002, № 1, ст. 1.
2. Федеральный закон от 05.06.2007 № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. В силу с 01.01.2017) // «Российская газета», № 122, 08.07.2007; «Собрание законодательства РФ», 11.06.2007, № 24, ст. 2830; «Парламентская газета», № 80, 15.06.2007.
3. Сильнов М.А., Василенко А.А. Понятие и содержание процессуальной деятельности прокурора в досудебных стадиях уголовного процесса // Современное право. – 2024. – № 1 – с. 99-105. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
4. Амирбеков К.И. О конституционности норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, определяющих полномочия прокурора по осуществлению уголовного преследования в досудебном производстве: теоретический подход // Конституционное и муниципальное право. – 2021. – № 7. – с. 65-69. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
5. Лазарева В.А. Уголовно-процессуальные последствия истечения срока давности уголовного преследования // «Мировой судья». – 2022. – № 3. – с. 14-21. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
6. Османова Н.В. Основы построения концепции уголовного преследования и его начала // «Российский следователь». – 2021. – № 4. – с. 59-61. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
7. Ванин Д.В., Калинин А.В. Диалектика обеспечения прав личности и осуществления уголовного преследования в стадии возбуждения уголовного дела // Юридическая наука: история и современность. – 2023. - № 4. – с. 96-100.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // «Бюллетень Верховного Суда РФ», № 10, октябрь, 2021. СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18.07.2006 № 343-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лазарянца Андрея Эммануиловича на нарушение его конституционных прав статьями 241 и 242 Уголовного кодекса Российской Федерации, частью первой статьи 46, статьями 57, 80, частью первой статьи 108, статьями 171, 172 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024)
10. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30.01.2024 № 217-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Беляева Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав рядом положений Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 10.07.2024).
11. Россинский С.Б. О недопустимости «пилотных» обвинений в досудебном производстве по уголовному делу // Сибирский юридический вестник. – 2021. – № 4 (95) – с. 121-128.
12. Григорьев, В.Н. О взаимосвязи и соотношении актов возбуждения уголовного дела и привлечения в качестве обвиняемого [Текст] / В.Н. Григорьев, А.Ю. Терехов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2021. – № 4 (94). – с. 79-90.
13. Григорьев, В.Н. Возбуждение уголовного дела и привлечение в качестве обвиняемого [Текст] / В.Н. Григорьев, А.Ю. Терехов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (95). – с. 61-70.

References:

1. The Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, 18.12.2001, No. 174-FL (ed. 22.04.2024) (with changes and additions, enacted 15.05.2024) // *Parlamentskaya Gazeta*, Is. 241-242, 22.12.2001; *Rossiiskaya Gazeta*, Is. 249, 22.12.2001; *Collection of Laws of the Russian Federation*, 24.12.2001, No. 52 (Part I), Article 4921; *Bulletin of the Federal Assembly of the Russian Federation*, 01.01.2002, No.1, Article 1.
2. The Federal Law dated 05.06.2007 No. 87-FL "On changes in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation and the Federal Law "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation" (with changes and additions, enacted 01.01.2017) // *Rossiiskaya Gazeta*, Is. 122, 08.07.2007; *Collection of Laws of the Russian Federation*, 11.06.2007, No. 24, Article 2830; *Parlamentskaya Gazeta*, Is. 80, 15.06.2007.
3. Sil'nov M.A., Vasilenko A.A. The notion and content of the procedural activity of the prosecutor at the pre-trial stages of the criminal procedure // *Contemporary Law*. 2024. No. 1. P. 99-105. "Consultant Plus" (Accessed: 10.07.2024).
4. Amirbekov K.I. On the constitutionality of norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, defining the prosecutor's power of implementing criminal prosecution in pre-trial proceedings: A theoretical approach // *Constitutional and Municipal Law*. 2021. No. 7. P. 65-69. "Consultant Plus" (Accessed: 10.07.2024).
5. Lazareva V.A. Criminal procedural consequences of the lapse of time for criminal prosecution // *Justice of the peace*. 2022. No. 3. P. 14-21. "Consultant Plus" (Accessed: 10.07.2024).
6. Osmanova N.V. The foundations of the concept of criminal prosecution and its initiation // *Russian investigator*. 2021. No. 4. P. 59-61. "Consultant Plus" (Accessed: 10.07.2024).
7. Vanin D.V., Kalinkin A.V. Dialectics of safeguarding individual rights and conducting criminal prosecution at the stage of initiating criminal proceedings // *Legal Science: history and modernity*. 2023. No. 4. P. 96-100.
8. Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 2 (2021) (approved by the Supreme Court Presidium of the Russian Federation 30.06.2021) // *Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation*. No. 10, October 2021. "Consultant Plus" (Accessed: 10.07.2024).
9. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 18.07.2006 No. 343-O. "On refusal to admit a complaint of Lazaryantz Andrey Emmanuilovich about violation of his constitutional rights by Articles 241 and 242 of the Criminal Code of the Russian Federation, Part 1 of Article 46, Articles 57, 80, Part 1 of Article 108, Articles 171, 172 and 195 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // "Consultant Plus" (Accessed: 10.07.2024).
10. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 30.01.2024. No. 217-O "On refusal to admit a complaint from Belyaev Alexei Nikolayevich about violation of his constitutional rights by a number of provisions of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation" // "Consultant Plus" (Accessed: 10.07.2024).
11. Rossinsky S.B. On the inadmissibility of "pilot" accusations in pre-trial proceedings of criminal cases // *Siberian juridical bulletin*. 2021. No 4 (95). P. 121-128.
12. Grigoriev V.N. On the interrelationship and correlation between acts of prosecution and charging [Text] / V.N. Grigoriev, A. Yu. Terekhov // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2021. No. 4 (94). P. 79-90.
13. Grigoriev V.N. Initiation of criminal prosecution and charging [Text] / V.N. Grigoriev, A. Yu. Terekhov // *Bulletin of the Ufa Law Institute of the Russian Ministry of Internal Affairs*. 2022. No. 1 (95). P. 61-70.

НАКАЗАНИЯ, СВЯЗАННЫЕ С ПРИВЛЕЧЕНИЕМ ОСУЖДЕННЫХ К ТРУДУ, ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКИ БРАЗИЛИЯ PENALTIES RELATED TO THE INVOLVEMENT OF CONVICTS IN LABOR UNDER THE CRIMINAL LAW OF THE FEDERAL REPUBLIC OF BRAZIL

ЗВЯГИН Владимир Андреевич,

начальник кафедры общеправовых дисциплин Дальневосточного юридического института
Министерства внутренних дел Российской Федерации имени И.Ф. Шилова (Владивостокский филиал).
692500, Россия, Приморский край, г. Владивосток, ул. Котельникова, 21.
E-mail: mao79us@mail.ru;

ZVYAGIN Vladimir Andreevich,

Head of the Department of General Legal Disciplines of the Far Eastern Law Institute
of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilova (Vladivostok branch).
692500, Primorsky Krai, Vladivostok, Kotelnikova str., 21.
E-mail: mao79us@mail.ru

Краткая аннотация: В статье анализируются нормы законодательства Федеративной Республики Бразилия регламентирующие наказания, связанные с привлечением осужденных к труду. Сравниваются наказания, связанные с привлечением осужденных к труду в Бразилии и России.

Abstract: The article analyzes the norms of the legislation of the Federal Republic of Brazil regulating punishments related to the involvement of convicts in labor. The punishments associated with the involvement of convicts in labor in Brazil and Russia are compared.

Ключевые слова: лишение свободы, предоставление услуг обществу или государственным организациям, обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, труд осужденных.

Keywords: deprivation of liberty, provision of services to society or state organizations, compulsory labor, correctional labor, forced labor, convict labor.

Для цитирования: Звягин В.А. Наказания, связанные с привлечением осужденных к труду, по уголовному законодательству Федеративной Республики Бразилия // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_351.

For citation: Zvyagin V.A. Penalties related to the involvement of convicts in labor under the criminal law of the Federal Republic of Brazil // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 351-354. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_351.

Статья поступила в редакцию: 15.07.2024

В условиях изменяющихся геополитических условий, ключевую роль начинают играть новые межгосударственные союзы, объединяющиеся для совместного решения экономических проблем, сохранения окружающей среды, противодействия терроризму, борьбы с преступностью и многих других.

Одной из самых значительных организаций такого уровня становится БРИКС. Учитывая участие в этом межгосударственном союзе России и укрепляющиеся связи между странами в рамках этой организации, обмен опытом и развитие сотрудничества в различных сферах, в том числе и в правоохранительной, необходимо провести изучение норм, регламентирующих уголовную ответственность в этих странах.

В рамках этой статьи мы хотели бы рассмотреть отдельные вопросы, связанные с применением наказаний, связанных с привлечением осужденных к труду, по уголовному законодательству Федеративной Республики Бразилия.

Бразильское уголовное права прошло длительный путь развития и выработало свои уникальные подходы к привлечению осужденных к труду, в которых не последнее место занимает система стимулирования участия осужденных в трудовой деятельности.

Бразилия занимает третье место (после США и Китая) по количеству заключенных, которое составляет свыше 839 тысяч человек [1]. Большая часть заключенных находится в трудоспособном возрасте и вопрос их привлечения к труду остро стоит в Бразилии.

Наказаниям посвящена часть V «Назначение наказания» Уголовного кодекса Бразилии (Código Penal – далее термины на португальском языке) (далее – УК Бразилии) [2]. Перечень наказаний дан в ст. 32 УК Бразилии «Наказания». К ним относятся:

I - лишение свободы (португ. - privativas de liberdade);

II - ограничение прав (португ. - restritivas de direitos);

III - штраф (de multa).

Каждый из перечисленных видов наказаний имеет несколько подвидов. Мы рассмотрим наказания, в которых применяется привлечение к работам в качестве одного из составляющих или в качестве основного содержательного элемента.

Наказание в виде лишения свободы отбывается в открытом (aberto), полуоткрытом (semi-aberto) или закрытом режиме (fechado).

В соответствии с § 1 ст. 33 УК Бразилии режимы отбывания наказания в виде лишения свободы подразделяется на следующие подвиды:

- а) закрытый режим исполнения наказания с установленными максимальными или средними мерами безопасности;
- б) полукрытый режим исполнения наказания в сельскохозяйственной, промышленной колонии или аналогичном учреждении;
- в) открытый режим для отбывания наказания в приюте для бездомных или в соответствующем учреждении.

Трудовая деятельность осужденных регламентируется Законом об исполнении уголовных наказаний Федеративной Республики Бразилия [3] (далее – ЗИУН ФРБ). Закрытый режим является наиболее суровым режимом, на нем в тюрьме (penitenciária) отбывают наказание осужденные к лишению свободы от 8 до 30 лет. Тюрьма должна находиться за пределами города, но на расстоянии, не исключающем посещение осужденных. Как правило, наказание отбывается в округе, где совершено преступление. Труд осужденного является его общественным долгом и условием сохранения человеческого достоинства. Привлечение к работам преследует две основные цели - воспитательную и производственную, т.е. труд должен принести определенную материальную выгоду. На работу заключенного не распространяются требования трудового законодательства, за исключением требований о продолжительности рабочего дня, безопасности и гигиены (ст. 28 ЗИУН ФРБ). [3]

Осужденные, находящиеся на закрытом режиме, работают в течение дня от 6 до 8 часов и подлежат изоляции во время перерывов и на ночь. Осужденный содержится в индивидуальной камере (ст. 88 ЗИУН Бразилии) [3].

Выполняемая осужденным работа должна соответствовать его профессии или его способностям. При этом выполнение этой работы должно быть возможным в условиях изоляции от общества и на территории исправительного учреждения.

По общему правилу осужденные на закрытом режиме работают только на территории исправительного учреждения. Допускается также работа вне исправительного учреждения в сфере оказания услуг или выполнение общественных работ при условии соблюдения мер безопасности в государственных и муниципальных учреждениях. Работа на частных предприятиях возможна только с согласия осужденного, при этом учитывается характеристика осужденного и отбытие не менее 1/6 срока наказания. Количество осужденных задействованных на работах вне исправительного учреждения не должно быть больше 10 % от общего числа осужденных (ст. 36 ЗИУН Бразилии). [3]

Аналогом такого режима отбывания наказания в России является отбывание наказания в тюрьмах и исправительных колониях в соответствии с п.п. б, в, г, ч.1 и ч.2 ст. 58 УК РФ [4].

Осужденные к лишению свободы на срок от 4 до 8 лет отбывают наказания в полукрытом режиме и содержатся в общих камерах (ст. 92 ЗИУН Бразилии). К таким осужденным могут применяться методы электронного мониторинга их нахождения (электронный браслет) (ст. 146-В ЗИУН Бразилии). На осужденных, отбывающих наказания в полукрытом режиме, распространяются следующие правила (ст. 35 УК Бразилии):

- осужденный занят на работах в сельскохозяйственных (colônia agrícola), промышленных (industrial) или других аналогичных учреждениях (ou estabelecimento similar);
- допускается работа вне исправительного учреждения, а также обучение с целью получения дополнительного профессионального образования, второго или высшего образования.

Рассмотренный режим схож, по общим признакам, с таким режимом отбывания наказания в отечественном праве как отбывание наказания в колонии-поселении в соответствии с п. а ч. 1 ст. 58 УК РФ [4].

Осужденные к срокам менее 4 лет отбывают наказания на открытом режиме. Такой режим отбывания наказания обладает следующими особенностями:

- здание для отбывания наказания на открытом режиме должно быть расположено в черте города и отделено от других учреждений;
- открытый режим отбывания наказания (ст. 36 УК Бразилии) основан на самодисциплине и чувстве ответственности осужденного;
- контроль осужденных на территории не осуществляется;
- осужденный должен вне учреждения и без надзора работать, посещать обучающие курсы или заниматься другой разрешенной деятельностью, возвращаясь на ночь и находясь в исправительном учреждении в выходные дни.

В некоторых случаях, когда осужденные не могут работать по определенным причинам они отбывают наказание в открытом режиме дома. К таким осужденным относятся: лица старше 70 лет; страдающие тяжелыми заболеваниями; имеющие несовершеннолетнего ребенка, страдающего физическими или умственными недостатками; беременные (ст. 117 ЗИУН ФРБ). [3]

Лишение свободы с отбыванием в открытом режиме в Бразилии радикально отличается от наказания в виде лишения свободы в российском законодательстве. Основное отличие заключается в отсутствии изоляции осужденных от общества. В Бразилии отбывающий наказание в рассматриваемом режиме осужденный большую часть времени не контролируется администрацией исправительного учреждения и даже находясь на территории исправительного учреждения никакого контроля его поведения фактически нет. В России лишение свободы предусматривает полную изоляцию от общества с постоянным нахождением на территории исправительного учреждения. Даже при осуществлении работ вне территории исправительного учреждения обеспечивается надлежащая охрана и изоляция осужденных (ч.1 ст. 104 УИК РФ) [5].

Имеется определенное сходство, такого режима лишения свободы в Бразилии с принудительными работами, в части, касающейся возможности выполнения работ вне территории исправительного учреждения. Однако есть и существенные отличия. Режим отбывания принудительных работ существенно строже чем лишение свободы в открытом режиме. Наказание в виде принудительных работ отбывается в исправительных центрах

или изолированных участках, функционирующих как исправительные центры и создаваемых при исправительных учреждениях. Осужденный к принудительным работам лишается прав или ограничивается в правах, в частности, лишается свободы выбора рода деятельности и места работы, ограничивается в свободе передвижения. При отбывании лишения свободы в открытом режиме в бразильских исправительных учреждениях таких ограничений нет.

Российское законодательство (ч. 6 ст. 60.4 УИК РФ) [5] как и бразильское (ст. 117 ЗИУН ФРБ) [3] предусматривает возможность проживания при отбывании таких наказаний вне территории исправительного учреждения. Однако, отечественное уголовно-исполнительное наказание связывает эту возможность с примерным поведением и отбытием не менее одной трети срока наказания, а бразильское – с возрастом, здоровьем, наличием детей и беременностью.

В целом, можно уверенно утверждать, что аналогичного рассмотренному режиму лишения свободы наказания в российском праве нет.

Труд заключенных во всех режимах отбывания наказания оплачивается и сохраняются гарантии социального обеспечения (ст. 39 УК Бразилии). Ст. 29 Закона об исполнении уголовных наказаний Бразилии предусматривает, что оплата труда не может составлять менее трех четвертей минимальной заработной платы. Заработанные осужденным средства направляются на возмещение ущерба, помощь семье осужденного, небольшие личные расходы, компенсацию государству расходов и на содержание осужденного. Оставшаяся часть платы за труд должна быть внесена для накопления сбережений на сберегательную книжку, которая должна быть вручена осужденному после освобождения [3].

Труд для осужденных одновременно является и правом, и обязанностью. В соответствии с требованиями ст. 31 и п.V ст. 39 ЗИУН ФРБ труд для осужденных является обязанностью. Осужденный к лишению свободы обязан работать в меру своих способностей. Кроме этого, Подразделом II ЗИУН Бразилии предусмотрена дисциплинарная ответственность за неисполнение обязанности трудиться. Помимо негативных последствий, законом предусмотрены и позитивные нормы направленные на реализацию их права на труд, стимулирующие работу и обучение осужденных. Так 3 дня работы или 12 часов (разделенные на 3 дня) обучения засчитываются за 1 день лишения свободы (§ 1 ст. 126 ЗИУН Бразилии). Также может быть увеличен срок погашения на одну треть в случае получения начального, среднего или высшего образования во время отбывания наказания (§ 5 ст. 126 ЗИУН Бразилии). Вместе с тем право на труд гарантируется п.п. II, V и IV ст. 41 ЗИУН Бразилии, если осужденному отказывают в реализации права на труд, то государство обязано ему сократить наказание на количество дней, когда осужденный не работал, как если бы они были отработаны в соответствии с § 4 ст. 126 ЗИУН Бразилии [6].

Подобные позитивные нормы бразильского права могут быть имплементированы в российское законодательство, так как они существенно стимулировали бы стремление осужденных к трудовой деятельности и обучению.

Следующая группа наказаний – это ограничение прав. Всего их предусмотрено шесть видов.

П. IV ст. 43 УК Бразилии предусматривает в качестве одного из видов ограничения прав - предоставление услуг обществу или государственным организациям (далее – предоставление услуг).

Такой вид работ может быть как составной частью наказания в виде лишения свободы (§ 3 ст. 34 УК Бразилии), так и самостоятельным наказанием как вид ограничения прав и альтернатива лишению свободы (п. IV ст. 43 УК Бразилии). В соответствии со ст. 44 УК Бразилии ограничивающие права наказания являются самостоятельными и заменяют лишение свободы при наличии следующих условий:

- применяется лишение свободы на срок не более четырех лет;
- преступление совершено без применения насилия;
- обвиняемый не является рецидивистом;
- характеристика личности и обстоятельства совершенного преступления указывают на то, что такая замена является достаточной.

Предоставление услуг обществу или государственным учреждениям применяется к лицам, приговоренным к лишению свободы на срок более шести месяцев. Предоставление услуг обществу или государственным учреждениям заключается в предоставлении осужденным бесплатных услуг, то есть работ на благо общества. Предоставление услуг обществу осуществляется в благотворительных организациях, больницах, школах, детских домах и других подобных учреждениях, в рамках общественных или государственных программ (ст. 46 УК Бразилии).

Такой вид наказания в Бразилии имеет ряд сходных черт со всеми видами наказаний в российском праве основным содержательным элементом которых является работа, но при этом обладает и значительными отличиями.

Как и принудительные работы в России, предоставление услуг является альтернативой лишению свободы. Бразильское и российское законодательство предусматривают назначение наказаний основным содержательным элементом которых является работа за преступления небольшой и средней тяжести (в соответствии с российской категоризацией). Предоставление услуг применяется независимо от наличия постоянной работы и выполняются в рабочее время - как в исправительных работах для осужденных, не имеющих основного места работы и принудительных работах. Работы осуществляются на благо общества бесплатно, как это предусмотрено в обязательных работах (выполнение бесплатных общественно-полезных работ). Вид и место осуществления работ определяются специально уполномоченными органами также, как и для обязательных, исправительных и принудительных работ. В законодательстве Бразилии точнее определены места, в которых эти работы должны производиться – благотворительные организации, больницы, школы, детские дома и другие подобные учреждения. Исходя из этого можно сделать вывод, что осужденные к этому виду наказаний не должны представлять опасности для лиц, находящихся в этих социальных учреждениях.

Подводя итоги вышесказанному, можно сказать, что некоторые элементы применения рассмотренных наказаний схожи с предусмотренными

ми в законодательстве Российской Федерации. К ним можно отнести:

- разные режимы и места отбывания наказаний;
- привлечение к труду осужденных;
- дифференциация видов работ в зависимости от наказания;
- плата за труд.

При этом имеются значительные отличия. Лишение свободы с отбыванием в открытом режиме, с точки зрения российского законодательства не является таковым, так как фактически отсутствует изоляция от общества.

Предоставление услуг обществу или государственным организациям является единственным наказанием в уголовном законодательстве Бразилии основным содержательным элементом которого является работа.

Возможность проживания вне территории исправительного учреждения в Бразилии связана гуманистическими причинами, а не с отбытым сроком и поведением осужденного.

Существующие в бразильском праве позитивные нормы, стимулирующие стремление осужденных к труду (уменьшение срока отбывания наказания за труд, за получение образования; зачет времени, в течении которого осужденный не мог трудиться по вине администрации исправительного учреждения, в счет трудовой деятельности) могут быть включены в российское законодательство.

Вышеуказанные различия в применении наказаний связанных с привлечением осужденных к труду отражают особенности развития государств и уголовного законодательства России и Бразилии.

Библиография:

1. Incarceration Rates by Country 2024 [Электронный ресурс] // URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/incarceration-rates-by-country> (дата обращения: 29.03.2024).
2. Código Penal (Decreto-Ley № 2.848 del 7 de diciembre de 1940, modificado por la Ley № 14.344 de 24 de mayo de 2022). Уголовный кодекс Федеративной Республики Бразилия (Указ-закон № 2.848 от 07.12.1940 г. с изменениями, внесенными Законом № 14.344 от 24.05.2022 г.) [Электронный ресурс] // URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/Decreto-Lei/Del2848.htm (дата обращения: 29.03.2024).
3. Lei № 7.210, de 11 de julho de 1984 Institui a Lei de Execução Penal. Закон об исполнении уголовных наказаний (закон № 7.210 от 11.07.1984 г.) [Электронный ресурс] // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/L7210.htm#art50vii (дата обращения: 29.03.2024).
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. (дата обращения: 27.06.2024).
5. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. (дата обращения: 27.06.2024).
6. Оливейра Т.Б. Структура судебной власти в Бразилии: Уголовное преследование в свете недавних реформ Уголовно-процессуального кодекса. // Вестник Московского Университета. Серия 11. Право. 2018. № 2. С. 57.

References:

1. Incarceration Rates by Country 2024 [Electronic resource] // URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/incarceration-rates-by-country> (date of application: 03/29/2024).
2. Código Penal (Decreto-Ley No. 2.848 del 7 de diciembre de 1940, modificado por la Ley No. 14.344 de 24 de mayo de 2022). The Criminal Code of the Federal Republic of Brazil (Decree-Law No. 2.848 of 12/07/1940, as amended by Law No. 14.344 of 05/24/2022) [Electronic resource] // URL: http://www.planalto.gov.br/CCIVIL_03/Decreto-Lei/Del2848.htm (date of application: 03/29/2024).
3. Lei № 7.210, de 11 de julho de 1984 Institui a Lei de Execução Penal. The Law on the Execution of Criminal Penalties (Law No. 7.210 of 07/11/1984) [Electronic resource] // URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/LEIS/L7210.htm#art50vii (date of appeal: 03/29/2024).
4. Criminal Code of the Russian Federation No. 63-FZ dated 06/13/1996 (ed. dated 05/29/2024) [Electronic resource] // ConsultantPlus. (date of appeal: 06/27/2024).
5. The Criminal Executive Code of the Russian Federation No. 1-FZ dated 08.01.1997 (as amended on 06/24/2023) [Electronic resource] // ConsultantPlus. (date of notification: 06/27/2024).
6. Oliveira T.B. The structure of the judiciary in Brazil: Criminal prosecution in the light of recent reforms of the Criminal Procedure Code. // Bulletin of the Moscow University. Episode 11. Right. 2018. No. 2. p. 57.

ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШЕННЫЕ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА FEATURES OF THE INVESTIGATION OF FRAUD COMMITTED WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

САНИНА Людмила Валерьевна,

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры мировой экономики и экономической безопасности
Института мировой экономики и международных отношений, Байкальский государственный университет.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11,
E-mail: glv2010@yandex.ru;

КОЛОМИНОВ Вячеслав Валентинович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, судебных экспертиз и юридической психологии
Института юстиции, Байкальский государственный университет.
664003, Россия, г. Иркутск, ул. Ленина, 11,
E-mail: KolominovVV88@gmail.com;

Sanina Liudmila V.,

PhD in Economics, Associate Professor, Department of World Economics and Economic Security, Baikal State University.
11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003,
E-mail: glv2010@yandex.ru;

Kolominov Vyacheslav V.,

Ph.D. in Law, Associate Professor, Department of Civil Law and Procedure, Baikal State University.
11, Lenin st., Irkutsk, Russia, 664003,
E-mail: KolominovVV88@gmail.com

Краткая аннотация. В рамках данной работы рассматривается мошенничество в Российской Федерации, осуществляемое с помощью искусственного интеллекта. Цель настоящей работы — исследовать особенности расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта. Материалами исследования является нормативно-правовая база, в которую входят: Уголовный Кодекс Российской Федерации, уголовное законодательство, уголовно-процессуальное законодательство, регламентирующее раскрытие, расследование и предупреждение мошенничества, совершенных группой лиц, данные официальной статистики за последние 4 года (2019–2022), результаты анализа уголовных дел по ст. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 УК РФ. Методы исследования: анализ, синтез, обобщение полученных данных. Результаты исследования: в работе представлена классификация мошенничества, алгоритм расследования, перспективы развития ИИ на пользу криминалистической деятельности с целью задержать киберпреступников, предложены методы расследования преступлений с использованием искусственного интеллекта.

Abstract. This article determines fraud in the Russian Federation carried out using artificial intelligence. The purpose of this work is to explore the features of investigating fraud committed with the help of artificial intelligence. The research materials are the regulatory framework which includes: the Criminal Code of the Russian Federation, criminal legislation, criminal procedural legislation regulating the disclosure, investigation and prevention of fraud committed by a group of persons, official statistics for the last 4 years (2019-2022), results of the analysis of criminal cases under Art. 159, 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation. Research methods: analysis, synthesis, generalization of the data obtained. Research results: the work presents a classification of fraud, an investigation algorithm, and prospects for the development of AI for the benefit of forensic activities in order to detain cybercriminals and suggests methods for investigating crimes using artificial intelligence.

Ключевые слова: мошенничество, искусственный интеллект, киберпреступление, Интернет-пространство, криминалистическое расследование, злоумышленник.

Key words: fraud, artificial intelligence, cybercrime, Internet space, forensic investigation, attacker.

Для цитирования: Санина Л.В., Коломинов В.В. Особенности расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 355-359. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_355.

For citation: Sanina L.V., Kolominov V.V. Features of the investigation of fraud committed with the help of artificial intelligence // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 355-359. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_355.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

Введение. В современном мире наблюдается масштабирование применения искусственного интеллекта во всех сферах, где работает человек [1–3]. Цифровизация и «умные машины», способствующие развитию всего человечества оказывают помощь человеку в любой деятельности, несут преимущественно положительный характер, но также стоит подчеркнуть огромное количество распространенных мошенничеств в Российской Федерации, Европы и Азии, совершенные с помощью искусственного интеллекта.

Негативные черты от применения искусственного интеллекта оказывают влияние на рост криминала, различных мошенничеств, причины которых являются абсолютно разными. Важно подчеркнуть, что мошенничества во взаимосвязи с искусственным интеллектом, на сегодняшний день являются самыми распространенными во всем мире в связи со сложностью выявления преступников, группового характера преступления, латентностью и ежедневно совершенствующейся цифровизацией [4].

В России наиболее слабо развиты существующие методики, средства и методы криминалистической деятельности, что оказывает прямое влияние на процентное соотношение раскрытий мошенничеств, особенно на групповое раскрытие, которое растет с каждым годом в государстве.

Следует обратить внимание на ст. 159 УК РФ, где указана сумма 2500 р., от данного порога материальное хищение может считаться мошенничеством с уголовной ответственностью [5]. В XXI в. в Российской Федерации произошел резкий скачок мошенничества с использованием искусственного интеллекта: более 14 млрд р. отечественники «перевели» без своего согласия мошенникам в связи с привязкой своих карт к электронным переводам, т.е. искусственный интеллект и его возможности оказывают на криминалистическую деятельность рекордное пагубное влияние.

В данной работе проводится оценка особенностей расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта на основе научных трудов отечественных и зарубежных трудов, статей УК РФ. В связи с вышепредставленной информацией, не вызывает сомнений *актуальность* темы исследования.

Для проведения теоретического исследования особенностей расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта, были использованы труды отечественных авторов: С. Абламейко [6], Т. В. Абдульмяновой [5], И. П. Асановой [7], Е. Г. Багреевой [8], И. Р. Бегишева [1; 2; 9], Ю. А. Даниленко [10], М. В. Жижиной [11], Д. Л. Кутейникова [12], М. Д. Лебедева [13], И. Н. Мосечкина [14], А. К. Щербаченко [4; 15], Christopher Rigano [16], Ms. Sangeeta Patil [17], благодаря которым удалось проследить использование систем искусственного интеллекта при обеспечении общественной безопасности; проанализировать состав преступления, предусмотренного в ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации»; изучить актуальные вопросы борьбы с масштабами роста кибермошенничества; рассмотреть искусственный интеллект как противодействие мошенничеству в банковской сфере; характеризовать преступления в сфере обращения цифровой информации; ознакомиться с проблемами расследования отдельных видов киберпреступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта; провести детальный анализ проблем получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации; выявить причины уголовного дела по факту преступления в сфере компьютерной информации; классифицировать криминалистические мошенничества, совершенных группой лиц, как основа формирования базовой методики их раскрытия и расследования; фрагментарно исследовать инновационные технологии в криминалистике через применение искусственного интеллекта в борьбе с преступностью; провести научное изучение использования системы искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности; выявить преимущества оперативно-розыскной деятельности в цифровом мире; проследить методику расследования мошенничества концептуальных основ, совершенных группой лиц.

Искусственный интеллект (ИИ) является новым инструментом цифровизации для просвещения граждан России и помощи в их деятельности, но и «оружием» злоумышленников для совершения киберпреступлений.

Автор М. О. Янгаева пишет в своей работе, что в 2019 г. Президентом Российской Федерации В. В. Путиным была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Следует отметить, что уже через год в 2020 г. в России представили федеральный проект «Искусственный интеллект» как седьмой федеральный проект национальной программы «Цифровая экономика».

Анализируя развитие искусственного интеллекта, ссылаясь на работу М. О. Янгаевой, важно упомянуть, что появление ИИ в России привлекло к себе внимание все отрасли человека, в том числе и криминальную нишу: в 2020 г. МВД России представило новый проект по использованию искусственного интеллекта с целью точного составления фотороботов, выявления признаков серийных преступлений, автоматического сравнения связей и деталей криминальных мошенничеств в свидетельских показаниях и документах.

Исследователь упоминает о новой функции ИИ как определение внешних особенностей преступников на основе биоматериала, полученного с места преступления, выпуск которой заявлен на 2024 г.

Определение по голосу преступника является новой целью для создания функции в ИИ, что поможет в расследовании разного вида преступлений Министерству внутренних дел России. Необходимо обратить внимание на полученные результаты от ИИ в рамках службы с МВД России: в мае 2021 г., на основе федерального казенного учреждения «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», были подведены итоги помощи «умной» машины. Среди ряда преимуществ, М. О. Янгаева выделяет:

- автоматическую обработку изображений;
- распознавание лиц и объектов;
- снижение в человеческой потребности решить трудоемкие задачи;
- ИИ взял на себя рутинную работу, предоставляя сотрудникам правоохранительных органов выполнять более сложные задачи

[18, С. 207—210].

Несмотря на множество преимуществ использования ИИ в современном мире, анализ проблематики особенности расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта, подтверждает рост преступлений в России. Ссылаясь на научные труды И. П. Асановой [7] и Е. Г. Багреевой [8], 2022 г. стал скачком в криминальной деятельности: по сравнению с 2019 г. вырос процент на мошенничество с применением искусственного интеллекта. Авторы провели статистический анализ, в котором выражена настоящая картина развития мошенничества с применением искусственного интеллекта:

- в 2019 г. мошенники украли с карт граждан России более 6,5 млрд р., а в 2022 г. данные цифры выросли в 2 раза: 14,1 млрд р. украли мошенники с помощью программ и возможностей искусственного интеллекта. Авторы подчеркивают, что данная статистика касается только транзакций электронных средств платежей;

➤ с 2021 по 2022 г. наблюдается рост объема денежных хищений, который составляет на 5 % выше в связи с развитием совершенствованных дистанционных платежных сервисов;

➤ важно обратить внимание, что мошенники активно «работают» с клиентами банков, что связано со статистическим ростом объема денежных переводов, используя электронные средства платежей: в России за 2022 г. перевели 1,4 квадриллиона р., что повысило годовой рост почти на 40 %;

➤ в 2023 г. наблюдается снижение мошеннических переводов в связи с большим объемом в 2022 г., статистика указывает на снижение количества операций без согласия клиентов (около 16 % и 877 тыс. транзакций);

➤ в криминальной деятельности отмечают, что комплексные меры, применяемые против злоумышленников, положительно влияют на минимизацию хищений (впервые за 7 лет), так и банки подключают системы защиты, позволяя клиентам быть застрахованным от мошенничества.

Анализ трудов отечественных авторов И. Р. Бегишева [1; 2; 9], Ю. А. Даниленко [10] подтверждает уязвимость российских граждан от мошенничества с банковскими переводами, несмотря на большое количество появившихся «умных» систем. В 2022 г. кредитные организации вернули жертвам банковских мошенников более 619 млн р. или 4,5 % от украденных средств, данный показатель является преимущественно важным для сохранения стабильности россиян, но он намного меньше, чем за три прошлых года:

➤ в 2021 году было возмещено клиентам 7 % или 9201 млн р.;

➤ в 2020 году — 11,3 %, или 1,1 млрд р.;

➤ в 2019 году — 15 %, или 935 млн р.

Изучая проблематику исследуемой темы, необходимо выделить работы С. Абламейко [6] и М. Д. Лебедева [13], где авторы указывают ключевые инструменты и методы социальной инженерии, а также психологическое воздействие на человека, предоставляющее возможность оказать давление и осуществить перевод денежных средств в пользу мошенника: в 2022 г. осуществлено более 51 % переводов через карты российских банков, а в 2021 г. — 49 %. Исследователи подчеркивают, что данное мошенничество происходит через телефонные звонки, мошенники представляются сотрудниками банка или сотрудниками безопасности с целью проверить данные клиента; участились случаи, связанные мобилизацией и помощью на фронт.

С. К. Кузнецов отмечает, что в 2022 г. Центральный банк отправил более 750 тыс. номеров операторам, которые были использованы злоумышленниками, что по статистическим данным в 1,5 раза больше, чем в 2021 г. [19, С. 30–33].

Российский исследователь Д. Л. Кутейников [12, С. 121–131] обращает внимание в своем труде, что мошенничество с помощью искусственного интеллекта стало увеличиваться за счет образования мобильных приложений, социальных сетей: в период с 28 февраля по 31 декабря 2022 г. Банк России провел блокировку 1942 страниц в социальных сетях «ВКонтакте» и «Одноклассники», а также 23 мобильных приложений в App Store, Google Play и в других магазинах приложений, тем самым предотвратил мошенничество россиян.

Исходя из выявленного высокого процентного соотношения злоупотребления искусственным интеллектом мошенниками, государству необходимо развивать криминалистику в рамках цифровизации, перейти на цифровой формат с целью проследить все возможные пути мошенничества, задействовать правоприменительные органы, подготовить криминалистов на профессиональном уровне, ссылаясь на современные изменения в новейших технологиях, открывающие возможности для познания нового человечеству, формирующие новое пространство для совершения киберпреступлений [16; 17].

В монографии И. Н. Мосечкина выявлена фундаментальная проблема ИИ: внедрение самообучаемых систем в повседневную жизнь человека, способных самообновляться за счет встроенных алгоритмов поведения, причиняет много вреда обществу из-за частых сбоев. С точки зрения науки, автор обращает внимание на научную проблему, суть которой является отсутствие единого понимания места ИИ в теории уголовного права (до сих пор не существует особых норм, посвященных искусственному интеллекту) [14, С. 18–22].

Исследуя труд И. Р. Бегишева, стоит отметить существующие вспомогательные мошеннические программы, созданные на основании деструктивного воздействия на компьютерную информацию и сам результат воздействия [9, С. 170–173]:

➤ программы-баннеры, всплывающие в окнах Интернет-браузера;

➤ программы-блокираторы, которые перекрывают доступ к информации в Интернет-пространстве;

➤ программы-блокираторы, препятствующие возможностям операционной системы Windows и различным действиям с файлами;

➤ программы-шифровальщики, кодирующие файлы.

И. Р. Бегишев отмечает общие черты данных мошеннических программ на базе ИИ, к которым стоит отнести устранение их деструктивных действий с помощью отправки потерпевшим на известный номер телефона платного СМС-сообщения. Данные программы, таким образом, требуют от человека оплату за восстановление работы Интернета без появившихся ограничений.

Анализ особенностей расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта, подтверждает необходимость внедрения совершенствования методик для развития ИИ с целью обезопасить граждан России, в связи с этим следует выделить следующие перспективы:

➤ разработать частную методику расследования высокотехнологичных преступлений и мошенничеств на базе новой методологии, технических и тактических подходов, приемов и методических рекомендаций;

➤ протестировать алгоритмы ИИ для совершенствования выявления новых киберпреступлений и их преступников;

- повысить уровень технических возможностей ИИ с целью увеличить раскрываемость мошенничеств с использованием ИИ;
- проанализировать возможность запроса фирме по производству ИИ на улучшение обобщения данных преступления, проведение детального разбора и анализа с возможностью решения криминалистических ситуаций;

- предупредить киберпреступления за счет инновационных новшеств, что поможет защитить граждан от злоумышленников.

Уголовная ответственность злоумышленников определяется в рамках закона и благодаря следующим статьям УК РФ:

— п. 2. п. 4 ст. 159 УК РФ «Мошенничество»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.1 УК РФ «Мошенничество в сфере кредитования»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.2 УК РФ «Мошенничество при получении выплат»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.3 УК РФ «Мошенничество с использованием электронных средств платежа»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.5 УК РФ «Мошенничество в сфере страхования»;

— п. 2. п. 4 ст. 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» [2].

А. К. Щербаченко обращает внимание на криминалистическую классификацию мошенничеств с использованием ИИ и выделяет ключевые из них [15]:

- преступная группа и субъект преступления;
- способы мошенничеств, совершенных группой лиц;
- способы посткриминального противодействия раскрытию и расследованию данного вида хищения;
- потерпевший и его виктимное поведение;
- предмет и преступный результат мошенничества, совершенного группой лиц;
- время, место, обстановка мошенничества, совершенного группой лиц.

Исходя из вышепредставленной классификации, А. К. Щербаченко [15] пишет о необходимой доработке в криминалистических расследованиях в виду того, что рассматривая перспективу развития ИИ на благо гражданам, незамедлительно следует устранить теоретическую и практическую проблему через решение с применением криминалистического инструментария. Автор выделяет классификационный метод как фундаментальный в криминалистике для возможности наладить стратегическое решение мошенничества с использованием ИИ, применяя новые методы и методики.

Изучая труд М. В. Жижиной, следует отметить предложенные методики для улучшения криминалистических расследований:

- правила работы с отдельными источниками информации. В данной рекомендации стоит учитывать уровень пользования злоумышленников социальными сетями, сайтами или картами, что может помочь понять масштабность преступления с использованием ИИ;
- применение специализированного программного обеспечения (ПО). При использовании VPN, правоохранительным органам сложнее выявить местоположение преступника, поэтому при расследовании важно учитывать все детали, которые могут помочь выявить соучастников преступления при работе с группой мошенников: благодаря имени от почтового ящика, никнейму на форуме, удалось установить реальную личность Росса Ульбрихта — создателя первого крупного черного рынка в даркнете — «Шелкового пути» [11, С. 156–166].

В ходе детального изучения работы М. В. Жижиной выявлено, что для криминалистического расследования крайне важно получить своевременно нужную информацию с целью возбудить уголовное дело, ускорить процесс раскрытия мошенничества, получить доказательства и раскрыть мотив преступления с использованием ИИ. Автор обращает внимание на легализацию данных в рамках оперативного получения следствием, что происходит благодаря следующим фактам [11, С. 156–166]:

- 1) привлечение для проведения предварительного исследования специалиста, составляющего соответствующую справку;
- 2) нормативно предусмотренным оформлением.

Что касается алгоритма расследования мошенничества, то стоит отметить стадию возбуждения уголовного дела мошенничества с использованием ИИ, содержащую следующие неотъемлемые задачи:

- 1) провести оценку имеющейся информации и поступивших данных о совершении мошенничества с применением ИИ;
- 2) тщательно выверить заявления на ошибки заявителя, затребовать дополнительную информацию в случае недостаточных имеющихся фактов случившегося мошенничества;
- 3) определить версию и мотив преступления, составить ряд вопросов к заявителю, которые помогут в расследовании;
- 4) указать срок выполнения определенных задач с целью расследовать мошенничество или выделить ряд действий, которые подтолкнут к исполнителю мошенничества;
- 5) скорректировать план проведения расследования;
- 6) оформить процессуальное решение о возбуждении уголовного дела [6; 13, С. 151–156].

Подводя итоги теоретического исследования особенностей расследования мошенничества, совершенные с помощью искусственного интеллекта, стоит отметить уникальную возможность проанализировать отечественные и зарубежные труды, статьи УК РФ, благодаря которым были изучены: преимущества и отрицательные черты ИИ в криминальной деятельности, рост статистических данных киберпреступлений по отношению к

2019–2022 гг., уровень банковской защиты граждан от мошенников, а также процент выплат от незаконно изъятой суммы; алгоритм и классификация расследования мошенничества; были предложены перспективы улучшения методов расследования.

Библиография:

1. Бегишев, И. Р. Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники: анализ основных положений / И. Р. Бегишев // *Baikal Research Journal*. – 2020. – Т. 11, № 4. – С. 15. – DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(4).15. – EDN CJAZUW.
2. Жмуров, Д. В. Эра милосердия. Пути развития преступности / Д. В. Жмуров, А. А. Протасевич, А. С. Костромина // *Baikal Research Journal*. – 2019. – Т. 10, № 2. – С. 18. – DOI 10.17150/2411-6262.2019.10(2).18. – EDN BPRASG.
3. Бегишев, И. Р. Технология искусственного интеллекта: мировой опыт развития / И. Р. Бегишев // *Baikal Research Journal*. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 1. – DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(3).1. – EDN RWRYXO.
4. Щербаченко А. К. Концептуальные основы формирования базовой методики расследования мошенничеств, совершенных группой лиц / А. К. Щербаченко // *Известия ТулГУ. Экономические и юридические науки*. – 2019. – № 3. – С. 155–164.
5. Абдулмянова Т. В. Анализ состава преступления, предусмотренного статьи 159.6 УК РФ «Мошенничество в сфере компьютерной информации» Т. В. Абдулмянова // *Вестник РУК*. – 2021. – № 4 (46). – С. 114–119.
6. Аblaмейко С. В. Использование систем искусственного интеллекта при обеспечении общественной безопасности в «Умном городе»: Юридические аспекты / С. В. Аblaмейко, Н. В. Шапель, Р.П. Богущ // *Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки*. – 2021. – № 5. – С. 84–92.
7. Асанова И. П. Актуальные вопросы борьбы с масштабами роста кибермошенничества / И. П. Асанова // *Вестник РУК*. – 2021. – № 4 (46). – С. 120–123.
8. Багреева Е. Г. Искусственный интеллект как противодействие мошенничеству в банковской сфере / Е. Г. Багреева, Н. Э. Исмаилов, Л. М. Бобылева // *Евразийская адвокатура*. – 2022. – № 2 (57). – С. 90–95.
9. Бегишев И. Р. Преступления в сфере обращения цифровой информации / И. Р. Бегишев, И. И. Бикеев. – Казань : Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2020. – 300 с.
10. Даниленко, Ю. А. Проблемы расследования отдельных видов киберпреступлений, совершенных с использованием искусственного интеллекта / Ю. А. Даниленко // *Проблемы получения и использования доказательственной и криминалистически значимой информации : материалы Международной научно-практической конференции. – Мисхор (Большая Ялта) : ООО «Издательство Типография «Ариал», 2019. – С. 37–39.*
11. Жижина М. В. Возбуждение уголовного дела по факту преступления в сфере компьютерной информации: российский и зарубежный опыт / М. В. Жижина, Д. В. Завьялова // *Актуальные проблемы российского права*. – 2021. – Т. 16, № 12. – С. 156–166.
12. Кутейников Д. Л. Неприкосновенность частной жизни в условиях использования систем искусственного интеллекта для удаленной биометрической идентификации личности / Д. Л. Кутейников, О. А. Ижаев, В. А. Лебедев, С. С. Зенин // *Lex russica*. – 2022. – Т. 75, № 2. – С. 121–131.
13. Лебедев М. Д. Использование искусственного интеллекта в борьбе с преступностью и ее предупреждении / М. Д. Лебедев, С. А. Саввов // *Теория и практика современной юриспруденции : сборник статей Международной научно-практической конференции*. – Пенза : «Наука и Просвещение, 2020. – С. 151–156.
14. Мосечкин И. Н. Искусственный интеллект в уголовном праве: перспективы совершенствования охраны и регулирования : монография / И. Н. Мосечкин. – Киров : Вятский государственный университет, 2020. – 111 с.
15. Щербаченко А. К. Криминалистическая классификация мошенничеств, совершенных группой лиц, как основа формирования базовой методики их раскрытия и расследования / А. К. Щербаченко // *Вестник Восточно-Сибирского Института МВД России*. – 2019. – № 3 (90). – С. 155–163.
16. Rigano C. Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs // *NJ Journal* 280. January 2019. – Режим доступа: <https://www.nij.gov/journals/280/Pages/using-artificialintelligence-to-address-criminal-justice-needs.aspx> (дата обращения: 30.11.2023).
17. Patil S. Investigating crime a role of artificial intelligence in criminal justice / S. Patil, P. Gund, V. Sampatrao Phalke // *The Online Journal of Distance Education and e-Learning*. – 2023. – Vol. 11, issue 2. – Режим доступа: https://www.researchgate.net/publication/371416448_INVESTIGATING_CRIME_A_ROLE_OF_ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_IN_CRIMINAL_JUSTICE (дата обращения: 30.11.2023).
18. Инновационные технологии в криминалистике : материалы международной научно-практической конференции. — Караганда : Карагандинская академия МВД Республики Казахстан им. Б. Бейсенова, 2021. — 222 с.
19. Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В. С. Овчинского. – Москва : ИНФА-М, 2021. – 630 с.

References:

1. Begishev, I. R. The concept of the development of regulation of relations in the field of artificial intelligence and robotics technologies: an analysis of the main provisions / I. R. Begishev // *Baikal Research Journal*. – 2020. – Vol. 11, No. 4. – S. 15. – DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(4).15. – EDN CJAZUW.
2. Zhmurov, D. V. The Era of mercy. Ways of crime development / D. V. Zhmurov, A. A. Protasevich, A. S. Kostromina // *Baikal Research Journal*. – 2019. – Vol. 10, No. 2. – P. 18. – DOI 10.17150/2411-6262.2019.10(2).18. – EDN BPRASG.
3. Begishev, I. R. Artificial intelligence technology: world development experience / I. R. Begishev // *Baikal Research Journal*. – 2020. – Vol. 11, No. 3. – p. 1. – DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(3).1. – EDN RWRYXO.
4. Shcherbachenko A. K. Conceptual foundations for the formation of a basic methodology for investigating frauds committed by a group of persons / A. K. Shcherbachenko // *News of TuSU. Economic and legal sciences*. – 2019. – No. 3. – pp. 155-164.
5. Abdulmyanova T. V. Analysis of the corpus delicti provided for in Article 159.6 of the Criminal Code of the Russian Federation "Fraud in the field of computer information" T. V. Abdulmyanova // *Herald of HANDS*. – 2021. – № 4 (46). – Pp. 114-119.
6. Ablameyko S. V. The use of artificial intelligence systems in ensuring public safety in a smart city: Legal aspects / S. V. Ablameyko, N. V. Shakel, R.P. Bogush // *Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences*. - 2021. – No. 5. – pp. 84-92.
7. Asanova I. P. Topical issues of combating the scale of the growth of cyberbullying / I. P. Asanova // *Herald of HANDS*. – 2021. – № 4 (46). – Pp. 120-123.
8. Bagreeva E. G. Artificial intelligence as a counteraction to fraud in the banking sector / E. G. Bagreeva, N. E. Ismailov, L. M. Bobyleva // *Eurasian Advocacy*. – 2022. – № 2 (57). – Pp. 90-95.
9. Begishev I. R. Crimes in the sphere of digital information circulation / I. R. Begishev, I. I. Bikeev. – Kazan : Publishing house "Cognition" of Kazan Innovation University, 2020. – 300 p.
10. Danilenko, Yu. A. Problems of investigation of certain types of cybercrimes committed using artificial intelligence / Yu. A. Danilenko // *Problems of obtaining and using evidentiary and criminalistically significant information : proceedings of the International Scientific and Practical Conference. – Mishor (Greater Yalta) : Publishing House "Ariall Printing House", 2019. - p. 37-39.*
11. Zhizhina M. V. Initiation of a criminal case on the fact of a crime in the field of computer information: Russian and foreign experience / M. V. Zhizhina, D. V. Zavyalova // *Current problems of Russian law*. - 2021. – Vol. 16, No. 12. – pp. 156-166.
12. Kuteynikov D. L. Privacy in the conditions of using artificial intelligence systems for remote biometric identification / D. L. Kuteynikov, O. A. Izahev, V. A. Lebedev, S. S. Zenin // *Lex russica*. – 2022. – Vol. 75, No. 2. – pp. 121-131.
13. Lebedev M. D. The use of artificial intelligence in the fight against crime and its prevention / M. D. Lebedev, S. A. Savvov // *Theory and practice of modern jurisprudence : collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. – Penza : "Science and Education, 2020. – pp. 151-156.*
14. Mosechkin I. N. Artificial intelligence in criminal law: prospects for improving protection and regulation : monograph / I. N. Mosechkin. – Kirov : Vyatka State University, 2020. 111 p.
15. Shcherbachenko A. K. Criminalistic classification of frauds committed by a group of persons as the basis for the formation of a basic methodology for their disclosure and investigation / A. K. Shcherbachenko // *Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. – 2019. – № 3 (90). – Pp. 155-163.
16. Rigano C. Using Artificial Intelligence to Address Criminal Justice Needs // *NJ Journal* 280. January 2019. – Access mode: <https://www.nij.gov/journals/280/Pages/using-artificialintelligence-to-address-criminal-justice-needs.aspx> (date of application: 11/30/2023).
17. Patil S. Investigating crime a role of artificial intelligence in criminal justice / S. Patil, P. Gund, V. Sampatrao Phalke // *The Online Journal of Distance Education and e-Learning*. – 2023. – Vol. 11, issue 2. – Access mode: https://www.researchgate.net/publication/371416448_INVESTIGATING_CRIME_A_ROLE_OF_ARTIFICIAL_INTELLIGENCE_IN_CRIMINAL_JUSTICE (date of reference: 11/30/2023).
18. Innovative technologies in criminology : materials of the international scientific and practical conference. — Karaganda : Karaganda Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after B. Beisenov, 2021. — 222 p.
19. Operational investigative activities in the digital world: a collection of scientific papers / ed. by V. S. Ovchinsky. – Moscow : INFRA-M, 2021. – 630 p.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_360

УДК 343

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ Countering illegal migration

БЕССОНОВ Владимир Анатольевич,

доцент кафедры ОРД ОВД учебно-научного комплекса
противодействия экономическим и налоговым преступлениям НА МВД России,
кандидат юридических наук, доцент.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: kvadro-nn@yandex.ru;

АВЕРИН Игорь Юрьевич,

преподаватель кафедры ОРД ОВД учебно-научного комплекса
противодействия экономическим и налоговым преступлениям НА МВД России.
603022, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, 3.
E-mail: averin-igor-ord@mail.ru;

Bessonov Vladimir Anatolyevich,

Associate Professor of the Department of Investigative Activities
of the Educational and Scientific Complex for Combating Economic and Tax Crimes NA MIR.
603022, 3, Ankudinovskoe highway Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: kvadro-nn@yandex.ru;

Averin Igor Yurievich,

Teacher of the Department of Investigative Activities of the Educational and Scientific Complex
for Combating Economic and Tax Crimes NA MIR.
603022, 3, Ankudinovskoe highway Nizhny Novgorod city, Russia.
E-mail: averin-igor-ord@mail.ru

Краткая аннотация. В статье проанализирован ряд актуальных проблем, связанных с противодействием незаконной миграции в рамках взаимодействия между пограничными войсками и подразделениями МВД. Миграция оказывает влияние на все сферы общественной жизни, а нелегальная миграция подрывает безопасность общества и государства. В настоящее время исследуемая проблема привлекает все большее внимание со стороны институтов государственной власти. Все указанные нами моменты послужили причиной вновь поднять вопрос о проблемах противодействия незаконной миграции.

Abstract. The article analyzes a number of topical issues related to countering illegal migration within the framework of interaction between border troops and Interior Ministry units. Migration has an impact on all spheres of public life, and illegal migration undermines the security of society and the State. Currently, the problem under study is attracting increasing attention from public authorities. All the points we have mentioned have served as a reason to raise the issue of countering illegal migration again.

Ключевые слова: незаконная миграция, оперативно-розыскные мероприятия, оперативно-розыскная деятельность, взаимодействие, пограничные войска и подразделения МВД.

Key words: illegal migration, operational investigative measures, operational investigative activities, interaction, border troops and Interior Ministry units.

Для цитирования: Бессонов В.А., Аверин И.Ю. Противодействие незаконной миграции // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 360-362. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_360.

For citation: Bessonov V.A., Averin I.Yu. Countering illegal migration // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 360-362. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_360.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

В соответствии с юридическим подходом миграция представляет собой совокупность правоотношений, складывающихся в результате действия населения, деятельности органов власти по перемещению, переселению масс людей, связанному с пересечением государственных или административных границ и сменой места жительства или пребывания [1, С. 160]. Такие правоотношения урегулированы нормами права, что требует от субъектов миграционного процесса соблюдения определённых правил по пересечению границы между административными единицами, по постановке на учёт в миграционных органах, предоставлению документов соответствующим органам и т.д. Такой вид миграции именуется как легальный, т.е. законный.

Исторический аспект изучения миграции рассматривает перемещение людей из одного места в другое как в добровольной форме, так против их собственной воли: в результате работорговли и торговли людьми. На этих этапах развития общества суть понятия «миграция» выражали такие термины как, «заселение» или «освоение» [2, С. 273].

Последствия миграции для стран, которые принимают огромное количество мигрантов, в экономическом и социальном секторе могут быть непредсказуемыми. Миграция в международном масштабе является методом преодоления пробелов на рынке труда относительно развитых стран, такие пробелы исторически вызваны социальными и демографическими проблемами[3, С.98]

Миграция оказывает своё влияние на множество сфер общественной жизни, именно поэтому нелегальная миграция выступает фактором подрыва безопасности общества и государства: увеличивается контрабанда оружия, наркотических средств; распространяются экстремистские идеи, проходят волны провокационных митингов и массовых мероприятий; всё больше развивается сектор теневой экономики за счёт использования труда

нелегальных мигрантов и именно поэтому особое внимание следует уделять именно групповой, организованной незаконной миграции [4]. Именно она представляет большую общественную опасность и носит специальный, целевой характер преступной деятельности.

При несоблюдении или нарушении норм миграционного права миграционный процесс приобретает черты нелегальной, незаконной миграции. В настоящее время проблема незаконной миграции – это проблема не только России, но других государств. Сейчас эта проблема привлекает достаточно много внимания со стороны властей. В настоящее время эта проблема усугубляется как на национальном, так и на международном уровне. Она приобретает все новые формы и увеличивает масштабы.

Сегодня, в соответствии с Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, регулирование миграционных процессов, обеспечение правопорядка и законности, а также необходимого уровня безопасности – является приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов Российской Федерации [5].

В настоящее время в практике деятельности подразделений ОВД, пограничных органов (ФСБ), Росгвардии, таможенных органов встречается ряд наиболее часто используемых и новых путей незаконного пересечения государственной границы:

1. Отправка приглашений. Дело в том, что для пересечения границы на территорию Российской Федерации требуются достаточные основания, одним из которых является приглашение иностранным гражданам или лицам без гражданства. Приглашение может носить различный характер, однако наиболее распространено приглашение пройти курс лечения в медицинском учреждении или выезд для дальнейшего трудоустройства. Именно учредитель (руководитель) такого учреждения или фирмы является организатором незаконной миграции. Он устанавливает контакт с лицом, которое находится на территории страны пребывания, ищет её граждан и предлагает пересечь границу, чтобы попасть в Российскую Федерацию. Как правило, такие граждане плохо владеют русским языком, не проходят какой-либо подготовки для пограничного контроля, не могут указать фамилию, имя, отчество лица, которое отправило приглашение и даже адреса указанной фирмы. Именно поэтому пограничные органы уделяют особое внимание целям визита и задают наводящие вопросы. Порой возникают ситуации, когда внешний вид мигранта не совпадают с целями его визита. Например, он говорит, что получил приглашение от курортной организации и будет заниматься туристической деятельностью, однако в его чемодане оказываются лишь одежда, несвязанная с туризмом. Однако если таким мигрантом удаётся пересечь государственную границу, организатор и его пособник получают немалое вознаграждение за отправленное приглашение.

2. Пересечение границы вне пункта пропуска. Такой способ получил наиболее распространение на участке границы Российской Федерации с Республикой Беларусь. Это обусловлено тем, что пограничные заставы в этой местности расположены на достаточно большом расстоянии друг от друга, имеются неприкрытые участки государственной границы. Этим пользуются организаторы нелегальной миграции. Они арендуют небольшие автобусы или маршрутки, информируют иностранных граждан или лиц без гражданства, целью которых является въезд на территорию России, о месторасположении этого автобуса и дальнейшее следование движения после высадки из транспортного средства. Такой маршрут осуществляется лесистой местностью, что увеличивает риск успеха преступной деятельности.

3. Переделка установочных данных. У гражданина иностранного государства действует запрет на пребывание и въезд на территорию Российской Федерации, в результате чего он получает уведомление о данной мере наказания, расписывается в соответствующих документах и считается предупреждённым надлежащим образом. Однако в стране своей гражданственности он меняет установочные данные, например, фамилию, имя, отчество, прописку, семейное положение и т.д. Фотография паспорта остаётся прежней и не подвергается изменениям. Так, при попытке такого лица пересечь государственную границу, сотрудник пункта пропуска, проверив установочные данные, не видит запретов на въезд указанного гражданина, поскольку его установочных данных в базе нет. Данный способ незаконной миграции выявить, возможно, лишь в том случае, когда программа по базам данным выводит совпадение такого лица по фотографии или именованным данным, например, имя, отчество, фотография и иные данные остались без изменений, а фамилия другая. Фактически мигрант не отобразится в базе запрета на въезд, однако проанализировав совпадения, сотрудник пункта пропуска обязан подвергнуть лицо более тщательной проверке. Данный путь незаконной миграции с заменой именных компонентов в практической деятельности сотрудников пункта пропуска называется «перевёртыш».

Особую роль в предупреждении фактов незаконной миграции по факту перемещения через государственную границу имеют именно пограничные органы, а во взаимодействии с иными правоохранительными органами эффективность деятельности и уровень безопасности страны возрастают в разы.

Вопрос взаимодействия оперативных подразделений пограничного органа с органами внутренних дел (далее – ОВД) заслуживает отдельного внимания, что обусловлено миграционной политикой и пограничной безопасностью Российской Федерации, тесно взаимосвязанных между собой, поскольку благосостояние одного элемента зависит от благосостояния другого. Так, пограничная безопасность всецело влияет на реализацию основных направлений политики регулирования миграционных процессов.

Так, ранее, во исполнение Закона от 01.04.1993 №4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»[6] была утверждена Инструкция по взаимодействию органов и войск Федеральной пограничной службы Российской Федерации и органов внутренних дел Российской Федерации, внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации (в настоящий момент утратила силу). Инструкция определяла порядок организации взаимодействия по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка в приграничных районах и пунктах пропуска

через границу РФ.

На современном этапе органы Федеральной пограничной службы Российской Федерации и органы внутренних дел Российской Федерации осуществляют взаимодействие в следующих формах:

- обмен оперативно-розыскной информацией, представляющей взаимный интерес;
- совместный анализ криминогенной обстановки в приграничных районах и в районах пунктов пропуска через государственную границу;
- разработка и проведение совместных оперативно-розыскных мероприятий, направленных на своевременное выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, связанных с нарушением режима государственной границы;
- пресечение незаконного перемещения через государственную границу транспортных средств, валюты, товаров и продукции, поддельных денежных знаков, ценных бумаг, предметов и ценностей, добытых преступным путем;
- осуществление согласованных оперативно-розыскных мероприятий при проведении пограничных поисков и операций;
- оказание взаимной помощи при проверке оперативной информации, легализации и реализации материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности;
- совместная разработка и проведение профилактических мероприятий, направленных на поддержание общественного порядка в приграничных районах и в районах пунктов пропуска через государственную границу.

Оперативные подразделения МВД России проводят некоторые оперативно-розыскные мероприятия (далее - ОРМ) для выявления незаконных мигрантов:

1. Наблюдение:

- скрытое наблюдение за лицами, подозреваемыми в незаконной миграции;
- слежение за подозрительными объектами, связанными с перемещением мигрантов.

2. Опрос граждан:

- опрос возможных очевидцев фактов незаконной миграции;
- получение информации от лиц, оказывающих содействие в различных формах.

3. Отождествление личности:

- установление личности подозреваемых в нарушении миграционного законодательства;
- изучение документов, проверка данных в информационных базах, банках данных.

4. Проверочная закупка:

- приобретение услуг или документов у подозреваемых в незаконной деятельности связанной с вопросами организации миграционных процессов.

Вышеуказанные ОРМ позволяют оперативным подразделениям ОВД собирать доказательную базу, выявлять каналы и схемы незаконной миграции, а также устанавливать личности нарушителей миграционного законодательства.

Таким образом, современное взаимодействие пограничных органов с подразделениями МВД России в сфере миграции очень важно для обеспечения безопасности и контроля за перемещением людей через границу. Пограничные органы отвечают за пограничный контроль, включая проверку документов и предотвращение незаконного пересечения границы. МВД России отвечает за регистрацию и контроль миграционного статуса и принятие оперативных мер по выявлению и задержанию нелегальных мигрантов.

Библиография:

1. Куракин А.В., Акимова С.А. Деятельность органов государственной власти по предупреждению незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. - 2016. - № 4. - С. 160-163.
2. Маклакова Е.А. Межстрановая трудовая миграция // Царскосельские чтения. - 2015. - № 1. - С. 273.
3. Брылева А.С. Понятие миграции населения: доктринальный и законодательный аспект // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. - 2021. - Том 9-2(60). - С. 98.
4. Асмандиярова Н.Р., Улимаев Р.Ю. Последствия незаконной миграции и пути их преодоления // Проблемы экономики и юридической практики. - 2021. - №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/10-1-posledstviya-nezakonnoy-migratsii-i-puti-ih-preodoleniya> (дата обращения: 28.05.2024).
5. Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 (ред. от 12.05.2023) «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 - 2025 годы» // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2024).
6. Закон РФ от 01.04.1993 № 4730-1 (ред. от 06.04.2024) «О Государственной границе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 17.06.2024) // Справочно-поисковая система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.06.2024).

References:

1. Kurakin A.V., Akimova S.A. Activities of state authorities to prevent illegal migration // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2016. - No. 4. - pp. 160-163.
2. Maklakova E.A. Inter-country labor migration // Tsarskoye Selo readings. - 2015. - No. 1. - p. 273.
3. Bryleva A.S. The concept of population migration: a doctrinal and legislative aspect // International Journal of Humanities and Natural Sciences. - 2021. - Volume 9-2(60). - p. 98.
4. Asmandiyarova N.R., Ulmaev R.Y. The consequences of illegal migration and ways to overcome them // Problems of economics and legal practice. - 2021. - No.1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/10-1-posledstviya-nezakonnoy-migratsii-i-puti-ih-preodoleniya> (date of application: 05/28/2024).
5. Decree of the President of the Russian Federation dated 10/31/2018 No. 622 (ed. dated 05/12/2023) "On the Concept of the State Migration Policy of the Russian Federation for 2019-2025" // ConsultantPlus Reference and search system (date of application: 06/17/2024).
6. The Law of the Russian Federation dated 04/01/1993 No. 4730-1 (as amended on 04/06/2024) "On the State Border of the Russian Federation" (with amendments and additions, intro. effective from 06/17/2024) // ConsultantPlus search engine (date of application: 06/17/2024).

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ, СОВЕРШАЕМЫХ В СЕМЬЕ

CRIMINOLOGICAL FEATURES VIOLENT ASSAULTS COMMITTED IN THE FAMILY

ЕФИМОВА Мария Прометеевна,

старший преподаватель кафедры уголовного права и процесса
Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова.
677013, Россия, Республика Саха (Якутия), г.Якутск, ул. Кулаковского, 42.
E-mail: prometeevna@mail.ru;

EFIMOVA Maria Prometeevna,

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Procedure
North-Eastern Federal University named after M.K.Ammosov.
677013, Republic of Sakha (Yakutia), Yakutsk, Kulakovsky str., 42.
E-mail: prometeevna@mail.ru

Краткая аннотация: Современное состояние насилия в сфере семейных отношений позволяет определить существование глобальной социально-правовой проблемы, которая накладывает негативный отпечаток на всю дальнейшую жизнь подрастающего поколения, что в конечном итоге косвенно приводит к напряженности и эскалации насилия в обществе. В таких условиях семья должна выступать ярким индикатором эффективности государственной политики.

Abstract: The current state of violence in the sphere of family relations makes it possible to determine the existence of a global socio-legal problem that leaves a negative imprint on the rest of the life of the younger generation, which ultimately indirectly leads to tension and escalation of violence in society. In such circumstances, the family should act as a clear indicator of the effectiveness of public policy.

Ключевые слова: насилие, семья, жертва, причина, конфликт.

Keywords: violence, family, victim, cause, conflict.

Для цитирования: Ефимова М.П. Криминологические особенности насильственных посягательств, совершаемых в семье // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 363-365. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_363.

For citation: Efimova M.P. Criminological features of violent assaults committed in the family // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 363-365. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_363.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Выделение проблемы семейного насилия в самостоятельную область криминологического исследования свидетельствует о ее высокой актуальности. Взаимосвязь преступности и кризиса института семьи прослеживается в механизме противоправного поведения личности. Глобальные изменения в политической, военной, экономической, социальной и других сферах деятельности российского государства, произошедшие в начале 2022 г., неизбежно отразились не только на социально-экономическом, но и на духовно-нравственном состоянии общества, что будет напрямую коррелировать с динамикой преступности. Так, в 2022 г. количество насильственных преступлений в отношении члена семьи составляло 28 819, в 2021 – 32 538, а в 2020 – 32 557. Таким образом, можно утверждать, что значительного устойчивого снижения противоправных деяний в сфере семейных отношений пока не наблюдается.

В официальной уголовной статистике отсутствие единой системы формирования массива внутрисемейных преступлений обуславливает получение основных сведений о семейном насилии из выборочного анализа уголовных дел, оперативных сводок, официальных данных о преступлениях, совершенных на бытовой почве, отчетов о профилактической работе [1, с. 303]. Изучение судебной практики по 240 материалам уголовных дел и 75 приговорам, вынесенных различными судами субъектов РФ за период 2010-2024 гг., позволило выделить следующие особенности.

Среди качественных показателей особое место занимает структура преступности. В этой связи на основе исследованной судебной практики обратимся к показателям, характеризующим качественные признаки исследуемой группы преступлений:

- 69,6 % случаев насильственных преступных посягательств совершались лицами мужского пола и в 30,4 % случаев женщинами;
- 83 % преступных посягательств совершены по месту жительства виновного и жертвы;
- 62,5 % случаев преступных посягательств совершены преимущественно в временной период с 19.30 до 05.00;
- подавляющее большинство преступных посягательств совершены с применением предметов, используемых в качестве оружия: в 59,8 % – кухонный нож; 6,1 % – прочие предметы (черенок от швабры, шило, ножницы, бутылка, бытовые инструменты, ремень и др.); 4,5 %; – складной/туристический нож; 3,9 % – нож кустарного производства; 1,6 % – огнестрельное оружие (длинноствольное гладкоствольное ружье); 1,1 % – сувенирный нож; неустановленные предметы – 1 %. На долю безоружных деяний приходится 22 % преступных посягательства. Следует вывод, что при совершении насилия виновные чаще используют кухонный нож;
- подавляющему большинству преступлений характерно нахождение в состоянии алкогольного опьянения: 68,1 % – виновного и потерпевшего; 19,1 % – только виновного; 4,1 % – потерпевшего. На долю «трезвых» преступлений приходится 8,7 %;
- на долю виновных мужчин приходится 10,9 % – ранее судимых, из них 59,1 % – за преступления против жизни и здоровья; 6,9 % – с погашенной судимостью. На долю виновных женщин приходится 9,5 % – ранее судимых, из них 37,9 % – за преступления против жизни и здоровья; 2,4 % – с погашенной судимостью.

Н.А. Корсикова отмечает, что рецидивная преступность несет в себе повышенную общественную опасность и является одним из наиболее

общественно-опасных видов преступлений. Это связано с тем, что механизм совершения преступлений лицами, которые были ранее судимы, обусловлен антиобщественной установкой [2, с.148, 3, с.44-47].

Среди мотивов преступлений можно выделить: 48,4 % – конфликт/ссора; 34,1 % – противоправное/аморальное поведение потерпевшего; 8,9 % – длительные неприязненные отношения (в том числе вызванные имущественными спорами); 8,6 % – ревность, месть.

Оценка состояния, динамики и тенденций преступности неразрывно связана с криминологическим исследованием личности преступника как в целом, так и отдельных её видов. Исследуя преступность как негативное социальное явление, без сомнения, необходимо проводить анализ личности преступника и его социально-демографических, нравственно-психологических, правовых и других характеристик, что способствовало бы выявлению причин криминализации лица и, как следствие, совершения преступления [4, с.52].

Как отмечает Д.А. Шестаков, криминогенная и виктимогенная личность относятся к факторам воспроизводства преступности [5, с.349]. Таким образом, можно утверждать, что личность выступает центральным элементом механизма преступного поведения.

Рассмотрим некоторые особенности личности виновного в совершении насильственного преступного посягательства в сфере семейных отношений.

Пол агрессора семейного насилия. Соотношение мужчин и женщин, виновных в преступном посягательстве, составило 69,6 % на 30,4 % соответственно. Доля мужчин значительно выше, что подтверждается исследованиями и других ученых [1, с.375; 6, с.121]. Характерной особенностью обоих полов выступает совершение умышленного причинения вреда здоровью различной степени тяжести.

Возраст агрессора семейного насилия. Средний возраст – 39 лет, наиболее криминально активная возрастная группа 31-46 лет. Отметим, что женщины-агрессоры значительно старше мужчин-агрессоров (на 6-7 лет). За ними в порядке убывания следуют лица в возрасте 18-30 лет, лица старше 47 лет; несовершеннолетний виновный фигурировал лишь в одном уголовном деле. Подавляющее большинство женщин в нашем исследовании имели положительные характеристики.

Уровень образования агрессора семейного насилия. Образование, несомненно, способно оказывать влияние на уровень культуры человека, криминологи отмечали, что совершение насилия характерно для лиц, имеющих низкий интеллектуальный уровень. Известно, что низкое интеллектуальное развитие личности и пробелы ее культурного формирования детерминируют мотивацию для криминального насилия [7, с.253].

Анализ материалов судебной практики показал, что в социально-демографической структуре преступников высока доля лиц со средним специальным образованием – 64,1 %; незаконченное высшее и высшее – 11,6 %; среднее общее – 15,2 %; основное общее образование – 9,1 %.

Род занятий агрессора семейного насилия. Насильственные преступные посягательства в семье чаще совершали лица без постоянного источника дохода, которым свойственно часто менять место работы, – 62,1 %. Остальные категории расположились следующим образом: наемные работники – 29,5 %; предприниматели – 2,5 %; домохозяйки – 2,5 %; пенсионеры – 2,1 %; студенты – 1,3 %.

Определяя личностные характеристики агрессора семейного насилия, можно выделить следующие типы:

- 1) Ситуационный тип. Такое лицо впервые совершило преступление вследствие неблагоприятно сложившейся ситуации. Мотивом преступления явилось противоправное и аморальное поведение потерпевшего лица. Нередко такое лицо находилось в состоянии алкогольного опьянения.
- 2) Неустойчивый тип. Этот тип впервые совершил преступление, для него характерно злоупотребление алкогольными напитками, ранее допускал совершение административных правонарушений.
- 3) Агрессивно-насильственный тип. Для такого лица характерно применение насилия, как правило ранее судим за совершение насильственного преступления, по месту жительства характеризуется отрицательно, злоупотребляет алкогольными напитками, нередко состоит на профилактическом учете.

Анализ социально-демографических данных, характеризующих агрессора семейного насилия, позволяет нам сделать вывод, что для него характерно следующее: пол – мужской; средний возраст – 39 лет; состоит в браке/сожительство; образование – среднее полное общее/среднее профессиональное; временно безработный или наемный работник; часто употребляющий алкогольные напитки.

Личностные компоненты виктимности жертвы преступления обусловлены его индивидуальными особенностями, социально-психологическими, моральными, ролевыми и др. Роль жертвы в индивидуальном преступном поведении различна, она колеблется от прямого противодействия преступлению до провокации преступных действия [8, с.82].

Рассмотрим *виктимологические особенности жертвы в семейном насилии*:

1. Виктимологическая предрасположенность, исходя из ролевых отношений агрессора и жертвы.

Анализ судебной практики показал, что наиболее часто жертвами семейного насилия выступали супруги/сожители – 68,1 %.

Анализ личности жертв по половому признаку с целью виктимологической оценки данной группы преступлений показал, что у женского пола риск стать жертвой внутрисемейных насильственных посягательств выше, чем у мужского пола. Женщины-потерпевшие по отношению к агрессору являлись: супруга/сожительница, в т.ч. бывшая – 92 %; мать – 2,9 %; дочь, в т.ч. приемная, – 2,2 %; сестра – 2,1 %; другая родственница – 2 %.

Женщины-агрессоры чаще совершали насильственные посягательства в отношении своих супругов/сожителей. Мужчины-потерпевшие по отношению к женщине-агрессору являлись: муж/сожитель, в т.ч. бывший, – 87,1 %; брат – 5,1 %; родственник – 5 %; отец/отчим – 4,1 %; сын – 1,2 %. Низкая культура взаимоотношений брачных партнеров повышает внутрисемейную конфликтность. Агрессор, пользуясь слабостью оппонента, подавляет его [9, с.129].

2. Для жертвы семейного насилия характерно ее нахождение в состоянии алкогольного опьянения.
3. Специфика взаимоотношений жертвы и агрессора семейного насилия свидетельствует о наличии длительных конфликтных отношений.
4. Подавляющее большинство фактов семейного насилия совершено по месту жительства жертвы и виновного – 83 %; реже двор/подъезд – 6 %; гараж/приворотные постройки – 6 %; на улице – 3 %; чужой дом – 2 %.

5. Социально-демографическая характеристика жертв семейного насилия. Средний возраст от 30 до 50 лет. Род занятий – наемный работник. Образование – среднее профессиональное. Наличие 1-3 детей.

6. Определяя виктимность жертв семейного насилия, следует выделить следующие типы:

А) провоцирующая жертва – жертва, отличающаяся противоправным, аморальным, провокационным поведением. Ее поведение может принять агрессивный характер, такая жертва зачастую нарушает нормы морали и права. Такими жертвами чаще всего становятся женщины, их поведение выразилось в частых нападениях на агрессора, оскорблениях, унижениях, нередко сопровождалось применением физического насилия.

Б) Беспомощная жертва – жертва, которая в силу своих психофизических качеств не может оказать сопротивление агрессору. Как правило, это жертвы более старшего возраста, инвалиды и другие лица, находящиеся на иждивении у агрессора. Анализ материалов судебной практики свидетельствует о длительном замалчивании жертвой противоправного поведения агрессора, страх вынуждает такую жертву продолжать вести совместную жизнь с агрессором.

В) Пассивно-терпящая жертва – дефензивная жертва, склонная занимать избегающую позицию, инертная, робкая. Такая жертва вынуждена на протяжении длительного времени пассивно-терпеливо относиться к различным жизненным ситуациям. Как правило, это жертвы женского пола, испытывающие эмоциональную привязанность к своему агрессору; страх потерять любимого человека, отсутствие своего жилища, средств к существованию вынуждает такую жертву занимать пассивно-оборонительную позицию даже в случае агрессивного-насильственного поведения виновного лица.

Г) Ситуативная жертва – жертва, которая стала таковой в силу определенной ситуации.

Таким образом, следует выделить следующие особенности, характеризующие виктимологические особенности жертвы: жертвой, как правило, становится супруг/сожитель агрессора; в момент совершения преступного посягательства жертва находилась в состоянии алкогольного опьянения; преступление совершено в момент возникшего межличностного конфликта.

Предупреждение общественно опасного поведения в сфере семейных отношений невозможно представить без государственной поддержки института семьи, которая должна быть направлена, прежде всего, на улучшение качества жизни семьи. На этом основании следует разработать взаимосвязанный комплекс социальных, экономических, правовых, культурных мер, минимизирующих проявления антиобщественного настроения, насильственного поведения в семье и обществе, социального недовольства проводимой государственной политикой. Требуется усовершенствования система мер по предупреждению насильственных посягательств в сфере семейных отношений: меры социально-экономического и правового характера; нравственно-психологические меры. Необходимо укреплять авторитет семейственности, материнства, отцовства, традиционных российских семейных ценностей. Культивировать ненасильственное разрешение конфликтов.

Политику противодействия семейному насилию необходимо рассматривать как совместную деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и отдельных граждан, которая должна быть направлена, во-первых, на выявление и устранение детерминант семейного насилия; во-вторых на предупреждение криминогенных факторов, отрицательно влияющих на сферу семейных отношений; в-третьих, на оказание комплексной помощи жертвам семейного насилия.

Библиография:

1. Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование. Дис. ... докт. юрид. наук. СПб, 2018. - С.303.
2. Корсикова Н.А. Особенности криминологического и пенитенциарного рецидива // Закон. Право. Государство. 2024. №1 (41). - С. 148.
3. Корсикова Н.А. Постпенитенциарная рецидивная преступность: содержание понятия, нормативное правовое определение // Закон. Право. Государство. 2023. №4 (40). - С.44-47.
4. Стебенева Е.В. Криминологическое учение о личности преступника // Основы криминологии: учебное пособие / под общ. ред. М. А. Яковлевой, В. Б. Клишкова. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. - С.52.
5. Шестаков Д.А. Теория преступности и основы отраслевой криминологии: Избранное. — СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. - С.349.
6. Меликов Ф.А. Уголовно-правовые и криминологические меры противодействия насилию в семье: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 – М.: 2017. - С.121.
7. Сагайдак А.Ю. Криминология насильственной преступности // Криминология. Общая и Особенная части. Под общ. ред. Н. А. Корсиковой, В. В. Пасынкова. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. - С.253.
8. Кропачев Н.М. Виктимологический аспект конкретного преступления // Криминология: учебное пособие. — СПб.: Питер, 2016. - С.82.
9. Харламов В.С. Роль жертвы в механизме преступного поведения // Криминология. Общая и Особенная части: учебник / В. Б. Клишков [и др.]; под общ. ред. Н. А. Корсиковой, В. В. Пасынкова. — Санкт-Петербург: Изд-во СПб ун-та МВД России, 2022. - С. 129.

References:

1. Kharlamov V.S. Theory and practice of countering criminal violence in the family (systemic criminological and criminal law research. Dis. ... doct. Jurid. sciences'. St. Petersburg, 2018. - p.303.
2. Korsikova N.A. Features of criminological and penitentiary recidivism // Law. Right. State. 2024. No. 1 (41). - P. 148.
3. Korsikova N.A. Post-penitentiary recidivism: the content of the concept, normative legal definition // Law. Right. State. 2023. No.4 (40). - pp.44-47.
4. Stebeneva E.V. Criminological doctrine of the criminal's personality // Fundamentals of criminology: a textbook / edited by M. A. Yakovleva, V. B. Klishkova. — St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - p.52.
5. Shestakov D.A. Crime theory and fundamentals of branch criminology: Selected. — St. Petersburg: Publishing house "Law Center", 2015. - p.349.
6. Melikov F.A. Criminal law and criminological measures to counteract domestic violence: dis. ...cand. Jurid. sciences': 12.00.08 – Moscow: 2017. - p.121.
7. Sagaidak A.Y. Criminology of violent crime // Criminology. General and Special parts. Under the general editorship of N. A. Korsikova, V. V. Pasinkova. — St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - p.253.
8. Kropachev N.M. Victimological aspect of a specific crime // Criminology: textbook. – St. Petersburg: Peter, 2016. - p.82.
9. Kharlamov V.S. The role of the victim in the mechanism of criminal behavior // Criminology. General and Special parts: textbook / V. B. Klishkov [et al.]; under the general editorship of N. A. Korsikova, V. V. Pasinkova. — St. Petersburg: Publishing House of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022. - p. 129.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ ЖЕНЩИН, ОТБЫВАЮЩИХ ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF CONVICTED WOMEN SERVING IMPRISONMENT

МАРЧЕНКО Александр Васильевич,

кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
Лощманская ул., 3, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия.

E-mail: vitya-shen@mail.ru;

МАРЧЕНКО Валентина Викторовна,

старший преподаватель кафедры уголовного и административного права Санкт-Петербургского государственного морского технического университета (СПбГМТУ).
Лощманская ул., 3, г. Санкт-Петербург, 190121, Россия.

E-mail: vitya-shen@mail.ru;

Marchenko Alexander Vasilyevich,

Head of the Department of criminal and administrative law, professor
Saint-Petersburg State Marine Technical University (SMTU).
3 Lotsmanskaya St., St. Petersburg, 190121, Russia.

E-mail: vitya-shen@mail.ru;

Marchenko Valentina Viktorovna,

Senior Lecturer Department of criminal and administrative law
Saint-Petersburg State Marine Technical University (SMTU).
3 Lotsmanskaya St., St. Petersburg, 190121, Russia.

E-mail: vitya-shen@mail.ru

Краткая аннотация: В статье 4 УК РФ закреплён принцип равенства граждан нашего государства перед законом. Вместе с тем законодатель ставит женщин в более привилегированные условия, по сравнению с мужчинами. В отношении женщин более ярко выражен принцип гуманизма, который нашёл отражение в нескольких уголовно-правовых институтах. Здесь можно отметить в неприменении или ограничении применения большинства уголовных наказаний, освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания, условное осуждение для беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей. В статье анализируются основные проблемы назначения, исполнения наказания в виде лишения свободы в отношении осуждённых женщин и раскрываются особенности правового положения данной категории осуждённых.

Abstract: Article 4 of the Criminal Code of the Russian Federation enshrines the principle of equality of citizens of our state before the law. At the same time, the legislator places women in more privileged conditions than men. In relation to women, the principle of humanism is more pronounced, which is reflected in several criminal law institutions. Here it can be noted in the non-application or restriction of the application of most criminal penalties, exemption from criminal liability and criminal punishment, probation for pregnant women and women with young children. The article analyzes the main problems of the appointment and execution of imprisonment in relation to convicted women and reveals the peculiarities of the legal status of this category of convicts.

Ключевые слова: исполнение наказания, лишение свободы, правовое положение, осуждённые женщины, беременные женщины, женщины имеющие детей, исправительная колония общего режима.

Key words: convicted women, pregnant women, women with children, correctional colony of general regime.

Для цитирования: Марченко А.В., Марченко В.В. Особенности правового положения осуждённых женщин, отбывающих лишение свободы // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 366-368. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_366.

For citation: Marchenko A.V., Marchenko V.V. Features of the legal status of convicted women serving imprisonment // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 366-368. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_366.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Конституция РФ (ч. 3 ст. 19) определяет, что «мужчина и женщина имеют равные права, свободы и равные возможности для их реализации»¹, однако наше законодательство идет по пути гуманизации уголовной ответственности женщин, как при назначении уголовного наказания, так и при организации отбывания наказания. Действующий УК РФ предусматривает ряд существенных привилегий для женщин, которые заключаются в неприменении или ограничении применения большинства уголовных наказаний. Так, к женщинам не применяются такие наказания, как смертная казнь² и пожизненное лишение свободы. К беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, не применяются обязательные, исправительные и принудительные работы, а к беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до четырнадцати лет арест.

Единственным основным видом наказания для женщин является лишение свободы (далее – ЛС) на определенный срок, при назначении и отбытии которого нет привилегий, но есть возможность применения отсрочки отбывания наказания к беременным женщинам и женщинам, имеющим детей в возрасте до 14 лет, за исключением случаев совершения женщиной тяжких и особо тяжких преступлений против личности³.

При определении вида исправительного учреждения (далее – ИУ) для отбывания ЛС отмечается гендерное различие осуждённых, а именно мужчины могут отбывать ЛС в исправительных колониях (далее – ИК) с любым режимом – общим, строгим и особым, а женщины – лишь в ИК об-

¹ Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.

² Новошконов, Д. В. Комиссии субъектов Российской Федерации в уголовно-правовой политике по вопросам помилования / Д. В. Новошконов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Криминологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 58-63. – DOI 10.24412/2687-0185-2021-3-58-63. – EDN AZMNNY.

³ Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

щего режима и колониях-поселениях.

За последние несколько лет законодателями были разработаны, приняты и внедрены такие законодательные акты, которые направлены на гуманизацию отечественного законодательства, включая решение таких проблем, которые связаны с соблюдением прав и улучшением текущих условий отбывания осужденными женщинами ЛС.

В рамках статьи, авторы акцентируют внимание на некоторые отличительные особенности правового положения женщин, отбывающих ЛС.

Стоит начать с того, что норма жилой площади в расчете на одну осужденную, отбывающую ЛС в колониях, предназначенных для отбывания наказания женщинами, не может быть менее трех квадратных метров, а у мужчин два квадратных метра. В отличие от мужчин отбывающих ЛС для женщин законодательством предусмотрено право на получение не ограниченного количества посылок, передач и бандеролей, при этом стандартные требования к весу посылок, передач и бандеролей остаются неизменными. Также в сравнении с осужденными мужчинами можно отметить увеличение до трех раз в неделю, право женщин отбывающих ЛС, на принятие душа, а беременным и женщинам с ребенком, предусмотрено ежедневное принятие душа.

Согласно ст. 115 УИК РФ возможен в качестве меры взыскания перевод осужденных мужчин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, содержащихся в ИК общего и строгого режимов, в помещения камерного типа, а в ИК особого режима – в одиночные камеры на срок до 6 месяцев; перевод осужденных женщин, являющихся злостными нарушителями установленного порядка отбывания наказания, в помещения камерного типа срок снижен до 3 месяцев.

В ст. 73 УИК РФ закреплен принцип отбывания наказания осужденными к ЛС по месту их осуждения либо проживания. Данная норма положительно сказывается на постпенитенциарной социальной адаптации осужденной, так как это позволяет сохранить право женщин на семейные и родственные связи. Однако вышеупомянутая статья, позволяет реализовать не всем женщинам свои права на краткосрочные и длительные свидания с родственниками и иными лицами в полной мере. В связи с тем, что во многих регионах отсутствуют, женские колонии данный принцип не полностью реализуется, что вызывают определенные трудности в поддержке родственниками и близкими социальных контактов с осужденными женщинами. Вместе с тем женщине имеющей ребенка в возрасте до четырнадцати лет, телефонный разговор со своими малолетними детьми предоставляется в первоочередном порядке с момента подачи письменного заявления о предоставлении телефонного разговора.

При исследовании правового положения осужденных женщин можно отметить, что уголовно-исполнительное законодательство предусматривает статьи, которые регулируют правовое положение женщин отбывающих ЛС, однако, в первую очередь, они направлены на обеспечение возможности выполнять свои родительские обязанности¹.

Авторами отмечается, в случае если женщина отбывает ЛС, она не лишается своих родительских прав в отношении ребенка, проживающего отдельно от нее. Такие матери имеют полное право на общение со своими детьми, на участие в их воспитании.

При этом они могут осуществлять родительские права лишь в тех формах, которые определяются условиями отбывания: это свидания со своими детьми; осуществление воспитательного воздействия посредством переписки, телефонных переговоров; выезды осужденных за пределы ИК; на получение информации о ребенке из образовательных, медицинских организаций, организаций социального обслуживания и аналогичных им².

Для сохранения и укрепление связи матери и ребенка, сохранения семьи законодателем установлены, некоторым категориям женщин, дополнительные свидания и выезды за пределы ИК. Здесь можно отметить право женщины имеющей ребенка в возрасте до 14 лет на дополнительные длительные свидания с ребенком в выходные и праздничные дни с проживанием за пределами ИК, но в пределах муниципального образования. Так же этим женщинам могут быть разрешены два выезда в год для свидания с ребенком на срок до 10 суток каждое. Женщинам имеющие несовершеннолетнего ребенка-инвалида, могут быть разрешены четыре выезда в год для свидания с ребенком продолжительностью до 15 суток каждое.

Отдельно следует подчеркнуть, что законодательством нашего государства установлены и закреплены определенные особенности правового положения беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей отбывающих ЛС.

Перемещения данной категории осужденных из одного места отбывания наказания в другое допускается на основании заключения, сформированного врачом, а при необходимости и при непосредственном сопровождении работников здравоохранения.

В ст. 107 УИК РФ определено, что на лицевой счет беременных женщин, женщин, имеющих детей в домах ребенка ИУ зачисляется независимо от всех удержаний не менее 50 % начисленных им заработной платы, пенсии или иных доходов. Однако в отличие от других осужденных, рассматриваемой категории осужденных, без ограничения установлено право, приобретать продукты питания и предметы первой необходимости за счет средств, имеющих на их лицевых счетах.

Для осужденных беременных женщин, кормящих матерей установлены повышенные нормы питания. Кроме того, эти женщины на период освобождения от работы, освобождаются от обязанности возмещать стоимость питания. Помимо этого данная категория осужденных имеет право на социальную поддержку, в том числе на выплату пособия по беременности и родам. Данное пособие выплачиваются независимо от исполнения женщинами трудовых обязанностей и иных обстоятельств. Во время беременности и в послеродовой период женщинам оказывается специализирован-

¹ Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQQH.

² Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : специальность 13.00.01 "Общая педагогика, история педагогики и образования" : дисс. на соиск. ... кандидата педагогических наук / Виниченко Л.А. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.

ная медицинская помощь. При рассмотрении правового положения и особых условия отбывания ЛС женщин, имеющим малолетних детей в первую очередь можно отметить, увеличение возраста ребенка, который может находиться одновременно с матерью в домах ребёнка ИК. Начиная с 11.12.2023 г., законодатель увеличил данное возрастное ограничение с трех до четырех лет. Авторы считают, что данная поправка мотивирует женщин, отбывающих ЛС, на выполнение своих обязанностей по воспитанию собственного несовершеннолетнего ребенка, укрепление связи матери и ребенка, а помимо этого предоставляет возможность формировать ее должное и послушное поведение в ИК и их ресоциализации.

Кроме того законодателем закреплено, что администрация ИУ может продлить время пребывания ребенка, которому исполнилось четыре года, в доме ребенка до дня окончания срока отбывания наказания матери, если до окончания срока отбывания наказания ей осталось не более года, данная норма дает дополнительную возможность женщинам на общение со своими детьми.

В домах ребенка ИК обеспечиваются условия, необходимые для нормального проживания и развития детей. Осужденные женщины наделяются правом общения с детьми в свободное от работы время, на это время им разрешается переодеваться в гражданскую одежду при наличии на ней нагрудного знака. Такое послабление связано с психологическим восприятием образа матери ребёнком.

Справедливо отметить положения ст. 100 УИК РФ, согласно которым в ИК, в которых отбывают ЛС женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка. Однако вопрос организации таких домов ребенка при ИК является достаточно проблемным. Согласно статистическим данным ФСИН, на 1 марта 2022 года в России при женских колониях функционирует только 13 домов ребенка, в которых проживает 337 детей¹.

Небольшое количество функционирующих домов ребенка определяет, еще одну проблему, эти женщины направляются в ИК, где есть дом ребенка, обычно находящийся не в пределах территории субъекта, в котором она проживала или была осуждена. Данная проблема нередко приводит к разрушению положительных социальных связей осужденных женщин. При этом создание специализированных детских отделений при каждой женской колонии позволило бы решить данную проблему. Между тем женщина может давать согласие на передачу своего ребенка родственникам или иным лицам, в связи, с чем они наделяются правом дополнительного выезда за пределы ИУ для устройства ребенка у родственников либо в детском доме.

Так же можно отметить, что в отношении осужденных женщин, имеющих детей в доме ребенка ИУ, и женщин освобожденных от работы по беременности и родам не может, быть применена мера взыскания в качестве водворение в штрафной изолятор, перевода в помещения камерного типа и единые помещения камерного типа.

Однако при рассмотрении правового положения женщин имеющих детей в домах ребенка нельзя не отметить отсутствие законодательно закреплённых обязанностей осуждённых женщин по отношению к своему ребенку, находящемуся в местах ЛС.

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что женщины, отбывающие ЛС, имеют специальный правовой статус, характеризующийся специфическими правами и обязанностями в отличии от других категорий осужденных.

В то же время справедливо будет отметить, что вопросам реализации правового статуса женщин отбывающих ЛС, со стороны государства уделяется особое внимание. Послабления, принятые законодателем в порядке назначения и исполнения ЛС в отношении женщин в первую очередь направлены на обеспечение защиты прав и интересов детей и на обеспечение возможности выполнять осужденными женщинами своих родительских обязанностей. Вместе с тем, для повышения гарантий соблюдения прав, свобод и законных интересов и более детального регламентирования правового статуса и социальной адаптации в постпенитенциарный период осужденных женщин отбывающих ЛС необходимо постоянное совершенствование законодательства в отношении данной категории осужденных.

Библиография:

1. Виниченко, Л. А. Формирование социально-адаптированной личности воспитанника детского дома в процессе взаимодействия с учреждениями социума : диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук / Виниченко Людмила Александровна. – Белгород, 2009. – 231 с. – EDN QEIOBL.
2. Григонис, В. П. Конституционные поправки, принятые в 2020 году, как фактор, повышающий безопасность государства / В. П. Григонис, Н. Ю. Немова // Право. Безопасность. Чрезвычайные ситуации. – 2022. – № 3(56). – С. 39-44. – EDN KEWNXE.
3. Новокшонов, Д. В. Комиссии субъектов Российской Федерации в уголовно-правовой политике по вопросам помилования / Д. В. Новокшонов, Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Криминологический журнал. – 2021. – № 3. – С. 58-63. – DOI 10.24412/2687-0185-2021-3-58-63. – EDN AZMNNY.
4. Официальный сайт ФСИН России [электронный ресурс] Режим доступа: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 12.05.2024)
5. Петухов, Н. А. Применение уголовной политики России на военно-служебных отношениях: пути выхода и дальнейшие направления нормативно-правового регулирования / Н. А. Петухов, В. М. Шеншин // Военно-юридический журнал. – 2016. – № 1. – С. 7-12. – EDN VHCQQH.
6. Уголовное право. Особенная часть : Курс лекций / Г. А. Агаев, Н. В. Баранков, Д. А. Безбородов [и др.]. – Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2010. – 632 с. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

References:

1. Vinichenko, L. A. Formation of a socially adapted personality of an orphanage pupil in the process of interaction with social institutions : specialty 13.00.01 "General pedagogy, history of pedagogy and education": dissertation for the degree of Candidate of Pedagogical Sciences / Vinichenko Lyudmila Alexandrovna. – Belgorod, 2009. – 231 p. – EDN QEIOBL.
2. Grigonis, V. P. Constitutional amendments adopted in 2020 as a factor increasing the security of the state / V. P. Grigonis, N. Y. Nemova // Right. Safety. Emergency situations. – 2022. – № 3(56). – Pp. 39-44. – EDN KEWNXE.
3. Novokshonov, D. V. Commissions of subjects of the Russian Federation in criminal law policy on pardon issues / D. V. Novokshonov, N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Criminological Journal. – 2021. – No. 3. – pp. 58-63. – DOI 10.24412/2687-0185-2021-3-58-63. – EDN AZMNNY.
4. The official website of the Federal Penitentiary Service of Russia [electronic resource] Access mode: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (date of application: 05/12/2024)
5. Petukhov, N. A. The application of Russia's criminal policy in military-service relations: ways out and further directions of regulatory regulation / N. A. Petukhov, V. M. Shenshin // Military Law Journal. – 2016. – No. 1. – pp. 7-12. – EDN VHCQQH.
6. Criminal law. Special part : A course of lectures / G. A. Agaev, N. V. Barankov, D. A. Bezborodov [et al.]. – St. Petersburg : St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2010. – 632 p. – ISBN 978-5-91837-015-5. – EDN QRUNFX.

¹ Официальный сайт ФСИН России [электронный ресурс] Режим доступа: <http://фсин.рф/structure/inspector/iao/statistika/Kratkaya%20har-ka%20UIS> (дата обращения: 12.05.2024)

ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗАКОННОСТИ ПРИ КОНВОИРОВАНИИ ОСУЖДЕННЫХ FEATURES OF ENSURING LEGALITY DURING THE ESCORT OF CONVICTS

ЗИНЬКОВ Евгений Николаевич,

доцент кафедры публичного права,
Института права ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»,
кандидат юридических наук, доцент.
443090, Россия, Самарская область, г. Самара, Советской Армии ул., д. 141.
E-mail: ewg-28@yandex.ru;

ГОЛУБЦОВА Ксения Ивановна,

доцент кафедры уголовно-исполнительного права и исполнения наказаний, не связанных
с изоляцией осужденных от общества ФКОУ ВО «Самарский юридический институт ФСИН России»,
кандидат юридических наук, подполковник внутренней службы.
443022, Россия, Самарская область, г. Самара, Рыльская ул., д. 24 «В».
E-mail: ksushechka2007@list.ru;

Zinkov Evgeny Nikolaevich,

associate Professor of the Department of Public Law Institute of Law
of the Samara State University of Economics, candidate of Law, associate Professor.
Samara, Samara Region, 443090, Russia, 141 Sovetskaya Armiya str.
E-mail: ewg-28@yandex.ru;

Golubtsova Ksenia Ivanovna,

associate Professor of the Department of Penal Enforcement Law and Execution
of Punishments not related to the isolation of convicts from society Samara Law
Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, candidate of Law, lieutenant Colonel of the Internal Service.
443022, Samara region, Samara, Rylskaya str., 24 «V».
E-mail: ksushechka2007@list.ru

Краткая аннотация. В статье рассмотрены основные особенности обеспечения законности при конвоировании осужденных. Конвоирование представляет собой самостоятельное направление деятельности УИС, которое связано с перемещением лиц (заключенных под стражу или уже осужденных) из одного места содержания (нахождения) в другое. Специфика деятельности специальных подразделений УИС по конвоированию является достаточно сложным и многогранным процессом. Авторами отмечается, что основная служебная деятельность специальных подразделений УИС по конвоированию реализуется непосредственно в границах своего региона и учреждений, подведомственных территориальному управлению ФСИН России, но вне места своей постоянной дислокации. Это обусловлено тем, что по требованиям законодательства отбывание назначенного наказания осуществляется по общему правилу в регионе проживания осужденного. Тем не менее, на практике в ряде случаев возникает необходимость перемещения осужденных в другие регионы.

Abstract. The article discusses the main features of ensuring the rule of law when escorting convicts. Escorting is an independent activity of the penal system, which is associated with the movement of persons (prisoners in custody or already convicted) from one place of detention (location) to another. The specifics of the activities of the special units of the UIS for escorting is a rather complex and multifaceted process. The authors note that the main official activities of the special units of the Penal Code for escorting are carried out directly within the borders of their region and institutions subordinate to the territorial administration of the Federal Penitentiary Service of Russia, but outside the place of their permanent deployment. This is due to the fact that, according to the requirements of the legislation, the serving of the sentence is carried out according to the general rule in the region of residence of the convicted person. Nevertheless, in practice, in some cases it becomes necessary to move convicts to other regions.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, конвоирование, соблюдение законности, осужденный, заключенный под стражу, федеральная служба исполнения наказаний, реформирование.

Keywords: penal enforcement system, escort, observance of the rule of law, convict, prisoner in custody, federal penitentiary service, reformation.

Для цитирования: Зиньков Е.Н., Голубцова К.И. Особенности обеспечения законности при конвоировании осужденных // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 369-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_369.

For citation: Zinkov E.N., Golubtsova K.I. Features of ensuring legality during the escort of convicts // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 369-371. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_369.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Процесс конвоирования осужденных – это направление деятельности УИС, отличающееся повышенной опасностью, в первую очередь, побеговой.

В Концепции развития УИС Российской Федерации до 2030 года¹ предусмотрено совершенствование взаимодействия с органами внутренних дел по вопросам обеспечения стабильного функционирования системы железнодорожного конвоирования, а также закрепление требований к условиям перевозки женщин с детьми при осуществлении конвоирования. В целом развитие УИС должно идти в направлении укрепления правопорядка и законности. Для этого в процессе конвоирования должны быть в полной мере обеспечены права осужденных, в том числе за счет соблюдения сотрудниками законодательных требований к применению мер безопасности.

Однако, несмотря на существующий правовой механизм реформирования УИС, многие аспекты правового регулирования конвоирования

¹ Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 04 мая 2024 г.

осужденных остаются неразработанными или требуют глубокого совершенствования. В частности, существует большое число пробелов в правовой и организационной деятельности УИС в данных вопросах. В этой связи актуальным представляется исследование вопросов, связанных с особенностями обеспечения законности при конвоировании осужденных, с целью выявления проблем в этой сфере и разработки на их основе рекомендаций по совершенствованию правового регулирования и реализации данного направления деятельности ФСИН России.

Непосредственно режим конвоирования возникает на этапе выдачи лица сотрудникам караула и заканчивается в момент сдачи лица в соответствующее учреждение УИС. При этом на всем протяжении действия данного режима осуществляется постоянная охрана конвоируемых как во движения, так и в местах временного пребывания¹. В свою очередь для обеспечения возможности перемещения осужденных как в пределах одного региона, так и по всей стране, подразделения по конвоированию используют различные транспортные средства. В этой связи, способы конвоирования соответствуют видам транспорта (автомобильный конвой, железнодорожный, водный или воздушный конвой), а также пеший конвой.

Также, если рассматривать виды конвоирования, то можно выделить выполнение рассматриваемых задач в виде плановых и встречных караулов. Это основные направления деятельности специальных подразделений. Например, для перемещения осужденных из ИУ на обменные пункты и обратно в пунктах их дислокации, где отсутствуют данные специальные подразделения, назначаются встречные караулы из сотрудников отдела охраны. Также нередко осужденные привлекаются к труду на объектах работы, расположенных за пределами исправительных учреждений. Охрана обеспечивается как непосредственно на объектах нахождения осужденных, так и при их конвоировании. Осужденного, которому требуется медицинская помощь, конвой сопровождает его в машине скорой помощи или в специальном транспортном средстве ФСИН России. В дальнейшем по месту лечения обеспечивается охрана осужденного теми же сотрудниками.

Таким образом, можно говорить о том, что конвоирование осужденных представляет собой комплекс мер по обеспечению надежной охраны данных лиц в процессе их перемещения за пределами учреждений УИС, которые состоят в сопровождении осужденных на всем пути их следования. Основная задача сотрудников, осуществляющих конвоирование, – обеспечить перемещение осужденных, исключив при этом побег и акты членовредительства.

Необходимо отметить, что для решения поставленных задач деятельность и тех, и других строго регламентирована требованиями большого числа нормативных правовых актов разного уровня. Следовательно, обеспечение законности при конвоировании осужденных – это строгое соблюдение в процессе осуществления всех требований режима конвоирования в деятельности сотрудников УИС.

Исходя из вышесказанного, суть законности в рассматриваемом случае состоит в следующем:

- в процессе конвоирования обеспечены все надлежащие условия для соблюдения прав и свобод конвоируемых, а также для исполнения ими возложенных на них специальных обязанностей, обусловленных режимом конвоирования;
- со стороны сотрудников УИС, как исправительных учреждений (следственных изоляторов), так и специальных подразделений по конвоированию, строго выполняются все служебные обязанности в области осуществления конвоирования, при этом права данных лиц также не нарушаются, например, не возникает угрозы их личной безопасности.

Таким образом, необходимо рассмотреть правовое регулирование служебной деятельности конвойных подразделений УИС. Так, правовую основу организации деятельности специальных подразделений системы по конвоированию составляет прежде всего Конституция РФ, нормативно-правовые акты РФ и ряд международных документов. Конвоирование в части реализации конституционных правоотношений характеризуется, во-первых, тем, что в ст. 2 Конституции РФ права и свободы человека провозглашаются высшей ценностью, а их признание, соблюдение и защита – обязанностью государства, во-вторых, в соответствии с ч. 3 ст. 53 Конституции РФ права и свободы могут быть ограничены в случаях, предусмотренных законом.

Кроме того, в своей деятельности подразделения УИС по конвоированию должны учитывать и требования, содержащиеся в международном праве, поскольку согласно ст. 15 Конституции РФ нормы международных договоров являются частью российской правовой системы. Можно отметить, что в последние годы в национальном уголовно-исполнительном законодательстве произошло много позитивных изменений, приближающих сферу правового регулирования отбывания наказания к основным международным стандартам. При этом Концепция развития УИС на период до 2030 года в качестве одной из основных целей реформирования УИС предполагает дальнейшее совершенствование правового регулирования в сфере исполнения уголовных наказаний с учетом общепризнанных норм международного права, обеспечение исполнения наказания в условиях, соответствующих международным стандартам.

Можно заметить, что требования о раздельном содержании довольно обширны, что обуславливает практические трудности конвоирования больших групп осужденных, поскольку одно и то же лицо может одновременно относиться к различным категориям. Например, девушка, направляемая впервые в женскую воспитательную колонию, должна конвоироваться отдельно от всех мужчин любого возраста, совершеннолетних женщин, всех осужденных, которые осуждены не впервые².

Более того, помимо оснований для раздельного содержания осужденных при конвоировании, установленных в нормах УИК РФ, в целях обеспечения безопасности должны учитываться их психологическая совместимость, в том числе статус в тюремной иерархии. Нахождение в одном

¹ Думлер Е. В. Обеспечение режима и безопасности при конвоировании в УИС // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сборник научных статей. – Новокузнецк, 2021. – С. 121.

² Прихожая Л. Е. Проблемы раздельного содержания осужденных к лишению свободы при конвоировании в транспортных средствах // Юрист Юга России и Закавказья. – 2019. – № 1 (25). – С. 16.

помещении для конвоирования лиц, имеющего «пониженный» социальный статус («опущенного», осужденного за изнасилование и т.д.) с «мужиками» или авторитетами может привести к насильственным действиям вплоть до убийства со стороны последних.

В период конвоирования осужденных специальными подразделениями УИС данные лица продолжают сохранять специальный правовой статус осужденных. Это означает, что они должны выполнять все обязанности, возложенные на них уголовно-исполнительным законодательством. (прежде всего, выполнять указания сотрудников УИС). Одним из прав, которым обладают все конвоируемые лица, является право на безопасность. На его реализацию направлен запрет на хранение и использование в период конвоирования определенных предметов, которые запрещены ПВП в исправительных учреждениях. Для их поиска и изъятия конвойных подразделений производят обыск конвоируемых и досмотр имеющихся при них предметов и вещей. При этом на практике такие обыски проводятся неоднократно: сначала сотрудниками исправительного учреждения, затем конвойными подразделениями при приеме, после – сотрудниками на транспорте, а также уже по прибытии в конечный пункт перемещения.

Также на обеспечение безопасности направлено такое требование при конвоировании как изоляция разных категорий осужденных. Можно отметить, что в ст. 82 УИК РФ обязательная охрана и изоляция осужденных названа среди основных требований режима.

Несмотря на очевидность данного положения, определение режима, которое закреплено в ст. 82 УИК РФ, относится к режиму исправительных учреждений. В то же время сегодня в научной доктрине по мнению В. А. Шиханова и С. В. Михеевой под режимом необходимо понимать особый правовой статус специального транспортного средства, территории, в пределах которых конвоируемые лица несут ряд обязанностей и претерпевают дополнительные ограничения прав и свобод, которые в целом аналогичны требованиям режима в исправительных учреждениях¹.

Д. В. Горбань считает, что режим конвоирования составляют следующие элементы: - регламентированные в нормативном порядке правила поведения конвоируемых, характер взаимоотношений между ними и сотрудниками караула; – четкая процедура посадки и высадки конвоируемых, вывода в туалет и т.д. при наличии их строгой изоляции; – широкие полномочия сотрудников караула по проведению режимных мероприятий, полномочий по составлению протоколов и актов о нарушениях конвоируемых².

Р. З. Усеев режим конвоирования определяет через перечисление основных средств его обеспечения по аналогии с режимом исправительного учреждения. При этом автор включает в их перечень и те же требования (средства обеспечения), дополняя их инженерными средствами изоляцию осужденных³.

Таким образом, в процессе конвоирования необходимо обеспечить на период всего маршрута должный уровень безопасности всех лиц, которые задействованы в этом процессе или попадают в зону передвижения осужденных. Это касается как самих конвоируемых, персонала УИС (сотрудников караула, транзитно-пересельных пунктов, других сопровождающих лиц), а также простых граждан. Необходимый уровень безопасности в данном случае обеспечивается в основном за счет изоляции осужденных во время конвоирования по камерам спецтранспорта.

Считаем, что УИК РФ более целесообразно дополнить статьей 82.1, которая будет называться «Режим конвоирования и его основные требования». В этой статье необходимо законодателю отразить требование обеспечения личной безопасности не только сотрудников караула, но и лиц, проверяющих несение службы караула, и лиц, сопровождающих конвоируемых, а также сотрудников обеспечивающих служб (к таковым относятся, медицинский персонал, все участники железнодорожного, водного или воздушного конвоирования).

Библиография:

1. Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г.: Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) 04 мая 2024 г.
2. Думлер Е. В. Обеспечение режима и безопасности при конвоировании в УИС // Вестник молодого ученого Кузбасского института: сборник научных статей. – Новокузнецк, 2021. – С. 121.
3. Прихожая Л. Е. Проблемы раздельного содержания осужденных к лишению свободы при конвоировании в транспортных средствах // Юрист Юга России и Закавказья. – 2019. – № 1 (25). – С. 16.
4. Михеева С. В., Шиханов В. А. Режим конвоирования как элемент режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 3 (17). – С. 58.
5. Горбань Д. В. О принятии и содержании режима конвоирования осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Проблемы и перспективы развития специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию. – Пермь, 2019. – С. 59.
6. Усеев Р. З. Безопасность перемещения осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – № 2. – С. 144.

References:

1. On approval of the Concept of development of the penal enforcement system of the Russian Federation for the period up to 2030: Decree of the Government of the Russian Federation dated April 29, 2021 №. 1138-r // Official Internet Portal of Legal Information (www.pravo.gov.ru) May 04, 2024
2. Dumler, E. V. Ensuring the regime and safety during escorting to the UIS // Bulletin of the young scientist of the Kuzbass Institute: collection of scientific articles. Novokuznetsk, 2021. – p. 121.
3. Prikhodzaya, L. E. Problems of separate detention of prisoners sentenced to imprisonment during escort in vehicles // Lawyer of the South of Russia and Transcaucasia. – 2019. – № 1 (25). – P. 16.
4. Mikheeva, S. V., Shikhanov, V. A. The escort regime as an element of the regime in institutions of the penal enforcement system // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2015. – № 3 (17). – P. 58.
5. Gorban, D. V. On the adoption and maintenance of the escort regime for convicts and persons in custody // Problems and prospects for the development of special units of the penal enforcement system for escorting: a collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the Day of special units of the penal enforcement system for escorting. – Perm, 2019. – p. 59.
6. Useev, R. Z. Safety of movement of persons sentenced to imprisonment // Penal enforcement law. – 2019. – №. 2. – p. 144.

¹ Михеева С. В., Шиханов В. А. Режим конвоирования как элемент режима в учреждениях уголовно-исполнительной системы // Вестник Самарского юридического института. – 2015. – № 3 (17). – С. 58.

² Горбань Д. В. О принятии и содержании режима конвоирования осужденных и лиц, содержащихся под стражей // Проблемы и перспективы развития специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции, посвященной Дню специальных подразделений уголовно-исполнительной системы по конвоированию. – Пермь, 2019. – С. 59.

³ Усеев Р. З. Безопасность перемещения осужденных к лишению свободы // Уголовно-исполнительное право. – 2019. – № 2. – С. 144.

О ДОХОДАХ, ПРИОБРЕТЕННЫХ ОТ СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ About the income acquired from the commission of corruption-related crimes

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoia and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация: в статье рассматривается совокупность действий, осуществляемых высокопоставленными должностными лицами органов власти и управления в интересах получения ими незаконных доходов с последующей их легализацией. Необходимость теоретического осмысления подобного рода действий, на наш взгляд, обусловлена декриминализацией ряда экономических составов преступлений, стремлением государства исключить всякое незаконное давление на бизнес, превращения его сферой «кормления» отдельных должностных лиц органов власти и местного самоуправления, а также поиском наиболее эффективных форм и методов своевременного выявления и пресечения указанных видов преступлений¹ [6, 7, 9].

Abstract: the article considers a set of actions carried out by high-ranking officials of government and management bodies in the interests of obtaining illegal income for them with their subsequent legalization. The need for a theoretical understanding of such actions, in our opinion, is due to the decriminalization of a number of economic crimes, the desire of the state to exclude any illegal pressure on business, turning it into the sphere of "feeding" individual officials of government and local self-government, as well as the search for the most effective forms and methods of timely detection and suppression of these types of crimes [6, 7, 9].

Ключевые слова: коррупционные преступления, источник незаконного дохода; его отмыwanie, оперативно-розыскное противодействие, подразделения ЭБиПК органов внутренних дел.

Keywords: corruption crimes, a source of illegal income; its laundering, operational investigative counteraction, divisions of the EBiPK of the internal affairs bodies.

Для цитирования: Иванов П.И. О доходах, приобретенных от совершения преступлений коррупционной направленности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 372-375. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_372.

For citation: Ivanov P.I. About the income acquired from the commission of corruption-related crimes // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 372-375. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_372.

Статья поступила в редакцию: 23.04.2024

В настоящее время легализация (отмыwanie) доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности², является одним из источников угрозы экономической безопасности³, поскольку отмыwanie позволяет вовлечь часть средств в предпринимательскую деятельность для последующего извлечения прибыли. Внедренные криминальные доходы могут отчасти дестабилизировать экономику страны [4]. Сами преступления коррупционной направленности (например, хищение с использованием служебного положения бюджетных средств) выступают при этом источником получения высокопоставленными должностными лицами теневого (незаконного) капитала, подлежащего в последующем ими легализации.

Здесь мы одновременно усматриваем некую еще до конца непознанную закономерность между отмыwанием и коррупционными преступлениями. Несмотря на это, перед подразделениями ЭБиПК на сегодня стоят две ключевые задачи: 1) выявление и пресечение фактов легализации (отмыwания) преступных доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности; 2) установление лиц, причастных к совершению указанных уголовно-наказуемых деяний. Успешное их решение, на наш взгляд, предполагает документирование посредством проведения всего комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий, включая активное осуществление аналитической, технической, информационной и иных видов «разведки»; привлечение с согласия отдельных граждан к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий; наличие своеобразного «досье» на фигурантов-коррупционеров и их имущества; создание при необходимости в системе органов внутренних дел новых информационных

¹ Проблема легализации криминальных доходов и связанные с ней меры противодействия со стороны органов внутренних дел всегда были в центре внимания автора настоящей статьи.

² В дальнейшем наряду с использованием полного словосочетания «легализация (отмыwanie) доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности» также термин «легализация».

³ Под угрозой нами понимается комплекс условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба экономическим интересам государства. Основными из которых на сегодня являются: коррупция, противоправное использование цифровой валюты, дистанционное мошенничество, незаконная миграция, трансграничная организованная преступность, киберпреступность, незаконное завладение бюджетными средствами, выделенными из федерального и регионального бюджетов для реализации национальных проектов (программ).

систем¹ [12]; установление усиленного оперативного контроля [8] за совершаемыми финансовыми операциями с использованием номинальных юридических лиц и обнальных площадок.

На этом фоне оперативно-розыскное противодействие², как показывает многолетняя практика, выступает одним из действенных средств выявления, предупреждения и раскрытия преступлений указанной категории.

Между тем в современных условиях³ ныне существующий механизм противодействия может и не сработать, например, в части своевременного выявления и пресечения источников получения криминальных доходов должностными лицами из числа отдельных представителей органов власти и управления⁴. Так, Е.Н. Пашкова [13], изучая коррупционную преступность, утверждает, что лидеры организованных преступных структур, воспользуясь системным характером коррупции, почти половину своих криминальных доходов тратят на содержание и подкуп нечистых на руку чиновников, чтобы тем самым сохранить свои прежние прибыльные позиции и полное влияние на рынке товаров, работ и услуг. Учитывая данное обстоятельство, мы решили обратиться к этой проблеме в целях некоторой проработки вопроса, связанного с поиском новых – наиболее эффективных форм и методов противодействия, поскольку его реальные возможности еще не исчерпаны. Мы полагаем, что оперативно-розыскное противодействие при надлежащей его организации⁵ [2] обеспечивает:

открытие изнутри так называемой модели извлечения незаконного дохода посредством отмывания. Многолетняя практика показывает, что анализируемые виды преступлений носят глубоко скрытый характер, все криминальные процессы осуществляются втайне. Своеобразную систему защиты, выстроенную членами организованных преступных групп, способны взломать подразделения ЭБиПК⁶, благодаря имеющимся у них оперативно-розыскным возможностям.

По делам о легализации оперативный интерес представляют, прежде всего, факты незаконного перемещения средств за рубеж под различным предлогом, например, погашение задолженности перед аффилированными компаниями. Раскручивание подобного рода схем целесообразно проводить с привлечением Федеральной службы по финансовому мониторингу, которая, используя свои полномочия, может помочь установить целую цепь аффилированных между собой организаций, задействованных криминальному выводу средств за рубеж. Практика показывает, что подразделения ЭБиПК и задействованные ими органы нередко испытывают в ходе совместной работы психологическое и иное давление со стороны аффилированных должностных лиц. Руководители, планируя такую работу, должны предусмотреть приемлемые варианты его нейтрализации (минимизации);

установление в процессе документирования в рамках дела оперативного учета способов подготовки, совершения⁷ [10] и сокрытия как легализации, так и основного (предикатного) преступления. В нашем случае такими деяниями, в частности, выступают преступления коррупционной направленности. Для убедительности приведем два примера. Должностные лица двух коммерческих организаций путем предоставления заведомо ложных сведений о стоимости оборудования похитили и в дальнейшем путем перевода на расчетные счета аффилированных им организаций легализовали денежные средства в размере свыше 1 млрд рублей. Или другой пример. Также должностные лица путем обмана под видом выполнения строительно-монтажных работ похитили денежные средства в размере более 10 млн рублей, поступившие на расчетный счет закрытого акционерного общества. В дальнейшем денежные средства незаконно были переведены на расчетные счета коммерческих организаций без осуществления в соответствии с договором реальных видов работ.

Отметим, что повышению эффективности противодействия во многом способствует тактически грамотное использование существующей методики⁸, содержащей алгоритм действий сотрудников подразделений ЭБиПК и следователя. Такая методика тем самым выступает в качестве инструмента;

усиление борьбы с латентными преступлениями, в том числе, когда легализация доходов осуществляется с использованием цифровых технологий. Правоприменительная практика уже знает привлекательность для отмывания «грязных» денег цифровой среды (социальные сети, мессенджеры, средства электронных платежей, сеть Интернет).

Заметим, что эффективность деятельности по противодействию фактам легализации доходов от коррупции во многом зависит от того,

¹ В настоящее время остро встает вопрос информационно-технологического обеспечения.

² Оперативно-розыскное противодействие – это реализация органами внутренних дел и их подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) в соответствии с федеральными законами «О полиции» и «Об оперативно-розыскной деятельности» во взаимодействии с другими правоохранительными, контрольно-надзорными органами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, (институтами гражданского общества) комплекса преимущественно негласных оперативно-розыскных мер, направленных на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие фактов легализации (отмывания) доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности.

³ Совокупность внутренних и внешних факторов, накладывающих отпечаток на организацию оперативно-розыскного противодействия, в том числе: введение санкций со стороны некоторых иностранных государств в отношении ряда российских предприятий и целых отраслей экономики, импортозамещение, государственная поддержка товаропроизводителей, специальная военная операция.

⁴ По данным ФКУ «ГИАЦ МВД России» наблюдается динамика снижения числа зарегистрированных фактов легализации (отмывания) доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности в течение последних 3-х лет. Так, в частности, подразделениями ЭБиПК выявлено: в 2019 г. – 144, в 2020 г. – 114, в 2021 г. – 106. Мы со своей стороны полагаем, что из-за высокого уровня их латентности вряд ли эти цифры отражают реальное положение дел, а потому картина динамики снижения, на наш взгляд, выглядит парадоксальной.

⁵ Стратегия и тактика оперативно-розыскного противодействия вытекает из основных положений оперативно-розыскной политики.

⁶ В системе МВД России головной службой обеспечения экономической безопасности выступают подразделения ЭБиПК.

⁷ Одним из источников получения теневого (незаконного) капитала чиновниками выступают так называемые «откаты».

⁸ Оперативно-розыскная методика есть система научно обоснованных положений и практико-ориентированных рекомендаций по организации и тактике эффективного применения негласных сил, средств, методов и мероприятий в целях своевременного выявления и документирования преступлений, предусмотренных ст. 174, 174.1 УК РФ (частная методика).

насколько налажено тесное взаимодействие между правоохранными и контрольно-надзорными органами¹.

Возвращаясь к цифровой технологии, отметим следующее. Доказано, что онлайн-пространство для организованных преступных групп, специализирующихся на легализации, оказалось наиболее приемлемой средой, так как сотрудникам подразделений ЭБиПК весьма трудно отследить движение «грязных» денег. Необходимая для этого информация содержится в сервере, с помощью которого осуществляется управление интернет-сайтами. Сам сервер может находиться в любой точке мира. Зачастую к нему правоохранные органы России не имеют доступа, что серьезным образом затрудняет сбор «доказательственной» информации, в результате чего дело заходит в тупик;

Установление оперативным путем источников и носителей оперативно значимой (доказательственной) информации, создающей необходимую предпосылку для своевременного и полного решения задач, стоящих перед соответствующим делом оперативного учета. Среди множества задач, установление бенефициарных владельцев организаций с целью полного возмещения, причиненного бюджетной системе Российской Федерации ущерба, а также анонимные денежные переводы по предварительной договоренности с коррупционером через сеть Интернет (использование криптовалюты) на сегодня являются не менее важными² [5]. В этом плане исследователями [11] справедливо отмечается, что на сегодня криптовалюта остается привлекательной и для преступников, в первую очередь из-за ее псевдо-анонимной природы и легкости, с которой она позволяет пользователям мгновенно отправлять средства в любую точку мира, во вторую очередь из-за ее прозрачного и отслеживаемого дизайна. Так, в частности, профессор А.Л. Репецкая не исключает возможность использования виртуальной валюты при совершении преступлений коррупционной направленности [15]. Тем самым, по ее мнению, до минимума может свестись опасность разоблачения коррупционеров, ибо пароль электронного кошелька будет знать только сам его владелец. Мы со своей стороны полагаем, что уже сегодня следует проработать адекватные меры по своевременному пресечению использования преступниками подобных схем при совершении коррупционных преступлений.

Помимо этого, при документировании рекомендуется учесть основные возможные риски легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем. Специалисты к их числу, как правило, относят использование номинальных юридических лиц, наличных денежных средств, электронных средств платежа и виртуальные активы, фиктивной внешнеэкономической деятельности, юридических лиц-нерезидентов и структур без образования юридического лица, а также физических лиц (посредников), оформленных с публичными должностными лицами;

нейтрализацию противодействия расследованию дел о легализации. Анализ оперативно-следственной практики убедительно показывает, что такое противодействие, как правило, оказывается с двух сторон: а) аффилированными подозреваемыми (обвиняемыми) должностными лицами органов власти и местного самоуправления; б) членами организованных преступных формирований [3, 14];

сопровождение предварительного расследования и судебного разбирательства по уголовному делу о легализации, подпитывая сведениями, полученными в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, об обстоятельствах совершения легализации, ее механизме, а также о ранее неизвестных следствию способах совершения коррупционных преступлений (например, использование цифровой технологии с целью бесконтактной оплаты коррупционных услуг) [1];

всестороннюю проверку обрабатываемых по делу оперативного учета версий, выдвинутых в рамках оперативно-тактической ситуации, способствующих получению скрытых (неочевидных) данных, которые могут быть в последующем использованы в процессе доказывания по уголовному делу соблюдением требований, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации, регламентирующим собирание, проверку и оценку доказательств. Тем самым результаты ОРД обеспечивают необходимыми данными для установления истины по делу.

Разумеется, приведенный перечень действий может быть продолжен, он не исчерпывающий. Автор в своих работах обращался неоднократно к ним, часть из которых в статье дана в виде сноски.

В заключение затронутой нами проблемы следует отметить, что криминальный доход, полученный от совершения преступлений коррупционной направленности, является одним из источников пополнения «бюджета» организованных преступных формирований, имеющих коррупционные связи с отдельными представителями органов власти и управления. «Грязные» денежные средства, как правило, в последующем подвергаются процедуре отмывания, механизм которой известен и адаптирован в интересах адекватного реагирования с использованием специальных сил, средств, методов и оперативно-розыскных мероприятий. Учитывая это, МВД России в своих директивных документах особое внимание руководителей территориальных органов внутренних дел обращает на необходимость принятия системы комплекса мер, направленных на своевременное выявление и пресечение фактов совершения преступлений коррупционной направленности в первую очередь со стороны представителей органов власти и управления.

Библиография:

1. Иванов П. И. Стадии и способы легализации преступных доходов, полученных в результате совершения преступлений экономической и налоговой направленности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 3 (87).
2. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022, № 2 (63). – С. 26-33.

¹ Основными субъектами взаимодействия выступают: Федеральная служба по финансовому мониторингу, Федеральная налоговая служба, Федеральная служба государственной регистрации, кадастра и картографии, финансово-кредитные организации.

² Решая указанные задачи, следует строго соблюдать экономические интересы добросовестных предпринимателей, не ущемляя их конституционные права и обязанности.

3. Иванов П.И. Методика расследования преступлений, связанных с легализацией доходов, приобретенных преступным путем, как инструмент повышения эффективности их расследования // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62). – С. 54-62.
4. Иванов П.И. О разработке отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности социально-бюджетной сферы // Труды Академии управления МВД России. – 2019. – № 3 (51). – С. 60–67.
5. Иванов П.И. Об обеспечении защиты прав и законных интересов лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, от преступных посягательств // Безопасность бизнеса. – 2021. – № 2. – С. 21–26.
6. Иванов П.И. Проблемы противодействия легализации преступных доходов и пути их решения // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина. 2020. № 3. С. 9–19;
7. Иванов П.И. Противодействие легализации (отмыванию) доходов, полученных от преступлений коррупционной направленности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2023. № 2 (72). С.37-40.
8. Иванов П.И. Сушность и содержание оперативного контроля как одной из функций подразделений ЭБиПК ОВД РФ // Юрист-Правоведь. 2024, № 1 (108). С. 122-128.
9. Иванов П.И., Шитов А.С. Коррупция и борьба с ней в исторической ретроспективе // Вопросы истории. № 10-4. 2020. С. 236–244;
10. Криминологическая характеристика «откатов» в современной России: монография / под общ. ред. докт. юрид. наук Р.В. Жубрина. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 248 с.
11. Международный опыт противодействия отмыванию и легализации доходов, полученных преступным путем, с использованием современных информационных технологий: аналитический обзор. 2022. – М.: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. – С.4.
12. Овчинский А.С. Оперативно-розыскная деятельность и цифровая трансформация: от первых АИПС до ГИС «Посейдон». // Оперативно-розыскная деятельность и современность : сборник научных трудов / под ред. д-ра юрид. наук В.С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2022. – С.185-203.
13. Пашкова Е.Н. Коррупционная преступность как угроза экономической безопасности // Сборник научных статей по итогам Недели российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. – Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2022. – С.267.
14. Пирожников С.А., Иванов П.И. К вопросу о частной криминалистической методике расследования преступлений (структура и содержание) // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 4 (60). – С.109-119;
15. Репецкая А.Л. Криптопреступления как следствие цифровизации преступности // Долговские чтения: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (27 января 2021 г.). Москва, 2021. – С.66-67.

References:

1. Ivanov P. I. Stages and methods of legalization of criminal proceeds obtained as a result of economic and tax crimes // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2020. № 3 (87).
2. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022, No. 2 (63). – pp. 26-33.
3. Ivanov P.I. Methods of investigation of crimes related to the legalization of criminally acquired income as a tool to increase the effectiveness of their investigation // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. No. 2 (62). – pp.54-62.
4. Ivanov P.I. On the development of a domestic system of operational investigative support for economic security of the socio-budgetary sphere // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – № 3 (51). – Pp. 60-67.
5. Ivanov P.I. On ensuring the protection of the rights and legitimate interests of persons engaged in entrepreneurial activity from criminal encroachments // Business security. - 2021. – No. 2. – pp. 21-26.
6. Ivanov P.I. Problems of countering the legalization of criminal proceeds and ways to solve them // Bulletin of the Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I. D. Putilin. 2020. No. 3. pp. 9-19;
7. Ivanov P.I. Countering the legalization (laundering) of proceeds from corruption-related crimes // Bulletin of the Kalinin-Gradsky branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 2 (72). pp.37-40.
8. Ivanov P.I. The essence and content of operational control as one of the functions of the divisions of the Department of Internal Affairs of the Russian Federation // Jurist-Pravoved. 2024, No. 1 (108). pp. 122-128.
9. Ivanov P.I., Shitov A.S. Corruption and the fight against it in historical retrospect // Questions of history. No. 10-4. 2020. pp. 236-244;
10. Criminological characteristics of "kickbacks" in modern Russia: monograph / under the general ed. of the doctor. Jurid. Sciences R.V. Zhubrina. – М.: YurLitinform, 2016. – 248 p.
11. International experience in countering the laundering and legalization of proceeds from crime using modern information technologies: an analytical review. 2022. Moscow: V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – p. 4.
12. Ovchinsky A.S. Operational investigative activities and digital transformation: from the first AIPS to Poseidon GIS. // Operational investigative activity and modernity : a collection of scientific papers / edited by Dr. Yurid. of Sciences V.S. Ovchinsky. – М.: INFRA-M, 2022. – pp.185-203.
13. Pashkova E.N. Corruption crime as a threat to economic security // Collection of scientific articles on the results of the Week of Russian Science in the Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot. – Ryazan: Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, 2022. – p. 267.
14. Pirozhenkov S.A., Ivanov P.I. On the issue of private criminalistic methods of crime investigation (structure and content) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. No. 4 (60). – pp.109-119;
15. Repetskaya A.L. Cryptoprime as a consequence of digitalization of crime // Dolgov readings: collection of materials of the I All-Russian scientific and practical conference (January 27, 2021). Moscow, 2021. – pp.66-67.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_376

УДК 343.9.018

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ В ФОРМУЛИРОВКЕ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ И ОБВИНЯЕМЫХ СОДЕРЖАЩИХСЯ В СИЗО SOME PROBLEMATIC ASPECTS IN THE FORMULATION OF THE DUTIES OF SUSPECTS AND ACCUSED HELD IN PRE-TRIAL DETENTION

ГУСЕВ Антон Сергеевич,

старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества,
юридического факультета, Владимирский юридический институт ФСИН России.
Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

КОРЖОВА Елена Александровна,

курсант, Владимирский юридический институт ФСИН России.
Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, Владимирская обл., 600020, Россия.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

Gusev Anton Sergeevich,

Senior Lecturer at the Department of Penal Enforcement Law
and the Organization of the Execution of Punishments not related to the isolation of convicts from Society,
Faculty of Law of the Higher Educational Institution of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: sherhov007@mail.ru;

Korzhova Elena Alexandrovna,

student of VUI of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Bolshaya Nizhegorodskaya str., 67e, Vladimir, Vladimir region, 600020, Russia.
E-mail: sherhov007@mail.ru

Краткая аннотация: В статье автором анализируются положения уголовно-исполнительного законодательства России в части содержания обязанностей подозреваемых и обвиняемых которые содержатся на территории СИЗО. В ходе работы автором указывается на необходимость внесения ряда корректировок в положения ведомственных документов направленные на уточнение отдельных сформулированных там норм.

Abstract: In the article, the author analyzes the provisions of the penal enforcement legislation of Russia in terms of the content of the duties of suspects and accused who are held in the territory of the pre-trial detention center. In the course of the work, the author points out the need to make a number of adjustments to the provisions of departmental documents aimed at clarifying certain norms formulated there.

Ключевые слова: Подозреваемые; обвиняемые; обязанности; СИЗО; правовое положение.

Keywords: Suspects; accused; duties; pre-trial detention; legal status.

Для цитирования: Гусев А.С., Коржова Е.А. Отдельные проблемные аспекты в формулировке обязанностей подозреваемых и обвиняемых, содержащихся в СИЗО // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 376-378. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_376.

For citation: Gusev A.S., Korzhova E.A. Some problematic aspects in the formulation of the duties of suspects and accused held in pre-trial detention // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 376-378. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_376.

Статья поступила в редакцию: 19.08.2024

Вопросы обеспечения общественной безопасности и предупреждения противоправных деяний – это одна из основных конституционных задач государства для реализации которой на территории Российской Федерации различными государственными учреждениями и ведомствами реализуется комплекс мероприятий часть которых направлена на просветительскую работу среди населения, часть на расследование и раскрытие преступлений, а часть на изоляцию правонарушителей от общества во избежание совершения ими новых преступлений.

В соответствии с положениями Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [1] законодательно закреплены места, где могут содержаться подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений, а именно:

- следственные изоляторы уголовно-исполнительной системы (далее: СИЗО);
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел;
- изоляторы временного содержания подозреваемых и обвиняемых пограничных органов федеральной службы безопасности;
- учреждения уголовно-исполнительной системы, исполняющие уголовное наказание в виде лишения свободы;
- гауптвахты;
- в иных помещениях предусмотренных в соответствии с законодательством Российской Федерации.

В соответствии с данными статистики, представленными на официальном сайте ФСИН России в настоящее время на территории Российской

Федерации функционирует 210 следственных изоляторов, а также действуют 71 помещение, функционирующее в режиме следственного изолятора.

Стоит отметить, что правовое положение лиц, которые содержатся в СИЗО регламентировано тремя основными документами:

– Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации [2], в части участия подозреваемого (обвиняемого) в следственных действиях;

– Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ, а также Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 [3], которые раскрывают общие вопросы содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений.

В рамках данного исследования нами были рассмотрены основные законодательно закрепленные аспекты раскрывающие правовое положение подозреваемых и обвиняемых в местах изоляции от общества, где нами выявлены обязанности указанных лиц, которые в настоящее время законодательно не раскрыты и являются дискуссионными.

Так, в соответствии с Приказом Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110 подозреваемые и обвиняемые в совершении преступлений обязаны: «соблюдать требования гигиены и санитарии».

Если говорить о требованиях санитарии, то здесь можно говорить о том, что в настоящее время законодательно закреплены требования санитарно-эпидемиологического законодательства, которые должны соблюдаться на территории СИЗО и в помещениях где содержатся осужденные.

В тоже время возникает вполне логичный вопрос – какие именно требования санитарии должен соблюдать подозреваемый и обвиняемый? На каком этапе его содержания в СИЗО до него доводят эти требования?

Исходя из опыта практической работы пенитенциарных учреждений можно сделать вывод, что никакие требования и правила санитарии до подозреваемых и обвиняемых не доводятся.

Требования личной гигиены – здесь хотелось бы указать, что в настоящее время ни в одном нормативном акте уголовно-исполнительного законодательства Российской Федерации не перечислены требования гигиены, которые должны соблюдать осужденные, подозреваемые и обвиняемые в период их нахождения на территории учреждений и органов УИС РФ.

Иными словами обязанностью подозреваемых и обвиняемых выступает соблюдать требования и правила в части обеспечения личной гигиены и требований санитарии, которые нигде не регламентированы и до них не доведены – указанное является пробелом уголовно-исполнительного законодательства, который нуждается в правовой корректировке и уточнении.

Здесь стоит отметить, что ввиду отсутствия законодательного закрепления конкретных требований к соблюдению осужденным правил личной гигиены и требований санитарии, привлечь их к дисциплиной ответственности будет попросту невозможно, при этом будут нарушены права других подозреваемых и обвиняемых которые содержатся с указанными лицами в одной камере, что не допустимо в правовом государстве.

В качестве следующей обязанности на которую хотелось бы обратить внимание – это каждый подозреваемый и обвиняемый обязан «иметь опрятный внешний вид».

В рамках данного исследования возникает вполне логичный вопрос – что такое опрятный внешний вид?

Заметим, что если рассматривать эту же обязанность в отношении осужденных к лишению свободы, то здесь понятие «опрятный внешний вид» раскрывается положениями Приказа Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110, где предусмотрено, что осужденный к лишению свободы обязан иметь опрятный внешний вид:

– длина волос на голове (для мужчин) с учетом стрижки машинкой с использованием насадок, обеспечивающих сохранение длины волос, - до 20 мм (стрижка волос на голове осуществляется, в том числе во время помывки осужденного к лишению свободы);

– длина бороды или усов (для мужчин) с учетом стрижки машинкой с использованием насадок, обеспечивающих сохранение длины волос на бороде и длину усов, - до 9 мм (при наличии медицинских показаний (травма лица или иные медицинские показания, осложняющие бритье) осужденным к лишению свободы может быть разрешено ношение более длинных бороды и усов);

– в случае, если длина волос на голове у женщин составляет более 200 мм, то они собираются в косу или пучок.

Заметим, что никаких требований ни к причёске ни к бороде подозреваемых и обвиняемых не предъявляется и предъявляться не может, за исключением случаев когда внешний вид подозреваемого и обвиняемого нарушает общепринятые нормы приличия и морали. Иными словами указанная обязанность подозреваемых и обвиняемых либо носит формальный характер и априори неисполнима, либо необходимо законодательно раскрыть понятие опрятный внешний вид, закрепив общие требования к причёске и бороде, а также к чистоте и внешнему виду одежды подозреваемых и обвиняемых.

В качестве еще двух обязанностей на которые хотелось бы обратить внимание в рамках данной статьи это

– не шуметь в дневное время;

– находясь в камерах в ночное время, соблюдать тишину.

К двум указанным обязанностям в рамках данного исследования возникает сразу несколько вопросов:

– что понимается под шумом?

– что подразумевается под тишиной?

– если подозреваемый или обвиняемый в ночное время находится вне пределов камеры разрешается ли ему шуметь?

Если говорить про шум вне камеры в ночное время то в данном ключе целесообразно указать, что данную обязанность подозреваемых и обвиняемых целесообразно изложить в следующей редакции: «в ночное время, соблюдать тишину».

Говоря о понятиях шума и тишины мы обратились к положениям двух документов:

– Федеральному закону от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [4], в соответствии с которым определен уровень шума в разное время дня;

– Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях [5] в части нарушения законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения (Статья 6.3. КоАП РФ)

В соответствии с указанными документами лицо может быть привлечено к административной ответственности за нарушение шумового режима в ночное и дневное время: показатель днем (с 7 до 23 часов) - 55 дБА; ночью - 45 дБА.

С нашей точки зрения указанные показатели шума также должны быть закреплены в положениях Приказа Министерства юстиции РФ от 4 июля 2022 г. № 110, как уточнение.

Таким образом, в заключении данной статьи укажем, что нами были уточнены отдельные обязанности подозреваемых и обвиняемых содержащихся на территории СИЗО, в части конкретизации нарушений правил внутреннего распорядка СИЗО за которые лица содержащиеся под стражей могут быть привлечены к дисциплинарной ответственности.

Библиография:

1. О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений: Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июля 1995 г., № 29, ст. 2759
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ : принят Гос. Думой 22 нояб. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 52, ч. 1, ст. 4921.
3. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : [приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110] // Официальный интернет-портал правовой информации. – <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 21.01.2023).
4. О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения: Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 апреля 1999 г. № 14 ст. 165
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : [федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ : принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 1, ч. 1, ст. 1.

References:

1. On the detention of suspects and accused of committing crimes: Federal Law No. 103-FZ of July 15, 1995 // Assembly of Legislation of the Russian Federation of July 17, 1995, No. 29, Article 2759
2. The Criminal Procedure Code of the Russian Federation : [feder. the law of 18 Dec. 2001 No. 174-FZ : adopted by the State Duma on November 22, 2001] // Assembly of Legislation of the Russian Federation. – 2001. – No. 52, part 1, Article 4921.
3. On approval of the Internal Regulations of Pre-trial detention facilities of the penal enforcement system, the Internal Regulations of Correctional institutions and the Internal Regulations of Correctional Centers of the penal enforcement system : [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation dated July 4, 2022 No. 110] // Official Internet portal of Legal Information. – <http://www.pravo.gov.ru> (date of appeal: 01/21/2023).
4. On sanitary and epidemiological welfare of the population: Federal Law No. 52-FZ of March 30, 1999 // Collection of Legislation of the Russian Federation of April 5, 1999 No. 14, Article 165
5. The Code of Administrative Offences of the Russian Federation : [feder. the law of 30 Dec. 2001 No. 195-FZ : adopted by the State Duma on December 20, 2001] // Collection of legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1, part 1, Article 1.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОМ СОПРОВОЖДЕНИИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ В ОТНОШЕНИИ ЛИДЕРОВ И АКТИВНЫХ УЧАСТНИКОВ ЭКСТРЕ- МИСТСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ, ОСНОВАННОЙ НА КРИМИНАЛЬНОЙ ИДЕОЛОГИИ SOME ASPECTS OF THE OPERATIONAL INVESTIGATIVE SUPPORT OF CRIMINAL CASES AGAINST LEADERS AND ACTIVE PARTICIPANTS OF AN EXTREMIST ORGANIZATION BASED ON CRIMINAL IDEOLOGY

ИСАКОВА Кристина Александровна,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров
Академии ФСИН России.
390000, Россия, Рязанская область, г. Рязань, Сенная ул., д. 1.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru;

Isakova Kristina Aleksandrovna,
adjunct of the Faculty of training of scientific and pedagogical
personnel Academies of the Federal Penitentiary Service of Russia.
Ryazan, Sennaya str., 1.
E-mail: kristinka_96@inbox.ru

Краткая аннотация. В настоящей статье проведен анализ подходов различных научных правоведов к разграничению понятий «оперативно-разыскное сопровождение» и «оперативно-разыскное обеспечение», приводятся их общие и отличительные характеристики. Отражена сущность организационно-тактических форм оперативно-разыскной деятельности, а также определены основные задачи оперативно-разыскного сопровождения уголовных дел, в отношении лидеров и активных участников экстремистской организации, основанной на криминальной идеологии. Автором обозначается позиция относительно взаимодействия органов, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, и следователей в процессе оперативно-разыскного сопровождения уголовных дел, в отношении рассматриваемой категории лиц. Делается вывод о необходимости своевременного и налаженного взаимодействия при совершении преступлений экстремистской направленности, для качественного и полного расследования уголовных дел.

Abstract. This article analyzes the approaches of various scientific jurists to the differentiation of the concepts of "operational investigative support" and "operational investigative support", their general and distinctive characteristics are given. The essence of organizational and tactical forms of operational investigative activities is reflected, and the main tasks of operational investigative support of criminal cases against leaders and active participants of an extremist organization based on criminal ideology are determined. The author outlines the position regarding the interaction of bodies engaged in operational investigative activities and investigators in the process of operational investigative support of criminal cases in relation to the category of persons in question. The conclusion is made about the need for timely and well-established cooperation in the commission of extremist crimes, for a high-quality and complete investigation of criminal cases.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, экстремистская организация МОД «АУЕ», взаимодействие, оперативно-разыскное сопровождение уголовных дел, следователь следственного комитета РФ.

Keywords: operational investigative activity, extremist organization MOD "AUE", interaction, operational investigative support of criminal cases, investigator of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Для цитирования: Исакова К.А. Некоторые аспекты об оперативно-разыскном сопровождении уголовных дел в отношении лидеров и активных участников экстремистской организации, основанной на криминальной идеологии // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 379-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_379.

For citation: Isakova K.A. Some aspects of the operational investigative support of criminal cases against leaders and active participants of an extremist organization based on criminal ideology // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 379-381. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_379.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Оперативное сопровождение предварительного следствия по уголовным делам является одним из структурных элементов организационно-тактической формы оперативно-разыскной деятельности и должно использоваться оперативными подразделениями в целях достижения задач, обозначенных в Федеральном законе № 144 от 12.08.1995 «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»). В теории оперативно-разыскной деятельности понятие «оперативно-разыскное сопровождения» является отнюдь новым, однако до настоящего времени должного научного обрамления оно не получило. В связи с этим появляются научные исследования, противоречащие друг-другу относительно содержания рассматриваемого термина и его названия.

До настоящего времени не выработана единая научная позиция относительно употребления терминов «оперативно-разыскное сопровождение» или «оперативно-разыскное обеспечение» предварительного следствия. Кроме этого, существуют мнения, что анализируемые термины не лежат в единой плоскости оперативно-разыскной деятельности, а напротив характеризуют разные по времени действия: «оперативно-разыскное обеспечение» осуществляется до стадии возбуждения уголовного дела, а «оперативно-разыскное сопровождение» осуществляется с момента возбуждения уголовного дела и является основанием для этого [1, с. 74].

На наш взгляд, такой вывод не совсем корректен и сделан скорее всего из анализа лексического или логического значения слов «обеспече-

ние» и «сопровождение». По нашему мнению, в данном случае необходимо отталкиваться непосредственно от задач, которые будут решены в ходе оперативной деятельности. В связи с тем, что термин «обеспечение» является общим и им охватываются не только задачи устранения информационных пробелов в ходе предварительного следствия, но также и задачи в области успешного рассмотрения уголовного дела в суде, нами будет употребляться термин «оперативно-розыскное сопровождение» предварительного расследования уголовных дел.

Вопросы доказывания по уголовным делам всегда были и остаются актуальными. В этой связи вполне очевидным является факт того, что проведением одних лишь следственных действий, установить все обстоятельства, подлежащие доказыванию, без использования негласного потенциала, сил и средств оперативно-розыскной деятельности, весьма затруднительно, а иногда полностью невозможно. Особенно это важно в тех случаях, когда подозреваемые и обвиняемые имеют высший криминальный статус либо отбывают наказания в местах лишения свободы (далее – МЛС) или в отношении них судом избрана мера пресечения в виде содержания под стражей т.к., во-первых, следователю весьма затруднительно самостоятельно проводить следственные действия на территории охраняемого объекта, а во-вторых, наличие криминального опыта и криминальной идеологии у лиц, отбывающих наказания, существенно затрудняют процесс раскрытия преступления. Здесь же, необходимо отметить, что проведение следственных действий в отношении участников и лидеров экстремистских организаций, основанных на криминальной идеологии, а в частности МОД «АУЕ»¹, детерминировано тем, что подозреваемые и обвиняемые нередко оказывают преступное влияние на свидетелей, которые как правило содержатся с ними в одном пенитенциарном учреждении.

Преступная деятельность участников и лидеров участников экстремистской организации МОД «АУЕ» охватывается составом статьи 282.2 Уголовного кодекса Российской Федерации, которая в соответствии со статьей 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) находится в подследственности следователей следственного комитета Российской Федерации (далее – СК РФ). Изучение статистических данных за второе полугодие 2023 года показывает, что СК РФ в отношении лидеров и участников возбуждено 62 уголовных дела по ст. 282.2 УК РФ, что меньше на 60 уголовных дел аналогичного периода 2022 г., по материал поступившем из уголовно-исправительной системы (далее - УИС). При этом приведенные данные нельзя считать абсолютно достоверными, поскольку в силу объективных и субъективных причин состав участия в экстремистских организациях, основанных на криминальной идеологии, зачастую не возбуждается или входит в группу латентных.

В связи с тем, что анализируемому преступлению присуща отмеченная выше специфика, предварительному следствию необходимо оперативное обеспечение компетентными сотрудниками Федеральной службы исполнения наказания (далее – ФСИН России). Однако результаты проведенного анкетирования, целью которого было определение уровня и состояния оперативного сопровождения по уголовным делам, возбужденных в отношении лидеров и участников МОД «АУЕ» показали, что подавляющее большинство опрошенных оперативных сотрудников ФСИН России его не осуществляют и считают, достижением цели исключительно момент возбуждения уголовного дела, а не направление его в суд и получение обвинительного приговора.

Указанное является следствием с одной стороны правового нигилизма, выражающегося в отсутствии межведомственных нормативных актов, закрепляющих права и обязанности органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскное сопровождение уголовного дела, полномочия следователя и т.д., с другой стороны методических рекомендаций, предусматривающих четкий алгоритм проведения оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий.

По нашему мнению, оперативно-розыскное сопровождение расследования преступлений совершаемыми участниками экстремистской организации МОД «АУЕ» на территории исправительного учреждения представляет собой систему логически связанных и взаимообусловленных действий, осуществляемых следователями СК РФ и оперативными сотрудниками ФСИН России, для своевременного возбуждения уголовного дела по факту обнаружения признаков рассматриваемого состава преступления, решения вопроса о начале расследования, проведения его в оптимальные сроки, с достаточной полнотой и всесторонностью. Из этого следует, что оперативно-розыскное сопровождение уголовных дел в отношении данной категории лиц должно предполагать не только процесс доказывания, но и проведение отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий направленных на добывание информации о местонахождении материальных и нематериальных следов, имеющих последующее доказательное значение, установление свидетелей и очевидцев преступной деятельности, обеспечения их безопасности, устранения постпреступного влияния. Указанное невозможно осуществить без хорошо налаженного взаимодействия между оперативным подразделением ФСИН России и следователями СК РФ.

С учетом анализа имеющихся в научной литературе точек зрения формы взаимодействия следователя СК РФ с оперативными сотрудниками ФСИН России необходимо разделить на две группы: процессуальные и непроцессуальные [3, 4, с. 91, 151]. В рамках *процессуального* взаимодействия исполняются поручения следователя о проведении отдельных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), подготавливаются совместные планы расследований анализируемых уголовных дел, создаются следственно-оперативные группы по расследованию наиболее сложных уголовных дел в отношении участников экстремистских организаций, основанных на криминальной идеологии. *Непроцессуальные*

¹ Справочно: решением Судебной коллегии по административным делам Верховного Российской Федерации от 17 августа 2020 г. по делу № АКПИ20-514с, международное общественное движение «Арестантское ураганское единство», признано экстремистским и деятельность этой организации запрещена на территории Российской Федерации. МОД «АУЕ» или «Арестантский уклад един», другие варианты: «Арестантское ураганское единство», «Арестантское уголовное единство» — это субкультура, участники которой пропагандируют антисоциальный (преступный) образ жизни, навязывают стереотипы и модели поведения, характерные для представителей криминального мира, находящихся в местах лишения свободы.

формы связаны с личными контактами оперативных сотрудников ФСИН России и следователей СК, по этой причине в дальнейшем речь пойдет только о процессуальных формах взаимодействия.

Поскольку оперативные сотрудники ФСИН России осуществляют оперативно-розыскной деятельности в МЛС, они должны обладать соответствующими компетенциями в области анализа оперативной обстановки в отношении различных участников МОД «АУЕ», для рационального и превентивного принятия соответствующих мер, например, проведения режимно-технических или оперативно-розыскных мероприятий, направленных на пресечение и раскрытия преступной деятельности. При этом вид и интенсивность, а также вид оперативно-розыскных мероприятий обуславливается характером возможного противодействия со стороны объектов оперативной заинтересованности, которыми выступают как руководители, так и отдельные участники МОД «АУЕ».

Результаты проведенного анкетирования сотрудников, осуществлявших документирование преступной деятельности участников МОД «АУЕ» и последующее сопровождение возбужденных уголовных дел, показывают, что основными ОРМ являются: опрос, наведение справок, исследование предметов и документов, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи.

Как правило, оперативно-розыскные мероприятия и первоначальные следственные действия по рассматриваемым преступлениям, включают в себя:

- согласование плана реализации оперативно-следственных действий, так как следователь начинает осуществлять свою деятельность после фактической реализации оперативных материалов в отношении участников экстремистской организации, основанной на криминальной идеологии, и выполняет роль не организатора раскрытия преступления, а оформителя материалов и сведений, полученных оперативным путем;
- проведение согласованных обысков, допросов и других следственных действий, а также необходимых оперативно-розыскных мероприятий, в целях использования всех возможных источников доказательственной информации в отношении лиц причастных к деятельности рассматриваемой экстремистской организации;
- ориентирование проводимых оперативно-розыскных мероприятий и неотложных следственных действий на основную цель – изъятие предметов и документов, свидетельствующих о криминальной идеологии с принятием мер к доказыванию факта их принадлежности подозреваемым лицам;
- процессуальное закрепление представленных результатов оперативно-розыскной деятельности, полученных в отношении лиц причастных к деятельности, экстремистской организации, основанной на криминальной идеологии в исправительных учреждениях.

Установить и процессуально доказать подобные обстоятельства далеко не всегда удается только следственными действиями, поэтому их оперативно-розыскное сопровождение является неотъемлемым и обязательным элементом. Естественно, что конкретная следственная ситуация подскажет направление и последовательность решения задач ОРО таких ответственных процессуальных решений как сбор достаточно полных фактических материалов для предъявления обвинения подозреваемым, отыскание дополнительных доказательств и в целом определения направленности дальнейшего расследования по уголовному делу [5, 25].

В определенных ситуациях может возникнуть необходимость получения информации оперативными сотрудниками ФСИН России от следователя для проведения оперативно-розыскных мероприятий на более высоком качественном уровне. Однако законом не закреплена обязанность следователя в предоставлении сотрудникам оперативных подразделений УИС всей информации по уголовному делу. В этой ситуации единственным выходом будет являться договоренность между следователем и оперативным сотрудником по взаимному обмену информации.

В свою очередь, сотрудники оперативных подразделений ФСИН России сосредотачивают свои усилия на оказание содействия органам предварительного следствия в отыскании и сборе фактических данных посредством применения всего арсенала ОРД и последующему их введению в уголовный процесс. Однако, как и на стадии доследственной проверки, при решении задачи доказывания виновности подозреваемых в совершении исследуемых преступлений, приоритетное значение имеет агентурный метод обеспечения процесса доказывания.

Библиография:

1. Замылин, Е. И. Оперативно-розыскное «обеспечение» или оперативно-розыскное «сопровождение» // Оперативно-розыскное право: сборник научных трудов. 2015. – С. 74-78.
2. Яскевич, А. В. Оперативно-розыскное сопровождение в теории оперативно-розыскной деятельности / А. В. Яскевич, А. П. Стефаненко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2021. – № 1(41). – С. 90-93.
3. Большов, И. В. Вновь к вопросу определения понятия оперативно-розыскного обеспечения / И. В. Большов // Вестник Московского университета МВД России. – 2013. – № 5. – С. 150-154.
4. Карлеба, В. А. О понятии «следственная ситуация» (теоретический и практический аспекты) // Общество и право. – 2020. – № 2(72). С. – 25.

References:

1. Zamylin, E. I. Operational-investigative "support" or operational-investigative "support" // Operational investigative law: a collection of scientific papers. 2015. – pp. 74-78.
2. Yaskevich, A.V. Operational investigative support in the theory of operational investigative activity / A.V. Yaskevich, A. P. Stefanenko // Bulletin of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus. – 2021. – № 1(41). – Pp. 90-93.
3. Bolshov, I. V. Revisiting the issue of defining the concept of operational investigative support / I. V. Bolshov // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - 2013. – No. 5. – pp. 150-154.
4. Karleba, V. A. On the concept of "investigative situation" (theoretical and practical aspects) // Society and law. – 2020. – № 2(72). P. – 25.

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА УБИЙСТВО ПО ДЕЙСТВУЮЩЕМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ GENERAL ISSUES OF CRIMINAL LIABILITY FOR MURDER UNDER CURRENT CRIMINAL LAW

СЫСОЕВА Татьяна Владимировна,

доцент кафедры Гражданского права Уральского государственного экономического университета,
кандидат юридических наук, доцент.
ул. 8 Марта, 62/45, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620144, Россия.
Email: sysoyevatv@rambler.ru;

СЫСОЕВ Александр Владимирович,

старший преподаватель кафедры Конкурентного права и антимонопольного регулирования
Уральского государственного экономического университета,
аспирант кафедры Конституционного права Уральского государственного юридического университета.
ул. 8 Марта, 62/45, г. Екатеринбург, Свердловская обл., 620144, Россия.
Email: Alexander.sysoeff2018@yandex.ru;

SYSOEVA Tatyana Vladimirovna,

Associate Professor of the Department of Civil Law of the Ural State University of Economics,
Candidate of Law, Associate Professor.
ul. 8 Marta, 62/45, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russia.
Email address: sysoyevatv@rambler.ru ;

SYSOEV Alexander Vladimirovich,

Senior Lecturer at the Department of Competition Law and Antimonopoly Regulation
Ural State University of Economics,
postgraduate student of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University.
ul. 8 Marta, 62/45, Yekaterinburg, Sverdlovsk region, 620144, Russia.
Email: Alexander.sysoeff2018@yandex.ru

Краткая аннотация: Представленная статья посвящена уголовно-правовой характеристике убийств. Авторы анализируют систему российского уголовного законодательства об ответственности за посягательства на жизнь человека и место в этой системе убийства. Статья посвящена уголовно-правовому пониманию убийства, а также его основным признакам. В статье представлены отграничения убийств, предусмотренных ст. 105 УК РФ от других видов убийств. Утверждается, что жизнь человека является главным объектом всей уголовно-правовой системы.

Abstract: The presented article is devoted to the criminal-legal characteristics of murders. The authors analyze the system of Russian criminal legislation on responsibility for attacks on human life and the place of murder in this system. The article is devoted to the criminal-legal understanding of murder, as well as its main features. The article presents the distinctions between murders provided for in Article 105 of the Criminal Code of the Russian Federation and other types of murders. It is argued that human life is the main object of the entire criminal-legal system.

Ключевые слова: посягательства на жизнь, понятие убийства, уголовное законодательство, виды убийств, уголовно-правовая система.

Keywords: attacks on life, the concept of murder, criminal law, types of murders, criminal law system.

Для цитирования: Сысоева Т.В., Сысоев А.В. Общие вопросы уголовной ответственности за убийство по действующему уголовному законодательству // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 382-383. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_382.

For citation: Sysoeva T.V., Sysoev A.V. General issues of criminal liability for murder under current criminal law // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 382-383. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_382.

Статья поступила в редакцию: 10.08.2024

Построение правового государства призвано обеспечить верховенство закона, незыблемость основных прав и свобод человека. Право, в частности уголовное, активно содействует обеспечению прав и интересов граждан нашей страны. Право на жизнь является основным правом каждого человека, которое всесторонне охраняется и обеспечивается международным и внутри государственным законодательством большинства стран современного мира.

Конституция Российской Федерации не только декларирует, но и гарантирует защиту жизни человека, его прав и свобод, возлагая эти функции на государство. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Жизнь личности – это особая форма существования человека (человеческого организма), характеризующаяся целостностью и способностью к самоорганизации: это важнейшее благо, которое в случае смерти человека, не может быть восстановлено^[1].¹ Таким образом, если человек совершает убийство, то он посягает на гарантированную Конституцией РФ и охраняемую уголовным правом высшую ценность - жизнь человека. В связи с этим предпосылкой правильной уголовно-правовой квалификации содеянного является определение понятия жизни человека, его начального и конечного моментов. Не смотря на то, что установление начала и конца жизни человека входит в компетенцию медицинской науки, значение этих моментов носит и правовой характер. Принимая во внимание, что уголовно-правовая защита жизни и здоровья граждан начинается с момента рождения, возникает вполне закономерный вопрос: с какого момента следует констатировать начало жизни?

¹ Альбегли Х.А.. Понятие «убийство»: квалификация преступлений против жизни и здоровья личности. Челябинск, 2022 С. 4-8.

Установление начального момента жизни человека должно основываться на современных достижениях медицинской науки. Согласно Инструкции «Об определении критериев живорождения, мертворождения», ребенок признается живым, если у него проявляется один из признаков жизни, такие как: сердцебиение, пульсация пуповины, произвольное движение мускулатуры. То есть, основываясь на данной инструкции можно изложить определение начального момента жизни человека в следующем виде: «Начальным моментом жизни человека следует считать полное отделение ребенка от утробы матери при установлении хотя бы одного из признаков жизни». Таким образом, при указанных признаках живорождения, ребенок признается живым и умышленное лишение его жизни в этот момент должно рассматриваться как убийство.

Для судебной практики и теории уголовного права важное значение имеет не только правильное установление начала жизни, но и установление момента смерти, поскольку мертвый человек, также как неродившийся, не может быть объектом убийства. Большинство ученых - медиков и юристов единодушны в определении момента смерти. По их мнению, он обусловлен полным и необратимым прекращением всех функций головного мозга. Так, профессор М.И.Ковалев отмечал, что если человек находится в таком состоянии, когда сознание полностью и необратимо угасло, и современная медицина не располагает никакими средствами его восстановить, то сколько бы времени не поддерживалось искусственное дыхание и работа сердца, субъект уже труп, а не личность. Полное и необратимое прекращение сознательной деятельности человека должно считаться юридически полной и окончательной смертью личности» [2]¹

Следует подчеркнуть, что именно с обозначенного момента смерти наступают все правовые последствия, в том числе уголовно-правового характера. Уголовно-правовая охрана жизни человека в полном объеме осуществляется до указанного момента наступления смерти. Если потерпевшему причиняется вред здоровью, в результате которого у него констатируется полное и необратимое прекращение всех функций головного мозга, но жизнеспособно сердце и другие органы, деяние следует квалифицировать как оконченное убийство, разумеется при установлении вины.

Не менее важным в контексте данной работы является вопрос о понятии убийства. Согласно ч.1 ст. 105 УК РФ, убийство есть умышленное причинение смерти другому человеку. Дефиниция убийства, данная в указанной статье, предопределяет, что субъективная сторона убийства характеризуется только умышленной формой вины. Таким образом, согласно действующему законодательству причинение смерти по неосторожности не относится к убийству и ответственность за него предусмотрено статьей 109 УК РФ. Действительно, вряд ли можно назвать убийством те действия виновного, которые произошли вследствие его легкомыслия либо небрежности и привели к наступлению смерти человека.

Таким образом, убийство характеризуется только умышленной формой вины. При чем, умысел может быть как прямым, так и косвенным. При совершении убийства с прямым умыслом виновный желает смерти потерпевшего. При косвенном умысле виновный сознает, что своими действиями причиняет вред жизни и здоровью потерпевшего, но не представляет себе, какие последствия могут повлечь его действия, и сознательно допускает их или относится к ним безразлично. Активность его воли распространяется лишь на действия, а к наступлению возможных последствий она пассивна. Преступник безразличен к последствиям.

Субъективная сторона убийств также характеризуется целями и мотивами их совершения, однако они в большинстве своем определяются в зависимости от обстоятельств совершения каждого конкретного преступления. Цели и мотивы убийств отличаются существенным многообразием, начиная от хулиганских и корыстных побуждений и заканчивая сокрытием других преступных деяний [3]².

2.Ковалев М.И «Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека» / М., 1996г.С.132.

Возвращаясь к понятию убийства, необходимо отметить, что не менее важным признаком убийства является признак противоправности. На основании этого признака проводится отграничение убийства, как посягательства на жизнь человека, от правомерного лишения его жизни, как это бывает при необходимой обороне, исполнении приказа, приведение смертной казни в исполнение. В определенных, установленных законом случаях, убийство составляет необходимый признак объективной стороны других составов преступлений, например, посягательства на жизнь государственного или общественного деятеля (ст277УК РФ), посягательства на жизнь сотрудника правоохранительных органов (ст. 317 УК РФ). Во всех подобных случаях жизнь человека является дополнительным объектом и охватывается диспозицией соответствующей статьи.

Подводя итоги изложенного, мы пришли к следующему выводу. В юридической литературе существует много определений убийства. Однако на наш взгляд, фактически все они не отражают в полной мере его объективных и субъективных признаков, а поэтому мы предлагаем (в порядке обсуждения) следующее определение понятия убийства. Убийство – это общественно опасное, противоправное деяние, характеризующееся умышленной формой вины и лишаящее жизни другого человека, когда его жизнь является непосредственным объектом этого деяния.

Библиография:

1. Альбегли Х.А.. Понятие «убийство»: квалификация преступлений против жизни и здоровья личности. Челябинск, 2022 С. 4-8.

2. Ковалев М.И «Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека» / М., 1996г.С.132.

3. Леонов А.В. Правовая характеристика объективных и субъективных признаков убийства. //Теория права и межгосударственных отношений 2022 Т.1 №9 (21). С.98-102.

References:

1. Albegli H.A.. The concept of "murder": the qualification of crimes against the life and health of an individual. Chelyabinsk, 2022 p. 4-8.

2. Kovalev M.And "Legal problems of protecting human life, health and genetic dignity" / M., 1996 p.132.

3. Leonov A.V. Legal characteristics of objective and subjective signs of murder. //Theory of Law and Interstate relations 2022 Vol.1 No.9 (21). pp.98-102.

¹ Ковалев М.И «Правовые проблемы защиты жизни, здоровья и генетического достоинства человека» / М., 1996г.С.132

² Леонов А.В. Правовая характеристика объективных и субъективных признаков убийства. //Теория права и межгосударственных отношений 2022 Т.1 №9 (21). С.98-102.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_384

УДК 343.92

КРИМИНОГЕННЫЕ КАТАЛИЗАТОРЫ АНТИПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ КАМПАНИЙ ЗА РУБЕЖОМ Criminogenic catalysts of anti-government campaigns abroad

КАБАНОВ Павел Александрович,
директор научно-исследовательского института
Казанского инновационного университета имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП),
доктор юридических наук, доцент.
420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, 42.
E-mail: kabanovp@mail.ru;
ORCID 0000-0002-2964-004X;

ХАРЛАМОВ Валентин Станиславович,
профессор кафедры уголовного права Санкт-Петербургского университета МВД России,
доктор юридических наук, доцент.
198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилутова, д. 1.
E-mail: valentinx55@mail.ru;
ORCID 0000-0002-2009-197X;

KABANOV Pavel Aleksandrovich,
Director of Scientific and Research Institute of Anti-Corruption Kazan Innovative University named V.G Timiryasov (IEML),
Doctor of Laws, Associate Professor.
42 Moskovskaya str., Kazan, Russia, 420111.
E-mail: kabanovp@mail.ru;
ORCID 0000-0002-2964-004X;

KHARLAMOV Valentin Stanislavovich,
Professor of the Department of Criminal Law
of the Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Doctor of Law, Associate Professor,
198206, Russia, St. Petersburg, Pilyutova str., 1.
E-mail: valentinx55@mail.ru;
ORCID 0000-0002-2009-197X

Краткая аннотация: Статья посвящена современным антиправительственным кампаниям в зарубежных странах. Раскрыта их роль в криминализации политической ситуации в стране. Актуальность рассматриваемой проблематики связана с изучением опыта массовых протестов и «цветных революций». В ходе исследования использованы общенаучные методы анализа, синтеза, сравнения и научного детерминизма. Отражено криминогенное воздействие местных и зарубежных проповедников на протестантов. Рассмотрен характер стимулирования протестного настроения антиправительственных кампаний в зарубежных странах. Представлен инструментарий доведения протестного политического потенциала до необходимых оппозиционных кондиций. Оценена специфика кумулятивного применения местных и заграничных информационных, медиаресурсов, сети «Интернет», средств телекоммуникационной связи для поддержания протестных мероприятий в ходе антиправительственных кампаний. Исследована деятельность антиправительственных протестантов для решения тактической задачи устранить преграды, выстроенные местными правоохранителями. Подвергнут анализу характер дискредитации протестантами местных правоохранительных органов. В работе раскрыта роль наиболее значимых криминогенных катализаторов антиправительственных протестов в зарубежных странах.

Abstract: The article is devoted to modern anti-government campaigns in foreign countries. Their role in criminalizing of the political situation in the country is revealed. The relevance of the problematic under consideration is associated with the study of the experience of the «color revolutions». The methods of analysis, synthesis, system analysis and scientific determinism were used in the study. The criminogenic impact of local and foreign preachers on protestants is reflected. The nature of stimulating the protest mood of anti-government campaigns in foreign countries is considered. The tools for bringing the protest political potential to the necessary oppositional conditions are presented. The specifics of the cumulative use of local and foreign information, media resources, the Internet, and telecommunications to support protest events during anti-government campaigns are assessed. The activity of anti-government protestants has been studied to solve the tactical task of removing barriers built by local law enforcement officers. The nature of the discrediting of local law enforcement agencies by protestants is analyzed. In conclusion the role of the most significant criminogenic catalysts of anti-government protests in foreign countries is revealed.

Ключевые слова: протест, криминогенный катализатор, антиправительственная кампания, массовые беспорядки, местные правоохранительные органы.

Keywords: protest, criminogenic, anti-government campaign, mass riots, local law enforcement agencies.

Для цитирования: Кабанов П.А., Харламов В.С. Криминогенные катализаторы антиправительственных кампаний за рубежом // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 384-387. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_384.

For citation: Kabanov P.A., Kharlamov V.S. Criminogenic catalysts of anti-government campaigns abroad // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 384-387. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_384.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Введение. Современный мир содрогается от антиправительственных кампаний. В последние годы тысячи активистов принимали участие в масштабных митингах против правительства Б. Нетаньяху (Израиль), против правительства Н. Пашиняна (Армения), против правительства М. Рютте (Нидерланды), против ошибочных решений органов государственной власти (Аргентина, Германия, Нидерланды, Румыния, Франция, Чехия), а также в манифестациях с призывами прекращения террора в секторе Газа и поддержки Палестины (Великобритания, Израиль, Иордания, Италия, Турция,

США). Многие из них проходили в нарушение требований согласования с органами правоохраны. Значителен массив участников антиправительственных акций. На протестные демонстрации одновременно выходило в Гонконге, Алжире, Чили до двух миллионов человек и в Белоруссии, Болгарии, Польше, Франции – до двухсот тысяч участников. Охватившие Америку, Азию, Европу всплески протестного движения зачастую перерастали в криминальные столкновения с органами правоохраны и сопровождались массовыми беспорядками. Рассматриваемые кампании вовлекали представителей различных религиозных, этнических, профессиональных и возрастных групп. В обществе происходила очевидная эскалация деструктивной криминальной конфликтности. В результате массовых антиправительственных кампаний нарушалась социальная стабильность, снижались уровень жизни и степень личной безопасности, возникала неуверенность в обеспечении достойной жизни, криминализовалась политическая ситуация. Указанные обстоятельства частично исследовались специалистами различных отраслей знания: журналистами, политологами, юристами, включая и криминологов. Однако исследований основных криминальных катализаторов – ускорителей перехода мирных и/или законных (разрешенных органами публичной власти) протестных акций в криминальные явления и процессы, не проводилось. В связи с этим нами поставлена цель – рассмотреть содержание отдельных, наиболее значимых криминальных катализаторов законных массовых протестов и раскрыть их содержание.

Основное исследование. Рассмотрим наиболее значимые криминальные катализаторы антиправительственных протестов в зарубежных странах, которые нашли свою оценку в отечественных средствах массовой коммуникации.

1. Интенсивное воздействие зарубежных проповедников на протестантов для переориентирования целей массовых акций, возникающих как правомерные и даже миролюбивые протесты, в направлении экстремистских и противоправных.

Трансформация целей происходила под влиянием внешних и внутренних интересантов от локальных (приватных, региональных) целей к общегосударственным. В частности, в Иране первоначальным криминальным фактором возникновения серии протестов в период 15 ноября 2019 года – 11 января 2020 года явился рост цен на топливо до двухсот процентов. В дальнейшем протестные акции переросли в требования смены политического режима в стране путем устранения президента Ирана Хасана Рухани и его соратника Али Хаменеи. Изменение целей массовых акций происходило под воздействием специально подготовленных боевиков и международных интересантов. В Чили осенью 2019 года триггером к массовым беспорядкам стал очередной рост цен за проезд в метрополитене. Однако затем эти протесты вылились в борьбу за новую Конституцию, отставку правительства, реформирование экономической системы и её пенсионной, зарплатной и налоговой подсистем.

Для поддержания протестного тона в США массовое американское движение BLM (Black Lives Matter – с англ. «Жизни черных важны») эволюционировало, по оценкам исследователя Терренса Вудбери и других ученых, от лозунга «чёрные люди против полиции» в сторону движения с лозунгом «молодые люди против расизма» [12].

2. Постоянное стимулирование протестного настроения

Анализ организованных противоправных массовых антиправительственных кампаний свидетельствует, что сеть «Интернет» и другие информационно-телекоммуникационные сети, а также средства массовой информации плотно насыщаются протестной информацией и постоянно стимулируют оппозиционные умонастроения. Так, в 2019-2021 гг. в целях пропаганды протестных идей и формирования виртуального большинства протестующих в Гонконге, Белоруссии, США публиковалось и транслировалось огромное количество отредактированных и постановочных видео- и фотоматериалов. Указанные материалы воспроизводили кадры жестокого обращения полицейских с чернокожими и другими правонарушителями, иллюзию повсеместного участия всего населения в протестах, а также популяризировали в обществе протестную символику. Укажем некоторые из их числа: преклонение колен перед неграми (США), регулярное транслирование гимна протеста «Слава Гонконгу» (Гонконг), флэш-мобы в виде пикетов солидарности с политзаключенными и автопробеги с сигнальными автомобилями (Белоруссия).

3. Доведение протестного политического потенциала населения до необходимых оппозиционных кондиций

Судебно-следственной практикой установлено, что криминализация политической ситуации осуществляется посредством изменения предметной сферы, масштабы, географии корректируемых протестных стратегий от приватных (частных) и корпоративных до свержения действующей власти (мятеж и/или государственный переворот). В частности, государственный переворот в Судане проходил многоэтапно. В ходе упомянутого переворота систематически декларировалось, что фактическая власть в стране принадлежит не недавно избранному президенту Омар аль-Баширу, а сложившемуся союзу военных и командиров вооруженных формирований. В результате его удалось сместить. По оппозиционным каналам регулярно транслировалось, что Омар аль-Башир - древний диктатор и он победил на очередных псевдовыборах. Публиковалась информация о ненасытных амбициях Омар аль-Башира и его близкого окружения, из-за которых значительно уменьшились ресурсы страны. Распространялось общественное мнение: якобы Омар аль-Башир стал токсичен в глазах международного сообщества и пугалом для всего западного мира [13].

Современные реалии показывают, что нашла применение в Судане, Белоруссии и других странах технология «социального лазера» или технология стимулированного усиления социальных действий («Stimulated Amplification of Social Actions» - SASA) в сфере управления обществом посредством информационных воздействий в медиасреде [10]. Например, в Белоруссии в последние годы люди оказывались под серьезным информационно-психологическим воздействием эмоций высоких энергий с помощью различных стимулов, в том числе протестных. Социальные сети выполняли роль катализаторов, усиливающих и провоцирующих значительную часть населения на протестные акции. Заряженная таким образом масса людей выполняла роль своеобразной линзы, через которую проводилась целенаправленная атака с целью разрушения ценностных и нравственных

ориентиров граждан. Правоохранители не возражали, чтобы проводимые в период 2017-2021 годов «марши рассерженных белорусов» и другие массовые мероприятия сопровождались протестными атрибутами (флагами и бунтарской символикой). Общий алгоритм действий белорусских протестантов был напечатан, распространен и представлен в мотивирующих памятках и наглядных видеосоюжетах следующим образом: «Выходите из своих домов, встречайтесь с соседями и собирайтесь в небольшие группы до 20 человек. Не стойте на одной точке. Двигайтесь в направлении центра города небольшими группами, но не выходите на центральные площади – силовики готовы к этому. Занимайте все прилегающие улицы и блокируйте дороги. Парализуйте город.... Если вас немного, а силовики идут в атаку, разбегитесь, перегруппируйтесь и появитесь в другом месте. В отступлении нет ничего постыдного» [7, с. 14].

4. Кумулятивное применение местных и заграничных информационных, медиаресурсов, сети «Интернет», средств телекоммуникационной связи для поддержания протестных мероприятий

Консолидированное применение рассматриваемого инструментария направлялось на достижение резонансного эффекта от политических акций протеста. В целях управления оппозиционными протестными акциями активно применялись информационные ресурсы (интерактивные карты и навигаторы). Интернет-технологии использовались для сбора подписей под петициями, привлечения финансов, формирования протестных сообществ, создания боевых групп [1]. Например, в Гонконге протесты ретранслировались посредством международного мессенджера Telegram и онлайн-форума LINKG, расположенного на региональном многопользовательском сайте. На них обсуждались действия оппозиционеров, антиправительственные призывы к захватам зданий и публиковались на интерактивных картах места активных событий. В период антиправительственной кампании в Белоруссии (2020-2021 гг.) активно функционировала целенаправленная информационная платформа, включающая зарубежные и оппозиционные СМИ, средства телекоммуникационной связи оппозиционно настроенных граждан и сообществ с ядром в виде телеграм-каналов NEXTA и ее дочки LUXTA [7, с. 17].

Во многих странах мира, наряду с применением протестной символики и соответствующих атрибутов (ленточек, флажков, воздушных шариков и т.д.), резонансный эффект достигался за счет использования ресурса лидеров бунтарского мейнстрима и масштабных акций (коллективных песнопений, сидячих демонстраций, перекрытия магистралей и т.п.).

5. Консолидация антиправительственных протестантов для решения тактической задачи устранить преграды, выстроенные местными правоохранителями

Известно, что градус криминализации политической ситуации повышается объединением митингующих и ориентированием их протестного натиска в сторону правоохранительных органов. Так, белорусские протестанты посредством созданной собственной информационной платформы (в том числе, телеграм-каналов NEXTA и LUXTA, интернет-газеты «Наша Ніва», интернет-портала TUT.BY) вклинились в работу государственного телевидения, осуществляли попытки нарушить работу интернет-сайтов силовых структур и государственных органов [7, с. 21]. В Таиланде оппозиционеры, требовавшие немедленной отставки правительства Йинглак Чинават, в период масштабных протестных акций блокировали работу правительственных учреждений, в том числе осуществили блокировку здания МВД страны, захватив нескольких офицеров полиции. Министерство финансов Таиланда, захваченное манифестантами, превратилось в один штабов оппозиции. Протестантами был взят под контроль телеканал PBS для трансляции собственных объявлений [2].

6. Дискредитация национальных правоохранительных органов

В ходе протестных акций органы правопорядка, суды, учреждения юстиции, прокуратуры и пенитенциарной системы становятся объектом яростного отрицательного информационно-психологического воздействия. Первоочередная мишень для нападков организаторами массовых протестных акций – правоохранители. Указанное обстоятельство обусловлено осознанием протестантами невозможности достичь намеченных целей мирными методами путем демонстраций, пикетов, воззваний, петиций и пр. [11]. В таких случаях на смену мирным протестантам приходили подготовленные для этих целей боевики. Организаторы манифестаций в процессе их проведения ориентировали участников на агрессивное поведение в отношении представителей силовых государственных структур. Результатами анализа информации об антиправительственных протестах установлено, что в случае неэффективности бесконтактного воздействия в отношении правоохранителей в виде словесных угроз, оскорбительных надписях на автомобилях, стенах, тротуарах, протестанты оказывали психологическое воздействие на них для запугивания последних. В частности, сторонники американского движения BLM забрасывали камнями учреждения полиции, поджигали полицейские машины, принуждали полицейских публично каяться за преступления перед чернокожими гражданами, ложиться лицом в асфальт и мыть ноги негритянским соотечественникам [9]. В Гонконге в августе 2019 года боевики бросали в полицейских бензиновые бомбы, брусчатку, токсичную жидкость, используя специально разработанное мобильное приложение с определителем местонахождения полиции [4]. В Белоруссии для противостояния органам правопорядка были созданы специальные силы «самообороны» и «народные дружины». Сформированные отряды белорусских боевиков следовали указаниям, представленным в рекомендациях, памятках и видеороликах, размещенных на различных интернет-платформах. Ядро боевых дружин составляла молодежь. В рекомендациях молодым боевикам предлагалась протестная экипировка (щиты, шлемы, обрезы и т.д.), разъяснялись алгоритмы силового воздействия на правоохранителей, характер блокирования служителей правопорядка и применения к ним насилия. Связующим мобильным звеном боевиков назначалось множество велосипедистов [7, с. 24]. По заявлению МВД Республики Казахстан, в январе 2022 года в Казахстане во время массовых беспорядков, начавшихся

как протестные акции из-за повышения потребительских цен, погибли не менее восьми сотрудников полиции и военнослужащих национальной гвардии, более трех тысяч сотрудников силовых структур получили различный вред здоровью от огнестрельных и ножевых ранений [3; 8]. Во Франции в марте 2023 года во время массовых беспорядков, начавшихся как манифестации против пенсионной реформы, получили травмы более 400 стражей правопорядка [6]. В апреле 2021 года протестанты, выступающие за автономию Северной Ирландии, забросали полицию емкостями с горючей смесью, камнями и кирпичами. Они поджигали машины и мусорные баки. Всего в столкновениях с протестующими, пострадали 74 полицейских [5].

Заключение. Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что начинающиеся как правомерные, но неконтролируемые органами публичной власти антиправительственные кампании в зарубежных странах, под воздействием криминогенных катализаторов, превращались в массовые беспорядки, акты криминального политического экстремизма, иные преступные посягательства против органов государственной власти. Краткосрочное прогнозирование и адекватное реагирование на правомерное проведение антиправительственных кампаний со стороны органов правоохраны, основанное на предварительной правовой оценке криминогенных катализаторов протестных мероприятий, позволяет своевременно предотвращать криминальную конфликтность в обществе и не допускать массовых криминальных явлений, включая и так называемые «цветные революции».

Библиография:

1. Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Информационные капсулы как структурный компонент современной политической интернет-коммуникации // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2020. № 53. С. 188-196.
2. В Таиланде оппозиционеры проводят масштабную акцию протеста. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/802414> (дата обращения: 05.06.2024).
3. Ганга А., Крюков А. Восемь силовиков погибли во время беспорядков в Казахстане. URL: <https://iz.ru/1273675/2022-01-05/vosem-silovikov-pogibli-vo-vremia-besporiadkov-v-kazakhstane> (дата обращения: 05.06.2024).
4. Громов А. Акции протеста в Гонконге // ИА ТАСС. 2019. 02 сентября. URL: <https://tass.ru/akcii-protesta-v-gonkonge>; <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6832469> (дата обращения: 05.06.2024).
5. Джоанна Тейлор Беспорядки в Белфасте // Independent. 10 апреля 2021. URL: <https://rtvi.com/stories/police-attacked-in-belfast/> (дата обращения: 05.06.2024).
6. Пархоменко Г. 457 человек задержаны, свыше 400 полицейских пострадали в ходе ночных беспорядков во Франции // Российская газета. 2023. 24 марта. № 457.
7. Пономарева Е.Г. Протестное движение в Белоруссии: эволюция, технологии, символы // Научно-аналитический журнал «Обозреватель-Observer». 2021. № 2 (373). С. 5-28.
8. Тулеубекова А. Факты нападения на полицейских и военных озвучили в МВД. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6007138-besporiadki-2022-v-mvd-ozvuchili-fakty-napadenii-na-politseiskikh-i-voennykh.html> (дата обращения: 05.06.2024).
9. Филатов С. Американская трагедия полиции // Международная жизнь. 2020. 15 июня. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26653> (дата обращения: 05.06.2024).
10. Хренников А.Ю. Социальный Лазер. Оружие массового поражения 21-го века. Сингапур. Издательство Джени Стэнфорд. 2020. 138 с.
11. Шарп Д. От диктатуры к демократии: стратегия и тактика освобождения / пер. с англ. Н. Козловской. М.: Новое издательство, 2005. 84 с.
12. Brownstein Ronald. The BLM protests preview the politics of a diversifying America // CNN. 2020. 23 June.
13. Kamenetsky E. Chronicles of the coup in Sudan: the president fled // Military review. 2019. 11 April.

References:

1. Artamonova Yu.D., Volodenkov S.V. Information capsules as a structural component of modern political Internet communication // Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science. 2020. No. 53. pp. 188-196.
2. In Thailand, the opposition is holding a large-scale protest action. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/802414> (date of application: 06/05/2024).
3. Ganga A., Kryukov A. Eight security officers died during riots in Kazakhstan. URL: <https://iz.ru/1273675/2022-01-05/vosem-silovikov-pogibli-vo-vremia-besporiadkov-v-kazakhstan> (date of appeal: 06/05/2024).
4. Gromov A. Protest actions in Hong Kong // IA TASS. 2019. September 02. URL: <https://tass.ru/akcii-protesta-v-gonkonge>; <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/6832469> (date of access: 06/05/2024).
5. Joanna Taylor Riots in Belfast // Independent. April 10, 2021. URL: <https://rtvi.com/stories/police-attacked-in-belfast/> (date of access: 06/05/2024).
6. Parkhomenko G. 457 people were detained, over 400 police officers were injured during the night riots in France // Rossiyskaya gazeta. 2023. March 24th. No. 457.
7. Ponomareva E.G. Protest movement in Belarus: evolution, technologies, symbols // Scientific and analytical journal «Obzrevatel-Observer». 2021. No. 2 (373). pp. 5-28.
8. Tulebekova A. Facts of attacks on police and military were announced in the Ministry of Internal Affairs. URL: <https://www.zakon.kz/obshestvo/6007138-besporiadki-2022-v-mvd-ozvuchili-fakty-napadenii-na-politseiskikh-i-voennykh.html> (date of application: 06/05/2024).
9. Filatov S. The American tragedy of the police // International life. 2020. June 15th. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/26653> (date of application: 06/05/2024).
10. Khrennikov A.Yu. Social Laser. Weapons of mass destruction of the 21st century. Singapore. Jenny Stanford Publishing, 2020. 138 p.
11. Sharp D. From dictatorship to democracy: strategy and tactics of liberation / translated from the English by N. Kozlovskaya. M.: New publishing House, 2005. 84 p.
12. Brownstein Ronald. The BLM protests preview the politics of a diversifying America // CNN. 2020. 23 June.
13. Kamenetsky E. Chronicles of the coup in Sudan: the president fled // Military review. 2019. 11 April.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_388

УДК 343.01

О ПРОБЛЕМАХ РЕАЛИЗАЦИИ МЕР НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЛЕГАЛИЗАЦИИ ДОХОДОВ, ПОЛУЧЕННЫХ ПРЕСТУПНЫМ ПУТЕМ, В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ON THE PROBLEMS OF IMPLEMENTING REGULATORY MEASURES IN THE FIELD OF COUNTERING THE PROCEEDS OF CRIME LEGALIZATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION

ХАРЧЕНКО Олег Витальевич,

кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного права,
ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения».
190000, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д.67, лит. А.

E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com;

KHARCHENKO Oleg Vital'evich,

PhD in Law, professor, professor of the Department of the Public Law,
Saint-Petersburg State University of Aerospace Instrumentation.
190000, 67 Bolshaya Morskaya street, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: prof.o.v.kharchenko@gmail.com

Краткая аннотация: В статье рассматриваются проблемы нормативно-правового регулирования в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, в условиях цифровизации в России. Приводятся и анализируются принимаемые меры нормативно-правового регулирования в данной сфере за 2023 г., а также отмеченный Росфинмониторингом рост рисков и угроз. Обращено внимание на недостаточную реализацию принимаемых мер, что находит отражение в незначительной судебной практике за 2023 г. об осуждении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 174 и ст. 174.1 УК РФ и отсутствие судебной практики по введенной в действие ст. 172.3. УК РФ.

Abstract: The article examines the problems of regulatory measures in the field of countering the proceeds of crime legalization in the context of digitalization in Russia. The regulatory measures in this area for 2023 are presented and analyzed, as well as the growth of risks and threats noted by Rosfinmonitoring. Attention is drawn to the insufficient implementation of the measures taken, which is reflected in the insignificant judicial practice in 2023 on the conviction of persons who committed crimes under art. 174 and art. 174.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the absence of judicial practice under art. 172.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Ключевые слова: нормативно-правовое регулирование, легализация доходов, полученных преступным путем, цифровизация, криптовалюта.

Keywords: regulatory measures, proceeds of crime legalization, digitalization, cryptocurrency.

Для цитирования: Харченко О.В. О проблемах реализации мер нормативно-правового регулирования в сфере противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, в условиях цифровизации // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_388.

For citation: Kharchenko O.V. On the problems of implementing regulatory measures in the field of countering the legalization of proceeds from crime in the context of digitalization // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 388-391. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_388.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

В опубликованном 14 мая 2024 г. годовом отчете Росфинмониторинга были представлены результаты мониторинга за 2023 г., где отмечен рост следующих рисков и угроз:

- теневые схемы, связанные с транзитом и обналичиваем денежных средств;
- финансовое мошенничество с применением методов социальной инженерии;
- мошеннические схемы, связанные с привлечением денежных средств в финансовые пирамиды, преимущественно действующие в Интернете;
- использование в преступной деятельности драгоценных металлов;
- использование банковских счетов, банковских карт и криптовалют [7].

Росфинмониторинг активно участвует также в нормативно-правовом регулировании. При быстро развивающихся технологиях и расширении использования электронных средств платежей, необходимо обеспечить эффективную работу механизма для борьбы с такими видами преступной деятельности. В Федеральный закон от 07.08.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» постоянно вносятся изменения, так в 2023 г. было внесено семь изменений, а в 2024 г. – два [2].

Цифровизация и развитие технологий в современном мире привели к возникновению новых вызовов и проблем, среди которых особое внимание к легализации преступных доходов. Цифровая экономика предоставляет преступникам новые возможности для сокрытия и оборачивания незаконно полученных средств, что создает серьезную угрозу для стабильности финансовой системы и правового порядка. В этой связи актуальной становится задача разработки и совершенствования методов противодействия легализации таких доходов в условиях цифровизации.

Одно из направлений разработки методик противодействия отмыванию – это методики цифровых денег.

Экономика государства находится в состоянии постоянных изменений и одной из основных причин этих изменений является сегодня цифровизация. Государство и общество активно используют современные технологии для оптимизации своей деятельности. В период трансформации экономики большое внимание уделяется современным технологиям. Сегодня, учитывая рост киберпреступности, особое внимание государство уделяет обеспечению конфиденциальности информации и безопасности данных. Приоритетным становится развитие нормативно-правовой базы в условиях цифровизации, активное взаимодействие государства, бизнеса и общества в цифровом пространстве, а также поддержка государством инноваций и технического прогресса.

Развитие информационных технологий и распространение цифровых платформ расширили спектр инструментов и способов передачи и оборачивания средств. Криптовалюты, электронные платежные системы и другие цифровые технологии позволяют преступникам осуществлять финансовые операции анонимно и переводить средства бесконтрольно. В результате возникает серьезная угроза для экономической безопасности, правовой системы и социальной стабильности. Эти средства могут быть использованы для финансирования террористической деятельности, организации преступных группировок, коррупции и других противоправных действий. Разработка и совершенствование методов противодействия становятся актуальными задачами для правоохранительных органов, специалистов в области финансового контроля и судебных экспертов.

Следует разрабатывать эффективные инструменты и алгоритмы для выявления, предотвращения и пресечения финансовых преступлений, связанных с использованием цифровых технологий.

Существующая обработка отчетности через цифровые средства и каналы становится еще одним важным вызовом для экономической безопасности государства. Существует риск возникновения новых, ранее неизвестных угроз не обнаружения противоправных операций.

Развитие цифровой экономики приводит к изменениям в государственной политике, пересмотру нормативно-правового регулирования, работы компаний, способов производства, что существенно стимулирует экономический рост, трансформирует различные отрасли и секторы экономики. Поэтому следует учитывать тенденции неустойчивой экономической среды в условиях конкуренции и при политическом кризисе [6].

Сотрудничество между государством и бизнесом способствует развитию цифровой экономики, так как предпринимательская деятельность представляет собой важнейший источник налоговых поступлений в бюджет, создает рабочие места и привлекает инвесторов.

Обеспечение безопасности информационных систем считается одной из наиболее критичных задач для обеспечения экономической безопасности и общественной стабильности. Поэтому развитие страны включает в свои национальные стратегии вопросы безопасности в цифровой среде.

Цифровизация государственных органов существенно упрощает взаимодействие граждан с государственными структурами, сокращает время обработки обращений и способствует более эффективному управлению. Вместе с тем цифровая экономика требует четкого определения структур ответственных за ее реализацию и контроля распределения бюджетных средств, а также обеспечить возможность доступа населения к новым технологиям. В результате цифровизации рынок труда претерпевает значительные изменения, появляются новые сферы деятельности, вытесняются некоторые традиционные профессии, что потребует затрат на обучение и переподготовку.

Требуется внимания вопрос конфиденциальности данных пользователей, особенно в контексте развития интернет-магазинов и социальных сетей. Сбор и анализ данных клиентов могут быть полезны для предпринимателей, но необходимо обеспечивать надежную защиту личной информации от возможных утечек персональных данных или неправомерного их использования.

Законом предусмотрена ответственность и установлены обстоятельства для финансовых организаций, например:

- проводить мониторинг операций клиентов и установить процедуры идентификации клиентов, в том числе сбор и проверку их персональных данных;
- оценивать риски на основании характера операций и деятельности клиентов, а также устанавливать системы внутреннего контроля;
- уведомлять о подозрительных операциях, а также сотрудничать с компетентными органами при проверках и расследованиях;
- создавать свою внутреннюю политику и процедуры.

В 2023 г. в нормативные правовые акты были внесены следующие изменения, направленные на снижение рисков в данной сфере, которые учитывают современные условия цифровизации:

- Расширен перечень оснований для исключения юридических лиц и индивидуальных предпринимателей из ЕГРЮЛ и ЕГРИП. К юридическим лицам и ИП с высокой степенью риска, не добившимся его понижения, применяется общая процедура принудительного исключения из указанных реестров.
- На Росфинмониторинг возложены полномочия по рассмотрению уведомлений экономически значимых организаций, вынесению резидентам Российской Федерации предписаний об устранении выявленных нарушений с целью вступления в прямое владение акциями экономически значимой организации.
- Определены основные требования к платформе цифрового рубля и условия ее функционирования, права и обязанности оператора и участников платформы.

- На Банк России возложены полномочия по контролю (надзору) за соблюдением операторами по приему платежей антиотмывочного законодательства.
- Установлена административная ответственность за непредставление в Росфинмониторинг сведений о выгодоприобретателях, ставших известными организации при заключении договора страхования в пользу третьего лица.
- В четырех регионах России с сентября 2023 года по 1 сентября 2025 года запущен эксперимент по партнерскому финансированию (т.н. исламский банкинг). Участники эксперимента вовлекаются в антиотмывочную систему.
- Уточнены полномочия Банка России и обязанности резидентов, связанные с представлением информации о получении ими или их дочерними хозяйственными обществами денежных средств от нерезидентов, причитающихся по условиям внешнеторговых договоров.
- Введены обязанности экспортеров по зачислению на свои счета в уполномоченных банках иностранной валюты и осуществлению ее обязательной продажи на внутреннем рынке [4].
- Росфинмониторинг наделен полномочиями по мониторингу продажи иностранной валюты на внутреннем валютном рынке российскими экспортерами.

В условиях цифровизации возникает необходимость усиления контроля за операциями с криптовалютами, установлены требования к организации работы операторов цифровых финансовых активов (ЦФА), включая процедуры идентификации клиентов, мониторинга транзакций и сообщения о подозрительных операциях [3].

Финансовые организации могут быть подвергнуты административным или уголовным санкциям за нарушение требований законодательства. Например, если финансовая организация не сообщает о подозрительной операции, то ее руководители могут быть привлечены к уголовной ответственности по статье 172.3. УК РФ [1]. Данная норма была введена в 2018 г., однако в 2022 г. был осужден один человек, а в 2023 г. не было осуждено ни одного человека. Следует также отметить проблемы и незначительную судебную практику в 2022 г. и 2023 г. по ст. 174 УК РФ было осуждено по два человека и по ст. 174.1 УК РФ соответственно 15 и 23 человека [15].

К проблемам относятся высокий уровень латентности данного вида преступлений, использование преступниками современных технологий и сложность расследования [16].

Особое внимание должно уделяться методам обеспечения информационной безопасности и противодействия экономическим преступлениям, включая вопросы расследования таких незаконных действий. Для предотвращения преступлений необходимо обеспечить возможность контроля и проверки программного обеспечения и сервисов на соответствие требованиям по информационной безопасности и защите данных путем их сертификации.

С целью легализации статуса пользователей Интернета необходимо создать информационное пространство, где субъекты информационной сферы и их средства взаимодействия могут быть однозначно идентифицированы. Информационное и коммуникационное обеспечение является неотъемлемой частью современной экономики, применяемой как на уровне управления, так и в сферах государственного управления, таких как оборона, промышленность и другие. Однако, помимо задач информатизации общества, возникает необходимость обеспечить информационную безопасность как национального уровня, так и защитить интересы отдельных граждан. С развитием инструментария для сбора, обработки, передачи и хранения персональных данных пользователей Интернета, возрастает риск их злоупотребления для извлечения незаконной выгоды, включая обман и мошенничество или прямое хищение для личных целей преступников.

Обеспечение безопасной информационной среды требует учета следующих аспектов:

- воспитание молодежи, так как они являются основными пользователями интернета;
- формирование безопасного информационного пространства через распространение доступных информационных ресурсов;
- улучшение контрольных функций интернет-коммуникаций для быстрого выявления угроз безопасности.
- развитие нормативно-правовой базы для цифровой экономики, включая обнаружение, предупреждение и противодействие угрозам информационной безопасности;

- совершенствование системы контроля доступа к неопубликованной информации и контроля ее использования;

- улучшение законодательного регулирования интернет-контента, включая СМИ, телевидение, социальные сети и мессенджеры.

Для обеспечения устойчивого функционирования информационного пространства, необходимо:

- создание единой нормативно-правовой базы для цифровой экономики;
- организация информационного взаимодействия различных государственных органов и коммерческих структур;
- использование криптографических технологий и средств шифрования;
- комплексная система защиты информации;
- непрерывный мониторинг и анализ угроз информационной безопасности.

В заключение следует отметить, что меры нормативно-правового регулирования в рассмотренной сфере в условиях цифровизации пока

являются недостаточными. Злоумышленники используют новые технологии для скрытия происхождения доходов, поэтому для повышения эффективности принимаемых мер необходимо постоянно совершенствовать методы и технологии борьбы, развивать и использовать искусственный интеллект, анализ больших данных и другие инновационные методы.

Требуется координация усилий государственных органов, финансовых институтов и общественности в целом. Развитие цифровых технологий создает новые вызовы и возможности в борьбе с легализацией доходов, требуется постоянное совершенствование нормативно-правового регулирования и практики их реализации.

Библиография:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.05.2024) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (Дата обращения: 20.06.2024 г.).
2. Федеральный закон от 07.05.2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (Дата обращения: 20.06.2024 г.).
3. Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (Дата обращения: 20.06.2024 г.).
4. Постановление Правительства РФ от 12.10.2023 № 1681 (ред. от 26.04.2024) «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 11 октября 2023 г. № 771» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460055/ (Дата обращения: 20.06.2024 г.).
5. Указ Президента РФ от 13.06.2012 № 808 (ред. от 13.11.2023) «Вопросы Федеральной службы по финансовому мониторингу» (вместе с «Положением о Федеральной службе по финансовому мониторингу») // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131097/ (Дата обращения: 20.06.2024 г.).
6. Моденов, А. К. Методологические аспекты формирования информационно-аналитической деятельности в системе экономической безопасности / А. К. Моденов // Проблемы экономической безопасности в условиях цифровизации экономики : Материалы Межрегиональной научно-практической конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 23 марта 2022 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет, 2022. – С. 77-95.
7. Отчет о работе Росфинмониторинга за 2023 год // Официальный сайт Росфинмониторинг // <https://www.fedsfm.ru/releases/7643> (Дата обращения: 20.06.2024 г.).
8. Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений УК РФ и иных лиц, в отношении которых вынесены судебные акты по уголовным делам за 12 месяцев 2023 г. (Форма № 10-а) // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: [сайт]. – URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (дата обращения: 20.06.2024).
9. Харченко О.В. Криминологическое исследование преступлений, связанных с легализацией (отмыванием) денежных средств // Журнал правовых и экономических исследований, 2022, № 1 – С. 26–38.

References:

1. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 No. 63-FZ of June 13, 1996 (05/29/2024) – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed 20 June 2024).
2. Federal Law No. 115-FZ of May 7, 2001 "On Countering the Legalization (Laundering) of Proceeds from Crime and the Financing of Terrorism" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32834/ (accessed 20 June 2024).
3. Federal Law No. 259-FZ of July 31, 2020 "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (accessed 20 June 2024).
4. Decree of the Government of the Russian Federation No. 1681 of October 12, 2023 (04/26/2024) "On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation dated October 11, 2023 No. 771" – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_460055/ (accessed 20 June 2024).
5. Decree of the President of the Russian Federation No. 808 of June 13, 2012 (11/13/2023) "Issues of the Federal Financial Monitoring Service" (together with the "Regulations on the Federal Financial Monitoring Service") – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_131097/ (accessed 20 June 2024).
6. Modenov, A. K. Methodological aspects of the formation of information and analytical activities in the system of economic security / A. K. Modenov // Problems of economic security in the conditions of digitalization of the economy : Materials of the Interregional scientific and practical conference with international participation, St. Petersburg, March 23, 2022. – St. Petersburg: St. Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering, 2022. - pp. 77-95.
7. Report on the work of Rosfinmonitoring for 2023 has been published // Official website of Rosfinmonitoring – URL: <https://www.fedsfm.ru/releases/7643/> (accessed 20 June 2024).
8. Report on the number of convicts for all types of crimes of the Criminal Code of the Russian Federation and other persons against whom judicial acts on criminal cases were issued for 12 months of 2023 (Form No. 10-a) // Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation: [website]. – URL: <http://cdep.ru/index.php?id=79&item=7649> (accessed 20 June 2024).
9. Kharchenko O.V. Criminological investigation of crimes related to money laundering // Journal of Legal and Economic Research, 2022, No. 1. – pp. 26-38.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_392

УДК 343.98

РАССЛЕДОВАНИЕ ВЫМОГАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННОГО С ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ EXTORTION INVESTIGATION, RELATED TO PROFESSIONAL ACTIVITY

ЯКОВЛЕВ Макар Макарович,

заслуженный юрист России, генерал-майор юстиции в отставке, почетный доктор права Римского международного университета, кандидат юридических наук, профессор кафедры уголовного права и процесса Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.
E-mail: makar961947@mail.ru;

СИДОРОВ Трофим Арианович,

магистрант Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 677000, Россия, г. Якутск, ул. Белинского, д. 58.
E-mail: Sidorovtrofim98@mail.ru;

Yakovlev Makar Makarovich,

Honored Lawyer of Russia, a retired Major General of Justice, Honorary Doctor of Law of the Rome International University, Candidate of Sciences in Jurisprudence, Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of M.K. Ammosov North-Eastern Federal University. 58 Belinsky str., Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: makar961947@mail.ru;

Sidorov Trofim Arianovich,

master's student of the North-Eastern Federal University. M.K. Ammosov. 58 Belinsky str., Yakutsk, Russia, 677000.
E-mail: Sidorovtrofim98@mail.ru

Краткая аннотация: Вымогательство как криминальное явление, получившее широкое распространение в постсоветской России, относится к числу наиболее опасных, имеющих тенденцию к росту преступных посягательств на государственную, общественную, частную собственность, а также на иные имущественные отношения (обязательственные, наследственные, жилищные и т.д.). Повышенная общественная опасность преступного вымогательства определяется не только тем, что оно посягает на охраняемые законом отношения собственности, но и своей сопряженностью с причинением вреда неприкосновенности, здоровью, жизни, чести и достоинству личности.

Abstract: Extortion as a criminal phenomenon, which became widespread in post-Soviet Russia, is among the most dangerous, with a tendency to increase criminal attacks on State, public, private property, as well as other property relations (obligations, hereditary, housing, etc.). The increased social risk of criminal extortion is determined not only by the fact that it infringes on the property protected by law, but also by its concomitant damage to the integrity, health, life, honour and dignity of the individual.

Ключевые слова: Вымогательство, криминальный, профессиональная деятельность, должностное положение, потерпевший, шантаж, пособник, взятка, корыстный, подкуп.

Keywords: Extortion, criminal, professional activity, official position, victim, blackmail, accomplice, bribery, bribery.

Для цитирования: Яковлев М.М., Сидоров Т.А. Расследование вымогательства, связанного с профессиональной деятельностью // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 392-395. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_392.

For citation: Yakovlev M.M., Sidorov T.A. Extortion investigation related to professional activity // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 392-395. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_392.

Статья поступила в редакцию: 18.05.2024

Вымогательство, как криминальное явление, получившее широкое распространение в постсоветской России, до сегодняшних дней относится к числу наиболее опасных, имеющих тенденцию к росту преступных посягательств на государственную, общественную, частную собственность, а также иные имущественные отношения (обязательственные, наследственные, жилищные и т.д.). Повышенная общественная опасность вымогательства определяется не только тем, что оно посягает на охраняемые законом отношения собственности, но и своей сопряженностью с причинением вреда неприкосновенности, здоровью, жизни, чести и достоинству личности.

Своеобразие рассматриваемого преступления заключается в том, что:

- основным объектом этого посягательства являются отношения собственности, а дополнительным – личность;
- предмет вымогательства – это: 1) чужое имущество; 2) право на чужое имущество; 3) действия имущественного характера;
- действия имущественного характера, как правило, выражаются в требовании: 1) выполнения каких-либо работ без соответствующего материального вознаграждения; 2) зачисления на высокооплачиваемую работу; 3) включения в число лиц, получающих какие-либо льготы на имущество;
- требуя передачи ему потерпевшим или его близкими имущества, которое им принадлежит либо находится в их владении или ведении, вымогатель стремится в дальнейшем использовать потребительские свойства этого имущества и тем самым получить выгоду материального характера, а если требует наделять его или иных лиц правом на имущество, то он преследует цель воспользоваться в будущем этим правом, получить имущество либо иную имущественную выгоду;
- указанные требования подкрепляются угрозой: 1) применением насилия; 2) уничтожения или повреждения чужого имущества; 3) распро-

странения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, а также распространения иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам, законным интересам потерпевшего или его близких;

- угроза применения насилия может выражаться в нанесении побоев, в причинении вреда здоровью, убийстве, незаконном лишении свободы, совершении насильственных действий сексуального характера.

В УК РФ включен ряд специальных норм, предусматривающих ответственность за вымогательство некоторых видов предметов и вещей: оружия, комплектующих деталей к нему, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывчатых устройств (ст. 226); наркотических средств и психотропных веществ (ст. 229); радиоактивных материалов (ст. 221).

С вымогательством может быть сопряжено совершение и других преступлений. Подобное имеет место, например, в случае похищения человека из корыстных побуждений (п. «З» ч. 2 ст. 126 УК РФ). «Если похищение сопряжено с вымогательством, то содеянное необходимо квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.ст. 126 и 163 УК РФ».

Как правило, похищение человека совершается хорошо подготовленными организованными преступными группами. Обращает на себя внимание высокий удельный вес таких участников данного преступления, как работники коммерческих структур и совместных предприятий и руководители коммерческих структур. Основным мотивом похищения людей является корысть. Чаще всего преступники требуют за освобождение похищенного у «потерпевших или их родственников деньги и иные ценности (в качестве выкупа) или выполнения действий, позволяющих им вступить в права распоряжения имуществом. Требования выкупа за освобождение стало использоваться и для экономических споров -побуждения должника к исполнению своих обязанностей, вытекающих из условий кредитного договора, иных контрактов, а также внедоговорных обязательств».

Сходная криминальная картина складывается и по делам о вымогателях, паразитирующих на захвате заложников. По данным С.Н. Коткина, наиболее характерными мотивами захвата заложников являются корыстные, политические и бытовые побуждения. Причем в более чем двух третях случаев заложники захватываются из-за корыстных побуждений, в основном, для получения выкупа.

При всем различии уголовно-правовых характеристик упомянутых преступлений их объединяет три существенных момента: 1) событие вымогательства; 2) предмет вымогательства; 3) факт передачи (попытка передачи) предмета вымогательства. Эти обстоятельства определяют сходство технологии выявления и раскрытия преступлений, сопряженных с вымогательством. (Данное сходство выражается, в частности, в необходимости в каждом случае установить наличие факта вымогательства, признаков предмета вымогательства, а также того, как развивались события после выдвижения требования вымогателя).

При рассмотрении с криминалистических позиций вымогательства как общего понятия родового уровня важно учитывать не только то, в чем сходны и чем отличаются друг от друга указанные виды преступлений, но и не упускать из поля зрения особенности типичных криминальных и следственных ситуаций, познание характера и раскрытие содержания которых напрямую зависит от результатов научного изучения, типизации, классификации и систематизации исследуемых преступлений, а также отдельных элементов механизмов подготовки, совершения, отражения преступлений и образующихся следов. С этой точки зрения научный и практический интерес представляет учет того, что вымогательство может рассматриваться, во-первых, как относительно самостоятельное, целостное, реальное уголовно - правовое явление; во-вторых, как элемент того или иного вида преступления (чаще всего как способ его совершения); в третьих, как звено единой цепи преступной деятельности (нескольких эпизодов) однотипных, серийно совершаемых преступлений; в четвертых, как элемент (элементы) серии различных видов преступлений, совершенных виновным (виновными), не охваченных единым преступным замыслом.

Подобная типология важна как для определения своеобразия обстоятельств, подлежащих установлению, так и средств, способов, приемов, используемых для выявления и раскрытия преступного вымогательства и других деяний, совершенных виновными лицами. Решению указанных задач способствует также знание типовых характеристик вымогателей, потерпевших от вымогательства, предмета и способов вымогательства.

Следственная практика показывает, что к совершению вымогательств чаще всего склонны физически крепкие лица мужского пола молодого и среднего возраста, большинство из которых имеют криминальный опыт, в том числе сопряженный с судимостью. Имеются в виду исполнители преступления. В то же время среди организаторов и пособников вымогательств фиксируется смешанный контингент, состоящий из лиц различного возраста, пола и физического здоровья.

Вымогательства редко совершаются в одиночку и без детальной подготовки. Преступные группы формируются на основе родства, землячества, совместных занятий, связей по месту жительства, работы, проведения досуга, отбывания наказания за ранее совершенные преступления.

Преступные группы создаются только для совершения вымогательства в виде одноразовых, так и многократно совершаемых (серийных, многоэпизодных) акций, а также для совершения вымогательств и других преступлений.

Потерпевшими по делам о вымогательстве выступают лица, к которым непосредственно обращены преступные требования и в отношении которых реализованы угрозы, а также их близкие, безопасность, благополучие, жизнь и здоровье которых небезразличны первым

В основной своей массе на роль жертв преступления избираются стабильно состоятельные в материальном отношении лица, а также и небогатые люди, если преступники располагают данными о наличии у них имущества, которым можно поживиться, появившегося у потерпевших в силу тех или иных обстоятельств (например, продажи квартиры, вступления в наследство).

Угроза шантажа или насилия, в одних случаях, приводится в действие преступниками сразу после выдвижения требований и вступления в контакт с потерпевшими; в других случаях - спустя какое-то время, если потерпевшие отказались удовлетворить эти требования либо не имели реальной возможности сделать это быстро и попросили об отсрочке их удовлетворения.

Вымогательству нередко предшествует похищение человека, угон транспортных средств и другие преступления, входящие в механизм подготовки предстоящего вымогательства и выдвигаемых затем требований как условия возврата автомобиля, освобождения похищенного человека за вознаграждение под угрозой невозвращения имущества и убийства либо пытки, истязания, причинения увечий похищенному лицу. Реальное вымогательство следует отличать от виртуального, связанного с инсценированием похищения, совершаемого мнимыми похитителями по сговору с кем-либо из членов семьи, другим близким человека, ставшего объектом незаконных действий, квалифицируемых как мошенничество.

Подготовка к реальному вымогательству обычно предполагает:

- Определение лица, которому преступники намерены предъявить требования имущественного характера;
- осуществление в необходимых случаях наблюдения за данным лицом с целью выяснения его привычек, интересов, маршрутов и способов передвижения, получения иной информации, с учетом которой предполагается совершить вымогательство;
- определение способа, места и момента предъявления преступных требований;
- подготовку необходимых орудий преступления и иных средств незаконного воздействия на потерпевшего, доставку участников преступления на места предстоящих событий и т.д.;
- вовлечение потерпевшего в противоправную ситуацию, совершение иных запланированных и ситуационно обусловленных действий.

Следующий этап данной криминальной операции включает в себя предъявление потерпевшему незаконных требований под угрозой шантажа (уничтожения имущества, опубликования в прессе компрометирующих данных и т. п.) и/или насилия. Это делается путем вступления вымогателей в непосредственный контакт с потерпевшим (его близкими), направления ему письменной, печатной, звуковой и иной информации на соответствующих материальных носителях, а также через третьих лиц (родственников, знакомых, посторонних лиц для потерпевшего).

Угроза до сведения потерпевшего может доводиться вербальным путем (прямо или намеками), интонацией, жестами, другими внешними проявлениями, а также письменно или с помощью иных носителей информации, передаваемых непосредственно исполнителями преступления или через иных лиц.

Исполнение потерпевшим незаконных требований вымогателя производится: лично потерпевшим при встрече с вымогателями в назначенном ими месте и в назначенное время; через тайник, указанный, вымогателем; через третьих лиц; в почтовых отправлениях и иными способами.

Различными способами осуществляется и приведение угроз в действие: физическое воздействие в отношении потерпевшего или его близких; повреждение транспортных средств и иного имущества потерпевшего и близких ему лиц; передача в правоохранительные органы компрометирующих потерпевшего и близких ему лиц материалов: направление потерпевшему отчужденных частей тела жертвы или видеоматериалов об экзекуции и т.д.

Соккрытие преступления осуществляется путем: запугивания потерпевших и их близких; уничтожения материальных следов преступления; изменения внешнего облика и голоса вымогателей при вступлении их в звуковой или визуальный контакт с потерпевшим и его близкими; использования подложных документов; сообщения потерпевшему ложных сведений о себе, своем образе жизни, преступных связях; физического уничтожения потерпевших, их близких.

Вымогательство относится к числу таких форм и способов проявления криминальной активности, для которых характерно несколько мест происхождения. Имеются в виду места: подготовки преступления; предъявления преступных требований и высказывания вымогателями угроз; применения насилия в отношении лиц, подвергшихся вымогательству;

По признаку связи с профессиональной деятельностью преступное вымогательство подразделяется на две группы: 1) преступное вымогательство, не связанное с профессиональной деятельностью; 2) преступное вымогательство, связанное с профессиональной деятельностью.

Последняя группа преступлений - бесспорный лидер в структуре преступного вымогательства. В основе их лидерства лежат, прежде всего, широкая распространенность, явное превосходство в количественном отношении по сравнению с преступлениями первой группы, их несравнимо большие масштабность, общественная опасность и размеры причиняемого вреда.

Приоритетный характер этой группы вымогательств, с точки зрения актуальности изучения и борьбы с ними, в первую очередь определяет размах и повсеместный, все ведомственный характер вымогательства взятки, умноженный на великую армию всевозрастающего чиновничье-бюрократического аппарата, его ненасытную тотальную алчность и неукротимое стремление использовать властные, управленческие и иные возможности занимаемых должностей всех уровней и профилей в лично-корыстных целях.

Другая сторона этой проблемы неразрывно связана со столь же масштабными корыстными запросами и меркантильными делами воротил криминального мира, их подпольным и разбойным бизнесом с армией кругоголовых корыстолюбивых братков, готовых на использование любых средств для достижения несправедливых целей.

Преступное вымогательство, связанное с профессиональной деятельностью, может быть определено как общественно опасное деяние, совершаемое субъектом профессиональной деятельности в целях незаконного получения материальной выгоды путем выдвижения требований о

передаче виновному потерпевшим или его близкими их имущества, прав на имущество либо совершении действий имущественного характера под угрозой применения насилия или иного противоправного воздействия.

Деликты данной категории классифицируются по различным основаниям:

- по признакам субъектов преступления (в частности, по правовому статусу их деятельности) они подразделяются на вымогательство, совершаемое субъектами разрешенной деятельности, и вымогательство, совершаемое субъектами запрещенной деятельности;
- по количеству преступников (совершаемые одним вымогателем и совершаемые группой вымогателей);
- по количеству эпизодов (одноэпизодные вымогателства и вымогателства, совершаемые неоднократно);
- по отношению к должностному или служебному положению вымогателей и использованию его возможностей в корыстных целях (вымогателства, связанные с использованием должностного положения или служебных полномочий, и вымогателства, совершаемые без использования должностных либо служебных полномочий);

В апреле месяце 2024 года следственным управлением СК РФ по республике Саха (Якутия) возбуждено уголовное дело в отношении генерального директора ГКУ «Управления автомобильных дорог Республики Саха (Якутия) Филиппова С.В. по пяти эпизодам по признакам преступлений, предусмотренных ч.ч. 2,5 и 6 ст. 290 УК РФ, в отношении посредников по трем эпизодам ч.ч. 3,4 ст. 291.1 УК РФ, в отношении четверых руководителей коммерческих организаций по признакам преступлений, предусмотренных статьей 291 УК РФ.

Генеральный директор казенного учреждения, используя свое служебное и должностное положение, в период с 2021 по 2023 года требовал и получил через посредников взятки в особо крупном и крупном размерах от четырех руководителей подрядных организаций за оказание им общего покровительства при заключении и реализации государственных контрактов в рамках национальных проектов «Безопасные качественные дороги» на общую сумму незаконного вознаграждения, превышающей 13 млн. 700 тыс. руб. Средства перечислялись под видом оплаты выполненных изыскательских работ на банковский счет аффилированной с фигурантами фирмы, фактическим руководителем, которого являлась его дочь, и на счета индивидуальных предпринимателей под видом спонсорской помощи.

Теоретическое и прикладное значение имеют также и другие общие и частные (внутригрупповые) классификации рассматриваемой группы преступного вымогательства. Так, важной представляется общая классификация вымогательства по сфере деятельности вымогателей (сфера строительства, сфера торговли, сфера оказания юридических, медицинских услуг и т.д.); по связи вымогательства с административно-территориальной спецификой (вымогательства, совершаемые в крупных мегаполисах, в областных центрах, в сельской местности и т.д.).

С точки зрения организации оперативно-розыскных мероприятий и производства расследования интерес могут представить классификации неоднократных вымогательств на подгруппы в зависимости от того, совершаются ли они в отношении одних и те же лиц или разных потерпевших; в одном и том же месте или в разных местах; одним и тем же составом преступных групп или изменяющимся составом участников вымогательства; сопряжены они с сокрытием преступления или совершаются без сокрытия содеянного.

Важное научное и организационно-тактическое значение имеет деление преступного вымогательства, совершаемого в связи с профессиональной деятельностью, на латентные (не поставленные на учет) и на выявленные; на раскрытые и не раскрытые вымогательства. Особо следует выделить организованные преступные сообщества вымогателей, орудующих под прикрытием их организаторов и вдохновителей из числа представителей исполнительной, законодательной власти, должностных лиц правоохранительных органов, высокопоставленных чиновников других ведомств. Наибольшую опасность в этой связи представляют мафиозные кланы регионального и межрегионального характера, орудующие под надежными, высокопоставленными «крышами». В период с 1982 по 1985 гг. автор руководил следственной бригадой по расследованию хищений в особо крупной сумме, связанных с вымогательством в системе Главного управления торговли г. Москвы и Гастроном ГУМ. По результатам расследования привлечены к уголовной ответственности и осуждены к различным срокам лишения свободы: начальник управления Трегубов Н.П., директор Гастроном ГУМ Тверетинов Б.С. и др.

Библиография:

1. Постатейный комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (Под ред. А.И.Чучаева. М.:ИНФРА-М, 2004.С. 281-283.
2. Волков А.С. Правовые и криминалистические проблемы выявления и раскрытия похищения человека: Автореферат дисс ... канд. юрид. наук. М., 2003. С 17.
3. Галанова Л.В. Следственные ситуации и тактические операции при расследовании преступлений, связанных с вымогательством. Автореф. дисс...канд. юрид. наук. Саратов, 2000. С.10.
4. Коршунова О.Н., Серова Е.Б. Расследование вымогательства: тактический и методический аспекты. СПб.,1995.
5. Лысенко В.В. Расследование вымогательств. Харьков, 1996.
6. Овчинникова Г.В. и др. Расследование вымогательств. СПб. 2004.
7. Яковлев М.М. Проблемы теории и практики выявления и расследования преступлений, связанных с профессиональной деятельностью. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук. М., 2007.
8. Уголовное дело. Хищение в особо крупной сумме в системе Главного управления торговли г. Москвы и Гастроном ГУМ. М., 1982-1985.
9. Уголовное дело по обвинению генерального директора ГКУ «Управления автомобильных дорог Республики Саха (Якутия) Филиппова С.В. и др., Якутск. 2024.

References:

1. Article-by-article commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (Edited by A.I.Chuchaev. M.:INFRA-M, 2004. pp. 281-283.
2. Volkov A.S. Legal and criminalistic problems of detecting and disclosing kidnapping: Abstract of dissertation ... cand. Jurid. M., 2003. From 17.
3. Galanova L.V. Investigative situations and tactical operations in the investigation of crimes related to extortion. The author's abstract. diss...cand. Jurid. sciences'. Saratov, 2000. p.10.
4. Korshunova O.N., Serova E.B. Investigation of extortion: tactical and methodological aspects. St. Petersburg, 1995.
5. Lysenko V.V. Investigation of extortion. Kharkov, 1996.
6. Ovchinnikova G.V. et al. Investigation of extortion. St. Petersburg, 2004.
7. Yakovlev M.M. Problems of theory and practice of detection and investigation of crimes related to professional activity. Abstract of the dissertation for the degree of Doctor of Law. M., 2007.
8. Criminal case. Embezzlement in a particularly large amount in the system of the Main Department of Trade of Moscow and the Grocery Store GUM. M., 1982-1985.
9. The criminal case against the Director General of the State Institution of Public Administration of Highways of the Republic of Sakha (Yakutia) Filippov S.V. et al., Yakutsk. 2024.

DOI 10.47643/1815-1337_2024_8_396

УДК 340.1*342

РОССИЯ: ПРАВОВОЕ ИЛИ СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО: ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ RUSSIA: LEGAL OR SOCIAL STATE: RATIO ISSUES

ТКАЧЕНКО Анна Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент,
Красноярский государственный аграрный университет.
660075, Россия, г. Красноярск, ул. Северо-Енисейская, 44.
E-mail: annavl.tkachenko@gmail.com;

Tkachenko Anna Valerievna,

Ph.D. legal Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk State Agrarian University.
44 Severo-Yeniseiskaya str., Krasnoyarsk, 660075, Russia.
E-mail: annavl.tkachenko@gmail.com;

Краткая аннотация: в статье рассматриваются вопросы формирования, становления и развития правового государства на современном этапе развития российского общества, а также его соотношение и взаимосвязь с социальным государством. Автор приходит к обоснованному выводу, что российское государство является и правовым и социальным государством, так граждане нашего государства находятся под охраной и защитой государства.

Abstract: the article examines the issues of formation, formation and development of the rule of law at the present stage of development of Russian society, as well as its relationship and relationship with the social state. The author comes to a reasonable conclusion that the Russian state is both a legal and social state, so the citizens of our state are under the protection and protection of the state.

Ключевые слова: правовое государство, социальное государство, социальная политика, меры социальной поддержки, российское общество.

Key words: rule of law, social state, social policy, social support measures, Russian society.

Для цитирования: Ткаченко А.В. Россия: правовое или социальное государство. Вопросы соотношения // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 396-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_396.

For citation: Tkachenko A.V. Russia: legal or social state: Ratio issues // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 396-398. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_396.

Статья поступила в редакцию: 10.06.2024

Концепция идеи правового государства является одной из самых своевременных и нужных в юридической доктрине. В Российской Федерации как государстве с демократическими приоритетами, ученых-правоведов всегда интересовала эта тема, исследовались понятие и сущность правового государства. В нашей статье мы хотим затронуть вопросы формирования, становления и развития правового государства на современном этапе развития российского общества, а также его соотношение и взаимосвязь с социальным государством.

Определенные шаги на данном этапе уже видны. Так, статья 1 Конституции Российской Федерации провозглашает Россию как правовое государство [1]. Однако, как справедливо отмечает Р.Х. Макуев, история подтвердила, что недостаточно обнаружить идею и даже закрепить ее в Основном законе. Необходимо претворить ее в жизнь, что бы она стала действительностью в обычной жизни каждого гражданина [2, с. 8-9].

Следует отметить, что российские правоведы активно начали проявлять интерес к правовому государству в конце XIX - начале XX в.в. Этот вопрос рассматривали такие авторитетные русские юристы как С.А. Котляревский, П.И. Новгородцев, Б.А. Кистяковский, В.М. Гессен и другие.

Так, известный российский юрист начала XX века С.А. Котляревский указывал, что концепция правового государства находится в эпицентре сегодняшней правовой науки. Эта концепция является результатом продолжительных изысканий в области права и представляет важный этап в истории человеческой цивилизации [3, с.10].

Другой известный юрист П.Н. Новгородцев, в своих трудах отмечает, что правовое государство - это новое государство, сформированное на новых началах. Автор указывает обязательные признаки правового государства, к ним, в частности, вместе с другими относит присутствие народной демократии [4, с. 19-22].

Заслуживает внимания точка зрения Б.А. Кистяковского, который утверждает, что основной признак правового государства - это наличие сформированной власти в государстве, при этом власть должна быть организована так, чтобы не довлеть над личностью [5, с. 324-330].

В то же время В.М. Гессен отмечал, что правовое государство в реализации исполнительных и судебных функций взаимодействует с правом и им ограничивается, и вместе с тем находится под правом, а не вне и над ним [6, с. 272].

Взаимодействие правовой активности граждан и правового государства исследовал в свою очередь И.В. Тепляшин, который справедливо отмечал, что правовое государство следует понимать как взаимосвязь государства и права, при этом государство, применяя право, сформированное на фундаментальных ценностях, регулирует общественные отношения, в приоритете которых гражданин, его права и свободы [7, с. 4].

В настоящее время, современные авторы также занимаются исследованием формирования теории правового государства. Например,

Ж.С. Аджанова заключает, что правовое государство - это государство, ключевой целью функционирования которого, выступает гарантирование и охрана прав и свобод граждан и вместе с тем, действует принцип разделения властей [8, с. 83].

Не противоречит этому мнению В.Н. Жадан о том, что указанная в статье 1 Конституции РФ правовая аксиома о России как о правовом государстве представляет собой основы государственности и это необходимо рассматривать не в порядке реализованной идеи, а как стремление и ориентир деятельности всей системы государственных органов и институтов демократии в России по становлению и развитию правового государства с социальными приоритетами [9, с. 371].

В рамках дальнейшего научного анализа, целесообразно отметить, что согласно статье 7 Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством. Это свидетельствует о том, что социальное государство разрабатывает различные социальные программы и перераспределяет материальные блага для достижения достойного уровня жизни каждого гражданина, сокращения социального неравенства, помощи нуждающимся и содействия свободному развитию человека в соответствии с принципами социальной справедливости [1].

Деятельность социального государства неизбежно связана с социальной политикой.

Так, О.В. Бессчетнова, логично отмечает, что в настоящее время, социальная политика представляет собой совокупность мер по улучшению социального гармоничного развития государства, а также деятельность, направленную на создание более качественных жизненных условий различным социальным классам населения [10, с. 158].

Совпадает с данной точкой зрения мнение А.Д. Красножен, о том, что социальная политика - это комплекс действий, ориентированных на решение социально значимых проблем в обществе и гарантирование социальной устойчивости в государстве. В связи с тем, социальная политика государства направлена на решение многих важных задач и осуществление определенных функций [11, с. 17].

В наших предыдущих научных исследованиях, мы уже рассматривали понятие социальной политики. Так, социальная политика как правовое и социальное явление контактирует со всеми главными общественными институтами в обществе – с государством, семьей, церковью, наукой и образованием. Социальный или общественный институт - это система согласованных правил, опирающихся на ценности в обществе, присущие в целом для или той или иной социальной общности [12, с. 176].

В своём послании Президента России Федеральному собранию, Владимир Владимирович Путин отметил, что 2024 год является Годом семьи, и призвал использовать появившиеся экономические возможности для поддержки семей с детьми. В ходе этого послания нашим Президентом были предложены новые меры экономической поддержки населения [13].

Основная категория граждан, которая нуждается в помощи государства - это семьи с детьми и поэтому основной мерой поддержки в 2024 году станет единое пособие для малообеспеченных семей, которое получат 11 миллионов человек [13].

Кроме того, главой государства было предложено снизить налоговую нагрузку на семьи, а также к 2030 году увеличить МРОТ до 35 тыс. рублей, что автоматически повлечёт за собой рост социальных выплат, зарплат в бюджетной сфере. Правительство РФ в 2025 году разработает новую модель оплаты труда бюджетников, в 2026 году будет принято окончательное решение относительно единой схемы оплаты независимо от региона.

В рамках программы социальной поддержки, успешно реализуется проект «Пушкинская карта», когда возможность посещения мероприятий, проводимыми учреждениями культуры, предоставляется детям и молодежи в возрасте от 14 до 22 лет. В 2024 году планируется 100% охват этой социальной группы граждан России [14].

Помимо этого, государство оказывает эффективную социальную поддержку многодетным семьям, семьям в присоединенных регионах, а также детям-сиротам. Об этом свидетельствуют следующие нормативные правовые акты: Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей»; Договоры от 30.09.2022 о принятии в Россию Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской области и Херсонской области и образовании новых субъектов Российской Федерации; Федеральный закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2024) «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей».

Эти документы имеют значимые механизмы всестороннего поддержания семьи и улучшения качества жизни ее членов.

Следует отметить также меры поддержки участникам СВО, предусмотренных, как на федеральном уровне, так и на региональном. Это единовременная денежная выплата мобилизованным, денежное довольствие, кредитные каникулы, трудовые гарантии для мобилизованных, бесплатная юридическая помощь. А также выдача участнику СВО специальной карты СВОи - социальной карты участника Специальной военной операции на Украине, благодаря которой ветеран и его семья смогут регулярно получать скидки в ресторанах и кафе, медицинских клиниках, спортзалах, кинотеатрах, автосервисах, гостиницах и десятках других организаций по всей России [15].

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что российское государство является и правовым и социальным государством, так граждане нашего государства находятся под охраной и защитой государства. Действующие индикаторы и показатели социально-экономического развития российского государства, предпринимательская активность, уровень благосостояния граждан, качество инициатив со стороны молодежного сообщества указывает на социальный вектор современной политики [16, с. 103-104; 17, с. 246-248; 18, с. 90-94]. Сегодня успешно реализуются меры

социальной политики государства, которые в своем содержании направлены на обеспечение благополучия нуждающихся категорий граждан. Государство, реализуя их в конституционно- правовой форме, обеспечивает поддержку различных социальных групп.

Библиография:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, № 7-ФКЗ; от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ; от 21 июля 2014 г. №11-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. - 2014. - №31. - Ст. 4398.
2. Макуев, Р.Х. Теоретические аспекты эволюции права и личности в канун XXI века / Р.Х. Макуев // Личность и право в канун XXI века: Материалы научно-практической конференции, 29-30 июня 1995. – Орел: Высшая школа МВД РФ, 1995. - С.6-16.
3. Котляревский, С.А. Правовое государство и внешняя политика. - 2-е изд. - М.: Международные отношения, 1993. - 368 с.
4. Новгородцев, П.Н. Сочинения / Сост. вступ. статья и прим. М.А. Колерова, Н.С. Плотникова. - М.: Раритет, 1995. - 448 с.
5. Кистьяковский Б.А. Философия и социология права / Сост., прим., указ. В.В. Сапова.-СПб.: РХГИ,1999. - 800 с.
6. Хропанюк, В.Н. Теория государства и права. Хрестоматия. Учеб. пособие. - М., 1998. - 944 с.
7. Тепляшин, И.В. Правовая активность граждан в условиях становления правового государства: дис. ...канд. юрид. наук / И.В. Тепляшин. - Екатеринбург., 2002. - 189 с.
8. Атжанова, Ж.С. Формирование теории правового государства и основные признаки современной конституционной модели правовой государственности / Ж.С. Атжанова // Социально-экономические явления и процессы. - 2017. Т.12. - №4. - С.77-84.
9. Жадан, В.Н. Об идее, понятии и конституционных основах правового государства в России / В.Н. Жадан // Балтийский гуманитарный журнал. - 2020. Т. 9. - № 1 (30). - С. 365-372.
10. Бессчетнова, О.В. Социальная политика и социальная защита в России: сущность и перспективы развития / О.В. Бессчетнова // Вестник Челябинского государственного университета. - 2007. - № 16. - С. 158-163.
11. Красножен, А.Д. Государственная социальная политика: цели, функции, модели / А.Д. Красножен // В сборнике: Юриспруденция в теории и на практике: актуальные вопросы и современные аспекты: сборник статей V Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2020. - С. 15-18.
12. Ткаченко, А.В. Социальная политика и общественные институты: вопросы соотношения и взаимодействия / А.В. Ткаченко // В сборнике: Теоретические основы правовой политики в современной России. Участие общественности: материалы II Национальной (всероссийской) научно-практической конференции (27 октября 2023 года, г. Красноярск) [Электронный ресурс]: / Краснояр. гос.аграр. ун-т. – Красноярск, 2024. - С.175-177.
13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (дата обращения: 6.06.2024 г.).
14. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ // Собрание законодательства РФ. - 2021. - № 1 (ч.1). Ст. 5880.
15. Постановление Правительства РФ от 16.03.2024 № 312 О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 19 декабря 2003 г. № 763 // Собрание законодательства РФ. - 2024. - № 13. Ст. 1785.
16. Тепляшин, И.В. К вопросу о соотношении правового и социального государства / И.В. Тепляшин, К.Е. Нор // Философия права. - 2022. - № 1 (100). - С. 100-105.
17. Власов, В.А. Некоторые актуальные аспекты правового регулирования предпринимательской деятельности как основы рыночной экономики Российской Федерации / В.А. Власов // Право и государство: теория и практика. - 2023. - № 8 (224). - С. 245-248.
18. Богатова, Е.В. Участие молодежи в реализации общественных инициатив: некоторые вопросы развития / Е.В. Богатова, А.В. Ткаченко // Правовая политика и правовая жизнь. - 2019. - № 2. - С. 89–95.

References:

1. The Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (subject to amendments made by the Laws of the Russian Federation on Amendments to the Constitution of the Russian Federation dated December 30, 2008 No. 6-FKZ, No. 7-FKZ; dated February 5, 2014 No. 2-FKZ; dated July 21, 2014 No. 11-FKZ // Collection of legislation of the Russian Federation. - 2014. - No.31. - St. 4398.
2. Makuyev, R.H. Theoretical aspects of the evolution of law and personality on the eve of the XXI century / R.H. Makuyev // Personality and law on the eve of the XXI century: Materials of a scientific and practical conference, June 29-30, 1995. – Ore: Higher School of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 1995. - pp.6-16.
3. Kotlyarevsky, S.A. The rule of law and foreign policy. - 2nd ed. - Moscow: International Relations, 1993. - 368 p.
4. Novgorodtsev, P.N. Essays / Comp. introduction. article and notes by M.A. Kolerov, N.S. Plotnikov. - M.: Rarity, 1995. - 448 p.
5. Kistyakovskiy B.A. Philosophy and sociology of law / Comp., note., decree. V.V. Sapov.-St. Petersburg: RHGI, 1999. - 800 p.
6. Khropanyuk, V.N. Theory of state and law. A textbook. Textbook. - M., 1998. - 944 p.
7. Teplyashin, I.V. Legal activity of citizens in the context of the formation of the rule of law: dis. ...cand. Jurid. Sciences / I.V. Teplyashin. Yekaterinburg, 2002, 189 p.
8. Atzhanova, J.S. Formation of the theory of the rule of law and the main features of the modern constitutional model of legal statehood / J.S. Atzhanova // Socio-economic phenomena and processes. - 2017. Vol.12. - No.4. - pp.77-84.
9. Zhadan, V.N. On the idea, concept and constitutional foundations of the rule of law in Russia / V.N. Zhadan // Baltic Humanitarian Journal. - 2020. Vol. 9. - № 1 (30). - S. 365-372.
10. Besschetnova, O.V. Social policy and social protection in Russia: the essence and prospects of development / O.V. Besschetnova // Bulletin of the Chelyabinsk State University. - 2007. - No. 16. - pp. 158-163.
11. Krasnozhen, A.D. State social policy: goals, functions, models / A.D. Krasnozhen // In the collection: Jurisprudence in theory and in practice: current issues and modern aspects: collection of articles of the V International Scientific and Practical Conference. – Penza, 2020. - pp. 15-18.
12. Tkachenko, A.V. Social policy and public institutions: issues of correlation and interaction / A.V. Tkachenko // In the collection: Theoretical foundations of legal policy in modern Russia. Public participation: materials of the II National (All-Russian) scientific and practical conference (October 27, 2023, Krasnoyarsk) [Electronic resource]: / Krasnoyarsk State Agrarian University. un-t. – Krasnoyarsk, 2024. - pp.175-177.
13. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 02/29/2024 // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_471111/ (date of application: 06/6/2024).
14. On youth policy in the Russian Federation: Federal Law No. 489-FZ of 12/30/2020 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2021. - No. 1 (Part 1). Article 5880.
15. Decree of the Government of the Russian Federation dated 03/16/2024 No. 312 On Amendments to the Decree of the Government of the Russian Federation dated December 19, 2003 No. 763 // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2024. - No. 13. St. 1785.
16. Teplyashin, I.V. On the question of the relationship between the legal and social state / I.V. Teplyashin, K.E. Nor // Philosophy of Law. - 2022. - № 1 (100). - Pp. 100-105.
17. Vlasov, V.A. Some actual aspects of legal regulation of entrepreneurial activity as the basis of the market economy of the Russian Federation / V.A. Vlasov // Law and the state: theory and practice. - 2023. - № 8 (224). - Pp. 245-248.
18. Bogatova, E.V. Youth participation in the implementation of public initiatives: some issues of development / E.V. Bogatova, A.V. Tkachenko // Legal policy and legal life. - 2019. - No. 2. - pp. 89-95.

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОСТРОЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ The main prerequisites for building a modern cybercrime counteraction system

ИВАНОВ Пётр Иванович,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Академии управления МВД России, главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем отраслевого управления научно-исследовательского центра Академии управления МВД России. Зои и Александра Космодемьянских ул., 8, г. Москва, 125171, Россия.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru;

Ivanov Pyotr Ivanovich,

Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chief Researcher of the Department for the Study of Problems of Sectoral Management of the Research Center Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Zoia and Alexandra Kosmodemyanskikh str., 8, Moscow, 125171, Russia.

E-mail: IvanovPI1952@yandex.ru

Краткая аннотация. Актуальность углубленного изучения и анализа состояния оперативно-розыскного противодействия [10] киберпреступности во многом обусловлена ее повышенной общественной опасностью, транснациональным и трансграничным характером, территориальной распространенностью (географией), причиняемым интересам юридических и физических лиц материальным ущербом. Существенное влияние на ее дальнейшее развитие оказывают информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть «Интернет» [8]. На этом фоне неизмеримо возрастает значимость оперативно-розыскного противодействия в первую очередь преступлениям экономической и коррупционной направленности, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, таким как: уклонение от уплаты налогов, финансирование экстремистской и террористической деятельности, финансовые интернет-пирамиды, фальшивомонетничество, незаконные азартные игры в сети, осуществление противоправных сделок с использованием криптовалюты, попытки махинаций с электронными цифровыми подписями. Как нам представляется, эффективность оперативно-розыскного противодействия указанным проявлениям киберпреступности во многом зависит от наличия на сегодняшний день современного его механизма, разработанного с учетом ныне действующего законодательства, отечественного и зарубежного передового опыта, а также последних достижений науки и техники, прежде всего в области высоких технологий. Вот почему научное обеспечение деятельности недавно созданных IT-подразделений службы экономической безопасности и противодействия коррупции является первоочередной задачей научных и образовательных организаций системы МВД России. В рамках настоящей статьи ставится цель донести до научной общественности авторское видение построения современной системы противодействия преступностям экономической и коррупционной направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.

Abstract. The relevance of in-depth study and analysis of the state of operational investigative counteraction to cybercrime is largely due to its increased public danger, transnational and cross-border nature, territorial prevalence (geography), material damage caused to the interests of legal entities and individuals. Information and telecommunication networks, including the Internet, have a significant impact on its further development. Against this background, the importance of operational investigative counteraction increases immeasurably, primarily to crimes of an economic and corruption orientation committed using information and communication technologies, such as: tax evasion, financing of extremist and terrorist activities, financial Internet pyramids, counterfeiting, illegal online gambling, illegal transactions using cryptocurrency, attempts at fraud with electronic digital signatures. It seems to us that the effectiveness of operational investigative counteraction to these manifestations of cybercrime largely depends on the availability of its modern mechanism today, developed taking into account current legislation, domestic and foreign best practices, as well as the latest achievements of science and technology, primarily in the field of high technologies. That is why scientific support for the activities of the newly created IT departments of the Economic Security and Anti-Corruption Service is a priority task of scientific and educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Within the framework of this article, the aim is to convey to the scientific community the author's vision of building a modern system for countering economic and corruption-related crimes committed using information and telecommunication technologies.

Ключевые слова: органы внутренних дел, IT-подразделения, служба экономической безопасности и противодействия коррупции, противодействие, экономическая и коррупционная преступность, IT-преступления.

Keywords: internal affairs bodies, IT departments, economic security and anti-corruption service, counteraction, economic and corruption crime, IT crimes.

Для цитирования: Иванов П.И. Основные предпосылки построения современной системы противодействия киберпреступности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 399-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_399.

For citation: Ivanov P.I. The main prerequisites for building a modern cybercrime counteraction system // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 399-405. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_399.

Статья поступила в редакцию: 24.03.2024

Поиск наиболее действенного механизма оперативно-розыскного противодействия киберпреступности и ее проявлениям¹ в виде преступлений экономической и коррупционной направленности во многом обусловлены: реализацией национальных проектов (программ); либерализацией уголовной политики в сфере экономики; недопустимостью давления на бизнес; глобализацией; цифровизацией экономики; распространенностью преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; слиянием экономической преступности с корруп-

¹ Данная задача непосредственно вытекает из Концепции реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 14 октября 2021 г. № 760.

ционной; трансграничным, международным характером¹ преступлений экономической направленности; многообразием способов их совершения и сокрытия, а также тем, что криптовалюта стала выполнять двойную роль, будучи предметом и средством преступления.

Эти и другие факторы, как показывает судебно-следственная практика, накладывают отпечаток на организацию оперативно-розыскного противодействия киберпреступности.

В связи со сказанным профессор А. Л. Репецкая справедливо утверждает, то сегодня преступления с использованием информационно-коммуникационных технологий являются наиболее динамично развивающимися уголовно наказуемыми деяниями [14], среди которых доминируют хищения (мошенничество) криптовалюты, дача и получение взятки, где предметом преступления выступает криптовалюта, факты изготовления поддельных документов, легализации преступных доходов, уклонения от уплаты налогов (сборов), сокрытия доходов от налогообложения, криминального банкротства, финансирования экстремистской деятельности и терроризма.

В настоящее время проблема противодействия киберпреступности² остро нуждается в теоретическом осмыслении ведомственной наукой на предмет определения наиболее эффективных средств и методов борьбы с ней [6].

При этом мы невольно вспоминаем слова А. Суворова: «теория без практики мертва, практика без теории слепа». Уже сегодня, в несколько обновленном виде, звучат нами воспроизведенные слова легендарного полководца: «нет ничего практичнее, чем хорошая теория». Тем самым подчеркивается особая значимость теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) как науки, располагающей на сегодняшний день отчасти познанными ею закономерностями возникновения и развития киберпреступности [5].

Полученные знания, как правило, складываются в своеобразную систему, состоящую из двух блоков – научно-теоретического и прикладного.

Многолетняя практика убедительно показывает, что любая реформа, как правило, сопровождается увеличением числа противоправных деяний, в том числе киберпреступлений экономической и коррупционной направленности. Преобразования не могли не затронуть и область оперативно-розыскного противодействия указанным видам преступлений, подталкивая ее на поиск новых более эффективных форм и методов борьбы с криминальными проявлениями в виртуальном пространстве.

Прежде чем приступить к анализу заявленной нами темы, определимся с понятием «киберпреступность», поскольку на сегодня отсутствует законодательно закрепленное уголовным законодательством единое определение данного понятия. Забегая вперед, полагаем целесообразным ввести его для конкретизации преступлений, связанных с информационными технологиями.

Изучение и анализ юридической и специальной литературы показывают, что в этом плане среди специалистов различных отраслей знаний, в том числе теории ОРД как науки, пока что нет единого мнения. Так, В. А. Номоконов и Т. А. Тропина [12] считают, что киберпреступность – это совокупность противоправных деяний, совершаемых в виртуальном пространстве посредством компьютерных систем. В свою очередь под IT-преступлениями они понимают уголовно наказуемые деяния, совершаемые с использованием информационных технологий и глобальных сетей. Думается, что, не вдаваясь в глубину высказанной точки зрения, можно предположить возможность такого подхода к определению анализируемого нами понятия и его содержания. Из-за ограниченности объема настоящей научной статьи мы не в состоянии привести свое видение на этот счет, да и не ставили перед собой такую задачу. Мы присоединяемся к мнению указанных авторов, ибо оно в целом отражает суть затронутого социально-правового явления.

Заслуживает, на наш взгляд, особого внимания предлагаемая отдельными исследователями классификация по различным основаниям IT-преступлений. Так, например, Н.Р. Мартыанов [11] по объекту посягательства выделяет следующие группы: экономические компьютерные преступления; компьютерные преступления против личных прав и неприкосновенности частной сферы; компьютерные преступления против общественных и государственных интересов. В настоящей работе нас интересует лишь первая группа – экономические компьютерные преступления, при последующем изложении материала мы раскроем их особенности совершения.

Пока приведем еще одну точку зрения. В частности, по мнению А. А. Подупейко [13], киберпреступления – это такие IT-преступления, составными частями которых, наряду с другими компонентами (объект, средство, способ), выступают компьютер, программное обеспечение и информационная сеть. Автор подробно раскрывает в своей научной статье все указанные элементы, поэтому нет особой необходимости останавливаться на них, поскольку в противном случае повтора не избежать. Мы привели мнение приведенного автора лишь по одной причине – оно содержит ключевые компоненты IT-преступлений, которые присущи только этой категории противоправных деяний. В настоящей работе нами делается основной упор на них при изложении собранного материала в рамках затронутой темы.

Специалисты в области оперативно-розыскной науки при определении понятия «киберпреступление» прежде всего исходят из наиболее характерных для него признаков. Мы полагаем, что такой подход, безусловно, приемлем и оптимален. Одновременно считаем, что к такого рода при-

¹ Отдельно взятая страна не в состоянии эффективно противодействовать киберпреступности, так как последняя носит глобальный (международный) характер. Отсюда возникает необходимость формирования единого мирового информационного пространства. Учитывая это обстоятельство, подготовлен проект Конвенции Организации Объединенных Наций о противодействии использованию информационно-коммуникационных технологий в преступных целях.

² Доля противоправных деяний, совершенных с использованием IT-технологий, в общей структуре преступности в прошлом году составила 25 %. Динамика ежегодного прироста фиксируется последние несколько лет. Киберпреступность является наиболее транснациональной из всех преступлений, поэтому расследование таких преступлений и требует эффективного международного сотрудничества.

знакам следует отнести: специфическую сферу его проявления – виртуальную среду, не имеющую границ; то, что при совершении киберпреступлений является обязательным условием – использование информационных технологий, функционирующих на специально разработанном программном продукте; возможность ухода от уголовного наказания за счет анонимизации пользователя (физическое или юридическое лицо) информационно-коммуникационной сети, включая сеть «Интернет»; получение криминального дохода. Как нам представляется, отсюда нетрудно сформулировать авторское определение, но мы решили ограничиться лишь изложением характерных черт киберпреступлений.

Переходя к рассмотрению оперативно-розыскного противодействия киберпреступности, следует отметить, что повышение его эффективности находится в прямой зависимости от своевременного решения комплекса проблем, носящих теоретический, правовой, организационный, методический и оперативно-тактический характер.

Первая группа проблем непосредственно связана с *познанием закономерностей* в интересах поиска новых форм и методов оперативно-розыскного противодействия преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹.

Иными словами, теоретическое осмысление проблемы преследует цель оптимизации оперативно-розыскного противодействия², достижение которой предполагает познание и учет следующей группы закономерностей³:

– раскрывающих механизм взаимообусловленности между мерами, предпринимаемыми подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) в рамках указанного вида противодействия, и способами подготовки, совершения и сокрытия преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

– отражающих «взаимосвязи организации», понимаемой нами как деятельность по упорядочению, согласованию взаимодействия оперативных подразделений киберпространства полиции при выявлении, пресечении, предупреждении и раскрытии названных видов преступлений, с контролирующими и надзорными органами, банковским сообществом, интернет-провайдерами, операторами сотовой связи, с тактикой ее осуществления. Говоря о взаимодействии с названными субъектами, мы имеем в виду, прежде всего, их совместное раскручивание схемы криминальных деяний. Заметим, что познание этой группы закономерностей и их учет при разработке методики может помочь избежать возможных проб и ошибок при решении указанных задач, стоящих перед подразделениями ЭБиПК;

– высвечивающих существующие взаимосвязи и взаимообусловленности между типичными версиями и оперативно-тактическими ситуациями, программами по их разрешению. Выборочное изучение и анализ многолетней практики показывает, что одной из действенных форм оперативно-розыскного противодействия является документирование преступных действий, орудующих в сфере цифровых технологий посредством установления и закрепления типичных носителей и источников следовой информации;

– связанных с использованием современных достижений высокой технологии в процессе легализации преступных доходов с последующим их выводом за рубеж. Учет в правоприменительной практике позволяет установить все звенья этой цепочки, в том числе коррупционных связей – аффилированных должностных лиц (покровителей бизнес-сообществ) и конечных бенефициаров;

– вытекающих из причинно-следственных связей механизма совершения киберпреступлений и форм (средств) оперативно-розыскного противодействия как ответная реакция со стороны подразделений ЭБиПК.

К числу указанной группы проблем относится также *определение тенденций* дальнейшего развития киберпреступности и сферы ее проявлений, с которыми тесно связан процесс научного познания будущего состояния данного вида преступности, факторов, влияющих на ее изменения, а также разработки криминологического прогноза. Проведенное нами выборочное изучение киберпреступности в сфере экономики позволило выявить и сформулировать следующую совокупность тенденций: перемещение транзакций как финансового инструмента в теневой сектор Интернета; использование криптовалюты для оплаты коррупционных услуг; совершение преступлений против собственности в виртуальном пространстве, не имеющем границ [15]; рост беспрецедентными темпами материального ущерба от хищений криптовалюты⁴; распространение криминальных рынков в интернет-сетях посредством анонимного совершения расчетов при использовании виртуальных (цифровых) валют (трудно идентифицировать пользователей); популяризация легализации преступных доходов с использованием блокчейн-технологий; распространение в условиях цифровизации предпринимательской деятельности фактов ухода от платежей и сборов; виртуализация криминальных рынков услуг (фальшивомонетничество, финансирование экстремистской деятельности и терроризма, а также иные виды преступной деятельности); появление все новых и новых феноменов (деяний) в виртуальном пространстве, посягающих на экономические и финансовые отношения, а также дальнейшее развитие новых способов совершения традиционных преступлений с появлением криптовалюты и блокчейн-технологий.

Проблемы правового порядка охватывают вопросы нормативно-правового регулирования, прежде всего, ОРД, без решения которых изба-

---

¹ Познание закономерностей – это предмет оперативно-розыскной науки.

² Автор связывает оптимизацию прежде всего с эффективностью, понимаемой как достижение поставленных перед подразделениями ЭБиПК целей при условии соответствия затраченных усилий конечному результату.

³ Под «закономерностью» здесь и далее мы понимаем объективно существующие, необходимые, устойчивые, существенные, постоянно повторяющиеся взаимосвязи между операциями и действиями лиц.

⁴ С учетом высокого уровня латентности этих и иных преступлений указанные в статистике показатели не отражают истинных размеров киберпреступности. Результативность оперативно-розыскных мер, предпринимаемых подразделениями ЭБиПК органов внутренних дел, направленных на выявление, пресечение, раскрытие и расследование киберпреступлений, явно не отвечает предъявляемым требованиям (раскрываемость в 2021 г. составила 23,4 %, причем из зарегистрированных киберпреступлений более половины следует отнести к особо тяжким и тяжким, а именно 55,7 %).

виться от иных проблем невозможно или крайне затруднительно.

Исследователи справедливо утверждают, что в настоящее время законодательство отстает от современного темпа развития общественных отношений, а правоприменение еще более – от динамично развивающихся способов и форм совершения экономических и коррупционных преступлений, основанных на новых технологиях и социальных коммуникациях. Исправлению сложившейся ситуации, на наш взгляд, способствует система мер, предусмотренных Концепцией реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации, выступающей ведомственным документом стратегического планирования, о которой мы говорили выше. В частности, эти меры направлены в первую очередь против таких угроз экономической безопасности, как: противоправные деяния, связанные с использованием цифровой валюты; совершение фактов дистанционного мошенничества при дистанционном (удаленном) банковском обслуживании; финансирование экстремистской и террористической деятельности, транснациональной организованной преступности; совершение в условиях пандемии коронавируса COVID-19 преступлений экономической и коррупционной направленности, в том числе в организованных формах, криминально активными лицами, специализирующимися на этом, когда на борьбу с последствиями пандемии был выделен значительный объем государственной поддержки различным отраслям экономики и социальной сферы; противоправные деяния в сфере реализации национальных проектов (программ). Защита бюджетных средств от незаконного получения мер государственной поддержки в виде грантов и субсидий и неправомерного завладения денежными средствами, выделенными из федерального и регионального бюджетов в рамках реализации национальных проектов для исполнения государственных и муниципальных контрактов, заключенных с коммерческими организациями на строительство и ремонт социальных, промышленных объектов, автомобильных дорог, поставку, монтаж оборудования.

Другими не менее значимыми проблемами продолжают оставаться проблемы организационного характера, широкий охват которых значительно ограничивает возможности деятельности подразделений ЭБиПК по оперативно-розыскному противодействию преступлениям экономической и коррупционной направленности, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий¹.

Исследователи [9], изучая состояние этой деятельности, пришли к выводу о том, что среди множества проблем организационного плана особо значимыми на сегодня, по их мнению, выступают: недостаточное программно-техническое обеспечение производства компьютерных экспертиз; низкая квалификация сотрудников специализированных IT-подразделений². В последнее время на необходимость подготовки высококвалифицированных специалистов исследователи стали обращать особое внимание [3, 4]. Отдельные из них предлагают компетентностную модель специалиста в области кибербезопасности, состоящую из системы защиты информации, формирования профессиональных компетенций у сотрудников³, а также из систем но-деятельностного подхода к формированию указанных компетенций.

Со своей стороны полагаем, что ключевым при этом должна оставаться надлежащая организация, в том числе ОРД, поскольку оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям тем более не приемлет иное.

В рамках настоящей научной статьи хотели бы вкратце остановиться на использовании фальшивомонетчиками⁴ ресурсов «Даркнет»⁵. В этом плане определенный интерес представляет точка зрения отдельных исследователей [16], предлагающих вполне конкретные предложения по повышению эффективности противодействия киберпреступности в теневом интернете, включая Даркнет. В частности, рекомендуют: законодательно закрепить как собирательный термин «теневое информационное пространство», объединяющий все известные информационные системы и технологии; учитывая транснациональный характер сетей, разработать на национальном и международном уровнях алгоритмы действий по идентификации личности пользователей «теневого» Интернета, который привлекателен для криминальных структур из-за преследования их правоохранительными органами, когда, например, они совершают транзакции либо их члены ведут бизнес через криптовалюту, скрывая при этом свою личность. Доступ к базам данных возможен только у зарегистрированных пользователей, информация защищена паролем.

Мы полагаем, что оперативно-розыскное противодействие на этом фоне, безусловно, нуждается и в технической поддержке в части обеспечения альтернативной специальной поисковой системой, позволяющей получать оперативно значимую информацию.

Проблемы, связанные с методическим обеспечением противодействия, образуют относительно самостоятельную группу анализируемой нами системы противодействия. Они, прежде всего, направлены на разработку с учетом сложившейся криминогенной ситуации практико-ориен-

¹ Чтобы деятельности по противодействию IT-преступности придать упорядоченный характер, было принято решение организационно-структурно ее обеспечить, а именно был издан приказ МВД России от 25 ноября 2019 г. № 878 «Об объявлении решения коллегии МВД России от 1 ноября 2019 г. № 3км «О мерах по совершенствованию организации работы по выявлению, раскрытию и расследованию преступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»». В структуре подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне были созданы подразделения, специализирующиеся на противодействии указанным видам преступлений (IT-отделения и группы).

² Наряду с указанными проблемными вопросами имеют место: длительные сроки получения интересующей информации из кредитных организаций, от операторов сотовой связи, от представителей социальных сетей и компаний, предоставляющих интернет-услуги; использование преступниками при совершении преступлений широкого спектра средств сокрытия личности (анонимизация, VPN-сервисы, анонимные браузеры, IP-телефония и др.).

³ Сегодня действительность такова, что каждый сотрудник должен уметь пользоваться электронным документооборотом, служебной почтой, использовать базы данных и информационные ресурсы органов внутренних дел и других государственных органов, современные цифровые технологии и программный продукт, владеть навыками в области информационной безопасности и защиты информации.

⁴ Судебно-следственная практика уже знает примеры, когда члены организованной преступной группы в целях извлечения сверхприбыли, используя ресурсы Даркнета, открывали интернет-магазин по продаже поддельных денег.

⁵ Даркнет – это компьютерная сеть с ограниченным доступом, которая используется для незаконного обмена файлами в децентрализованной сети. Основная особенность Даркнета заключается в том, что его пользователи являются анонимными и защищены от доступа третьих лиц. Кроме того, Даркнет – совершенно новое пространство для развития криминальных деяний, скрытое от глаз правоохранительных и контрольно-надзорных органов.

тированных предложений и рекомендаций [15], содержащих пошаговый алгоритм действий сотрудников специализированных подразделений ЭБиПК. Их омолаживание усиливает объективную потребность в них с тем, чтобы как можно быстрее обеспечить потребности указанных подразделений в высококвалифицированных кадрах. На наш взгляд, в комплексе мер [16] противодействия IT-преступлениям должны превалировать целенаправленные действия по их недопущению посредством ранней профилактики. Но, к сожалению, как справедливо отмечает Р. А. Дерюгин, «по большей части, – контрмеры в ответ на уже совершенные преступления или действия, направленные на их пресечение. Как бы это печально ни звучало, современный преступник значительно быстрее осваивает просторы Интернета, активнее изучает, разрабатывает и применяет новейшие технические разработки» [2].

Как показало проведенное нами выборочное изучение указанной проблемы, на сегодня наиболее действенными инструментами противодействия IT-преступлениям продолжают оставаться:

– тактически грамотная организация и проведение оперативно-розыскных мероприятий в целях документирования преступных действий лиц, специализирующихся на их совершении;

– оперативно-розыскная методика выявления и раскрытия киберпреступлений (дистанционное мошенничество, хищения денежных средств путем присвоения или растрат, фальшивомонетничество), подразумевающая комплексное в указанных целях использование негласных сил, средств, методов и мероприятий. При методическом обеспечении IT-подразделений следует ориентироваться на создание необходимых условий для их реализации.

При разработке оперативно-розыскных методик и методических рекомендаций следует учесть ряд обстоятельств, а именно: киберпреступления не имеют границ, ибо они носят глобальный характер; высокий уровень латентности (по различным данным он колеблется от 85 до 90%); совершение рассматриваемого вида преступления высококвалифицированными специалистами в организованной форме; многообразие способов (схем), применяемых преступниками при их совершении¹; наличие теневого сегмента Интернета; использование криминалитетом криптовалюты как средства преступления; серийность последнего.

Наконец, проблемы оперативно-тактического плана, казалось бы, по счету последние, но не последние по значимости, поскольку от их успешного решения в большей мере зависит конечный результат всего комплекса предпринятых мер по оперативно-розыскному противодействию киберпреступности. Указанная группа мер подразумевает непосредственную практическую реализацию негативных факторов, оказывающих влияние на современное состояние существующей системы противодействия.

Говоря о проблемах указанного порядка, назовем одно весьма тревожное обстоятельство: около 74 % преступлений экономической и коррупционной направленности территориальными органами Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) на региональном уровне регистрируется по результатам рассмотрения официальных заявлений и обращений юридических и физических лиц. Отсюда невольно следует, что на местах несколько принижены роль и значение оперативно-розыскной функции, без осуществления которой своевременное выявление и раскрытие рассматриваемых видов преступлений, совершаемых в крупном и особо крупном размерах, невозможно либо крайне затруднительно.

Нами на основе выборочного изучения и анализа состояния противодействия киберпреступности специализированными подразделениями ЭБиПК территориальных органов МВД России на региональном уровне обобщен некоторый опыт борьбы с ней, с учетом которого хотим предложить читателям некий перечень мер, направленных на повышение эффективности этой борьбы. В первоочередном порядке, на наш взгляд, целесообразно реализовать следующую группу мер, предусматривающих:

– разработку на основе общей концепции оперативно-розыскной политики [7] частной ее составляющей в области борьбы с киберпреступностью. Здесь представляет интерес мнение специалистов из других областей знаний. Так, Ю. В. Гаврилин, рассматривая криминалистическую политику через призму понятия и содержания государственной научно-технической политики, предлагает авторскую модель, состоящую из трех взаимосвязанных между собой компонентов: научно-технического, организационно управленческого и кадрового [1]. Соглашаясь с позицией автора, хотим подчеркнуть, что предложенный подход, на наш взгляд, вполне приемлем и в оперативно-розыскной политике, ибо указанные составляющие наиболее полно отражают содержание рассматриваемой автором политики. На примере цифровой трансформации механизма киберпреступлений можно увидеть, насколько актуализируется процесс совершенствования средств криминалистической техники, который обусловлен, прежде всего, необходимостью своевременного обнаружения, фиксации и изъятия следов указанного вида преступления, решения экспертных задач, возникающих в процессе расследования IT-преступлений, когда приходится доказывать особенно их серийность;

– систему обеспечения в процессе оперативно-розыскного противодействия киберпреступности соблюдения принципов законности, системности и комплексности осуществления оперативно-розыскных и иных мер, приоритета профилактических мер, сочетания целей и задач практической деятельности путем использования преимущественно негласных сил и средств, а также взаимодействия с федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, другими государственными органами, органами местного самоуправления, общественными объединениями, международными организациями, гражданами и организациями в целях оперативно-розыскного проти-

---

¹ Более 92 % преступлений – это хищения путем использования компьютерной техники.

водействия киберпреступлениям;

– нормативно-правовое обеспечение по вопросам предупреждения и раскрытия указанных видов преступлений. Среди этой группы мер законодательное закрепление терминов и определений «киберпреступность», «киберпреступления», «кибербезопасность», «киберугроза», «киберпространство», часто используемых в процессе выявления и раскрытия IT-преступлений, давно назревшая проблема и требует скорейшего ее решения. Тем самым будут исключены разночтение и различное толкование этих терминов, можно добиться единообразного их понимания. Со своей стороны, полагаем, что целесообразно бы предусмотреть названные термины в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ либо Федеральном законе «О полиции»²;

– формирование, ведение и использование федерального банка оперативно-розыскных данных, содержащих сведения о лицах, предметах и фактах, представляющих оперативный интерес. Необходимо обеспечить непрерывное пополнение информационного ресурса (массива) новыми данными, полученными на основе обобщения передовой оперативно-следственной и судебной практики, новых научных разработок относительно способов (схем) совершения и сокрытия киберпреступлений;

– составление оперативно-розыскного портрета личности преступника, совершающего (специализирующегося на совершении) киберпреступления, содержащего совокупность признаков, характеризующих структуру личности преступника, включая уголовно-правовую и криминологическую составляющие (мотив, интересы, потребности, навыки, знания и умения);

– комплекс мер по повышению уровня компетентности субъектов ОРД по применению сил, средств, методов и проведению оперативно-розыскных мероприятий, совершенствование подготовки кадров в области оперативно-розыскного противодействия киберпреступности. В настоящее время весьма востребованы высококвалифицированные специалисты, обладающие компетенциями в области не только ОРД, но и криминалистики, уголовного права и процесса, а также способные противодействовать киберпреступлениям (вызовам и угрозам кибербезопасности).

Помимо указанных компетенций, они должны владеть в совершенстве информационно-коммуникационными технологиями. Это обстоятельство особенно накладывает свой отпечаток на их подготовку. Помимо перечисленных мер, направленных на повышение эффективности оперативно-розыскного противодействия киберпреступлениям, также следует: – разработать с учетом современных вызовов новые и совершенствовать существующие оперативно-розыскные методики документирования отдельных видов преступлений, включая дистанционное мошенничество;

– максимально обеспечить достоверность результатов ОРД посредством использования для этого достижений науки и техники, внедрения научно обоснованных предложений и рекомендаций;

– совершенствовать механизм оценки эффективности использования возможностей конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям полиции путем разработки новых критериев, отвечающих сложившимся реалиям;

– наладить систему внедрения отечественного и зарубежного передового опыта в деятельность подразделений ЭБиПК по оперативно-розыскному противодействию IT-преступлениям экономической и коррупционной направленности. Для этого необходимо обеспечить непрерывный мониторинг информационно-телекоммуникационной сети, включая сеть «Интернет»;

– разработать систему оперативно-розыскного обеспечения возмещения причиненного киберпреступлениями имущественного вреда на основе эффективного использования преимущественно негласных сил, средств, методов и мероприятий.

Подведем некоторые итоги.

Во-первых, оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям экономической и коррупционной направленности – основная функция специализированных подразделений ЭБиПК, реализуемая ими во взаимодействии с другими правоохранительными, контрольно-надзорными органами и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность.

Во-вторых, рассматриваемый вид деятельности основывается на трех взаимосвязанных между собой компонентах: выбор теоретико-правовой модели, исходя из результатов анализа и оценки состояния рассматриваемой деятельности (знание угроз, их тенденций развития, совокупности факторов, влияющих на нее); наличие заблаговременно разработанных методик на случай осложнения ситуации (обеспечивающих оперативную готовность, наступательность и опережение предпринимаемых действий со стороны преступников); степень организационного и информационно-аналитического обеспечения (современная информационная технология; автоматизированные банки данных оперативно-розыскного назначения; оперативно-технические комплексы; искусственный интеллект; большие данные; моделирование; алгоритмизация).

В-третьих, среди проблемных вопросов организационное обеспечение противодействия занимает значимое место, так как принимаемые решения без организационно-структурного, на пример, обеспечения, могут оставаться лишь на бумаге, если в системе ОВД не иметь специализированную структуру, выполняющую функцию борьбы с указанными видами преступлений. Создание таких подразделений (специализированные IT-подразделения) было объективно продиктовано, они появились в 2019 г. в системе территориальных органов МВД России на региональном уровне.

В-четвертых, оперативно-розыскное противодействие – комплексная проблема. Отдельно взятая структурная единица правоохранительной системы не способна переломить сложившуюся криминогенную ситуацию в цифровой среде и защитить собственность и их владельцев от пре-

¹ Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

² О полиции: Федеральный закон от 3 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

ступных посягательств. Только объединенными усилиями правоохранительные органы могут противостоять киберпреступности, нанеся решительный удар по криминалитету.

В-пятых, контролировать киберпреступность и бороться с ней на уровне отдельного государства практически невозможно, так как это виртуальное пространство. Важную роль в этом плане играют международные соглашения, а также выработка механизмов более тесного международного сотрудничества.

Библиография:

1. Гаврилин Ю.В. О понятии и содержании государственной научно-технической политики в области криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности (криминалистической политики) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 2 (62).
2. Дерюгин Р.А. Киберпреступность в России: современное состояние и актуальные проблемы // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 2 (22).
3. Еремин С. Г., Решняк О.А. Цифровая грамотность как способ повышения качества расследования преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2 (101);
4. Иванов И.П., Тимофеев В.В., Кирышин И.И. Разработка компетентностной модели специалиста в области кибербезопасности // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 2 (68).
5. Иванов П.И. Актуальные вопросы развития оперативно-розыскной науки на современном этапе // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тезисы докладов Международной научно-практической конференции (26 февраля 2021 г., Минск). Минск, 2021.
6. Иванов П.И. К вопросу о перспективах развития оперативно-розыскной науки в условиях цифровой трансформации // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 2 (101).
7. Иванов П.И. Концептуальные основы формирования оперативно-розыскной политики: понятие, сущность и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2022. № 2 (63).
8. Иванов П.И. Оперативно-розыскное противодействие киберпреступлениям (проблемы и пути их решения) // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 4 (64).
9. Искалиев Р.Г., Телков А.В. Современное состояние оперативно-розыскного противодействия преступлениям экономической и коррупционной направленности с использованием информационно-коммуникационных технологий // Оперативно-розыскная деятельность в цифровом мире: сборник научных трудов / под ред. В.С. Овчинского. Москва, 2021.
10. Ишин И.А. «Противодействие преступности» или «борьба с преступностью»: анализ понятий // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 3(92).
11. Мартянов Н.Р. Уголовно-правовая борьба с киберпреступлениями на современном этапе // Государственная служба и кадры. 2020. № 1.
12. Номоконов В.А., Тропина Т.Л. Киберпреступность как новая криминальная угроза // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 1 (24).
13. Подупейко А.А. Противодействие киберпреступности в Республике Беларусь // Предупреждение современной преступности (киберпреступность): материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан (18 июня 2021 г., Караганда). Караганда, 2021. – С. 139.
14. Репецкая А.Л. Криптопреступления как следствие цифровизации преступности // Долговские чтения: сборник материалов I Всероссийской научно-практической конференции (27 января 2021 г., Москва) / под общ. ред. О. С. Капинус; науч. ред.: В. В. Меркурьев, П. В. Агапов; сост. М. В. Ульянов, Н. В. Сальников. Москва, 2021.
15. Федоренко О.А. Международное сотрудничество государств в области борьбы с трансграничной киберпреступностью // Предупреждение современной преступности (киберпреступность): материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Независимости Республики Казахстан (18 июня 2021 г., Караганда). Караганда, 2021.
16. Чубейко С.В., Довиденко П.Ю. Теневой интернет как элемент развития информационных технологий и преступности // Философия

References:

1. Gavrilin Yu.V. On the concept and content of the state scientific and technical policy in the field of criminalistic support of law enforcement activities (criminalistic policy) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (62).
2. Deryugin R.A. Cybercrime in Russia: current state and current problems // Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 2 (22).
3. Eremin S. G., Reshnyak O.A. Digital literacy as a way to improve the quality of crime investigation // Jurist-Pravoved. 2022. № 2 (101);
4. Ivanov I.P., Timofeev V.V., Kiryushin I.I. Development of a competence model of a specialist in the field of cybersecurity // Bulletin of the Kaliningrad branch of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 2 (68).
5. Ivanov P.I. Topical issues of the development of operational investigative science at the present stage // Problems of combating crime and training personnel for law enforcement agencies: abstracts of reports of the International Scientific and Practical Conference (February 26, 2021, Minsk). Minsk, 2021.
6. Ivanov P.I. On the issue of prospects for the development of operational investigative science in the context of digital transformation // Jurist-Pravoved. 2022. № 2 (101).
7. Ivanov P.I. Conceptual foundations of the formation of operational investigative policy: concept, essence and content // Bulletin of the Vladimir Law Institute. 2022. № 2 (63).
8. Ivanov P.I. Operational investigative counteraction to cybercrimes (problems and ways to solve them) // Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2022. № 4 (64).
9. Iskaliev R.G., Telkov A.V. The current state of operational investigative counteraction to crimes of economic and corruption orientation using information and communication technologies // Operational investigative activity in the digital world: a collection of scientific papers / ed. V.S. Ovchinsky. Moscow, 2021.
10. Ishin I.A. "Countering crime" or "fighting crime": an analysis of concepts // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. № 3(92).
11. Martianov N.R. Criminal and legal fight against cybercrimes at the present stage // Civil service and personnel. 2020. No. 1.
12. Nomokonov V.A., Tropina T.L. Cybercrime as a new criminal threat // Criminology: yesterday, today, tomorrow. 2012. № 1 (24).
13. Podupeiko A.A. Countering cybercrime in the Republic of Belarus // Prevention of modern crime (cybercrime): materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan (June 18, 2021, Karaganda). Karaganda, 2021. – p. 139.
14. Repetskaya A.L. Cryptoprimes as a consequence of digitalization of crime // Dolgov readings: collection of materials of the I All-Russian scientific and practical conference (January 27, 2021, Moscow) / under the general editorship of O. S. Kapinus; scientific editorship: V. V. Merkuryev, P. V. Agapov; comp. M. V. Ulyanov, N. V. Oil seals. Moscow, 2021.
15. Fedorenko O.A. International cooperation of states in the field of combating transnational cybercrime // Prevention of modern crime (cybercrime): materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the 30th anniversary of Independence of the Republic of Kazakhstan (June 18, 2021, Karaganda). Karaganda, 2021.
16. Chubeyko S.V., Dovidenko P.Yu. Shadow Internet as an element of information technology and crime development // Philosophy

ПРЕДЕЛЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВ И СПЕЦИФИКА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ АДВОКАТА-ЗАЩИТНИКА НА СТАДИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ LIMITS OF PROCEDURAL RIGHTS AND THE SPECIFICS OF THE PROCEDURAL POWERS OF THE DEFENSE ATTORNEY AT THE STAGE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

КУРМАЕВА Наталья Анатольевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры юридических технологий и правоведения
ФУБОУ ВО «Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева».
ул. Большевикская, д. 68, г. Саранск, Республика Мордовия, 430005, Россия.
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru;

МАЛЫШКИН Павел Викторович,

кандидат юридических наук, доцент,
Саранский кооперативный институт (филиал) Российского университета кооперации.
Транспортная ул., 17, г. Саранск, Республика Мордовия, 430027, Россия.
E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su;

ШАБАЕВ Виктор Викторович,

кандидат исторических наук, доцент.
г. Саранск, Республика Мордовия, 430000.
E-mail: shakofil@yandex.ru;

KURMAYEVA Natalia Anatolyevna,

Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Legal Technologies and Jurisprudence
N. P. Ogarev Mordovian State University.
Bolshevistskaya str., 68, Saransk, Republic of Mordovia, 430005, Russia.
E-mail: kurmaeva_n@mail.ru ;

MALYSHKIN Pavel Viktorovich,

Candidate of Law, Associate Professor,
Saransk Cooperative Institute (branch) Russian University of Cooperation
17 Transportnaya str., Saransk, Republic of Mordovia, 430027, Russia.
E-mail: p.v.malyshkin@ruc.su ;

SHABAEV Viktor Viktorovich,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Saransk, Republic of Mordovia, 430000.
E-mail: shakofil@yandex.ru

Краткая аннотация: В статье раскрываются пределы процессуальных прав, и специфика процессуальных полномочий адвоката-защитника на стадии предварительного расследования в российском уголовном судопроизводстве.

Abstract: The article reveals the boundaries of procedural rights, as well as the features of the procedural powers of a defense lawyer at the stage of preliminary investigations in Russian criminal proceedings.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, предварительное расследование, адвокат-защитник, процессуальные права и процессуальные полномочия адвоката-защитника.

Keywords: criminal proceedings, preliminary investigation, defense lawyer, procedural rights and procedural powers of the defense lawyer.

Для цитирования: Курмаева Н.А., Малышкин П.В., Шабает В.В. Пределы процессуальных прав и специфика процессуальных полномочий адвоката-защитника на стадии предварительного расследования // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 406-410. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_406.

For citation: Kurmayeva N.A., Malyshkin P.V., Shabaev V.V. Limits of procedural rights and the specifics of procedural powers of the defense attorney at the stage of preliminary investigation // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 406-410. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_406.

Статья поступила в редакцию: 28.06.2024

Процессуальные права адвоката-защитника на предварительном расследовании имеют установленные российским законодательством пределы, которые позволяют ему обеспечить защиту государственных, общественных интересов или интересов иных лиц.

В процессе процессуальной реализации адвокатом-защитником своих процессуальных прав по подаче ходатайства или по самостоятельному собиранию доказательств, можно отметить, что их пределы, например, права на подачу ходатайств практически не ограничиваются российским законодателем: ходатайства могут подаваться любое количество раз, в том числе повторно.

Закон не обязывает адвоката-защитника подавать конкретные ходатайства на конкретной стадии, в данном случае действует лишь общее требование к адвокату-защитнику – честно, разумно и добросовестно защищать обвиняемого, подозреваемого, соответственно, время и форма подачи ходатайства должны выбираться адвокатом-защитником так, чтобы принести максимальную пользу доверителю, поэтому, защитник может скры-

вать информацию о нарушениях, новых источниках информации, в том числе свидетелях, и подавать ходатайства об их истребовании, допросе и допросе в нужный для стороны защиты момент.

Процессуальные права адвоката-защитника, связанные с самостоятельным собиранием доказательств, напротив, во многих аспектах ограничены законодателем, так, к числу пределов права на опрос очевидца, свидетеля, потерпевшего законодатель относит: 1) возможность реализации данного процессуального права лишь с согласия опрашиваемого лица; 2) полученные в результате опроса документы, аудиозаписи не включены в число доказательств и не признаются в качестве самостоятельных доказательств.

Пределами процессуального права на получение предметов, документов являются:

1) возможность получения лишь тех из них, которые принадлежат самому адвокату и лицам, которые добровольно передают их адвокату (никакого принуждения со стороны защитника быть не может);

2) полученные адвокатом-защитником предметы и документы не являются юридически доказательствами по делу; для того, чтобы они стали таковыми, необходима передача их с ходатайством адвоката следователю, для проведения следственного действия, направленного на добровольную выемку данных предметов, документов у адвоката-защитника и принятие следователем, дознавателем, судьей на основе собственной проверки и оценки относимости, допустимости и достоверности данных доказательств решения о приобщении их к делу;

3) нарушение адвокатом-защитником закона при получении предметов, документов, может стать основанием для отказа в приобщении их к делу в качестве доказательств.

Рассмотрим пределы данного процессуального права адвоката-защитника, заметив, что порядок и пределы реализации данного процессуального права регламентированы процессуальным законодательством применительно к данной стадии достаточно подробно.

Пределы соответствующего процессуального полномочия адвоката-защитника зависят от того, на каком из этапов предварительного расследования лицо желает ознакомиться с материалами дела.

В современной научной литературе предварительное расследование делится на три этапа:

1) первый этап предварительного расследования включает процессуальную деятельность с момента принятия решения о возбуждении дела и до вынесения постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого;

2) второй этап – «начинается непосредственно после привлечения лица в качестве обвиняемого и заканчивается принятием решением следователя об окончании предварительного расследования»;

3) третий этап – включает в себя ознакомление с материалами дела участников процесса, составление итоговых актов предварительного расследования и контрольно-надзорную деятельность руководителей органов предварительного расследования и прокурора» [1, с. 246].

На первых двух этапах адвокат-защитник вправе ознакомиться лишь с отдельными (прямо указанными в законе) материалами, данные материалы следует разделить на следующие группы:

1) процессуальные решения, содержащие выводы о совершении подозреваемым (обвиняемым) уголовно-наказуемых деяний, предъявляются им для ознакомления, а также их защитнику; постановление о возбуждении дела – заявителю (ч. 2 ст. 145 УПК РФ) [2, с. 76]; процессуальные решения о допуске лиц в качестве участников уголовного процесса – соответствующим участникам и их защитникам;

2) процессуальные решения о применении мер принуждения, ограничивающих права участников процесса, с которыми подлежат ознакомлению те участники, права и законные интересы которых ограничиваются мерами процессуального принуждения, а также их защитники;

3) протоколы следственных действий – с ними знакомятся лица, участвовавшие в их производстве, а также их защитники;

4) постановление следователя о назначении экспертизы.

Выделение данных документов в отдельную группу от протоколов следственных действий обусловлено особым статусом экспертизы, как следственного действия.

Применительно к рассматриваемой теме важно отметить следующее.

Во-первых, процессуальным правом на ознакомление с документами об экспертизе принадлежит не только лицам, принимающим участие в ее проведении, но и подозреваемому, обвиняемому в совершении преступления, их защитнику, потерпевшему, это связано с тем, что данные стороны не вправе самостоятельно назначать и проводить экспертизу, в соответствии со ст. 195 УПК РФ данным полномочием наделены лишь следователи, дознаватели, а в судебных стадиях – суд.

Поскольку экспертиза является источником важной для сторон информации для обеспечения принципа состязательности и равноправия сторон вышеуказанным сторонам предоставили равный доступ со следователем к данным документам. Потерпевший данное процессуальное право получил сравнительно недавно – Ф3 от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ [3].

Во-вторых, в отличие от иных следственных действий, с протоколами которых участники знакомятся в конце следственного действия или уже после окончания вместе со всеми материалами дела, с содержанием постановления о назначении экспертизы вышеуказанные стороны должны знакомиться до фактического проведения экспертизы, это является гарантией реализации ими своих процессуальных прав по участию в назначении и проведении экспертизы, предусмотренных в ст. 198 УПК РФ.

К сожалению, анализ практики показывает, что судебно-следственными органами Мордовия, как и других субъектов РФ, данное требование закона систематически нарушается, так, например, по делу № 1-74/2017 обвиняемый и защитник не были своевременно ознакомлены с постановлением о назначении экспертизы и были лишены реальной возможности участвовать в ее назначении и проведении, ходатайство о признании заключения недопустимым доказательством, как полученное с нарушением уголовно-процессуального закона, было оставлено без удовлетворения.

Суды первой и апелляционной инстанции также приняли решение на основе заключение такой экспертизы, посчитав, что права К. и его защитника В. не были нарушены, поскольку участники со стороны защиты ознакомились с документами и имели право ходатайствовать о назначении дополнительной экспертизы [4].

На наш взгляд, судебные позиции по данному вопросу законны, поскольку основаны на легальном определении существенного нарушения, однако, очевидно и другое, бездействие судов в данной сфере приводит к тому, что нарушения становятся все более распространенными и даже систематическими, а, следовательно, нормой становится их незаконное поведение.

Анализ судебной правоприменительной практики свидетельствует о том, что одним из эффективных способов противодействия данному нарушению является своевременное обжалование бездействия должностного лица.

Данный процессуально-правовой механизм использовал, например, адвокат-защитник З., которого не ознакомили с постановлением о назначении портретно экспертизы, в судебном заседании прокурор, представляющий позицию обвинения, утверждал, что защитнику предлагалось ознакомиться с постановлением, но он отказался, однако, никаких документов в подтверждение своих утверждений прокурором и следователем не было представлено, кроме того, прокурор полагал, что никаких прав защитника не было нарушено.

Между тем, защитник указал на то, что не ознакомление его и обвиняемого Т. с постановлением лишило их возможности воспользоваться их процессуальными правами, Кузьминский районный суд г. Москвы согласился с доводами защитника З. и постановлением от 17 февраля 2016 г. удовлетворил жалобу, признав бездействие следователя К. незаконным и обязал следователя устранить допущенное нарушение, решением Московского городского суда апелляционное представление помощника прокурора Г. на данное постановление было отклонено, решение суда первой инстанции оставлено без изменения [5].

Однако, как быть, если сторона не знает о проведении экспертизы?

В данной ситуации именно суд обязан в каждом выявленном случае несвоевременного ознакомления с постановлением о назначении экспертизы выносить частное определение и требовать устранить данное нарушение из практики данного следователя, следственного отдела и т.д.

Необходимость в каждом случае реагировать на данное нарушение, станет стимулом для руководителей следственных органов, чтобы пресекать и предупреждать данное нарушение.

Таким образом, при прекращении дела у адвоката-защитника появляется такое же право на ознакомление с материалами дела, как и при окончании с составлением обвинительного заключения, между тем, в ряде научных работ окончание ошибочно ассоциируется только с данной формой, регламентированной гл. 30-31 УПК РФ [6, с. 122].

Такой же подход встречается и на практике, что приводит к ограничению прав сторон на ознакомление с материалами прекращенного дела, это заставило законодателя включить в закон, как верно выразился П. Г. Марфицин, защиту от юридически безграмотного правоприменителя [7, с. 11].

ФЗ от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК РФ был дополнен после слова «расследования» словосочетанием «в том числе в случае прекращения дела», таким образом, вышеуказанный нами смысл закона стал очевиден даже для лиц, не учитывавших содержание ч. 1 ст. 158 УПК РФ.

Поскольку законодатель признал наличие проблемы в правоприменительной практике, на наш взгляд, следовало бы аналогичные разъяснения сделать и в иных статьях, закрепляющих соответствующее право защитника и обвиняемого.

Поскольку расследуемое дело может быть прекращено в тот период, когда в деле участвует подозреваемый в совершении преступления, то аналогичное право на ознакомление с материалами прекращенного дела должно быть указано и в ч. 4 ст. 46 УПК РФ.

Как указал Конституционный Суд РФ в Определении от 7 июля 2016 г. № 1434-О [8] право на ознакомление с материалами дела не ограничивается этапом окончания расследования, когда впервые все материалы становятся доступными для ознакомления обвиняемому, а распространяются и на все последующие стадии уголовного процесса, в том числе после вынесения приговора.

Специфика процессуальных полномочий адвоката на стадии предварительного расследования детерминирована особенностями данной стадии и процессуальным порядком производства в ней.

Следовательно, адвокат-защитник вынужден учитывать при реализации своих полномочий следующее важнейшее обстоятельство: властными полномочиями по осуществлению производства по делу наделены участники, осуществляющие противоположную процессуальную функцию обвинения (следователь, дознаватель, руководители органов и подразделений предварительного расследования, прокурор), которые не только самостоятельно руководят расследованием, проводят следственные действия, но и обладают исключительными полномочиями, применять самостоятельно или с разрешения суда меры процессуального принуждения к подзащитному адвоката, приобщать или отказывать в приобщении к материалам уголовного дела предметы и документы.

Следствием этого является необходимость адвоката-защитника быть готовым к противодействию, в том числе незаконному, своей профессиональной деятельности.

Положения Конституционного Суда РФ не являются эффективной гарантией защиты адвоката от противодействия его деятельности, поэтому правильным шагом законодателя стало включение в УПК РФ специальной статьи, посвященной регулированию особенностей обыска, выемки, осмотра в помещениях, используемых адвокатом для осуществления адвокатской деятельности.

ФЗ от 17 апреля 2017 г. № 73-ФЗ в УПК РФ была включена ст. 450.1, в которой содержатся следующие требования к процедуре проведения данных следственных действий, которые:

- 1) «следственные действия могут быть проведены лишь после возбуждения дела в отношении адвоката или привлечения его в качестве обвиняемого;
- 2) осмотр помещений, используемых для адвокатской деятельности, возможен только в случаях, когда в них обнаружены признаки преступления;
- 2) следственные действия могут быть проведены только по постановлению судьи, с указанием в нем оснований для их проведения и конкретные отыскиваемые объекты;
- 3) при проведении следственных действий запрещено изымать адвокатское производство, а также производить фиксацию ее материалов;
- 4) следственные действия должны проводиться в присутствии члена совета АП соответствующего субъекта РФ, которые обеспечивает неприкосновенность сведений и предметов, составляющих адвокатскую тайну» [9].

Другой способ противодействия – это допрос адвоката в качестве свидетеля по делу его подзащитного, что в последующем позволяет отвести адвоката.

В качестве примера можно привести ситуацию с проведением допроса в отношении адвоката М. А. Мошко, в ходе которого она отказалась отвечать на поставленные вопросы, ссылаясь на адвокатский иммунитет, законодательно предусмотренный п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, тем не менее, ее отвели из дела ее доверительницы в связи с тем, что защитником не может быть лицо, ранее участвовавшее в деле в качестве свидетеля. [10].

Следует отметить, что противоправные намерения стороны обвинения в таких ситуациях подтверждаются тем, что адвокаты-защитники отказываются отвечать на вопросы и обосновывают это ссылками на адвокатский иммунитет, таким образом, фактически они не сообщают какие-либо важные сведения по существу дела.

Тем не менее, формальный вызов на допрос уже дает стороне обвинения повод рассматривать адвоката в качестве свидетеля и принимать решение о его отводе. Как пишет В.В. Осин, органы следствия и прокуратура не видят в этом никаких нарушений [11, с. 99].

Как действовать адвокату-защитнику в такой ситуации. Очевидно, что просто не являться на допрос он не может. КС Российской Федерации утверждает, что наличие свидетельского иммунитета не освобождает от обязанности явки на допрос [12], это, в том числе, связано с тем, что его право на свидетельский иммунитет имеет определенные законом пределы, на все иные обстоятельства, которые могут выясняться следователем, адвокатский иммунитет не распространяются.

Обжаловать в суд решение о вызове в качестве свидетеля, практически невозможно. Так, Московский городской суд признал законным отказ Перовского районного суда г. Москвы от 27 марта 2014 г. в принятии к рассмотрению жалобы П. на действия старшего следователя СУ по ЦАО ГСУ СК России по г. Москве Ц, суды первой и апелляционной инстанции пришли к выводу, что вызов на допрос не нарушает конституционные права заявителя и не препятствует его доступу к правосудию [13].

В судебной практике есть примеры успешного оспаривания адвокатом-защитником решений следователя о его отводе/отстранении от участия в деле в качестве защитника, так, например, адвокат Б. обжаловал по ст. 125 УПК России данные действия в Хамовнический районный суд г. Москвы, который отказал в ее удовлетворении, однако, рассматривая данное дело в апелляционной инстанции, Судебная коллегия Московского городского суда отменила решение нижестоящего суда и вынесла новое решение, признав незаконным решение ст. следователя П., связанные с допросом адвоката Б. в качестве свидетеля 29.10.2012 г. и проведением очной ставки между ним и его подзащитной А. 12.09.2013 г., а также вынесенное указанным следователем постановление от 29.10.2012 г. об отстранении адвоката Б. от дальнейшей защиты обвиняемой А. [14], такое же решение в аналогичной ситуации принял Тихоокеанский флотский военный суд в 2016 г [15].

Однако, как видим, суды первой инстанции допускают ошибки в оценке законности действий следователя в данной ситуации, поэтому необходимо совершенствовать уголовно-процессуальное законодательство для создания эффективных гарантий адвоката-защитника от подобной формы противодействия его работе.

Библиография:

1. Решетникова Т. В. Понятие и структура деятельности по расследованию преступлений // Общество и право. 2022. № 1. С. 246.
2. Кудрявцева Т. Г. Проблемы ознакомления потерпевшего с материалами уголовного дела // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2020. № 3. С. 76.
3. О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федер. закон от 28.12.2013 № 432-ФЗ // СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. 1). Ст. 6997.

4. Уголовное дело № 1-74/2017 // Архив Атырьевского районного суда РМ. 2017.
5. Апелляционное постановление Московского городского суда от 22.06.2016 по уголовному делу № 10-9230/2016. // СПС «Консультант-Плюс».
6. Мальшхин П. В. Законное противодействие раскрытию и расследованию преступлений и принцип состязательности в уголовном судопроизводстве // Мир науки и образования 2016. № 3 (7). С. 13.
7. Марфицин П. Г. Внесены изменения в уголовно-процессуальный закон: оправдаются ли надежды потерпевших от преступлений? // Российский следователь. 2014. № 10. С. 11.
8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы З. на нарушение ее конституционных прав ч. 7 ст. 259 и ст. 389.34 УПК РФ: Определение КС Российской Федерации от 07.07.2016 № 1434-О. // СПС «Консультант-Плюс».
9. О внесении изменений в УПК РФ: Федер. закон от 17.04.2017 № 73-ФЗ // СЗ РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.
10. Зотова А. Принцип истязательности. URL: <http://www.newizv.ru/society/2016-04-25/238550-princip-istjazatelnosti.html>
11. Осин В.В. Проблемы обеспечения защиты адвоката от неправомерных действий следователя // Вестник Волгоградской академии МВД РФ. 2011. № 4. С. 99.
12. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Б. на нарушение его конституционных прав положениями ст. 76 УК РФ и ряда статей УПК РФ: Определение Конституционного Суда РФ от 21.11.2013 № 1899-О. // СПС «Консультант-Плюс».
13. Апелляционное постановление Московского городского суда от 22.05.2014 по уголовному делу № 10-6528. // СПС «Консультант-Плюс».
14. Апелляционное постановление Московского городского суда от 17.02.2014 по уголовному делу № 10-1626/2014. // СПС «Консультант-Плюс».
15. Практика Тихоокеанского флотского военного суда за первое полугодие 2016 года: Информация Приморского краевого суда, Управления Судебного департамента в Приморском крае от 29.07.2016. // СПС «Консультант-Плюс».

References:

1. Reshetnikova T. V. The concept and structure of crime investigation activities // Society and law. 2022. No. 1. p. 246.
2. Kudryavtseva T. G. Problems of familiarization of the victim with the materials of the criminal case // Investigation of crimes: problems and ways to solve them. 2020. No. 3. p. 76.
3. On Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation in order to improve the rights of victims in criminal proceedings: Feder. Law No. 432-FZ of 12/28/2013 // NW of the Russian Federation. 2013. No. 52 (part I). Article 6997.
4. Criminal case No. 1-74/2017 // Archive of the Atyrau District Court of the Republic of Moldova 2017.
5. The appeal decision of the Moscow City Court dated 06/22/2016 in criminal case No. 10-9230/2016. // SPS "Consultant-Plus".
6. Malyshkin P. V. Legitimate opposition to the disclosure and investigation of crimes and the principle of competition in criminal proceedings // Mir nauki i obrazovaniya 2016. No. 3 (7). С. 13.
7. Marfikin P. G. Amendments have been made to the criminal procedure law: will the hopes of victims of crimes be justified? // Russian investigator. 2014. No. 10. p. 11.
8. On the refusal to accept Z.'s complaint for consideration. for violation of her constitutional rights, Part 7 of Articles 259 and 389.34 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07.07.2016 No. 1434-O. // SPS Consultant-Plus.
9. On amendments to the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Feder. Law No. 73-FZ dated 04/17/2017 // Federal Law of the Russian Federation. 2017. No. 17. St. 2455.
10. Zotova A. The principle of torture. URL: <http://www.newizv.ru/society/2016-04-25/238550-princip-istjazatelnosti.html>
11. Osin V.V. Problems of ensuring the protection of a lawyer from unlawful actions of an investigator // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. 2011. No. 4. p. 99.
12. On the refusal to accept for consideration B.'s complaint about the violation of his constitutional rights by the provisions of Article 76 of the Criminal Code of the Russian Federation and a number of articles Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 11/21/2013 No. 1899-O. // SPS "Consultant-Plus".
13. The appeal decision of the Moscow City Court dated 05/22/2014 in criminal case No. 10-6528. // SPS "Consultant-Plus".
14. The appeal decision of the Moscow City Court dated 02/17/2014 in criminal case No. 10-1626/2014. //SPS "Consultant-Plus".
15. The practice of the Pacific Naval Military Court for the first half of 2016: Information from the Primorsky Regional Court, the Office of the Judicial Department in the Primorsky Territory dated 07/29/2016. // SPS "Consultant-Plus".

ГЕНОЦИД – ФОРМА МАССОВОГО ОБЪЕКТИВНОГО ВМЕНЕНИЯ ВИКТИМНОСТИ Genocide is a form of mass objective imputation of victimhood

САФРОНОВ Александр Дмитриевич,

кандидат юридических наук, доцент, ветеран боевых действий,
ветеран кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами
Академии управления МВД России.
125171, Россия, г. Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8.
E-mail: safronov50@mail.ru;

SAFRONOV Alexander,

Candidate of Law, Associate Professor, combat veteran,
veteran of the Department of Psychology, Pedagogy and Organization of Work with Personnel
of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
125171, Moscow, Zoya and Alexander Kosmodemyanskikh str., 8.
E-mail: safronov50@mail.ru

Краткая аннотация: в статье анализируются криминогенные ситуации, связанные с превращением в жертвы антинациональной политики больших этно-конфессиональных групп, имевших место в Османской Империи и Турции, нацистской Германии, Китае, Ираке и некоторых других странах. Делается вывод, что геноцид (Холокост) есть следствие волюнтаристской виктимизации социальных групп, в результате необоснованного объективного вменения им антигосударственной деятельности.

Abstract: the article analyzes the criminogenic situations associated with the transformation of large ethno-confessional groups into victims of anti-national politics that took place in the Ottoman Empire and Turkey, Nazi Germany, China, Iraq and some other countries. It is concluded that the genocide (Holocaust) is a consequence of the voluntarist victimization of social groups, as a result of unjustified objective imputation of anti-state activities against them.

Ключевые слова: геноцид, Холокост, объективное вменение виктимности, принципы права, юстиция, Турция, нацистская Германия, Япония, евреи, армяне, цыгане.

Keywords: genocide, Holocaust, objective imputation of victimhood, principles of law, justice, Turkey, Nazi Germany, Japan, Jews, Armenians, Gypsies.

Для цитирования: Сафонов А.Д. Геноцид – форма массового объективного вменения виктимности // Право и государство: теория и практика. 2024. № 8(236). С. 411-422. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_411.

For citation: Safronov A.D. Genocide is a form of mass objective imputation of victimhood // Law and state: theory and practice. 2024. No. 8(236). pp. 411-422. http://doi.org/10.47643/1815-1337_2024_8_411.

Статья поступила в редакцию: 18.05.2024

Одним из наиболее драматичных исторических проявлений массовой, внешней насильственной виктимизации (превращения значительного числа людей в жертвы противоправных посягательств) следует считать геноцид. Согласно международной Конвенции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1948 г. «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него», это общественно опасное деяние представляет собой действия, совершённые с намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. В современном российском уголовном законодательстве геноцид криминализован в ст. 357 УК. Названный термин появился в 1944г. благодаря юристу выходцу из Польши еврейского происхождения Ррафаэлю Лёмкину, который объединил два слова, греческое «genos» (раса, племя) и латинское «cide» (убийство). Первоначально этим термином он предполагал обозначать массовые убийства евреев германским нацизмом [14].

Истребление больших групп населения осуществлялось в истории многих стран. Это происходило в условиях завоевательных войн, борьбы за власть при тиранических и диктаторских режимах и зачастую сопровождалось религиозным, расовым фанатизмом. Например, в ходе арабских и испанских завоеваний, крестовых походов или Варфоломеевская ночь во Франции и др. Особого масштаба геноцид достиг при колониальной экспансии западных стран в Азию, Африку и Латинскую Америку. В XX веке политика геноцида приобрела широкий масштаб государственной деятельности, выражающейся в заранее запланированных и тщательно подготовленных массовых преступлениях, осуществляемых отдельными правительствами военно-политическими союзами.

Решениями Нюрнбергского и Токийского военных трибуналов геноцид квалифицирован как тягчайшее преступление против человечества, требующее сурового наказания. В 1968г. ООН приняла конвенцию о неприменении срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества [19].

Наиболее известным в период начала XX века является турецкий государственный геноцид в отношении армян. Вся история совместного существования турок и армян, впрочем, как греков, ассирийцев и других христианских народов, свидетельствует об этно-конфессиональной конфронтации и отсутствии в их взаимоотношениях добрососедства и миролюбия. Враждебное отношение властей Османской империи и дискриминация армян проявлялись как в политической, так и в обыденной жизни, и в судопроизводстве. Армяне осознавали, что между ними и мусульманами нет ни социального, ни юридического равенства. Если возникал конфликт, не только с турками, но даже с курдами, которые реально имели по сравнению с турками ограниченную правосубъектность, то армяне не считали целесообразным обращаться в суды, поскольку все решения, независимо от фактических обстоятельств дела, принимались в пользу мусульман.

У турецкой молодёжи было обыкновением группой нападать на армян в целях грабежа и избиений. Полиция на эти факты не реагировала [1]. Происходила вторичная, теперь уже в силу действия институциональных факторов, виктимизация лиц, ранее ставших жертвами преступлений и повторно испытавших чувства обиды и несправедливости, получив неправомерный отказ в защите и восстановлении их прав. Судебная и административная охрана и защита прав и законных интересов армян, как и других христиан, монархической, как позже и республиканской турецкой властью рассматривалась как нецелесообразная и избыточная правоохранительная деятельность.

Не следует считать, что получивший большую общественную огласку факт истребления властями Турции в 1915-1917гг. около 1,5 млн армян, и депортации 600 тыс. в пустыни Месопотамии и сирийской Дер-эль-Зор, где большинство из них в последующем погибло, был первым случаем этого этнического геноцида. Младотурки в результате осуществления мизантропической преступно-агрессивной государственной национальной политики уничтожили почти треть армян всего мира.

Помимо армян геноциду подверглись исторические противники турок - греки, которых было уничтожено около 500 тыс., и такое же число других христиан-ассирийцев. Подверглись частичной принудительной виктимизации и уничтожению также и некоторые представители мусульманского населения – курды, провозгласившие исторической целью создание национального государства, предположительно включающего часть территорий Турции, Ирака, Ирана и Сирии.

Поводом для самой многочисленной резни армян послужили огульные, не доказанные фактами, обвинения их в государственной измене в форме содействия русской армии генерала от инфантерии Н. Н. Юденича ведущей, в период Первой мировой войны наступательные действия на территории Западной Армении и других вилайетов Турции. Предыдущие факты массовой резни армян организовывались султанским турецким правительством в 1894-1896 гг. когда под влиянием идей национального освобождения недавно возникшие армянские националистические политические партии провозгласили программы избавления от этно-конфессионального угнетения, что послужило идеологическим фактором волюнтаристской генерализирующей (максимально расширительной) виктимизации (признания желательным объектом насильственных посягательств) всего армянского населения.

Епископ армянской автокефальной церкви Г. Суреньянц от имени католикоса всех армян писал в 1894г. министру иностранных дел Российской Империи, что «преданность армян России, проявлявшаяся во всех её войнах с Турцией, есть одна из главных причин ненависти и преследования их Турцией» [16].

Вероятно, были и другие мотивы враждебности подданных и граждан Турции к армянам и другим христианским народам, проживающим на территории Османской империи. В частности, армяне воспринимались чужими, как представители иной культуры и вероисповедания, державшиеся достаточно изолированно от турок, строго соблюдая разделение по правилу «свой-чужой». Чужак исключался из круга общения в силу взаимного когнитивно-эмоционального диссонанса, а зачастую и осознания острого конфликта национальных и личностных ценностей (Философия политики и права с141). Более высокий образовательный уровень, успешность в бизнесе, включая торговлю и производство, банковском деле, науке и искусстве позволяли армянам иметь более высокий неформальный статус и комфортный уровень жизни по сравнению с турками, испытывая при этом элитарное чувство превосходства над ними и не всегда скрываемого пренебрежения [1; 5].

Данные обстоятельства порождали у многих представителей титульного этноса масштабную социальную зависть и неприязнь, а иногда возможно, и неосознаваемый, подавляемый психологический комплекс национальной неполноценности, который периодически в результате сверхкомпенсации выливался в ничем не ограниченное насилие и уничтожение объекта ненависти. Под действием механизма психологической защиты подчас происходило формирование второго комплекса: превосходства, который реализовывался в процессе использования фактической суррогатной власти над жизнью других людей [3].

Справедливости ради необходимо отметить, что многочисленные террористические акты экстремистски настроенных, по преимуществу молодых, армян в отношении сотрудников зарубежных дипломатических представительств Турции и других чиновников в конце XIX – начале XX столетия стали триггером массовой принудительной институциональной и стихийной османской виктимизации всего армянского населения Турецкой Армении. В сознании турецких властей и населения происходила генерализация агрессивной криминальной виктимности отдельных лиц, которая трансформировалась в виктимизацию армян в целом. Формировалась спровоцированная мотивация ответной институциональной и стихийной, теперь уже массовой, кровавой расправы над христианским населением, поскольку оно всё было внутренне солидарно с армянским национально освободительным движением. Заметим, что террористические акции в отношении турецких дипломатических работников повторялись этническими армянами в различных странах уже в Новейшее время, в 1980-1990гг.

В 1909г. последовало очередное, организованное уже не султанским правительством, а буржуазно-националистической партией младотурок, массовое уничтожение армян. В городе Адана и его окрестностях виктимологическое измерение [15] геноцида достигло 30 тыс. жизней. Движение сопротивления массовому турецкому насилию возглавил национальный герой, легендарный военачальник Андраник Сасунский, который, в последствии, перейдя на службу в русскую армию был назначен командиром армейского корпуса [2].

Толчком для внешней самой масштабной принудительной летальной виктимизации армян послужил изданный в апреле 1915г. министром внутренних дел Турции Талаат-пашой по согласованию с военным министром приказ, в котором все турецкие армяне, исходя из презумпции виновно-

сти, бездоказательно объявлялись русскими агентами и врагами турецкого государства [22]. Многие военнослужащие турецкой армии армянского происхождения, подозреваемые в неблагодёжности, волонтеристки летально виктимизировались властями, в результате чего вывозились за пределы пунктов дислокации, где тайно расстреливались. Группы турецких военнослужащих входили в дома, населённые армянами, задерживали мужчин в возрасте от 15 до 70 лет (призывного возраста, якобы подлежащих мобилизации), и проконвоировали за пределы населённого пункта, расстреливали [1].

На данных примерах видно, что в отношении армянского населения власти Турции широко использовали прием объективного вменения виктимности, необоснованно избирая в качестве жертв своей преступной антинациональной политики множество мирных и законопослушных людей из народа, для представителей которого, за небольшим исключением, не характерна какая-либо антигосударственная или иная антиобщественно опасная деятельность. Для армян была свойственна дисциплинированность в уплате налогов и исполнении общественных повинностей, существовавших в стране, где они проживали либо нашли приют [37]. В научной литературе таких жертв преступлений принято называть нейтральными [7], либо добросовестными. Оказались массово и грубо нарушены принципы права Нового времени: презумпции невиновности, индивидуальной ответственности лица только за реально совершенное им преступление и применения её исключительно по решению суда.

Субъективной индивидуально-поведенческой виктимизации ряда армянских жителей способствовали их личная беспечность и благодушие. Они наивно полагали, что давние близкие соседи турки, с которыми сложились длительные доброжелательные отношения, предупредят их о готовящихся нападениях и даже спрячут у себя. Влияла социальная потребность в теплых и доверительных отношениях с окружающими, во взаимной помощи и поддержке [20]. В действительности, турки редко содействовали спасению армян, поскольку подавляющее большинство из них оказались заражены ксенофобией и, опасаясь за свою и семейную физическую безопасность, конформистски следовали массовым антихристианским настроениям и поведением демонстрировали свой суррогатный квазипатриотизм.

Отметим, что при всей фатальности массовой этно-конфессиональной виктимности сохранить свои жизни в ситуации глобального этноцида удавалось армянам, которые были высоко профессионально востребованными и имели нужные для местных жителей специальности, например: кузнецам, врачам или фармацевтам. Привлекательным девушкам армянкам в период геноцида 1915-1917гг. удавалось нейтрализовать свою этно-конфессиональную виктимность и сохранить жизнь в результате принимаемого в условиях витальной угрозы вынужденного и очень унижительного компромисса в форме брака с турками. При этом такая драматическая и исключительно физическая девиктимизация предполагала, что невесты-христианки обязаны были под воздействием шовинистического давления сменить имя, вероисповедание и поведенческие привычки, отречься от своих родственников, истории народа и рода, национальной культуры.

Примечательно, что ранее в условиях менее масштабных акций геноцида 1894-1896гг., а также 1909г. армянские девушки и женщины занимали более стойкую, хотя и опасную аутовиктимизирующую позицию и отказывались под угрозой неминуемой смерти от смены вероисповедания и замужества с турками [16].

Отметим, что массовые убийства армян военнослужащими турецкой армии осуществлялись тайно и под благовидным предлогом. Видимо с самого начала проведения политики государственного геноцида турецкие власти имели намерение по возможности меньше оставлять свидетельств своих преступлений, с тем чтобы в будущем было проще уклониться от международной и исторической ответственности. Например, командир подразделения, вступившего в армянский населённый пункт, зачастую объявлял намеченным жертвам легендированную версию о том, что войска прибыли с целью защиты армян от набегов курдов. Ночью жители села истреблялись. Девушек и привлекательных молодых женщин увозили для плотских утех и в последующем убивали. Зачастую, узнав о выдвигающемся войсковом подразделении, мужчины оставляли населённый пункт и уходили в горы. Если жители села отказывались указать, где скрываются мужчины, все подвергались внесудебной казни [16].

Помимо массовых убийств использовался и способ, также характеризующий объективную сторону геноцида принудительное переселение (армяне называли «аксор»). Колонны из депортируемых армянских женщин, детей, подростков и стариков сгонялись в пустыни Месопотамии и Сирии. По пути следования обреченным на смерть запрещалось пользоваться водой из колодцев. Нарушивших этот запрет турецкие солдаты убивали, беременным женщинам зачастую вспарывали животы. В обстановке полного беззакония и человеческого бесправия солдаты, а также спускавшиеся с гор конные курды, грабили и совершали разбойные нападения на следующих по этапу изгнанников. Молодых женщин и девушек захватывали и увозили.

В процессе следования к месту высылки большое количество конвоируемых из-за отсутствия пищи, воды, распространения болезней умирало. Обстановка массового бесчеловечного произвола, нравственно-правовой аномии, обесценения жизни христиан и полной безнаказанности за многочисленные преступления, способствовала укреплению антиобщественной направленности преследователей депортируемых. Всё это, в конечном счете становилось условием самодетерминации преступности. Кому-то из обреченных удавалось бежать, однако укрыться было очень трудно, поскольку туркам, предоставившим им приют, за «национальное предательство» грозило наказание вплоть до смертной казни [1].

Истории известно и явление, которое можно было бы назвать ответным геноцидом. После окончания Первой мировой войны страны Антанты вознамерились расчленив на отдельные территории поверженную Османскую империю, включая собственно турецкие земли. В качестве основной военной силы, которая должна была выполнить эту военно-политическую задачу, они определили армию государства, исторического противника турок – Греции. В 1919г. греческие воинские формирования, в том числе и под предлогом защиты единоверцев от турецкого истребления, с боями

продвинулись вглубь Малой Азии (провинции Анатолия), почти достигнув Анкары. Англия и Франция, вопреки ранее принятым на себя обязательствам, от участия в основных сражениях воздержались. [22].

Солдаты и офицеры греческой армии беспощадно расправлялись не только с камбатантами-военнослужащими противника, но и частью гражданского населения. Действуя по мотивам многовековой национальной ненависти и мести убивали также, как в своё время поступали турки в отношении христиан, тысячи человек. В регионах самой континентальной Греции и островов происходило еще более жестокое массовое уничтожение мусульман, подчас без разбора пола и возраста жертв. Многие были депортированы. Среди жертв расправ оказались не только турки, но и греки-отступники от православной веры – мусульмане. Части мусульман удалось упреждающе уклониться от жестокой объективно вменяемой этно-конфессиональной виктимизации и своевременно бежать из оккупированных греческой армией, либо принадлежащих Греции территорий [34].

В сентябре 1921г. командующим вооружёнными силами Турции был назначен Мустафа Кемаль (в последствии получивший почётное наименование-фамилию «Ататюрк» - «Отец турок»). Получив поддержку от Советской России вооружением, войска Кемалья разгромили греческую оккупационную армию и к августу 1922г. вытеснили её из Анатолии [2].

Ещё большей трагедией по масштабам волонтеристской летальной виктимизации стало историческое событие, названное термином, появившимся позже, уже в 1970-х годах в американском кинематографе - Холокост (всепожигающий огонь - греч.), а на иврите библейским словом «Шоа» или Катастрофа, в отношении европейских евреев в период с 1933г., а преимущественно в 1939 -1945гг. [9]. Дороге к расстрельным траншеям и газовым камерам лагерей уничтожения предшествовала широкая государственная шовинистическая пропаганда нацистской Германии. Она возбуждала ненависть и превращала в жертвы варварской государственной политики евреев, цыган, а также коммунистов, социал-демократов, свидетелей Иеговы, христородефиан, и иных лиц, находящихся в оппозиции к Третьему рейху, либо же не признававших легитимности нацистского режима и отказывавшихся присягать и служить ему.

Зачастую политические и религиозные противники подвергались в административном порядке превентивному заключению в концлагерях, первый из которых был создан уже весной 1933г. Туда же помещались и «профессиональные преступники», гомосексуалисты, проститутки, тунеядцы, цыгане [4]. Несколько ранее началось истребление инвалидов, тяжело вегетативно и психически больных, в т.ч. и детей с врождёнными уродствами и заболеваниями [35].

В основу идеологии нацизма были положены концепции о расовой неоднородности человечества, возникшие в европейской философии ещё в XVII в. Французский дипломат Артур де Гобино, в 1854 г. не предполагая того, что его идеи вскоре станут основой мизантропической нацистской идеологии, опубликовал работу о неравенстве человеческих рас, где заявил, что арийская раса является самой совершенной [35].

В 1899г. Х.С. Чемберлен - англичанин, переселившийся в Германию, также в своём исследовании заявил, что арийская раса, возглавляемая наследниками тевтонского народа - германцами, должна выполнить историческую миссию по спасению христианской европейской цивилизации от опасного врага – иудаизма, и порождённой им теории марксизма. Евреи по его мнению являются чуждым азиатским народом, который самыми подлыми способами приобрёл несметные богатства. В будущем, две расы – арийская и еврейская, столкнутся в титанической борьбе за превосходство [27].

Западноевропейская наука конца XIX.- начала в. находилась под влиянием идей социального дарвинизма, наиболее полно проявившегося в евгенике или расовой гигиене. Авторы этой теории утверждали, что в результате достижений медицины среди человеческой популяции появляется всё большее количество слабых и больных людей. Накапливаются «неполноценные» гены, которые угрожают здоровью народов. Государства должны создать препятствия для распространения слабых генов. Под влиянием идей евгеники сотни тысяч людей (в основном женщин) в начале XX столетия в США и Европе оказались принудительно властно публично виктимизированными и были подвергнуты насильственной стерилизации [4]. Забегая вперёд отметим, что за период нацистского правления Германией в 1933-1945г. около 300 тыс. человек также было подвергнуто насильственной стерилизации. Это были тяжело больные, а также лица, совершавшие ранее сексуальные преступления, которые хотя со временем, как правило, и утрачивали общественную опасность, однако, как считалось, их потомки могли представлять угрозу для чистоты тевтонской расы.

Отметим, что достаточно терпимое отношение к гомосексуализму в Веймарской республике, сменилось агрессивным неприятием его при нацизме. В 1935г. в ст.175 УК Германии было введено новое понятие «непристойные и развратные действия», что позволяло широко трактовать диспозицию нормы о гомосексуальных деликтах. Направленные в тюрьмы или концлагеря мужчины с нетрадиционной ориентацией подвергались пыткам с тем, чтобы установить их незаконные половые контакты. Взамен уголовной репрессии к гомосексуалистам по их выбору могла быть применена кастрация. Из направленных в места лишения свободы 10 тыс. гомосексуалистов, около 60% там погибли [27].

Государственной политике геноцида предшествовало уничтожение Гитлером всех форм политической и военной оппозиции в течение полтора лет после прихода его к власти. Этатистский курс во внутренней политике выразился в активном проникновении государственных институтов во все политические, идеологические, экономические, социальные сферы жизни общества и отдельных лиц, превращение человека в послушное средство исполнения любых публично-институциональных велений привели к отрицанию возможности международных организаций, включая Лигу Наций, принимать меры в защиту прав и свобод германских граждан [21].

В первый концентрационный лагерь в районе германского города Дахау, открытый двадцатого марта 1933 г. первыми, исходя из презумп-

ции виновности, были подвергнуты превентивному заключению «враги государства и народа» преимущественно из числа коммунистов и социалистов. Депутаты Рейхстага из фракции коммунистов, оставшиеся на свободе, были физически уничтожены. Руководство многочисленной полувоенной организации социал-демократов «Рейхсбаннера»-Железного щита проявило нерешительность и не оказав организованного силового сопротивления нацистам, вскоре допустило роспуск властями подчиненных формирований.

Коммунисты, численность которых составляла 150 тыс., и еще более многочисленные социал-демократы, стремясь снизить степень своей виктимизации, перешли на нелегальное положение, планируя оказывать посильное противодействие тоталитарному режиму. Многочисленные левые силы, традиционно на выборах любого уровня получавшие больше мандатов, чем нацисты, были превращены в разрозненную, раздробленную и не имеющую массовой поддержки оппозицию, затем смяты и раздавлены репрессивной машиной нацистского государства, проводящей самоубийственную агрессивную милитаристскую политику [13, 36].

Руководство штурмовых отрядов СА Эриха Рэма, конкурента фюрера, претендовавшего на политическую власть в стране, но презируемого нацистами как гомосексуалиста, а также несколько командиров территориальных отрядов с высоким политическим влиянием в стране, либо были уничтожены 30 июня 1934г. в «Ночь длинных ножей», либо задержаны, а в последствии казнены без суда [13].

Сфера суверенной политики Рейха волюнтаристски расширялась, что было неизбежным условием для осуществления массовых репрессий. Уже в 1934г. было сформировано германское тоталитарное государство, основными методами внутренней политики которого стали всеобщий контроль, устрашение и террор [6].

Массовые непостижимые ужасы Первой мировой войны деформировали мировоззрение народов многих стран, поставив под сомнение существование рациональной организации мира, в значительной степени дискредитировав научный подход к исследованию общественных процессов и природы. Мрачное предупреждение Ф. Ницше о том, что Бог умер, а достижения современной науки могут превратиться в инструмент разрушения человеческой цивилизации, получило практическое подтверждение [6].

Гитлер, как и ряд его сторонников, обладая сильной псевдопатриотической идентификацией с Германией, был маниакально подвержен идее мести за поражение своей страны в Первой мировой войне. В числе виновников этого поражения внутри государства он видел евреев и коммунистов, которых нацисты рассматривали как абсолютно идентичные социально-политические категории, а Москву называли штабом всемирного еврейско-большевистского заговора.

Основным внешнеполитическим виновником военных неудач Гитлер считал Францию, навязанный ею Версальский мирный договор, возлагавший единоличную ответственность за Первую мировую войну на Германию, а также последующую оккупацию Рурской области. Полагал, что исторический противник Германии – Франция стремится раздробить его страну на ряд мелких и слабых государств, которые вынуждены будут враждовать между собой.

Спустя годы после Второй мировой войны для многих, включая историков оставалось загадкой, как бесноватый недоучка пришёл к власти в высококультурной стране и сумел обмануть весь мир. Наиболее правдоподобной звучала версия, что в немецкой культуре и обществе существовали уходящие в далёкое прошлое глубокие черты, предрасполагавшие немцев к подчинению деспотической власти [24]. Вероятно пороки нацизма и его фюрера проистекали от пороков всего немецкого общества [18]. По мнению Эриха Фромма тоталитарные режимы приходят к власти в силу того, что свобода слишком трудна для большинства людей. Антидемократические режимы лишают людей индивидуальности, но в обмен дают укоренённость, т.е. чувство принадлежности к социуму и государству, расчет на их поддержку и защиту [12].

Надо отметить, что в 20-е годы XX столетия в Европе и США была распространена конспиративная теория «международного еврейского заговора», участники которого якобы стремятся дестабилизировать демократию и обладая экономическим могуществом, добиться завоевания всего мира. В США эту теорию активно пропагандировал автомобильный магнат Генри Форд. В результате, в том числе и этих воззрений, в 1921г. был принят закон об ограничении иммиграции в США, который в последующем сыграл отрицательную роль посредством создания барьера для въезда евреев, спасающих свои жизни от нацистских преследований и фактически искавших политического убежища [25]. Препятствия разной сложности для въезда иммигрирующих из Германии евреев создавали практически и все правительства европейских стран.

Надуманые антисемитские мысли содержались и в общегерманском издании, вышедшем тиражом в 500 тыс. экз. «Der Stürmer» - «Штурмовик», где немцы призывались к бдительности перед «всемирным еврейским заговором». Утверждалось, что евреи, создают капиталы за счёт нещадной эксплуатации других народов, открывают публичные дома, куда завлекают немецких девушек, насилюют их, а также совершают ритуальные убийства христианских детей [33]. Но существовала и личностно-поведенческая виктимность евреев. Она происходила от идей элитарной идеологии, согласно которой люди с врожденными достоинствами имеют право на легитимные социальные привилегии [5]. Повседневное высокомерие части представителей богоизбранного народа, демонстрация иудейского интеллектуального и делового превосходства над другими этнонациональными образованиями и обыденная беспардонность психологически способствовали формированию рисков виктимизации еврейского этноса в сознании и поведении немецкого населения [32, 27].

Примечательно, что на якобы паразитарной социально-исторической природе евреев была основана антисемитская пропаганда и в странах-союзниках нацистской Германии. Так, словацкие лидеры внушали населению страны, что алчные евреи постоянно обманывали, грабили и эксплу-

атировали другие народы. Таким способом провоцировалась агрессивная юдофобия [26].

Заметим, что вплоть до 1944г., когда стало известно о массовом истреблении нацистами евреев, католическая церковь упрямо возлагала на древних иудеев ответственность за смерть Христа, что также способствовало распространению, в первую очередь, в Европе и Америке антисемитских настроений. Между тем, каких-либо убедительных и тем более научно выверенных обоснований антисемитизма также как и арийского превосходства над другими народами ни в Германии, ни в вишистской Франции или других странах-сателлитах сделано не было. Искусственно неубедительными были и попытки идеологов германского нацизма приписать все достижения цивилизации арийцам, а все неудачи евреям и другим «унтерменшам» [10].

До начала Второй мировой войны национальная политика Рейха, характеризующаяся крайней степенью этнической интолерантности (нетерпимости) сводилась к вытеснению евреев со всех подконтрольных территорий. Евреи, которых в начале 1930-х г. в Германии было 520 тыс., в большинстве своем стремились сохранить собственное имущество, жилища, предприятия, устоявшийся быт, хозяйственные связи и удержаться в местах традиционного проживания. Более того, известны факты, когда с территории восточных воеводств Польши, занятых частями Красной Армии после 17 сентября 1939г., некоторые евреи, не желая сознавать высоких виктимных рисков, исходящих от юдофобствующего нацизма, стремились переместиться в зоны, оккупированные вермахтом. Они не желали понять, что с началом Второй мировой войны нацисты радикально изменили своё отношение к евреям, и впредь намерены обходиться с ними по «законам военного времени». Нацистский антисемитизм носил национальную (расовую), а не конфессиональную природу и полностью распространялся также на евреев христиан либо атеистов [35].

Надо иметь в виду, что в европейских странах во второй половине XIXв. произошла гражданская эмансипация евреев, в результате чего они были уравнены в правах с представителями местного населения (в России такая эмансипация произошла только летом 1917г., при Временном правительстве). Германские евреи были осведомлены, что в Российской Империи периодически происходят еврейские погромы, в частности в 1903 г. в Кишинёве было убито 49 человек, а в 1905 г. в Одессе - несколько сотен [29].

Однако, Германия в их глазах имела репутацию страны исторически высокой духовной культуры, порядка и верховенства закона, полностью воспринявшей гуманитарные ценности эпох Возрождения и Просвещения. Феномен Северного Возрождения наблюдался в XV веке в Германии и Нидерландах, заимствовавших многое из ренессансной культуры Италии. Германские гуманисты, в отличие от итальянских, мало говорили о необходимости стихийного индивидуализма, больше предавали значение христианской этике любви к ближнему, объявляли разум и образование важнейшими человеческими ценностями [12]. Считалось, что в высококультурной Германии, стране Баха и Бетховена, Гёте и Шиллера, Лессинга и Томаса Манна, Канта и Гегеля, в отличие от России, невозможно массовое агрессивное варварство на шовинистической почве [36].

Обычно благоразумное и законопослушное поведение германских евреев, как правило не давало повода для объективного вменения им этно-конфессиональной виктимности и организации погромов, чего нельзя было сказать об их российских соплеменниках. Например, 18 октября 1905г. большая группа еврейской молодёжи вышла на центральную площадь Киева, и стала рвать и жечь газеты с текстом царского Манифеста от 17 октября о предоставлении ряда гражданских прав и свобод подданным империи. О правовом и политическом положении евреев в этом конституционном документе ничего не говорилось. При попытке разрушить памятник Александру III несанкционированный митинг был пресечён полицией. Провоцирующее антиобщественное поведение группы лиц сразу же вызвало в Киеве генерализацию виктимизации в форме массовых погромов евреев, к пресечению которых ни полиция, ни жандармерия не приняли решительных мер. Более того, отдельные жандармские офицеры используя полиграфическую базу Департамента полиции МВД печатали антисемитские прокламации [29]. Виктимизации российского еврейства в сознании властей, многочисленных монархистов различного толка и малообразованного народа объективно способствовало также активное участие евреев в революционном движении, и в особенности, террористической деятельности.

Жизненная интуиция и политическое благоразумие в условиях германского государственного антисемитизма подсказывали большинству евреев мысль о необходимости эмиграции. Однако, выехать до начала Второй мировой войны удавалось лишь ценой потери всего нажитого имущества, поскольку ещё в 1933г. был принят имперский закон о запрете вывоза ценностей из Германии. Экономические кризисы и чудовищная гиперинфляция начала, а затем и конца 1920, начала 30-х годов драматически сказались на большинстве обнищавшего немецкого населения, чего нельзя было сказать о более благополучных в целом евреях, нередко являвшихся крупными собственниками либо людьми, имеющими значительные накопления.

Мелкие магазинчики и лавки немецких владельцев разорялись на глазах, а крупные универсамы, принадлежащие евреям, продолжали успешно функционировать. Крупные торговые предприятия, принадлежащие евреям нацистская пропаганда называла вампирскими, утверждая, что они высасывают кровь у небогатых предпринимателей [27]. Благополучие «инородцев-недочеловеков» на фоне бедственного положения большинства представителей титульной нации, разительное имущественное неравенство выглядело вызывающе, а порой и провокативно [17]. Порождалось недовольство и социальная напряженность, провоцировались антисемитские настроения квазиклассовой природы, содержащие в себе угрозы социальных эксцессов насильственного характера.

Члены штурмовых отрядов и другие правые начали с проведения акций массового бойкотирования, призывая немцев не приобретать продукцию у еврейских производителей и торговцев, иногда провоцируя мелкие повреждения универсамов. Нацистская пропаганда любила изображать

евреев в качестве крупных собственников, тайно подсчитывающих выручку, при этом отсылая к экономической теории марксизма (в частности, учению о прибавочной стоимости), не забывая упомянуть, что Карл Маркс был по происхождению еврей, что опять же формировало негативное отношение к ненавистной гитлеровцами теории коммунизма [27].

7 ноября 1938г. юноша-еврей Г. Гришпан, уроженец Польши, депортированный из Германии, застрелил в Париже германского дипломата, что послужило криминальным поводом для институциональной и массовой стихийной агрессивной виктимизации немецких евреев. В ночь на 10 ноября, названной в последствии «Хрустальной ночью», произошли погромы супермаркетов, других магазинов и иных объектов собственности, принадлежащих евреям, а затем и нападения на их жилища, убийства более четырехсот человек, осквернение около тысячи синагог и большинства иудейских кладбищ [25]. Виновными в массовых беспорядках, исходя из позиций презумпции виновности и объективного вменения, были объявлены евреи, десятки тысяч из них (впервые в столь большом количестве) были заключены в концлагеря. Еврейские общественные организации, в результате неправосудных решений и неправомерной массовой имущественной виктимизации (необоснованного признания виновными должниками) были вынуждены выплатить «компенсацию» госказне в размере одного млрд марок [4]. Сознание большинства немцев было настолько поражено юдофобией, что они поддерживали объективное вменение виновности т. е. необоснованное превращение евреев в жертвы античеловеческой политики власти и действий правых экстремистов [25].

Начало Второй мировой войны послужило поводом к массовому выселению евреев из Германии, а также заключению их в концлагеря. Ряду состоятельных граждан при содействии органов СС и после внесения значительной суммы в казну заблаговременно удалось выехать в направлении Палестины. В 1940г. руководство Рейха даже прорабатывало идею о высылке евреев с территории Германии и оккупированных стран на остров Мадагаскар. Однако, обстановка военных действий не позволила реализовать эту программу.

20 января 1942г. поблизости от Берлина, в Гросс-Ванзее, состоялась конференция руководителей репрессивных органов Рейха, где была принята резолюция об «окончательном решении еврейского вопроса». Волонтаристское объективное вменение летальной виновности еврейскому населению Германии и оккупированных территорий с этого момента приобрело фатальный характер. Предполагалось, что будет уничтожено 11 млн европейских евреев. В реальности такая трагическая судьба постигла 6 млн, в т.ч. на «фабриках смерти» (концлагерях специально предназначенных для уничтожения людей) 4 млн, и лишь наступательные действия РККА и союзников по антигитлеровской коалиции не позволили реализовать эти мизантропические планы [10].

Трагический исторический резонанс Холокоста наблюдался в отдельных случаях и после Второй мировой войны. Так к лету 1946г. в небольшой польский город Кельце вернулись из эмиграции, фронта и концлагерей около 200 местных евреев. Их достаточно комфортабельные дома и благоустроенные квартиры были заняты поляками, которые не были склонны в порядке реституции вернуть жильё бывшим собственникам. Правомерные имущественные притязания возвратившихся евреев породили риски их физической виктимизации. Возникший конфликт, по сути имущественного характера, который обострился убийством польского мальчика, якобы ритуально совершенного евреями накануне Пейсаха, затем быстро эскалировался в погромы. Используя, в основном тяжёлые подручные предметы, поляки поубивали десятки евреев. Среди жертв оказались бывшие солдаты армий антигитлеровской коалиции, дети и беременная женщина. Традиционный польский антисемитизм, многократно радикально проявлявшийся и в период Второй мировой войны, привёл к тому, что к концу 1947г. более половины возвратившихся евреев эмигрировали из страны [11].

Второй этнической группой, подверженной уничтожению в гитлеровской Германии стали цыгане, которые воспринимались как угроза расовой чистоте немцев. Их массовую виктимизацию провоцировала обстановка предубеждений и агрессивной подозрительности, которая сложилась вокруг цыган: население было убеждено, и частично не без оснований, что они «наводят порчу», занимаются колдовством, мошенничеством, кражами, а также похищают детей. Часто их без каких-либо доказательных фактов зачисляли в категорию вражеских агентов, и уже совсем нелепо звучало обвинение в виновности цыган, наряду с древними евреями, в смерти Иисуса [4].

Длительное время в Европе цыгане были публично институционально виктимизированы и находились, по сути, вне закона, то есть государства не осуществляли их правовую защиту и потому даже убийство цыгана обычно не квалифицировалось в качестве преступления. Некоторые дворяне ради потехи устраивали охоту на цыган, преследуя их как обычную дичь. В отдельных странах, включая Россию, было правилом убивать цыган, застигнутых при конокрадстве.

По баварскому законодательству, начиная с 1926г. цыган, не имевших постоянной работы, помещали в исправительные учреждения. В результате нацистского геноцида численность цыган в мире сократилась в диапазоне от двухсот до шестисот тысяч человек. Так же, полному истреблению подвергались и чернокожие жители Германии [4].

Отметим, что у нацистских теоретиков обеспечения чистоты расы, одержимых идеей этнической нетерпимости, возникли некоторые трудности с «научным» обоснованием необходимости уничтожения цыган. Эта этническая группа является выходцем из Северной Индии и принадлежит к арийской расе. Однако, была сформулирована гипотеза, что цыгане, которые длительно вели бродячий и асоциальный образ жизни, деградировали, смешались с низшими расами и утратили качества гордых арийцев [33].

В целях обнаружения и задержания кочующих и скрывающихся представителей родов Рома и Синти в Берлинском управлении уголовного розыска было создано специальное подразделение по «борьбе с цыганской угрозой». Сами цыгане геноцид в отношении своего народа называли

«параимос» - в переводе «порушение». Пожалуй, только в отношении цыган использовался такой способ избирательного геноцида, как стерилизация женщин и даже девочек, путём укола инфицированной иглой в матку. Выжившие женщины утрачивали фертильность [33].

Среди объектов для проведения медицинских экспериментов в концлагерях, в частности в Дахау, среди других заключённых, в первую очередь из числа советских военнопленных, врачи садисты обязательно использовали также цыган (обе категории считались физически более жизнестойкими) и детей. Детей, среди которых было много советских, бесчеловечно использовали, в том числе с летальным исходом, в целях получения крови для госпиталей [30].

Задачей завоевательных войн гитлеровская Германия видела приобретение новых территорий. Ещё в «Mein Kampf» Гитлер писал о необходимости захвата плодородных и богатых полезными ископаемыми восточных территорий, которые необходимо приобрести за счёт России. Для освобождения земель европейской части СССР нацистская мизантропическая «доктрина» предполагала массовое уничтожение его населения. Считалось, что для колониального хозяйствования достаточно 30 млн, которых следует выселить за Урал. Более плодородные и комфортные для жизнедеятельности европейские территории предполагалось заселить немецкими колонистами [31].

Экспансионистские намерения в отношении российских земель требовали «освобождения от излишнего населения» захваченных советских территорий. Славяне в нацистском расовом рейтинге, и в первую очередь поляки, чехи и русские, в отличии скажем от англичан, итальянцев и шведов, занимали очень низкий статус. С началом осуществления плана «Барбаросса» помимо евреев и цыган фатальной принудительной виктимизации в первую очередь подвергались работники советских и партийных органов, сотрудники НКВД. Среди военнопленных первоочередному безусловному истреблению, на основании приказа начальника штаба Верховного командования вермахта фельдмаршала В. Кейтеля от 30 марта 1941г. «О комиссарах», подлежали политработники, которых солдаты должны были расстреливать сразу после захвата [6, 25].

За время Великой Отечественной войны попали в германский плен почти пять млн бойцов и командиров РККА и РККФ, из них три млн были расстреляны, скончались в концлагерях от голода и болезней. Полному истреблению советских военнопленных воспрепятствовали военно-экономические причины. К окончанию 1942г. стало полностью очевидно, что скорое завершение войны невозможно. Военнопленных стали широко применять на германских оборонных заводах и в шахтах. Для поднятия трудоспособности советским военнопленным, которых к концу 1944г. использовали на производствах в количестве 750 тыс., значительно увеличили объём продуктового пайка. Многие тысячи бывших военнопленных, оказавшись в 1945г. в западных оккупационных зонах, не вернулись в СССР [33].

Летально виктимизированы были советские партизаны, которые согласно Гаагским конвенциям 1907г. не считались комбатантами и при захвате (задержании) не приобретали правового статуса военнопленных. Согласно предписанию плана «Барбаросса» немецкие оккупанты относили партизан к категории уголовных преступников-бандитов и руководствуясь указаниями Гитлера об их полном истреблении, расстреливали на месте, либо казнили, также как и подпольщиков, преимущественно публично через повешение [25].

Военные действия, включая массовые акции уничтожения советских граждан, в т.ч. и в ходе карательных операций, и их последствия привели к огромному числу жертв (безвозвратных потерь) в 26,6 млн человек. В 2022 - апреле 2024гг. 19 областных судов общей юрисдикции России и им равных, рассмотрев материалы уголовных дел, признали геноцидом военные действия и карательные акции нацистской Германии на территории Советского Союза в период 1941-1944гг в отношении советских граждан. Такое же судебное решение принял Верховный суд Республики Карелия по отношению действиям финских оккупантов в период Великой Отечественной войны.

Для уничтожения тяжело больных людей с наследственными заболеваниями, а иногда и алкоголиков, которые в официальных государственных документах назывались «бесполезными людьми», в рамках политики расовой гигиены в нацистской Германии была разработана государственная программа эвтаназии Т-4. Отбором лиц, подлежащих «терапевтическим убийствам», занималось специальное подразделение Имперской службы труда. МВД также содействовало розыску принудительно виктимизированных лиц, подлежащих эвтаназии. Решение об эвтаназии принимали специальные врачебные комиссии. Умерщвление осуществлялось тайно. Стандартные уведомления о естественной смерти направлялось родственникам, а также в социальные учреждения, если там ранее находился подвергнутый эвтаназии человек. После начала Второй мировой войны государственная пропаганда утверждала, что слабоумные, лица с тяжёлыми наследственными заболеваниями и другие неизлечимо больные представляют тяжкую обузу для общества, бюджет которого в условиях масштабной вооружённой борьбы чрезвычайно ограничен [6].

К августу 1941 г. было подвергнуто эвтаназии около 70 тыс. инвалидов. Данный факт не удалось скрыть и религиозные организации провели широкую кампанию протестов. Исполнение программы эвтаназии Т-4 было приостановлено. Тактика уничтожения «лишних людей» была изменена. Отбираемых для эвтаназии людей стали кормить по минимальным нормам и перестали осуществлять их медикаментозное лечение, в силу чего ещё 120 тыс. больных подверглись смерти. В документах Нюрнбергского трибунала нацистская эвтаназия была классифицирована как преступление против человечности [33, 25].

Необходимо отметить, что в геббельсовской пропаганде помимо постоянных экстремистских призывов звучали и положительные социальные ценности: добросовестный труд, здоровая семья, дети, мужественность, но эти категории были уродливо и античеловечно трансформированы, мотивируя ксенофобию и захватнические войны.

Тоталитарная система власти с полным уничтожением оппозиции, осуществление расовой мизантропической политики в стране потребо-

вали радикальной реформы системы права и уголовной юстиции. Гитлер презирал буржуазную судебную систему, сформированную в демократической Веймарской республике. Однако, первоначально, будучи руководителем оппозиционной партии, и в первые годы после прихода к власти, он лицемерно стремился показать себя приверженцем законности.

Схожую ханжескую позицию Гитлер также демонстрировал и по отношению к христианству, утверждал, что он является сторонником религиозных ценностей и конечно же отвергает марксистский атеизм. Однако вскоре он стал заявлять, что вряд ли можно руководствоваться христианской религией, поскольку она, и в первую очередь, Ветхий Завет, создана евреями. Религия, защищающая слабых и больных, противоречит тевтонскому духу, традициям немецкого народа [33].

В последующем, один из идеологов нацизма, Розенберг, предложил ввести «новый языческий миф крови». Утверждал, что «Божественное существование человека должно защищаться кровью. Необходимо ясное понимание того, что нордическая кровь является той тайной, которая выше всех устаревших святынь» [31].

К началу 20-х годов XX столетия в Германии стала формироваться правовая идеологическая система, основанная на идее превосходства «истинно германского права». Право стало толковаться в категориях силы и социального дарвинизма, психологической концепции шовинистического превосходства над другими народами. Формируемому тоталитарному государству требовалась иная система уголовной юстиции, отличная от демократичной правовой системы Веймарской республики, система лояльная к диктаторскому режиму и беспощадная к оппонентам. Гитлеровская юриспруденция исходила из расовой концепции права, как «воли вождя», превосходства немецкого правопорядка над иными правовыми системами, оправдывая нацистский произвол и захватнические войны [2].

В ходе «ариизации» судебной системы из органов юстиции были уволены все евреи, а также коммунисты, социал-демократы и другие представители оппозиционных политических формирований. Затем, от этих «чуждых элементов» были «очищены» органы прокуратуры, адвокатуры, другие сферы юридической практики и науки. Суд присяжных, введённый УПК 1877г., был упразднён ещё в 1924г. Он являлся недостаточно предсказуемым и не мог соответствовать сложившейся позже диктаторско-тоталитарной системе управления. Из УПК был также исключён институт предварительного следствия, в широких пределах введено заочное рассмотрение уголовных дел, отменён запрет поворота к худшему [8].

Примечательно, что реформированию мало подверглась сфера гражданского судопроизводства, по-видимому, в силу того, что были сохранены капиталистические производство и хозяйственные отношения. Рейнские промышленники продемонстрировали максимальную лояльность нацистскому режиму, развернув военное производство и предоставив большие денежные средства, получив взамен заверение власти о неприкосновенности частной собственности [24].

Уголовные же право и судопроизводство подверглись радикальному реформированию. Резко усилено значение обвинения, а статус судей, и тем более адвокатов, был значительно понижен. Принимая решения по делам политического характера, судьи были обязаны в первую очередь руководствоваться «интересами нации и принципами народничества». Буква закона, правосознание и внутреннее убеждение судей имели второстепенное значение. К тому же, местные суды находились под жёстким влиянием нацистских партийных комитетов и органов СС.

Репрессивная система нацистского государства имела своим стержнем не суды, а разветвлённый карательный аппарат, и прежде всего тайную полицию – гестапо, а также органы и войска СС (охранные подразделения, составлявшие преторианскую гвардию Гитлера). Последняя из собиравшихся ассамблей Рейхстага, 26 апреля 1942г. постановила, что «позиция фюрера стоит выше любой юстиции, основанной на формальном законе», «ибо фюрер представляет концентрированный образ нации» [13]. Феномен Гитлера оказал решающее влияние на формирование и развитие Рейха и его правовой системы [18].

Нацистское право отвергало принципы, общепризнанные в государствах Новейшего времени. Так центральный и универсальный принцип законности, который со времён Древнего Рима считается основой государства, был подменён целесообразностью, вытекающей из воли фюрера, которая выше господства права. Принцип гуманизма, предполагающий, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, не может быть применим в условиях тоталитарного государства, которое вопреки категорическому императиву И. Канта рассматривает человека всего лишь как орудие в осуществлении собственной политики. Принцип юридического равенства не может быть применён в условиях, когда официально провозглашается существование высшей расы, где арийцы безусловно обладают гораздо большей правосубъектностью, чем представители других национальностей, тем более унтерменши. Принцип демократизма невозможен к осуществлению в условиях тоталитаризма.

Принцип справедливости требует беспристрастности, истинности, моральной правильности в осуществлении государственного управления, что невозможно в условиях, когда вся государственная политика основана на завоевательных войнах и подчинении их задачам всех государственных институтов и граждан. В полицейском государстве невозможна неприкосновенность личности, и гласность государственной и общественной деятельности. Право нацистского государства было антизаконно по сути и это позволяло летально виктимизировать для достижения хищнических целей целые народы [18].

За довоенный период с 1933-1939гг. по обвинению в госизмене были осуждены почти 12 тыс. немцев. За период войны резко возросла криминализация деяний, санкции которых предусматривали смертную казнь. Таких составов стало сорок шесть, по сравнению с тремя, которые существовали до начала Второй мировой войны. В 1939-1945гг. суды общей юрисдикции Германии (без учёта военных) постановили около 15 тыс. смерт-

ных приговоров, что свидетельствует о высокой степени публично институциональной виктимизации населения страны.

Для рассмотрения дел о государственной измене, шпионаже, других преступлений политического характера 24 апреля 1934г. был сформирован высший чрезвычайный судебный орган «Народная судебная палата». Категория политических преступлений постепенно расширялась, к ним стали относить дезертирство, любую форму недовольства действиями власти, а также мародёрство в отношении имущества, находившегося в домах немцев, разбомбленных авиацией антигитлеровской коалиции. Доля преступлений, относимых к категории государственных к концу 1944г. достигла 43% от числа всех зарегистрированных. Примечательно, что кроме смертной казни, направления в лагерь или тюремного заключения эти суды подчас приговаривали и к принудительному лечению в психиатрических клиниках. Таким образом активно практиковалась и «карательная психиатрия». Очевидно, что суды общей юрисдикции играли незначительную роль в репрессивной юридической практике Третьего рейха [33].

В 1935 г. в Нюрнберге были приняты законы о гражданстве и чистоте немецкой расы. Они имели целью сегрегировать евреев, а в последствие и цыган от лиц «чистой крови». Полными гражданскими и имущественными правами обладали лишь лица «немецкой или родственной» им крови и они были отнесены к категории граждан. Другие относились к категории подданных и обладали ограниченной правосубъектностью, в особенности в государственно-политической сфере. Авторы законопроектов полагали, что «учению о всеобщем равенстве национал-социализм противопоставляет трудное, но необходимое сознание основополагающих различий между народами...» [4].

«Закон о преднамеренных действиях» от 21 марта 1933г. объявлял преступными или подрывными действиями любые негативные высказывания о немецком государстве и его политике, официально мотивировал широкую волну доносов, которые совершались не только из «патриотических», но, зачастую, и личных неприязненных побуждений [13]. Фигуранты доносов чаще всего помещались в превентивное заключение, назначавшееся, в частности, и особыми судами, осуществлявших в нарушение требований УПК Германии 1877г. скорое разрешение дел, в частности, о политических преступлениях без права обжалования приговора участниками судопроизводства [8].

Уголовную политику Третьего рейха нельзя назвать правовой в силу того, что она характеризовалась широким использованием внесудебных репрессий. В июне 1941г. была издана инструкция «Распоряжение о применении военной подсудности в районе Барбаросса и об особых мероприятиях войск». Инструкция регламентировала обращение оккупационных войск с советским гражданским населением, предусматривая его широкую летальную виктимизацию. В частности, предписывалось в случаях, когда невозможно лиц, задержанных по подозрению в «неприязненных действиях» в отношении германских войск своевременно придать суду, доставлять к офицеру, который принимает решение по собственному усмотрению о расстреле «заподозренных элементов». В случае, если было совершено нападение на германских военнослужащих, требовалось отвечать «массовыми насильственными методами», то есть осуществлять политику геноцида [31]. Агонией нацистской уголовной юстиции стало создание в феврале 1945г. военно-полевых судов для гражданского населения.

Многомиллионное уничтожение народов Китая и стран Юго-Восточной Азии совершили военнослужащие вооружённых сил Японии в период с 1931-1945гг. В отличие от гитлеровской Германии милитаристская Япония не создавала концлагерей, однако отношение военнослужащих к поверженным народам отличалось упоением садизмом и демонстративной жестокостью в степени не меньшей, чем у германских нацистов. Наиболее трагически примечательное событие - «нанкинская резня», произошедшая в декабре 1937г. после захвата японской армией бывшей столицы Китая, в результате которой погибло около трехсот тысяч жителей города. Офицеры состязались друг перед другом в количестве отрубленных мечом голов своим жертвам. Беременным женщинам зачастую распарывали животы, вырывали плод и насаживали его на штык винтовки.

Императорская пропаганда массово изображала военнослужащих садистов в качестве национальных героев. Так же как и в вермахте, командование императорских войск не только не пресекало, но и поощряло повседневную практику садизма. В отличие от германского кригсмарине, по японскому флоту был издан приказ, в соответствии с которым следовало уничтожать не только корабли противника, но также членов их экипажей и пассажиров, которым удалось выплыть. Выжившим на палубе публично отрубали головы.

Формой сексуальной виктимизации женщин оккупированных Японией стран, было формирование сети публичных домов для военнослужащих, что, кстати, было практикой и в оккупационных войсках вермахта. Туда силой или под влиянием голода и нужды загоняли представительниц местного населения, поскольку японское командование считало, что военнослужащим в условиях перманентного нервного напряжения требуется психофизиологическая релаксация. Утверждалось, что наличие домов терпимости способствует снижению числа сексуальных преступлений, которые являются неизбежным побочным явлением любой войны [6].

По официальным данным руководства КНР потери Китая в годы японской оккупации достигли 35 млн человек. Однако, здесь надо сделать уточнение: миллионы жителей страны погибли в ходе гражданской войны. В 1934г. разбитые остатки Красной армии Китайской Советской республики под натиском частей правящей в стране партии Гоминьдан совершили «Великий поход» из благополучных приморских провинций в отдалённые районы Северо-Запада. Прорываясь через горные вершины и снежные завалы миллионы красноармейцев погибали в непрерывных боях, умирали от болезни и голода. Молодой коммунистический лидер Мао Цзэдун, возглавив вновь созданный «Особый район Китая» при поддержке народа сумел в ходе 12-летней гражданской войны с Гоминьданом обеспечить стратегическую победу. Первого октября 1949г. была провозглашена Китайская Народная Республика.

Менее известны факты геноцида совершённые за пределами Европы и Китая. Так, в 1975-1978гг. были, по инициативе коммунистической

партии, совершены массовые преступления против человечества в Демократической Кампучии. Фатальной принудительной виктимизации в форме уничтожения отрядами красных кхмеров, включавших в себя в основном вооружённых подростков 14-17 лет, подверглись в первую очередь представители народности Чам, исповедующие ислам, а также вьетнамцы, объявленные «врагами революции», старшие монахи - буддисты, бывшие чиновники Кхмерской Республики и члены их семей. Уничтожались даже дети, если их матерью была вьетнамка.

Целью геноцида ставилось формирование атеистического и гомогенного общества без каких-либо классовых, этнических, религиозных и иных отличий. Части жителей вьетнамской национальности повезло несколько больше, они избежали казни со стороны «красных кхмеров» и были депортированы во Вьетнам по настоятельному требованию правительства этой страны. Многочисленные уголовные дела о преступлениях «красных кхмеров» рассматривались Чрезвычайными палатами, созданными в судах Королевства Камбоджа, которые были учреждены парламентом государства 02.01.2001г. [14].

В 1987-1988гг. политический режим С. Хуссейна в целях подавления освободительного движения курдов в Ираке в городе Санджаре, близ Масула, применил химические отравляющие вещества. Кроме того, в результате карательных акций было вырезано ещё как минимум 50 тыс. лиц курдской национальности. Наряду с применением мер летальной виктимизации, «неверных» также стремились насильственно ассимилировать, что, как правило не удавалось, тогда мужчин казнили. Женщин и детей увозили в неизвестном направлении [14].

Международный трибунал по Руанде был сформирован специально для рассмотрения уголовных дел по фактам массового уничтожения представителей народности тутси и отдельных «нелояльных» лиц из народности бхутту, властями африканской Руанды. Примечательно, что международный трибунал впервые в юридической практике признал одной из форм геноцида массовые изнасилования женщин народности тутси военнослужащими руандийской армии, являвшихся представителями бхутту [14].

Как геноцид следует расценивать уничтожение около 200 тыс. иракских курдов, который осуществлён бывшим правительством Саддама Хуссейна в 1987-1988гг. В целях уничтожения курдского населения иракское правительство применило удары химическим оружием. 700 тыс. курдов было помещено в концентрационные лагеря. Поводом массовой виктимизации этого населения севера Ирака послужили обвинения в том, что они являются «неверными», как в конфессиональном, так и в политическом значении. Целью «курдоцида» являлась ассимиляция курдского населения. Помимо физического уничтожения применялся и другой способ, характеризующий объективную сторону преступного геноцида – принудительное перемещение из мест постоянного проживания в другие местности [14].

В том же Ираке в 2014г. в Санжаре, близ города Масула, джихадисты Исламского Государства по мотивам религиозной неприязни уничтожили более 3 тыс. езидов, людей исповедовавших синкретичную веру, включающую в себя элементы зороастризма, ислама, иудаизма и христианства. Условием сохранения жизни была унижительная физическая девиктимизация, требовавшая смены религии на ислам. Отказавшихся от такого унижительного компромисса мужчин езидов убивали. Девушки и молодые женщины могли сохранить жизнь, если меняли вероисповедание и выходили замуж за боевиков. Не соглашавшихся на такую унижительную физическую девиктимизацию женщин и девушек насиловали, помещали в тюрьмы [14].

До сих пор нет полной ясности по вопросам так называемых «этнических чисток» на территориях Боснии и Герцеговины, Косово и Метохии, повлёкших многочисленные жертвы среди сербов, хорватов, албанцев и мусульман, проживавших в бывшей Югославии в конце XX столетия.

Южно-Африканская Республика обратилась в ООН с предложением признать геноцидом уничтожение ЦАХАЛ – Армией обороны Израиля многих тысяч мирных жителей сектора Газа в процессе проведения операции «Железные мечи» против боевиков ХАМАС, начиная с октября 2023 г. и предать руководство Израиля Международному суду.

Резюмируя отметим, что массовая летальная виктимизация в форме геноцида по преимуществу детерминирована агрессивными действиями публичных институтов и ксенофобией титульной нации страны, подкрепленной стремлением к получению новых территорий, имущества и несравненно меньше – неосмотрительным или провоцирующим поведением жертв.

Библиография:

1. Аджемян Анерт М. Стук в дверь. Ереван: Музей-институт геноцида армян. 2012. С. 21, 61, 64, 66.
  2. Большая российская энциклопедия. – М.: «Большая российская энциклопедия». 2004. Т.2. С.241, Т. 6. С.387, Т.7. С. 671, 672.
  3. Большой психологический словарь / Сост. и общ. ред. Б. Мещерякова, В. Зинченко, – СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. С.230.
  4. Брухфельд С., Левин П. Передайте об этом детям вашим... История Холокоста в Европе 1933-1945. -М.: «Текст», 2000. Сс. 6, 11, 16, 24.
  5. Викторов А.Ш. Введение в социологию неравенства. – М.: Канон. 2015. С.41,47.
  6. Всемирная история. /Гл.ред. О.Чубарьян – М.: Наука. 2019. Т. 6, кн.1. С. 406, 446, кн. 2. С. 23, 31, 32, 40, 41,
  7. Гриб В.Г., Шикла И. Р., Мажников А.В. Основы обеспечения виктимологической безопасности жертв преступного насилия – М.: «Синергия», 2013.
- C.68.
8. Гуценко К.Ф., Головки Л.В., Филимонов Б.А. Уголовный процесс западных государств. – М.: «Зерцало-М», 2001. Сс. 393, 394.
  9. Еврейская энциклопедия. /Под ред. Кацнельсона Л., Гинзбурга И. – М.: ТЕРРА. 1991. Т.XVI. С.62.
  10. Звягинцев А.Г. Суд народов. - М.: Рипол-классик. 2020. С. 442.
  11. Зотов Г. Убьём, как делал Гитлер! //Аргументы и Факты 2020 N10
  12. История и культурология. /Под ред. Н.В. Шишовой. – М.: Логос, 2000. С.252, 284.
  13. Кершоу Я. Гитлер. – Р/Дон.: «Феникс». 1997. С. 99-104, 113, 123.
  14. Кочои С.М. Хасан Х. А. Преступление геноцида. – М.: Моно-М, Проспект. С. 10, 30, 31, 33, 34, 74, 75,100.
  15. Криминология: учебник / Отв. ред. И.М. Мацкевича. – М.: Проспект. 2023. С.123.
  16. Максис Н. Геноцид христиан в Османской Турции. Ереван, авторское издание. 2016. С.10, 14, 16.
  17. Мальцев Г.В. Социальные основания права. – М.: Норма, 2007. С. 295.
  18. Общая теория государства и права. Академический курс. /Отв. ред. М.Н. Марченко. – М.: Норма, 2007. Т.1. С. 364, Т.3. С. 104-107.

19. Политическая энциклопедия в двух томах. Т.1 /Под ред. Г.Ю. Семигина – М.: «Мысль», 1999. С.249.
20. Почебут Л.Г., Чикер В.А. Организационная социальная психология. – М.: Проспект, 2020. С.330.
21. Права человека: энциклопедический словарь / Отв.ред. С.С. Алексеев – М.: Норма. 2013. С. 241, 329.
22. Православная энциклопедия. Т.3 /Под ред. Алексия Второго – М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия». 2001. С. 296.
23. Революция и гражданская война в России: 1917-1923 гг. Энциклопедия. – М.: ТЕРРА. 2008. Т.2. С.462.
24. Ржешевский О.А. Война и история. – М.: «Мысль», 1976. С.83, 84.
25. Рис Л. Нацисты: Предостережение истории. – М.: КоЛибри, 2021. С. 84, 86, 184, 185, 261.
26. Рис Л. Освенцим: Нацисты и «окончательное решение еврейского вопроса» – М.:КоЛибри, 2022. С.153.
27. Рис Л. Холокост: Новая история. – М.: КоЛибри, 2021. С. 18, 63,77,80,148, 238.
28. Российская историческая энциклопедия: Германия / Гл. ред. А.О.Чубарьян. – М.: «Абрис», 2017. С.28, 29.
29. Россия в 1905-1907 гг.: Энциклопедия /Отв.ред. В.В.Журавлёв. – М.: Политическая энциклопедия. 2017. С. 272, 275, 548.
30. Савенков А.Н., Жуков В.И. Социология правовых девиаций и социальных аддикций. М.: ИГП РАН, 2019. С. 94.
31. Сидоренко А.Г., Тихомиров Ю.В. Терроризм и антитеррористическая безопасность. – М.: Кучково поле. 2011. С. 78,79,82.
32. Современная личность: Психологические исследования / Отв.ред. М. И. Воловикова, Н. Е.Харламенкова. – М.: «Институт психологии РАН», 2012.
- C.103.
33. Фашизм и антифашизм. Т.1 / Под ред. С.А.Кондратова – М.: ТЕРРА, 2008. Т.2. С. 152, 195, 216, 441, 443, 470, 501, 502.
34. Широкопад А.Б. На Севере две беды // Независимое военное обозрение. 2023. N43.
35. Штереншиц М. Евреи: история нации. – Ростов н/Д: Феникс, 2011. С. 429, 438, 439.
36. Черная Л. Коричневые диктаторы. – Ростов н/Д.: «Феникс», 1999. С.57,61.
37. Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. – СПб: Типография И.А.Ефрона, 1890. Т. (3) II. С.130.
- References:**
1. Ajemyan Anert M. Knock on the door. Yerevan: Armenian Genocide Museum-Institute. 2012. p. 21, 61, 64, 66.
2. The Great Russian Encyclopedia. – М.: "The Great Russian Encyclopedia". 2004. Vol. 2. p.241, vol. 6. p.387, Vol.7. p. 671, 672.
3. A large psychological dictionary / Comp. B. Meshcheryakova, V. Zinchenko, – St. Petersburg: Prime-EUROZNAK, 2003. p.230.
4. Bruchfeld S., Levin P. Tell your children about it... The history of the Holocaust in Europe 1933-1945. -M.: "Text", 2000. p. 6, 11, 16, 24.
5. Viktorov A.S. Introduction to the sociology of inequality. – М.: Canon. 2015. p.41,47.
6. World History. / Editor-in-chief O.Chubaryan – М.: Nauka. 2019. Vol. 6, book 1. p. 406, 446, book 2. p. 23, 31, 32, 40, 41,
7. Grib V.G., Shikula I. R., Mazhnikov A.V. Fundamentals of victimological safety of victims of criminal violence – М.: "Synergy", 2013. p. 68.
8. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. Criminal proceedings of Western states. – М.: "Zerts-lo-M", 2001. p. 393, 394.
9. Jewish Encyclopedia. /Ed. Katsnelson L., Ginzburg I. – М.: TERRA. 1991. Vol.XVI. p.62.
10. Zvyagintsev A.G. The Court of Peoples. - М.: Ripoli is a classic. 2020. p. 442.
11. Let's kill Zotov, as Hitler did! //Arguments and Facts 2020 N10
12. History and cultural studies. /Edited by N.V. Shishova. – М.: Logos. 2000. p.252, 284.
13. Kershaw Ya. Hitler. – R/Don.: "Phoenix". 1997. p. 99-104, 113, 123.
14. Kochoi S.M. Hassan H. A. The crime of genocide. – М.: Mono-M, Prospect. p. 10, 30, 31, 33, 34, 74, 75,100.
15. Criminology: textbook / Ed. by I.M. Matskevich. – М.: Prospect. 2023. p.123.
16. Maxi N. The genocide of Christians in Ottoman Turkey. Yerevan, author's edition. 2016. p.10, 14, 16.
17. Maltsev G.V. Social foundations of law. – М.: Norm, 2007. p. 295.
18. The general theory of state and law. Academic course. / Ed. M.N. Marchenko. – М.: Norma, 2007. Vol.1. p. 364, Vol. 3. p. 104-107.
19. Political encyclopedia in two volumes. Vol.1 / Edited by G.Yu. Semigin – М.: "Thought", 1999. p.249.
20. Pochebut L.G., Chiker V.A. Organizational social psychology. – М.: Prospect, 2020. p.330.
21. Human rights: an encyclopedic dictionary / Ed. S.S. Alekseev – М.: Norm. 2013. p. 241, 329.
22. Orthodox Encyclopedia. vol.3 /Ed. Alexy II – М.: Central Research Center "Orthodox Encyclopedia". 2001. p. 296.
23. The Revolution and the Civil War in Russia: 1917-1923. Encyclopedia. – М.: TERRA. 2008. Vol.2. p.462.
24. Rzheshesky O.A. War and history. – М.: "Thought", 1976. p. 83, 84.
25. Rice L. Nazis: A warning of history. – М.: KoLibri, 2021. p. 84, 86, 184, 185, 261.
26. Fig. . Auschwitz: The Nazis and the "final solution to the Jewish question" – Moscow:KoLibri, 2022. p.153.
27. Rice L. The Holocaust: A New History. – Moscow: KoLibri, 2021. p. 18, 63,77,80,148, 238.
28. Russian Historical Encyclopedia: Germany / Editor-in-chief A.O.Chubaryan. – М.: "Outline", 2017. p.28, 29.
29. Russia in 1905-1907: Encyclopedia / Ed. V.V.Zhuravlev. – М.: Political Encyclopedia. 2017. p. 272, 275, 548.
30. Savenkov A.N., Zhukov V.I. Sociology of legal deviations and social addictions. М.: IGP RAS, 2019. p. 94.
31. Sidorenko A.G., Tikhomirov Yu.V. Terrorism and anti-terrorist security. – Moscow: Kuchkovo field. 2011. p. 78,79,82.
32. Modern personality: Psychological research / Ed. by M. I. Volovikova, N. E.Kharlamenkova. – М.: "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2012. p.
- 103.
33. Fascism and antifascism. Vol. 1 / Edited by S.A.Kondratov – М.: TERRA, 2008. Vol. 2. p. 152, 195, 216, 441, 443, 470, 501, 502.
34. Shirokorad A.B. There are two troubles in the North // Independent Military Review. 2023. N43.
35. Shterenish M. Jews: the history of the nation. – Ростов n/A: Phoenix, 2011. p. 429, 438, 439.
36. Chernaya L. Brown dictators. Rostov N./D.: "Phoenix", 1999. p.57,61.
37. Encyclopedic dictionary of Brockhaus F.A. and Efron I.A. – St. Petersburg: I.A.Efron Printing House, 1890. Vol. (3) II. С.130.

ЮБИЛЕЙ ВАСИЛИЯ ОЛЕГОВИЧА МИРОНОВА
Anniversary of Vasily Olegovich Mironov

28 сентября 2024 г. встречает свой 75-летний юбилей доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации Василий Олегович Миронов – известный специалист в сферах теории и истории государства и права, а также конституционного (государственного) права.

Василий Олегович родился в г. Владимире. В 1973 г., после прохождения преддипломной практики в Институте государства и права Академии наук СССР, на «отлично» защитив дипломную работу на тему «Развитие федеративных отношений между РСФСР и Белоруссией до образования Союза ССР», окончил Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова по специальности «правоведение».

В 1973-1998 гг. он четверть века посвятил укреплению законности, трудясь адвокатом в Коми республиканской и Владимирской областной коллегиях адвокатов, следователем прокуратуры Октябрьского района г. Владимира, прокурором отдела общего надзора прокуратуры Владимирской области, Кольчугинским межрайонным прокурором, членом Верховного суда Коми АССР и судьей Кольчугинского городского суда Владимирской области. Неоднократно избирался депутатом Кольчугинского городского и районного Советов народных депутатов.

Являясь судьей в отставке и высокопрофессиональным юристом, прошедшим университетскую школу достойного теоретического и профессионального уровня, получившим богатый опыт практической работы в судебных и правоохранительных органах, В.О. Миронов в дальнейшем активно включался в процесс развития российской правовой науки и подготовки квалифицированных юридических кадров, работая в должностях: 1998-2002 гг. – доцента Владимирского государственного университета, 2002-2013 гг. – доцента и профессора Владимирского филиала РАГС (РАН-ХиГС), 2013-2014 гг. – профессора Владимирского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, 2014-2015 гг. – профессора Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, с декабря 2015г. – профессора кафедры государственного пра-

ва и управления таможенной деятельностью Юридического института им. М.М. Сперанского Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

В 2000 г. диссертационным советом под председательством члена-корреспондента РАН Г.В. Мальцева ему присуждена ученая степень кандидата юридических наук по результатам защиты диссертации на тему «Государственно-правовые отношения России и Белоруссии: историко-теоретический анализ». В 2007 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Союзное государство России и Белоруссии в системе форм государственного устройства: проблемы идентификации и перспективы развития», ведущая организация – Институт государства и права РАН. В 2002 г. присуждено ученое звание доцента, а в 2009 г. – профессора по кафедре государственно-правовых дисциплин.

В.О. Миронов является признанным специалистом в области государственно-правовых отношений России и Белоруссии, автором шести монографий и более пятидесяти статей по данной тематике. Всего опубликовано более двухсот научных, учебных и учебно-методических работ. Главное внимание им уделено критическому анализу важнейших аспектов формирования и функционирования Союзного государства, выявлению проблем, затрудняющих процесс воссоединения России и Белоруссии, выработке рекомендаций по их преодолению, включая правовую модель российско-белорусской интеграции как новой формы государственного союза.

В качестве члена экспертно-аналитического совета при комиссии Парламентского Собрания Союза Беларуси и России по вопросам развития Союзного государства В.О. Миронов участвовал в подготовке Договора о его создании. Он является членом редакционных коллегий нескольких научно-правовых журналов. Имеет ведомственные, региональные и общественные награды.

Для В.О. Миронова характерны безусловная человеческая порядочность, отличная профессиональная подготовка, достойная специалиста его уровня культура устной речи и письменного изложения результатов исследований, широкая эрудиция, нестандартный подход к постановке и решению научных задач. На протяжении многих лет он хранит верность профессии и искреннюю признательность своим замечательным университетским наставникам – Д.Л. Златопольскому и В.Д. Зорькину.

***Друзья, коллеги, ученики поздравляют Василия Олеговича с юбилеем,
желают ему доброго здоровья и новых научных достижений!***

***

***Сотрудники редакции журнала присоединяются к поздравлениям
и желают Василию Олеговичу крепкого здоровья, благополучия и творческого долголетия!***

Требования к оформлению научных статей, материалов, направленных в редакцию журналов «Право и государство: теория и практика» и «Аграрное и земельное право»

• Статья должна содержать название; фамилию, полное имя и отчество автора, его учёную степень, учёное звание, место работы, должность, место учёбы, контактную информацию, почтовый адрес. Все должно быть с переводом на английский язык. **Обязательно указываете шифр научной специальности.**

• Все материалы должны предоставляться в редакцию в электронном виде: через 1,5 компьютерных интервала, 14 шрифтом (*Times New Roman*), ссылки в квадратных скобках, например, [1], либо [1, с. 56], в формате *Microsoft Word* по электронной почте **prigos@mail.ru**.

• Объем материала не должен превышать 25000 знаков (с пробелами), страницы должны быть обязательно пронумерованы.

• При оформлении ссылок на материалы, полученные из Интернета, обязательно указывать полный адрес материала в Интернете и дату рецепции материала.

• Все аббревиатуры и сокращения, кроме общеизвестных, должны быть расшифрованы при первом употреблении в тексте. Используемые в тексте нормативные правовые акты должны обязательно содержать дату, номер принятия и полное официальное наименование, а также источник публикации. Обязательно указание источника, номера страниц приводимых цитат, фактических и цифровых данных.

• Текст статьи (цитаты, цифры, сноски) должен быть вычитан, сверен и подписан автором.

• В конце статьи приводится список литературы, использованный при её написании. Каждый источник должен содержать страницы, на которые Вы ссылаетесь, либо указываете общее количество страниц в источнике.

• Журнал принимает к публикации материалы, уровень которых соответствует предъявляемым требованиям.

• Статьи авторов, не сообщивших контактную информацию, редакция журнала не принимает к рассмотрению.

Статьи, представленные на рассмотрение, должны иметь:

1. Индекс УДК, соответствующий теме статьи (ставится сверху слева);
2. Шифр научной специальности;
3. Краткую аннотацию и ключевые слова или словосочетания на русском и английском языках;
4. В статье необходимо сформулировать рассмотренную проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом;

Справки по вопросам публикации статей и других материалов по электронной почте prigos@mail.ru

Порядок рецензирования рукописей:

1. Статья, предоставляемая в научный журнал, должна соответствовать профилю журнала.

2. Рукописи рассматриваются редакционным советом, оставляющим за собой право сокращения и исправления присланных статей. Решение о публикации принимается на основании экспертных оценок внешних рецензентов, редакционной коллегии с учетом соответствия представленных материалов тематической направленности журнала, их научной значимости и актуальности.

3. Статья, принятая к публикации, но нуждающаяся в доработке, направляется авторам с замечаниями рецензента и редактора. Авторы должны внести все необходимые исправления в окончательный вариант рукописи и вернуть в редакцию исправленный текст, а также его идентичный электронный вариант вместе с первоначальным вариантом. После доработки статья повторно рецензируется, и редакция принимает решение о возможности публикации. Статьи, отосланные авторам для исправления, должны быть возвращены в редакцию не позднее, чем через 1 (одну) неделю после получения. Возвращение статьи в более поздние сроки меняет дату ее опубликования.

4. По результатам рецензирования статья может быть либо отклонена, либо отослана автору на доработку, либо принята к публикации. О результатах автор уведомляется письменно.

5. Редсовет журнала предоставляет рецензии на рукопись по требованию автора и по запросам экспертных советов Высшей аттестационной комиссии. **Рецензии хранятся в Издательстве и в редакции 5 лет.**

6. Редсовет журнала не хранит рукописи, не принятые к печати. Рукописи, принятые к публикации, не возвращаются. Рукописи, получившие отрицательный результат от рецензента, не публикуются и не возвращаются обратно автору.

7. Редакторы не сообщают информацию, касающуюся рукописи (включая сведения о ее получении, содержании, процессе рецензирования, критических замечаниях рецензентов и окончательном решении), никому, кроме самих авторов и рецензентов.

8. Если публикация статьи повлекла нарушение чьих-либо авторских прав или общепринятых норм научной этики, то редакция журнала вправе изъять опубликованную статью.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии ООО «СВ-Дизайн»

141080, Россия, Московская обл., г. Королев, Калининградский проезд, д. 1. Тел. (495) 287-41-30

Подписано в печать. 05.09.2024. Бумага офсетная. Печать офсетная. Объем 60 п.л. Тираж 150 экз. «Свободная цена»